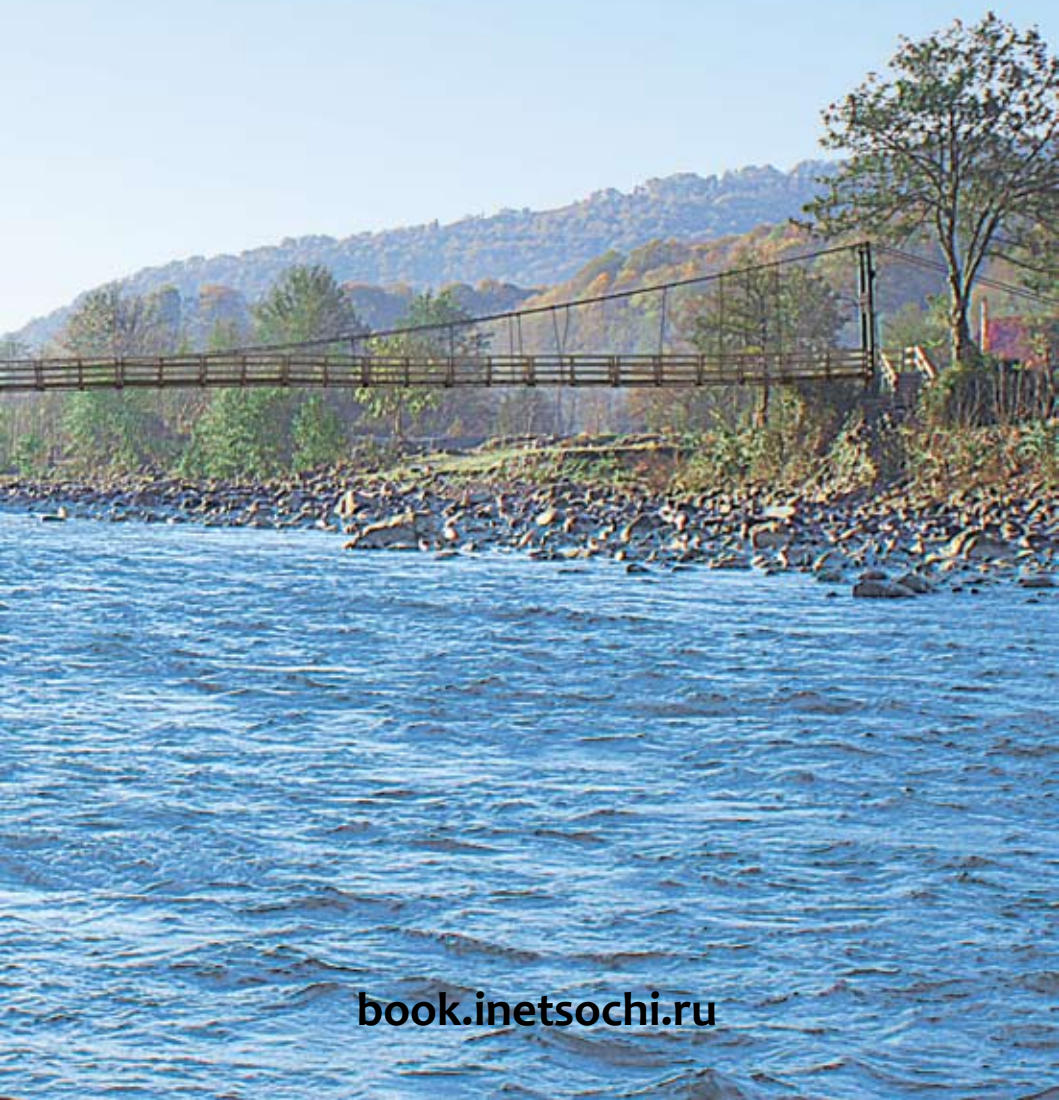

Екатерина Трубицина

АФV

книга 1

Прогулка по висячему мостику

book.inetsochi.ru

Екатерина Трубицина

(Аз Фита Ижица - руны славянской азбуки)

*Сказка с элементами реальности
(для взрослых)*

Книга I

Прогулка по висячему мостику

Для оформления обложки использован фотоснимок Элеоноры Терновской

Сказка – это не ложь с намеками. Сказка – это предельно достоверное и точное – из возможных – изложение сути явления, с более чем свободным отношением к так называемым «реальным», «документальным», «правдивым» фактам.

«Прогулка по висячему мостику» – первая книга сказки с элементами реальности (для взрослых) **АОВ**.

АОВ – Аз Фита Ижица – руны славянской азбуки. Расшифровка этих (и всех остальных) рун славянской азбуки есть в этой книге.

Главный персонаж сказки «Прогулка по висячему мостику» – дизайнер Ирина Палладина. В ранней юности ей прочили большое будущее как художнику, но из-за семейных неурядиц она бросила учебу и вернулась в родной город Сочи. Ее образ жизни и взгляды еще с детства далеко не во всем и не у всех встречали понимание, а с определенного момента некоторые события и собственные переживания начали вызывать вопросы и у нее самой.

Знаменитое изречение Сократа «Я знаю, что ничего не знаю» имеет неизмеримо глубокий смысл для людей, несмотря на все их достижения.

© Трубицина Е. А., 2010

Сочи 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I **Золотистый свет**

Глава 1	
Сон вне зоны доступа	6
Глава 2	
Повторный просмотр	19
Глава 3	
Искусство смирения	34
Глава 4	
Просто принять	45
Глава 5	
Другая сфера	51
Глава 6	
Правила выбора. Выбор правил	61
Глава 7	
Золотой принцип	72
Глава 8	
Поворот на 180 градусов	86
Глава 9	
Гиала	96
Глава 10	
Если не знаешь, что делать, делай хоть что-нибудь	109
Глава 11	
Проделки мелких обстоятельств	118
Глава 12	
Власть над собой	131
Глава 13 Тонкости искусствоведения, бюрократизма, жертвоприношения и психологии	149
Глава 14	
Мебель племени Чумба-Юмба	158
Глава 15	
Великая Тайна	171
Глава 16	
Грандиозная радость	186
Глава 17	
Реализм. Основы практического использования	195
Глава 18	
Системы безопасности	205
Глава 19	
Золотистый свет	220

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть II Сила расталкивания

Глава 20	
Неуловимый разработчик	230
Глава 21	
Внимание	245
Глава 22	
Реальное и ирреальное	257
Глава 23	
Разновидности неравенства	274
Глава 24	
Разделяй и властвуй	288
Глава 25	
Осознание цели	305
Глава 26	
Сюрприз	318
Глава 27	
Внутренние точки	330
Глава 28	
Взгляд сквозь пальцы	340
Глава 29	
Параллельные	351
Глава 30	
Донор	365
Глава 31	
Активная сторона пассивности	381
Глава 32	
Программа максимум	391

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть III

Точка выбора

Глава 33	
Суть эффективной помощи	402
Глава 34	
Табу	412
Глава 35	
Жизнь. Формулировка определения	421
Глава 36	
Возможности формального бездействия	430
Глава 37	
Основы дружеского участия	441
Глава 38	
Тонкости ощущения различий	458
Глава 39	
Третье приглашение	477
Глава 40	
Заповедная территория	487
Глава 41	
Намеки, догадки, ассоциации и предчувствия	499
Глава 42	
Воплощение предчувствий	510
Глава 43	
Уровень личности	519
Глава 44	
Критерии вменяемости	531
Глава 45	
Правила выбора убеждений	542
Глава 46	
Ритуал преображения. Практика преображения	549
Глава 47	
Иллюзия реальности	563
Глава 48	
Ключ	574
Глава 49	
Объяснение причин без объяснения причин	584
Глава 50	
Пэфуэм	598
Глава 51	
Сказка и быль	608
Глава 52	
Точка выбора	624

Часть I Золотистый свет

Глава 1 Сон вне зоны доступа

- Мама! Снег!!!

Наташа аж подпрыгнула в постели спросонья. Взглянула на часы: «Кошмар! Уже девять...». Кровь застучала в висках. И вдруг – мягкая, до боли приятная волна облегчения: «Фух... выходной...».

Дашунька, радостно визжа, носилась по комнате.

- Дашка! Чего орешь? Выспаться дай! Истязатель...

- Мама! Мамочка!! Мамулечка!!! Там снег!!!!!!

Только теперь до Наташиного сознания дошла информационная часть эмоциональных воплей дочери. Она одним прыжком оказалась у окна. А за окном...

А за окном летели огромные белые хлопья. Снег толстым пушистым слоем покрывал все вокруг. Упрямый водитель светло-бежевой «девятки» отчаянно пытался покорить склон. Похожая на демонстрацию толпа людей, утопая в снегу, обреченно стремилась в сторону города. И ни автобусов, ни маршруток, ни каких-либо других автотранспортных средств, не считая героической светло-бежевой «девятки».

Наташа метнулась к выключателю: «Так, свет пока есть... надо набрать воды...». Тем временем, как наполнялись чайник, три кастрюли, четыре кастрюльки, эмалированное ведро, пластмассовое ведро и два больших таза, Наташа отыскала пачку свечей и пакетик с сухим горючим.

Она родилась в небольшом сибирском городке, там прожила все детство, окончила школу, потом училась в Питере. А потом, посредством замужества, ее занесло в Сочи. Она любила снег в детстве. Она обожала его в годы студенчества. Ей никогда не приходило в голову, что снег может значиться в списке величайших стихийных бедствий. Теперь ее жизненный опыт гласил:

а) приготовить свечи – электричество отключат;

б) запастись водой – ее тоже не будет;

в) сухое горючее – вполне возможно, что и с газопроводом произойдет что-нибудь неладное.

Впрочем, вместе с отключением электричества автоматически пропадают горячая вода и отопление, но, при данном чрезвычайном положении, это всего лишь мелочи жизни. Наташа вообще не могла взять в толк, зачем в доме батареи: большую часть года – тепло, а когда бывает по-настоящему холодно – они тоже холодные, как и все вокруг... «Так, холодные батареи...». Наташа достала из антресоли два пуховых одеяла. Потрогала батареи: «Слава богу, горячие... пока...». Пуховые одеяла разместились в кресле. Вдруг со стороны кладовки донесся жуткий грохот. Наташа, с дико колотящимся сердцем, выскочила туда. Все содержимое художественным беспорядком валялось на полу. Посреди бедлама красовалась счастливая Дашка с большим куском толстой полиэтиленовой пленки в руках.

- Мамочка! Я нашла!!!

- Дашка! Ты что натворила?! Попросить нельзя?

- А я просила!

- А я что-то не слышала! И вообще, могла бы подождать – видишь же, что я занята!

- Чего ждать?! Мамочка! Посмотри в окно! Мамулечка! Ну неужели ты не понимаешь?! Там СНЕГ!!!!

Наташа все прекрасно понимала и прекрасно припоминала: свет свечи в темной комнате, ледяные батареи, мертвая газовая плита и до нитки промокшая Дашунька. Притом промокшая по двадцать пятому разу. И надеть на нее больше нечего. Так было в прошлом году, и в позапрошлом, и в позапозапрошлом...

- Делай, что хочешь... – обреченно сказала Наташа.

Радостная Дашка в минуту оделась, схватила драгоценный кусок пленки и умчалась на улицу.

- В лифт не садись! – крикнула Наташа ей вдогонку под звук надрывно вопящего телефона. – Алло! – буркнула она в подхваченную на бегу трубку.

- Наташа! Ты в окно смотрела?

- Привет, Люсь! Я уже и воду набрала, и свечи с таблетками приготовила, и одеяла достала.

- Во ты даешь! А я только глаза продрала... Глядь в окно, ну и сразу тебе звонить. Кстати, у тебя хлеб есть?

Наташа совсем забыла, что разыгравшаяся стихия, как пить дать, лишит еще и хлеба – его, если и испекут, вряд ли привезут на их гору.

- Ой... Подожди, сейчас гляну...

- Не суетись. Мои вчера все по буханке принесли, ну и я, конечно же, купила – то пусто, то густо, как всегда. Так что, если что – всем хватит.

- Люсик, что бы я без тебя делала!

- Да ладно те...

- Тише...

- Что случилось?

- Тише... Кажется приплыли... У Ирки упээска пищит.

- Что?! – трубка на том конце провода с грохотом упала на что-то твердое. Наташа тоже кинулась к выключателю и, безуспешно им пощелкав, вернулась к телефону, который уже кричал Люськиным голосом:

- Наташа! Наташ!

- Алло...

- Ты права. Приплыли... Да что поделаешь... давай, спускайся ко мне.

- А может, ты поднимешься, а? У тебя там толпа толпы толпее, а я одна – Вадька, сама знаешь, еще позавчера в командировку укатил, а Дашунька на улице мотается – хоть поболтаем спокойно.

- Ладно, уговорила. Сейчас поднимусь.

Минуты через три послышался стук в дверь.

- Заходи, открыто! – крикнула Наташа. – Сейчас упээска допищит, Ирку позовем.

В ответ Иркина упээска, пискнув раза три-четыре, издала долгое протяжное «пи-и-и-и» и смолкла.

- Посмотри за кофе, – попросила Наташа Люсю и отправилась приглашать на утренние добрососедские посиделки свою соседку из квартиры напротив.

- Натали, ты бог... – выдохнула, падая на табурет, Ира, своим внешним видом демонстрируя все признаки бессонной ночи и тотальной вымотанности. – Привет, Люсь!

- Привет! Ну, ты и помятая – аж смотреть страшно! – воскликнула Люся.

- Работала всю ночь...

- ...уже которую неделю подряд, – укоризненно вставила Люся. – Тебя хлебом не корми, дай над собой поизмываться.

- Хорошо, хоть все доделать успела, вот только отправить не судьба... Сволочи!

- Да ладно тебе, Иришка... это стихия... – Наташа поставила на стол хрустальную вазочку с шоколадным ассорти. Она успешно врачевала в одном из престижных сочинских санаториев – пациенты баловали.

- Какая стихия!!! Сколько себя помню, в Сочи зимы всегда были! И снег нет-нет да и выпадал! Только свет не вырубали!

- Ирустик, не кипятись! Отдыхать тоже надо. Особенно тебе.

- Вот-вот: Ура у нас каникулы! – то ли от усталости, то ли от злости Иру била крупная дрожь.

- Ирустик, не кипятись! – повторила Люся.

- Девчонки, что делать будем? – печально поинтересовалась Наташа, когда дамский «ни о чем» постепенно стал превращаться во все более длинные паузы.

- Тс-с-с-с... – Люся приложила палец к губам, а другой рукой указала на окно. За окном визжали, кричали, хохотали детские голоса. – Слышите? Устами младенцев глаголет истина! Так что: первое – одеваемся; второе – берем что-нибудь пригодное для движения вниз с горы по снегу и вперед на улицу! А что еще делать?

Люся с Наташей посмотрели на задумавшуюся Ирину.

- Идея неплохая... – медленно проговорила она, – может быть, я даже к вам присоединюсь, но попозже. Спать хочу, – Иришка решительно встала из-за стола и целеустремленно отправилась в сторону кровати.

А Люся с Наташей еще немного посидели, посудачили на тему тяжелой формы Иркиного трудоголизма, обострение которого свирепствовало, по их наблюдениям, уже недели три, и ненадолго разбежались. Собственно, «разбежалась» только Люся – к себе домой, а Наташа стала одеваться для предстоящей вылазки на снег. Настроение поднялось. И действительно: ну нет электричества, отопления и горячей воды, и холодную выключат, а может и газ тоже, что же теперь, помирать что ли?! Не-ет! Вперед! На горку! На снег! Детство вспомнить!

Ира проснулась. Тьма крошечная. За окном радостные вопли детей и взрослых. Жгучее ощущение, что снилось что-то очень-очень яркое и важное, но что именно, вспомнить не получалось, как она ни старалась. Поворочавшись минут двадцать в тщетных попытках воскресить в памяти терзавший ощущением тотальной важности сон, Ира попробовала вылезти из-под одеяла – холод собачий. Собрав все свое мужество, она все же заставила себя подняться и быстренько занырнула во все шмотки, которые оказались под рукой. Размялась. «Кажется, жить можно». Освещая себе путь тусклым светом мобильного (хорошо, что простоял на зарядке вплоть до отключения света), Ира добралась на кухню. Мучительные попытки хотя бы нащупать, хотя бы отблески приснившегося не желали отпускать.

- Ну и что теперь делать? – вслух спросила она саму себя, усилием воли стараясь подавить непреодолимое желание вспомнить, не желающий вспоминаться, сон. – Света нет, холодно, целая ночь впереди, а я, дура набитая, выспалась. Ну и что теперь делать?

Как она и ожидала, отвечать на несколько модифицированный извечный русский вопрос ей никто не собирался. Ира попыталась вломиться к Наташе. Глухо.

- У Люськи, наверное, – сказала она сама себе и отправилась в указанном самой себе направлении.

А там, на кухне при свете двух свечей весело проводили время дружественные соседи: все Люсино семейство в составе ее самой, мужа Николая и двух почти взрослых сыновей, старшего Саши и младшего Андрея, а также, забежавшие после зимних забав, Наташа и малолетняя Дашунька.

- Тише! – прервала Люся очередной анекдот, услышав стук в дверь. – Коль, откроешь?

- Айн момент! – Николай чмокнул жену и выбрался в коридор. – Кто там?

- А Вам кто нужен? – послышался из-за двери ехидный Ирин голос.

- Иришка! Солнышко! – воскликнул, открыв дверь, маленький толстенький похожий на Карлсона (только без пропеллера) Николай и заключил Иришку в объятия.

- Коля прекрати! Меня же Люся убьет!

- Да-да-да! Сейчас убью, только найду самую большую, самую чугунную сковородку! Ириш, присаживайся. Коля! Да отстань же ты от нее! Лучше дай еще тарелку и рюмку.

- Люсик, я пить не буду.

- Что, вообще?

- Нет, только водку не буду, а чай буду.

- Коля, рюмку не надо, тащи чашку. Наташ, будь другом, поставь чайник.

Веселье било через край, будто события, счастливее стихии, лишившей электричества, горячей воды и отопления, просто не бывает. Чайник радостно зашипел и... стих. Минуты две стояла гробовая тишина.

- Всё, теперь точно приплыли... – медленно-медленно, тихо-тихо проговорила Люся.

В гробовой тишине Наташа закрыла кран безвременно почившей газовой плиты и, не поленившись встать, подошла к раковине. Холодная вода дотекала тоненькой струйкой...

- По крайней мере, беспокоиться больше не о чем, – философски заключила Ира.

И тут все собравшиеся как по команде разразились неимоверным всепоглощающим хохотом. Это продолжалось бесконечно, и даже тогда, когда входная дверь, казалось, вот-вот слетит с петель от настойчивого стука. Николай, все еще продолжая подхихикивать, пошел открывать.

- Ба! Какие люди!

- Здравсте, здравсте, Николай Сергеевич, – манерно произнес вошедший. – У вас тут, я слышу, вечер смеха?

- Всё! – торжественно изрек Николай.

- Как – «всё»? В каком смысле – «всё»?

- В полном смысле – «всё», Игорь Александрович. Никакой воды, никакого электричества и никакого газа! Всё!!!

- Значит, я – вовремя, – уверенно заявил Игорь Александрович.

- Ага! – нервно взвизгнул кто-то из присутствующих и все, кроме Игоря Александровича, потонули в новом приступе смеха.

- Господа! Господа-а! – Игорю Александровичу с трудом удалось перекричать их. – Я вас спасу!

- У тебя с собой есть валерьянка? – съязвила сквозь смех Иришка.

- Исключительно для Вас, уважаемая Ирина Борисовна, – с не меньшим ядом парировал Игорь Александрович, а затем своим нормальным манерным тоном обратился к остальным. – У подъезда стоит мой джип, и я предлагаю вам всем поездку в рай с ночевкой.

- Это как? – мгновенно успокоившись, спросила Наташа. Остальные тоже стали постепенно умолкать.

- Это так. У моего хорошего друга свой дом с персональным тепло-водо-электроснабжением.

- Как-то неудобно... – старательно смущаясь, но с плохо скрываемой надеждой, промямила Люся.

- Всё удобно. Нас уже ждут. Так что по коням, господа, по коням.

- Ура!!! – вопили почти взрослые сыновья Люси и Николая вместе с Дашушкой.

- На сборы – пять минут! – с притворной строгостью скомандовал Игорь Александрович.

- Я не поеду, – только ему, тихо, но очень твердо сказала, проскальзывая, Ира. Он проскользнул следом за ней, и, уже прикрыв дверь ее квартиры, прижал к стене.

- Ира. Я за тобой приехал.

Ира молча собралась и молча вышла вслед за ним. Они молча спустились к машине.

Их отношения отличались некоторой странностью. Игорь Александрович Николаев родился лет на пятнадцать-двадцать раньше Ирины, а может и на все двадцать пять. Только официально он был разведен (соответственно, предварительно женат) семь раз. Все свои дальнейшие отношения с женским полом он не оформлял – понял – бесполезно.

Игорь Александрович терял голову исключительно от юных особ в возрасте щенячьей пухлости с невинными глазками и длинными выющимися волосами. Наивные ангелоподобные существа прекрасного (в полном смысле этого слова) пола сводили его с ума, но, к сожалению, пребывали в таком соблазнительном для него состоянии всего год-два. А потом... Потом прекрасные порывы любви в душе Николаева напрочь иссякали. Конечно, не обходилось без слез и истерик, но Игорю Александровичу удавалось выпутываться с честью.

С Иррой он познакомился давно, где-то в начале девяностых. Тогда она трудилась в швейной мастерской, а по выходным подрабатывала, рисуя портреты всех желающих в парке Ривьера. В те времена ей было чуть больше двадцати, но она и тогда, да и в более ранние годы, не претендовала на ангелоподобность, представляя собой полную противоположность идеалам Игоря Александровича.

В Ривьере они и познакомились. В течение какого-то времени Ира периодически запечатлевала на картоне прелестные лики очередных пассий Николаева.

Как-то он, мужественно переживая очередной разрыв с очередным повзрослевшим и утратившим вожаденную прелесть ангелочком, бесцельно бродил по парку. Начал накрапывать дождик. Ира сворачивала свое портретное производство, и Игорь Александрович пригласил ее посидеть в какой-нибудь кафешке.

Поначалу казалось, что общих тем, кроме погоды, найти не удастся. Но тут в ту же кафешку забрели два иностранца, благодаря которым Ира ненароком продемонстрировала свои познания в английском. Вообще-то, она никогда не считала себя знатоком сего весьма популярного языка – и, надо сказать, обоснованно – но ее скромного словарного запаса вполне хватило, чтобы помочь зарубежным гостям объясниться с официантом. Николаев тут же оживился. Дело в том, что за какую-то сделку с ним по модному в девяностых бартеру расплатились новеньким компьютерным оборудованием, и он лелеял надежду наладить производство полиграфической продукции типа визиток, но не мог найти сколь либо приличного специалиста в этой области. Художественные способности Иры и ее познания в традиционном для компьютерной техники языке показали Игорю Александровичу вполне достаточным набором качеств для воплощения его визиточной мечты в жизнь, что он и предложил Ирине. Она его оптимизма не разделяла, но согласилась попытаться разобраться с чудом техники.

Первые две недели Ира забегала к нему в офис после работы, а потом окончательно распрощалась со швейной мастерской – зарплату Николаев определил такую, что отпала необходимость проводить

выходные за рисованием портретов. Впрочем, в офисе Ира проработала всего года три, а потом, обзаведясь собственной техникой, перебралась трудиться домой, плодотворно сотрудничая уже не только с клиентами, поставляемыми Игорем Александровичем, и не только в области полиграфического дизайна.

В одной постели они оказались еще в офисный период. Игорь Александрович диву давался: и как его туда занесло? Ну полная противоположность его вожелениям! Иру же подобные вопросы не одолевали. Ее устраивало то, что он не обременяет ее великими чувствами и вполне пригоден к употреблению. Что она и делала. То есть, периодически употребляла по назначению. Правда, исключительно с его подачи, дабы не испытывать угрызений совести, когда их сугубо личные отношения доводили бедного Игоря Александровича в полном смысле до слез, до истерик. Не при Ирине, конечно. И не раз он клялся и божился себе, что ни при каких обстоятельствах не позволит себе зайти в общении с ней дальше работы. Проходило некоторое время и... нет, он не успокаивался и не переоценивал ценностей. Ирка для него являлась чем-то вроде наркотика: ему от нее становилось плохо до невыносимости, но и без нее он почему-то не мог.

- - -

Весь день обрушившейся на город стихии он провел у своего друга и дальнего родственника Аристарха Поликарповича, который приходился ему не то двоюродным дедушкой, не то троюродным дядей. Этот милый старичок родился в начале XX века в Канаде, куда его дальновидный отец, не дожидаясь ни революции, ни даже Первой Мировой войны, вывез всю свою семью вместе с небольшим состоянием.

Аристарх Поликарпович в списке мультимиллионеров не значился, однако и, мягко говоря, не бедствовал. На старости лет он передал все дела своему сыну и двум внукам, а сам уехал доживать свой век в Россию, которую знал и любил по рассказам родителей с младенчества, но никогда не посещал. Он выкупил некогда принадлежавший его семье особнячок в одном из городов Поволжья, где и поселился. Несмотря на возраст, без работы ему не сиделось, и он открыл небольшой бизнес – так, не для денег – разнообразия ради. Через сие предприятие он и познакомился с Игорем Александровичем, а вскоре за беседою о днях минувших выяснилось, что они, оказывается, хоть и очень дальние, но родственники.

Игорь Александрович частенько наведывался к Аристарху Поликарповичу. И вот, как-то раз неугомонный дедуля попросил «Игорёшу» присмотреть ему в окрестностях Сочи небольшой участок. «Подальше от моря, от суеты, где-нибудь на горке с красивым видом». Игорь Александрович поставил на уши всех риэлторов города, и через месяц выбор составлял 23 варианта, но Аристарху Поликарповичу сразу понравился самый первый и оставшиеся он даже смотреть не стал. А через несколько месяцев на месте зарослей ежевики красовался изумительный особняк, построенный и оснащенный по последнему писку современных технологий. Совсем перебираться в Сочи Аристарх Поликарпович не стал, но заезжал «погреться» на недельку-другую частенько.

Во время его отсутствия за домом присматривала соседка. Впрочем, весь просмотр сводился к тому, чтобы накормить подаренных незнамо кем на новоселье огромного пса неизвестной породы по кличке Зив и не менее громадного (естественно по отношению к сородичам) кота Лоренца.

Против обыкновения, в этот свой приезд Аристарх Поликарпович гостил в своей южной резиденции уже третий месяц. Впрочем, в этот раз он приехал не только отдохнуть. Как он сообщил Игорю Александровичу, здесь в Сочи он ждал какой-то архиважной встречи. Игорь Александрович время от времени навещал его, вот и днем накануне заехал, да засиделся и остался ночевать. А утром...

- Гляньте-ка в окно, Аристарх Поликарпович! Сегодня уж сюда точно никто не доберется.

- Как знать... как знать... – произнес тот задумчиво.

- Чего уж тут знать. Это – Сочи. Снег – в диковинку. Стихийное бедствие. Все по домам сидят.

- Как знать... как знать...

Игорь Александрович спорить не стал. Весь день, за исключением пары часов, когда Аристарх Поликарпович прилег отдохнуть, они провели в беседах о том, о сем, но по большей части о прекрасном, дивном, юном, наивном, небесном создании – Алиночке. Игорь Александрович любил ее уже полгода и не мог надышаться-налюбоваться ее красотой и трогательностью. Незаметно спустился вечер, и город, кусочек которого виднелся за окнами, погрузился в крошечный мрак.

- Господи! Как она там?! Поликарпыч, там ни электричества, ни отопления, а может, и воды, и газа нет. Можно, я ее сюда привезу?

- Конечно-конечно, Игореша. Вези, конечно. Конечно, вези.

Последних «конечно вези» Игорь Александрович, уже не услышал. Минут через двадцать у Аристарха Поликарповича зазвонил телефон:

- Аристарх Поликарпович, тут дело такое...

- Что случилось, Игореша?

- Да... м-м-м.... в общем, целая толпа...

- Вези, вези всех! – Поликарпыч был на седьмом небе от счастья.

«Скучно, видать, старику», – объяснил для себя неожиданно-негаданный приступ восторга Игорь Александрович.

Еще через тридцать минут Аристарх Поликарпович вышел во двор на звук подъехавшей машины. Из джипа, как чертики из табакерки с радостным криком выскочили два почти богатыря, за ними с оглушительным визгом – Дашунька. Потом выкарабкались на волю Люся с Наташей, за ними – Николай. Не заглушая двигателя, Игорь Александрович вышел и открыл переднюю дверцу пассажирского сиденья. Со стороны это выглядело как очень галантный жест, на самом же деле там просто замок заедал, и дверца открывалась только снаружи. Из машины появилась Ира. Не обнаружив среди нахлынувших гостей никаких признаков небесного создания, Аристарх Поликарпович одарил Игоря Александровича подчеркнуто удивленным взглядом и последовавшей

за ним загадочной улыбкой, но Игорь Александрович этого не заметил. Заметила Ира, но не стала заострять свое внимание на несколько странной реакции чем-то показавшегося знакомым старичка.

- Милости просим! Проходите! – с легким поклоном приветствовал гостей Аристарх Поликарпович.

У дверей дома шумную компанию встречали застывшие как два сфинкса в полной неподвижности, уставившись в одну, видимую только им где-то далеко за воротами точку, Зив и Лоренц. Для них это было обычное их место, обычная поза и обычный род деятельности. Кормившая их в отсутствие хозяина соседка долго недоумевала: ну ладно кот, бог с ним, но для чего такой громадный пес, который не то, что гавкнуть – с места не сдвигается. Все ее недоумения как рукой сняло, когда какой-то незадачливый бомж решил поживиться в пустующем доме. Правда, когда живописная картина предстала ее взору, и кот, и пес были столь же неподвижны, но в другом месте и других позах. Зив передними лапами опирался на плечи скорчившегося в не очень удобной, скорее даже в очень неудобной позе злоумышленника, причем шея последнего находилась как раз посередине между разинутых челюстей милой псины. Лоренц пристроился на голове несчастной жертвы, причем так, что его пышный хвост «нежно ласкал» перекошенное лицо. Сколько времени бедолага провел в этом положении, соседка Аристарха Поликарповича не знала, но увезли его на «скорой».

- Ой! – Наташа испуганно сделала шаг назад. – Они что, сделанные?

- Да нет, живые, – Аристарх Поликарпович нежно погладил Зива по голове. С тем же успехом он мог бы потерять стену, правда, когда с нежностями было покончено, Зив моргнул – какой-никакой, а признак жизни.

- Ну, надо же?! – Наташа с круглыми глазами вошла в дом.

Последней у двери оказалась Ира. Она с нескрываемым восхищением смотрела на громадных, застывших как изваяния животных. И вдруг, Зив поднялся и, пару раз вильнув хвостом, поставил лапы ей на плечи, и, радостно урча, стал самозабвенно облизывать ее лицо. Лоренц тоже поднялся и, мурлыча, терся об Иришкины ноги. Ира мельком перехватила взгляд Аристарха Поликарповича, наполненный каким-то непонятным по оттенку удивлением.

- Ой,... простите... они никогда такого не вытворяли... – отдавая дань протоколу, попытался он извиниться за своих животных.

- Да что Вы! Это же чудо! – воскликнула Иришка с удовольствием «целуясь» и «обнимаясь» с живностью.

- Да... чудо... – задумчиво произнес Аристарх Поликарпович. – Однако, Вы же замёрзните! Пойдемте в дом.

Как по команде, но неохотно, Зив и Лоренц оставили Ирину в покое и заняли свои места.

Просторная гостиная звуковым оформлением напоминала нечто среднее между ульем и переполненным стадионом во время футбольного матча.

- Да уговорите вы! – прикрикнули в унисон Люся и Наташа на детей.

- Ей богу, как маленькие! – добавила Люся, в то время как Наташа что-то гневно прошептала Дашуньке и одернула ее.

- Вы извините нас, – Люся чувствовала себя не в своей тарелке.

- Ну что Вы! – Аристарх Поликарпович улыбнулся.

- Да неудобно как-то... Нагрянули тут... – Наташа полностью разделяла настроение Люси.

- Ну что Вы! Все просто чудесно. Я очень рад, поверьте. Кстати, давайте знакомиться. Я – Аристарх Поликарпович.

Все семеро членов нагрянувшей (как снег на голову) компании по очереди представились.

- Не взывайте на старика, если кого перепутаю – память уже не та. А теперь располагайтесь поудобнее. Игореша, займи гостей, а я чайку согрею.

- Давайте помогу, – подорвались разом Люся, Наташа и Ира.

- Нет-нет-нет! Вы – гости, – тон Аристарха Поликарповича не предполагал возражений, и девочки покорно вновь уселись.

Пока готовился чай, разговор как-то не особо клеился. Энтузиазм по поводу поездки, вызванный эмоциональным перенапряжением, неизвестно куда улетучился, и теперь все, даже маленькая Дашунька, чувствовали дискомфорт. Через несколько минут торжественно появился Аристарх Поликарпович и милостиво разрешил помочь ему накрыть на стол. В общей суете он улучил момент и отвел в сторону Игоря Александровича.

- А «небесное создание»?

- Алиночка... – мечтательно произнес Игорь Александрович, и, как из Рога Изобилия, из его уст потекли «наивный взгляд», «волны пышных волос», «пухлые телеса» и т. д., и т. п. Аристарх Поликарпович мягко, но настойчиво прервал его, положив руку на плечо:

- Алиночка – где? – вопрос прозвучал в качестве риторического.

Игорь Александрович осекся и на минуту замер с дурацким выражением лица. В самом деле, как только он обнаружил, что город обесточен, образ прелестной Алиночки начисто исчез из его сознания. Сейчас она сидела где-то в темноте, в холоде, но его это ничуть не трогало, даже теперь, когда Поликарпыч заставил о ней вспомнить. Игорь Александрович усиленно пытался испытать угрызения совести, но у него не вышло, а когда ему кто-то всучил какое-то огромное блюдо с чем-то чертовски вкусным, прелестный образ вновь напроць улетучился.

Чаевничали не более часа. Все освоились и наперебой вспоминали приключения дня минувшего. Ах, как хотелось посидеть, поболтать еще, но усталость брала свое. Аристарх Поликарпович проводил гостей по комнатам, и как-то быстро все стихло. В гостиной остались только Игорь Александрович да Иришка.

- Я весь день проспала, – сказала она. – Отдыхайте, а я все приберу.

- Нет-нет! Разрешаю только немного помочь, – возразил Аристарх Поликарпович.

Вместе они быстро управились. Иришка сварила всем кофе. Аристарх Поликарпович принес сигары для себя и Игоря Александровича и длинные тонкие сигареты для Ирины, и они втроем устроились на диване в гостиной.

- Ирочка, а Вы чем занимаетесь?

- Я – дизайнер.

- А в какой фирме работаете?

- Ни в какой. Я – «свободный художник» – сама по себе.

- Как интересно. А где Вы учились?

- Как дизайнер – нигде, а как художник – училище, потом Академия...

- О-о!

- Правда, не окончила.

Откуда-то появились Зив и Лоренц. Зив уселся напротив Иры и положил ей голову на колени, а Лоренц устроился на диване сбоку, протиснув свою голову на оставшееся от головы Зива место.

- Какое чудо! – воскликнула Ира и стала гладить их. Зив довольно урчал, Лоренц мурлыкал.

- Понравилась? – спросил Аристарх Поликарпович у пса и кота. Они, в свою очередь, синхронно, как по команде кивнули. Ира рассмеялась и продолжила их ласкать. – Мои нежности они с меньшим удовольствием принимают, – многозначительно заметил Аристарх Поликарпович. – Кстати, Ирочка, а не могли бы Вы взглянуть на одну картину.

- Взглянуть могу, но если Вы ждете от меня искусствоведческого анализа, Ваши чаяния напрасны. Я не сильна в этом.

- Вот и замечательно, – Аристарх Поликарпович на минуту вышел и вернулся, держа в руках обещанное произведение.

Сердце Ирины бешено забилося. Глоток воздуха, пойманный открытым ртом, потерялся где-то в легких. Она, с трудом переводя дыхание, спросила:

- Откуда она у Вас?

- Мне ее подарили, но что Вас так взволновало? – спросил Аристарх Поликарпович, окидывая Иру цепким взглядом.

- Это – моя работа, – медленно, как в полусне проговорила Ира.

- По-моему, Вы, Ирочка, гениальный художник.

- В связи с некоторыми обстоятельствами моей личной жизни я поклялась себе больше никогда не заниматься всерьез живописью. Теперь я – дизайнер.

- Ира, я, безусловно, не искусствовед, но, по-моему, Вы просто обязаны начать писать снова.

- Спасибо, очень приятно, – улыбаясь, произнесла Ира и протянула предмет своего творчества Аристарху Поликарповичу.

- Скажите, – начал он, беря из ее рук картину, – она значит для Вас что-то особенное?

- Да. Эта – самая последняя. Я написала ее за одну ночь. Хотела потом забрать из салона, но, когда пришла, мне торжественно вручили

целую кучу денег и радостно заявили, что все работы проданы. Честно говоря, я тогда очень расстроилась из-за нее, – Ира усмехнулась. – Не ожидала, что вновь увижу.

– Если она так памятна для Вас – возьмите, – Аристарх Поликарпович протянул ей картину.

– Нет, нет! Что Вы! Это – уже прошлое.

– Что ж, тогда она останется со мной, – Аристарх Поликарпович отнес картину на место. – Знаете, для меня она тоже многое значит, – сказал он, вернувшись.

Ира продолжала гладить Зива и Лоренца. Игорь Александрович с изумлением наблюдал за ней. Такой он ее никогда не видел. Казалось, что она светится изнутри.

– Ирочка, – голос Аристарха Поликарповича вывел Иру из оцепенения. – Я, властью данной мне моим почтенным возрастом, снимаю с Вас клятву. Пообещайте, что вновь возьметесь за краски, кисти и холст.

– Обещаю...

Ира не помнила, когда начала рисовать. В художественной школе преподаватели восторгались ею. Когда Ире исполнилось четырнадцать лет, и она окончила восьмилетку, мама отвезла ее поступать в художественное училище. Старичок-преподаватель, которому показали Ирины произведения, быстренько спустил ее с небес на Землю, сказав, что она – девочка, без сомнения, конечно, способная, но работы слабые, с техникой туговато. Мэтр был очень суров, но, увидев печально-удивленные, полные слез глаза девчушки, смягчился:

– Ну-ну, барышня! Я Вам не приговор читаю! Попробуйте посдавать вступительные экзамены. В этом году Вы вряд ли поступите, зато узнаете, как это бывает и над чем следует поработать.

Не слишком радужные прогнозы почтенного педагога, к счастью для Иры, не сбылись. На первом же экзаменационном испытании ее заметил молодой преподаватель, аспирант Академии, признанный светилами незаурядный оригинал, Виктор Важин. Правда, полностью отстоять угаданный им талант едва оперившемуся гению не удалось – остальные члены приемной комиссии не разделяли его восторгов. И все же Иру приняли «кандидатом» в мастерскую Важина, а после первой же сессии она стала законной студенткой.

Виктор Валентинович не ошибся. Уже к концу первого курса об Иришке говорило все училище, а на следующий год она досрочно защитила диплом и перебралась в Академию, став легендой.

А дальше...

Когда вспыхнул их бурный роман, никто не знал. Первые полгода ничего крамольного вовсе не наблюдалось. На «церемонии» официального присуждения Ирине статуса студентки, Важин, поздравляя, поцеловал ее в щеку. Покраснели оба. Следующие полгода в училище шушукались, но внешне все выглядело вполне пристойно – талантлив-

вый преподаватель, выжимающий максимум из своей талантливой ученицы. На следующий год «взлет» Ирины был настолько стремителен, да еще прямиком к досрочному диплому, что окружающие перестали ее воспринимать обычным человеком. А вот когда Ирочка появилась после лета в стенах Академии в несвойственном ей ранее гардеробе и с чрезвычайно изменившейся фигурой, выяснилось, что они с Важиным, с согласия Ириной матери, без малого год, как женаты.

Лешка родился во время сессии между «Историей искусств» и «Перспективой». Кстати, «Перспективу» Ира ездила сдавать с особого разрешения главврача роддома, да еще и на «скорой помощи». К остальным экзаменам ее, слава богу, уже выписали.

Академический отпуск Ира брать не стала. Лешка оказался дитем не менее замечательным, чем его родители. К тому же отец из Виктора получился непревзойденный. Так что справлялись.

Все складывалось как в сказке еще год или два, а потом с Виктором что-то случилось. Он начал пить. Нет, до этого «что-то» он тоже в трезвенниках не ходил. В доме Иры и Вити частенько собирались веселые компании, выпивали, но черными попойками те мероприятия назвать ну никак нельзя было. А вот после этого «чего-то» Важин стал пить по-черному и почти до чертиков. Ира ничего не могла понять. Она старалась во всем и изо всех сил, а Витька пил все чернее и чернее.

Близился к завершению четвертый курс. Большая выставка работ студентов и преподавателей Академии. Ирина и Виктор, как всегда, нежно обняв друг друга за талии, медленно двигались вдоль стендов. К ним подошли двое респектабельных мужчин средних лет.

- Разрешите Вам представить невообразимого, удивительного художника – Ирину Палладину! Кстати, а это ее муж и по совместительству преподаватель – Виктор Важин.

- Хвала учителю! Вы вырастили гения!

- Ирочка, поздравляю Вас! Вы – сложившийся художник со своим стилем, своей манерой. А самое главное – это далеко не предел! Не Ваш предел. Да, пожалуй, у Вас вообще нет предела! Творческих успехов!

Дядечки раскланялись и отошли в сторону. Виктор обнял Иру, поцеловал в лоб, тепло улыбнулся:

- Поздравляю!

- Спасибо, – Ира светилась счастьем.

- Подожди минутку... – Виктор исчез. Ира не придавала поначалу этому значения, но он так больше и не появился.

- - -

Ира вошла в утонувшую во мраке квартиру. Включила свет. Виктор сидел на полу, раскачиваясь из стороны в сторону, и выл.

- Витя...

Он перестал раскачиваться и выть, и поднял глаза на Иру.

- Ты мне жизнь сломала... – сказал он, цепляясь за все, что можно, неуверенно приподнялся, перевалился на диван и уснул.

Ира собрала свои и Лешкины вещи. Ночь она провела в мастерской у мольберта. Утром отнесла все свои работы в салон и забрала Лешку от свекрови (к счастью, та ничего не заподозрила). Уехать в родной Сочи из-за кое-каких формальностей Ира смогла только через две недели, которые пришлось перекантоваться у друзей (к счастью, никто ни о чем не спрашивал). С Важиным она больше никогда не общалась (оформить развод помогла подруга подруги, которая работала в ЗАГСе). Говорят, что в Академии он больше не работает, только в училище преподает – общие дисциплины.

Глава 2 Повторный просмотр

Яркое солнце слепит и не дает полностью открыть глаза. Сквозь ресницы видно как где-то внизу беснуется толпа, подзадориваемая человеком в черном – наверное, священником. Из его уст слышатся то молитвы, обращенные к небу, то проклятия, рассыпаемые тоже вверх, но гораздо ниже. Толпа вторит ему. Тело сдавлено плотной грубой тканью – не шевельнуться. Даже дышать тяжело. Толпа близка к истерике. Голос священника срывается. Вдруг в его руках появился факел. Выкрикивая что-то непонятное, он носится с ним кругами и поджигает хворост. Хворост вспыхивает. Странно... от дыма должно першить в горле и резать глаза, но почему-то наоборот стало легче дышать и солнце больше не слепит. Пламя!!! Какое же оно ласковое! Какое же оно нежное! Блаженство... Больше не душит, не сдавливает грубая ткань, не слепит солнце... Как легко... Как легко парить над толпой... крики стихают. Люди опускаются на колени. Они молятся.

- Она святая!

- Это ангел!

Восклицания сливаются в единый блаженный стон. Блаженный стон переходит в стон безвозвратной утраты и отчаяния. Священник пускается наутёк. Кто-то из толпы следует за ним вдогонку. Стоя поодаль, за происходящим наблюдает человек невероятных размеров. Он устремляет вверх тяжелый, пронизывающий, сверлящий взгляд и делает легкий взмах рукой. Жест получается какой-то неоднозначный.

Горы... Какие они красивые с неба... Если это и есть смерть, то это и есть то единственное, к чему следует стремиться всю жизнь.

Ира открыла глаза, пытаясь понять, кто она и где. Ее тело все еще приятно вздрагивало от неземных ласк пламени. Что-то до ужаса противно верещало где-то в изголовье. «Телефон», – почти сразу (и двадцати звонков не прозвняло!) догадалась Ира, и даже, хоть и с трудом, но вспомнила, что в таких случаях обычно делают.

- Алло...

- Ну наконец-то! Дрыхнешь?

- Уже нет.

- А Люся, между прочим, бутербродов с семгой принесла, – «тонко» намекнула Наташа.

- Вау! Наташ, я быстренько в душ и сразу к тебе.

- Давай, ждем.

Под струями горячей воды мысли стали приходить в порядок. Однако в сознании продолжала оставаться какая-то несостыковка.

- Так... хорошо... понятно... Сожжение на костре – это сон. Это одно-значно. Но... снег, отключение света, поездка с Игорем всей толпой куда-то в горы, в гости к... кажется Аристарх Поликарпович... хм... имя-то какое редкое... Тоже приснилось?

Горячая вода мощной струей била по телу. Ира разговаривала сама с собой вслух. Послышался настойчивый стук в дверь и Наташин недовольный бурк:

- Ирка! Ну, ты скоро?

- Иду-иду!

Иришка выключила воду, наскоро вытерлась, завернувшись в полотенце, просочилась в комнату, быстренько оделась и впорхнула в соседнюю квартиру.

- Привет, девчонки!

- Ты сегодня какая-то не такая, – заметила Люся.

- Девчонки, у меня что-то с головушкой не то, – улыбнулась Ира.

- Во-во, я тебе давно намекаю!

- Наташ, я серьезно.

- И я серьезно.

- Да нет, я не о том. Тут действительно что-то странное.

- Ир, что-то случилось? – Люся выглядела гораздо взволнованней, чем предполагал Иришкин саркастичный тон.

- Да не так, чтоб уж совсем случилось... Я понять не могу: что мне снилось, а что на самом деле произошло.

- Это как? – Наташа застыла в немом замешательстве.

- Ну... как меня на костре сжигали... то, что это мне приснилось – в этом я уверена... – Ира задумалась. – Почти уверена... – добавила она как бы самой себе.

- Как это «ПОЧТИ уверена»? – не поняла Люся.

- Ну... я... в этом уверена потому, что на самом деле этого быть не могло, потому что не могло быть в принципе.

- Так почему же «ПОЧТИ»? – не унималась Люся.

- Понимаете, уж слишком все настоящее было, вплоть до тактильных ощущений.

- Ужас! Ты что, и ожоги чувствовала? – Наташкины глаза округлились.

- Девчонки! Вы себе представить не можете, какое оно нежное, какое оно ласковое! Пламя! Да это описать невозможно! У меня все клеточки до сих пор вибрируют.

- Ирка! Ты точно с катушек съехала! С мужиком чаще спать надо!

- Да нет, это не то... – Ира тщательно, но тщетно пыталась подобрать слова.

- То, то! – подхватила Люся. – Вон хотя бы Игорь Александрович твой, как круги вокруг тебя наматывал! Хотя бы раз за пять дней...

- Стоп! За пять дней!!!!?? С этого момента, пожалуйста, поподробнее, – Ира резко оборвала Люсю, но затем ее речь замедлилась. Она переводила взгляд с Люси на Наташу и с Наташи на Люсю так, как будто прикидывала, что могут такого знать они, чего не помнит она. Подруги, в свою очередь, смотрели на Иру с полным недоумением.

- Послушайте, – голос Иры наполняла обреченность, – снег шел?

- Шел... – девчонки отвечали дуэтом, одновременно пытаясь что-то понять.

- Свет вырубали?

- Вырубали...

- Игореха нас на своем джипе увозил?

- Да... увозил...

- Куда-то в горы, к кому-то в гости?

- Ну да!

Наташа стала терять терпение, а Люсе почудился розыгрыш.

- А хозяина дома как звали?

- А-Аристарх... – промямлила Наташа.

- Поликарпович, – подхватила Люся.

- Значит, не сон, – сама себе сказала Ира.

- Ирка! Что происходит? – потеряла терпение Люся.

- Да понимаете, как на костре сжигали – ну реальнее некуда, а вот эта поездка по снежной ночи, словно смутный-смутный сон. И, что самое интересное, я не помню, чтобы мы там почти неделю провели. Понимаете, как приехали, смутно, но помню, как чай пили, тоже смутно, но тоже помню, как вы все спать легли, а мы вдвоем остались и всю ночь проговорили... А дальше: ни как я спать легла, ни остальное время, ни как домой вернулись – ничего не помню, даже смутно.

Люся и Наташа от души хохотали. Им, почему-то, Иркина амнезия показалась забавной, а впрочем, вид у нее и впрямь был комичный.

- Еще бы ты что-то помнила! – Наташа запихала в рот очередной кусочек семги. – Целыми днями дрыхла, а по ночам заумь с Аристархом Поликарповичем. У меня от ваших бесед мозги в трубочку заворачивались...

- Ага, и глазки слипались, – добавила Люся.

- Девчонки, а там такой громадный пес был?

- Был.

- А огромный кот?

- И кот, был.

Все пять дней сочинского стихийного бедствия компания провела в полном улете – целыми днями летали на полиэтиленовых пленках с горки. Веселились от души. Только Ира это все проспала. Вставала она к вечернему чаю, а утром ее никто не видел. При этом подверглись констатации отчаянные ухаживания Игоря Александровича за полуночницей, по всеобщему мнению, ответа у последней не получившие. Беседы с Аристархом Поликарповичем? С тем же успехом они могли говорить по-китайски – понятно было бы ничуть не меньше, а может, даже и

больше (это съязвила Наташа). Что еще? Уехали вечером пятого дня, когда город засиял огнями. Правда, увозил их не Игорь Александрович всем скопом, а в два захода Наташин муж Вадик, который вернулся из командировки и последние два дня провел с ними.

В общем, «свидетельства очевидцев» Иру разочаровали. Девчонок занимали собственные яркие впечатления, а происходящее с Ириной для них осталось за кадром. Видели они ее не более часа в сутки, что их совершенно не огорчало и не интриговало.

- - -

Вернувшись от Наташи, Ира критично просмотрела все сделанное до очелования света, и принялась отправлять файлы по электронке. И с чего бы это сон с явью перепутались?

Впрочем, Ира нашла для себя объяснение. За последние три месяца на нее свалилось столько работы! Притом она с каждым днем неуклонно прибывала и прибывала! В конце концов, у Иры закралось подозрение, что все дизайнеры города Сочи, как минимум, а может и всего Краснодарского края, резко вымерли, и она осталась в качестве последнего экземпляра исчезнувшего вида. Перед самым стихийным бедствием ей и вовсе почти не приходилось спать больше недели. Видимо, перенапряг и сказался.

Поиски объяснений странностей собственного восприятия реальной и приснившейся действительности постоянно перекрывали яркие картины ее сожжения, а кроме того, в ней аж бурлила непреодолимая жажда хотя бы нащупать реальные, совсем недавние события, которые больше походили на неясный смутный сон. Но что-то в этом «сне» существовало такое... до боли интригующее... и это непременно и мучительно хотелось вспомнить. Ира взяла мобильник и отыскиала в «Контактах» «Николаев».

- - -

Как только зазвучала «Шутка» И. С. Баха, сердце Игоря Александровича гулко забилося где-то сразу везде, а когда надпись на экранчике подтвердила его догадку о личности абонента, на ум пришли строки из школьного Маяковского: «...берет – как бомбу, берет – как ежа, как бритву обоюдоострую...». Подобные чувства от Ириных звонков никак не хотели его покидать вот уже много лет. Видимо потому, что звонила она крайне редко лишь в случаях крайней производственной необходимости. Поскольку таковая в данный момент отсутствовала, ощущение крайней взволнованности посетило Игоря Александровича с удвоенной, если не с утроенной силой.

- Да, я слушаю...
- Игорь, мне нужно тебя увидеть.
- Где? Когда?
- Все равно.
- Можешь прямо сейчас подъехать ко мне в офис?
- Да.
- Жду.

Сердце билось где-то сразу везде уже за пределами плоти. Голову сдавил стальной обруч. Игорь Александрович непринужденно улыбнулся своему собеседнику:

- Ну вот. Легка на помине. Это звонила дизайнер, о которой я тебе только что рассказывал.

- Насколько я понял, она сейчас подъедет?

- Да. Только это «сейчас» наступит часа через полтора. Путь ей неблизкий и как раз через самые гиблые пробки.

При упоминании о пробках собеседник Игоря Александровича с пониманием воздел взгляд к небу, тяжело вздохнул и твердо заявил:

- Я дождусь.

Игорь Александрович испытал раздвоение личности. Одна из «личностей» ликовала расчетливой радостью – для бизнеса все складывалось как нельзя лучше. А другая «личность» испытала горькую досаду – в кои-то веки Ирка, эта стерва Ирка сама изъявила желание встретиться просто так, не по работе (скорее всего), а тут... так некстати «я дождусь».

Ждать пришлось всего минут двадцать. Ира не рассчитывала застать Игоря в компании, но быстро овладела собой.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, – незнакомец сфокусировал на Ирине тяжелый, пронизывающий, сверлящий взгляд.

Игорь Александрович поднялся Ире навстречу и принялся знакомить ее со своим гостем:

- Разрешите представить: Ирина Борисовна Палладина – весьма интересный дизайнер.

- Очень приятно, – степень «приятности» ни по взгляду, ни по тону не определялась.

- Ирочка, хочу тебя познакомить с моим другом и, надеюсь, твоим будущим клиентом. Станислав Андреевич Радный.

- Стас, – Радный привстал и протянул Ире руку.

- Ира, – пожав протянутую руку, она села в кресло.

Этот бесстрастный великан с тяжелым, пронизывающим, сверлящим взглядом показался ей до боли знакомым, но где и когда она могла его видеть, вспомнить не получалось. А габариты его действительно потрясали. Ростом он, видимо, был как минимум на голову выше Ирины, и, казалось, немногим меньше в ширину. Протянутая здоровенная рука смотрелась пухлой, но на ощупь оказалась невероятно жесткой.

- Мариночка! – на зов Игоря Александровича из приемной заглянуло блондинистое, хлопающее ресничками создание. – Будьте добры, сварите еще кофе.

Создание исчезло и появилось через некоторое время вновь с подноском, на котором стояли три чашечки с горячим ароматным напитком.

Все тексты, набранные Мариночкой, Microsoft Word неизменно подчеркивал двумя практически сплошными волнистыми линиями – красной и зеленой. Добиться от нее чего-либо вразумительного по телефону, и даже прямо глядя в глаза, не представлялось возможным.

Но зато она отличалась безотказностью по отношению ко всем партнерам, клиентам, друзьям и просто знакомым Игоря Александровича. При этом умудрялась удивительным образом избежать вульгарности, навязчивости и утечки информации (впрочем, последнему, учитывая ее интеллектуальные способности, удивляться не приходилось). А кофе!!! Такой кофе варила только Мариночка. Она уже шестой год, благодаря этим качествам, носила гордое звание офис-менеджера, и Игорь Александрович не собирался искать ей замену, несмотря на то, что всю ее непосредственную работу, положенную ей по статусу, приходилось по большей части выполнять ему самому.

- Мариночка, спасибо, – поблагодарил Игорь Александрович, и создание, хлопая ресничками, удалилось.

Как только за ней закрылась дверь, Радный заговорил:

- Ира, я занимаюсь производством мебели и собираюсь широко сотрудничать с Вашим городом. Как Вы понимаете, санатории, гостиницы, которые здесь в изобилии, очень перспективные клиенты. Сейчас я открываю в Сочи свое представительство. Мне нужна рекламная продукция, ну... визитки, буклеты, каталоги, баннеры и тому подобное. Естественно, этого добра у меня и так достаточно, но вот Игорь убедил меня в том, что именно Вы, великолепно зная менталитет Сочи с этой точки зрения, сможете изготовить рекламное нечто максимально эффективное именно в Вашем городе.

- А можно сейчас взглянуть на то, чего у Вас и так достаточно? – спросила Ира.

- Можно, – Радный вручил ей папку.

Ира внимательно просмотрела предоставленный материал.

- Логотип и фотографии в цифровом формате есть?

- Есть, – Радный протянул ей диск.

- Здорово. Я думаю завтра к вечеру, в крайнем случае, послезавтра я смогу показать Вам черновые эскизы.

- Замечательно. А когда работа будет готова полностью?

- Вот этого точно сказать не могу. Просмотрите эскизы, определитесь, что Вам больше нравится, и тогда уже обговорим сроки и стоимость.

- Сейчас я должен сделать какую-либо предоплату?

- Сейчас – нет... – Ира напряглась.

Радный молча смотрел на нее. Его тяжелый взгляд почему-то вселил уверенность.

- Сейчас мне бы хотелось предложить Вам кое-что.

- Я Вас слушаю.

- Я предлагаю Вам сделать для Сочи – для санаториев, гостиниц и не только – особый дизайн не только рекламной продукции, но и Ваших непосредственных изделий, то есть мебели, – Ира достала из рюкзака диск, вырвала листочек из блокнота, написала на нем «папка 823» и вложила в футляр. – В папке «823» Вы найдете некоторые мои разработки.

- Спасибо, – Радный взял диск и поднялся во весь рост.

Теперь Ире показалось, что он выше ее не на голову, а на целых две, как минимум. «Где же я его видела?», – снова попыталась вспомнить она.

- Прошу прощения, но лимит времени исчерпан. До свидания. Ира, я обязательно с Вами свяжусь.

Игорь Александрович перевел взгляд со скрывшегося за дверью Радного на Иру.

- Ир, ты уверена в том, что сейчас сделала?

- Абсолютно.

- А если...

- Игорь, даже когда я ехала к тебе – совершенно не предполагала, что обалдится неплохая работа. Любой шанс надо использовать пока он есть.

- А ты не боишься, что Стас из-за твоего напора вообще предпочтет не связываться с тобой.

- Его право. Игорь, я не собираюсь сидеть и ждать, пока кто-либо догадается предложить мне что-нибудь поинтересней визиток. Ты, лучше, скажи честно, что я делала, пока шел снег, не было света, в общем, в доме Аристарха Поликарповича?

С его уст чуть было ни сорвался не вполне пристойный термин.

- Ира, ты решила со мной встретиться для того, чтобы узнать какова ты в постели? Охотно отвечу: как всегда великолепна.

- Игорь, – на Иру накатывало раздражение, – я, кажется, там, в постели, далеко не все время провела?

- Да, не все. Были перерывы на перекусы и беседы с Поликарпычем.

- О чем мы с ним говорили?

- Уж извини, но я не помню! – он не мог понять, что ей нужно, и из-за этого злился.

- Да, не густо... – Ира поднялась и направилась к двери.

- Ирка! Ты куда? – он остановил ее, обняв и пытаясь приласкать.

- Игорь, – она сняла с себя его руки, – по твоему же собственному признанию, ты поймел меня на год вперед. Пока.

- Ирка, ты – сволочь!

- Я знаю.

Дверь закрылась.

Люся с Наташей, после того, как Ира их покинула, наслаждались любимым занятием – мыли ей кости. Ирку они любили. Она всегда их понимала, поддерживала и выручала, но образ ее жизни не укладывался ни в какие рамки, принятые среди нормальных, с их точки зрения, людей.

Во-первых, она, давным-давно разведенная, и не пыталась вести себя как приличная женщина. Мужики к ней валили толпами! Однако... Наташа не раз намеренно вламывалась к Ирке без стука, но к ее удивлению и недоумению очередной гость мужского пола мирно беседовал с Иришкой на кухне. В общем, после целого ряда неудачных попыток доказать легкость Иркиного поведения, подруги решили, что она лесбиянка и, на всякий случай, стали сторониться ее. Правда,

вскоре пришлось признать, что тяги к женскому полу Ира ну явно не испытывает. Незаметно отношения восстановились, и досужие соседки попытались устраивать ей допросы, но колкие, полные сарказма ответы быстро отбили охоту.

Вторым предметом раздражения была Иркина жизнь в целом. На работу, как все нормальные люди, она не ходила. Могла неделями вообще не вылезать из своей квартиры, а могла совершенно внезапно уехать куда-нибудь. Притом ее доходы, судя по известным соседкам расходам, вмещали зарплаты Наташи и Люси вместе с мужьями, умноженные на два, если не на три. А сын Лешка?! Пока был маленький, казалось, будто горе-мамаше до него нет никакого дела. И вот нате! В шестнадцать лет с золотой медалью окончил школу и сейчас благополучно учится в институте и не где-нибудь, а в Москве, в Бауманке! Нет. Ирка определенно всё, абсолютно всё в жизни делала не так, не по-людски, но в итоге именно у нее это абсолютно всё, абсолютно всегда получалось, и гораздо лучше, чем у нормальных добропорядочных сограждан.

И, в-третьих – Ирка довольно часто вела себя весьма странно. Вот и теперь с этими своими снами-явьями.

- Слышь, Наташ, а может она все-таки травку покуривает, а?

- Да нет же! Я ж тебе уже говорила. Анализы абсолютно чистые. Я сама смотрела, помнишь?

- Угу.

- Это у нее, скорее всего, на почве трудоголизма.

- Угу, она, если ее из-за компьютера выдернешь, – всегда чумная.

- А как ты думаешь, может у нее с этим Игорем Александровичем все же есть что-то, а, Люсь?

- Нет, не похоже. Хотя он, думаю, очень даже не прочь. Я вот боюсь, как бы у нее с Саньком чего не вышло.

- С каким Саньком?

- Да с каким, с каким – с моим, конечно!

- Люська! Ты чё! Он же Лешку ее немногим старше!

- Ты это ему объясни! Как встретит – аж трусится весь.

- Не переживай, Люсик, пройдет.

- Да уж, «пройдет»! То ему реферат по этике, то зачет по культурологии... аж вприпрыжку к ней бежит. Николаю говорю: «пусть сам учит». А он: «Ты что, Ирина такой специалист! Хотя какие-то мозги парню вложит».

- Во дела! А ты Кольке-то говорила?

- Пока нет. Да началось-то все не так давно.

- А-а... Люсь, ты не переживай. Я присмотрю. Я все выясню.

- Только аккуратней.

- Не бойсь! Ни Ирка, ни Санёк твой ни о чем не догадаются.

Содержательное общение совершенно нехотят прервать телефонный звонок – Николай требовал жену домой.

Выходя из Наташкиной квартиры, Люся нос к носу столкнулась со своим старшим сыном.

- Саш! А ты куда?

- За тобой, – невозмутимо пробасил Санька, но вид сына Люсе не понравился – уж больно он запыхался и вроде даже покраснел.

Люся с Наташей многозначительно переглянулись.

- Теть Наташ! У Вас что-то с телефоном. Отец дозвониться не мог.

- Дозвонился, Санёк, дозвонился... – Наташа с Люсей сверлили и испепеляли его взглядами.

- Ну, не знаю,... Он меня послал...

- А что стряслось-то, а? – не прекращала допрос с пристрастием Наташа.

- Да так... ничего... – недоуменно пробурчал Санька. – Просто мамы долго нет. Соскучились, – он по-доброму усмехнулся.

- Ну, раз соскучились?! – Люся с Наташей вновь многозначительно переглянулись. – Идем, сыночка.

Люся с Сашком ушли, а у Наташки аж приятно защекотало где-то внутри от предвкушения занимательной интриги. Она ломанулась к Ире, но дверь оказалась запертой. Постучала, позвонила – глухо. Наташе все сразу стало ясно и понятно. Она ринулась к телефону.

- Алло! Люсик? – Наташа говорила полусшепотом. – Слушай. Ирки дома нет. Усекла? – на том конце провода видимо что-то ответили. – Ну, давай. Попозже забегу.

Наташа положила трубку и занялась наведением порядка. Жизнь обрела смысл.

- - -

Ира возвращалась домой. Тайна пяти дней у Аристарха Поликарповича превращалась в изнурительно навязчивую идею, расцвеченную все время всплывающими яркими сценами сожжения. Это выматывало. В конце концов, Ира сказала себе: «Хватит!», – и неимоверным усилием воли заставила подумать о чем-нибудь более хорошем и менее эфемерном – благо нашлось о чем.

Игорь, конечно, прав. Поступила она дерзко, предложив свои услуги в области, в которой специалистом ее никто не считал, да еще и серьезной фирме, а то, что фирма действительно серьезная, Ира поняла сразу, только взглянув на каталоги. Да, она дерзнула, и теперь, возможно, даже малость – дизайн рекламной продукции – она потеряет. Что ж, еще утром она об этой возможности не знала и, учитывая едва закончившийся тотальный аврал, от ее отсутствия не страдала. Так что потеря невелика, зато возможный, пусть и маловероятный, выигрыш невообразимо грандиозен, по крайней мере, для нее.

Ира достаточно активно, помимо работы над рекламной продукцией, трудилась над интерьерами квартир, домов, офисов, но вот сами предметы тех самых интерьеров приходилось выбирать из имеющихся в наличии. А вот они-то, как раз, никогда не соответствовали ее требованиям, которые никто и в толк взять не мог. С ее точки зрения, по-настоящему удобной и комфортной мебели еще никто не создал. Если Ира выражала свое мнение вслух – на нее смотрели как на ума-

лишенную, а собственные проекты ей не удавалось продвинуть даже на уровне небольшой мастерской. В конце концов, она собственными силами преобразила свое жилище и на этом успокоилась. Папка «823» на диске, переданном Радному, содержала эскизы ее собственной мебели ее собственного изготовления.

Ира повернула ключ и вошла в квартиру. Цепкий слух Наташи уловил звук отпираемого замка.

- Иришка! К тебе Санёк заходил, – влетела она в не успевшую закрыться дверь.

- Какой Санёк? – машинально спросила Ира, машинально разуваясь.

- Люсин Санёк, – Наташа всеми силами пыталась разгадать смысл Иркиной реакции.

- Чего хотел?

- Не знаю... – «главное все запомнить, а просчитаем потом».

- А-а! – вспомнила Ира, – он же «Эстетику» забыл.

- Чего?

- Учебник по эстетике. Наташенька, будь другом, позвони, скажи, что я дома – пусть поднимется и заберет.

- Да... сейчас... – «вот это наглость!»

- Алло! – далее Наташа перешла на громкий шепот, – Люсик! Она пришла. Я ей в лоб, мол, Санька заходил, а она сразу: «Ой, да-да! Он у меня учебник по эстетике забыл!», – и представляешь?! Просит меня позвонить и позвать его! За учебником! Представляешь?!

- Наташа, не клади трубку, – Люся всеми силами пыталась не выдавать волнения. – Сашенька, – слышался в трубке ее фальшиво-ласковый голос, – ты у тети Иры учебник эстетики забыл. Сходи, заberi.

- Мамуль, давай потом, – где-то вдалеке басил Санька.

- Сыночка, сходи сейчас.

- Ладно.

- Наташ!

- Да-да!

- Слышала, как маскируется?

- Да-а...

- Так, уже пошел.

- Всё, я на посту. Перезвоню.

В Иркину дверь постучали.

- Да, Сашенька, заходи.

- Тётъ Ир, я у Вас тут какой-то учебник забыл, говорят.

- Вот, солнышко... Ой...

Послышался непонятный шум, а затем бесконечно долгая тишина, наполненная пикантными шорохами и постанываниями. Точкой, да нет, восклицательным знаком затянувшейся шуршаще-стонущей паузы в разговоре вырвался Иркин томный вопль:

- Да неужели! Все, котик мой, иди.

- Спасибо, тётъ Ир.

- Да не за что, солнышко, учись.

Звук поцелуя.

- Боже мой! – Наташкины волосы стояли дыбом. Глаза едва помещались на лице. Она, пытаясь хоть как-то совладать с дыханием, кинулась к телефону. – Люся-я! Люся-я!

- Сейчас... минуточку... – где-то далеко открылась дверь. – Ты чего так долго?

- Да «Эстетика» за шкаф завалились. Мы с тетей Ирой ее оттуда ели вытащили.

- Да, Наташ, я слушаю, – голос Люси слегка срывался.

- Интересно, откуда они ее вытаскивали! Люся! Тут такое было! Не по телефону.

- Бегу, – через мгновение Люся уже сидела у Наташи. – Слушай, давай ее позовем...

- Подожди, я тебе все расскажу.

- Не надо, и так ясно...

- Извини, Люсечка, – Наташа пошла звать Иру. Дверь оказалась запертой. – Ирочка!

- Наташенька, извини, чуть живая! Я – в душ...

- Она – в душ! – язвительно выразила полное понимание Люся и разрыдалась.

Ира так и не зашла, чем окончательно и бесповоротно подтвердила уверенность Люси и Наташи.

- - -

Игорь Александрович спустился в бар и забился в самый темный угол. Что же все-таки произошло с Ириной? Сама – ну надо же! – сама позвонила! Примчалась! Для чего? Он во всех подробностях вспомнил все пять дней у Поликарпыча.

Ирка, скорее всего, жутко тосковала по работе и, наверное, поэтому не грызла его как обычно. Отдавалась как-то по-особенному... Действительно, полностью отдавалась.

А может, так было всегда? Просто он, дурак, не замечал. Ох, Аристарх Поликарпович! Глазоньки открыл! Алиночки, Полиночки, Мариночки... А ведь действительно, заботила его всегда только Ирка. Стерва Ирка! Сволочь Ирка! «Может, я влюблен в нее?». Игорь Александрович внимательно вслушался в свои чувства. Нет. Ошибки быть не могло. Нигде не пульсировало и намек на мучительно-сладостные признаки прекрасных порывов.

А все-таки, какая муха ее укусила? Он еще раз прокрутил все пять дней. А, черт, беседы с Поликарпычем! Нет. Ничего особенного. Сидели, философствовали обо всем и ни о чем. Правда, высидев положенное приличием, он уходил спать... Что мог ей сказать Поликарпыч? А? А может, про него? Про Игоря? Вот!!! Черт... Как он сразу не догадался! Да-а... Вот она и звонила... Вот и прилетела... Во, дурак! Как же сразу не догадался?! Он представил, как жил бы с Ирккой... Попытался представить... Позвонила Алиночка. Он не ответил, а когда мелодия стихла, занес Алиночку в «черный список». Официантка принесла крепкого зеленого чая, а телефон ожил вновь. Звонил Стас.

- Игорь, тормози свою Палладину по поводу рекламы. Пусть не тратит зря время.

- Ты уверен? – Игоря Александровича будто по стенке размазало. «Довыкаблучивалась Ирка!»

- Абсолютно. Сам посуди, зачем корпеть над рекламой сейчас, если, скорее всего, для Сочи будем выпускать новую коллекцию.

- Не понял?

- Что, не понял? Я говорю, тормози свою Палладину по поводу рекламы. Я буду очень занят дня три, если за это время она успеет сделать какие-нибудь почеркушки по мебели – будет здорово. Понял?

- Да-да, конечно.

- Звони прямо сейчас, чтобы девчонка зря не парилась. Давай, пока.

- Пока.

На середине «пока» мобильник продиньделенькал завершение соединения. Николаев положил таблеточку валидола под язык. Нет, не для его возраста такие передрыжки. Немного погодя он набрал Ирин телефон:

- Иришка!

- Да, Игорь!

- Надо бы встретиться.

- Ты же знаешь, что до завтрашнего вечера, край до послезавтра с меня рекламные эскизы.

- Ира, Стас будет занят, так что у тебя целых три дня.

- А встречаться-то с какой целью?

- По делу.

- Ладно, жду.

Игорь Александрович, выплюнув остатки валидола, поспешил на автостоянку.

Лестничная клетка оглашалась безутешными рыданиями Люси, уткнувшейся в Наташкино плечо.

- Девчонки! Что стряслось? – Игорь Александрович перепугался не на шутку.

- Ой, Игорь Александрович! Тут такое!!! – лицо Наташи напряглось изо всех сил.

- Что такое? – как и все мужчины, Николаев не выносил дамских истерик.

- Понимаете, у Ирки роман с Люсиным сыном. И все очень серьезно, и зашло уже слишком далеко, – Наташа из кожи вон лезла, чтобы передать весь трагизм ситуации.

- Тьфу-ты! Я уж думал, кто-то помер, – Игорь Александрович пошел от них прочь.

- Зачем ты ему сказала? – сквозь слезы и всхлипы пропищала Люся.

- А пусть знает, какие шашни его Ирочка крутит.

Должного впечатления Наташино заявление на Игоря Александровича не произвело. Их с Ирой отношения отличались полной свободой, и они не раз делились друг с другом подробностями любовных похождений. Однако перед ее дверью он затормозился: «А может... может, у нее там с пареньком чего случилось? Тогда при чем тут разговоры с Поликарпычем?». Он нажал кнопку звонка.

- Заходи...

- Ну, Иришка, не ожидал! Тебя что, на молоденьких потянуло?
- В смысле?
- Да вон Люси на плече Натали рыдает. Говорят, ты ее старшого окрутила.
- Чего???
- Не веришь – иди сама глянь. На лестничной площадке скоро потоп будет.
- Ира не пошла смотреть на Люськины слезы, а взялась за телефон:
- Алло! Андрюша, ты? Дай-ка мне Саньку.
- Щас!
- Санька, привет!
- Здравств, тетъ Ир.
- Ты в курсе? У нас с тобой роман.
- Чего???
- А-а, не в курсе! Я, честно говоря, тоже только что узнала.
- Тетъ Ир! Какой роман?
- Как в кино! Короче мать твоя по этому поводу на лестнице рыдает.
- Иди, забирай. Сам вразумить не сможешь – меня зови.
- Тетъ Ир, Вы серьезно?
- Очень хочу надеяться, что нет.
- Во блин! Ой, извините тетъ Ир.
- Ничего-ничего...
- Ладно... спасибо... я пошел.
- Ира положила трубку и, самозабвенно глядя в потолок, села.
- Во дуры! Сначала мужей своих от меня стерегли. Потом сами от меня шарахаться стали. Теперь вот за детей рыдают. Господи! Хоть у Наташки – дочка. Хотя нет... и здесь же, что-нибудь придумают, – Ира расхохоталась. – Игорь, представляешь, если кто-нибудь из них заведет собачку или кошечку? Тоже ведь от меня охранять станут. Слушай, а откуда у Аристарха Поликарповича его живность?
- Что, сексуально привлекательны?
- Ну-у, развеселился! Я серьезно.
- Подарили ему на новоселье.
- Таких громадин никогда не видела... Так. Стоп. Мы же по делу, вроде, собрались?
- Да, по делу...
- Ну?
- Ну, я тебя поздравляю. Необходимость сейчас возиться с буклетами отпала. У тебя три дня, чтобы выдать черновые эскизы по мебели.
- ВАУ!!! – Иришка кинулась на Игоря Александровича, почти задушила в объятиях, зверски расцеловала и встала к плите.
- Его более всего сбило с толку последнее – хозяйничать на Иркиной кухне входило в его обязанности. Наедине с ним – Ирка у плиты!!! Он удивился бы гораздо меньше, если б его, к примеру, посетили инопланетяне, или, скажем, какие-нибудь гномики или эльфы.
- Кстати, а как тебе Стас? – спросил он ее, чтоб как-то завязать разговор.

- Ради дела потерплю.
- Зря ты так. Очень неплохой парень. Я его давно знаю. Еще с отцом его дружил. А какая была мама!
- Везде успел!
- Нет. Там не успел. Видел только на фотографии. Она умерла – Стаське еще год не исполнился.
- Печальная история...
- Так чем же он тебе не приглянулся?
- Не знаю... Есть ощущение, что я его уже когда-то видела.
- И что в этом плохого?
- Не знаю... Он на меня смотрел так, как будто наизнанку хотел вывернуть.
- Да-а, – Игорь Александрович усмехнулся. – Это за ним водится. От его взгляда и меня, бывает, передергивает. И все же? Чем он тебе не приглянулся-то?
- Не знаю... Я бы не сказала, что испугалась, но есть какой-то осадок жутковатости. И главное – я его где-то видела. Не помню, где и когда, но есть ощущение, что при обстоятельствах каких-то, ну-у... ну не совсем, что ли, обычных.
- Ир, что-то ты сегодня какая-то странная. Вообще-то, ты всегда странная, но сегодня как-то по-особенному, даже мне непривычно. А знаешь? Ведь Стаса действительно многие побаиваются, впрочем, этим он совершенно не отличается от тебя.
- Игорь! Ты меня боишься?
- Да не очень, но, как ты правильно сформулировала, есть некоторый осадок жутковатости. Знаешь, а вы со Стасом одного поля ягоды.
- Игорь, ты – дипломат.
- Нет-нет! Я серьезно. Есть в вас что-то похожее.
- Ага! Сравнил! Мебельный магнат и полунница дизайнерша.
- Да какой он магнат! Деньгами он, конечно, ворочает, но не такими уж и великими, к тому же все его состояние на самом деле принадлежит его жене, – Иру, к ее удивлению, покорило известие о женатом состоянии Радного. – Да я и не в этом смысле вас сравнивал. Как бы это выразить... Знаешь, вы с ним одной породы.
- Спасибо, спасибо, уже и собакой обозвали.
- Ой, Ирка! Вечно ты к чему-нибудь прицепишься!
- Ладно. Одной породы, так одной породы. И потом, какая разница, как я к нему отношусь? Даже, дай бог, если завяжется долгое плодотворное сотрудничество, видеть его, надеюсь, придется не слишком часто.
- Ты права, общение, вполне возможно, окажется исключительно телефонно-интернетовским, – и тут на Игоря накатил приступ тотальной храбрости. – Ира, что тебе говорил обо мне Поликарпыч? – о, если б он мог предположить ее реакцию, то, несомненно, справился бы со своей, столь внезапной и всепоглощающей, отвагой.
- Поликарпыч?! О тебе?! Ты что – издеваешься?! Я целый день пытаюсь выяснить, что там было, и тут появляется радостный Игореша и сообщает, что весь сыр-бор, оказывается, из-за его бесценной персоны!

- Ира...

- Что, Ира!?

Он хотел попытаться ей все объяснить, но решил не повторять только что допущенную ошибку и взял себя в руки. Только вот как выкручиваться, он тоже не знал. Но тут удача пришла ему на выручку.

- Ирочка! – в кухне нарисовалась Наташка. – Ой! Игорь Александрович, здравствуйте! – она заученно и неумело изобразила неосведомленность о пребывании соседки в неединственном экземпляре.

- Натулечка! Привет! Слушай, а Санёк-то так классно трахается!

- Ирка! Прости! Тут просто Люська сказала, что Сашка ее к тебе не ровно дышит. И вдруг ты его к себе позвала...

- Ага... А тебе, как назло, заглянуть в этот раз что-то непреодолимо помешало!

Наташа стала пунцовой.

- Ир! Ну, прости! Я ей даже рассказать ничего не успела. Она меня не слушала.

- Какое счастье! Да, девки! «Санта-Барбара» отдыхает! Чего стоишь!? Иди Люсе звони. Пусть поднимается.

Наташка радостно выпорхнула. Игорь Александрович про себя вздохнул с облегчением – вздыхать вслух он поостерегся.

Через минуту на Иркину кухню ввалились Люся с Николаем и Наташа с Вадимом. Обстановка разрядилась. Под шумок Игорь Александрович технично свалил. А компания еще где-то часок посидела, поохотала и, к немалой Иришкиной радости, в конце концов, рассосалась.

Давно стемнело. Где-то за стенкой Наташа воевала с Дашунькой и что-то выговаривала Вадику. Ира сидела на диване, поджав ноги. Включить свет было лень. Сегодня утром она передала Радному через Игоря Александровича мебельные почеркушки. Станислав Андреевич обещал позвонить ей лично дня через два.

Перед глазами, наверное, уже в сотый раз за этот безумно длинный день, плыли, поражая своей яркостью, картины ее сожжения. Теперь, уже точно зная, что с ней произойдет дальше, она спокойно разглядывала лица людей. Ей очень понравился обнаруженный ею интересный эффект, подобный возможностям, которые имеются при просмотре видео. Она могла смотреть с разной скоростью, возвращаться, использовать стоп-кадр, то увеличивать детали, то переходить на общий план, но не могла изменять сами события. Мало того, в отличие от кино, помимо слухового и зрительного восприятия, присутствовали, не менее, если не более ярко, осязание и обоняние. В общем, ей представилась фантастическая возможность изучить свой собственный сон во всех подробностях.

Пламя, нежно лаская, освободило ее. Она поднялась, полетела и вновь увидела огромного человека, махавшего ей рукой. Раньше она не обращала на него особого внимания. Так, только фиксировала боковым зрением. Теперь ее заинтересовало, находился ли он там с самого начала. Она вернулась. Грубая ткань вновь сдавила тело, толпа

снова заголосила гневно. Ира направила взгляд вдаль и вытянулась насколько могла. Да. Похоже, он стоит на том же месте, но видно очень плохо. Она «включила» приближение, но «разрешение» оказалось низковато, и фигура, «распавшаяся на пиксели», получилась очень расплывчатой. Ира, насколько это возможно, быстро «погнала» события вперед. Вот она летит. Человек внизу машет ей рукой. Она прямо смотрит на него – ближе, ближе, ближе...

Ира с диким воплем вскочила с дивана. Сердце билось в глотке. Дыхание, как после спринтерского броска. Вот где она уже встречала Радного... Она не сомневалась, что это не сейчас ей показалось – он всегда был там.

Глава 3 Искусство смирения

Запел мобильник.

- Алло!

- Ма! У тебя всё в порядке?

- Привет, Лешка!

- Привет! Так, как у тебя дела?

- Нормально всё, а почему ты спрашиваешь?

- Да так, просто позвонил, а что? Что-то случилось?

- Да нет... ничего... Вернее – случилось. Возможно, грядет большая работа. По мебели.

- Вау! Поздравляю!

- Пока рано, я же сказала, что «возможно».

- Раз «возможно», значит – возможно. В общем, я понял: отдала эскизы и сидишь ответа ждешь, да подушку грызешь.

- Да, наверное, что-то вроде того.

- Ну, давай! Удачи! Пока!

- Пока!

- - -

- Ну, что там? – пытаюсь скрыть волнение, спросил Влад – однокурсник и сосед Лешки по крохотной, снимаемой совместно однокомнатной хрущёвке.

- Да всё нормально, – ответил ему Лешка.

- Ты уверен?

- Ну-у-у-у... Ты же знаешь, мама давно хотела сделать что-нибудь по мебели и вот сейчас кому-то отдала эскизы и сидит, ждет ответа. Волнуется! А в остальном всё в полном порядке.

- - -

Лешка с Владом познакомились благодаря Ирине несколько лет назад, еще будучи школьниками.

Как-то в компанию, с которой отдыхала Иришка, затесалась училка биологии и весь вечер рассказывала об «идиотских придурках под-

ростках», с которыми сладу ну никакого нету. На замечание Иры о том, что детей всего лишь любить надо – ответила: «А вот пошла бы сама и “полюбила”!». И Ира, на спор устроилась на работу в школу. Ее предложение собрать в один класс всех самых-самых отъявленных и отдать ей, встретило бурный восторг директора. Учителей не хватало, и, несмотря на неполную «вышку» и несколько иной профиль образования, ей отдали специально сформированный «отпадный» 9Д, в котором она стала учителем Русского, Литературы, Истории, Культурологии, Этики и Эстетики (школа взвалила на себя статус гимназии), а заодно и классным руководителем.

Таким образом, первого сентября Ирина Борисовна Палладина переступила в качестве учителя порог «термоядерного» класса. Эффект превзошел все ожидания. В Иришкином арсенале имелось всего две оценки – «4» и «5», притом «4» она ставила только в самых «тяжелых» случаях. Нет, она не делала своим подопечным никаких поблажек. Дело в том, что если выполненная работа не соответствовала имеющимся в распоряжении оценкам, то ее следовало сделать заново и так до тех пор, пока не будет достигнуто это полное соответствие.

Ира имела непоколебимое убеждение, что учитель в школе для того, чтобы заинтересовать и научить, а не для того, чтобы уличить в лени и недобросовестности, и поставить «2». Она сумела одним, известным только ей, способом построить в классе крепкие дружеские взаимоотношения. Не прошло и месяца, как подопечные стали доверять ей свои самые сокровенные тайны и проблемы. «Придурки-подростки» буквально преобразились.

Однако столь несвойственные школе отношения стали раздражать руководство. Палладину попытались приструнить, но не тут-то было! На защиту поднялся весь класс вместе с родителями, которые, в отличие от общепринятых, полным составом неслись на все (у Иришки более частые) родительские собрания и принимали активнейшее участие в школьной и внешкольной жизни своих чад (естественно, тоже с Иришкиной подачи). Руководство «поджало губки» и вынужденно ретировалось. Незаметно ребята подтянулись и по предметам не входящим в компетенцию Иры. Вторую четверть класс окончил почти без троек, а на экзаменах, предшествующих обретению аттестата об общем среднем образовании, 9Д показал лучшие в школе знания.

Сам Влад, до Иришкиного прихода в школу, раза три оставался на второй год. Окромья карьеры дворника, если, конечно, не загремит на зону, ему ничего не прочили. Девятый класс он окончил с одной тройкой, по биологии – дура-училка не простила Владу его прошлых «подвигов». В аттестате о полном среднем образовании троек уже не было, да и четверки попадались редко. (Биологичка, стараниями родительского комитета, из школы свалила. Один из пап героически забрал ее в свой офис. Намучался, но детей в обиду не дал). Окончив школу, Влад честно отслужил в армии, а когда вернулся, Лешка потащил его с собой в Москву: «Ты же ничего не теряешь!», – и они оба поступили.

Долгожданный звонок раздался, как и было обещано, к вечеру второго дня.

- Ирина? Здравствуйте. Это Стас. Я просмотрел Ваши эскизы и готов к серьезному разговору.

- Где? Когда?

- Если не возражаете, завтра в 14.30, гостиница «Москва», офис 555.

«Хорошо, хоть не 666», – подумала Ира и ответила:

- Замечательно. Я подъеду.

- Жду. До встречи.

- До свидания, – сказала Ира и тут же поняла, что разговаривает уже только сама с собой.

До 14.30 завтра оставался еще целый вечер и целое утро. Можно расслабиться. Утонув в подушках дивана, Ира томно пролистала «Контакты» мобильного и выбрала «Женечка».

- Здравствуй, Женечка!

- Ира! Очень рад тебя слышать!

- А как насчет увидеть?

- Да неужели?! – воскликнул Женечка, будто свершилось нечто весьма долгожданное.

- Истинно! – усмехнулась Ира. – У меня завтра в 14.30 встреча в центре, а до этого я совершенно свободна. Правда, придется еще заехать домой, чтобы привести себя в порядок.

- Ира! – прошелестела укоризненная интонация. – Неужели ты сомневаешься, что после меня будешь в полном порядке?

- Ну-у...

- Собирайся. А я вызову тебе такси.

Элегантно, изысканно, роскошно, тонко, экстравагантно, стильно, изумительно, безупречно. Эти эпитеты имели прямое и непосредственное отношение к Женечке и ко всему, что его окружало. Познакомилась с ним Ира очень давно, еще тогда, когда работала у Игоря в офисе. Женечке понадобились визитки. Заказ оказался непростым. Визитки требовались на японском языке. Ирине пришлось тщательно вырисовывать каждый иероглиф. Женечка сидел рядом, источая тонкое изысканное благоухание, и объяснял ей смысл каждой линии и закорючки экзотической письменности.

Занимался он художественными переводами литературы всех областей гуманитарных знаний, отдавая предпочтение философии, филологии, эзотерике и оккультизму. На вопрос, сколько же на самом деле он знает языков, ответ звучал весьма туманный: «Достаточно...». Кроме переводов, Женечка также издавал и свои авторские труды в тех же областях.

За время их бдения над «японской» визиткой они прониклись друг к другу теплыми дружескими чувствами. Женечка стал постоянным клиентом Иры, а она, в свою очередь, его личным дизайнером и художником. Работы он подбрасывал немало: визитки на всех мыслимых и немыслимых языках, иллюстрации ко всевозможным статьям и очеркам в различных мировых изданиях. Приходилось ей заниматься и оформлением написанных им книг, а также и книг им переведенных.

Женечка фактически являлся гражданином Мира, но постоянно жить предпочитал в Сочи. В этом благодатном во всех отношениях и девственном во многих сферах крае, он спокойно работал, наслаждался жизнью и прикалывался, как хотел. А вот к Ире он относился очень серьезно. Они были настоящими друзьями. Без напряжения. Могли достаточно часто встречаться, а потом месяцами даже не созваниваться. Как-то они где-то с полгода прожили вместе в его квартире, сидя на его диване каждый со своим ноутбуком (в тот год Ирин Лешка по обмену учился в Англии).

Когда Женечка не загружал ее работой, Ира вспоминала о нем, если ей хотелось по-настоящему расслабиться. Она не отдавала себе отчета, что месяцами вообще не помнит о его существовании, а когда вспоминает, то сразу звонит и после второго гудка Женечка всегда берет трубку, и телефон не бывает никогда занят, или выключен, или вне зоны действия. Ее никогда не удивляло, что Женечка, активно разъезжающий по Миру, в то время, когда она о нем вспоминает, всегда оказывается в Сочи и даже будто ждет ее звонка. Обо всем об этом она никогда не задумывалась – она этого просто не замечала.

Как и всегда Женечка встретил у подъезда. Расплатившись с водителем, он помог Ире выйти из машины и, нежно взяв за руку, повел к себе.

Ира никогда не заходила к нему на кухню. Это находилось под негласным запретом. Гостиная, спальня, даже кабинет и библиотека – пожалуйста, но кухня – нет. Вообще, организацией Женечкиного быта, по его словам, ведала Анастасия Максимовна – домработница, однако Ира ее никогда не видела. Но Анастасия Максимовна – это будни. В особых случаях хозяин всегда готовил сам, притом равных ему не было.

Ира сидела на роскошном диване в изысканно, тонко, едва ощутимо благоухающей гостиной, наполненной негромкими звуками чего-то из ультрасовременного джаза. Женечка появился с плотно уставленным подносом. Он сервировал стол и сел рядом с Ирой, глядя в ее глаза с легкой загадочной улыбкой Джоконды.

- Рассказывай, – мягко, таинственно, и в то же время жестко и настойчиво произнес он. Ира почувствовала, что испугалась:

- Что?

- Ира, с тобой что-то случилось, – он мягко положил руку на ее плечо. Интонация была утвердительной.

- Жень! Неужели ты думаешь, что я приехала поплакаться тебе в жилетку?

- Нет. Я так не думаю. Ты позвонила мне, когда сумела абстрагироваться от того, что случилось.

- И откуда ты все знаешь? – попыталась отшутиться Ира.

- Я тебя чувствую, – Женечка все так же улыбался.

- Ты меня пугаешь...

- Не бойся. Лучше рассказывай.

- Мне кажется – ты и так все знаешь... – Ира сказала это без какого-либо умысла просто для поддержания беседы, ничего не имея в виду и ни на что не намекая. Ее била мелкая дрожь.

- Знаю, – гипнотически медленно подтвердил Женечка.

Ира молчала, впад в оцепенение без чувств, без мыслей. Ее всегда поражала пронизательность Женечки, но сейчас, по ее ощущениям, происходило нечто из ряда вон выходящее.

- Ира, у меня очень тепло – разденься.

- Что? – Ира пришла, а точнее «впрыгнула» в себя.

- У меня очень тепло – разденься, – повторил он.

- В смысле?

- В смысле,ними с себя всю одежду.

Ира смутилась. Дрожь стала крупной.

- И-ра... – очень жестко произнес Женечка.

За всей его видимой мягкостью, бархатностью, приторностью скрывалась железная, стальная непреклонность. Он выжидающе смотрел на Иру. Она поднялась и стала медленно раздеваться, вся дрожа от термоядерной смеси страха, неловкости, возбуждения и смущения.

- Кидай на пол. Я уберу, – сказал он, когда ей, в конце концов, удалось стянуть с себя свитер. Свитер выскользнул из ее рук и упал.

- Дальше... – исключая возражения, произнес Женечка.

Он в упор жестко смотрел на Иру, от чего смесь ужаса и смущения становилась нестерпимой. На теле остались только трусики и лифчик – остальная одежда валялась на полу.

- Снимай, снимай... – Женечка поднялся и отвернулся, направившись к стоявшему в углу креслу.

Ире показалось, что он сжалился над ней, но, как только ее руки коснулись застежки бюстгальтера, его безжалостный взгляд вновь впился в нее. Он так и смотрел, одновременно пододвигая кресло.

- Садись.

Пока Женечка аккуратно складывал ее одежду, Ира вжалась глубже в кресло, закинув ногу на ногу и сложив руки на груди прикрывшись. Они давно знали друг друга, их связывала крепкая дружба, они плодотворно сотрудничали и, будучи очень близкими духовно, не раз оказывались и в одной постели, но то, что происходило сейчас, напрочь выбило Иру из колеи.

Женечка сел напротив и снова пристально уставился на нее.

- Тебе холодно? – его голос убивал своей беспощадностью.

- Нет, – еле слышно проговорила Ира.

- Сядь на самый краешек, – она повиновалась. – Откинься на спинку. Руки на подлокотники, – Ира замешкалась. Женечкин взгляд стал еще жестче. Она медленно развела руки и положила, как сказано. – Раздвинь ноги... шире...

Женечка невыносимо беспощадно разглядывал Ирино тело во всех подробностях. В глазах потемнело, но окончательно потерять сознание он ей не дал, поймав последнюю его искорку, вставши позади и положив руки ей на голову.

- А теперь – рассказывай. Рассказывай все, что видела, слышала, чувствовала, переживала, и все, что делала и наяву, и во сне, начиная с отключения света и заканчивая звонком мне. Все в мельчайших подробностях.

Пока Ира рассказывала, он нежно перебирал ее волосы.

- ... и позвонила тебе.

После этой фразы Ира, не успев понять «как», оказалась на диване.

- - -

Реальность начала вновь обретать привычные черты. Ира обнаружила себя сначала у Женечки на руках, потом в горячей ванне с целой горой пены. Женечка сидел на краешке и рассказывал ей детские, но при этом очень смешные анекдоты. Затем он смыл с нее остатки пены, завернул в огромное белоснежное мягкое пушистое полотенце и отнес в комнату.

- Ну? Полегчало? – тепло спросил Женечка.

- Да.

- Прости, что пришлось малость поизмываться над тобой, – Женечка добродушно усмехнулся. – А признайся честно – ведь понравилось?

- Честно?

- Конечно, честно!

- Понравилось, – процедила Ира сквозь зубы, опустив глаза.

- Может, как-нибудь, повторим?

- А может, не надо?

Женечка расхохотался и чмокнул ее в щеку.

- Не бойся. В следующий раз я постараюсь быть помягче.

Женечка приторно улыбнулся и внезапно перешел на серьезный тон.

- А теперь выслушай меня внимательно и поверь на слово. Я ждал, что с тобой случится что-то подобное. Я, правда, думал, что ты сразу появишься у меня, но...

- Жень, я не понимаю...

- А разве я просил понять? Я сказал: выслушай и поверь на слово. Итак, ты теперь знаешь все, что тебе нужно знать для начала. Ты не помнишь, не понимаешь, но знаешь. Если б ты сразу пришла ко мне, я не избавил бы тебя от страданий. Видишь ли, когда ты в курсе, что происходящие с тобой далеко не самые приятные процессы не плод каких-то нарушений, а закономерная необходимая неизбежность, уже легче. Готовься! Дальше будет еще и хуже, и мучительней, и страшней. Наберись терпения и сил, так как выход только один: просто пережить. Ты, правда, решила, что отыскала другой выход – закрыться повседневностью.

- Ничем я не закрывалась, – вставила Ира.

- Разве? Явилась ты ко мне во вполне умиротворенном состоянии.

- Меня отпустило после Лешкиного звонка.

Женечка как-то странно усмехнулся.

- Понятно... и все же, хочу обратить твоё внимание на то, что закрываться повседневностью – это не выход. Это лишь обеспечение себе передышки. Кстати, можешь этим пользоваться, если совсем худо будет. Но не увлекайся.

- Женечка, а ты можешь хоть намекнуть мне, что такое эдакое я знаю, но не помню?

- Нет, не могу. Во-первых, потому что ты сама должна вспомнить, а во-вторых, если я тебе сейчас стану это рассказывать, то... В общем, если ты воспримешь сие с точки зрения обычного человека, то непременно вызовешь мне «скорую помощь» из психушки. Ну а если даже

и воспримешь как должное, то, возможно, тебе самой «скорая» понадобится. Так что всему свое время. Главное – это смирение, а смирение – это отказ от бесплодной борьбы с обстоятельствами в пользу овладения собой. Проблемы не коснутся твоей жизни во миру, а это труднее. Когда что-то не так в обычной жизни, у тебя есть сочувствие, понимание и поддержка родных и близких. А вот когда тебе во всем, по меркам окружающих, сопутствует успех и удача, и тебе, по их мнению, и пожаловаться не на что – это гораздо тяжелее. В общем, я тебе сочувствую. Но не отчаивайся – всякий ношу по плечу берет.

Ира хотела что-то спросить, но Женечка остановил ее жестом.

- Запомни главное: СМЕРИТЬСЯ. Смирись, но не покоряйся. Смирение и покорность – разные вещи. Покорность – это подчинение обстоятельствам, потакание и следование им. Смирение – это отсутствие попыток каким-либо образом изменять обстоятельства, влиять на них. Не пытайся изменять обстоятельства, какими бы они ни были, в какой бы реальности ни происходили. И учти: отгораживаться чем бы то ни было – это не смирение, не владение собой. Это смесь тупой покорности с попыткой бесплодной борьбы с обстоятельствами. И жалеть себя, упиваться своими страданиями – это тоже не смирение, не владение собой. Это тоже смесь тупой покорности с попыткой бесплодной борьбы с обстоятельствами. А теперь давай займемся твоим сном.

- Женечка, ты думаешь, это вещий сон? – Ира спросила с иронией, которой тщетно пыталась защититься от натиска.

Женечка рассмеялся:

- Ой, Ирка! Не борись с обстоятельствами – прими. Сама ведь знаешь, что не сон.

- Жень, но ведь и не явь?

- Явь. Только не вот эта вот, – Женечка обвел вокруг себя руками. – Ты молодец, что сама осознанно узнала одного из присутствовавших, но он там не единственный твой знакомый. Прокрути сейчас еще раз эти события и внимательнее присмотришься к людям.

Ира прикрыла глаза и на удивление быстро оказалась крепко привязанной к столбу. Снова орал черный священник, и толпа вторила ему. Она переходила от лица к лицу, внимательно разглядывая их. Для этого ей приходилось «останавливаться» на моменте вознесения и «возвращаться» к началу. Лица выглядели ясно, но знакомых она не находила. И вдруг... Влад, ее бывший ученик, и друг Лешки. В какой-то момент он перехватил ее взгляд и указал левее и назад. Ира посмотрела в ту сторону и увидела... Аристарха Поликарповича. Он улыбнулся ей, и она поняла, что не нужно больше возвращаться к началу. Ира, не сводя глаз с Аристарха Поликарповича, поддавалась пламени и оказалась, как и положено, в небе. Аристарх Поликарпович указал глазами на Владу, затем на Радного, а потом, раскинув руки, на обоих, и все втроем помахали ей. Она поняла, что видела это все каждый раз, но не замечала, как в детской головоломке «Найди слона» или жирафа, или еще кого-нибудь. Ира, паря над горами, вдруг ощутила нежные ласки пламени и открыла глаза. Женечка нежно водил рукой по ее щеке. Иру как молния поразила.

- Ира, это не сон. Это действительно случилось. Случилось с тобой. Что именно? Сейчас ты этого не сможешь понять. Скажу одно: с тобой произошло то, что по своим масштабам сопоставимо со смертью или с рождением.

- Женечка! – у Иры все клокотало от любопытства. Женечка улыбнулся ей. – Я не знаю, как это правильнее сказать...

- Скажи, как есть.

- Жень... ты... был... пламенем?

- Ну почему же «был»? – и он вдруг заструился по ней нежными, ласковыми красно-желто-оранжевыми языками. Ира ошалела. Женечка снова принял человеческий облик. – Я могу становиться пламенем.

Ира долго сидела, уставившись в точку, а затем изрекла:

- Тихо шифером шурша, едет крыша, не спеша...

Женечка рассмеялся:

- Да-а... На сегодня с тебя, пожалуй, хватит. Идем баньки.

- - -

Новый день начался с пенной ванны, массажа, легкого изысканного завтрака...

- Ира, выйдешь пораньше. Тебе обязательно нужно немного прогуляться. Не заморачивайся по поводу вчерашнего. Не задавай себе слишком много вопросов, лучше потом задашь их мне.

- А можно сейчас?

- Нельзя. Ты сама должна принять, что то, что произошло – реально произошло, и не только это принять, а и еще нечто, словами невыразимое. И принять, это не значит насильно втиснуть в свой мозг тупую веру. Ты должна принять это всем своим существом, а на это нужно время и еще нечто словами невыразимое и, пожалуй, более важное, чем время. Пока этого не случится, я больше ничем помочь тебе не могу... А хотелось бы... Для тебя наступили не лучшие времена, хотя, как сказать... Будет тяжело, но у тебя получится... уже получается. Всё. Тебе пора.

Женечка проводил Иру до Ривьеры, рассказывая смешные детские анекдоты, нежно поцеловал и попрощался. Она осталась одна. Сочи благополучно жил своей сонной зимней жизнью. И тут на нее накатило. Она ярко вспомнила вчерашний вечер и не просто вспомнила – ее была вчерашняя дрожь, но без каких-либо оттенков эротики.

Женечка далеко небезраздно интересовался эзотерикой и оккультизмом, великолепно разбирался в психологии. Ира это знала, как никто другой. Его проникаемость почти не ведала предела. Это она тоже знала. Он умел манипулировать людьми. И это она тоже не раз наблюдала и испытывала на себе. Но такое? Что это – гипноз? А может, он что-то подсыпал ей? С другой стороны, ее необычный сон приснился ей безо всякого его участия. А может...

Ира присела на лавочку и закурила. С другой стороны, зачем это ему? Решил поупражняться? Нет, вряд ли. Она знала его давно – это не в его правилах. С морально-этической стороной у него все было в порядке. Или она все же его плохо знала? И вдруг вздрёг внезапно оборвался.

- Все нормально? Это тебе подарок, но только на сегодня, – Женечка говорил тихо у самого уха. – Прости, но иначе – никак.

Ира повернулась и подняла голову – никого не было. Секундная дрожь пробежала по телу, и все стихло. Новая резкая перемена настроения понравилась ей больше, и она, следуя совету Женечки, решила больше «не заморачиваться», как минимум, хотя бы сегодня. В конце концов, сегодня решалась ее судьба, по крайней мере, в сфере повседневности, а это, что бы там ни говорил Женечка, тоже немаловажно, мягко говоря.

- Ира! Какими судьбами? – Игорь Александрович как из-под земли вырос перед ней.

- У меня встреча с Радным в полтретьего.

- А-а! Видел его вчера. Он от твоих бурных фантазий в диком щенячем восторге. Спит и видит подписанный с тобой контракт.

- А ты, смотрю, не разделяешь его восторгов, так?

- Ир, я, как всегда, на твоей стороне, тем более что имею к этому непосредственный сугубо личный интерес, но... Я тоже просмотрел.

- И что?

- Видишь ли, Стас прекрасный бизнесмен, но он не инженер и не дизайнер. У него есть чутье, но... Ира, по-моему – это бред. Его инженеры на дыбы встанут.

- Ничего страшного. Поеду и верну в исходное положение.

- Даже если так, а если все провалится в самом принципе, а? Ира, ты – одаренный художник, слов нет, но тут ведь точные расчеты: сопроматы, перцентили всякие, а?

- Игорёшь, рассчитаем.

- Ну, Ирка!!! – незаметно они подошли к «Фениксу». – Посидим?

- Пожалуй, да.

Они зашли.

- Игорь, все хотела спросить: как там Аристарх Поликарпович?

- Давно к себе вернулся.

- Вроде ты говорил, он какой-то важной встречи ждал – дождался?

- Знаешь, я сам не понял. Три месяца в Сочи сидел, а улетел к себе на следующее же утро, после того как вы уехали. Я его даже спрашивал, в аэропорту уже, а он только улыбнулся, сказал: «Мне пора», – и ушел на регистрацию. А почему тебя это интересует?

- Да так... праздное любопытство... Ой! Двадцать минут третьего! Игорёшь, я побежала.

- Беги, беги... Удачи! Зайди ко мне после.

- Ладно!

Радный сосредоточенно таращился в монитор ноутбука.

- Присаживайтесь, – он кивнул Ирине, не отрываясь от поглотившей его внимание деятельности, и указал на единственное, изрядно потрепанное, кресло. – Это – временное пристанище, – пояснил он, оправдывая убожество обстановки крохотного гостиничного номера, снятого под офис.

Ира молча села и, пользуясь крайней сосредоточенностью хозяина, стала его разглядывать. Радный поражал своими габаритами. От него веяло немыслимой тяжестью. Эта тяжесть присутствовала во всем и даже в невероятно тихом голосе. А говорил он действительно очень тихо, но слова произносились настолько тяжело, отчетливо и ясно, что, казалось, никакой шум и грохот неспособны помешать им достичь слуха собеседника. Еще Ира поняла, что он отнюдь не жирный и не медлительный, как показалось ей при первой встрече. Теперь он представился ей огромной многомиллиарднотонной урановой планетой, стремительно мчащейся по своей орбите.

Результат общения превзошел все, даже самые смелые Иришкины ожидания как по масштабу предстоящей работы, так и по размеру денежного вознаграждения. Ира, привыкшая работать только честно, откровенно высказала Радному опасения Игоря Александровича, не забыв на него сослаться. Радный обозвал последнего премудрым пескарем и заверил Ирину, что даже если подобного рода проблемы и возникнут, то он обязательно вызовет ее на место, а своих инженеров обяжет исхитриться, но найти совместно с ней оптимальное решение. Иру поразила и немного напугала его безграничная в нее вера, и она заявила, что если честно, то даже мелкие мастерские послали ее с ее фантазиями куда подальше. Их Радный обозвал болванами.

- Ира, у меня такое впечатление, что Вы пытаетесь отговорить меня с Вами работать.

- Нет, конечно. Просто, возможные проблемы лучше стараться заранее предотвратить, нежели пытаться решать, если они действительно возникнут.

- Короче, Вас устраивают предложенные мною условия?

- Да.

- Тогда подписываем контракт, и за дело. Сроки я Вам не устанавливаю. В Вашем случае меня интересует результат. В конце концов, к этому сезону мы все равно не успеем.

- Станислав Андреевич...

- Стас.

- Хорошо. Стас, к этому сезону мы не успеем сделать весь объем, но если двигаться поэтапно, то уже к лету, по крайней мере, к середине, можно предложить часть ассортимента, и если потенциальный заказчик заинтересуется – привлечь инвестиции.

- А Вы хорошо мыслите не только в дизайне. Сможете самостоятельно разработать этот вариант?

- Думаю, что да.

- Действуйте, но помните, сроками я в любом случае Вас не обременяю. Получится – здорово. Нет – тоже не страшно.

На том и порешили, контракт подписали, и счастливая Иришка полетела в сторону офиса Игоря Александровича.

Всё!!! Долой рутину! До оскомины надоевшие визитки, буклеты, баннеры – долой! Как здорово, что она успела расквитаться со всеми последними заказами. Она без стука материализовалась в офисе Николаева и, не присев, порхая из стороны в сторону, взхлёб обрушила на него все свои новости. Иришкин эмоциональный взрыв застал Игоря Александровича врасплох. У него периодически возникали сложности с пониманием ее неумемного рвения. Наконец, Ира оказалась в кресле.

- Игорь, а расскажи мне про Радного. Сегодня он мне понравился больше, но все равно, какой-то он жутковатый.

- Я хорошо знал его отца. Андрюха уже при Брежневке занимал неплохой пост в партийных структурах. При Андропове уверенно пошел вверх, а во времена Перестройки удачно перестроился – деньгами ворочал только так! Стаську довольно рано к делу подпустил и не зря. Мальчишка воздух в золото превращал. Природный дар. Да еще две вышки – экономический и юридический – параллельно оканчивал. Мы несколько лет не общались, и вдруг узнаю – Андрюха застрелился, а у Стаса, окромя материнной квартиры в Химках, ничего не осталось. И тут ему невеста с приданным подвернулась – Ларочка. На шею сама вешалась, а он жутко переживал, что по расчету женится. Ларочка русская, но гражданка Франции. По одним данным, ее бабка с дедом – эмигранты, по другим – родители после войны и плена правдами-неправдами в Европе остались. Что на самом деле – никто не знает, но наследство у нее приличное. Почти сразу после свадьбы Ларочка укатила на Гавайи – ей там, видите ли, климат самый подходящий, а Стас впрягся в работу. Ездит к ней в гости, только она ему на шею там так активно вешается, что он больше трех дней не выдерживает. Подозреваю, что так и задумано – я имею в виду Ларочкой. В работе Стас пунктуален и честен. Платит щедро. Иметь с ним дело легко, просто, понятно, спокойно и выгодно. Вот, в сущности, и все. Я удовлетворил твоё любопытство?

- Наверное... – Ира задумалась. – Просто ангел во плоти, только плоти переборщили.

- Да, еще. У них с Ларочкой есть сын. Правда, сомневаюсь, что Стас его когда-нибудь видел, кроме как на фотографиях. Воспитывается в каком-то ультрановомодном пансионе. Ир, а может, нам отметить начало твоей новой деятельности?

- Не возражаю, – на самом деле Ире не терпелось попасть домой, но она чувствовала себя обязанной Игорю и посчитала, что отказываться нехорошо.

- Ирина Борисовна, жду Ваших распоряжений!

Ира рассмеялась, и они отправились в ближайший кабак.

Игорь Александрович привез ее домой в начале второго ночи. Ира была абсолютно трезвой, но знала об этом только она сама. Ей не терпелось, в конце концов, остаться одной, и поэтому пришлось убедительно демонстрировать полную невменяемость.

Глава 4

Просто принять

Иру разбудил звонок в дверь.

- Лешка?!

- Да вроде как я...

- А институт?

- Мам, у меня зимние каникулы начались.

- Ты что, уже и сессию сдал?

- Слушай, ни за что не поверю, что ты спать вчера вечером легла.

- Точно... не вечером, а ночью.

- Да нет! Ты спать, по-видимому, легла осенью и собиралась, как медведь, дрыхнуть до весны. Домой-то хотьпустишь?

- Придется, видимо! – усмехнулась Ира.

Лешка кинул сумку в прихожей и отправился вместе с мамой на кухню. Они общими усилиями соорудили подобие праздничного завтрака и заодно обсудили Лешкину сессию и предстоящую Ире работу.

- Мам, а ты сильно обидишься, если я послезавтра свалю до конца каникул? – спросил Лешка, усаживаясь за стол. – В Праге интересная мероприятие по нашему профилю, а у нас с Владом есть официальное приглашение. Правдами-неправдами выбрали!

- Вау! Молодцы – мои молодцы! А насчет «свалить» – запросто. У меня сейчас такая загрузка будет, что все равно тебе внимания уделить не смогу.

- Yes!!! – и Лешка кинулся набирать Влада.

А Иришка поняла, что ужасно боится видеть последнего, но что-то глубоко внутри подсказывало ей – встреча не состоится, по крайней мере, в ближайшее время.

Два дня пролетели в приятной суматохе и совершенно незаметно. Хоть суеты оказалось больше, чем достаточно, Ира прекрасно отдохнула. Вечером, пообещав звонить, мальчишки улетели. Провожать она их не поехала – слава богу, Лешка сам настоял.

И началось! Женечка рекомендовал ей не заморачиваться, а она и не заморачивалась! Ее как на части изнутри рвало. Хотелось выть и биться головой об стену. «Просто принять», – да Ира была готова согласиться с чем угодно, лишь бы отпустило. Но как это – «принять всем своим существом»?

Она сомневалась, что в таком состоянии сможет работать. Понадобились невероятные усилия воли, чтобы засадить себя за компьютер, но стоило это сделать, как Ира моментально «включилась». Стало вроде немного легче, однако вскоре выяснилось, что это ей только показалось. Новая волна с невероятной силой накатила на нее, при этом очень удачно содействуя работоспособности и творческой активности.

Ира ощутила себя Рогом Изобилия. Она с поразительной скоростью выдавала, как потом выразился Николаев, шедевр за шедевром. Ее трясло и выворачивало наизнанку, но при этом Ира за неделю осилила столько,

сколько в нормальном состоянии вряд ли и за месяц бы сделала. Правда, спала она всего по три-четыре часа в сутки. Так было проще: довести себя до полного изнеможения и забыться на несколько часов черным сном.

Ира поняла, почему Женечка сравнил происходившее с ней со смертью или рождением, только вот перечисленные выше процессы требовали меньших затрат по времени. Она не выдержала и позвонила ему. Мобильник радостно объявил, что нынче сей абонент ну не доступен, ну никоим образом. Ира порылась в недрах «Контактов» и к своей неопишуемой радости нашла телефон Анастасии Максимовны. Та ей еще более радостно заявила, что Женечка уехал и, возможно, даже на несколько месяцев. Ире ничего не оставалось, как с удвоенной, непонятно откуда берущейся, силой вновь накинуться на хоть чуть-чуть спасительную работу. К концу второй недели первый этап был почти готов.

Ира внимательно смотрела в монитор: «Всё. Оно». Она кликнула «Save» и в тот же миг раздался звонок в дверь. Ира, всем своим существом не выходя из программы, направилась в прихожую и, не задавая лишних вопросов, стала отпирать. Звук поворачиваемого ключа приветствовало громогласное «Ура!», исполненное стройным мужским дуэтом. На пороге стояли Лешка и Влад.

- Мам, как только закончилось все самое интересное, мы – сразу домой, так что у нас еще целых два дня каникул! – радостно возвестил Лешка. – Хотели сюрприз сделать и сделали, но только себе – у Влада матушка в санатории в Минводах. Можно он у нас перекантуется?

- Конечно, можно! Только разбирайтесь сами. Я что-то не особо вменяемая.

- А мы заметили – бледная, как поганка! – Лешка внимательно всматривался в мать. – Небось, работала сутками, и даже с гусями...

- ...и с павлинами, – добавила Ира.

- Ну, хоть успеваешь? – ничуть в этом не сомневаясь, спросил Лешка.

- Иду с опережением графика.

- Лешка! Быстро хватай мать свою на слове! – пробасил Влад из-под самого потолка.

- Уже поймал.

- Та-ак... и что это вы задумали, хлопцы, а? – Ира с ехидным подозрением переводила взгляд с одного на другого.

«Хлопцы» заговорщически переглянулись.

- Завтра собираем веселую толпу, ты бросаешь все, и чешем в Лоо, в аквапарк.

- Ирина Борисовна! Возражения не принимаются.

- И вообще, мам, мы тебя ни о чем не спрашиваем, ничего тебе не предлагаем, а просто ставим в известность.

- Так значит, выбора у меня нет?

- Никакого!

Ира смотрела на них с теплой благодарностью.

- Ах, мальчишки вы мои мальчишки! Что бы я без вас делала?!

- В компьютер пялилась! – Лешка обнял мать и поволок на кухню. – Перекусить есть чего-нибудь?

- Не-а...

И действительно, в доме было шаром покати. Леша с Владом без лишних вопросов в единый миг унеслись в магазин и уже в следующий миг разбирали содержимое пакетов. К хозяйству Иру не подпустили, но и с кухни уйти не дали:

- Влад, мы ее очень удачно выдернули. Если сейчас упустим – потом опять вытянуть может и не получится.

Приготовление пищи перемежалось телефонными звонками, и, к накрытию стола, список завтрашней компании в целом сформировался. Ужинали весело, а потом Лешка лично выключил компьютер и уложил мать спать. Сами они тоже не засиживались – завтрашний день намечался «напряженным».

- - -

Ира проснулась, как ей показалось, очень рано. Она накинула халат и тихонько, чтобы не разбудить уставших с дороги ребят, вышла из своей комнаты. Ее предосторожности оказались напрасными – Лешка и Влад уже давно встали.

- Мамуль! Доброе утро!

- Доброе утро, Ирина Борисовна!

- Привет, ясны соколы!

- Ирина Борисовна, доступ к компьютеру строго воспрещен.

- Слушаюсь и повинуюсь, – вздохнула Ира.

Едва она успела привести себя в порядок и сунуть в рюкзачок полотенце с купальником, как «ясны соколы» объявили, что транспорт уже ждет и пора выходить. Компания собралась большая: Наташа с Вадиком и Дашунькой, Люся с Николаем и сыновьями, а так же бывшие Ирины ученики – одноклассники Влада – с родителями. Иришкин Лешка вырос в их компании – со своим классом ему, к сожалению, не повезло. А весь подопечный Иришке класс еще в школьную пору сдружился семьями, и теперь присутствовал в почти полном составе, так что транспортными средствами служили два ПАЗика, предоставленные одним из пап.

Выход Ирины из подъезда присутствующие встретили оглушительным ликованием и кинулись наперебой с криками и визгами обнимать и целовать любимую учительницу. И еще неизвестно, кто вопил и скакал больше, повзрослевшие детки или их родители. В общем, все Ирины давешние муки будто рукой сняло. За бурным общением она не заметила, как они оказались на месте. Просто, в один момент Ира обнаружила себя стоящей в купальнике на краю бассейна. Резвились как дети, переплунув во сто крат малолетнюю Дашуньку.

Ира прыгнула в бассейн. Там ее поймал Влад и поволок на высоченную башню, соединенную с бассейном замысловатым сооружением в виде причудливо загнуто-выгнутой трубы. Иришка весело отбивалась. Она, честно говоря, побаивалась подобных развлечений. Влад крепко обхватил ее, и они понеслись вниз. Сильные руки бережно сжимали. По Ириному телу пробежала дрожь, но не от страха. Влад почувствовал, и его рука скользнула вниз по ее животу. У Иры перехватило дыхание. Она

всеми силами своей воли пыталась контролировать себя, но получалось плохо. Вспомнилась курьезная история с Люськиным сыном. Влад постарше его на несколько лет, но это не успокаивало. И вдруг, ко всему прочему, перед внутренним взором мелькнуло лицо Влада из ее сна...

Домой вернулись часов в восемь вечера. Большая часть еще по дороге рассосалась, а костяк собрался за столом у Иришки, и веселье продолжилось.

Молодь решила податься в какой-нибудь клуб. Ирину Борисовну тоже звали с собой, но она, сославшись на усталость, отказалась. А когда дружная толпа собралась на выход, выяснилось, что одной ей остаться не удастся – Влад неожиданно вызвался помочь с уборкой. Она отказывалась от помощи, вызывался помочь Лешка, но Влад Лешку ненавязчиво спровадил, а ее вообще слушать не стал.

Все стихло. Ира удрученно взглянула на кухню – да, без помощи ей точно этого не осилить. А собственно, чего она переживает? Быть может там, в замысловатой трубе аквапарка все случайно вышло, и сам Влад ничего не заметил и не понял? Может, это она сама себе все накрутила? Во всяком случае, чисто внешне, в его поведении ничего странного никто, кроме нее, вроде не заметил. Да. Точно. Сама накрутила.

- Влад, ты как хочешь, а я сначала в душ, потом кофе, а затем займемся уборкой – ладно?

- Нет проблем, Ирина Борисовна! – его голос звучал совершенно обычно. Ира окончательно успокоилась.

И все же, уже под душем, она еще раз вспомнила всю ситуацию. Вспомнила, как ей мельком удалось перехватить его взгляд, когда он выносил ее из воды. Нет. Ничего крамольного. Даже тени.

Ира вытерлась, сполоснула и повесила купальник, оделась и вышла. Кухня сияла чистотой. Сзади подошел Влад. Она не увидела, не услышала, а почувствовала, что он стоит почти вплотную у нее за спиной. Его руки легли на ее плечи – нежно, но властно. В аквапарке ей ничего не померещилось...

- У меня есть выбор? – тихо спросила она.

- Нет, – так же тихо ответил Влад.

- - -

Проснувшись утром, Ира не решалась выйти из комнаты. Восхитительная ночь, проведенная с Владом, вселила в нее полное замешательство – она не знала, как ТЕПЕРЬ выйти из комнаты, и вообще, как вести себя, как жить дальше. Ира несколько раз вставала и снова ложилась.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Влад. Перед Ириными глазами мелькнул класс и неугомонный переросток с последней парты.

- Доброе утро. Леша пришел только в половине седьмого утра, так что проснется не раньше обеда.

- Влад...

- Ирина Борисовна, все в порядке.

- Влад... – снова попыталась она начать нелегкий разговор.

- Ирина Борисовна, мне, кроме Вас, никто не нужен, и я это не сейчас придумал. Это серьезно, – Влад говорил спокойно и твердо.

- Лучше бы это оказалось всего лишь пикантным приключением, – сказала выбитая из колеи Ира после долгой паузы.

- Почему?

- Влад, конечно, тебе не семнадцать лет, как Лешке, и в сыновья ты мне даже с натягом не годишься, но все равно – ты слишком молод.

- «Слишком молод» для чего?

- Влад... ты ведь понимаешь...

- А Вы?

- Знаешь, «серьезно» у тебя должно быть с девушкой подходящей тебе по возрасту, на которой ты женишься, и которая родит тебе детей.

- Почему?

- Потому, что так положено.

- Кем? Когда? Зачем?

- Влад, ты обязательно встретишь такую девушку и женишься на ней, и она родит тебе детей, и вы будете счастливы.

- Допустим. Я ее встречу, женюсь, детей она мне нарожает... пусть... раз так положено. Но я все равно останусь рядом с Вами.

- Влад, ты, вообще, осознаешь, что сейчас говоришь?

- Вполне. Ирина Борисовна, я действительно не сейчас все это придумал.

Ира понятия не имела, что ей делать. Она не раз выслушивала банальные клятвы в вечной любви от самых разных представителей мужского пола и умела с этим бороться. Но Влад для нее не относился к разряду «самых разных», и к тому же он не клялся в любви, он говорил о чем-то действительно очень серьезном... Не зная что делать, Ира продолжила городить первую приходящую в голову чушь.

- Влад, я – взрослая женщина, гораздо старше тебя. У меня сложившийся образ жизни, который мне очень нравится. И я приложила немало усилий, чтобы сложить его именно так...

- Я разве сказал, что хочу что-то изменить в Вашей жизни?

- Влад...

- Не обижайтесь, но сейчас Вы просто чушь всякую городите.

- Что ж обижаться? Ты прав.

- Так может, лучше просто принять?

«Просто принять» молнией пронзило Иру насквозь.

- Ирина Борисовна, я буду рядом с Вами. Я хотел этого с самого начала, еще в школе, а теперь я знаю точно, что так и должно быть.

Ира молча смотрела на него. Выражение его лица было таким же, как в том странном сне, когда он перехватил ее взгляд. Вдруг он, как тогда, повернул голову в ту самую сторону – левее и назад – где тогда стоял Аристарх Поликарпович. Она машинально «проследовала» за его взглядом. Он резко перевел взор на нее и «поймал» то, что хотел, то, что ожидал.

- Ведь это действительно было?

- Что – было? – Ира поняла, о чем он, но, изо всех сил старалась не подавать виду.

- Вы с ним уже знакомы, или еще нет?

- С кем?
- С Аристархом Поликарповичем.
- Я знакома с человеком, носящим такое имя.
- Давно?
- Я познакомилась с ним где-то не более месяца назад.
- Значит, все действительно так.
- Что?
- Но Вы ведь всё знаете.
- Наверное, знаю, но мне кажется, что не всё.

- Где-то не более месяца назад, как раз в разгар сессии я возился на кухне. Леша только что уехал в библиотеку – предстоял серьезный экзамен, а у нас дома не оказалось необходимых материалов. Вдруг, как ниоткуда появился старик. В общем-то, такой... вполне обычный. Представился: «Аристарх Поликарпович», – и сел рядом. Он говорил о Вас. Очень много и долго говорил, но я, почему-то, не смог все это запомнить. Потом он попросил пойти с ним, предупредив, что зрелище мне предстоит жутковатое, но вмешиваться в то, что произойдет, нельзя ни в коем случае. Единственное, что я должен сделать, это указать Вам на него, так как меня Вы знаете, а его еще нет, но обязательно должны запомнить, иначе можете не узнать, когда это действительно станет жизненно необходимо. Я согласился, и мы тут же оказались на поляне.

Там была целая толпа народа и священник в черном. Они под его руководством охапками скидывали хворост вокруг шеста. Потом на телеге привезли Вас и привязали к шесту. Они долго кричали, пели и молились, а потом священник зажег костер. Жуть полная! И вдруг Вы полетели. Я всеми силами пытался перехватить Ваш взгляд, и, в конце концов, мне это удалось, и я глазами показал Вам на Аристарха Поликарповича, а он затем указал на меня и еще на одного человека очень высокого роста и в самом принципе просто огромного, который все время стоял чуть поодаль. Мы вдвоем помахали Вам.

А потом я снова оказался на кухне вместе с Аристархом Поликарповичем. Он поблагодарил меня и на прощанье сказал: «Помни, что ты пообещал сам себе, будучи еще подростком. Будь всегда рядом с ней, но никогда ни во что сам не вмешивайся. Стань для нее вещью, которой пользуются при необходимости и о которой забывают за ненужностью. Это нелегко, но ты сам так решил. Удаchi!». Я открыл ему дверь, и он ушел. Понимаю, что не могло это случиться на самом деле, но точно знаю, что не засыпал и не просыпался.

- Влад, мало ли что привиделось уставшему студенту.
- Ирина Борисовна, я действительно поклялся себе.
- Влад, неужели ты действительно хочешь стать вещью, которой пользуются при необходимости и о которой забывают за ненужностью?
- Я могу рассчитывать на большее?
- Нет.
- В таком случае я не согласен на меньшее.
- Как знаешь... – Ира улыбнулась.

Влад улыбнулся в ответ и перетащил ее к себе на колени. Она положила голову ему на плечо.

- Влад, пообещай мне, что у тебя будет нормальная семья.

- Обещаю.

Он нежно коснулся губами ее щеки.

- - -

Когда проснулся Лешка, Ира и Влад готовили ужин.

- А вы неплохо смотрите! – сказал он, заходя на кухню. Ира слегка покраснела.

- А вот так? – Влад притянул ее к себе и обнял.

- Еще лучше! – радостно заключил Лешка и присоединился к общим хлопотам.

Глава 5

Другая сфера

Утром мальчишки уехали, а к вечеру, во вновь накатившей нестерпимо мучительной волне Ира закончила первый этап своей работы и скинула на FTP сервер Радного готовые эскизы и чертежи с аннотацией. На следующее утро к ней приехал сияющий Игорь Александрович.

- Ну, Ирка, ты даешь! Стаська в восторге! Он ожидал первых ласточек самое раннее месяца через два-три, а ты ему за две недели выдала! Говорит – полный отпад! Мне-то хоть покажешь, что ему отравила?

- Зачем? Чтобы обругал последними словами?

- Почему ж я должен ругать? Стас доволен.

- Вот и славненько.

- Так, покажешь?

- Нет. Я суеверная.

- А у меня, по-твоему, глаз дурной?

- Игорь. Хватит стрекотать как сорока, лучше кофе сварь.

Он послушно встал к плите, а Ира вновь села к компьютеру.

- Ир, кофе готов.

- Тащи сюда.

- Ириш, ты за две недели горы свернула, может, выходной бы себе сделала, а?

- Игореша, на Том Свете времени для отдыха будет больше, чем достаточно.

- Ир!

Ира оторвалась от монитора и повернулась к нему.

- Слушай, а где твоя Алиночка?

- Мы расстались.

- О боже! Ну заведи себе какую-нибудь Альбиночку! Чего ты меня-то терзаешь, а?

- Ир...

- Хочешь меня осчастливить?

- А это возможно?
- Возможно.
- Как?
- Свали.
- Ир, ты что, не с той ноги встала?
- Нет. Я не с той руки зубы почистила.
- Извини.

Игорь тихо вышел из комнаты. Обследовав кухню, он понял, что есть Ирке, в общем-то, нечего и отправился в магазин.

Ира как в полусне констатировала звук закрывающейся входной двери и утонула в изнуряющем муками состоянии. Она периодически ловила себя на том, что вообще не думает. Ее била дрожь, крутило и выворачивало, а в компьютере с невероятной скоростью появлялись новые файлы. Она понятия не имела, сколько прошло времени. Входная дверь периодически открывалась и закрывалась, кто-то возился у нее на кухне, ее чем-то кормили. Иногда она ловила себя в душе. Иногда – засыпающей в постели. Иногда каким-то отдаленным участком мозга, понимала, что с ней разговаривают: о чем-то спрашивают, и она что-то отвечает. Пару раз даже заметила смену времени суток, но все это будто в полусне.

В конце концов, настал момент, когда она поняла, что сотворила все, что от нее требовалось. Все перепроверив, должным образом сохранив и переправив Радному, Ира выключила компьютер и подошла к окну. Лил дождь. Деревья стояли зеленые – в последний раз она видела их с набухающими почками. Часы показывали десять часов утра. «Ты должна принять, что то, что произошло – реально произошло...», – вспомнила она слова Женечки. А собственно, что произошло?

Ну прожила она неделю, как во сне, и сон этот не запомнила, а потом увидела странный сон и восприняла его как реальность – ну и что? Как будто в первый раз! Ведь у нее и раньше частенько бывали периоды, когда она сон от реальности отличала только с помощью способности летать: во сне это получалось, а наяву – нет. Что же ее так терзает и ломает? А впрочем, разве раньше такого не было? Было. Да еще как! Нет, не так. Ира остро почувствовала, что на сей раз, с ней действительно произошло нечто такое, что делит жизнь на «до» и «после». А вот ЧТО произошло?

Она еще раз отстраненно прокрутила все события. В них действительно не находилось ничего для нее странного, чего бы раньше с ней не происходило. Она, конечно, далеко не все помнит, но...

Вот, например, сейчас... она понятия не имеет, сколько прошло времени с момента, когда она отправила Радному первые эскизы. И что все это время творилось вокруг, она тоже не помнит. Ну и что? Ведь по этому поводу не терзает? Она всегда, когда с головой уходила в работу, не помнила, что в это время творилось вокруг. Стоп. «Когда уходила в работу». У Аристарха Поликарповича в работу она не уходила. Да нет

– бред. Ира вспомнила, как со всех ног кинулась к Игорю, узнать, что было. Потом Радный. Ее вымучивало, и тут позвонил Лешка, и все прошло. А потом Женечка, и все началось по-новой и с новой утроенной силой. Но на время пребывания Лешки все стихало. Нет, не стихало.

Ира долго думала и нашла сравнение: словно внимательно смотришь фильм, и вдруг кто-то отвлекает, но пока ты занят другим, действие не останавливается, просто, ты как бы выпадаешь из него, а потом снова подхватываешь.

Перед внутренним взором пронесся весь процесс работы. А ведь действительно с ней что-то произошло! Да, она всегда работала достаточно быстро, но теперь! Она рассчитывала первый этап закончить за месяц-полтора, может, даже и два, а управилась всего за две недели. На остальное она прикинула где-то полгода, а то и год, и...

Кстати, а какое нынче число... месяц... Ира глянула на экранчик мобильного – 17 апреля – чуть больше полутора месяцев. Ни ... себе!!! Она все это время работала, не задумываясь, и не осознавая момента виртуальной материализации идей. А ведь... А ведь она больше не страдает! В состоянии ничего не изменилось, но дискомфорт от этих ощущений, чувств пропал! Когда это случилось, она тоже не заметила. Может, просто привыкла? Да нет, наоборот, она по привычке вот только что сейчас выясняла сама у себя, почему же ее так мучает, а ее, оказывается, уже не мучает, ей как-то даже вроде хорошо. Ира решительно встала, оделась, взяла зонт и вышла из дома.

Дождь лил, как из ведра. Сверкали молнии. Грохотал гром. Совсем стемнело. Ира посмотрела на часы мобильного – 00.00. На раздумья ушло целых четырнадцать часов! Не хило... Ира спустилась к Сочинке и пошла по набережной. Вдоль Ривьерского моста вышла на проспект. Охваченный ливнем город словно вымер, только на Платановой аллее пара молодых людей пыталась изловить такси.

Зонт выполнял чисто бутафорскую функцию – Ира промокла до нитки. Ветви платанов перед «Поцелуевским» то и дело проводили по несчастному зонту молодыми мокрыми листьями – жутковато. Ира закрыла бесполезный зонт. Лестница Мамонтова спуска (Пролетарского подъема) напоминала самый настоящий водопад, а выше – несущуюся к нему бурную горную реку. Напротив «Калинки» под навесом автобусной остановки кто-то стоял, только зачем, Ира не поняла: общественный транспорт в это время не функционирует, а такси здесь не поймать в принципе, тем более, стоя в стороне от трассы. Ире стало смешно. Она весело прибавила шагу, но стоило ей миновать остановку, как невероятно тихий голос, заглушающий шум ливня и грохотание грома, окликнул ее:

- Ира...

Она молча уткнулась Женечке в грудь. Ей хотелось смеяться и плакать одновременно, но ни на то ни на другое не было сил. Он подхватил ее на руки и отнес в такси, ждавшее чуть выше «Калинки». Так же на

руках он внес ее в дом, и она не заметила, как оказалась в горячей пенной ванне, а вся ее одежда в умиротворенно урчащей стиральной машине. Потом появился Женечка с огромной белоснежной махровой простыней, в которую он завернул ее, как ребенка, отнес в спальню, напоил горячим ароматным чаем с медом, лег рядом и сказал:

- Спи.

- - -

Проснулась Ира только к следующему вечеру. Женечки в спальне не было, зато вся ее одежда, идеально выстиранная и выглаженная, аккуратно висела на стуле, а на краю кровати предусмотрительно лежал махровый халат. Ира накинула его и отправилась в ванную. Ей казалось, что в квартире, кроме нее, больше никого нет. Под душем она окончательно проснулась.

Одежда источала еле уловимый тонкий аромат и была теплой, как только что из-под утюга. Окончательно приведя себя в порядок, Ира прошла в гостиную и вздрогнула от неожиданности: там, в полной тишине сидел Женечка.

- Выспалась?

- Да. Женечка, спасибо тебе.

Он усадил Иру на диван за накрытым столом и окинул пристальным взглядом с доброй хитрецей в глазах.

- Жень, скажи, только честно: я, вообще, человек?

Женечкино лицо сразу стало серьезным, правда, не утратив доброты во взгляде:

- Пока что, в большей степени, чем я.

- Почему «пока что»?

- Потому что уже задаешься этим вопросом, но сама еще на него ответить не можешь.

- Жень, сколько языков ты знаешь?

- Все. По крайней мере, существующие и существовавшие на Земле до сегодняшнего дня.

- Жень... сколько тебе лет?

- По паспорту – сорок два года.

- А если не по паспорту?

- А если не по паспорту, то где-то около двух с половиной тысяч. Извини, но точнее сказать не могу.

- То есть, ты – вообще не человек?

- Почему? Я – человек, из плоти и крови, как все люди, только отношусь к тому незначительному меньшинству, которое знает, что с этой плотью и кровью можно делать.

- И насколько минимально это меньшинство?

- Знаешь, потенциально на это способно не так уж и мало рожденных людьми, только далеко не все задаются целью преодолеть ограничения человеческого воплощения.

- Жень, ты хочешь сказать, что действительно существуют... ну... как бы избранные?

- Видишь ли, люди, на самом деле, очень отличаются, как по своему биологическому, так и по энергетическому происхождению. Человечество занято поисками Истины в смысле «так или так». А нет никакого «или». Истина бесконечно многогранна – и так, и так, и так, и так... – все верно, хотя в доступной человеку логике может выглядеть и взаимоисключающим. Все гипотезы о происхождении самого человека, от самых ранних до ультрасовременных, абсолютно все верны, как и гипотезы о бытии, либо небытии после биологической смерти плоти. Верно всё, только каждому свое.

- То есть, кто-то произошел от обезьяны, а кто-то от инопланетянина? – спросила Ира с легкой иронией.

- Грубо говоря, да. Изучай мифы.

- То есть мифы – это совсем не мифы, а...

- Нет. Мифы – это мифы. Вопрос в том, что ты понимаешь под термином «миф». Большинство относится к ним как к плоду больной фантазии далеких предков, правда, не лишенной художественной ценности. Кто-то пытается увидеть аллгорию, кто-то ссылается на принятый тогда стиль изложения – существует масса всевозможных подходов. А миф есть ключ. Все зависит от настройки восприятия. Если она соответствует необходимым частотам, то миф для тебя действительно ключ к кодам, открывающим все таинства Бытия. Не пытайся трактовать мифы, не ищи в них подтекста, просто принимай всё буквально, без оценок и понимания, и постепенно ключ от кодов, которым является миф, материализуется для тебя. Ты уже вкусила, что значит изменение настроек восприятия. Запоем читай мифы, особенно в моменты, когда тебя вновь и вновь будет выбивать из колеи.

- Жень, а что ты знаешь о том, что будет после смерти?

- Всё! – сказал Женечка с шутливой бравадой, но тут же вернулся к серьезному тону. – Здесь тоже каждому свое. Кто-то уходит в небытие, то есть, полностью рассеивается, окончательно прекращает свое существование. Кто-то продолжает жить в иных сферах. Кто-то рождается вновь. Есть такие, кто приходит в этот Мир с очень конкретной целью целиком и полностью по собственной воле. Но даже среди тех, кого человечество причисляет к богам, я не знаю никого, кто, пережив рождение, сразу бы вспомнил о своей затее. Осознание сути, происходит, как правило, не ранее чем через тридцать-сорок лет земной жизни, и, как правило, не без помощи со стороны. Я помогаю тебе.

- Женечка, а мой сон, или не сон про сожжение – с твоей подачи?

Женечка весело рассмеялся и заструился по ней языками пламени. Ира вновь испытала шок, но уже не такой сильный, как в прошлый раз. Через минуту Женечка вновь сидел рядом с ней.

- Женечка, ну, пожалуйста, ну скажи – что это было? Что это значит?

- В том, что именно такое это было, ты должна разобраться сама. Что это значит? Извини, но это тоже твой вопрос себе любимой. Ира, я не страдаю ни ясновидением, ни телепатией. Все, что ты видела, видела ты, а не я.

- Но ведь я тебе все рассказала!

- Ирочка, милая, я не толкователь снов!
- Во-первых, Жень, ты сам пытаешься убедить меня в том, что это не сон, а во-вторых, я чувствую – ты что-то скрываешь от меня.
- Ир, я ничего от тебя не скрываю. Единственное, я не высказываю тебе своих соображений по этому поводу.
- Почему?
- Потому что это – мои сугубо личные соображения, и касаются они только меня.
- Знаешь, мне Влад рассказал все то же самое, ну, то есть, про сожжение, но со своей стороны.
- Ты считаешь это удивительным? Ира, для тебя всё, что там произошло, было реальностью, а реальность на то и реальность, что она является таковой для всех присутствующих в ней в данный момент. Так что все, кого ты там повстречала, в тот момент там реально присутствовали.
- Так значит, и ты тоже присутствовал, ведь так?
- Истинно! Но мое внимание фокусировалось на совершенно ином, нежели твое.
- Жень, после той нашей с тобой встречи меня не покидает твердое убеждение, что не Влада и Аристарха Поликарповича ты имел в виду, подталкивая меня поискать еще знакомых.
- Ира, запомни, с тобой происходит только то, что должно происходить именно с тобой. И я не собираюсь в это вмешиваться – я лишь помогаю тебе, но не более того. А потому все, что касается моих сугубо личных соображений, не должно касаться тебя.
- Жень, но мне ведь интересно!
- Ира, это праздное любопытство, а оно, извини, не удовлетворяется. Закон о «неудовлетворении праздного любопытства» Ира усвоила от Женечки давно. По ее мнению, он обращался к нему всякий раз лишь затем, чтобы не отвечать на некоторые ее вопросы, которые она сама далеко не всегда относилась к праздному любопытству. Но как бы там ни было, проявлять настойчивость смысла не имело – Женечка отличался во всем непревзойденной непреклонностью. Ире ничего не оставалось, как немного сменить тему:
- Слушай, знаешь, тут есть некоторая неувязочка... Влад говорил, что Аристарх Поликарпович попросил как бы представить его мне, чтобы потом я его узнала.
- Думаю, что так оно и было.
- Но ведь я увидела все это уже после знакомства с Аристархом Поликарповичем.
- А ты в этом так уверена? – Женечка смотрел на нее с выжидающей улыбкой. – Ну?
- И тут Иру как бухом ударило – момент, когда она так ярко запомнила невероятные события, был повтором, таким же повтором, как множество раз потом, когда она просматривала сон уже по собственной воле.
- Днем! Я спала днем перед поездкой и все это видела! И Влад сказал, что это было днем!
- Палладина! Ты еще попрыгай и в ладоши похлопай от радости!

Женечка с нескрываемым злорадством насмеялся над Ириным порывом. Она смутилась. Женечка, словно его издевательское веселье выключили, в единый миг стал серьезным.

- Ира, это трудно объяснить, но я попытаюсь. Ты живешь как бы в двух сферах одновременно. При этом своим биологическим мозгом адекватно осознавать можешь только одну. Информация другой сферы по большей части не достигает сознания, а та, что все же достигает, находится в символах, которые мозг без определенной тренировки не в состоянии адекватно перевести в слова, то есть произвести качественную вербализацию. Впрочем, информацию той сферы перевести на понятный человеческий язык в полном соответствии вообще невозможно – лишь через метафоры, ассоциации и аналогии.

Осознаваемая сфера – это всё, доступное непосредственному восприятию и адекватному пониманию человека. Другая сфера – это то, что скрыто в сути рожденного человеком. Эта другая сфера для большинства рода людского остается недоступной на протяжении всей жизни. Ты же некоторый доступ к ней на определенном уровне открыла давно – через творчество. На этом уровне ты улавливаешь некоторые коды, которые в творческом процессе переводишь в абстрактные символы.

То, что с тобой произошло и продолжает происходить, есть открытие все более и более широкого и глубокого доступа к своей сути. Открывается он через изменения настроек. Для твоего биологического тела это очень большая нагрузка, даже шок. Потому тебя и ломает.

- Жень, а почему ты раньше мне все это не рассказал?

- Во-первых, об этом в той или иной форме я рассказываю тебе с момента нашей самой первой встречи, а во-вторых, сегодня, именно так, я рассказал тебе об этом, потому что ты сама задалась вопросом: а человек ли ты? Ты, Ира, пока в большей степени человек поскольку в большей степени в своем существовании сейчас опираешься на человеческую сферу. Я – человек в меньшей степени, так как в своем человеческом существовании опираюсь в большей степени на сферу своей сути.

- Да-а-а... – тяжело выдохнула Ира и, немного помолчав, процедила почти сквозь зубы. – Нужно срочно набирать заказы.

Женечка окинул ее полным ироничного сострадания взглядом и рассмеялся:

- У тебя снова материальные затруднения? – спросил он ехидно.

- Благодаря Радному от материальных затруднений я избавлена, если и не до конца своих дней, то очень надолго, – Ира подняла взгляд на Женечку. – Я сегодня, точнее уже вчера, поймала себя на том, что меня больше не ломает. Видимо, мне это только почудилось.

Женечка снова рассмеялся:

- Расслабься! Палладина! Работу тебе искать не придется. У меня по твою душу, пока ты мебельным творчеством занималась, целая гора материала скопилась. Между прочим, и сроки уже поджимают.

- Так давай!

Женечка протянул руку, взял с полки несколько пухленьких файлов, из заднего кармана брюк достал флэшку и протянул все это Ире:

- Держи. В бумажном варианте – распечатки на русском, плюс все требования к верстке. На флэшке – папка «очерки».

Утром весь давешний разговор с Женечкой показался Ире чем-то вроде предсонного бреда. Она, всеми силами стараясь не вспоминать его, с энтузиазмом принялась за работу.

Папка «очерки» содержала статьи на испанском. Судя по именам авторов, перевод для испаноязычного издания делался чуть ли не с десятка других языков. «Вот и не верь после этого, что Женечка знает абсолютно все языки!», – подумала Ира и усмехнулась, заодно вспомнив, что ему, по его словам, отроду две с половиной тысячи лет. Впрочем, прикалываться еще никто никому не запрещал. Да и потом, это вполне в стиле Женечки, особенно если к нему пристают с идиотскими вопросами типа тех, что не пойми откуда наворачнулись ей на язык вчера вечером.

Ира просмотрела испаноязычные файлы, рассортировала по собственному усмотрению русскоязычные распечатки и завалилась на диван знакомиться с содержанием. Последнюю статью она дочитала уже за полночь. Перед сном в памяти вновь стали всплывать обрывки давешней беседы, но Ира так устала, что они плавно растворились в сновидениях.

Все последующие дни, работая, Ира периодически ловила себя на том, что с нею как бы исподволь что-то происходит. Какая-то перенастройка что ли... Словно идут обычные физиологические процессы организма, в то время как ты сам занят своими важными человеческими делами. Только процессы эти если и напоминали физиологические, то весьма отдаленно. Иногда Ира прерывалась, прислушиваясь к себе, но затем отмахивалась – может, оно всегда так было, просто она внимания на это не обращала, как никто без надобности не обращает внимания, к примеру, на то, как бьется сердце или пища переваривается...

С Женечиным заказом Ира справилась за неделю. Женечка просил ее постараться уложиться в месяц. «А я действительно стала работать в несколько раз быстрее», – констатировала Ира, придирчиво просматривая все еще раз. Изначально разобравшись с материалом, она не сомневалась, что успеет в срок, но придется попотеть. Попотеть, конечно, пришлось, но не месяц ведь! Всего неделю!

Дверной звонок заорал как ненормальный. Ира вздрогнула:

- И кого это черти несут! – воскликнула она полушепотом и побрела отпирать дверь.

На пороге стоял радостный Игорь Александрович:

- Здравствуй, Ирочка! И вот я снова в Сочи!

- А ты что? Куда-то уезжал?

У Николаева глаза вылезли из орбит:

- Ира! Ты мне даже торжественные проводы устроила!

- Что? Серьезно?

- Ох! Все бы тебе прикалываться!

- Я не шучу. И давно ты приехал?

- Только что. Вещи домой завез и сразу к тебе.

- А чего не позвонил?

- Сюрприз! Ты не рада?
- А что не заметно?! Куда ездил-то?
- Ира! Ты что, действительно ничего не помнишь?
- Нет, Игорь, не помню. Кстати, а сколько тебя не было?
- Две недели...
- И где ты был?

- Ну, Ира! К Стасу я ездил! Ты же сама меня отправила! Сказала, что заканчиваешь мебельный проект, и попросила, если мне несложно, съездить и посмотреть, что там вообще делается.

Ира задумалась. Чисто теоретически все, что говорил Игорек, скорее всего, действительно имело место в реальной жизни, но у нее в памяти даже намек на эти события не осталось.

- Ира, я уже устал удивляться тебе! – продолжал Игорь Александрович. – Надо бы, конечно, привыкнуть к твоим странностям, но, как видишь, не получается.

- К каким именно моим странностям ты безрезультатно пытаешься привыкнуть? – спросила Ира, а сама подумала: «Что и требовалось доказать! Не будь тех пяти дней у Аристарха Поликарповича, я бы на сию сцену и внимания не обратила. Ведь действительно, выпасть из реальности – для меня правило, а не исключение».

- А к тем странностям, что ты, когда работаешь, больше ни на чем не фиксируешься. Ладно! Проехали! В общем, целых две недели я провел у Стаса, и мне есть, что тебе рассказать!

- Так рассказывай, давай! – не пытаюсь скрыть легкого волнения, воскликнула Ира.

По поводу судьбы своих мебельных трудов она толком ничего не знала. В ответ на отосланные работы ей по электронке пришли краткие сообщения Радного о получении со «спасибо» – и всё.

Игорь Александрович чуть помедлил в стиле многообещающей торжественной паузы и, в конце концов, с чувством возвестил:

- Вам, Ирина Борисовна, удалось устроить настоящий переполох! Да что там переполох! Мне, правда, не посчастливилось стать свидетелем всех событий, но, судя по рассказам и по тем эмоциям, с которыми рассказывали их непосредственные участники, это было подобно мировой революции!

- Да неужто! – приятная дрожь нетерпения пробежала по Ириному телу, а Игорь Александрович не без удовольствия принялся делиться информацией и собственными впечатлениями.

- В общем, весь техперсонал Радного до сих пор пребывает в шоке. Когда они получили твои шедевры, то просто о... не буду цитировать – думаю, ты и сама поняла, какой именно термин был употреблен. В общем, Стасу во всех тонкостях и подробностях объяснили, какая это всё полная и безграмотная чушь, и что тратить на это время и деньги нет никакого смысла. Впрочем, сначала ему просто сказали, что это тотальный абсурд, не вписывающийся ни в какие рамки, законы и правила, но Стас стал настаивать, и тогда главному инженеру с главным дизайнером пришлось разложить ему все по полочкам. До

этого он доверял им безоговорочно. Поэтому их удивило уже то, что он остался глух к простой констатации факта по поводу никчемности твоих разработок, и то, что пришлось делать для него подробнейшую выкладку. Но когда он, терпеливо выслушав все их доводы и поблагодарив за проделанную работу, заявил, что, несмотря на все это, следует сделать опытные образцы, ребята совершенно попутали. Толик – главный инженер – сказал, что не знай они достаточно хорошо своего босса, решили бы, что у него с тобой просто-напросто роман. В общем, за неимением более конкретного объяснения внезапных странностей, решили, что у Стаса банально поехала крыша. Однако, что бы там у него ни поехало, а возражать ему – верх безрассудства. Думаю, имея честь быть с ним знакомой, ты с этим согласна.

Ира с легкой улыбкой на устах кивнула, а Игорь Александрович продолжал свое повествование.

- Так вот, начали они делать опытные образцы и, вопреки давно установившейся, думаю не только у них, традиции подгонок и доводок по ходу, ни на йоту не отступили от твоих чертежей и расчетов дабы доказать твою несостоятельность, как говорится, во всей красе.

- Ну и как? Доказали? – спросила Ира с иронией, но Игорь Александрович ее не почувал.

- Вот тут, Ирочка, самое интересное начинается!

- Обломались, значит? – в голосе Иры звучал уже язвительный сарказм, однако и он пролетел мимо И.А.

- Не то слово обломались! Толик с Жорой до сих пор в себя прийти не могут. Да, Ирочка, ты их действительно сделала! Мастер у них там старой закалки работает – Никитич – так он прямо так и сказал: «Эта девчонка – гений!!!».

- А Радный что?

- Стас, как всегда, невозмутим – будто ничего другого и не ожидал. Не знаю, как насчет романа, но пунктик на тебя у него точно есть. Чем-то, Иришка, ты его крепко проняла! Как новые эскизы получил, так целыми днями только в них и паяется. Я ему говорю, мол, позвонил бы Ирине, а он разговор тут же на другую тему переводит. Кстати, Толик с Жорой и от твоей скорости офонарели. Слезно просили Стаса не наседать на них, потому как за тобой угнаться им не под силу. Ну, конечно, про «не под силу» они ему не говорили: перестройка производства дело-то нешуточное! Правильно?

- Наверное – я их цеха не видела.

- Ирочка! Еще скажи, что ты в мебельном производстве что-то понимаешь.

- Если честно, Игорек, то мы его, вообще-то, в Академии изучали. Не так чтоб совсем всерьез, конечно. Я по образованию не инженер и не дизайнер, как ты знаешь, но представление кое-какое о мебельном производстве имею. Впрочем, мое представление о нем, безусловно, уже давно устарело – развитие техники семимильными шагами топает.

- Это верно... – сказал Игорь Александрович лишь бы что-то сказать.

Глава 6

Правила выбора. Выбор правил

Первый по-настоящему солнечный и почти по-летнему теплый день выдался на Пасху. За то, что Светлое Христово Воскресенье, ввиду сложившихся погодных условий, следует провести на море, Ира и семьи Наташи и Люси в полном составе проголосовали единогласно. Отправились в сторону Лазаревского и облюбовали пустынный дикий-придикий пляж.

Ира, освободившись от излишков одежды, тут же отдалась морю. Открывать купальный сезон больше никто не решался.

Холодная вода приятно обожгла тело, вытащив на поверхность сознания тщательно запрятанный в недра памяти разговор с Женечкой недельной давности. «Если нельзя выбирать происходящее, можно выбирать свое отношение к нему», – прилетело вслед за воспоминанием. «Замечательно! Я и выбираю! Выбираю относиться ко всей этой эзотерической бредятине как к бредятине! И что? Легче, почему-то, не становится!». «Может, в таком случае, стоит попробовать выбрать что-нибудь другое?».

Ира вышла из моря. Тело горело огнем изнутри. Публика на пляже дружно аплодировала. В костре благополучно превращались в угли два толстеньких бревнышка. Мужская половина общества нанизывала мясо на шампуры. Ира опустилась на горячие камни. В рюкзачке запел мобильник:

- Я Вас внимательно слушаю.

- Ира, нам с Вами необходимо встретиться.

Огонь изнутри резко превратился в вакуум – трубка говорила голосом Радного.

- Да... конечно...

- Я приеду в Сочи на майские и позвоню. Хорошо?

- Да... конечно...

Трубка больше ничего не сказала. Ира выключила ее и положила обратно в рюкзачок. Сердце билось в висках и в щиколотках. Билось ее сердце в ее висках и в ее щиколотках. Ира чувствовала это и одновременно констатировала сей факт как бы со стороны. Из возможности побиться в истерику по поводу неизбежно предстоящей встречи с Радным, и возможности от души порадоваться первому робкому привету предстоящего лета, Ира выбрала последнее.

Домой засобирались уже совсем под вечер. Хохотали всю дорогу. Продолжая смеяться, Ира отомкнула дверь своей квартиры, собираясь дома только повесить купальник и переодеться и тут же выскочить к Наташке продолжения банкета для. Она вошла и вскрикнула от неожиданности – свет включился сам, а на пороге кухни стоял Лешка.

- Лешка!!! – Ира кинулась сыну на шею. – Ты приехал?

- Не-а!

- Тебя что, отчислили?

- Ага! Ма, мы на майские в деканате отпросились, вот и свалили!

- Подожди, а когда майские?

- В четверг – первое. Здравсте, Ирина Борисовна! – на кухне за накрытым столом сидел Влад, вернее поднялся, чтобы поприветствовать Иру.

Ира смутилась и совершенно растерялась, но, кроме нее и Влада, этого никто не заметил. Да и кому было замечать? Лешка радовался, что сюрприз удался, а кроме него, никого, кто мог бы еще заметить, в непосредственной близости в данный момент не водилось.

- Мы с моря приехали, – проямлила Ира, не узнавая собственного голоса.

- Ага! Продолжение банкета! – радовался Лешка, слыша веселые голоса, доносившиеся из тёт Наташиной квартиры. – Мамуль, давай у нас? – не дожидаясь ответа, Лешка понесся заворачивать народ.

Ира застыла на месте, совершенно не зная, что делать. Влад подошел, нежно обнял и, едва коснувшись, обжег губами ее губы. Когда толпа, весело галдя, стала затекать на Иришкину кухню, они уже сидели за столом, как ни в чем не бывало. Стол пришлось отодвинуть от стены, и все равно уместились еле-еле. Ира, как-то вдруг, обнаружила себя у Влада на коленях. Леша, Наташа и Люся суетились в районе плиты и раковины. Ира несколько раз порывалась к ним присоединиться, не столько из любви к бытовой деятельности, сколько из желания избавиться от смущения и неловкости сидения на Владовых коленях, но он властно возвращал ее в исходное положение, а хозяйствующая тройца всеми силами отбивалась от ее услуг. Вообще-то, о том, что с Ирой происходит, никто не догадывался, даже Влад, но, в отличие от остальных, он точно знал что. Это Ира чувствовала, и понятия не имела, что делать.

Засиделись допоздна, правда, с изрядно поредевшими рядами. Сначала с боем уложили спать Дашуньку. Потом, по собственной воле, застолье покинул Николай, которому предстояло рано вставать на работу. Затем рассосались Люсины сыновья по причине, оставшейся тайной. Когда исчез Вадик, никто не заметил. Вполне возможно, что еще вместе с Дашунькой – укладывал спать и сам уложился. Наташа с Люсей сидели долго, но тоже, как-то незаметно переместились то ли на Наташину, то ли на Люсину кухню. Последним уходил Влад:

- Мне, вроде как, тоже пора. Завтра зайду.

А Ира, вместо долгожданного облегчения, вдруг затосковала и, едва успела за Владом закрыть дверь, стала с нетерпением ждать этого заоблачного «завтра». Отправившись спать, она уткнулась в подушку и заплакала, все еще чувствуя сильные руки Влада на своем теле.

И вдруг наступило «завтра», а потом и «послезавтра». Влад приходил рано утром и уходил только поздно вечером. Ира безумно хотела его и панически боялась того, что это, в конце концов, может действительно произойти. Но наедине они не оставались – даже когда Лешка куда-нибудь исчезал, тут же обязательно кто-нибудь заскакивал. Иру это злило, но стоило слегка повиснуть легкому намеку на то, что они все же останутся tet-a-tet, как тут же возвращался панический ужас.

Ира не находила себе места. Глаза ее горели, улыбка не сходила с лица. Она постоянно шутила и хохотала от души. Наташа с Люсей вздохнули спокойно – наконец-то закончился Иркин депресняк. Подушку, промокшую насквозь от слез, никто, естественно, не видел. Поведение Влада ни у кого не вызывало вопросов. В перебивании Иркиных костей его имя не фигурировало. Почему-то никому не показалось странным, а, точнее, почему-то никто даже не замечал, что если Ира не сидит у него на коленях, то он, как минимум, держит ее за руку.

На третий вечер, как только за Владом закрылась дверь, Ира стремительно переоделась и сказала Лешке:

- Пойду, прогуляюсь.
- Мамуль, а не слишком поздно?
- Не думаю, Лёшик. Ложись спать.
- Ладно.

Ира пулей выскочила из квартиры. Идти пришлось недолго – на углу соседнего дома ее ждал Женечка.

- Садись, – не здороваясь, сказал он и распахнул дверцу такси.

Какие черты понесли ее на ночь глядя из дому, Ира не знала, а заодно поймала себя на том, что, казалось бы, совершенно неожиданное для нее появление явно ждавшего ее Женечки воспринимается ею, как само собой разумеющееся.

Ира медленно приходила в себя. Женечка, уже слегка одетый, не спеша ликвидировал последствия погрома. Когда она окончательно сориентировалась в пространстве, он заканчивал пылесосить ковер. Ира попыталась встать.

- Полежи еще минутку, – его голос звучал совершенно спокойно и буднично.

Он унес пылесос и вернулся с каким-то флакончиком, сел рядом, откинул накрывавшую Иру простынку и стал медленно и тщательно втирать содержимое в ее обнаженное тело.

- Ай! Больно! – вскрикнула Ира. Женечка нежно подул. – Что это? Зачем?

- А ты посмотри на себя, – с улыбкой предложил Женечка.

Ира взглянула. Ее тело покрывали ссадины и кровоподтеки.

- Батюшки! – воскликнула она.

- Потерпи чуть. Если тебя сейчас не подлечить – завтра, как на улицу выйдешь?

Ира еще раз оглядела себя:

- Какой ужас!

- Не переживай, я – не лучше, – с довольной улыбкой «успокоил» Женечка. Он продолжал втирать в Ирино тело свое зелье и нежно дул, когда она вскрикивала. – Ну, вот и всё, Мисс Вселенская Страсть.

- Издеваешься?

- Отнюдь, – очень тепло ответил Женечка. – А теперь, рассказывай.

- Что? – слегка смутилась Ира.

- Как что? Я едва успел. Только вышел из машины, а ты уже несешься на всех парах.

- Да я просто прогуляться вышла.

- Это больше напоминало вечернюю пробежку.

- Жень, я даже не думала о тебе.

- Знаю. Ты пару дней не находила себе места, а потом рванула хоть куда-нибудь, а на самом деле... – Женечка дал ей возможность самой закончить мысль по поводу «а на самом деле» пусть даже и не вслух.

А на самом деле, с момента, как приехал Влад, и даже раньше, когда позвонил Радный, Ире больше всего на свете хотелось оказаться рядом с Женечкой. Только рядом с ним она чувствовала себя в полной безопасности, несмотря на его непредсказуемость и постоянные подвохи. Но как было позволить себе даже вспомнить о нем, когда испытываешь совершенно непонятные чувства к другому и безумно хочешь третьего?!

Женечка сидел молча и не перебивал сумбур, носящийся в ее голове. А Ире стало стыдно и неловко. Женечка одним движением усадил ее к себе на колени и обнял как ребенка.

- Ты хочешь его, и он несется к тебе. Ты боишься своих желаний, и вокруг вас постоянно кто-то снует, не давая остаться наедине. Ты всегда неплохо умела управлять ситуацией, а поскольку нынче не даешь себе толком решить, чего тебе надо, получается полная абракадабра.

- Женечка, прости меня, – промямлила Ира в полной боевой готовности разрыдаться.

- Чего?! Ирка! Ты с ума сошла! – Женечка от души хохотал. – Дурочка ты дурочка! Если рассматривать наши с тобой взаимоотношения с точки зрения общечеловеческой обыденности, то я никогда не питал иллюзий по поводу того, что являюсь единственным мужчиной в твоей жизни и, я знаю, что вполне взаимно.

Видишь ли, каждое явление в нашем бытие и не только в нашем, а и в Бытие вообще, очень многогранно и многофункционально. То, что большинство понимают под термином «любовь», не что иное, как банальный инстинкт размножения. Его ты уже пережила в ранней юности и благополучно продолжила род человеческий. В данном аспекте требования верности обусловлены необходимостью. Верность со стороны женщины дает мужчине уверенность в своем отцовстве. Верность со стороны мужчины дает женщине уверенность, что она сможет вырастить свое дитя. Данная точка зрения основополагающая для человеческого социума в целом. Семья – ячейка социума. Это удобно. Это функционально.

Другой, поощряемый социумом, правда, с гораздо меньшим энтузиазмом, способ обращения с сексуальной энергией, это полный отказ от подобных отношений. Сексуальная энергия очень мощная, ее можно не растрачивать на размножение, а сберечь и перенаправлять. Процент истинных аскетов невелик, но их аккумулированная энергия незримо и неосознано хранит, защищает и просвещает человечество. Все другие способы отношения к сексу считаются социумом аморальными, греховными и неизменно осуждаются. И это абсолютно верно. Для социума.

Но есть нечто совершенно иное, не имеющее ничего общего ни с размножением, ни с аскетизмом. Это нечто за пределами интересов социума, за пределами морали. Это явление совершенно иного масштаба, аккумулирующее невероятное количество энергии за счет ее немислимых всплесков. И при размножении, и при аскезе, так или иначе, она все равно тратится. Тратится в интересах социума. Совершенно бесполезно и без следа улетучивается она при обычных беспорядочных связях – именно поэтому они осуждаются. Явление, о котором я тебе говорю, я бы назвал мистериальной страстью. Эта энергия вообще не тратится, а лишь накапливается в неимоверных количествах, создавая новые идеи и галактики. Кстати, говоря об идеях, я не имею в виду человеческие know how. В таких взаимоотношениях нет места верности и ревности, нет места порабощающей привязанности. В этом случае, существа принадлежат друг другу, не используя, и не требуя ничего. Подобное соитие никогда не приводит к зачатию. Чисто внешне, высшая форма очень похожа на самую низшую, когда постель не является поводом для знакомства.

Ты сопротивляешься сама себе из чисто моральных соображений, навязанных социумом. Мораль придумана человеком взамен утраченных им инстинктов – свято место пусто не бывает – и, как все искусственное, не способна научить, как действовать вне насажденного ею правила. То, что происходит с тобой вообще и в частности сейчас – тоже правило, даже закон, но за пределами морали и человеческого вообще.

- Да, Жень, я поняла, – начала Ира с саркастичной издевкой, – у меня великая миссия поиметь все мужское население планеты и тем самым спасти человечество.

- Не переживай, – подхватил ее тон Женечка, – если и поиметь, то далеко не все мужское население, а лишь лучшую его часть. Да и «спасение человечества» – идея далеко не самая блестящая. По крайней мере, в том виде, в каком ее принято понимать среди людей. У каждого своя собственная персональная смерть, и индивиду абсолютно без разницы – гибнет он в большой компании в какой-нибудь вселенской катастрофе или отдает богу душу сам на сам. Ира, не обременяй себя заботами о человечестве, пока ты не в состоянии понять, что это такое. Лучше подумай, что, если нечто упорно стучится в твою дверь, то это нечто надо впустить. Ведь все происходит не просто так. Твой разум не хозяин тебе, а слуга. Смирение – отказ от борьбы с обстоятельствами в пользу овладения собой. И не разумом это делается. Зачастую через него, но не им.

Утром в Ириной квартире царил небывалое, для этого времени суток, оживление. Оказалось, что невесть откуда нарисовался какой-то друг Николая, обладающий собственным прогулочным катером и, за неимением на сегодня клиентов, подбил мужиков на рыбалку. Ира так и не поняла, почему Коля с сыновьями, Наташкин Вадик и ейный Лешка, собираясь, носят именно по ее квартире. Когда суматоха улеглась, и новоиспеченные рыбаки отчалили, Наташа позвала Иру к себе. Люся уже сидела у нее.

Едва они успели обсудить нежданно-негаданную рыбалку, как затрезвонил Люсин новенький мобильник – ее срочно вызывали на работу. Едва выпроводили Люсю, как зазвонил Наташин телефон – ее срочно требовала к себе свекровь. Едва Ира оказалась в гордом одиночестве в своей квартире, как раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Влад. Ира в замешательстве не могла выдать из себя ни слова. Порывалась рассказать о сборах на рыбалку, хотела предложить кофе, но пока собиралась с духом, Влад взял ее на руки и отнес в комнату.

Кофе, правда, всё ж пили... где-то через часок.

- Влад, давай ты женишься.

- С превеликим удовольствием, – он сжимал руками ее плечи и целовал лицо.

- Надеюсь, ты понял, что не на мне?

- В таком случае, я умру холостяком.

- Влад, пойми, у тебя должна быть нормальная семья, а я уже старовата для этой роли.

- Ира, мне, кроме тебя, никто не нужен, – он впервые назвал ее просто по имени и на «ты». Ее приятно обожгло такое обращение.

- Влад, а ты никогда не станешь единственным мужчиной в моей жизни.

- Ну и что?

- Ты согласен делить меня с кем ни попадя?

- Нет. Я всего лишь хочу, что бы моя женщина имела всё, что она желает, и всех, кого она хочет.

- В данный момент я хочу тебя, а желаю я, чтобы ты нормально женился.

- Ладно, я женюсь, если ты этого так хочешь. Я женюсь, на ком скажешь, и стану заботливым мужем и отцом, но при условии, что все равно буду с тобой.

- А если я не приму твое условие?

- Тогда я просто буду с тобой.

- Влад! Хочешь, я познакомлю тебя с очень интересной девушкой?

- Если честно – не-а. Познакомь. Мне абсолютно все равно, кто будет моей законной женой и матерью моих детей.

- Вот и чудесно, – Ира взялась за мобильник. – Алиночка! Здравствуй, девочка моя! Я хочу познакомить тебя с очень интересным молодым человеком.

Очередное небесное создание, не так давно покинутое Николаевым, как и полагается, находилось в депрессии и несказанно обрадовалось предложению с оттенком пикантности. Почему Ира выбрала для Влада именно Алиночку? Да просто та первая пришла на ум.

Знакомство состоялось ближе к вечеру того же дня в одной из кафешек Ривьеры. Влад прикалывался, как мог, как хотел, в общем, от души. Алиночка вознеслась на седьмое небо от обрушившегося на нее счастья. Через двадцать минут знакомства он предложил ей руку и сердце, и она, слегка поломавшись для приличия, охотно сказала «да».

Ира хотела оставить «влюбленных голубков», но Влад с изысканной изощренностью избавился от осчастливленной им невесты, и к двадцати трем часам они с Ирой успели добраться обратно, отметить помолвку страстным обладанием друг другом, навести порядок в квартире и, мирно болтая ни о чем, встретить новоиспеченных рыбаков с богатым уловом, истерзанную общением со свекровью Наташу и насмерть замученную работой Люсю.

Завтра предстояло знакомство с родителями Алиночки. За новоиспеченного жениха дружно выпили. Кроме всеобщей радости, его внезапное решение, изменить свой статус в графе «семейное положение», не вызвало никаких других эмоций, ни вопросов.

Утром выяснилось, что мама Влада тоже очень рада. Она самолично позвонила Ирине Борисовне и выразила свою искреннюю благодарность за заботу о судьбе ее сына.

Мама Алиночки рыдала слезами счастья, глядя на красавца Влада – как они смотрятся с ее дочуркой! «Будущий зять на данный момент нам не ровня, но перспективен», – заключил будущий тесть и тут увидел Иру. Теперь он точно был согласен на все. Ни одну женщину не помнил он так долго! Ира мысленно схватила за голову. Выпутаться помог Радный. Он позвонил в самый щекотливый момент и сообщил, что уже в Сочи и, если Иру не смущает, что день праздничный, хотел бы прямо сейчас видеть ее в офисе своего местного представительства.

- Да. Мне понадобится минут двадцать-тридцать на дорогу.

- Я Вас жду.

Ира технично, в одно мгновение со всеми попрощалась и пулей вылетела на улицу. И кто мог знать, что папаша этой Алиночки окажется ее знакомым из отдаленного прошлого, которого она понятия не имеет, как звать, и сама вряд ли бы признала! Ира искренне радовалась своему столь ненавязчивому бегству. Радовалась и пока ехала в маршрутке, и пока легкой походкой, огибая митингующих у памятника Ленину коммунистов, летела к Парк Отелю, где расположился постоянный офис представительства фирмы Радного, а вот когда она уже шла по вестибюлю стало малость не по себе. Перед самой дверью она полностью убедилась, что теперь ей казалось гораздо более приятным выкручиваться в Алиночкином семействе, но отступать уже поздно.

- Добрый день. У меня назначена встреча с господином Радным.

- Здравствуйте. Как Вас представить?

- Палладина Ирина Борисовна.

- Одну минуту. Станислав Андреевич, к Вам госпожа Палладина.

- Лена, будьте добры, проводите Ирину Борисовну в конференц-зал.

- Да, Станислав Андреевич, – ответила Лена и обратилась к Ире. – Господин Радный ждет Вас в конференц-зале. Пойдемте, я провожу.

Вместе с Радным в конференц-зале находились его главный инженер и главный дизайнер. Ире стало легче на душе, что без спасительного Игоря Александровича, который уехал на праздники к родственникам, все же не придется общаться с Радным tet-a-tet. Идея с конференц-залом, в котором они четвером уподобились щепкам в океане, Ире тоже понравилась.

Познакомились. Затем Ира выслушала помпезные дифирамбы в свою честь. Узнала, что, оказывается, родилась в рубашке, так как попали она в их лапы вместе с первыми эскизами, они бы от нее и мокрого места не оставили. Зато теперь преклоняют колени и будут рады работать под ее руководством. В искренности последнего заявления Ира сильно засомневалась и от предложенной Радным высокой должности отказалась. Впрочем, причиной ее отказа являлись не только сомнения в искренности потенциальных подчиненных. Во-первых, она не хотела никуда переезжать из Сочи, а во-вторых, Ира давным-давно привыкла к статусу «свободного художника» и ничего не собиралась в этом менять.

- Творческое сотрудничество – с удовольствием, а вот руководить кем-то или чем-то – ни за что.

Главный инженер с главным дизайнером облегченно вздохнули.

- И все же, у меня в голове не укладывается – как?! Эскизы – полнейший абсурд!

- Да-да! – перебил главного дизайнера главный инженер. – Мы впервые принципиально все сделали абсолютно точно в соответствии с чертежами и расчетами, чтобы доказать настаивающему Станиславу Андреевичу Вашу, простите, несостоятельность, а получилось с точностью наоборот.

- Да-да! Но как?! Черт возьми – девчонка!

- Инженерного образования – никакого!

Ира усмехнулась:

- Вы правильно подметили отсутствие у меня диплома об инженерном образовании. Кстати, у меня нет и диплома дизайнера. Я – художник. Художник, дерзнувший послать все куда подальше и заниматься только творчеством. Кстати, знаете, в чем главное отличие дизайнера от художника?

Великие специалисты почему-то не нашлись, что ответить.

- Художник делает то, что в первую очередь красиво, а дизайнер делает то, что в первую очередь удобно, целесообразно, функционально. И мне пришлось стать дизайнером в первую очередь для себя, чтобы сделать свой собственный быт максимально удобным, максимально экономичным по затратам времени и сил. Почти все в моей квартире, что в какой-то мере входит в понятие «дизайн интерьера», сделала я сама. Не заказала по собственным эскизам, а действительно сама сделала. Я умею работать и с деревом, и с металлом, и с пластиком, и с тканью, и с еще целой кучей других материалов. Из-за отсутствия соответствующего образования поначалу я делала кучу ошибок, но при этом меня не обременяли стереотипы, которые это самое образование навязывает. Все получилось не сразу, но получилось, и именно то, что меня полностью удовлетворило – очень удобно и целесообразно, а поскольку я все-таки художник, еще и красиво. Собственно, все мои находки представлены в известных вам проектах. С некоторыми изменениями, конечно.

- Интересно было бы взглянуть на интерьер Вашей квартиры.

- No problem! Можем поехать ко мне прямо сейчас.

Неожиданное Ирино предложение встретили с восторгом, и делегация от сотрудничающей с Ирой фирмы направилась к ней домой на экскурсию.

После осмотра действующих экспонатов интерьера, сопровождавшегося восторженными возгласами «главных», Ира пригласила своих гостей выпить по чашке чая. Радный во время встречи в конференц-зале ограничился лишь приветствием, а после так и вовсе молчал, притом совершенно бесстрастно. И вдруг заговорил:

- Ира, я купил себе дачку здесь в Сочи на 73 километре. Там небольшой участок и дом. Собственно не дом, а только коробка. Возьмитесь довести его до ума. Будет неплохо, если и участок тоже. Ограничения материальных средств, надеюсь, не стеснят. Думаю, что Вы их даже не почувствуете.

У Иры чуть чай назад не выскочил. Одно дело сотворить нечто для себя любимой, или что-то массовое и совсем другое индивидуальный заказ для такой индивидуальности как Радный. Ира давно вывела для себя формулу взаимоотношений «клиент – исполнитель»:

КЛИЕНТ – Сделайте мне то, что я хочу.

ИСПОЛНИТЕЛЬ – Хорошо. А что Вы хотите?

КЛИЕНТ – Не знаю.

Ира к этому привыкла и научилась знать за клиента, чего он хочет. Но Радный? Что может хотеть именно он? Ира приступила к разработке разведоперации, а вслух сказала:

- Раз уж сегодня день экскурсий, давайте устроим еще одну – к Вам на дачу.

- Возражения есть? – Радный окинул взглядом руководящий персонал. Возражения, само собой, отсутствовали.

«Так. Сработало», – подумала Ира. Спонтанный план выглядел следующим образом: первые смотрины вместе с сотрудниками Радного – блеск! Они его знают и по ходу могут выболтать много ценного, к тому же, без сомнения, начнут умничать и вот тут можно понаблюдать за его реакцией.

План не сработал. Болтали «главные» много, и вообще, как заметила Ира, ребятки они были словоохотливые, но весь разговор крутился вокруг ее персоны, как ни старалась она перевести его на другие темы. Единственное, но она узнала об этом еще во время общения в конференц-зале, и даже еще раньше от Игоря Александровича, сведения о том, что Радный твердо настоял на воплощении Ириных идей в жизнь, несмотря на проверенное профессиональное мнение, яростное сопротивление и очень веские доводы своих специалистов. Непонятно для своих подчиненных почему, он сразу свято поверил в нее. Но этот факт больше пугал Иру, нежели обнадеживал. К тому же, интуитивно она чувствовала, что «святая вера» в нее здесь ни при чем или почти ни при чем. А сам Радный всю дорогу молчал.

Осматривая объект в виде дачки Станислава Андреевича, «главные» умничали самозабвенно, но реакция Радного оставалась нулевой. А сам объект... Нет, участок Ире понравился. Из этого можно сделать

суперконфетку. Но «домик»... Три этажа, не считая цоколя и мансарды, выполненные в худших традициях «новосочинского ренессанса» (собственное определение Ирины относительно «изысков» в «архитектуре» частного домостроения, сложившихся в солнечном городе Сочи в последнее десятилетие XX века и лишенных каких-либо признаков вкуса). И вот этого монстра ей «ненавязчиво» предлагают превратить во что-то удобоваримое! Утешало одно: хоть построено добротно, не «братская могила», какими являлись большинство виденных Ириной строений стиля «новосочинский ренессанс», возведенные без всякого учета сейсмичности и оползнеопасности здешних мест. Осмотр закончился и самозабвенное заузное твякнание «главных» тоже.

- Ну как? – спросил Радный, и это были его первые слова после беседы у Иры дома.

- Участок хороший, а дом мне не понравился, – честно призналась Ира, – но, поскольку Вы не стали покупать голый кусок земли, значит, строительством заниматься не хотите, – Радный бесстрастно кивнул. – Придумаем что-нибудь! – в голосе звучал оптимизм. Совершенно искренний. Она точно знала, что придумает. Оптимизм отсутствовал напроць по поводу того, чего ей это будет стоить. – Сроки?

- Желательно к следующему лету, но могу и подождать.

- Надеюсь, что ждать не заставлю, но твердо обещать ничего не буду. Примерные наброски постараюсь сделать в ближайшее время.

- Ира, я полностью доверяю Вам, так что надобности в представлении мне эскизов у Вас нет никакой. Работайте, как Вам удобно, и делайте то, что считаете нужным. С меня финансирование и, если понадобится, обеспечение персоналом.

- Хорошо, – сказала Ира и подумала, что совсем не хорошо, а если до конца честно, то безнадежно плохо. Нужно было срочно что-то предпринимать. – На сколько Вы приехали?

- Как минимум, до конца праздников. В смысле, до девятого, но не исключено, что придется и еще задержаться.

- Работой сильно загружены будете?

- В общем-то, дел немало, – Радный выжидающе, с едва уловимым интересом смотрел на Иру.

- Если все ж выберете время, я бы хотела показать Вам свой Сочи, а точнее его горные окрестности. Мои любимые места.

- Для этого время обязательно найдется.

В глазах Радного что-то неясно блеснуло. Что именно? Понять не представлялось возможным, но хоть что-то.

Да, дела плохи, но небезнадежно. Она его зацепила и теперь обязательно выудит из закоулков его осознания то, что ей нужно, вернее то, что нужно ему, и сделает из его дома именно это. «Не бывает закрытых людей. Бывает сложно подобрать ключ», – подумала Ира, и машина остановилась около ее подъезда. Радный сам открыл ей дверь:

- Я позвоню сразу же, как только определюсь со своим графиком.

- Хорошо, – настроение Иры заметно улучшилось. Она попрощалась с Радным и с «главными» и через несколько мгновений уже отпирала дверь своей, слава богу, все еще пустой квартиры.

Ира знала, что времени у нее немного, но хоть сколько-то. Ей настоятельно требовалось разложить все по полочкам, хоть начерно. Странно, то месяцами, годами жизнь течет ровно без каких-либо значительных событий, а потом вдруг «Бах!!!» и спасайся, кто может – начинает сыпаться, как из Рога Изобилия. Влад... Радный... Голова кругом. Может, сбежать к Женечке? Запел телефон.

- Ира, сбегай ко мне, – сказал Женечкин голос.

Конечно, не новость, что Женечка все о ней знает лучше ее самой, но чтобы повторять ее мысли почти дословно! Это уж слишком!

- Не обижайся, я не со зла, – ответил он на Ирин мысленный вздѣрг. – Такси подъедет минут через пятнадцать. Собирайся.

Женечка, как всегда, встретил ее у подъезда и за руку повел к себе.

- Хочешь разложить все по полочкам? – задал он полуриторический вопрос и сам же на него ответил. – Но у тебя и так по ним уже все замечательно разложено!

- Жень, я понятия не имею, что мне делать с дачей Радного.

- Не имеешь, потому что думаешь. А не нужно думать, нужно знать. Ты ведь сама как-то еще давным-давно сказала, что для того чтобы творить, необходимо перестать думать. Мозг – компьютер, способный обрабатывать информацию, но не создавать ее, разве не так?

- Так.

- Вот когда тебе понадобится рассчитать, к примеру, точное количество супердорогих паркетин, вот тогда и включишь свои мозги. Кстати, чтобы сделать твою жизнь еще веселее, я тоже хочу подбросить тебе работку. Сделай иллюстрации к моей книге, – Женечка поднялся и принес три туго набитые бумагой толстенные папки и диск. – Вот отпечатанный вариант для удобства ознакомления, а вот электронный, для удобства работы. Спешить, необходимости нет, но и тормозить – тоже. Я рекомендую тебе работать параллельно и над дачей, и над книгой. Скажем, устала – завались на диван, почитай и изобрази первую пришедшую на ум абракадабру.

Ира смотрела на Женечку с любопытством. Ох, не зря он затеялся с этой книгой! Либо написал давным-давно и только и ждал этого случая, либо сейчас спешно вмиг наваял. Второе, конечно, вряд ли, судя по внушительным объемам труда. Даже Женечке с его феноменальными способностями такое, скорее всего, не по силам. Хотя...

- Писалось долго и начато очень давно, даже в моих временных масштабах, – у Иры мурашки пробежали по позвоночнику. – А вот закончил совсем недавно.

- Жень, ну скажи, что специально в глубокой древности начал, чтоб непременно к сегодняшнему дню успеть, а? – она шуткой пыталась унять легкую мистическую дрожь.

Женечка подхватил ее тон:

- Ир, ну зачем спрашивать, если ты сама и так знаешь, а?

Они рассмеялись, зная каждый для себя, что шутки шутками, но это чистая правда.

- Ира, – продолжил Женечка уже серьезно, – тебе очень хочется знать, правильно ли ты поступаешь?

- Очень хочется!

- Поступать правильно – это значит поступать в соответствии с какими-либо правилами. В твоём случае правила выбираешь ты. Ясно?

- Вполне. Только вот правильно ли я эти самые правила выбираю?

- Уж не думаешь ли ты, что позволишь себе ошибиться?

Иру охватил странный всепоглощающий трепет. Сердце бешено заколотилось, дыхание перехватило, по телу пробежала крупная дрожь, а на лице выступили капли холодного пота. Женечка аж подпрыгнул к ней и закрыл своими руками макушку ее головы и солнечное сплетение. По телу разлилась приятная истома, и пропала уже почти зародившаяся потребность понять «что это было?».

Глава 7 Золотой принцип

Незапланированные учебным планом каникулы подошли к концу. Утром одиннадцатого мая мальчишки улетели доучиваться и готовиться к летней сессии.

Проводив ребят в аэропорт, Ира вместе с Алиночкой возвращалась из Адлера на маршрутке. Небесное создание без умолка щебетало о предстоящей ей и Владу в середине августа свадьбе, а Ира, кивая ей с приклеенной улыбкой, думала о своем и смотрела в окно.

В расписании на завтра значился поход в горы для Радного. Ира уже не раз раскаялась в своем опрометчивом предложении, но до сего дня неотвратимость неизбежности скрашивал Влад, а теперь она предстала перед Ирой во всей красе. За окном проплыл цирк, и Ире до боли захотелось окунуться в детство. Она глянула на часы. Времени было вполне достаточно, чтобы добраться до дому, перекусить, переодеться и отправиться на представление. Ира попрощалась с Алиночкой, бесцеремонно оборвав на полуслове ее свадебные излияния, и вышла на Театральной, дабы пересечь на маршрутку, которая подвезет ее прямо к дому.

В квартире напротив Натали яростно препиралась с Дашунькой.

- Эй! Народ! Чё опять поделить не можете?

- Иришка! Привет! Да вот, воюем – в комнате своей убрать никак не может.

- Дашунька, в цирк хочешь?

- Да-а-а-а!!! – радостно завопило дитя.

- У тебя десять минут. Если успеешь – едем.

Дашунька улетела в свою комнату с бедламом собственного производства на ликвидацию последнего. Там зашуршало, загремело и задзинькало с невероятной интенсивностью. Испуганная Наташка было рванулась, но Иришка ее не пустила.

- Справится.

Мороженое, разноцветные шары, попкорн и поролоновые клоунские носы, и, конечно же, сахарная вата! Иришка с замиранием сердца смотрела на выступление гимнастов и эквилибристов, канатоходцев и дрессировщиков. Она от души хохотала над незамысловатыми проделками клоунов. В общем, вела себя так, что даже маленькая Дашунька громким шепотом сообщила матери, что тетя Ира, наверное, впала в детство. Наташа шикнула на дочь, – уж больно громким оказался шепот – а Иришка рассмеялась, чмокнула Дашуньку и изрекла: «Устами младенцев глаголет истина!». Она даже выскочила по зову клоунов на сцену вместе с ребятейной поскакать на скакалке. Правда, тут ей ненадолго пришлось повзрослеть. Длинный тощий клоун в разноцветных громадных башмаках, зеленых в крапинку штанах, лиловой в полосочку фуфайке и ярко-желтом парике оказался Генкой, тайно влюбленным в нее другом ее бывшего мужа.

В те далекие времена он тщетно пытался поступить в театральный, учился в «кульке», снимался во всевозможных массовках и работал со своими программами и номерами по Домам Культуры и кабакам. Генка всегда был мастером импровизации и вот теперь лихо разыграл целую сценку с висящим у Иры на шее мобильником. На глазах у целого зала ничего не подозревающих и отчаянно хохочущих зрителей он технично вписал в ее записную свой номер, а заодно и набрал его, чтобы Иришкин, в свою очередь, навсегда отпечатался у него в телефоне. Он позвонил минут через десять-пятнадцать после представления:

- Ирчик, когда время повидаться будет?

- Генка, ты чудо! Знаешь, завтра я очень занята, а вот послезавтра – с удовольствием.

- Где? Когда?

- А вот этого не знаю. Я позвоню тебе.

- О'кей! Буду ждать. Надеюсь, не забудешь, а то я напомню!

- Геночка, конечно не забуду! Сколько лет, сколько зим!

- Ладно, жду.

- До встречи!

Ира выключила мобильник.

- Это кто? – глаза Наташки готовились выпрыгнуть из орбит.

- Это – Генка. Мы с ним знакомы были, когда я еще училась. Он сам тогда учился в институте культуры и все в театральный поступал. Я ему костюмы всякие шила, реквизит делала. Сто лет не виделись!

- А откуда у него твой номер?

- Наташ, ты что, не видела? Он же мне в мобильный свой вписал и набрал.

- Когда?

- Как когда? Сегодня, в цирке.

- Да ты ведь от нас не отходила?

- Ну как не отходила?! А на арену?

- Так я тебя все время видела, никто, кроме клоуна, к тебе не подходил.

- Наташа, вот этот клоун и есть Генка.

- Ничего себе! А я-то думала: вот Ирка, попёрлась, на свою голову, и влипла.

- Да-а... Генка, он мастер на импровизации. Вон, даже ты ничего не заподозрила.

- - -

Майский лес! Ковры незабудок, устилающие крутые склоны, цветущий рододендрон, горлающие на все голоса в предлетнем очумении птицы...

«Главные» задохлись после первого же подъема. К счастью, такой крутой и затяжной хоть и сразу, но единственный на всем пути, которым собиралась провести их Ирина. Хорошо, что понедельник – на обычно людном экскурсионном маршруте ни души. Ира заставила всех умыться и испить водицы в роднике, предупредив, что по пути их встретится много, и каждому следует таким образом отдать дань уважения. Радный не сопротивлялся, а вот «главные»...

- Ирочка, это ведь вода не прошедшая никакой специальной обработки! Мало ли какие микробы и вредные микроэлементы могут здесь присутствовать. Я водопроводную воду никогда не пью. А это! Вы ж гляньте, она ж прям из-под земли течет!

- Простите, а какую воду Вы пьете?

- Покупаю родниковую.

- Вот это вот и есть, самая что ни на есть родниковая вода.

- Так ведь она не прошла никакой обработки!

- А вот это самое ценное – она настоящая, натуральная, без консервантов, стабилизаторов, эмульгаторов и прочей нечисти.

Радный сначала молча наблюдал за разворачивающейся сценой, но потом пришел Ире на помощь:

- Умойся и пей, – тихим каменным голосом скомандовал он главному дизайнеру и тем же тихим каменным голосом добавил, обернувшись к главному инженеру. – И ты пей, только умойся сначала.

«Главные» повиновались, правда, вид у них был как у Сенеки, пьющего из чаши поданной Нероном. Согласились, что вода действительно удивительно вкусная, но потом, улучив момент, между собой сожалели, что ни у того, ни у другого не оказалось с собой левометицина на всякий случай (а вдруг!).

Родники встречались на пути часто, и постепенно «главные» привыкли к требуемому Ирой ритуалу. К тому же темп она задала приличный, и пить им все время хотелось.

Миновали поселок. Благополучно перешли мостик через Агву. А дальше... В общем-то обычный подъёмчик, но «главные» завопили, что они не альпинисты, что страховки нет. Радный вновь уладил возникшую проблему, и, преодолев препятствие, надо сказать, достаточно легко, в чем Ира и не сомневалась, «главные» почувствовали себя покорителями Эвереста. Они галдели и препирались всю дорогу и порядком Ирине поднадоели.

На Поляне Дружбы, показав им развалины старинного храма и наплетя длинную занимательную легенду, придуманную тут же, она дала им богатую почву для размышлений и междусобойных дискуссий, чем на время избавила себя от необходимости постоянно отвечать на ставший вечным у них вопрос: «А долго ли еще идти?». Но, к сожалению, ненадолго.

Тропинка до Ажека, вообще-то, очень даже хорошая. Подъемы и спуски на ней, конечно, есть, но не крутые и не затяжные. Так думала Ира, пока не потащила сюда эту компанию. «Главные» ныли и стонали на каждом подъемчике. Ира, совершенно не подумав о последствиях, о чем потом ужасно сожалела, решив малость подбодрить их, сказала:

- А вы представьте, что на обратном пути это будет спуск, и сразу станет легче.

Так думала наивная Ира. Однако инженерно-дизайнерские, пропитанные главностью, а, значит, и большей дальновидностью, мозги, тут же выдали своим обладателям неутешительный прогноз. Теперь «главные» ныли не только на подъемах, но и на спусках, представляя их подъемами на обратном пути. К тому же они с неотвратимым постоянством по очереди спотыкались чуть ли не на каждом сучке и камушке.

Впрочем, стенания «главных» – это мелочи жизни. Ира с интересом наблюдала за Радным. Он, как всегда, молчал, не считая замечаний персоналу по поводу отношения к родникам и альпинизму. Удивительным для Иры оказалось другое: Радный, при его несусветных габаритах, двигался очень легко, дыхание не сбивалось, подъемы и спуски, а также выступающие из-под земли корни и камни ничуть не препятствовали его спокойному свободному движению. Создавалось впечатление, что горы и леса для него, как и для Ирины, – дом родной. Это радовало и озадачивало одновременно, ведь Ира, изначально, представляла себе его эдакой офисно-спортзальной цацей. Разговорить Радного не получалось по причине комка в горле неизменно возникавшего при каждой мимолетной идее к нему обратиться.

- Ну вот, почти пришли, – сказала Ира и повернула с тропинки вниз по склону.

Спустились к Ажечке впадающей в Сочинку.

- Пришли? – с надеждой спросили в один голос вконец измотанные «главные».

- Почти, – ответила Ира и повела их дальше узенькой тропочкой вдоль реки. – Теперь – на другую сторону, – сказала она и, легко перепрыгивая с камушка на камушек, оказалась на противоположном берегу.

Не менее легко рядом с ней оказался и Радный, а вот с «главными» вышла заминка. Ира и Стас по очереди несколько раз переходили речку туда и обратно, показывая, как это делается, но насмерть перепуганные ударники умственного труда, истошно вопя, не трогались с места. В конце концов, Ира предложила соорудить для них мостик из подручных средств. Сначала добавили к уже имеющимся еще несколько булыжников, чтоб заменить необходимость перепрыгивания с одного на другой

возможностью перешагивания, но «главные» отказались даже пробовать. Потом перекинули через течение бревнышко, любезно принесенное речкой в непогоду. Главный инженер, ступив на него, покачнулся, его подхватил главный дизайнер, и они вновь завопили.

Помощь пришла, точнее, приползла неожиданно.

- Смотрите, какая гадюка! – восхищенно воскликнула Ира, глядя на мирно выплывшую на берег метрах в трех от «главных», поблескивающую в солнечных лучах глянцево-черную змею.

Трясущиеся «главные» по стойке смирно стояли рядом с Ирой и Радным. Воспользовались они камнями или бревном осталось неизвестным даже для них самих. Ира мысленно поблагодарила гадюку. Ей показалось, что та в ответ на ее мысленную благодарность улыбнулась, подмигнула и на прощанье помахала хвостом, грациозно уползая вверх по отвесному склону.

- Какая она молодец! – улыбнувшись, еле слышно проговорила Ира.

- Гадюка? – так же тихо спросил Радный, и Ире показалось, что в его глазах нечто очень странно блеснуло.

- Угу... – сдавленно выдавила Ира. Ответить нечто более членораздельное не получилось из-за сердца решившего разнообразия ради постучать в глотке.

«Главные» ничего не видели и ничего не слышали, так как мужественно ползли вдоль речки, боясь ненароком свалиться в последнюю.

И вот перед ними открылось поражающее воображение великолепие куполообразного каньона Ажековского водопада. Бурные восторги «главных» эхом отскакивали от скал и тонули в грохоте воды. Руководители производственного отдела мебельной фабрики единодушно согласились, что все их мучения стоили того.

- А теперь – раздевайтесь! – Ира с энтузиазмом начала стягивать с себя одежду.

- Что!?

- В родниках – пьют и умываются, а здесь – купаются.

- Что!?

- Да вы не переживайте! Уже май, вода, скорее всего, не холодная.

- Не холодная – это как? – настороженно поинтересовался главный инженер.

- Ну, градусов десять-двенадцать уже есть.

«Главные» переглянулись и с надеждой посмотрели на босса. Ничего утешительного. Он, покорно следуя примеру Ирины, избавлял тело от лишнего для купания изделий текстильной промышленности.

Ира уплыла к водопаду, искоса кидая взгляды на Радного. Ледяная вода, обжигающая не хуже кипятка, его явно не смущала, и плавал он более чем уверенно.

«Главные» в воду так и не залезли, как Ира их ни уговаривала. Они смотрели на нее и на босса с мистическим ужасом в глазах. Их восторги по поводу красот утихли быстро, и перед внутренним взором выстроилась в неизбежной последовательности полоса препятствий предстоящего обратного пути.

- Спасибо, – сказал Радный, подавая Ире полотенце, и это было его предпоследнее слово за тот день, произнесенное в присутствии Ирины. Последнее слово прозвучало уже около ее дома – он сказал «до свидания».

- - -

Вернувшись домой, Ира строго-настрого запретила себе думать о сегодняшнем походе и о Радном вообще. Она давно нашла для себя золотой принцип:

а) вобрать в себя как можно больше впечатлений, касающихся непосредственно и косвенно объекта (субъекта);

б) четко сформулировать задачу;

в) напроць выгнать из сознания любые мысли на эту тему, то есть намеренно забыть, и позволить подсознанию свободно обрабатывать информацию;

г) когда придет время – приступить к работе без мыслей и чувств, чтобы эти мысли и чувства, какими гениальными бы они ни были, не мешали подсознанию свободно «перелить» обработанные данные в сознание.

В ее жизни почти всегда очень к месту вдруг происходило что-то неожиданное, но очень необходимое. Сейчас этим к месту неожиданным, но необходимым оказался Генка. Ох, как не зря она сходила в цирк! Как не зря выползла на арену! Генка – давний друг из полужабытого прошлого. Она с ним сто лет не виделась! А значит... а значит он, как никто другой поможет ей переключиться, даже полностью отключиться от дня сегодняшнего, вчерашнего и позавчерашнего, а заодно и вообще последних нескольких месяцев.

Генка в свое время приходился другом ее бывшему мужу. Он без сомнения обладал незаурядным актерским талантом, но с поступлением в серьезный театральный ВУЗ у него как-то не клеилось. Генка, не теряя времени, учился в «кульке», был завсегдатаем всех театральных и киношных массовок, работал сразу в нескольких ДК и выступал, выступал, выступал. Выступал, не брезгуя никакой площадкой. Правда, как его занесло в цирк, Ира не знала. Это произошло уже после ее отъезда.

В их узком кругу он официально носил звание тайно влюбленного (в Ирину), так как о своей тайной влюбленности во всеуслышание заявлял при каждом удобном и даже неудобном случае. Он действительно относился к ней очень трепетно, но по-братски, а посему приступов ревности у Важина никогда не вызывал. К тому же для его трепетности существовали вполне банальные причины – весь его реквизит, все его костюмы были придуманы Ириной «бриллиантовой головкой» и изготовлены ее «золотыми ручками».

Из-за своей невероятной худобы, да еще будучи тонкокостным, Генка казался невероятно длинным, хотя ростом был чуть выше среднего. Благодаря постоянной крайне выраженной мимической активности, его лицо, расположенное на непропорционально большой, высоколобой голове, рано покрылось отчетливыми бороздами и складками, которые добавляли ему выразительности и особого шарма.

В общем, внешность полностью соответствовала его эксцентричной натуре. Ира не раз шутила: «Тебе бы в клоуны пойти – знаешь, сколько на гриме сэкономишь?!» Генка все отшучивался, и вот – клоун. Единственное, ее совету не пользоваться гримом, он не внял, и на арене Ира узнала его только по стилю выходки с ее мобильным.

Вообще, обращение с телефоном на сцене было его коньком. Во времена учебы Генка на жизнь себе зарабатывал отнюдь не копеечными (а по большей части и просто дармовыми) выступлениями. Он, помимо всего, занимался, как тогда говорили, спекуляцией и фарцовкой. Мобильные, естественно, в те времена еще в природе не существовали, и Генка просто-напросто раздавал своим клиентам и партнерам номера телефонов всех организаций, где его можно было застать. Во время выступления он вытаскивал телефонный аппарат на сцену и доводил зрителей до истерического хохота, ведя деловые переговоры. Пословица «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь» в его случае перевоплощалась с точностью наоборот: «гонись за двумя зайцами – авось и третий (вполне возможно, что и четвертый, и пятый, и...) попадетсЯ». Ира называла его «мастер на всю голову». Вот только в театральный он никак поступить не мог.

Как-то подошло время очередных вступительных, и Важин, пользуясь своим положением в богемной среде, решил ему помочь. Он встретился в непринужденной обстановке с одним из членов приемной комиссии и аккуратно завел разговор о Генке. Они почти договорились (мнению Важина доверяли не только в сфере изобразительного искусства), но тут прозвучала фамилия Генки и члена (комиссии приемной) как подменили. Пухленький интеллигентик, томно потягивающий коньячок, вмиг превратился в демона безумия. Он визжал, тряся, хрипел и брызгал слюной. Важин не разобрал ни слова, но понял, что причины отказа, официально учить его друга актерскому ремеслу, очень серьезны. Он попытался, чисто из любопытства, выяснить эти причины у самого Генки, но тот лишь состроил неповторимую, подвластную только ему гримасу и промолчал.

Злые языки поговаривали, что воистину гениальный комик за время вступительных экзаменов умудрялся переспать со всеми преподавателями женского пола и женами преподавателей мужского, а потому приемная комиссия, состоявшая как раз из последних, чуть разбавленная убежденными старыми-престарыми девами, гнала его, не в меру гениального, подальше от институтских ворот. Но это – всего лишь сплетни. В узком кругу своих, сексуальной озабоченностью Генка никогда не отличался. А с другой стороны... в каждой сплетне есть доля сплетни.

Ира вволю нахотелась, вспоминая выходы и курьезы, героем которых блистал Генка, и набрала его номер.

- Батюшки!!! Ирчик!!! – завопил он вне себя от радости.
- Привет, – сдержанно, но очень тепло ответила она.
- Ирчик, я сегодня в ночь в Бэтмане, в Лазурке, так что если еще остались силы – ползи сюда.
- Генка! Даже если б не осталось, все равно б приползла.
- Ирчик! Я тайно влюблен в тебя! – стenalся он героем-любовником.

- Ах! Генка! – подражая ему, вторила Ира. Они посмеялись над собственным экспромтом, и перешли на почти серьезный тон. – Во сколько?
- Начало в одиннадцать, а я в десять буду ждать тебя в лобби.
- О'кей! До встречи.

- - -

Без десяти десять Ира переступила порог отеля Рэдиссон САС «Лазурная». Генка уже ждал ее у входа. Без грима и костюма она сразу узнала его, хоть он заметно изменился за эти годы. Нет, не постарел, а как-то высох и стал еще более рельефным. Взаимное приветствие получилось в двух экземплярах: очень сдержанное у входа и очень бурное в гримёрке. Пока Генка готовился к выступлению, они, вспоминая былое, обменивались колкостями, оттягивая на более спокойное время серьезный разговор, давно не видавших друг друга, старых друзей. Закончив приводить себя в надлежащий вид, Генка вызвал по телефону администратора зала.

- Солнышко мое, свет Натальюшка, вот это вот – мой старый-престарый друг, гениальнейший художник Ирина Палладина. Пожалуйста, отдельный столик и полное изобилие. Впишешь на мой счет.

- Гена... – попыталась было возразить Ира.

- Будет качать права – не обращайтесь внимания. Да, Наташенька, еще, принеси, пожалуйста, меню – я сам сделаю заказ во избежание объявления гениальнейшим художником голодовки.

- Ген, ну зачем ты? Я и сама в состоянии оплатить свои расходы. Тем более, представляешь, какие здесь цены? – попыталась Ира отстоять свое право на независимость, когда администратор вышла за меню.

- Ира, ты вообще представляешь, какие здесь цены?! Позволь мне получить удовольствие. В конце концов, я ведь тайно влюблен в тебя.

- Ген, насколько я в курсе, Лазурка дерет много, а платит мало.

- Ирчик! Ну скажи мне, родненькая, пожалуйста, когда я жил на деньги от выступлений, а?

«Солнышко, свет Натальюшка» принесла меню. Генка, ни о чем не спрашивая Иру, сделал заказ. Он хорошо помнил все ее гастрономические пристрастия. Ире иногда казалось, что он замечает абсолютно все и абсолютно все всегда помнит. Недаром она прозвала его «мастер на всю голову». Близилось время выхода на сцену, и Генка попросил «солнышко, свет Натальюшку» проводить Ирину к ее столику.

Генка подарил Ире сказочную ночь. Она давно так не расслаблялась. Он действительно абсолютно все замечал и абсолютно все запоминал. Запоминал не умом, а всем своим существом. Будучи невероятно общительным человеком, Геннадий вращался в самых различных кругах и, впитывая в себя все тонкости человеческой (и не только) сущности, затем мастерски выдавал на сцене всю соль извечного божественного фарса. Ира удивилась, встретив его на арене цирка, а теперь вообще не понимала, что он там забыл.

Время пролетело незаметно. На сцене продолжал скакать, заполнявший Генкины паузы на переодевания, кордебалет, а к ней подошла «солнышко, свет Натальюшка» и передала просьбу Геннадия зайти в гримерку.

Он ждал ее уже разгримированный и переодетый, бодрый и веселый, как будто изнуляющей ночи на сцене вовсе не было.

- Ирчик, скажи честно, если устала. Я отвезу тебя домой. А если нет – пошли бродить!

- Генка! Пошли бродить!

Они вышли из здания и спустились на пешеходку. Рассвет едва намечался. В звенящей предутренней тишине еле слышно шуршал галькой морской прибой.

- Искупаемся? – спросил Гена.

- Наш... – удивленно и радостно, громким шепотом подражая прибою, прошелестела Ира.

Они разделись полностью, благо время суток не вменяло в этикет обязательность плавок и купальника, и поплыли в прохладной воде.

- Ну вот, Ирина Борисовна, – начал Генка, когда они вновь оказались на пешеходке, – душеньку Вашу бесценную я, как истинный Баб Ёг, накормил, напоил, в море прополоскал, а вот теперь Вам, милая Вы моя, и ответ держать само времечко. А скажите-ка мне, разлюбезная, почему это я, бродя по свету по белому, ни разу не видал Ваших выставок-то, персональных-то, а?

- Не беру уж я давно краски всякие, да и кистью не вожу боле по холсту.

- Так почто ж тогда, распрекрасная, мужика-то ты своего ухайдокала? Ввергла в зависть-то его в чернушшую, в пьянку горькую, беспробудную.

- Да никуда я его не ввергала!

- Да знаю, знаю и в том не виню. Сам дурак! Ты мне лучше скажи: серьезно, что ли, не пишешь?

- Да. Серьезней некуда.

- И давно?

- Последнюю написала в ночь ухода. И всё.

- Во, дела! Знаешь, я, когда узнал, что ты все бросила и уехала, хотел найти тебя, и даже попытался поначалу, но потом понял – раз так сделала, значит, всерьез хочешь многое из своей жизни вычеркнуть.

- Знаешь, я действительно его безумно любила... И сейчас, до сих пор люблю, но не того, от которого ушла. Я не уловила момента, когда умер в нем тот, кого я по сей день люблю. Знаешь, очень страшно хоронить любимых, но еще страшней, когда его оболочка вроде как рядом, ты можешь ощущать ее тепло, целовать, обладать – а это не он. Он – умер. Знаешь, последнее время, ложась с ним в постель, я чувствовала омерзение измены, своей измены тому, кого люблю, с тем, кто до безобразности нагло занял место любимого.

- Ирчик... старые раны разбередил?

- Да нет... Шрам давно затянулся. Уже не больно.

- Чем сейчас занимаешься?

- Дизайном.

- А в какой сфере?

- Вообще, в основном занималась полиграфией, немного интерьерами и ландшафтом, а недавно сделала большой проект по мебели.

- Палладина, я тебя поздравляю! Из талантливого, даже гениального живописца, пусть в узких кругах, но достойно признанного, перекалифицироваться в рисовальщика визиток и чертежника табуреток! Потрясающая карьера!

- Генка! Не язви! Знаешь...

- Ирчик, не заводись! Я знаю – ты все способна превратить в шедевр. Только вот всегда нужно помнить, что талант, это не Дар Божий – это Крест. Громадный тяжелый Крест, который ты обязана нести всю жизнь, и нести правильно, иначе... Иначе все пойдет наперекосяк.

- Знаешь, Ген, по-моему, я правильно несу этот Крест. В моей жизни все здорово. Мне нравится жить так, как я живу.

- А за последнее время с тобой ничего странного не происходило, а?

- Происходило, но...

- Ирка, спинным мозгом чувствую, за последние полгода-год не я первый тебе о твоём живописном прошлом напоминаю. Признайся – так?

- Признаюсь – так. Ты хоть о нём знаешь, а первый напомнивший понятия не имел вовсе.

- А вот это – как?

- Он, без задней мысли, ничего не подозревая, показал мне мою последнюю работу.

- И что?

- В смысле – что?

- Ирчик, так ведь это знак! Серьезный знак! Когда это случилось?

- Этой зимой.

- И ты до сих пор ничего не пишешь?

- Я боюсь... и работы много было... Поехали ко мне, я покажу тебе мебельные эскизы, ну и все остальное.

- Решила оправдаться наглядным материалом?

- Генка!!!

- Едем, едем. Ты даже не представляешь, как я хочу увидеть твои работы, что бы они собой ни представляли и в каком бы жанре ни были выполнены, и какими средствами.

Они поднялись по лестнице в районе стадиона. Уверенно светало. У «Золотого колоса», будто по заказу, ждало такси.

Не успели они войти в квартиру, как ворвалась всклоченная спрзонья Наташка.

- Ир, ты уже проснулась?

- Я еще не ложилась и только что пришла. Познакомься – Геннадий Васильевич Логинов. Ты его уже видела. На арене цирка.

- Очень приятно – Наташа, – вовсю жеманилась Натали.

Генка тут же подхватил ее манеру и выдал сторицей в поцелуе руки и сообщении, что для такой очаровательной особы он просто «Генусик». Наташа густо покраснела и выскочила из Ириной квартиры, как пробка из бутылки, забыв, зачем пришла, точнее, какой повод для этого придумала.

- Что это было? – Генка соорудил такую уморительную рожу, что с прослушиванием ответа пришлось повременить по причине приступа неукротимого смеха, приключившегося с «ответчицей».

- Это, Геночка, ФСБ и ЦРУ, а по совместительству СМИ местного значения.

- Понятно. А я, было, подумал, наивный, что это – всего лишь face control.

- И face control тоже. Кофе?

- Давай.

Они переместились на кухню, где Генка отогнал Иришку от плиты и сам принялся хозяйничать. В итоге на столе красовался целый шикарный завтрак.

- Генка, так не честно!

- Уж извини, Ирочка, но я хорошо знаю: хоть ты и на кухне – бог, но терпеть ее не можешь, или что-то изменилось?

- По поводу кухни ты прав, но я о другом.

- О чем?

- Я тебе про себя рассказываю, а вот о тебе ничего не знаю. Как ты? Где ты? Цирк – это ведь так, блажь?

- Ну почему? Ты ведь сама меня в клоуны отправляла!

- Так ведь несерьезно же!

- Ладно, колюсь. В цирке действительно несерьезно. Денег попросили в помощь, а я попросился поработать. Естественно, отказать не смогли, а теперь и как уйти – не знаю. «Геннадий Васильевич! Ну, пожалуйста! Ну, еще в одну Тмутаракань съездим!». Вот уж два года так маюсь. Сам не рад.

- Генка! Да ты у нас, никак, олигарх, раз цирк у тебя спонсорскую помощь кланчит!

- Ну, до олигарха мне еще далековато, но от нищеты не страдаю. У меня несколько небольших предприятий в разных странах. Так что с голоду умереть мне пока не удастся. Ирчик, я бы с удовольствием вложил в тебя деньги, а потому давай посмотрим, что ты творишь и вытворяешь.

- Ген, подожди! Расскажи мне все-таки, как у тебя с театром-то?

- С театром? Ну, поступать в театральный мне окончательно надоело не так уж и давно. Историю-то эту знаешь? Почему не брали?

- Наслышаны...

- Сам придумал! Видишь ли, поступать начал по юной дурости, потом в привычку вошло, а потом прикалываться начал.

- Догадывалась... А с театром-то, все-таки, что?

- С театром? Ну что с театром, плюнул на всех и открыл свой в одном Запудыркино-Мамайске. Не понравилось. Не могу с кучей народа работать. В общем, я сам себе театр, как всегда и было.

- Генка, знаешь, чего понять не могу? Вот ты без пяти минут олигарх, цирк спонсируешь... Взял бы да себя раскрутил. Ты ведь гений! Генка, я ничего подобного никогда нигде не видела! Тебе действительно никакие театральные институты на фиг не нужны! Ты сам – шедевр! А при вложении некоторой суммы, которая для тебя, догадываюсь, не проблема, мог бы стать еще и сенсацией.

- А зачем? Деньги у меня и так есть, а слава... Знаешь, без нее спокойнее жить на белом свете. Ты ведь сама такая же. Широкая известность в узких кругах – вот самая достойная и приятная слава из всех слав.

- Да... ты прав...

- Давай, показывай, чем занимаешься.

Переместились в комнату. Ира достала папку с портфолио, а заодно включила компьютер.

- Что здесь?

- В папке? Визитки, буклеты и прочая дребедень.

- А в компе?

- Эскизы мебели.

- Начнем с них.

Генка быстро листал файлы, постоянно повторяя «угу».

- Значит так, госпожа Палладина, – изрек он, добравшись до конца папки, – я скину тебе на e-mail фотки, сделанные в разных племенах типа Чумба-Юмба, и пришлю образцы, используемых у них материалов. С тебя – линия в стиле полученных впечатлений. Ни в коем случае не стилизация. С кем ты делала эту коллекцию?

- ОАО...

- Хозяин кто?

- Радный Станислав Андреевич.

- Стас?! – Генка аж весь просиял. – Знаю. Хороший мужик.

Иру почти не удивило знакомство Генки с Радным. У нее еще в студенческие годы закралось подозрение, что людей, которых Логинов так или иначе не знал бы, просто не существует.

- С тебя, Ирчик, – разработка, со Стаса – производство. Я сам с ним поговорю. С меня – деньги, реклама, сбыт. А теперь давай бумажки с картонками.

Ира подала ему временно отложенную папку. Не менее стремительно, чем компьютерные файлы, он просматривал «бумажки с картонками» и вдруг резко затормозился на одной из визиток.

- Ты знакома с Гаровым?

- С Гаровым? – Ира как-то сразу не смогла понять о ком идет речь. Сердце бешено забилося.

- С Гаровым Евгением Вениаминовичем.

Фамилия, а затем фамилия, имя и отчество резанули слух чем-то смутно знакомым. Ира глянула на визитку. Она почти ни разу не слышала в живом звучании фамилии, имени и отчества Женечки, и оттого сильно растерялась. Ее била уже знакомая дрожь. Генка держал в руках «японскую» визитку.

- Я частенько сотрудничаю с ним в плане разноязыких визиток, а заодно иллюстраций.

- Так значит Юлия Град – твой псевдоним?

- Да.

- И она молчит!!!

- А ты не спрашивал.

- Я?! Я спросил – «чем занимаешься»?

- Спросил.

- Так что ж, умолчала?

- Не знаю...

Генка схватился за телефон.

- Женич! Ты сволочь! Я тебе столько рассказывал про Палладину, а ты, гад, даже не намекнул, что она и есть Юлия Град, что вы знакомы и даже сотрудничаете! – из трубки доносился веселый смех Женечки. – Так что, давай, стол накрывай. Мы с Ирчиком сейчас будем.

Женечка встретил их у подъезда. Судя по объятиям, с Генкой они были закадычными друзьями.

- Женич! Ты даже не представляешь, какая ты сволочь! – весело вопил Генка, когда они уселись за столиком в Женечкиной гостиной. – Это же надо! Я ему все уши прожужжал про Палладину, а он даже бровью не повел! Женич, Ирка – это же супер! Это же просто нечто! И вообще, я в нее уже давно тайно влюблен!

- Видимо, именно поэтому ты устроил ей пытку лишением сна? Посмотри, ее аж дрожь бьет! Совсем девчонку доконал!

- Неправда! Она – железная. Ей все нипочем!

- Я знаю, – Женечка загадочно улыбнулся. Он пересадил Иру с дивана на кресло, встал за спиной и попросил закрыть глаза. Она отключилась. Показалось, что минула целая вечность. – Легче?

Ира взглянула на часы. Прошло не более минут трех-пяти, но чувствовала она себя как после целой ночи полноценного сна.

- Да...

Между Женечкой и Генкой действительно существовала какая-то очень прочная связь. Это ощущалось, что называется, за километр. Иру изгрызало любопытство, почему Женечка никогда не признавался Генке, что хорошо знает ее, при этом очень внимательно выслушивал эмоциональные рассказы последнего о ней. Ведь Женечка никогда ничего не делал просто так, в особенности, если дело касалось ее, Ирины. Это она твердо себе уяснила. Пришлось уяснить. Женечка заставил.

Он искренне радовался, тому, что его уловка сработала. А в том, что ситуация с Генкой – это какая-то Женечкина уловка, Ира не сомневалась. И вообще, он ведь просто мог уложить ее, глобально не выпавшуюся, вымотанную и действительно смертельно уставшую, спать, но он проделал с ней нечто, нечто в ущерб себе. Действительно в ущерб себе – он за эти три-пять минут, аж постарел на несколько лет.

Генка с Женечкой весело припирались, а Ира вдруг решила заново просмотреть свой сон про сожжение. В ту же секунду Женечка бросил на нее быстрый жесткий взгляд:

- Правильно придумала.

Ира переключилась на видение. Давненько она этого не делала, но усилий не потребовалось. Она почти мгновенно оказалась над толпой. Грубая ткань сдавила тело. Солнце слепит. Черный священник отчаянно горланит то молитвы, то проклятия. В общем, как всегда уже в который раз. Она даже не успела попытаться что-либо предпринять – все произошло само собой. Как всегда все то же самое только ранее не замечаемое. Священник в очередной раз взывал к небу. Луч солнца скользнул по его прикрытому черным капюшоном лицу. Ира и раньше все это видела, просто священник ее всегда мало интересовал, как самый малопривлекательный персонаж разворачивающихся событий...

Ира медленно приходила в себя, чувствуя полную апатию ко всему, и всеми силами держась в этом спасительном на данный момент состоянии. Она лежала в спальне, не помня, как туда попала, а из гостиной доносились голоса сцепившихся не на шутку Генки и Женечки.

- ...Гаров! Ну ты и сволочь! Разве не мог...

- А разве я тебе говорил, что это не так?

- Не говорил, но и...

- Генка! Мог бы и сам догадаться. По крайней мере, зимой.

- Ты же, кажется, в курсе, что я слепой!

- В курсе.

- И рад радешенек!

- Есть немного. Знаешь – гарантия, что ты не будешь проявлять излишнюю активность.

Накладываясь на яростную перепалку Женечки и Генки, перед Ириными глазами хаотичным потоком всплывали яркие и четкие фрагменты ее жизни. То из раннего детства, то из времен гораздо более близких к сегодняшнему дню, но предшествующих началу работы над «японской визиткой». Во всех этих эпизодах то на заднем, то на среднем плане в поле бокового зрения мелькал Женечкин силуэт. Как и в случае с повторными просмотрами зимнего сна, Ира не сомневалась, что не сейчас себе это нафантазировала.

- Сам-то, небось, еще до ее рождения знал!

- Верно, Логинов. Знал. А как родилась, глаз с нее не спускал. Видишь ли, в отличие от тебя, я никогда не забываю, что все мои знания полная туфта, и умею не выказывать излишней прыти. А ты – нет.

- А со мной-то раз за разом, ой какой прыткий всегда!

- Отнюдь. Я никогда не проявляю ненужную инициативу, пока ты сам на меня не натыкаешься, и ты, между прочим, прекрасно об этом знаешь. Знаешь, что нельзя лезть со своими знаниями и умствованиями за пределы себя.

- Ага! Знаю, но не догадываюсь!

- К счастью, догадываешься. И не просто догадываешься, а полностью об этом проинформирован, но, к несчастью, имеешь склонность болтать и делать гораздо больше, чем следует.

- И что я сделал не того на этот раз?

- К счастью, пока вроде ничего лишнего, и это воистину поразительно! Впрочем, это не твоя заслуга.

- Ну да! Это всецело твое достижение!

- И не мое в том числе. Она сама от тебя удрала и сама нашла, когда посчитала нужным.

- Ага! Просто не догадывается об этом!

- Это ее сугубо личное дело. А твое дело в отношении всего, что не касается твоего сугубо личного, следовать золотому принципу: говорить и предпринимать ровно столько, сколько невозможно не сказать и не предпринять.

- Все же считаешь, что я переборщил, предложив...

- Если бы ты кинулся со своими идеями только теперь – решил бы, что изрядно перебарщиваешь.

- Женич, а ты не перебарщиваешь! Заставить ЧЕЛОВЕКА, я подчеркиваю, ЧЕ-ЛО-ВЕ-КА, пережить всю эту жуть еще раз!

- Генка! Ну откуда в тебе это слюняйское человеколюбие!?

- Да, Гаров, твое человеколюбие слюняйством ну никак не назовешь! Если твоему другу суждено умереть от рук палача – ты, Женич, становишься палачом, дабы сократить его мучения!

- Мог бы не напоминать.

- Извини! Не думал, что тебя это как-то заденет!

- Уважаемые человеколюбцы, смените тему, – сказала Ира, заходя в гостиную. Женечка с Генкой моментально осеклись и застыли с идиотским видом. – Чем зазря воздух сотрясать, лучше придумайте, за что мне в первую очередь хвататься: за особняк Радного, или за твою книгу, Женечка, или за новую, предложенную к разработке тобой, Геночка, коллекцию мебели, или бросить все и по многочисленным просьбам трудящихся заняться живописью, а?

- Браво! – Женечка аплодировал, а Генка все еще не мог прийти в себя.

- И вообще, я есть хочу.

Женечка незамедлительно исчез на кухне.

- Ты как? Ирчик! – изумленно осведомился Генка.

- Великолепно! Кстати, ты когда мне фотки скинешь?

- При первой возможности.

Глава 8

Поворот на 180 градусов

Женечка гладил Иру по голове и как-то странно на нее смотрел. Казалось, что он с нетерпением ждал ее пробуждения и одновременно боялся этого.

- Я одного не пойму, чего это ты так бурно радовался, когда Генка вдруг выяснил, что Юлия Град – это я?

- Видишь ли, Генка – слепой. Вернее, с обычным зрением у него все в порядке, но некоторые вещи от него ускользают.

- Женечка, я понимаю, что подслушивать нехорошо, но вы так вчера орали, что вас невозможно было не услышать.

- Не сомневаюсь, что ты уловила все, что тебе необходимо.

- Так вы для этого подняли такой крик?

- Нет, Ира. С эмоциями совладать не получилось. Думаю, что с твоей подачи, – Женечка тяжело вздохнул. – Генка большой человеколюбец, а заодно наделен неутомимым пристрастием ввязываться во всевозможные передраги. Во времена очень отдаленные одна из связанных с проявлением человеколюбия передраг закончилась для него смертным приговором.

В те времена казнь являлась не просто лишением жизни, а представляла собой изуверство высшей степени. Возможность вытащить его из этой передрыги напрочь отсутствовала. В общем, мне пришлось стать палачом, дабы свести его физические муки к минимуму. Приятного, само собой, было мало...

Генка, осознав свою суть, прекрасно помнит все свои рождения, жизни и смерти. К тому же, осознание сути дается ему достаточно легко и в очень раннем возрасте – где-то в районе двадцати лет. Правда, он лишь без труда вспоминает все свои рождения, жизни и смерти – только и всего, а во всем остальном он ничем не отличается от среднестатистического человека, разве что обладает гениальными способностями во многих сферах, однако, сферах вполне человеческих. Он хорошо знает, чего стоит осознание сути. По его мнению, а в этом ему можно доверять, этот процесс хуже смерти.

- Насчет «хуже», судить не берусь, но вот то, что гораздо дольше – это, по-моему, без сомнения.

- Наверное, ты права. У меня другие параметры жизни во всех отношениях, так что о многом не могу судить. Так вот, сам он легко справляется со всевозможными неудобствами в виде страданий того или иного происхождения, а вот в отношении других крайне щепетилен, – Женечка снова тяжело вздохнул. – Ладно, Ирка, не заморачивайся на этом и вопросами меня не терзай.

- Праздное любопытство не удовлетворяется?

- Что-то вроде того... Ирка! Не заморачивайся! – Женечка вымученно улыбнулся.

- А вы давно с Генкой знакомы? – вдруг спросила Ира, чем неожиданно для себя ввергла всегда прекрасно владевшего собой Женечку в новый шок. – Я имею в виду сейчас... ну... в этой его жизни... – добавила она.

- В этот раз он появился здесь на свет не без моего участия. Я – его биологический отец. Он, правда, об этом не знает, или делает вид, что не знает. В любом случае будет лучше, если ты ему не скажешь.

- Жень!

- Что?

- Гена лично знаком с Радным.

- И что? Логинов лично знаком чуть ли не с большей частью человечества и при этом очень хорошо с каждым. Это одна из сторон его человеческой гениальности.

Ира не уловила, каким образом она попала в гостиную. Женечка сидел в кресле и улыбался ей, но не так, как обычно. Он выглядел тотально вымотанным, чего на Ириной памяти никогда не было.

- Женечка, ты спал этой ночью?

- Не-а...

- По-моему, тебе жизненно необходимо выспаться.

- Ты так думаешь?

- Наверное, да – раз говорю.

Женечка поднялся, вышел и через минуту вернулся с какой-то книгой в руках.

- Возьми, почитай, только не уходи, – сказал он и удалился в спальню.

Ира проводила его взглядом. Он действительно сегодня был не таким, как всегда. Видимо, что-то действительно произошло. Впрочем, вчера говорил на повышенных тонах в большей степени Генка, но и Женечка тоже не справлялся с эмоциями, чего раньше за ним не наблюдалось. О точных границах услышанного Ирой обрывка, он, скорее всего, не догадывался, а Ира предпочла не уточнять, будучи уверенной, что никаких объяснений сверх того, что уже сказано, от него не добьется в любом случае.

Часы показывали всего девять утра. Руки сжимали предложенную Женечкой к ознакомлению книгу, название которой привело Иру в легкое замешательство: «Драконы. Миф и реальность». Женечка ничего никогда не делал просто так, но, видимо, в этот раз взял с полки первый попавшийся том. Ира открыла книгу, так как делать все равно было нечего. Текст представлял собой достаточно серьезный анализ принадлежащих различным культурам мифов, легенд и сказок, посвященных драконам. Незаметно для себя Ира погрузилась в чтение.

Когда она, наконец, подняла глаза, за окном стемнело, столик украшал изысканный ужин, а в кресле напротив сидел улыбающийся Женечка, судя по всему, уже давно пристально смотревший на Иру веселым взглядом.

- С возвращением, госпожа Палладина! – приветствовал он ее отрыв от книги.

Вот теперь Женечка стал прежним, и Иришка резко собрала себя в кучу, морально готовясь, на всякий случай, сразу ко всему. Мобилизация ее сил так рьяно бросилась в глаза, что Женечка от души расхохотался.

- Ира! Расслабься! Лучше покажи, чего это ты так внимательно изучала.

- То, что выдали, – сказала она, протягивая Женечке книгу.

- У-у-у! – он снова расхохотался, правда, теперь вроде как несколько натужено. – До такой степени я еще никогда не уставал, – Женечка, продолжая смеяться, унес «Драконов» обратно в кабинет.

- А мне понравилось.

- Ирочка! Не вопрос! Обязательно возьмешь домой и дочитаешь, но только после того, как сделаешь иллюстрации к моей книге.

- Значит, читать придется все заново, – сделала вывод Ира.

- По-моему, если понравилось – это не проблема. Давай ужинать.

Вечер посвятили Генке, но только в общепризнанных человечеством рамках – по очереди вспоминали уморительные истории с ним в главной роли. Часов в одиннадцать позвонил на Женечкин мобильник их герой.

- Про меня треплетесь?!

- А про кого же еще!

- Дай Ирчику трубочку.

- Ир, Генка тебя жаждет.

- Алло!

- Ирчик, ты в курсе, что мобильник твой вне зоны?

- Как?

- Проверь...

Ира взяла лежавший рядом свой телефон. Он не подавал никаких признаков жизни.

- Слушай! Точно – сдох!

- Ну вот, а я целый день названиваю. В общем, посмотри свою почту – фотки я выслал.

- Спасибо!

- Ирчик! Я тайно влюблен в тебя!

- Ах! Генка! – Ира рассмеялась.

Всю ночь под торжественные всполохи молний и грохот грома лил дождь, а утром Иру разбудили яркие лучи солнца и щебет птиц. После завтрака Женечка проводил ее до Ривьеры и, чмокнув в щеку, испарился. Он хотел отправить ее домой на такси, но Ирина выразила желание прогуляться.

Солнце, юная зелень – как хорошо! До какой же степени ей осточертели вся эта мистика с эзотерикой и оккультизмом вместе взятые! Ну почему последнее время каждый человек, появляющийся в ее жизни, обязательно с каким-нибудь «У-ГУ-ГУ»?! Всё!!! Хватит!!!

Прогулявшись по парку, Ира вышла на проспект, перешла через Ривьерский мост, миновала Платановую аллею и на Пролетарском подъеме (Мамонтовом спуске) засела в «Аленке» с любимыми пирожными и чаем. Потом ее занесло в художественный салон, откуда она выползла груженная под завязку всякой всячиной. Как выяснилось чуть позднее, у нее денег даже на маршрутку не осталось. Но в момент малоприятного открытия Иру окликнул знакомый мужской голос. На ее счастье мимо автобусной остановки проезжал Вадик, Наташкин муж.

- Вадик! Как ты вовремя! Представляешь, зашла в магазин, а когда вышла, оказалось, что домой уже ехать не на что, – жаловалась Ира, загружая багажник.

- Вы, милые дамы, все такие.

- И не говори! Бабы – дуры!

Ира не без умысла усадила Вадика на его любимого конька. Дело в том, что Наташка его давным-давно поместила под свой каблук и теперь он, как любой истинной подкаблучник не упускал возможности поглумиться над женским полом. Иришка умело подливала масла в огонь, и домой Вадик явился откровенно счастливым. Что ничуть не обрадовало Наташку, которая быстро спустила своего муженька с небес на землю, прям с порога рассказав: кто он, какой он и в каком направлении ему двигаться, а заодно наизусть процитировала весь список прод- и промтоваров, которые тот забыл купить. Ира зазвала разбушевавшуюся подругу к себе, а Вадик пошел домой зализывать раны.

- Ирочка, извини, но я просто уже не могу! Я что, лошадь, все на себе таскать! На машине ведь едет!

- Наташ, расслабься! Это я, наверное, виновата – весь багажник заняла своими покупками.

- Ой, Ирочка, не смеши! Если ты все свои покупки в двух руках унести смогла, значить багажник считай, что пустой был. К тому же и в салоне места о-го-го сколько. Ладно, ну их в баню этих мужиков! Давай покурим, что ли... Нет, ну согласишься, бестолковые они какие-то все!

И потекло, и поехало! Так глубоко в такую глухую бытовуху Ира уже давно не ныряла. А Натали выдала все, что она думала по поводу бестолковых мужиков, потом прочла целую лекцию о стиральных порошках, затем сделала сравнительный анализ всех сортов продаваемого в Сочи риса, неожиданно переключилась на вопросы психологии жизни своих пациентов, а далее, как само собой разумеющееся, следовали последние сводки о ценах на продуктовых ярмарках. Круг освещаемых ею вопросов замкнулся на несчастном Вадике, которого она, едва вспомнив, тут же отправилась допиливать.

Ира вздохнула с облегчением. Первым делом она замкнула за Наташкой дверь, отключила звонок, поставила сдохший мобильник на зарядку и стала разбирать свои покупки. Через час все было готово.

Мазки ложились на холст. В Иришке все бурлило и клокотало безумной радостью. Как давно она этого не делала, а словно и не пролетали годы! Постепенно в ее сознание стали вливаться странные звуки со стороны входной двери. Она прислушалась... Исполнялась грандиозная оратория для смешанного хора и оркестра ударных инструментов. Ира со вздохом отложила палитру и пошла открывать.

- Слава богу! – прогремел последний аккорд, торжественно исполненный хорovým tutti.

За дверью громоздились: Игорь Александрович, Женечка, Наташка, Люська и Вадик. Смотрели они все на нее в единодушном ошалении. Ира, не пытаясь понять, что бы это значило, сказала:

- Входите... – и направились на кухню.

Когда она, сняв с огня собравшийся на побег кофе, обернулась, ее взору предстали сидящие по бокам стола Женечка и Игорь Александрович. Остальные, видимо, рассосались. Игорь Александрович не сводил с нее безумного взгляда. Женечка тупо смотрел в ведомую только ему точку.

- Что случилось?

- Ира... Я шестеро суток дозвониться до тебя не могу... – Игоря Александровича заметно потряхивало.

- Хороший повод выламывать мне дверь.

- Ира... – Женечка продолжал смотреть в избранную точку. – Сейчас шесть часов вечера... Я был у твоей двери в час дня...

- И что? Мы в половине десятого утра с тобой только расстались.

- Ага... Только было это пять дней назад, – Женечка продолжал скрупулезное изучение выбранной части пространства.

Ира выдернула зарядку из мобильного. Он засиял, радостно поблагодарил за вкусный ужин (или обед) и благополучно уснул. Ира включила его. SMS-ки с приветствием «Вам звонили» полетели, словно пчелы из улья в солнечный день.

- Дай... – Женечка забрал у нее телефон. – Когда все придут, тогда и разбираться будем.

- Ира, у тебя все в порядке? – Игорь Александрович постепенно приходил в себя.

- Все у меня в порядке.

- Извини, мне действительно нужно бежать. Только не пропадай. На днях нужно обязательно встретиться.

- Хорошо.

Николаев как-то внезапно растворился в небытие. А SMS-ки все летели и летели. Женечка констатировал их прибытие и фиксировал на невесту откуда взявшемся листке бумаги, невесту откуда взявшейся ручкой. Наконец поток иссяк. Женечка систематизировал информацию и произвел подсчет.

- Итак, госпожа Паладина, за истекшие шесть дней беспробудного сна мобильного на Ваш номер поступил 221 звонок.

- Ого!

- Ого... С номерами разберемся потом, а сейчас скажи, что случилось?

- Жень, ты всегда даже лучше меня знаешь, что со мной происходит.

- Ира, если бы я знал, то не названивал бы тебе все пять дней и не околачивался бы около твоей двери пять часов к ряду, – вид Женечки поразил Иру своей серьезностью.

- Жень, извини, ради бога, но мне до такой степени осточертела вся эта мистика! Знаешь, я хочу просто жить, а не вычислять, кто с какой целью появился на моем горизонте. Понимаешь, Я ХОЧУ ПРОСТО ЖИТЬ!!!

- Понимаю... Чем занимаешься?

- Живописью.

- Можно взглянуть?

- Конечно... Там... в комнате...

Женечка вышел, а Ира осталась на кухне.

- Хорошо, однако, Вы, госпожа Паладина, «просто живете»! – через некоторое время донесся Женечкин голос. – Одного понять не могу, с чего это Вы решили, что Вам «вся эта мистика» осточертела, а?

Ира затушила сигарету и пошла следом. Ее взору предстали две готовые работы, прислоненные к книжному шкафу, и третья – тоже, в общем-то, готовая – на мольберте. Ира смотрела на них так, будто впервые увидела, а Женечка смотрел на нее.

- Ира, а теперь пойд и глянь на себя в зеркало.

Она повиновалась. Собственное отражение поразило ее не меньше, чем увиденные впервые собственные картины. Полный отпад! Только вот в зеркале – со знаком минус. Такой всклоченной, перемазанной красками, со впалыми щеками и болезненно красными глазами она себя еще никогда не лицезрела.

В ванной журчала вода. Сзади подошел Женечка:

- Раздевайся. Будем приводить тебя в божеский вид.

Ира не сопротивлялась. Женечка собственноручно все снял с нее, отнес в ванную, вымыл, вытер, одел во что-то чистое и душистое, расчесал, высушил и усадил за стол.

- Ты, вообще, спала эти дни?

- Не знаю...
- А ела что-нибудь?
- Не знаю...

Женечка заглянул в холодильник и понял, что там уже давно как мышь повесилась. Он окинул взглядом сидящую в непонятном даже для него настроении Ирину, вздохнул и бодро отправился в магазин.

А Иру распирал смех. Как она лихо послала всё и всех подальше, развернулась на 180 градусов и попала в самое яблочко того, от чего решила раз и навсегда уйти.

Ужин стоял на столе, Женечка сидел напротив, а Ира хохотала и не могла остановиться. В конце концов, он встал у нее за спиной и размял ей плечи, шею. Постепенно она успокоилась.

- Ешь, давай!

Ира повиновалась, а Женечка сел разбираться с ее неотвеченными звонками.

- Жень, ты тут весь такой загадочный, сверхъестественный. Все языки знаешь, две с половиной тысячи лет живешь, а ведь из тебя бы получился очень даже неплохой банальный офис-менеджер или бухгалтер, – Ира явно заявила, но Женечка будто не обратил на это внимания.

- Вдумайся в значение слова «сверхъестественный». Приставка «сверх-» означает нечто гораздо более и гораздо большее нежели исходное что-либо. Так что «сверхъестественный» значит гораздо более естественный. Кстати, за две с половиной тысячи лет вполне можно стать очень даже неплохим офис-менеджером или бухгалтером и даже дворником или сторожем. Ты решила сбежать от того, что везде и всюду и естественно, а если хочешь, сверхъестественно, и напрямую попала именно туда, откуда бежала. Понимаешь, Мироздание – оно везде. И естественное, и гораздо более чем естественное. Если какая-то часть существ воспринимает и осознает только часть многообразия Мироздания, это вовсе не значит, что не существует всего остального. Так, перезвонить самой тебе придется только Радному, Владу и Леше. Генку я беру на себя, а все остальные уже в курсе, что у тебя все в порядке.

Необходимость звонить Радному и Владу Иру ну совсем не обрадовала. Женечка протянул ей телефон:

- Позвони сыну.

Ира набрала номер.

- Мамуль, это ты?!

- Да Лешенька, это я. Просто телефон сдох, я его на зарядку поставила, а включить забыла.

- Фух!!! А впрочем, вполне в твоём репертуаре.

- Ладно, пока, потом созвонимся.

- Мам! У тебя все в порядке?

- Да. Просто я устала сильно.

- Ладно, хорошо, пока.

- Я вижу, средства производства на исходе, – констатировал факт Женечка, появляясь из комнаты. – Сегодня поспи, а завтра с утра я заведу тебе все необходимое.

- Да наверное, не надо, Жень. Хватит, поигралась – нужно и делом заняться.

- Ира, устрой себе живописный отпуск эдак еще недельки на две, на три. Поверь, на пользу будет. Только перерывы на сон и еду организовывать не забывай, а впрочем – сам прослежу. Все, замкни за мной дверь и ложись спать.

Ира протянула Женечке запасной ключ.

- Закрой сам.

Женечка усмехнулся, постелил ей постель, уложил, поцеловал, попрощался и ушел. Ира немного поворочалась и встала. Часы показывали только половину восьмого. Ей не давал покоя Радный. Она взглянула на листочек с Женечкиными статистическими выкладками. По его подсчетам телефонный номер Станислава Андреевича значился 27 раз.

- Да, я Вас слушаю, – прозвучал в трубке голос Радного после четвертого гудка.

- Станислав Андреевич...

- Стас.

- Извините, Стас, Вы звонили мне?

- Да, Ира, – подтвердил он и замолчал.

Ире показалось, будто он ждет от нее чего-то. Но чего? Она судорожно принялась говорить о первом, что пришло в голову:

- Стас, я еще не приступала к работе над Вашей дачей. Мне нужно немного времени, чтобы...

- Да-да, я понимаю и не тороплю. Я хотел выразить свою признательность за горную прогулку. Знаете, я до сих пор под впечатлением и, думаю, в этом состоянии буду еще долго находиться. Спасибо большое.

- Я очень рада, что Вам понравилось.

Они долго обменивались любезностями. Ира понятия не имела, как окончить этот невыносимо длинный разговор ни о чем, а Радный, судя по всему, и не пытался. На помощь Ире пришла его секретарша, громко сообщившая:

- Станислав Андреевич, Вас ждет Логинов Геннадий Васильевич.

- Ира, извините, пожалуйста.

- Да, конечно. До свидания.

«Да, конечно. До свидания» «услышал» только Ирин мобильник. Она не думала, что, позвонив, застанет Радного еще в офисе, но, принимая во внимание то, что Генка, как видно, так не считал, это не являлось чем-то из ряда вон выходящим.

Ира отложила телефон в сторону и легла в постель с чувством выполненного долга и с легким уколом совести: Генка уже добрался до Радного, а она до присланных им фоток еще нет. Ира немного поворочалась в постели и снова встала. Чувство выполненного долга и уколы совести вместе с Радным и Генкой улетучились из головы.

Ире стало весело. Очень весело, притом с оттенком легкого злорадства. А ведь она сделала Женечку! Она не могла для себя четко сформулировать, чего хочет, когда они сидели у Женечки с Генкой, когда она увидела, что это именно Генка тот священник, что это именно он поджиг костер. Она не могла для себя четко сформулировать, чего хо-

чет, когда услышала обрывок их разговора, и когда Женечка ясно дал понять, что от него она не дожидается никаких объяснений. Ира всегда восхищалась Женечкой, не переставала восхищаться им и сейчас, и от этого сладость пусть маленькой, но победы становилась еще более пьянящей. Она даже испытала легкую жалость к нему. Таким потерянным и растерянным ей еще никогда не приходилось его видеть. Вряд ли она когда-нибудь перестанет быть от него зависимой, но полный, безграничный контроль над ней он потерял. Ей удалось как бы разорвать некую невидимую нить, как бы повернуться в другую сторону. Хорошо это или плохо, она точно не знала. Скорее всего, в чем-то хорошо, а в чем-то плохо, даже, возможно, просто ужасно, но в любом случае ей такое положение вещей нравилось гораздо больше.

«А все-таки, с чего это Женечка так бурно радовался, Генкиному открытию относительно меня?» А впрочем, какая разница... Теперь есть свобода! Хотя нет... Свобода была всегда. Теперь есть еще и воля. Собственная воля. «По моей собственной воле Генка вновь появился в моей жизни – вот чему он радовался!».

- - -

Утром, едва встав с постели, Ира обнаружила у себя на кухне Женечку. Он сидел за накрытым столом и курил со спокойствием человека ждущего оглашения смертного приговора. Ира молча села к нему на колени, обняла и прижалась.

- И чего это ты так испугался? Разве ты ждал чего-то иного?

- Нет, конечно. Просто жутковато, когда нечто в твоей жизни выходит из-под контроля.

- Но ведь именно этого ты и добивался!

- Я вел тебя к независимости от человеческого, а то, что ты так лихо освободилась от меня, это – полная неожиданность.

- Жень, у тебя были дети, для которых ты действительно отец? Не биологический, а настоящий. Которых ты воспитал как отец.

- Да. Только очень-очень давно, когда срок моей земной жизни еще не выходил за рамки обычной продолжительности.

- Значит, ты просто забыл, что когда ребенка учишь самостоятельности – отучаешь от себя. Ты со временем становишься для него чужим. Пусть знакомым, пусть уважаемым, даже другом, даже самым лучшим и любимым другом, но чужим. Связь рвется. А если она не разорвалась вовремя и полностью – страдают оба: и дитя и родитель.

- Моим детям не довелось стать взрослыми.

- Извини...

- Знаешь, меня часто уличают в сверхмерной жёсткости и даже жестокости, а я просто отношусь к ближним, как к себе. Золотое правило морали – единственное не мной придуманное правило, которому я неукоснительно слеую в отношении близких. Это единственный стоящий якорь. Все остальное – блеф. Но так я отношусь только к действительно своим. В остальном – милая улыбка, сладенькое ублажение, лесть и ненужный тебе индивид, до которого тебе нет никакого дела, безвозвратно тонет в своей самости и более не досаждаёт своим праздным любопытством и нездоровой озабоченностью.

Да, я жесток и в первую очередь к себе. А собственно, в чем жестокость моя? Лишь в том, чтобы безжалостно задавить, разорвать, растерзать в себе так называемые высокие чувства, возникающие по инерции, создаваемой социумом.

Мои дети погибли у меня на глазах, когда старший едва достиг очарованья юности. Я испытал то, что прочувствовал бы любой родитель при виде смерти дитя собственного. Не меньше, но и не больше. Тогда я по существу был просто человеком. Не больше, но и не меньше. В своих эмоциях я не отличался оригинальностью. Но вот то, что я сделал со своим великим человеческим горем!

С точки зрения стандартного индивида, это – бесчеловечно. Это с любой точки зрения бесчеловечно, вот только сам термин «бесчеловечность» с разных точек зрения будет нести разный смысл. В конце концов, я стал тем, чем я стал.

Я могу состариться или заболеть и умереть, меня можно убить, но это чисто теоретически. На практике в отношении себя я сам выбираю свою участь. Поверь – не легкую. Я так и не научился испытывать эмоции, отличные от человеческих, или не испытывать их вовсе, но я знаю, как эффективно использовать любые из них. Жестоко? Да. Но только безжалостность наделяет жизнеспособностью. Будь безжалостной к себе. Только это дает шанс не стать трупом, по которому кто-то безжалостно пройдет.

- Ирочка, а у тебя мука есть? – прозвенел радостный голосок ворвавшейся с ревизией Наташки.

- Наташенька, присаживайтесь, – Женечка со всей учтивостью поднялся, уступая Наташе место.

- Ой... спасибо большое, но я там с тестом затеялась, а муки не хватило, – Наташа с удовольствием уселась за стол.

- Тесто, простите, какое?

- Для оладий... на кефире.

- О-о, тогда не волнуйтесь, Наташенька, только на пользу перерывчик пойдет.

Женечка не особо часто бывал у Ирины дома, но ни один раз не обошелся без забега Натали за чем-нибудь архинужным. Женечку она всегда откровенно веселила, и он воспользовался моментом, дабы расслабиться и разрядить обстановку. Но как только нужный эффект оказался достигнутым, Женечка очень ненавязчиво и весьма технично Наташку спровадил.

- Ирка, признайся честно, – сквозь смех произнес он, возвращаясь от входной двери, – в твоём доме, хоть чисто случайно, хоть когда-нибудь мука вообще была?

- Не-а!

- Слышь, Ир, а тебе будет очень неприятно, если я как-нибудь пересплю с Натали?

- Жень, с каких это пор ты стал спрашивать у меня с кем тебе спать?

- Не... ну как... ну... она ж все-таки твоя соседка...

- Женечка, ты приносишь безжалостность в жертву этикету, – Ира говорила с утрированным пафосом трагиков Древней Греции.

- Нет, Ир, ну я определенно хочу с ней переспать. С точки зрения эротики это, конечно, полный нуль, но зато... Ирка, ты представляешь какой это будет кайф наблюдать за ней опосля, а?

- Женька – ты конченный садист!

- Не-е... Я утонченный садист... – блаженная улыбка вдруг сменилась очень серьезным выражением лица. – Ира, ты никогда не позволяла манипулировать собой, но теперь и вовсе полностью закрылась. Сказать, что я в панике – ничего не сказать. Я ни к чему тебя не призываю, я ни о чем не прошу тебя. Я просто не знаю что делать!!!

- А ты смирись. Откажись от борьбы с обстоятельствами в пользу овладения собой.

Женечка разразился мистическим смехом. Одно дело выслушать ни к чему не обязывающее заявление Женечки о его якобы истинном возрасте и совсем другое почувствовать каждой своей клеточкой, что его рождение от сего дня действительно отделяют десятки столетий. Иру охватил леденяще-обжигающий трепет, как уже недавно было, но теперь спасительный Женечка понятия не имел, что с ней. Ира собрала всю свою волю в попытке вернуть себя в нормальное состояние. Получалось плохо, а когда ей все же это удалось, Женечка уже не смеялся и, видимо, уже давно.

- Ну, Ирка! Не хочешь, чтобы я тебя видел? Да пожалуйста! Вот только теперь будешь отзваниваться не менее двух раз в день – утром и вечером. Смотри, пропустишь – я тут же у тебя.

- Женечка, не обижайся!

- Да я не обижаюсь... Ладно! В общем, весь недостающий ассортимент для живописи я тебе привез. Работай. А вечером не забудь позвонить.

Он чмокнул ее в щеку и ушел. Ира немного посидела в одиночестве, ни о чем не думая. Затем разобрала привезенные Женечкой пакеты. Руки чесались в предвкушении работы, но она пересилила себя, вызвала такси и отправилась на дачу Радного.

Глава 9

Гиала

За рулем автомобиля сидела черкешенка средних лет. Ира удивилась – нечасто встретишь таксиста женского пола, а тем более из семьи коренного народа Черноморского побережья Кавказа.

- На 73 километр, пожалуйста.

Машина тронулась. Некоторое время стояла напряженная тишина. Ира это почувствовала, но не могла понять причины сего напряжения. Казалось, что таксистка очень хочет что-то сказать, но не решается. Ира не стала долго гадать о причинах столь странного настроения женщины за рулем и попыталась сама завязать беседу.

- Извините, у меня такое ощущение, словно Вы хотите о чем-то меня спросить.

- Скорее, попросить.

- Не смущайтесь, я слушаю Вас.

- Даже не знаю, как начать.
 - Да не стесняйтесь, Вы! Говорите, как есть, а там разберемся.
 - Видите ли, моя бабушка сказала, что моим третьим пассажиром за сегодня станет молодая женщина, и попросила обязательно привезти ее к нам в гости. Вы – мой третий пассажир. Моя бабушка очень-очень старенькая. Она – удда.

- Удда?

- Да.

- Извините, а что это?

- Так на Кавказе когда-то называли ведьм. Конечно, моя бабушка никакая не ведьма. Она просто лечит всех – и травами, и заговорами, и еще всякой всячиной. Еще маленькой была – уже лечить умела. Вот старики ее уддой и прозвали. Наверное, и словечко это старинное благодаря ей и запомнилось. Давно уж нет тех стариков, она сама давно глубокая старуха, но до сих пор ее так и зовут – уддою.

- А куда ехать надо?

- Далеко... За Кичмай.

- Так за Кичмаем вроде и дороги нет?

- Хорошей – нет, но проехать можно.

- И Вы что, тоже там живете?

- Да.

- И что, здесь работаете?

- Я – по Лазаревскому району. Клиенты тут в Сочи ехали. Вот девчонки мне Ваш заказ и дали – 73 километр – все ж в родную сторону, – она немного помолчала. – Я очень Вас прошу: съездите, пожалуйста, к нам в гости! Я с Вас денег не возьму и домой отвезу, только, пожалуйста!

Таксистка смотрела умоляющим взглядом, почти готовая расплакаться, а Иру совсем не нужно было уговаривать.

- Давайте договоримся так: на 73 километре у меня дело и не на пять минут. Вы меня там оставите и можете отдохнуть, или еще копейку заработать. Как только я закончу, сразу Вам позвоню. Заберете меня, и поедem к Вашей бабушке. Договорились?

- Да! Конечно! – черкешенка ликовала от счастья.

- - -

Ира долго бродила среди шлакоблочных стен. Думать она ни о чем не могла, даже если б захотела. Ее рвало на части. Она, то плакала, то смеялась, прекрасно понимая, что увидь ее кто сейчас – решили бы, что она сошла с ума. Тяжелый неказистый монстр архитектуры вызывал бурю ничем внешне необоснованных эмоций. Ира слышала, как мощные стены поют хором невероятно низких басов, приводя в движение каждую хромосому ее клеток. Ира в мистическом экстазе прижималась к стенам и каталась по полу. Ее рвало на части в невероятном слиянии с чем-то непостижимым, приводя в неистовый восторг. Прошел час, прежде чем дом позволил ей выйти на улицу.

Она стояла во дворе, медленно приходя в себя. Что-то екнуло внутри испугом – как она выглядит после всей этой мистерии? Одежда подверглась тщательному осмотру. Странно, но она оказалась в иде-

альном состоянии. Ира кинула на траву рюкзачок, присела на него и закурила. Дом умиротворенно улыбался. Ира тоже улыbnулась и подмигнула ему. Дом просиял.

Ира опустила глаза, услышав едва уловимый шелест травы. Метрах в полутора от нее мирно извивалась черная гадюка. Вынырнув из невысокого клевера, она заползла на кусок валявшегося шифера, свернулась кольцами, положила сверху голову и уставилась на Ирину. Удостоверившись, что полностью поглотила ее внимание, гадюка медленно поползла в заросли фундука, периодически останавливаясь и оглядываясь – идет ли Ира за ней. Под старым полуиссохшим деревом хурмы змея снова свернулась кольцами, немного полежала, пристально глядя на Иру, и молниеносно исчезла в высоком папоротнике. Ира подошла к месту, которое обозначила черная гадюка. Там лежал скол какого-то коричневатого-зеленоватого камня почти правильной формы величиной с ладонь. «Как чешуя дракона», – пронеслось в Ириной голове воспоминание о книге, выданной Женечкой по запарке. Ира подняла камень и положила в рюкзак. Папоротник зашевелился – гадюка медленно уползала. Ира достала мобильник и позвонила таксистке-черкешенке.

Какое-либо даже подобие, даже грунтовой дороги давно исчезло. Черкешенка лихо петляла среди горного леса по воистину козьей тропе.

- Неужели Вы вот так вот каждый день выезжаете на работу? – в изумлении спросила Ира.

- Да, – просто ответила черкешенка.

- Знаете, а ведь мы с Вами до сих пор не познакомились.

- Лена.

- Ира. Может быть, перейдем на «ты»?

- С удовольствием.

- Лен, как ты здесь едешь ночью? А если дождь, снег?

- Запросто. Я привыкла. Я с шестнадцати лет за рулем. Отец научил.

Машина выехала на достаточно обширную равнину горного уступа. Колоритный забор из нетесаного горбыля, ухоженный до невероятности сад и белоснежный трехэтажный дом в глубине.

- Вот здесь мы и живем, – сказала Лена, открывая калитку и приглашая Иру следовать за ней. – Не удивляйся, бабушка сама выбрала себе комнату и обстановку в ней. А с Гиалой не поспоришь.

Крохотная комнатка располагалась на третьем этаже. Из мебели в ней находились только пенек и лежанка. Притом лежанка представляла собой кусок распиленного вдоль бревна длиной в рост человека. Постели никакой не было. Вдоль стены на вбитых гвоздиках аккуратно висели четыре длинных белоснежных платья. Такое же пятое обтягивало стройный стан необыкновенно красивой старухи, сидевшей на пенке.

- Здравствуйте, – тихо поздоровалась смущенная и обескураженная Ира.

Старуха медленно и очень внимательно оглядела ее.

- Да. Это она, – твердым низким голосом проговорила старая черкешенка и взглядом попросила Лену удалиться.

Как только Лена вышла, старуха поднялась с пенька и, легко перепорхнув, уселась на лежанке.

- Садись, – указала она Ире на пенек.

Ира села. Пенек вроде ничем примечательным не отличался от своих лесных собратьев, но сидеть на нем оказалось гораздо удобнее, чем на ином навороченном кресле, соответствующем всем законам эргономики. Ира даже привстала и оглядела его, на что старуха по-доброму усмехнулась.

- Я – Гиала.

- Ира.

- Я – Гиала. Я прожила сто четыре года, чтобы встретиться с тобой, – Гиала немного помолчала. – Впрочем, это не так уж и много... Тебе знаком Зед?

- Зед?

- Сейчас он, конечно же, носит другое имя, но ты должна знать его, – Гиала внимательно, как бы сканируя, оглядывала Иру. – Ты знаешь его, – сказала она не принимающим возражений тоном.

Ира смотрела на Гиалу во все глаза. Незнакомое имя, но еще когда уdda только упомянула странное имя, она сразу догадалась, что речь идет о Женечке. Теперь у нее не осталось сомнений.

- Женечка... теперь его зовут Женечка... Евгений Вениаминович... Гаров...

- Это неважно. Он искал тебя. Долго искал. И по пути встретил меня. Такова уж судьба...

- А Вы умеете предсказывать судьбу?

- Да.

- А мне сможете предсказать?

- Нет. Потому что у тебя нет, и не может быть судьбы. Ты неподвластна судьбе, даже здесь на Земле.

- Зед – такой же?

- Нет. Он без сомнения велик, но ты – еще выше. Я знаю, ты не понимаешь меня, но это неважно, так как, не понимая, ты все же знаешь, о чем я говорю. Ты – человек, а потому не понимаешь. Ты – бог, а потому знаешь. Не смотри на меня так – ты действительно есть бог. Правда, не совсем в том смысле, который вкладывают в это слово люди.

- Бог, значит... – Ира усмехнулась. – Интересно... Однако, ведь абсолютно всем правит судьба, даже богами!

- Так может показаться, но все по-другому. Большинство правит судьба, но есть и те, кто правит ею. Ты мне не веришь? Правильно делаешь. Все, что я тут болтаю – вздор, глупые бабушкины небылицы. Не умею я по-другому объяснять. Никто не может. От того и придумывают байки всякие. Глупые – верят или не верят. Умные – по-разному. Одни создают религии и думают, что правят миром, другие пишут труды научные о прелестях фольклора. Единички, отмеченные благостью, вслепую нащупывают в этой галиматее нечто. И только очень немногие знают, но и они не могут объяснить, потому что язык, на котором написана Истина, неизвестен здесь. Подходящих слов нет в речах человеческих. Вот и плетутся небылицы. А ты слушай, читай сказки и легенды. Ты поймешь.

- Гиала, а Зед – тоже бог?

- В общем-то, да, но он другой. Он не такой, как ты.

- А в чем разница?

- Он – велик, но ты – еще выше. Ты не понимаешь этого сейчас – я это знаю. Просто ты еще не осознаешь себя. Когда осознаешь, тогда многое тебе откроется. Главное, не жди чего-то из ряда вон выходящего – это совсем не то, что тебе сейчас может показаться.

Ира задумалась. Что-то в ней испытывало неистовое любопытство, а что-то имело твердое убеждение, что все это полнейшая чушь, и лишь уважение к почтенному возрасту Гиалы заставляет ее сидеть тут и слушать весь этот бред.

- Гиала, расскажите мне про Зеда, – попросила, наконец, Ира.

- Моя прабабушка тоже была уддой. Когда она умирала, позвали меня, а было мне тогда лет семь-восемь. Она взяла меня за руку. Что случилось – до сих пор не знаю, помню только, что стало ужасно страшно... до мозга костей страшно, как больше никогда в жизни. Когда я очнулась, мою ручонку с трудом вытаскивали из мертвой прабабушкиной ладони. Я, рыдая, убежала в лес. Там меня нашел Зед. Он потом часто приходил и учил меня видеть растения, камни, животных... Ведь прабабушка ничему не учила меня. Она мне только силу свою отдала.

- А что значит «видеть»?

- Все светится. Своим светом, своим цветом. Если ты умеешь видеть этот свет и знаешь, как правильно сочетать цвета – ты можешь лечить болезни и тела, и души. Можешь и недоброе творить. Люди слепы и недальновидны. Вот Ньютон, к примеру. На него яблоко упало, и он закон тяготения открыл. Правильно сделал. Хороший закон. Только вот если конкретное яблоко взять, то никто с точностью не скажет, что случится с ним после того, как оно от ветки оторвется, ведь помимо тяготения в этом мире столько всего! А глупые люди слепо верят своим научным открытиям. А ведь научные прогнозы в повседневной жизни сбываются не чаще, чем предсказания гадалки. Почему? Потому, что ни ученый, ни гадалка не могут учесть все условия, силы и обстоятельства. Чем больше принял во внимание при расчете – тем точнее результат.

Старая удда замолчала. Легкая улыбка засияла на ее устах, и слезинка пробежала по щеке.

- Я влюблена в него с первой нашей встречи до беспамятства. Ты была близка с ним?

- Да...

- Тогда ты поймешь меня. Хотя нет... не поймешь... Он ведь не то... не совсем то, что ты... Когда я узнала, что он, считай, бессмертный, я завидовала ему. Теперь – нет. Мне всего каких-то сто четыре года, а я... Я боюсь смерти, как боится каждый, но я с нетерпением жду ее... я устала... устала за каких-то сто лет... Нет, я бы не хотела перемахивать через века, тысячелетия, даже имея вечную молодость. Тогда, когда я была юной, Зед говорил, что я могу родиться вновь. Я мечтаю об этом: чтобы снова родиться, снова встретить Зеда... Я знала, когда он вернулся. Я легко могла бы найти его, но... Но мне тогда уже шел седьмой

десяток. Выглядела я хорошо – мне никто больше сорока не давал... А теперь хочу... Хочу вновь увидеть Зеда. Не знаю, захочет ли он видеть меня старухой? Но я – хочу... Ира, можно попросить тебя?

- Конечно.

- Ты можешь и отказаться, я не обижусь. Но, если получится, привези ко мне Зеда. Не сейчас. Если ты согласна, то, когда буду умирать, я пошлю за тобой Лену, и тогда – привези ко мне Зеда.

- Я привезу. Даже если придется тащить его силой.

- Ну-у, силой не надо! – Гиала рассмеялась. – Если он наотрез откажется – приезжай одна. Договорились?

- Хорошо.

- Я понимаю, что окончание жизни не самое приятное зрелище, но я не останусь в долгу. Конечно, я мало чем могу помочь тебе, но... – Гиала многозначительно посмотрела на Иру. – В семнадцатый Лунный день, когда будет лить дождь как из ведра, в час Быка иди навстречу будущему солнцу по старой тропе убыхов. Иди. Зачем? Найдешь, то, что твое...

- Это тоже сказки, или старая тропа убыхов действительно где-то есть?

- Какие сказки! Есть, конечно! – Ира не ожидала такого яростного возмущения Гиалы и немного смутилась. – Думаешь, если я стара, то только и умею, что небылицы рассказывать?! Есть старая тропа убыхов! Теперь это пешеходная дорожка вдоль моря от Мацесты до стадиона. Ты ходила там совсем недавно.

Ира вспомнила, как всего неделю назад спускалась у Лазурки на пешеходку вместе с Генкой.

- Гиала, скажите, что во мне такого необычного? Почему со мной Зед носится как с писаной торбой? Почему Вы назвали меня богом? Ведь боги правят Миром, а я ни то, что Миром – с собственной жизнью управиться не всегда могу.

- Да, Ира, боги правят Миром, только совсем не так, как представляют себе это люди. Человеческая власть весьма опасная штука. Это самая незавидная из всех земных частей. И, тем не менее, многие на все готовы ради нее. Бог властвует, ничем не владея; управляет, ничего не требуя и не навязывая. Воплощаются боги лишь для того, чтобы жизнью своею дать новое правило, закрепить его, и тогда, лет через сто-двести, а то и более, оно становится правилом образа жизни людей. И совсем не обязательно, чтобы образ жизни бога был замечен и привлек внимание современников, ну, соседи, конечно, заметят, не о них речь. Так вот, бог дает некую поведенческую матрицу, которая отпечатывается в информационном поле и постепенно начинает работать.

Гиала замолчала, а Ира задумалась, припоминая мировую историю.

- Да-а... – усмехнулась она, – надо срочно привести в порядок свой моральный облик, и вообще более критично относиться к себе.

Старая уdda весело рассмеялась.

- Живи по воле своей, по правилам своим. Ты лучше всех знаешь, как надо. Как надо тебе. Тебе кажется, что твой образ жизни не подходит для массового употребления? А как бы тебе самой жилось среди таких, как ты?

- А я стараюсь быть среди похожих по образу жизни на меня, не всегда получается, но если получается, то просто по кайфу!

- Вот видишь... Ты, конечно, не всегда, а, скорее всего, очень редко вписываешься в шаблоны окружающих, но это правильно, ведь ты не-сешь новую матрицу, а она потому и новая, что непохожа на современную. Так что живи, как живешь, и поменьше пытайся понять. Все, и боги в том числе, при рождении на Земле наделяются мозгом одного образца, а он не всегда способен переварить то, что ты на самом деле знаешь.

- - -

Всю обратную дорогу Лена с Ирой почти ни о чем не говорили. Когда проезжали Мамайку, Ира позвонила Женечке:

- Жень, ты сейчас дома?

- Да, Ир.

- Можно я к тебе загляну?

- Судя по звуку, ты уже где-то едешь?

- Абсолютно верно.

- Отправляйся домой. Я сам к тебе зайду, ладно?

- Как скажешь.

Когда Ира поднялась к себе в квартиру, Женечка уже сидел на кухне за накрытым столом.

- Госпожа Палладина, Вы дали мне ключи от своей квартиры и поэтому я здесь.

- Спасибо за пояснения, но я и сама догадалась.

- А что ж тогда вздрагиваешь от неожиданности?

- Так не сразу ведь!

- Что, «не сразу ведь»?

- Догадалась не сразу.

- А-а-а... – Женечка как всегда был ироничен.

- Ага, – поддержала его настроение Ира.

- Как я вижу, ты не вняла моему совету отдалиться сегодня живописи?

- Ты правильно видишь – не вняла. И, знаешь, ничуть об этом не жалею.

- Ира, я уже давным-давно разучился бояться чего-либо, но с тех пор, как потерял контроль над тобой, ты абсолютно всем пугаешь меня до холодного пота, до нервных судорог.

- Людям свойственно бояться, точнее, опасаться неизвестности. Вот я, например, до недавнего времени более всего опасалась тебя.

- Я больше не являюсь для тебя загадкой?

- Отчего же? Просто теперь для меня гораздо большая загадка я сама. Тебя я по-прежнему опасаясь, а вот себя – по-настоящему боюсь.

Ира приняла решение: рассказать Женечке про дом Радного, а потом раскрыться, чтобы он сам увидел все про Гиалу. Она понятия не имела, как это сделать, но не сомневалась, что у нее получится.

- Я сегодня ездила на дачу Радного. Дом пел для меня. Потом приползла черная гадюка и повела меня вглубь сада. Там я нашла вот это, – Ира протянула Женечке скол коричневатого-зеленоватого камня.

Женечка весь напрягся:

- Выбрось, – очень тихо сказал он.

- Жень, не выброшу. Гадюка указала на него, недвусмысленно указала и уползла только после того как я забрала его.

- С каких это пор ты полюбила змей? Насколько я помню, ты всегда боялась их панически.

- Я и сейчас их панически боюсь... но, видимо, не всех.

Ира отнесла камень в комнату. Отнесла не для того, чтобы просто отнести. Предпринятый ею намеренный поворот на 180 градусов, с одной стороны вроде как и оставил ее в исходном положении по отношению к тому, от чего она хотела уйти, но с другой... Именно благодаря этому повороту Женечка потерял над ней тотальный контроль. Теперь Ира собиралась проделать по сути то же самое, но в обратном направлении. Она понятия не имела, что именно нужно делать, но отчего-то не сомневалась в успехе.

Когда Ира вернулась, Женечка поменялся в лице не сразу, но сразу очень сильно. Как только пик был достигнут, Ира заговорила:

- В начале XX века ты жил здесь и тебя называли Зед?

Женечка молча кивнул. Ира ожидала перемену в нем, перемену сильную, но не такую... по тональности не такую.

- Как она нашла тебя? Я чувствовал, что она захочет тебя найти, но не верил, честно говоря, что у нее получится.

- Она послала за мной.

- Гиала...

Сознание Женечки растворилось в немыслимых дебрях. Ира с интересом наблюдала за ним. Тоска... Вселенская тоска плыла в его глазах. Ира не предполагала, что он способен на это. Она привыкла воспринимать его блистательно-роскошной, изысканно-безупречной вечно холодной бесконечностью. Эмоции и чувства били ключом, но не из него, а где-то рядом с ним, вокруг. Он излучал их, оставаясь внутренне безмолвным. И вдруг – тоска. Тоска изнутри, из самой глубины. Ира встала у Женечки за спиной и положила свои руки ему на плечи. Он откинул голову, прильнув затылком к ее телу. Глаза смотрели вверх и наполнялись слезами.

- Ты любишь ее? – тихо спросила Ира.

- Да, – также тихо ответил он.

- Зачем же тогда ушел?

- Потому что люблю...

Его лицо менялось каждый миг, становясь то молодым, то старым. Казалось, само время вдруг пустилось в пляс движением Броуна. Ира не перебивала. Прошло минут двадцать, прежде чем он заговорил снова.

- Спасибо, Ир, садись. Я расскажу тебе про Гиалу.

Ее род – потомки Ария, осевшие на Кавказе в незапамятные времена. Их линия удд возобновилась где-то около полутора тысяч лет назад. Дело в том, что это одна из древнейших линий ведьм, но она прервалась, так как девочку, которая должна была стать продолжением, выкрали в отрочестве. Она выжила, но не продолжила эту линию, а положила начало новой где-то в районе Египта. Здесь же линия прекратила свое существование на несколько столетий.

Где-то около полутора тысяч лет назад я встретил девочку из этой семьи, в которой увидел все задатки будущей ведьмы. Я стал учить ее, а, научив всему, чему она смогла научиться, ушел и явился вновь, когда она умирала. Как и положено, одна из ее правнучек унаследовала дар. Я стал и ее учителем. Так и продолжилось. Я учил всех ведьм этой линии и Гиалу в том числе.

Гиала вроде ничем не отличалась от своих предшественниц, только по непонятным для меня причинам нас настигли «стрелы Амура». Ничего в Мироздании не происходит случайно, но я не могу понять смысла вспыхнувшего между нами чувства. Нет, это не банальный инстинкт размножения, толкающий мужчину и женщину в объятия друг друга, и не Вселенская страсть, порождающая галактики. Это нечто сугубо личное. Все юные ведьмы влюблялись в меня, а я никогда даже не пытался устоять перед их прелестью, но проходило время и все становилось на свои места. А Гиала...

В общем, я считал это чувство своей слабостью. Впрочем, так оно и есть. В конце концов, я поступил с Гиалой так же, как поступал и с ее предшественницами. Я никогда не забывал о них, так же, как и о ней, только вот до нее я испытывал в таких же ситуациях чувство выполненного долга, а тут...

Время все расставляет по местам, но уже прошел без малого век, а я ничего не могу с собой сделать. Конечно, в моих временных рамках этот срок не такой уж и большой, но все же. Ведь среди людей я, так или иначе, соотношусь с человеческим временем.

- Она хотела увидеть тебя перед смертью.

- Я знаю. Я обязательно приеду к ней.

Женечка встал с намерением отправиться домой, но уже попрошавшись тормознул.

- Ир, можно я останусь у тебя?

- Конечно, Жень, – ответила она и пошла стелить постель.

- - -

Ира обняла Женечку, как ребенка, и он быстро уснул. А она еще долго не смыкала глаз. Бессонница ее не мучила. Ира ощущала настоящую необходимость перепросмотреть свою жизнь, точнее те ее моменты, которые касались взаимоотношений с противоположным полом.

«Витя, Витенька, Витюша...» – Ира отчаянно пыталась почувствовать то, что когда-то испытывала, произнося имя Важина. Но... Что-то внутри отчаянно коробилось, лишая слова какого-либо смысла. Тогда ночью на старой убухской тропе Ира наврала Генке, что до сих пор любит своего бывшего мужа. Да нет, она не Генке наврала, она себя обманывала. Где-то в мозгу осталось как накарябанное на заборе: «Я люблю Витю», – и всё... На самом деле это и было всё, что ее связывало с ним теперь. А тогда? Ира переселилась в себя четырнадцатилетнюю.

В школьные годы Ира испытывала полную уверенность в своей неженственности и непривлекательности, а подруги всеми силами поддерживали ее убеждения. Впрочем, тогда это мало заботило – все силы отдавались творчеству и неумемному стремлению непременно поступить в художественное училище.

И вот – Виктор Валентинович Важин. Предмет восторгов и восхищения – и как художник, и как мужчина. И этот объект несбыточного вожеления целой армии красавиц и умниц всех возрастов и социальных положений, вдруг сам выбирает ее, пусть талантливую ученицу, но по сути корявого неказистого подростка.

Каким трогательным было начало! Вступительный экзамен. Ира – самая младшая из абитуриентов, настроенная именитым мэтром на стопроцентную неудачу, но в глубине души лелеющая заоблачную надежду на успех. Она притаилась за самым дальним мольбертом. Дают задание, а минут через десять в аудиторию с извинениями заходит ОН, безумно красивый и одухотворенный. По телу пробегает дрожь. ОН с чарующей улыбкой медленно движется между мольбертами, одобрительно кивая каждому в поддержку. Наконец подходит к ней, задерживается дольше, чем около других, нежно кладет руку на плечо и, наклонившись, тихо говорит: «Молодец! Дерзай!». Отходит и возвращается вновь, и снова отходит, и снова возвращается, а потом, придвинув стул, садится рядом...

А потом – толпа волнующихся абитуриентов и их родителей в фойе. Где-то идет обсуждение и зачисление. Результаты обещали вывесить только на следующий день, но никто не уходит. Десять часов вечера. В вестибюль спускаются уставшие члены приемной комиссии. Председатель, обращаясь к толпе страждущих, с заметным недовольством подчеркивает, что «завтра будут списки зачисленных, завтра». Важин взглядом пробегает по толпе, находит Иру и идет напрямик к ней:

- Простите, как Ваше имя?

- Ира.

- Ирочка, к сожалению, у меня не получилось отстоять Вас на все сто. К сожалению, техника у Вас действительно слабовата, но это поправимо. Мне удалось убедить комиссию зачислить Вас кандидатом в мою мастерскую. Это значит, что Вы сможете посещать все занятия вместе с остальными студентами, но в списках будете значиться лишь карандашом. До первой сессии. Если удастся успешно сдать – станете полноправной студенткой. Я думаю, у Вас получится, но работать придется много. Вы согласны?

- Конечно! – Ира по-детски ликовала.

Начался учебный год. Важин, уделяя на уроках всем своим ученикам равное количество внимания, на дополнительных индивидуальных занятиях с Ирой научил ее трудиться на износ. Она испытывала немыслимое удовольствие от работы с ним, хоть и уставала смертельно.

Ира своим женским чутьем ощущала, что для Виктора Валентиновича она не просто перспективная, с его точки зрения, ученица. Она чувствовала – он влюблен в нее, но боялась поверить. Она видела, как нелегко ему держать дистанцию, и кровь кипела в ней. Незаметно подкралась решающая ее судьбу сессия.

Проявленные Ирой во время семестра нечеловеческие усилия не остались незамеченными преподавательским составом, ну а на сессии отношение к ней и вовсе поменялось. Ей устроили персональное посвящение в студенты и восторженно поздравляли. Но все померкло,

потеряло смысл, когда ОН своими губами коснулся ее щеки. Миг превратился в вечность. Ира ощутила мягкость его сухих губ и шершавость щеки, и нежность мимолетно скользнувшего по ее лицу языка. А потом была дискотека. ОН пригласил ее на танец. Не сам, а по всеобщему преподавательско-студенческому требованию. Им аплодировали, не подозревая, какие электромагнитные бури носились меж двух тел.

Все каникулы Ира провела за мольбертом и никакие мамин уговоры, по поводу необходимости отдыха, действий не возымели. Ведь любое другое занятие сулило нестерпимые муки любовного томления, и назад в училище она летела быстрее несущего ее самолета.

Ира часто бывала у Важина дома. Собственно говоря, большая часть дополнительных занятий проходила именно там. Если задерживались допоздна, Важин провожал ее в общежитие. В тот день тоже засиделись.

- Все, Ирочка, тебе пора.

Вышли в прихожую. Нужно было обуться, одеться, но почему-то они не спешили, встретившись взглядом. Ира вдруг осознала, что он никогда не сделает первый шаг, потому что она его ученица, потому что она совсем юная, если не сказать, еще ребенок. Она остро почувствовала, что если сейчас просто уйдет, что-то оборвется и больше никогда не склеится.

- Поцелуйте меня...

Важин улыбнулся и нежно коснулся губами ее щеки.

- Не так... – еле слышно прошептала Ира.

Он видимо хотел что-то возразить, а может, даже прочитать нравоучительную проповедь, но вместо этого впился в нее своими мягкими сухими губами и прижал к себе ее тело.

- Ира, ты понимаешь, что так нельзя? – шептал он ей, задыхаясь в неистовых ласках.

- И по-другому – тоже.

Он подхватил ее на руки, и они оказались в постели.

А дальше все понеслось как в сказочном сне. Ира купалась в его ласках и заботе. Странно, но влегкую пронзающий женские сердца своей красотой, обаянием и харизмой, Важин мучительно боялся потерять Иру. Она действительно стала для него единственной. Стала для него единственной еще до того, как стала его.

Любила ли она его тогда? Тогда казалось, что да. А теперь? А теперь собственные наблюдения убивали холодным цинизмом: тогда ее тело жаждало секса, а самолюбие тешила сладость победы. И всё? Всё... всё... только и всего.

Что нашел в ней Важин? То, что обычно взрослые мужчины определенного типа ищут в юных девах: наивность, трепетность, трогательность, а заодно восхищение и благоговение пред его персоной, так необходимое мужскому самолюбию. И невдомек самовлюбленному придурку, что юная наивная дева с роковой неизбежностью повзрослеет и либо станет старой инфантильной дурой, либо превратится в монстра под названием «стерва» и сожрет склонного к самопочитанию представителя мужского пола с потрохами.

Ира поняла, как крупно ей повезло, что Важин, не выдержав ее успеха, стал спиваться, иначе ей, скорее всего, еще долго, если не всю жизнь, пришлось бы тащить за собой тяжеленный мешок собственных детских иллюзий.

Что было после Важина? Во-первых, стойкое нежелание повторять раз пережитое. Но в ней осталась страстная, сильная, так и не растраченная жажда любви. И она сказала себе: «Хочу просто любить!».

Примерно через месяц «небесная канцелярия» в точности исполнила ее заказ. Объект оказался весьма странным, но влюбилась Иришка в него по уши, что называется, с первого взгляда. Взаимностью отвечать он ей не собирался (впрочем, этот пункт в заказе не значился), но несколько раз они оказывались в одной постели. О! Что это было! Особыми сексуальными изысками он не владел, но инстинктивно умудрялся в нужное время в нужном месте и с требуемой интенсивностью погладить или поцеловать. Ира с ума сходила, и, в конце концов, ей это выматывание собственных нервов порядком надоело. «Хватит!», – сказала она себе, но еще долго при случайных встречах с ним у нее мучительно-сладостно тянуло низ живота.

«Хочу быть любимой!» – так она сформулировала следующий заказ. Ожидание его исполнения заняло всего недели две. Новый объект тоже оказался не менее странноватым, но с совершенно другими «мышцами». Влюбился он в Иру безумно. В постели оказался, в общем-то, сносен, но терпеть его там Иришка могла только что здоровья для. Он звонил ей дено и ночью, преданно смотрел влюбленными глазами и «целовал землю, по которой ступила ее нога». Вся эта галиматья Ире осточертела очень быстро. Оказалось, что быть безответно любимой во сто крат хуже, чем безответно любить. Это все равно, что трезвому находиться в изрядно подпившей компании.

Не без труда избавившись от навязчивого обожателя, Ира поняла, что она больше ничего и никого не хочет, но слепо предусмотренный природой инстинкт размножения слепо требовал свое.

Ира никогда не страдала недостатком мужского внимания, хоть и считала свои дамские достоинства гораздо ниже среднего. В общем, за свою жизнь она в совершенстве научилась сбрасывать представителей мужского пола с хвоста, при этом, не имея никакого понятия об искусстве обольщения. Ей просто не для чего было этому учиться.

В один прекрасный вечер Ире вдруг стало ужасно жаль себя: какая она бедная-несчастливая, никому ненужная! Процесс приступа тотальной жалости к себе, постоянно перебивали телефонные звонки представителей пола противоположного с предложениями от чашечки кофе до Луны с неба. Ира с достоверно звучащей откровенностью поведывала: кому о плохом самочувствии, кому о занятости; и продолжала страдать. В какой-то момент до нее дошло, что убедительный повод к данному саможалению, мягко говоря, отсутствует. Она ну совсем не лишена внимания представителей противоположного пола, вот только представители эти отчего-то ее требованиям не соответствуют. Собственно, а каковы эти самые ее требования?

Ира бросила бесплодные страдания и села разбираться в себе. В течение часа-двух она определилась со всеми своими запросами, начиная от внешности потенциального кандидата на свою благосклонность и заканчивая родом деятельности и интересами.

На этот раз «небесная канцелярия» приняла заказ как срочный, и уже на следующий день Ира оказалась за столиком одной из сочинских кафешек рядом с объектом целиком и полностью соответствующим всем пунктам поданной заявки.

Ухаживал он очень красиво, прямо как в хорошо поставленной мелодраме, а Иру воротило от всего этого невыносимо, но бросить было жалко – полное соответствие вожелению просто поражало своей идеальной точностью. В конце концов, она сама чуть ли не силой затащила его в постель, надеясь: вдруг соитие поможет побороть неприязнь. Ночь действительно стала решающей. Больше Ира с ним не встречалась, хоть он и продолжал названивать где-то еще полгода.

Этот случай окончательно убедил Ирину в том, что она ничего не понимает ни в себе, ни в мужчинах. Она расписалась в своей беспомощности и отдала сию сферу жизни на волю божью.

И через некоторое время материализовался Игорь Александрович. В постели он проявил себя очень даже ничего. Вместе с тем, на Ире не циклился, а, следовательно, не вводил в ранг собственности, что для нее имело особую важность. Он не претендовал на статус единственного мужчины в ее жизни, и, разрядки ради отправляясь на поиски приключений, Ира с чистой совестью пользовалась счастливой возможностью не считаться с наличием Игоря в своей жизни, при этом он всегда оставался, как говорится, под рукой. С ним она чувствовала себя полностью раскованной – не требовалось подбирать слова и стиль поведения. К тому же не без его участия она переквалифицировалась в дизайнеры и стала неплохо зарабатывать.

- - -

Женечка повернулся во сне и положил на Иру свою руку.

Женечка... До времени совсем недавнего она никогда не задумывалась ни о его роли в своей жизни, ни о своих чувствах к нему.

Более изысканного любовника в своей жизни она не встречала.

Более преданного друга в своей жизни она не встречала.

Более интересного и надежного делового партнера в своей жизни она не встречала.

Он во всем был супер – супер, органично соответствовавший всем ее потребностям. Ире казалось странным – почему она не влюблена в него? А собственно... она ведь сама по доброй воле безжалостно вычеркнула муки любви из своей жизни! И в этом тоже он поразительно точно соответствовал ее запросам!

Ира намеренно рассматривала ситуацию с позиции себя «до», так как теперь, то есть «после», она начала смутно догадываться об истинных причинах происхождения особенностей отношений с Женечкой. По крайней мере, ей так казалось. Она, безусловно, любила его, но эта любовь не имела никакого отношения к их межполовому общению. Он вызывал чувства самые теплые и бескорыстные.

- Ирка! Хватит мне кости мыть! – Женечка светился довольной улыбкой Чеширского Кота.

- А ты не подслушивай!

- А я и не подслушиваю – я подглядываю...

- Я, вижу, Вы, Евгений Вениаминович, безмерно счастливы, что доступ к моему сознанию для Вас вновь открыт, а?

- Батюшки! На «Вы»! По имени-отчеству!

- Женечка-а! А на вопрос ответить!

- На вопрос? А что Вы спросили, уважаемая Ирина Борисовна? А-а! Счастлив ли я вновь иметь возможность ковыряться в Вашем драгоценном сознании? Как бы поточнее выразиться... Мне стало спокойнее, но мужское самолюбие, тем не менее, уязвлено, ведь доступ ныне у Вас под контролем...

Женечка стянул с нее одеяло и коснулся языком соска. Горячая волна дрожью прокатилась по телу, и Палладина Ирина перестала терзать свой мозг требованием определений своим взаимоотношениям.

Глава 10

Если не знаешь, что делать, делай хоть что-нибудь

Иру с Женечкой разбудил авангардно звучащий дуэт мобильных. Женечке звонил Логинов, Ире – Радный. Женечка первым нащупал свой телефон, и Ира, пока искала свой и выходила на кухню, вынужденно прослушала часть их разговора:

- Слушай, ты, кретин! С Палладиной, что ли, спишь?

- Уснешь тут с ней!

- Ну, ты, Женька, и сволочь!

- Ты именно это хотел мне сообщить с утра пораньше?

- С утра?! Женич! На часы глянь!

- Ну! Глянул! По-твоему полвосьмого не утро?

- Ой бли-ин! Я ж в другом часовом поясе... Женич, прости!

- Вот то-то же! Чего хотел-то?

Дверь на кухню закрылась.

- Да, я Вас слушаю, Станислав Андреевич.

- Стас.

- Извините...

- Здравствуйте, Ира. А Вы, оказывается, не только гениальный дизайнер, а еще и не менее замечательный источник инвестиций, – абсолютно ровным голосом сказал Радный. – Мне относительно Вас сделал более чем интересное предложение Геннадий Васильевич Логинов. Он заверил меня, что с Вами у него соглашение полностью достигнуто, и Вы уже чуть ли не к работе приступили. Я ему, конечно, верю, но все же хотелось услышать Ваше собственное мнение относительно предложенного им проекта.

- Предварительное соглашение действительно достигнуто, а поскольку мы с Генкой давние друзья, то дело можно считать окончательно решенным, правда, по поводу того, что я уже приступила к работе, он сильно погорячился. Мне ужасно стыдно, но я до сих пор не просмотрела присланный им вот уже как неделю назад материал.

- Не переживайте, Ира. Вы за два месяца сделали, как минимум, годовую работу и вполне заслужили отдых. Сейчас вовсю идет выпуск уже разработанной Вами коллекции. Так что о внедрении новой еще достаточно длительный период будут только разговоры. Правда, Геннадий предложил инвестировать не только выпуск новой линии, но и расширение производства под нее, но и на это нужно время, как Вы сами понимаете. Он, вообще-то, готов форсировать события, но не переживайте, на Вас его рвение никак не отразится. По крайней мере, я не позволю. Отдыхайте, Ира, и по поводу моей дачи тоже не особо напрягайтесь – это не к спеху.

- Станис... Извините... Стас, я, конечно, еще понятия не имею, что будет представлять собой новая коллекция, однако, если у Вас грядет расширение производства, то и оборудование будет закупаться, ведь так?

- Безусловно.

- Если не возражаете, мне бы хотелось, по возможности, принять участие в этом процессе.

- Не вопрос! В двадцатых числах сентября в Германии состоится международная мебельная выставка. Я в самом принципе хочу пригласить Вас на это мероприятие, ведь там мы собираемся представить разработанную Вами коллекцию. Едете?

- Обязательно!

- Значит, договорились. Удачи Вам, Ира.

- До свидания! – сказала она, и почувствовала, как ее слова уткнулись в плотную стену тишины отсутствия соединения.

Ира приоткрыла дверь кухни. Женечка с Генкой все еще болтали:

- пусть сама со всем разбирается, – услышала Ира Женечкин голос.

- В твоих объяснениях?

- Ты что, ревнуешь?

- Конечно, ревную! Я ж тайно в нее влюблен!

Ира открыла дверь в комнату, которую оглашал веселый смех реального Женечки и «мобильного» Генки.

- Ладно, пока.

- Пока! Ирчику привет!

- Тебе привет, – сказал Женечка, отключая трубку.

- Спасибо. Как там Генка?

- Изю всех сил бьется за твое достойное трудоустройство.

- Уже знаю. От Радного.

- С ним сейчас разговаривала?

- Да.

- Ну и?

- Знаешь Жень, я не могу понять своего отношения к нему, точнее природы этого отношения. Вроде человек как человек, притом во всех отношениях весьма положительный, а в отношении меня так и вовсе просто замечательный, можно даже сказать, добрый гений. Благодаря ему мечты сбываются, деньги рекой текут, а меня даже звук его имени в ужас повергает.

Ира присела на краешек кровати. Женечка слегка приобнял ее.

- Ты его так боишься?

- Не то, чтобы боюсь... но по спине мурашки бегают... и волосы дыбом становятся... и сердце то в глотке, то в пятках бьется...

- Не отвечай сразу – послушай свои ощущения: тебе бы хотелось, чтобы он раз и навсегда исчез из твоей жизни? Послушай ощущения и не бери в расчет все исходящие от него блага. То есть, представь, что все это останется, как есть, но Радный более никогда и никак не появится в твоей жизни. Тебе хочется этого?

Ира закрыла глаза и замерла на несколько мгновений. Потом открыла и, удивленно посмотрев на Женечку, в изумлении проговорила:

- Не-ет...

- Тогда просто старайся не особо фиксироваться на малоприятных ощущениях.

Женечка дружески потрепал ее по волосам и поднялся с постели.

Едва они уселись завтракать, как со стороны прихожей раздался глухой, но сильный ни то стук, ни то звук падения чего-то тяжелого.

- О боже! Что это?

- Натали ломится, а я дверь замкнул. Ты ее очень хочешь видеть?

- Не-а...

- Я – тоже.

Глухие стуки продолжились и к ним добавились истошные вопли: «Ирочка!!!».

- Ирка, можно я надругаюсь над твоей репутацией?

- По-моему, даже нужно. Может, ломиться тогда перестанет...

- В самом принципе не обещаю, но на сегодня точно сработает.

Женечка быстро все с себя скинул, прикрылся малюсеньким кухонным полотенчиком, которое практически не скрывало атрибутов, относящих его к мужскому полу, и соорудив на лице нечто томно-заспанное, отомкнул дверь:

- А, это Вы, Наташенька... А Ирусик еще спит. Если у Вас чего срочное, так я разбужу.

Едва проблемное Наташкой «не-е» быстро растворилось в соседней квартире. Женечка нашел Иру согнувшейся пополам от хохота. Он тоже смеялся, возвращая на тело свою одежду.

- Женька, ты ведь весь наш микрорайон на неделю интеллектуальной пищей обеспечил!

- Мне полагается премия.

- Какая?

- Не считй за труд – опиши Радного.

Ира на мгновение задумалась.

- Он очень большой... Знаешь, такое впечатление, будто взяли коренастого очень плотного мужчину среднего роста и пропорционально увеличили примерно в половину его габаритов... – Ира еще немного помолчала. – Но самое необычное – это его взгляд. В нем такая уверенность! Не просто уверенность в себе и не самонадеянная самоуверенность... я не знаю, как это описать, но кажется, будто он полностью уверен не только в себе, но и во всем вообще... будто он все точно знает... будто он сам этот мир делал, что ли... будто... Не знаю, Жень... слов нет... но я никогда ни у кого не видела такого взгляда, – Ира снова задумалась, а потом сказала, как сама себе. – Понятия не имею, что я буду делать с его домом...

- Генка его очень ценит и безмерно счастлив, что судьба свела тебя именно с ним.

Слово «судьба» кольнуло Иру. Она вспомнила Гиалу, вспомнила, как та говорила, будто у нее, у Иры, нет судьбы, в смысле, что не судьба управляет ею, а она судьбой. Ира отогнала от себя этот абсурд, и вслух сказала:

- Блин! Генка! Я ведь так до сих пор не посмотрела, что он прислал!

- Господин Радный напрягает сроками?

- Чем меня действительно господин Радный радует, так это именно сроками. Один из немногих моих клиентов, которому результат нужен не «еще на прошлой неделе» и даже не «еще вчера».

- Тогда не волнуйся! Насмотришься на Генкины фотки, когда душа запросит. Кстати, как собираешься действовать?

- Я последую твоему совету и две недели посвящу живописи, а потом... А потом будет потом. А как будет, так и сделаем.

- А про мою книгу не забыла?

- Открывать – не открывала, но и забыть – не забыла. Женечка, не обижайся, но у меня непреодолимое желание тебя выгнать. Извини – руки чешутся.

- Понял. Испаряюсь.

Недослушав его, Ира упорхнула в комнату к мольберту.

Две недели пролетели как один большой праздник. Ира плюнула на все и творила, если не сказать вытворяла, что заблагорассудится. Если ее охватывало раздумье, она откладывала палитру и ехала к морю, и, наплававшись вволю, вновь без единой мысли становилась к мольберту. Каждый день, благодаря появлявшимся как на скатерти-самобранке изысканным яствам, она чувствовала присутствие Женечки, но на глаза он ей ни разу не попался.

Срок отмеренной самой себе вольной воли истек, но пыл не пропал, напротив – только усилился многократно. Ира мужественно поставила точку на свободном художествовании. Со следующего дня она обязала себя вплотную заняться дачей Радного, как минимум, хоть что-нибудь начать. Что именно следует делать в этом направлении, Ира действи-

тельно понятия не имела, но еще один ее собственный закон гласил: если не знаешь, что делать, делай хоть что-нибудь. А потому она решила попытаться набросать хоть что-нибудь, похожее на эскизы, «как сердце девичье прикажет».

На сон грядущий позвонил Игорь Александрович и робко поинтересовался ее делами.

- Игореша, у меня, как всегда, все в порядке! Я вообще понять не могу, почему вы все встаете на уши, если у меня дверь закрыта.

- Ириш, не кипятись, – ныл он умоляюще, – я ведь просто поинтересовался. И вообще, может, как-нибудь, встретимся?

- Может, как-нибудь, и встретимся, но не завтра, не послезавтра и вообще не в ближайшее время. Я занята.

- А вечером?

- Игорь, у тебя что, очередной ангелочек повзрослел?

- Ира, я просто хочу тебя увидеть.

- Поройся в фотографиях – там наверняка найдется парочка с моим ликом.

- Ирочка, я просто соскучился.

- А я просто занята.

- Ир, ты что, меня банально отшиваешь?

- Нет. Я тебе банально пытаюсь объяснить: МНЕ НЕ-КОГ-ДА!!!

- Так ты действительно просто очень занята?

- О, господи! У тебя что, начальная стадия старческого маразма или последнее просветление крестинизма?

Игорь Александрович «бросил трубку». Ира намеренно обидела его, так как, согласно опыту общения с ним, знала: в данной ситуации – это единственный способ не видеть и не слышать его как минимум около месяца. Но буквально через несколько минут он позвонил вновь.

- Ир, прости. Если ты думаешь, что все это время я развлекался с очередной пассией, ты глубоко заблуждаешься. Я думал о тебе. Знаешь... я люблю тебя.

- Приплыли... Игорь, ты хоть сам понимаешь, чего несешь?

- Ира! Я серьезно!

- А я еще серьезнее. Знаешь, за что я тебя ценила все годы нашего знакомства?

- За что?

- За то, что ты, в отличие от некоторых, не обременял меня своими великими чувствами. Игорь, я не хочу, чтобы меня любили, так что ты меня очень обяжешь, если в кратчайшие сроки обзаведешься очередным небесным созданием.

- Ира, ты не понимаешь – это глубокое серьезное чувство!

- Игорь, давай так: ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышала. Если твой организм потребовал любовных мук, а утомленное переизбытком юных тел воображение выбрало меня – не имею ничего против – страдай себе на здоровье, только, пожалуйста, без моего присутствия. Договорились?

Игорь Александрович только медленно и громко сопел в трубку.

- Все, давай, целую, удачи.

Ира перевела дух и собралась уже отключить телефон, но на всякий случай набрала Женечку:

- Привет, Жень.

- Что-то случилось?

- Я хочу тебя уведомить, на всякий случай, что сейчас телефон вырублю.

- По какому поводу?

- Игорь Александрович достал.

- Очередной барышней нахвалиться не может?

- Хуже... В любви клянется.

- Ба-а, госпожа Палладина, да Вы у нас секс-бомба!

- На счет «секс» не знаю, но вот «бомба» – это точно. Даже взрывалась. Только на впадающего в детство Николаева это подействовало как-то не совсем традиционно.

- Ирка, не переживай! Если что – зови Натали, и оставь их наедине эдак на полчаса. Она ему про тебя-развратницу, всё-всё-всё выложит.

- Жень, про меня-развратницу, Игорь в двадцать раз больше Наташки знает, так что идея твоя, конечно, интересна, но сработает едва ли.

- Сработает. Ненадолго, конечно, но сработает. Видишь ли, мужик он так устроен, что отказ дамы в высоких чувствах объяснить для себя может только наличием у нее другого. Не укладывается у среднестатистического представителя сильной половины человечества, что его могут ПРОСТО не хотеть.

- Женька! А ты – прав. Я как-то не обращала на это внимания... Действительно, только начинаешь объяснять, почему «нет», как очередной самец, даже не пытаясь вникнуть в смысл сказанного, тут же спрашивает: «У тебя кто-то есть?».

- Вот видишь!

- Женька! Ты – гений! Спасибо!

- Давай, вырубай свой мобильник и баиньки. Пока-пока!

- Пока, Женечка!

Утром Ира планировала еще раз съездить на дачу Радного, но всю ночь ей снился его поющий дом и, проснувшись, она четко знала, что нужно. Всего за два дня Ира сделала практически все интерьерные почеркушки. Притом почеркушками сие называла для себя лишь потому, что еще не удосужилась снять точные размеры помещений.

Этим и решено было заняться. Она уже вызвала такси и вышла на улицу, но вернулась, распечатала эскизы и только после этого села в заждавшуюся ее машину. Ира не хотела признаваться себе, но распечатки она сделала, чтобы показать их самому дому. Да уж... Если себе в этом признаться, то следует вызывать скорую, а не такси и ехать с мигалками в психушку. Впрочем, даже ничего не ведавший таксист, видимо, думал так же. Это Ира поняла по его взгляду, когда рассчитывалась.

Дом обрадовался Ириному приезду. Эскизы ему явно понравились, судя по тому, как он довольно урчал и хмыкал, а когда Ира занялась промерами, исполнил несколько композиций в лучших традициях джаз-рока. Оказалось, что ему также не чужды Рэп и R&B. Потом вдруг зазвучал протестантский хорал, который сменило что-то из романтиков – эдакая смесь Шопена с Листом улетевшая вместе со шмелем Римского-Корсакова в интеллектуальную какофонию Денисова-Шнитке-Губайдулиной, резко оборванную тяжелым панк-роком, который растворился в архаичных напевах. Грусть расставания дом выразил звуками, напоминавшими душещипательные мелодии Леграна.

Ира не стала вызывать такси и потихоньку двинулась пешком в сторону Мамайки. На конечной автобуса стояла Мариночка – офис-менеджер Игоря Александровича. Ира никогда не испытывала к ней никакого интереса, но теперь решила, что у нее более чем достаточно поводов пообщаться с чемпионкой кофеварения.

- Ой, Марина, привет!

- Здравствуйте.

- Ты чего это не на работе?

- Вчера у подруги день рождения отмечали, так что я предусмотрительно отпросилась на пол дня. Вот теперь потихоньку выползаю.

- Так значит, времени у тебя навалом?

- Что-то вроде того.

- Пойдем, посидим где-нибудь.

- С удовольствием!

На Мамайке подходящего заведения они не обнаружили и, поймав первое попавшееся такси, двинулись в сторону гостиницы «Москва» – там и выбор кафешек побогаче, и Марине до работы рукой подать, так что есть возможность действительно расслабиться. Они уселись на улице под ивушкой и заказали по стакану сока.

- Марин, извини, что лезу в сферы, меня не касающиеся, но поверь, есть уважительная причина.

- Да-да, я слушаю, – глазки у нее заблестели в предвкушении пикантности.

Именно этой реакции Ира и добивалась, а посему, осталась вполне довольна началом.

- Послушай, Марин, можешь рассказать мне о Радном. Это не праздное любопытство, поверь. Он заказал мне интерьер своей дачи, притом не высказав ни одного конкретного пожелания. Сама понимаешь, человек он серьезный и его заказ должен быть выполнен в полном соответствии, вот только что и чему должно соответствовать, я даже не догадываюсь.

Хлопающие Мариночкины глазки предельно четко свидетельствовали о том, что их обладательница не поняла и половины Ириной тирады, уловив лишь, что та интересуется Стасом. Ну а на вопрос, почему женщины интересуются мужчинами, в ее арсенале существовал только один ответ. Иру прикалывала такая трактовка, но виду она не подала. Острая необходимость хоть какой-то информации делала неважными способы ее получения.

- Не знаю, какое впечатление произвел Стас на тебя, но я счастлива, когда его здесь нет, – начала Мариночка. – А вообще-то, он очень добрый. Знаешь, мне как-то не хватало на туфли, а Игорек все аванс никак не давал. Так я зашла попросить, а у него как раз Стас сидел. Так он даже не дослушал – сразу дал мне несколько пятисоток и сказал: «Иди, покупай!». Вот он какой.

Ира ярко представила себе картину, как в самый невпопад заваливает Мариночка и начинает нести какую-то пургу по поводу туфель. Из «тут же придушить» или «просто отвязаться», Радный, естественно, выбрал наименее криминальный способ решения проблемы.

- Да... он, наверное, добрый, – сказала Ира вслух. – Но, знаешь, я его почему-то побаиваюсь.

- А его все боятся, даже Игорек. Когда он меня к нему первый раз отправил, я даже из окна выпрыгнуть хотела, но как-то взяла себя в руки. И ничего! Оказалось, не так страшен черт, как его малюют.

- А как он в постели?

- В постели!? – Мариночка расхохоталась. – Вот чего-чего, а в постели с ним ни разу не была. Он напрочь игнорирует горизонтальные позы. Он трахается так, словно перекусывает на бегу в какой-нибудь блинной типа старых «Трех журавлей» за стоячим столиком.

Глазки у Мариночки загорелись, и ее понесло.

- Знаешь, когда я только пришла к Игорю работать, он меня с собой в командировку взял, и мы как раз к Стасу и поехали. В первый же день изрядно гульнули, и я весь следующий проспала. А под вечер проснулась и слышу: пришел Стас и с Игорьком разговаривает. Мы в двухкомнатном люксе жили, в общем, они в соседней комнате разговаривали. Так вот, я сразу поняла, что ему с девчонкой встретиться нужно, а номеров свободных нет, и он попросил Игорька, так сказать, на время хату освободить. Игорек, конечно, ответил, что без проблем, вот только меня разбудит, но Стас ему говорит, что, мол, пусть спит – мне она, дескать, не мешает. В общем, Игорек ушел, а я осталась. Так слушай дальше. Заходит девчонка, такая вся молоденькая, перепуганная и встала посреди комнаты. Мнётся-жмётся, а Стас сидит себе в кресле и о чем-то думает.

- Так ты еще и все видела? – вставила Ира, чтоб Мариночка не таяла запал.

- Ну да! Дверь была приоткрыта. Так вот, сидит он, думает, на нее ноль эмоций, а она, бедная, уже что и делать не знает. Вот так сидел-сидел, а потом поднимает на нее глаза и: «Чего стоишь? Чего ждешь? Раздевайся». Девчонка, бедная, давай с себя все стягивать, а он все также сидит только закурил и опять вроде как о своем думает. Она, значит, разделась и опять стоит, жметесь. А Стас, все также о своем думая, докурил, встал, упёр ее в подоконник. Сам только штаны расстегнул – пять минут и в ванную. А девчонка так и стоит за подоконник держится, понять не может, что это было. Он из ванны вышел, а она все стоит пошевелиться боится. Он ей: «Так и будешь стоять? Одевайся, давай». Она вся дрожит, всхлипывает, а он кинул на стол деньги и снова в кресло уселся. Девчонка кое-как оделась и рысью к двери, а он

ей: «Деньги возьми». Вернулась, взяла дрожащей рукой и бежать. Стас еще немного посидел, потом вымыл пепельницу, протер стол и ушел. У него вообще к женщинам странное отношение. С женой, считай, что не живет – говорят, он на ней только из-за денег женился. И на стороне никаких отношений не заводит. Для него, по-моему, что поесть, что потрахаться – так, естественная надобность и все. Говорят, у него и отец такой был, только тот еще женщин и ненавидел. Игорек говорит, что его жене крупно повезло, что она рано умерла. Стас, вроде, никого не ненавидит. Он, просто, в обычной жизни женщин от мужчин не отличает – люди и люди, а кто какого пола, ему без разницы. Игорёк рассказывал, что у него в молодости любовь несчастная была.

- Интересно...

- Еще как интересно! Я уже говорила, его отец женщин терпеть не мог, а тут ему пришлось работать с одной очень крутой теткой – директором какого-то крупного завода. Так вот, ее он ненавидел более всего, но деваться ему было некуда. Вот в нее-то Стас и влюбился по уши. Роман у них бурный был целых три года, а потом она внезапно умерла. И представляешь! Ну, то, что она постарше Стаса, это, конечно, само собой разумеется, но насколько! В общем, Игорек говорил, что Стас сам только на похоронах узнал, что на момент смерти ей уже стукнуло... – Мариночка выдержала торжественную паузу. – Шестидесять четыре года!!! То есть, когда они начали встречаться, ей был шестьдесят один, а Стас тогда еще институт не закончил. Притом Игорь говорит, что тогда все обалдели, так как думали, что если ей и больше сорока, то ненамного. Представляешь, как тетка выглядела! Вот после нее-то Стас и понял, наверное, что никого никогда любить больше не сможет.

- Опасается, как бы опять с возрастом не надурили? – усмехнулась Ира. Мариночка тоже посмеялась шутке, но потом серьезно добавила:

- Нет, конечно. Говорят, она в самом деле очень крутой теткой была.

- И все-таки, как ты думаешь, почему Радного бояться?

- Знаешь, Ир, он какой-то ненастоящий... Он какой-то... нет... не то что бы... правильный, а... – Мариночка пыталась подобрать слова.

- Безупречный? – подсказала Ира.

- Да... что-то вроде того...

Исчерпав понятную для себя тему, Мариночка начала вновь притормаживать. Ира решила, что ей вряд ли удастся выудить из нее еще что-нибудь путное, и она как бы невзначай глянула на часы.

- Ой, а сколько время? – тут же спросила Марина.

«Фух! Сработало...», – вздохнула Ира с облегчением, а ее собеседница, выяснив который час, направилась в офис.

Ира заказала еще стакан сока и прокрутила всю полученную от Мариночки информацию, касающуюся освещенной ею сферы жизни Радного. «Да. Спартанская кровать и подоконник эксклюзивного дизайнера с подушечками и подогревом, – сформулировала она и усмехнулась. – Прикалываться можно хоть до второго пришествия, но...». В

общем, Мариночкины откровения ровным счетом ничего не добавили для Иры к портрету заказчика. «Хотя...: “Знаешь, Ир, он какой-то ненастоящий... Он какой-то... нет, не то что бы правильный, а...”. “Безупречный?”. “Да... что-то вроде того...” – но это слишком уж абстрактно».

Ира поднялась и направилась в сторону остановки. Одно она забыла сделать – предупредить, чтоб доблестный офис-менеджер не докладывал своему боссу об их посиделках в кафешке. А впрочем, так есть надежда, что забудет, а в другом случае непременно бы посеCRETничала с Игорем. К Ириному счастью, Мариночка действительно забыла, но к несчастью перед самым уходом вспомнила. Правда, это было уже вечером, и Ира успела спокойно привести свои эскизы в соответствии с результатами замеров.

Глава 11

Проделки мелких обстоятельств

Ирины надежды, по поводу интеллектуальной пищи, обеспеченной Женечкиной выходкой на целую неделю для всего микрорайона, не оправдались. Наташу сие приключение привело в шок. Она столько времени занималась исследованием Иркиной интимной жизни, и столько времени их с Люсей неизменно ждало разочарование неподтвержденностью собственных догадок и предположений, что долго ожидаемое, выпасаемое произошло не просто неожиданно, а... В общем Натали и слов подобрать не могла. Шок оказался до такой степени сильным, что вопреки собственным предвкусениям, она не помчалась тут же к Люське. Не помчалась и на следующий день... и через день... и... В общем ее безмолвные мучения тянулись уже третью неделю.

Она – Наташа – умница, красавица, и что? Да она не просто умница! Ведь она и школу с золотой медалью окончила, и в институте первой студенткой была! И в самый престижный санаторий ее работат без всяких яких взяли! А красавица?! Да она не просто красавица! Ее фотографии на обложках журналов в свое время были! Ее во Францию работат моделью приглашали! И она бы поехала, если б по уши не влюбилась в своего Вадика, который после окончания института тут же уволок ее в Сочи.

И что она, умница, красавица, в итоге получила? Испорченную родами фигуру, жизнь от зарплаты до зарплаты, занудных, обрюзгших, с непомерным мнением о себе и непомерными требованиями пациентов!

А Вадик? Когда-то он казался ей самым настоящим «принцем на белом коне». Вот только после свадьбы и последующего недолгого меда ейный принц стал обычным, тупым, а со временем и бесформенным то шофером, то сантехником или еще кем-нибудь из того же незавидного, с ее точки зрения, списка. Нет, он, конечно, очень добрый, в отличие от братьев по социальному статусу алкоголем не злоупотребляет, деньги в дом несет, ее слушается, но... Бесформенное мужланское тело (а ведь когда-то он был эдаким накачанным мачо), взгляд абсолютно не обезображенный даже тенью интеллекта. Бывало,

слушает ее, слушает, а потом: «Ты сама-то хоть поняла, чё сказала?». Когда-то ей это казалось очень даже забавным с одной стороны, а с другой – жутко льстило самолюбию. Она рядом с ним чувствовала себя королевой, а он гордился своей фильдеперсовой женошкой.

Впрочем, все было в силе вплоть до последнего момента. Появление утром в проеме Иркиной двери обнаженного едва прикрытого кухонным полотенчиком воплощенного Аполлона перевернуло всю Наташкину жизнь.

Она редко видела Женечку у Ирины, но каждый раз испытывала раболепное благоговение перед ним. Впрочем, вокруг Ирки всегда крутились интересные люди. Попадая случайно в их компанию, Наташе очень хотелось позаимствовать извечный вопрос своего мужа: «А вы сами-то поняли, чё сказали?». Но пока все это великолепие крутилось только на Иркиной кухне и во вполне одетом состоянии, Наташа не особо переживала. Ей и в голову не могло прийти, что у них все так серьезно, что Ирка для него не просто картинки рисует.

И как она, Наташа, могла такое проглядеть! Нет, ну обидно ведь! Кто она такая, эта Палладина?! Недоучка! Выскочка, умеющая только мозги людям парить! А внешне?! Ни одеться, ни накраситься – и что только мужики в ней находят! А этот! «Ирусик еще спит...». Несправедлива жизнь!

В дверь позвонили.

- Открыто! – прокричала Наташа и на кухне появилась Люся.

- Привет, Наташ! Что-то ты какая-то не такая последнее время.

- А какая я должна быть? Вон, лето не успело начаться, а уже пашем в авральном режиме. Контингентик-то у нас ведь в курсе какой! То, то им не так, то это... Устаю, Люсь. И Вадька опять уехал.

- Да-а... А Дашка твоя где? Что-то тихо больно.

- Свековь на дачу с собой забрала.

- Слушай, а ты завтра работаешь?

- Слава богу, нет.

- Пойдем на Кинотавр! Кинушку какую-нибудь посмотрим, а? Расслабимся...

- Люсь, хорошая идея! Я последний раз на Кинотавр года три назад ходила.

- Иришку с собой возьмем, а то она опять что-то засмурела.

- Иришку?

- Ты что, против?

- Да нет... Давай возьмем...

Люся стала набирать Иришкин номер, а Наташа задумалась: сказал ли Ирке Женечка про ее тот утренний визит? Она понятия не имела, как смотреть соседке в глаза.

- Ириш, ты сильно занята?

- Да нет, уже.

- Забегай в соседнюю квартиру – у нас здесь военный совет по поводу Кинотавра.

- Здорово вы придумали! Минуты через три буду.

Ира усмехнулась, глядя на мобильник. Для себя она решила, что раз спала, то ничего не слышала, а Женечка ничего не сказал ей о том, что Наташка ломилась. Забыл. Она еще раз просмотрела эскизы, распечатала, выключила компьютер и спокойно отправилась к Натали.

- Привет, девчонки!

- Привет.

Наташка заметно нервничала и заметно это скрывала. Она пристально вглядывалась в Иру и, стоило последней посмотреть на нее, тут же отводила взгляд.

- Наташа!

- Что, Ир?

- Ты чего это мне – глазки, что ли, строишь?

Иркина улыбка выглядела спокойной, чистой, светлой и искренней, и Наташа сделала вывод, что об утреннем ее визите та ни сном, ни духом. Это успокоило, и Наташа стала гораздо меньше нервничать и совсем забыла скрывать.

- Наташ, да что с тобой сегодня? Ты вся дерганная какая-то! – Люся ничего понять не могла.

- Да, Наташ, что-то ты действительно, как не в себе. Ты, случайно, не беременна?

- Нет...

- А ты уверена?

- Конечно, уверена! У меня только вчера месячные закончились.

- А! Ну, все понятно. У меня, когда месячные, я тоже всех порвать готова, – заключила Люся, и к этой теме больше не возвращались.

- - -

Игорь Александрович, не демонстрируя заинтересованность, внимательно выслушал отчет Мариночки по поводу Иркиных вопросов о Радном. Ее озабоченность Стасом, положив руку на сердце, не выходила из ряда вон – Ира всегда предпочитала знать максимум о клиенте, тем более, берясь за интерьер. И, тем не менее, Николаев испытал невиданный доселе приступ ревности. Судя по исчерпывающему докладу секретарши и наводящим дополнительным вопросам, о нем Ира даже не заикнулась. Когда-то, совсем недавно, его бы это вовсе не тронуло, да и сам доклад он бы слушал лишь в пол уха и забыл бы через пару минут... Когда-то...

Он и тогда любил только ее, но не мог осознать этого. Все время после «каникул» у Поликарпыча и до сего дня он провел в глубоком раздумье, пытаясь разобраться в себе. Разобрался... Почему он не сделал этого раньше?! Ира обижала его? А он сам? Ведь не просто так она легла в его постель?! А он? А он напропалую рассказывал ей о своих ангелочках. Что должна чувствовать любящая женщина, слыша все это?! Да, но ведь она тоже посвящала его в свои любовные похождения?! А как еще она должна реагировать?! Вполне может быть, что всех этих приключений и не было вовсе! Она просто защищалась от его хамского отношения к ней. Какой он дурак!!! Она боялась ему сама

звонить, если это не касалось работы! Неслась к нему по первому его зову! (Далеко не всегда, но об этом И.А. забыл.) А он просто элементарный козел и баран в одном лице!

Отпущенная домой Мариночка давно ушла, а он все сидел и успешно осваивал технику самобичевания. Доведя себя изысканными приемами моральной садомазохистской мастурбации до крайней степени возбуждения, Николаев набрал Иришкин номер. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – отпартовал мобильник дамским голосом. Игорь Александрович тяжело вздохнул, запер офис и отправился бродить – моральных сил, ехать домой, не было.

На трех граций в лице Наташи, Люси и Ирины он наткнулся около Фестивального. В прямом смысле наткнулся, если не сказать врезался. Девчонки дружно хохотали над его рассеянностью, он подхватил их смех и пригласил посидеть где-нибудь.

«Где-нибудь» стала «Эвелина» – кафешка у входа в Ривьеру. Какая-то риэлтерская контора занималась внедрением практики корпоративных вечеринок. Они платили и, соответственно, заказывали музыку в соответствии со своим вкусом. Вкус оставлял желать лучшего, если говорить мягко, а если как есть – гаже некуда. Ира, прикрыв ладонями уши, ностальгически вспоминала запредельные песнопения дома Радного, когда И.А. пригласил ее на танец. «Ах, какая женщина», – взывал тошнотворный шансон, а И.А. не менее тошнотворно связывал звучащее под подобие музыки подобие поэзии со своими чувствами к Ире.

«Пожалуй, в мире нет ничего более омерзительного, чем влюбленный мужчина. Это ж надо вдруг стать таким идиотом!», – подумала Ира и решила как можно скорее предоставить его заботам сердобольной Наташи.

А сердобольная Наташа тем временем, вследствие ухода Люси в дамскую комнату, осталась наедине с Ириным мобильным. Она, недолго думая, отыскала «Женечка» и с бешено колотящимся сердцем включила дозвон.

- Да, Ира.

- Это не Ира. Ира сейчас очень пикантно виснет на некоем Игоре Александровиче, – Наташа отключилась и перевела дух.

А Женечка залился хохотом у себя дома. Мелкие обстоятельства – проказники по своей сути. Они очень любят строить из себя глобальные события в жизни среднестатистического индивида. Только дай им волю, и они, как непослушные дети на попечении неопытного воспитателя, начинают капризничать и баловаться, изводя своими, по сути невинными, выходками. Женечка, отдавая дань своей страсти к приколам, безмерно обожал их. Ему доставляло немыслимое удовольствие играть в затейные ими игры, но по своим правилам. Он расслаблялся и озорничал вместе с ними, легко переигрывал их наивные мелкие пакости и по-детски наслаждался шалостью.

Ира, стервенея от омерзения, села за стол. Рука легла на мобильник, и он тут же задрожал в ней.

- Алло...

- Ир, постарайся не называть меня.

- Да, Леночка, привет!

- Вы где сейчас?

- Нет, Лен, не дома. В «Эвелине», знаешь, у входа в Ривьеру.

- Долго еще будете?

- Да мы, можно сказать, только пришли. На Кинотавре были.

- Тогда жди. Подыграешь.

- Конечно, конечно. Можешь даже не беспокоиться. Я ж, наверное, завтра целый день проспую.

- Ладно, бывай, Шарапов!

Наташа вся дрожала. Она совсем забыла стереть Женечкин номер из списка исходящих вызовов. Видя ее напряженное лицо, и пока не совсем понимая, что происходит, Ира «представила полный отчет» о прослушанном всеми разговоре:

- Ленка Потапова звонила, моя одноклассница. Я ей пару дисков давала – занести хочет.

Конечно, всего пофамильного списка Ириных бывших одноклассников не мог знать никто, но также, почему-то, все напрочь забыли общеизвестный факт отсутствия у Палладиной каких-либо контактов с вышеупомянутыми.

После коротких дифирамбов всем присутствующим дамам и длинного тоста в честь Ирочки, И.А. снова пригласил ее на танец. Именно в его разгар в зал поступью каменного гостя вошел Женечка с не менее каменным выражением на лице. Наташа увидела его сразу, так как сидела лицом ко входу. Глаза ее округлились в ужасе. Она не помнила, что говорила ему, где они. Она вообще плохо помнила, что именно ему говорила, но раз он здесь... Натали била дрожь пойманной за руку на месте преступления. А Женечка мерной каменной поступью подошел к их столику, поздоровался с улыбочкой и сел. Улыбочка его не предвещала ничего хорошего. Наташа застыла в ужасе, боясь шевельнуться. Люся ничего не понимала, но спинным мозгом почуяла, что почему-то пахнет жареным. Надрывные вопли заказанного доблестными ризлторами медляка смолкли. Ира в сопровождении И.А. подошла к столику.

- Я вижу, ты не скучаешь? – взгляд Женечки, обращенный на Ирину, пылал гневом, слова прозвучали вроде как спокойно, но всем стало ясно, что шекспировский Отелло отдыхает.

- Я не скучаю?! – Ира клокотала возмущением. – Нет, я, конечно, не скучаю, но вот ты что здесь делаешь?

- На тебя посмотреть пришел...

- Да что ты, солнышко мое! Я сама понятия не имела, что забредем сюда, а ты на меня посмотреть пришел!? – Женечка только было открыл рот, но Ира не дала сказать ему ни слова. – Значит, вот так вот! Перевод срочный! Уделить мне время не можешь! Здорово! По кабакам шляешься и еще пытаешься мне тут лапшу на уши повесить!

Наташа сидела, ни жива, ни мертва. Неужели Женечка выдаст ее?! А Женечка сам чуть растерялся. Ира ликовала: подыграть, она подыграла, но повела свою линию, которую Женечка и не подумал предусмотреть.

- Ира! Смени тон, пожалуйста! Ты, кажется, с подругами на Кино-тавр собиралась?

- Слушай, дорогой, не переворачивай ситуацию, пожалуйста! Я, конечно, понимаю, что ты не мог ожидать, что мы завалимся поужинать в тот же кабак, в котором ты собрался гульнуть малость...

- Ира!

- Женя! Как ты здесь оказался, а?

- Я же сказал, пришел на тебя посмотреть.

- Ага! Телепат ты мой доморощенный! Сказок мне не рассказывай!

- Хорошо... – (Наташа вся сжалась в комок.) – Сергей таксист позвонил, сказал, что ты в составе веселой толпы заваливаешь в «Эвелину»... – (Наташа перевела дух.)

- И что?

- Ира, скажи, как я должен это понимать?

- Что, понимать!?

- Я захожу, а ты танцуешь...

- А что я, по-твоему, должна на люстре висеть!? Жень, ты что, Игоря Александровича первый раз в жизни видишь!? Ты что, понятия не имеешь, что мы с ним уже тыщу лет, как партнеры!? Девчонки, простите, ради бога, у нас, я так понимаю, тут небольшая разборка... Игорь, извини, пожалуйста... Жень, пойдем, не будем людям настроение портить.

Ира решительно направилась к выходу. Она больше не могла сдерживать хохот и потому оборвала сцену. Только она сама знала, каких усилий стоило выдержать этот решительный твердый шаг, когда хотелось скорее выбежать и дать волю смеху. Женечка сухо извинился и быстро последовал за Ириной, сдерживая аналогичное состояние приступом благодарности.

Они бежали, взявшись за руки, по сверкающим разноцветными огнями аллеям Ривьеры и смеялись, как дети. Прохожие смотрели им вслед – пьяная влюбленная парочка. К этому выводу различные индивиды приходили не сговариваясь.

А в «Эвелине» присутствующие не без любопытства косились на столик, занятый двумя женщинами и немолодым представительным мужчиной. Игра в супружескую сцену пришлась на перерыв у музыкантов и привлекла всеобщее внимание.

- Давно она с ним? – убитым голосом, сам не зная кого, спросил И.А.

- Не знаю... он иногда ночует у нее... – почти беззвучно проговорила Наташа.

- Я ничего не знала... – в пустоту вслух подумала Люся.

Чересчур повышенный общественный интерес стал чрезмерно напирать, и, быстренько найдя официантку и расплатившись, Игорь Александрович отправил девчонок на такси, а сам вернулся в офис. Лишь часов около пяти утра он нашел в себе силы ехать домой.

Девчонки тоже расползлись не раньше. Только после того, как основательно начистили и отмыли Иришкины кости.

- Жень, знаешь, а мне жаль Игоря. Я ведь понятия не имею, что это на него вдруг нашло.

Они и дома у Женечки еще долго хохотали, но, в конце концов, мирно уселись с чаем в гостиной.

- А меня, Ира, поражает ты.

- И чем это?

- Ты удивительно лихо умудряешься все и вся подчинить своей воле, а потом смотришь невинными глазками: «Ой! Что это?».

- Жень, ты постоянно наделяешь меня какими-то сверхъестественными способностями. Я с тобой не спорю не потому, что слепо верю, просто мне лень спорить и, положив руку на сердце, конечно, ощущение себя вроде как избранной приятно щекошет самолюбие. Но я не отношусь к этому серьезно. Вся это истерия по поводу грядущего сверхчеловека, начатая, как принято полагать, в девятнадцатом веке, а по мне так с проповедью христианства и даже задолго до Иисуса, благодатная почва для книжных и киношных бестселлеров и не более того.

- Ира, признайся честно, я когда-нибудь называл тебя избранной?

Ира задумалась.

- Знаешь, самого слова «избранная» из твоих уст, по-моему, действительно не звучало, но то, что ты говоришь мне обо мне и предлагаешь принять как данность, именно это и означает.

- Не-а! Можешь расслабиться и успокоиться – избранной ты не являешься, хотя таковые, конечно, существуют. Нет, Ира, ты не избранная. Ты – избравшая.

- Да?! – Ира усмехнулась. – И что же, по-твоему, я избрала?

- А вот этого, кроме тебя самой, никто не знает.

- Ну почему же «кроме»? Я тоже, даже не догадываюсь! – эмоции клочкотали, но, сделав небольшую паузу, Ира как-то вдруг успокоилась. – Извини... Знаешь, в пору моей ранней юности, тогда еще из глухого подполья, в руки стала попадать всевозможная эзотерическая и оккультная литература. Читали запоем. Интересно было до жути. Потом в какой-то момент удалось повыкидывать весь этот хлам из головы, и жить нормальной жизнью. Тем не менее, ты знаешь, я всегда трепетно относилась ко всему этому, как к части культурного наследия. Да что это у тебя в сотый раз о том же!

- Просто ты изо всех сил пытаешься относиться к этому, как к чисто культурному феномену, а сама все более явственно живешь именно в этой сфере?

- Да.

- Ира, не сопротивляйся самой себе. Точнее, заставь свой мозг... А он действительно твой. Но не ты сама. А потому возьми его под контроль и не позволяй командовать. Заставь свой мозг, в который социум напихал всякой, выгодной ему, всячины, не сопротивляться твоей сути. Впрочем, ты абсолютно права, эзотерические, оккультные, религиозные и прочие иже с ними учения, не более чем культурный феномен, но не на пустом месте. Представь, будто один с рождения слепой рас-

сказывает с глубокомысленной уверенностью другому такому же о том, как выглядит, к примеру, автомобиль, и рассуждает о функциях зрения вообще. Притом происходит это в бог знает каком поколении незрячих, никогда не общавшихся непосредственно с людьми надежными зрением. Ты знаешь, умеешь и делаешь очень многое из за-предельного для человека, но твой мозг отказывается констатировать сие как факты. Смирись пока с этим и просто принимай, не позволяя мозгу дискутировать с тобой на эту тему, и со временем он научится вполне сносно обрабатывать эту информацию.

- Ладно, бог с ним со всем. Что с бедным Игорем Александровичем делать? Чай не совсем чужой!

- Найди момент, который повернул его, а потом создай ситуацию, которая поможет ему возвратиться в исходное положение.

- Спасибо за исчерпывающую инструкцию! – съязвила Ира.

- Ирка! Не вредничай! Все ты прекрасно знаешь, кстати, и без моих инструкций и сделаешь именно то, что нужно, в лучшем виде.

Ира долго сидела задумавшись. Женечка не мешал.

- Жень, пойдем спать.

- Как скажешь.

Утром их разбудило tutti проливного дождя, раскатов грома и визгов автомобильных сигнализаций во дворе. Небо пылало молниями, причудливо переливающимися в сплошном водном потоке.

- Ир, домой очень хочешь?

Ира критически посмотрела на окно и задумчиво ответила:

- Да не так чтобы совсем уж...

- Тогда валяйся, а я пойду, сооружу чего-нибудь на завтрак.

Утро – самое коварное время суток во всех отношениях. В частности, если проводишь ночь в объятиях представителя противоположного пола. Под крики петухов рассеиваются не только злые чары – именно утром заканчивается сказка, именно утром, а не тогда, когда часы бьют двенадцать, наступает эффект Золушки. Поэтому Ира всегда, едва приведя себя в порядок после жарких объятий, без всяких объяснений исчезала. И совершенно неважно, мимолетное приключение то было или более долгосрочные романтические отношения.

Именно поэтому она никогда не устраивала свиданий у себя дома – уйти самой всегда проще. Женечка в этом отношении являлся полным исключением. Да, собственно, между ними никогда и не было романтики. Любовной романтики. Она доверялась ему в абсолютно любом виде, хоть «во всей красе», хоть в «лохмотьях, с мышами вместо лошадей и тыквой вместо кареты». Он – друг, он – свой. Как и многое другое в отношениях с Женечкой, этого Ира тоже раньше не замечала и задумалась об этом только сейчас.

Она вспоминала, как они впервые оказались в одной постели. Тогда она еще работала в офисе Николаева. Как-то отключили свет, и именно в этот момент пожаловал Женечка с очень срочным заказом. Собственным компьютером Ира еще ни обзавелась, так что работать

пришлось у Женечки дома. Засиделись допоздна. Ночью полил дождь – прям как сейчас. «Оставайся», – просто сказал Женечка, и она просто осталась. Он размял ей затекшую шею и плечи, и она не заметила, как уснула, а утром ее мягко вывели из остатков дремы его ласки. Окончательно она пришла в себя только в ванной, куда он отнес ее. Ей уже почти стало как-то не по себе, но именно в этот момент он зашел, завернул ее, как ребенка, в огромное махровое полотенце и принес в гостиную. Он сразу завел серьезный разговор по их совместной работе, и Ирина тут же оказалась «в своей тарелке». А потом он попросил ее набросать прикидочный эскиз по только что обсужденному, сказав, что ему нужно отлучиться на часок, а может и другой. Он тут же ушел, а Ира успела окончательно привести себя в порядок, думая о предстоящей работе, и к его возвращению на рабочем столе компьютера красовался новый файл с почеркушками.

- Палладина! Предложение «поваляться» не означало «уснуть поновой»!

- А я и не сплю, – сказала Ира, открывая глаза.

Женечка сидел рядом на кровати и смеялся. Ира аж вздрогнула от неожиданности. Женечка веселился от души:

- Да, да, да, ты абсолютно точно всегда знаешь, когда спишь, а когда – нет. Я это сразу заметил!

- Издеваешься?

- Ага! Ладно, вставай, давай!

Как только Ира оказалась в гостиной, Женечка сразу очень живоенно завел разговор о ее работе.

- Женька! Издеваешься?

- Ты о чем? – уморительно изобразил «саму невинность» Женечка.

- О том, что тебе известно по поводу моих полусонных воспоминаний.

- Ну, на счет «ПОЛУсонных» – это ты зря, конечно... – Женечка улыбнулся на зависть Чеширскому коту.

- Так значит, издеваешься!

- Ага! Знаешь, у меня со вчерашнего вечера не прекращается интенсивная выработка гормона радостной гадостности.

- Заметно... – серьезно сказала Ира, а потом рассмеялась, а потом вновь стала серьезной. – Да... бедный Игорь.

- Ир, и чем же он такой бедный, что ты его так самозабвенно жалеешь?

- Да нет, он, конечно, не бедный, но знаешь, я с ним всегда поступала далеко не самым лучшим образом, а ведь, если честно, я очень многим обязана ему.

- И чем же, например?

- Он, по сути, вытащил меня из нищеты.

- Да ты что?! Правда?! Ира, ты для него в первую очередь всегда была частью бизнеса, пусть не основной, но довольно значительной. Разве не так?

- Так. Но если бы не он, я вряд ли смогла бы...

- Ира, ты в любом случае смогла бы. Ты поставила для себя определенную цель, а он явился лишь средством к ее реализации.

- Жень, в любом случае, он помогал мне, а я его всегда лишь использовала: то в качестве менеджера, то в качестве постельной принадлежности. Знаешь, мне всегда было наплевать на него, да и сейчас точно так же, но мне стыдно. Понимаешь, так нельзя относиться к людям. В конце концов, он меня ведь и с Аристархом Поликарповичем познакомил, и с Радным...

- Bravo, Палладина! Нашла для меня аргумент! Точнее, для себя, потому что тебе, видите ли, стыдно, но, тем не менее, все равно глубоко наплевать на тяжкую участь несчастного Игорька. Ты испытываешь угрызения совести, точнее, считаешь, что должна их испытывать, и всеми силами ищешь убедительный для себя повод пострадать над горестями ближнего.

- Ты – циник!

- А ты – бессовестная врушка! Ирка, нет ничего более бессмысленного, вредного и бесполезного, чем обманывать саму себя. На самом деле, тебя всего лишь напрягает ни к селу, ни к городу вспыхнувшая дурацкая страсть по твоей персоне этого Игоря Александровича. Он – необходимая тебе бытовая утилитарная вещь, и твои требования к нему вполне соответствуют этому. Представь, если б, к примеру, твой диван вспылал к тебе такой же страстью? Неудобства от этого мало чем отличались бы. Вот только в твоём воспитанном социумом мозгу диван и человек стоят на разных иерархических ступенях, вследствие чего, по отношению к Игорьку угрызения совести предусмотрены, а по отношению к дивану – нет. Но суть от этого не меняется, и вместо того, чтобы усиленно выморачивать из своей совести угрызения, лучше без лишних душещипательностей найди выход из положения.

- Жень, как?

- Во-первых, плюнь на навязанную тебе извне необходимость сострадания ближнему, выкинь из себя все псевдоценности и бредовые идеи морали, осознай и прими свое истинное отношение к происходящему. Во-вторых, разберись, чего ты действительно хочешь. И, в-третьих – действуй. Как? Тебе доступно творчество – воспользуйся той же схемой. Кстати о творчестве, ты Генкины фотки смотрела?

- Не-а.

- Молодец! Давай, дуй к компьютеру, а то меня уважаемый господин Логинов уже достал.

«Несколько» Генкиных фоток поместились «всего» в пятнадцати письмах – по десять в каждом, то есть, добрых сто пятьдесят штук. Ира только скачивала их больше часа.

- Ир, не мучайся – распечатай! – сказал Женечка, глядя, как она удрученно листает просмотрщик.

- Тебе тонера и бумаги не жалко?

- Для тебя с Генкой – нет, – ответил он, сам поставил на печать и уволок Иришку из кабинета обратно в гостиную.

Дождь лил как из ведра, ветер не давал открыть окна, а от добротных раскатов грома, машины во дворе вопили как ненормальные. Женечка задумчиво смотрел в окно:

- Люблю разбушевавшуюся стихию. После глобальной встряски всегда хоть что-то, но меняется, – он повернулся лицом к Ире. – Кстати, ты мне толком ничего не рассказала, что там у тебя с дачей Радного?

- Я сделала прикидочные эскизы. Дому они понравились, но я все равно хочу их на время отложить, а потом глянуть свежим глазом.

- Ира, а что значит «дому они понравились»?

- Знаешь, он улыбался, довольно хмыкал, урчал, и столько всего мне спел, пока я мерила.

- Ирка, ты в своем уме? Дом – это недвижимое имущество, инженерное сооружение из продукции железобетонного или кирпичного завода. Ира, дом – предмет неодушевленный! Он не может ни петь, ни улыбаться, ни хмыкать, ни урчать. Он в самом принципе не может воспринимать что-либо и испытывать от этого какие-либо эмоции.

- Жень, кто бы говорил!

Ира завелась с пол-оборота и прочла Женечке целую лекцию по поводу информационного поля, окружающего предметы вроде как неодушевленные. Женечка хохотал от души, Ира поняла, что он намеренно спровоцировал ее на это выплеск, но остановиться не могла.

- В конце концов, даже человеческое тело, в конечном итоге, предмет тоже неодушевленный и, когда прекращаются в нем определенные процессы, это становится налицо. В конце концов, все на Земле, и не только на ней, всего лишь определенные атомы в определенном порядке и, тем не менее, всё, абсолютно всё наделено энергией, которая определяет этот самый порядок. Абсолютно всё несет в себе информационный и эмоциональный заряд и способно принимать такие заряды и передавать их.

- Ирка! И ты меня еще обвиняешь в том, что это я наделяю тебя какими-то сверхъестественными способностями! Ташу силой в сферу эзотерики и оккультизма! Да ты ведь только что продемонстрировала мне, да и себе тоже, что ты сама воплощенная мисс мистика!

- Да и ... с ним! – Ира не могла не согласиться с очевидным и на все махнула рукой и в прямом, и в более широком смысле. – Жень, хочу под дождь...

- Идем...

Вода с неба лилась сплошным потоком. Ветер крутил и ломал деревья. На улицах было почти пусто. Промокшие до нитки в первую же минуту, Ира с Женечкой быстрым шагом, почти бегом, неслись к Риверскому пляжу.

Огромные волны накатывали на берег. Ира, на бегу скинув с себя всю одежду, кинулась в бурлящее море. Женечка последовал за ней. Разбушевавшаяся водная стихия жадно схватила добровольную жертву безрассудства. Она трепала и крутила, то глотая, то вновь выплевывая два отдавшихся на ее милость тела и, в конце концов, выбросила их на берег.

В ссадинах и синяках, откашливаясь и едва переводя дух под потоками воды с неба, они довольные лежали на мокрых камнях. Женечка

подполз ближе к Ире, обнял ее и стал жадно ласкать. Заключительные аккорды их близости слились с гулом, приближавшимся со стороны моря – к устью Сочинки стремительно скользил смерч.

Они вскочили на ноги и, едва собрав разбросанную по пляжу одежду, кинулись к опорной стене «Кавказской Ривьеры». Женечка крепко держал Иру в своих объятиях, буквально вдавившись в рукотворную скалу. Молнии непрерывно разрывали небо со всех сторон. Грозно гудящий столб неумолимо приближался и вскорости вошел в русло реки. Ветер швырял и громил все вокруг. Промокшая одежда с трудом вернулась на тело. Ира с Женечкой буквально взлетели по лестнице и не заметили, как очутились над Сочинкой в районе Ривьеры. Водного столба смерча больше не было видно, а река росла на глазах, пробилась сквозь парапет и стала затапливать тротуары по обе стороны.

Как они оказались у Женечки дома, Ира помнила очень смутно. Напившись горячего чаю из трав вприкуску с медом в сотах, она забралась с ногами на диван и внимательно просматривала фотоснимки, присланные Генкой.

- Ну что?

- Сложно сказать... Идей пока никаких. Знаешь, я, пожалуй, займусь вплотную твоей книгой, по ходу доведу до ума дачу Радного, а на это великолепие буду периодически поглядывать – может, и рожу чего.

- Отрадно слышать, что мой скромный труд в Ваших, госпожа Палладина, планах стоит под номером один, но с чего бы это, а?

- Есть у меня подозрение, господин Гаров, что в вашем скромном труде я найду исчерпывающие ответы на свои вопросы по поводу поющих домов, а заодно и по поводу скрытых особенностей бытовых изысков первобытных племен.

- Ну вот, госпожа Палладина, и Вы начинаете знать то, что знаете, а не только то, что передали Вам физиологические органы чувств.

- - -

К вечеру стихийное бедствие в виде «тропического ливня», урагана, смерча и наводнения благополучно завершилось. Просто кого-то в «небесной канцелярии» сие светопреставление порядком утомило, и послушный ветер в два счета разметал черно-сизые тучи. Их рваные куски еще виднелись где-то далеко в горах и по сторонам, а горизонт над морем был уже чистый, и «зализывающий раны» мокрый город утонул в ярких предзакатных лучах умытого солнца.

Ира до краев наполненная стихиями всех мастей и оттенков, в еще чуть влажноватой одежде и с целой кипой распечатанных Генкиных фотоснимков, на вызванном Женечкой такси ехала домой.

Здорово, когда происходят встряски и что-то меняется. Главное – суметь очень точно выбрать волну, самый ее гребень и направить изменения в нужном направлении. Тогда девятый вал обязательно вынесет к желанному заветному берегу.

Ира по дороге заехала в «Магнит» и купила себе всяких вкусностей в виде глазированных сырков, суфле «От Рузанны» и печенья с корицей, а у мужественно выплывших со своими дачными корзинами

бабулек – черешни, клубники и шелковицы. Немного подумав, она заглянула в небольшой ларечек, хозяин которого занимался жаркой цыплят и прочей всячины, и купила пару шпажек шашлыка, вернулась к бабулькам и взяла еще огурцов и помидоров на салат.

К счастью, за соседней дверью царил тишина, и Ира спокойно взялась за воплощение в жизнь персонального «пира на весь мир», а заодно стала приводить в порядок долгосрочные планы.

Итак, Генка финансирует расширение производства Радного под будущую линию мебели, на разработку которой у нее есть, если учесть замечания Радного и собственные прикидки, что-то около полугода. Год у нее есть на доведение до ума дома на 73 километре. И на свою книгу Женечка ей тоже дал год. Благодаря уже сданной в производство разработанной ею коллекции, средств к существованию у нее больше чем достаточно – Радный не поскупился и это еще мягко сказано. К тому же, начало работ по даче, тоже связано с хорошим финансированием – так что брать еще заказы, нет необходимости. Таким образом, хорошо все распланировав, можно работать спокойно, то есть с чувством, с толком, с расстановкой.

На данный момент прикидка по дому Радного уже сделана и вылезается. С Генкиными материалами Ира ознакомились, и процесс осознания пошел. Действительно, спонтанное решение погрузиться в чтение Женечкиного труда – самое правильное и своевременное.

Запел мобильник, возвещая, что ее домогается Игорь Александрович. Ира не ответила, но задумалась. Действительно, никакого чувства сострадания к нему, на самом деле, она не испытывала, и необходимости в его пылкости тоже не ощущала. Пожалуй, это был единственный досадно диссонирующий момент в так удачно сложившихся обстоятельствах. Конечно, можно было с определенной периодичностью просто посылать его куда подальше, пока он окончательно не остынет, но Иру такая перспектива абсолютно не радовала. Обманывать себя ложным состраданием это действительно хуже некуда – Женечка прав. Ира представила, что ждало б ее на сем пути: бесконечные ненужные встречи, длинные нудные объяснения из пустого в порожнее, изнуряющие угрызения совести и т. д., и т. п. И так до бесконечности с немыслимой затратой сил в никуда. Иру Игорь Александрович в его прежнем состоянии всегда очень устраивал. Что ж, надо найти точку отсчета, перевернувшую его восприятие, и постараться вернуть в исходное положение.

Ира с миской ягод устроилась на диване и вдруг ясно очутилась в снежной ночи между Игорем Александровичем и Аристархом Поликарповичем в доме последнего.

- А почему бы ему к Поликарпычу своему не съездить? – сказала она вслух и погрузилась в чтение Женечкиного труда.

Игорь Александрович всю стихию проспал тяжелым сном и проснулся только под вечер с дикой головной болью и гадким состоянием на душе. Он кое-как привел себя в порядок и выпил таблетку анальги-

на. Минут через двадцать головная боль отпустила, но состояние все равно оставалось мерзопакостное. Он понимал, что после всего звонить Палладиной, идея, мягко говоря, плохая, но ничего с собой поделаться не мог – видеть, или хотя бы слышать ее хотелось до жути. Игорь Александрович, будучи готовым ко всему и ни на что не надеясь, набрал Иришкин номер. Она не ответила. Выкурив три сигареты подряд, Игорь, сам не зная почему, позвонил Мариночке и попросил заехать к нему.

Мариночка нарисовалась почти мгновенно, по крайней мере, ему так показалось. Она щебетала без умолка, выкладывая все новости стихийного бедствия, обрушившегося на город, пока он не заткнул ей рот поцелуем.

Мариночка слегка опешила от неожиданности. Хотя ее трудоустройство и состоялось в постели, но это было в далеком полузабытом прошлом, и уже давно сам Игорь Александрович ее интимными услугами не пользовался. Легкий шок от внезапного поворота событий прошел быстро, тем более что босс пылал такой неистовой страстью, какой офис-менеджеру, даже с ее стажем, испытывать в отношении себя еще не доводилось.

После бурной оргии, едва придя в себя, Игорь попросил заказать ему билет до Самары на самое ближайшее время и уже хотел было ненавязчиво выпроводить свою секретаршу, но передумал. Остаться одному казалось невыносимым.

Мариночка «села на телефон» и вскоре сообщила дату и время отъезда Игоря Александровича, о чем последний незамедлительно известил очень сему обрадовавшегося Аристарха Поликарповича.

Оказалось, что Аристарх Поликарпович не просто будет очень рад видеть у себя «Игорешу», а даже собирался сам позвать его, так как тут образовались очень неотложные проблемы, которые только «Игореша» и способен уладить.

Глава 12

Власть над собой

Ира, периодически закидывая в рот горсть ягод, углубилась в чтение Женечкиной книги. Судя по содержанию «Введения», работа была посвящена суевериям и приметам, а намеченный территориально-временной охват успешно соперничал с «Золотой ветвью» Фрэзера. На 28-й странице появился кусок, набранный курсивом со сноской: «Здесь и далее текст, выделенный курсивом, для публикации не предназначен. Только для тебя, Ира». Ира, бегло просмотрев распечатку, поняла, что курсива на протяжении всего труда гораздо больше половины.

- Что ж, нормальный шрифт издадим, как есть, а курсив нарисуем, – произнесла она вслух.

- Хорошая идея, – услышала она Женечкин голос у самого уха и подняла глаза. В комнате никого не было.

- Кажется, пора баиньки...

Наутро она вновь села с книгой, начав чтение с самого начала. Это действительно было монументальное научное исследование целого комплекса ныне действующих и несколько подзабытых народных примет и поверий, суеверных убеждений и предрассудков чуть ли не всех времен и народов с выявлением корней их возникновения и причин тотальной живучести для действующих, а для полузабытых – причин отмирания. Текст, набранный нормальным шрифтом, содержал кучу сносок со ссылками на всевозможные (компетентные и не очень) источники. В курсивных разделах сносок не было (не считая самой первой о назначении данных вставок). Во-первых, их содержание касалось личного Женечкиного многовекового опыта, не подтвержденного научными исследованиями вследствие отсутствия источников в виде хоть каких-то свидетельств. Во-вторых, выделенное повествование включало комментарии, пояснения и выводы, абсурдные с точки зрения официальной науки. В целом, в отрывках, напечатанных курсивом, отражался истинный Женечкин взгляд на освещаемые вопросы. В чем-то он подтверждал свои же «официальные» утверждения, в чем-то дополнял, а в чем-то и полностью опровергал, ехидно посмеиваясь над «необходимостью соблюдать приличия в приличном обществе».

Ира «глотала» страницу за страницей. Женечкин язык всегда отличался легкостью и грациозностью, несмотря на обилие специальных терминов – они ненавязчиво пояснялись прямо в тексте, исключая необходимость лезть в толковый или энциклопедический словарь.

Ближе к обеду в дверь кто-то несмело поскрёбся. Ира открыла.

- Ой, Люсь, привет!

- Ир, что-то я до Наташи дозвониться не могу...

- Так она ж сегодня вроде на работе. Заходи.

- А... а ты одна?

- Конечно, одна. С кем мне быть-то? Лешка еще сессию сдает, – Люся все равно стояла в непонятной для Иры нерешительности. – Да одна я, одна, заходи!

Люся, не переставая озираться с опаской, вошла.

- Ну как у вас там, всё нормально? – спросила Люся, присаживаясь на самый краешек табурета.

- В смысле?

- Ты знаешь, он такой вошел, я думала, сейчас убьет тебя.

- Кто?

- Ну как кто? Этот, твой, Женя, что ли...

Ира никак не могла понять, о чем это Люся, и вопросительно смотрела на нее.

- Игорь Александрович тоже сильно за тебя переживал.

- А! Так ты о Женечке? Так он такой же мой, как и твой. Мы друзья с ним, как и с Игорем. Работаем вместе.

- Правда? Но он так влетел!

- Да это мы прикалывались просто – сценку для Игоря разыграли, а то у него что-то крыша последнее время поехала.

- Как?! А Наташа говорила, что он, ну этот Женечка, ночевал у тебя...
- Люсь, я, по-твоему, что, не женщина? Вот ты, к примеру, с мужем спишь?

- Ну да... конечно...

- А вот у меня мужа нет, и поэтому приходится использовать периодически друзей мужского пола по их прямому половому назначению.

- Ира, так тебе замуж надо выйти!

- Люсь, мне – не надо. Мне – одной хорошо. Я просыпаться одна люблю. Женечка вообще единственный, кого я хоть как-то поутру рядом с собой воспринимаю.

- Так и выходи за него!

- Люсь, зачем?

- Ну, знаешь, Ир, так положено, чтобы женщина замужем была, детей растила...

- Люсенька, сына я, считай, уже вырастила, а замуж я не хочу. Делать мне там нечего.

- Так лучше, по-твоему, что, вот так вот? По мужикам шаландаться?

- Ты знаешь – да. Мне, по крайней мере, так больше нравится.

- Ой, Ирочка, с такими взглядами плохо ты кончишь!

- Знаешь, кончаю я очень хорошо, притом всегда и по несколько раз, – Люся от такой дерзкой Иркиной заявки вся залилась краской. – Люсь, признайся честно, я тебе когда-нибудь говорила, что надо жить так же, как я?

- Нет...

- А почему же ты мне сейчас говоришь, что я должна жить так же, как ты? – Люся не находила, что ответить, и Ира, чуть помолчав, продолжила. – Вот ты замужем, тебе там хорошо, тебе нравится – ну и живи так! А вот мне нравится одной. И еще мне нравится быть с мужчиной только тогда, когда я этого хочу и только с тем, кого я в данный момент хочу. Я так живу. Мне так хорошо. Тебя данный образ жизни не прельщает, и ты живешь по-другому. Или, может быть, наоборот, очень даже прельщает? И ты требуешь от меня, чтобы я жила так же, как ты, лишь для того, чтобы тебе не было обидно за себя? Обидно, что духу не хватает сломать к чертовой матери все, и жить так, как хочется, а?

- Ира, ну не по-людски это!

- А что по-людски? Раздвигать ноги по первому требованию опостылевшего мужика на том лишь основании, что ты когда-то сходила с ним в ЗАГС? При этом, чтобы почувствовать хоть что-то, отчаянно представлять на его месте другого самца? Это ты считаешь образцом семейного счастья, благочестия и верности?

Видимо, не желая того, Ира попала «не в бровь, а в глаз», так как Люся разрыдалась.

- Люсенька, прости, ну не хотела я тебя обидеть!

«Люсенька» не унималась, а Ира, мягко говоря, не испытывала ни малейшего восторга от ее навзрыдных воплей. И тут ей в голову пришла очень занимательная идея: а что, если попробовать «повернуть» Люську! Ира несколько раз попыталась завести разговор на другую тему

– нет, не то. Она судорожно думала, что сделать, и вдруг поняла, что делает полностью противоположное необходимому. Ира резко остановила бурный поток мозговой деятельности. Ее тело захотело потянуться и зевнуть, что она с превеликим удовольствием позволила ему, после чего спокойно встала к плите изготавливать новую порцию кофе. На какое-то время Иришка полностью выпала из пространства и времени.

- Ирка, ну ты и растяпа! – раздался вопль пришедшей в себя Люси, притом, пришедшей в себя как раз вовремя для того, чтобы перехватить на полпути сбегающий от Иришки кофе.

- Ой, блин! – Ира быстро выключила уже потушенную конфорку. – Прости, что-то задумалась, – соврала она.

Маневр удался, притом как нельзя лучше. Люся не просто забыла о факте тотального саможаления: на ее лице не осталось даже следа от безутешных рыданий. Ира ликовала, а с Люсей, как ни в чем не бывало, обсудила рецепт яблочного пирога (очень актуальная тема в уже начинающемся сезоне как всегда грандиозного переизбытка ранних яблок с дачи); успехи детей в учебе (очень актуальная тема в преддверии окончания сессии и учебного года) и последние тенденции в моде (а именно, где положено находиться поясу – на талии или на бедрах). Добрососедские переговоры не заняли более часа, и довольная Люся, без каких-либо усилий со стороны Иры, как только вышел отведенный на расслабуху срок, убралась восвояси.

Чем-то еще не до конца понятным себе самой, Ира чувствовала, что лучше, чтобы Женечка не знал, что она сейчас полностью осознанно и намеренно проделала. Однако не секрет, что стоит ей закрыться, как он тут же запаникует, а этого тоже лучше не допускать. Ира вернулась к книге. Она спряталась за ее внимательным вдумчивым чтением. Действительно полностью погрузилась в Женечкин труд, но при этом постепенно очень отчетливо нащупала в себе то нечто, с помощью которого ей удалось повернуть Люсю. Ира поняла, что она умела и делала это всегда, но до недавнего времени лишь неосознанно. А вот теперь еще и пытается запутать Женечку. Интересно, получится ли? А ведь и в двух измерениях сразу она тоже находилась не впервые, но опять-таки раньше ей не приходилось фиксировать подобное состояние сознания. А что Женечка? Ира сосредоточилась на нем.

Женечка сидел в плотно зашторенной гостиной. На журнальном столике горели две восковые свечи. Он думал о Гиале. Ира ясно увидела картины, всплывающие перед его мысленным взором. Он даже не заметил ее вторжения. Ире стало не по себе, оттого что ее так беспардонно занесло в его до крайней степени сугубо личные переживания, и она поспешила вернуться.

Щемящее чувство бессилия не отпускало. Она готова была на все, если б могла сделать хоть что-то, чтобы вернуть Женечке его Гиалу. Юную и влюбленную. Она откуда-то знала, что за всю бесконечно долгую Женечкину жизнь у него это было единственное переживание такого рода. Влюблялся он, конечно, бесчисленное количество раз и хранил всех своих возлюбленных в своей безграничной памяти, как

теплые, добрые, с немного щемящей светлой грустью эпизоды, но Гиала стала для него чем-то иным, его половиной... Нет, не верно... И Женечка, и Гиала – это целостные существа, но созданные быть вместе. Почему же Женечка считает это своей слабостью? Впрочем, Ира сама довольно скептически относится к так называемым пылким чувствам. Но ведь это явно что-то другое. Женечка сам говорил об этом. Может, он чего-то не доглядел в Гиале? А заодно и в себе... Ира чувствовала, что это именно так, но как именно и почему, уловить пока не могла.

- Я не знаю, что я сделаю, но я сделаю так, что они будут вместе! Не сейчас, и, наверное, вообще не скоро, но будут! – сказала сама себе Ира.

Она вновь погрузилась в чтение и вновь разделилась на две части, одна из которых внимательно и вдумчиво читала напоказ Женечке, а вторая – упорной ошупью искала потайные управляющие нити, соединяющие Мир с нею.

- - -

Запел мобильник. К своему удивлению Ира обнаружила, что уже утро, что она только что проснулась, а уснула, не раздеваясь и не стеля постели, с распечаткой в руках.

- Ирчик! Я надеюсь, ты дома?

- Генка! Привет!

- Так ты дома или как?

- Дома, конечно! Где ж мне быть-то в такую рань?

- Рань?! Так значит, я тебя разбудил?

- Есть немного...

- Хорошо, тогда не спешу.

- Ты в Сочи?

- Истинно!

- Генка, так ты сейчас ко мне приедешь?

- А ты хочешь?

- Конечно, хочу!

- Меня!

- Генка! Провокатор!

- Ну вот! Ты меня не хочешь! А ведь я тайно влюблен в тебя!

- Генка! От твоего предельно надрывного пафоса у меня в квартире аж стены дрожат.

- Ну хоть что-то у тебя дрожит от моего предельно надрывного пафоса!

- Генка, так ты ко мне приедешь сейчас?

- Приеду, но не совсем сейчас. Надо же дать тебе время для утреннего моциона!

- Генка! Я тебя жду!

- Не жди, а приводи себя в порядок, соня, а как будешь готова – звони.

- Договорились!

Ира весело швырнула мобильник на книжный шкаф и вприпрыжку понеслась в ванную. Минут через десять вышла оттуда, не вытираясь, нацепила шортики с майкой и набрала Генкин телефон.

- Геночка, я тебя жду.

- Не жди. Дверь открывай.

Ира машинально подчинилась и, не отключая телефона, открыла дверь.

- Привет! – сказал Генка одновременно и в трубке, и стоя прямо перед ней.

- Генка?!

- А кого ты рассчитывала увидеть за дверью, а? И вообще, выключи мобильник – я тебя и так неплохо слышу.

- Генка! Ты что, за дверью, что ли, сидел?

- Нет. За дверью я не сидел. Я там стоял.

- Геночка! – на лице Иры отразилось сочувствие и чувство вины.

- И вообще, я не пойму: чего это ты вся такая мокрая? Я ж сказал: как будешь полностью готова, так и звони!

- Геночка! Я ж думала, что позвоню, и пока ты доедешь, успею высушиться и что-нибудь приготовить. Я ж не знала, что ты под дверью маешься!

- Так! Хватит меня своей жалостью изводить! Иди и приводи себя в порядок.

Приведение себя в порядок заняло не более трех-пяти минут, но, когда Ира зашла на свою собственную кухню, она с трудом узнала последнюю. Стол украшал невесть откуда взявшийся букет полевых ромашек. Совершенно незнакомые кофейные чашечки причудливой формы излучали тоненькие струйки голубоватой дымки. А в не менее затейливых десертных вазочках соблазнительно красовались всех мыслимых и не мыслимых оттенков янтаря экзотические и не очень экзотические сухофрукты.

- Генка! Ты – волшебник!

- Впечатляет?

- Не то слово!

- Я рад. Только волшебство здесь ни при чем – торбы и авоськи чуть дольше помаялись за дверью, вот и весь фокус. А это все тебе, Палладина, – сказал он, обводя стол руками.

Ира восхищенно осматривала гостинцы с подарками. Ваза, в которой стояли ромашки, тоже оказалась весьма причудливой, просто она ее не сразу заметила.

- Кофе испробуй – он тоже появился у тебя только вместе со мной.

- Испробую, испробую!

Ира уселась за стол. Ее давешний банкет в честь себя любимой продолжился, только если наемдни она сама себя баловала чем «Магнит» послал, то сегодняшнее послание а'ля Генка оказалось воистину божественным.

- Итак, Ирина свет Борисовна, о Вашей жизни в моем более длительном, чем предполагалось, отсутствии, я осведомлен полностью, или почти полностью, но в любом случае для меня вполне исчерпывающе. Показывай!

- Что именно?

- Во-первых – живопись.

- Как скажешь...

Ира направилась в комнату, Генка последовал за ней. Он не в пример своему прошлому знакомству с Ириным творчеством, посвятил каждой ее работе гигантское количество времени – Ира даже начала скучать, но не торопила его.

- По-ку-па-ю... Покупаю все!

- Не продается.

- Ирка! Ведь повалются-повалются здесь, и все равно в салон оттащишь. А оттуда по всем российским, а может и не только российским, весям растянут. Так и потеряется все. А коли я скупать буду, так когда-нибудь и выставку тебе персональную где-нибудь в приличном месте устроим.

- Ну вот! Сразу нравоучительные лекции читать! Да я их все подарю тебе, раз приглянулись.

- Так не пойдет, госпожа Палладина. Вы мне нужны сытой и не обремененной думами о презренном металле, то бишь заменяющей его нынче резаной бумаге особой выделки. Так что... У тебя, надеюсь, счет в банке какой-никакой есть?

- Ген! С резаной бумагой особой выделки как наличной, так и виртуальной у меня все в порядке – Станислав Андреевич не обидел и в дальнейшем обижать, вроде, не собирается.

- Стас – мужик правильный, и в нем я не сомневаюсь, но это другая история. А сейчас врубай комп и номер счета – на бочку!

- Генка! Тебе я свои работы могу только подарить.

- Госпожа Палладина! Сопротивление бесполезно! Ирчик, я серьезно. Не обижай старого друга! И на будущее запомни: все, что ты сотворишь у мольберта, я скупаю на корню. Договорились? – произнося свою тираду, Генка сам включил Иришкин компьютер. – Ага! Денег навалом! Денег навалом! А доступ в интернет по причине отсутствия финансирования, сдох, а если выразится прилично – безвременно почил.

- Генка, да я оплатить просто вовремя забыла.

- Не оправдывайся. О твоей памяти девичьей наслышаны мы. Лучше колись, каким макарон ты это делаешь.

- В центральном офисе.

- О боже! Воистину пещерная дама! Змий допотопный! Нет, цивилизация и ты вещи явно никак не совместимые! Ладно, сейчас разберемся. А пока идем еще кофеину глотнем.

Генка сам сварил свой чудо-кофе, привезенный незнамо откуда, налил себе и Ирине и принялся терзать свой мобильник непонятными для Иры манипуляциями. В итоге через полчаса доступ в сеть открылся и Генка вновь потребовал от Иры реквизиты ее счета в банке. Ира сдалась.

- Сколько я тебе должен?

- Я считаю, что нисколько.

- Ладно. Значит, цену я определю сам. Потом не обижайся – договорились?

- Договорились, – выдохнула побежденная Ирина и ушла на кухню смаковать очередной янтарный кусочек то ли манго, то ли папайи.

- Все, Ирчик! – торжественно крикнул Генка, торжественно клацнув «Enter». – Теперь я – владелец твоих потрясающих шедевров, – добавил он и собственной персоной материализовался на кухне.

- Генка, вот ты говоришь, что обо мне знаешь все, а я о твоих делах, можно сказать, не осведомлена совершенно, но, однако, мне известно о твоей более чем плодотворной встрече с Радным.

- Информация верная, и я догадываюсь, к чему ты клонишь, а раз так – показывай теперь эскизы Стасова сочинского имения.

- Нет. Не покажу. Пока. Расскажи мне о Радном.

- Нет. Не расскажу. Пока.

- Генка! Не передразнивай меня и не капризничай! Это очень важно для моей работы. Понимаешь, от него самого добиться чего-либо не представляется возможным, а сведения, полученные всеми, доступными мне способами, скудны до безобразия. Никто не знает о нем ничего вразумительного.

- А с чего ты решила, будто я должен знать нечто более вразумительное, чем все остальные?

- Генка, ты людей нутром чувствуешь.

- Спасибо за комплимент. Но скажи, Ирчик, как сама-то к нему относишься?

- Если честно, то была бы просто счастлива к нему вообще никак не относиться.

- Насколько я припоминаю, тебя невозможно заставить делать то, что ты не хочешь и общаться с тем, с кем не желаешь, и, тем не менее, со Стасом ты работаешь, да еще и как с юридическим, и как с физическим лицом, если выражаться протокольно.

- Знаешь, когда тебе дают возможность безграничного самовыражения в области, о которой мечтаешь, то можно очень ко многим не совсем приятным факторам относиться вполне терпимо.

- Ирчик, а теперь повтори первую часть своей фразы.

Ира отвела взгляд, сосредоточившись, но не могла вспомнить то, что только что сама сформулировала.

- Хорошо, я частично процитирую Вас, уважаемая госпожа Палладина: «...дают возможность безграничного самовыражения...», – так ты, кажется, сказала?

- Да, это именно то, ради чего...

- Стоп, стоп, стоп! Неважно, что ты говорила дальше. Ира, тебе Стас дал возможность безграничного самовыражения, так на кой ляд тогда для работы с ним тебе нужна какая-либо информация о нем, а?

- Но...

- Никаких «но»! Работая с тобой, – и как руководитель фирмы, и как частное лицо – он хочет, чтобы ты выразила СЕБЯ, СВОЮ суть, свою СОБСТВЕННУЮ, а не его.

- Ген! В работе над мебельными линиями, скорее всего, так и есть, но когда человек заказывает то, как будет выглядеть его собственное жилище, пусть и ограниченного пользования во времени – это совсем другое. Понимаешь, он должен войти и почувствовать себя ДОМА. Почувствовать, что то, что его здесь окружает – это ОН. Это его продолжение, удовлетворение определенного круга его потребностей в уюте и комфорте.

- А у Стаса нет потребностей в уюте и комфорте. Он одинаково комфортно чувствует себя как в президентском номере какого-нибудь фешенебельного отеля, так и где-нибудь в тайге, засыпая на голом снегу – ему все равно.

- Так зачем же ему особняк в одном из престижных районов?

- У него нет бытовых потребностей, но зато есть просто неукротимая потребность к созиданию, в смысле материализации идей, и все что работает на это, он заставляет работать. В тебе он увидел мощный генератор идей для материализации и старается использовать по-полной.

- Знаешь, а мне Радный начинает нравиться.

- И это есть хорошо!

Ира впала в состояние со стороны казавшееся задумчивостью. Генка оставил ее в покое и принялся восстанавливать праздничный вид стола, а закончив, окинул Иру взглядом, полным полушутливого сострадания, и сказал:

- Ну хорошо. Я расскажу тебе кое-что об известных мне подробностях частной жизни Радного, однако не думаю, что это сильно поможет тебе.

По словам Генки, Стаса не мучили угрызения совести, как считал Игорь Александрович, когда он по расчету женился на денежном мешке. Радный изначально знал, что этот самый денежный мешок, в свою очередь, рассчитывает на него. Его, Стаса, мучило другое – он не представлял себе, как жить с Ларочкой под одной крышей, не придушив ее на следующий же день. Но все разрешилось как нельзя лучше. Ларочка лицедрет рядом с собой Стаса желала не больше, если не меньше, чем он ее. Почти сразу после свадьбы она укатила на острова и осталась там. Естественно, Стас поощрил сие всеми доступными способами.

В общем, сложившиеся супружеские взаимоотношения абсолютно устраивали обоих супругов. Вот только полной взаимности между ними не было никогда. Стас знал о Ларочке гораздо больше, чем она о нем. Например, Ларочка несколько сомневалась по поводу отцовства Стаса в отношении Фредерика, а Стас знал точно, что это не его ребенок.

Дело в том, что в период предполагаемого наступления у Ларочки беременности, Стас из-за необходимости вести интимную жизнь не самым лучшим образом, подхватил что-то не совсем страшное, но, естественно, и не очень хорошее. Отвертеться от визита к милой женушке, почему-то, не получилось и он, будучи близок с ней, предохранялся всеми доступными методами. В итоге, здоровье Ларочки не пострадало, а вот залететь она умудрилась. Стас и бровью не повел, услышав о предполагаемой беременности жены. Ларочка перевела дух и успокоилась, а Стас, памятуя о коллизиях природы, все же, когда Фредерику исполнилось три года, провел ДНК-тест, который показал, что в момент зачатия он, Радный Станислав Андреевич, даже мимо не проходил. К тому же, Ларочка понятия не имеет, что Стас прекрасно знает о существовании у нее еще и дочери, которая родилась четырьмя годами позже Фредерика.

В общем, Ларочка Стаса панически боится – боится и его самого рядом с собой, и развода с ним. Впрочем, в случае развода с материальной точки зрения она вроде как ничего не теряет в любом случае,

но она, Ларочка, с деньгами может делать только одно – тратить, и поэтому, будучи далеко не конченой душой, понимает, что без Стаса она пропадет. Она знает ему цену. Содержит ее он по-королевски, но неумные запросы, плюс наличие неучтенного ребенка в комплекте с папашей-жигало постоянно выплескиваются за рамки бюджета.

Просить больше Ларочка всегда боялась и потому в какой-то момент потихоньку стала тайком продавать свои акции, а Стас, всегда знавший о ней гораздо больше, чем она сама о себе, этим воспользовался. Брачный контракт заключался в момент, когда у него за душой и ломаного гроша не было, а потому, в случае развода, независимо от причины, предполагал оставить Ларочке ее же имущество и ничего более, то есть в случае развода Стас не обременяется никакими обязательствами в отношении нее. В семейном бизнесе он до недавнего времени являлся лишь управляющим, получающим зарплату, а поскольку всегда жил гораздо скромнее, чем мог бы, то именно на эту честно заработанную зарплату постепенно и скупал акции своей жены. Она, естественно, об этом до сих пор понятия не имеет, считая, что они просто разбрелись по свету, и она продолжает оставаться хозяйкой, как самый крупный акционер. Буквально на днях в руках Стаса оказался заветный пятьдесят один процент акций, и теперь он полноправный хозяин своего бизнеса. Стас знает, что Ларочка даже с пистолетом у виска не пойдет на развод с ним, и сам не собирается с ней разводиться, но теперь ему все же гораздо спокойнее.

Впрочем, есть у Стаса и действительно своя семья со своими родными детьми. Обзавелся он ими еще до официальной женитьбы. Обзавелся вполне осознанно и целенаправленно, зная, что жизнь у него вряд ли сложится тихо и мирно. В матери своим детям он выбрал тихую скромную и трудолюбивую Наденьку – девочку из сибирской семьи сосланных при сталинском режиме. Она училась с ним в университете, только на филфаке. Он не ухаживал и не соблазнял ее. Стас просто честно и откровенно объяснил ей, что от нее хочет. Его предложение, естественно, не вызвало у Наденьки бурных восторгов, но подумав, она согласилась. В конце концов, никакие радужные перспективы ей тогда не светили. В приемные отцы своим будущим детям он избрал своего друга Серегу. Тому очень нравилась Надя – надо сказать, небезответно – но, будучи от природы ужасно застенчивым, он панически боялся даже заговорить с ней.

Вообще этот Серега личность тоже весьма примечательная. В школе он еле-еле тянулся на троечки. Как известно, знания там никто не оценивает. Сама суть оценки даже официально называется «успеваемость». Так вот, с этой самой успеваемостью у Сереги всегда было более чем туго. За отведенное на школьные контрольные время он с трудом успевал сделать в лучшем случае половину заданий, но идеально чисто и правильно, за что получал свою тройку. Так и тянулся в школе, затем в кулинарном училище (больше никуда не взяли), а вот армия круто изменила его жизнь.

По чистой случайности попал он в элитную засекреченную часть, связанную с наисовременнейшими технологиями, где во всей красе раскрылись его яркие склонности к точным наукам. В университете он

поступал с очень весомой рекомендацией. На вступительном экзамене по своей укоренившейся традиции успел сделать только половину заданий, но как всегда идеально, и получил свою заветную тройку, которой ему, учитывая льготу отслужившим в армии и рекомендацию, вполне хватило для поступления. В университете о его крайней медлительности слагали анекдоты, но его дипломная работа произвела такой фурор, что анекдоты переквалифицировались в легенды. Зная себя, писать он ее начал с первого курса, а на защите кто-то даже восторженно крикнул, что за такие открытия Нобелевскую премию дают. Нобелевскую премию ему, конечно же, не дали, а вот в аспирантуру зачислили без вопросов, несмотря на малопривлекательные оценки успеваемости, полученные за время учебы. В конце концов, какая разница, что человек успевает, если то, что он все же успел – гениально.

Своих детей Сергей иметь не может. Узнал он об этом на третьем курсе случайно, когда одна из соседок по общежитию заявила, что беременна от него. Скандал она устроила громче некуда. Серегу даже из университета чуть не выгнали, но вмешался отец Стаса, который тогда вес имел немалый. В общем, выгнать Серегу не выгнали, а вот обследование пройти все ж заставили. Вот тут и выяснилось, что он не может и никогда не сможет стать отцом.

С Сергеем Стас тоже разговаривал предельно прямо и откровенно. Вопреки ожиданиям тот пришел в восторг от предложения, притом в такой восторг, что Стас даже немного растерялся и начал освещать ему все самые негативные стороны своей затеи, на что Серега прочел ему целую лекцию на тему, почему все это просто замечательно. На момент мужского разговора у Наденьки уже родился сын от Стаса – Радный Владимир Станиславович, и вот-вот должна была появиться дочурка – Радная Светлана Станиславовна. Условия, что дети будут им, Стасом, официально признаны, будут носить его отчество и фамилию, будут с ним, как с отцом общаться, Серегу тоже не смутили.

Конечно, прежде чем эта странная семья обрела свой законченный вид, не обошлось без проблем и щекотливых моментов, но Радный умеет добиваться своего. В итоге, Серега занял хороший пост в одном из НИИ, Надя стала преподавать русский и литературу в педагогическом училище. Живут они действительно в любви и согласии и детей растят, как положено. Дети идею двух пап воспринимают с удовольствием, любя всех своих троих родителей с беззаветной детской преданностью.

Стас полностью обеспечивал их даже в черные свои времена. Надя отказывалась, но Стас, тем не менее, ежемесячно перечисляет детям официальные алименты. Их никому и в голову не приходит снимать со счета в банке, так как неофициальное содержание значительно превышает их. Несколько раз пытался воспротивиться чрезмерному материальному участию Серега, но Стас укротил пыл его мужского достоинства, объяснив, что, во-первых, он хочет, чтобы его дети ни в чем не нуждались. Во-вторых, он по гроб жизни обязан женщине, которая согласилась стать их матерью при таких нестандартных обстоятельствах. И, в-третьих, он в

неоплатном долгу перед самим Серегой. Почему? Об этом он предложил ему самому догадаться. Серега даже пытаться не стал, и тогда Стас придумал для него персональный аргумент – бизнес обязан материально поддерживать науку! Серегу это мало убедило, но выхода у него все равно не было и пришлось сделать вид, что он согласен.

- Получается, Радный сам себе устанавливает законы, по которым живет?

- Да. Как и ты, – Генка улыбнулся Ире и добавил. – Как и я. Как и Женич.

- То есть по сути...

- Ирчик, – перебил ее Генка, – никто – ни ты, ни я, ни Женич – на самом деле не может до конца знать, кем он является по сути. Можно что-то смутно чувствовать, смутно догадываться и даже пытаться для себя нечто умозрительно по этому поводу формулировать и даже с полной уверенностью кому-то об этом рассказывать. Но наш мозг не способен адекватно осознавать это, как не способен адекватно осознавать, что такое Время, Вечность, Бесконечность.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Не знаю... сама подумай.

- То есть... – Ира выжидающе взглянула на Генку.

- То есть я хочу сказать, что такие непроходимые дебри не для моих скромных мозгов, так что, как я уже и сказал – сама подумай.

- Хорошо, подумая сама.

- Не! Лучше не думай, а живи, как живешь. Все равно, произойдет лишь то, что произойдет.

- Генка! Ты фаталист?

- Нет. Я – оптимист. И вообще, ты мне сегодня эскизы-то покажешь.

- Теперь покажу.

Ира решительным шагом направилась в комнату. Генка было последовал за ней, но она его остановила:

- Сиди, сейчас сюда принесу.

Он не совсем понял, но послушно остался на своем месте. Ира вынесла распечатки.

- Стас вроде ж отказался участвовать в обсуждении заказанного проекта? Ты для кого распечатывала?

- Для дома.

- В смысле?

- В смысле, я показывала их дому.

- И как он, дом?

- Ему понравилось.

- А теперь можно серьезно?

- Я вполне серьезно. Дому понравилось. Он пел для меня. Он, вообще-то, всегда поет, когда я приезжаю, но, увидев эскизы, он изобразил нечто поистине сногшибательное – целый концерт, притом в абсолютно разных стилях.

- Ирка-а-а...

Какие именно эмоции испытывает Генка по поводу поющего дома, пониманию не поддавалось, но Иру это и не интересовало, так как в этот момент она как раз схватила за хвост классную идею.

- Генка! Я знаю, что сделаю с твоими фотками! Я покажу их дому!

- Ир, мне всегда мерещилось, будто я со странностями. Знаешь – нет. Я, оказывается, вполне заурядный обыватель.

- Генка! Ты не понимаешь! Он ведь дом! Он лучше знает!

- Дай эскизы посмотрю.

- На.

Генка несколько раз машинально поперекидывал бумажки.

- Не! Не могу. Забирай. Мне твой дом все мозги отшиб. Он серьезно, что ли, поет?

- Да, Ген.

- Знаешь, я – слепой. И, наверное, еще и глухой. У меня, вроде, неплохое воображение, но я не представляю, как дом может петь.

Ира унесла эскизы обратно в комнату, а Генка набрал Женечку.

- Женич, тебе наша общая знакомая рассказывала о доме, который оказался ярым любителем помузицировать?

- Ген, он не любитель. Он – профессионал.

- Тьфу-ты! Еще один издевается!

- Оставь Ирку в покое! Дома для нее поют, гадюки подарки приносят – просто она такая и с ней вот такое и происходит. Учти, она еще далеко не на все внимание обращает. Так что оставь ее в покое. Привет ей, кстати, передай от меня.

Женечка отключился. Ира вновь появилась на кухне.

- Тебе привет от Женича.

- Спасибо.

- Слушай, Ирчик, а покажи-ка мне, чем это тебя гадюки одарили.

- Маленькое уточнение: гадюка была одна. А вот что она мне подарила – не покажу, по причине того, что вышеупомянутый Женич уже посоветовал мне это выкинуть, а я не желаю так делать.

- Ирчик, ты на меня обиделась?

- С чего ты решил?

- С тону Вашего, госпожа Палладина.

- Генка! – Ира обняла его. – Прости! Я ну ни капельки не обиделась! Просто понимаешь, я точно знаю теперь, что для начала нужно сделать с твоим материалом и у меня руки чешутся невыносимо! Понимаешь?

- Не вопрос! Давай, поехали к твоему поющему дому!

- Во-первых, не к моему, а во-вторых, не обижайся, я тебя с собой не возьму.

- Почему?

- А вдруг ты его напугаешь? Он такой ранимый! – Генка улыбнулся, поняв, что теперь Палладина просто кривляется. – И вообще – отношения у нас с ним очень интимные, – а вот она сказала на полном серьезе, и Генка перестал настаивать.

- Ирчик, я в Сочи пробуду не больше недели, так что в ближайшие дни очень хотелось бы с тобой еще раз пересечься.

- Генка, а давай завтра на море рванем, пока в нем еще купаться можно, пока оно еще не закипело.

- Давай рванем!

Генка уже стоял на пороге и, чмокнув Иришку, почти мгновенно растворился за дверью, а Ира пошла вдумчиво готовиться к предстоящему интригующему свиданию с поющим домом.

На этот раз Иру приветствовали сдержанно-торжественные и одновременно мужественно-нежные звуки седьмой симфонии Бетховена, которые неожиданно, но органично перевоплотились в «Болеро» Равеля. Ира разложила распечатки на полу большой комнаты на втором этаже и села, прислонившись спиной к стене.

Времени видимо прошло достаточно много, так как теперь солнце заглядывало в окна с другой стороны. Дом исполнял «Yesterday» Битлов, только на манер средневековых мадригалов. Ира не пыталась ни понимать, ни даже вспоминать, что с ней происходило все это время. Она просто аккуратно собрала фотографии, поблагодарила дом и, попрощавшись с ним, поехала к себе и, как ни в чем не бывало, продолжила знакомство с Женечкиным трудом. Она больше не пыталась спрятаться от Женечки, а свои давешние уловки сегодня нашла смешными и глупыми. «Как ребенок...», – усмехнувшись, подумала она.

Женечка, выдавая ей рукопись, предложил рисовать по ходу любую абракадабру, какая придет ей на ум. А почему бы и нет? Ира включила компьютер и растворилась в бескрайнем океане непознанно-осознанного и неосознанно-познанного.

Генка позвонил около одиннадцати утра.

- Ну ты и дрыхнешь, Палладина!

- С чего это ты взял, что я дрыхну?

- Да неужели уже поднялась?!

- Я с полвосьмого уже тружусь на благо Отечества.

- О-о! Тогда тебе уже по всем правилам положен перерыв. На море вчера кто просился, а?

- Хватит прохлаждаться под дверью! Заходи!

Ира открыла дверь и, как и предполагалось, обнаружила там веселого Генку.

- Ирчик, признайся честно, ведь ты еще не завтракала?

- Ну как это не завтракала?! Завтракала, конечно! Еще вчера! Ты что, не помнишь?

- О-о! У тебя режим? Трехразовое питание: понедельник, среда, пятница? Или ты обленилась до такой степени, что ешь лишь тогда, когда тебя кормят?

- Если честно, то почти «да».

- Тогда давай-ка перекусим, чем бог послал, и рванем, как запланировано, на море.

- - -

С выбором пляжа не мудрили – Ривьерский вполне подошел. Отдыхающие Сочи пока еще вниманием не баловали, сочинцев температура воды радовала далеко не всех, к тому же на дворе стоял полноценный рабочий день, так что желающих занять отмеренную собственным полотенцем временную жилплощадь у моря нашлось немного.

Ира, едва раздевшись, тут же ненадолго уплыла, а затем улеглась на голую раскаленную гальку.

- Не хотелось нарушать Вашего блаженства, Ирина Борисовна, но уж больно распирает любопытство, что же все-таки пропел Вам крайне не осведомленный в интерьерных вопросах дом? – манерным тоном спросил Генка.

- Пока ни чего, точнее чего, но я к процессу осмысления еще не приступила.

- Ирчик, а меня любопытство просто изглодало – так не терпится увидеть, что ты придумаешь.

- Понимаю, Геночка, но придется потерпеть. Есть у меня подозрения, что из твоего предложения должно получиться нечто суперособенное.

- А ведь заинтриговала пуще прежнего! Но ладно, так уж и быть. Смирненно жду.

И Генка отправился «смирненно ждать». Ира решила, что в море, но вернулся он с мороженым в руках:

- Держи, Ирчик.

Лакомство с минусом по Цельсию быстро таяло под палящим солнцем и разукрасило Иришку белыми каплями. Генка слизнул все белые пятнышки на ее теле, и сделал это настолько недвусмысленно, что наблюдавшая за ними пышная дама инстинктивно сжала ноги и смущенно отвернулась. Ира умом понимала, как сей Генкин жест смотрится со стороны, и что она, вообще-то, должна чувствовать от подобных нежностей, но его ласки не вызвали в ней ни возбуждения, ни отвращения. Генка оказался для нее абсолютно нейтральным, и она совершенно без каких-либо эмоций, просто шутливо спросила:

- Ты хочешь ко мне в постель?

- Кто ж меня туда пустит?!

- А если? – не унималась развеселившаяся Ира.

- Если что? – развеселился следом Генка.

- Ну, если пустють?

- Тогда Вам, госпожа Палладина, светит бессонная ночь.

- А-а... а если дело будет днем?

- А я и имел в виду днем, говоря, что ночь будет бессонной.

- А вот это интересно! По подробней, пожалуйста!

- Э-э не-е! Только на практике!

Они хитро смотрели друг на друга какое-то время, а потом Ира расхохоталась.

- Да Генка, ты прав. Я действительно просплю под тобой весь день, а ночью, вследствие истощенности ресурсов сна, сяду работать, – они рассмеялись вместе и обняли друг друга.

Искупавшись еще по разу, Иришка с Генкой покинули пляж. Сначала возникла спонтанная идея посетить Женечку по причине близкого местонахождения к его жилищу, но Ире не терпелось продолжить работу, а Геннадий Васильевич в Сочи тоже не праздности ради заехал, так что прогулялись до гостиницы «Москва» и разбеллись, договорившись завтра вылазку на море повторить.

И неделя пролетела просто замечательно. Ира с утра успевала что-то сделать, потом приходил Генка, кормил ее завтраком, потом они отмокали в приятно прохладном море и жарились в лучах горячего, но не душного солнца, а потом Ира успевала еще целую кучу. В итоге, она успешно осилила половину первой папки Женечкиного труда, запечатлела в компьютерных файлах всю, носившуюся в пределах ее ауры, порожденную чтением абракадабру, и загорела до шелушения кожи. К тому же она даже как-то раз выбралась на Генкино шоу в Лазурку.

За всю неделю Генка более не досаждал ей своим любопытством. Ира тоже молчала, но каждый день, проснувшись утром и перед сном вечером, добросовестно пересматривала фотографии, правда, даже не пытаясь что-либо думать и даже чувствовать, совершая отрешенную пропитку себя образами. Она знала – нечто уже зародилось в ней, но намеренно отодвигала момент выплеска.

Улетать Генка собирался в понедельник, а в воскресенье, когда они с Иришкой завтракали перед вылазкой на пляж, позвонил Женечка при том одновременно им обоим – Генке с домашнего, а Ире с мобильного.

- Друзья мои! – торжественно изрекал он сразу в две трубки. – Я понимаю, что вам и без меня хорошо, но, тем не менее, очень бы хотелось лицезреть в своей скромной обители вашу сладкую парочку.

- Женич! Кто бы говорил! Вот меня Палладина даже близко к себе не подпускает, мотивируя тем, что в моих объятьях она уснет даже не раньше, чем я кончу, а еще до того, как я успею начать!

- Ира! Я не понял, ты что, спишь в Логиновских объятьях?

- Уснешь тут с ним! Он меня ни свет, ни заря будит и на море силой тащит.

- Сатрап ты, Генка!

- Врет она все! Раньше одиннадцати я к ней не появляюсь.

- Вот потому и спит, что она приличная девочка, а все приличные девочки в одиннадцать уже бай-бай.

- Да, утра!

- Хм! До утра?! Да кто ж такое выдержит! Конечно, она потом на море не хочет! Шутка ли, девочке до утра спать не давать!

- Женич! Сволочь! Я утром к ней прихожу в одиннадцать!

- Ирка! А чё он так нервничает?

- Да все эскизы по своему заказу увидеть хочет.

- А! А ты ему не показываешь?

- А я их еще и делать не думала.

- Ай-ай-ай! Лентяйка!

- Во-во, Женич! И я говорю лентяйка!

- Ирка, а он тебя шваброй обозвал!

- Ты первый начал!
- Ладно, Ген! Хорошо прикалываться!
- Вот-вот, Женич, первый начал, а теперь съезжаешь?
- Да, съезжаю! Между прочим, тебе, Генка, я с домашнего набрал. Усёк?
- Я давно усек, что на бабки разводишь.
- Вот то-то же! Так вы сейчас на пляж?
- Да.
- А куда, если не секрет?
- На Ривьеру.
- А что будет, если я к вам присоединюсь?
- Жень, ты знаешь, что с ясновидением у меня просто никак, но интуитивно я чувствую, и мне кажется, что это и есть истинное знание – будет здорово!
- Ох, Иришка! Прилежная ты ученица, но иногда – почти всегда – так и чешутся руки задать тебе хорошую трепку! Язва! Ладно! До встречи!
- Перед выходом Ира быстренько включила компьютер и быстренько скачала на флэшку весь абракадабровый ассортимент.
- Ага! Женичу уже что-то сделала, а мне – нет!
- А ты не подглядывай.
- А я и не подглядываю – я подслушиваю. Твой копм пашет по уровню шума чуть тише отбойного молотка. Менять не думала на поновее, а?
- Вообще-то надо бы уже. Может, подаришь?
- Не вопрос!
- Э! Генка! Ты это... Я ж пошутила!
- А я серьезно. Тебе серьезно нужно копм обновить. Ну-ка... – Генка влез в какие-то малознакомые Иришке программистские дебри. – Да он у тебя откровенно пещерный! Как пить дать, добыт трудами археологов! Как ты вообще работаешь?
- Да вроде неплохо.
- Ирчик, ты, видимо, понятия не имеешь, что значит хорошо. Так, ладно, сейчас на море, а потом решим проблему твоей компьютеризации.

- - -

Женечка стоял, опираясь о парапет спускающейся к пляжу лестницы, и самозабвенно выдувал облака маленьких, переливающихся всеми цветами радуги, мыльных пузырей.

- Я вас приветствую, друзья мои! – блаженно произнес он и, выбросив в урну полупустой пузырек с мыльной жидкостью, обнял Генку, похлопывая по спине.

У Иры мороз пробежал по спине от ощущения и понимания, что Генка, по общечеловеческим представлениям, вообще-то, приходится Женечке родным сыном. Женечка бросил на нее строгий взгляд, и едва заметно его голова чуть шевельнулась в запрещающем жесте. Ира ответила глазами: «Ну что ты! Никогда и ни за что!».

- Спинным мозгом чую – за моей спиной уже что-то происходит.

- Геночка, тебе примерещилось, – Женечка освободил от своих объятий Генку и заключил в них Иру, подкрепив сие долгим горячим недвусмысленным поцелуем.

- Ну вот... – уморительно состроил детскую обиду Генка.
- Отпущенная, наконец, на волю, Ира с трудом держалась на ногах.
- Ирочка! Головка закружилась? Небось, солнышко напекло?

Женечка находился в состоянии повышенной выработки гормона радостной гадостности. Он сгреб к себе Иришку и Генку, и они втроем в обнимку спустились на пляж. Дул достаточно сильный ветер, по морю в преддверии шторма бежали белые барашки. Покинувшую тело одежду пришлось придавить камнями, чтоб не улетела. Купались недолго – волнение моря усиливалось с каждой минутой. Позагорать вообще не получилось – от пронизывающего ветра тело покрывалось гусиной кожей. Иришку так и вовсе колотило от холода. Женечка растер ее полотенцем и в срочном порядке отправил переодеваться.

- - -

- Женечка, а я ведь к тебе не с пустыми руками, – сказала Ира, как только они втроем оказались у Женечки дома.

- Да ты что!
- Включай компьютер. Я тебе абракадабру принесла. По твоей книге.
- Вау! Уже бегу!
- Блин!
- Генка, что случилось?
- Ирчик, я ж совсем забыл про твою компьютеризацию!
- У Палладиной проблемы с компом?
- Никаких! Не считая доисторического происхождения.

Генка сел изучать записную книжку своего мобильного, а Ира с Женечкой переместились в кабинет.

Женечка долго и внимательно изучал «абракадабру». Его лицо постоянно менялось.

- А ведь печатать на меловке придется... Палладина, признайся, ты решила меня разорить?!

- Женич, а ты поклянчи у меня денег на издание – я дам, – Генка, скорее всего, уже давно стоял у них за спинами.

- Генка, клянчу! Давай!

- Э-эй! Не так скоро! Я ж только начала! Еще далеко не все готово!

- Слышь, Генка, а ведь она и тебя разорить решила! – Женечка светился счастьем, всем своим видом подтверждая полное удовлетворение Иришкиными работами.

- А разорюсь! В конце концов, Палладина того стоит. Кстати, Ирчик, к концу следующей недели у тебя будет стоять новый, соответствующий всем современным требованиям для работы с графикой ПК. Я дал твой телефон, так что жди звонка.

Часов около десяти вечера Генка засобиравшись к себе в гостиницу. Его самолет улетал не так уж, чтоб совсем рано утром, но, тем не менее, на него следовало успеть, притом предварительно выспавшись, так как сразу в аэропорту прибытия его ждала деловая встреча, очень важная по его словам. Иришку Женечка, процитировав обращение Мюллера к Штирлицу из «Семнадцати мгновений весны», попросил остаться, на что Генка просто гениально разыграл сцену ревности в стиле итальянской комедии dell'arte, чем изрядно повеселил их.

- Ир, не хочешь побродить по городу? – спросил Женечка, как только за окном стих двигатель увозившего Генку такси.

- С удовольствием.

Мокрый асфальт свидетельствовал о недавнем дожде, но с затянутого облаками неба не капало. По обоюдному не высказанному вслух соглашению тему «абракадабры» Ира с Женечкой решили пока держать закрытой. Выйдя на улицу, они вообще молчали, бредя по сумеречным дорожкам Ривьеры. Шли, старательно минуя центральную аллею. Хотя настоящее курортное лето еще находилось только в стадии зачатия, да и погода не особо баловала, народу по парку гуляло с переизбытком.

Сквозь влажные ветви мелькали лица людей, озаренные усиленно-вымученной радостью.

- Зачем они это делают?

- Притворяются?

- Да.

- Знаешь, Ир, человечество упорно придерживается мнения, что владение собой – это управление внешними проявлениями эмоций. Тренируются.

Глава 13 **Тонкости искусствоведения, бюрократизма,** **жертвоприношения и психологии**

Лешка с Владом приехали 24 июня. Вовремя. Чуть больше недели, пролетевшие после отъезда Генки, для Иры летели вместе с ее крышей: коктейль из Женечкиной книги, Генкиных фоток и поющего дома сделал свое дело. В смысле материализации идей повезло только книге – абракадабра сыпалась на Женечкин e-mail в изобилии. Ее Ира и показала молодежи в качестве ответа на вопрос Влада: «А у Вас, как дела, Ирина Борисовна?», – который он задал в финале застолья, посвященного окончанию сессии.

- Ну чё, мам, прикольно! – сказал Лешка, пролистав бегло просмотрщик, и освободил место у монитора Владу.

Влад застрял на первом же рисунке.

- Ирина Борисовна, а Вы уверены, что от этого ни у кого крыша не поедет?

- Влад! Если у кого от абстракции и едет крыша, так по большей части только у непосредственных создателей, извини, мам, конечно.

- Лёшик, а ты считаешь, что это абстракция? – Влад перевел взгляд с Лешки на Ирину, и в его прищуре весело замелькала хитринка.

- Влад, я, конечно, не на искусствоведческом учусь, но у меня мама художник, и, поверь, в стилях изобразительного искусства я нет-нет да что-то секу.

- Плохо сечешь! Смотри внимательно!

Лешка наклонился к монитору, и Влад начал ему четко указывать на определенные контуры и давать пояснения. Ира с интересом наблюдала за ними.

- Ма! Во ты даешь! Действительно крыша съехать может!
- Ирина Борисовна, а по какому поводу Вы это делали?
- Это иллюстрации для книги.
- Ничего себе, а с самой книгой-то, с литературным материалом, можно ознакомиться?

- Не знаю, Влад, нужно спросить у автора.

- Ирина Борисовна, если автор заказывает Вам иллюстрации, следовательно, он собирается свой труд публиковать, и, следовательно, тайны в нем нет никакой.

- Видишь ли, Влад, далеко не весь текст, который сейчас находится у меня, предназначен к публикации. Издавать предполагается со значительными купюрами.

- Вау! Как интересно... Ирина Борисовна, а можно ли как-то устроить, чтобы мне почитать полный вариант, без купюр.

- Запросто! – на пороге стоял Женечка. – Вам, молодой человек, можно, – он перевел чистый улыбающийся взгляд с Влада на Иру.

- Знакомьтесь, мальчики: Гаров Евгений Вениаминович. Мой друг и автор труда послужившего источником вдохновения для создания произведений компьютерной графики предложенной вам к обсуждению.

Представители мужского пола по традиции, заведенной, наверное, еще при царе Горохе, пожали друг другу руки. Иру всегда веселил этот ритуал – уж очень напоминал он выражение настороженной демонстрации дружелюбия в поведение самцов разнообразных видов животного мира.

- А я Вас, кажется, знаю, – радостно заявил Лешка.

- Не крестись, мой мальчик, тебе не кажется. Еще б ты не знал меня! Ведь с твоей мамой мы уже много лет сотрудничаем. И слышал, наверное, много.

- Нет. Ничего.

- Ира, и не предполагал, что ты такая скрытная.

- Зря Вы так. Просто у нас с мамой интересы и взгляды на жизнь разные.

Женечка улыбнулся. Влад с нескрываемым интересом пожирал его глазами. Лешка был настроен вполне доброжелательно, но абсолютно равнодушно. Однако Женечке удалось завоевать и его расположение и при этом очень удивить даже Ирину, уже давно ничему, исходящему от Женечки, не удивляющуюся: она представить себе не могла, что он обладает такими глубокими познаниями и в области точных наук тоже. Ну а Влад – Влад принял его сразу. И сразу так близко к сердцу, что ушел он вместе с Женечкой, и ни куда-нибудь, а к нему в гости за эксклюзивной распечаткой Женечкиного труда. Едва за ними закрылась дверь, Ира внимательно посмотрела на сына и спросила:

- Ты хочешь сообщить мне нечто важное?

- Есть немного, только ты не волнуйся, ладно?

- Спасибо, сыночек, – сказала Ира напряженно. Ее сердце билось где-то в глотке. – Знаешь, лучший способ вывести человека из равновесия, это сказать ему «не волнуйся». Не томи! Суть выкладывай!

- Мам, ну ты и сама в курсе, что Влад женится, и, как следствие, переводится на заочное.

- Это я знаю. Дальше.

- Мам, помнишь, мы на зимних каникулах ездили в Прагу?

- Помню...

- Так вот, мне еще там предложили бесплатный сертификат и стипендию на обучение в Гарварде. Я отказываться, естественно, не стал, но и соглашаться не спешил – как-никак это я Влада в Москву с собой потянул. В общем, из солидарности. Ну а теперь, вроде как, она стала неактуальна. Так что, если ты не будешь против, то я еду продолжать образование в Гарвард.

- Ну деятели, что ж это вы мне сразу не сказали! – радостно и возмущенно воскликнула Ира.

- Влад не знал, а я не хотел тебе душу зазря травить. Так как? Я, к твоему сведению, еще несовершеннолетний, так что без твоего согласия не могу не только по морально-нравственным соображениям, но и с юридической стороны тоже.

- И что от меня требуется?

- Несколько нотариально заверенных документов, которые нужно сделать в ближайшие дни и отпустить меня на недельку-другую обратно в Москву.

Этот летний день запомнился Ирине всерьез и надолго. Они с Лешкой малость не подрастали время и прибыли в нотариальную контору на целых полчаса раньше начала рабочего дня последней. И оказались всего-навсего двенадцатыми в уже озверевшей очереди. По крайней необходимости попадая изредка в эту всенародно любимую организацию, Ира всеми силами пыталась понять, ну как! Как раньше в одной-единственной в Центральном районе Сочи нотариальной конторе, расположенной на улице Воровского, в отсутствии компьютеров, ксероксов и вообще какой-либо офисной техники, за исключением никогда ничего не пишущей, пишущей машинки, всего за каких-то час-полтора удавалось вполне успешно оформить необходимые документы! Ну почему теперь, в век информационных технологий и наличия нотариусов по пять штук в каждой подворотне, почему теперь даже самое простое заверение самой простой ксеркопии самого простого документа превращается в нечто среднее между подвигом и актом жесткого садомазохизма!

Впрочем, томительное ожидание своей очереди скучным назвать было сложно. Одно шоу сменяло другое. Три раза вызывали скорую, два раза милицию. К действительно приятным моментам относилось периодическое открытие двери кабинета – там работал кондиционер и прорыв прохладного воздуха в массы встречался всеобщим ликованием, на несколько секунд прекращая очередной скандал по поводу: кто, когда и где стоял и кому, куда следует пойти. Однако глоток вожденной прохлады, помимо облегчения, давал и свежие силы для возобновления старого или начала нового выяснения отношений.

И пяти часов не успело пройти, как Ирина с Лешей оказались под постоянным пьянящим холодным напором воздуха. Обязанности нотариуса исполняло антикварное создание, когда-то, по-видимому, мужского пола, на вскидку лет эдак восьмидесяти. Внимательно выслушав суть проблемы, закинувшей в его трудовую обитель не в меру юную мамашу с не в меру взрослым несовершеннолетним сыном (насчет чего создание философствовало минут десять-пятнадцать), божий одуванчик принялся объяснять отсутствие элементарной логики в документальных притязаниях контор, призванных обеспечить «молодому человеку» льготное учебное место в элитном зарубежном ВУЗе. По поводу элементарной логики Ира была с ним полностью солидарна, но ведь требования придумывала не она! На что антиквариат уличил ее в юридической безграмотности, некомпетентности и отсутствии способности хоть к какому-то мышлению, уже не говоря о логическом. Ира взяла себя в руки и, еще раз огласив список требуемых документов, положила его ксерокопию перед нотариусом. Тот внимательно ознакомился и сызнова начал объяснять Ирине, почему все это полный бред и конченная туфта. Затем он набросал авторский список, дав ему компетентное юридическое и логическое обоснования. Ира полностью согласилась с его доводами и восхитилась компетентностью, но, тем не менее, попросила посодействовать в составлении именно тех документов, кои требовались официально. Дедуня подивился ее настырной тупости и заявил, что не намерен участвовать в потворстве юридически безграмотным невеждам, не владеющим даже элементарной логикой.

В коридоре гудела не предвещающим ничего хорошего гулом разъяренная толпа. Ира почувствовала, что ей холодно. Она взглянула на часы – под отчаянно дувшим кондиционером они с Лешкой прохладелись уже без малого час. И неудивительно! Помимо словоохотливости и предрасположенности давать всему исчерпывающие объяснения, повторяя самые важные пункты дважды, а то и трижды, антикварный нотариус заикался и картавил, вследствие чего речь ему давалась с трудом и текла медленно. Лешку разбирал истерический смех. Иру – тоже.

Так ничего и не добившись, они часам к пяти вечера доползли домой. Лешка сразу, невзирая на протесты матери, позвонил Владу, который тут же примчался.

- Ну как?

«А вот так!!!» вылилось в эмоциональный рассказ офонаревшего от казуистики Алексея.

- Всё, мальчишки! Я больше так не могу... Я – в душ...

Струи то холодной, то горячей воды хлестали по истерзанному бюрократизмом телу, возвращая к жизни. Какое счастье, что на сегодня все! Но завтра придется начать все заново, правда у другого нотариуса – хоть это радует. Может, попадется менее антикварный и не так основательно подкованный логикой, а заодно и менее компетентный юридически, и просто тупо сотворит весь требуемый пакет документов. А за дверью продолжают прикалываться над бедным маразма-

тиком мальчишки. Влад... Ее и так напрягала двусмысленность их отношений допущенная ею. А тут еще и Женечка. Уж не просто так он потащил Влада к себе домой. Да он только за этим и появился у нее вчера, чтобы сцапать Влада и разместить нечто в его сознании...

Ира выключила воду, не вытираясь, накинула на себя халатик и вышла.

- А где Лешка?

- Умчался к Амику Саркисяну.

- К Амику?

- Лешкин одноклассник – у него мама нотариус.

- Я к тому, что он ведь только что здесь был.

- Так он буквально как минуту назад и ушел.

Иру била дрожь, и ком стоял в горле. Она не ожидала, что окажется с Владом один на один.

- Так у Амика мама – нотариус?

- Да, – Влад в отличие от Иры чувствовал себя вполне уверенно.

- Что ж он сразу не вспомнил! Целый день с этим маразматиком потеряли!

- Он вообще не вспомнил. Он даже и не знал. Ему Игнат наш позвонил, Лешка ему нажалился, а тот с Амиком в одном доме живет, и матери у них дружат, вот и сдал друга с потрохами. Потом Амику позвонили, тот сказал: «Приезжай, что-нибудь придумаем». Вот такая вот история.

Ира судорожно курила, пытаясь изобразить ледяное спокойствие. Влад внимательно смотрел на нее и невозмутимо молчал.

- Влад, ты у Алины был?

- Не-а...

- Влад, она же твоя невеста!

- Ир, свадьба только в середине августа. Еще успею.

- Я не должна была этого допускать изначально... – почти прошептала Ира.

- Чего именно?

- Того, что произошло между мной и тобой.

- А ты бы и не допустила, если бы у тебя имелась такая возможность, – от Влада веяло какой-то благостью и умиротворением. – Ира, я нужен тебе. Пусть не всегда. Пусть далеко не всегда, далеко не везде и далеко не во всем, но нужен. Я ХОЧУ принадлежать тебе.

- А я не хочу, что бы ты приносил себя в жертву.

- Ир, люди по собственной воле приносят жертвы богам, а боги, если они настроены благосклонно, эти жертвы принимают, а если разгневаны – нет. Ира, смени гнев на милость! Прими меня в качестве жертвы тебе!

- Я – не бог.

- Конечно, ты – не бог! Ты – богиня!

- И не богиня...

- Кто сказал тебе такую чушь?!

Глаза Влада светились озорством, но при этом ясно давали понять, что в каждой шутке есть доля шутки. Ира вспомнила разговор с Гиалой, и ее выбило из колеи окончательно.

- Жертвоприношение уже состоялось. Смени гнев на милость – прими, дабы не оказалась жертва сия бессмысленной.

Влад стоял за спиной и держал ее за плечи. Ира чувствовала, как сомнения и терзания по поводу отношений с ним, остаются в прошлом. А еще... она не могла себе этого объяснить, но, тем не менее, каким-то странным образом понимала – они действительно нужны друг другу, но не так... не в том смысле, в котором это обычно имеется в виду между людьми. Кроме того, Влад давал ей нечто вроде какой-то особой силы, которую она для себя назвала «ракетное топливо», и которую за истериками и стенаниями морально-нравственного файла своего мозга раньше не замечала. «Чем компьютер лучше мозга? Главное тем, что в комп можно поставить антивирусную программу».

- Всё, мамочка! Твоим мучениям пришел конец! В эту пятницу поставишь несколько автографов и все! – радостно проверещал Лешка, с порога повиснув у матери на шее.

- Значит, завтрашний день у нас абсолютно свободен?

- Похоже, что так!

- Мальчишки, а пойдёмте-ка отвисать на Ажек, а?

- Возражений нет!

Последний раз на Ажеке Ира побывала в компании Радного. Она ярко вспомнила тот свой разведпоход, как только они подошли к первому роднику, и затем всю дорогу рассказывала мальчишкам о действии урбанизации на российскую интеллигенцию. Влада с Лешкой аж трясло от хохота. Ире казалось, что она вспоминает особенности поведения начальствующих представителей инженерно-дизайнерского корпуса мебельной промышленности в условиях дикой природы. На самом же деле она постоянно говорила о Радном.

- Ирина Борисовна, по-моему, у Вас на этого Радного пунктик, притом значительный, – заметил ей Влад.

- Еще какой значительный! – для Иры действительно стало открытием, что всю дорогу она только о Радном, оказывается, и говорит. – Понимаешь, Влад, когда выполняешь индивидуальный эксклюзивный заказ по интерьеру, необходимо очень глубоко представлять себе психологический портрет заказчика. А у меня это самое представление на полном нуле.

- Да что Вы!?! Ирина Борисовна, да ваших наблюдений на целую диссертацию по психологии хватит!

- Ты так думаешь?

- Ирина Борисовна, я в этом уверен.

И Влад в обратку выдал ей исчерпывающую характеристику Радного, почерпнутую им с ее же слов. Ира протянула «да-а-а» и погрузилась в себя, в самые дебри.

- Мам, а где у нас шашлык?

- А?

- Шашлык где?

Ира огляделась по сторонам. Она сидела на берегу Ажечки во внутриутробной позе младенца, только вверх головой. Костер вовсю занимался производством углей.

- Отстань от матери! Вот он! – Влад, усмехнувшись, извлек пакет с мясом из Лешкиного рюкзака.

- Пойду-ка я искупаюсь, – сказала Ира и направилась к тропинке, ведущей вдоль речки.

- Вы к водопаду, Ирина Борисовна?

- Да...

- А можно я с Вами?

- Ой, точно, пусть Влад с тобой ходит, а то ты сегодня какая-то уж больно отрешенная.

- Пойдем...

Проходя по узкой тропке, переходя вброд речку и аккуратно ступая по острым скользким сколам скалы, Ира вспоминала ту свою прогулку, но больше ничего не рассказывала. К водопаду поплыли вместе, а когда вернулись, Влад спросил:

- Тот огромный человек, который стоял чуть поодаль, но вместе со мною и Аристархом Поликарповичем и помахал тебе рукой, это и есть Радный?

Ира вздрогнула, но ответила:

- Да.

На автобусной остановке на Иришкин телефон, словно пчелы из улья, полетели SMS-ски с сообщением «Вам звонили» с одним и тем же совершенно неизвестным номером.

- Алло! Здравствуйте, Вы мне звонили?

- Ирина Борисовна?

- Да...

- Ирина Борисовна, извините, ради бога, за задержку, но Ваш заказ прибыл только сегодня утром.

- Простите?

- Мы весь день Вам звонили, но Ваш телефон был вне зоны действия.

- Да, я знаю, но какой заказ?

- Как какой? Геннадий Васильевич оставил Ваш телефон...

Ира никак не могла понять, в чем дело:

- Извините, я немного замоталась в последние дни, напомните, пожалуйста, по какому поводу господин Логинов снабдил Вас номером моего телефона?

- Ну как же? Геннадий Васильевич для Вас же машину заказал!

- Какую машину?

- Pentium-4...

- О боже! Компьютер, что ли?

- Ну да!

Ира напрочь забыла о спонсорских изысках Генки.

- Фух! – облегченно вздохнула она. – А я понять ничего не могу.

- Так когда доставить-то можно?

- Можно сегодня вечером. Где-то часа через полтора я точно буду дома.

- Вы позвоните нам, как только будете, и Вам тут же его привезут.

- Замечательно!

Ира выключила мобильник.

- Мам, что там?

- Ой, Лешка, я ж тебе совсем забыла рассказать! Помнишь дядь Гену? А нет, наверное не помнишь...

- Это такой длинный, худой и смешной, который к нам приходил, когда мы еще с папой жили?

- Да! Ну надо же! Помнишь! Ты ж совсем маленький был!

- Забудешь его! У меня аж весь рот от смеха болел, когда он приходил. Ну и?

- Мы тут недавно с ним встретились. Представляешь, он в образе клоуна на арене цирка меня выловил.

- Мам, это все здорово, конечно, но ты лучше Расскажи, чё сейчас про комп говорили.

- Так я и рассказываю. Так вот, короче, Генка мне новый комп купил и сегодня его должны привезти.

- Вау!

- Никогда не думал, что зарплата клоуна позволяет делать такие подарки, – Влад вопросительно смотрел на Ирину, и она продолжила прерванное Лешей изложение информации о Генке, но в более подробном варианте.

Рассказ получился очень длинным, хоть Ира и опустила некоторые подробности, так что поездка в автобусе показалась менее нудной, а дома ребятам пришлось напоминать, чтобы она позвонила по поводу компьютера.

Бравые юные сисадмины ворвались в дом буквально минут через пятнадцать после Ириного звонка. Именно ворвались, так как тут же всех и вся поставили на уши, за исключением старенького Ириного компьютерного оснащения – его переместили на пол. И понеслось! Со стремительностью и траекториями НЛЮ по квартире летали коробки и другой упаковочный материал от нового оборудования. Компьютерные гении без умолку тархтели о герцах и гигабайтах, по ходу соединяя проводами и проводочками в единый живой организм системник с монитором, клавиатурой, мышкой, принтером, сканером и бесперебойником. Когда, наконец, комп включили, Ира пришла в ужас: старательные мальчишки запихали ей весь арсенал самых новомодных игрушек. Они стояли радостные, гордые и довольные собой.

- Так, добры молодцы, вот это вот все снести напроочь.

Добры молодцы спали с лица.

- А мне поставить весь пакет Adobe, Corel, AutoCad, ArchiCad и 3D-max.

Добры молодцы поискали глазами поддержки у Алексея с Владом, но те оставались безучастны.

- И еще. Перекачайте, пожалуйста, всю информацию со старого компа.
 - Мамуль, это мы и сами с Владом сделаем, – Лешка отнесся с искренним сочувствием к непобедимым героям виртуальной действительности.

Оказалось, что все требуемые Ирой новые версии программ уже стояли, а игрушки добры компьютерны молодцы вроде как бы в подарок хотели преподнести. Ира смягчилась, но игровой хлам все ж удалить заставила, и только потом пригласила ребят за стол. Постепенно завязалась беседа.

- Извините, а Вы действительно хорошо работаете с графикой?

- Да вроде никто пока не жаловался.

- И с 3-D?

- И с 3-D – тоже.

- А анимацию знаете.

- В принципе знаю, но работать приходится нечасто, так что опыта немного.

- Мы тут свои игрушки делать пытаемся... с графикой туго... а можете Вам что-нибудь заказать?

- ... и если можно, сколько стоит будет?

Иришка прониклась к юным gameг-ам – чай, тоже творчество! Да еще какое!

- Давайте бартер. Вы мой комп на обслуживание берете, а я вам графику для игрушек делаю. Единственное, времени у меня не так много.

Добры молодцы смотрели на нее с мистическим восхищением.

- А мы согласны! Да и не так много нам всего надо – сами тоже кое-что умеем. Так, только самое сложное. А машинка Ваша летать будет!

И они самозабвенно, наперебой стали рассказывать о типах компьютерных игр. В конце концов, Ира завелась настолько, что быстренько навскидку соорудила им в 3D-max-е неземное существо вполне пригодное для анимации. Заказчики пищали от восторга, благоговейно скачивая пришельца на флэшку. И тут же утрясли все вопросы с перекачкой информации со старого компа на новый. Иришка дала им свой телефон и записала их контактные данные.

- - -

В пятницу Влад мужественно побрел к Алиночке, а Ира с Лешкой не менее мужественно – в нотариальную контору. Однако мужество им не понадобилось. Весь документальный процесс занял не более пяти минут, плюс обязательство Иришки снабдить маму Амика визитками, табличками и прочим материалом наглядной информации, рекламы и агитации на всю оставшуюся жизнь, правда, взамен на решение не только текущих проблем, но и дальнейшее нотариальное обслуживание.

Пользуясь нахождением в центре города, купили Лешке авиабилет в Москву на воскресенье.

Глава 14

Мебель племени Чумба-Юмба

Проснувшись в понедельник, Ира не без труда изгнала из себя щемящее чувство тоски по Лешке и вернулась к недавно заведенной традиции начинать день с просмотра запечатленных Генкой предметов примитивного быта культур, стоящих на архаичных этапах развития с точки зрения представителя техногенной цивилизации начала XXI века.

А собственно, в чем состоит принципиальная разница между приспособлениями для сидения, лежания, для складывания чего-либо и для работы за чем-либо, изготовленными путем массового производства на современных предприятиях и даже частично методом *hand made*, но тоже представителями, считающим себя прогрессивным, сообщества, и всего того же набора смастеренного дикарем (с точки зрения вышеупомянутых представителей)? Способ производства? Это не существенно (по крайней мере, сейчас для Ирины в свете постановки ею для себя данного вопроса). Материалы? Ира покрутила в руках привезенные Генкой образцы. В этом явный перевес на стороне дикарей. Эргономичность? Комфорт? Удобство? Ира вспомнила пенек в комнате Гиалы – тоже вопрос спорный. Эстетические качества? Ну это вообще не тема для обсуждения! Точнее тема, конечно, только вот ломать на ней копыя – пустая трата времени. Тем более что Генка как раз таки и снабдил ее этим наглядным материалом, чтоб она сотворила нечто эстетически подобное. Хотя... «Ни в коем случае не стилизация», – сказал Генка. Свободное отражение полученных впечатлений? Ира еще раз более чем внимательно пересмотрела фотографии, потом закрыла глаза, откинулась на спинку дивана, и попыталась мысленно вписать первобытный скарб в рамки своей квартиры.

А в этом есть здравое зерно! Она включила свой новенький компьютер. Вау! А Генка был прав – ощущения, словно с трактора «Беларусь» времен ликвидации послевоенной разрухи пересела на новенький спортивный Ferrari. Клавиатура с мышкой растворились в небытие, а картинка на мониторе менялась, почти не уступая скорости полета Ириного воображения. Экспериментируя с пространством, Иришка периодически сверялась с лежащими под рукой распечатками. И вдруг... Как же она раньше не обращала на это внимания!? На каждом снимке обязательно присутствовала черточка, указывающая направление с юга на север.

Ира оставила в покое компьютер и вновь устроилась с фотоснимками на диване.

Об определенном расположении относительно сторон света памятников древней архитектуры ей еще в училище на истории искусств все уши прожужжали. Законы традиции Фэн Шуй она самостийно изучила с превеликим удовольствием. Зачем Генка понаставил сих указателей? Ведь не расставлять предметы мебели в пространстве ей предстояло, а проектировать их. Если понаставил – значит, не просто так. Ира принялась искать закономерность. В результате – закончились сигареты. Пришлось спустаться в ларек.

У прилавка стояла Наташка, груженная на зависть любому вьючному животному.

- О привет! Где б еще свиделись! – шутливо приветствовала ее Ира. – Ты чего это такая перегруженная?

- Да Вадька опять в командировке, а вечером Надюха с Сережкой и детьми в гости завалить должны. Хорошо про хлеб вспомнила, а то б спускаться пришлось.

Ира купила две пачки сигарет, конфисковала у Наташки несколько пакетов, и они вместе направились домой.

- Представляешь, я ни сном, ни духом, в кои-то веки выходной дали – отсыпаясь, а тут звонок: «Привет! Мы в Сочах!».

- Так теперь у тебя, можно сказать, временное прибавление в семействе?

- Ой! Что ты Надюху с Сергеем не знаешь? Они, как всегда, в Лазурке тусуются – только повидаться заглядывают.

- Наташ, ну откуда б я знала твоих Надюху с Сергеем?

- Ой, Ир, а то не знаешь! Они ж почти каждый год приезжают! Вот это гости, я понимаю! Не то что Люськины родственнички – все лето не квартира, а гибрид вокзала с цыганским табором.

- Так это родственники твои?

- Нет. Просто моя мать с Надюхиной – подруги почти с детства, а мы – с Надюхой. Неужели ты ее не помнишь? Хотя – да. Может, ты их и впрямь ни разу не видела. Вот Люська – та точно знает. Не, Ирка, ты неправильная! Дверь в дверь живем, а только у ларька и встречаемся – сидишь как сыч одна! А забегай сегодня вечером ко мне – я тебя с Надюхой и Сергеем познакомлю. Они все ма-асковские такие! Надюха в педучилище русский и литературу преподает, а Серега – тот вообще ученый, в НИИ работает. Приходи!

- Ну что ж я вам мешать-то буду!

- Да ладно тебе! Они классные ребята, веселые! Приходи!

- Ладо, уговорила.

- Как Лешка-то твой?

- Да ничего, нормально.

- Голос вроде слышать слышала, а видеть не видела.

- Он по делам умотал. Недельки через две снова появится.

- Да... Уже считай что взрослый.

- Да. Время летит...

- Ой, и не говори! Вот Дашка моя – кажется, вот только вчера с роддома выписали, а в этом году уже в школу.

- Да... Слушай, Натусь, не обижайся, поползла я трудиться на благо Отечества.

- Ползи, ползи, что ж с тобой, пчелкой, сделаешь! А вечером – забегай, ладно?

- Ладно, забегу.

Вернувшись домой, Ира вновь принялась вникать в тайны первобытных мебельных изысков. Тщетность усилий просто убивала. В конце концов, Ира плюнула на гиблую затею и занялась рутинной

нотариального заказа – когда-то ж надо его сделать, обещала ведь. Работа была несложная, но объемная и ужасно тяготная. Спасибо Генке, хоть стремительность соображалки нового компа значительно ускорила процесс. И тем не менее, Ира провозилась до самого вечера. Жаль, конечно, убитого времени, но зато мозги прочистились. Щелкнув последний раз «Save», Ира закрыла Corel, и тут же с грохотом шарханувшейся об стену входной двери к ней влетела Наташа:

- Ага! А кто ко мне в гости обещал зайти?

- Ой, Наташенька, а я и забыла.

- Вот-вот, а потом: того не знаю, этого не ведаю! Бросай все – идем!

Положа руку на сердце, Ира никак не могла взять в толк: и чего это Наташка так настойчиво тянет ее к себе? Никогда раньше та не горела желанием знакомить Иру со своими друзьями. Вообще-то, этого не знала и сама Наташа, но она не задумывалась над собственным странным порывом.

Надя оказалась самой обыкновенной полноватой женщиной средних лет – по возрасту одетая, по возрасту причесанная, по возрасту подкрашенная. Сергей своим сложением чем-то напоминал Генку – такой же худой, только не жилистый, костью пошире, ростом пониже и в очках. Тоже очень смешной, но совершенно в другой тональности. Дети играли с Дашунькой в ее комнате и пока оставались для Иры за кадром. Но и родителей вполне хватало, чтобы понять, что это самая обычная московская семья представителей интеллигенции.

Болтали о всяком ни о чем – «а чё в Москве?», «а чё в Сочах?», анекдоты всякие...

- Ой, Надюх, ты Стасу-то дозвонишься?

- Нет, Сереж, забыла.

- Так звони – он, небось, с ума сходит уже!

- Сейчас, милый.

Надя принялась по памяти набирать номер.

- Стас, привет, это Надя. Все нормально, долетели хорошо. Да у нас что-то с роумингом не получается – вот здесь новый номер взяли. Да-да, если что, на него и звони. Да, все нормально. Дети в порядке. В море уже искупались, сейчас вот в гостях – они с хозяйской дочкой нянчатся. Позвать? Ладно, тогда уж завтра звони – поговоришь. Ну все, пока, – Надя положила мобильник на стол. – Фух! Отчиталась.

И дружеское общение вернулось в прежнее русло. Конечно, Радный не единственный человек в Море, носящий имя «Стас», но его голос, хоть слов было и не разобрать, Ира узнала. Сердце билось в глотке, не давая свободно дышать. Генка рассказывал ей намерении о необычном семейном положении Радного, но Ира напрочь забыла упомянутые имена. Неужели это они и есть? Никогда она так не радовалась физиологической необходимости периодически пользоваться туалетом, благодаря которой у нее появился веский и вполне естественный повод отлучиться на несколько минут. Она замкнула за собой дверь,

прислонилась щекой к холодному кафелю. Ее трясло. А время не стояло на месте. К счастью, после посещения туалета принято мыть руки – еще хоть минута. Классно, что вода ледяная. За стол Ира вернулась почти в полном порядке, единственное, заняв свое место, она поняла, что теперь посещения только что посещенного заведения требует ее физиология по-настоящему.

Повод сходить домой нашелся – Ира очень кстати вспомнила про Генкин эксклюзивный кофе и ко всеобщему удовольствию пообещала принести и всех угостить.

А вот теперь времени у нее чуть больше. Пока Ира решала физиологические проблемы и доставала заветную баночку, ее охватила паника. Учитывая информацию, полученную от Генки, возможность просто спросить, Ира даже не рассматривала и судорожно пыталась придумать, как ненавязчиво вытащить из Надежды и Сергея сведения о Радном. Тщетность мозговых потуг доводила до бешенства. Готовая разрыдаться, Ира вспомнила рыдающую Люсю и... «Собственно... а почему нет?». Ира вспомнила, что делала, точнее не делала тогда и в отрешенности легкого облака отправилась в соседнюю квартиру.

Генкин кофе перевел беседу в русло кулинарии в целом, а затем скорректировал ее направление на морепродуктах в частности. Где кофе, а где морепродукты – вопрос, конечно, интересный, но им Ира задаваться не стала. Она быстренько воспользовалась ситуацией и на самом гребне морепродуктовой волны выплыла к предложению москвичам попробовать эти самые морепродукты в их первозданном виде непосредственно из моря на его диком берегу где-нибудь подальше от цивилизации. Сергей с Надей пришли в восторг. Немного расстроилась Натали, которой в ближайшем обозримом будущем составить им компанию не представлялось возможным. В общем, первобытной добычей пищи порешили заняться завтра же.

Море уже достаточно прогрелось для длительного пребывания в воде, необходимого для морепродуктового промысла, но пока еще не достигло противной, с точки зрения Ирины, температуры парного молока. Облюбовали то же самое место, где пару месяцев назад Ира отдыхала в компании своих соседей. Расположились, искупались, общими усилиями натаскали дров для костра, а затем Иришка быстренько провела инструктаж с практическими занятиями по курсу «добыча даров моря, минуя торговую сеть». Серега и дети завелись моментально всерьез и надолго, а Ира с Надей, подтолкнув и немного поддержав процесс морской охоты, пустили его на самотек и улеглись на быстро накаляющиеся в утренних лучах камни.

Когда и как их непринужденный дамский «ни о чем» плавно перетек на персону Радного, Ира не заметила. Надя никогда не ощущала особой потребности кому-либо излить душу и никогда этого не делала, но вот сегодня ее прорвало.

Родилась она в Сибири, в семье репрессированных при Сталине. Вообще, как еще в детстве уяснила себе Надя по рассказам своей прабабушки, сибирская ссылка стала их семейной традицией, чуть ли не со времен Ермака. Всего послужного семейного списка Надя не знала, – он больше напоминал легенды – но вот то, что прадедушек несколько раз ссылали еще в царские времена, а дедушек и бабушек один раз, но сразу надолго, в советские, ей было известно точно. В школе она училась хорошо и с удовольствием, и, получив золотую медаль по окончании, собралась попытать счастья в Москве. Отговаривали всей большой дружной семьей, мол, детям репрессированных широкий светлый путь заказан. Надя не послушала и уехала. Ее семью уже давным-давно никто не трогал, но менталитет политических ссыльных плотно укоренился в семейном сознании. И в Надином – тоже. Поездка в Москву, скорее, была вызвана потребностью юношеского максимализма подтвердить статус. Но неожиданно для всех, и для себя в том числе, Надя поступила, притом совершенно спокойно и без проблем. Однако она-то точно знала, почему так получилось! На самом деле, Надя просто на отлично сдала экзамены и ее просто зачислили, но это на самом деле. А в ее сознании, в ее понимании...

Толпа страждущих стать абитуриентами казалась безбрежной. Никакие призывы подходить в поле деятельности приемной комиссии в порядке очереди и вести себя соответственно избранному высшему учебному заведению, успеха не имели. Надя уже третий день приходила с тщетной надеждой протиснуться сквозь плотную толпу и подать документы. Вдруг зычный низкий дамский голос строго выкрикнул: «Радный Станислав! Подойдите к четвертому столу!» Толпа зашевелилась в несколько другой тональности. Неожиданно, Надя даже вздрогнула, ее рука оказалась зажатой в мощные жесткие тиски и непреклонная сила, легко раздвигая плотную толпу, протащила ее прямо к столу приемной комиссии под номером четыре и вытолкнула вперед.

- У девушки сначала документы примите, – сказал твердый властный голос где-то, как показалось Наде, аж под потолком.

Тощенькая пожилая дама, похожая то ли на старуху Шапокляк, то ли на ее крысу, поверх очков изучила Надю, затем через очки ее документы, и, повторив сию процедуру несколько раз, выдала бланк заявления.

Где-то к концу сентября, Надя, переснакомившись с однокурсниками, осторожно поинтересовалась, кто такой Радный Станислав.

- Сынок какой-то партийной шишки.

Теперь Надя точно знала, кому обязана своим поступлением. А потом «сынок какой-то партийной шишки» в лоб без прикрас и сантиментов предложил ей стать матерью его будущих детей. Собственно, в данном случае, предложение являлось вежливой формой приказа. Так что, учитывая собственное убеждение, что она у него в неоплатном долгу, Наде ничего не оставалось делать, как согласиться. Голова шла кругом – воспитание она получила более чем строгое и предстоящее обзаведение незаконнорожденным ребенком от представителя «вра-

жеской коалиции», естественно, бурных восторгов не вызывало. Надя до мозга костей ощущала себя продавшейся и знала, что именно так расценит ее проступок семья, и совершенно справедливо! Милостиво пожалованные ей две недели на раздумье она не раздумывала принимать или не принимать «предложение» – выход Надя видела только один, если не считать самоубийства (этот вариант ей пришел на ум, но она его отбросила как акт слабости и неблагодарности). Все четырнадцать дней она мужественно пыталась свыкнуться со своей участью.

За всю свою жизнь со Стасом в постели она побывала всего два раза. Как он умудрился «попасть точно в цель» Надя понятия не имела и поражалась этому, потому как он даже ее циклом не интересовался. Да и, строго говоря, именно в постели она с ним никогда не была. В общем, от интимного общения с «сыном какой-то партийной шишки» впечатления остались далеко не радужные. Но как только Надя приняла щекотливое предложение официально, Стас переселил ее из общаги в пусть маленькую, но отдельную квартиру. Когда родился Володя, к нему тут же приставили няню, так что академ брать не пришлось, а перед рождением Светланы, Радный, с помощью отца, выбил ей двушку и выдал замуж за Сергея. Домой, в свою сибирскую Тмутаракань, Надя рискнула появиться только уже будучи замужней матерью двоих детей.

Отцу Нади – истинному таежному сибиряку – Серега не понравился: хилый интеллигентишка. А вот Стас! Дело в том, что последний даже не пытался скрывать странностей Надиной семейной жизни, и даже совсем напротив. После очередного литра самогона со скрипом, но линия Радного вошла в плоть и кровь Надиных ближайших родственников. И все же понимание, почему при таком раскладе Стас сам не стал мужем и полноценным отцом семейства, в голове Надиного отца ну никак не укладывалось. Тогда Стас предложил ему сходить в тайгу. Дело было зимой. Стас взял с собой только нож. Отсутствовали они неделю. А потом... Потом отец обнял дочь и сказал:

- Молодец, Надюха, хороших кровей дети твои.

Что происходило в течение недели в тайге ни Надин отец, ни тем более Стас никогда не рассказывали, но вопросы, по поводу взглядов последнего на семью, больше никогда не поднимались, а на самого Радного мужская, а вслед за ней и женская части Надиного семейного клана стали смотреть с тенью мистического ужаса. В общем, устаканилось все гораздо быстрее, чем Надя ожидала.

Безгранично человеческое любопытство, но вот, что странно: о нескрываемых, в общем-то, особенностях семейного уклада Нади, знали только те, кто, по мнению Стаса, должен знать, а далее пикантная информация как-то сама собой не растекалась.

С Серегой жили они дружно и счастливо. Дети радовали. А Стас... Надя не сказала бы, что испытывает удовольствие от общения с ним, но статус его неотъемлемости обсуждению неподвержен и даже непрекаем. Она его ощущает вроде как своим отцом, что ли, а родителей не выбирают. Это даже не смирение – это основа бытия, и по-другому

быть просто не может. И еще. Радный-старший как-то предпринял попытку познакомиться с Надей. Стас не позволил. Надя заочно знала высокопоставленного деда своих детей, и от этого трепет перед Стасом усиливался многократно. Дети, в отличие от Нади, знали дедушку Андрея лично и вспоминали только по-хорошему, хоть и помнили, конечно, плохо – еще маленькие были, когда его не стало.

У Иры голова шла кругом от обрушившейся на нее лавины характеристик ее главного на сегодняшний день клиента и партнера. Собственно, каких-то принципиально новых черт к психологическому портрету Радного в Ирином сознании не добавилось, но все же он стал четче и яснее, что Иру по большому счету ничуть не радовало. С одной стороны – да и бог с ним! Это если б его роль в ее жизни ограничилась работой, но...

Ира летела над толпой. Радный наблюдал за ней, стоя поодаль. Он пронзил ее тяжелым, колючим, сверлящим взглядом и помахал рукой. Жест получился какой-то неоднозначный...

- А ну, девчонки! Подъем! А то не хуже мидий зажарились!

- Тётъ Ира! Мам! У нас все готово!

15-летний Володя и 13-летняя Света очень походили на Радного, но только чертами внешности.

- - -

Вернувшись домой, Ира долго перебирала распечатанные эскизы. Потом вызвала такси и поехала на 73 километр. Дом пел си-минорную мессу Баха. Ира задумчиво переходила из комнаты в комнату. Впрочем, она ни о чем не думала – она представляла каким станет дом если... если в соответствии с ее эскизами. Она «пробовала» его на Радного. Дом продолжал исполнение мессы и, не вмешиваясь, внимательно наблюдал за Ириной.

Образ Радного неумолимо раздвоился. Его действительно стало два. Один – тот, который сложился благодаря личным умозрительным наблюдениям и информации, полученной от окружающих. Другой – Ира его не знала и не чувствовала. До сего момента. Точнее, чувствовала, но не догадывалась об этом... или не чувствовала, но догадывалась, не догадываясь...

Дом продолжал петь избранное им на сегодня произведение. Ира впала в оцепенение без мыслей и чувств. Стемнело. Ира очнулась от нависшей гробовой тишины. По темному залу летали светлячки.

- - -

- Добрый день, Стас.

- Рад Вас слышать, Ирина.

- Вы абсолютно уверены, что не нуждаетесь в просмотре эскизов?

- Абсолютно.

- В таком случае высылаю Вам смету.

- Если я правильно понял, то, как только начинается финансирование, Вы приступаете к реализации Вашего проекта относительно моего сочинского домика?

- Именно так.

- Что ж, я рад. Общую сумму назовите, пожалуйста, а смета мне ни к чему.

- Станислав Андреевич...

- Стас.

- Хорошо. Стас, я начинаю Вас бояться.

- Только начинаете?

- Извините, пожалуйста, ну чуть преувеличила.

Радный слегка усмехнулся:

- Так какая у нас там сумма получилась? – Ира назвала. – Я так понимаю, мебель Вы пока не включали.

- Ее еще сделать надо.

- М-м... не понял...

- Знаете, если в доме мебельного магната будет стоять пусть даже самая качественная и дорогая, но мебель, как говорится, из магазина напротив... не знаю кому как, а я бы не понял.

- Логично.

- Я параллельно работаю над идеей, предложенной Геннадием Васильевичем – думаю, впишется очень даже удачно.

- Это хорошо. Так, Ир, денежку я в течение сегодняшнего дня перечислю, но не подумайте, что на этом бросаю Вас на произвол судьбы – сейчас SMS-кой скину Вам номер одного из моих сочинских менеджеров. Можете напрягать его на всю катушку – он в полном Вашем распоряжении. Договорились?

- Да, конечно.

- Тогда удачи!

Ире понадобилась целая неделя, чтобы все точно рассчитать и составить смету. Хорошо еще Влад помог, а то бы и дольше проковырялась. Правда, в эту идею Ира сама не верила, потому что большая часть времени оказалась посвященной общению с помощником.

Мобильник возвестил о прибытии SMS-ски. Ее будущего подчиненного звали Александром. Ира набрала номер. Договорились встретиться в офисе, в Парк Отеле.

Александр действительно оказался Александром. Не Сашей каким-нибудь. Эдакий мальчик-мажор, скучающе-благоговеющий в лучах своей должности менеджера в представительстве уважаемой компании. Он явно был не в восторге, что ему, вместо того чтобы блистать в кулуарах бизнес-элиты города предстоит стать чем-то сродни мальчику на побегушках. Он даже не пытался скрыть своего недовольства. Предметный разговор не клеился. Офис-менеджер Леночка сочувственно смотрела на Ирину, а когда мальчик-мажор, манерно извинившись, вышел ответить на звонок своего мобильного, она как бы невзначай назвала Ире не только его имя, но и отчество с фамилией, и сразу стали понятны причины поведения сего отрока. Ира многозначительно глянула на Лену и еще более многозначительно сказала «спасибо». Лена понимающе улыбнулась. Александр вернулся, Ира виртуозно свела разговор на нет и попрощалась.

Дома, собравшись с духом, Ира набрала номер Радного.

- Здравствуйте еще раз, прошу прощения за беспокойство...

- Что-то случилось?

- Да не так, чтоб случилось... Я просто встретила с АЛЕКСАНДРОМ, – Ира так произнесла это имя, что продолжение фразы не раскрыло для Радного ничего нового, – по-моему, он менеджер слишком ВЫСОКОГО уровня, для того чтобы быть в полном моем распоряжении.

- Ага... понял...

Судя по реакции, Стас сам ни разу Александра в глаза не видел и именно сейчас составлял о нем свое мнение.

- Вы не будете против, если в полное свое распоряжение я возьму своего мальчика?

- Сына?

- Нет. Его друга. По крайней мере, он уже в курсе сметы – помогал мне с расчетами.

- А какое у него образование?

Формальный вопрос прозвучал формально, но Ира почувствовала, что Радный явно заинтересовался Владом.

- Окончил первый курс Бауманки, но мальчик он уже достаточно взрослый – армию отслужил. Сейчас семьей обзаводится, так что перешел на заочную форму обучения.

- Хорошо. Я позвоню Лене, а он пусть завтра подойдет к ней в офис с документами. С Вами поработает, а там посмотрим.

- Спасибо. С Александром сильно напрягла?

- Не беда, придумаем детке какое-нибудь применение.

Ира ликовала. Попрощавшись с тишиной в мобильнике, она набрала номер Влада.

- Так! Кто у нас там собирался служить мне верой и правдой?

- Я!

- Ваши мечты, молодой человек, осуществились!

- Да?!

- Ага... Завтра с документами дуешь в офис Радного и поступаешь в полное мое распоряжение. Пока, по поводу облагораживания его дома.

- Здорово.

- Вот и я говорю – здорово.

- А сейчас можно к тебе?

- Можно.

Через пятнадцать минут Влад уже сидел у нее на кухне. Ира рассказывала ему о сегодняшних событиях во всех подробностях и со своими достаточно язвительными комментариями.

- ...так что, Влад, особо радует то, что, по-моему, Радный твоей персоной заинтересовался. Думаю, штат его сочинского представительства находится в стадии формирования и если ты, работая со мной, хорошо себя зарекомендуешь, а это, уверена, так и будет, неплохая должность с соответственной зарплатой тебе обеспечена.

- Спасибо, Ир, а к работе, когда приступить?

- По большому счету ты уже к ней приступил. Завтра решишь вопросы официального трудоустройства, а послезавтра положим начало приведению дачи Радного в жилое состояние.

- Слушай, прям камень с души сняла! А то мой будущий тесть уже клещами вцепился. Знаешь, перспектива лицезреть его, начиная со времени уже не столь отдаленного каждый день утром и вечером уже не радует, а если еще и работать вместе – вообще смерть!

- Влад, а с чего ты решил лицезреть его ежедневно утром и вечером?

- Ну как? Вот женюсь на Алиночке – с моей мамой жить не вариант, сама знаешь.

- Влад, я думаю, проблему твоей семейной обособленности уж решим как-нибудь.

- Ир, ты вообще представляешь, сколько стоит сейчас снять квартиру?

- Влад, сейчас лето – естественно, цены аховые. Женишься ведь ты в середине августа, а с сентября уже все не так страшно будет.

- Ира, а можно нескромный вопрос?

- Можно.

- У тебя что-то было с моим будущим тестем? А то он тобой как-то не совсем понятно интересуется постоянно.

- Влад, признайся честно, ты помнишь всех девушек, с которыми у тебя что-то было?

- Наверное – да, – ответил он, чуть заметно покраснев.

- Вот видишь, все-таки «наверное», а не просто «да». Притом учти, что тебе немногим больше двадцати. То есть, если б я помнила всех, кто когда-то послужил мне постельной принадлежностью, боюсь, что ни на что другое памяти бы моей не хватило. Ладно. Алиночка-то наша как?

- Замечательно. Скрупулезное исполнение всех ритуалов любовной магии работает как часы. Знаешь, дарить цветы и прочую дребедень, устраивать целомудренные свидания, наполненные романтизмом, совсем несложно, в особенности, если твоя собственная реакция на объект равна нулю.

- Ну, насчет целомудрия это, по-моему, ты зря.

- Ой, не зря! Во-первых, в постель обожаемой невестушки, честно говоря, не тянет абсолютно, да и, к тому же, благодаря этому оттягивается момент моего поселения в «благородном» семействе моих будущих родственников.

- Логично.

Ира ни с того ни с сего резко поменялась в лице – будто загорелась неведомым пламенем.

- Ир, что случилось?

- Ничего... все нормально...

Казалось, что слова ей даются с величайшим трудом.

- Мне свалить?

- Ага... – еле слышно произнесла она.

Влад сию минуту испарился, а она, оставшись в одиночестве, метнулась в комнату и рухнула на диван с кипой распечаток Генкиных фотоснимков.

Ну как?! Ну как сразу нельзя было этого понять?! Ира быстро расфотировала громадную пачку снимков на группы. Все сходилось и становилось на свои места, выстраиваясь в удивительно гармоничную законченную систему. И Генка тоже хорош! Не мог сразу все сам объяснить?!

Итак, каждый предмет быта – это законченный Мир с собственной ориентацией по сторонам света. Эта собственная его ориентация сохраняется вне зависимости от положения в Земном пространстве, так же как и Земные стороны света не меняют направления в зависимости от положения планеты в Солнечной системе и во Вселенной в целом. Соответственно, положение предмета, имеющего собственные стороны света, в пространстве относительно его сторон света при их совпадении или определенном варианте несовпадения определенным образом гармонируют часть пространства в месте пересечения координат. Эти самые стороны света отдельно взятого предмета закладываются не только умозрительно, а подкрепляются определенными материалами, их выделкой и декорированием, таким образом, намертво закрепляя за определенной деталью определенное направление. Таким образом, любая утилитарная вещь становится магическим инструментом управления потоками жизни.

Ира набрала Генкин телефон.

- Ирчик! Привет! Как я рад тебя слышать!

- Рад?! Ты разве не чувствуешь, что я собираюсь на тебя наехать?

- На меня наехать?! За что?!

- Еще скажи, что даже не догадываешься.

- Скажу: не догадываюсь.

- Генка, ну неужели сразу объяснить нельзя было?! Я бы тут так долго не мучилась!

- Ирчик, честное слово не понимаю – о чем это ты?!

- О сторонах света.

- В смысле...

- В смысле о том, что ты указал стороны света на фотографиях с мебелью племен типа Чумба-Юмба.

- Тьфу-ты! Да это у меня просто функция такая в фотокамере есть, специальная для всякого рода путешественников. Знаешь, иногда очень даже удобно.

Ира усиленно пыталась поставить на место свою отвисшую челюсть. Генка говорил абсолютно искренне – он действительно даже отдаленно не предполагал сделанного Ирой открытия.

- Да... Действительно удобно...

Генке в Ирином тоне послышался сарказм.

- Извини, я как-то не подумал, что это может вызвать у тебя вопросы. Не обращай просто внимания и все. Поверь, никаких подвохов.

- Ладно, инцидент исчерпан.

Ирин голос звучал вполне дружелюбно и Генка успокоился.

- Фух! Сама-то как?

- Нормально. С послезавтрашнего дня начинаю воплощать в жизнь интерьерно-экстерьерные идеи по даче Радного и вплотную заниматься твоими эскизами. Доволен?

- Очень! Как только первые почеркушечки сделаешь – кинь мне.

- Обязательно, Геночка, – Ирин голос звучал почти ласково.

- Ира! Я ведь тайно влюблен в тебя!

- Ах!

Итак, Генка не имел ни малейшего понятия о сторонах света отдельных взятых бытовых (и, наверное, не только) предметов. Может, она сама себе небылицу насочиняла? Ира еще раз внимательно пересмотрела фотоснимки. Невзначай пойманная ею идея имела вид законченного правила. А может все-таки... Да плевать на все! Какая разница, так или не так это на самом деле, если теперь она точно знает, что делать!

Ира натянула купальник, влезла в парадно-выходные шортики, майку и сандалии и отправилась пешком к морю.

Народонаселение города выросло в астрономических масштабах. Едва прикрыв лоскутиками истосковавшиеся в запакованном состоянии за год тела, отдыхающие стайками сновали по городу, вселяя в последний настрой тотальной праздности. Основной поток почти обнаженной человеческой натуры уже двигался в сторону от моря, так что Ире пришлось «плыть против течения». Зато пляж оказался относительно свободным. Конечно, он не показался бы Ире таковым, если б не вышеупомянутый поток. Что здесь (на пляже) творилось днем! Страшно даже представить. Не без труда отыскав местечко поближе к воде, Ира быстренько разделась и с разбега отдалась морю. Прошла всего неделя после вылазки с Надиной семьей, а вода уже почти кипела. «Все. Морю конец, теперь, наверное, эдак до середины сентября. Теперь только на речку...».

Чуть понежившись в лучах предзакатного солнца, Ира вновь занырнула, а потом еще и еще. Небесное светило коснулось воды, но на прохладу и намека не наблюдалось. Тем не менее, выйдя на берег после очередного заплыва, Ира одним движением подхватила свои пожитки, собираясь направиться в раздевалку.

- Госпожа Палладина! Может, все-таки, соизволите обратить внимание на мою скромную персону!

Властный и одновременно веселый голос принадлежал Женечке, который, как теперь поняла Ирина, во все время ее пребывания на пляже приходился ей самым близлежащим соседом.

- Женечка... – промямлила она, усиленно свыкаясь с только что озоанной новостью.

- Ну, Ирина Борисовна, Вы исполняете! Надежда умирает последней! Воистину!

- Какая надежда? – мыслительная деятельность относительно общепринятой реальности давалась ей с трудом.

- Надежда быть замеченным... – вселенская скорбь с шутливым оттенком окутала голос и выражение лица Женечки. Он легко поднялся, одновременно подхватив свою одежду вместе с нехитрой пляжной экипировкой и, добродушно усмехнувшись, сказал. – Идем.

Всю дорогу до раздевалки, а потом и до своего дома он безжалостно издевался над Иришкиной крайней степенью рассеянности. Ира весело смеялась его едким шуточкам, и не подумав окончательно оторваться от своих северо-юго-западно-восточных прикидок. А с момента ее выхода из дома, и даже раньше – с момента обоснования в мозгу сей идеи, подобному осмыслению подвергались все движимые и недвижимые объекты по пути следования.

- И-ра!!! Ау!!! – Женечка торжественно водрузил на стоящий перед ней столик гигантскую пиалу с вишней. – Ира, только меня не мучай! Я, честное слово, не имею ни малейшего понятия, где север у моего дивана! – Ира смотрела на него круглыми глазами. – И по поводу телепатии не терзай! Ты вот тут сидишь и сама с собой болтаешь!

Женечка говорил истинную правду. Хотя, не обрати он на это Ирино внимание, она, скорее всего, сама и не заметила бы, но теперь признавала, что действительно слышала собственный, рассуждающий о северо-юго-западо-востоке, голос.

- Ирочка! – сказал очень ласково Женечка и нежно провел рукой по ее волосам и лицу. – Расскажи: куда тебя занесло? А самое главное: как?

- Жень, что ты знаешь о сторонах света?

- Достаточно много, но тебе ничего не скажу, по крайней мере, сейчас.

- Почему?

- Я вижу, ты нечто в этой сфере сама обнаружила и не хочу портить твои находки собственным мнением.

- Жень?! Но ведь оно может быть мне полезно!

- Может быть, и полезно, а может быть, и нет. Видишь ли, в абсолютное истинно все, но когда речь идет о частном случае, то правильным будет лишь то, что вписывается в данное конкретное правило данного частного случая. Так что, если я сейчас изложу тебе свои познания относительно обсуждаемой темы, они могут идти вразрез с твоим частным случаем, и ты можешь решить, что неправа, а это, по моему глубокому убеждению, скорее всего, не так. Рассказывай! По порядку: сначала «как», а потом «что».

- Генкины фотки... Ну... Генкины фотоснимки мебели примитивных племен... Я их честно просматривала в течение достаточно длительного времени, но ничего, никакой основы, зацепки не находила... Потом даже показала их поощему дому – стерильность полная... Потом попыталась вписать в собственный интерьер и тут наткнулась на стрелочки указывающие направления по сторонам света. Знаешь, я несколько бы не удивилась, если б предстояло оформление интерьера, но отдельные предметы? В общем, меня это смутило, и я вновь отложила их. И тут, во время совершенно мирной беседы с Владом на совершенно не связанную тему, меня как молния поразила, притом действительно ни с того, ни с сего. Влад – умничка! Почувствовал и сразу свалил. А я взяла фотки, и действительно – все сходится! Звоню Генке, рассказать ему, какая он сволочь, а он, представляешь, ни сном, ни духом! Я снова в картинки. Представляешь, это – даже не правило, это – закон, притом четкий,

ясный и красивый! Представляешь: материалы, их обработка, декорирование, наконец – все подчинено указанию, обозначению, закреплению собственных сторон света предмета! К тому же, если учесть, что фотографии сделаны в различных, никак не связанных географически и культурно местах, то это действительно некий объективный закон!

Ира говорила очень эмоционально и сумбурно. Женечка загадочно и многозначительно улыбался.

- Да... всё так... Только каждый предмет имеет не четыре, а семь основных направлений, просто три из них настолько очевидны, что ты их не заметила и не приняла в расчет.

Ира смотрела на Женечку удивленно. Он усмехнулся и продолжил:

- Семь направлений – это север, юг, запад, восток, вверх, вниз и внутрь. Верх и низ у большинства объектов настолько очевидны, что до сих пор даже в современной цивилизации сохранились связанные с ними поверия и обряды.

Женечка сделал паузу и многозначительно посмотрел на Иру, явно намекая на свой труд, предоставленный ей для работы над иллюстрациями.

- Направление внутрь – самое загадочное, мистичное и материалистичное одновременно. Это, безусловно, то, что находится внутри объекта, допустим заполняющий его материал. К тому же, ты, как художник и дизайнер, естественно, знаешь о точке золотого сечения, центре тяжести и еще целом ряде определяющих физические и эстетические качества объекта внутренних точках – они тоже все лежат в сфере направления внутрь. Плюс, в этом же направлении находится некая запредельная, мистическая суть объекта, его Великая Тайна. К тому же, это единственное направление, которое в пространственных границах любого предмета бесконечно – все остальные имеют предел.

Глава 15 Великая Тайна

Домой Ира попала около часу ночи и тут же завалилась спать. Утром позвонил Влад. Ира подробно рассказала ему куда идти и кого спросить – мальчик он большой, так что сам справится. И тут осознала свою главную оплошность: Влад – это, конечно, здорово, но вот со строителями-то она не договорилась! Радный, впрочем, обещал дать своих, если понадобится, но Ире как-то, мягко говоря, не особо хотелось этого. Она углубилась в недра «Контактов» мобильного.

- Валерий Валентинович? Здравствуйте! Это Ира Палладина, дизайнер.

- Ирочка! Сколько лет, сколько зим!

- Валерий Валентинович, я знаю, что я жуткая растяпа, так что не ругайте сильно.

- Ирочка! Что там у тебя стряслось?

- Ой, стряслось! Большой-пребольшой объект и к работе приступить надо бы уже завтра. Я знаю, что о таких вещах договариваются заранее, но у меня, растяпы эскизами озабоченной, все из головы напрочь вылетело.

Ира выпалила это на одном дыхании, внутренне будучи готовая к тому, что сейчас Валентиныч вежливо извинится, расскажет, как у него клиенты на год вперед расписаны и пошлет ее куда подальше. И будет абсолютно прав – договариваться надо было сразу. Еще в мае.

- Ирочка, не так быстро! Что ты говоришь?

- Валерий Валентинович у меня громадный объект и надо начинать, чем скорее, тем лучше.

- Ирочка, повтори еще раз...

- Валерий Валентинович, я понимаю, что так не делается, но... Каюсь, каюсь, каюсь...

- Что за объект?

- Голая добротная трехэтажная коробка, квадратов эдак на пятьсот, из которой нужно сделать дом. Времени, в принципе, почти год, но работы там не меряно. Финансирование достойное.

Ира едва мямлила под тусклым едва уловимым светом огонька надежды.

- Ира... Ирочка! Иришечка!!! Да ты просто бог!!! Мы тут три месяца, как мелкими шашками перебиваемся! Восемь заказов сорвалось! Да я хоть сейчас тебе ребят пригоню!

- Ребят сейчас не надо, а вот если вместе на объект съездить – это было бы здорово.

- Так поехали!

- Я еще хочу взять с нами паренька, который будет мне и вам помогать, так что жди моего звонка.

- Жду с нетерпением, Ирочка!

Как и предполагалось, сложностей у Влада с официальным трудоустройством не возникло, и к часу дня он уже освободился. Они с Ириной отметили это событие пирожными с чаем в «Аленке», а потом спустились к главпочтамту, где их и подобрал подъехавший на своей выдавшей виды «Ниве» Валентиныч.

Дом озарился счастьем и приветствовал всех финалом девятой симфонии Бетховена. Впрочем, слышала торжественную оду «К радости» только Ирина (по крайней мере, она так считала), Влад воодушевился, правда (как Ира предполагала), не понимая природы приподнятого настроения, а Валентиныч, тот просто с места в карьер накинудся на работу. Он несколько раз обежал все три этажа, не пропуская ни одного помещения, полазил по цоколю и по чердаку и нарезал несколько кругов вокруг «пациента, который скорее жив, чем мертв».

- Ну что ж, грубых ошибок вроде нет, – сделал он заключение. – А теперь, Ирочка, давай эскизы и смету.

Где-то с полчаса Валентиныч угукал над бумажками, сидя в тени инжира, а затем снова забегал вдоль и поперек уже ставшего ему родным «объекта». А дом... Дом устроил дискотеку 80-х. Ире казалось, что он не только поет, но и пританцовывает. Влад носился вместе с Валентинычем, стараясь во все вникать.

Ира не мешала им, сканируя взглядом траву вокруг дома. Ей казалось, что за ней откуда-то наблюдает черная гадюка, но саму змею она так и не увидела, как ни старалась.

- Все, Ирочка, я ознакомился с объектом и твоими замыслами, как мог, а теперь давай рассказывай.

Ира взяла эскизы из рук Влада, и они снова, теперь уже все вместе, вошли в дом. А он нежно-нежно затынул битловский «Michel».

- Ну что, Валентиныч, за год осилим? – подытожила Ира окончательный на сегодня осмотр дома.

- Осилим, Ирочка! Куда ж денемся! – с энтузиазмом воскликнул Валентиныч. – Так, Влад, вопрос на засыпку, а машина у тебя есть?

- Нет.

- А хотя бы права?

- «ВС» – в армии получил.

- Это хорошо. Тогда завтра, пока будем мотаться, надо заодно вписать тебя в страховку и сделать доверенность.

- Валентиныч, прикинь, сколько денег нужно выдать вам для начала? – спросила Ира.

- Сейчас прикинем...

Валентиныч блестяще считал в уме ведомым только ему способом и вскоре озвучил сумму. Часы показывали 16:23. Ира позвонила в банк, где ей ответили, что требуемую сумму она сможет получить наличными лишь завтра с десяти утра.

- Давайте так, я вам дома дам тысяч пять, а потом договоримся, где встретимся днем, и тогда выдам остальные. Нормально?

- Пойдет, – Валентиныч обливался потом от становящейся уже невыносимой жары. – А сейчас предлагаю, давайте в море окунемся.

- Хорошее предложение, Валентиныч! Подождите чуть, пойду, переоблачусь в купальник.

Ира зашла в дом.

- С завтрашнего дня начнешь становиться красивым, – поглаживая грубые неоштукатуренные стены, сказала она ему.

Дом довольно заурчал и залился звуками незнакомого Ире тембра, исполняя «Девушку с волосами цвета льна» Клода Дебюсси.

Пляж оказался абсолютно безлюдным. Застывшая гладь моря переливалась ослепительно белыми бликами. Ира первой потревожила воду, едва шевелившуюся лишь у самого берега. Всплески брызг, заискрились в лучах безжалостного июльского солнца, разрезая сонное марево густой тишины. Кто-то толкнул Иру в плечо.

- Влад! Не балуйся! – притворно строго крикнула она.

Влад как-то неестественно засмеялся. Ира повернула голову – около нее резвился дельфин. Не заметив как, она оказалась достаточно далеко от берега. Ни Влада, ни Валентиныча поблизости не наблюдалось. Нельзя сказать, чтоб Ира так уж слишком испугалась морского обитателя, но вот то, что такая встреча не самое безопасное развлечение, она, естественно, понимала. Но выхода не было – пришлось налаживать контакт с представителем морского разума. Дельфин плавал вокруг нее, осторожно толкал в плечо и своим смеющимся голосом пытался что-то сказать так, чтоб Ира поняла его.

- Знаешь, милый, по-дельфиньи ни слова не знаю. Ты бы показал, что ли, чего тебе от меня нужно.

Видимо, дельфин знал русский несколько лучше, чем Ира дельфиний, потому что тут же перестал тыкаться носом ей в плечо, а поплыл, зовя ее за собой. Ира передвигалась слишком медленно, по крайней мере, так показалось дельфину. Его, судя по всему, достало плавать туда-сюда, и он очень понятно попросил Иру ухватиться за свой верхний плавник. Ира исполнила просьбу, и тут же скорость ее передвижения по воде увеличилась в несколько раз. Она опасалась поначалу, что дельфин может нырнуть вместе с ней, но он, видимо, хорошо разбирался в человеческой физиологии и не предпринимал попыток ненароком утопить Иру. Они плыли и плыли... Солнце слепило глаза, и Ира толком не понимала – куда. Постепенно скорость передвижения снизилась, и дельфин недвусмысленно намекнул Ире, что пора отпускать его плавник.

Ира с удивлением обнаружила, что находится почти у самого берега, не менее пустынного, чем тот, с которого она уплывала, только другого... с громадными скользкими валунами, выходящими из моря на сушу. Дельфин что-то пытался втолковать Ире своим смеющимся голосом и указывал направление в сторону скользких валунов. Сам он воздерживался от движения туда.

Ира поплыла к валунам. Вода вокруг них выглядела вполне естественно. Ира не понимала, что нужно здесь дельфину. Не понимала до тех пор, пока не подплыла вплотную – скользкие каменные глыбы сжимали израненное мидиями тело еще одного дельфина, только гораздо меньших размеров, чем ее проводник. Он уже и не пытался трепыхаться, но был, судя по всему, жив.

- И как же тебя угораздило? – спросила Ирина, осматривая валуны и прикидывая причины затруднительного положения. Естественно, ответа она не ждала, но дельфиненок дернулся, а его старший собрат что-то попытался пояснить на незнакомом Ире языке.

Осмотр места происшествия ничего утешительного не дал. Ира видела единственный способ высвободить дельфиненка из плена камней – поднять над водой, но вряд ли у нее у одной хватит на это сил. Она подплыла к своему проводнику. Глаза дельфина наполнились грустью. Казалось, он сейчас заплачет.

- Послушай, друг, не отчаивайся! – она погладила его по голове, а он что-то чирикнул ей в ответ. – Я не смогу одна его вытащить, но если я позову своих друзей, то у нас получится.

Ира смотрела в его глаза и он, кажется, понимал ее. Она подплыла к самому высокому валуну и вскарабкалась по его более пологой стороне. Вдалеке маячили фигуры Влада и Валентиныча. Они выказывали все признаки обеспокоенности ее отсутствием. Ира как могла громко крикнула – они не слышали. Дельфин за спиной слишком сильно переживал, так что идея идти к ним не показалась Ире хорошей. Ее так усиленно искали целых два взгляда, что неминуемо, в конце концов, должны были заметить. Ира замахала руками, продолжая кричать. Со всем не сразу, но Влад увидел ее и позвал с собой Валентиныча. Ира еще раз взмахнула рукой, призывая их, и нырнула в воду.

- Все милый, совсем скоро мы его вытащим, – сказала она большому дельфину и подплыла к малышу.

Она нежно гладила его и почувствовала, как его сердечко стало биться ровнее – он больше не боялся.

- Ира! Ты где?

- Сюда! Здесь дельфиненок в камнях застрял.

На валунах появились Влад с Валентинычем.

- Эко угораздило! – подтвердил сложность ситуации Валентиныч.

- Ты-то здесь как оказалась? – спросил Влад.

Ира взглядом показала на плавающего неподалеку дельфина:

- Потом расскажу. Этого недотепу отсюда только через верх более-менее безболезненно вытащить можно.

- Так, так... Сейчас сообразим...

- Валентиныч, только через верх, он там зацепился, пока самостоятельно выбраться пытался, так что если за хвост тянуть будем, его еще больше мидии издерут, да и плавник вывихнуть можно.

- Ага... Так, Влад, ты ложись на тот камень, а я на этот, а ты, Ириш, снизу его подталкивай.

Взрослый дельфин не особо обрадовался прибытию еще двух человеческих существ, но когда понял, что они делают, не остался в стороне, подплыл и стал помогать Ирине выталкивать незадачливого дельфиненка. Дело пошло быстрее, и, в конце концов, безмерно счастливое юное морское создание, подняв целый столб брызг, плюхнулось в воду. Взрослый дельфин радостно стрекотал, не забыв при этом дать хвостом пару оплеух виновнику всеобщего переполоха. Ире стало жаль беднягу, но вмешиваться в воспитательный процесс она не решилась. Влад с Валентинычем перебрались на берег. Ира хотела последовать за ними, но не смогла отказать довольному дельфину, вернуть ее так же, как она оказалась здесь, и под аплодисменты Влада и Валентиныча Ира торжественно понеслась по морской глади в обратную сторону.

Прощаясь, дельфин что-то прострекотал ей и исполнил несколько головокружительных прыжков, а заодно преподавал урок вежливости своему младшему спутнику, заставив тоже прострекотать «спасибо» или что-то еще, но по смыслу, скорее всего, очень схожее. А потом они вместе уплыли, оставив Иру самостоятельно добираться до берега, на котором ее уже ждали Влад с Валентинычем.

- Ира! Это нечто! – восхищенно воскликнул Влад.

- О! Молодой человек! Вы, видать, плохо знаете эту барышню. Я-то с ней не так часто общаюсь, но без сюрпризов никогда не обходится.

Ира в сладком изнеможении растянулась на горячих камнях. Пережитое только что событие всколыхнуло ярко-эмоциональные воспоминания детства.

Долгое время дельфины для Иры были фантастическими существами из сказочных историй. Во время прогулок вдоль моря или по самому морю на катере, родители не раз направляли ее взгляд в лазурную даль, но ей никак не удавалось разглядеть загадочного морского великана... А потом по телевизору показывали многосерийный фильм Флиппер... Уже подростком вместе с туристической группой с папиной работы она ездила в батумский дельфинарий. Там впервые Ира созерцала героя своих детских фантазий, как говорится, живьем. Дельфинов в открытом море ей посчастливилось увидеть уже взрослой, когда она с мужем и сыном приехала домой в Сочи на летние каникулы после окончания второго курса академии. Их было целых три... Они прыгали, резвясь, совсем недалеко от берега. Только тогда в ее сознании уложилось ощущение, что дельфин – это не миф, не сказка, не кино... Но не до конца... До сих пор что-то в ней ставило дельфинов в один ряд с Фениксом, Сфинксом, единорогами, грифонами, драконами... Да, даже сейчас, даже после того как она не просто увидела героя мифов так близко, но даже дотрагивалась до него... даже почти что каталась на нем... «Что такое чудо? Это может быть что-то самое обычное, но лично для тебя овеянное Великой Тайной... А что такое Великая Тайна?..». О том, что же такое «Великая Тайна» Ира размышляла уже поздно ночью в своей постели, засыпая на плече у Влада.

Весь следующий день пролетел в беготне и суете. Закупили все необходимые для начала стройматериалы. Владу выдали две доверенности на управление выдавшей виды «Нивой» Валентиныча и его же грузовой «ГАЗелькой». Так что начало ударной стройке благополучно положили.

Вечером позвонил Лешка, радостно сообщив, что он успешно завершил весь процесс бумажной волокиты, на 26 августа купил билет до Москвы, а на 28 – до Нью-Йорка, и завтра к вечеру будет в Сочи, чтоб оставшиеся полтора месяца посвятить «беспробудному» отдыху.

Рано утром Влад умотал на работу. Ира проснулась, когда его уже и след простыл. Уф! Впереди почти целый день, когда можно снова нырнуть в дебри северо-юго-западно-восточных тенденций дизайнерских изысков примитивных культур.

Ира глянула на часы – еще только половина девятого, а духота уже нестерпимая. Даже пожаренные Владом не так уж недавно гренки толком и остыть не успели. Ира зашторила окна. Вообще-то, по-хорошему, давно стоило набраться мужества и поставить кондиционер. Может, прямо сейчас взять и позвонить в какую-нибудь фирму? Нет, чужие люди с дрелями и очередной бардак в квартире, который разгребать недосуг – это «прямо сейчас» совершенно не в тему.

Ира завалилась с фотографиями на диван, но тут же отложила, ставший традицией, просмотр. Она вспомнила дельфинов.

Великая Тайна...

Итак, Великая Тайна это некое субъективное ощущение. Совершенно необязательно, чтобы то, что окутывает Великая Тайна, было бы действительно загадкой или чем-то непознанным, что невозможно понять и объяснить. Вообще-то, по-настоящему понять и объяснить невозможно на самом деле абсолютно все. Ира вспомнила школьные уроки анатомии, как им рассказывали о зрении. Строение глаза: хрусталик, сетчатка, палочки, колбочки, нервные окончания, связывающие с мозгом... Все здорово, все изучено, все понятно... Даже, вон, операции восстанавливающие зрение делают, но то, как же все-таки человек видит, так никто и не знает, то есть механика-то известна, а суть? Великая Тайна, она в сути явлений, существ и предметов.

Дельфины... Об этих морских обитателях существует масса увлекательных реальных историй превращающихся со временем в легенды. Ира с раннего детства, проведенного в приморском городе, столько слышала о них, но долгое время не видела, и они стали для нее, пожалуй, даже более загадочными, чем Лох-Несское чудище. Стоп, а ведь не только дельфины... Дятлы и сороки... Вот еще фантастические существа из детских сказок. Их Ира тоже впервые увидела, не на картинке и не по телевизору, уже взрослой – и до сих пор они для нее так и остались существами фантастическими. В ощущениях конечно. Естественно, умом она понимала, что они самые обычные жители Земли, но только умом... Нечто вселяло в нее мистическое благоговение перед ними.

То есть, получается, что сознание создает мистическую ауру вокруг существа, в реальности которого воочию убедиться не удастся, но о котором рассказывают книги, фильмы и окружающие, которым доводилось его встречать. Стоп... Медведь, волк... Их Ира в живой природе вообще никогда не видела, но, тем не менее, фантастическими ну никак не ощущала. Наверное, Великая Тайна касается их тоже, но не для нее. Ира стала перебирать в своем сознании все знакомые ей явления на предмет ощущения в их сути Великой Тайны. Классификации не получалось никакой, даже намеков на то, какие признаки создают мистическую ауру. Она могла иметься у некого очень простого, реального и познанного нечего и напрочь отсутствовать у общепризнанно загадочных явлений.

Время шло, мозги плавилась. Вполне возможно, что пребывание в состоянии поиска сути Великой Тайны продлилось бы и дольше, но с книжной полки вдруг с невероятным грохотом свалился коричневатозеленоватый камень. Свалился по вполне объективным причинам – Ира, измываясь над собственным мыслительным устройством, то и дело меняла позу, пытаясь выбрать наиболее удобное положение тела. Невыносимая жара и убивавшее своей пока что бесплодностью занятие способствовали затеканию мышц и накоплению раздражения. Последнее перемещение в пространстве дивана оказалось весьма резким по отношению к расположенному вплотную книжному шкафу – вот камешка и грохнулась. От разрезавшего тишину внезапного звука перехватило

дыхание, и сердце застучало где-то в районе висков. Ира вскочила, пытаясь унять дрожь, прошла несколько раз по комнате, положила камень на место, потом взяла с полки и придавила к солнечному сплетению. Дрожь не унималась, сердце колотилось, а тело окутал промозглый холод, никак не сочетающийся с повышенной температурой окружающей среды. Ира чувствовала, что продрогла до костей. Она положила камень на место и влезла под горячий душ. Прошло минут двадцать, прежде чем все функции организма вроде как восстановились.

- Всё, по тормозам, – сказала сама себе Ира и мужественно взяла в руки стопку фотографий.

Позвонил Лешка и сообщил, что благополучно приземлился в аэропорту Адлер. Ира ликовала по поводу возвращения сына, при этом трепетно ловя последние минуты благословенного одиночества. Самое главное, что она все успела. Точнее, вся работа все еще оставалась впереди, но она сделала главное – поняла, что делать. Запел мобильник:

- Ирчик, как ты там?

- Здравствуй, Геночка...

- Давно не слышал такого блаженства в твоём голосе?! Что с тобой?

- Со мной? Со мной все предельно замечательно.

- То, что замечательно, я не сомневаюсь, но что именно?

- Замечательно именно все! Геночка, не думаю, что очень быстро выдам тебе эскизы, но считай, что они уже готовы.

- Ира, ты приводишь меня в мистический трепет...

- Тебе, можно сказать, везет.

- Везет? Это почему же?

- Я вот, к примеру, ловлю отходняк после мистической истерики...

- Ирчик?!

- Геночка, я у тебя в неоплатном долгу. Знаешь, я только сегодня поняла: и чего это именно тема мебели меня так сильно зацепила? Не думаю, что посвящу этой сфере всю свою жизнь, но Мир для меня перевернулся именно благодаря вниманию в ее суть.

- Ир, что-то я ничего понять не могу?

- А я объяснить...

- Ирчик! Я тайно влюблен в тебя!

- Генка! Я тоже!

Изнуряющей духотой медленно тянулись самые жаркие дни лета. Даже ночи не приносили вожаденной прохлады. Лешка взял на себя заботы по установке кондиционера, выпроводив мать на день в горы. Ирина отправилась в гордом одиночестве, но с набором рисовальных принадлежностей. Вернулась она поздно вечером довольная, счастливая и с богатым живописным уловом. Умничка Лешка даже прибрать все успел. Чудо техники исправно держало температуру внутреннего пространства квартиры в оптимальных пределах, и Ирина возрадовалась тому, что теперь можно вновь полноценно взяться за работу.

Ее энтузиазм попыталась поубавить Наташка, выразив компетентную врачебную мысль, что кондиционеры – основная причина простудных заболеваний в летний период. При этом воительница медицинского фронта, страдая окружающих пагубным воздействием искусственно охлажденного воздуха, сама из-под живительного дуновения убежать во-свояси не спешила. Торжественную победу над жарой в отдельно взятой квартире отмечали с чувством, с толком и с расстановкой всей большой добрососедской компанией. Виновник торжества кондиционер, сыграв роль магнита, собрал их всех на Иришкиной кухне. Расходились поздно и очень неохотно – снаружи свирепствовала дармовая сауна.

Иришка не вялая компетентным врачебным советам Натали, и не стала выключать источник прохлады на ночь. И впервые за несколько дней по-человечески выпалася. Наутро вломилась Наташа и с порога, не успев оценить обстановку у соседей, чрезвычайно изменившимся голосом прогундосила:

- Я же говорила!

Глаза ее округлились, потому что ни у Иришки, ни у Лешки даже легкого намека на злобредное ОРЗ не было. Ира усадила Наташку за стол и начала учить (в который раз!) уму-разуму:

- Наташ, вот ты мне скажи, кто из нас врач, а? Неужели тебя в институте не учили, что простывает человек не от холода, а от наличия в организме определенных микробов или вирусов? Вот что ты сейчас сделаешь? Правильно – таблеток наглотаешься, уложишь своих ненаглядных стафилококков баиньки и помчишься на работу, а они при первом же удобном случае снова проснутся.

- Ой, Ирка! Любишь ты учить!

- Я не учу, я опытом делюсь.

- Ага! Опыт у тебя! Пряма целая врачебная практика!

- Наташ, у меня есть два постоянных пациента: я сама и мой сын. Попытайся вспомнить, когда последний раз я или Лешка болели?

Парировать оказалось нечем, и трясущаяся от смеси гнева с повышенной температурой Наташка пулей вылетела от Иры, так и не допив чай из ягод и листьев черной смородины.

- Мам, чего это с ней?

- Обострение хронического воспаления патологических амбиций.

Позавтракав вместе с Лешкой, Ира отправилась на первые смотрины преображения поющего дома.

Четверо молодых справных парней в форменных комбинезонах, обливаясь потом, упорно трудились над прокладкой коммуникаций. Трех Ира знала. Они вытянулись по стойке смирно, завидев ее. А четвертый, не уловив всеобщего настроения, бесхитростно возрадовался появлению представительницы прекрасной половины человечества. Коллеги резко одернули его неуместный, с их точки зрения, порыв. Валентиныч воспитал в своих подопечных страх и благоговение по отношению к Ирине, а они, в свою очередь, усиленно внедряли в плоть

и кровь новенького те же чувства. Последний понятливостью не страдал ни разу. Черты неандертальца, лишь угадывавшиеся в облике, бурно цвели во глубине его натуры. Ира несколько удивилась, потому что штат себе Валентиныч набирал из крепких ребят с крепкими хотя бы азами инженерно-строительного образования. Неандерталец тоже был парнем крепким, даже очень, но, судя по всему, ему вряд ли удалось успешно пройти собеседование даже в ПТУ. Скорее всего, даже элементарную грамоту он разумел с трудом. Шиканье по поводу того, что Ирина – руководитель проекта, должного действия не имели, и он то и дело пытался традиционными для горилл способами продемонстрировать ей свое крайнее расположение. Утихомирить не в меру озабоченный природными инстинктами живой памятник предкам человечества удалось лишь Валентинычу, появившемуся минут через десять после Ириного приезда. Он быстренько объявил всеобщий полчасовой перерыв и отправил ребят окунуться в море. Обрадовались все, кроме неандертальца.

- Валентиныч! Ты где это нашел?!

- Ирочка! Каюсь! Но пока выхода нет... Избавлюсь при первой же возможности.

Неандерталец оказался горячо любимой деточкой одного из ну не так, чтоб уж совсем начальников, но, тем не менее, далеко не последнего человека, от которого зависела безоблачная судьба строительного бизнеса Валентиныча. По поводу образовательного уровня ностальгического порыва природы Ира, оказывается, «несколько» заблуждалась: прямоходящий примат уверенно направлялся к диплому инженерно-строительного факультета Ростовского университета. Доблестный труд у Валентиныча для него являл собой производственную преддипломную практику. На настоящие строительные работы ненаглядное дитяточко любящие родители определили в воспитательных целях – а чтоб потом ценил тепленькое креслице в какой-нибудь околоадминистративной структуре. Впрочем, по поводу истинных образовательных изысков своего временного подопечного, Валентиныч полностью подтвердил Ирины догадки.

- ...так что терпеть Ричарда...

- Кого?!

- Ричардом его звать – в честь Ричарда Львиное Сердце, – пояснил Валентиныч, мечтательно глядя в небо.

- Круто!

- Круто... но терпеть его придется только до конца августа. К тому же, сейчас много тяжелой тупой работы, а он, надо отдать ему должное, если задачу точно поставить – буром прёт.

На этом бедного Ричарда оставили в покое, и Валентиныч представил полный отчет об уже проделанной работе. Ира осмотрела, внесла несколько коррективов и поинтересовалась Владом. Она с приездом Лешки несколько упустила его из вида и теперь не совсем понимала, почему он отсутствует. Оказалось, что он уехал в Краснодар, надыбав там менее кусучие цены. Валентиныч нахвалиться Владом не мог:

- Очень толковый парень! И работы никакой не боится. Все сечет, а если надо так и рукава засучит.

- Валентиныч, когда ты все и разглядеть-то успел? И недели ж не прошло, как начали!

- Так, а чего тут разглядывать, когда парнишка работой горит?! Вникает во все, по десятку раз на день с твоими эскизами сверяется, хотя до них тут, сама понимаешь...

- Валентиныч... – проговорила Ирина настороженно. – Я, конечно, понимаю, что в области коммуникаций мне с тобой не тягаться, но учти – то, что я нарисовала, все очень принципиально вплоть до каждой розеточки и до каждого вывода труб.

- Ирина Борисовна! Обижаешь! Все, что будет на виду – ни миллиметром в сторону! Но вот то, что невидимо – положишь на меня. Чай, не впервой...

- Извини, Валентиныч, просто волнуюсь.

- Да не волнуйся ты, Иришка! Все путём будет!

Получасовой перерыв на полоскание в море у ребят закончился, и они вновь взялись за работу, а Валентиныч потащил Иру купаться. Она немного посопротивлялась, не особо жалуя перегретую морскую воду, да еще и в самое пекло, но желание тела хоть куда-нибудь нырнуть пересилило доводы разума.

- Эт чё? Валентиныча что ли краля? – спросил Ричард, когда Ирина и Валентиныч скрылись из вида.

- Угомонись, придурок! Говорят же тебе: Ирина Борисовна – дизайнер. Мы работаем по ее проекту.

- Ну и чё? Молодец Валентиныч! Классно бабу свою пристроил!

- Слышь, ты, совсем сдурел!

- А чё? Была б у меня такая, я б то ж пристроил! А чё! Пусть картинки рисует, когда жрать приготовит! – и он разразился радостным гоготом.

- Слышь, ты, бабун! Да она только глазом поведет – тут ни тебя, ни нас, ни самого Валентиныча не будет!

- Ага! Будем опять бегать и прокладки в кранах менять за три копейки.

- Чё, серьезно что ли, такая крутая?

- Серьезно!

- Во, блин! Интересно, с кем же она спит?

- Уймись! Ни со мной, ни с тобой точно не будет.

- А чё не будет? Я на следующий год в какой-нибудь конторке крутой как сяду, так и как миленькая будет!

Основной оппонент пытался еще что-то возразить Ричарду, но остальные одернули его, и работа постепенно вошла в свое русло.

Не сказать, чтоб морская вода так уж освежила, но легче стало. Валентиныч попрощался и отправился координировать действия своих подчиненных, а Ира, чтоб не жариться зазря на остановке, еще бредя по пляжу, вызвала такси. Таксист – умничка – объехал через Барановку и Пластунку самую гиблую пробку на Донской. Ира и глазом моргнуть не успела, как оказалась в прохладе своей квартиры.

- Ну как твоя стройка века? – спросил Лешка.
- Двигается...
- Как Влад?
- Влад в Краснодаре. Валентиныч нахвалиться не может.
- Знаешь, в институте он проявляет гораздо меньшее рвение.
- Но учится-то он ну совсем чуть хуже тебя.
- Знаешь, мог бы и намного лучше. По крайней мере, если быть честным, то дается ему все гораздо легче.
- С чего ты взял?
- Понимаешь, вот отсидели лекцию, вышли, а он все уже понял и мне объясняет. Только вот я после этого еще в кучу литературы лезу, по интернету шарю, а он больше ни черта не делает. Разве напряжется чуть, если я его чем озадачу.
- Видишь, Леш, ты воплощаешь в жизнь свою мечту, а он за компанию учится. Если б не ты, он бы вообще и поступать даже не поехал бы.
- Все равно, мам, обидно. Человеку так легко все дается, а он на это, можно сказать, плюет.
- Извини, тебе за него обидно или за себя?
- За него, конечно. Я уже и преподавателям все уши про его способности прожужжал. Но им все равно. А что ему по-настоящему нужно, он, наверное, и сам не знает.
- Ну почему? Вот сейчас строительство курирует и, как видишь, с повышенным рвением.
- Мам, не обижайся, но это твоё строительство в силах курировать и какой-нибудь мало-мальски не последний студент колледжа. Для этого семи пядей во лбу не нужно.
- Ты в чем-то прав, Леш, но, чтобы реализоваться достойно, человек должен себя найти. Тебе повезло – ты нашел.
- Мам, а что, если неправильно?
- Ты сомневаешься в своем выборе?
- Сейчас нет, ну а вдруг?
- Леш, необъятное объять нельзя, то есть примерить на себя все сферы знаний физически невозможно. Если тебе нравится то, чем ты занимаешься – значит, это и есть твоё.
- Странно... Да, мне нравится то, чем я занимаюсь, но я в полном смысле слова грызу гранит науки и считаю, что это мое. Для Влада все то же самое – безделица, не гранит, а просто мусс клубничный! И это не его?
- Леш, оставь Влада в покое. Пусть сам решит, что для него важно.
- Ладно.
- Лешка вернулся к телевизору, который покинул в честь прихода матери, а Иришка уселась за компьютер искать Великую Тайну мебельных изысков дикарей посредством воссоздания трехмерных виртуальных моделей.
- Запел мобильник. Ира изучила надпись на светящемся экране и не взяла трубку. Ну почему именно сейчас, когда она находилась в состоянии на редкость блаженном, именно сейчас материализовался из небытия Николаев?! Мобильник запел снова, а на экранчике высветилось все то же самое. Когда смолкла последняя трель, Ира занесла несчаст-

ного И.А. в черный список. Он, видимо, звонил еще много-много раз, так как по монитору периодически бегали помехи. Иру это доставало, правда, не особо выбивая из колеи, но лишь до тех пор, пока торжественно не прибыла SMS-ка: «IRA! UMOLYAYU! POZVONI! ЕТО ОСНЕН' VAJNO!». (Игорь Александрович не знал, как переключиться на кириллицу, а заодно и на строчные буквы).

Ира, переключивая мобильник из руки в руку, пыталась навскидку определить тональность тотальной важности. Пока она этим занималась, пришла еще одна SMS-ка с тем же содержанием.

Да уж... Игорь Александрович вполне прилично освоился с использованием мобильного телефона, как телефона в самом принципе. С остальными его функциями он, как человек старшего поколения, мягко говоря, не дружил. Не дружил до такой степени, что решиться отправить SMS-ку мог только под страхом смертной казни... Ира закрылась на кухне и набрала его номер. Она и «здравствуй» сказать не успела, как:

- Ирочка! Фух! Слава богу! Ты дома?
- Да...
- Ради всего святого! Не уходи никуда – я сейчас за тобой заеду.
- Что стряслось-то?
- Аристарх Поликарпович приехал. Ты срочно нужна. Всё. Еду.

- - -

Вид Николаева вызвал к жалости – вес мокрый от пота, какой-то взъерошенный и задыхающийся так, как будто по лестнице он бегом бежал.

- Ирочка! Поехали!

- Сядь, отдышись! – скомандовала Ира и отправилась сообщить Лешке о том, что ее какое-то время не будет дома.

Игорь Александрович отдышался, немного остыл под кондиционером, но остался столь же взъерошенным, хотя следы надвигающегося инфаркта от вредоносного перенапряжения в жару, явно отступили на безопасное расстояние.

- Поехали... – сказала Ира снисходительно.

Всю дорогу они молчали каждый о своем. Ира понятия не имела, на кой она в столь срочном порядке могла понадобиться, но не этот вопрос занимал ее. Собственно, вопросов вообще не было. Все трепетало в ней ощущением Великой Тайны.

Она, как впервые, ехала сюда. И неудивительно, ведь в кромешной тьме зимней ночи Ира даже не пыталась осознать, куда ее везут. Обратный же путь вообще оказался за пределами досягаемости памяти. А дорога вела вдоль реки Сочи и, немного не доезжая до начала пешего маршрута в сторону Ажека, круто поднималась в гору.

На почти ровном залитом солнцем плато, с трех сторон защищенном от ветров хребтами, простирался дачный поселок. Владения Аристарха Поликарповича, судя по всему, состояли из двух, а то и трех стандартных участков в шесть соток. Неухоженный сад пересекала идеально забетонированная дорожка, ведущая вглубь к дому. У входной двери неподвижными изваяниями сидели Зив и Лоренц. Ира всем своим существом чувствовала себя очутившейся в сказке, в легенде, в мифе.

Как только Ира выбралась из машины, Зив набросился на нее в щемящем восторге, а Лоренц, неведомо как вмиг очутившийся на руках, ластился и мурлыкал в любовном экстазе. Ритуал бурного приветствия длился минут пять, а затем на улицу вышел хозяин дома, и Зив с Лоренцем торжественно проводили Ирину до дверей.

- Здравствуйте, Аристарх Поликарпович!

- Здравствуйте, здравствуйте, Ирочка! Проходите...

Приглушенный свет и прохлада источали расслабляющее умиротворение, а холодный чай со льдом из горных трав и вовсе погрузил Ирину в состояние нирваны. В гостиной, кроме нее, Аристарха Поликарповича и Игоря Александровича, присутствовала незнакомая элегантная полная дама предпенсионного возраста.

- Знакомьтесь: Сваргина Аза Вавиловна – мой юрист, – представил ее Аристарх Поликарпович Ирине.

В воздухе незаметно сгустилось предвкушение какого-то грандиозного официального события. Как только вновь прибывшие немного свыклись с несколько напряженной официозом обстановкой, Аристарх Поликарпович заговорил:

- Ирочка, я принял решение покинуть Россию и остаток своих дней провести с детьми и внуками. Игорь Александрович уже принял мое предложение перебраться с берегов Черного моря на берега Волги и стать полноправным хозяином находящегося там моего движимого и недвижимого имущества, а также бизнеса, в котором он уже давно принимает участие. Вам же я хочу подарить этот дом со всей обстановкой и земельным участком, а также Зива и Лоренца, тем более, что Вы с ними очень хорошо ладите.

Ира долго сидела молча, пытаясь уяснить себе смысл только что сказанного. Аристарх Поликарпович, повременив немного, продолжил:

- Ирочка, я понимаю, что мое предложение для Вас, мягко говоря, несколько неожиданное, но все уже решено. Документы оформлены и Вам предстоит лишь поставить несколько своих автографов, чтобы вступить в законное владение.

- Аристарх Поликарпович, почему я? – спросила Ира после некоторой паузы, плохо осознавая реальность.

- Ирочка... – продолжения не последовало. Аристарх Поликарпович лишь улыбнулся загадочной доброй улыбкой. – Пойду-ка я сварю кофе, а Вы, Аза Вавиловна, – обратился он к полной женщине, – приготовьте, пожалуйста, пока бумаги, которые необходимо подписать Ирочке.

Бумаги Аза Вавиловна успела приготовить заранее и теперь просто положила их на краешек стола. Ира пыталась хоть как-то собрать себя в кучу, но выйти из состояния замешательства казалось нереальным. Тем временем Аристарх Поликарпович вернулся.

- Ирочка, все это теперь Ваше, – сказал он, обведя рукой вокруг себя, – и Вы можете поступать с этим всем по собственному усмотрению, но мне очень бы хотелось, чтобы Вы поселились здесь. Может и не сразу. Здесь, безусловно, сложнее с общественным транспортом, чем в городе, но не думаю, чтобы эта проблема стала для Вас неразрешимой, – он как-

то странно, можно даже сказать, с намеком (только непонятно на что) улыбнулся Ире. – Во всех других отношениях, поверьте – здесь рай! ...и полная коммунальная независимость, что тоже немаловажно, – намек на дразги минувшей зимы, оказался гораздо понятнее предыдущего.

- Но Аристарх Поликарпович...

- Ирочка, – не дал он ей договорить, – я улетаю сегодня вечером, так что времени на размышления у Вас нет.

- Да уж! На размышления... У меня вообще что-то думать не получается...

- Ну вот! Вы, Ирочка, уже шутите, а значит приходите в норму после пережитого по моей вине шока.

Аристарх Поликарпович убрал пустые чашки со стола, протер его на всякий случай и утащил с собой на кухню Игоря Александровича, чтоб не мешать юридическому процессу.

Тем временем Аза Вавиловна твердо пресекла Ирино растерянное мямление, подробно ознакомила ее с документами и рассказала в деталях процесс получения в регистрационной палате свидетельств на право собственности. Всю юридическую канитель она брала на себя, и Ирине оставались лишь те процедуры, где ее личного присутствия никак нельзя было избежать. По окончании юридического ликбеза Ира расписалась в бумагах и получила свой экземпляр пакета документов.

- Это нотариально заверенные копии. Оригиналы я отдаю в регистрационную палату, и Вы их получите вместе со свидетельствами.

- Я Вас поздравляю, Ирочка! – приветствовал благополучное завершение юридического процесса Аристарх Поликарпович, держа в руке бутылку шампанского. Следом шел Игорь Александрович с бокалами.

Радостное событие торжественно отметили. Вакуум в Ире сменился бурей эмоций. Но... а может быть именно поэтому она смогла лишь нежно обнять Аристарха Поликарповича и почти шепотом сказать:

- Спасибо...

Аристарх Поликарпович сводил Иру к соседке, Татьяне Николаевне, которая являлась единственной постоянной жительницей дачного поселка и в его отсутствие присматривала за домом.

Незаметно наступил вечер. Зив и Лоренц чинно попрощались со своим, теперь уже бывшим, хозяином. Затем подошли к Ирине. Без лишних эмоций они четко дали ей понять, что ждут ее воцарения со дня на день. Аристарх Поликарпович запер двери и ворота и отдал все ключи Ире.

Сначала завезли Азу Вавиловну – она остановилась у знакомых на улице Труда, а потом – Ирину. Прощание получилось тихим и трогательным.

- Аристарх Поликарпович, не знаю почему, но я уверена, что мы еще увидимся. Мне так нужно поговорить с Вами, но почему-то сегодня так и не удалось...

- Ирочка, раз не удалось, значит, не суждено этому быть. По крайней мере, сейчас.

Прежде чем вернуться домой, Ира еще долго бродила по улице, прижав к груди папку с документами.

Глава 16

Грандиозная радость

Утром Ира оставила Лешке записку и отправилась в сторону своей, как снег на голову свалившейся, собственности.

Первым делом она зашла к Татьяне Николаевне. Добродушная соседка несказанно обрадовалась гостю и принялась угощать ее летними дарами своего сада и огорода.

- Ирочка, я так рада, что Вы приехали! Не подумайте, я не навязываюсь... нет, конечно, навязываюсь... – Татьяна Николаевна погрузилась. – Понимаете... ну... Пенсия у меня небольшая, а от Аристарха Поликарповича все ж прибавка была...

- Татьяна Николаевна, я переберусь сюда, но, скорее всего, не прямо сейчас. Так что, пока можете смело выполнять то, к чему привыкли – я все оплачу.

- Нет-нет, за этот месяц Аристарх Поликарпович уже рассчитался со мной, а лишнего я не возьму, – сказала Татьяна Николаевна твердо.

Ира улыбнулась и продолжила:

- Хозяйка я никудышная, с квартирой вон с трудом управляюсь, так что, если не откажете, с превеликим удовольствием воспользуюсь Вашими услугами.

- Девочка моя! Да я тебе и приберу, и постираю, и сготовлю все, вот только с садиком сложнее будет – он там большущий, а я свой-то с трудом тяну.

- Да уж с садиком как-нибудь разберемся... А вот если все заботы по дому на себя возьмете – буду очень рада. Сколько Вам Аристарх Поликарпович за услуги платил?

- Да что ты, дитятко! Про деньги и не думай! Покормишь – и тем рада буду! Я одна совсем осталась. С мужем детей не нажили, а он сам помер вот уж как семь годков назад. Смотри, я и деток твоих поняну! Я умею! Все племяши на моих руках повывасти!

- С детками маленькими пока туговато.

- Что, тоже родить не получается?

- Да нет... У меня сын есть, но ему уже семнадцать.

- Батюшки! А такая молоденькая!

- Я рано родила...

- Молодец. Оно так правильней. Вот я тянула-тянула, а теперь одна свой век доживаю.

- А что ж на даче-то?

- Еще муж жив был, мы квартиру племяннице отписали, а сами здесь поселились. Вдвоем-то хорошо жилось, а как он помер, так я бедствовала – зимой, а ну-ка попробуй дров-то натаскать! Со светом перебои и с водой тоже. Спасибо Аристарху Поликарповичу – толковый мужик – все справил.

- А племянница? Неужели не помогает?

- Так то ж мужнина родня. Своих у меня никого – я в детдоме выросла... А ты когда переселяться-то думаешь?

- Ой, не знаю... Все так неожиданно – как снег на голову... Спасибо за угощение, Татьяна Николаевна, пойду я.

- Может, проводить?

- Нет, спасибо, я сама.

- А-а... понимаю... Ну тогда, до свидания.

- До свидания...

- Надеюсь, до скорого?

- Ой, не знаю...

- Ну ладно...

Ира покинула гостеприимный домик и направилась к своему подарку. Но так и не решилась даже близко подойти. Трепет предвкушения нечто набрал такую силу, что, казалось, сердце вот-вот остановится.

Ира достала мобильник, собираясь позвонить Женечке, но кнопку вызова нажать не успела:

- Ир, у тебя все в порядке?

- Нет, но со знаком плюс. Жень, я к тебе хочу.

- Где ты сейчас?

- На Пластунке.

- Можешь пока в речке окунуться – я скоро буду.

- Жень, я не хочу, чтоб ты сейчас сюда приезжал.

Женечка, немного помолчав, медленно, даже вроде как в какой-то прострации проговорил:

- Как знаешь... – и потом уже более повседневно. – И все-таки, искупайся сначала в реке.

Ира, не прощаясь, выключила телефон и последовала Женечкиному совету.

Прохладная вода частично привела в норму – физиологическое ощущение трепета предвкушения нечто ничуть не отпустило, но отношение к этому состоянию несколько изменилось.

Как только она подошла к трассе, около нее остановился потрепанный «Жигулёнок» троечка, и совсем юный грузин на ломаном русском предложил ее подвезти.

- На водопад ходили? – спросил он Ирину, едва машина тронулась.

- Нет... Я здесь, может быть, жить буду...

- А почему, «может быть»? У нас здесь хорошо! А если в город ездить надо, так мой телефон запишите – я постоянно туда-сюда мотаюсь. По крайней мере, до ЗСМ-а всегда довезу, а там уже и маршруток куча.

Всю недолгую дорогу он развлекал ее смешными историями. Ира не все понимала из-за его довольно сильного акцента и манеры говорить очень быстро, но смеялась от души.

Довез он ее до ЗСМ, не взял ни копейки, и не отпустил, пока она не записала его номер телефона:

- Как ехать надо, так сразу и звоните! Может в гостях где засиделись, или еще чего – звоните, не стесняйтесь, я приеду!

- Спасибо, Заур!

- Удачи, Вам, Ирина Борисовна!

- А Вы меня, откуда знаете?

Что Заура звать Зауром, Ира выяснила, записывая его телефон, но своего имени она ему вроде бы не говорила. Тем более было странно, что, представляясь, она никогда не называла своего отчества, так что знать его он ну никак не мог.

- У Вас мой старший брат Нодар учился, – раскрыл тайну своей осведомленности Заур. – Здорово, что теперь соседями будем!

Он помахал ей рукой и, со свистом развернувшись, помчался обратно. Ира села в, казалось, ждавшую только ее маршрутку. Пробок не было, и через двадцать минут она уже брела от Морвокзала в сторону Женечкиного дома. Женечка присоединился к ней у входа в Ривьеру, но до приземления на диване в его гостиной они не вымолвили ни одного слова. Даже не поздоровались.

- - -

Женечка поставил на стол огромное блюдо с персиками, молча сел и поднял на Ирину глаза.

- Аристарх Поликарпович подарил мне свой дом, – на одном дыхании выпалила она.

Женечка продолжал молча смотреть на нее, а точнее сквозь нее. Ира взяла сигарету. Женечка, выглядел отрешенным, но не терял реальность из поля зрения. Он поднес ей зажигалку и сам тоже закурил.

- Ир, попытайся себя представить просто умной талантливой дамой, которой весьма пожилой джентльмен в знак особого уважения и почитания ее талантов преподнес очень дорогой подарок. Представь, что ты просто счастлива, что твои выдающиеся заслуги так значимо оценили по достоинству.

- Жень, неужели это что-то изменит?

- Абсолютно ничего, кроме твоего настроения.

- Я вообще очень сильно сомневаюсь, стоит ли мне там жить.

- Ир, не думаю, что ты сможешь жить не там. Так что, возвращайся домой и как можно радостней сообщи сыну о внезапном счастливом повороте в вашей жизни. В самом радостном настроении съездите туда вместе и с энтузиазмом займитесь хлопотами по переезду, который нужно осуществить в самое ближайшее время. Поделись обрушившимся на тебя счастьем со своими соседками. Их, конечно, обуревает зависть, но благодаря этому они будут мыть тебе кости в нужном направлении, что извне поддержит на время твое вполне человеческое настроение. Знаешь, реализм очень даже неплохая штука, если он вовремя и к месту. Поостерегись, пока не вживешься в роль, общаться с Владом. Знаешь, его я, наверное, возьму на себя, – и Женечка тут же набрал его номер. – Влад, ты сегодня очень будешь занят? Да нет, ничего серьезного. Мне просто хотелось немного пообщаться с тобой. Хорошо. До встречи.

Женечка усмехнулся и положил мобильник на стол.

- Знаешь, Жень, я думаю, раз уж мне суждено жить в этом доме, то в своей квартире я поселю Влада с семьей – у него ж в августе свадьба.

- Великолечно! – Женечка заплодировал ей. – Вот это твое настроение мне нравится уже больше. Все не так уж плохо, но, тем не менее, на

сегодня я Влада все ж нейтрализую. Радуйтесь напару с Лешкой и чем активней, тем лучше. Вечером созовите соседей и отметьте это дело, а завтра к вам присоединится Влад.

- Ты знаешь, по-моему, Лешка ему сразу же позвонит.

- Да пусть звонит сколько душе угодно, но не говорит прямо, а лишь заинтригует.

Ира как-то вдруг снова задержалась.

- Жень, это все здорово, но что оно даст?

- Главное то, что ты переедешь туда уже на днях, и до конца августа с тобой там будет твой сын, который, в данном случае, к счастью, реалист и материалист до мозга костей. Так, давай, доедай персики и лети домой на крыльях грандиозно-радостной или радостно-грандиозной, это уж как тебе больше нравится, новости.

Ира отказалась от предложенных Женечкой услуг такси, сказав, что ей для обретения грандиозной радости необходимо немного побыть одной и не лететь домой, а прогуляться. Женечка не возражал. Ира спустилась к Сочинке и пошла вдоль ее берега, усиленно занимаясь генерированием радостной грандиозности. Около самого дома она позвонила сыну:

- Лешик! Надеюсь, ты уже проснулся? Ставь чай – я сейчас буду.

Ира зашла в магазин, купила пирожных и на крыльях теперь вполне искреннего счастья полетела домой.

Лешка выглянул из кухни на звук открываемой двери:

- Вау! Пирожные! У нас что, сегодня праздник?

- Ага... – сказала Ира с радостной загадочностью.

- Мам, что случилось?

- А вот сейчас сядем за стол и расскажу.

Она разложила пирожные на блюдо, торжественно поставила его на стол и села.

- Мам, ну что? Не томи!

- Садись, садись, а то еще упадешь ненароком...

- Мам, все так серьезно?

Он уже заметно волновался, но, видя искорки счастья в глазах матери, улыбнулся в совсем детском предвкушении чуда.

- Итак... – торжественно начала Ирина, – я догадываюсь, что ты мне не поверишь, но это чистая правда, – Ира держала интригующую паузу. Лешка в нетерпении ерзал на стуле. – Леша, мне подарили дом.

Лешка бестолково захлопал глазами.

- Мам... в смысле?

- В самом что ни на есть прямом смысле.

Ира поднялась со стула и принесла из комнаты папку с документами. Леша, гораздо внимательнее, чем вчера Ирина, несколько раз перечитал их. Ира хихикнула:

- Если хочешь, можешь понюхать и попробовать на вкус.

Леша поднял недоуменные глаза на мать, а потом перечитал все еще раз.

- Мама! Но ведь этого не может быть!

- Ой, Лешенька! Если б это было само собой разумеющимся, то я бы тебе еще вчера все сказала или сегодня утром. Поверь, мне тоже понадобилось время, чтоб поверить в эту сказку.

- Mam, судя по вот этому плану, там не просто дом, а целый дворец с угодьями.

- Леш, это не просто дворец, а дворец с автономным бесперебойным жизнеобеспечением по последнему визгу современных технологий.

- Круто...

- Знаешь, давай прям сейчас торжественно устроим смотрины.

- Давай! – ответил Лешка с радующим Ирину энтузиазмом.

Зив и Лоренц встретили их очень церемонно. От экскурсии по дому и участку Лешка впал в состояние благоговейного шока. Впрочем, и Ирина тоже.

- Mam, так ты что, ТУТ теперь жить будешь?

- Не я, а мы с тобой.

- Mam, я единица временная, или ты забыла, что в конце августа мне на весь год в Гарвард? А потом и на следующий тоже, и на следующий. А потом, я не думаю, что в Сочи найду себе применение по избранному роду деятельности. Так что, как ни крути, а жить здесь по большей части придется тебе самой.

Иришке немного взгрустнулось, хоть она прекрасно понимала, едва Леша твердо определился, чем займется по жизни, что в родном Сочи он будет лишь гостем. Лешка заметил перемену ее настроения и перешел на более оптимистичную волну:

- Ладно, мам, когда переезжаем?

- Я думаю, что в самое ближайшее время, так что сборы можно начинать уже сегодня.

- Ура-а-а! А что сделаем с нашей квартирой?

- Я думаю, ты не будешь возражать, если там поселится Влад после свадьбы, а может и раньше?

Лешка повис у матери на шее и завопил еще радостней:

- Ура-а-а-а! Mam, у меня камень с души свалился! Знаешь, как он переживал, что ему придется жить с ее предками!?

- Знаю, и обещала ему что-нибудь путное в этом отношении придумать. А теперь, видишь, все совершенно неожиданно разрешилось само собой и самым наилучшим образом.

Ире показалось, что Зив и Лоренц с хитрецей заговорщиков переглянулись, а затем по очереди подмигнули ей. По спине пробежал холодок, но уже в следующее мгновение их выражения на дружелюбных мордах вполне соответствовали у Зива – собачьему, а у Лоренца – кошачьему.

- Так, ну все, знакомство состоялось, а теперь едем домой.

- Сейчас, подожди, я Владу позвоню...

- Стой, Лешка, не говори ему ничего. Пусть придет, как обычно, и тогда его обрадуем.

- Да, мам, ты права, так эффектней будет.

Дома, следуя совету Женечки, Ира, под Лешкино одобрение, с энтузиазмом позвала к себе Наташу и Люсю. У девчонок глаза из орбит повылезали, но радовались они за нее почти искренне, и даже о зависти высказались честно. Посетовали по поводу потери «самой лучшей соседки», на что Ира пообещала, что на этом их дружба не окончится.

- - -

На следующий день Иришка с Лешкой прям с утра сели разрабатывать стратегический план переезда. Где-то в двенадцать позвонил Влад. Они с Ирой обсудили несколько производственных вопросов, Влад сообщил, что где-то дня через три ей самое время приехать на объект, после чего Ира посетовала, что он их с Лешкой напрочь бросил. Влад театрально раскаялся и обещал вечером заскочить. Когда мобильный расслабился на столе, Ира заговорщически глянула на Лешку и сказала:

- Yes!!!

Совещание продолжилось.

Совершенно объективно решили, что большую часть мебели перевозить не имеет смысла. Там и так все есть. Единственное, Ира проявила непреклонность по поводу своего рабочего места в полном комплекте. На что Лешка возражать не стал. Из посуды, так как таковая на новом месте жительства тоже имела в изобилии, решили забрать только эксклюзивные экземпляры. В полном комплекте переезду подлежали Иришкины инструменты разнообразного назначения, книги и одежда. Естественно, и компьютер, но он уже был упомянут выше в разделе «рабочее место». Ира, покопавшись в мозгу, предложила телевизор, но Лешка ее засмеял:

- Мама! На кой туда тащить наш старый ящик?! Разве что в сортире поставить?! Во всех остальных помещениях есть!

Ира не относилась к ярым поклонницам «старого ящика», так что ей было вполне простительно, что она не заметила в новом своем доме его многочисленных гораздо более юных собратьев.

- Ягод хочу! – изрекла она мечтательно.

Лешка, взяв несколько целлофановых пакетов, унёсся в магазин. В душу начал скрестись давешний трепет, но Ира сказала надменно-непреклонное «Нет!» и все послушно стихло. Она с удвоенной силой разошлась грандиозную радость.

Лешка притащил черешни, вишни, персики, абрикос и малины, а заодно целую стопку видеокассет.

- Мам, давай поваляемся.

- А собираться, кто будет?

- Мам, нас что, выселяют?

- Нет...

- Тогда давай поваляемся. Я вчера в это самое время еще даже не догадывался, что грядет смена места жительства, а ты позавчера. Неужели тебе не нужно привыкнуть с этой идеей?

- Нужно, – согласилась Ира, и они, обставившись мисками с ягодами, завалились смотреть д'Артаньяна с тремя мушкетерами.

Влад примчался в половине восьмого вечера. Он ожидал, что его встретят с радостью, но не до такой же степени! От неожиданности Влад при Лешке назвал Иру по имени и на «ты», тут же осекся, но никто, кроме него, этого не заметил. Его дорогие и любимые Лешка и Ирина чуть не визжали от восторга. Нет, это, конечно, хорошо, когда людям, тем более любимым, хорошо, только не до степени же легкой нездоровости!

- Господа, не томите, что стряслось!?

- Влад, ты для начала сядь.

- Ирина Борисовна, мне что-то страшно...

- А ты не бойся, – Ира загадочно улыбалась, – кусаться никто не станет.

- Будем надеяться, – поддерживал шутливый тон Влад.

- Итак, Влад, я тебя поздравляю.

- С чем?!

- А с тем, что вопрос с твоим семейным гнездышком решен окончательно и бесповоротно.

- Не понял...

- Влад, ты с Алиночкой после свадьбы будешь жить здесь. Ты сам, впрочем, можешь начинать тут жить уже в ближайшие дни.

- Ничего не понял... Ирина Борисовна, Вы что, уезжаете? – в голосе Влада слышался оттенок тревоги. Не слишком сильный, так как он понимал, что если б она действительно куда-то уезжала надолго, то не стала б, по крайней мере, для него, обставлять это событие с такой душераздирающей радостью.

- Почти угадал.

- Ирина Борисовна, не томите!

Лешка от нетерпения опередил Иру:

- Влад! Ей дом подарили!

- Дом?!

Иришка встала и принесла документы. Одного ни она, ни Женечка не учили. Они не учили того, что Влад знаком с Аристархом Поликарповичем, к тому же лишь в обстоятельствах далеких от реальности, привычной для подавляющего большинства рода людского.

Влад прочел имя дарителя. У него перехватило дыхание. Он побледнел. На лбу выступили капли пота. Он посмотрел на Ирину. К ней в один момент вернулся трепет благоговения перед невообразимым вечным и бесконечным нечто, которое неотвратимо ждало ее там. У нее перехватило дыхание. Она побледнела. На лбу выступили капли пота. Они, застыв, смотрели друг на друга. Казалось, прошла вечность, прежде чем Влад воскликнул:

- Вау! Блеск! Ирина Борисовна, поздравляю!

Вернулось настроение грандиозной радости. Ира глянула на часы. Стрелки не успели сдвинуться с места. Даже минутная. Лешка ничего не заметил. Видимо, их общее с Владом погружение в запретное длилось всего миг. Влад – умничка! Он понял, для чего ей понадобилась эта всё сметающая на своем пути радостная грандиозность.

- Когда переезжать думаете? – спросил он.

- Чем скорее, тем лучше – хочу там вместе с Лешкой остаток его каникул провести.

- Я понимаю, – многозначительность во взгляде Влада сквозила лишь столько, сколько требовалось, чтобы Ира это заметила, и тут же сменилась беззаботным весельем.

- ... а этот Лешка, – Ира с вычурной укоризной посмотрела на сына, – сегодня, вместо того, чтобы собраться, сам завалился и меня завалил кинушки смотреть!

- Леха, ты не прав!

- Ага! Представляешь, я тут мирно отдыхаю, ничего не подозреваю и вдруг ни с того, ни с сего переезд на новое место жительства! Да тут любой попутает!

- Леха! Ты не любой!

- Ладно, навалились... Ну стыдно мне. Больше не буду.

- Так, Ирина Борисовна, брошу-ка я завтра на произвол судьбы Валентиныча, помогу вам вещи собрать, а вечером снова обижу вышеупомянутого Валентиныча, заберу его «ГАЗель» и мы все перевезем. Идет?

- Ой, не знаю, успеем ли мы все за день...

- Ирины Борисовна! Вы же не во Владивосток переезжаете? Так что, если чего и забудем – тут недалеко.

- Ты прав...

- Если я правильно понял, Вам, самое главное, именно переселиться туда как можно быстрее и освоиться, ведь так?

- Так, Влад. Давай-ка я Валентинычу позвоню.

- Не надо, Ирина Борисовна, я сам, – и он достал мобильник.

Валентиныч, естественно, не возражал, разрешил взять машину на весь день и даже вызвался помочь, но Влад сказал, что их тут и так два молодых здоровых парня, так что справятся.

На следующий день Ира, проснувшись, услышала в своей прихожей приглушенные голоса и шорохи непонятного происхождения. Оказалось, что Влад уже давным-давно поднял Лешку, и они таскают в дом надыбанные где-то большие картонные коробки. О такой необходимой для переезда утвари Ира как-то не подумала. Она поднялась, накинула на себя халатик и вышла.

- Доброе утро! – отчеканили мальчишки.

- Доброе утро, ребят! Какие вы умнички! Я вот даже и не подумала, что коробки понадобятся.

- Эт не страшно! – добродушно сказал Влад.

Он оказался прекрасным руководителем, быстренько определив каждому посильный участок. К трем часам дня сборы торжественно завершили. В четыре Иру, которой не позволили участвовать в погрузочных работах, оставив на попечение Люси, пригласили занять свое место на борту, и переезд стартовал.

- - -

Зив и Лоренц приветствовали их, чинно восседая по обе стороны парадной двери.

- Ой, Ирочка! Приехали! – радостно окликнула ее Татьяна Николаевна со своего двора. – Может, чайку, пока ребята разгружают, или компотику холодненького?

- Да-да, идите, Ирина Борисовна, – поддержал предложение Влад, который ни в какую не желал подпускать Иру к тасканию коробок. – Мы, как все разгрузим, Вас позовем.

Ира повиновалась. Через полчаса за ней прибежал Лешка, но Татьяна Николаевна Иру не отпустила, а велела позвать Влада:

- Можете даже дверь не прикрывать. Вы не смотрите, что песик с котиком больше на изваяния похожи. Они такой отпор способны дать! Ведите сюда своего товарища, я вам расскажу.

Лешка убежал и через пару минут вернулся с Владом. Холодный компот приятно освежал, а Татьяна Николаевна самозабвенно рассказывала историю о том, как Зив и Лоренц поймали вора, и что с этим беднягой приключилось. Татьяна Николаевна рассказывала, да еще и показывала всю сценку просто уморительно, и гости хохотали от души. Но время шло, и они отправились разбирать вещи.

- - -

В цоколе находились: уютная просторная прихожая, лестница из которой вела на первый этаж, гараж и большое хозяйственное помещение. Первый этаж дома занимали гостиная и кухня. Из гостиной по другой лестнице можно было спуститься в хозяйственное помещение цоколя или подняться на верхние этажи. На втором этаже расположились две большие комнаты – спальня и кабинет – двери в которые вели из просторного холла. Третий этаж представлял собой мансарду, разделенную перегородками на пять маленьких комнаток, и небольшой холл – очень неплохая идея для наплыва гостей. На каждом этаже имелся свой санузел.

Спальня на втором этаже показалась Ире знакомой. Вроде именно здесь она прожила пять зимних дней – ее и облюбовала. В распоряжение Лешки поступил весь третий этаж. Стоявший в кабинете компьютер оказался не так чтоб очень, но достаточно сносным. Хозяин, видимо, им не пользовался, потому что, кроме стандартных программ Windows-95, на нем больше ничего не стояло и ни одного файла данных не было. Его вместе со столом и стулом отволокли Лешке на третий этаж, а Ире установили ее рабочую мебель и комп. Книги решили сегодня не разбирать. Посуду и инструменты – тоже. А одежда в просторных встроенных шкафах разместилась быстро. Особенно у Лешки. Ира вполне обоснованно предположила, что он просто свалил ее туда кучей. В общем, порядки, конечно, еще наводить и наводить, но хоть по помещениям ящики разнесли.

Пока Ирина с Лешкой складывали по местам одежду и другие мелочи, Влад заварил чай и сделал бутерброды. Часов около восьми вечера все собрались за столом в гостиной.

- Ирина Борисовна, что с вами? – спросил Влад, заметив ее отрешенную отстраненность от веселой болтовни.

- Пытаюсь свыкнуться с тем, что я у себя дома.

- Да уж, такая стремительность кого хочешь из колеи выбьет. А ты, Лешка, чувствуешь себя у себя дома?

- Да я как-то об этом еще не думал... но мне здесь нравится.

Ире тоже здесь нравилось, и она-то как раз чувствовала себя вполне дома. Именно это и поражало ее больше всего.

- Влад, а ты не забыл, что тебя тоже в ближайшие дни ждет переселение? – спросила она, отгоняя непонятки с собственными ощущениями.

- Ирина Борисовна, вот как обживетесь здесь в полной мере, вот тогда и я о переселении подумаю. А вообще, спасибо Вам большое, ведь я так и не поблагодарил Вас.

С этими словами он поднялся, обнял в порыве благодарности Иру и сообщил, что ему, вообще-то пора.

Ира с Лешей думали, что, проводив Влада, еще посидят вдвоем, но как-то неожиданно обнаружили, что сил не осталось даже на то, чтоб убрать со стола, и они разбрелись по своим комнатам.

В открытое окно ворвался прохладный воздух вечера. Под пение сверчков, цикад и лягушек зажигались первые звезды.

Глава 17

Реализм. Основы практического использования

Птичий хор, грандиозным tutti приветствовал первые лучи солнца. Ира уже было направилась в ванную, но тут вспомнила, что теперь в самой непосредственной близости в ее распоряжении самая настоящая горная река. Планы относительно утреннего моциона резко изменились. Она перекинула через плечо полотенце и спустилась на улицу. Зив и Лоренц радостно приветствовали ее. Она с удовольствием помиривалась с ними и направилась к калитке. Они следовали за ней.

- Что? Со мной пойдете?

Зив и Лоренц дружно кивнули головами. Ира улыбнулась, но что-то екнуло внутри. Не так чтоб неприятно, но... Она вернулась, замкнула дверь, и они отправились всей компанией. Уже за калиткой Зив и Лоренц всеми, доступными им, способами пытались объяснить Ире, что идти нужно в противоположном, избранному ею, направлении. Она подавила, уже поднимавший голову, мистический трепет, вытащила и победно водрузила более реалистичную заинтересованность любопытным поведением животных и последовала за ними. Последние явно обрадовались ее понятливости, обычно несвойственной людям.

Ира ничуть не пожалела, что доверилась своим четвероногим спутникам. Они углубились по тропинке в лес и минут через десять вышли к небольшому ручью, который стремительно падал с достаточно высокого уступа – метра эдак два-три – в продолбленное им в известняке озерцо, ширина которого вполне позволяла даже поплавать, а глубина под самым водопадом составляла немногим меньше Ириного роста. К тому же чуть ниже поверхности воды в скале имелся небольшой уступ, на который можно было сесть и наслаждаться с силой бьющими по телу струями. Ира полностью разделась и отдалась прохладной кристально чистой воде. Зив и, что самое удивительное, Лоренц составили

ей компанию. Ира как-то видела однажды ротвейлера, который нырял и доставал со дна камни, так что Зив ее своими навыками дайвинга, конечно, удивил, но не так, чтоб совсем. А вот Лоренц! То, что он просто по доброй воле полез купаться, уже выходило за рамки укоренившегося в Ирином сознании мнения о кошках. Но когда он самозабвенно нырнул и поплыл под водой как выдра, тут Иру, по ее собственному убеждению, спасли только летящие на голову холодные струи.

- - -

Не прошло и трех дней, как жизнь начала входить в колею. В совершенно новую колею, гораздо более комфортную... да просто замечательную! Почему именно три дня? Первые два Ира с Лешей потратили на подгонку дома под себя. Распаковали все вещи и аккуратно разложили по местам. Сделали небольшую перестановку. В мансарде убрали часть перегородок, оставив нетронутыми из пяти всего две маленькие комнатки – это оказалось гораздо проще, чем они предполагали изначально – и на освобожденной площади оборудовали прекрасную художественную мастерскую. На третий день Ира возобновила работу, прерванную Игорем Александровичем и последовавшими за этим событиями, а Лешка посвятил себя обследованию окрестностей.

Периодически их посещала Татьяна Николаевна. В первый день более близкого знакомства Иру захлестнула волна сострадания к одинокой пожилой женщине. Потом Ира ругала себя, опасаясь, что дала повод Татьяне Николаевне к чрезмерной навязчивости, но та оказалась очень тактичной дамой. В первый день после переезда она зашла к ним часиков в одиннадцать – принесла еду для животных и трехлитровый баллон ледяного компота из свежих фруктов.

- Давайте помогу вам, – предложила она.

Ира вежливо отказалась, но Татьяна Николаевна улыбнулась, удивленно подняла брови и, вооружившись тряпками, исчезла в глубине дома. В итоге, дом, еще не блиставший порядком, сиял чистотой, а на столе, к не то позднему обеду, не то раннему ужину, красовалась большая миска с посыпанной зеленым луком и укропом горячей молодой картошкой в сметане и салат из огурцов и помидоров. Ира настойчиво приглашала Татьяну Николаевну присоединиться к трапезе, но та отказалась, сославшись на то, что пока они были заняты, она уже перекусила. На следующий день ее приход Ира вообще как-то пропустила и заметила, лишь столкнувшись на лестнице, когда спускала вниз очередную демонтированную перегородку из мансарды. К вечеру дом сиял и чистотой, и порядком, а к молодой картошке и салату добавился яблочный пирог в честь новоселья. Тут уж Татьяне Николаевне отвертеться не удалось, по крайней мере, от торжественного чаепития.

На следующее утро Ира, возвращаясь в сопровождении Зива и Лоренца с водопада, заглянула к соседке и пригласила к себе. Лешка спал, вымотанный обустройством дома и ночным бдением за компьютером. Ира завела серьезный разговор. В первую очередь она поблагодарила Татьяну Николаевну, честно призналась относительно своих давешних опасений и выразила свое восхищение.

- Деточка! Я ж почти всю жизнь на госдаче горничной проработала!

Ира честно без прикрас и даже в более мрачных тонах, поставила в известность о себе: что собой представляет, что ей хотелось бы и что она способна предложить взамен. Татьяна Николаевна сказала, что именно этим она и занималась большую часть своей жизни, только в гораздо менее комфортных, с точки зрения психологического климата, условиях. Таким образом, официальное соглашение заключили, материальную сторону вопроса согласовали и взаимоотношения оговорили.

Итак, Ира засела за работу. Процесс пошел, и пошел как-то сразу, легко и без мыслительного давления. А какое тут давление, если спросонья и в перерывах купание под струями водопада в компании Зива и Лоренца, фрукты прямо с деревьев заросшего высоченной травой сада, по утрам пение птиц, а по вечерам – цикад, сверчков и лягушек. Перед сном рассказы Лешки о ходе обследования окрестностей. Он быстро подружился с Татьяной Николаевной, и она с огромным удовольствием готовила собранные им грибы и пойманную рыбу. Лешка в свою очередь помогал ей на огороде, с увлечением осваивая далекое от него земледелие. Со временем их деятельность в этой сфере переместилась и на территорию окружавшего Ирин дом заброшенного сада. В один прекрасный день она вышла и обнаружила, что больше не нужно продираться к фруктовым деревьям сквозь заросли травы.

В город Ира выезжала редко – разве что на 73 километр осуществить авторский контроль продвижения работ по благоустройству поющего дома. И, надо сказать, это самое продвижение очень даже радовало. Впрочем, то, что Валентиныч специалист серьезный, Ира давно знала. И Влад оказался не промах. Валентиныч его уважал как равного, а ребята из бригады и вовсе благоговейно боялись. Влад, кстати, очень быстро поставил на место неандертальца Ричарда – по поводу Ирины тот даже в узких кругах заткнулся.

Недели через две их с Лешкой в новом доме впервые посетили гости. Часов в пять вечера к воротам подъехало такси. Из него вышли Влад и Женечка, неся в каждой руке по пакету чуть не рвущемуся от переизбытка продуктов. Окно Ириног кабинета выходило в сад, и она бы ни за что не уловила момента их приезда, но ей из-под ветвей растущей напротив яблони гавкнул Зив. Явление подачи громадным псом голоса относилось к числу крайне редких. Естественно, Ира сразу выглянула, а Зив всем своим видом показал, что с другой стороны дома происходит нечто заслуживающее ее внимания. Она спустилась в гостиную и увидела, как подъезжает вышеупомянутое такси. Ира выбежала из дома навстречу гостям.

- Батюшки! Хоть бы предупредили!

- Ирочка! Зачем же нарушать твою идиллию?! – добродушно, но с легкой иронией проговорил, улыбаясь, Женечка.

- Но сейчас-то нарушили?!

- Отнюдь! У тебя небольшой шок, но идиллия продолжается. И вообще, отцепись от сумок! Их тебе никто не отдаст! Они тяжелые.

Ира открыла дверь настежь, но заходить в дом никто не собирался. Женечка с Владом поставили пакеты на обочину забетонированной подъездной дорожки.

- Итак, уважаемая госпожа Палладина, я надеюсь, Вы не будете возражать против небольшого пикника? – церемонно изрек Женечка.

- Женечка! Влад! – Ира светилась счастьем.

Женечка демонстративно повернулся к Владу и манерно сказал:

- Не будет.

Ира с Владом рассмеялись, а Женечка лишь весело улыбнулся. Ира только собралась начать суетиться, как Женечка ее остановил:

- Ир, расслабься, – а затем обратился к Зиву и Лоренцу. – Ребята, в саду есть что-нибудь типа мангала?

«Ребята» поднялись и пошли в сад. Ира, Женечка и Влад проследовали за ними. Ире в саду ничего типа мангала еще на глаза не попадалось, но уверенность, с которой туда направились Зив и Лоренц, вдохновляла, хотя то, что они знают, что такое мангал, конечно, вызывало сомнения. Однако они дружно остановились около выложенного кирпичами параллелепипеда и преданно взглянули на своих двуногих прямоходящих соседей по планете. К своему крайнему удивлению Ира заметила, что здесь есть и небольшая беседка со столом и скамейками.

- Вот и чудесно. Спасибо, друзья! – сказал им Женечка.

Зив улегся на траву, вернее на то, что от нее осталось после сельскохозяйственной деятельности Татьяны Николаевны и Леша, а Лоренц отправился куда-то. Зачем? Стало понятно несколько позже, когда он вернулся вместе с Лешкой. Леша с детства испытывал большую симпатию к кошкам. Видимо, Лоренц это чувствовал.

- Вау! Привет! – Лешка чуть не сшиб с ног Влада. – Здравствуйте, – более сдержанно, но не менее радостно поздоровался он с Женечкой.

- А вот о том, что понадобятся угли, я не подумал. Молодежь! Дрова сами найдете?

- Конечно, Евгений Вениаминович! – ответил Влад.

Зив и Лоренц, судя по всему, посчитали, что тоже относятся к разряду молодежи и отправились вместе с мальчишками.

- Как живется, Ира? – спросил Женечка, когда они остались одни.

- А вот теперь, ты это действительно знаешь гораздо лучше меня, – Женечка ее слова встретил загадочной улыбкой. – Я не позволяю себе думать, – продолжила Ира. – Вообще. Ни о чем.

- Если ты не думаешь, это совсем не значит, что не знаешь.

- О! Женечка... Если я сейчас вот так вот запросто введу в свои мозги то, что я знаю, боюсь, они просто не выдержат, а если знание не проходит через мозг, а следовательно, не подвергается вербализации, то его вроде как и нет вовсе.

- Bravo! Палладина! Из вышесказанного делаю вывод, что живется тебе хорошо. И это здорово!

Первым дрова, точнее один тоненький изящный дров принес Лоренц. Прошествовал он с ним в высшей степени победоносно и с чувством преисполненным достоинства положил на дно мангала. Следующим с

добытым легковоспламеняющимся горючим прибежал Лешка. Потом увесистое почти бревнышко принес Зив. Влад тащил несколько больших длинных веток, верхушки которых вполне годились для розжига, а основания с некоторым натягом, но могли бы дать и угли. Артель дроводобытчиков вновь отправилась на промысел.

- Ир, топорик есть?

- Еще не знаю. Должен быть, наверное, – Ира направилась к дому.

- Сядь, посиди, я сам найду, – остановил ее Женечка.

И минуты не прошло, как он уже рубил дрова для костра, а тем временем поступали все новые и новые партии.

Костер завораживающе потрескивал. Женечка разбирал пакеты, выкладывая содержимое в принесенные им же вместе с топором миски. Кстати, он прихватил с собой и шампуры.

- Жень, я тут не первый день живу, но, наверное, только топор искала бы не менее полчаса.

- Ну да, а за мисками и шампурами отдельно бы бегала.

- Вот-вот! И шампуры, тоже, наверное, долго б искала.

- Вот-вот, а нужную вещь ее просто ласково позвать нужно и она сама тебя найдет.

- Жень, давай ты мне об этом как-нибудь потом расскажешь!

Женечка рассмеялся.

- Ир, будь другом, принеси соль. Все ж таки что-то да забыл.

Ира взяла на кухне соль и тут подумала, что вода ведь тоже понадобится. Не найдя ничего больших размеров она набрала полный чайник. Женечка хохотал от души:

- Девочка-умница! Подумала! Водичку принесла! А теперь сюда посмотри!

Теперь смех разобрал и, ничего до сего момента не понимающую, Ирину – рядом с беседкой имелся водопроводный кран.

К кулинарным заботам Женечка Иру не допустил. Так что пока он занимался жаркой баклажан над полыхающим пламенем костра, Ира рассказывала, как течет ее жизнь на новом месте. Как она просыпается по утрам под пение птиц, как купается в водопаде вместе с Зивом и Лоренцем, как, не напрягаясь, работает.

- Что именно делаешь? – поинтересовался Женечка.

- Отрисовываю в 3D-мак-е во всех подробностях виртуальные модели экспонатов с Генкиных фоток.

- Зачем? – несколько удивился Женечка.

- Надо...

На самом деле Ира отрисовкой закончила уже заниматься, но: ни зачем она это делала, ни что на самом деле делает сейчас – Женечке говорить не хотела. Что-то в ней основательно противилось посвящению его в тонкости своих открытий и, последовавшее за этим, направление работы.

Молодежь, натаскав достаточное количество топлива, испарилась на весьма продолжительный отрезок времени и вернулась вся мокрая – явно с водопада. Влад бурно выражал свои восторги, за что Женечка

вознаградил его своим доверием в области виртуозной жарки болгарского перца на открытом огне. После того, как Влад внимательно выслушал инструктаж и сдал практический экзамен, Женечка торжественно передал ему бразды правления и удалился к местной водной достопримечательности в сопровождении Ирины, Зива и Лоренца.

Мощный низвергающийся поток не давал открыть глаза и нормально дышать. Впрочем, в затруднении дыхания виновата была не только природная стихия, но и Женечка, который то и дело закрывал Ире рот поцелуями. В какой-то момент ей показалось, что грохот падающей воды превратился в торжественный чистый трубный глас, и они вместе воспарили над горами. Она боялась открыть глаза, боялась обнаружить, что это не просто ощущения, вызванные хлеставшей по ее телу водой и Женечкиными ласками. Звук трубы под аккомпанемент свистящего ветра складывался в «Полет Валькирий» Вагнера, по крайней мере, что-то очень похожее. Ира откинула прочь страх и отдалась наслаждению, но глаза все же открывать не стала. Как это все закончилось, она не уловила. Просто в какой-то момент почувствовала, что лежит на теплой прелой листве в тени деревьев. Ее голова покоилась у Женечки на коленях, он поддерживал ее рукой и перебирал волосы, Зив облизывал лицо, Лоренц свернулся калачиком в районе солнечного сплетения и мурлыкал. Ира открыла глаза.

Женечка сосредоточенно смотрел в никуда и заметил ее возвращение лишь тогда, когда Зив что-то выразительно проурчав, ткнулся ему в плечо.

- Ира, как себя чувствуешь?
- Хорошо.
- Идем?
- Да.

Они поднялись, оделись и отправились в сторону дома. По дороге заглянули к Татьяне Николаевне и забрали ее с собой на пикник.

На столе в большой миске лежали очищенные баклажаны. Лешка дочищал перец, а Влад жарил помидоры. Татьяна Николаевна присоединилась к Лешке, Женечка сменил Влада. Влад стремительно подлетел к Ирине:

- Ты как? – тихо спросил он.
- Все нормально, – также тихо ответила она.

Женечка завлек потрясающе интересной беседой на тему то ли физической кулинарии, то ли кулинарной физики Татьяну Николаевну и Лешку, сидящих спиной к Ире и Владу. Влад встал позади и положил руки Ире на плечи. Только теперь она почувствовала, что вся дрожит. Влад обменялся коротким взглядом с Женечкой. Поняла это Ира по взгляду последнего, направленного первому. Женечка поспешно отвел глаза и продолжил нести околесицу. Однако Ира успела заметить страх и озадаченность в его глазах, но не стала на этом заострять внимание, точнее, не позволила себе этого, и послушный мозг вместо терзаний загадками извлек из памяти образ Заура.

- Слушайте! – радостно возвестила она. – Я ж совсем забыла рассказать вам самое интересное!

Женечка чуть помидоры в костер ни уронил.

- Представляете, – продолжала Ирина, не без несколько злорадного удовольствия наблюдая реакцию Женечки, – когда я впервые приехала сюда уже в качестве хозяйки, на обратном пути меня подвез Заур, брат Нодара, который с тобой, Влад, в одном классе учился.

- Да Вы что?!

Нодар не принимал участия в их зимней вылазке в аквапарк, потому что его не сумели найти, и теперь Влад искренне радовался, так как в школе они хоть и не являлись лучшими друзьями, но тусовались в одной компании.

- Он живет где-то неподалеку. Телефон мне оставил.

- У них здесь, по-моему, где-то дом бабушки с дедушкой. Давайте позвоним!

Ира набрала номер:

- Привет, Заур, это Ирина Борисовна.

Слов Заура окружающие не разобрали, но, судя по голосу, он очень обрадовался звонку.

- Нет, Заур, мне ехать никуда не надо. У нас тут пикничок небольшой. Влад с нами – одноклассник Нодара. Так что, если есть время и желание, бери с собой своего старшего брата и приезжайте.

Заур, судя по всему, принял Ирино приглашение с энтузиазмом, так как Ира стала объяснять ему дорогу. Через пятнадцать минут потрепанный «Жигулёнок» остановился около Ириных ворот. Нодар нес две бутылки домашнего вина, а Заур – пакет с зеленью, фруктами и овощами и еще кружок домашнего сыра. Встреча получилась бурной. Нодар то обнимался с Владом и Лешкой, то кружил, высоко поднимая над землей, Ирину. Заур просто, но очень доброжелательно поздоровался за руку со всеми присутствовавшими представителями мужского пола и галантно поцеловал руки дамам.

К этому времени все овощи, которые нуждались в жарке на огне, пожарились, и углей нагорело в самый раз, так что мужская часть компании занялась шашлыками, мясо для которых Женечка привез уже замаринованным. Ире с Татьяной Николаевной доверили резать салат и приводить стол в торжественный вид. По ходу выяснилось, что родители Нодара и Заура свою квартиру подарили старшей дочери и переселились на Красную Поляну, открыв там небольшой отель. Бабушку с дедушкой забрали к себе. И дом на Пластунке теперь перешел в полное распоряжение братьев. Именно поэтому найти Нодара не представлялось возможным, тем более что связь с одноклассниками он потерял, пока очно учился в Ростове. Теперь учится заочно, так как уже женился и месяца через два собирается стать отцом. Ему пришлось уступить требованиям собравшихся, и через некоторое время их компания пополнилась его женой Ритой. Прием будущей маме оказали королевский и усадили за стол со всеми почестями. Татьяна Николаевна специально для нее принесла свой чудесный компот. Влад сообщил о неотвратимо надвигающейся собственной свадьбе, и Заур, Нодар, Рита, а заодно и Татьяна Николаевна оказались в числе приглашенных.

Время пролетело незаметно. Гости разошлись уже затемно, и после уборки территории совместными силами, жизнь Иры вошла в уже ставшее привычным русло.

Влад в Ирину квартиру перед свадьбой переселяться не спешил. Лишь за неделю до торжественного дня бракосочетания с Алиночкой, Ира настояла, чтобы он занялся обустройством будущего семейного гнездышка. Лешка вызвался ему помогать, а Ира с Валентинычем всеми силами высвободили от служебных обязанностей.

Свадьба состоялась в полном соответствии с представлением об этом важном, радостном и торжественном событии, которое существовало в воображении Алиночки и ее родителей. Влад не уставал дивиться тому, как легко угождать человеку, который для тебя ничего не значит. Единственное, его бесило то, что в Ириной квартире Алиночка сразу почувствовала себя хозяйкой, но Ира остудила его праведный гнев:

- Влад, да пусть чувствует себя как хочет! Это даже хорошо, что она сразу начала гнездиться – по крайней мере, от бытовых проблем будешь избавлен.

Влад успокоился и в день свадьбы послушно исполнял то, что от него ожидали. Впрочем, этот день оказался для него гораздо важнее, чем он мог себе представить. Совершенно неожиданно он на своей собственной свадьбе познакомился со своим собственным отцом. Точнее, не так, чтоб уж совсем уж познакомился...

В общем, мать его растила одна. Когда его еще в раннем возрасте стал одолевать вопрос, где же его папа, он с недетской тактичностью вдруг понял, что маме его задавать не нужно. Когда же его об этом спрашивали, выкручивался, как мог – где хамской грубостью, а где и откровенным кулаком. В общем, с ненужными расспросами отставали от него быстро. А дело обстояло так:

Мама его работала по комсомольской путевке на одной из ударныхстроек разнорабочей, скрываясь от первого неудачного замужества. Отец проходил там институтскую практику. У них закрутился роман, но родители парня смотрели на сыновни похождения сквозь пальцы лишь до тех пор, пока девушка не забеременела. Тут уж они вместо того, чтобы сыну устроить счастливую семейную жизнь, устроили очень веселую обоим влюбленным голубкам – сына посадили под домашний арест, а не в меру приткой девице выдали денег на аборт в комплекте с билетом в один конец куда подальше. Аборт ее отговорила делать случайная знакомая на вокзале и потащила с собою в Сочи, где они без проблем устроились в зеленстрой одного из санаториев и получили комнату на двоих в семейной общаге. Когда Владу исполнилось три года, материна подруга, выйдя замуж, от них съехала.

Отец Влада в Сочи переселился несколькими годами позже посредством институтского распределения, понятия не имея, что здесь живет его первая любовь вместе с их общим сыном. Впрочем, о ребенке он знал – сведения о том, что его любимая решила рожать, какими-то не-

понятными путями просочились на ее прежнее место работы, но принятые им поиски результатов не дали. Дело в том, что знал он ее по фамилии первого мужа, а она еще перед родами вернула себе девичью.

Подумать только, что без малого двадцать лет они жили без малого по соседству, ходили по одним и тем же улицам... и встретились не где-нибудь, не как-нибудь, а на свадьбе собственного сына.

Влад, весь день находившийся во власти протокола, заметил нечто странное в поведении матери и Валентиныча лишь вечером в ресторане, когда Алиночка, слегка захмелев, слегка ослабила хватку.

Мать, поймав взгляд сына, подозвала его жестом. Он подошел.

- Ой, сынок, прям не знаю, как тебе и сказать... – она начала тихонько всхлипывать.

- Мамуль, что случилось?

- Влад, давай выйдем, – предложил Валентиныч и уверенно направился в сторону балкончика.

Влад последовал за ним. Дверь в шумный зал закрылась.

- Влад, я тоже не знаю, как тебе сказать... – он немного помолчал, потом собрался с духом и, зажмурившись, выпалил, – в общем, Влад, ты мой сын.

Валентиныч стоял, опустив глаза, Влад, ничего не видя, смотрел вдаль. Они курили по третьей сигарете. К ним вышла мать вся в слезах и, считая, что Валентиныч так и не смог ничего сказать, взяв себя в руки, начала:

- Владушка, Валера – твой отец. Понимаешь...

И она пустилась рассказывать сыну всю их историю, делая упор на то, что Валера, ее любимый Валера не бросал их, что просто так вышло... Говорила она очень быстро и сбивчиво, но Влад, хоть и казалось, что он ничего не слышит, жадно ловил каждое слово матери. В какой-то момент он рванулся к двери.

- Влад! – в отчаяние крикнула мать.

Он вернулся, расцеловал их:

- Все в порядке... Мне просто нужно осознать... – сказал он и скрылся за дверью.

В зале он быстро отыскал Ирину. Она танцевала с Женечкой, оберегавшим ее весь день от посягательств Алиночкиного папаши.

- Евгений Вениаминович, извините, – выпалил он, буквально вырывая Иру из его объятий.

- Влад, что стряслось? – в полном недоумении спросила она.

- Ира, в двух словах не объяснить... Просто побудь со мной, пожалуйста...

- Влад, хоть намекни!

- Поверь, все нормально... даже лучше... но у меня голова кругом...

Влад был абсолютно трезв – в этом Ира не сомневалась. Даже намек на запах спиртного от него не исходил. Но выглядел он слабо вменяемым. Ира, танцуя, незаметно вывела его на улицу.

- Садись, – сказала она, указывая на скамейку.

Влад не понимал, как здесь оказался, но послушно присел.

- Рассказывай...

Влад закурил. Немного помолчал, а потом медленно, как бы стараясь запихнуть в собственное сознание новую истину, проговорил:

- Ира, Валентиныч – мой отец.

Он порывался рассказать ей то, что почти только что услышал от матери, но не мог – слова застревают где-то и не могли прорваться.

- Пойдем...

Ира властно взяла его за руку. Он повиновался. Она повела его к морю. На пляже никого не было. Даже по набережной никто не гулял.

Они, проплыв до буйка и обратно, в едином порыве сплелись телами почти у самого берега. Потом совершили еще один заплыв, после которого долго сидели на берегу, обсыхая, прежде чем отправиться в обратный путь.

- Влад, скажи честно, тебя то, что ты узнал сегодня, огорчает или радует?

- Радует... – ответил Влад не задумываясь, но еще пребывая в прострации.

- Ну так радуйся!

Ира улыбнулась ему. Глаза ее сияли в свете звезд. Влад улыбнулся в ответ и почти пришел в себя.

- Знаешь, Ир, весь этот цирк, с этой дурацкой свадьбой стоило устроить только ради этого.

- Видишь, как здорово, так что иди и в благодарность продолжай исполнять обязанности жениха.

Ира тщательно осмотрела его, поправила волосы и запустила в зал, сама оставшись на улице. Она села на скамейку и закурила.

Подумать только! С Валентинычем она познакомилась задолго до того, как переступила порог отпадного 9Д в качестве классного руководителя. А за время своего трехлетнего учительствования успешно с ним сотрудничала и даже не подозревала, что переросток за последней партией – это его сын. Впрочем, познакомив их, а затем, наблюдая их взаимоотношения, она не раз дивилась той близости, которая, возникнув сразу, укреплялась день ото дня.

- И что это было? – спросил Женечка, усаживаясь рядом.

- Зов крови, наверное...

- Не понял... И куда это кровь позвала госпожу Палладину?

Ира удивленно уставилась на Женечку.

- Ира, я, конечно, умею улавливать оттенки твоего состояния, и то, только в том случае, если ты этому не препятствуешь. Если я знаю примерно, о чем может идти речь, то, как тебе кажется, почти дословно цитирую твои мысли. Но еще раз повторяю: с телепатией у меня так же, как и у тебя, то есть – никак.

До Ирины медленно доходил смысл сказанного Женечкой, но, в конце концов, дошел, и она рассказала ему потрясающую новость. Женечка расхохотался и с издевкой в голосе предложил ей, в качестве приработка, написать по этому сюжету сценарий для мексиканского сериала.

- Ира, даже для Влада, по большому счету, все это мелочи жизни.

Она попыталась поспорить с Женечкой на эту тему, но он, не обращая никакого внимания на Иришкины пламенные речи, просто вернул ее в зал, в самую гущу свадебного веселья. Впрочем, в глубине души ничто не противоречило Женечке, но в глубину ту с некоторых пор Ира намеренно не ныряла.

Глава 18

Системы безопасности

Неотвратимо надвигалось 26 августа – день отъезда Лешки. Последнюю неделю перед расставанием Ира провела с сыном, забросив на время свою работу. Целыми днями в сопровождении Зива и Лоренца они лазили по окрестным горам, наслаждаясь природой и обществом друг друга. Вечером двадцать пятого приехал Влад, и они втроем устроили прощальный вечер, а утром все вместе поехали провожать Лешку.

- Мамуль! Пока! Не волнуйся! У меня все хорошо будет! – подбадривал Лешка мать, целуя на прощанье.

Ира смотрела ему вслед, пока он совсем не скрылся в зоне регистрации.

- Ну что, Ир, пойдем?

- Да...

Ира немного отстала из-за хаотично снующей туда-сюда толпы, а тут еще и мобильник запел:

- Ирочка, ко мне заглянуть не желаешь?

- Желаю, Женечка.

- Жду.

Ира догнала Влада уже у самой машины. Видавшая виды «Нива» Валентиныча тронулась, и Влад спросил:

- Куда тебя отвезти?

- Давай к Ривьере.

- Как скажешь...

Всю дорогу до Ривьеры они ехали молча. Ирой владело неуклонно усиливающееся несколько странное настроение, которое она пыталась связать с отъездом Лешки. Не получалось. Настроение не содержало в себе и тени тоски, причитающейся долгой разлуке. Да и зародилось оно, мягко говоря, не сегодня... Описанию не поддавалось... И оценкам: «хорошее» или «плохое» – тоже.

Ира попросила Влада остановить у центрального входа в парк. Женечка ждал ее в районе Зеленого театра. Между ними царил состояние какой-то непонятной, небывалой для них неловкости. Лишь около входной двери в квартиру Женечка взял Иру за руку. Они вошли и еще какое-то время молча стояли в прихожей. Первой замешательство преодолела Ирина. Она обняла Женечку, прижалась к нему и очень тихо, но как бы перекрывая все слышимое и даже видимое вокруг, сказала:

- Спасибо...

Женечка обвил ее руками и нежно, но с неимоверной силой прижал к себе. У Иры возникло ощущение, будто в ее груди бьются сразу два сердца – одно с левой, а другое с правой стороны.

- Лето на дворе – разденься, – еле слышно прошептал Женечка, почти что просто легонько выдохнул, около самого уха.

Горячая дрожь пробежала у Иры по позвоночнику, а внутри все окаменело. Ее правая рука начала протискиваться между их плотно прижатыми друг к другу телами к пуговице на шортиках, но в этот момент Женечка, выпустив ее из своих объятий, стал сам снимать с нее одежду, а потом поднял на руки и отнес в спальню.

От невыносимости наслаждения Ира несколько раз почти теряла сознание, но Женечка ловил его последние искорки, возвращал в реальность и с неумолимой жестокостью продолжал истязание, едва касаясь губами, руками и безжалостно впиваясь взглядом даже не в тело, а куда-то глубже за всеми мыслимыми его пределами. Периодами Ира полубессознательно пыталась сопротивляться, но Женечка грубо пресекал попытки ее тела защитить самое себя от непонятного физическому естеству глумления. Ира вскрикивала, из глаз текли слезы. Женечка слизывал их, обдавая ее лицо горячим, тяжелым, но спокойным и ровным дыханием. В какой-то момент Ира перестала чувствовать тело. Она парила в полном вакууме, где не было ничего – ни света, ни темноты, ни шума, ни тишины. И даже самого вакуума не было.

- - -

- Ира, пей...

Женечкин голос смутно долетал откуда-то. Потом она услышала звуки собственных глотков и с ощущением неимоверной горечи, словно самолет при не мягкой посадке, очень сразу, очень резко вновь почувствовала тело, сковавшее ее болью, неприятным вкусом, и ощущением терпкого запаха. Ира отпрянула от стакана, вливавшего горечь в ее рот, и струйка темно-коричневой жидкости пролилась ей на грудь и живот.

- Ира, это полынь. Пей. Надо.

Женечка поддерживал ее одной рукой под голову, другой сжимая стакан.

- Пей, – еще раз повторил он.

Ира стала послушно глотать, морщась от горечи. Женечка ослабил хватку лишь тогда, когда стакан остался пустым.

- Кто-то когда-то обещал быть помягче, – медленно и тихо проговорила она.

- Я нагло врал, извини, – Женечка тепло улыбался. – Но ведь понравилось!? – голос Женечки играл всеми красками слащавой приторности.

- Что именно?

- Ну, например, вкус полыни, – ехидничал Женечка.

- О-очень! – возмутилась Ира и резко села. Комната поплыла перед глазами.

- Э-э! Не так быстро! – Женечка едва успел подхватить ее. – Без резких движений, госпожа Палладина! Мне и так пришлось Вас малость искалечить.

- Что?

- Тихо-тихо! Вывихов, переломов и более тяжких телесных повреждений удалось избежать, но вот мелкие нарушения целостности тканей сейчас придется лечить, так что терпи.

Флакончик с балзамом а'ля Женечка был у него уже в руках. Ира айкала, а он смеялся и дул.

- Палладина! Будешь орать – рот скотчем заклею! Ты на меня, лучше, посмотри!

Женечка красовался, а Ира приходила в ужас:

- Что это?!

Его руки и грудь сплошь покрывали глубокие ссадины, из которых сочилась кровь.

- Ваша жемчужная улыбка и идеальный маникюр в действии.

Ира перевела взгляд на кисти своих рук.

- О боже! – воскликнула она при виде пятен крови на ладонях и темно-бурого запекшегося слоя под ногтями.

- Вот-вот! И нечего чувствовать себя пострадавшей! – Женечка усмехнулся и начал, морщась от боли намазывать себя.

- Давай я, – предложила Ира, привстала и снова потеряла равновесие.

- Лежи уж, хищница! – рассмеялся Женечка, а потом очень тепло добавил, – полежи немного, а я сейчас кофе принесу, – и, удаляясь на кухню, нежно поцеловал ее в щеку.

По телу разлилось томное чувство приятного безразличия. Женечка вернулся достаточно скоро. Он одной рукой аккуратно приподнял Ирину, другой, сооружая из подушек нечто вроде кресла.

- Вот так, – сказал он, бережно отпуская ее и подавая чашечку. – Пей. Это – не полынь. Это – вкусно.

- Знаешь, Жень, у меня такое ощущение, что если тебе удастся ввести меня в состояние, когда я перестаю контролировать себя, ты просто вымещаешь на мне всю свою многовековую злобу.

- Ты почти права.

- Почему?

- Почему «права» или почему «почти»?

- И то, и другое...

- «Права», потому что мне на самом деле очень хочется это сделать, а «почти», потому что если я позволю себе поддаться этому порыву, то я тебя, скорее всего, просто убью.

- Знаешь, в глубине души я с недавнего времени недоумеваю, как ты не сделал этого до сих пор.

Женечка расхохотался:

- Нет, Ирка, я тебя точно когда-нибудь придушу собственными руками, – Женечка веселился от души. – Ладно, как чувствуешь-то себя?

- Да вроде нормально...

- А ну-ка, попробуй встать.

Женечка забрал у нее пустую чашечку. Ира поднялась вполне уверенно, но легкая потеря ориентации в пространстве еще не рассеялась окончательно. Так что в гостиную, где ждал шикарно накрытый стол, Ира шла, опираясь на Женечкину руку.

- Ешь, давай, а то помрешь с голоду, и мне придушить некого будет, – веселился Женечка, усаживая Иру на диван.

Ира почувствовала, что действительно очень голодная. Пара отбивных и миска салата исчезли в ней так, что она и заметить не успела. Женечка от души потешался над ее прожорливостью, но, сменив опустевшие тарелки на полную корзину инжира, вполне серьезно спросил:

- Что делать теперь думаешь?

Вполне обычный вопрос вызвал, казалось, ничем не обоснованную настороженность. Ира, не пытаясь понять «с чего бы это?» и следуя интуиции, поскорее скрыла свой вздёрг вполне обычным ответом. Ответом правдивым... но только с одной стороны...

- Пока попытаюсь просто жить. Продолжу заниматься Генкиной мебелью. Ближе к концу сентября съезжу с Генкой и Радным на выставку и после нее окончательно доделаю эскизы. Заодно твой труд читать продолжу и, может быть, даже что-нибудь еще нарисую.

- А поющий домик как поживает?

- Там все по плану и мое вмешательство почти не требуется.

- Это понятно. Я про другое – поет?

- Поет, но только если я там одна... а может, и всегда поет, просто, когда вокруг народ тусуется, я не слышу...

- Может быть... – сказал Женечка задумчиво. – Я по-привычке от тебя расспросов с пристрастием жду, а ты молчишь. Аж страшновато как-то!

Ира усмехнулась. Она чувствовала себя носителем тайной информации в застенках вражеского стана. Почему она так отчаянно пытается спрятать свое странноватое настроение, выяснять было некогда. Женечка его, безусловно, почувствовал. Что это такое, он, судя по «допросу», предваренному «пыткой», понятия не имеет. «И не надо», – решила Ира, и ей тут же пришла на ум замечательная тема для обсуждения:

- Можно подумать ты мне вот так вот и расскажешь, что тогда под водопадом случилось!

- Представляешь – расскажу!

- Да неужели! – с нарочитым сарказмом воскликнула Ира.

Женечка усмехнулся, но тут же стал серьезным.

- Знаешь, я не разнобразия ради сегодня над тобой малость поизмывался. Там в водопаде ты меня перепугала насмерть. Я, в принципе, знаю, что ты такое есть, но даже представить себе не мог, до какой степени ты, оказывается, уже распоясалась, девочка моя!

- Жень! О чем ты? К тому, что случилось в водопаде, я – по крайней мере, осознанно – не имею никакого отношения!

Женечка не удостоил вниманием Ирино замечание.

- В мозгу, то есть в пределах физической плоти, существует особая настройка, заставляющая нас почти бессознательно ассоциировать себя с собственным телом. Подавляющее большинство людей, интересуясь так называемой загробной жизнью, обычно спрашивают: «А что будет с моей душой, когда я умру?». Хотя на самом деле данный вопрос уместней задать по-другому: «Что будет со мной, когда умрет мое тело?». Для человека является безусловным, что «Я» – это тело, а душа – нечто к нему прилагающееся.

Вообще-то, на самом деле, для подавляющего большинства людей формулировка вопроса «а что будет с моей душой, когда я умру?» верна на 99,9%, потому что физическое тело действительно практически единственное, что у них реально есть.

Говоря «реально», я, в данном случае, имею в виду не только эту реальность.

Энергетический сгусток, который принято называть душой, у подавляющего большинства не имеет устойчиво сформированной структуры и поддерживается, создавая личность, лишь за счет жизнедеятельности тела. После прекращения в нем физиологических процессов, такие энергетические сгустки рассеиваются в первозданные энергетические токи, и личность прекращает свое существование.

Но есть и устойчивые личностные структуры, для которых полностью правомерна формулировка «что будет со мной, когда умрет мое тело?».

Наше тело – это универсальный инструмент для взаимодействия с этой реальностью. Правда, в нем заложена потенциальная возможность взаимодействовать и с иными, так называемыми параллельными мирами. Определенные тренировки и условия дают возможность физической субстанции, называемой телом, функционировать при настройках восприятия на другие частоты, но их диапазон невелик, а возникающее взаимодействие неполноценно. Применение на практике этих возможностей лежит в основе эзотерики и оккультизма.

- ...к чему ты меня постоянно пытаешься приобщить, – язвительно встала Ира.

Женечка смерил ее взглядом.

- Ира, я владею всем арсеналом оккультно-эзотерических практик, но я никогда даже не пытался приобщать тебя к тому, что человечество имеет в виду, говоря об эзотерике и оккультизме. И не собираюсь этого делать.

- Тогда что же ты со мной делаешь?

- В данный момент я пытаюсь проинформировать тебя о некоторых функциях биологической системы под названием человеческое тело. И надеюсь, что ты позволишь мне продолжить.

Ира не могла припомнить, чтобы Женечка когда-нибудь разговаривал с ней до такой степени серьезно, и спросила:

- Это так важно?

- Да. Ты, как человек, думаю, уже догадалась, что ты, как не человек, являешься устойчивой личностной структурой?

- Ну... наверное...

- Замечательно! Так вот, ты, как устойчивая личностная структура, прекрасно знаешь, что человеческое тело не является для тебя необходимой деталью для продолжения существования и относишься к нему без должного почтения. Безусловно, боль и инстинкт самосохранения надежно защищают тебя от того, чтобы, образно говоря, выкинуть свое тело на помойку, и чисто внешне ты обращаешься с ним, вроде, как и положено. Но это только чисто внешне.

- Жень! Я не понимаю...

- Знаю, а потому и пытаюсь объяснить.

Итак, биологическое тело – это универсальный инструмент для взаимодействия с этой реальностью, границы которой потенциально могут быть расширены за счет расширения круга воспринимаемых излучений. Биологическое тело представляет собой сложную систему, состоящую из трех систем: системы жизнеобеспечения, системы коммуникации и системы управления. По поводу системы жизнеобеспечения тебе, в данном случае, вполне достаточно сведений полученных в школе на уроках биологии. Систему коммуникации – то есть систему обмена информацией – мы тоже сегодня особо рассматривать не будем. Единственное, замечу, что все, что касается изменения настроек восприятия, относится к этой системе.

Сегодня я расскажу тебе о системе управления.

Структура системы управления имеет два основных отдела: сознание и подсознание.

Сознание – это привычные мыслительные процессы, позволяющие осознавать и взаимодействовать с окружающим миром, доступным восприятию с помощью слуха, зрения, вкуса, обоняния и осязания.

Подсознание, по сравнению с сознанием гораздо объемнее, если можно так выразиться, и имеет сложную структуру, состоящую из пяти отделов:

Один из отделов осуществляет контроль и управление всеми системами жизнеобеспечения биологического тела.

Другой отдел контролирует настройки восприятия на определенных параметры излучений.

Третий отдел работает с информацией, полученной извне от источников недоступных сознанию.

Через четвертый отдел осуществляется связь личностной энергетической структуры с системой «человек».

Пятый отдел – это своеобразный информационный склад называемый памятью.

- Жень, извини, а что значит: информация от источников недоступных сознанию?

- Это касается системы коммуникации, и как-нибудь я тебе расскажу об этом подробнее. А сейчас... Каждый орган нашего тела, каждая клеточка постоянно принимают извне и посылают вовне сигналы. Даже «официальные» органы чувств принимают и передают не только ту информацию, которую мы осознаем. Вот со всем с этим и работает один из отделов подсознания.

- Как я понимаю, это источник интуиции?

- Можно и так сказать. Ира, речь, с помощью которой люди общаются, отражает реальность, доступную для сознания, и, естественно, явления иного порядка объяснить в существующих терминах и понятиях с необходимой точностью не всегда получается.

- Подожди, мы ведь вроде как о физиологии, а она не выходит за рамки естественного.

- Ира, в мире не существует ничего, что могло бы ВПИСАТЬСЯ в рамки естественного. Естественное – иллюзия нашего сознания. То, о чем мы сейчас говорим, сознанию недоступно.

- Но как же недоступно, если мы говорим об этом?

- Ира, мы можем поговорить с тобой, к примеру, о том, как бьется сердце, но его биение никогда не станет доступно непосредственному управлению сознанием.

- Жень, но ведь есть люди, которые умеют осознанно управлять сердцебиением.

- Есть. И я в их числе. Видишь ли, осознанно, сознательно – это еще не значит, что посредством сознания. Потерпи чуть-чуть. Я буду рассказывать дальше, и тебе постепенно все станет яснее и понятнее.

Сознание и подсознание связаны между собой, но если подсознанию доступна вся информация сознания, то для большей части информации, которой владеет подсознание, переход в сознание напрочь закрыт. Это мера систем безопасности, позволяющая нам спокойно жить.

- В смысле?

- Вот тебе самый наглядный пример: благодаря системе безопасности, не допускающей в сознание всю информацию подсознания, мы не осознаем и не чувствуем без крайней необходимости процессы жизнедеятельности, постоянно и непрерывно текущие в нашем биологическом теле. Второй, может быть менее наглядный, но также доступный пониманию пример – это сохранение настроек восприятия, позволяющее, грубо говоря, утром просыпаться там, где ты уснул вечером.

С одной стороны системы безопасности – это действительно благо. Они действительно ограждают нас от целого ряда проблем, решая их, как говорится, на автопилоте, но с другой стороны...

Как я уже говорил, один из отделов подсознания ведает связью личностной энергетической структуры со своим человеческим воплощением. При этом личностная энергетическая структура имеет полный доступ ко всей информации воплощения, а вот воплощение – нет. Вообще-то, подсознание может запросить любую информацию, и ему не будет отказано. Но только подсознание. Сознание непосредственно от личностной энергетической структуры ничего узнать не может.

Правда, прямой канал связи личностной энергетической структуры с сознанием, минуя подсознание, существует, но он наглухо запечатан. Лишь легкое давление из запредельности дает сознанию ощущение личности, ощущение «Я». Этот канал открывается лишь в момент смерти биологического тела. Это смертное озарение, после которого неустойчивая личностная энергетическая структура начинает рассасываться, а устойчивая, забрав через разрушенную систему безопасности архивы, продолжает свое существование. Жить в земном теле с открытым в сознание каналом могут только боги.

- Жень, что такое бог?

- Ир, меня радует формулировка твоего вопроса, но не обижайся, об этом в другой раз. Итак, сознание не имеет непосредственной связи с личностной энергетической структурой, но и возможности опосредованной тоже почти лишено. Причин три.

Первая – деятельность самого сознания, которая заключается в переводе разнообразных кодов в понятные символы (для человека – это в первую очередь речь) и дальнейшей работе с ними (для человека – это размышления и разговоры). Сознание, занимаясь непрерывным вербальным осмыслением информации полученной от «официальных» органов чувств, создает столько «шума», что за ним попросту «не слышит» ничего другого.

Вторая причина – работа систем безопасности. Ими блокируется поступление информации из отдела подсознания, работающего с информацией от личностной энергетической структуры, а так же и от отдела, работающего с информацией полученной извне от источников недоступных сознанию. Пропускаются лишь некоторые рекомендации в готовом виде. С одной стороны вроде как обидно, но на самом деле это благо для повседневной жизни.

Ты, конечно, слышала о таком явлении как галлюцинации, бред. Чаще всего это сбивка настроек восприятия, но не всегда. Бывает, что причиной слуховых и зрительных фантазмагорий являются сбои в работе систем безопасности, вследствие чего в сознание в необработанном виде просачивается информация для него непредусмотренная. Воспринимается она как причудливый абсурд из-за третьей причины.

Третья причина заключается в кодировке информации.

Для того чтобы работать с любой информацией ее требуется перевести в понятные символы, например, в зрительные образы или в слова. Набор этих символов у сознания ограничен реалиями земной жизни. А поскольку информация личностной энергетической структуры крайне редко имеет с земной жизнью хоть что-то общее, то сделать это адекватно зачастую оказывается в принципе невозможным.

- Жень, а зачем тогда нужна эта информация, если она с земной жизнью не имеет ничего общего?

Женечка усмехнулся:

- Сложно объяснить... Видишь ли, сопоставлять реалии земной жизни и информацию личностной энергетической структуры, которая, как правило, ничего общего с этими реалиями не имеет, это все равно, что сопоставлять... ну, скажем... картинку на мониторе компьютера и процессы происходящие в этот момент с деталями материнской платы. Они не имеют ничего общего с цветовой гаммой картинки на мониторе, но, тем не менее, это единая система в едином процессе.

Итак, системы безопасности, с одной стороны, действительно ограждают человека от опасностей. Они стоят на страже здоровья рассудка и системы жизнеобеспечения. Но с другой стороны они катастрофически ограничивают возможности человека. Я говорю «человека», но на самом деле это касается любого существа, живущего на Земле.

Впрочем, недоступные из-за работы систем безопасности возможности для благополучия земной жизни не являются чем-то необходимым. В них нуждается не человек, или какое-либо другое живое существо, а воплощенная в земной жизни личностная энергетическая структура. Нужны они ей для самосовершенствования. Неустойчивой – чтобы укрепить себя и продолжить существование за пределами зем-

ной жизни. Конкретные цели устойчивых личностных энергетических структур гораздо более разнообразны и к тому же таинственны с точки зрения земных реалий, ведь они, как правило, лежат за их пределами.

Подчинение системам безопасности в их первозданной незыблемости препятствует развитию и становлению личностной энергетической структуры. Главным образом из-за этого подавляющее большинство собранных земным существованием в единое целое энергетических токов после биологической смерти тела разъединяются, и личность исчезает без следа. Участь устойчивых личностных структур не лучше – они попадают в сети так называемой кармы.

Но хотя бы легкое повреждение системы безопасности грозит индивиду тяжелейшими последствиями вплоть до летального исхода. По меньшей мере – помутнением рассудка, а так же повреждениями системы жизнеобеспечения, то есть биологическими нарушениями в виде болезней. Само собой, последствия для личностных энергетических структур остаются практически теми же, что и при подчинении системам безопасности.

Таким образом, вроде как получается замкнутый круг без намека на выход. Но есть в этом кругу одна маленькая лазейка.

Да. Подчиняться – не вариант, а ломать нельзя, но... обходить системы безопасности – можно.

Осуществляются эти маневры посредством СМирения, то есть отказа от борьбы с обстоятельствами в пользу овладения собой, БЕЗМОЛВИЯ СОЗНАНИЯ, то есть остановки внутреннего диалога, и БЕСКОРЫСТИЯ, то есть действия ради действия, такого действия, за которое не предполагается никакое вознаграждение.

Индивид с неустойчивой личностной энергетической структурой, приняв на веру данный постулат и следуя ему, как минимум укрепляет связи, что дает ему возможность сохранять целостность личности после смерти биологического тела еще какой-то период, что при целеустремленности может привести и к существованию по длительности сопоставимому с Вечностью.

Устойчивая личность в вере не нуждается. Она – ЗНАЕТ. Однако, знает именно личность, то есть эта информация необязательно становится доступной сознанию, но в подсознание она просачивается почти всегда, и тогда данный индивид вполне может встать на сей путь, как говорится, интуитивно, подчиняясь неосознанному порыву, который часто воспринимается как озарение. Если тело данного индивида наделено хорошим мозгом с пытливым умом, то со временем ему, вполне возможно, удастся каким-то образом сформулировать суть своих порывов, и на свет появляется духовное учение. Безусловно, эти открытия невозможно описать человеческим языком так, чтобы сделать понятными и эффективными для всех и каждого. И все же поиск многих страждущих неизмеримо упрощается, когда еле уловимые импульсы, поступающие из подсознания, подкрепляются информацией уже кем-то осмысленной и облаченной в слова.

- То есть, получается, главная цель религий – создание устойчивых личностных структур?

- Ни в коем случае! Любые религии, как и любые идеологии, служат интересам социума, а ему нет дела до естественных Законов Бытия Мироздания. С помощью религий и идеологий осуществляется управление массами здесь и сейчас, хотя сами религии и опираются на духовные учения и даже проповедуют вроде как те же истины. Лучше б они придумали себе какое-нибудь другое занятие, так как бурная религиозная деятельность ведет к снижению эффективности духовных учений вплоть до сведения на нет. Их либо вообще не читают, следуя духу противоречия; либо читают по принципу «смотрю в книгу – вижу фигу», а понимаю, как велели; либо воспринимают не заслуживающим внимания идиотизмом.

Как ты знаешь, духовные учения, несмотря на некоторые различия трактовок, опираются на три главных постулата: СМирЕНИЕ, БЕЗМОЛВие СОЗНАНИЯ и БЕСКОРЫСТИЕ. Религии же требуют вместо СМирЕНИЯ – покорность, вместо БЕЗМОЛВия СОЗНАНИЯ – отказ от инакомыслия, вместо БЕСКОРЫСТИЯ – пожертвования. Покорный, чуждый инакомыслия и вносящий свою материальную лепту индивид поддерживает и укрепляет социум, но вовсе не свою личностную энергетическую структуру.

Как я уже говорил, с помощью СМирЕНИЯ, БЕЗМОЛВия СОЗНАНИЯ и БЕСКОРЫСТИЯ можно обходить системы безопасности, стоящие на страже тайн подсознания. Есть и конкретный путь, по которому следует идти.

Мы с тобой, так или иначе, коснулись четырех отделов подсознания: отдела управления системами жизнеобеспечения тела, отдела контроля настроек восприятия, отдела работы с информацией, полученной извне от источников недоступных сознанию и отдела связи личностной энергетической структуры с воплощением.

Но есть еще и пятый отдел – память. Связь сознания с первыми четырьмя отделами находится под бдительным контролем систем безопасности. Информация сознания попадает туда беспрепятственно, а вот взять что-либо оттуда – ни-ни! Совсем другое дело память.

Память хранит информацию и сознания, и тела, и подсознания, а так же непосредственное знание личности. Хранит с разной степенью секретности и в разных символах. Информация там накапливается в безграничных масштабах. Туда складывается все, и извлечь, в принципе, можно все, правда, далеко не все в полностью понятных сознанию символах.

Канал связи с памятью это единственный канал связи с подсознанием, который открыт в обоих направлениях, а потому именно через память можно установить безопасный контакт сознания с личностью. Тебе этот процесс хорошо знаком в творчестве. Ты пользуешься им намеренно, и даже сформулировала технику его исполнения.

Женечка вопросительно посмотрел на Ирину.

- Нужно четко сформулировать для себя задачу, затем на время намеренно забыть о ней, а потом...

- Стоп. Ты уже сказала самое главное, что я хотел от тебя услышать. Именно НАМЕРЕННО ЗАБЫТЬ, то есть намеренно вывести за пределы сознания. Для того чтобы НАМЕРЕННО ЗАБЫТЬ, нужно СМирЕНИЕ, потому что пережевывание информации в сознании, это, в данном случае, и есть бесплодная борьба с обстоятельствами.

Получается такая схема: сознание в память отправляет запрос, от туда он извлекается личностной энергетической структурой; она дает на него ответ и отправляет обратно в память, из которой его может забрать сознание.

Однако чтобы забрать ответ из памяти, требуется БЕЗМОЛВИЕ СОЗНАНИЯ, которое достигается не без помощи СМирЕНИЯ.

- Да... в один прекрасный момент, подчиняясь некому порыву, я смиренно без мыслей и чувств сажусь за компьютер, и у меня легко получается то, что я тщетно пыталась придумать, перед отправкой запроса.

- На самом деле эта схема работает постоянно и абсолютно у всех и каждого. Каждый постоянно что-то забывает. Каждый время от времени поддается безотчетному порыву. Но без СМирЕНИЯ и БЕЗМОЛВИЯ СОЗНАНИЯ, КПД этого процесса очень близок к нулю. К тому же лишь единицы, даже из обнаруживших полезность СМирЕНИЯ и БЕЗМОЛВИЯ СОЗНАНИЯ, используют эту возможность для самосовершенствования.

Для того чтобы заниматься самосовершенствованием, помимо СМирЕНИЯ и БЕЗМОЛВИЯ СОЗНАНИЯ, требует БЕСКОРЫСТИЕ.

То есть, любое действие, целью которого является обретение земных благ, не работает на самосовершенствование. Это вовсе не значит, что действие, осуществляемое исключительно ради него самого, не должно приносить земные блага, но в данном случае земные блага являются не более чем побочным эффектом.

Практики, предлагаемые духовными учениями, несмотря на кажущиеся различия и многообразие, работают при помощи СМирЕНИЯ, БЕЗМОЛВИЯ СОЗНАНИЯ и БЕСКОРЫСТИЯ именно с памятью. БЕЗМОЛВИЕ СОЗНАНИЯ – является обязательным условием любой духовной практики. Всевозможные сложные пассы, системы дыхания, ритуалы, молитвы и мантры, как на понятном языке, так и в виде бессмысленного набора звуков, сложнейшие по составу и по исполнению рецепты всевозможной магической дребедени – все эти действия абсолютно бессмысленны с точки зрения земных реалий. Таким образом задействуется БЕСКОРЫСТИЕ. Кроме того, заставить себя заниматься этой чушью без СМирЕНИЯ просто невозможно. А сами эти действия, сложность и причудливость которых зачастую доводится поистине до абсурда, заставляют практикующего задействовать память. Практикующий выучивает и затем периодически повторяет эти действия, с помощью процесса «забыть-вспомнить», тем самым, осваивая возможности использования памяти.

Через память сознание получает доступ в подсознание в обход систем безопасности и открывает путь к самосовершенствованию, а суть самосовершенствования в трансформации.

Первым делом происходит трансформация самих систем безопасности. В чем это выражается? В первую очередь в возможности менять настройки восприятия.

Ты, Ира, давно активно используешь память в качестве канала связи, и КПД этого процесса очень высок, поскольку тобой задействуются СМЕРЕНИЕ и БЕЗМОЛВИЕ СОЗНАНИЯ. Кроме того, БЕСКОРЫСТИЯ тебе не занимать – ты никогда не искала ни славы, ни денег. Все, имеющиеся у тебя земные блага, для тебя в полном смысле лишь побочный эффект твоей деятельности.

И вот этой зимой свершилось! У тебя стали меняться настройки восприятия, и начался процесс осознания сути. Осознание сути – это знакомство сознания с личностной энергетической структурой. Но не только. Это еще и знакомство личностной энергетической структуры с сознанием. До этого личностная энергетическая структура вроде бы и имела свободный доступ через подсознание к информации, которой владеет сознание, но это что-то вроде заочного знакомства.

Представь, ты о каком-нибудь человеке знаешь все, но никогда в жизни с ним не общалась. Он же о тебе никакого понятия не имеет. Затем он узнает о твоем существовании. И вот происходит знакомство. Для начала, скажем, через переписку, затем по телефону...

Но вот встреча личностной энергетической структуры с сознанием возможна только при открытии прямого канала, а он, как я тебе уже говорил, открывается лишь в момент смерти. То есть: смерть – это открытие прямого канала; открытие прямого канала – это смерть.

Женечка замолчал. Он поднялся. Убрал шкурки от инжира. Протер стол. Отнес полупустую корзину с инжиром на кухню. Принес ее обратно вновь наполненной. Сел. Закурил.

- Жень, ну и к чему все это? – не выдержав, в конце концов, спросила Ира.

- Знаешь... бывает... в письме всего не напишешь... а еще... бывает... это не телефонный разговор...

Женечка снова замолчал.

- И что? – немного выждав, спросила Ира.

Женечка лишь усмехнулся.

- Жень, ты в ежа решил поиграть?

- В смысле, стал колючим?

- Нет. В смысле: еж птица гордая, пока не пнешь, не полетит.

Женечка рассмеялся с видом человека довольного произведенным эффектом, но заговорил с воцарившейся сегодня предельной серьезностью:

- Если я правильно понимаю, ты, как личностная энергетическая структура, хочешь сообщить себе, как человеку, нечто глобальной важности, нечто, что гораздо важнее жизни человеком. Но уж коли ты хочешь сообщить это себе, как человеку, не думаю, что жизнеспособное человеческое тело такая уж лишняя деталь.

То, что произошло с тобой в водопаде, и то, что я сегодня спровоцировал, свидетельствует о том, что ты, как личностная энергетическая структура, пытаешься открыть прямой канал.

- С чего ты это решил?

- Ни сегодня, ни тогда ты не теряла непрерывности восприятия, так?

- Да.

- Но был момент, когда ты воспринимала вроде как без помощи тела, верно?

- Да.

- А то, что ты воспринимала, если и казалось тебе не особо отличающимся от зрительных и звуковых образов земной реальности, то вовсе не той, которая окружала твое тело в данный момент, да?

- В водопаде – да.

- А сегодня?

- Это было ничто без света и без тьмы, без звуков и без тишины.

- О как! Ну что ж, то, что твои системы безопасности работают на полную катушку, безмерно радует.

- Не поняла...

Женечка рассмеялся.

- Ты, небось, подумала, что то, что ты воспринимала вроде как без помощи тела, это и есть продирание к твоему сознанию твоей энергетической структуры? Вовсе нет. Безусловно, энергетическая структура для активных попыток открыть прямой канал выбирает определенные условия. Но, пользуясь теми же условиями, системы безопасности изменяют настройки твоего восприятия и при помощи этого изолируют твое сознание. Они вообще отключали бы его от греха подальше, если бы все еще могли это делать.

- Значит, когда-то они это делали?

- Да. И ты точно знаешь когда, – Женечка несколько мгновений смотрел на Иру выжидающе. – Зимой. Во время пребывания в доме, который теперь твой. Именно поэтому ты не помнишь те пять дней.

- Жень, но те пять дней зимой по свидетельствам окружающих я была в сознании и более или менее адекватно вела себя...

- Ну, учитывая то, что для своего соседского окружения ты всегда ведешь себя, по их мнению, гораздо менее чем адекватно – это не удивительно, – Женечка рассмеялся. – Однако в твоём сознании это сохранилось как смутные обрывки сна, так?

- Да.

- На протяжении всей жизни сознание никогда, за редким исключением, не выключается полностью. Есть некая его часть, – очень небольшая – которая констатирует и обрабатывает сигналы, поступающие во сне. Поскольку во время сна системы безопасности тоже в некотором роде отдыхают, сознание сталкивается с изменениями настроек восприятия, а также в него просачивается информация для него не предназначенная. Поскольку во время сна задействована лишь узкая его полоска, а, кроме того, оно не в состоянии адекватно обрабатывать целый ряд непонятных для него символов, интерпретация образов зачастую получается абсурдной и, как правило, затем

запихивается в самые потаенные уголки памяти вместе с реальными факторами, вызвавшими сии фантазмагии. Именно этот участок и руководил тогда твоими действиями.

Тогда тебе, как человеку, не угрожала опасность уничтожения, но системы безопасности тогда чувствовали себя гораздо увереннее, чем сейчас. А работают они по принципу: лучше перестараться, чем недостараться. Вот и отключили сознание в момент, когда энергетическая структура обнаружила, что теперь через память сознанию можно «отправлять личные сообщения». А теперь она отказывается довольствоваться только обменом «личными сообщениями».

Уж не знаю, что за важность и секретность в том, что Ты так рьяно пытаешься сообщить себе, только вряд ли для этого так уж необходимо сживать себя со свету. Тем более, если бы Ты действительно решила, что с тебя хватит пребывания в этом мире, летальный исход наступил бы незамедлительно. Коль уж Ты не разделяешься со своим воплощением одним махом, значит оно ТЕБЕ нужно.

- Странно...

- Что именно?

- На самом деле про водопад я тебя спросила чисто из праздного любопытства.

- Знаю, что ты именно так и думала. Ты понятия не имела о чем нужно спрашивать, а может, на каком-то уровне, и не хотела этого делать. Но, задав вопрос из цикла «праздное любопытство», ты попала в самую точку того, что тебе жизненно необходимо сейчас знать так, как умеет знать сознание.

Видишь ли, мое человеческое занятие, которое не дает мне умереть с голоду, всегда связано с тем, что я делаю на самом деле. Нынче я – переводчик. Я перевожу для тебя на человеческий язык информацию, которая уже доступна твоему сознанию, но которую оно пока не в состоянии самостоятельно раскодировать.

Ты в курсе, что даже при переводе с одного человеческого языка на другой при так называемом подстрочном дословном переводе часто получаются абсурдные фразы, смысл которых с трудом улавливается. Для достоверной передачи заложенной идеи гораздо более подходит эквивалентный литературный перевод, основанный на учете ментальности языка оригинала и ментальности языка, на который осуществляется данный перевод.

Информация, которую я перевожу для тебя, не имеет словесного выражения в принципе и даже в эквивалентном варианте. Воспринимай то, что я говорю буквально, но помни, что это, по сути, миф – то есть не достоверная передача сути явлений, а лишь ключ к адекватному осознанию. То есть данная информация имеет реальный практический смысл лишь в тех символах, в которых находится, а словесная оболочка является именно ключом к их практическому применению.

Там, где это можно применить, ЗНАЮ и УМЕЮ суть одно. Там невозможно ЗНАТЬ, НЕ УМЕЯ и УМЕТЬ, НЕ ЗНАЯ. Слова – ключ к этому

ЗНАЮ-УМЕЮ. Можно обойтись и без слов, но человечество не разнообразия ради изобрело речь, как сложную систему символов для передачи информации. ЗНАЮ-УМЕЮ – это общемирозданческая формула, которая в случае человека обязана иметь дополнения и выглядеть в следующем единстве – ЗНАЮ-УМЕЮ-РАССКАЖУ.

Относись к тому, что я говорю тебе, со всей серьезностью, но имей в виду, что это лишь способ говорить и ничего более.

- Жень, получается, что ты мне подробно излагаешь нечто, что я уже на каком-то уровне знаю, а к праздному любопытству относишь все остальные мои вопросы?

- Почти. К праздному любопытству я отношу еще и вопросы по поводу частных случаев, которые хоть и иллюстрируют некоторые глобальные Законы Мироздания Бытия и Бытия Мироздания, но не отражают их сути. Докапывайся до этой сути, и разобраться с частностями тебе не составит труда, да и желание отпадет.

- Почему?

- Ир, – Женечка улыбнулся, – вот ты нынче занимаешься проектированием мебели, да? Да. Ответь, пожалуйста, сколько раз на день ты пересчитываешь количество ножек у табуретки?

- Послушай, Жень, а ты бы рассказал мне все, что я сегодня от тебя услышала, если бы я спросила о чем-нибудь другом.

- Смотри о чем бы ты спросила, так что вполне возможно, что и не стал бы рассказывать.

- Бросив меня на произвол судьбы? – Ира улыбнулась.

- Ира, я помогаю тебе, а главный закон эффективной помощи: НЕ МЕШАЙ!!! Ты, задавая свой праздный вопрос, запросила определенную информацию, и я тебе ее изложил. Если бы ты не запросила – я бы и словом не обмолвился.

- А как ты догадался, что своим праздным вопросом я запрашиваю действительно нужную мне информацию?

- Едва увидев тебя сегодня, я вдруг вспомнил о приключении в водопаде и решил спровоцировать подобное, дабы убедиться в правильности или ошибочности выводов, которые я для себя тогда сделал. Убедился в правильности.

Еще тогда меня удивила твоя реакция на это приключение. Оно не взволновало тебя так, как должно было бы. За прошедший месяц ты ни разу не заговорила о нем и, казалось, вовсе о нем забыла. Притом казалось так не только мне, но и тебе самой. Я прав?

- Да.

- Так вот, убедившись в правильности своих выводов, я задал тебе вполне невинный вопрос: «Что делать теперь думаешь?» – и он вдруг поверг тебя в шок, который ты всеми силами пыталась скрыть, честно рассказывая о своих фронтах работ. Тогда я прямо предложил тебе спросить меня о том, что тебя терзает. Ты испытала новый шок. И тут, не потому что тебя это интересует, а совершенно не задумываясь, ты спросила про приключение в водопаде. Вопрос пришел из подсознания, а подсознание, в отличие от сознания, не страдает праздным любопытством.

Ира, я не знаю, что ты скрываешь, на каком уровне, зачем и почему. Это – твое сугубо личное, и меня не касается. Но раз уж твое подсознание нашло способ заставить твое сознание слушать меня, пожалуйста, позволь мне дать тебе несколько советов. Сразу скажу, что следовать им или не следовать – решать тебе.

Женечка замолчал и вопросительно посмотрел на Иру.

- Я слушаю.

- Первое, закинь на время подальше мои вирши. Второе, постарайся мертвой хваткой уцепиться за естественную реальность. И третье, что вообще-то нужно сделать в первую очередь:

Четко сформулируй, как считаешь нужным, и закинь в память послание СЕБЕ, содержащее примерно вот такие пункты: а) открывать прямой канал нельзя ни в коем случае; б) любую информацию можно передать через память; в) если данная информация имеет повышенную секретность, не обязательно передавать ее суть, тем более что сознание все равно вряд ли сможет расшифровать послание, так что достаточно лишь намеков, которые смогут направлять.

Глава 19 Золотистый свет

Домой Ира приползла уже за полночь. Женечка, вообще-то, предлагал ей переночевать у него, настойчиво предлагал, но она не менее настойчиво, сама не понимая почему, рвалась домой. И вот около часу ночи, наконец, ворвалась и тут же рухнула спать, скошенная невероятной усталостью. Ей казалось, что с момента, как она проводила Лешку, прошло уже не менее месяца.

Утром, лежа в постели, Ира констатировала, что неуклонно усиливающееся необычное настроение достигло, наконец, того уровня, к которому стремилось. Ира снова попыталась определить хорошее оно или плохое.

«Оптимальное и эффективное», – прилетела мысль.

Ира вспомнила весь вчерашний разговор с Женечкой, после чего вновь само собой подумалось:

«Он предоставил именно ту информацию, которая сейчас необходима. Правда, он понятия не имеет, зачем именно, но это неважно. Он не может и не должен знать».

Чего именно не может и не должен знать Женечка, Ира разбираться не стала, и обратилась к данным им советам.

«Что ж, забросить на время работу над Женечкиной книгой – это здорово. И без нее есть чем заняться. Мертвой хваткой уцепиться за естественную реальность? А кто сказал, что внутренние точки, определяющие взаимодействие мебельного объекта с окружающим миром, что суть материального предмета – это что-то из области сверхъестественного и ирреального?»

Последним советом, рекомендации которого, по мнению Женечки, следовало исполнить в первую очередь, Ира и вовсе утруждать себя не стала. В смысле, не стала утруждать себя изобретением четкой формулировки. С мыслью: «Не думаю, что эта самая личностная энергетическая структура у меня полная идиотка – сама разберется», – Ира закинула в память, то есть намеренно забыла весь давешний разговор с Женечкой целиком. После чего бодро поднялась с кровати.

Последние дни августа и первые дни сентября Ира спокойно и с удовольствием работала. Жизнь вошла в уютную колею, приобретая размеренный ритм. Все ладилось и получалось без лишних усилий как-то само собой. Даже начавшийся где-то числа пятого сентября дождливый переход от летней жары к бархатному сезону не выбил Иру из этой колеи. Она и под потоками небесных вод продолжала по утрам вместе с Зивом и Лоренцем ходить к водопаду, который теперь превратился в настоящий бушующий поток. Лоренц купаться остерегался, потому что его относительно легкое тело вода норовила унести с собой, а Зиву и Ирине все было нипочем, и они наслаждались стихией под жалобно-завистливое мявканье с берега.

Татьяна Николаевна ежедневно баловала то пирогами, то печеньем со всевозможными фруктовыми начинками. Ира восхищенно поражалась ее такту: Татьяна Николаевна никогда не вмешивалась в происходящее у Иры в доме, даже, казалось, вовсе не замечала тех странностей, что не давали покоя прежним соседкам. Она умела появляться лишь тогда, когда нужно, и задерживалась лишь настолько, насколько ее присутствие оставалось приятным, никогда не принимая приглашений составить компанию, сделанных из вежливости. Ирин дом всегда сверкал чистотой, но вот когда Татьяне Николаевне удавалось ее наводить, Ира приметить не могла.

- Ах, Ирочка, если отсутствие такта может стоять жизни – этому быстро учишься. Я даже не задумываюсь, когда как поступить – ну-трот чую, как надо.

- Татьяна Николаевна, мне всегда неудобно перед Вами. Вы такая хорошая и заслуживаете гораздо большего от жизни, чем...

Ира замялась, боясь обидеть ненароком собеседницу, но та улыбнулась и сама закончила фразу:

- Быть прислужгой? Ирочка, я хорошая, потому что хорошо умею делать свое дело. Умею быть на своем месте и радоваться ему. Мне нравится заботиться о тебе и знать, что для тебя моя забота в радость, а не в тягость. Так что, не мучай себя понапрасну. Как ты здесь поселилась, моя жизнь, можно сказать, смысл обрела.

Ира исподволь окинула быстрым взглядом Татьяну Николаевну. А ведь она действительно за последнее время как-то похорошела и даже помолодела, приосанилась. Татьяна Николаевна перехватила Ирин взгляд, улыбнулась и поправила волосы.

- Счастье, Ирочка, это быть на своем месте и, будучи на своем месте, быть кому-то нужной. Ведь так?

- Да... – задумчиво ответила Ира.

Татьяна Николаевна, тем временем, поднялась, одним плавным изысканно-прекрасным движением, как Василиса Премудрая из сказки, убрала со стола все лишнее, а через мгновение, как по мановению волшебной палочки искрящаяся чистотой посуда заняла свои места на полочках. В следующий миг Татьяны Николаевны в доме уже не было – она исчезла, как в воздухе растворилась, словно добрая фея.

Каждый день заезжал Влад. Ему тоже удавалось появляться к месту и ко времени, не мешая Ириному творческому процессу и помогая немного расслабиться, если ее существо того требовало. Докладывал о ходе работ он исчерпывающе, и на объекте Ира за все это время бывала лишь раз.

Из колеи Иру выбили бравые юные сисадмины. Не они, конечно, а то загадочное нечто, которое незримо управляет Миром, но это Ира поняла потом. Она давно забыла о двух компьютерных гениях и не сразу поняла, чего от нее хочет голос из мобильного. А хотел он заключить договор о бартерной сделке. От Иры требовалось нарисовать несколько моделей для будущей сногшибательной игры с «просто офонарительным сюжетом», за что ей пообещали установить какую-нибудь ультрановую «примочку» на ее комп. Если сказать, что звонок раздался не вовремя – это ничего не сказать. Ира озверела от такого бесцеремонного вламывания в свою с недавних пор такую тихую и уютную жизнь. Ее объяснения: что ни в каких «примочках» необходимости она не испытывает; что все нужное им она, конечно, нарисует, но как-нибудь в другой раз; что теперь она живет в совсем другом месте, куда в такую погоду добраться весьма проблематично – никакого действия не возымели, и минут через сорок бравые юные сисадмины предстали перед ней во всей своей красе.

Насчет ненужности каких-либо «примочек» Ира, оказывается, очень даже заблуждалась. Ей и в голову не приходило, что новейшие технологии достигли такого уровня, что даже в ее глуши стало вполне возможным подключиться к интернету. Надо сказать, что отсутствие доступа в глобальную информационную сеть пока не сильно напрягало Иру, но такая связь с внешним миром периодически становилась жизненно необходима, и то, что эта необходимость не свалится как снег на голову в любой момент, ничто не гарантировало.

Юные сисадмины, тут же оценив обстановку, рьяно взялись за дело. Стихийное бедствие, в виде нашествия неугомонной молодежи в боевом настрое, продолжалось целых три дня. В итоге они покинули Ирину безмерно счастливыми с целым набором сотворенных ею будущих героев игровых бестселлеров. Иру тоже переполняло счастье. В первую очередь, конечно, оттого что нашествие наконец-то благополучно завершилось, но и обретение доступа в глобальную сеть, естественно, радовало ее не меньше. Удручал только вынужденный простой в работе и сумбур в голове.

В пять часов вечера, лишь только тайфун под названием «бравые юные сисадмины» покинул пределы Ириной обители, Татьяна Николаевна принесла печенье с начинкой из персиков. Она не стала задерживаться, и только стоило двери за ней закрыться, как позвонил Лешка.

Известие о подключенном интернете привело его в полный восторг, ведь теперь появилась возможность наладить с мамой информационно более наполненное общение. Порешили, что созваниваться они будут лишь при крайней необходимости.

Разговор с Лешкой вселил в Иру оптимизм, которым она щедро поделилась с Владом, приехавшим, едва она успела сказать сыну «пока».

Только к половине восьмого вечера Ира осталась одна. Настоящий тропический ливень под раскаты грома целым оркестром ударных инструментов выстукивал причудливые дробы. Между всполохами молний темень на улице стояла непроглядная.

Ира прекрасно понимала, что ей вряд ли удастся сегодня достойно продолжить заброшенную на целых три дня работу, но, тем не менее, включила компьютер – пусть полноценно потрудится сегодня вряд ли получится, но нужно хотя бы поймать былой настрой. Однако, когда ее доблестный боевой друг сообщил, что полностью готов к совместным творческим свершениям, Ира по неведомым себе причинам вместо того, что бы открыть 3D-max, залезла в интернет.

Mail во всей красе развернул перед ней все свои богатые возможности, но Иру, опять-таки совершенно непонятно почему, потянуло в сферу с информацией от синоптиков. Ничего хорошего погодные провидцы на ближайшие пять дней для Сочи не обещали – осадки, осадки, осадки...

Ира в безучастной машинальности изучала столбики с пиктографическими и цифровыми выражениями параметров состояния атмосферы и, в конце концов, зачем-то кликнула на виртуальную кнопку, на которой значилось «+ подробный прогноз». На открывшейся страничке в самом крайнем правом столбике на дне сегодняшнем было написано «убывающая Луна», а пиктограмма свидетельствовала о том, что «убывающая Луна» находится в 3-й фазе. Ира машинально повернула голову вправо и подняла глаза на висевший на стене большой астрологический календарь. Он к вещам, принадлежащим Ире, не имел никакого отношения. Календарь висел здесь изначально, и поскольку не мешал, ни разу до сего дня не обратив на себя внимания Иры, ему посчастливилось остаться на своем месте. Ире показалось несколько странным, что развернут он как раз таки на сентябре месяца. Хотя, вполне возможно, это Лешка перед самым отъездом его перевернул, зная, что она сама и не подумает, а потом, вполне возможно «до самого декабря будет считать, что все еще август». Как бы там ни было, Ира устремила взор на текущую дату, где синим по желтому было написано, что с 16:45 дня сегодняшнего до 16:52 дня завтрашнего – семнадцатый Лунный день.

По телу побежала крупная дрожь, а в ушах ясно и отчетливо зазвучал голос старой удды: «В семнадцатый Лунный день, когда будет лить дождь как из ведра, в час Быка иди навстречу будущему солнцу по старой тропе убыхов. Иди. Зачем? Найдешь, то, что твое...».

Вода за окном лилась с неба одним большим грохочущим потоком. Ира медленно встала и подошла к книжному шкафу. Рука, словно сама, без труда отыскала книжку в мягком переплете с надписью «Год Дракона» на корешке. Гороскоп на 2000 год китайского астролога Хень-

нин Хай Ли Янга, Ира хранила до сих пор, так как помимо прогноза на времена уже канувшие в Лету, он содержал и ряд ценных сведений общего характера. Ира открыла книгу наугад. Подзаголовок внизу 153-й страницы выглядел так: 1:00 – 3:00, Час Быка, «Чжоу».

Коротенькая толстенная стрелка настенных часов неумолимо отползала от цифры «8», а тоненькая и длинненькая почти достигла четверки. Ира взяла в руки мобильник и нашла «Заур». Она не успела и поздороваться, как трубка радостным голосом заверещала:

- Ирина Борисовна! Во здорово!

- Здравствуй Заур, но ты зря радуешься, все не так здорово.

- Ирина Борисовна, что-то случилось? – тон Заура с радостного поменялся на тревожный.

- Нет-нет! – поспешила успокоить его Ирина. – Все в полном порядке.

- А от чего ж тогда не радоваться? В кои-то веки позвонили!

- Видишь ли, я хотела тебя попросить отвезти меня кое-куда.

- Ну, наконец-то!

- Видишь ли, именно сегодня и после полуночи...

- Не вопрос! Отвезу, когда скажете и куда скажете!

Тон Заура создавал впечатление, будто ему и во сне не снилось ничего более приятного, чем предстоящая поездка посреди ночи неведомо куда под проливным дождем.

- В такой ливень?

- Ирина Борисовна, у моей машины, между прочим, крыша есть. Так что, говорите, во сколько подъехать?

- Давай к двенадцати.

- Yes!

- До встречи!

Ира думала, что до приезда Заура места себе не найдет. Но к своему удивлению после разговора с ним она, как ни в чем не бывало, уселась за компьютер и продолжила работу, прерванную нашествием юных сисадминов, будто и не прерывала вовсе. Без пятнадцати двенадцать она выключила компьютер, заварила чай и накрыла на стол. Заур подъехал без пяти.

Больше на часы Ира не смотрела, но когда спустилась мимо стадиона на пешеходку, радио из будки охранника автостоянки женским голосом сообщило: «Московское время один час ровно». После слова «ровно» разом погасли все источники электрического света. Теперь лишь вспышки молний вырывали из разом сгустившейся темноты причудливые ночные пейзажи.

«Как здорово, что Заур ни о чем не спрашивал!», – думала Ира, с трудом отыскивая ногами путь на изрядно поизносившемся асфальте. Зонт она предусмотрительно не взяла, зная, что под таким ливнем сие, в общем-то, полезное приспособление все равно, что мертвому припарка. Джинсы стояли колом. В кроссовках булькала вода. Даже ветровка, теоретически непромокаемая, промокла насквозь. Пешеходная дорожка была абсолютно пустынна. Да и кому бродить здесь в такое время под таким ливнем? Ира сняла все с себя и аккуратно свернула, чтоб нести в одной руке. Скорее всего, насквозь промокая окружающая

среда теплом не отличалась, но Ира не ощущала ее температуры ни телом, ни босыми ногами, ступающими по мокрой поверхности Земли. Вдруг она заметила, что Зив и Лоренц идут рядом с ней.

- Вы откуда????!!!

В ответ с обеих сторон по паре глаз сверкнули так, что Ире стало стыдно за свой, как ей теперь показалось, ужасно глупый вопрос. Зив что-то многозначительно проорчал. Ира с чего-то решила, будто он просит отдать ему сверток из одежды и кроссовок. Оказалось, что поняла она его правильно. Зив аккуратно взял в зубы облачение своей хозяйки, и они втроем побрели дальше, рассекая сплошную стену несущейся с неба воды.

Над морем грозно гудел столб смерча, направляющийся в мацестинское ущелье. Порывы ветра надрывно свистели. Но и неистовый шум дождя, и гул смерча, и свист ветра казались гробовой тишиной после очередного раската грома.

Ира понятия не имела, где они находятся, территорию какого санатория пересекают. Впрочем, это ее совсем не волновало. Ее, с момента как она обнаружила рядом с собой Зива и Лоренца, вообще ничего не волновало, пока...

Дождь продолжал стеной падать с неба, ветер – свистеть, смерч – гудеть, гром – греметь, молнии – сверкать, но все это стало уходить на второй, даже на третий план. Появилось ощущение, будто все это «где-то» и «когда-то», но не «здесь» и «сейчас». А «здесь» и «сейчас» из-за пока еще далекого поворота сначала отдаленным робким заревом, но по мере приближения все ярче и ярче вырывался свет необычайной яркости. Ире казалось, что где-то там за дальним поворотом полыхает объятый пожаром дом.

Поворот неотвратно приближался, ветер дул им навстречу, но не доносил запаха дыма. Да и сам свет не мерцал, как огонь. Ира всем своим существом затрепетала в экстазе неведомого предвкушения. До поворота оставалось совсем немного. Ира прищурила глаза под натиском света. Вообще-то, по идее, следовало испытывать страх, но что-то в этом свете ощущалось до боли родным.

Поворот остался позади. Ира вошла в сияние. Ослепительный свет больше не слепил, и она перестала щурить глаза. Поле света имело резко очерченные границы, как у лазерного луча, только «лучик» в диаметре составлял, по меньшей мере, метров двадцать. Исходил свет со стороны горы и резко обрывался где-то у моря, не оставляя ни отблесков, ни дорожки на воде. Ира попыталась сориентироваться, где она находится, но золотистый яркий густой свет не освещал, а затмевал все окружающее и... ..и манил, тянул к своему источнику. Он был свой, родной, и Ира, свернув с дорожки, пошла ему навстречу.

Да, она не могла определить в какой именно части пешеходной тропы находится, но, хорошо зная эти места, отчетливо представляла, что, либо должна начать подниматься, либо – упереться в отвесную стену. Ведь тропа вела вдоль берега моря по склону горы. Однако, дорога, идущая внутри луча света в сторону обратно противоположную морю, не имела подъема.

Ира шла и шла. В какой-то момент она осознала, что больше не слышит звуков стихии, что по ней не бьет, не льет дождевая вода, а земля под босыми ногами теплая. Ира тихонько хлопнула ладонями – это подтвердило ее догадку – она внутри горы.

Сияние, не теряя яркости, постепенно утрачивало густоту. Ира обнаружила себя в громадном зале, но свет, хоть и стал прозрачнее, не давал возможности рассмотреть детали. Все ее существо переполняло трепет экстаза. Она мельком взглянула на свое тело – оно светилось, и, казалось, именно оно и было источником этого света, набиравшего густоту по мере отдаления от нее. Ира перестала думать, чувствуя, что ее мозги просто взорвутся, если она не прекратит их мучить. И как только разум замолчал, Ира поняла, что нужно делать. Ее тело начало медленно, но потом все быстрее и быстрее двигаться в экстатичном танце, одновременно излучая неземную музыку. Когда темп стал невероятным, Ира почувствовала, что становится какой-то причудливой фантастической птицей. Она в едином порыве собрала все силы всего своего существа, взмахнула крыльями, полетела вверх и вместе с огромным лучом золотистого света вырвалась из горы...

- - -

Рано утром Иру разбудили нежные ласки вибрирующего мобильного, который почему-то оказался прямо под ее рукой.

- Я очень внимательно слушаю... – сказала она в трубку недовольным сонным голосом.

- Ирчик! Дрыхнешь еще? – Генка хотел еще что-то сказать, но Ира его перебила:

- Генка! Привет! Ты где пропал?

- Я пропал?!

- А кто? Я что ли?

- Конечно ты. Дня три, как дозвониться не могу.

- Знаешь, вполне может быть. На меня тут нашествие юных компьютерных гениев обрушилось. Тяжко пришлось, но зато теперь я с интернетом.

- Ир, так у тебя с ним, вроде, и так все в порядке было, или сломалось что?

- Ой, Генка, ты ж не в курсе, и, как видно, Женечка тебе ничего не сообщил.

- А что случилось?

- При встрече расскажу, мы ведь, в ближайшее время встретимся, не так ли?

- Теперь, думаю, что да. Ты в курсе, что тебе вылетать послезавтра?

- Как?!

- Как-как, а вот так! Я хотел заранее предупредить, но Вы ж, госпожа Палладина, вне зоны действия пребывать изволите!

- Геночка, прости великодушно! Действительно замоталась, но, честно говоря, я думала, что еще дней пять у меня в запасе имеется, ведь выставка вроде как двадцатого открывается.

- Вот-вот, двадцатого, а сегодня, по-твоему, какое число, а?

- А какое сегодня число?

- Сегодня, Ирочка, семнадцатое сентября...

- Что???!!!

- Ирчик, ты действительно конкретно замоталась. В общем, билет я на твоё имя забронировал, так что тебе только остается послезавтра к 9-00 прибыть в аэропорт «Адлер» и предъявить свой паспорт. О'кей?

- О'кей...

- Ну тогда пока. Если что, звони.

- Хорошо...

Ира хоть и заинтересовалась намерениями календарем, сейчас не могла в точности припомнить предоставленную им информацию, но по её ощущению сегодня ну максимум могло быть число эдак тринадцатое-четырнадцатое, ну уж никак не семнадцатое. Она медленно села в кровати и тут её взору предстали ошалело на неё глядящие Влад и Женечка – Ира аж вскрикнула от неожиданности.

- Вы откуда?! Вы что здесь делаете?!

Женечка с Владом переглянулись в полной прострации.

- Пойду-ка я кофейку сварю... – медленно проговорил Женечка, направляясь к двери.

- Евгений Вениаминович, давайте лучше я! – рванулся Влад.

Иру эта сцена забавляла и интриговала одновременно.

- Господа! Прекратите спор! Кофе сварю я, – сказала она тоном, не терпящим возражений, и решительно встала с кровати. На её теле ничего не было. Женечка и Влад как пришибленные смотрели в упор. – Чего уставились? Халатик, может, все ж подадите, а?

Женечка и Влад бросились к платяному шкафу, и пока они изучали его содержимое, Ира накинула на себя халатик, который преспокойно висел на стуле, и, проскользнув в дверь, крикнула:

- Я в ванной.

- - -

Кто из них сварил кофе, Ира не знала, да и догадываться не собиралась. Её гораздо больше занимал вопрос, как и по какому поводу, они напару вообще оказались сегодня в её спальне. Достаточно долго Ира не могла добиться ни от одного, ни от другого ничего вразумительного – и Женечка, и Влад, казалось, пребывали в состоянии шока. Но потом Влад взял себя в руки и начал хоть и сбивчиво, но все же рассказывать.

Итак, на следующий день после того, как гостивший у Ирины Влад порадовался вместе с ней обретенному ею доступу в интернет, рано утром, выходя на работу, он за дверью к своему немалому удивлению обнаружил Зива в сопровождении важно мяукающего Лоренца. Он решил, что Ира где-то рядом. Правда, почти тут же понял, что это не так. Тогда, посадив живность в машину, Влад поспешил к ней домой, но там даже намёка на присутствие Иры не наблюдалось. Только тут он обратил внимание на сверток в зубах Зива. Зив будто с облегчением передал его Владу в руки, и тут последнему поплохело – свертком оказалась насквозь мокрая одежда и обувь Ирины. Сначала Влада охватила паника, но затем он понял, что хоть Иришкины зверюги и отличаются особым умом, они не могли так аккуратно свернуть одеж-

ду. Мысли в голове крутились разные. Наконец, он догадался набрать ее номер. Ответ последовал незамедлительно: «телефон абонент выключен или находится вне зоны действия сети». Не зная, что думать и что делать, Влад позвонил Женечке и испугался еще больше, так как Женечка, поначалу посоветовавший Владу не нервничать, буквально через пару минут перезвонил и попросил дождаться его около Ириного дома, и уже минут через двадцать подъехал.

Он пытался казаться спокойным, но Влад, пока во всех подробностях рассказывал все ему известное, видел, что что-то не так и очень сильно. Затем они с Женечкой осмотрели дом, зайдя вслед за Зивом в цоколь через дверь из сада, которая оказалась незапертой. В доме было пусто. Только сдохший мобильник валялся на столике в гостиной. Женечка поставил его на зарядку. Потом они вместе пошли к Татьяне Николаевне и, стараясь ее не напугать, аккуратно расспросили – она знала еще меньше. Потом Женечка в отчаяние обратился с вопросом к Зиву и Лоренцу:

- Вы знаете, где Ира?

Как и ожидалось, они ничего не ответили, но дружно залезли к Владу в машину. Проколесив по городу часа с полтора, Влад с Женечкой почти в совершенстве научились понимать, какой гав с мяу означает «да», а какой «нет». В общем, в конце концов, они оказались около стадиона, где Зив с Лоренцем изъявили желание покинуть машину. Естественно, Женечка с Владом последовали за ними. Далее началась прогулка по пешеходной тропе примерно до санатория «Приморье», где довольные Зив с Лоренцем мирно уселись друг напротив друга, сообщая, что цель достигнута. Однако ничего интересного там Владу с Женечкой найти не удалось. В общем, вернулись они ни с чем. По словам Женечки, обнадеживало только одно – умиротворенное спокойствие Зива и Лоренца. Бесплодные поиски продолжились и на следующий день. А позавчера Ира была обнаружена, сладко спящей в своей собственной постели. Если учесть что всю ночь Влад и Женечка провели почти без сна в ее гостиной, появление утром в своей спальне мирно спящей Иры выглядело несколько экстравагантно. К тому же, она ни под каким предлогом не собиралась просыпаться и так и спала вплоть до сегодняшнего утра. На фоне всего этого мобильник, который так и провалялся в выключенном состоянии на зарядке все эти дни и вдруг оказался вполне работающим у нее под рукой сегодня утром, выглядел просто как цирковой фокус, но колоритно дополнил общее впечатление.

Женечка почти не принимал участия в повествовании, лишь изредка вставлял пару слов, и продолжал смотреть на Ирину взглядом в никуда. Ира чувствовала себя пойманной за руку, правда по какому поводу, повинувшись внутреннему ощущению, осознавать даже не пыталась. Вполне серьезно выслушав весь рассказ, она вдруг залилась искренним заразительным смехом и вместо хоть какого-то объяснения, которое от нее ожидалось, начала с увлечением прикалываться над отдельными эпизодами и деталями выслушанного повествования. В

итоге Влад заразился ее настроением и забыл, что отсутствие Иры в течение двух дней, ее загадочное появление в собственной спальне и беспробудный двухдневный сон – события из ряда вон выходящие, будоражащие любопытство и жажду хоть каких-нибудь пояснений. Женечка, казалось, пребывал в идентичном состоянии, но как только Влад уехал, он снял развеселую маску с лица.

- Ир, ты ничего не хочешь мне рассказать? – спросил Женечка, но с почти утвердительной интонацией.

- Нет. Жень, я не закрывалась.

- Знаю. Когда ты играешься в эти игрушки, я все равно чувствую тебя, хоть и не имею возможности знать, что с тобой творится и происходит. Даже если бы ты умерла, я бы тебя чувствовал. А тут ты просто исчезла, будто тебя нет, и никогда и не было вовсе. Я даже сейчас до конца не понимаю – есть ты или нет.

- Жень, утром звонил Генка. Я послезавтра улетаю. Если не сложно, помоги мне собраться.

- Как скажешь.

- Я, конечно, и сама могу с этим справиться, но мне нужно кое-что доделать, так сказать, навести последний лоск. Времени осталось всего два дня, а к выставке я обязательно должна это успеть, иначе моя поездка окажется пустой тратой времени.

- Ир, может, покажешь мне то, на что собралась наводить последний лоск?

- Нет. Это еще не эскизы.

Женечка вопросительно посмотрел на Иру.

- Жень, помнишь, мы с тобой как-то говорили о семи направлениях: север, юг, запад, восток, вверх, вниз, и внутрь?

- Помню.

- Их не семь. Их только два: внутрь и наружу.

Женечка смерил Иру пристальным взглядом.

- Где у тебя дорожная сумка?

- Кажется, должна быть где-то на третьем этаже. А, может, в цоколе?

- Понятно, – с сарказмом изрек он и приторно улыбнулся. – Ладно. Уж как-нибудь найду.

Часть II Сила расталкивания

Глава 20 Неуловимый разработчик

В половине второго пополудни самолет с Ирой на борту благополучно приземлился в московском аэропорту Внуково. В зале прилета Иру встретил радостный Генка, и они весело щебеча о всякой всячине, которая ни о чем, через три часа уже сидели в утробе авиалайнера вылетающего в Германию.

Радный в комплекте с главным инженером и главным дизайнером обживали небольшой уютный отель со вчерашнего дня, и, встретив Генку с Ириной, принялись знакомить с местными достопримечательностями.

В амплуа гидов выступали «главные». Радный после церемонии приветствия извинился и удалился в свой номер. Ира, прикрепив к своей блузке бейдж, вдруг осознала, что понятия не имеет, как звать «главных». Еще при первой же встрече они, конечно же, представились ей, но она, видимо, тут же забыла, а, может, от волнения даже и не услышала их имен. Теперь им предстояло несколько дней жить и работать бок о бок, и во время экскурсии Ирина, любуясь украшавшими стены отеля семейно-историческими экспонатами, украдкой изучала бейджи «главных». Их имена-отчества и фамилии точно соответствовали восприятию Иры главенствующей парочки в качестве комплекта: главного инженера звали Анатолий Георгиевич Рябоконь, а главного дизайнера – Георгий Анатольевич Белоконь. Ира тут же окрестила их для себя «главными конями».

Экскурсию прервал служащий отеля, возвестивший о том, что комнаты готовы, а в ресторанчике вновь прибывших ждет ужин.

- - -

Проснулась Ира очень рано. Она, не спеша, привела себя в порядок, немного поскучала и пошла будить Генку.

Генка не отзывался ни на стук в дверь, ни на звонок мобильника. Впрочем, звука мобильника через дверь слышно не было. Ира от нечего делать спустилась в холл, где застала Радного, поглощенного видениями на мониторе ноутбука. Радный, не оборачиваясь, почувствовал приближение Ирины:

- Доброе утро... Позавтракать не желаете?
- Позавтракать – нет, а кофе бы выпила с удовольствием.

Радный, не отрываясь от экрана, взял мобильник, нажал кнопку вызова и через пару мгновений сказал в него что-то по-немецки.

- Вы говорите на немецком? – спросила Ира.
- На уровне попросить кофе – да, но не более.

Радный оторвался от экрана, а служащий отеля уже ставил перед ними чашечки с дымящимся черным напитком.

- Ирина, извините за праздное любопытство, но скажите честно, что Вы ожидаете от этой выставки?

- Гена подкинул мне очень интересную задачу. Всю предварительную работу я проделала, но вот окончательное и технологическое, и эстетическое решение будет напрямую зависеть от возможностей оборудования.

- Вот как?! – риторический вопрос в устах Радного прозвучал уж больно многозначительно и был подкреплен еще более многозначительным взглядом.

Эта странная многозначительность неожиданно для Иры наполнила ее отрешенным умиротворением.

Торжественное открытие предстояло в 10:00, а в 9:00 Ирина, Радный, Генка, «главные кони» и юное создание мужского пола, исполнявшее функцию переводчика, прибыли в выставочный центр. Застройка стенда мебельной фабрики Радного производилась накануне и, естественно, Ира в этом процессе не участвовала.

- Станислав Андреевич... – начала она, но Радный ее перебил.

- Стас.

- Извините. Стас, – его настойчивое требование фамильярности не приводило Иру в восторг, – а можно несколько поменять общую композицию?

«Главные кони», не дав Радному и рта раскрыть, принялись наперебой объяснять, почему это невозможно. Основной аргумент констатировал отсутствие в данный момент разнорабочих, предназначенных для таскания и передвижения предметов интерьера. Радный молча снял пиджак:

- Командуйте.

Его примеру тут же последовал Генка. «Главные кони» вынужденно подчинились. Их самозабвенное твяканье перешло в глухое недовольное урчание и постепенно стихло вовсе. «Несколько поменять общую композицию» вылилось в глобальную перестановку.

- Теперь – всё, – заключила Ира, собственноручно добавив, казалось незаметные глазу последние штрихи.

Радный смотрел на полученный результат как замороженный.

- Ирчик, ты – гений, – заключил Генка.

«Главные кони», накупившись, молчали. Радный бросил на них короткий жесткий взгляд.

- Да. Так гораздо лучше, – выдавил из себя Белоконь (гл. дизайнер).

Торжественная церемония официального открытия выставки заняла целых полчаса, если не больше. Ира в самом принципе без восторга относилась к подобным мероприятиям, к тому же ее безудержно тянуло к образцами оборудования. Так что, как только официоз иссяк, она в едином порыве увлекла Радного и главного инженера за собой к своей цели.

Радный пошел добровольно, а Рябоконь упирался, заявляя, что нельзя оставлять павильон без главноинженерного попечительства. Заверение Иры, по поводу необходимости его профессиональных зна-

ний и компетентных консультаций в области оборудования, привели Анатолия Георгиевича в раздражение. Рябоконь даже рывкнул на нее гневно и весьма грубо:

- Оборудование – не Ваша забота, мадам! Ваша забота – грамотные эскизы и всё!

«И всё» неслось уже по инерции и только поэтому не застряло в глотке. Рябоконь в ужасе умолк под тяжелым взглядом Радного и послушно поплелся за Ириной. У стенда в качестве консультантов остались: главный дизайнер, не знавший чем заняться, и Генка, самозабвенно внедрявший через переводчика в умы посетителей, плотно окруживших павильон, нечто, по всей видимости, поражавшее их воображение.

С замиранием сердца в груди Ира ступила на выделенный второй этаж. Она молча перемещалась от одного стенда к другому, проглядывала рекламные буклеты, содержащие основные сведения о представляемом оборудовании, и, в конце концов, основательно затормозилась у одного из павильонов. С заученным радушием к ней подошел улыбчивый юный менеджер. По-русски он не говорил вообще, по-английски – вполне сносно, а главное понятно для Иры. О том, что она пыталась от него добиться, этот представитель фирмы явно не имел ни малейшего понятия, сыпя лишь общими фразами относительно надежности и многофункциональности представляемой им продукции. Ира потребовала техническую документацию на английском и погрузилась в ее изучение, время от времени задавая вопросы главному инженеру, на которые тот неизменно отвечал желчным «зачем?». Выслушав очередной «зачем?», Ира попросила менеджера с застывшей заученной улыбкой пригласить кого-нибудь из инженеров-разработчиков.

Главный разработчик заинтересовавшего Иру оборудования в данный момент отсутствовал. Юный менеджер, пока прилагал все усилия, дабы обеспечить его наличие, ужасно сожалел, что он так некстати канул непонятно куда. Сквозь череду эмоциональных междометий выяснилось, что «отец чудо-техники», являющийся единоличным автором представляемого инновационного проекта в области высокоточных технологий в мебельной промышленности, ко всему прочему очень хорошо знает русский язык, а значит, мог бы дать самые исчерпывающие и понятные ответы на Ирины вопросы. В конце концов, вместо него пришлось пригласить другого инженера.

Экскурс на второй этаж оборвался окончанием рабочего времени выставки. Ира, Радный и Рябоконь не обошли и половины. Кроме того, к ним как репей прилип какой-то японец с трудом говоривший по-русски, но зато понимавший великолепно. Ирины вопросы, задаваемые ею у стендов с мебельным оборудованием, судя по всему, произвели на него неизгладимое впечатление, и все попытки отвязаться от представителя страны, ведущей в сфере современных технологий, оказывались тщетными, пока, уже перед самым закрытием, на горизонте не появился Генка. Он быстро смекнул, что к чему, и, «оседлав»

своеобразие японской культуры, технично исчез вместе с ее представителем, появившись уже в отеле и без гражданина страны восходящего солнца. Ира вздохнула с облегчением:

- Ничего не имею против Японии, но раскрывать карты ее уроженцу ну совсем не входит в мои планы.

- А нам-то хоть раскроете? – спросил измотанный непониманием Рябоконь.

- Частично – да.

- Ирчик, а почему только частично? – весело спросил Генка.

- Если честно, то лишь потому, что не хочу остаток своих дней провести в психушке, господин Логинов.

Кто-то из «главных коней» было хихикнул, но враз заткнулся, немедленно попав под перекрестный огонь взглядов Генки и Радного.

- Значит, мне ты потом расскажешь все?

- Ген, я не думаю, что в этом будет необходимость – сам поймешь. В конце концов, изначально это же твоя идея?

- Ирчик, помилуй, я и не предполагал, что из-за моего пристрастия к реликтовым культурам ты полезешь в какие-то непроходимые дебри и до полусмерти напугаешь руководящий персонал Стасовой фабрики.

Из последнего заявления Ира заключила, что «кони» успели нажалься Генке по поводу ее неугомонной персоны.

«И не догадывалась, что инженеров и дизайнеров можно напугать новым оборудованием», – подумала она, но вслух этого говорить не стала, а с места в карьер принялась за объяснение того, что и зачем пыталась выяснить сегодня по поводу возможностей станков представленных на выставке. Радный и Генка, судя по выражению взглядов, не поняли ничего. Главный дизайнер, казалось, хоть смутно, но хоть что-то осознал. Выслушав все, главный инженер задал Ире несколько вопросов понятных не более чем и предыдущая Ирина речь, после чего они вступили в длинную дискуссию, из которой все остальные уловили только одно: оба говорят на русском языке.

- Ира, хоть убейте, не могу понять, зачем все это, если результат будет такой же? – торжественно изрек Рябоконь первую фразу, имеющую общедоступный смысл.

- Нет, не такой же. Незаметные глазу искривления плоскостей заметны телу, которое в одном случае устает быстрее, а в другом способно функционировать в оптимальном режиме гораздо более длительное время, при этом испытывая приятные ощущения бодрости.

- Ира, я, как Вы понимаете, знаком с эргономикой, и для соответствия ее требованиям подобные чрезмерно утонченные изыски абсолютно ни к чему. Я знаю, – не давая Ире вставить слово, спешил выказать свою компетентность Рябоконь, – Вы сейчас скажете, что коль уж новейшие разработки обладают такими техническими показателями, значит, в них есть практическая необходимость, так? Но я Вам отвечу, – вновь не давая Ире вставить слово, спешил выказать свою компетентность Рябоконь, – что любое оборудование делается с запасом возможностей и прочности.

- Именно на это я и рассчитывала. Видите ли, до сегодняшнего дня я совершенно не следила за новинками оборудования для мебельной промышленности, а потому, не имея достаточных знаний, могла только надеяться, что отвечающие моим требованиям функции в образцах нового поколения все ж имеются. А то, о чем я говорю, это не совсем эргономика, точнее совсем не эргономика, вернее эргономика, но совершенно иного порядка. В данном случае учитываются не только особенности строения человеческого тела, и не столько. В гораздо большей степени имеет значение организация пространства в принципе.

- Вот теперь я вообще ничего не понимаю! – окончательно вышел из себя Рябоконь.

- Короче, Вам когда-нибудь приходилось сидеть на пеньке, с виду совсем обычном, и чувствовать себя гораздо более комфортно, чем в самом удобном, самом совершенном, с точки зрения эргономики, кресле? – пытаюсь сохранять дружелюбный тон, спросила Ира.

Радный пронзил ее взглядом:

- Мне приходилось, – медленно проговорил он.

- Где, если не секрет?

- В Сибири. В тайге. В избушке старухи-знахарки.

- Спасибо, – поблагодарила его, слегка кивнув, Ира. – Любой объект определенным образом организует пространство. Этим можно управлять за счет искривления плоскостей и изменения наклона и соотношения их осей.

- Ира, а Вам не кажется, что это нечто из области мистики? – спросил Белокоп.

- Нет, не кажется. Я точно знаю, что это из области мистики, если термин «мистика» понимать как практику, направленную на непосредственное единение с Абсолютом, то есть на существование в согласии с Глобальными Законами Вселенной. Просто нет ничего удивительного в том, что параметры – в данном случае пространственные – можно просчитать и задать для определенного объекта.

- Вы уверены, что неграмотная старуха из тайги способна к подобным вычислениям? – усмехнувшись, съязвил Рябокоп.

- Нет. Она это просто знает. Чувствует.

- Каким же образом?

- Точно таким же, как вы чувствуете, знаете скорость приближающейся машины, когда переходите дорогу. Для практического владения знанием совсем необязательна вербализация информации или перевод ее в какие-либо другие, например цифровые, символы.

Генка отрешенно улыбался. Радный перестал сверлить взглядом Ирину и направил его в неведомую даль. Его глаза искрились. Рябокоп переводил дух и готовился к новым нападкам, а Белокоп ринулся в атаку:

- Ладно, предположим, Вы меня убедили, но есть еще один вопрос, который вообще-то должны задать, как мне кажется, Станислав Андреевич и Геннадий Васильевич, – он посмотрел на них.

- Интересно, интересно... – Генка уже предвкушал нечто, притом зная, что именно.

- Так вот, вопрос: как мы объясним доступным образом потребителю, что наша новая коллекция прям вся такая распрекрасная и нужно непременно покупать только ее, а? Как мы построим рекламную кампанию?

- Да-да, Ирина Борисовна, как? – Генка откровенно веселился.

- Точно так же, как и любую другую, – бесстрастно ответила Ира.

- Ирина, но ведь на производство ее будут затрачены значительные средства, и она, по вашему мнению, будет обладать прямо-таки фантастическими свойствами – это ведь нужно как-то отразить, ведь обидно, если мы тут так постараемся, а покупатель пройдет мимо.

Ира улыбнулась:

- Во-первых, мы, само собой, придадим ей привлекательный внешний вид...

- Вот!!! Так может, только им и ограничиться? И не морочить себе голову?

- ...а во-вторых... – продолжала Ирина, не обращая внимания на едкое замечание, – если перед Вами, как перед дизайнером, поставить два внешне абсолютно одинаковых стула, один из которых будет выполнен с не фиксируемыми глазом искривлениями плоскостей и изменениями наклона и соотношения их осей, и попросить найти «десять отличий», Вы их вряд ли обнаружите. Вы скажите, что эти стулья одинаковы. Но если Вы просто зайдете в помещение, где будут стоять оба эти стула и Вам предложат сесть, Вы инстинктивно, не задумываясь, сделаете выбор в пользу стула, пространственно более удачно организованного. То есть, специальные свойства нашей мебели мы рекламировать не будем, они в этом не нуждаются, а, следовательно, не будем оповещать о них конкурентов. За редким исключением люди прекрасно видят и чувствуют такие вещи, хоть и не отдают себе отчета в этом.

- Bravo, Палладина! – Генка зааплодировал. Радный присоединился к нему.

- Хорошо, ну а как мы будем делать эти расчеты? По какой методике? – вступил в бой Рябоконь.

- Неужели Вы думаете, что я сегодня измывалась над менеджерами и инженерами, не представляя, что мне нужно во всех тонкостях? Как только цеха будут готовы к выпуску, я представлю всю необходимую документацию по технологическому процессу. Естественно самих методик расчетов Вы не получите на том основании что это мое know how.

- Ирина... – что-то было начал Белоконов, но Радный оборвал его.

- Всё! Хватит! Завтра тяжелый день – всем спать.

Изрядно уставшая Ира испытала приступ благодарности Радному, потому что собрание проходило в ее комнате, лишая возможности свалить самой. Генка хотел задержаться, но Радный и его уволок.

Следующие два дня пролетели в достаточно напряженном, но спокойном рабочем режиме. Рябоконь, отчасти благодаря частично обретенному пониманию идей Иры, но в большей степени подчиняясь воле

босса, стал более полезен, чем в первый день, когда ничего, кроме раздражения, от него не исходило. Впрочем, раздражение пёрло из него и теперь, и даже с удвоенной, если не с утроенной силой. У Иры вообще закралось подозрение, что «главные кони» ее тихо ненавидят.

Генка и Радный по очереди сопровождали Иру на втором этаже, каждый по-своему, но с одинаковой интенсивностью воздействуя на представителей заводов-изготовителей оборудования своим присутствием. Иру удручало лишь одно: с главным разработчиком более всего приглянувшейся ей техники переговорить никак не удавалось. Юный менеджер с намертво приклеенной улыбкой клялся и божился, что этот самый инженер-разработчик сам из всех сил хотел пообщаться с Ирой и как привязанный вот буквально только что торчал в павильоне, но каждый раз, как Ира туда заглядывала, буквально перед самым ее появлением случалось нечто, что вынуждало его срочно покинуть свой пост. При этом, в эти самые моменты его мобильник с пугающей целеустремленностью умудрялся напрочь выпасть из зоны действия сети.

На четвертый день работы выставки Ира с утра, уже в гордом одиночестве, еще раз обошла второй этаж, в очередной раз не сумев поймать неуловимого инженера. Во время обеда она предложила Генке и Радному собраться на совет. День стоял превосходный – такой теплый сентябрьский денек – и совет решили устроить в небольшом сквере около выставочного центра. Ира открыла свой ноутбук и последовательно представила на выбор три варианта, отражавших комплектацию, необходимые площади, примерные сроки монтажа и наладки, стоимость оборудования и затраты в целом. Объяснила плюсы и минусы каждой раскладки.

- Ирчик! Когда ты успела все это наваять?!

- Ген, я ж сюда не прохладиться ехала!

- В принципе, мне все понятно... – Радный немного помолчал, задумавшись, затем усмехнулся. – Ира, предложение возглавить производственный отдел фабрики все еще в силе, – он в упор посмотрел на Иру. Она что-то хотела сказать, но он перебил. – Знаю. Не пойдете. Свобода превыше всего!

- Истинно! Но, боюсь, что в этот раз мне все же придется малость пожертвовать своей свободой и провести изрядное количество времени у Вас на фабрике, непосредственно участвуя в процессе монтажа и наладки.

- Ирчик! Зачем тебе это? – удивился Генка. – Толя с Жорой ребята, конечно, не без упрямства и гонора, но специалисты они крепкие. Ирчик, я думаю, тебе не стоит напрягаться по этому поводу.

- Геночка, а можно я, с твоего позволения, сама решу, по какому поводу мне стоит напрягаться, а по какому нет, а?

- Ирчик, ты конечно...

- Ген, лично я не имею ничего против участия Ирины в монтаже и наладке, – перебил Генку Радный.

- А я, что, против? Ирчик, если хочешь – твое дело. Просто я не вижу в этом смысла. Думаю, у тебя найдутся куда более интересные варианты провести свое время.

- Геночка, а ты не думай, ладно?

- Ладно... Как знаешь...

- Ген, не обижайся, но мне действительно в данном случае нужно самой все контролировать и дело тут не в недоверии. Понимаешь... идея действительно не совсем обычная... Оборудование, вполне возможно, придется монтировать и доводить, походу внося модификации, и, вполне возможно, очень даже значительные.

- Ирчик! Заинтриговала ведь пуще некуда! Эх! Хотя одним глазком глянуть бы на то, что ты напридумывала! – воскликнул в нетерпении любопытства Генка.

- Сейчас глянешь! Только предупреждаю – это не эскизы. То, что покажу – это графические формулы самой идеи.

Ира загрузила 3D-тах и открыла файл. На мониторе появились линии, тянущиеся в разных направлениях и пересекающиеся в разных плоскостях, и концентрические круги, также расположенные в разных плоскостях. Картинка пленяла своеобразной красотой и гармонией. Ира не показывала этот файл Женечке и даже не заикалась о нем – нечто противилось этому. Но сейчас это же нечто зарядило ее неукротимым озорством и заставило представить сие, ничем даже отдалено не напоминающее мебель художество, Радному и Генке. Она, наслаждаясь эйфорией, наблюдала за выражениями их лиц. Впрочем, никакой конкретной информации ни Генкин лик, ни лик Радного не несли, если не считать того, что оба явно попытались скрыть свои истинные эмоции.

- Ребята, сейчас просто определитесь, какую из трех комплектаций вы готовы поставить. Мне необходимо это знать, потому что окончательная версия разработки целиком и полностью будет зависеть от возможностей оборудования, а когда... – Ира хотела еще сказать, что, когда представит на их суд полностью готовые эскизы, тогда они смогут окончательно решить, стоит или не стоит вкладываться в этот проект, но Генка не дал ей договорить:

- Сколько тебе нужно, чтобы облечь это в мебельные формы?

- Если засесть плотно – недели три-четыре.

- Получается конец октября – начало ноября. Стас, как обстоят дела с помещениями, так чтобы ничего не демонтировать и не останавливать производства?

- Свободных, естественно, не держим. Есть на примете малорентабельный склад, который хозяева готовы продать.

- Состояние?

- Ремонт, конечно, требуется, но по большому счету вполне приличное.

- Сколько уйдет не ремонт и оформление документов?

- Месяца полтора – два.

- Ага... то есть, где-то во второй половине ноября – начале декабря можно начать монтаж оборудования... Хорошо... Палладина, насколько я понимаю, лучший вариант тот, у которого единственный недостаток – цена, так?

- Да.

- Дай-ка его на экран... ага... Стас, по площадям влезем?

- Да там два таких поставить можно.

- Чудесно... Значить так, господа! Сейчас идем и заключаем договор с изготовителями оборудования. После выставки летим все вместе к тебе, Стас, смотрим помещения, Ирчик дает ЦУ по поводу ремонта и отправляется к себе в Сочи наслаждаться жизнью и дорабатывать эскизы. Ирчик, у тебя будет самый минимум месяц, так что не спеши и не перенапрягайся. Стас, мы с тобой, отправив Палладину домой трудиться на благо Отечества, тоже впрягаемся и в бой. С планом действий все согласны?

Возражений не возникло. Ира от Генкиной прыти аж опешила. Радный выглядел абсолютно невозмутимо.

- - -

Официальное закрытие выставки прошло вечером на четвертый день, на пятый проводился демонтаж и отправка. Процессом руководили Рябоконь с Белоконом. Ирина, как и планировала, отправилась знакомиться с достопримечательностями городка. Компанию ей составили Генка, Радный, юный переводчик и милостиво выделенный хозяйкой отеля в качестве гида один из служащих, по совместительству студент исторического факультета. Осмотр городских достопримечательностей занял немногим более трех часов, а впереди остались еще почти сутки до отлета.

Позвонил Рябоконь, отрапортовав окончание демонтажа и отправки. Погода стояла изумительная. Решили дожидаться «главных» и посетить соседнюю деревеньку, где, по словам гида, издавна варили какое-то совершенно особенное пиво по старинным рецептам.

После тесноты застраивавшихся по средневековому разумению улочек загородные просторы кружили голову. Во время рабочей недели, тем более днем, посетители не баловали хозяев заведения, и поэтому нагрянувшую вдруг большую компанию встретили с особым радушием. Густое, ароматное, действительно невообразимо вкусное, темно-янтарное пиво оказалось практически безалкогольным. Как пояснила через переводчика хозяйка – немолодая, но миловидная фрау – этот его секрет позволил старинному заведению без лишних приключений пережить все передвижения армий, начиная от крестоносцев и заканчивая проводившимися неподалеку года два назад военными сборами.

Ира полностью расслабилась и не уловила, каким образом она с Радным в сопровождении переводчика и отца хозяина заведения – весьма древнего старичка – оказалась на окраине деревушки среди невысоких пологих холмов, покрытых уже собравшейся жухнуть травой. Для нее также осталось загадкой, почему Генка, «главные» и студент исторического факультета не последовали за ними. Ира как-то вдруг просто обнаружила себя бредущей сначала вверх, а затем вниз по склону одного из холмов. Он, пожалуй, был здесь самым высоким, и с его вершины открывался живописный вид на окрестности. Ира легко взойшла на холм, но вот спуск... Сердце бешено заколотилось. Дыхание перехваты-

вало. Места казались до боли знакомыми. Оказывается, старичок всю дорогу что-то рассказывал, а переводчик переводил, притом как-то по-особенному самозабвенно, будто впал в транс от будоражащего воображения повествования. Ира, конечно, всю дорогу слышала их голоса, но вникать в смысл начала только сейчас, на спуске с холма.

- ...она не была красавицей, но всех мужчин окружила как магнитом тянуло в ее сторону. Понятно, что их жен подобное не приводило в восторг и поэтому все нелепые обвинения встретили со стороны женской части населения всяческое одобрение.

Одобрение выказывали и мужчины, отчасти из-за трепета перед женами, а отчасти и от уязвленной отсутствием внимания гордости. Впрочем, в округе вовсю гуляли слухи, что настоятель местного прихода затеял все только из-за собственного тотального неуспеха у Эрианы. Да и обвинять ее, в общем-то, было не в чем: жила себе спокойно, правда достаточно скрытно. В дом свой никого не приглашала, но всегда отличалась приветливостью.

В общем, самым веским обвинением и доказательством того, что Эриана – ведьма, послужило то, что она разговаривала с животными и те, а это все подтверждали, ее понимали.

Впрочем, для представителя инквизиции, к которому обратился пастор, только то, что молодая девушка, неизвестно откуда пришла, поселилась в заброшенном доме, живет уединенно, сама ведет хозяйство и не стремится выйти замуж, уже подтверждало ее колдовскую суть, и предписание начать следствие, было выдано незамедлительно.

Когда ворвались к ней в дом, Эриана, казалось, ждала этого. Она сидела у окна по выходному одетая и прибранная. Никто не осмелился подойти к ней. Она сама поднялась и смиренно последовала за разъяренной толпой.

Дознание длилось целый месяц. Никто не знает, как оно проходило, потому что пастор сам лично допрашивал Эриану. Поговаривали, что он пытается добиться ее взаимности, но, видимо, удача ему не улыбнулась, так как по истечению месяца он вынес приговор и назначил день казни. В канун назначенного дня пастор слег и церемонию по его просьбе выпало вести гостившему у него пару дней священнику из другого селения. Пастор так и не поправился и отдал богу душу, видимо, даже раньше своей жертвы – после казни Эрианы, его тело нашли уже остывшим...

Ира, целиком поглощенная рассказом, в какой-то момент констатировала, что едва держится на ногах у подножия холма, взирая на широкую поляну с большим почерневшим от времени крестом вокруг которого во множестве стояли корзины с цветами.

- ...как и месяц назад, никто не решался подойти к Эриане, и она сама спокойно взойшла на повозку. Приезжий священник показал верх экзальтации и до предела завел и без того разъяренную толпу. Если б не леденящий душу страх перед колдовскими чарами, который обуял всех, тоже не без помощи не в меру ревностного служителя церкви, Эриану, скорее всего, не сожгли бы, а порвали в клочья...

Какую-то часть повествования Ира пропустила, погрузившись в дебри своего зимнего сна. Очнулась она тогда, когда Радный подхватил ее, готовую упасть, за плечи. По телу разлилось приятное бодряще-умиротворяющее тепло.

- ... это сейчас здесь цветы – позавчера мы отмечали день прихода в нашу деревню святой Эрианы, но у этого же креста собираются и сатанисты. Согласно легенде, после того как Эриана из пламени костра вознеслась на небеса, следом за ней, говорят, улетел, дьявольски хохоча, и адский огонь. Это, конечно, уж совсем рассказы, но нельзя, однако, отрицать, и это уже исторические факты, что священник, руководивший казнью, бесследно исчез – его никто не смог найти потом, когда все пришли в себя после такого чуда. Но это, впрочем, понятно – кто будет ждать неминуемой расправы? Скорее всего, он просто удрал, пока толпа взидала в небо и молилась. Но вот пастор... Его нашли мертвым. И мертвым достаточно давно – даже тело успело остыть.

Тем не менее, мы почитаем Эриану святой и в досужие домыслы, про улетающий со смехом дьявольский огонь, не верим. К тому же, если б огонь тот действительно был дьявольским, то Эриана низверглась бы в бездну, а не вознеслась в небеса. И вообще, про летающий огонь, может, сатанисты и придумали – надо же им что-то очернить, чему-то поклоняться и где-то свои мерзкие обряды совершать. Они по большей части из окрестной молодежи. Мы их, конечно, журим, но ведь и сами молодыми были, а в эту пору только дай над чем-нибудь поглумиться.

- А когда это все случилось? – тихо спросила Ира. Она стояла на ногах, точнее занимала вертикальное положение, почти что висая в воздухе, только благодаря крепким рукам Радного, который держал ее за плечи.

Переводчик повторил вопрос по-немецки, выслушал ответ и поведал его содержание:

- Он точно не знает. Говорит, что очень давно. Еще до Реформации, веке, эдак, в четырнадцатом-пятнадцатом, а то и раньше.

- Ира, Вы как? – очень тихо спросил Радный.

- Нормально... – также тихо ответила Ира и добавила. – А можно подойти поближе к кресту?

- А получится? – спросил Радный.

- Думаю – да, – уверенно ответила Ира и твердой походкой направилась в сторону почерневшего от времени, окруженного цветами креста. Радный, чуть выждав, присоединился к ней:

- Знакомое место?

- А Вам?

- Я был здесь несколько лет назад.

- А гораздо раньше?

- Вы уверены?

- В чем?

- Это был риторический вопрос.

- Аналогично.

Всю обратную дорогу к бару шли молча.

- Ирчик, пожалуйста, не задавай никаких вопросов! – взмолился Генка, стоило только Ире подсесть к нему. – Мучай Гарова – он это любит.

- А какие это вопросы ты от меня ждешь? – спросила Ира, хитро взглянув на Генку. – Я и не собиралась тебя ни о чем спрашивать.

- Правда? – в голосе Генки звучало недоверие.

- Истинная!

Ира действительно не собиралась расспрашивать его. Ей хотелось только одного – поскорее забиться в свой номер от всех подальше. Так что она с трудом дотерпела пока Радный, наконец, убедил изрядно захмелевших от почти безалкогольного пива «главных коней» возвращаться в город.

Ира думала, что, оставшись в полном одиночестве, ей удастся привести в порядок свои несущиеся бурным беспорядочным потоком мысли, но, когда она, в конце концов, закрыла за собой дверь, в мозгу воцарилась полная звенящая тишина, и Ирина, неожиданно для самой себя, быстро уснула.

Самолет, разбежавшись по взлетной полосе, взмыл в воздух. Ира сидела у иллюминатора слева от Генки, справа от него у прохода сидел Радный. Они вдвоем не заметили за сосредоточенным обсуждением планов, как пролетело время, и вернулись в реальность, когда стюардесса милым голосочком сообщила, что их полет подходит к концу и авиалайнер вот-вот совершит посадку в московском аэропорту «Шереметево-2».

Такси. Вокзал. И вот они уже продолжают деловые переговоры в купе поезда, и незаметно пролетает ночь.

Утро. С вокзала они сразу едут смотреть помещения под будущий цех. Потом переговоры в кабинете Радного. Такси. Гостиничный номер. Сон без сновидений, а рано утром снова кабинет Радного...

В таком бешеном ритме пролетела неделя.

- Ирчик, пожалуйста, не задавай никаких вопросов! – умоляюще просил Генка, провожая Иру на вокзал. – Мучай Гарова – он это любит.

- Генка, ну с чего ты взял, что я собираюсь тебя о чем-то спрашивать?

- Ирчик, я специально тогда не пошел с вами. Понимаешь, я ничего не могу тебе объяснить. Понимаешь, я не хотел, я не знал... Я вообще мало понимаю, что происходит НА САМОМ ДЕЛЕ. Я земной житель до мозга костей. Я даже рождаюсь и умираю в положенные сроки, как все нормальные люди. Не то, что Гаров, который вообще забыл, как это делается. Ира, я понятия не имею, зачем все эти игры. Мне Женька как-то пытался объяснить, но я ничего не понял. Понимаешь, я – земной. От любого из этих прохожих я отличаюсь лишь тем, что помню, как рождался, жил и умирал здесь много, много раз – это всё. Я даже не знаю, почему это так – для меня это само собой разумеющееся. Мне сложно понять, почему другие этого не знают или не помнят.

- Ген, зачем ты так волнуешься?

- Я чувствую, что должен тебе объяснить нечто, но я не знаю, что именно.

- Геночка, ты не должен мне что-либо объяснять. Знаешь некоторые ассоциации и отождествления весьма забавны...

- Забавны?!

- Да, Ген, именно забавны. Но это не имеет никакого значения само по себе. И даже Гарова по этому поводу я мучить не собираюсь. Сейчас меня интересует только выпуск новой линии мебели и всё.

Генкины глаза почти вылезали из орбит.

- Ирчик, неужели тебя на самом деле не одолевает куча вопросов?

- Не-а! Точнее, я ей не позволяю меня одолевать. Знаешь, за что я безмерно благодарна Женечке? – Ира вопросительно глянула на Генку. – Он научил меня распознавать праздное любопытство и не тратить силы на его удовлетворение.

- Да... – Генка немного помолчал задумавшись. – А я только этим и занимаюсь уже которую жизнь подряд.

- Наверное, это ТВОЯ земная доля.

- Может быть...

Поезд «Санкт-Петербург – Адлер» медленно подползал к перрону. Его стоянка составляла всего четыре минуты, и поэтому философствования пришлось прекратить. Ира чмокнула Генку и исчезла во чреве вагона.

Переизбытка желающих насладиться бархатным сезоном Черноморского побережья Кавказа не наблюдалось, и Иришка всю дорогу оставалась единственной обитательницей купе.

Параллели, возникшие между ее странным сном-не-сном и мистической историей, вроде как имевшей место в немецкой деревушке более половины тысячелетия назад, Иру действительно мало волновали. Гораздо больше ее занимало совсем другое. С некоторых пор она стала четко осознавать, что живет как бы двойной жизнью – полностью реальной, с точки зрения общепринятой реальности, и абсолютно ирреальной с той же точки зрения, но битва за обладание ее раскуском общепринятой реальностью была уже почти что проиграна. Параллели, возникшие между ее странным сном-не-сном и мистической историей, вроде как имевшей место в немецкой деревушке более половины тысячелетия назад, как теперь понимала Ира, – это лишь частный случай, «количество ножек у табуретки», как выразился Женечка, пересчитывать которое, по меньшей мере, не имеет никакого практического смысла.

В уединении под стук колес Ира с болью сформулировала для себя то, чего с некоторых пор ужасно боялась. С некоторых пор она поняла, что Женечка, по существу, сделал для нее все, что он мог для нее сделать, и, скорее всего, он в скором времени исчезнет из ее жизни. Женечка, по большому счету, больше ничем не мог ей помочь и, если он не понимал еще этого сам, то Ира знала точно. И еще она знала точно, что ирреальность гораздо безжалостнее и прагматичнее реальности. Ей до боли захотелось позвонить Женечке, но она понятия не имела, зачем. Что она ему скажет? «Женечка, не уходи!»? Это бред...

Он должен сам позвонить. Ира раскрыла себя нараспашку, вывернула наизнанку, и он позвонил:

- Привет, Палладина. Ты чего это там в истерике бьешься?

- Жень, я не хочу, чтобы ты исчез из моей жизни, – сказала она почти сквозь слезы.

- Ира, это решать не мне.

- Я понимаю...

- Ничего ты, Ирка, не понимаешь! Это тебе решать, дурочка!

- Ты уверен?

- Да.

Поезд покинул зону действия МТС, и звук Женечкиного голоса растаял. «Тебе решать», – круто, конечно! Только Ира очень хорошо понимала, что решать будет не «она», сидящая тут в пустом купе и всхлипывающая от неумолимо надвигающегося тотального одиночества во Вселенной. Решать будет «ОНА», сама себе неведомая, неподвластная щедедушному человеческому разумению.

Снова затрезвонил мобильник, точнее завибрировал, и, Ирина, не глядя, схватилась за него, как утопающий за спасательный круг, будучи уверенной, что звонит Женечка. Но трубка заговорила голосом Радного:

- Ирина, извините, что я не смог проводить Вас.

- Ничего страшного.

- У Вас все в порядке?

- Да, конечно...

- Ваш голос звучит чересчур взволновано.

- Нет-нет, все нормально. Я просто задумалась, и вдруг зазвонил телефон.

- Вы уверены?

- Абсолютно уверена – телефон звонил, – неожиданно для самой себя пошутила Ира. Радный усмехнулся.

- Тогда извините за беспокойство. Счастливого пути.

Ира хотела сказать что-то в ответ, но он уже отключился. Ее била дрожь, в горле застрял ком, на лбу выступил холодный пот.

Ира считала Радного во всех отношениях героем положительным и, если отключить непонятные чувства и ощущения, которые почему-то возникали в его присутствии, он очень даже ей нравился, точнее, должен бы нравиться. Ира вспомнила его руки на своих плечах – необычное, по-особенному приятное ощущение, хотя и возникшее вопреки всем предположениям и ожиданиям. Но – и в этом Ира не сомневалась ни на секунду – вместо желания испытать его вновь, ее охватывал ужас от одной мысли, что это может повториться. Что-то или кого-то все эти странные переживания напоминали.

Сознание воскресило образ одного из преподавателей художественной школы. Ира проучилась у него совсем недолго – около месяца, но за этот месяц он, пожалуй, дал ей более всех остальных. Все вокруг настаивали, чтобы она продолжала обучение в его группе и она, даже будучи ребенком, понимала, что это лучший для нее вариант, но ничего не могла с собой поделать. Причину объяснить не получалось, но и за-

ниматься у него – тоже: несмотря на великолепное отношение к ней, на очень интересные занятия, Иру от одного его присутствия бросало в дрожь и пот. Она испытывала по отношению к нему необъяснимый страх и непреодолимое омерзение, как от какой-нибудь скользкой ползучей твари.

Радный чувства омерзения не вызывал, даже, может быть, совсем напротив, но в дрожь и пот от него Иру бросало ох как похлеще. При всем восхищении и уважении к нему, чувства он вызывал отталкивающие, но отталкивающие не омерзением, а чем-то совершенно необъяснимым. Необъяснимый панический страх? Да. На что-то он походил... На что-то из глубокого детства...

Ира вспомнила, как когда-то, лет в пять-шесть, а может и раньше, отец ясным зимним вечером забрал ее из детского сада. Темно-синее, почти черное ночное небо сверкало звездами. Ира не могла оторвать взгляд от него. Пришлось остановиться, задрав головы, и отец стал ей рассказывать, что звезды – это громадные далекие солнца в Бескрайней Бесконечности Космоса. Ира до этого уже знала, что Вселенная бесконечна, от своей воспитательницы, которая, в связи с полетом очередных космонавтов, сообщила им, маленьким детям, об этом. Но на детсадовском занятии то пролетело пустым звуком, а тут она вдруг всем своим существом ощутила глобальный благоговейный ужас этой Бескрайней Бесконечности. Ощутила до такой степени, что потом очень долгое время боялась ночью смотреть на небо. Ира до сих пор не избавилась от этого чувства, лишь научилась притуплять его, загоняя далеко вглубь себя и не позволяя всплывать на поверхность сознания.

Радный вызывал нечто подобное. Ира, на время выставки и, последовавшей за ней, рабочей недели, также загнала это вглубь, а сейчас, когда он позвонил так неожиданно, оказалась не готова, и все ощущения вырвались наружу подобно раскаленной лаве при извержении вулкана.

Огнедышащий вулкан в неистовой радости обретенной свободы извергался ужасом запредельности и немыслимым ликованием. Ира каждой хромосомой ощущала как «она» боится Радного. А «ОНА»?

И тут страхи перед Радным, Бесконечностью, исчезновением из жизни Женечки полностью затмились всепоглощающим ужасом, который душил, терзал, рвал на части...

Мобильник вновь заурчал и зашевелился.

- Ну что, Палладина, а не рановато ли ты меня со счетов списала, а?!

- Женечка хохотал от души.

- Женечка... – Ира разрыдалась.

- Ну-у-у! Ирка! Хватит нюни распускать! Лучше набери кроссвордов и разгадывай их до самого Сочи.

Женечка вдруг разразился новым приступом неистового хохота. В дверь постучали. МТС вырубился. Ира открыла дверь. Молодой человек протянул ей пачку журналов и газет, подавляющее большинство которых пестрели кроссвордами. Ира быстренько выудила рекомендованные Женечкой «пособия», расплатилась, закрыла дверь и глянула на экранчик мобильного. Через пару мгновений он сообщил, что связь восстановлена, и она набрала Женечкин номер:

- Женька! Ты – сволочь!

- Знаю, Палладина, знаю! – радостно известил о своей осведомленности Женечка. – Давай садись и займи мозги, чтоб не лезли туда, куда Макар телят не гонял.

МТС вновь потерялся. Ира подождала пару минут, но все попытки ее мобильного обнаружить хотя бы признаки сети оказались тщетны, и она погрузилась в разжижитель серого вещества черепной коробки.

Глава 21 Внимание

Уже почти стемнело, когда поезд выполз из последнего тоннеля и, весело пересекая мост через Сочинку, приближался к вокзалу. Ира не была в Сочи в два раза дольше, чем рассчитывала, и чувствовала, что ужасно соскучилась по родному городу. Она по-детски радостно выпорхнула из вагона и почти вприпрыжку направилась к зданию вокзала, морально готовясь ловить такси. Крепкая рука выхватила ее из толпы. Ира вздрогнула от неожиданности.

- Ну ты и носишься! – пробасил Влад над головой.

- Влад!? – Ира удивилась, потому что не предполагала, что ее кто-то будет встречать. – Как ты узнал?

- Мне Евгений Вениаминович позвонил. Сказал, что нынче улетает, и попросил тебя встретить.

- Так его нет в городе? – в Ирином голосе звучал нешуточный испуг.

- Ир, что случилось?

- Женя что, улетел?

- Да... – Влад не понимал, чего это она так перепугалась.

Ира остановилась как вкопанная, потеряно глядя в никуда.

- Ира, что с тобой? Евгений Вениаминович сам собирался тебя встретить, но вчера ему срочно понадобилось на пару дней слетать в Питер.

- На пару дней?

- Да. Он послезавтра вернется.

- Ты уверен?

- Ира, что с тобой?

- Нет. Ничего. Идем.

Влад последовал за ней, чувствуя, что она все также взволнована и лишь взяла себя в руки. Они сели в выдавшую виды «Ниву» Валентиныча, и Ирина тут же схватилась за мобильник, но не успела она включить звонок, как он завибрировал у нее в руках.

- Женя!

- Ирка, успокойся. Послезавтра я буду у тебя.

Влад почувствовал, что она немного расслабилась, но не решался заговорить.

- - -

Зив и Лоренц встретили Иру, изо всех сил и всеми доступными им средствами демонстрируя радость. Затем Зив куда-то умчался и вернулся вместе с Татьяной Николаевной.

- Ирочка! Наконец-то! А я-то думаю, и куда это меня Зив так настойчиво зовет? А тут, оказывается, хозяйка вернулась! Ирочка, что ж ты не сообщила заранее? У меня и покормить вас особо нечем!

- Как это нечем!? Вот! – Влад поставил на стол огромный пузатый магнитовский пакет.

- Так, сейчас разберемся, – сказала Татьяна Николаевна и скрылась на кухне.

Суэта по поводу приезда вернула Иру в реальный мир, чему Влад несказанно обрадовался.

- Как съездила?

- Чудесно! Знаешь, Влад, я, честно говоря, и на половину полученного результата не надеялась.

- Рассказывай!

- Расскажу. Но сначала – ты. Как там поющий дом? – Ира сказала «поющий дом» по инерции, из-за того, что сама для себя и в разговорах с Женечкой привыкла его так называть.

- Поющий? Значит, ты тоже это слышишь? А я думал это только у меня глюки.

- Так ты тоже слышишь? С какого времени?

- Да с того, как первый раз туда приехали. Тогда он целым хором пел... если не ошибаюсь... ты знаешь, я не силен в музыке, по-моему, это... – Влад задумался.

- Напой...

Влад хоть и не был силен в истории музыки, но, обладая очень даже неплохим слухом и музыкальной памятью, воспроизвел оду «К радости».

- Верно. Это Бетховен. Финал девятой симфонии, так называемая ода «К радости».

- Ты тоже это слышала?

- Да.

- А почему не сказала?

- А почему ты не сказал?

Влад понимающе усмехнулся. Тут с подносом в руках из кухни вышла Татьяна Николаевна, и тому поющего дома пришлось временно закрыть.

Когда Татьяна Николаевна отправилась заварить еще чаю, у Влада запел мобильник:

- Здравствуй, солнышко! Нет. Я ж тебе сказал, что еду в Краснодар. ЦРУ, ты мое ненаглядное! В кафешку перекусить зашел, вот машин и не слышно. Дня два-три. Как домой буду ехать – позвоню. Все, не скачай, солнышко, целую, – Влад чмокнул в трубку и отключил мобильник.

- Так, я не поняла: у меня здесь кафешка или Краснодар? – шутливо спросила Ира.

- Сейчас – кафешка, которая вот-вот станет Краснодаром.

- Если Краснодар, то ты здесь дня на два, на три?

- Угу! А ты против?

- Нисколько!

Влад приобнял Иру и нежно поцеловал в шею. Когда зашла Татьяна Николаевна с дымящимся большим заварным чайником, они уже вновь вели себя вполне пристойно.

- - -

- Так как там поющий дом? – спросила Ира, как только они, проводив Татьяну Николаевну после посиделок, вышли за ее калитку.

- Завтра съездим – сама увидишь! – ответил Влад не без гордости.

- Я не про то. В ваших с Валентинычем доблестях я не сомневаюсь. Как он себя чувствует? Что поет?

- Если я правильно понимаю – вполне доволен, только по тебе скучает.

- Влад, ты серьезно?

- Серьезно... а может и нет... я не знаю...

- Пойдем, искупаемся в водопаде.

- Пойдем.

Тьма казалась крошечной, когда они вышли из дома чтобы проводить Татьяну Николаевну, но теперь глаза привыкли, и света половины растущей Луны, поддерживаемой блистанием звезд, вполне хватало. Даже среди обступивших деревьев они без труда видели тропинку, не прибегая к помощи фонарика, выданного им заботливой Татьяной Николаевной. Впрочем, в лесу свет лунной половинки и звезд, заслоненных густыми ветвями, был уже ни при чем. Тропинка каким-то непонятным образом сама собой выделялась в темноте и делала видимым кусочек окружающего ее пейзажа. Нет, она не излучала света, просто, почему-то здесь темнота ночи не являлась препятствием для зрения.

Водопад приветливо грохотал. Ира разделась и в безмятежности отрешенного наслаждения отдалась его струям. Под летящим с вышины потоком плескался Влад. Рядом развлекались дайвингом Зив и Лоренц. Кроны деревьев плотным пологом скрывали ясное ночное небо.

- Влад, ты видишь меня? – поинтересовалась Ира.

- Вижу.

- А тебе не кажется это странным? Ведь на самом деле темень хоть глаз выколи!

- Слушай, и вправду!

Они вылезли на берег и направились домой, все также, вопреки всем известным им со школьной скамьи законам природы, прекрасно видя в практически полной темноте.

- Знаешь, Ир, у меня такое ощущение, будто вижу я не глазами.

- Представляешь – у меня тоже...

Вдруг Ира резко остановилась и схватила Влада за руку:

- Слушай! Точно не глазами! Попробуй! Закрой глаза! Ничего не меняется!

Влад, судя по всему, попробовал, потому что через несколько секунд Ира почувствовала, как он с силой сжал ее руку, и услышала, как громко забилось его сердце.

- С ума сойти... – только и смог проговорить Влад.

- Идем, – прошептала Ира.

- С закрытыми глазами?

- Да...

Выход из леса предстал стеной темноты. Ира открыла глаза и увидела впереди звездное небо с половинкой Луны и освещенный ими дачный поселок.

- Батюшки! – воскликнула она.

- Да уж... От кого б услышал – посчитал бы за бред сивой кобылы.

- Ну-ка, рассказывай!

- Закрыв глаза – тропинка и лес вокруг нее даже лучше видны стали, и вдруг впереди черная стена. Открываю глаза – впереди выход из леса и залитые звездным светом дачные домики.

- Ладно, идем. Я что-то замерзать начинаю, – сказала Ира, прибавляя шаг. – Такое ощущение, Влад, что у нас с тобой в одну сторону крыша съехала.

- По-моему, уже давно... – заметил он, отпирая входную дверь.

«Выбросить все из головы, выбросить все из головы», – как заклинание твердила Ира сама себе.

- Что-то ты какая-то совсем замученная, – окидывая Иру взглядом в электрическом освещении гостиной, констатировал факт Влад.

- Не могу больше...

- Может, тебя пора спать укладывать?

- Нет. Расскажи мне о строительстве – нужно как-то заземлиться.

- Неужто ты на этой выставке основательно не заземлилась?

Ира молча посмотрела ему в глаза.

- Понял.

И Влад принялся в подробностях рассказывать Ире о шпатлевке, штукатурке и прочих заземляющих ингредиентах. Она оживилась, но лишь на время и очень натужено, а потому, едва отчетная информация оказалась исчерпанной, Влад бережно взял Иру на руки и отнес в спальню. Ему казалось, что она уснула еще на подступах к кровати, но, очутившись в постели, Ира вдруг резко поднялась и села.

- Я хочу кое-что показать тебе. Принеси мой ноутбук.

- Может, уже завтра? Ты ведь устала?!

- Устала, но до завтра я не дотерплю.

Влад послушно вышел и через минуту вернулся с ноутбуком. Ира открыла файл с пространственными крестами и кругами:

- Смотри...

- По-моему, я когда-то где-то что-то подобное уже видел. Что это?

- Предэскизы мебели.

Влад долго смотрел на монитор отрешенным взглядом, потом вздрогнул всем телом.

- Знаешь, Ир, если начинаешь усиленно прислушиваться, как бы перестанешь видеть, а если приглядываться – слышать.

- Ты о чем?

- Понимаешь, у нас обострены пять чувств и за ними мы не замечаем еще какого-то, а может и каких-то.

- Это тебе Женечка наболтал?

- Нет!? А что – мог?

- Еще как! Ни за что не поверю, что вы с ним о чем-либо подобном не говорили!

- Может и говорили...

- Что значит «может и говорили»?

- Ир, я не знаю... Когда я к нему захожу, мы болтаем о чем-то минут пятнадцать, от силы двадцать, а потом оказывается, что я пробыл у него часа два-три. Я с детства привык не задавать вопросов, на которые нет ответов.

- А может, есть?

- У тебя?

- У Женечки.

- У него, видимо, на многие вопросы есть ответы, но ведь он даже тебе их не дает.

- С чего ты взял?

- Не знаю... – Влад немного помолчал задумавшись. – Я просто знаю, – сказал он уверенно и снова задумался. – Он боится тебя.

- Кто?

- Евгений Вениаминович. Точнее, не боится... это неверно... я не знаю, как правильно выразиться... он в восторге и ужасе благоговееет перед тобой.

Ира рассмеялась:

- С чего ты взял? По мне, так я сама испытываю к нему нечто подобное!

- Не-ет. Возможно, он, бывает, и выбивает почву у тебя из-под ног, может, даже и очень часто. Он просто искуснее тебя... пока...

Влад долго молчал, а у Иры сердце стучало в висках от нетерпения и предвкушения Великой Тайны. Она не смела перебивать его молчания, боясь спугнуть то, что он хотел и одновременно не хотел ей сказать. Влад действительно колебался, но, в конце концов, встал у Иры за спиной на колени и закрыл ее лицо своими ладонями. Она опустила веки.

- - -

Перед глазами появилась Женечкина гостиная. Влад сидел в кресле, Женечка – на диване.

- Евгений Вениаминович, Вы любите Иру?

Женечкины глаза сузились в хитрой усмешке:

- Ревнуешь? – он рассмеялся. – Она обворожительна в постели! Правда, временами бывает социально опасна, – он снова рассмеялся и скосил взгляд на свою руку с едва затянувшимся шрамом. – Ты думаешь, ее можно любить? В смысле общепринятого понятия: «любовь мужчины к женщине». Хочешь сказать, что ты ее так любишь?

- Да...

- Ошибаешься, мой мальчик! Влюбиться в нее по своему недомыслию и тотальной непробиваемости мог только такой, как ее бывший муженек или этот престарелый Игореша. Знаешь, о ком я?

- Нет...

- Неважно. Этим олухам, да и не только им – просто об этих я осведомлен лучше, чем о других – многое невдомек...

- Мне, признаться, тоже...

- «Тебе, признаться, тоже»? – Женечка расхохотался. – Брось! Ты малость запутался в терминологии, оттого и сравниваешь божий дар с яичницей. Ты прекрасно знаешь, зачем ты рядом с ней, а я знаю – зачем

я. Тебе просто еще не приходилось любить женщину, а придется, а может и не одну – тогда почувствуешь разницу. Любовь, штука прикольная, только она уходит, точнее, любовь не уходит – объекты меняются. Ира останется навсегда – в этом разница... одна из разниц.

- Так это и есть любовь!

- Вообще-то – да. Только не та, которую ты имел в виду. Знаешь, почему тебя тянет к ней в постель? Да и меня тоже. Думаешь, любовь? Страсть? Не-а! Телом убеждаться в том, что она женщина, то есть просто человек! Тело убеждать в том, что она женщина, то есть просто человек! Это единственная возможность сохранить свои человеческие мозги – иначе взорвутся. Ты не отдаешь себе в этом отчета, да и я, по большому счету, тоже. Просто я, в отличие от тебя, знаю, что это так.

Влад убрал свои руки от Ириноного лица. Она хотела что-то сказать, но он властно отрезал: «Всё! Спать».

Начало светать. Ира, стараясь не разбудить Влада, выскользнула из комнаты. На улице к ней присоединились Зив и Лоренц. Ира шла очень быстро, чтобы как следует разогреться перед предстоящим купанием в ледяной воде и тем же самым отогнать воспоминания о вчерашнем походе сюда.

Водопад приветливо громыхал. Ира быстро разделась и вошла в обжигающе холодную воду. Дыхание перехватило, сердце бешено заколотилось. Вчера ночью всех этих неотъемлемых эффектов воздействия ледяной воды она не ощутила. Видимо, потому что рядом был Влад, и она просто не сфокусировала на них внимания. «А вообще, интересная вещь внимание! Если его на чем-то не фиксируешь должным образом, то этого чего-то вроде бы и нет вовсе», – подумала она, вылезая на берег.

Влад встретил ее в гостиной, накрывая на стол.

- Интересная вещь внимание! Если его на чем-то не фиксируешь должным образом, то этого чего-то вроде бы и нет вовсе, – сказал он, усевшись напротив Иры.

- Ты меня начинаешь пугать не хуже Женечки!

- И чем это я тебя напугал «не хуже Женечки»?

- Сегодня, занырнув под водопад, я ощутила, до какой степени вода ледяная: у меня перехватило дыхание, сердце бешено забилося. Я и вчера ночью, естественно, чувствовала, что водица там отнюдь не как в горячей ванне, но мое внимание как-то не особо фиксировало этот факт. В общем, когда я вылезла на берег, в сознании промелькнула фраза, которую ты только что озвучил.

- Ира, ты очень часто говоришь вслух то, что я думаю, но я же не пугаюсь?

- Вот именно: ты не фиксируешь на этом внимание. А я фиксирую... – последнюю фразу Ира проговорила как бы самой себе. – Ладно. Хватит. Поехали смотреть поющий дом.

- Как скажешь...

Стоило Ирине и Владу захлопнуть за собой калитку, как «Аллилуйя» из оратории Генделя «Мессия» торжественно грянула в их честь. Встретивший их Валентиныч что-то рассказывал и показывал, отчитываясь о проделанной работе. Ира, казалось, очень внимательно его слушала и даже достаточно живо обсуждала что-то, но, как констатировала она сама для себя, большую часть ее ВНИМАНИЯ поглощало пение дома, так что с Валентинычем она общалась почти машинально. Впрочем, она не особо нуждалась в его пояснениях: во-первых, потому что прошлым вечером Влад во всех подробностях доложил ей обстановку, а во-вторых, все и так было на лицо. Преображения дома стали весьма ощутимы, и это значило, что работы здесь вскоре потребуют гораздо больше ее ВНИМАНИЯ. «...опять ВНИМАНИЕ» – промелькнула, кольнув сознание, мысль. Но этого самого ВНИМАНИЯ уделять поющему дому в необходимых количествах у нее вряд ли получится. В ближайшее время предстоит напрочь погрузиться в доводку эскизов, а затем и вовсе уехать и, скорее всего, на весьма длительный срок. «Придется затормаживать работы, а то и вовсе останавливать на какое-то время», – гласил неутешительный вывод, который Ира отчего-то не посчитала нужным озвучивать, хотя и понимала, что уж по крайней мере Валентиныча она должна ввести в курс дела.

День стоял очень даже теплый, но вступление осени в свои права уже чувствовалось. Ира, Влад и Валентиныч спустились во двор и направились к смастеренным из опалубки столу и скамейкам. Вдруг у Иры чуть ли не из-под ног выскользнула черная гадюка. Ира вскрикнула от неожиданности и оказалась в объятиях Влада. Валентиныч схватил кусок чего-то из строительного мусора, и уже кинулся за гадюкой, но Ира остановила его:

- Не надо! Валентиныч! Пусть себе ползает – она ведь никого не трогает!

- Да уж! Никогда не видел гадюку на самом побережье. Где-то в горах – бывало, но чтоб почти у самого моря! Может, все же прибить?

- Не надо, – твердо сказала Ира. – Она не причинит никому вреда. Насколько я понимаю, раньше, ведь, ее тут никто не видел?

- Да нет...

- Вот и не увидите больше.

Валентиныч не разделял уверенность Иры, но от гадюки отстал. А она тем временем отползла поодаль и притаилась в траве. Впрочем, заметила это, скорее всего, только Ира.

- Посидите здесь – я сейчас приду.

Валентиныч с Владом уселись на скамейки, а Ира отправилась в сторону затихшей в траве гадюки. Стоило ей приблизиться, как змея неспешно заскользила в сторону орешника, там немного задержалась под старой хурмой и отползла в сторону. «Как и в прошлый раз», – отметила про себя Ира. Она не сомневалась, что и место под старой хурмой абсолютно то же самое, а лежал там такой же коричневатозеленоватый плоский камень, как и в прошлый раз, тогда, в начале

лета. Ира подняла его: «Это приглашение», – услышала она, но не поняла, кто это сказал и сказал ли вообще, а гадюка тем временем скрылась в шевелящемся от ее движения папоротнике. Ира засунула камень в рюкзачок и вернулась к Владу с Валентинычем. Там уже во всю шло обсуждение насущных проблем, и Ирина плавно влилась в него.

- Ир, я тут обратил внимание... – начал Влад, как только выдавшая виды «Нива» выехала на трассу.

- Влад! Прошу тебя, только не надо больше про ВНИМАНИЕ!

- Ладно, как скажешь... Я, правда, не имел в виду ничего такого...

- Какого такого?

- Слушай, я не знаю, что с тобой делали на этой твоей выставке, но, по-моему, тебе требуется как следует отдохнуть.

- С чего ты так решил?

- Ты вся дерганная.

- Это говорит о том, что мне нужно не отдыхать, а с головой уйти в работу, иначе я действительно с ума сойду.

- Может, все-таки, поведаешь, что с тобой происходит?

- Может, и поведаю, только не сейчас – давай до дома вначале доедем.

Татьяна Николаевна уже навела порядки и заканчивала колдовать над обедом.

- Ну вот, очень даже вовремя! Давайте сразу поешьте, пока все горяченькое.

Она накрыла на стол и, вежливо отклонив предложение присоединиться, ушла к себе домой.

- Золотая женщина! Что бы я без нее делала?

- Да, Ир, тебе действительно повезло – она просто замечательная!

Они еще долго болтали обо всяком ни о чем. Потом Влад приволок кучу дисков из машины, и они долго-долго взирали на приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

К вечеру вновь пришла Татьяна Николаевна и принесла яблочный пирог к чаю.

- Татьяна Николаевна, – обратился к ней Влад, – я Вас не спрашиваю и не прошу, я просто ставлю Вас в известность, что Вы никуда не уйдете и будете с нами пить чай.

Что ж, выбора ей явно не оставили и она присоединилась к ним. Чай пили в сопровождении «Собаки на сене». Когда обе серии благополучно завершились, время вполне благоприятствовало тому, чтобы лечь спать, что Влад и предложил Ирине, как только они вернулись, проводив Татьяну Николаевну домой. Ира не смогла отказать, потому что предложение лечь спать прозвучало примерно в той же форме, как и приглашение к чаю Татьяны Николаевны.

- Влад, помнишь, ты мне рассказывал, как оказался то ли во сне, то ли наяву с неким старичком по имени Аристарх Поликарпович на поляне, где меня сжигали на костре? – неожиданно прервала Ира утренний «ни о чем».

- Да. Помню.

- Так вот: во-первых, мне снился такой же сон и, скорее всего, в то же самое время, но об этом ты и без моей помощи догадался. Во-вторых, вот этот дом мне подарил Аристарх Поликарпович, правда, и это ты прекрасно знаешь. Но, в-третьих... – Ира выдержала торжественную паузу. – Я побывала наяву на той самой поляне из сна, когда ездила на выставку.

Влад загадочно улыбнулся.

- Я тоже там был.

- Это в Германии.

- Я знаю. Я там был.

- Когда?

- Когда ездили с Лешей на конференцию.

- Вы же вроде как в Чехию ездили?

- Да, в Чехию. Но меня эта конференция привлекала не более чем ежа горячая ванна, так что пока Лешка там зависал, я автостопом заглянул в Германию. Сейчас даже не скажу, как называется та деревушка, и каким макарон меня туда занесло, но место это я узнал сразу и... ох... Извини... Там даже крест весь почерневший – на том самом месте стоит.

- Ты с кем-нибудь по поводу этого креста общался?

- Нет. Я ж немецкий не знаю.

- А я общалась...

Влад пожирал ее глазами:

- И-и-и-и?..

Ира рассказала ему всю печальную и удивительную историю Эрианы, а заодно и то, как узнала ее.

- Ир, тебя из-за этого всего так дергает?

- Нет. Точнее не только и не столько из-за этого. Помнишь, перед самым моим отъездом вы с Женечкой меня потеряли?

- Помню...

Ира рассказала ему о разговоре с Гиалой и о своих приключениях на пешеходке.

- Ир, а кто такая Гиала?

Ира рассказала ему и о ней, а заодно о Генкиных фотках, о пеньке в комнате Гиалы, о направлениях в пространстве и их соотношениях, о дельфинах, натолкнувших на догадки о Великой Тайне.

- ...только все это лишь поводы, а причина в том, что я всегда так жила, просто обращать ВНИМАНИЕ стала лишь в этом году. Понимаешь, меня корбит и передергивает от всех этих экстрасенсов, ясновидящих, яснослышающих, телепатов и прочей подобной дребедени. Когда я поняла, что Женечка меня тянет во всю эту муть – начала сопротивляться и... основательно завязла. Рассказывая сама себе, что со мной происходит, я понимаю, что это чистейший бред. Такое ощущение, будто схожу с ума и ничего не могу с этим поделать.

- Ир, ты ведь знаешь, что это не так.

- Да. Знаю. Это не так. Понимаешь, я потеряла нить привычной жизни, а новую никак не могу ухватить.

- Но ведь ты и не пытаешься!
- Да, не пытаюсь.
- А почему?
- Боюсь.
- А тебе не кажется, что эта новая нить уже давно в твоих руках?
- Может быть... А с чего ты так решил?
- Ну хотя бы потому, что иначе ты бы не нашла проход внутрь горы и не взлетела вместе с потоком света.
- Влад, неужели ты веришь, будто это случилось на самом деле?
- Ты хочешь сказать, что тебе это все приснилась? Тогда нам с Евгением Вениаминовичем приснилось, как мы тебя искали. Тебе так проще, когда ты считаешь, что это сон, ведь так?
- Да, мне так проще.
- А ты Евгению Вениаминовичу рассказывала про тропу?
- Нет.
- А почему?
- Он и так все всегда знает.
- Нет, Ира, не знает. Если б он знал, то не переживал бы так.
- Ну, пока вы меня искали, может, и не знал, а потом узнал.
- Нет, Ира, он не знает.
- С чего ты так решил?
- Когда мы тебя искали, он очень волновался, а потом так вообще места себе не находил. Он дико боится потерять тебя. Он, конечно, мало что рассказывает мне о тебе – фактически ничего, но я же не слепой! Он знает кто ты, и что теоретически может с тобой произойти, а что происходит на самом деле он, может, что и чувствует, но далеко не все.
- Влад, кто я?
- Я не знаю...
- Но мне кажется, что догадываешься...
- Догадываюсь...
- Скажи, пожалуйста.
- Ира, я не думаю, что в человеческом языке есть адекватное определение. Не человеческого ума это дело, – Влад задумался. Ира не перебивала. – Возможно, кто-то назвал бы это божественностью, святостью, но это все не то. Боги, святые это все человеческие выдумки, хоть и основанные на некоторых реалиях. Хотя, может, определения и правильные, но уж так они замусолены и настолько искажен их смысл... по крайней мере, в твоём случае они подходят лишь с большим натягом и оговорками и притом уведут в дебри человеческого невежества и тупости.
- Может, больше подходит: маги, волшебники, колдуны?
- Нет...
- Может, тогда жрецы?
- Нет... Ирка, а ты странная!
- Да неужели!?
- Нет, знаешь, серьезно! Вот только что ныла, будто от мистического взгляда на жизнь воротит, а теперь преспокойно, как ни в чем не бывало, и на полном серьезе занялась обсуждением классификации мистически мыслящих человекообразных.

- Значит, по-твоему, я отношусь к мистически мыслящим человекообразным?

- Я не помешаю вашей научной дискуссии? – Женечка показался на лестнице, ведущей из хозпомещения цокольного этажа.

- Женечка! – Ира вскочила и бросилась ему навстречу.

- Палладина, ты меня придушить решила?!

- Нет.

- Врешь! – Женечка находился в прекрасном расположении духа. – Ну что, так и будешь на мне висеть? Я, как-никак, с дороги – даже до-мой толком не заходил. Устал, знаешь ли!

- Садитесь, Евгений Вениаминович, а я пойду, кофе еще сварю.

- Нет, Влад, кофе мы отправим варить Ирину Борисовну Палладину.

- Что?!

- Не возмущайся, Ирочка! Кстати, можешь это сделать каким-нибудь магическим способом, не выходя из гостиной. Хотя, если честно, идея озадачить тебя бытовыми проблемами пришла мне в голову как раз с целью опустить тебя на Землю-Матушку. Ир, серьезно, сварь кофе – мне с Владом посекретничать нужно, – Женечка, глядя на Иру, ехидно улыбаясь. – Что, обиделась?! Да издеваюсь, я, издеваюсь! Сиди, отдыхай, а мы с Владом займемся изготовлением божественного напитка.

Женечка, так и не присев, увлек Влада на кухню. Ира сидела в замешательстве. В замешательстве и от внезапного появления Женечки, но более от замечания Влада относительно своего двойственного отношения к предмету, названному им мистикой. Одна ее часть воспринимала это все как должное, а другая возмущалась и считала все это бредом. Они спорили, и ни одна не одерживала верха: «Вот это меня и выматывает. Я не могу принять себя такой, какая я есть... А какая я есть? Я не знаю! НЕ ЗНА-Ю! Или боюсь знать?». Ее размышления прервал Женечка:

- Ир, расскажи мне во всех подробностях все, абсолютно все, что произошло с тобой во время твоей поездки от начала, то есть с того момента, как мы с тобой расстались, и до сего момента включительно.

Ира вся напряглась под пристальным Женечкиным взглядом. Ее была уже хорошо знакомая ей дрожь.

- Ирка, не сопротивляйся! Я же не могу в присутствии Влада про-дельвать с тобой все, что мне вздумается. Ты ведь знаешь о чем я?

Женечка загадочно, многозначительно и безжалостно улыбнулся. Ире стало почти что дурно, но она взяла себя в руки и стала рассказывать. Женечка периодически перебивал ее, не давая пропустить ни одной, даже самой на ее взгляд пустяковой детали. Когда она закончила, напряжение немного отпустило.

- Ир, а теперь утихомирь ненадолго свои, кстати, совсем нелишние, рационализм с реализмом, и попробуй представить как должное, что Эриана – это твоя прошлая жизнь. Сейчас ты, можно сказать, неплохо помнишь, как тебя, то есть Эриану, сожгли. Подумай, зачем? До сих пор ведь ты задавалась совсем иными вопросами, ведь так?

- Да. Мне было интересно...

- Неважно. Попробуй сама себе ответить на вопрос «зачем?»

- Жень, мне страшно, – сказала Ира после минутного молчания.

- Хорошо, я сам отвечу, хоть ты и знаешь ответ, нужно чтобы он еще и прозвучал. Одна из причин – захватить твое ВНИМАНИЕ, чтобы оставить яркий след в твоей памяти, который неизменно в определенный момент всплывет и переключается в сознание. Сработало! Ты вспомнила. Из спецхранов памяти можно вытаскивать все, но чем больше ВНИМАНИЯ затрачивалось на восприятие, тем эта информация доступнее в дальнейшем для сознания. А вспомнив что-то одно, потом получается вытаскать и многое другое, чему уделялось гораздо меньше ВНИМАНИЯ.

- Опять ВНИМАНИЕ... меня это слово последнее время до истерики доводит... – медленно проговорила Ира.

- Это точно, – подтвердил Влад.

- Неудивительно. Ты начала догадываться о его функциях и по привычке испугалась. Это нормально. Человека все, что лежит за пределами человеческого – пугает. Это защитный рефлекс. Система безопасности в действии.

- Но ведь пользоваться вниманием – это вполне человеческое свойство, – заметил Влад.

- До определенного предела. Пока не понимаешь для чего оно предназначено и не пытаешься его сознательно контролировать. Человека ведь «делали», как говорится, по образу и подобию. Многие функции физиологического мозга совпадают с теми, которые являются Глобальными Законами Мироздания. Иначе и быть не может, ведь в конечном итоге это все есть единая система.

- Так, мальчики, я пошла варить кофе.

Женечка проводил Иру развеселым смехом:

- Не переживай, Влад! Она больше выделяется, чем на самом деле бьется в истерику.

Эта Женечкина фраза долетела до Иры, и она неожиданно для себя тоже усмехнулась, притом весьма ехидно. «И зачем, собственно, спорить самой с собой, когда можно просто заменить «или» на «и» и согласиться с тем, что ты и человек, и не только. Может, я боюсь, что меня сочтут сумасшедшей? Так ведь кое-кто и так считает. Мне ведь от этого не холодно и не жарко. И, в конце концов, ведь совсем необязательно свои взгляды, убеждения и ощущения выставлять на суд общественности! Пусть это все даже и бред – какая разница, ведь мне от того ни хуже, ни лучше не становится? Определенно!», – неслось в Ириной голове, но она понимала, что не в первой увещевает себя подобным образом и что вряд ли вымучивающие ее приступы метаний перестанут повторяться.

- Женька! Я знаю, что ты со мной делаешь, – заявила она с порога кухни.

- Что я с тобой делаю? – Женечка принял самый комичный вид неслезанного удивления, лишив возможности удержаться от смеха Иру и Влада. – Так что же я с тобой делаю? – на этот раз его голос, поддерживаемый выражением лица, вибрировал гротескной строгостью.

Влад снова покатывался со смеху, а Ира, едва ухмыльнувшись, села и, глядя на Женечку в упор, твердым голосом сказала:

- Ты манипулируешь моим вниманием.
 - Гениально! Палладина! Ты растешь в моих глазах! Bravo!
 - И еще, – продолжила Ира, игнорируя его ерничанье, – я знаю, что нужно делать мне.

- И что же? Запустить в меня чашкой с раскаленным кофе? – Женечка кривлялся изо всех сил.

- Кстати, неплохая идея! – подыграла ему Ира, но дальше продолжала серьезно. – Мне нужно принять и узаконить двойственность себя – реальное и ирреальное.

- Во, блин! Палладина, а ты действительно растешь! – воскликнул Женечка, правда, уже с меньшей долей сарказма, но затем опять развеселился. – А вот Влад, не в пример тебе, никогда и не пытался воевать в пределах своей двойственности. Хотя, вряд ли это для него такая уж большая заслуга – над ним же не измывались посредством вдалбливания догм научного коммунизма?! – Женечка расхохотался и на несколько мгновений заструился пламенем.

Влад впал в ступор. А Женечка, вновь приняв человеческий облик, снова рассмеялся:

- Ну вот, теперь и тебе, Владушка, придется заняться приведением в состояние мира реального и ирреального в себе. А ты думал, как!? Ты думал, что, на Палладину от нечего заняться блажь напала!? Не-ет! Ей действительно, ой как тяжелехонько! А потому, оставим-ка мы ее в уединении на некоторое время, скажем, до вечера.

Он стремительно поднялся, сгреб Влада и, бросив на ходу «Пока!», удалился.

Глава 22 Реальное и ирреальное

Ира, унимая дрожь, убрала со стола, перемыла посуду и даже полы в гостиной и на кухне. Прихода Татьяны Николаевны ожидать не приходилось – судя по звукам с улицы, Женечка перехватил ее и, чуть ли ни силой запихав в выдавшую виды «Ниву», тоже уволок с собой.

Первая до конца осознанная мысль советовала плюнуть на все свои стенания и засесть за работу. «Идея, конечно, неплохая и очень даже здравая, но, пожалуй, в этом случае я так и не разберусь в себе никогда, и все начнется сызнова», – подумала Ира, и, когда не осталось больше ничего, подходящего для мытья или уборки, она забралась с ногами на диван в гостиной, обняла подушку и начала крутые разборки с собой.

Благое намерение разобраться в себе неожиданно натолкнулось на самую, казалось бы, банальную, но совершенно неожиданную и непредвиденную Ирой трудность: она не знала с чего начать. Минут пятнадцать она просто сидела, обняв подушку и тупо уставившись перед собой. В какой-то момент ей показалось все это бесполезной и пустой затеей, и она даже уже стала настраиваться на работу, но тут

до гениальности простейшая мысль посетила ее: раз в ней борются два начала – рациональное и иррациональное – то нужно, как минимум, провести между ними четкую грань.

Ира попыталась. В то же мгновение в ее мозгу забурили сотни, если не тысячи разрозненных мыслей, и военные действия загромыхали с невероятной силой. Иру снова била дрожь и появилось то невыносимо мучительное раздирающее на части чувство, которое следовало за ней неотступно с зимы, и с которым она периодически свыкалась. Ира неимоверным усилием воли заставила мозг замолчать.

Несколько секунд полной тишины привели к выводу, что иррациональное и рациональное боролись в ней даже за право произвести четкое разграничение между собой. На первый взгляд простая задача оказалась куда сложнее, чем предполагала изначально Ира. Оказалось, что иррациональное с рациональным успели переплестись и перепутаться и теперь представляли собой нечто почти единое, которое, чтобы разделить, придется распутывать, как свалывшуюся копну ниток.

«Пожалуй, проще разобраться с событиями, отнеся их к одной или к другой категории», – решила для себя Ира. Это действительно оказалось проще, хотя и тут возникли спорные моменты, ведь в некоторые абсолютно вроде бы реальные события примешивалась ирреальность ее восприятия.

Ира встала и принесла четыре листка бумаги и ручку. Она решила на одной паре листов зафиксировать все значимые, по собственному мнению, события, начиная с зимы этого года, деля их на реальные и ирреальные без учета собственного отношения к ним, а на другой – те же события, но классифицируя их с точки зрения своих ощущений. Она даже подписала листы. Первую пару: «объективно реальные» и «объективно ирреальные». Вторую пару: «субъективно реальные» и «субъективно ирреальные». И тут оказалось, что «объективно ирреальных» событий вроде как и не было вовсе. С некоторым натягом к этой категории относились: поющий дом, трансформация Женечки в пламя и внезапно проявившаяся способность видеть в темноте, да еще и с закрытыми глазами – по крайней мере, все это хотя бы еще и Влад воспринимал. Список же значимых с Ириной точки зрения «субъективно ирреальных» событий оказался весьма внушительным. Притом поведение Иры в значимых «субъективно реальных» событиях, ее до мозга костей реалистично настроенное окружение никогда не считало до конца адекватным.

«Вести обычную жизнь необычным способом», – Ира силилась вспомнить, где она слышала или читала эту фразу. «Может Кастанеда? Нет... Руны! Да! Точно! Руны!». К какому точно из древних знаков относилось толкование с этой фразой, она не помнила. Ира встала и поднялась в кабинет. Там она без труда отыскала старенький журнал «Наука и религия» с опубликованным в сокращении «Руническим оракулом» Ральфа Блума. Она нередко обращалась к нему и в его туманных формулировках часто нащупывала ответы на волновавшие вопросы. Ира настроилась перечитывать все толкования в поисках этой фразы, но оказалось, что сие значение относится к самой первой руне:

«Я (MANNAZ). Начальная точка – это «я». Только ясность, желание измениться будут эффективны. Следует оставаться скромным – это советует оракул. Независимо от того, каковы ваши заслуги, будьте уступчивым, сосредоточенным и умеренным. СТАРАЙТЕСЬ ВЕСТИ ОБЫЧНУЮ ЖИЗНЬ НЕОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ. Будьте удовлетворены, делая свое дело ради него самого. Никаких излишеств».

Ира задумалась, потом перевернула страницу и прочла значение этого же символа, но в перевернутом положении:

«Если вы чувствуете преграду, эта руна советует вам быть честным с самим собой. Не думайте об окружающих, а спокойно загляните внутрь себя в поисках врагов своего развития. Вы увидите, что внешний «враг» – не более чем отражение того, что вы до этого момента не могли или не хотели осознать как идущее изнутри. Вызов здесь – сломать инерцию прошлых привычек».

Общее ощущение от прочитанного как никогда отражало ее состояние и стремления. Ира стала внимательно вчитываться в каждую фразу.

«Начальная точка – это «я».

Да, именно, запутавшись в жизни, она и пришла к этой изначальной точке – в конце концов, окончательно и бесповоротно решила разобраться в себе.

«Только ясность, желание измениться будут эффективны».

Желания измениться в переизбытке, а вот что с ясностью? Ясность, пожалуй, тоже есть – она знает, что и даже в каком направлении нужно менять.

«Следует оставаться скромным – это советует оракул».

Скромным? В чем именно? Да. Пожалуй, ее желание, вот так вот запросто примирить себя с собой, гармонизовать рациональное и иррациональное в себе, особо скромным не назовешь.

«Независимо от того, каковы ваши заслуги, будьте уступчивым, сосредоточенным и умеренным».

Заслуги? В чем в данном случае заключаются ее заслуги? Впрочем, за последний без малого год она многое узнала и многому научилась и это многое гораздо больше, чем все, что она узнавала и чему училась всю предыдущую свою жизнь. Не количественно больше – качественно. Быть уступчивым, в данном случае, скорее всего, значит не препятствовать самой себе. Не упираться, как баран рогом, пытаясь вести ставшую во многом необычной, иной, по сравнению с прежней, жизнь, тем же, что и до этого, привычным, обычным для нее способом. При этом нужно сосредоточиться на самом пути изменений и умерить свои аппетиты в ожидании мгновенного чуда.

«Старайтесь вести обычную жизнь необычным способом».

В общем-то, вопреки самой себе она уже давно старается, притом изо всех сил. Ира рассмеялась. А что, очень даже забавно! Она почти что инстинктивно, не отдавая себе полного отчета, стала вести обычную жизнь необычным способом. В итоге, эта самая жизнь стала, нет, только становиться необычной, а она изо всех сил теперь пытается вести ее обычным способом. Впрочем, обычный по отношению к не-

обычному, соответственно, будет необычным. А стала ли ее жизнь в действительности необычной? Ира взяла свои листочки. Судя по этой классификации – не особо, а вот способ ее ведения, то есть восприятия событий, пожалуй, что да. Только вот старается она в двух направлениях сразу: своей ирреальной сутью неосознанно пытается вести обычную жизнь необычным способом, а реальной – почти осознанно старается вернуться к прежнему состоянию.

«Будьте удовлетворены, делая свое дело ради него самого».

То есть стараться вести обычную жизнь необычным способом нужно не ради какой-то иллюзорной цели. Ира призналась себе, что иллюзорная цель, на самом деле, существовала и исходила она как раз таки от ее рациональной сути. Впрочем, именно так ее – рациональную суть – удалось обмануть на начальном этапе, посулив это нечто иллюзорное, чтобы она позволила выйти на сцену жизни иррациональному. К тому же иллюзорным оно представлялось именно иррациональному, а рациональному – вполне конкретным, чем-то из области психологического тренинга, прохождение которого даст вполне конкретные результаты в виде повышения трудоспособности и т. п. Результат не замедлил сказаться, и реализм задремал, позволив действовать иррациональному в полную силу. Но для иррационального эти все достижения являлись лишь, пусть не самым плохим, но все же побочным эффектом.

«Никаких излишеств».

Именно рациональное жаждет чудес, притом в очень конкретном воплощении, чтобы поохать и поахать, а затем объявить все это несуществующим: снами, обманом зрения или слуха, неадекватностью психики, воздействием наркотических веществ или гипноза, а порой и каких-нибудь излучений, бредом, галлюцинацией, мошенничеством и шарлатанством, наконец. Рациональное жаждет этих излишеств вроде как в качестве доказательств состоятельности иррационального, но на самом деле именно для доказательства обратного, что и делает, опровергая все достижения иррационального любыми доступными способами. И, как правило, преуспевает в этом, так как в его распоряжении неоспоримый материальный мир и список официальных научных догм. Оно и требует этих излишеств от иррационального, только для того чтобы затем разбить его в пух и прах.

Ира перевернула страницу.

«Если вы чувствуете преграду, эта руна советует вам быть честным с самим собой».

Преграда есть, а быть честной с самой собой страшно. А собственно, в чем эта преграда? Ведь она ее чувствует, но не совсем понимает, точнее совсем не понимает, в чем она заключается, и что представляет собой. Вот для этого и нужно быть честной с собой, чтоб понять, чтобы увидеть это препятствие. Ира вдруг осознала, что даже не знает, что именно эта преграда ей преграждает. «Ладно, с этим разберемся позже», – сказала она сама себе.

«Не думайте об окружающих, а спокойно загляните внутрь себя в поисках врагов своего развития».

Окружающие? Кто они? Женечка, Влад, Генка, Радный... О ком она более всего думает? Чаще все-таки о первых троих, но с наиболее яркой эмоциональной окраской только о Радном. Впрочем, Женечка, там, в поезде, тоже вызвал бурю эмоций. И не только в поезде. В этом году он очень основательно вошел в ее жизнь. Собственно, именно он и явился, если и не причиной, то поводом ее изменений. Влад, Генка тоже внесли свою лепту. «Ну вот, я уже ишу причины и поводы всего в окружающих... Нужно перестать это делать, и все эти причины и поводы найти в себе, и это будет честно по отношению к себе, и, наверное, тогда я пойму, в чем и от чего преграда».

«Вы увидите, что внешний «враг» – не более чем отражение того, что вы до этого момента не могли или не хотели осознать как идущее изнутри».

«Враг» – это, конечно, сильно сказано. Не враг, а повод, причина. К тому же есть причина и повод, которые привели ее на этот путь, а есть причина и повод, которые ей мешают спокойно по нему идти. В первом случае поводом, безусловно, стало ее неадекватное восприятие сновидения и реальности. Сновидение получилось до боли реальным, а реальность тех нескольких зимних дней, проведенных здесь, до сих пор для нее остается как смутное воспоминание об увиденном во сне. А причина? Иру пронизала крупная дрожь, а в кровь явно хлынул поток адреналина. «А вот и причина, которая не дает мне принять все, как есть – это непонятный панический страх. Мой враг – страх. Он постоянно идет изнутри, когда я пытаюсь даже только приблизиться к пониманию. Страх и есть преграда».

«Вызов здесь – сломать инерцию прошлых привычек».

«Прошлые привычки... Инерция прошлых привычек...», – Ира прогнала все мысли и стала прислушиваться к себе. Она никогда, по большому счету, не воспринимала мир таким, каким его ощущает большинство людей. С незапамятного детства было так. Впрочем, и в нынешнем ее состоянии для нее, по большому счету, есть мало чего принципиально нового. Да ничего вообще! Ее усиленно приучали принимать мир определенным образом и она, в конце концов, привыкла. Это и есть привычка. Привычка лгать самой себе. Получается, что нечто абсолютно чуждое мешает ей, но даже всего лишь попытка избавиться от этого вдребезги разбивается о страх. Притом, она совсем не боится проделывать некоторые вещи, но ее охватывает леденящий ужас от результата этих действий, точнее не только и не столько от результата, как от самого произведенного действия. Да и боится вроде как не она.

Ира вспомнила свои разговоры с Женечкой перед отъездом на выставку. Он говорил ей о системе безопасности. Она-то как раз и генерирует этот страх. Сломать ее, это значит умереть или сойти с ума, что в принципе одно и то же с той лишь разницей, что в первом случае в теле прекратятся процессы метаболизма, а во втором – нет.

И что же получается? Получается, что страх не является врагом?! Получается, что так. Ни врагом, ни преградой страх не является. Точнее преградой-то он является, но эту преграду ломать нельзя... Ира

перечитала толкование. А ведь никто не говорит, что нужно ломать преграду... Нужно... Нужно сломать инерцию старых привычек, нужно вести обычную жизнь необычным способом. Именно старые привычки – враг и преграда. А какие именно привычки?

- Привычка разделять мир на реальный и ирреальный, к примеру, – сказала Ира вслух. – Все остальные – производные от нее. Мир – один, и если подавляющее большинство живущих земной жизнью воспринимает лишь незначительную его часть, это еще не повод считать все остальное иными мирами, либо, как делает подавляющее большинство подавляющего большинства, считать все остальное несуществующим вовсе.

- Bravo, Палладина!

Ира вздрогнула. Она не заметила, как в кабинет вошел Женечка, а также то, что говорила вслух, а еще и то, что за окном уже основательные сумерки.

- «Мир – один, и если подавляющее большинство живущих земной жизнью воспринимает лишь незначительную его часть, это еще не повод считать все остальное иными мирами, либо, как делает подавляющее большинство подавляющего большинства, считать все остальное несуществующим вовсе», – процитировал Женечка, с восторгом глядя на Иру. – Знаешь что, Ирка, – Женечка улыбнулся, – запиши-ка все это, сделай себе кучу плакатов и развесь по всему дому. То, что ты сейчас изрекла – в самую точку! Тебе нужно постоянно помнить об этом. Я, манипулируя твоим ВНИМАНИЕМ, – не без ехидства добавил он, но затем перешел вновь на серьезный тон, – хочу буквально приковать твое ВНИМАНИЕ, – он еще более усиленно выделил слово «внимание», – к этой истине, так как, если она сольется с твоей плотью и кровью, ты изменишь свою точку зрения на многое и, соответственно, изменишься сама. Ты перестанешь пугаться своего страха. Ир, поверь, можно испытывать страх, но не бояться его. А когда перестаешь бояться страха, многие вещи становятся гораздо более доступными. Воин, вступая в битву, испытывает страх, но он не боится его и побеждает. Тебе нужно победить себя, Ира, не страх в себе, а себя. Если ты при этом сможешь взять свой страх в союзники – твоя победа будет поистине блестящей. Кстати, сделать гармоничными взаимоотношения реального и ирреального – это и значит взять в союзники страх. А взять в союзники страх – это значит ощутить полноту и целостность Мироздания. А ощущение полноты и целостности Мироздания и есть преодоление всех преград и избавление от всех привычек, абсолютно от всех, ведь именно привычки – и хорошие, и плохие – парализуют нашу волю.

- Ты предлагаешь мне бросить курить? – не без сарказма пошутила Ира, и тут в ужасе заметила, что она не в кабинете, а сидит себе на диване в гостиной. Невыносимый страх сковал ее.

Женечка радовался как удачно нашкодивший ребенок. Он долго смеялся, но потом вновь продолжил серьезно:

- Ирочка, борьба с привычками рождает новые привычки – это не выход. Возьми в союзники страх – вон его сколько у тебя! – Женечка вновь рассмеялся. – Вот что ты сейчас делаешь, а? Правильно, пыта-

ешься унять страх и понять, как ты оказалась не в кабинете, а здесь. Да какая разница! У тебя есть страх, который ты, испугавшись его, вместо того, чтобы как-то использовать, пытаешься унять, включив противостояние реального и ирреального, подстрекая их вновь грызть друг друга. Они снова воюют, тебе хреново, но... но не страшно, ведь так?

Ира смотрела на него широко раскрытыми глазами, а Женечка продолжал:

- Страх – это эмоция, а эмоции великая вещь. Большинство из них мы активно пользуемся в этой жизни, к примеру: радостью для наслаждения, гневом для исправление какой-либо ситуации или наоборот, заведения ее в тупик, неважно... Только страх пытаемся придушить.

- Страх – это инстинкт самосохранения, – вставил Влад, которого Ира до сего момента не замечала.

- Абсолютно верно. И это очень важно. Только вот хочу обратить ваше ВНИМАНИЕ на то, – Женечка снова утрированно выделил слово «внимание» и усмехнулся, – что пугаться, бояться и опасаться – это не значит испытывать страх. Боязнь и опасения это не эмоции, а мыслительные реакции, которые вызывает страх и направлены они в первую очередь против него самого. Испуг – состояние гормонального фона. Кстати, боязнь и опасения гораздо чаще возникают сами по себе, в смысле, без участия страха, и сами рожают неприятные эмоции – тягостные переживания, волнения – которые не являются страхом, хотя иногда на него очень похожи. Итак, страх – это единственная эмоция, которую мы никак не используем и, к тому же, всеми силами пытаемся погасить.

- Евгений Вениаминович, а как же пристрастие многих людей к ужасикам, к экстриму?

- Это тоже называют страхом, но это не страх – это испуг, вызывающий легкий впрыск адреналина в кровь, что в конечном итоге рождает чувство удовольствия. Испуг – не эмоция. Это физиологическое состояние, которое, кстати, зачастую сопровождается страх. Все это, конечно, манипулирование терминологией, но мне важно, чтобы ты, Ира, поняла точно, о чем именно я говорю.

Скажем так: страх, боязнь, опасения, испуг это а, b, c и d, которым заданы определенные значения. Так вот, страх, в том значении, в котором я имею это в виду и, как мне кажется, вы хотя бы примерно понимаете, – это единственная эмоция, которую мы никак не используем и, к тому же, всеми силами пытаемся погасить.

Страх, как правильно заметил Влад, – это проявление инстинкта самосохранения. Однако, боязнь, опасения, испуг – проявления того же инстинкта, именно поэтому мы безотчетно смешиваем эти понятия. Мы боимся, опасаемся, пугаемся, когда нам угрожает что-то, принадлежащее к сфере земной жизни, то есть, реальности, воспринимаемой всеми приблизительно идентично.

Страх нами завладевает тогда, когда мы хотя бы легонько касаемся запредельного. Страх – это система безопасности в действии. Завладевая нами, он становится для нас реальностью земной жизни, и мы пугаемся, боимся, опасаемся и, как следствие, пытаемся всеми силами от него избавиться.

Обычный среднестатистический человек, задавливая его, отгораживается от запредельного. Попытки мистика, то есть человека восприимчивости которого не чуждо запредельное, задавить свой страх, приводят к войне реального и ирреального в нем. Если же он попытается преодолеть его – это, как правильно заметила для себя Ирина Борисовна, приводит к частичному или полному окончанию его существования в земной реальности. А вот если перестанет бояться... Вот тогда происходит чудо.

Кстати, некоторые считают, что перестать бояться своего страха это и значит преодолеть. Но это не так: преодолев страх, индивид перестает его испытывать, и не только его, а и вообще все, что можно испытывать посредством тела – он попросту теряет с телом связь, разрушив систему безопасности. А вот перестав бояться, индивид не перестает испытывать страх, он начинает его использовать. Это обман системы безопасности.

Она в целости и сохранности, во всю генерирует страх, с помощью которого человек контактирует с запредельным, даже полностью уходит в него, но остается жив. Жив в общепринятом смысле. По-моему, именно это и проделала госпожа Палладина, когда перед своим отъездом исчезла на несколько дней. Ирочка, не хочешь мне поведать, что с тобой было? Влад говорит, что ему ты рассказала, но, что именно, не колется.

- А Вы и не настаивали, Евгений Вениаминович.

- Конечно, не настаивал – я нелюбопытен, и если б судьба Ирины Борисовны Палладиной не висела на моей совести, то и сейчас бы не особо этим интересовался. Так что, Ир, расскажешь?

- Куда ж я денусь...

- Ну слава богу! А то я думал, опять придется прибегать к средневековым пыткам.

Говорила Ира долго. Женечка, как и в отчете о ее поездке, требовал мельчайших, часто, с точки зрения Иры, малозначительных подробностей.

- Видишь ли, Ира, независимо от количества уделенного ВНИМАНИЯ, в памяти остается все, просто то, на что ВНИМАНИЯ затрачивалось больше, легче втащить потом в сознание. Ты часто обращаешь ВНИМАНИЕ далеко не на все, на что надо бы. Не ты одна, так что не печалься по поводу этой оплошности. Мы все этим грешим. Важно стараться исправиться, пытаться точно распознать, что важно, а что малозначительно. Иногда это очень сложно, ведь зачастую именно то, что нам кажется мелочью, на самом деле может являться глобальным событием Вселенского масштаба.

- То, как я развязывала шнурки, глобальное событие Вселенского масштаба?

- Вполне возможно... Ир, я не шучу. Давай дальше.

Ира продолжила. Когда она, наконец, добралась до света, пещеры и своего полета, ее возмутило абсолютное равнодушие Женечки к сему беспрецедентному, с ее точки зрения, факту. На что Женечка как-то по-особенному улыбнулся и как-то даже мечтательно проговорил:

- Ир, представь, что с рождения слепой внезапно прозрел. Его, безусловно, полностью захватит новизна незнакомой ему ранее возможности восприятия и ощущений, но неужели ты думаешь, что окружающих будет волновать, что именно он в этот момент увидел? Может, лишь в качестве подтверждения факта прозрения. На самом деле всем будет интересно, как он сумел прозреть, как и почему с ним это случилось.

Ира по инерции попыталась что-то возразить, но тут Женечка на несколько мгновений заструился пламенем и она замолчала. Он рассмеялся.

- Не обижайся, Палладина, для меня не является чем-то из ряда вон выходящим возможность открыть вход в гору. Ты лучше вот что сделай: вспомни, в какой момент тебе стало страшно, и когда именно ты перестала бояться своего страха.

Поскольку только что усилиями Женечки Ира во всех подробностях восстановила в своем сознании ту ночь, ей не понадобилось долго вспоминать.

- Знаешь, Жень, страха, по крайней мере, такого, который я стала испытывать последнее время, вообще не было. В самом принципе. Лишь когда я вдруг поняла, что это и есть та самая ночь, о которой говорила Гиала, – немного от волнения екнуло сердечко. Но от волнения, а не от страха.

- Отлично! Теперь сиди и отматывай события в обратном направлении до момента, когда ты перед этим всем испытала страх и когда перестала его бояться.

Ира надолго задумалась.

- Знаешь, Жень, я не помню, чтоб в обозримом прошлом, предшествующем моей ночной прогулке, испытывала страх, именно тот страх, который... Знаешь, Жень, а ведь он впервые – именно такой страх – охватил меня в поезде, когда я нынче возвращалась домой.

Женечка загадочно улыбался.

- Вспоминай, вспоминай...

Влад неожиданно встал, собрал грязную посуду и ушел на кухню ее мыть. Женечка поднялся, расположился позади Иры и распротер ладони у нее над головой. Ира закрыла глаза, точнее, они сами закрылись. Сквозь абсолютную черную темноту она, будто из очень далекого далека, услышала Женечкин шепот. Он говорил очень медленно:

- Страх... кто или что его причина...

- Радный! – не контролируя себя, выкрикнула Ира и вскочила.

Женечка силой усадил ее и снова простер ладони над ее головой. Перед глазами поплыла сцена сожжения и тут же оборвалась, так как она сразу увидела стоящего в стороне от всех Радного, и дикий всепоглощающий ужас обьял ее.

- Тихо, тихо, тихо... – увещевал ее Женечка. – Перестань бояться, но не дави страх.

- Я не могу! – вскрикнула Ира и окончательно вырвалась из крепко держащих ее за плечи Женечкиных рук.

- Сядь, – спокойно сказал Женечка, занимая свое место.

Ира села. Ее всю трясло.

- Я не могу, – пробормотала она, едва переводя дыхание.

- Ир, но ведь когда-то смогла?

- Когда?

- Тебе лучше знать – вспоминай.

Ира напряженно стала прокручивать все, что касалось Радного. Дрожь не унималась, хотя она вроде как и абстрагировалась от страха. Женечка наблюдал за ней.

- Не умом вспоминай, выкинь все из головы – само и всплывет.

Ира послушалась. Дрожь сама собой ушла, а перед глазами воскресла сцена из их с Радным совместного похода на Ажечку: как они уговаривают «главных» перебраться через реку и тут показывается черная гадюка...

- Я всегда дико боялась змей, – проговорила Ира будничным голосом.

- Что? – Женечка вроде как не понял о чем она.

- Неважно... Я сейчас приду.

Ира встала и поднялась в кабинет. Там на полу валялся ее рюкзачок. Она извлекла из него коричневато-зеленоватый камень и взяла с полки такой же, принесенный ею ранее. Внутренний голос рационального тут же заявил, что гадюка с дачи Радного ну никак не может быть той же самой гадюкой, что и на Ажеке. «Заткнись», – мысленно сказала голосу рационального Ира.

Она стояла, держа в каждой руке по камню. Закрыла глаза. Яркий густой золотистый свет охватил ее. Перед внутренним взором встала та же сцена, что и немногим ранее, когда Женечка держал свои ладони над ее головой. Сцена из ее сна, когда она впервые увидела Радного. В чернущей темноте под Женечкиными руками ее обуял невыносимый ужас, а теперь в невероятно ярком густом золотистом свете то же самое воспоминание вызвало неопишуемый восторг. Сердце бешено колотилось, как и тогда. Все ее тело дрожало, как и тогда. Но не от страха – от восторга. Ира, едва переводя дыхание, открыла глаза.

- Ира, – прозвучал за спиной Женечкин голос.

Ира обернулась и показала Женечки камни.

- Ира, выбрось их!

- Почему?

- Ир, честно, не знаю, но я чувствую, что в них скрыта некая угроза.

- То есть, эти камушки вызывают у тебя страх? Так не бойся своего страха! Не ты ли учил давеча? А у меня, Жень, оказывается, нет и никогда не было страха. Я боялась, как человек боялась, и сейчас боюсь, но не страха.

Женечка в немом оцепенении смотрел на нее. Ира продолжила:

- Жень, это не страх. Это восторг! Немыслимый, нечеловеческий восторг! И человеческое во мне относится к нему с большим опасением.

- Радный вызывает у тебя восторг? – скептически поинтересовался Женечка.

- Оказывается – да.

- Но ты буквально только что...

- Жень, под твоими руками меня окутала черная тьма, и восторг показался мне страхом, но лишь показался.

- Ирка! Я уже давно стал догадываться, что пережил две с половиной тысячи лет лишь для того, чтобы ты довела меня до инфаркта.

- Женечка! – со всей доступной ей добротой воскликнула Ира и, аккуратно положив камни на полку, обняла его.

Все мышцы его тела будто окаменели от напряжения, но в ее объятиях постепенно расслабились. Женечка вздохнул:

- Ирка! – взяв за плечи, он слегка отодвинул ее от себя и внимательно оглядел с ног до головы. – Мне очень многое хочется рассказать тебе, но нельзя. Ты сама должна вспомнить, а заодно и вытащить из памяти то, что мне недоступно. Только для этого ты должна вспоминать сама. Тебя несет куда-то не туда, а я ничего не могу сделать.

- А может, тебе только кажется, что не туда? Может, мне, на самом деле, туда, куда ты имеешь в виду, вовсе и не надо?

- Может быть... Я не знаю...

Ира снова обняла Женечку.

- Жень, скажи – почему ты ищешь в темноте?

- Свет ослепляет.

- Только, когда ты смотришь на него извне, но когда ты в нем, все становится совершенно иным.

- Чтобы находиться внутри света, нужно быть его источником.

- Но ведь ты – огонь.

- Да, я умею трансформировать свое человеческое тело в пламя, но от этого я не становлюсь источником света. Если ищешь в темноте, находишь свет и даже его источник. Я могу лишь слегка коснуться источника, чтобы знать, но при этом остаюсь в темноте. Свет не застилает мне глаза, а лишь освещает то, что я хочу знать. Я не поворачиваюсь лицом к свету – он всегда остается у меня за спиной. Иначе свет начинает слепить и можно потерять нить пути.

- Потому ты и не видел меня тогда. Ты стоял ко мне спиной.

Женечка снова взял ее за плечи и отодвинул от себя, пристально окидывая взглядом с ног до головы. Его тело была крупная, хорошо знакомая Ире по собственному опыту, дрожь.

- Идем, – сказал он, взял ее за руку и увлек за собой вниз в гостиную.

Пока они спускались, Женечка вернулся в прежнее состояние. Ира отметила про себя, что до такой полной власти над собой ей еще ой как далеко, если вообще она на это способна.

- Я просто манипулирую СВОИМ ВНИМАНИЕМ, – сквозь зубы прошептал Женечка в ответ на ее мысли.

- Ценное замечание! – подметила Ира.

- Самое главное – из области не таких уж тайных знаний.

- О чем это вы? – спросил Влад.

- О владении собой, – ответила Ира.

- И каким образом оно достигается? – Влад спрашивал без особого интереса, скорее всего лишь для того, чтоб завязать мало-мальски безобидную беседу. Судя по всему, он чувствовал себя не совсем в своей тарелке.

- Этим приемом пользуются даже воспитательницы в детском саду для управления детьми. Если возникает проблема, они стараются переключить внимание воспитанников, – изрек Женечка, расслаблено размещаясь в кресле. – Пытаясь овладеть собой, человек, как правило, старается, что называется, «взять себя в руки», тратит на это бесполезное занятие, меняющее лишь внешние реакции, уйму сил, когда нужно всего лишь переключить свое внимание. Переключать внимание можно как с одного объекта на другой объект, так и с одного действия на другое действие, а так же с одной эмоции, ощущения, чувства на принципиально иные.

- По-моему, мне – пора, – тихо и медленно проговорил Влад, поднимаясь. Таким потерянным Ира еще никогда его не видела.

- Мне, кстати, тоже, – подхватил Женечка, поднимаясь следом.

Влад на мгновение замешкался. Женечка, хитро улыбнувшись и подмигнув Ире, не дал безвозвратно рассеяться благому порыву Влада покинуть Ирин дом.

- Идем. Палладиной пора отдохнуть – она сегодня пережила нелегкий день, – сказал он, увлекая Влада к выходу.

- - -

Воцарившееся уединение оказалось для Иры совершенно неожиданным. Она сварила себе еще кофе и закурила. К ней подошли Зив и Лоренц. Они разместились рядом и как-то загадочно смотрели на нее. Зив что-то урчал себе под нос, Лоренц мурлыкал. Иру охватило умиротворение. Честно говоря, за время их вечерней беседы у нее не раз возникало желание, чтобы все поскорей свалили. Но долгожданное произошло так неожиданно, что она как бы зависла в вакууме. Свыкнувшись с мыслью, что она, наконец, одна, Ира отправилась мыть посуду. Ее, то есть посуду, конечно, можно было предоставить заботам Татьяны Николаевны, которая завтра непременно заглянет, но Ире настоятельно требовалось чем-то себя занять перед сном. Чем-то будничным, бытовым – таким милым и обычным.

- Спускаемся на Землю, – медленно вслух проговорила Ира.

- Спускаемся, спускаемся... – услышала она за спиной счастливый Женечкин голос.

Он нежно обнял ее и потерялся своей щекой об ее щеку.

- Женька! Ты же уехал!

- Я не уехал. Я Влада увез. А ты что, не рада мне?

Ира повернулась к нему и улыбнулась.

- Рада... – проговорил Женечка мечтательно и утопил в своих объятиях. – Видишь ли, – продолжал он полупшепотом, – я против Влада ничего не имею, но ты на групповуху явно не согласишься, а оставлять тебя с ним не захотелось мне, – он поцеловал ее. – Пойдем спускаться на Землю-Матушку.

Ира не возражала.

- - -

- Тебе не будет легко, – изрек Женечка в качестве утреннего приветствия, встречая Иру в гостиной за накрытым столом. – И даже легче не будет.

- Я знаю, Жень, и не боюсь этого. Для меня началась новая эра. Умирать тяжело, рождаться – тоже. Ты ведь знаешь...

- Да... Просто мне периодически кажется, что ты лишь играешься, не воспринимая всерьез то, что с тобой творится.

- Есть немного. Я же все-таки человек! А какой здравомыслящий человек будет воспринимать все это всерьез? И воспринимать вообще.

- То есть?

- То есть, я, кажется, нащупала, как отдать богу божье, а кесарю кесарево.

Женечка облегченно вздохнул, притом без тени сарказма.

- Надеюсь...

- Я рада. А по сему прошу тебя, не обижайся, мне уже давно пора начинать отдавать кесарю кесарево – я с самого приезда еще за работу не садилась, и у меня намечается форменный завал.

- Охотно верю. Кстати, а как там моя книга поживает?

- Ты же сам сказал ее пока не трогать.

- Теперь можно.

- Ну, спасибо! – с ехидным сарказмом «поблагодарила» Ира.

- Ну, пожалуйста! – к Женечке опять вернулось игривое настроение.

– Ладно, Палладина, не обижайся! С книгой можешь не спешить. А я, повинаясь твоей просьбе, являющейся вежливой формой приказа, испаряюсь. Трудись! – он уже направился к выходу, но у самой лестницы затормозился. – Только позволь еще позлорадствовать: Ирка, в твоей работе, где божье, а где кесарево, сами бог с кесарем не разберутся.

- Женечка, не переживай! Я им как-нибудь сама поровну поделю, так что не поссорятся.

- Ты уверена?

- Да. Уверена.

Женечка свалил, а Ирина поднялась в кабинет и без лишних раскаток села работать. Часа на три она полностью выпала из окружающей действительности, в которую ее ненадолго вернул звонок Влада:

- Ира, как ты?

- Нормально. По крайней мере, теперь я точно знаю, что Женечка до вчерашнего вечера с тобой, в общем-то, не общался.

- Видимо, да, – по голосу Влада чувствовалось, что вчерашний вечер надолго врежется ему в память. – Ты, кстати, тоже.

Последняя фраза Иру развеселила.

- Влад, неужто все так тяжело?

- Еще как, – предварительно вздохнув, ответил Влад.

- Ладно, не принимай близко к сердцу, и к мозгу тоже.

- И давно вы так развлекаетесь?

- С этой зимы.

- Что ж, теперь я многое начинаю понимать...

- Можешь не объяснять – я знаю... Если у тебя не отпала охота со мной общаться так же тесно, как и до сего дня – привыкай. Тебе придется привыкнуть.

- Догадываюсь...

- Как там дела на объекте?

- Нормально.

- Скажи Валентинычу, что на днях я подъеду, гляну и, скорее всего, всех вас ждет заслуженный двухнедельный отпуск. Который бы я, на твоём месте, использовала для учебы. Я так понимаю, на заочном ведь тоже учатся, а не дурака валяют?

- Ну вылитая училка!

Ира рассмеялась.

- Вот тебе и полегчало! Влад, но на счет учебы я вполне серьезно.

- Не переживай, Ира, я уже потихоньку делаю задания.

- Ну вот, а теперь будет повод делать их не потихоньку.

- Ладно, как скажешь, – вздохнул Влад. В этот момент в пределы его досягаемости попал Валентиныч. – Пап!

Иру приятно кольнуло это слово. Она еще не слышала, чтобы Влад так называл отца. К тому же по его голосу чувствовалось, что это не вымученное обращение.

- Влад, дай Валентинычу трубку.

- Да, Ирочка...

- Валентиныч, я, скорее всего на днях заеду всерьез посмотреть на объект и, если все в порядке, отпущу вас недельки на две в отпуск.

- Ой, Ир, не надо бы!

- Валентиныч! В оплачиваемый отпуск.

- А-а! Ну, тогда другое дело! Когда ждать-то тебя?

- Валентиныч, ты сам позвони, когда решишь, что работы безболезненно приостановить можно станет.

- - -

Валентиныч позвонил через три дня. Он неплохо изучил Иру, по крайней мере, относительно работы. По ходу она следила за процессом лишь вроде как формально, но вот если сказала, что хочет осмотреть все всерьез... Его нервность в последний день перед сдачей немало удивила Влада.

- Ой, Влад, она только с виду беленькая и пушистенькая, а работу принимать будет с лупой и белым платочком. Ни одной закавыки не упустит.

Влад и не предполагал, что Валентиныч ничуть не преувеличивает. Лишь упоминание лупы и белого платочка оказалось метафорой – сии принадлежности, в виде тестирующих качество работы приборов, Ира не использовала. Однако в процессе приемки у всех сложилось впечатление, будто Ира миллиметр за миллиметром сканировала весь дом с помощью микроскопа.

Погода стояла пасмурная и очень даже прохладная, но Влад с Валентинычем уже к середине осмотра обливались потом.

- Теперь я понимаю, почему ты всех так гонял, – сказал Влад Валентинычу, когда они, не выдержав, вышли перекурить.

А Иру усталость не брала – она целых пять часов придирчиво изучала стены, полы, потолки, окна, двери, коммуникации...

- Фух... Вроде все в порядке, – сказала она, наконец выйдя во двор и присоединившись к полностью измотанным Владу и Валентинычу.
- Может, в море окунемся?

- Неплохо бы, – проговорил едва живым голосом Валентиныч.

- - -

- Ир, тебе никто, никогда не говорил, что ты – монстр? – язвительно спросил Влад, когда они втроем спускались к морю.

- Влад! – одернул его Валентиныч.

- Ничего, Валентиныч, ему можно, – усмехнулась Ира. – Так говоришь, называл ли меня кто-нибудь когда-нибудь монстром? Влад, у тебя что, с памятью плохо? А у меня, между прочим, прямо перед глазами стоит: за окном чудесный сентябрьский денек, половина 9Д по третьему кругу переписывает самостоятельную по русскому. Припоминаешь?

- Ты слышала?!

- А как же! У меня и со слухом все в порядке.

- Во, блин!!!

- Ладно, ладно! Я же не обиделась! Так что все остальные эпитеты, направленные тогда в мой адрес, цитировать не стану, – Ира, ехидно хихикая, скосила на него глаза.

- Я больше не буду, – пробурчал Влад, потупившись.

Обстановка разрядилась. Валентиныч тоже повеселел.

Вода в море оказалась теплее воздуха, так что на берег выходить совсем не хотелось. Но короткий осенний день угасал, тонко намекая, что нужно ехать домой.

- Ну все, Валентиныч. Сегодня среда, так что в среду через две недели встречаемся здесь и решаем, что делать дальше, договорились?

- Хорошо, Ир. Предварительно созвонимся ведь?

- Конечно.

Валентиныч сел в купленную им не так давно «девятку», а Влад с Ирой в «Ниву», которая теперь уже почти на полных правах принадлежала Владу.

- Да, Ир! – начал Влад, выруливая на трассу. – Когда Валентиныч рассказывал, как ты принимаешь работу, я думал, он изрядно преувеличивает, чтоб ребят напугать, а теперь я понимаю, что он очень сильно преуменьшил. Слушай, ты действительно монстр.

- Может быть и монстр, но ведь я беру на себя ответственность. Валентиныч прекрасно знает, что если не дай бог возникают какие-то проблемы после моей приемки, его это уже никак не касается. Я сама все расхлебываю.

- Это как?

- А ты у него как-нибудь поинтересуйся. Он тебе много чего порасскажет. Видишь ли, Влад, если ты за что-то берешься, нужно уметь нести за это ответственность, то есть делать все так, что бы быть готовым умереть за свое дело.

- Ого! А не громковато ли будет?

- Нет, Влад, не громковато. Нести ответственность непросто и готовность умереть за то, что говоришь, делаешь – это единственный критерий.

- Ир, но если так жить – это же с ума сойти можно!

- А кто сказал, что жить легко?! Если не быть безжалостным по отношению к себе, с тобой будет жестоко обращаться мир.

- - -

Утро выдалось обворожительное. Правда, это совершенно не касалось погоды. Все небо затянули тучи, и моросил нудный осенний дождь.

Накануне Ира попросила Влада, чтоб на две недели предоставленного ему отпуска он забыл о ее существовании. С той же просьбой она обратилась и к Женечке. На всякий случай она известила и Генку, чтоб он не паниковал, обнаружив, если ненароком вздумает позвонить, что она вне зоны доступа сотовой связи. О том же она написала по электронке Лешке. На всякий случай о своем отсутствии для всех и вся в этом мире она проинформировала и Татьяну Николаевну.

Работа спорилась. Изображения на мониторе радовали гармоничностью форм, а расчеты – стройностью математических формул. Все свидетельствовало о том, что нащупанный ею путь верен, но... Вдруг все это – лишь мираж? Чем дальше, тем нестерпимее Ире хотелось проверить свои догадки на практике.

Она, объясняя во время выставки суть своих идей, ничуть не сомневалась в них. И сейчас не сомневалась, и все же ей так хотелось увидеть свои находки в реальном действии, воочию убедиться, что она права. Какое-то время она держалась, но терпение все же лопнуло. Конечно, воплотить в материальную жизнь запечатленные в эскизах предметы интерьера она не могла, ведь они имели достаточно сложные формы, и их изготовление предполагалось на сверхточном оборудовании. Но для проверки работы самой идеи особые изыски не требовались. По сути, проверить свою гипотезу, можно было и самой простой табуреткой.

Ира позвонила Зауру. Он с превеликим удовольствием и без лишних вопросов помог ей доставить домой два табурета, как две капли воды похожих на своих собратьев с кухни, и третий этаж из художественной мастерской превратился в столярную.

Два табурета требовались для чистоты эксперимента. Оба подверглись разборке и претерпели ряд невидимых глазу модификаций: один – «благоприятный» – в полном соответствии с Ириными открытиями, а второй – «неблагоприятный» – в соответствии ему обратном. Для стороннего наблюдателя они выглядели совершенно одинаковыми. Даже Ира на всякий случай пометила их, чтоб не перепутать ненароком. Впрочем, как стало понятно потом, она бы их и без всяких тайных меток ни за что не спутала бы.

Первой подопытной предстояло стать Татьяне Николаевне. С вечера Ира заменила на кухне два старых табурета на новые. Она, хорошо зная привычки своей помощницы по хозяйству, «неблагоприятный» табурет поставила на место, где обычно та садилась. Старые – «нейтральные» – расположила в непосредственной близости, а «благоприятный» убрала подальше.

Утром Ира заняла свой, выбранный накануне, наблюдательный пост. Как раз вовремя, так как стоило ей разместиться поудобнее, в дом вошла Татьяна Николаевна. Первое, что она сделала, очутившись на кухне, – оставила «неблагоприятный» табурет, хотя он не очень-то мешал ее дальнейшим передвижениям, и начала протирать пол. «Нейтральные» она особо перемещать не стала, лишь слегка сдвигала в процессе мытья. А вот «неблагоприятный», в конце концов, оказался в самом дальнем углу. «Благоприятный» же, напротив, медленно перемещался к излюбленному ею месту, и, когда мытье пола завершилось, а чайник водрузился на плиту, Татьяна Николаевна села именно на этот табурет. Ира ликovala, покидая свое укрытие и заходя на кухню.

- Доброе утро, Татьяна Николаевна!

- Ой, Ирочка! Доброе утро! Ты уже закончила свою важную работу?

- Да нет, еще. Передохнуть вышла. Давайте чаю вместе попьем.

- Давай. Я вот и печенья испекла.

Они вместе накрыли в гостиной стол для чаепития. Ира села на диван, а Татьяна Николаевна... А Татьяна Николаевна принесла себе с кухни «благоприятный» табурет.

- Татьяна Николаевна! Садитесь в кресло!

- Ой, Ирочка! Да мне на табурете как-то сподручнее.

Впрочем, последнее не особо доказывало Ирину правоту – Татьяна Николаевна всегда предпочитала табурет креслу. Но тут Ире представилась еще одна возможность осуществить чистоту эксперимента. Татьяна Николаевна вдруг решила принести к чаю еще и варенье и ушла за ним к себе домой. Ира, тем временем, заменила «благоприятный» табурет на «неблагоприятный», поставив первый на место одного из «нейтральных». Дальнейшее Иру по-настоящему воодушевило.

Вернувшаяся с вареньем Татьяна Николаевна несколько раз порывалась сесть, но так и не коснулась своим телом «неблагоприятного» табурета. Она несколько раз ходила то за тем, то за другим на кухню и, в конце концов, вернулась, держа в руках «благоприятный» табурет. Увидев, что один здесь уже есть, она рассмеялась своей рассеянности, поставила на пол «благоприятный» табурет, а его зловердного собрата унесла и даже не поленилась запихать с глаз долой за холодильник.

Конечно, подобное поведение Татьяны Николаевны могло быть чистой случайностью, но дальнейшие наблюдения Иры не оставляли сомнений, что какая-то неведомая сила притягивает ее именно к «благоприятному» табурету. Ира делала вид, что уходит работать, а сама украдкой наблюдала за ней и при каждом удобном случае меняла табуреты – Татьяна Николаевна неизменно вновь и вновь выбирала один и тот же, притом намеренно убираемый Ирой в наиболее удаленные и наименее удобные места.

Как только Татьяна Николаевна, закончив все свои дела, удалась, Ира сварила себе кофе и села в гостиной. «Работает! Сомнений нет! Но надо бы еще как-то проверить...». Она включила уже несколько дней мирно спавший мобильник и набрала Наташкин номер теле-

фона. Бывшая соседка несказанно обрадовалась ее звонку, и вечером этого же дня состоялось нашествие дружественных семейств Наташи и Люси в Ирину обитель.

Вечер Ира пережила с трудом, но ее муки стоили того. Сидячих мест, естественно, включая подопытные табуреты, Ира предусмотрела ровно столько, сколько собралось гостей. Как она и ожидала, «благоприятный» пользовался повышенной популярностью. Дашуныка даже несколько раз устраивала скандалы за обладания им. А вот «неблагоприятный» постоянно пустовал – на него упорно никто не хотел садиться, предпочитая, за неимением лучшего, тесниться на диване.

Ира была счастлива. Не без труда выпроводив ненужных более гостей, она всю ночь работала, а потом, не ложась спать, и весь день. Она чувствовала, что запала хватит и дальше, но здравый смысл все же уложил ее в постель.

К концу отмеренной себе второй недели в понедельник вечером Ира просмотрела готовые эскизы. Впереди осталась уже несложная, но самая нудная и малоинтересная работа – состряпать для «коней» понятные им инструкции. Спать Ира легла с чувством выполненного долга, намериваясь на следующий день устроить себе заслуженный выходной перед предстоящим новым этапом преображения поющего дома.

Глава 23

Разновидности неравенства

- А по-моему, она уже давно готова, только, из-за сосредоточенности на другом, производит иное впечатление.

- Ну, не знаю... По мне так: пытаться разговаривать с ней пока бессмысленно.

- А я все же попробую. Ира! И-ра!

Ира открыла глаза. Прислышавшийся во сне диалог разбудил ее. Напротив кровати чинно сидели Зив и Лоренц.

- Доброе утро, – спокойно проурчал Зив.

Ира от неожиданности аж подпрыгнула в постели и резко села. Так резко, что аж голова закружилась.

- Не бойся.

Ирино сердце бешено колотилось. Она во все глаза смотрела на Зива. Он вроде урчал как обычно, но казалось, что вместе с его низким абсолютно собачьим урчанием слышалась и вполне человеческая речь. Ира окинула взглядом комнату – кроме нее и живности никого не было.

- Не бойся. Тебе не послышалось – это я говорю. Я. Зив.

Ира уставилась на него. Он не говорил – он только урчал, как всегда, но теперь в его урчании Ира совершенно отчетливо слышала слова, точнее, никаких слов слышно не было – она понимала его урчание как слова. Мозг советовал испугаться, но, как ни странно, страха Ира не испытывала. К ней на постель запрыгнул Лоренц.

- Ирочка, ну не бойся... – мурлыкал он.

- Легко сказать... – изрекла она, поддерживая на всякий случай во внешнем проявлении причитающуюся в данной ситуации реакцию. – Господи! Я, кажется, действительно с ума схожу!

- Если не отключишь рациональность своего восприятия – тогда точно сойдешь, – спокойно мурлыкал Лоренц. – Представь, что говорящие кот с собакой это вполне нормальное явление. Успокойся. А потом, как-нибудь на досуге, поразмышляешь на эту тему, и, может быть, даже найдешь объяснение, которое удовлетворит твою рациональную суть.

- Лоренц, ты, часом, докторскую диссертацию по философии или психологии не защищал?

- Ну вот, уже шутишь, а значит тебе не так уже и страшно. Идем купаться! Водопад соскучился! – поднимаясь, обрадовано виляя хвостом, проурчал Зив.

- Он теперь тоже говорящий? – Ира перестала притворяться, будто сей неожиданный поворот в ее жизни, испугал ее.

- Он всегда разговаривает, но мы его не понимаем. Дословно не понимаем, но общий смысл, как правило, более-менее ясен, – выдал научную консультацию Лоренц и спрыгнул с кровати. – Идем.

- Подождите! Я теперь что, всех животных понимать буду?

- Ты их всегда неплохо понимала, но если имеется в виду речь – то нет. По крайней мере, не всех, – пояснил Лоренц.

- Видишь ли, мы не совсем такие, как все, – пояснил Зив.

- А точнее – совсем не такие, – добавил Лоренц.

- А Женечка вас понимает?

- Понимать-то понимает, но слышать, что мы говорим – не слышит.

- Мы не собираемся с ним беседовать, – важно промурлыкал Лоренц и уселся вылизывать свою шкуру.

- Почему?

- Как тебе сказать... – Лоренц продолжал усердно умыться. – Не хотим... Видишь ли, он, безусловно, очень многое знает, но далеко не всегда правильно интерпретирует свое знание, так как редко возвращается домой, и даже когда возвращается, не отягощает себя лишними напряжениями.

- Не поняла, что значит «редко возвращается домой»?

- Домой, значит в Изначальность. Там наш дом. И наш, и твой, и его... – проурчал Зив, как бы с намеком глядя Ире в глаза.

- Он говорит, что живет уже две с половиной тысячи лет... – задумчиво проговорила Ира.

- Необязательно умирать, чтобы возвращаться домой, – промурлыкал Лоренц. – Вот мы, к примеру, тоже не первый век по Земле шляемся, но домой заглядывать не забываем. И ты, кстати, тоже. Несмотря на то, что ты совсем недавно здесь.

- Я!?

- Ты осознавать пока не можешь, – Зив положил ей голову на колени и продолжил, преданно глядя в глаза. – Вот скажи, что ты делала с того момента как вылетела из горы и до благополучного пробуждения у себя в постели? Не помнишь?

- Нет...

Холодок пробежал у Иры по позвоночнику.

- Зив, по-моему, ты увлекся! – оборвал друга, хотевшего еще что-то сказать, Лоренц. – Пойдемте, в конце концов, купаться!

- Но...

- Ира, Лоренц прав. Нужно освежиться с утречка, а уж потом и болтать сколько влезет. У тебя ведь сегодня выходной?

- Да...

- Вот и отдохнешь с пользой.

Ира поднялась с кровати и начала одеваться.

- Да, Ира, чуть не забыл, – промурлыкал Лоренц, – на водопад идем молча и обратно – тоже. И вообще, никому никогда не показывай вида, что ты нас слышишь. Даже своему любимому Женечки.

- С чего это он у меня любимый?

- Да ты без него и шаг сделать боишься!

- Не надо, Лоренц! Не так уж она и боится – просто посоветоваться-то больше не с кем. Себя вспомни! Каково приходилось, когда здесь только появился, а? Забыл?

- И то верно... Ладно, идем. И ни звука, а то нашу Иру, чего доброго, в психушку отправят.

- К счастью, хоть не на костер! – проурчал Зив.

- Ну, это мы уже проходили, правда, Ир? – промурлыкал Лоренц.

- Вы там тоже были? – спросила в ответ Ира.

- А как же! И даже явились полуневольной причиной твоей захватывающей кончины, – с оттенком гордости промурлыкал Лоренц.

- Лоренц! Хватит! Сам же предложил сначала в водопаде искупаться.

- Ладно, ладно. Идем.

Водопадная эпопея прошла как обычно, за исключением того, что, как правило, урчащий Зив и мурлыкающий Лоренц, сегодня всю дорогу шли молча.

- - -

- Первое, чему тебе нужно научиться, – наставлял Иру Лоренц, когда они вернулись домой и дождались ухода Татьяны Николаевны, – слушать нас в присутствие других людей, не подавая вида, что ты нас слышишь.

- Очень сложно раздробить внимание и сосредоточить его в равном количестве сразу в нескольких направлениях. Притом так, словно оно целиком и полностью направлено на что-то одно в этом многообразии. Если ты этому научишься – емкость твоего внимания расширится, оно станет более глубоким и гибким, и ты начнешь замечать очень много интересного, что пока ускользает от тебя.

Ира усмехнулась.

- Знаете, с недавних пор меня само слово «внимание» стало ввергать в немыслимый ужас.

- Знаем, конечно, – спокойно ответил Зив. – Твое внимание позвало тебя. На самом деле оно шире и глубже, чем тебе кажется, но ты пока не используешь его в полной мере.

- Пстойте, ведь если внимание сосредотачивается на чем-то одном, то все остальное остается за его пределами, а если попытаться фиксировать его сразу на нескольких объектах, то оно перестанет быть сосредоточенным вообще хоть на чем-то.

- В том-то и состоит трудность, но лишь для человека, – проурчал Зив, глядя Ире в глаза. – Притом, только для обычного человека.

- Видишь ли, – глубокомысленно замурылкал Лоренц, – человек, когда ему предлагается сосредоточить на чем-нибудь внимание, автоматически, то есть по привычке, начинает вербализировать получаемую информацию и именно вербализация поглощает все внимание, притом, даже, вытесняя саму получаемую информацию. Лишь в экстремальных ситуациях обычный человек перестает думать словами, вследствие чего его внимание высвобождается, и он начинает действовать так, что потом сам изумляется своим действиям.

- Ты прекрасно знаешь, что облекать мысли в слова нужно лишь тогда, когда принимаешь решение и подводишь итог. В процессе действия вербализация – это совершенно лишняя обуза для внимания, – наизидательно заметил Зив.

- Да. Я это знаю, но знать и делать – не одно и то же.

- Конечно, не одно и то же! – согласился Лоренц. – Но ведь иногда и притом очень даже часто у тебя получается! К примеру, когда ты работаешь. Мы давно наблюдаем за тобой, и я знаю, о чем говорю.

- Кстати, даже совсем обычные люди в случаях, когда нужно мгновенно донести большой объем информации, используют невербальные символы, к примеру: дорожные знаки.

- Зив абсолютно прав. Представь, что стало бы, если б информацию, заключенную в дорожном знаке, стали передавать словами?

- Это понятно, но ведь вы сейчас сами предложили мне тренировать внимание, воспринимая с одинаковым сосредоточением сразу, как минимум, два вербальных источника информации. Да еще при этом создавая у присутствующих впечатление, якобы он всего один.

- Безусловно, манипулировать и собственным, и чужим вниманием очень сложно, да еще в рамках вербальных символов, – согласился Лоренц. – Однако учти, что и вербальные символы можно воспринимать по-разному. Видишь ли, обычный человек, внимательно слушая собеседника, неосознанно повторяет за ним его слова, но можно этого и не делать... – он многозначительно посмотрел на Иру и добавил. – Именно это повторение, то есть повторная вербализация, и захватывает внимание полностью, не оставляя на что-либо еще...

Ира надолго задумалась. Зив и Лоренц молча ждали.

- Когда-то, очень давно, – как бы разговаривая сама с собой, начала она, – мне было лет девятнадцать-двадцать, я слышала голос. Точнее, я его не слышала – он как бы проносился у меня в сознании. Так вот, он говорил вроде бы с обычной скоростью, но я не успевала улавливать смысла... То, что я успевала повторить за ним, обретало смысл и укладывалось у меня в памяти. То, что не успевала – пролетало мимо, хотя

все слова и казались понятными, но они не обретали смысла и не запоминались, – Ира ненадолго замолчала. – Во время обычного общения я не замечала за собой, что проговариваю вслед за собеседником.

- Тебе тогда только казалось, что скорость обычная, – пояснил Зив. – Когда ты смотришь на летящий самолет, его скорость в твоём восприятии тоже не соответствует действительной. Именно благодаря несоответствию скоростей ты и заметила, что проговариваешь. У тебя создалась иллюзия, словно голос говорит в обычном темпе, а ты – в замедленном. Когда же скорости одинаковые – это практически неощутимо.

- Если это даже заметить практически невозможно...

- Этого и не нужно замечать, – перебил ее Лоренц. – Если ты займешься наблюдением за собой, то твоего внимания точно уже ни на что не хватит.

- И как же тогда с этим бороться?

- Путем прекращения вербализации с помощью глубокого сосредоточения, – глубокомысленно промурлыкал Лоренц.

- О как! – Лоренц своими формулировками Иру определенно забавлял.

- Дело в том, – продолжал он задушевно мурлыкать, – что обычный человек, если требуется сосредоточиться на чем-либо, в первую очередь сосредотачивается именно на вербализации. Лишь в экстремальных ситуациях, когда думать словами попросту некогда, он на некоторый незначительный отрезок времени достигает истинного сосредоточения. И в этот миг постигает сущность мира, но, не имея возможности по ходу вербализировать полученные ощущения, он помнит о них лишь нечто весьма смутное. То, что мы предлагаем тебе практиковать, и есть в некотором смысле экстремальная ситуация. Поначалу будет очень сложно, но если ты вместо того, чтобы осознать «как», просто будешь пытаться делать это, то есть делать, не задумываясь о том, как именно ты это делаешь, постепенно у тебя начнет получаться то, что нужно.

- Ира, – добавил Зив, – твоя главная проблема и состоит в том, что ты уделяешь чрезмерное количество внимания пониманию, а не действию.

- Абсолютно верно, Зив, – продолжал Лоренц. – Тратить время и силы – чем, собственно, и является в данном случае внимание – на понимание можно и даже нужно «до» и «после», но не «во время». Это единственный способ действовать с максимальной эффективностью и полностью контролировать и себя, и то, что вовне. Однако попытки сознательно прекратить вербализацию приводят лишь к запуску ее с удвоенной силой и поглощению всего без остатка внимания этим процессом. Только глубокое сосредоточение на действии вводит тебя в нужное состояние, которое длится до тех пор, пока ты не начинаешь его анализировать...

- ...чем, собственно, мы сейчас и занимаемся, – перебил его Зив, – хотя на самом деле хотели помочь тебе приятно провести выходной, а заодно показать одну очень полезную штуку.

- Простите меня. Я несколько увлекся. Ира, мы на самом деле хотели показать тебе одну весьма и весьма нужную вещь. Ее суть лежит в сфере иррационального, но вот применение сулит тебе немалые чисто практические удобства.

- Это ведь только ты нас слышать стала лишь с нынешнего утра. Мы-то, можно сказать, все о тебе знаем, – проурчал Зив, и они с Лоренцем заговорщически переглянулись.

- Идем, – позвал Лоренц.

Ира с любопытством последовала за ними. Они спустились по лестнице, ведущей в цоколь. Дверь в сад, через которую, как считала Ира до сего момента, и попадали в дом Зив с Лоренцем, а заодно и Женечка с Владом, была наглухо заперта.

- Ее замкнул твой сын перед отъездом, – ответил на не прозвучавший вопрос Зив. – Тебе она ни к чему, – заключил он и направился к другой двери.

Та дверь тоже вела в сад, но Ира с Лешкой так и не смогли открыть ее, потому что ни один из выданных Аристархом Поликарповичем ключей не подходил к замку.

- А вот эта дверь, – продолжал Зив, – как раз то, что тебе будет совершенно нелишним. Через нее, казалось бы, проще всего попасть в сад, но на самом деле и в целый ряд других весьма полезных мест, не куда угодно, но, к примеру, в дом, в котором тебе понадобится вскоре появляться все чаще и чаще, – можно.

- То есть... Я не поняла...

- Открывай дверь, – наставительным тоном промурлыкал Лоренц.

- Она на замке и ни один ключ к ней не подошел.

- Она не на обычном замке и для того, чтобы его открыть, не нужен обычный ключ, – проурчал Зив. – Мы без труда открываем ее и твои друзья – тоже. Единственное, они не могут попадать через нее в другие места, кроме как из сада в дом и из дома в сад – мы охраняем эту дверь. Именно поэтому она совсем не поддалась, когда вы с Лешей пытались открыть ее. Твой сын, хоть ты и родила его, не имеет с тобой ничего общего, впрочем, как и ты со своими родителями. Открывай дверь!

Целая куча вопросов бурлила в Ирином мозгу и рвалась наружу, но она понимала, что сейчас не время, а потому усилием воли заставила рассудок замолчать, на мгновение расслабилась и толкнула дверь. Та, даже не скрипнув, распахнулась в цоколь поющего дома, который радостно горланил задористые частушки. Как только Ира, а следом за ней Зив и Лоренц, зашли, частушки оборвались на полуслове, и во всей своей торжественной красе грянула увертюра к опере Бизе «Кармен» в интерпретации автора для «Opera-Comique».

- Ну вот, – промурлыкал Лоренц, – теперь ты легко можешь быть почти одновременно в двух достаточно отдаленных друг от друга местах.

- Но как? – спокойно спросила Ира. – Насколько я понимаю, в данном случае я зашла сюда, мягко говоря, не без вашей помощи, ведь так?

- Верно, – утвердительно мякнул Лоренц. – Мы – стражи прохода, и нам дано право самим решать, кому открывать его, а кому нет.

- Боюсь, что если даже вы будете держать проход для меня открытым, я вряд ли смогу им воспользоваться самостоятельно, то есть пройти туда, куда мне надо.

- Ты совершенно права, – подтвердил Зив. – Сегодня мы провели тебя сюда. Если б проход был просто открыт, ты бы заблудилась, а мы направили тебя туда, куда нужно. На самом деле, это несложно, и ты постепенно научишься делать это сама. Тем более что для начала тебе необходимо освоить лишь этот путь.

- То есть, начинаем с малого и будем двигаться к более сложному, – пояснил Лоренц. – Думаю, нет необходимости тебе объяснять, почему мы для тебя, как первый, выбрали именно этот вариант?

- К счастью, хоть это для меня ясно целиком и полностью, – слегка усмехнувшись, сказала Ира.

- Но при этом у тебя целая куча мала вопросов по другим поводам? – как бы хитро улыбаясь, спросил Зив.

- Ага...

- Ну, это неудивительно, – важно промурлыкал Лоренц. – У меня есть предложение: давайте вернемся в наш дом, пообедаем и сгоняем на Ажек. Тебе ведь, Ира, нужно отдохнуть от трудов праведных? Вот! А по дороге туда и обратно как раз и поболтаем. Заодно потренируешься делать вид, будто мы ничего и не говорим вовсе. Конечно, если встретим каких-нибудь людей по пути. Идет?

- Идет... – с многозначительным вздохом ответила Ира.

- По саду гуляла, Ирочка? – поинтересовалась Татьяна Николаевна, выглянув из кухни, когда Ира поднялась с цокольного на первый этаж.

- Да, Татьяна Николаевна.

- Молодец! Общение с природой – лучший отдых! И аппетит, небось, хороший нагуляла!

- Есть немного....

- Ну, так уж и немного!?

- Шучу! Голодная, как сто тигров!

- А вот это приятно слышать! Садись, ешь.

- Компанию составите?

- Нет, Ирочка. Я уже перекусила, а сейчас в город хочу съездить.

- Как знаете...

- Приятного аппетита!

- Спасибо!

Татьяна Николаевна покинула дом, а Иришка, Зив и Лоренц занялись поглощением обеда. При этом Ира пригласила их вместе с собой за стол, чему они весьма обрадовались. К ее немалому удивлению оказалось, что они умеют это делать – в смысле есть за столом – очень даже изысканно, притом настолько, что, пожалуй, даже светила этикета обзавидовались бы их манерами.

- Первое, что ты должна понять, – начал Лоренц, когда они вышли на тропу, – это то, что весь Мир – живой. Я имею в виду не только Землю, а вообще абсолютно все. Но он живой неодинаково и неравнозначно. То есть, существуют живые объекты и объекты, являющиеся частью живых объектов. К примеру: ты – живая, твоя рука тоже живая, но жи-

вая не сама по себе, а лишь как часть тебя. Все является живым постоянно, всегда, но что-то из этого всего постоянно живое само по себе, то есть является осознанием, осознанием себя и окружающего мира, то есть личностью. Что-то постоянно остается лишь частью живого, являющегося личностью, а что-то в самом принципе являясь частью живого, на некоторый период в некотором нечто становится самостоятельно живым, то есть его самостоятельная жизнь в смысле обладания осознанием себя и окружающего мира – явление непостоянное. Таких существ в Мире подавляющее большинство.

- Представь, – воспользовался паузой Зив, – будто весь Мир – это бесчисленное множество нитей. Все нити наделены жизнью, но не все наделены осознанием. Осознание возникает лишь там, где эти нити переплетаются, или завязываются узелками, или сматываются в клубки, или что-то другое в том же роде – вот в местах этих соединений и появляется личность.

- Верно, – подхватил Лоренц. – Теоретически любой такой пучок нитей может существовать вечно или распутаться через определенный период. На практике же есть очень незначительное количество эдаких клубочков, которые никогда не разматываются, а все остальные, которые составляют подавляющее большинство, не успев сплестись, почти тут же разъединяются. В воспринимаемой нами в данный момент земной реальности эти клубочки, в первую очередь, представлены растениями, животными и, конечно же, людьми. Почему в первую очередь? Потому что иные объекты, по преимуществу являясь лишь частью живого, нет-нет, да и обзаводятся собственным осознанием, притом, гораздо более устойчивым, чем у многих из людей. К таким относится и наш дом и, как ты его называешь, поющий дом. Мистики их, как правило, относят к другому типу осознания, но на самом деле осознаний только три типа – непостоянное, относительно постоянное и постоянное.

- О чем-то подобном мне уже рассказывал Женечка, – отметила Ира.

- Было б удивительно, если б умолчал, – язвительно заметил Лоренц.

- И говорил он только о людях, – медленно прооручал Зив, – не так ли?

- Я, честно говоря, точно не помню, но, кажется, он отметил, что касается это не только людей.

- Ну хоть отметил! – съязвил Лоренц. – Человеческой форме свойственна иллюзия исключительности. Человек не берет в расчет никого, кроме себя, даже тот, кто является воплощением относительно постоянного осознания. От того и все беды человечества, но, возможно, таков Первопричинный замысел.

- Видишь ли, Ира, постоянное или относительно постоянное осознание может воплотиться на Земле как в человеке, так и в муравье или... ну в папоротнике, к примеру. Короче, абсолютно во всем, также как и непостоянное. То есть, и дождевой червяк может на самом деле оказаться богом, а человек – существом абсолютно примитивным.

- Как я понимаю, неравенство существует, но не в принадлежности к определенной классификационной категории, скажем: вид, класс,...

- ...профессия, общественное положение... – дополнил Зив список сугубо человеческим.

- ...а только в зависимости от качества осознания, так? – закончила свою мысль Ира.

- Именно так, – подтвердил Лоренц с явным удовлетворением.

- А что значит, «Первопричинный замысел»?

- Все бесчисленное множество нитей есть один огромный вечный и бесконечный клубок, то есть Первопричина, то есть Мироздание, Бытие, Всевышний, – пояснил Зив.

- Верно, – подтвердил Лоренц. – Но вернемся на Землю. Земная жизнь – испытание и для относительно постоянных, и для непостоянных осознаний. Ведя ее определенным образом, у непостоянных есть шанс стать относительно постоянными, а некоторые относительно постоянные подвержены опасности прекратить свое существование. Впрочем, это не является отличительной особенностью земного существования – подобное происходит и на иных уровнях Бытия. И на всех уровнях Бытия постоянные и относительно постоянные осознания управляют ходом существования, только не в том смысле, в который перевернули сие люди. На самом деле, управление – это излучение и направление энергетических потоков, а вовсе не издание законов и контроль их выполнения или, что еще хуже, самовлюбленное самодурство. Непостоянные осознания занимаются усилением и закреплением этих потоков. Тот, кто преуспевает в этом – укрепляет собственную структуру и со временем становится способным сам излучать и направлять энергию. Я понимаю, это все слишком обобщенно и абстрактно, но если начать вдаваться во все частности – этот наш разговор никогда не окончится.

- Я поняла общую идею, и она не является для меня новой.

- Женечка постарался? – язвительно заметил Лоренц.

- Да.

- Лоренц, не язви! – рявкнул Зив. – Что плохого в том, что Ира все это знает!?

- Да нет, хорошо, конечно, но...

- Но ты просто недолюбливаешь Женечку, – закончил Зив.

- А ты?

- Действительно, что он вам такого сделал? – с любопытством спросила Ира.

- Ничего он особого не делал, просто за время своего вочеловечивания, а человеком он предпочитает жить не только последние две с половиной тысячи лет непрерывной земной жизни...

- ...он и до этого почти только сим и баловался, – брюзжа, перебил Лоренц.

- Он, хоть теоретически и знает, что разница между всеми существами лишь в качестве осознания, что подобные ему воплощаются и пиявками, и водорослями, и кем угодно еще, но он, как все люди, сторонится и не принимает их во внимание.

- Вот, к примеру, настоятельно советовал тебе выкинуть приглашения. А ведь их, к тому же, не пиявка какая-нибудь послала! – буквально фыркнул Лоренц.

- А что это за приглашения? Кто их... прислал?

- Отвечать на подобные вопросы не в нашей компетенции. Когда получишь третье – сама узнаешь, – важно промурлыкал Лоренц.

- У меня есть ощущение, что эти, как вы их называете, приглашения напугали Женечку.

- Еще бы не напугали! – почти ликовал Лоренц. – Он, конечно, наверняка не может знать, от кого они, но догадывается – это уж точно.

- Он мне не поведал о своих догадках...

- И не поведает – это не в его компетенции... – проурчал Зив.

- ...а уж это он знает очень определенно, – тем же ликующим тоном промурлыкал Лоренц.

- Но если это нечто до такой степени серьезное, неужели просто выбросив их, я смогу избежать того, что с точки зрения Женечки несет угрозу?

- Во-первых, я рад, что, судя по твоим словам, у тебя иная точка зрения на сей предмет, – довольно промурлыкал Лоренц, – а во-вторых, в этом случае он, к сожалению, прав. В смысле, что если ты их просто выбросишь, они тот час же будут отменены.

- Надо признаться, вы меня, ребята, прямо-таки заинтриговали!

- Потерпи, – мягко и ласково проурчал Зив. – Как только ты будешь готова, придет третье приглашение, и ты все узнаешь.

- И все-таки, давайте вернемся к нашей теме, – важничал Лоренц. – Так вот, у каждого осознания – и непостоянного, и относительно постоянного, и постоянного – своя задача. У постоянных и относительно постоянных осознаний задачи более сложные и глобальные, у непостоянных – более простые и прозаичные, но это не значит, что менее важные. В зависимости от задачи осознание воплощается в том или ином качестве. Между прочим, на то, в чем заключается сложность и глобальность, у людей тоже иная точка зрения.

- Кстати, Лоренц, да и ты, Зив, мне кажется – вы очень недолюбливаете людей.

- Да, это так, – спокойно подтвердил Лоренц.

- Что ж вы так со мной-то носитесь?

- Ты не человек, – «констатировал факт» Лоренц. – То есть ты человек, конечно же, по крайней мере, сейчас, но ты совершенно необычное осознание, по крайней мере, для Вселенной, и при этом за весь путь своего земного бытия ты очень мало и очень ненадолго воплощалась в человека, а потому не вочеловечилась.

- Ты не испытываешь человеческой иллюзии исключительности и не по-человечески относишься к другим формам воплощений, – пояснил Зив.

- По-моему, вы меня переоценили.

- Ничуть!

- Видишь ли, Ира, внешним поведением ты, может быть, и не сильно отличаешься от людей, но мы ведь видим не только проявления этой реальности.

- Мы видим и твои, как это поправильней выразить... излучения, что ли...

- ОН, между прочим, тоже ВИДИТ, потому и посылает тебе приглашения, – Зив остановился и многозначительно посмотрел на Иру.

- Класс! Мне нравится! Все что-то во мне видят, что я какая-то ну сверхособенная! Ну прям супернеобычная! Одна я ни сном, ни духом!

- Не скромничай, Ира.

- Постараюсь, – она улыбнулась, но затем ее лицо вновь стало серьезным. – Послушайте, меня тут один вопрос мучает...

- Не мучайся – спрашивай. Мы тебе не Женечка и не считаем, что любопытство бывает праздным.

- Какими способностями нужно обладать, чтобы пройти через ту дверь.

- Способностью ходить, и пользоваться обычными дверьми. Видишь ли, через такие проходы может пройти абсолютно любой человек, абсолютно куда угодно, естественно в пределах того, куда они могут вести. Для того и существуют стражи, гарантирующие проходы от посягательства кого попало. Именно поэтому мы наглухо закрыли проход, когда ты осматривала его со своим сыном. Твоему сыну не нужно знать о его свойствах, и ты сама понимаешь причину.

- А как с Женечкой и с Владом?

- Мы позволяем им пользоваться проходом как обычной дверью, когда это необходимо тебе.

- Женечка видит, что это проход, но он прекрасно знает, что без разрешения стража он может и не мечтать им воспользоваться в полной мере.

- Кстати, в его квартире тоже есть проход. Даже целых два. Вот ими он пользуется и очень активно.

- Один проход в его квартире – это входная дверь. Именно потому он всегда всех своих гостей встречает в подъезде и провожает аж на улицу. А второй находится на кухне, куда он вообще никого не пускает.

- У него есть домработница.

Зив и Лоренц демонстративно легли по обе стороны тропинки и посмотрели на Иру, смешно выпучив глаза.

- Ты ее когда-нибудь видела? – спросил Лоренц.

- Нет, но я как-то говорила с ней по телефону.

Зив и Лоренц в неумном веселье катались по траве. А когда успокоились, Лоренц продолжил намурлыкивать свою лекцию.

- Видишь ли, проходы существуют в виде сетей. У каждой сети проходов есть свой страж. Люди никогда не бывают стражами проходов. Одна из причин, я думаю, в том, что они считают это занятие ниже своего достоинства. Но это, конечно, не единственная и не главная причина.

Как бы там ни было, а стражами проходов становятся относительно постоянные осознания, воплощенные в различных животных и растениях, а также так называемые духи, то есть относительно постоянные осознания, воплощающиеся в различные природные и рукотворные стихии: камни, реки, ветры, дома, книги, кастрюли и т. п. – во что угодно, что у людей считается неживым. Их люди называли духами, потому

что они воплощаются по иным законам и совершенно по-иному связаны со своим телом воплощения. К тому же растение или животное обязательно имеет осознание, а стихия может быть как воплощением осознания, так и только лишь частью живого, то есть не являться воплощением осознания.

Страж сети проходов, которой пользуется Женечка почти все две с половиной тысячи лет своего нынешнего существования на Земле, – дух. Вочеловеченные осознания гораздо легче находят общий язык с духами, нежели с животными и растениями. Вот и Женечка нашел. Он всегда сидит только в тех местах, где есть проходы сети этого духа. С последним пристанищем ему особо повезло, так как там целых два прохода.

- Послушайте, но ведь это большой многоквартирный дом, притом построенный...

- Знаем, знаем. Дело в том, что дверь – лишь воплощение прохода. Это отдельная тема, и если она тебе интересна, мы поговорим об этом, но в другой раз. Сейчас нам бы хотелось, чтобы ты узнала более практическую информацию о проходах.

Итак, у каждой сети проходов есть свой страж. Он, в первую очередь, заботится о том, чтоб туда случайно не забредали воплощенные непостоянные осознания – проходы вообще не для них делались. Да и относительно постоянным далеко не всем открываются проходы, а если и открываются, то далеко небезгранично.

Исключение составляют критические ситуации. К примеру, за дамой гонится грабитель. Она забегает в дверь и оказывается в трех кварталах оттуда, он забегает в ту же дверь и тоже оказывается в трех кварталах оттуда, но только в противоположном направлении. В подобных ситуациях, наверное, любой страж откроет проход, тем более что и дама, и грабитель находятся в состоянии стресса и не особо удивятся странности произошедшего, то есть спишут это на пресловутый стресс.

В обычных ситуациях двери проходов редко бывают не на замке, а если и не на замке, так функционируют только как обычные двери. И лишь избранным страж позволяет пользоваться проходом по его прямому назначению. Существует нечто типа содружеств стражей и тогда тот, кому позволено пользоваться одной сетью может также беспрепятственно попадать и в другие. Диапазон перемещений за счет этого невообразимо расширяется. Но даже и одна сеть проходов – это очень неплохо, потому что расположение всех ее входов-выходов никак не связано с законами физической географии. К слову, ехать тебе к Радному необязательно – в нашей сети есть выход в старое и новое здания его мебельной фабрики и в дом, где находится его квартира.

- Что!!!!???

- А ты думаешь, он просто так именно поющий дом купил?

У Иры глаза из орбит вылезли.

- Не пугайся, не думаю, что он сам, сугубо как человек, об этом догадывается, а тем более знает. Нет, он, конечно, знает, но совершенно на другом уровне.

- У меня с Радным связано какое-то очень сильное, но совершенно мне непонятное ощущение.

- Это неудивительно. Он тоже далеко не самое обычное существо. Видишь ли, он...

- Лоренц!

- Ты прав. Извини.

- Понятно. Мне еще рано об этом знать.

- Не в том дело, что рано, Ира. Ну не мы должны тебе об этом рассказывать.

- Ладно. Придушим свое любопытство. А еще лучше – переключим. Вы мне так и не сказали что же там с домработницей Женечки? Или это мне тоже еще знать нельзя?

- Ну-у! Это можно! Нет у него никакой домработницы. А если ты не поленишься и сходишь в салон сотовой связи, то тебе там русским языком объяснят, что и номера такого не существует. С тобой дух игрался.

- Вот что-что, а дух, общающийся по мобильнику, представить себе ну никак не могу.

- Это – проще простого. Элементарная школьная физика за какой-то там класс. Электромагнитные волны, которые духи воспроизводят, как ты мычание коровы или блянные овцы.

- А номер?

- Тебя удивит, если ты дозовишься по этому несуществующему номеру, находясь вне зоны действия всех операторов мобильной связи?

- Удивит.

- Мобильник с собой?

- Да.

- Доставай!

Ира достала.

- Что там с зоной?

- Даже намеков нет.

- Для чистоты эксперимента попробуй кому-нибудь позвонить.

- К чему? Я и так верю.

- А ты попробуй!

Последним номером, с которым зафиксировалось соединение, был Наташкин. Ира набрала его. Естественно, телефон и пытаться искать Наташку не стал.

- А теперь набирай его домработницу. Как ее звать-то, кстати?

- Анастасия Максимовна.

- Набирай...

Ира еще раз глянула на экранчик – сеть, как и следовало ожидать, отсутствовала напрочь. Ира набрала номер. К ее изумлению тут же раздался длинный гудок, который не дозвучал до конца:

- Алло, я Вас слушаю? – сказал немолодой женский голос.

Ира не ожидала такой прыти и растерялась, не успев придумать, что говорить дальше:

- И-извините, Анастасия Максимовна... я, кажется, набрала Ваш номер по ошибке...

- Ничего страшного. Удачи Вам, Ирочка – доброжелательно проговорила «Анастасия Максимовна», и в трубке воцарилась тишина.

Довольные рожицы Зива и Лоренца светились счастьем.

- Ну как? – тоном Багиры из отечественного мультика «Маугли» промурлыкал Лоренц.

- Впечатляет. Особенно собственное воображение, пытающееся воссоздать образ духа с мобильником.

- Ну, как ты сама понимаешь, никакого мобильного у духа нет. Он ему попросту не нужен.

- Слушайте, а сам он позвонить кому-нибудь может?

- Запросто, притом с любого приглянувшегося ему номера, то есть у тебя в момент звонка может высветиться любой номер.

- Как только люди изобрели мобильную связь, у духов появилась новая развлекуха. Когда мобильных было мало, они осторожничали, чтоб не попасться, а сейчас шалят, как хотят и как могут. Истории со странными звонками тонут в гуще телефонных переговоров и не попадают под огласку, а следовательно, люди этого вмешательства не замечают.

- Круто! Интересно, а передаст ли «Анастасия Максимовна» Женечке, что я звонила?

- Обязательно.

- Ма-ма....

- Не переживай! Ты же «Анастасии Максимовне» сказала, что набрала ее номер по ошибке.

- А заодно добавь, что звонила из лощины по дороге на Ажек, и Женечка тогда точно ни о чем не догадается.

Ира рассмеялась.

- Очень смешно, Лоренц!

Около устья Ажечки, несмотря на конец октября и рабочий день недели, отдыхали от прелестей цивилизации несколько компаний.

- Вот и замечательно, – проурчал Зив, – есть хороший повод не полениться и пробраться к водопаду.

Ира, как учили, сделала вид, будто не слышала, что ей сказал ее «песик», хотя в данном случае предосторожность была абсолютно излишней – каждая компания находилась в состоянии тотального сосредоточения на собственных действиях, и никто не обратил никакого внимания на появление особы женского пола в сопровождении кота и собаки. Но зато на обратном пути обратили, да так сильно! да все сразу! А Лоренц с Зивом не преминули воспользоваться возможностью и от души «поиздевались», отпуская в адрес человекообразных столь едкие замечания, что Ире стоило неимоверных усилий держать себя в руках и изображать спокойствие во время удовлетворения любопытства своих собратьев по воплощению.

- Издеваетесь? – спросила Ира, уже на тропе.

- Есть немного, – довольно промурлыкал Лоренц. – Но ты держалась молодцом, а это радует.

Весь обратный путь они шутили и подкалывали друг друга, и лишь уже дома серьезный разговор ненадолго продолжился. Зив и Лоренц инструктировали Иру относительно прохода.

- С сегодняшнего дня, Ира, мы открыли для тебя проход, и пока только из твоего дома в поющий и обратно. То есть, поначалу, тебе ничего особого и делать не придется – просто будешь ходить, как через обычную дверь.

- Я думаю, излишне обращать твое внимание на то, что у твоих хождений не должно быть никаких свидетелей, кроме нас, конечно, – вставил Лоренц.

- А если Влад или Валентиныч, или кто-нибудь из рабочих вдруг воспользуется этой дверью?

- Будь спокойна, они к ней, пока нельзя, вообще подходить и близко не будут, ну если только ты их сама настоятельно не позовешь, – ответил Лоренц. – Видишь ли, мы не только можем открывать и закрывать проходы своей сети, но и отводить от них внимание.

- В смысле отвлекать?

- Нет.

- Отвлекать внимание или переключать его – это значит воздействовать на источник внимания, то есть субъект. А отводить – это значит воздействовать на объект внимания, выводя его из поля действия внимания субъекта. Пример:

Отвлечь внимание или переключить:

Человек ищет ключи. В этот момент падает и разбивается чашка. Человек забывает, что ему нужно найти ключи, и занимается уборкой осколков чашки.

Отвести внимание:

Человек ищет ключи. Они лежат прямо перед ним. Он смотрит на них в упор, но не видит, хотя со зрением у него все в полном порядке.

- Поняла.

- Так вот, – продолжал Зив, – потом, когда немного пообвыкнешься, мы откроем обе двери еще и в их обычном направлении, и тогда тебе придется кое-чему поучиться, чтобы попадать туда, куда тебе нужно. А когда и с этим полностью освоишься, тогда откроем еще один-два выхода, ну а потом – все. Понятно?

- В целом – да.

- А больше пока и не требуется.

- Пока, Ира, относись к наличию прохода как к элементарному удобству и возможности экономить время, – добродушно проурчал Зив.

Глава 24

Разделяй и властвуй

- Доброе утро, Ир! – сказал мобильник голосом Влада. – Надеюсь, не разбудил?

- Разбудил.

- Ой, прости. Мне почему-то показалось, что сегодня ты должна встать очень рано.

- Мне тоже вчера казалось, что я рано проснусь, тем более что и спать улеглась, мягко говоря, не поздно, но, как видишь, заспалась малость, так что спасибо за побудку.

- Ну что, сегодня в бой?

- Да. Сегодня в бой.

- Тогда выезжаю в твоём направлении.

- Давай! Жду.

Ира бодро и легко спрыгнула с постели.

- Доброе утро! – проорчал вошедший Зив.

По телу побежала крупная дрожь.

- По-моему, она считает, что все, произошедшее вчера, ей приснилось, – промурлыкал входящий следом Лоренц.

- Неправда. Просто сейчас мне почему-то не по себе.

- Это нормально, – начал умничать Лоренц. – Сегодня ты собираешься заняться вполне обыденными делами, и твоё рациональное начало вышло наружу во всей красе. Как пить дать с минуты на минуту потребует научно обоснованных объяснений относительно говорящих котов и собак, а также и не укладывающихся в его понимании проходов. Не обращай на его претензии внимания и не поддавайся его скепсису. Оно никогда ничему не поверит, и будет только мучить тебя. Принимай все как есть и игнорируй собственное сопротивление – не подавляй, а просто игнорируй. Этому тебя, как мне кажется, Женечка не учил?

- Этому не учил.

- А мы научим, – с энтузиазмом заявил Лоренц.

- По-моему, уже научили. Вчера, как мне кажется, я только этим и занималась.

- Ну вот! Ещё немного потренируешься, и в привычку войдет, – заключил Зив.

- А Женечка, между прочим, мне рекомендовал не иметь привычек! – весело съязвила Ира.

- А ты знаешь – он прав! Не иметь привычек – это самая замечательная привычка! – подхватил веселый тон Зив.

- «Ощущение полноты и целостности Мироздания и есть преодоление всех преград и избавление от всех привычек, абсолютно от всех, ведь именно привычки – и хорошие, и плохие – парализуют нашу волю», – торжественно процитировал Женечку Лоренц. – Хоть бы думал головой, что мелет!

- Лоренц! Зря ты так! Привычки, сами по себе, действительно парализуют волю. Да всё на свете парализует волю, если ты позволяешь этому управлять тобой! Ира, не слушай его! Видишь ли, в мире либо управляешь ты, то есть используешь свою волю, либо управляют тобой, парализуя твою волю. То, что ты начинаешь делать без участия или с минимальным участием внимания, как говорится автоматически, это – привычка и это удобно. Представь, если б каждое действие требовало твоего внимания? Плохо, когда привычки управляют тобой, но если ты управляешь своими привычками – это очень даже здорово! Обзаведясь привычкой постоянного ощущения полноты и целостности Мироздания, ты в полной мере овладеваешь волей и начинаешь управлять всем в своей жизни и привычками в том числе. Лоренц, ee

Женечка не совсем правильно выразился: нужно не избавиться от привычек, а научиться управлять ими. Просто когда человек, я подчеркиваю ЧЕ-ЛО-ВЕК, начинает управлять своими привычками, у него создается иллюзия, что у него их больше нет – входит в привычку ощущение отсутствия привычек.

- Всё! Сдаюсь! – торжественно промурлыкал Лоренц. – Но Женечку вы меня любить все равно не заставите!

- - -

Встречая Влада, Ира светилась счастьем. Его озадачил ее откровенно радостный вид, поводов к которому даже погода не давала: на улице моросил нудный осенний дождь.

Две чашечки с горячим кофе, источая голубоватую дымку, стояли на столе. Ира с грустью вздохнула – как она вчера выяснила, Зив с Лоренцем тоже значились в списках заядлых кофеманов, но предложить им божественного напитка она сейчас, естественно, никак не могла.

- Не сожалею о невозможном или недопустимом, – прооручал ей Зив.

- И вообще не сожалею, – добавил Лоренц.

- Ира, ты сегодня какая-то странная, – сказал Влад, окинув ее пристальным взглядом.

- Влад, ты при каждой смене моего настроения собрался впасть в панику?

- Нет... Но...

- Так! Влад! Ну неужели не понятно! Я с успехом закончила самый главный этап работы по мебели. Это же офонарительный повод для радости! Кстати! Я вот тебе сейчас тут одну штуку показать хочу...

Ира стремительно вскочила со своего места. Зив и Лоренц, без проблем поняв, что у нее на уме, тут же принялись дружелюбно терзать Влада, не давая ему возможности проследить за перемещениями хозяйки. А Ира тем временем принесла с кухни два «нейтральных» табурета, а из мастерской – «благоприятный» и «неблагоприятный», которые после своих опытов уволокла туда на всякий случай. Она выстроила их перед Владом в определенном порядке. Ира решила провести свой эксперимент в новом варианте. Решила поначалу лишь затем, чтобы переключить внимание Влада, но в процессе подготовки ей и самой стало интересно. Как только она завершила свои манипуляции, Зив и Лоренц «выпустили» Влада «на волю».

- Влад, посмотри на эти табуреты.

- Ну, посмотрел...

- Какой из них тебе больше всех нравится?

- Да все хорошие! Ир, что ты хочешь от меня?

- Хочу, чтобы ты выбрал лучший табурет.

- Ир, но они ведь все одинаковые!

- Хорошо, тогда сядь на любой из них.

- Зачем?

- Влад, я прошу тебя, пожалуйста!

- Ну как хочешь...

Влад поднялся и, не задумываясь, плюхнулся на «благоприятный».

- Замечательно! А теперь встань и отвернись.

Влад послушно поднялся и повернулся к табуретам спиной. Ира поменяла их местами.

- А теперь снова сядь.

Влад было хотел сесть на тот же самый, в смысле на стоявший на том же месте (теперь это был «неблагоприятный»), но «на пол пути» к нему вдруг выпрямился и уверенно сел на тот, что был через один от него («благоприятный»).

- Ну?

- Просто класс! Хотя я иного и не ожидала.

- Что просто класс? Чего ты не ожидала?

- Влад! Не придуривайся! Ты ведь сразу все понял!

- Ир, ничего я не понял!

В его голосе слышалось раздражение.

- Не обращай внимание! Он все еще волнуется из-за того, чего не понимает, то есть из-за твоего не в меру радостного настроения, – прокомментировал Лоренц.

- Влад! Я ж тебе показывала свои предварительные эскизы! Помнишь? Так вот, два из этих табуретов сделаны в соответствии с моей идеей. Точнее – один в полном соответствии, а второй – в соответствии ему обратном.

Искорки интереса засверкали в глазах Влада. Его внимание наконец-то попало в Ирины сети.

- То есть, – продолжала Ира, – два старых табурета – «нейтральные», один новый – «благоприятный», а второй новый – «неблагоприятный».

- Та-ак...

- Так вот, ты оба раза сел на «благоприятный», как, впрочем, уже многие до тебя.

- Значит я не первый?

- О-о! Тебя больше всего интересует именно это? – ехидно улыбаясь, спросила Ира. – Влад, поверь, лишь искреннее расположение к тебе заставило меня сначала проводить эксперименты на других! – Ира рассмеялась. – К тому же они и понятия не имеют, что играли роль подопытных.

Напряжение, наконец, окончательно покинуло Влада.

- Вот, смотри! – продолжала Ира, перевернув табуреты и показывая метки. – Давай еще раз проверим теперь, когда ты еще и в курсе.

- А на себе ты проверяла?

- На себе не получится – я их отличаю без всяких меток.

- Ясно.

Влад со все возрастающим азартом принялся экспериментировать, сам, закрыв глаза, «перемешивая» табуреты. Результат оказался невообразимым: 100% попаданий на «благоприятный».

- Это невероятно! – буквально завелся Влад. – Ирка! Ты ведь сделала самое гениальное открытие всех времен и народов!

- Ну вот! У самого лихорадочный румянец выступил! А то моему состоянию дивился!

- Да, Ир, теперь я тебя понимаю...

- Ну слава богу!
- Это надо отметить! – воскликнул Влад и «улетел» на кухню.
- Ира, а ты очень и очень неплохо действуешь... – начал Зив.
- ...когда не занимаешься составлением списков реального и ирреального, – закончил Лоренц.
- Не забудь сегодня хотя бы раз воспользоваться проходом.
- Хорошо, Зив, обязательно попробую.
- Удаchi. Мы будем дежурить с этой стороны.

В поющем доме Иру и Влада уже поджидал Валентиныч. И не просто поджидал, а уже успел заварить чай. Они втроем уселись за неказистым столом на неказистых лавочках, перенесенных ввиду неуклонно меняющегося времени года в дом. Ира включила ноутбук и открыла файлы с эскизами интерьера. Ей вдруг стало немного не по себе, ведь за все это время она ни разу не вернулась к ним и даже не удосужилась хотя бы тупо просмотреть перед сегодняшним днем. Возникло жгучее желание проверить свои давние идеи и расчеты на предмет соответствия открытым ею не так давно пространственным закономерностям. Но в данный момент, естественно, такая возможность отсутствовала. «Не сожалею о невозможном», – пронеслось в мозгу. Легко сказать! А если это невозможное так необходимо? Конечно, стоило об этом задумываться раньше, но отчего-то она не сделала этого вовремя. Что-то отвело ее внимание от этой необходимости. А раз так случилось, может, это на самом деле не является необходимостью? «Я просто ищу оправдания своему растяпству», – сказала сама себе Ира.

- Ир, ну что там? – спросил Валентиныч с ноткой легкого нетерпения в голосе.

- Сейчас, минутку... Я занималась другой работой и малость подзабыла, что задумывала здесь... Мне нужно освежить в памяти свои идеи...

- Ладно-ладно! Не спеши!

Хоть спеши, хоть не спеши, а то, чем ей давно следовало заняться, сейчас ну никак не сделаешь. «Может, извиниться, отправить всех по домам на неопределенный срок и пересмотреть всё?». Идея была хоть и не самая приятная в своем воплощении, но при этом самая здравая. Ира долго собиралась с духом и, наконец, сказала:

- Валентиныч, Влад, я дико извиняюсь, что заставила вас сегодня ехать сюда под таким дождем, но простите – действительно заматалась и не сделала одной очень важной штуки. В общем, на сегодня вы свободны, а когда приступим – я не знаю... Я позвоню... Извините, ради бога!

- Ничего страшного! – успокаивал ее Валентиныч. – Со всеми бывает! – говорил он в некотором недоумении, так как бывает-то, конечно, со всеми, но вот подобное в его практике общения с Ириной случилось впервые. – Давайте расслабимся, попьем чайку, а уж потом и поедем по домам.

- Да, давайте попьем чайку, а потом вы поедете по домам, а я останусь здесь.

- Как скажешь!

И они еще немного почаяевничали, болтая на отвлеченные темы.

- Позвони, как будешь заканчивать – я за тобой заеду, – сказал Влад на прощанье.

- Хорошо.

Ира проводила их до калитки. Вернувшись, она согрела себе еще чаю и в задумчивости усталилась в монитор ноутбука.

- Ну и что я собираюсь здесь увидеть? – спросила она, в конце концов, сама себя вслух. – Блин! Даже в голову не пришло промерить дом чем-нибудь, кроме рулетки!

И сейчас ничего, кроме рулетки, она с собой не захватила.

- И Влада отпустила... – проговорила она, роясь в рюкзаке в поисках мобильного.

И тут на нее снизошло озарение: «Проход!». Не терзая себя размышлениями по поводу того, почему она и про проход запомнила, Ира с бешено колотящимся сердцем спустилась в цокольный этаж к заветной двери.

Ее, как и обещали, встретили Зив и Лоренц и, не став досаждать поздравлениями с успешной самостоятельной попыткой пользования проходом, проводили на третий этаж, а потом обратно до двери прохода.

Ира перепромерила весь дом снаружи и внутри, занося все данные на листок бумаги. Потом собрала свои пожитки и через проход отправилась к себе домой, к родному компьютеру, в котором находились все файлы, фиксировавшие ход работ. В виртуальное трехмерное изображение Ира внесла все поправки в соответствии с новыми промерами, а потом произвела наложение магических крестов и кругов. Дом имел идеальные изначальные параметры, а ее изменения и дополнения усиливали их. «Почему же он вначале показался мне просто монстром?».

- Ну, Ирочка, скелет тоже не вызывает приятных эмоций! – промурлыкал сидевший рядом Лоренц.

- Это верно... – полумашинально согласилась Ира. – Послушайте! – уже более осознанно обратилась она к Зиву и Лоренцу. – Мне не кажется случайным то, что я напрочь на определенном уровне забыла про дом, но сегодня – вспомнила.

- Конечно, неслучайно! – проурчал Зив. – Твое иррациональное и так все знало наверняка, а потому и не беспокоилось по этому поводу. А вот рациональное, оставленное без внимания по нашему совету, решило таким образом заявить о себе, как бы выказав беспокойство, заботу и желание помочь, но, как и следовало ожидать, лишь внесло ненужную суету, да еще и в не самый подходящий момент. Но это все не так уж важно, а впрочем, совсем неважно – и сам факт, и способ его объяснения.

- А что тогда важно?

- Важно то, – промурлыкал Лоренц, – что поющий дом является воплощением осознания. Он – живой. Сам по себе живой. У него есть собственная воля, и он станет лишь таким, каким желает стать. Своими усилиями ты только помогаешь ему, в большей степени лишь тем, что сокращаешь количество времени на приобретение им желаемой формы воплощения.

- Так значит, делая эскизы, я ничего не придумывала?

- Ну, начнем с того, – продолжал Лоренц, – что придумать вообще ничего невозможно, и ты об этом сама знаешь. Можно лишь подключить сознание, к взаимодействию с определенным участком знания...

- Пойдите! Получается, поющий дом помог мне зацепиться за нужную нить и... и, собственно, это его заслуга?

- Ох, люди-люди! – урчал Зив. – Все бы вам выяснять, где, чья заслуга и раздавать пальмы первенства! Но если уж говорить о заслугах, то его заслуга состоит в том, что он сумел привлечь внимание Радного и направить твое в нужном направлении.

- Если мы сейчас займемся разборкой всех причинно-следственных связей данной ситуации, то погрязнем в этой теме навечно. Дело в том, что изначальной точки не существует в самом принципе. Есть лишь бесконечное множество точек отсчета на бесконечной прямой, уходящей в бесконечность в обе стороны от любой точки отсчета. Однако точка отсчета не может находиться где попало. Она может находиться только на переходе от «вдоха» к «выдоху» или от «выдоха» к «вдоху», – Лоренц выжидающе-многозначительно посмотрел на Иру.

- М-м-м... Что-то со «вдохами-выдохами» не совсем понятно.

- Обычное дыхание – одно из воплощений основы жизни вообще, основы связи и взаимодействия Знания с Сознанием.

- Спасибо, Лоренц, стало гораздо понятнее! – съязвила Ира.

- Не расстраивайся, Ира, постепенно тебе станет ясным очень многое, – Зив положил ей на колени свою голову. – Не терзайся тем, что ты пока не в состоянии понять. Что-то просто на время отбрось, а что-то на время просто прими на веру.

- Перестань беспокоиться! – подхватил Лоренц.

- Просто, порадуйся тому, – продолжал Зив, – что теперь тебе не нужно тратить время на дорогу из дома, в котором ты живешь, в дом, который тебе предстоит довести до совершенства. Просто, порадуйся тому, что теперь ты знаешь, что поющий дом не позволит делать с собой то, что не соответствует твоим и его замыслам, а значит, тебе нет нужды так уж пристально следить за работами, которые в нем вот-вот начнутся, а потом, когда тебе придется уехать, прерывать их. Ведь, во-первых, он сам не позволит сделать что-то не так, а во-вторых, ты, несмотря на расстояние, сможешь бывать в нем регулярно. Почему это так? Какая разница! Главное то, что это так!

- Но ведь интересно!

- И это здорово! Это значить, что для тебя настанет время ответов на вопросы. И ответишь ты на них сама, – глаза Зива светились умиротворением.

- Пока что, с недавних пор, со вчерашнего дня, на мои вопросы отвечаете вы.

- Нет. Мы только подталкиваем тебя к тому, чтобы ты задалась самым важным, – многозначительно промурлыкал Лоренц.

- Каким?

- Как устроен Мир? Но не в смысле жизни на Земле, но и не в смысле абстрактного философствования, – Лоренц загадочно и многозначительно посмотрел на Иру.

- И отвечать на него придется не логическим путем, – добавил Зив.

- Но пока все это неважно, и не нужно об этом беспокоиться. Еще не время, – продолжал философствовать Лоренц.

- Сейчас ты должна делать то, что должна – приводить мебельные разработки в полную боевую готовность и одним глазом приглядывать за поющим домом.

- А значит, на сей момент самое оптимальное – это придумать, как без лишней траты времени выдать распоряжения по дому, чтобы потом со спокойной душой приступить к завершению работы по мебели.

- Значит, все вот так вот просто? – усмехнулась Ира.

- А к чему усложнять? Тебе, к счастью, чуждо многое из человеческого, так и ни к чему обзаводиться ненужными привычками, – проурчал Зив.

День клонился к вечеру, и по всем признакам наступило время «возвращаться» домой. Ира набрала Влада и минут через десять перешла в поющий дом, откуда он ее забрал и вполне естественным путем повез обратно.

- Что там у тебя случилось такого страшного?

- К счастью, ничего. Я давно не видела собственных эскизов и, когда глянула, мне показалось, будто я допустила ряд просчетов, но лишь показалось. Сам понимаешь, лучше лишний раз проверить, чем потом хвататься за голову.

- Согласен.

- Я уже позвонила Валентинычу, так что завтра в девять утра определяем цели и задачи и в бой.

- Я готов – ты знаешь. А у тебя нет желания позвать сегодня Евгения Вениаминовича?

- Сегодня – нет. Да и тебе, не обижайся, сегодня у меня гостить не придется. Кстати, а чего это ты про Женечку вдруг вспомнил?

- Он места себе не находит. Я его таким потерянным еще никогда не видел, даже когда ты пропала, он лучше держался.

- Ну что ж, раз так – завтра устроим вечерние посиделки, но сегодня я буду очень занята.

Во дворе их радостно встретили Зив и Лоренц. Ну совсем обычные пес и кот! У Иры аж холодок по позвоночнику пробежал. Влад, следуя желанию Иры, тут же уехал.

- Ну что, развеялась немного? – спросил Лоренц.

- Фух! – облегченно вздохнула Ира. – Вы меня напугали.

- Мы? Напугали? – выказал искреннее удивление Зив.

- Еще бы! Возвращаюсь домой, а у меня там премиленькие котик с песиком!

- Еще позавчера тебя этот факт ничуть не беспокоил, – заметил Лоренц.

- Знаете, к хорошему быстро привыкаешь.

- Так значит тебе хорошо от общения с нами? – поинтересовался Зив.

- Не просто хорошо! С меня будто бы какой-то невероятный груз сняли или наоборот – добавили то, чего мне катастрофически не хватало.

- То есть, ты обрела нечто до боли свое и теперь испытываешь облегчение?

- Вот именно, Зив.

- Это радует, – промурлыкал Лоренц.

- Так, все это замечательно, но пора приниматься за дело.

- Всё-всё-всё. Более не докучаем, – проурчал, пятясь задом и увлекая за собой Лоренца, Зив.

Работа спорилась, и уже через час был готов четкий план на завтра, а, следовательно, и на ближайшее будущее.

Утром за Ирой заехал Влад. Как и давеча в поющем доме их уже ждал с заваренным чаем Валентиныч. Только теперь, едва включив ноутбук и открыв файлы с эскизами, Ира тут же стала давать четкие инструкции, которые вдобавок подкрепила вытащенными из рюкзака распечатками. «Доклад» занял не более десяти минут, «прения» – минут сорок. И закипела работа. Они всем скопом подъехали к дому Валентиныча, там пересели на грузовую «ГАЗель» и отправились за материалами. Валентиныч с Владом не уставали дивиться Ирине: она четко говорила куда ехать и уверенной походкой подходила сразу к нужному стенду. Создавалось впечатление, словно она все эти две недели не дома за компьютером сидела, а с утра до ночи изучала ассортимент сочинских строительных магазинов. В общем, к четырем вечера они, захватив по дороге пару ребят из бригады Валентиныча, подъехали к поющему дому и занялись разгрузкой. Правда, Иры с ними уже не было. Она отправилась домой пешком после завершения покупок в магазинчиках расположенных вдоль реки Сочи за Краснодарским кольцом.

Ей казалось, что она не идет, а летит. Иру как на крыльях несло уже давно забытое чувство глубокого умиротворения. Да. В ее душе воцарился мир. Мир в смысле отсутствия войны. Рациональное с иррациональным не подружились. Они просто перестали общаться. Конечно, игнорирование друг друга – состояние мира далекое от идеала, но, как говорится, «худой мир лучше доброй войны».

Ну почему так немыслимо сложно постигать – и в теории, и на практике – простые истины! Ну куда проще не обращать внимания на тягостное состояние души, чем копаться в его причинах и все более, как в трясине, увязать в его навязчивой, изматывающей, но лишь кажущейся неотвратимости! А внимание – это действительно великая штука! Разумеется, если можешь управлять им, то есть нацеливать только на то, на что необходимо. Не всегда, правда, удастся точно определить то, чему следует уделить его большую часть, но вот то, чему точно не нужно – овеяно обостренной ясностью. Действительно, зачем тратить внимание, а следом за ним силы и время, на то, что мешает полноте наслаждения жизнью, на то, что в данный момент в самом принципе невозможно или недопустимо!

Вот сегодня, к примеру, рациональное проснулось раньше, чем Ира успела открыть глаза, и тут же настойчиво стало добиваться аудиенции, с намерением высказать, а еще лучше навязать свое компетентное мнение относительно проходов и говорящих животных. И ему не было отказано в приватном общении! Вот только вместо того, чтобы выслушивать его доводы относительно невозможности существования дыр в пространстве и говорящих животных, Ира тут же загрузила его по уши теми проблемами, в которых ему нет равных, в которых иррациональное, считающее нормой прямую зависимость картины Мира от восприятия, полнейший беспомощный профан. И все стало на свои места: богу – богово, кесарю – кесарево, – и все довольны! А главное – состояние полного умиротворения, так давно забытое, а если прислушаться к ощущениям и быть честной с собой, то никогда ранее в такой полноте неиспытанное.

Ира усмехнулась своим мыслям: «Меня хлебом не корми – дай в себе поковыряться!». Как бы там ни было, а ей удалось, пусть даже на время, встать между рациональным и иррациональным в себе и озадачить каждое адекватными проблемами. Пусть даже на время, но у нее появилась, как минимум, передышка, и она поймала ощущение этого состояния, а значит, сможет вернуться в него вновь, если по каким-то причинам нечто выбьет ее из этой колеи. Иру переполняло ликование победы «Я» над двойственностью своего существа. Да, это было ликование победы, но что-то еще примешивалось к нему, нечто окрашивающее ощущения в по-особенному теплые тона. Ира вслушалась в это едва уловимое нечто... Что-то похожее возникало, когда она возвращалась домой после долгой отлучки или когда вновь встречалась после долгой разлуки с кем-то из особо близких. Вслушивание обострило это только что едва уловимое чувство, и на глаза навернулись слезы радости. То ли она куда-то вернулась, то ли кто-то или что-то вернулось к ней – она не могла пока понять. И не стала пытаться. Не стала пытаться, чтоб не спугнуть саму щемяще-умиляющую радость.

Дома ее застала живописнейшая картина: на диване в гостиной восседал Женечка, а у него на коленях изо всех сил ластящийся к нему Лоренц.

- Женечка! – воскликнула Ира в легком радостном удивлении.

- Прошу прощения, госпожа Палладина, за вторжение без приглашения, но дождаться его от Вас, мне показалось нереальным, так что свое внезапное нашествие оправдываю в Ваших глазах сообщением Влада, о том, что именно сегодня Вы намеривались удостоить меня чести посетить Вашу особу.

- Ба! Как церемонно!

Интонации Женечки переполнялись язвительным ядом, но Ира оставила это без внимания и ответила ему с совершенно искренней радостью. Женечка обмяк, пересадил Лоренца со своих колен на диван, поднялся, поспешил, явно чувствуя облегчение, навстречу Ирине и обнял ее со всей доступной ему теплотой.

- Ирка! Извини! Не звонишь, и я почти не вижу тебя, только смутно ощущаю, что у тебя все вроде как в порядке. Но вот в каком? В общем, нервишки шалят.

- Женечка! Я так рада тебя видеть! Сейчас даже собственноручно кофе сварю!

- Как жаль!

- Чего жаль?

- Упущенной возможности.

- В смысле?

- В смысле испить кофея, сотворенного твоей божественной рукой.

- Why? – чтобы более достоверно изобразить удивление Ира перешла на английский, благо на сие изречение ее скромного словарного запаса оказалось вполне достаточно.

- Видишь ли, я его уже сварил, – пояснил Женечка. – Присаживайся, – добавил он и скрылся на кухне.

Ира не имела ничего против, тем более что ноги после многокилометровой прогулки слегка гудели. Она опустилась на диван рядом с особой тщательностью вылизывавшимся Лоренцем.

- Лицемер! – сказала она ему сквозь зубы.

- Это ты мне? – спросил Лоренц, оторвавшись от «наиважнейшего» занятия и бросив на Иру наполненный притворной невинностью короткий взгляд.

- Угу... – хитро скосив глаза, подтвердила она.

- Ну... есть немного... вообще-то, мне просто хотелось сделать тебе что-нибудь приятное.

На этом их обмен любезностями прервался, так как в гостиную возвратился Женечка.

- Как живешь, Палладина? – спросил он, накрыв на стол и усевшись в кресло напротив.

- Знаешь, Жень, замечательно!

И она принялась подробно рассказывать ему про свои практически готовые и требующие теперь лишь чистового оформления мебельные эскизы, а главное про табуреты, естественно, с демонстрацией последних в действии. Рассказала и про проверку «алгеброй гармонии» поющего дома. И все в таких восторженных тонах, что Женечка и не почувствовал, что она из своего наиподробнеего рассказа намеренно изъела целый ряд весьма примечательных обстоятельств, касающихся последних трех дней. Но при этом его что-то терзало:

- Ир, мне как-то странно, что ты ни разу не поинтересовалась тем, каким образом я оказываюсь внутри твоего запертого дома.

- Ты сам приучил меня не проявлять праздного любопытства.

Ира ответила вполне спокойно, но у нее внутри екнуло.

- Не волнуйся. Он ни о чем не догадывается, – промурлыкал Лоренц.

- Он испытывает необъяснимое волнение и пытается его унять, зажав новую тему для разговора взамен исчерпанной, – проорчал Зив.

- Тема проходов его самого особо занимает с момента, как ты поселилась здесь. Его страж не раз пытался с нами договориться, чтобы мы открыли свою сеть для Женечки, но мы против.

- По крайней мере, до того момента, пока ты с ней полностью не освоишься.

- И только при условии, что сеть духа будет открыта для тебя.

- Притом раньше, чем мы откроем свою для Женечки.

- Видишь ли, духам, как и людям, нельзя полностью доверять.

Пока Зив с Лоренцем вещали, Женечка, рассеянно улыбаясь, в задумчивости молчал, видимо пытаясь придумать дальнейшее развитие наобум начатой темы. Ира, вроде как из вежливости выждав (ровно столько, сколько ей понадобилось, чтобы прослушать комментарии Зива с Лоренцем), продолжила:

- К тому же, увидев тебя со стороны, противоположной главному входу, когда мы беседовали с Владом, мне не составило труда догадаться, как ты это делаешь.

Женечка очень заметно весь напрягся. Ира видела, как он всеми силами пытается унять волнение и как плохо это у него получается. По ее телу прокатилась легкая волна торжества. Она еще немного потянула паузу и продолжила:

- В цокольном этаже есть дверь... – начала Ира загадочным тоном и едва начав, сделала многозначительную паузу, не без удовольствия наслаждаясь взволнованным состоянием Женечки. – Такая, самая обычная дверь... – Ира потянула еще одну паузу. Ей показалось, а может, и не показалось, что она слышит, как бьется Женечкино сердце. – Если ты считаешь, что я ни разу не спускалась в цоколь собственного дома, ты глубоко заблуждаешься. Хотя и не очень далек от истины. Если б не Лешка, мне бы и в голову не пришло лазить по подвалу, – Женечка немного перевел дух. – И знаешь, что я там обнаружила? – Женечкино сердце вновь загрохотало на всю гостиную. – Я обнаружила там дверь. Самую обычную дверь, ведущую в сад, – Женечка вроде снова немного успокоился. – И к тому же не одну! – Ире показалось, что Женечка близок к обмороку. Она выдержала паузу и сменила тон с загадочного на веселый. – Но вторая не в счет – ее ни один ключ не отмыкает.

- Я на минутку... – вскочив, проговорил Женечка и, судя по направлению его траектории в пространстве, скрылся в туалетной комнате.

- Даже мне его жаль, – промурлыкал Лоренц.

- Да, Ир, к чему такое изуверство?

- Я мшу.

- Знаешь, месть, вообще-то, – не самое лучшее занятие, но в данном случае тобой нельзя было не восхищаться! – Лоренц с уважением посмотрел на нее.

- Я в курсе, что мстить плохо, – проигнорировала Ира похвалу. – Просто, я не нашла лучшего способа закрыть эту тему.

- Держу пари, что если ты закрыла ее и не навсегда, то о-о-очень надолго.

- Ну, Лоренц, ты же знаешь, что когда-то настанет момент, когда им придется говорить об этом.

- Необязательно. Все зависит от духа. Если не получится взаимного открытия сетей, я не думаю, что у Иры будет необходимость обсуждать с ее любимым Женечкой тему проходов, – Лоренц особо выделил слово «любимым».

- Ох, а любит-то она его как! – весело съязвил Зив.

Тему нежных чувств Иры к Женечке пришлось прервать, так как последний вновь материализовался в гостинной. Ира встала ему навстречу.

- Жень, что с тобой сегодня?

- Не знаю, – буркнул он.

- Может, я заразила тебя своими, не столь отдаленными во времени, терзаниями? Если так, то я знаю прекрасное средство: тебе срочно нужно взяться за какой-нибудь перевод с какого-нибудь особо абра-кадабрового языка. Напряженная работа – лучший проход в умиротворенное состояние духа!

На слове «проход» Женечку передернуло так, что Ире пришлось отступить на шаг.

- Жень, да что с тобой творится!?

К счастью Женечки, ему не пришлось рассказывать, что с ним творится или каким-то образом отверчиваться от вопроса. В этот момент в гостиную влетел радостный Влад и с порога, едва поздоровавшись, начал взалхлеб рассказывать, как они лихо разгрузились и разобрались с покупками.

Буквально следом за Владом пришла Татьяна Николаевна с большим яблочным пирогом, и они все вместе уселись пить чай. И вечер прошел по-будничному мило, если, конечно, не считать колких комментариев к происходящему от Зива и Лоренца. Ребятки забавлялись по полной программе, так что Ире далеко не влегкую удавалось держать собственное внимание в двух направлениях сразу и одновременно внимание других отводить от своего занятия. И все же она справилась, хотя, конечно, ощутимо устала, но ее учителя остались довольны успехами своей ученицы.

Первой общество покинула Татьяна Николаевна. Следом за ней домой засобирался Женечка, но Ира не отпустила его, а выставила Влада. Достаточно вежливо, но при этом несколько беспардонно.

- Ира, по-моему, сегодня в тебе проснулся весь дремавший до поры садизм, – сказал Женечка, убирая со стола. – И, надо заметить, тебе его не занимать.

- Жень, это не садизм. Это безжалостность.

- Безжалостность не должна быть жестокостью.

- Я в курсе. И ни на йоту не отступила от этого принципа, а если тебе что-то там показалось, так это твои, а не мои проблемы.

- Да-а, надо отдать тебе должное – с обаянием у тебя все в порядке.

- Жень, да ты никак, «Силу безмолвия» Карлоса Кастанеды перечитываешь?

- Мне ни к чему перечитывать – я его почти наизусть знаю притом не только на русском.

- Вау! А я и не подозревала! Но мне тоже есть чем похвастаться. Конечно, мои достижения не идут ни в какое сравнение с твоими, и всех произведений Кастанеды я даже близко к тексту не помню, но вот по поводу четырех настроений сталкинга кое-что могу процитировать.

- Валяй!

- Четыре настроения сталкинга – безжалостность, хитрость, терпение и мягкость. Безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость – коварством, терпение – безразличием и мягкость – глупостью. Будь безжалостным, но обаятельным. Будь хитрым, но деликатным. Будь терпеливым, но активным. Будь мягким, но смертельно опасным.

- Вот что тебе действительно с блеском сегодня удалось, так это быть активной, обаятельной и смертельно опасной, правда, без деликатности и мягкости, и с лвиной долей жестокости.

- Ирочка! Ты его победила – он ни словом не обмолвился о коварстве! – победоносно промурлыкал Лоренц.

- Жень, находишься ты в другом настроении, твоя оценка меня оказалась бы совершенно иной.

- Скорее всего... Мир таков, каким мы его воспринимаем... – задумчиво изрек Женечка

- У меня предложение, – Ира улыбнулась ему, – Попытайся воспринять этот мир из положения лежа. Может быть, он изменится?

- Ты знаешь, это хорошее предложение, – сказал Женечка с легкой улыбкой, подхватил Иру на руки и поднялся в спальню.

Часа через полтора, после того как Ира на руках у Женечки покинула гостиную, в дверном проеме темной спальни показалась лохматая голова Зива и тихо проурчала:

- Ира...

Ира аккуратно убрала Женечкину руку со своего плеча и тихонько вышла.

- Вы уверены, что Женечка нас здесь не застукает?

- Уверены, – проурчал Зив.

- Слушайте, а почему он так дергается из-за проходов?

- Он дергается не из-за проходов, а из-за нас, – взял слово Лоренц. – Но при этом, он не знает, что именно из-за нас. Духи, хоть им и нельзя полностью доверять, тем не менее, ребята с принципами. Есть соглашение, в соответствии с которым мы можем сообщать, какого типа существо является стражем той или иной сети, но никогда не раскроем его полностью. Так что твой Женечка знает, что стражем прохода, расположенного у тебя в доме, является животное, но он не знает какое. Скорее всего, он думает, что это гадюка – ну, та черная гадюка. Будет нелишним, если ты поддержишь в нем эту уверенность. Она сможет за себя постоять, да и вряд ли ему удастся до нее добраться, да и делать он этого не станет – предпочтет напрягать духа. Он ведь не в ладах с животными.

- Не знаю, но мне кажется, что в общении с животными у него все в порядке. Вы сами, насколько я заметила, пока не заговорили со мной, очень даже неплохо с ним ладили. Вспомнить хотя бы летний пикник.

- В отношениях-то все в порядке, – задумчиво заурчал Зив. – Он добрый и заботливый. Ира, не в этом дело! Дело в том, что он, как и любой человек, не принимает животных, растений и духов, в расчет. Для него абсолютно все, кто не является людьми, – бесплатное приложение к планете Земля, существующее для удобства его и ему подобных.

- Между прочим, если ты заметила, то в ранг бесплатного приложения он и подавляющее большинство людей возводит.

- Он в меру своих сил, – продолжал Зив, – заботится об этом бесплатном приложении, заботится со всей ответственностью, но...

- Видишь ли, речь идет не о любви к флоре и фауне, и не о природоохранных мерах, хотя это тоже немаловажно и неплохо бы людям задумываться об этом чаще и действовать эффективнее. Сам Женечка много сил отдает заботе об экологии. Но все гораздо серьезнее, чем представляет себе и ваш Гринпис, и Женечка.

- Мне кажется, я подсознательно улавливаю, о чем вы, но это слишком смутное ощущение, чтобы что-нибудь понять.

- Сейчас, мы просто объясняем тебе причину нашего определенного отношения к Женечке и не более того. А понять и не пытайся. Пока не пытайся. Вот когда придет время, тогда и пытаться не понадобится – все само станет ясным и понятным.

- Хорошо. Не настаиваю. И все-таки, почему Женечку так беспокоит тема проходов?

- Воплощенное в человека относительно постоянное осознание, – начал объяснение Зив, – если ему удастся осознать свою суть, рано или поздно селится там, где есть проходы. Притом, как правило, это проходы, стражами которых являются духи. Животные и растения редко открывают свои сети людям и то, как правило, да практически всегда, только по просьбе дружественных духов.

- Женечка, естественно, сразу увидел, что в этом доме есть проход, – продолжил Лоренц. – Но долгое время он не знал, кто является его стражем. И до поры до времени даже не задавался этим вопросом. Ему и в голову не могло прийти, что стражем твоего прохода может оказаться животное. С его точки зрения такое в принципе невозможно.

- Свободы перемещения ему с лихвой хватает, – снова взял слово Зив. – Как ты понимаешь, за две с половиной тысячи лет со многими можно договориться. Так что сеть, которая со временем должна будет оказаться предоставленной тебе, он не особо интересовался. Он и не стал бы ею интересоваться даже тогда, когда ты начала бы ею активно пользоваться.

- Но тут случилось нечто Женечкой непредвиденное и неожиданное. А случилось это совершенно банально и прозаично, по совершенно банальной и прозаичной причине: ему осточертело мотаться к тебе на такси, выслушивая каждый раз брюзжания водителя по поводу разбитой дороги.

- И вот тут-то он и обратился к своему стражу с просьбой открыть для него наш проход. Он считал это плевым делом, так как вся сеть ему совершенно ни к чему. В таких случаях загвоздок, как правило, не

возникает даже между стражами, которые не испытывают друг к другу дружеских чувств. Его страж, естественно, вступил с нами в переговоры, ну а мы, как ты уже знаешь, выставили свои условия.

- Можно один вопрос?

- Хоть тысячу! – промурлыкал Лоренц, вытягиваясь на диване.

- Вы о страже всегда говорите в единственном числе, но ведь вас двое?

- Мы уже очень давно объединили наши сети в одну и контролируем ее напару. Но если быть точным, то дверь в цоколе – относится к моей сети, – проорчал Зив.

- Ясно, – сказал Ира. – Давайте вернемся к Женечке.

- Давайте, – согласился Зив. – Так вот, когда Женечка услышал о том, что страж этого прохода животное, он не поверил своим ушам. А когда узнал о наших условиях, ему и вовсе попало. Он вспомнил о приглашениях, которых к этому моменту было уже два, и ему стало окончательно хреново.

- Теперь он всерьез боится за тебя и еще сильнее боится тебя саму.

- Ох! Как хочется спросить: ну почему? Однако знаю – не скажете.

- Ира, не переживай, твой Женечка хороший, – как бы стараясь подбодрить ее, урчал Зив. – И ты хорошая, и мы хорошие, и тот, кто послал тебе приглашения, тоже хороший. Это люди все разногласия битвой добра со злом объясняют. Воют, как правило, хорошие с хорошими. Вот то, что они воют – это воплощение зла, но не они сами. Сейчас главное пойми, что Женечка тебе не враг и мы тоже. И тебе не нужно выбирать с кем идти по жизни, тем более что у тебя своя дорога. Много в этом огромном Мире невозможно примирить, но это не значит, что война объективно неизбежна. Что бы ни случилось, не давай злу воплощаться и заставлять страдать тебя.

- А других?

- У тебя реально, на всех уровнях реально, есть только ты сама, – ответил ей Зив.

- Разделяй и властвуй! Замечательный лозунг, если понимать его, как: разделяй то, что невозможно примирить и властвуй собой, – посоветовал Лоренц.

- Я, кажется, поняла.

- Что именно? – спросил Зив.

- Сейчас попытаюсь сформулировать... В состоянии войны находятся не люди и другие формы жизни Земли, то есть животные, растения... В состоянии войны их естественные и сверхъестественные сущности.

Неравнозначность воплощений в естественном и сверхъестественном смысле абсолютно различна. То есть, в реальной земной жизни: где червяк, а где президент какой-нибудь державы – между ними пропасть. Но не менее глубокая пропасть может быть между ними и в ирреальном, только вот червяк может оказаться богом, а президент – едва переплетенным на миг сгустком нитей.

Этого и не принимают в расчет люди. Обычные об этом и не подозревают. А такие, как Женечка, сознавая, что это так, тем не менее...

В реальной жизни они вполне могут быть лидерами Greenpeace-а и всеми силами защищать «братьев наших меньших». Но они и в ирреальном продолжают считать их таковыми.

В их понимании «меньшие братья» чересчур зарвались и посягают на положение для них не предусмотренное, по крайней мере, до тех пор, пока они остаются в земном не человеческом воплощении. Такие, как Женечка обожают все многообразие флоры и фауны, пока не видят в представителях не человеческой природы воплощения высших осознаний. Если же это в какой-то момент происходит, то даже безобидную в земной жизни козявку они начинают почитать за опаснейшее существо, посягающее на исключительность их самости. При этом, «исключительность самости» это атрибут человеческого естества, которое бьется не на жизнь, а на смерть с реалиями сверхъестественного.

То есть, реальное видит букашку, ирреальное – бога, они начинают драться, вследствие чего человеческое сознание решает, что сие существо опасно. Верно?

- Почти, – ответил Зив. – «Почти» не потому что ты в чем-то неправа, а потому что это действительно сложно объяснить.

- И лучше бы ты пока не пыталась этого делать – за словами легко потерять нить Истины.

Ира знала, что они правы. Всё, что она тут только что наформулировала, выглядело и для нее самой полнейшим идиотизмом, лишь отдаленно отразившим то, что она действительно поняла.

- Властуй собой, разделяя то, что невозможно примирить, – несколько изменив формулировку, повторил ей Зив. – Это не человеческий принцип. Человеческий разум не допускает, что нечто по сути непримиримое и даже взаимоисключающее может сосуществовать, даже не пытаясь заниматься взаимным уничтожением, и даже не пытаясь вступать в борьбу. Человеческий мир это извечное поле битвы добра со злом. Притом добром объявляется все то, что в данный момент оказывается удобным, полезным, выгодным, а злом – все остальное.

Человеческий герой, сотворив кучу немыслимых гадостей, достает для себе подобных вождеденное благо – и это люди объявляют победой добра. А то, что уничтожение стража, который, естественно, с человеческой точки зрения является воплощением зла, и перемещение «вождеденного блага» с определенного ему Бытием места, рушит гармонию Мироздания, на восстановление которой могут потребоваться тысячелетия – этого люди в расчет не принимают. Они просто сетуют на то, что почему-то лишь в их сказках побеждает добро, а в жизни все происходит с точностью наоборот. «Почему?», я думаю, тебе объяснять не нужно.

Понятия «добро» и «зло» люди используют лишь затем, чтобы оправдывать творение последнего «благими» стремлениями во имя первого, – Зив сделал длинную паузу, после которой добродушно проурчал. – А теперь иди спать. И постарайся не мусолить в мозгах все то, о чем мы сейчас говорили. Тебе есть чем заняться в ближайшее время – вот и занимайся.

Глава 25

Осознание цели

Ира открыла глаза. Прямоугольник окна переливался градиентом глубокого, постепенно светлеющего синего, с одинокой чистой и ослепительно яркой утренней звездой в точке золотого сечения. Рядом крепко, но без следов безмятежности на лице спал Женечка. Волна нежности к нему пронеслась сквозь тело Иры приятной теплой дрожью, и она провела рукой по его волосам. Женечка заспано приоткрыл глаза:

- Уже утро? – спросил он.

- По-моему, да, – тихим грудным бархатным голосом ответила Ира.

- Что собираешься делать сегодня?

- Во-первых, позвонить Генке и похвастаться своими успехами.

- Он что, еще не в курсе?

- Нет. Сама я ему еще не звонила, а ему перед погружением в работу запретила меня доставать.

- Так он, бедный, все еще в неведении мается?

- Ага...

- Ирка, и ты будешь настаивать, что это тоже безжалостность, а не черный садизм!?

Ира тепло улыбнулась, а Женечка сгреб ее в свои объятия.

- Звонить, прям сейчас станешь? – спросил он, так и не дождавшись ответа на вопрос о тонкостях различия безжалостности и садизма.

- Наверное...

Женечка не дал Ире договорить, впившись в ее губы страстным поцелуем. Вихрем нахлынувшего блаженства Иру унесло туда, где нет ни света, ни тьмы, ни шума, ни тишины. «Значит, проверки устраиваем!», – искрясь слегка ехидным жизнерадостным восторгом, влетела мысль. Вслед за ней все заволочло густым золотистым светом, который, рассеиваясь, становился Ириной спальней.

- Ира! – в восклицании Женечки испуг смешался с изумлением.

- Я здесь. Всё в порядке, – переводя дыхание, сказала она и нежно обняла его. – Тебе не стоит больше волноваться за меня. Я никогда не пыталась, как ты говорил, сжить себя со свету. Мне нужно было вспомнить – только и всего.

- Ты о чем?

- Неважно... Не знаю... – Ира одним легким движением спрыгнула с кровати.

Женечка дернулся в ее сторону, но увидев, что она вполне уверенно держится на ногах, отпрянул в состоянии потрясения. Ира, посмеялась над ним, и, накинув халатик, выпорхнула из спальни.

- - -

- Здравствуй Геночка!

- Ирчик! Солнышко! Я тайно влюблен в тебя!

- Ах! – томно ответила Ира в тон его традиционному признанию.

- Ирчик, следуя элементарной логике, я догадываюсь, что в нашем совместном предприятии есть подвижки, так?

- Истинно так!

- И...?

- Все готово! Осталось только состряпать руководство для «главных коней» Радного. Ты скажи, как у вас там дела?

- Тоже неплохо! Оборудование получили, ремонт заканчиваем и со дня на день должны быть готовы все документы.

- И сколько вам еще нужно чтоб начать монтаж?

- Недели две-три.

- Класс! Мне нужно ровно столько же, так что недели через две-три увидимся!

- Ирчик! Если хочешь увидаться, я прям сейчас на самолет и у тебя!

- Так! Не поняла! Я тебе, конечно, всегда рада, но в твоём ответе сквозит явное нежелание, чтобы я приезжала на монтаж. Как это понимать?

- Да приезжай, Ирчик! Только зачем? Неужели думаешь, что Стасовы ребятки без тебя не разберутся!

- Генка! Мы это, кажется, уже обсуждали. Я не понимаю, чем тебе не нравится мое стремление участвовать в монтаже и наладке? Есть у меня подозрение, что это «главные кони» тебя вовсю обрабатывают.

- Ну что ты, Ирчик! Я ж о тебе забочусь. Ну к чему тебе лишний раз мотаться? Ты ж, насколько я знаю, не приезжала сюда, когда твою первую коллекцию запустили?

- Теперь совсем другое дело, Ген. Мне неважно, какой краской вы там стены красили, но вот что касается монтажа, наладки и запуска, мне настоятельно необходимо принимать в этом самое деятельное участие.

- Удивительно, но Стас считает аналогично...

- Ну слава богу! Хотя кто-то здравомыслящий еще остался. Я, Генка, честно говоря, считала, что это как раз ты должен лучше всех понимать, ведь и идея от тебя исходила!

- Ирчик! Не злись на меня! Я ведь помню, как ты со Стасовыми ребятами цапалась, вот и хотел оградить.

- Да-да, конечно! Только кого от кого? Меня от них, или их от меня?

- Ирчик! Не злись!

- Ладно, не суть важно. Ты, главное, не забудь сообщить, на какой день начало монтажа планируется.

- Как скажешь, Ирчик! Ты ведь знаешь, я тайно влюблен в тебя!

На том телефонные переговоры с Генкой и завершились.

- Что ж ты ему про волшебный табурет не рассказала? – спросил сидевший рядом Женечка.

- Да ну его!

- Госпожа Палладина, да Вы, никак, всерьез разозлились!?

- Да нет! Просто Генка – козел!

Женечка рассмеялся:

- Расслабься! Все равно все будет только так, как ты считаешь нужным! А в данный момент, по-моему, ты считаешь нужным, чтобы я испарился.

- Спасибо, Женечка! Хотя ты меня понимаешь!

- Мы, между прочим, тоже понимаем... – уморительно изобразив обиду, промурлыкал Лоренц.

Ира украдкой улыбнулась ему и подмигнула.

- Итак, в бой! – сказала сама себе Ира, усевшись перед компьютером. Работа ей предстояла большая и нудная, а потому чтобы к ней, в конце концов, преступить требовалось некоторое усилие воли. Именно в те несколько минут, понадобившихся Ире для настройки себя любимой на нужную волну, запел мобильник.

- Здравствуйте, Ира, – проговорила трубка голосом Радного. – Мне Геннадий Васильевич сообщил, что у Вас в целом готовы эскизы. Не могли бы Вы прислать их мне для ознакомления. Даю честное слово, что своим «главным коням», – Радный усмехнулся, – я их ни при каких обстоятельствах не покажу.

- Ах, Станислав Андреевич!

- Стас, – перебил ее Радный.

- Извините. Стас. Эскизы я Вам вышлю прямо сейчас, но только Вы их и Генке не показывайте – он наказанный.

- Хорошо, – усмехнулся Радный.

- Ах, Стас! Я бы Вам с таким превеликим удовольствием выслала б по электронке и еще кое-что, если б это было возможно!

- Что именно? – в голосе Радного звучало предвкушение чуда.

- Я тут не утерпела и воплотила в форме простого табурета свои догадки – эффект потрясающий!

И Ира рассказала Радному всю историю с табуретом, точнее, с табуретами.

- Ирина! Эскизы жду с нетерпением!

- Стас, у меня только одна просьба...

- Обещаю – ни одной живой душе не покажу!

- Нет, еще одна.

- Я слушаю...

- Пожалуйста! Очень Вас прошу! Мне действительно необходимо участвовать в монтаже оборудования с самого начала и до конца.

- Об этом не беспокойтесь. Как только определимся, я сразу Вас извещу к какому дню нужно приехать. Вы же знаете, что я прислушиваюсь к доводам своего персонала лишь затем, чтобы принять правильное решение.

- Спасибо.

- До свидания. Уверен – до скорого.

- До свидания, – попрощалась Ира с тишиной мобильного.

Две недели пролетели словно один день. За это время Ира всего два раза съездила с Владом к поющему дому, но каждый вечер, когда рабочая бригада покидала объект, она навещалась туда через проход. Влад не уставал удивляться тому, как Ира, созваниваясь каждый день с Валентинычем, умудряется давать столь точные указания, зная лишь с его, Влада, слов, что там происходит. Женечку вздернули восторги Влада, но Ире удалось слегка успокоить его брошенной невзначай ссылкой на свой богатый опыт работы с Валентинычем. На удивление Ире, Женечка поверил безоговорочно.

- Ему очень хочется верить в это – вот и верит, – прокомментировал реакцию Женечки Зив во время, ставших традиционными, вечерних посиделок Иры, Влада, Женечки и Татьяны Николаевны.

Ира не противилась подобному времяпровождению в конце дня, так как ее нынешняя деятельность не требовала отдачи целиком и полностью. Правда, оставаться до утра ни Женечке, ни Владу не позволяла.

К концу первой недели позвонил Радный и сообщил, что забронировал Ире билет на поезд на четырнадцатое ноября и что монтаж начнется в понедельник семнадцатого, то есть у нее по приезду будет еще целый день для отдыха с дороги.

Итак, четырнадцатого – в путь! Значит, Генкины две-три недели стали все-таки тремя. Ира свою работу выполнила за две, и у нее до отъезда осталось целых семь дней абсолютно свободного времени. Зив и Лоренц предложили ей не распространяться об этом факте, а так кстати выпавшее свободное время посвятить освоению пользования проходами. Ира согласилась.

- Сети проходов – это не детская игрушка, – начал лекцию Лоренц. – Потому они столь тщательно и охраняются от случайного проникновения. Если случается так, а случается так очень часто, что на месте щели прохода люди делают дверь, стражу приходится открывать его в обычном пространственном направлении.

- А если не делают? Что представляет собой проход? – спросила Ира.

- Щель в пространстве. Если она открыта, то любое существо может провалиться в нее, – ответил Зив.

- А если тот проход, на месте которого сделали дверь, закрыть полностью?

- Эта дверь окажется на замке, который не открывает ни один ключ – с этим ты уже знакома.

- Стражи не только открывают и закрывают проходы, – снова взял слово Лоренц, – они еще могут отводить от них внимание. Если б тебе пришлось пользоваться проходом в моменты, когда в поющем доме находились рабочие, нам пришлось бы отводить их внимание от той двери. В будущем ты сама сможешь отводить внимание от проходов.

- А еще, проводить вместе с собой тех, кого нужно, а для тех, кому ненужно, закрывать сеть полностью или отдельные ее направления, – проурчал Зив.

- А когда ты научишься видеть щели, то в критических ситуациях сможешь обращаться за помощью к другим стражам, с просьбой открыть тебе проход в каком-нибудь направлении, – промурлыкал Лоренц.

- Но для начала тебе необходимо научиться выбирать направление, – проурчал Зив.

- Сейчас мы тебе расскажем теорию этого процесса. Когда поющий дом все покинут, попробуешь выбирать направление и по собственной воле выходить из двери в цоколе либо в свой сад, либо в поющий дом; из поющего дома либо в свой дом, либо в сад, а из сада, соответственно, в поющий дом или в свой, – промурлыкал Лоренц.

- Но дверь в поющем доме тоже ведет в сад, в сад около того дома, – уточнила Ира.

- О-о! Это будет уже третье направление. Я думаю, пока с тебя хватит и двух, – промурлыкал Лоренц. – Итак, – продолжил он, – чтобы попасть через проход туда, куда тебе нужно, а не куда-нибудь вообще, ты должна четко осознавать то, куда тебе нужно. И четко осознавать, это не значит громко и четко произнести название места назначения, тем более что иногда с помощью проходов приходится попадать в очень определенные места, названия которых тебе неизвестны. И даже четко представить себе в воображении место назначения, это не совсем то, тем более что иногда с помощью проходов требуется попадать в очень определенные места, которых ты ни разу в своей жизни не видела. Четко осознавать то, куда тебе нужно – это нечто необъяснимое и неуловимое, и невозможно в понятиях земного реального, земного естественного дать четкое определение этому состоянию, а также четкие инструкции относительно того, как в него войти.

- Но все это непонятно и туманно лишь в самом начале, пока ты не поймашь это ощущение, – пояснил Зив.

- Что-то типа «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»? – спросила Ира.

- Совсем не так! – возразил Зив. – А вот примерно как: пройди туда, знаешь куда, но пройди так, не знаю как. Не переживай! Именно для того, чтобы ты натренировала свои ощущения мы и открываем тебе всего два знакомых направления, чтобы ты не заблудилась.

- Между прочим, – заметил Лоренц, – духи себя не обременяют обучением клиентов. Твой Женечка не один десяток лет плутал в сети проходов, прежде чем допёр, как же все-таки оказываться не там, куда вывело, а там, где нужно.

- Итак, – перехватил инициативу главного докладчика Зив, – четко осознавать то, куда тебе нужно попасть, это не значит громко и внятно назвать или во всех подробностях представить в своем воображении место назначения. Однако именно так в человеческом понимании и осознают в принципе. Но, осознавая только так, в нужное место можно попасть лишь случайно, а не потому, что ты так решила. И всё же, начиная будем с этого, потому что упорные тренировки с громким и внятным называнием места назначения и подкрепление этого подробным его представлением в воображении постепенно призывают нужное состояние. Главное, это особенное состояние распознать и поймать, а потом научиться генерировать, и вот в этом во всем тебе уже никто помочь не сможет. Но пока до этого дойдет дело, вот тебе первое практическое задание: придумай четкие, ясные и короткие названия трем объектам двух направлений и создай мысленный подробный образ каждого. Задача ясна?

- Вполне!

- Тогда отправляйся в какое-нибудь спокойное место и приступай! А мы встанем на страже твоего уединения, – проурчал Зив.

С первым практическим заданием Ира справилась легко. Единственное, ей пришлось спуститься в сад, чтобы иметь четкое представление о том месте, куда выводит дверь из цоколя. Не прошло и часа, как они вновь сидели втроем в гостиной.

- Ира, если тебе удастся, – проорчал Зив, – а тебе рано или поздно обязательно удастся, поймать нужное ощущение точного направления, оно поможет тебе не только в пользовании сетью проходов.

- Четкое осознание цели, – подхватил Лоренц, – это и гарантия верного пути сквозь обстоятельства.

- Все постоянно перемещаются по жизни во всех ее измерениях, но подавляющая часть существ – спонтанно и хаотично, попадая туда, куда выведет, а не туда куда надо, даже если думают, что знают, куда надо, – продолжил Зив.

- Ты, конечно, догадываешься, что большинство и об этом отчетливого представления не имеют, – заметил Лоренц. – Каждому существу на Земле дарована свобода, но далеко не каждый владеет волей, чтобы воспользоваться этим даром. Суть свободы в возможности выбора. Выбор делается постоянно, либо самим осознанием, если оно владеет своей волей, а в противном случае – окружающими его другими осознаниями и безличными силами. Подавляющее большинство людей, да и не только людей, считают, будто делают выбор, скажем, на бытовом уровне. К примеру, что купить – риса или гречки, какую телевизионную программу смотреть, куда поехать отдыхать. Такой выбор они делают исходя из определенных критериев: дешевле, полезней, легче, проще, целесообразнее, выгоднее, оптимальнее и тому подобное. И раз за разом натываются на то, что выбранное ими, оказывается, по каким-то причинам, невозможным – доступ как бы перекрывается рядом обстоятельств. И тут, как правило, звучит формулировка: человек предполагает, а бог располагает. Приходилось с подобным сталкиваться?

- На каждом шагу! – ответила Ира.

- Вот! – удовлетворенно промурлыкал Лоренц. – А дело в том, что «делая выбор» опираясь на логику, на критерии, перечисленные выше, человек не задействует свою волю и само право этого выбора представляет обстоятельствам. Поскольку любой выбор есть решение, за которое нужно нести ответственность, то, принимая его возможность на себя, обстоятельства действуют в соответствии с той ответственностью, которая на них возлагается. Казалось бы, они должны заботиться о человеке, и зачастую так и происходит. Сколько раз именно обстоятельства спасали бедолаг, даже если те об этом так и не догадались. Но, по большому счету, обстоятельствам нет дела до удобства и благополучия человека. Они воспринимают мир куда шире.

- Но это все мелкие частности, распутать все причинно-следственные связи которых, даже самого, на первый взгляд, незначительного выбора, не хватит столетий работы всех человеческих научно-исследовательских институтов. И дело не в этих мелочах – на самом деле мелочах – хотя именно из них и сплетается судьба. Дело в том, что ни одно осознание, за

редким исключением, не пользуется возможностью сделать главный, основополагающий выбор... – Зив сделал многозначительную паузу и еще многозначительнее посмотрел на Иру.

- Какой? – поинтересовалась она.

- Некоторые особо продвинутые осознания задаются вопросом: «В чем мое предназначение?»... – довольно промурлыкал Лоренц и тоже сделал многозначительную паузу.

- Видимо, я – «особо продвинутое осознание». Я со всей ответственностью задаюсь этим вопросом.

- Вот! – довольно гавкнул Зив. – Даже ты не сделала главного выбора, по крайней мере, получив человеческое воплощение.

- Ирочка, не волнуйся, – сладко промурлыкал Лоренц, – уж ты-то главный выбор сделала. Только сделала ты его еще до воплощения в человека, до своего рождения на Земле, а теперь лишь пытаешься осознать и вспомнить.

- Может быть все-таки: вспомнить и осознать? – спросила Ира.

- Нет. Именно осознать, а уж затем вспомнить, – пояснил Лоренц. – Теоретически, любое осознание – и непостоянное, и относительно постоянное, и постоянное – может выбрать себе предназначение, но на практике лишь некоторые относительно постоянные и постоянные делают это. А все остальные, почти все за редчайшим исключением, довольствуются выбором, сделанным за них. А потому и все последующие, менее глобальные выборы, осуществляются с минимальным участием даже сильной воли. Потому и получается, что «человек предполагает, а бог располагает».

- С одной стороны ситуация представляется безвыходной, ведь даже если осознание и осознает, что у него есть эта самая свобода выбора предназначения, пока это произойдет – выбор уже оказывается сделанным, сделанным за него, иными силами. А сделанный какой бы то ни было волей выбор отменить невозможно. Навязанное предназначение диктует ассортимент к последующим менее глобальным выборам.

Человек – в частности человек – начинает при их осуществлении, вместо того чтобы применить волю, руководствоваться так называемым здравым смыслом, то есть критериями выгоды, целесообразности, оптимальности и т. п. И всё! Он оказывается во власти обстоятельств, перекладывая всю ответственность и сам выбор на них. А сам лишь сетует на несправедливость судьбы. Почему? Да потому что, выбирая, человек, во-первых, не берет на себя ответственность, а во-вторых, здравый смысл, учитывающий параметры выгоды, целесообразности и оптимальности, оказывается плохим советчиком, зачастую предлагая, как идеальный вариант, то, что идет вразрез с целями и задачами предназначения. Вот обстоятельства и начинают выправлять ситуацию. Это, конечно, только поверхностный взгляд, все гораздо сложнее и запутаннее, но это занятное уравнение с бесчисленным количеством неизвестных и вводных не стоит детального рассмотрения.

- Гораздо важнее другое! – взял слово Лоренц. – На практике ни одно существо, в том числе и человек, которого, как ты заметила, мы сейчас в большей степени и имеем в виду, хотя все то же самое имеет место и

у других существ, но раз ты на данный момент человек – то будем говорить о людях... Так вот, на практике ни один человек, за редчайшим исключением, не делает главного выбора – не выбирает себе предназначение. На первый взгляд это кажется и невозможным, раз выбор уже сделан, и отменить его нельзя. Но... И это очень важное «НО»! – Лоренц предельно многозначительно посмотрел на Иру. – Как ты уже знаешь, изначальной точки не существует – есть только бесконечное множество точек отсчета. Располагаются они в паузах между вдохом и выдохом Мира. Но далеко не каждая точка в такой паузе и далеко не для каждого может стать точкой отсчета. При этом каждая точка, которая все-таки стала точкой отсчета для чего-нибудь, имеет разную силу. К примеру: в таком-то году, в такой-то день мальчик Ваня научился завязывать шнурки, а в таком-то году, в такой-то день этот же мальчик Ваня женился на девочке Маше.

При этом существуют точки отсчета просто катастрофической мощности. Это как бы форс-мажорные точки, в которых теряют силу все прошлые договоры и обязательства. В такой точке все осуществленные в прошлом выборы, как сделанные с помощью своей воли, так и воли иного происхождения, можно в прошлом и оставить. И если, попадая в эту точку, ты, без сожалений оставляешь в прошлом абсолютно все, то можешь сделать главный выбор – выбрать предназначение.

Затем требуется выбрать мировоззрение. Предназначение – это «ЧТО». Мировоззрение – «КАК». Выбор мировоззрения не менее важен, но осуществляется он только после выбора предназначения. Для осуществления такого выбора нужна воля невиданной мощности, и если ты смогла сделать этот выбор только с помощью собственной воли, то все последующие выборы, как ты понимаешь, оказываются predeterminedенными ею, а обстоятельства – подчиненными ей.

- До следующей форс-мажорной точки... – подхватил Зив. – Там тебя может ждать другое предназначение, и, если твоя воля ослабла, выбранное для тебя за тебя.

- У подавляющего большинства людей, и не только людей, естественно, форс-мажорных точек такой силы, когда могут быть отменены абсолютно все прошлые договоры и обязательства, всего две: рождение и смерть. Но если у тебя сильная воля, то ты любую точку отсчета можешь превратить в форс-мажорную. Правда, тебе придется пережить нечто сопоставимое с рождением или смертью.

- Нечто подобное уже проходили, – усмехнулась Ира, – но сейчас мне вот что интересно: разве нельзя выбирать предназначение на основе мировоззрения?

- Нет, – исключая возражения, заявил Лоренц. – Если перед выбором предназначения у тебя уже есть мировоззрение, то это значит, что оно осталось от прошлого, а следовательно, ты не можешь выбрать новое предназначение.

- Но если прошлое мировоззрение хорошее, почему бы его не сохранить? – не унималась Ира.

- Если ты хоть что-нибудь берешь из прошлого, то это значит, что ты берешь прошлое предназначение, – пояснил Зив. – Чтобы получить возможность выбора нового предназначения нужно в прошлом оставить абсолютно все. Кстати, это действует и тогда, когда выбор осуществляется без твоего участия.

- Получается, что в такой форс-мажорной точке я могу, как выбрать новое предназначение, так и оставить старое?

- Да. Именно так, – подтвердил Зив. – Подавляющее большинство и оставляют себе старое – люди называют это кармой. Видишь ли, для того, чтобы получить право выбрать новое предназначение или даже сменить его по иной воле, нужно абсолютно все оставить в прошлом, а осознания, наоборот, с силой за все это цепляются, и особенно в моменты глобальных потрясений, то есть в форс-мажорных точках.

- Так вот, – прервал лирическое отступление Лоренц, – человек, и, естественно, не только человек, с помощью своей воли может любую точку пространственно-временного событийного ряда, которая потенциально может стать точкой отсчета, сделать таковой и усилить до состояния форс-мажорной. А затем оставить в прошлом абсолютно все и выбрать новое предназначение. Но такое, теоретически возможное для всех и каждого, происходит крайне редко, и по вертикали и по горизонтали Бытия. Почему? Конечно, в первую очередь из-за катастрофически слабой воли, но не только.

Дело в том, что очень мало кто умеет четко осознавать цель. Пользование сетью проходов помогает научиться этому. Конечно, безошибочное попадание в любую заданную точку пространства с помощью прохода, ни в какое сравнение не идет с глобальностью осознания цели предназначения. Но для людей, привыкших постоянно заниматься вербализацией и уверенно считать, что это и есть мышление, что словесная формулировка планов чуть ли не главнейший этап на пути их воплощения, так вот для вас, для людей, освоение перемещения с помощью проходов помогает поймать ощущение истинного осознания цели.

- На самом деле, вербализация в самом начале истории человечества была очень полезной штукой, – добродушно проурчал Зив. – Слова служили не для общения, а для концентрации и направления энергии. Тогда сказать означало сделать. То есть каждое слово являлось заклинанием. Но человек есть человек. Что ни дай в руки – все оплошлит и испоганит. В общем, ныне почти не осталось тех, чьи слова являются чем-то стоящим, а не пустым набором абстрактных символов из звуков.

- И с чего люди решили, что они самые умные создания на Земле!? – очень эмоционально воскликнула Ира.

- А с того, что ваши тела наделены самым мощным мозгом, – обыденно объяснил Зив. – И это действительно так. И если критерием умности считать мощность мозга, то получается, что люди действительно самые умные существа на земле. Только вот мозг дан и нам, и вам для того, чтобы управлять своим земным воплощением, а люди с его помощью пытаются управлять миром. Ну не мозгом мы все думаем? Ваш мозг за-

нимается помимо других функций еще и вербализацией, но вербализация – это не думание, это всего-навсего вербализация, а поскольку происходит она в мозгу, вам и кажется, что вы именно им и думаете.

Ира погрузилась в размышления. Зив с Лоренцем не перебивали.

- Послушайте, – наконец сказала она, – получается, что... вот, к примеру, зрение: глаза со всеми своими хрусталиками, колбочками и сетчатками воспринимают световые волны и по нервным окончаниям передают информацию в мозг, которую тот преобразует в зрительный образ. По такому же принципу от... не знаю от чего... в общем, в мозг от чего-то эдакого по нервным окончаниям поступает информация, в данном случае мысли, которые мозг преобразует в вербальные символы?

- Абсолютно верно! – радостно прогавкал Зив.

- Стоп! – мурлыкнул Лоренц. – По-моему сейчас самое время завязывать с прениями и заняться делом.

В течение получаса до традиционных посиделок с Женечкой, Владом и Татьяной Николаевной, из Ириных выкриков и напряженных представлений в воображении мест назначения ровным счетом ничего не вышло. Несколько раз она, правда, оказалась там, где собиралась, но и сама понимала, что это совпадения чистейшей воды.

За чаем с пирогом и Женечка, и Влад, и Татьяна Николаевна отметили, что Ира за сегодня устала больше обычного, и не стали докучать ей своим обществом. Ира вела себя настолько убедительно, что даже Зив с Лоренцем решили отложить тренировки до завтрашнего дня, но не тут-то было! Стоило гостям испариться, как она, как ни в чем не бывало, потребовала продолжения занятий.

Тренировка окончилась лишь утром, когда Ира чудом не столкнулась с Валентинычем нос к носу. Она, естественно, не столкнулась бы в любом случае – Зив с Лоренцем не допустили бы спуска кого бы то ни было в цоколь – но переходить в свою обитель ей пришлось без выкриков, ограничившись только зрительным образом. К удовольствию Зива и Лоренца в последние пару часов Ира безошибочно попадала куда собиралась, но у нее самой данный факт удовлетворения не вызвал, так как она сама, не улавливая в себе никаких сколь либо необычных ощущений, не понимала, за счет чего это происходит.

- А с чего ты решила, что ощущения обязательно должны быть необычными? – спросил ее Лоренц. – Ты за свою жизнь не раз испытывала их, в ситуациях близких к экстремальным, когда от неопределенного достижения цели в прямом или переносном смысле зависит жизнь. Кстати, и не только ты.

Ира мысленно вспомнила последние свои перемещения и попыталась поймать хотя бы привкус того, о чем говорил Лоренц. В какой-то момент ей показалось, что она нащупывает нечто едва уловимое, но чтобы полностью осознать, что это, воспоминаний оказалось мало.

- Не мучайся! – пооручал Зив. – Ложись спать, а вечером продолжим.

Вечером Ира снова поиграла в смертельно уставшую и снова без лишних проблем высвободилась из цепких лап «души в ней не чающего!» общества. Первые попытки ничем не отличались от первых попыток вчерашнего вечера. Но вскоре точность попаданий достигла стопроцентной отметки, и Ира с удвоенной силой попыталась вслушиваться в ощущения и тут же, вместо намеченного собственного сада, из собственного дома попала в дом поющий.

- Так дело не пойдет, – важно промурлыкал Лоренц. – Делать следует что-то одно, в данном случае намериваться попасть в строго определенное место, а ощущения свои ловить лишь самым краешком сознания, но очень цепко.

- Вспомни, как ты слушаешь нас, когда у тебя полный дом гостей!

- Вот именно! Даже твой Женечка, не говоря уже о Владе и Татьяне Николаевне, даже не подозревает, что ты помимо вашей светской беседы прислушиваешься к нашим комментариям, притом фиксируя на них очень даже цепкое внимание. Так и твоё намерение попасть в строго определенное место не должно догадываться о том, что ты ловишь ощущение, благодаря которому это у тебя получается.

Ира усмехнулась, поняв, что они имеют в виду, и тренировка продолжилась. Часам к трем ночи она, не заметив, когда и как, перестала орать «на всю Ивановскую» название места назначения, а к полчетвертому Лоренц предложил Зиву:

- Может, еще и сад у поющего дома откроем?

- Давай попробуем, – согласился Зив.

Ира без проблем справилась с добавлением четвертого пункта назначения и, лишь когда стало светать, к собственному удивлению поняла, что никогда раньше не видела сад Радного с этой точки, да и зрительные образы первых трех с некоторых пор перестала представлять в воображении.

- - -

Следующий вечер прошел по уже отработанной схеме. И когда Ира, как говорится, без раскачки в легкую свершила все возможные перемещения между четырьмя точками, Зив и Лоренц решили добавить пятую.

- А вот теперь в полном смысле: «пойди туда, не знаю куда», – проурчал Зив.

- Это что-то вроде экзамена. Тебе нужно попасть в место, которого ты никогда не видела, понятия не имеешь, где оно находится по законам географии, и не знаешь, как оно называется. И мне кажется, Зив, можно усложнить задачу, – они многозначительно переглянулись, после чего Лоренц продолжил. – Это вход в подвал многоквартирного дома. Мы для тебя открыли его как вход в подвал, так и как выход из подвала. Сейчас сделаешь вот такой маршрут: отсюда выйдешь в сад поющего дома, оттуда в сад своего дома, потом войдешь в неизвестный пока тебе подвал, из подвала зайдешь в поющий дом, а из поющего дома вернешься сюда.

Ира прошла весь путь с блеском.

- Молодец! – промявкали-прогавкали ее четвероногие учителя, и предложили следующий маршрут: войти в поющий дом, оттуда в свой сад, а из своего сада выйти из подвала неизвестной многоэтажки, откуда потом вернуться к себе домой.

Все шло без сучка и задоринки, пока Ира не вышла из подвала. Вот тут она испытала настоящий шок: подвал оказался подвалом дома, в котором она провела годы своей поначалу счастливой супружеской жизни. Шок Ира испытала не от моментального перемещения в весьма отдаленный город – к этому она была морально готова. И не от нахлынувшей ностальгии по ушедшим годам юности – подобного чувства она не испытывала.

Шок вызвало осознание, что ее скромная персона задолго до того, как она это обнаружила, находилась в центре внимания. Вообще-то, то, что это именно так, она поняла хоть и не так давно, но и относительно не недавно, но вот что до такой степени – это оказалось для нее открытием. С осознанием тайного присутствия в ее жизни Женечки задолго до их «официального» знакомства и явного присутствия, но с неизвестными ей до поры целями, Генки в годы ее учебы и супружества, она уже свылась. Но, оказывается, она уже тогда находилась и под пристальным вниманием представителей земной фауны. А возможно, что и гораздо раньше тоже. «Может быть, кто-нибудь еще так же живо интересуется моим существованием?», – тут же возник вопрос.

На счастье сигареты оказались с собой. Ира села на лавочку у подъезда и закурила. Из подъезда вышел горбленый седой как лунь старик:

- Девушка, не угостите сигареткой?

- Да, пожалуйста... – не поднимая глаз, машинально протянула она ему открытую пачку.

- Ира!?

Ира подняла глаза.

- О боже! – вырвалось у нее. Ира узнала в трясущемся старце своего бывшего мужа. – Важин! Ты на кого похож!?

- А ты совсем не изменилась... – в его голосе звучала бывшая нежность. – Как ты? Чем занимаешься?

- Я – нормально. Занимаюсь проектированием мебели.

- Неудивительно... Соруков несколько раз уговаривал меня отдать тебя к нему на факультет. Говорил, что ни один из его студентов тебе в подметки не годится... Как успехи-то на новом поприще?

- Не жалуюсь.

От Важина несло застарелым перегаром. Иру передернуло от омерзения, и она брезгливо отодвинулась от него.

- Пойдем, поднимемся, – предложил Важин.

- Нет. Я здесь почти что случайно и в гости к тебе не собиралась. Иди спать.

- Ирочка! Я столько лет тебя не видел!

- Считай, что и сейчас я тебе лишь померещилась. Эдакий вариант зеленого чертика.

- Ира! Прошу! Не надо! Я так много понял за эти годы! Да. Я пью. Я – алкоголик. Но я уже давно не виню тебя в том, что со мной случилось.

- А что с тобой случилось, Важин!? Что с тобой случилось такого, в чем ты мог бы винить меня!?

- Ты оказалась талантливей, чем я.

- Талантливей!? Извини, может скажешь на сколько метров, граммов или джоулей!? А может ампер, молей или мегабайт!? Что значит талантливей!? На самом деле, ты искал оправдание расцветающей любви к зеленому змию, а тут так кстати подвернулась делающая успехи юная жена.

- Нет, Ира, я запил оттого, что понял: я рядом с тобой ничто.

- Да нет, Витенька, задолго до того как чудо Важин сменился на чудо Палладину, ты, торжественно обмакнув в краску кисть, прежде чем сделать мазок, вливал в себя грамм пятьдесят водки и таким образом предварял каждое движение – забыл? Алкоголизм, Витенька, в данном случае не следствие, а причина.

Важин уронил голову и закрыл лицо руками:

- Наверное, ты права...

- Не «наверное», а абсолютно точно.

- Но если бы ты не бросила меня, если б как-то поддержала!

- Как!? Если все мои попытки остановить тебя заканчивались летающей мебелью и моим бегством с Лешкой на руках ночевать к друзьям.

- Прости меня! – Важин зарыдал. – Как там наш сыночек? – спросил он сквозь слезы.

- Наш сыночек учится в Гарвардском университете. Могу дать номер его телефона и e-mail.

- Наверное, ни к чему... он ведь, наверное, и не помнит меня...

- Да нет! Наверное, у тебя просто нет телефона, компьютера и, соответственно, выхода в интернет.

Важин затрясся в рыданиях с новой силой.

- Витя! Иди спать! – жестко сказала Ира, поднялась с лавочки и пошла в сторону бульвара.

- Ира! – в отчаянии окликнул ее Важин. Ира обернулась. – Ирочка! Родненькая! У тебя не найдется полтинничка или хотя бы рублей тридцать?

Ира, понимая, что единственный способ отвязаться от него, это дать денег на бутылку, пошарила в карманах джинсов. На ее счастье там завалылась пятачок. Она протянула купюру Важину, у которого при виде столь огромной, по его меркам, суммы перехватило дыхание и руки затряслись с удвоенной силой.

- Ирочка! Я сейчас мигом сбегаю и сдачу всю до копеечки принесу!

- Не надо, Важин! Сделай милость – уберись с глаз долой!

- Я сейчас, Ирочка! Я мигом!

Десяти-пятнадцати минут, которые займет у Витки поход в магазин, Ире явно не хватало для удовлетворения жгучего желания вернуться к своим размышлениям по поводу эксклюзивности собственной персоны в глазах целого ряда примечательных существ. Она просто спокойно выкурила еще одну сигарету и уверенно направилась к двери в подвал, открыла ее и вошла в цоколь своего дома.

- Bravo! – скандировали Зив с Лоренцем.

Ира не совсем понимала их столь бурную радость, но оказалось, что она, сама того не подозревая, только что с блеском сдала очень сложный экзамен.

- Видишь ли, – стал объяснять Лоренц, – когда ты сосредоточена на перемещении через проходы, это одно, а вот когда твое внимание отвлекает нечто сопряженное с сильными эмоциями, то благополучно воспользоваться проходом в нужном направлении не так-то просто поначалу. Раз у тебя получилось – это значит, что необходимый навык можно считать выработанным.

- Мы специально подгадали время и подтолкнули твоего бывшего муженька выйти из дому, чтоб создать необходимый эффект, – гордо проорчал Зив.

- Могли и не напрягаться, – язвительно заметила Ира. – Мой бывший муженек даже немного успокоил меня, так сказать, отвлек от гораздо более сильных эмоций.

- И от каких это? – столь же язвительно спросил Лоренц.

- Знаете, не самое приятное ощущение осознать, что вся твоя жизнь постоянно находилась под неусыпным контролем определенных личностей.

- Ирочка! Если ты не забыла, то квартирой в доме, где есть наш проход, вы с Важиным обзавелись сугубо по твоей инициативе! – хитро прищуриваясь, напомнил ей Лоренц.

Как ни крути, но он верно это подметил. Через пару лет замужества стараниями Иры скопилась некоторая сумма, позволившая Важиновскую комнату в коммуналке поменять на отдельную жилплощадь. Из нескольких вариантов Ира без каких-либо объективных причин предпочла именно этот.

- Ира, если б не твое собственное намерение, даже твой любимый Женечка не обнаружил бы, что ты родилась здесь и не нашел бы тебя, – спокойно проорчал Зив.

- Даже если бы вы случайно столкнулись по жизни, он не узнал бы тебя, если б ты сама этого не захотела, – добавил Лоренц.

- А вообще, не думай ты об этом! Придет время и все само собой встанет на свои места.

- Ладно! Уговорили!

Тренировки продолжились, и к четырнадцатому ноября Ира уже несколько раз побывала в старом и новом зданиях мебельной фабрики и в доме Радного. Естественно, в гости к нему она заглядывать не стала.

Глава 26 Сюрприз

Поезд наконец-то тронулся, и перрон сочинского вокзала, стал медленно отползать, оставаясь в прошлом. «Вот она точка между вдохом и выдохом мира, точнее, между выдохом и вдохом», – пронеслось в голове у Ирины, когда она, стоя у окна, улыбалась удаляющимся Же-

нечке и Владу. «Еще одна точка отсчета», – Ира осознанно выбрала ее в таковые, правда, форс-мажорной, также осознанно, делать не пожелала: «Ни к чему. Я абсолютно не готова целиком и полностью взять на себя ответственность за свою судьбу, да и оставить абсолютно все в прошлом тоже не могу».

Мужественно пережив суету по поводу передачи проводнику билета и получения постельного белья, Ира уселась у окна и до самого Туапсе без единой мысли в голове созерцала проплывающие мимо утонувшие в ночи пляжи. Потом постелила себе постель и легла спать. Поздним утром ее разбудил распространитель прессы, у которого она скупилла все имеющиеся сборники кроссвордов, сканвордов и sudoku и весь день посвятила разжижению мозгов.

Как и ожидалось, встретил ее радостный Генка.

- Ирчик! Солнышко мое! Я так рад тебя видеть! – проверещал он и, отбирая дорожную сумку, чмокнул в щеку.

- Привет! – не менее радостно приветствовала его Ира. – Скажи мне, пожалуйста, с чего это вдруг я стала твоей собственностью, а?

- Ирчик! Я ведь тайно влюблен в тебя!

- А по-моему, с некоторых пор ты заделался тайным агентом «главных коней».

- Ирчик! Ну зачем ты так!

- Геночка! Спинным мозгом чую!

- Ира, ничьим тайным агентом я не заделывался, просто Толик с Жоркой очень даже неплохие ребята.

- Я знаю и против них ничего не имею. Но я также знаю, что они до колл в печени не желают видеть меня здесь, и знаю почему, а ты их в этом не пойми с чего поддерживаешь.

- Если хочешь знать, Ирчик, они о тебе самого высокого мнения. Просто, ну согласишься сама, к чему лезть в их епархию? Ты же не будешь перемазываться в машинном масле, и бегать с гаечными ключами?

- Ясновидящие вы мои! Я прекрасно знаю, как вы там представили себе суть моего участия в процессе: будет тут заумная баба расхаживать, совать нос не в свое дело и всякой придурью на мозги давить!

- Ирочка! Поверь! Все совсем не так!

- Геночка! Именно так! Единственное, соглашусь: сии соображения, может быть, высказывались в несколько иной форме. Знаешь, Ген, если б не твой сговор с «конями», я бы до сих пор не верила, что ты действительно ни сном, ни духом относительно истинной сути твоих фоток.

- А я ну никак не могу себе уяснить, какую это загадочную суть ты в них выискал!

- Ладно, закрыли тему.

- Почему? Мне, например, очень интересно узнать, что там такого эдакого запредельного в предметах интерьера современных дикарей.

- Ген, я тебе уже объясняла. И предварительные эскизы показывала. И ты, как я понимаю, именно на их основе выделил денег по максимуму. Между прочим, из достоверных источников мне известно, что ты порядком скуп и незнамо на что финансами разбрасываться не будешь. Ну не тайная же влюбленность тебя заставила раскошиться?

- В этом ты права.
- Тогда что же? Если понимание моих задумок тут ни при чем.
- А ты не догадываешься?
- Нисколечко!
- Гаров...
- Женечка?

- Угу. Он мне почти ультиматум поставил, чтоб я во всем оказывал тебе максимальное содействие.

- О как!

- Я думаю, он тебе под большим секретом наверняка поведал, что нынче приходится мне биологическим папашей. Поведал?

- Да, – не сказать, что данное заявление привело Иру в неопишное замешательство, но легкий шок она все же испытала.

- Так вот, он вообще-то мой биологический отец с солидным стажем. Я уже давненько рождаюсь только посредством его деятельного участия. Если ты заметила, чувства юмора ему не занимать – хлебом не корми, дай поприкалываться! Вот и прикалывается, выбирая мне в матушки... Ира, в общем, это отдельная тема, которой мне сейчас касаться не очень хочется. Мягко говоря.

- Вот давай и не будем. Знаешь ли, я испытываю непреодолимое желание, на время своего пребывания здесь, абстрагироваться от всех этих ваших эзотерико-окультно-мистических штучек.

- Абстрагироваться!? А эти твои круги с крестами это что Евклидова геометрия, по-твоему!?

Ира многозначительно вздохнула:

- Нет, конечно. Однако в моих разработках нет ничего противоестественного.

- Противоестественного, скорее всего, точно нет, а вот сверхъестественное...

- Геночка, давай не будем...

Все это время они просидели на лавочке в привокзальном сквере. Из-за собственных эмоций Ира совсем не сразу осознала, что здесь не Сочи, и столбик термометра находится гораздо ближе к нулевой отметке, чем она привыкла.

- По-моему, ты замерзла, – высказал предположение Генка, когда она поежилась.

- А вот в этом ты абсолютно прав.

- Ну хоть в чем-то я прав! – усмехнулся Генка. – Поехали?

- Поехали.

Через минут десять-пятнадцать Ира оказалась в одноместном номере весьма respectable отеля, интерьер которого полностью состоял из мебели, спроектированной ею в начале этого года.

- Вау! – узнала она свою работу.

- Впечатляет?

- Насчет «впечатляет» не знаю, но слов нет, как приятно.

- Ирчик, только не злись...

- Ты насчет того, что всё это «кони» смастерили без моего участия? – перебила его Ира и, не дав ему слова вымолвить, продолжила, – Геночка, я ни на секунду не сомневаюсь в высоких профессиональных качествах «коней» Радного, иначе я бы настоятельно порекомендовала ему сменить руководящий технический состав. Я очень довольна их работой, – Ира обвела рукой комнату, – но пойми, сейчас совсем другое дело, и дело не в доверии или в недоверии. Пойми, мне сейчас предстоит совсем нелегкая участь. Пойми, я привыкла работать одна, а когда делаешь все сама – ненужно никому объяснять на понятном языке, чего ты хочешь. То, что я знаю, я знаю уже не только интуитивно – это уже прошло через мои руки, но я боюсь, что объяснить адекватным языком то, что мне требуется, я могу не суметь. Геночка, на самом деле я очень рада твоим теплым отношениям с Анатолием Георгиевичем и Георгием Анатольевичем и очень рассчитываю на твою помощь.

- Ирчик, я правда могу чем-то помочь тебе? – спросил Генка очень серьезно.

- Да. И не только мне. Точнее, ты очень поможешь мне, если поможешь им по-другому воспринимать меня: не видеть во мне угрозу, досадную необходимость... Пойми, мне очень нужна их поддержка. Их практическая поддержка того, чего они, скорее всего, не смогут целиком и полностью понять. А я прекрасно знаю, что когда чего-то не можешь понять, это вызывает раздражение, а отнюдь не желание помочь. В общем, я очень хочу добиться их полного доверия и содействия. Понимаешь, их собственного, а не добытого в принудительном порядке Радным, – Ирину эмоциональную речь прервало пение мобильного. – Да, я слушаю, – ответила она, забыв глянуть на экранчик.

- Палладина, я очень рад, что ты меня слушаешь, – раздался Женечкин голос, наполненный сарказмом, – но на самом деле рассчитывал услышать тебя с отчетом о благополучном приезде.

- С каких это пор ты нуждаешься в подобных моих отчетах?

Женечка весело рассмеялся:

- И то верно... ну хоть в рамках этикета, что ли, могла бы позвонить!?

Ладно. Не в этом суть: ты Генке про табуреты рассказывала?

- Нет.

- Про какие табуреты? – с удивленной заинтересованностью спросил Генка, прекрасно слышавший все, что говорит Женечка.

Женечка тоже услышал Генку:

- Палладина, а ну-ка дай-ка Генке трубкой в ухо!

Ира послушно передала мобильник. То ли Женечка стал говорить намного тише, то ли Генка слишком плотно прижал ее телефон к уху, как бы там ни было, но того, что говорилось в Сочи, Ира не услышала и ей пришлось довольствоваться Генкиной крайне эмоциональной мимикой и периодическими угуканьями. Через несколько минут он молча протянул трубку.

- Удаchi, Палладина, надеюсь, что помог тебе, – сказал Женечка и, не дожидаясь Ириного ответа, отключился.

Генка долго молчал. Ира – тоже.

- Знаешь, Ир, – начал Генка совершенно не свойственным ему тоном, – для тебя кажется аномальным, что я помню практически все свои рождения, жизни и смерти и даже сам факт возможности многократного рождения. Я это знаю чисто теоретически, так как мне очень сложно представить, что может быть как-то иначе. Но это все, чем я отличаюсь от среднестатистического человека. Для меня Гаров со всеми его штучками, наверное, даже большая загадка, чем для тебя, и ты для меня тоже загадка, даже большая, чем Гаров. К нему я хотя бы привык, – Генка вздохнул. Ира не перебивала. – Пойми, Ира, я – слепой. Я во что-то верю, в чем-то даже убежден, но я не знаю, ничего не знаю. Что ты сделала с тем своим табуретом, думаю, даже Женич до конца не понимает, и вынужден только верить, только потому, что испытал его на собственном опыте. Ир, я верю тебе, я верю в тебя и потому приложу все силы чтобы помочь. Но пойми и ты, прошу, попытайся меня понять: для меня твои рассуждения о гармонизации пространства – это все равно что превращение коровы в стиральную машину.

- Верю, Геночка, и потому прошу только помочь подружиться с «коныями», ведь ты мастер поворачивать людей, притом мастер высочайшего класса.

- Прости, мастер чего?

- Неважно... Давай лучше обсудим программу на завтра.

- Давай, – сказал Генка без энтузиазма, – у меня завтра две программы в цирке.

- Я вижу, тебе клоунское ремесло пришлось по душе.

- А что? Очень даже неплохо держит в тонусе. – Генка встал и демонстративно поиграл мышцами, которые в спокойном состоянии никак не обнаруживали себя на костях, обтянутых кожей. – Вообще-то, Стас собирался устроить тебе лесную прогулку, – вернулся он в исходное положение и к теме воскресного времяпрепровождения, – но ему еще позавчера пришлось умотать в Питер, и придет он лишь завтра к вечеру.

- Ну что ж, цирк, так цирк!

- - -

Как только отзвучали последние аккорды циркового оркестра, Генка выловил Иру в зрительном зале.

- Слушай, по-моему, ты функционируешь на ракетном топливе! Ума не приложу, как ты уже успел переодеться и разгримироваться!

Генка довольно улыбался:

- Поехали! Стас уже звонил – ждет нас в кабаке.

Радный встретил их у входа в небольшой ресторанчик.

- Здравствуйте, Ирина! – с мягкой улыбкой приветствовал он ее. – Прошу прощения, что не смог лично встретить Вас на вокзале, но зато я приготовил Вам, надеюсь, очень приятный сюрприз.

С этими словами он распахнул перед ней дверь. Ресторанчик оказался достаточно уютным. Они миновали два столика, занятые респектабельными леди и джентльменами, и подошли к третьему, за которым сидел молодой человек с длинными густыми слегка вьющимися темно-каштановыми волосами. Молодой человек поднялся им навстречу.

- Познакомьтесь, Ирина, это Рауль – главный разработчик выбранного Вами оборудования.

- Очень приятно, – она протянула ему руку, которую Рауль галантно поцеловал, от чего у Иры по позвоночнику пробежала мощная волна горячей дрожи.

- Рауль будет заниматься установкой и наладкой оборудования, – продолжал Радный, – так что на данном этапе Вам, Ирина, не придется контактировать с моим техперсоналом, – сказал он, многозначительно посмотрев на Иру, а затем обратился к Раулю. – Рауль, как Вы уже поняли, перед Вами Ирина, о которой я Вам столько рассказывал, дизайнер, под творческие идеи которого мы закупили разработанное Вами оборудование.

- Да-да, очень приятно! Я очень рад встречи с Вами! – Рауль почти безупречно говорил по-русски, и лишь легкий мягко-бархатистый акцент выдавал в нем иностранца.

Затем Радный представил инвестора проекта, то есть Генку, для которого Рауль оказался не меньшим сюрпризом, чем для Иры.

- Очень рад знакомству! – кивнул Рауль, пожимая его руку.

- Вы замечательно владеете русским! – с энтузиазмом заметил Генка.

- Моя прабабушка приехала из России. Она воспитывала меня, когда я был совсем маленький, и научила хорошо говорить и понимать русский язык. Между прочим, она еще жива – сейчас ей уже 93 года.

Рауль не сводил с Иры сверкающих восхищением огромных почти черных глаз. Что-то в его чертах напоминало Наполеона. Единственное, в отличие от великого императора Франции, он был потрясающе красив.

После недолгого выяснения кулинарных предпочтений присутствующих, тема разговора сразу сфокусировалась на оборудовании. От Радного Рауль уже знал в общих чертах, что Ирины разработки требуют сверхточных технологий, но «почему?», Станислав Андреевич не стал ему говорить, сославшись на свою некомпетентность, и теперь молодой инженер с нетерпением желал услышать объяснения от Иры.

- Понимаете, Ира, мне с большим трудом удалось продвинуть свой проект. Члены совета директоров не понимали к чему ТАКАЯ точность в мебельном производстве. Я и сам, признаюсь, был с ними, в общем-то, согласен, но сама задумка оказалась такой красивой! Вы понимаете, о чем я? Я аж как переродился, доказывая необходимость такого подхода. И представляете мое собственное удивление, когда мою разработку на первой же выставке покупают именно за эти ее качества! Ира! Умоляю! Объясните! Зачем Вам понадобилась такая сверхточность?

- Чтобы в точности воспроизвести кажущиеся погрешности, интуитивно допускаемые рукою человека.

- Извините, Ирина, я не совсем понял, а точнее, совсем ничего не понял, – проговорил Рауль, не сводя с нее восхищенного взгляда.

- К счастью, еще сохранились на Земле культуры, для которых каждая вещь имеет не только утилитарное назначение, но и несет в себе сакральный смысл. Такие предметы изготавливают особые люди в осо-

бом состоянии сознания. В тот момент рассудком они почти не ведают что творят, но зато очень тонко чувствуют и знают это на подсознательном, интуитивном уровне.

Вещи, изготовленные таким образом, способны воздействовать в ту или другую сторону на мощностъ и направление определенных сил, токов энергий, а потому представители этих культур считают их магическими. В таком предмете незаметное глазу искривление плоскостей и особый наклон и соотношение их осей имеют решающее значение. Мастера, умеющие в особом состоянии делать такие вещи, почитаются магами, колдунами. Сами они свои способности и свойства изготовленной ими продукции объясняют действием сверхъестественных сил, и, если знания и способности, доступные подсознанию, считать сверхъестественными, то они абсолютно правы, но, как Вы понимаете, ничего такого, что в принципе невозможно, здесь нет.

В конечном итоге, весь наш мир состоит из различных излучений. И, если искривление плоскости и отклонение ее оси заставляет эти излучения преломляться определенным образом, а подобное преломление благотворно воздействует на человека, то почему бы не воспроизвести его, основываясь на знаниях, доступных обычному сознанию? Натренированное подсознание колдуна с идеальной точностью направляет его руку, и, чтобы получить идентичный эффект, механизм машины должен работать с такой же идеальной точностью.

- Потрясающе!!! Но ведь в данном случае недостаточно высокоточной техники! Нужны и высокоточные знания! Неужели Вы раскрыли эти секреты?

- Да. И заявляю я это с полной уверенностью.

- Но ведь на это нужны годы и годы исследований этих самых магических предметов!

- Наверное... но я пошла другим путем.

- Но каким!?

- А вот это уже моя сугубо личная тайна.

- Что ж, это логично. Но все же, на чем основана Ваша полная уверенность?

- Я не буду сейчас ничего говорить, а завтра просто кое-что покажу.

- С нетерпением жду завтрашнего дня!

- Я тоже...

- - -

В свой номер Ира зашла обуреваемая ураганом мыслей и эмоций, а потому бесцеремонно выставила увязавшегося за ней Генку. На разборку с эмоциями времени не было. Она, собрав всю свою волю, постаралась хоть немного притушить их и направить все силы на решение проблемы, как представить на суд общественности свои табуреты. Техническое исполнение особых вопросов не вызывало, но вот закономерный вопрос, который закономерно возникнет у общественности, а именно: каким образом четыре табурета попали из ее дома в Сочи сюда – требовал адекватного для этой самой общественности ответа. Впро-

чем, Радному и Раулю даже пудрить мозги нет особой необходимости, но вот встречавший ее на вокзале Генка непременно заинтересуется этим. Вообще-то, Генку, конечно, можно нейтрализовать, каким-нибудь способом выпроводив, но это не решение, ведь до него информация все равно дойдет, и тогда допроса с пристрастием избежать не удастся.

«Ну почему я не подумала об этом заранее!», – возмущалась Ира собственной недалекости. А потому и не подумала, что она понятия не имела ни о каком Рауле. Ира рассчитывала на работу с «главными конями» и собиралась сама детально во всем разбираться, а после давать лишь четкие инструкции, не конкретизируя «зачем?».

Присутствие Рауля кардинально меняло дело. Умничка Радный, что привез его! Рауль – это поистине кладезь достоинств! Во-первых, как главный разработчик, он, естественно, знает свое детище от и до. Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, – не шарахается на манер «коней» от ее идей, несколько не совсем укладывающихся в современные догмы науки и техники. А в-третьих... ох это «в-третьих»! Оно, конечно, может быть решающим в его стремлении следовать ее путем, но лучше б этого «в-третьих» не существовало.

Ира чувствовала, как по ее телу несутся мириады молний. Нечто подобное она испытывала в ранней юности, когда по уши влюбилась в Важина, а он в нее. Правда, тогда эти разряды не обладали такой мощностью. Может, конечно, в воспоминаниях ощущения притупились, и тогда все происходило точно так же, как и сейчас? Но это неважно. То давно кануло в небытие, а сейчас рвало на части... И что самое страшное, Ира прекрасно знала, что тоже самое происходит с Раулем.

- Так... табуреты... как они сюда попали... – проговорила она вслух, сиюсь переключить свое внимание с вакханалии, так некстати устроенной телом. Но ей никак не удавалось сосредоточиться. Образ табуретов то и дело тонул в пожиравших ее восторженных глазах Рауля. – Всё! Хватит! – решительно сказала она сама себе и пошла в душ. Простое решение табуретной проблемы буквально вылилось ей на голову вместе со струей воды.

Говорят, что одна из загадок Великой Китайской стены заключается в том, что сказанное с одной ее стороны вполголоса слово вполне отчетливо слышится с другой. Секретом китайских зодчих в совершенстве владели советские строители. Даже шум воды не смог заглушить короткий диалог в одном из соседних номеров.

- Извините за беспокойство – Ваш багаж.

- Спасибо.

Ира наскоро вытерлась и быстро оделась. Осталась одна проблема: незаметно доставить табуреты в гостиницу. Ира тихонько покинула номер, заперла дверь и спустилась по лестнице, на ходу на всякий случай, придумывая объяснения для таксиста и портье. Лестница, которой ввиду наличия достаточного количества лифтов, почти никто не пользовался, была абсолютно пустынна. На первом этаже пути от нее вели в две стороны: в фешенебельный холл и в темный коридор с невзрачной дверью, закрытой на засов. Ира отодвинула засов. Дверь, не имевшая

более никаких замков, слегка скрипнув, открылась на улицу. Чтобы вернуться назад тем же путем, Ира плотно прижала ее к косяку, во избежание привлечения внимания к заветной двери открытым состоянием.

- План «Б» будем обдумывать в случае крайней необходимости, – сказала она сама себе и направилась к стоянке такси.

Пользоваться эксклюзивным видом общественного транспорта ей не пришлось: несмотря на поздний час здесь, в отличие от Сочи, вовсю бегали автобусы и троллейбусы, а на остановках толпился народ. Ей без труда удалось выяснить у бабульки с авоськой, как наилучшим образом добраться до района, где находился дом Радного – расположенный там проход показался ей оптимальным решением.

- - -

Зив и Лоренц встретили Иру бурей восторга.

- Ребят, простите, некогда!

- Можем чем-то помочь? – Зив в один момент перешел с радостного щенячьего повизгивания на серьезный тон.

- Неплохо бы... Сможете где-нибудь достать упаковочную бумагу?

- Не вопрос! – мурлыкнул Лоренц, и они вдвоем тут же исчезли в проходе.

Ира, не включая света, поднялась на третий этаж, нащупала табуреты и вместе с ними спустилась в цоколь. Потом сходила на кухню за двумя «нейтральными». Зив и Лоренц еще не успели вернуться. Ира присела на первый попавшийся в темноте табурет и закурила. Пауза тут же заполнилась глазами Рауля и по телу вновь замерцали всполохи молний.

- Надо с этим что-то делать... – в мучительно-сладостном томлении прошептала сама себе Ира и усилием воли вновь попыталась переключить внимание на табуреты.

Попытка, пусть и неблестяще, удалась. Ира не особо сомневалась, на каком именно табурете сидит, но порядка ради поднялась и, не решаясь в целях конспирации даже в цоколе воспользоваться стационарным освещением, достала мобильник, включила подсветку и перевернула табурет – как и ожидалось он оказался «благоприятным». Она поставила его на место, и тут в проходе показался Зив с огромным свертком упаковочной бумаги в зубах, а следом за ним – Лоренц, волочащий по полу моток тонкого шпагата.

- Блеск! – воскликнула Ира и первым делом избавила от неудобной и тягеловатой для кота ноши Лоренца. – Как вы про шпагат догадались? Я о нем даже не подумала...

- Если люди чего-нибудь завертывают, они обязательно потом это чего-нибудь перевязывают, – медленно промурлыкал Лоренц, одновременно вылизывая свою шкурку.

Осталась одна проблема – почти кромешная темнота. Вообще-то, подсветки мобильного Ире вполне хватило бы для произведения упаковочных работ, но для этого ей явно требовалась еще одна рука.

- Да... – в задумчивости вымолвила она, – пожалуй, все же придется включить свет.

- Ира, – гавкнул Зив, – вспомни, как ты ночью шла с Владом по лесу.

Ира вспомнила. Тогда она на удивление очень отчетливо видела в полной темноте.

- Вспомни не сам факт, – замурылкал Лоренц, – а то, что ты чувствовала и заставь себя чувствовать это снова.

- Знаете, по-моему, тогда со мной и с Владом что-то сделал лес.

- Безусловно, – подтвердил Зив, – это он научил тебя и Влада видеть в полной темноте, но раз ты умеешь, то можешь этим пользоваться тогда, когда тебе нужно.

Ира закрыла глаза и погрузилась в воспоминания, пытаюсь поймать те ощущения и... Она даже не поняла, удалось ли ей почувствовать то, что нужно, но в какой-то момент вдруг стало всё видно, притом и глаза открывать не понадобилось.

Ира вышла на остановку. Троллейбусы с автобусами продолжали сновать, и народу не поубавилось. Она без приключений добралась до гостиницы. Состояние незамкнутости запасного выхода, как и ожидалось, никого во время ее отсутствия не заинтересовало, так что Ира спокойно зашла в здание, задвинула засов и начала подниматься по лестнице. Восхождение тоже прошло без приключений, правда, от подъема на одиннадцатый этаж с четырьмя связанными попарно табуретами, Ира порядком притомилась. Впрочем, именно эта усталость оказалась как нельзя кстати – Ира, только лишь коснувшись головой подушки, тут же уснула. Крепко и без снов.

Спросонья свет уличных фонарей, лившийся в щелку между занавесками, казался каким-то странным. Ира встала с кровати и подошла к окну. На фоне серовато-синего предрассветного неба летели огромные белые хлопья.

- Нет. Это не Сочи... – проговорила вслух Ира с интонацией Остапа Бендера, грезящего о Рио-де-Жанейро, и набрала Генкин номер:

- Доброе утро Геночка!

- О! Ирчик! Ты уже проснулась? А сколько время?

- Дрыхнешь еще? Вставай! Глянь в окно – там снег!

- Ба-а! И в правду! Батюшки! Уже полвосьмого! Чой-то я нынче за-спался!

- А во сколько ты обычно встаешь?

- Да где-то так и встаю, вот только просыпаюсь сам.

- Геночка, знаешь, мне твоя помощь понадобится.

- Всегда готов!

- Тогда собирайся и спускайся ко мне.

- Будет сделано, Ирчик!

Минут через пятнадцать Генка уже стучал в дверь.

- О! А это откуда? – удивленно спросил он с порога, указывая на стоящие посреди комнаты аккуратно упакованные табуреты.

- Вчера вечером в Сочи смоталась и принесла, – честно ответила Ира.

- А-а, так это к тебе ломились с воплями «Ваш багаж», – сразу «до-гадался» Генка.

«Я бы не сказала, что б так уж ломились и вопили, хотя душ, наверное, заглушил частично громкость. А вообще, самое главное, всегда говорить только правду, но иногда так, чтоб в нее никто не верил», – подумала про себя Ира, а вслух, кивнув на табуреты, сказала:

- Поможешь?

- Не вопрос, Ирчик!

Пока Генка тащил табуреты по коридору, Ира, следуя за ним, воздавала хвалу древнекитайским и советским строителям. «Интересно, а все же, в какой номер доставили багаж?». Вопрос на самом деле выглядел интригующим, так как Ирину и Генкину обители разделяли четыре этажа, да к тому же находились они в противоположных крыльях здания.

- Злая на Гарова? – прервал Генка Ирины размышления.

- По поводу? – не поняла его Ира.

- Ну что сюрприз твой обломал.

- Да. Есть немного.

Выйдя из лифта, Ира почувствовала присутствие Рауля. Табуретная эпопея, усталость от нее, глубокий сон без снов, первый снег, игра в «верю – не верю» с Генкой – отвлекли внимание от мучительно-сладостного трепета, и вдруг он нахлынул с неимоверной силой. Ира, подчиняясь не своей воле, обернулась. Рауль с лучистой улыбкой подошел к ним:

- Доброе утро! – мягко и бархатисто произнес он, обволакивая Иру чувственным восторженно-нежным взглядом.

- Доброе утро! Вы видели!? На улице снег! – Ира искусно скрыла свое возбуждение бурной, но вполне безобидной радостью.

- Да. Русские зимы начинаются рано. Для меня это экзотика.

- Для меня тоже. Я родилась и живу в Сочи. У нас, правда, иногда бывает снег, но только в качестве стихийного бедствия.

Рауль рассмеялся негромким, но звонким искристо-серебристым смехом.

- Доброе утро... – запыхавшись, но в то же самое время по-деловому приветствовал Рауля Генка. Он малость замешкался с табуретами при выходе из лифта, чего Ира не заметила и теперь даже на какой-то миг удивилась: откуда он вообще взялся?

- Давайте помогу, – предложил Рауль, не дожидаясь ответа, подхватил оба свертка, и они втроем направились к стоянке автотранспорта.

Присланная Радным машина уже дожидалась их. Свoločь Генка, не раздумывая, плюхнулся на переднее сидение. Подобное отсутствие галантности совершенно не вписывалось в Генкин стиль, и Ира аж опешила от неожиданности, а потому без всяких возражений села сзади вместе с Раулем, который всю дорогу высказывал свои соображения относительно темы их вчерашнего разговора.

Ира внимательно слушала и даже что-то говорила, но что именно слушала и говорила, не смогла зафиксировать в памяти. «Надо срочно что-то с собой делать – нам ведь работать вместе!», – только и носилось у нее где-то на границе сознания и подсознания, полностью изолированной от пребывавшего в страстной эйфории всего остального. Ей, правда, с блеском удавалось контролировать все внешние проявле-

ния, но чего это стоило! Рауль вел себя тоже, в общем-то, корректно, скромно и почтительно, но вся его корректность, в купе со скромностью и почтительностью, распространялась лишь на тему разговора и сантиметров двадцать-тридцать свободного пространства между ними. В общем, пара десятков минут пути от отеля до нового корпуса мебельной фабрики показались Ире вечностью.

Радный, извещенный Генкой по мобильнику, встречал их у входа.

- Ну как, Ирина, изменения ощущаются? – спросил он после того, как они вчетвером совершили осмотр экстерьера и интерьера бывшего склада, которым предстояло стать новым цехом мебельной фабрики.

- В зрительном эквиваленте более чем, – сказала Ира, улыбнулась, а потом добавила. – Кстати, обонятельные рецепторы тоже констатируют новые веяния.

Генка усиленно принимался:

- Ирчик, краской, по-моему, уже не пахнет... – в замешательстве и с некоторым волнением пробормотал он, преданно взглянув на Иру.

- И плесенью – тоже, – улыбнувшись, успокоила она.

Станислав Андреевич усмехнулся и дружески положил руку ей на плечо. Ира сжалась в комок. Утонув в глазах Рауля, она напрочь забыла бояться Радного. Рука, положенная на плечо, недвусмысленно напомнила. Комок на мгновение застрял в горле и вдруг Ира вспомнила, что в отношении Радного она с некоторых пор страха не испытывает, что это теперь не страх, а восторг, и в этот миг застрявший комок взорвался, рассыпая искры, переходящие в мучительно-сладостные молнии, посвященные уже Раулю. Волна перемены ощущений безжалостно промчалась трижды, и, казалось, должна была бы полностью лишить сил, опустошить, но в этот момент рука Радного соскользнула с ее плеча к локтю и он, приобняв, притянул Иру к себе. И тут безжалостно трижды оббежавшая ее волна, собравшая на пути все ее силы, опустошившая ее, с невероятной мощью обо что-то разбилась, вернув обратно всё, чего лишила, но в ином, многократно усиленном напором, состоянии.

- Так, а сейчас... – энергично сказала Ира, буквально выпрыгнув из полуобъятия Радного.

Тут же в пустом громадном помещении материализовались спешно принесенные Генкой табуреты. После того, как Ира все растолковала и объяснила, начался эксперимент. Сначала в нем поучаствовали самые заинтересованно-интересующиеся лица в составе Радного, Генки и Рауля, а затем поочередно в роли подопытных пришлось выступить всему персоналу, обнаруженному в пределах нового корпуса мебельной фабрики.

Обязанность вопить восторги взял на себя Генка. На лице Радного застыла загадочная полуулыбка, которой позавидовала бы сама Джо-конда. А Рауль... Как выражал свою реакцию Рауль, Ира не знала – она старалась на него без крайней надобности не смотреть.

- Стас, – обратился к Радному Генка после очередной порции дифирамбов в Ирин адрес, – это нужно отметить! День простоя и кабак за мой счет.

- Возражения есть? – Радный окинул взглядом Иру и Рауля.
- Честно говоря, нет, – ответила, переводя дух и слегка вздрогнув всем телом, Ира.
- Еще бы! – усмехнулся Генка. – Такой эмоциональный натиск вряд ли кто выдержит.
- Ты прав, – подтвердил Радный. – А Вы, Рауль, не против?
- Нет, что Вы! Признаться, мне просто необходима передышка, чтобы как-то улеглись впечатления.
- Вот и чудесно! – заключил Генка, и они вчетвером направились к машине Радного.

Глава 27

Внутренние точки

Генка всю дорогу неустанно продолжал петь дифирамбы, тем самым, избавив остальных от необходимости что-то говорить. Немного уgomонился он лишь в пустынном зале давешнего рестораника. И то, только тогда, когда принесли закуску.

- Знаешь что, Ирчик, – продолжил он, расправившись с салатом, – давай-ка оформим патент на изобретение! Все расходы и хлопоты я беру на себя.

- Генка! Ты что, с ума сошел!? Какой патент?!

- Ирчик, но ведь это открытие! Ведь ты сама говоришь, что все точно просчитала!

- Геночка, если быть до конца откровенной, то на самом деле все мои расчеты для деятеля официальной науки мало чем отличаются от интуитивных действий колдуна из племени Чумба-Юмба.

- Вот те раз...

- Я ведь художник, а не инженер.

- Но ведь...

- Да, Геночка, работает и будет работать. Я действительно абсолютно точно знаю, что делаю, но, боюсь, что детальное изложение моих идей приведет меня в стены научно-исследовательского института... по психиатрии в качестве пациента. Притом, если и не навсегда, то очень надолго.

- Ирчик, я ничего не понимаю!

- А вот это для меня удивительно.

- Отчего же? И ведь не я один! – Генка взглядом призвал Радного и Рауля поддержать его.

- Видишь ли, то, что далеко не все ясно Станиславу Андреевичу и Раулю, это совершенно естественно, но ты?!

- Да что во мне такого особенного?! – Генка слегка нервничал.

- Ты, Геночка, частенько выходишь на сцену и заставляешь энное количество людей настраиваться на определенный лад.

- Ну и что?

- Я делаю то же самое, только не посредством театрального действия, а с помощью определенной организации пространства. И ты, и я работаем с определенными полями энергии. Театральное действие – это тоже физика, только сей ее раздел мало кому приходит в голову изучать, а может и не приходит вовсе. Извините, я не слежу за новостями науки. Но от того, что человек не может научно объяснить какое-либо явление, оно не перестает существовать, ведь так? Знаете, в наличии эфемерного нечто свято убеждены материалисты, для идеалистов же весь мир целиком и полностью всегда был материален.

- А знаете, я с Вами абсолютно согласен, – вступил в разговор Рауль.

- А я и не сомневалась. Именно поэтому я с самого утра таскаюсь с ноутбуком.

Радный вопросительно взглянул на Иру.

- Стас, я думаю, Вы меня поймете. Я не стала бы вдаваться в подробности, если б имела дело с Анатолом Георгиевичем и Георгием Анатольевичем.

- Я понимаю, – слегка улыбнувшись, кивнул Радный.

- Ирчик! И мне бы тоже ничего эдакого не растолковала?

- Тебе в особенности!

- И с чего это я в такой немилости?

- А кто решил, что на монтаж оборудования меня звать излишне?

- Ирчик, я ж о тебе забочусь! Ты ведь знаешь, что я тайно влюблен в тебя!

- Так, всё, проехали, – отрезала Ира, пересела ближе к Раулю и включила ноутбук.

- Может быть мне удалиться? – уморительно изобразил обиженного дитятку Генка, вызвав всеобщее веселье.

- Ладно уж, смотри и слушай, – весело сказала Ира и приступила к повествованию, иллюстрируя его jpeg файлами.

Ирин рассказ начинался с самого начала, с Генкиного предложения сотворить коллекцию мебели по мотивам изысков примитивных культур. Она показала присланные им фотографии и пояснила, что сам Генка изъявил желание, чтоб ее работа не была простой стилизацией. Затем она рассказала, как честно просматривала фотографии каждый день и как однажды заметила на них стрелочки с указанием сторон света, и как ее осенило:

- Представляете! Каждое изделие на этих фотоснимках действительно наделено четкой ориентацией по сторонам света, то есть у каждого есть север, юг, запад и восток, зафиксированные в особой обработке. Что-то подобное в отношении интерьера несет в себе система Фэн Шуй, но... хотя, может быть, я не слишком скрупулезно изучила ее. В общем, идея с ориентацией по сторонам света захватила меня. И, представляете, звоню вот этому Генке, а он ни сном, ни духом! Я сначала подумала, что он лукавит, но потом поняла – вряд ли.

- Истину говорю! Действительно ни сном, ни духом, – вставил Генка.

- И тут, – продолжила Ира, – мой друг, переводчик литературы философского содержания, обратил мое внимание на то, что, кроме сторон света, есть еще верх и низ, что я, из-за крайней очевидности, попросту упустила из виду, а кроме этого – еще и направление внутрь предмета, а внутри, в бесконечной глубине и скрыта суть. Сказать-то он сказал, но по сути, что сказал – сам не понял. И всё же, я ему очень благодарна за его замечание, потому что именно поиск внутренней точки и раскрыл тайну, благодаря которой люди интуитивно из четырех с виду одинаковых табуретов выбирают всегда один и тот же.

- Ирчик, неужто ты и впрямь думаешь, что Гаров сам не знал, что говорит? – спросил Генка.

- В общем, знал, но по данному конкретному случаю не догадывался. Иначе он бы не испытывал недоумения по поводу выполняемой мною тщательной отрисовки в 3D присланных тобой фотографий. Так вот, внутренняя точка – это бесконечное множество точек, расположенных одна в другой, – Ира обвела присутствующих взглядом и немного пояснила. – Не совсем точный пример, но, думаю, так будет понятней: Земля – точка во Вселенной, точка на карте – город и тому подобное.

- Мне понятно, что Вы имеете в виду, – обволакивая Иру взглядом, проворковал Рауль.

- А мне не совсем, точнее: совсем не, – не унимался Генка.

- Гена! Это – как в сказке! Представь: сундук – это точка, в точке-сундуке – точка-заяц, в точке-зайце – точка-утка, в точке-утке – точка-яйцо, в точке-яйце – точка-игла. Понятно? – пояснил Радный.

- Знаете, Стас, Вы дали, пожалуй, самое точное определение, – Ира посмотрела на него с удивлением и уважением, на мгновение задумалась и продолжила. – Так вот, как вы понимаете, проследить бесконечность невозможно и я ушла на глубину всего лишь третьей точки, или четвертой, если сам предмет тоже принять за точку. – Ира закрыла просмотрщик, пояснив, что дальше понятно будет только в 3D.

На мониторе появилась трехмерная виртуальная модель одного из столов с Генкиных снимков, которую в разных направлениях пересекали прямые линии и концентрические круги.

- Точки пересечения этих линий – это как звезды, складывающиеся в созвездия. Из них получается фигура, которая и является первой внутренней точкой. Вы когда-нибудь интересовались символикой, хотя бы, к примеру, масонской? – спросила она Рауля.

- Знаком, но, признаться, очень поверхностно.

- Но, думаю, Вам известно, что в каждой культуре есть определенный набор символических, зачастую абсолютно абстрактных изображений?

- Да, конечно.

- Есть группы таких знаков, которые свойственны всем культурам, и притом многие из них имеют общее для всех значения. Некоторые символы, имея в разных культурах идентичный внешний вид, воплощают в себе разный смысл. И, естественно, есть символы, свойственные только какой-либо определенной локальной культуре.

Однако нужно отметить, что локальные символы являются как бы местными модификациями, а разные значения общепринятых, не значат принципиально другое. Разница относится к мотивированному восприятию явления. К примеру, знак, основанный на абстрактном изображении воды, в засушливом районе будет символом благосостояния, в местах же для которых свойственны обильные осадки, его отождествляют с бедствием, несчастьем, но так или иначе его основным значением остается стихия воды. Эти символы воплощаются по-разному: как графические плоскостные знаки, как расположение людей во время ритуального действия, а также зашифрованы в движениях ритуальных танцев. Эти же знаки являются теми тремя вложенными друг в друга внутренними точками предметов.

Почему я не пошла глубже третьей точки? Потому, что третьи точки у всех исследованных мною предметов интерьера абсолютно идентичны и представляют собой что-то вроде символа человека. Две другие, как правило, выражают статус и суть деятельности. Мы тоже различаем предметы по этим признакам. К примеру, существует целый ряд модификаций стульев и кресел, предназначенных для работы в различных видах деятельности, для отдыха, для принятия пищи. Изготавливая их, мы руководствуемся соответствующими требованиями эргономики и эстетики, но, не вдаваясь в суть предмета, достаточно часто получаем, к примеру, кресло руководителя, сидя на котором, он не способен принимать решения. Наверное, всем присутствующим часто приходилось наблюдать ситуацию, когда в момент, требующий принятия решения, человек встает и делает это, то есть принимает решение, прохаживаясь по кабинету, – Ира сделала паузу и обвела взглядом присутствующих.

- Знаете, Ира, – задумчиво произнес Радный, – честно говоря, я не замечал, чтоб когда-то со мной или с кем-то из моих знакомых происходило иначе. Сидя за столом, я могу работать, могу общаться, но если требуется принять решение, я всегда встаю и прохаживаюсь по кабинету.

- Мой шеф тоже всегда ходит из стороны в сторону, прежде чем решиться на что-нибудь, – добавил Рауль.

- А теперь представьте себе древнего царя, ставшего для нас персонажем сказок, принимающего важное решение. Что он делает?

- Сидит на троне, – не задумываясь, выдохнул Радный.

- ...который, мягко говоря, с большим трудом вписывается в наши представления об эргономике. Мы смутно помним о том, что у каждой вещи должна быть суть, но при этом... Знаете, на что это похоже? Сидит трехлетний ребенок, не знающий ни одной буквы и, подражая взрослым, выводит каракули, воображая, будто пишет письмо. Его завитушки внешне похожи на рукописный текст, но в них нет никакого смысла.

В общем, обнаружив принцип вложенных друг в друга внутренних точек и неплохо разбираясь в символике, я и разработала линию мебели, для изготовления которой понадобится сверхточное оборудование. Вся коллекция включает в себя три стандартных направления: офис, отель, дом; и два основных вида деятельности: работа и отдых. Естественно, что основные виды деятельности имеют свои коррективы в зависимости от того, где они совершаются и кем.

Ира снова открыла просмотрщик с заготовленными jpeg файлами и, комментируя по ходу, стала показывать, как будут внешне выглядеть придуманные ею предметы интерьера с необычными свойствами. По окончании просмотра Генка позвал официанта и сказал, что теперь можно подавать горячие блюда.

- Ира, я, видимо, что-то неправильно понял... – немного растеряно начал Рауль.

- Что именно?

- Вы вроде бы в самом начале сказали, что начали работу этим летом.

- Да. Именно так.

- Но ведь для подобной проработки материала нужны годы!

- Знаете, вполне возможно, что и понадобились бы годы, если б Геночка не презентовал мне достаточно мощный компьютер. Геночка, спасибо тебе большое!

- Ну вот, хоть чем-то угодил Палладиной! А то заботаешься о ней, чтоб лишний раз не дергали, а она вместо благодарности...

- Знаете, Геннадий, Вам не стоит обижаться на Иру за ее резкость. Знаете, когда я ехал сюда, тоже не совсем понимал, зачем нужно присутствие дизайнера при монтаже оборудования, но теперь я полностью уверен, что без ее руководства ни единого движения не сделаю, – сказал Генке Рауль. – И все-таки, Ира у меня в голове не укладывается, как менее чем за полгода один человек может разработать... да нет, даже просто сделать эскизы, да еще в 3D, в таком объеме! Это в принципе невозможно! Я много общаюсь с дизайнерами и прекрасно знаю, сколько времени нужно на разработку одного единственного предмета интерьера! Ну а с 3D графикой сам работаю и представляю, сколько на это уходит времени! И, поверьте, пользуюсь я очень мощными и быстрыми компьютерами!

- Как вы думаете, сколько понадобится времени, чтобы, к примеру, отрисовать в 3D вот этот стул?

- Ну... если во всех подробностях, то не меньше дня.

- Знаете, мой ноутбук – не обижайся милый, – погладила она его, – суший тормоз и просто обожает виснуть, если работаешь в 3D, так что, если не повезет, то действительно целый день можно угрохать.

- Ну, а если...

- ...а если... в общем, как только доберемся до нормального компьютера, я Вам продемонстрирую, сколько это занимает времени у меня.

- Тогда – минуточку... Станислав Андреевич, я могу взять свой ноутбук из машины?

- Да, конечно.

Радный с Раулем вышли, и через некоторое время Рауль открыл свой ноутбук перед Ириной. Он что-то пояснил по поводу его параметров. Ира, не особо владея компьютерной терминологией, поняла только одно: ноутбук Рауля на порядки превосходил ее старичка. Она встала, поставила выбранный в качестве модели стул поудобнее и снова села.

- Что ж, засекайте время! – сказала она, когда 3D-тах открылся.

- А может, ты сначала поешь? – спросил Генка.

- Нет. Слишком горячо.

- А потом будет слишком холодно, – настаивал Генка.

- Не будет... – рассеянно бросила Ира, так как уже целиком и полностью погрузилась в работу. – Да, намного приятней, чем мой, но все равно тоже подвисает, – добавила она по ходу.

- Никогда не жаловался... – недоуменно сказал Рауль и встал у Иры за спиной. – Не возражаете?

- Не особо...

- Извините, не буду мешать, – и он снова сел, но даже беглого взгляда на ее работу хватало, чтобы удостовериться, что Ире приходится ждать, пока очень даже мощный процессор его ноутбука просчитает вводимые данные.

- Всё! Готово! Сколько там натикало?

- Восемнадцать минут двадцать три секунды – с ума сойти!

Рауль было сорвался с места, но Ира сама повернула к нему монитор:

- Смотрите, а я пока поем, если не возражаете. Как раз и температура пици пришла в норму.

Рауль смотрел то на монитор, то на стул, потом достал из кармана рулетку и промерил его:

- Потрясающе! Невероятно! Вы даже все размеры точно задали! Как Вам это удалось?

- Если честно – понятия не имею. Я просто умею это делать и все. И если бы ноутбук не подвисал, то можно и быстрее.

- Потрясающе... – в благоговении повторил Рауль и, немного помолчав, добавил – а вот мне, скорее всего, понадобится гораздо больше времени, чем я рассчитывал, на установку и наладку оборудования.

- Рауль! Я все оплачиваю! – возопил Гена.

- Скорее всего, Вы правы, Рауль, – согласилась Ира, одарив легкой улыбкой Генкин порыв. – Я предлагаю не приступать завтра же к монтажу, а уделить пару дней, а может, и больше, детальному планированию. Я уже несколько знакома с Вашим детищем и представляю, что мне от него нужно, но, я думаю, Вы, как разработчик, сможете внести весьма рациональные коррективы.

- По крайней мере, постараюсь, – заулыбался Рауль.

- Ирчик, – вступил в разговор Генка, – а я постараюсь загладить свою вину и добиться твоего прощения.

- Это каким же образом, Геночка?

- Я куплю тебе самый навороченный ноутбук. Годится?

- Годится!

- И ты меня простишь?

- Прощу, но с одним условием.

- Каким, если не секрет?

- Ты больше никогда не будешь за меня решать, что для меня важно, а что нет. Идет?

- Ирчик! Конечно, идет! Ведь я тайно влюблен в тебя!

- Что ж в этом тайного, если Вы, Геннадий, постоянно об этом говорите? – спросил Рауль.

- Рауль, видите ли, он имеет в виду, что ЯВНО не влюблен в меня, – ответила Ира, вызвав легкую вспышку смеха.

- Ну вот, – изобразил Генка оскорбленную невинность, – могучий русский язык!

Генино кривлянье отметили еще одной вспышкой смеха. Рауль задал Ире какой-то очень специальный вопрос, на что Радный, не дав ей ответить, сказал, что сегодня о работе говорено достаточно, к тому же сам генеральный инвестор оплачивает простой, а значит, вполне достаточно только договориться о том, чем следует заняться завтра, что они, по сути, уже сделали. Так что сейчас самое актуальное – расслабиться и отдохнуть.

Выйдя из ресторана, они отправились в бильярдный клуб. Ира в бильярде, по собственному признанию, понимала гораздо меньше, чем баран в апельсинах. На ее беду оказалось, что Рауль не просто понимает в бильярде, а даже небезуспешно принимал участие в соответствующих состязаниях. Он тут же возложил на себя обязанность научить ее этой увлекательнейшей игре. Ира поняла, что от уровня ее обучаемости напрямую зависит ее и без того весьма относительное спокойствие, и собрала в кучу все свое прилежание, но, несмотря на это, новая наука давалась ей с большим трудом, хотя Рауль и Радный наперебой завлекали ее, что она делает головокружительные успехи. По поводу успехов Иру одолевали серьезные сомнения, а вот головокружение она ощущала с переизбытком. «Учитесь властвовать собой!». Но как?

- Сосредоточьтесь на кие и шарах, – откуда-то сверху прозвучал голос Радного.

- Спасибо, – ответила Ира, подумала: «Все гениальное – просто. Требуется только переключить внимание с Рауля. Благо есть на что», – и с удвоенным рвением отдалась освоению бильярдных премудростей.

- А вот и я! – услышала Ира радостный Генкин голос.

Она немного удивилась, потому что не констатировала его временного отсутствия.

- Я так и понял, – заговорил Радный, – ты решил лишь на словах устроить Ирине выходной.

- А в чем дело? – «вынырнула» Ира.

- Ира, не обращайтесь на Логинава внимания, – сказал ей Радный. – Сегодня Ваша главная задача забыть напрочь о работе и в совершенстве освоить игру на бильярде.

- По-моему, насчет совершенства Вы изрядно погорячились, Станислав Андреевич.

- Ира, мы ведь с Вами, кажется, уже давно договорились, что Вы называете меня просто по имени! Ну а насчет совершенства я отнюдь не погорячился – у Вас очень даже чудесно получается для новичка.

- И не просто чудесно! – вмешался Рауль. – Насколько себя помню, я достиг подобных успехов лишь спустя месяцы упорных тренировок!

- Рауль, Вы мне льстите! Но все равно приятно. Геночка, а ты, никак, решил меня супернавороченным ноутбуком порадовать?

- Именно так, Ирчик.

Ира отложила кий и, демонстративно потирая руки, направилась к светящемуся радостью Генке. Они присели за одним из столиков, и Ген-

ка торжественно положил перед Ириной ее новое средство производства. Как и ожидалось, ничего кроме Windows XP на нем установлено не было, так что понять насколько сие приобретение превосходит ее старичка, Ира не могла.

- Рауль, можно Вас на минутку? – позвала Ира.

- Да, конечно, – отозвался Рауль и подошел к столику.

- Рауль, я ничего не смыслю в компьютерных параметрах, – с этими словами Ира встала, уступив ему место перед ноутбуком.

Рауль залез в дремучие, доступные лишь пониманию программистов дебри, и вскоре изрек, что Генкин подарок будет «сверхзвуковым авиалайнером парить» в любых, даже самых мастодонистых программах, притом в нескольких разом, а заодно пообещал вечером в отеле установить ей весь, имеющийся у него, пакет новейших версий графических редакторов. Последнее его заявление вызвало целую бурю Ириных эмоций. С одной стороны, ее весьма порадовало скорейшее обзаведение всем нужным ей soft-ом, а с другой... В общем, предстоящая необходимость остаться с Раулем наедине в отеле, вызвала в ней целую гамму переживаний в предельно широком диапазоне. Чисто теоретически существовала возможность избежать общения tet-a-tet, позвав с собой Генку, но Ира отчего-то даже не сомневалась, что он непременно куда-нибудь по каким-нибудь архивеским причинам испарится.

- Ира, я думаю, более ничего не держит Вас рядом с выдающимся образцом высоких технологий, – уверенно сказал, подходя к ней, Радный и протянул кий. – У Вас еще будет масса времени на общение с ним, а сейчас – расслабьтесь.

Ира улыбнулась и послушно заняла свое место у бильярдного стола. Игра стала для нее единственным щитом от Рауля, и она отдалась ей с особым рвением, даже остервенением и даже сама заметила, насколько неплохо ей удалось освоиться с новой для себя деятельностью.

Ближе к вечеру они заехали поужинать в тот же ресторанчик. По дороге в отель Генка, как Ира, сама не зная почему, и ожидала, свалил в неизвестном направлении.

- Ира, я сейчас возьму диски и поднимусь к Вам, – сказал ей Рауль на подходе к лифтам.

- А может, лучше, я к Вам зайду? – спросила Ира. – К чему диски туда-сюда таскать?

- Ну, если это Вас не затруднит, я буду очень рад, – ответил, улыбаясь, Рауль.

Естественно, зайти к Раулю Ира решила не из любезности. Конечно, гораздо увереннее себя чувствуешь на своей территории, но ненавязчиво уйти самой намного проще, чем деликатно выставить кого-либо. Рауль, видимо, об этой причине Ириногo решения не догадывался, а потому и воспринял ее предложение с большим энтузиазмом.

Еще пока они ехали в лифте, Ира завела разговор на тему возможностей новых версий, и Раулю ничего не оставалось делать, как заняться поиском нужных дисков, едва переступив порог своего номера. Пока

длилась установка, Ира стала задавать очень специальные вопросы относительно спроектированного Раулем оборудования. А как только работоспособность всего арсенала прошла успешную проверку, Ира, от всей души поблагодарив Рауля и не дав ему и слова вымолвить, сославшись на усталость, спешно откланялась. Рауль вызвался помочь ей донести оба ноутбука, но она отказалась, сказав, что устала отнюдь не физически и с обязанностями носильщика вполне справится сама.

В свой номер Ира не вошла, а влетела, не в силах более сдерживать душивших ее смеха и слез. Она вытерпела всего лишь еще мгновение, понадобившееся ей для того, чтобы запереть дверь и бережно уложить ноутбуки, и, едва покончив с этим, бросилась на кровать. Ира плакала, оттого что не могла позволить себе утонуть в своей безумной страсти и остаться с Раулем, а смеялась, оттого что...

Ее душил самый настоящий истерический смех, быстро пересиливший слезы. Этот смех будто не принадлежал ей вовсе. Он будто вцепился в нее, застав врасплох, и не отпускал своей мертвой хватки. Ира какое-то время всем своим существом ощущала его чуждость, но постепенно ощущения стали меняться. Что-то перевернулось. Это что-то поворачивалось достаточно долго и, тем не менее, развернулось круто и в один момент. Теперь Ира всем своим существом ощущала, что этот смех никакой не чуждый ей, что это именно она смеется и вовсе не истерическим хохотом. Она смеялась с безжалостной злорадной издевкой. Потом ощущение снова поменялось. Ире это показалось забавным, и она стала скользить между двумя точками, то воспринимая душивший ее истерический смех как нечто чуждое, притом огромное, могущественное и безжалостное, готовое даже убить ее, то от души хохоча над чем-то чуждым, слабым, затравленным и нелепым. Ира так увлеклась этим занятием, что не заметила, в какой именно момент смех отпустил ее.

Просто, вдруг она обнаружила себя спокойно сидящей, скрестив ноги, на своей кровати и выясняющей, что, собственно, является ею: нечто могущественное и злорадно хохочущее или нечто слабое и затравленное. И стоило только Ире обнаружить себя спокойно сидящей и выясняющей, что, собственно, ею является, как пришло осознание, что, собственно она по собственной воле спокойно перемещалась из одной внутренней точки в другую, а сами эти внутренние точки представляют собой точки настроек.

Ира встала и пошла в ванную. Собственный вид с красными, распухшими от слез глазами, который ей безжалостно показывало зеркало над раковиной, ничуть не обрадовал ее. Она включила на полную мощность душ и минут двадцать без единой мысли в голове стояла под его раскаленными хлещущими струями.

- Свято место пусто не бывает, – заключила Ира, вытираясь. – Да... Не успели соскучиться!

Она, укладываясь в постель, снова смеялась, правда, уже совершенно спокойно и осознанно. Больше полугода ее рвало с переменным успехом на части и вот уже почти месяц, как она нашла способ обрести гармо-

нию. И что? Новая напасть! Ее снова рвет на части и выматывает! И что?! То, с чем, как ей казалось, у нее уже никогда не возникнет никаких проблем! Собственно, и раньше у нее подобные проблемы возникли только раз, в ранней юности, из-за банальной неопытности, банального непонимания того, что с ней происходит. Именно поэтому ей показались ощущения по поводу Рауля столь схожими с ее полудетскими чувствами к Важину. Но теперь-то она вполне взрослая женщина, притом, как ей самой казалось, прекрасно всегда понимающая, что с ней происходит, по крайней мере, в этой сфере, и прекрасно всегда умеющая контролировать проявления своих физиологических потребностей.

Она вспомнила Влада. Он вызывал в ней определенные эмоции, и одно время она даже вроде как боролась с собой. Но то было совсем иное и далеко не с такой силой. Собственно, и боролась-то она лишь для очистки совести и лишь до того момента пока однозначно не убедила себя, что в их связи, лично для нее, нет ничего противоестественного. Собственно, в этом Ира, на самом деле, не сомневалась с самого начала, но некоторые общественные устои, на которые она давным-давно привыкла обращать, мягко говоря, минимум внимания, в тот раз попытались о себе вроде как напомнить. И как только с этим удалось покончить, Влад стал для нее хорошим другом и достаточно приятным постельным партнером, но не более того.

Впрочем, если подходить к вопросу объективно, то вполне возможно, что и с Раулем должно бы произойти нечто подобное, тем более что решение не смешивать работу с интимом, по большому счету, не основывалось на каком-то твердом убеждении. Она прекрасно не раз сочетала эти два жизненных аспекта. К примеру, с Игорем, да и с Женечкой, да и с тем же Владом, в конце концов, и никогда одно не мешало другому. Ира усмехнулась. Получается, что «нам ведь вместе работать» она использовала как отговорку, придуманную для себя самой же. Но зачем? Зачем-то... Но почему? Ира ясно поняла, что на последний вопрос она сама себе отвечать не хочет. Не хочет, потому что правду не скажет, а врать самой себе – это худшее, что можно придумать. К тому же Ира четко знала, что это лишь если судить объективно, с Раулем должно бы получиться то же самое, что и с Владом, а вот с субъективной точки зрения ей виделась совершенно другая картина. Смутная и непонятная, но уж больно иная для того, что бы ошибиться. Смутная и непонятная и ужасно пугающая – вот он где страх! Оттого и картина смутная и непонятная, что разглядеть ее во всех деталях страшно. «Взять свой страх в союзники, – вспомнила Ира Женечку. – Заманчивая идея! Только вот как ее воплотить в жизнь?».

- Уж лучше с ума сходить от вожделения, – сказала Ира вслух, – чем... – она замолчала и резко села в кровати.

Настенные часы показывали половину первого ночи. Не спалось совершенно. Ира встала и занялась перекачкой информации в новый ноутбук. Это несколько отвлекло ее и принесло так необходимую для успешного засыпания здоровую усталость.

Глава 28

Взгляд сквозь пальцы

Всю первую половину первого рабочего дня Ира посвящала Рауля в собственные соображения относительно практического использования разработанной им техники. Рауль хватал ее идеи налету и тут же излагал, как ему казалось, более оптимальные пути решений, ни на секунду не переставая обволакивать Иру пылким взглядом. Одно хорошо: смелости, пригласить Иру отобедать вместе, он так и не набрался, а потому, как только временной экватор рабочего дня оказался достигнутым, Ира, быстро выйдя из кабинета, направилась к заветной двери прохода.

- - -

- Как вы думаете, гостей не предвидится? – почти шепотом спросила Ира Зива и Лоренца.

- Нет, – уверенно промурлыкал Лоренц. – Татьяна Николаевна недавно уехала в город, а выход в сад мы закрыли, так что, если даже Женечке или, что еще менее вероятно, Владу приспичит заглянуть сюда, они вынуждены будут убраться восвояси несолоно хлебавши.

- Фух! – облегченно вздохнула Ира. – Тогда пойдемте наверх.

- Итак, – важно промурлыкал Лоренц, устраиваясь в кресле, – мы, конечно, ни на минуту не сомневаемся, что тебе действительно не хватает нашей компании, и все же, думаю, привело тебя нынче сюда нечто особенное. Что случилось, Ира?

- Сложно сказать...

- Коли так, – проорчал Зив, – рассказывай все с самого начала, с момента как ты села в поезд.

- Слушайте, – выпалила вдруг Ира, – я, по-моему, влюбилась!

- Ты?! Влюбилась?! – Лоренц выпучил глаза и проделал это так комично, что Ира не смогла удержаться от смеха.

- Нет, конечно, не влюбилась, но меня жизнь неожиданно-негаданно столкнула с человеком, который действует на меня очень сильно и очень однозначно.

- Ну, Ирочка, это совсем не страшно, просто нужно знать, что делать. Хочешь, я расскажу тебе, что делаю я, когда встречаю на улице кошечку, которая «действует на меня очень сильно и очень однозначно»? – Лоренц пристально посмотрел на удивленно-озадаченную Иру. – Видимо, рассказывать нет необходимости, – заключил он. – Девочка ты уже большая, и сама прекрасно знаешь, что именно делают и люди, и животные, и даже растения в таких случаях, не так ли?

- Это невозможно!!! – воскликнула Ира на полном серьезе, хотя понимала, что все сказанное, точнее промурлыканное Лоренцем не более чем шутка.

- Почему? – невозмутимо спросил Лоренц.

- Не знаю... – ответила она с обреченностью в голосе.

- Не обманывай! Тебе страшно. Так?

- Да...

- Ира, – вступил в разговор Зив, повторяя уже сказанное им, – расскажи все с самого начала, с момента как ты села в поезд.

Ира внимательно на него посмотрела, ненадолго задумалась и стала рассказывать, но Зив почти тут же перебил ее:

- То, что с тобой происходило – это неважно. Расскажи то, о чем ты думала. Какие мысли приходили тебе в голову в дороге?

Ира снова задумалась.

- Не думай – тогда вспомнишь, – посоветовал Лоренц.

Ира последовала его совету и буквально через мгновение ощутила себя в двух местах одновременно: у себя в гостиной на диване и в толь-ко что тронувшемся поезде, где она стояла у окна и улыбалась удаляю-щимся Женечке и Владу. «Вот она точка между вдохом и выдохом мира, точнее, между выдохом и вдохом», – пронеслось у нее в голове. «Еще одна точка отсчета», – Ира вспомнила, как осознанно выбрала ее в тако-вые и, также осознанно, форс-мажорной делать не пожелала:

- Ни к чему. Я абсолютно не готова целиком и полностью взять на себя ответственность за свою судьбу, да и оставить абсолютно все в прошлом тоже не могу, – проговорила она вслух.

- Что-что? – якобы не понимая, мурлыкнул Лоренц.

Ира пересказала им всё.

- Ну вот, видишь, – проурчал Зив, – ты сама осознанно выбрала точку отсчета.

- Впрочем, если б ты этого и не осознавала – это все равно стало бы так, – добавил Лоренц.

- В точке отсчета, даже в самой незначительной, что-то непременно заканчивается, а что-то начинается.

- Ты, надеюсь, не будешь отрицать, что время перед отъездом це-ликом и полностью посвятила завершению, притом в самых разных сферах? – Лоренц многозначительно посмотрел на нее.

Ира не задумывалась над этим, но сейчас, когда Лоренц обратил ее внимание, поняла, что она вполне осознанно и целенаправленно занималась завершением проектной части работы по мебели. К тому же, завершилась бесплодная борьба реального и ирреального в ее вос-приятии, что, пожалуй, на определенном уровне имело для нее гораздо большее значение.

- Всегда, когда нечто заканчивается, обязательно начинается что-то иное, – проурчал Зив.

- Что мне делать? – спросила Ира почти жалостливо.

- Ты нас спрашиваешь? – ответил вопросом на вопрос Лоренц, опять смешно вытаращив глаза, чем вынудил Иру рассмеяться вновь. – Ну вот! – Лоренц изобразил обиду. – Конечно! Можно ли человеку ожидать сколь либо вразумительных советов от кота и собаки?!

- Можно, – ответила Ира. – Если они, конечно, желают хоть что-нибудь посоветовать.

- Конечно, желаем! – с подчеркнутым энтузиазмом мявкнул Лоренц. – Вот только желаемое далеко не всегда соответствует действительному.

- - -

Рауль сидел за компьютером и казался полностью поглощенным работой, но стоило Ире подойти к своему столу, как он поднял на нее глаза. Мучительно-сладостная волна пробежала через все тело. Ира не-

имоверным усилием попыталась взять себя в руки, и внешне ей это удалось, но полностью овладеть собой никак не получалось. «Хоть думать не мешает», – заметила она про себя, и рабочий день продолжился.

Вечером подъехал Радный.

- Как успехи? – спросил он, зайдя в кабинет.

- Вполне обнадеживающие, – ответил Рауль.

- А Вы, Ирина, как считаете? – обратился Радный к Ире.

- Я более чем довольна. Правда, пока нахожусь в состоянии легкого шока, ведь морально готовилась к совершенно иному.

Радный усмехнулся.

- Я могу узнать сейчас о примерных сроках? – спросил он и тут же добавил. – Я не тороплю. Просто любопытно.

- Мне понадобится около недели, чтобы детально разобраться в требованиях Ирины, и тогда можно будет приступать к монтажу. Не думаю, что он займет больше времени, чем я предполагал, но вот наладка, скорее всего, несколько затянется.

- Что ж, форсировать процесс в мои планы не входит, так что времени у вас столько, сколько понадобится. Кстати, вам не кажется, что рабочий день уже часа два, как окончился?

- Очень может быть, – весело сказала Ира. – Знаете ли, счастливые часов не наблюдают, а это действительно счастье работать с человеком, который понимает, что именно требуется.

- Я рад, что угодил Вам, Ирина. А сейчас предлагаю закругляться и отправиться куда-нибудь поужинать.

Как Ира и догадалась, под «куда-нибудь» подразумевался все тот же ресторанчик.

...И время плавно потекло. День сменялся днем, но не менялся график: до обеда работа, в обед посиделки с Зивом и Лоренцем, после обеда снова работа. Вечером приезжал Радный, и они втроем ужинали в одном и том же ресторанчике. Генка по уши ушел в свое любимое актерство и вечерами работал в клубе, а потому не присоединялся к ним за ужином. Зато по утрам забегал к Ире в номер на кофе, который поначалу сам и заказывал, пока Ира не купила кофеварку, так как мастерство местных кофеваров оставляло желать лучшего. Дня через 3-4 к ним по утрам, к великому Ириному одновременно и удовольствию, и неудовольствию, стал присоединяться Рауль.

От выходных Ирина и Рауль единодушно отказались, но Радный периодически, дав им потрудиться полдня, в приказном порядке вытаскивал обоих в бильярдный клуб и пару раз силой вывез загород. Морозы еще толком не ударили, но лесные тропинки уже покрывал приличный снежный наст, и к ужасу Иры ей «порекомендовали» встать на лыжи.

Она хорошо помнила эти адские приспособления для передвижения по снегу со времен учебы в училище и академии. Ира, как ни старалась, не могла втолковать учителям физкультуры, что выросла она в солнечном Сочи и лыжи до поступления в училище видела лишь на картинках и по телевизору. Не верили! Ну не укладывалось в голове се-

верян, что можно не уметь ходить на лыжах! У Иры даже как-то закралось подозрение, что они все как один родились с лыжами на ногах и с лыжными палками в руках. Она не раз умоляла мужа взять ей на зиму освобождение от физкультуры, и он всеми силами пытался выполнить желание любимой, но не тут-то было! Кто главный человек в учебном заведении, готовящем художников? Конечно же, физрук! Даже мнение ректора оказалось бессильным против убеждения физкультурной кафедры, что на самом деле главное в жизни студентки Палладиной это в совершенстве освоить передвижение по снегу на лыжах. Лишь в тот год, когда она родила Лешку, доблестные физкультурники, скрепя сердце, оставили ее в покое, и то в полной мере лишь до родов. В общем, сей вид развлечения частенько становился темой ее кошмарных снов.

Радный с интересом выслушал эмоциональную Ирину тираду, а затем спросил:

- Ира, а как же ваша Красная Поляна?

- О-о! Нынче с чего-то многие решили, будто сочинцы все поголовно заправские горнолыжники! Вообще-то, Красная Поляна, как горнолыжный центр, стала развиваться не так уж давно. Даже мой Лешка не пользовался ее прелестями, да и сейчас далеко не все дети имеют такую возможность. Ну а во времена моего детства, на месте «Альпика-Сервис» лес рос. Правда, если честно, я не могу утверждать это с полной уверенностью, так как сама в Поляне побывала уже будучи взрослой.

- Стас, лыжи и Палладина – вещи действительно несовместимые, – подтвердил Генка.

- Это мы еще посмотрим! – с пугающим энтузиазмом воскликнул Радный, и Ира поняла, что пропала.

Весь день он заботливо возился с ней, и к вечеру Ира даже вошла во вкус, так что следующую загородную поездку восприняла уже с удовольствием.

В общем, чисто внешне жизнь текла мирно и размеренно. Дня через три Ира полностью освоилась с ритмом и вечером заглянула в поющий дом. Утром она позвонила Владу и расспросила его обо всем, что уже успела увидеть собственными глазами, так что ее указания не показались ни ему, ни Валентинычу особо странными. Валентиныч, правда, отметил, что Ира представляет себе обстановку так, как будто все сама видела, на что она язвительным тоном сказала чистую правду: «Ага! Вечерком заглядывала!». Дальше Ира придерживалась той же схемы: время от времени наведывалась в поющий дом, а затем созванивалась с Владом.

Созванивалась она и с Женечкой, точнее, чаще он с ней, но их беседы носили чисто формальный характер.

В общем, чисто внешне жизнь текла мирно и размеренно, что никак не отражалось на происходящем с Ирой на самом деле. Самое ужасное, что она не могла предъявить никаких претензий Раулю. Он вел себя предельно корректно и деликатно, позволяя себе лишь пылко смотреть на нее. Но это ни о чем не говорило. Ира заметила, что

взгляд Рауля, куда бы он его ни направлял, всегда оставался пылким. Ей иногда казалось, что она сама придумала, словно интересуется его не только как «неординарный дизайнер». Однако ее ощущения, что, как правило, и бывает в подобных случаях, от этого не менялись.

Ира несколько раз пыталась поговорить на эту тему с Зивом и Лоренцем. Но все, что они ей отвечали, сводилось к одному: если б это была заурядная ситуация, то она первую же ночь, не задумываясь, провела бы с Раулем, и ее гипертрофированные ощущения здесь абсолютно ни при чем, как и установка, якобы нельзя практиковать романы на работе, которой она усиленно защищается, тоже.

- Ира, ты ждешь от нас разрешения? – задал полуриторический вопрос Зив, когда она их совершенно достала своим нытьем. – Но кто мы такие, чтобы тебе разрешать или запрещать что-либо?

- Ну хоть посоветуйте! Что мне с собой делать!? – взмолилась Ира.

- Хорошо. Советуем, – важно промурлыкал Лоренц. – Сама решай.

В тот день, едва Ира снова заняла свое рабочее место, явился Радный и уволок их с Раулем в бильярдный клуб. Правда, сам Станислав Андреевич составлял им компанию не более получаса и затем, извинившись, уехал, но зато к ним присоединился Генка.

Вечером Ира, выходя из клуба, смеялась и шутила и вдруг молниеносно приняла решение: «А черт с ним со всем! Будь что будет! В конце концов! Я ведь безумно хочу этого!». Подъехало такси. Генка, как повелось, беспардонно занял сидение рядом с водителем. Ира, продолжая смеяться и шутить, очутилась с Раулем на заднем. Рауль приобнял ее. Ире казалось, что она сейчас задохнется от объявшего ее невысказанного возбуждения. Она не стала сопротивляться и отдалась во власть мучительно-сладостной страсти. Рауль прижал ее к себе. Такси ползло со скоростью улитки. По крайней мере, Ире так казалось. Генка, доехав до ночного клуба, попрощался, и такси поползло к отелю. На повороте Рауль слегка коснулся ее лица своей щекой, и она почувствовала его едва слышное, но напряженное дыхание. Она знала, что он горит в огне той же страсти, но сдерживается, не допуская более однозначных действий, и ждет, что она должна ответить ему... хоть чем-то... хотя бы положить свою руку на его... Ира уже собралась это сделать, как вдруг в нее вцепился мертвый хваткой невероятный, ледяной душью ужас.

Она немного пришла в себя уже в своем номере, сидя под дверью. Ее всю трясло, сердце бешено колотилось в глотке. Отчаянные попытки вспомнить, что же произошло, наконец-то представили внутреннему взору смутную картину: такси притормаживает около отеля, но прежде чем успевает полностью остановиться, она со словами «спокойной ночи» выскакивает из машины; выхватывает свой ключ у слегка опешившей от ее порыва девушки-портье; минуя лифты, несется к лестнице; буквально взмывает на одиннадцатый этаж; с четвертой попытки все-таки попадает ключом в замочную скважину; едва оказавшись в комнате, тут же запирается на два оборота и медленно сползает по двери на пол.

- Что это было? – спросила она сама себя вслух.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем Ира сумела заставить себя подняться, раздеться и влезть под душ.

Дрожь унялась, сердце стало биться почти ровно и почти на том месте, где ему положено. Правда, шанс уснуть, согласно собственным ощущениям, отсутствовал напрочь. Ира медленно оделась, вышла из отеля и отправилась к дому Радного.

- - -

- Тихо, – еле слышно проурчал Зив.

Ира прислушалась: Татьяна Николаевна мыла пол.

- Может, пойдем в поющий дом? – шепотом спросила Ира.

- Не стоит, – тихонько мурлыкнул Лоренц. – Татьяна Николаевна уже почти закончила, так что скоро уйдет.

Минуты через три щелкнул выключатель, и стало совсем темно, а потом послышался звук поворачиваемого ключа.

- Я сейчас, – буркнул Зив и скрылся в проходе. – Все в порядке, – добродушно проурчал он, вернувшись через пару минут. – Путь свободен и нас уже больше никто не побеспокоит – Татьяна Николаевна у себя дома и ложится спать.

Они втроем поднялись в гостиную.

- Жаль свет включать не рекомендуется, – посетовала Ира.

- А зачем он тебе? – нарочито удивился Лоренц.

- И то верно... – едва успев закончить свою короткую фразу, она уже пробиралась не на ощупь.

Под кофе Ира рассказала им все то, что стряслось с ней за вторую половину дня.

- Что со мной? Что мне делать? – вновь взмолилась она.

- А почему бы тебе не спросить у твоего любимого Женечки? – после недолгой паузы промурлыкал Лоренц. Ира молча достала мобильник, но он лапой выбил у нее из рук столь полезное достижение человеческой научной мысли. – Тоже мне! Нашла телефонный разговор!

- Ты же сам предложил спросить у него!

- Но не по телефону же!

- Знаешь, если я даже спрашивать буду не по телефону, созвониться мне с ним все равно придется.

- Ну, созвонишься, а потом что? В гости на такси поедешь?

- И что ты предлагаешь?

- Я предложил спросить у Женечки, а вот как ты это сделаешь – твои проблемы.

- Ира, не обижайся! – с сочувствием проурчал Зив. – Если бы мы могли тебе помочь хоть чем-то, кроме как немного развлечь, мы бы обязательно это сделали, поверь!

- Я верю... – сказала Ира, вздохнув и теперь только поняв, что предложение обратиться за советом к Женечке – это всего лишь шутка в стиле Лоренца. – Просто, вы сказали «решай сама», вот я и решила, и вот что из этого вышло.

- Знаешь, Ир, – очень тепло проурчал Зив, – ты приняла очень даже неплохое решение.

- Это почему же?

- Ты, конечно, сразу почувствовала, что здесь что-то не так, а теперь ты точно это знаешь и не будешь выдумывать для себя всякие дурацкие объяснения.

- Ну, знаете! С объяснением, что нельзя, потому что мы вместе работаем, пусть оно, конечно, и дурацкое, жить было как-то легче, чем с полным осознанием того, что я не пойми чего боюсь до смерти и даже больше!

- Ир, а тебе не приходило в голову, что, испытав столь сильный страх, ты больше не будешь чувствовать в отношении этого Рауля ничего из того, что так заботило тебя все это время? Может быть, этим вечером ты исцелилась, и больше ничего не будет докучать тебе, а?

- А ведь вправду! – Ира аж повеселела.

Она прислушалась к своим ощущениям – по ее телу больше никаких мучительно-сладостных волн взад-вперед не бегало.

- Ну вот, видишь? – радостно промурлыкал Лоренц.

- - -

Утром Иру разбудил стук в дверь. Она спешно накинула халатик и спросила:

- Кто там?

- Ирчик! Да ты, никак, дрыхнешь еще! – послышался радостный Генкин голос.

Она открыла. На пороге стояли Генка с Раулем.

- Который час? – просыпание давалось ей с трудом.

- Как всегда восемь, Ирчик! Ни минутой меньше! – поставил ее в известность Генка.

Присутствие Рауля Ира лишь констатировала с полной уверенностью, что его персона более не вольна волновать ее. Рауль, как ни в чем не бывало, смотрел на нее все тем же пылким взглядом, который, и Ира была в этом абсолютно уверена, никак на нее не действовал.

- Нет, ну надо же! – задорно воскликнула она. – Проспала! Вроде и легла вчера не поздно.

Это было откровенное вранье. Выйдя из прохода в доме Радного, Ире пришлось добираться в отель на такси, потому что общественный транспорт, функционирующий, не в пример сочинскому, до глубокой ночи, на улицах отсутствовал.

- Я не устаю удивляться Вам, Геннадий, – произнес своим бархатным голосом Рауль. – Вы, вообще, когда-нибудь спите?

- О! Рауль! Генкины феноменальные способности в этой области предмет моей давнишней черной зависти, – не дала ему хоть что-то сказать в ответ Ира. – Он может спать где угодно и как угодно. Он умеет отключаться хоть на пять минут, хоть на три, а может и всего на минуту и делает это при любой возможности, в любом положении тела. И жить он может в таком ритме хоть сколько и быть всегда свежим и бодрым. Оттого иногда и создается впечатление, что не спит вовсе.

- Ирчик! Ты преувеличиваешь!

- И в чем это?

- На самом деле, Рауль я все-таки предпочитаю иногда – хотя бы раз в месяц – устраивать себе полноценные сонные выходные, и в такой выходной могу беспробудно дрыхнуть часов пятнадцать, а то и восемнадцать к ряду.

Последнее время Генка уезжал по своим делам на такси, но сегодня решил посмотреть, как продвигается работа – ему давненько не приходилось заглядывать в финансируемый им цех. Он снова беспардонно плюхнулся на переднее сидение. Ира, снова отчего-то не сумев возмутиться, хотя каждый раз при его подобной выходке собиралась это сделать, уселась рядом с Раулем. Тут ей пришлось признаться себе в том, что она испытывает некоторую неловкость, но Ира смело отнесла это на счет вчерашнего инцидента, ведь ее поведение тогда действительно не отличалось корректностью и последовательностью. В общем, она решила, что ей всего лишь стыдно. Рауль вел себя так, будто вчера вечером ничего не произошло, и уселся, как и всегда на почтительном расстоянии от нее.

Присутствие Генки превратило начало рабочего дня в экскурсию по бывшему складскому ангару, уже начавшему приобретать черты цеха мебельной фабрики. Экскурсант живо интересовался абсолютно всем, при этом, казалось, с особым кайфом демонстрируя свое полное невежество. Казалось, что он задался целью своими дурацкими расспросами довести до белого каления своих двух экскурсоводов в лице Иры и Рауля.

Рауль держал себя в руках и терпеливо пытался найти доступную форму для ответа на вопросы представлявшие собой воплощение идиотизма. Ира, поняв, что Генка решил поприкалываться, ничуть с ним не церемонилась:

- Генка! Вали отсюда! Или я придушу тебя собственными руками!

- Ирчик! Ну как ты не понимаешь! Я ведь финансирую проект и должен быть полностью в курсе всего, что здесь делается.

- Слушай! Ты! Финансист! Хватит прикалываться!

- Ирчик! Не нервничай! Вот мне вполне серьезно не вполне ясно...

- Что тебе «вполне серьезно не вполне ясно», а?

Генка, оказывается, не вполне понимал, почему какой-то шурупчик находится именно на том месте, где находится, а не пятью сантиметрами выше и тремя сантиметрами левее:

- Ну согласись, Ирчик, как художник согласись, что тут он смотрелся бы гораздо симпатичнее!

- О боже! – воскликнула Ира, театрально хватаясь за голову. – Генка! Я бы давно уже тебя бросила тут и ушла работать! Мне Рауля одного с тобой оставлять совесть не позволяет – ты же его своим паясничеством в могилу сведешь!

Впрочем, Ира отнюдь не злилась. Генка прикалывался над ними, и она отвечала ему тем же. И всё же, эта двухчасовая экскурсия основательно вымотала ее.

- Фух! – тяжело вздохнула она, – Логинов кого хочешь доконает!

Рауль поднял на нее свои лучистые глаза, окинул пылким взглядом, нежно улыбаясь, и произнес бархатным голосом:

- Ира, не принимай близко к сердцу.

- Да я и не принимаю! Мне даже весело! Просто я смертельно устала от его дурацких приколов не в тему!

- Так отдохни немного! Не думаю, что случится нечто страшное, если ты присоединишься ко мне, скажем, через полчаса-час. Даже если меня и занесет куда-то не туда – ты знаешь, мы с тобой всегда найдем оптимальное решение. Иди! Расслабься!

- Спасибо! – сказала Ира довольным голосом и вышла.

Она было направилась к проходу, но у самой двери затормозилась. Напротив нее стояла очень даже удобная скамейка и очень даже удобная урна. Ира села и закурила.

Еще во время «экскурсии» Ира обреченно отметила, что ей лишь показалось, будто ее самочувствие в отношении Рауля пришло в норму. Показалось, видимо, благодаря настойчивым убеждениям Зива и Лоренца. По логике ей следовало бы рассердиться на них, но вместо этого Ира испытывала глубокое чувство благодарности. Она определенно знала, что они всеми силами стараются помочь ей, но не по-человечески, а по-настоящему. К тому же, констатируя, что мучительно-сладостные волны никуда не делись и доблестно несут свою вахту на своем законном месте, Ира даже обрадовалась. «Воистину! Человечество – это сборище мазохистов! – усмехнувшись, подумала она. – Хлебом не корми – дай пострадать!». Было такое ощущение, будто она с психу выкинула нечто очень нужное, дорогое и любимое, а потом, уже смирившись с утратой, вдруг нашла это, удивительным образом сохранившимся целым и невредимым. В общем, к худу иль к добру, но все осталось без изменений. «Нет, не всё», – сказала сама себе Ира, вдруг вспомнив, о чем на самом деле хотела подумать. До сегодняшнего дня они общались исключительно на «Вы», и самое ужасное, что Ира даже под страхом смертной казни не могла вспомнить, кто сказал «ты» первым – он или она сама?

Ира достала еще одну сигарету и закурила, глядя в никуда. Все мысли исчезли, словно их стерли, как стирают написанное мелом на доске. Вдруг она заметила, что сигарета в ее руке около лица оказалась в двойном экземпляре. Ира вздрогнула и перевела на нее взгляд – одна. Она снова посмотрела в никуда и сигарета снова раздвоилась. Ей этот оптический эффект показался исключительно забавным и она принялась с ним экспериментировать. Когда огонек добрался до фильтра, Ира полезла за следующей, но пачка оказалась пуста. Она попыталась поэкспериментировать с ней, но впечатляющего эффекта не получила, и в ход пошел собственный указательный палец. Сначала раздвоенные элементы сильно расплывались, но постепенно ей удалось поймать точный ракурс, в котором изображения стали предельно четким. А потом...

Ира сидела как раз напротив двери прохода. В тот момент, когда ей удалось «навести на резкость», и перед глазами красовались два идеально четких указательных пальца на расстоянии примерно сантиметра четыре друг от друга, между ними – сначала расплывчато, но постепенно с предельной ясностью – Ира увидела то, что Зив и Лоренц, собственно, и называли проходом. Ира аккуратно поднялась, не теряя

картинки из виду, и медленно пошла к двери. Оказавшись на нужном расстоянии, она, не теряя пойманной фокусировки зрения, медленно протянула руку, которая тоже виделась ей в двойном экземпляре, но в данном случае произошло нечто малообъяснимое на основании законов бинокулярного зрения. Свою руку она протянула, естественно, к дверной ручке, при этом одна рука из раздвоенного изображения действительно взялась за ручку двери, а вторая... вторая просунулась в щель прохода. Одна рука открывала дверь, а вторая в это же время отодвигала край прохода как занавес. Только в отличие от обычного занавеса щель открывалась сразу по всей длине и сразу в обоих направлениях, вроде раздвижной двери с фотоэлементом. Самое ошеломляющее ждало ее тогда, когда дверь и проход открылись. Собственно за дверью Ира увидела то, что и ожидала – цокольный этаж своего дома, ведь именно сюда она собиралась попасть, а вот в образовавшейся щели в то же самое время были видны все другие выходы.

Зив со всего маху прыгнул на нее, и Ира упала на пол в своем доме.

- Извини, – проурчал он, облизывая ей лицо, – если бы я этого не сделал, ты могла застрять там.

- Все в порядке... я просто не ожидала... – как в полусне проговорила она, поднимаясь.

Ира, не обращая ни на что внимания, встала напротив двери и повторила свой эксперимент с пальцем. Ей без труда удалось сразу поймать нужную фокусировку, и она тут же ясно увидела в середине раздвоенного изображения щель.

- Вау! – радостно промурлыкал Лоренц. – Наша подопечная сама научилась смотреть на мир сквозь пальцы!

- Что-что? – спросила Ира, с трудом отрывая внимание от щели.

- Ты сама освоила один очень примечательный приёмчик, – пояснил Зив. – Мы собирались научить тебя ему, когда ты освободишься, а у тебя получилось натолкнуться на него самостоятельно, и это здорово по-настоящему!

- Ирочка, поведай, как у тебя это получилось? – спросил Лоренц.

- Может, сначала разнообразия ради в гостиную поднимемся?

- Минутку. Я проверю: не беспокоят ли нас, – проурчал Зив и скрылся в проходе.

Вернулся он буквально через пару минут и сообщил, что Татьяна Николаевна хоть и находится у себя дома, но сюда заглядывать явно не собирается. Они вдвоем поднялись наверх, и, когда все удобно устроились, Ира рассказала, как очень удачно выкурила сигарету.

- Bravo! – довольно мявкнул Лоренц. – Нам осталось лишь подсказать тебе один маленький нюансик. Ну-ка, посмотри-ка на свой пальчик... – Ира выполнила то, что от нее требовали. – А теперь определись – какой из двух ты чувствуешь настоящим.

- По-моему, тот, что справа.

- Замечательно! А теперь сосредоточься и сделай так, чтоб настоящим ощущался тот, что слева.

Задача оказалась непростой, но, в конце концов, Ире удалось почувствовать то, чего добивался от нее Лоренц.

- Есть!

- Чудесно! А теперь снова сделай, чтоб настоящим стал правый... теперь опять левый... отлично... продолжай в том же духе.

Иру захватило это упражнение.

- Интересные ощущения... – заключила она.

- И не только интересные, но и полезные, – проурчал Зив.

- Ты ведь сама сказала, что видела свою руку в двойном экземпляре, – промурлыкал Лоренц, – притом, одна открывала дверь, а вторая – непосредственно сам проход, так?

- Да... – заинтригованно подтвердила Ира.

- Видишь ли, – стал объяснять Зив, – ты всегда это делала, то есть одновременно открывала дверь и проход, но не обращала на это внимания, а теперь ты узнала, как это сделать, то есть обратить внимание.

- Вообще-то, – взял слово Лоренц, – поначалу ты открывала только дверь – проход открывали мы.

- Верно, – подтвердил Зив.

- А потом вы стали учить меня вроде как выбирать направление, а на самом деле, как я теперь понимаю, открывать именно проход, верно?

- Почти. Выбор направления тоже немаловажная вещь. Ты сегодня чуть не застряла, увидев их все разом, – ответил Зив.

- Но сейчас это все уже неважно, – промурлыкал Лоренц. – Теперь важно то, что отныне ты можешь пользоваться проходом не вслепую. И особо важно, каким именно способом ты будешь это делать.

- Сейчас тебе Лоренц показал, как можно выбрать из двух изображений реальное. Так вот, если ты сознательно выберешь как реальную ту руку, которая открывает дверь, то будешь пользоваться проходом так, как до сих пор пользовалась. То есть: ты четко знаешь, куда тебе надо попасть, открываешь дверь и оказываешься там, где нужно. В этом случае, обращаешь ты на это внимание или нет, призрачная рука откроет проход. Но если в качестве реальной ты выберешь именно эту руку, то есть руку, открывающую проход, то призрачной станет рука, которая вроде как должна открыть дверь, но она не сможет этого сделать, потому что призрак не способен хвататься за объекты, воспринимаемые обычными людьми как материальные, и просто проходит сквозь них. В этом случае тебе нет необходимости определяться с направлением заранее. Ты можешь решить куда отправиться, выбрав из того, что увидишь перед собой, и проскользнешь туда, не открывая двери, расположенной в привычном для тебя физическом мире. Кроме того, это позволяет тебе пользоваться проходами, которые никак не связаны с дверьми, сооруженными людьми на месте щели. Второй способ гораздо более удобный, но у него есть один существенный недостаток: пользоваться им желательно, только лишь удостоверившись в своем одиночестве.

- Сама понимаешь, растворяться в пространстве при свидетелях не самое лучшее из того, что можно придумать, – пояснил Лоренц.

- Да... наверное... – задумчиво проговорила Ира и вроде собиралась продолжить, но затормозилась.

- Что ты хотела сказать? – спросил Зив.

- Не стоит, – ответила Ира. – Это по поводу Рауля.

- Почему ж «не стоит»? – спросил Лоренц. – Что там «по поводу Рауля»?

- Ничего не изменилось...

- Так уж и «ничего»?!

- Ну как... Мы перешли на «ты». Я, правда, не уловила, когда точно это произошло, и кто сделал это первым...

На некоторое время воцарилось молчание, которое прервал Зив.

- Ира, кот и собака не советчики человеку, когда мучающий его вопрос лежит сугубо в сфере человеческого.

- Хотите сказать, что животные не испытывают полового влечения? – со скептической язвительностью спросила Ира.

- Отчего же? Испытываем, конечно. Только у животных половое влечение связано лишь с намерением произвести на свет себе подобных, а для человеческого полового влечения функция воспроизводства стала вторичной.

- Притом только для обычного человека, – уточнил Лоренц, – который пользуется половым влечением в первую очередь ради наслаждения. А для таких, как ты, она даже не третичная, не четверичная, а может, даже и не десятичная. Для таких, как ты, даже наслаждение не на втором и не на третьем месте.

- А вот для чего такие, как ты, используют половое влечение, в чем для них состоят его главные функции, мы не знаем, – заключил Зив.

- Нет, мы, конечно, можем тебе сказать, что данные функции лежат за пределами воспринимаемого обычными людьми. Это, кстати, – чистая правда. Но разве тебе это хоть чем-то помогает? И еще. Только люди склонны учить тому, что, как им кажется, они знают, но что сами делать не умеют.

- Угу... Начитаются книжек – и учат. Но это не есть знания. Это всего лишь словоплётство.

Глава 29 Параллельные

Время понеслось дальше. Ира смирилась. Однако, как и ожидалось, облегчения это не принесло. Она панически боялась, что Рауль попытается как-то более определенно проявить свои чувства, но он не пытался, если не считать сводящего с ума пылкого взгляда, и ее это злило, доводя до бешенства. После второй вылазки загород она окончательно ошалела.

Это произошло вечером, когда они возвращались. Радный вел машину. Место рядом с ним занимал Генка. Ира с Раулем сидели, как и обычно на пионерском расстоянии, сзади. Когда они уже подъезжали к городу, Генка вдруг на остановке заметил шеф-повара клуба, в котором работал по вечерам, и попросил Радного подобрать его. Шеф-повар своими габаритами полностью соответствовал сложившемуся относительно этой профессии стереотипу, и когда разместил свои тела на заднем сидении, Ира оказалась плотно прижатой к Раулю.

Состояние стремительно приближалось к полуобморочному, притом с ясными ощущениями тех же физиологических реакций со стороны Рауля, но все наполненные ужасом страстные ожидания, что он обнимет ее, не оправдались.

Генка усиленно звал их на свое выступление, и все вроде бы были согласны, но когда машина проезжала мимо отеля, Ира, сославшись на усталость, попросила высадить ее. К ее радости и ужасу Рауль вышел вместе с ней.

В лифт набилась куча народу, снова прижав их друг к другу, но вся эта куча вышла на третьем этаже, где располагался кабак, и они остались вдвоем. Рауль нажал кнопку своего девятого, а когда лифт остановился, он, нежно улыбнувшись, пожелал ей спокойной ночи и, окинув ее пылающим страстью взглядом, ушел. Ира доехала до своего одиннадцатого и, не выходя, спустилась обратно вниз – сидеть сейчас в собственном номере для нее казалось смерти подобно. Она уже пожалела, что не вняла Генкиным мольбам провести хотя бы часть ночи в клубе, и уже хотела позвонить ему и попроситься, но передумала и пошла тупо слоняться по засыпанному снегом городу. Она бесцельно бродила по незнакомым улицам пока окончательно не продрогла. На перекрестке сверкала одной единственной буквой из довольно длинного названия какая-то кафешка. Ира зашла, уселась за самый дальний столик напротив небольшой двери на здоровенном замке, ведущей, судя по всему, в какую-то подсобку, и заказала чашку зеленого чая, тут же расплатившись.

Сделав несколько глотков горячего напитка, она закурила, уставившись на раздвоенную сигарету, и вдруг увидела, что дверь с большим замком – это проход. «А почему бы тебе не спросить у твоего любимого Женечки?», – фраза Лоренца настолько ясно пронеслась у нее в сознании, что ей показалось, будто она услышала ее. Рассудок попытался порассуждать на эту тему, но Ира отбросила его уже начавшие оформляться доводы и достала мобильник. «Тоже мне! Нашла телефонный разговор!» – пронеслось так же ясно.

- Знаем! – с какой-то остервенелой уверенностью сказала сама себе Ира вполголоса и с той же остервенелой уверенностью нашла телефон, значащийся под именем Анастасии Максимовны.

- Алло, я Вас слушаю?

- Откройте мне проход.

Последовала долгая пауза.

- Как скажете, – прозвучал тот же голос, но с иным оттенком.

- Как из преисподней, – констатировала Ира.

Она окинула взглядом зал – на нее никто не обращал внимания. Сделав еще пару глотков чая для храбрости, Ира «посмотрела на мир сквозь пальцы», подошла к двери протянула руку, ту из раздвоенного изображения, которая протянулась к щели, заставила себя ощутить реальной и раздвинула створки. Сеть оказалась достаточно масштабной. Ира сконцентрировалась на Женечкиной квартире и тут же выделила из множества направлений все возможные варианты попадания к нему. Первоначально она хотела зайти через входную дверь, но как только

нужное выделилось на общем фоне, ей показалось, что Женечка в данный момент находится на кухне. Она уверенно вошла. Женечка сосредоточенно варил кофе. Как только он снял турку с огня, Ира сказала:

- Привет. Извини, что без предупреждения.

Женечка медленно повернулся.

- Ё-к-л-м-н... – медленно проговорил он, ошеломленно разглядывая Иру. – Палладина! Какими судьбами?

- Спроси Анастасию Максимовну. Ты ведь, я думаю, не разнообразия ради дал мне номер ее телефона, а?

Женечка рассмеялся:

- Кстати, как тебе Анастасия Максимовна?

- Впечатлила! Даже очень. Особенно когда поняла, по что ее беспокоят – голос как из преисподней.

Женечка натянуто рассмеялся.

- Это она умеет...

- Послушай, Жень, по-моему, ты не рад мне.

Женечка тут же подскочил к ней, схватил на руки и истошно заорал:

- Ирка! Сколько лет, сколько зим! – он расцеловал ее в обе щеки, затем поставил на пол и с ноткой сарказма в голосе спросил, – Ты ожидала, что я должен так выражать свою радость? А? Палладина? Тебе не кажется, что своим триумфальным появлением у меня на кухне ты, мягко говоря, ввергла меня в шок? Нет? Не кажется?

- Женечка, извини, я просто уже привыкла, что ты обо мне знаешь гораздо больше, чем я сама о себе, и в данном случае мне казалось, что ты должен ждать меня.

- Ирка! Издеваешься?

- Есть немного...

- А по-моему, не немного. Ирка! Я рад тебе, даже не представляешь как, но дай мне в себя-то прийти! Кофе, кстати, будешь?

- Буду, конечно!

- Тогда идем, – Женечка взял поднос и уже было направился к двери, но внезапно остановился. – Нет! Подожди! – он поставил поднос. – Ты у нас, конечно, девушка талантливая, но так все же безопаснее.

Он за руку отвел Иру в гостиную, а потом вернулся за подносом.

- Итак, по поводу обретения тобой эксклюзивных сведений относительно устройства пространства я интересоваться не буду, хоть любопытство меня и терзает.

- Женечка! Тебя терзает любопытство?! Тебя?!

- А что в этом удивительного? Я тебе давно пытаюсь вдолбить, что с телепатией у меня туго, а от моего тотального контроля Вы, госпожа Палладина, уже давно и бесповоротно отделались.

- Женечка, должна признаться, меня тоже терзает любопытство.

- По поводу?

- По какой причине ты перекрываешь кислород своему?

- Насколько я могу догадаться, ты точно знаешь почему, но тебе интересна моя точка зрения на этот вопрос, так?

- Ага...

- Ну что ж, у меня, как и у тебя, на этот счет нет собственной точки зрения. Я, как и ты, знаю, что в сетях проходов мы – гости и должны поддерживать правила игры хозяев. Впрочем, и они не хозяева, а лишь хранители и правила придуманы не ими, а это уже куда более серьезно. Я удовлетворил твое любопытство?

- Вполне.

Женечка ненадолго задумался.

- Я вообще не должен в это лезть, но коль уж ты сама затронула этот вопрос... Ира, я хочу тебя предупредить.

- О чем?

- Ира, любой человек без труда может воспринимать животных и растения, но далеко не каждый способен по собственной воле общаться с личностями, представляющими предметы с общепринятой точки зрения неодушевленные. Но... но... и это очень важно. С этими личностями для человека возможно адекватное общение, а с животными и растениями – нет. Я надеюсь, ты понимаешь, о чем я и к чему?

- Да. Понимаю, однако, не совсем с тобой согласна.

- Догадываюсь, а потому переживаю за тебя, так как вмешиваться в это не имею права. Видишь ли, духам плевать на нас, а вот животные и растения считают нас чем-то вроде узурпаторов, а потому не так дружелюбны, как кажется. Нет, я не совсем правильно выразился. Они могут быть действительно дружелюбны и даже очень искренни, но, в отличие от духов, у них есть скрытые цели.

- То есть, тебе гораздо более импонирует безразличие духов, чем неясная заинтересованность воспринимаемого нами живого мира?

- Ира, мне сложно об этом говорить, так как я знаю далеко не всё. Я знаю гораздо меньше тебя, но я, в отличие от тебя, практически полностью осознаю свое знание, ты же пока в потемках. Я должен помогать тебе, но ни в коем случае не сбивать тебя с избранного тобой пути, а вот этот твой путь, с некоторых пор, вызывает у меня сильные опасения.

- У меня, с некоторых пор, тоже. Правда, в совершенно ином ключе, нежели тот, который имеешь в виду ты.

- Ир, что-то случилось?

- Да. И меня очень пугает, что ты, как я вижу, на этот раз ни сном, ни духом.

- В смысле?

- В смысле, что когда однажды возникла похожая ситуация, ты был в курсе гораздо лучше меня, а сейчас, как я вижу, ты даже не подозреваешь о чем речь.

- Какую именно ситуацию ты имеешь в виду.

- Ситуацию с Владом.

- Ну с Владом, по-моему, все в порядке, если не учитывать того, что он теперь считает тебя ясновидящей. И мне теперь понятно почему: ты преспокойно шастаешь в поющий дом, а потом пытаешься создать у него иллюзию, будто это он так подробно тебе все рассказывает. Но он-то ведь мальчик отнюдь неглупый, и не устает дивиться твоим наводящим вопросам. Ирочка! Здесь нет никакой проблемы!

- А я разве сказала что у меня проблемы с Владом?

Женечка внимательно и более чем серьезно глянул на Иру.

- Видимо, я тебя неправильно понял, – медленно проговорил он.

- Когда меня обуревали чувства к Владу, которые я считала непозволительными, ты понял все без моего участия и, как мне казалось, гораздо правильней меня самой. А теперь, с одной стороны, мне кажется, что ты действительно ни сном, ни духом, а с другой – есть подозрение, что ты попросту решил развлечься, немного поприкалывавшись надо мной, то есть, попросту говоря – издеваешься.

- Ира, поверь, ничуть. Я действительно не могу понять, о чем ты.

- Хорошо, – сказала Ира и принялась во всех подробностях рассказывать о Рауле.

Женечка слушал очень внимательно и не перебивал.

- Ира, а ты говорила по этому поводу с Генкой? – спросил он, помолчав минуты две после завершения отчета.

- Знаешь, когда я хотела бы это сделать, обстоятельства складываются так, что я по разным причинам не имею возможности, а когда возможность есть – я напрочь забываю о своем намерении.

Женечка надолго погрузился в размышления. Ира отметила про себя, что озадачила его не на шутку.

- Ира... – Женечка запнулся. – Во черт! Я не знаю, как спросить!

- Ты хочешь узнать, не пыталась ли я что-либо выяснить у того, кто научил меня пользоваться проходами?

- Верно. Палладина! Ты действительно начинаешь производить впечатление ясновидящей! – Женечка попытался пошутить, но получилось у него коряво.

- То, что со мной происходит, лежит в сфере сугубо человеческой и недоступно постижению животных. У них напрочь отсутствует подобный опыт.

- Как я понимаю, это суть полученной консультации?

- Да.

- Оно может не знать всех тонкостей происходящего, но может быть очень хорошо осведомленным о причинах возникновения ситуации, – как бы сам себе сказал Женечка. – Но если желания посвящать тебя в свои планы у него нет, ты ничего не узнаешь, – продолжил он, уже в упор глядя на Иру. – Ира, я не могу запретить тебе общаться с этим существом, но будь предельно внимательна. Помни, животные и растения преследуют собственные цели, в которые не спешат посвящать нас.

- Жень, – Ира улыбнулась, – не сгущай краски! Что-то подсказывает мне, что мои вышедшие из-под контроля сексуальные притязания не находятся в сфере интересов флоры и фауны.

- Я, конечно, верю тому, что тебе подсказывает, но...

- Жень, ты меня пугаешь!

- Я тебя не пугаю. Я сам боюсь. Боюсь с того момента как...

- ...как узнал, что страж прохода в моем доме животное? – перебила его Ира и, не дав ему ответить, продолжила. – И потому свой страх связывал только с этим, так?

- Верно... – Женечка задумался. – Ир! – как бы сделав открытие, воскликнул он. – А что Радный?

- Что Радный! Создает все условия для работы. У меня к нему никаких претензий.

- Стоп! Ира! Ведь ты испытывала к нему по твоим же собственным словам совершенно потрясающий восторго-страх или страхо-восторг, не так ли? Неужели теперь он для тебя стал абсолютно индифферентным?

- Не знаю... – ответила Ира, не задумываясь, и осеклась.

- Что-то мне этот твой Рауль уж больно не нравится, – сказал Женечка и начал рассуждать как бы сам с собой. – Если этот Рауль просто банально хочет тебя, то, насколько я понимаю, затащить тебя в постель ему не составляет никакого труда. Но он явно не собирается тебя туда затащить. Ему нужно чтобы ты сама пришла. Нет ничего проще, демонстрируя свое вожделение, но при этом, не делая никаких решительных шагов, заставить другую сторону с разбега броситься в объятия. Обычные люди играют этим, но он к обычным вряд ли относится, иначе я увидел бы, ведь ты не заслонялась от меня. То есть непроницаемую завесу устроил он...

Женечка замолчал. Ира уселась к нему на колени и прижалась. Он решительно усадил ее обратно на диван.

- Ира, если ты считаешь хорошей идеей снять свое сексуальное напряжение со мной, то ты глубоко заблуждаешься – это плохая идея, – сказал Женечка резко. – Ир, не обижайся, – продолжил он более мягко, – но даже не смей проделать что-либо подобное с Владом или с кем-либо еще. Впрочем, – добавил он ехидно, – можешь без всяких угрызений совести поиметь Игорька.

- Спасибо за хороший совет, – съязвила Ира. – Во-первых, где я его возьму, а во-вторых, не очень хочется.

- Ну! Если захочешь – возьмишь! Так что проблема кроется лишь в пункте под вторым номером. – Женечка рассмеялся и похлопал ее по плечу. – Видишь ли, – продолжал он совершенно серьезно, – люди отказавшись пользоваться сексом исключительно с целью размножения, сделали из него вещь очень многогранную. Впрочем, подавляющее большинство пользуется только одной из дополнительных граней – наслаждением. Тот, кто становится на путь исключительно духовного совершенствования, перестают пользоваться им, то есть сексом, вообще. Но те единицы, для которых духовное совершенство сама их суть, посредством полового акта делают невообразимые вещи. Ты, надеюсь, понимаешь, что духовное совершенство не имеет никакого отношения к человеческой морали и нравственности?

- Женечка, а что можно делать с помощью полового акта?

- Палладина, в данный момент, этот твой вопрос относится к сфере праздного любопытства, а оно, как ты знаешь, не удовлетворяется. Так, возвращаясь-ка ты в свой отель и ложись спать, а я на днях загляну к вам. Уж больно мне интересно – что это за Рауль!

Женечка переделся, через кухонную дверь вывел Иру в исходную точку в кафешке, вышел вместе с ней на улицу поймал такси и, буквально затолкав ее в машину, отправил отсыпаться в отель.

Весь день пролетел как обычно. Ближе к вечеру позвонил Генка и радостным тоном сообщил:

- Ирчик! Ты представляешь! Гаров собственной персоной нагрянул к нам в гости!

Женечка снял номер напротив Рауля, но за целую неделю своего пребывания, несмотря на все ухищрения, так и не смог ни разу его увидеть. На третий день Ире стало по-настоящему страшно. Рауль, казалось, не делал ничего сверхъестественного. Казалось простым стечением обстоятельств, что их с Женечкой пути никак не могли пересечься. Но сама неуклонность возникновения этих самых стечений обстоятельств вовсю отдавала мистикой. Согласно изначальному плану в разведывательную деятельность Ира с Женечкой Генку посвящать не собирались, но по прошествии недели безуспешных попыток хоть одним глазком взглянуть на загадочного Рауля, пришлось прибегнуть к его помощи.

Допрос с пристрастием состоялся в Женечкиной квартире, куда он через проход провел Иру и Генкину.

- Ген, кто такой Рауль? – спросил Женечка без всякого вступления, стоило лишь им разместиться в гостиной.

- А что случилось? – непонимающе спросил Генка.

- Пока вроде ничего. Кто такой Рауль?

- Инженер... – Генка не мог взять в толк, чего от него хотят.

- Та-ак... – металлическим голосом протянул Женечка.

Ира отметила, что впервые в жизни видит его во гневе.

- Скажи мне на милость, с какой это стати ты постоянно пытаешься столкнуть его с Ирой?

- Я не пытаюсь...

- Ну так, чтоб совсем, конечно, не пытаешься, но для чего ты отправляешь Иришку к нему на заднее сидение.

- Люди! По-моему вы с дуба рухнули! Никуда я ее не отправляю. Ир, я не понимаю, в чем дело? Ты ведь сама, проигнорировав мою галантность, плюхаешься рядом с ним.

- Ген, ты открываешь дверь и плюхаешься на переднее сидение, а мне ничего не остается делать, как садиться сзади!

- Ира! Ты чего? Ребят, вы, по-моему, действительно с дуба рухнули!

- Совсем чудесно! – Женечка нервно заходил по комнате. – Генка, этот Рауль тебе никого не напоминает?

- Никого он мне не напоминает! – Генка начал терять терпение. – Я его первый раз увидел вместе с Палладиной. Ир, он что, тебе кого-то напоминает?

- Нет.

- Ладно. Может он какие-то ощущения у тебя вызывает?

- Жень, какие он должен вызывать у меня ощущения? Талантливый мальчик, и с Ирчиком они классно сработались, ведь так, Ирчик?

- Гена, что Радный говорит по поводу него? – продолжал допрос Женечка.

- Да ничего не говорит... Рад, что у Иры с ним полное взаимопонимание. Собственно, на это он и надеялся, когда пригласил Рауля.

- Забавно... – Женечка задумался.
- Может, тебе со Стасом поговорить? – опасливо предложил Генка.
- А может, ты чушь городить не будешь? – рявкнул на него Женечка.
- Женич! Может быть, вы объясните мне, что происходит? Ты же знаешь, я – слепой... – взмолился Генка.
- А может ты хоть когда-нибудь перестанешь ныть, напряжешь свои тонкие кишки и прозреешь, разнообразия ради? – взревел Женечка.
- Жень, успокойся... – вмешалась Ира.
- Извини, Ир, – Женечка попытался взять себя в руки. – И ты, Ген, извини.
- Женич, объясни, в чем дело?
- Жень, может, действительно рассказать? – спросила Ира.
- Нет, – уверенно ответил он. – Зря мы вообще весь этот разговор затеяли.
- Генка сидел, сжавшись, как побитая собака.
- Логинов! – строго сказал Женечка, – если ты завтра, проснувшись, будешь помнить хоть одно слово из этого разговора – я придушу тебя собственными руками, понял?
- Как скажешь, Жень...
- Свободен! – рявкнул ему Женечка, схватил за шкурку и выкинул через проход.
- Извини, Ир... – сказал он вернувшись.
- Ты всегда доходишь до бешенства, когда что-нибудь выходит за рамки твоего понимания?
- Ира весело смеялась. Женечка в недоумении уставился на нее. Ира смеялась, сама не зная чему, но так заразительно, что он вдруг присоединился к ней. Приступ мало уместного веселья длился достаточно долго. В конце концов, они прижались друг к другу лбами, и Женечка спросил:
- Палладина! Ты хоть что-нибудь понимаешь?
- Не-а! Но мне не привыкать.
- Логично! Однако, что делать-то будем, а?
- Женечка, а что ты обычно делаешь в ситуации, когда не знаешь, что делать?
- А ты?
- Спрашиваю у тебя, – Ира усмехнулась.
- А если серьезно?
- А если серьезно, то я первая спросила.
- Хитрая ты, Палладина! И все-таки первой придется отвечать тебе.
- Почему?
- Потому что это твоя проблема.
- Хорошо. Для себя я придумала такую формулу: «Если не знаешь что делать – делай хоть что-нибудь».
- Неплохо!
- Да, но эффективна она, только если дело касается работы.
- Догадываюсь!
- Догадываешься? Почему?
- Потому что за всю свою жизнь то, что не касается работы, ты вообще ни во что не ставила.

- Ну почему же? Просто относительно всего, что касалось иных сфер, я находила ответы у тебя.

- Вот-вот! Я всегда себе повторял: «Избалуеть Палладину! Ох, избалуешь!». И вот свершилось! Избаловал! Кстати, Ирка, а ведь ты далеко не всю свою жизнь меня знаешь! Как ты до этого справлялась?

- До этого? – Ира задумалась. – Не знаю... Как-то спонтанно все получалось. Да и, собственно, проблем-то подобных не возникало, – Ира снова задумалась. – Женька! Хватит меня мучить! Ты-то сам, что делаешь?

- Отхожу в сторону и занимаюсь чем-нибудь другим.

- Хорошая идея! – саркастично воскликнула Ира. – Только куда прикажешь мне отойти и, самое главное, чем заняться?

- Чего это ты раскричалась! – усмехнулся Женечка. – Это я так делаю, и, если ты заметила, тебе вовсе не предлагаю. Ты спросила – я ответил. Только и всего.

Они еще долго пререкались, но так ни до чего путного и не договорились. В конце концов, Ира пришла к выводу, что на данный момент самое разумное отправиться спать.

- Сама сможешь пройти? – спросил Женечка.

- Думаю, что да.

- Ну, давай!

- Пока! – сказала Ира и скрылась в проходе.

- - -

Утром Генка с Раулем по традиции заглянули к Ире. Рауль всегда находился в прекрасном расположении духа, но сегодня был весел как никогда. Зато Генка являл собой полную ему противоположность.

- Геннадий, Вы сегодня мрачнее тучи – что случилось? – поинтересовался Рауль сочувственно, но при этом обворожительная улыбка не покинула его лица.

- Не выспался, – буркнул Генка.

Между ними завязалась беседа о проблемах сна, а Ира сидела в ужасе. В ужасе от того, что всю неделю пребывания здесь Женечки, она вставала в то же самое время, что и всегда, и выходила в то же самое время, что и всегда. При этом, она, как и всегда, пила кофе в компании Генки и Рауля, и в то же самое время они пили кофе вдвоем с Женечкой, который тщетно пытался у нее в номере Рауля дожидаться. Холодный пот выступил у нее на лбу.

- Ира, а с Вами что? – ласково спросил Рауль и нежно провел рукой по ее спине. Ира чувствовала, что от возбуждения близка к обмороку. – Тоже не выспались?

Она неимоверным усилием взяла себя в руки:

- Рауль! – сказала Ира весело. – Мы, кажется, уже давно перешли на «ты», не так ли?

- Да, Ира, я запомнил. Так что с тобой?

- Со мной? Ничего! Я прекрасно себя чувствую и великолепно выспалась. Генка! А ты чего такой кислый? Публика «Браво!» только десять раз вместо пятнадцати прокричала?

- Девять, Ирочка, девять! Ну как можно такое пережить!

- Ну вот, а врешь, что не выпался. Рауль, наш Геночка очень щепетилен по поводу успеха, хоть и не гонится за общепризнанным признанием своего таланта. Кстати! Рауль! Ты ведь ни разу не видел его выступления.

- От чего же? Видел. Мы вчера со Станиславом Андреевичем как раз были. Жаль, что ты не смогла пойти с нами.

- А меня кто-нибудь приглашал? – изобразила обиду Ира.

- Ирчик! Я пришел тебя позвать, но ты уже спала.

- Она действительно вчера сильно устала. Знаешь, Ир я всегда себя считал конченным трудоголиком, но, оказывается, бывают и более тяжелые случаи, – пошутил Рауль.

- Так, по коням! – скомандовала Ира.

У Генки имелись какие-то дела неподалеку от нового цеха, и он отправился вместе с ними, уверенно разместившись на переднем сидении. Ира с Раулем сели, как всегда на пионерском расстоянии, сзади.

Внешне ничего примечательного в первую половину дня не случилось. В обед Ира отправилась к проходу. У себя дома она не появлялась уже целую неделю, то есть пока Женечка пытался изловить Рауля.

- - -

- Вау! Наконец-то! – приветствовал ее Лоренц.

- Ты куда пропала? – спросил ее Зив.

- Сейчас расскажу, – интригующим тоном ответила Ира.

- Ну, давай! – в нетерпении проурчал Зив, усаживаясь поудобнее.

- Только с самого начала и со всеми подробностями, – с не меньшим нетерпением промурлыкал Лоренц.

- Как скажете!

Ира села и стала рассказывать. Когда она дошла до звонка «Анастасии Максимовне», Зив и Лоренц вытаращили на нее глаза.

- Ты что, всерьез позвонила? – спросил Зив с неожиданным для Иры удивлением.

- Ну да, – не совсем понимая их реакцию, с неуверенностью в голосе произнесла Ира. – Я что, сделала что-то не так?

- И что «Анастасия-то Максимовна»? – игнорируя Ирин вопрос, аж ерзал от нетерпения Лоренц.

- Явление природы под кодовым названием «Анастасия Максимовна» некоторое время помолчало, а потом голосом как из преисподней изрек: «Как скажете», – Ира изобразила примечательный тембр «голоса из преисподней».

Зив и Лоренц катались по полу, что, как заметила Ира, соответствовало у них безудержному смеху.

- Дальше! Дальше-то что? – в нетерпении мявкнул Лоренц, едва они немного успокоились.

- Дальше я зашла к Женечке на кухню.

- И-и... – Зив аж вытянулся.

Ира как могла ярко описала сцену их с Женечкой встречи. Зив и Лоренц снова «умирали со смеху».

- Ир, так он что, так и не понял, что по поводу телефона это не шутка?

- Не знаю. Я как-то в тот момент не заостряла на этом внимания, тем более, я ведь и не догадывалась, что это для него должно выглядеть шуткой.

- Да-а, – веселился Лоренц. – Бедный дух! Он, наверное, и представить себе не мог, что его попросят открыть проход, пользуясь мобильной связью. Ира, а ведь ты изобрела новый тип коммуникации с духами!

- Не думаю, что приоритет принадлежит мне, ведь вы сами рассказывали, что духи так развлекаются.

- Верно. Только ты сама вспомнила, что это для них – способ развлечения, но никак не канал для серьезного общения. Ладно. Дальше-то, что?

Ира стала рассказывать дальше. Когда она дошла до предупреждения Женечки относительно скрытых целей, которые якобы имеются у земной флоры и фауны, Зив серьезно заметил:

- Он абсолютно прав.

- Может, скажете, что же это за такие загадочные цели?

- Ну, допустим, борьба за право безнаказанно писать на колеса, к примеру, какого-нибудь «LEXSUS»-а, – невозмутимо и с подчеркнутой серьезностью проурчал Зив.

- А птычам – какать на его крышу, – так же серьезно промурлыкал Лоренц.

- Прикалываетесь?

- Ага, – дуэтом ответили Зив и Лоренц, синхронно кивнув.

- А если серьезно?

- А если серьезно – не в нашей компетенции вести просветительскую деятельность в этой области, – промурлыкал Лоренц.

- Не обижайся, – проурчал Зив. – Данную информацию, действительно, не мы имеем право донести тебе. Но, скорее всего, должно настать время, когда ты узнаешь все, что необходимо.

- Не будем об этом. Лучше рассказывай дальше! – нетерпеливо промурлыкал Лоренц.

Ира продолжила. Зив и Лоренц внимали ей со все возрастающим интересом.

- Представляете мой шок! – воскликнула Ира, рассказав о том, что обнаружила сегодня утром в компании Генки и Рауля. – Я с трудом обеда дождалась, чтобы встретиться с вами!

- Зив! – аж вскочил Лоренц. – Как же мы сразу-то не догадались!

- Верно! – не менее эмоционально реагировал Зив. – Он же параллельный!

- В смысле параллельный? – ничего не понимая, спросила Ира.

- Ира, именно поэтому он и стал для тебя страшно притягательным и притягательно страшным! – радостно сообщил Зив.

- Ребят, что значит параллельный? – снова спросила Ира.

- А все-таки приятно, что ты поспешила к нам, а не к своему любимому Женечке, – не обращая на ее настойчивый вопрос, довольно промурлыкал Лоренц.

- А чего б она к нему спешила, если он все равно по этому поводу вряд ли хоть сколько-нибудь осведомлен, – без тени сомнения проурчал Зив.

- Слушайте! Что значит параллельный? – почти прокричала Ира.

Ее сердце от волнения в предвкушении разгадки колотилось сразу по всему телу. Слово взял Лоренц, чья склонность ко всякого рода объяснениям не знала границ. «Воистину кот-ученый!» – промелькнуло у Иры, пока она слушала его.

- Жизненные пути различных существ можно представить в виде нитей, которые, извиваясь, тянутся от точки отсчета «рождение» до точки отсчета «смерть». Некоторые из них тянутся и за пределами этих точек, но это другая тема. Так вот, потенциально почти все из этих нитей могут пересекаться, но некоторые, становятся параллельными, как бы им ни приходилось извиваться на своем пути. Параллельные существа подобны магнитам, направленным друг к другу одноименными полюсами. А делает их таковыми некая сила, которая при любых обстоятельствах не дает их путям пересечься, как бы направляя в разных плоскостях. Эта сила настолько мощная, что в ситуациях, когда столкновение становится как бы неминуемым, способна расщепить пространство и даже время, что, собственно, и произошло. Понимаешь, о чем я?

- Да, – коротко ответила Ира.

- Но иногда, крайне редко, – продолжал Лоренц, – может вмешаться другая, еще более мощная сила, которая преодолевает сопротивление и сталкивает параллельных. Вы с Раулем с самого начала очень тесно взаимодействовали, и потому нам и в голову не пришло, что вы – параллельные. Но когда ты ввела в ситуацию Женечку, все стало на свои места. Вы с Женечкой вследствие целого ряда причин на данный момент как бы представляете собой нечто объединенное, а это значит, что существо, параллельное Женечке, будет параллельно и тебе, а существо, параллельное тебе, будет параллельным Женечке. Понятно?

- Да... но... то есть получается, что параллельны друг другу не отдельные существа, а как бы сообщества?

- Что-то вроде того, только сообщества никакой силой внутри себя не связаны. То есть, связаны, конечно, но эти силы, в данном случае, не идут в расчет. Так вот, если одно существо такого сообщества принудительно сталкивается с параллельным существом, на других это никак не влияет, то есть они не могут с ним столкнуться, если только на них не будет действовать та же сила.

- Рауль и Женечка даже если возгорят обоюдным непреодолимым желанием встретиться, никогда не смогут этого сделать, пока на них не подействует то же самое, что подействовало на Рауля и тебя, – пояснил Зив.

- Стоп! Выставка! – Ира аж подпрыгнула от снизошедшего на нее озарения.

- Что, выставка? – удивленно спросил Лоренц.

- Он же и есть главный разработчик! Он был на выставке! Еще их мальчишка-менеджер говорил, что он хорошо русский знает. Я все пыталась с ним пообщаться, и он, по словам менеджера, тоже. Даже намеренно ждал меня, но постоянно что-то происходило и мы так и не встретились там!

- Вот видишь! Рауль сам по себе существо, скорее всего, тоже достаточно примечательное, но гораздо большего внимания и благоговения заслуживает та сила, которая вас столкнула. Тем более что силы, способные на это, никогда не бывают безличными, а, следовательно, всегда имеют определенный умысел.

- Вот именно, – подхватил Зив. – Разнообразия ради такие вещи не прodelывают.

- Чтобы просто столкнуть параллельных существ, нужна неимовернейшая сила, ведь она вступает в противодействие с силой способной расщеплять пространство и время, ну а чтобы их еще и удерживать в тесном взаимодействии так долго – это поистине фантастично. Такая сила настолько огромна, что способна сжать и засунуть в наперсток Вселенную!

- Что-то аж страшно становится! – вздрогнула и поежилась Ира.

- А чего ты пугаешься? Потенциально ты сама способна на это! У тебя достаточно мощи!

- Зив, ты хочешь сказать, что я сама все это организовала?

- Ира, я ведь подчеркнул – по-тен-ци-аль-но! Вычислить «кто», возможно, только если понять «зачем», – Зив многозначительно посмотрел на Иру.

- Хорошо. Тогда зачем это делается в самом принципе?

- Замечательный вопрос! – радостно промурлыкал Лоренц.

- Мы не знаем зачем, – спокойно, с некоторой долей загадочности проурчал Зив.

- Но мы можем рассказать тебе о том, что при этом обычно происходит, – многозначительно и загадочно промурлыкал Лоренц.

- Не томите! Что?

- Когда параллельные существа сталкиваются, сила, не дававшая им этого сделать, никуда не девается и, как только давление извне ослабевает, буквально взрывом расталкивает их на огромное расстояние, после чего иссякает, и эти существа перестают быть параллельными, а значит, через какое-то время потенциально их пути могут для чего-нибудь пересечься. Но если они удерживаются вместе более продолжительно, сила, расталкивающая их, трансформируется, при этом, не теряя своей мощи. Ты не устаешь поражаться своей немыслимой страсти к Раулю, всепоглощающему страху и при этом вы чрезвычайно эффективно сотрудничаете, притом ни страсть, ни страх, и никакие другие эмоции и переживания не мешают вам.

- Знаете, насчет страсти Рауля ко мне я ничуть не сомневаюсь, но вот страха и каких-либо других эмоций и переживаний он, как мне кажется, в отличие от меня, не испытывает.

- Ну, во-первых, ты сама сказала, что тебе только кажется, а во-вторых... – Лоренц, не закончив фразы, молча смотрел на Иру.

- Что, во-вторых? – не вынесла его паузы Ира.

- А вот что во-вторых – мы не знаем, – ответил Зив.

Они молча смотрели на нее, как бы ожидая вопроса. Ира какое-то время сидела в полном замешательстве, но вдруг вопрос сам собой вылетел из нее:

- Что происходит с параллельными существами, когда внешняя сила перестает удерживать их рядом?

- Есть два варианта. Во-первых, претерпевшая трансформацию, но не потерявшая своей мощи расталкивающая сила может взорваться, но при этом взрыв не разносит параллельных существ на огромное расстояние, как при мимолетном столкновении. Она взрывает их самих, убивая или калеча. Во втором случае кто-то один может забрать эту силу себе.

- Получается, что потенциально может быть две цели подобного удерживания: уничтожение, либо обретение кем-то этой самой силы?

- Получается что так, – подтвердил Зив.

- И вы так спокойно об этом говорите?

- Видишь ли, кто бы и с какой бы целью ни решил поиграть в столь опасные игрушки, мы абсолютно уверены, что ты выйдешь сухой из воды при любом исходе. Конечно, будет здорово, если тебе удастся захватить силу себе, но даже если этого не произойдет ты, в самом худшем случае, сумеешь отделаться лишь легким испугом.

- С чего такая уверенность?

- Видишь ли, судя по твоим ощущениям, сила между вами распределена неравномерно, а значит, взрыв маловероятен, хотя и не исключен полностью. Большая ее часть, опять-таки, судя по твоим ощущениям, находится в твоей сфере, а значит, у тебя большой шанс ее захватить, хотя ты необязательно сможешь им воспользоваться, – объяснил Лоренц. – Я понимаю, все мною сказанное мало вдохновляет, но... У тебя есть одно очень значительное преимущество, которое, кстати, говорит о том, что инициатор этого представления действует на твоей стороне.

- И какое же это преимущество?

- Ты не одинока! Рядом с тобой целых два твоих существа – Радный и Логинов.

- С чего вы взяли, что они мои? Ну, допустим, по поводу Генки я еще могу согласиться, а вот Радный? Между прочим, это именно он приволок этого Рауля! И вообще – бред какой-то! Силы! Взрывы!

- Силы – они действительно силы, а вот взрыв – это, конечно, фигуральное выражение. Не переживай! Хиросимы и Нагасаки не предвидятся. Кстати, по поводу взрывов – сейчас он у тебя был. Крохотный, конечно, но все-таки взрыв, точнее взрывчик, а еще точнее ма-ахонький взрывулишка. А вот от настоящего взрыва можно получить инфаркт или инсульт с летальным исходом, или угодить в авто- или авиакатастрофу – это уж кому как больше нравится. В некоей сфере действительно гремит взрыв, который на этом вот уровне воспринимается как внезапное чрезвычайно острое стечение обстоятельств. Хотя иногда происходят и вполне нефигуральные взрывы. Всякое случается.

- Лоренц! Тебя хлебом не корми – дай порассуждать! – рассмеялась Ира. – Ладно, лучше скажите, с чего вы решили, что Радный мой, а не Рауля?

- Потому что... – начал было в запале Лоренц, но Зив стремительно перебил его.

- Ира, поверь на слово: Радный – твой.

- Слушайте, а что происходит с тем, кто не сумел захватить силу?

- В случае если ее схватил другой? – уточнил Лоренц.

- Да.

- Примерно то же, что и при взрыве, но в несравненно меньших масштабах. Так, незначительное недомогание, легкая депрессия, мелкие неприятности, но не более. Не переживай. Если тебя и постигнет неудача, ты в любом случае отделаешься легким испугом.

- Но почему вы так уверены?

- У нас есть некоторые соображения относительно того, кто это все устроил.

- И кто же?

- Мы не можем тебе сказать, но это очень могущественное существо. Правда, не настолько, чтобы удерживать вас вместе столь долго, но, судя по всему, у него есть не менее могущественный помощник.

- Видишь ли, хоть это и опасный, но при этом один из самых эффективных способов получить дополнительную силу, притом невероятной мощности. Если тебя в это толкнули – значит, уверены в тебе.

- Но зачем она мне?

- Если тебя в это толкнули – значит, есть причины.

- А у Рауля?

- Судя по твоим рассказам, он, конечно, мальчик непростой, но вряд ли понял, куда влип. По крайней мере, осознанно.

- Я, кстати, тоже.

- Не-ет! Ты сразу поняла, что влипла!

- Да уж! Отрицать бессмысленно... только я до сего дня понятия не имела куда, да и сейчас не вполне ясно представляю себе это.

- Ты всегда это ясно себе представляла, хоть и неосознанно. Иначе ты бы с разбега прыгнула к нему в койку.

- И что бы тогда случилось?

- Мы не знаем. Мы же уже говорили тебе, что между людьми во время соития происходит нечто такое, что более никаким земным существам неизвестно. Но определенно ничего хорошего. По крайней мере, для тебя. Хотя, как сказать... Ты очень непростое существо и если б тебе взбрело в голову с разбега прыгнуть к нему в койку, скорее всего, ты бы точно знала, что делаешь и зачем, и извлекла б из этого максимум пользы для себя. Хотя и неосознанно, конечно. Ты и сейчас знаешь, что делаешь.

- И что же я делаю?

- Неумолимо и безжалостно гнешь свою линию.

Глава 30 Донор

«Если взрыв – это что-то вроде эмоционально-интеллектуальных реакций, то Хиросима с Нагасаки уже отдыхают», – промелькнула у Иры мысль, когда они с Раулем мозговым штурмом пытались одолеть одну из загвоздочек возникшую во время наладки. Загвоздочки эти иссякать, похоже, если и собирались, то отнюдь не в ближайшее время, и ни одна из них не сдавалась без ожесточенных боев.

Иру от напряжения была мелкая дрожь. Правда, при всем желании не представлялось возможным свалить всю вину за напряжение до дрожи только на загвоздочку. В этот момент Ирой владела взрывоопасная смесь из неуклонно усиливающейся грандиозной страсти, не менее внушительного и растущего теми же темпами страха, а еще – всего диапазона мыслей и чувств по поводу полученных от Зива и Лоренца сведений. И со всем с этим Ира умудрялась целиком и полностью погружаться в покорение очередной загвоздочки.

Ира и раньше дивилась своему состоянию, но теперь полностью отдавала себе отчет, что ее действительно поддерживает, несет и делает возможным практически без последствий испытывать и переживать столько всего сразу какая-то мощнейшая внешняя сила. Ее была дрожь и состояние казалось невыносимым, но ни усталости, ни разбитости, ни чего-либо еще в том же роде она не чувствовала, и понимала, что навалились на нее еще три раза по столько – она выстоит.

На пороге показался Радный.

- Как дела, ребята? – спросил он.

- В рабочем порядке, – ответил Рауль, сосредоточено пытаясь нащупать что-то отверткой в недрах механизма.

- Опять проблемы? – спросил Радный.

- Да не так чтоб очень... – ответила Ира. – Рауль, дай я попробую!

- На! – Рауль отдал ей отвертку и, тяжело вздохнув, отошел в сторону.

- Рауль, не вздыхай! Это называется наладка по-русски, то есть методом научного тыка.

- Если б мне кто-нибудь сказал, что я займусь подобной вивисекцией, я бы решил, что надо мной прикалываются. Но теперь мне, почему-то, это даже нравится!

- Рауль! А как может не нравиться творческий процесс?!

- Кто-кто, а Вы Ира, точно испытываете от него потрясающее наслаждение, – весело проговорил Радный, заморожено наблюдая, как она вслепую пытается сделать нечто исключительно точное и тонкое.

- Есть!!! – воскликнула радостно Ира. – Рауль, смотри, что вышло.

Рауль потыкал какие-то кнопки, к чему-то пригляделся, к чему-то прислушался и вынес заключение:

- Ира, ты – гений.

- Так, гении мои, по-моему, для поддержания вашей гениальности в тонусе, рабочий день пора завершать.

- Стас, у Вас настоящий талант обрывать на самом интересном месте! – заметила ему Ира.

- Ирина, если б у меня не имелось такого таланта, не уверен, что Вы бы с Вашим рвением конченного трудоголика в целости и сохранности дожили б до сего дня, – усмехнувшись, сказал Радный и как-то странно посмотрел на Иру. – Так что, сворачиваемся, господа, сворачиваемся, – непреклонно добавил он.

Ну вот, загвоздочка успешно сдалась на милость победителям, но ее место в Ирином воображении тут же занял взгляд Радного. И сколько Ира ни пыталась себя убедить в том, что он посмотрел на нее так без всякого умысла, что-то в ней упорно не хотело этому верить.

Часа два Радный, Ира и Рауль провели за игрой на бильярде. Остаток вечера Ира коротала одна в своем номере, предавшись размышлениям о параллелях, силах, взрывах... около восьми позвонил Женечка:

- Ир, может, заглянешь ко мне?

- Не сегодня, Жень.

- Что-то случилось?

- Случилось. Только не волнуйся! Случилось то, что я теперь твердо знаю, что мне не слабо.

- Палладина! Меня праздное любопытство просто на части рвет! Однако, не буду тебе им докучать, так как знаю, что если б я мог тебе чем-то помочь, ты бы меня позвала.

- Женечка, если хочешь знать, ты мне очень помог. Даже не представляешь как.

- Представляю как, но не представляю чем, – пошутил Женечка. – Но это неважно. Знаешь, что обнадеживает?

- Что?

- Нынче я волнуюсь за тебя по привычке, но не по поводу.

- Спасибо! Ты снова мне помог.

- Подсказал, что ты тычешься в нужный угол?

- Истинно!

- Ну, тогда тычься, Палладина! Удачи!

- Спасибо, Жень!

Ира очистила себе апельсин и принялась дальше восстанавливать в памяти всю информацию, полученную от Лоренца и Зива. И тут во весь свой грандиозный рост поднялось рациональное.

«Это же полная чушь! Это полный бред всякие там параллельные существа, расталкивающие, сталкивающие и удерживающие силы, взрывы! Галиматья полнейшая!», – вопило оно без устали.

«Безусловно, галиматья, если не обращать на это внимания, а лишь вздыхать и твердить себе, якобы есть какие-то господни пути, которые неисповедимы», – спокойно рассуждало иррациональное.

Ира почувствовала себя сторонним наблюдателем в этом споре и рассмеялась. «Если не знаешь, что делать – делай хоть что-нибудь», – сказала она сама себе и решила разобраться, что вообще можно делать.

Чисто теоретически можно плюнуть на все это и просто жить, уповав на кривую, которая куда-нибудь да выведет. Почему чисто теоретически? Да потому что просто плюнуть не представлялось возможным, так как с ней действительно творилось нечто такое, что рациональное не могло оставить без внимания не меньше, чем иррациональное. Собственно, а что может посоветовать рациональное? Ира прислушалась к себе. Рациональное лишь брызгало слюной, настаивая на том, что все это бред сивой кобылы.

- Допустим, – сказала сама себе Ира вслух.

Собственно, если ситуацию рассматривать со стороны, ведь действительно ничего эдакого не происходило. Она очень эффективно работала в паре с человеком противоположного пола, к которому испытывала вполне нормальные, учитывая разницу полов, чувства. «Не

он первый и не он последний, и если быть честной с собой, то каждый раз, когда подобные чувства возникают, кажется, будто до сего момента ничего подобного не испытывал. Впрочем, и реализовать свои физиологические потребности, как правило, гораздо проще получается с человеком, который не вызывает сильных переживаний».

Ира вспомнила, как она боролась со страхом, когда совсем девчонкой стояла в узкой прихожей напротив Важина. Вспомнила свои ощущения, которые испытывала в момент первого поцелуя. Да ее просто рвало на части! Сейчас ей кажется, что тогда это была ерунда, а вот сейчас! А что сейчас? Это всего лишь сейчас, а то уже кануло в Лету. Тогда давно она в страхе и благоговении переступила некий порог. А сейчас не получается. Почему?

«Потому что иррациональное цепляется за все что может и накручивает на вполне тривиальные вещи незнано что», – вмиг подсказало ответ рациональное.

- Логично, – сказала вслух Ира.

Она представила, как отбрасывает весь накрученный иррациональным «бред», и... И тут же запел мобильник. Ира глянула на экранчик – звонил Рауль. Сердце забило в глотке. Они перезванивались иногда, но только на работе, когда по производственным надобностям оказывались в разных местах и обсуждали при этом исключительно производственные вопросы.

«Ну, просто подарок судьбы! – вопило рациональное. – Уникальный шанс прямо сейчас и проверить, что все сопли-вопли иррационального – сплошная чушь».

«Шанс? Подарок судьбы? – усмехнулось иррациональное. – И кто же из нас придурок? Кто из нас мистик в самом тупом понимании этого слова? Какого рожна Раулю понадобилось именно в этот момент?».

«Да ничего сверхъестественного ему не понадобилось! – возражало рациональное. – Это просто стечение обстоятельств!».

«Стечение обстоятельств?! – расхохоталось иррациональное. – Безусловно, обстоятельства постоянно как-то стекаются, но исключительно под действием жестких законов Мироздания. Пойди! Отмени президентским указом закон Всемирного Тяготения! А еще лучше попытайся его нарушить!».

Рациональное усмехнулось:

«Это – физика», – изрекло оно глубокомысленно.

«Стечение обстоятельств – тоже физика», – заметило иррациональное.

«Ну конечно! – усмехнулось рациональное с издевкой. – Ведь происходит оно под действием неких таинственных сил, не так ли?».

«А если не так, то почему?».

«Потому что просто происходит и всё!».

«Ну конечно! Закон Всемирного Тяготения вступил в силу только после открытия его Ньютоном, а до этого яблоки падали на головы людям, просто потому что падали!».

- Как две бабы на базаре! – сказала вслух Ира и тут только констатировала, что мобильник уже давно молчит.

Ира покрутила его в руках и отложила в сторону.

- Все, что мне сейчас нужно – это смирение, а смирение – это отказ от бесплодной борьбы с обстоятельствами в пользу овладения собой. Чем полнее я властвую собой, тем эффективнее я управляюсь с обстоятельствами. Не нужно пытаться изменить обстоятельства, какими бы они ни были, в какой бы реальности ни происходили. Нельзя ни на минуту забывать, что в конечном итоге все для меня. Все для завоевания полной и безграничной власти над собой, – отчетливым шепотом, как заклинание проговорила она себе, не до конца осознавая «с чего бы это?», но абсолютно ясно понимая зачем.

Ира уверенно взяла в руки мобильник и набрала Рауля.

- Рауль, привет, ты мне звонил? – будничным тоном спросила она.

- Да, Ира, звонил, – обворожительно бархатным голосом проворковал Рауль и замолчал.

Ира констатировала, что осознанно или неосознанно, но ее реакцию Рауль просчитал точнейшим образом. «А вот фиг тебе!», – разозлилась она всем своим существом и на пойманной волне:

- Слушай! Представляешь? – и принялась эмоционально высказывать какую-то идею по поводу оптимального решения какой-то производственной проблемы, сочиняя ее на ходу и только по ходу с небольшим опозданием понимая, что идея действительно из разряда гениальных. – Представляешь, если это так, то сразу после Нового Года можно запустить линию. Впрочем, думаю, что к запуску будет все готово и до праздников, только вот делать это в такое время не самое разумное.

- Ты права. Предпраздничное настроение мало вяжется с рабочим.

- Вот именно! Терпеть не могу праздники! Хотя и знаешь о них заранее, они все равно сваливаются на голову совершенно неожиданно, и всё ни с того ни с сего натывается на бетонную стену всеобщего безделья!

Рауль рассмеялся.

- Сама-то как праздновать собираешься?

- Праздновать?! Рауль, я собираюсь мужественно переживать тяжелые времена.

Рауль снова рассмеялся.

- Может, я смогу предложить тебе занятие поинтересней?

Тут рассмеялась Ира.

- Рауль! Я безмерно счастлива, что ты неравнодушен к моей горькой участи и всеми силами готов помочь, но только помочь мне можно лишь одним.

- Чем, если не секрет?

- Пристрелить, чтоб не мучилась!

Рауль рассмеялся.

- Ну и шуточки у тебя, Ира!

- Уж извиняйте! Как умеем, так и шутим! Ладно. Знаешь, меня, как осенью, так я и думать больше ни о чем другом не могу. Так что, до завтра!

- До завтра...

Ира выключила мобильник и расплакалась.

«...предлагаемые обстоятельства вряд ли коснуться жизни во миру, а это сложнее. Когда что-то не так в обычной жизни, есть сочувствие, понимание и поддержка родных и близких. А вот когда во всем, по меркам окружающих, сопутствует успех и удача и, по их мнению, и пожаловаться не на что – это гораздо тяжелее». Как прав был Женечка!

Ира в изнеможении соскользнула с кровати на пол, задев рукой лежавший на тумбочке нож и тарелку с апельсиновыми корками. На звук упавшего ножа и разбившейся тарелки наложилась резкая боль в ноге. Ира вскрикнула и схватилась за источник боли. Джинсы оказались распоротыми, а их ткань – горячей и мокрой от крови. Ира задрала штанину – ранка была небольшой и вроде неглубокой, но кровь хлестала аж под напором. Все попытки остановить ее оказались тщетными. Ира набрала Генку.

- Геночка, – кривясь от боли, проговорила она, – я тут порезалась и никак кровь остановить не могу.

- Ирчик! Я мигом! – в волнении ответил он.

Ира кое-как доковыляла до двери и, отомкнув ее, опустилась рядом – сил на то, чтобы вернуться в комнату, не осталось. Последняя ясная мысль гласила, что «мигом» это не раньше, чем минут через двадцать, ведь Генка вряд ли находился сейчас в отеле. А затем боль пропала, и стало как-то по-особенному хорошо и легко. Как сквозь сон Ира увидела склонившегося над ней Генку, который одной рукой зажимал ее рану, а другой мобильник, в который что-то говорил. А потом она расстворила в густом золотистом свете.

Горы! Какие они красивые с неба! Где-то далеко внизу стоял Радный. Он смотрел на нее своим тяжелым взглядом и вроде махал рукой. Жест выглядел как-то неоднозначно. Потом кто-то сказал:

- Ваша кровь идеально подходит.

В ответ голос Радного разразился несусветным матом и добавил:

- Уроды! Я вам уже полчаса об этом твержу!

- Вы что, родственники? – бесстрастно поинтересовался кто-то из «уродов».

- Какая разница! – взревел Радный и снова перешел на фольклорный вариант русского языка.

Вокруг что-то гремело, суеилось, а потом снова послышался рев Радного:

- Напрямую лей! Дура!

Голоса стерли горный пейзаж, и Ира снова парила в густом золотистом свете, сквозь который постепенно стала проявляться, поначалу показавшаяся ей странной, картинка. Потом она как-то сразу почти отчетливо вспомнила, как порезалась и как звонила Генке. Картинка стала почти резкой. Ира увидела себя в больничной палате. Рядом, лицом к ней сидел Радный. Из одной его руки, извиваясь, тянулась к ней в руку трубка, а другая лежала у нее на лбу. Радный сосредоточенно смотрел на Иру. Она открыла глаза. Картинка осталась прежней, только ракурс поменялся.

- Как себя чувствуешь? – тихо, мягко, тепло, нежно и заботливо спросил Радный.

- Еще пока не чувствую, – слабым голосом ответила Ира.

Радный усмехнулся.

- Летаешь? – тем же теплым голосом спросил он.

- Да вроде уже приземлилась...

- Не разговаривайте с больной! Ей нельзя напрягаться! – проверещал откуда-то приказным тоном противный женский голос.

- Слушай! Свали, а! По-хорошему, свали! – рявкнул на нее Радный, а потом тихим мягким голосом обратился к Ире. – Не обращай внимания – у медиков свои причуды.

- Блин! Я же джинсы разрезала! – вспомнила вдруг Ира.

- Да-а! Это грандиозная проблема! – усмехнулся Радный. – Теперь я понимаю, откуда столько крови натекло!

- А что, много натекло? – спросила Ира.

- Много... Метко ножи роняешь!

Ира вдруг скривилась.

- Больно? – поинтересовался Радный.

- Угу...

- Потерпи. Вообще-то, это хорошо, что чувствуешь, а то, когда шили, даже не дернулась. Напугала, однако – шили-то на живую!

В этот момент в палату влетел, на ходу напяливая светло-салатного цвета халат, немолодой мужчина.

- Stanislaw Андреевич! Что стряслось? Я у матушки в деревне гостил, так что раньше прибыть ну никак не мог.

- Да вроде уже все нормально, Петр Иванович. одному дивлюсь, где ты весь этот даун-хаус набрал? Все, как один – полные идиоты.

- Ох, Stanislaw Андреевич, сам мучаюсь, но других бог не дал, – прослушав Ирин пульс, а затем пульс Радного, сказал Петр Иванович.

Затем он померил Ире давление. Удовлетворенно кивнул головой и избавил Радного с Ирой от связывавшей их трубки. Потом он осмотрел Ирину рану.

- Странно... очень странно... из-за такой ерунды такая потеря крови, – он заглянул в лежащие на тумбочке бумажки, – притом, что свертываемость в полной норме. Как Вас угораздило-то?

- Сама не знаю. Случайно смахнула нож с тумбочки и поранилась.

- И что дальше?

- Тут же схватилась за ранку и чувствую, что джинсы уже мокрые. Как ни пыталась остановить сама, не смогла и позвонила знакомому.

- А скорую сразу вызвать не вариант было?

- Знаете, я как-то не подумала, что это настолько серьезно. Ранка-то маленькая совсем. По сути – царапина.

- Stanislaw Андреевич, а Вы, как себя чувствуете?

- Мне-то что?

- Как что? Кровушкай-то с барышней поделились по-царски!

- Вы ж знаете – от меня не убудет.

- Знаю-знаю, но все ж предлагаю Вам ночь провести у нас. На всякий случай.

- Ни к чему. Я в полном порядке.

- Как скажете, – рассеянно проговорил Петр Иванович, еще раз пробегая глазами бумажки лежавшие на тумбочке. – Препараты все хорошо переносите? – спросил он у Иры, поднимая глаза.

- Вроде да.

Он ненадолго вышел и вернулся со шприцем и ампулой.

- Что это? – спросила Ира.

- Ничего сверхъестественного. Рана ныть перестанет, и выспитесь, как следует, – ответил он и ввел ей в вену лекарство.

- - -

Утром на удивление самой себе Ира чувствовала себя замечательно. Она встала с кровати и прошлась. Рана немного ныла, но особого беспокойства не причиняла. Особое беспокойство причиняло то, что ее разрезанные и окровавленные джинсы использованию по назначению более не подлежали. Однако, вопрос Чернышевского «что делать?» стоял лишь до того, как Ира, к своей неопишуемой радости, обнаружила, что ее родной мобильник на счастье с ней, и тут же набрала Генку.

- Доброе утро, Геночка!

- Ирчик! Ты жива! – завопил он.

- А ты что, надеялся от меня раз и навсегда отделаться?

- Во! И даже шутишь – значит, всё в порядке!

- Нет, Генка, не всё.

- Ирчик! В чем проблемы?

- Приезжай сюда – узнаешь. Надеюсь, ты в курсе, где я? А то для меня самой это тайна, покрытая мраком.

- В курсе, Ирчик, в курсе. Скоро буду.

Появился он на пороге палаты уже через пятнадцать минут.

- Ирчик! Как ты!

- Ген, все нормально за исключением того, что из палаты я выходить, к сожалению, не могу.

Она села и вытащила из-под кровати свои изуродованные джинсы.

- Мама дорогая! – воскликнул Генка.

- Вот именно.

- Что же ты сразу-то не сказала?

- Видишь ли, с собой у меня других нет, так что придется покупать новые.

- Так что же ты сразу не сказала?

- Ну сказала бы я тебе сразу, и что?

- Что-что – купил бы по дороге сюда!

- Ген, дамские джинсы – это не мужская рубашка. Тут знаешь сколько тонкостей?

- Ирчик, ты что забыла, что я на глаз целый кордебалет одевал?

- Чего их там одевать! Они все одинаковые!

- Так, Ирчик, зря ты сомневаешься в моих способностях, – отчеканил Генка и мигом исчез.

- Ген, подожди, дай я расскажу тебе, что мне нужно! – крикнула ему вслед Ира.

Генка просунул в дверь голову и, состроив гротескную рожу, сказал:

- Ни к чему!

Он вернулся через полчаса, протягивая Ире пакет:

- Меряй! – торжественно продекламировал он.

- Может, ты хоть отвернешься?

- Ой! Извини! – Генка жеманно отвернулся и добавил. – Если Гаров узнает, что ты в моем присутствии надевала штаны, он меня точно со свету соживет!

- Генка! Не паясничай!

- Как скажешь!

Ира влезла в джинсы и отметила, что сидят они идеально.

- Геночка! Ты гений! Дай я тебя обниму!

- Обнимай, только вот об этом Гарову ни за что не рассказывай!

- Договорились! Не расскажу!

Генка оглядел Иру со всех сторон.

- А ты классно выглядишь, Палладина! Так! Стой! – вдруг спохватился он. – А что ты собираешься делать?

- Как что? – удивилась Ира. – Лечить пораненную ножку.

- Это правда? – недоверчиво спросил Генка. – А то мне сейчас показалось – на одну минуту – что весь этот переполох с джинсами исключительно для того ты затеяла, чтобы удрать на фабрику. Тебе ж здесь вон халатик, я вижу, выдали!

- Генка! – воскликнула Ира. – Ты в своем уме? Какая фабрика? Я ж чуть не померла намедни!

- А джинсы тогда зачем? – подозрительно спросил Генка.

- Ген, ну не выношу я больничную одежду!

- Ладно... Смотри мне!

- Да, слушай, извини, ради бога...

- Что такое?

- Да что-то сразу не сообразила, может, ты мне кроссвордов каких принесешь, а то скучно.

- Ну конечно принесу!

Генка миг скрылся, и через пять минут Ирино желание было исполнено. Он уселся рядом с ней, и они немного поболтали, а потом Ира убедительно изобразила усталость, и Генка свалил. Ира немного выждала, повальявшись в постели, затем встала и выглянула в окно. Очень даже кстати выглянула – Генка стоял у центрального входа и курил.

- Не поверил... – задумчиво произнесла Ира, наблюдая за ним.

Генка ушел только минут через десять. Ира отвернулась от окна и тут же услышала доносящийся из коридора голос Петра Ивановича. Она быстро стянула с себя новые джинсы, спрятала их в тумбочку и легла в постель. Как раз вовремя – Петр Иванович зашел в палату. Он осмотрел ее ранку, поинтересовался самочувствием, измерил температуру, пульс и давление.

- Ну что ж, я думаю, дня через три Вы будете в полном порядке, – заключил он и, порекомендовав Ире все эти три дня сохранять полный покой, удалился.

«Как бы ни так», – подумала Ира и, лишь только его шаги растаяли в дебрях больничных коридоров, встала с кровати. Тут она обнаружила, что есть еще одна проблема с побегом – обувь. При ней были ее тапочки, которые своим внешним видом вполне сгодились бы в качестве уличной обуви в родном теплом Сочи. Здесь же столбик термометра вряд ли поднимался выше минус пяти, а всю поверхность тротуара покрывал утрамбованный слой снега. Ира извлекла из-под кровати свои старые джинсы и, порывшись в карманах, обнаружила четыре десятки и полтинник. «Хоть что-то», – заключила она, не имея понятия, как далеко от отеля она находится и сколько денег понадобится, чтобы добраться на такси. Тем не менее, она выскользнула из палаты и, стараясь не попадаться никому на глаза, покинула здание больницы. Расценки такси-стов, по сравнению с родным Сочи, здесь оказались прямо пропорциональны температуре воздуха. Так что, когда Ира зашла в отель, четыре десятки продолжали покоиться в кармане. Она без проблем поднялась к себе в номер, оделась, как полагается, и на том же такси подъехала к новому, уже почти полноправному корпусу мебельной фабрики.

- Ира! – удивленно воскликнул Рауль.

- Тссс! Тише! – шепотом одернула его она. – Радный здесь?

- Вроде нет...

- Фух! – Ира перевела дух. – Будем надеяться, что мое появление останется незамеченным.

- Ира! Как ты себя чувствуешь?

- Все нормально.

- Нормально? Геннадий с утра такие ужасы рассказывал!

- Слушай его больше! Ничего страшного, просто поцарапалась случайно, да видно на какой-то сосуд попала.

- Как это случилось?

- Нож на тумбочке лежал, я его случайно задела, он упал и полосонул по ноге. В общем, простая нелепость. Честное слово, сама бы ни за что не поверила, что обычный нож, которым я до этого с трудом апельсин очистила, способен в свободном падении распороть джинсы и поранить кожу так чтоб кровь фонтаном хлестала. Ладно, что было – то было, а сейчас давай делом займемся.

Как Ира правильно поняла, до ее появления перепуганный Генкой Рауль пребывал в состоянии шока и абсолютной потерянности и, естественно, ничего путного сделать не успел. Она вновь изложила ему свои соображения, и они принялись воплощать их в жизнь. Деятельность полностью поглотила их, и Ира аж вздрогнула, когда за ее спиной послышался голос Радного:

- Опаньки! Ира, а что это Вы тут делаете?

- Работаю, Станислав Андреевич, – честно призналась она.

- Стас, – сверля ее тяжелым взглядом, напомнил Радный, как ей следует его называть.

- Стас... – послушно поправилась Ира.

- Я вижу, что работаете, но мне казалось, что в Вашем состоянии Ваше место в больничной палате, Ира.

- Стас, – умоляюще проныла Ира, – мне вчера такая идея пришла!

- Ага! Кровь вышла, а идея пришла?

- Нет, как раз таки совсем наоборот! Идея пришла, а потом кровь вышла, – шутилось очень легко и естественно, но Ира не обратила на это внимания – ее полностью поглотил сам процесс.

- Хорошенькие к Вам, Ира, идеи приходят, однако!

- Стас, – уже серьезным тоном сказала она, – если мои догадки верны, то мы спокойно закончим наладку к Новому Году, с чистой совестью отпустим людей на декларируемые государством каникулы, а по их завершению можно будет сразу приступить к пуску.

- Ира, Вы серьезно?

- Совершенно! Теперь, я думаю, Вы понимаете, что при таком раскладе тупо валяться на больничной койке совершенно невозможно! Тем более что чувствую я себя очень даже замечательно!

- Я Вас понимаю, Ира, но не верю ни единому слову из Вашего последнего заявления, так что сейчас сюда приедет Петр Иванович и будет на месте контролировать Ваше состояние.

Радный потянулся за мобильным. Ира остановила его.

- Ни к чему. Я действительно хорошо себя чувствую, а если что-то будет не так, то обещаю тут же поставить Вас в известность. Да и Рауль ведь постоянно рядом.

- Как скажете... Рауль, а Вы присматривайте за ней в оба, а то она за работой сознание потеряет и не заметит.

- Не волнуйтесь, Станислав Андреевич. Я знаю, что потеря крови – это не шутки.

- Слышите, Ирина? – Радный строго посмотрел на нее.

- Слышу, слышу, – изобразила зайца из «Ну, погоди!» Ира.

Ира не обманывала. Она действительно чувствовала себя достаточно сносно, однако шастать по проходам в этот день остереглась, хоть ей и не терпелось рассказать о случившемся и Зиву с Лоренцем, и Женечке. Впрочем, Гарову все доложил Генка, в чем Ира и не сомневалась, а потому Женечкин звонок не стал для нее неожиданностью.

- Жень, не переживай! Все в полном порядке! – заверила она его, ловя краем глаза, как во взгляде Рауля промелькнул лучик чего-то похожего на ревность.

Женечка догадался, что она не одна и не может говорить свободно, а потому не стал настаивать на подробном отчете.

После обеда вновь приехал Радный, но уже в сопровождении Петра Ивановича, который, осмотрев Иру, остался чрезвычайно доволен, но все же настоял, чтобы Ира хотя бы еще эту ночь провела в больнице. Она не стала сопротивляться, и вечером Радный самолично отвез ее туда, а утром самолично забрал.

Днем Ира заглянула к Зиву и Лоренцу, но разговора в том русле, как бы ей хотелось, не получилось. Не получилось отчасти из-за нее самой же, потому что все, что с ней приключилось, она преподнесла как нечто до ужаса забавное. При этом Ира заметила, как и Зив, и Лоренц

старательно пытаются скрыть охватившее их волнение. «Скрывают – значит ненужно настаивать», – сказал ей внутренний голос. Ира уже направлялась обратно, когда Зив вдруг остановил ее:

- Ира, скоро Новый Год, а Новогодняя ночь, с одной стороны, ничем не отличается от других ночей, а с другой – люди делают ее магической и она действительно – для людей – становится таковой.

- Я должна совершить нечто особенное в эту ночь? – спросила Ира.

- Да, – загадочно промурлыкал Лоренц.

- Загадать желание?

- Ни в коем случае! – компетентно заявил Лоренц. – Все твои желания прекрасно сбываются и без магической поддержки аккумулированной человеческой энергии.

- Тогда что же?

- Не знаем... – с оттенком мечтательности проурчал Зив. – Новогодняя ночь действительно волшебная для людей, и если не заикливаться на загадывании желаний и прочей, так любимой людьми, чепухе типа гаданий или поздравлений родных и близких, то можно обнаружить очень интересные вещи.

- Например?

- Не знаем. Все зависит от тебя, – ответил Лоренц.

- Не обижайся, что мы говорим загадками. Мы не специально. Просто Новогодняя ночь действительно уникальное явление, которым грех не воспользоваться, вот мы тебе и намекаем тебе. А что может произойти и что произойдет, мы действительно не знаем. Магия Новогодней ночи действует исключительно в человеческой сфере.

- В общем, пойдя туда, не знаю куда, возьми то, не знаю что? – весело, но с оттенком обреченности задала Ира полуриторический вопрос.

- Не знает рациональное, а у иррационального, скорее всего, уже давно созрел очень конкретный план. Твоя задача всякими там традициями и приличиями не помешать самой себе воплотить его в жизнь, – проурчал Зив.

Вечером, воспользовавшись с боем добытым разрешением Петра Ивановича не ночевать более в больнице, Ира отправилась к Женечке.

Женечка, как и Зив с Лоренцем, тоже волновался, но его переживания носили иной характер, и, к тому же, в отличие от Зива и Лоренца, он не пытался скрывать свои эмоции. Мало того, что Женечка заставил Иру подробно рассказать, как случилось, что на нее «напал нож», но так же потребовал, чтобы она ему максимально точно показала, как именно это случилось. А вот Ирины яркие впечатления от пребывания в состоянии, которое принято называть «без сознания», Женечку интересовали мало. Он лишь рассеянно кивал, едва слушая. Ира видела это, но продолжала рассказывать. Рассказывать в большей степени для себя любимой, не без удовольствия погружаясь в воспоминания. Однако, когда она подошла к моменту своего возвращения в сей мир, и поведала, как картинку реальности сначала увидела со стороны, а уже затем из собственного тела, Женечка вдруг вскочил:

- Что???!! – завопил он так, что Ира аж вздрогнула от неожиданности.

Она принялась подробно рассказывать о своем восприятии больничной палаты из положения стороннего наблюдателя, но Женечка перебил ее:

- Ира, ты абсолютно уверена, что тебе не привиделось, и тебе действительно делали прямое переливание крови, и что донором был Радный?

- Абсолютно. Именно разговаривая с ним, я окончательно пришла в себя.

Женечка встал и начал нервно ходить по комнате:

- Ну, Генка! Когда же он перестанет быть конченным придурком?! Почему он мне ничего не сказал?!

- Жень, я думаю, он просто не знает об этом.

- Его рядом не было?

- Нет. По крайней мере, я его не видела.

- Так не было или не видела?

- Не видела, а потому считаю, что его там не было. Сам посуди, разве пускают толпы в палаты интенсивной терапии?!

- Ты права...

- Жень, извини за праздное любопытство, но насколько я знаю, мораль и нравственность тебя мало интересуют, а в том, что Радный стал для меня донором, я, кроме высоконравственного поступка, ничего эдакого не вижу.

- Ира! Представь себе – я тоже! – нервно рявкнул Женечка.

- Жень, тогда скажи: что с тобой происходит?

- Ира, а тебе не кажется странным, что сначала тебе, уловив твой настрой, звонит Рауль, потом тебя чуть ли не до смерти режет просто соскользнувший с тумбочки почти тупой нож, а потом очень вовремя рядом появляется Радный, у которого очень кстати оказывается та же, что и у тебя, группа крови и который об этом, ко всему прочему, прекрасно осведомлен? Что скажешь?

- Жень, ну с чего ты решил, что Радный будто бы заранее знал, что у нас с ним одна группа крови?

- Ты же сама только что рассказала!

- Жень! По-моему, ты стал параноиком! Ну согласишься, ведь понимая, что переливание крови неизбежно, мне, естественно, сделали анализ для определения группы. Вполне нормально, если результаты огласили присутствующим, и нет ничего странного в том, что Радный знает свою группу крови. Однако, для того, что бы он мог стать донором, ему, естественно, не поверили на слово и тоже сделали анализ. И вполне логично предположить, что ожидание результатов в такой критической ситуации не способствовало душевному покою и умиротворению.

- Ир, все это так, – более спокойно и даже сев в кресло, проговорил Женечка, – но что-то мне во всем этом ужасно не нравится...

- Да... – Ира ненадолго задумалась. – Стечение обстоятельств само по себе не возникает. Обстоятельства стекаются под действием определенных сил. Когда тебе, Жень, известно, что это за силы – ты совершенно спокоен, что бы ни происходило, но когда ты не в курсе, то впадаешь в панику, притом тоже вне зависимости от того, что происходит. Так?

Женечка пристально посмотрел на Иру.

- Да, госпожа Палладина, я заметил, что с некоторых пор ты стала манипулировать неким нечто, недоступным мне. Ир, я не против, на самом деле не против. Однако... Извини, но ты вызываешь у меня ассоциации с двухлетним ребенком который самозабвенно забавляется с каким-нибудь оставленным без присмотра включенным электроприбором.

- Жень, но я ведь вроде как пока еще жива и здорова...

- Ну да... «вроде как пока еще»...

- К тому же ты ведь сам как-то сказал, что я не могу делать что-либо неправильно, так как делать что-либо правильно, это значить действовать в соответствии с какими-либо правилами, а эти самые правила, по твоим словам, я и выбираю.

- Ну надо ж! Вспомнила!

- А я никогда и не забывала... вообще-то...

- Ирка, я всегда подозревал, что ты попросту дуришь меня, изображая перепуганную деточку.

- Жень, я не изображала и не изображаю. Мне действительно часто бывает не по себе. Обычные люди постоянно о чем-то переживают и из-за чего-то нервничают только потому, что живут как бы вслепую. Ты, как правило, точно знаешь, что происходит. Ты привык к этому, и если нечто выходит за рамки известного тебе, тебя охватывает такая паника, которой позавидует самый заправский неврастеник.

- Палладина, ты собралась мне мораль почитать разнообразия ради?

- Отнюдь! Я пытаюсь привести себя в чувства после твоей вспышки. Знаешь, зрелище поистине грандиозное, особенно, учитывая мое мнение, сложившееся о тебе.

- Ир, прости, если я действительно напугал тебя.

- Прощаю, – Ира улыбнулась. – И прощаюсь, – добавила она, – так как завтра ждет очередной напряженный день, и мне пора баиньки.

Ира направилась к проходу, но у самой двери остановилась.

- Жень, ведь на самом деле никто не знает – ни ты, ни я – что правильно, а что нет, да и может ли быть в самом принципе что-то правильным или нет.

- Ты права... В наших силах, на самом деле, лишь поступать безусловно не будучи уверенным в правильности действий.

- И ты безусловно не мешаешь мне?

- Стараюсь, по крайней мере. И знаешь, это совсем несложно.

- Разве?

- Тебе попробуй, помешай!

- - -

Ира, выйдя из Женечкиной кухни в зал кафешки, вопреки первоначальному плану сразу направиться в отель, уселась за столик и заказала стакан грейпфрутового сока. Чрезмерно учтивый официант предложил испробовать какой-то эксклюзивный десерт, который по его словам готовят исключительно лишь в этом заведении. Ира не отказалась. «Эксклюзивом» оказался обыкновенный сметанный мусс с фруктами, который она частенько делала для Лешки, а иногда, под настроение, и

для себя любимой. В общем, ничем, ранее не испытанным, десерт не отличался, но приготовлен был мастерски, и Ира окунулась в наслаждение любимым вкусом. Находясь в состоянии некой эйфории, она даже не сразу поняла, что поет именно ее мобильник.

- Ира, извините за грубость, – проговорила трубка голосом Радного, – но скажите на милость, где Вас черти носят?

- Я в кафе.

- В каком?

Ира осознала, что понятия не имеет ни о названии, ни о месте нахождения относительно расположения улиц. Она силилась объяснить, как проехать, и вдруг вспомнила, что Генка бывал здесь.

- Стас, а там Гена, чисто случайно, не рядом с Вами? – спросила она.

- «Чисто случайно» – рядом.

- Он как-то заходил со мною в это кафе.

- Замечательно! Ждите нас – сейчас подъедем.

Ира заказала еще стакан сока и «экслюзивный» десерт. Не прошло и пяти минут, как в зал вошли Генка с Радным.

- Как дела, Ира? – спросил Радный, усаживаясь за столик.

- Очень хорошо! Думаю, эдак числу к двадцать пятому, самое позднее к двадцать восьмому, с наладкой будет покончено.

- Ну, Ирчик, в этом никто не сомневается! – изрек Генка. – Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

- Превосходно!

- Мы очень рады, Ира, – жестко проговорил Радный, – но, тем не менее, считаем, что Вы нуждаетесь в хорошем отдыхе, а, учитывая производимое Вами впечатление, есть мнение, что самостоятельно Вы вряд ли способны себе его обеспечить. Ген, ты со мной согласен?

- Абсолютно!

- Господа! Вы меня пугаете, однако...

- Гена, я сказал что-то страшное? – улыбнувшись, спросил Радный.

- Отнюдь, Стас.

- Вот видите, Ира, бояться Вам нечего. Мы, немного подумав, решили, что наиболее полноценно отдохнуть Вы сможете исключительно лишь в предназначенном для этого заведении и в компании исключительно лишь Вашего сына.

- Ирчик, с твоим Лешкой я уже переговорил – он в восторге от этой затеи, тем более, что не чаял оказаться в России и увидеться с тобой ранее лета. Стас забронировал для вас двухкомнатный люкс в пансионате. Ну, в том, где мы на лыжах катались.

- Мне показалось, что Вам там понравилось. Я прав?

- Да... – Ира чувствовала себя в легком шоке. Однако перспектива отвлечься от всего в обществе сына, выглядела действительно весьма заманчивой.

- Вот и чудесно. Двадцать пятого декабря приедет Алексей, и я отвезу вас в пансионат. А если в течение еще нескольких дней Ваше присутствие понадобится на фабрике, буду высылать за Вами машину. Ну а потом прослежу, чтобы до восьмого января включительно вас никто не беспокоил.

- Спасибо... – сказала Ира из состояния эйфории.

Радный улыбнулся, а Генка рассмеялся.

- Стас, держу пари, что Ирчику еще никогда в жизни не приходилось отдыхать, как все нормальные люди. Тем более, полмесяца подряд.

- Ира, да неужели? – хитро сощурившись, спросил Радный.

- Воистину... – ответила Ира.

Генка рассчитался с подошедшим официантом, и Радный отвез их с Ирой в отель.

- Ирчик, я догадывался, что наша со Стасом идея тебе понравится, но не ожидал, что до такой степени! – удовлетворенно отметил Генка, провожая Иру до номера.

- Еще б не понравилась! Я с ужасом думала, как переживу время вынужденного простоя, да еще на самом интересном месте, так что даже не знаю, возможно ли придумать что-нибудь более удачное.

- Ирчик, я очень рад. Тебе действительно нужно как следует отдохнуть и отвлечься, – многозначительно сказал Генка, чмокнул Иру в щеку и удалился.

Впрочем, Ира сама не совсем понимала причины накрывшей ее эйфории облегчения. Конечно, провести полмесяца с сыном, не будучи при этом обремененной никакими проблемами, – это здорово, но что-то в этом было еще. Что-то такое, привкус чего явно ощущался, но у Иры никак не получалось найти ему определение. Она уснула в состоянии блаженства, а утром еще в полудреме сам собой пришел ответ: «более ненужно беспокоиться о том, что делать в Новогоднюю ночь», – сказал голос внутри нее. Ира окончательно проснулась, разбуженная этим голосом, и вспомнила наполненный неопределенностью совет Зива.

- - -

До двадцать пятого декабря оставалась неделя, которая ознаменовалась для Иры неуклонным ростом интенсивности во всех сферах. Каждый день казался вечностью. Происходило столько всего, что у Иры не укладывалось в голову, почему она вечером не падает от усталости, откуда берутся силы на общение с Женечкой и экскурсии в поющий дом, который неизменно встречал ее «Танцем с саблями». Хачатуряновский шедевр стал для нее лейтмотивом этих дней. Каждую минуту до краев наполняло действие, но при этом посреди дня всегда находилось время заглянуть к Зиву и Лоренцу, правда, ненадолго. При этом при всем во сто крат усилилась ее страсть к Раулю. Ира чувствовала, что если бы не ставшее постоянным присутствие либо Генки, либо Радного, либо их вместе, она, плюнув на все, отдалась бы ему прямо здесь в новорожденном цехе. Рауль, без сомнения, испытывал то же самое, но с некоторых пор обстоятельства ни на миг не оставляли их tet-a-tet. Даже во сне. Рауль стал сниться ей ночи напролет, но даже в сновидении постоянно присутствовало нечто, не дававшее им приблизиться друг другу на расстояние позволявшее соприкоснуться телами. Впрочем, среди бела дня Рауль использовал каждый повод, чтобы дотронуться до Иры, чем приводил ее в состояние на грани помешательства, которое Ира, незнано как, умудрялась не делать общественным достоянием.

Двадцать пятого вечером все работы по наладке торжественно завершились. Под конец организованного Радным по этому поводу фуршета с диким радостным воплем «Мамулик!!!» в цех ворвался привезенный Генкой с вокзала Лешка, и Радный тут же, даже не дав Ире ознакомить сына с плодами своей деятельности, отвез их в пансионат.

Глава 31

Активная сторона пассивности

Дни напролет Ира с Лешкой проводили в лесу на лыжах, а после ужина отвисали на дискотеке, прикалываясь над всеобщим мнением пансионатовской публики, единодушно считавшей их юной влюбленной парочкой.

Совершенно неожиданно нагрянула Новогодняя ночь. Ира, забывшая обо всем на свете, часов в девять вечера, смутно вспомнила о рекомендациях Зива с Лоренцем, но тут же отмахнулась от этой мысли, и она пронеслась мимо легким облачком. А потом сила всепоглощающего беззаботного веселья захватила ее целиком и полностью, и она растворилась в празднике, отдавшись на волю волн океана радости.

Кремлевские куранты на громадном плазменном экране начали старательно отбивали двенадцать ударов, которые тут же подхватил грохот фейерверка с улицы, куда Иру с Лешкой в сей же момент увлекла развеселая толпа. Счастливые вопли и визги едва не заглушали громохание фейерверка. Небо то и дело расцветивалось разноцветными снопами огней.

Ира, как в полусне, повинаясь невесть откуда взявшемуся порыву, оторвала взгляд от сверкающего неба и обернулась. Ее внимание привлекла невзрачная дверь на давно проржавевшем висячем замке. «Проход», – машинально констатировала она и, не задумываясь, направилась к нему. Так же машинально констатировала она, что принадлежит он Зиву и Лоренцу, так как в его глубине увидела цокали своего и поющего дома, но эти направления не интересовали ее. Не отдавая себе отчета, она ощутила непреодолимое желание попасть в чем-то отдаленно знакомую комнату и вошла в нее.

Громохание фейерверка и вопли с визгами развеселой толпы моментально стихли. Комната оказалась зальчиком пивного бара в неизвестной немецкой деревушке, где она в компании Генки, Радного и «главных коней» побывала после окончания мебельной выставки. Всего пара семей готовилась встретить еще не наступивший здесь Новый Год, занимая два удаленных друг от друга столика. Хозяйка заведения узнала Иру. Она почти силой усадила ее, показывающую, что у нее с собой только российские деньги, за стол, а через мгновение перед ней уже красовалась кружка темного пива и несколько тарелок с разнообразной едой, полагающейся к этому напитку.

Ира еще раз попыталась воспротивиться незаслуженному проявлению радушия в отношении себя, показывая свою относительную неплатежеспособность, но хозяйка, демонстративно взяв из ее рук деньги,

сунула их Ире обратно в карман, при этом что-то настойчиво повторяя. Разыгравшаяся сцена привлекла внимание других посетителей, среди которых оказался пожилой дядечка немного знавший по-русски.

- Нежданни гост для ней корочий примет! – объяснил он Ире. – Ви толджен ест, пит, чтоб все бил корочо в этот дом.

Ира поблагодарила, послушно села за стол и, как в полусне, принялась потихоньку поглощать тягучее почти черное пиво и всякие вкусности.

Дверь, через которую она немногим ранее вошла, открылась. На пороге стоял Радный. Он удивленно посмотрел на Иру, но его удивление выглядело несколько странно: не из цикла «не может быть!», а типа «ну надо же, как я и предполагал!». «Показалось», – попыталась убедить себя Ира.

- С Новым Годом, Ирина! – приветливо улыбнувшись, сказал Радный и сел напротив нее.

- С Новым Годом! – ответила она.

Хозяйка, радостно всплеснув руками, без промедления поставила перед ним весь ассортимент уже стоявший перед Ирой.

- Как отдыхается? – поинтересовался Радный.

- Здорово!

- Чем занимаетесь?

- Целыми днями на лыжах ходим.

- Ну вот! А то «Не умею! Не могу! Только в страшных снах снится!».

- Видимо, на сей раз мне с учителем повезло, – улыбнулась Ира.

- Я старался, – улыбнулся в ответ Радный.

- Странно...

- Что?

- Вы не спрашиваете, каким образом я здесь очутилась.

- А Вам очень хочется ответить?

- Нет.

- Потому и не спрашиваю.

- А может быть, просто знаете?

- Может быть...

В этот момент Новый Год, видимо, наступил и в Германии, потому что столики, занятые компаниями немцев, охватило оживление.

- С Новым Годом, Ира! – Радный поднял свою кружку с пивом.

- С Новым Годом! – сказала Ира и подняла свою.

Они чокнулись и отпили по несколько глотков.

- Знаете, Ира, – Радный внимательно смотрел на нее, – по-моему, Рауль крайне неравнодушен к Вам.

- Я заметила.

- Он Вам не нравится?

- Отчего же? Очень даже нравится.

- Вы всегда подчеркнуто холодны с ним.

- Разве?

- В сфере совместной работы отнюдь, но... – Радный многозначительно улыбнулся. – В общем, не похоже, чтобы Вы отвечали взаимностью на его весьма пылкие чувства к Вам.

- Стас, если я начну отвечать взаимностью всем мужчинам с пылкими чувствами, которые мне нравятся, боюсь, что ни на что другое времени у меня не останется.

- Вы так любвеобильны?

- Нет. По-настоящему я люблю только себя.

- Не похоже.

- Почему?

- Человек, который любит себя, не отказывает себе в удовольствии.

- Любить – не значит баловать. Балуют как раз таки от недостатка любви, пытаясь таким способом этот недостаток компенсировать. А когда любят по-настоящему, дают лишь то, что действительно необходимо.

- А Вы не допускаете мысли, что близится момент, когда Раулю предстоит стать тем, что Вам действительно необходимо?

- Вы так думаете?

- Да. А вот Вам думать не советую. Просто поймите этот момент и возьмите то, что Вам хочется.

- Неужели то, чего мне хочется, так бросается в глаза, несмотря на подчеркнутую холодность?

- Нет, Ира. Совершенно не бросается. Я просто знаю. Потому что иначе быть не может.

Радный встал, рассчитался, проигнорировав протесты хозяйки, и, не прощаясь, вышел, оставив Иру в состоянии глубокого замешательства.

Когда она вернулась в пансионат, шум праздника уже стих. Лешка спокойно спал в своей комнате. Ира последовала его примеру.

Наутро лавина всевозможных мыслей и домыслов попыталась напроць снести ей рассудок. Ира даже уже было направилась к проходу, рассчитывая на поддержку Зива и Лоренца, но тут проснулся Лешка и потащил мать обедать, посмеиваясь над ее полувменяемым состоянием и приписывая его происхождение вольностям Новогодней ночи. Ира, естественно, не стала его разубеждать и объяснять, что весь алкоголь в ее кровь попал исключительно из недопитой пинты почти безалкогольного пива.

Обед, прогулка на лыжах, ужин и дискотека, а самое главное, постоянное общество сына – вернули Иру в благостное состояние. Она совершенно забыла о своем Новогоднем приключении, как, приехав сюда, забыла обо всем на свете, и пребывала в благословенной неге забытья все оставшееся время дарованного ей отдыха.

Восемь января после завтрака Радный с Генкой забрали Иру с сыном из пансионата. Вечерним поездом Лешка вместе с Радным ехал в Москву, чтоб оттуда улететь в Нью-Йорк.

- Ну вот! Как с маленьким! – скорчил притворную обиду Лешка. – Небось, до самого самолета провожать будете!

- А как же! – сурово произнес Радный. – Идея вытащить Вас, Алексей, сюда, принадлежит мне. Так что, пока Вы не окажитесь на борту нужного авиалайнера, я несу за Вас полную ответственность.

Время, оставшееся до отъезда, посвятили автомобильной экскурсии по городу. Пока Радный рассказывал Лешке о достопримечательностях, сидящие сзади Генка с Ирой обсуждали план дальнейших действий.

- Мам, – обратился к Ире Лешка, краем уха поймав часть их разговора, – чувствует мое сердце, ты сюда жить переедешь.

- Да, Лёшик, – заметила ему Ира, – с сердечным чутьем у тебя явно туговато. Работы мне здесь осталось уже не так много, а в Сочи ждет не дожидается моего неусыпного внимания дом Станислава Андреевича, и книга Евгения Вениаминовича.

- Ира, позвольте полюбопытствовать, – обратился к ней Радный, – что за книга и почему ждет именно Вас?

- Я достаточно давно сотрудничаю с неким Гаровым Евгением Вениаминовичем. Он переводчик и писатель, работающий в сферах истории, этнографии, философии, эзотерики, оккультизма и смежных с ними. Моя задача – иллюстрации, дизайн и верстка.

- А чтобы справляться со всеми этими задачами, – вклинился Лешка, – мама чрезвычайно внимательно читает и перечитывает написанные и переведенные им работы, а потому, учитывая их содержание, у нее периодически едет крыша.

Радный остановил машину и посмотрел на Лешку так, что тот весь аж скукожился:

- Молодой человек, позвольте узнать, что дает Вам право в столь нелестном тоне говорить о женщине, благодаря которой, Вы имеете уникальный шанс вообще что-либо говорить?

Лешка, сконфузившись, молча смотрел на Радного.

- Вы не расслышали моего вопроса, Алексей? Я могу повторить: что дает Вам право в столь нелестном тоне говорить о женщине, благодаря которой, Вы имеете уникальный шанс жить на Земле?

- Я... я... – заикаясь, начал Лешка, – я не имел в виду ничего нелестного... просто...

- Просто Вам, как и любому обывателю, свойственно с полной уверенностью в единственности, правильности и неоспоримости Вашего мнения выносить свои суждения в областях Вам неведомых.

- Но...

- Чем Вы занимаетесь? Насколько я знаю, точными технологиями?

- Да.

- Вот и занимайтесь, но, ежесекундно помня о том, что вокруг целый мир, который укладывается в изучаемые Вами точные технологии лишь очень незначительной частью. Вы, как и любой обыватель, знакомы с мизернейшим количеством данных, и Ваши расчеты и выводы, относительно законов жизни, никогда не будут обладать хотя бы приблизительной точностью. А знаете почему? Именно потому, что Ваша крыша никуда не едет. Она намертво прибита, приклеена и приварена к месту убеждения в том, что в мире реально существует лишь то, что доступно восприятию подавляющего большинства, к которому Вы относитесь. Между прочим, я готов вам, то есть подавляющему большинству, земной поклон отвесить, и не раз, за то, что вы наделяете мир стабильностью. Однако, вносить изменения, а следовательно, заставлять жизнь быть жизнью, а не медленно гниющим смрадным болотом, способны лишь те, чья крыша находится в свободном полете.

Радный зафиксировал все сказанное, буквально раздавив трепещущего Лешку жестким взглядом, а затем обернулся к Ире:

- Извините, Ира, что так жестко наехал на Вашего сына, но он ВАШ сын, а потому, не имеет никакого права гордиться чужь.

Затем он снова обратился к Лешке:

- Дорогой юноша, Вы очень похожи на мать внешне и, пожалуй, унаследовали от нее прекрасно работающие мозги, но это всё! Ничего более этого Вам не досталось! А потому повесьте на внутренней стороне своего лба большущий плакат, гласящий: «Я способен осознавать лишь одну триллионную этого огромного загадочного мира, и не имею никакого права выносить суждения о том, что неизвестно и никогда не станет ведомо мне». Запомнил?

- Да, – понуро пробормотал Лешка.

Радный примирительно потрепал его по голове, и они поехали дальше. Экскурсия, как ни в чем не бывало, продолжилась.

- Что делать-то будем? – спросил Генка, когда поезд с Радным и Лешкой растаял в темноте.

- Пойдем к Женечке. Сто лет его не видела.

- А ты умеешь?

- Умею.

- Тогда пошли!

Они прогулочным шагом направились в сторону заветной кафешки.

- Бедный Лешка, – грустно усмехнувшись, сказал Генка.

- Чего это он бедный?

- Стас по нему, что называется, катком проехал. Жаль парня.

- А мне – нет.

- Ирчик! Ты же его матушка!

- Знаешь, может быть, именно поэтому и не жаль.

- Не понял?

- Хорошо, когда по тебе катком проезжаются из благих побуждений и в доброжелательном настроении – закалка крепче и негативных последствий меньше.

- Наверное, ты права, Ирчик... Когда твой друг страшен, недругов как клопов давишь...

- Это про Женечку?

- А как ты догадалась? Ах, да-а! Он же меня намедни в твоём присутствии порвал как Тузик тряпку!

Генка разыграл целую сценку, да так, что Ира чуть не задохнулась от смеха.

- Ген, а когда вы с Женечкой познакомились? – спросила она отсмеявшись. – Я имею в виду в этой жизни, ведь, насколько я понимаю, своих отцовских обязанностей он не выполнял?

- Ирчик, каждый раз все происходит по одной схеме. Я рождаюсь эдаким обычным мальчиком у какой-нибудь экстравагантной мамы и расту как все самые обычные дети. Как все играю, безобразничаю, как все с горем пополам получаю причитающееся времени образование. Са-

мое главное я ни о чем эдаком и понятия не имею! А потом в один ужасный день в самый неподходящий момент появляется он. Смотрит на меня, ехидно улыбаясь, и я в одночасье вспоминаю все. После этого мое очередное обычное беззаботное детство кажется мне смутным сном.

- Ген, если ты помнишь все, это значит, что ты очень много знаешь.

- С точки зрения обычного человека, наверное, да. Но вот, к примеру, ты умеешь пользоваться проходами, а я – нет. Я слепой. Я их не вижу, сколько Гаров ни пытался меня учить. Пытался он учить меня и другим вещам, но я безнадежно слепой и тупой.

- Ген, а ты можешь рассказать мне о своих прошлых жизнях?

- Нет, Ирчик, не могу. Гаров строго-настрого запретил мне это делать. И поверь, у него на это есть очень веские причины. Для меня они – темный лес, но ты, судя по всему, способна понять их. У вас с Гаровым свои причуды. Вот, к примеру, для меня полная загадка, с чего это вы подняли такой шум из-за этого Рауля. По мне, так он, если и отличается от других людей чем, так только своими инженерными достижениями. Да и тебя, глядя со стороны, он никогда ничем, кроме своих инженерных достижений, не интересовал. Безусловно, он лучше меня сразу понял все эти твои внутренние точки, – честно говоря, моему пониманию это до сих пор доступно лишь отчасти – но на этом вся его необычность для меня заканчивается. А вот вы с Гаровым отчего-то аж на уши встали. Я уже после этого к нему и так, и эдак приглядывался – милый мальчик, только и всего. А на тебя посмотреть, так ты даже то, что он милый, не замечаешь. А он, между прочим, по-моему, в отношении тебя очень даже не ровно дышит!

Генкины откровения порадовали Иру. Именно такое впечатление она усиленно и старалась производить. Впрочем, Радный в Новогоднюю ночь, по сути, сказал ей то же самое. «Ох, эта Новогодняя ночь! Нет. Пока об этом лучше не думать».

Тем временем впереди замаячило кафе с одной светящейся буквой из длинного названия. Чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, Ира с Генкой, зайдя в зал, уселись за столик и, сделав заказ, тут же расплатились. Первым делом Ира набрала Женечку и сообщила, что они с Генкой вот-вот заявятся к нему в гости. Женечка с веселой язвительностью поблагодарил ее за постановку себя в известность относительно их планов, как бы между прочим напомнив о том, что ранее «госпожа Палладина» себя этим нисколько не утруждала. Ира рассмеялась, сказала «до встречи» и, выключив мобильник, сунула его в карман.

- Кстати, как там Рауль? – спросила Ира Генку.

- Наверное, неплохо! Праздники провел дома. Кстати, сегодня ночью должен приехать Питерским поездом.

- Зачем вы его так рано выдернули? Запуск ведь все равно только на понедельник планируется?

- Никто его не выдергивал – он сам так решил, узнав, что ты восьмого уже вернешься, а, следовательно, пятницу, субботу и воскресенье будешь все перепроверять.

- Догадливый, однако! Но это здорово. Это значительно увеличивает шансы осуществить запуск в понедельник.

Во время разговора Ира сосредоточено наблюдала за залом, стараясь поймать момент, когда они окажутся вне поля зрения посетителей и работников кафе. Вдруг она резко встала и еле слышно скомандовала:

- Идем!

Через мгновение Женечка, театрально раскинув руки, с возгласом «Ба! Какие люди!» встречал их в своей кухне.

- Палладина! И далась тебе моя кухня! Неужто не можешь, как все нормальные люди, пользоваться входной дверью?

- Женечка, ты ждал на кухне, вот я и направились сюда, – как ни в чем не бывало, ответила Ира.

- Ты даже такие тонкости замечаешь? – Женечка хотел придать своему тону шутиливый оттенок, но вопрос прозвучал серьезно.

- Женечка, ты сам виноват.

- Я виноват?

- Ну конечно! Ты ведь совсем забыл меня проинструктировать по поводу того, что должно замечать, а что – нет.

- Ну и язва же ты стала, Палладина!

- Пытаюсь соответствовать! Яблочко, оно ж от яблони не должно далеко укатываться!

- Ах ты ж яблочко мое румяное! Кстати, что с тобой случилось, Палладина? Посвежела! Похорошела! Неужто действительно, не заморачиваясь ни на чем, просто отдыхала?

- Представь себе – да!

- Рассказывай! – торжественно воскликнул Женечка.

- А рассказывать особо нечего. Полмесяца кряду каждый день с утра до вечера на лыжах по лесу без единой мысли в голове.

- А Новый Год, как встретила?

- Классно! – беззаботно ответила Ира.

Женечка внимательно оглядел ее и усмехнулся.

- Женич, я здесь ни при чем, – на всякий случай оправдался Генка.

- Ира! Он правду говорит? – начал язвить Женечка.

- Врет! Но только наполовину.

- Это как?

- Они с Радным напару Лешку вызвали и в пансионат нас отвезли.

- Вот видишь, Геныч! Врешь! Приложил-таки руку к изменению образа жизни Палладиной.

- Руку, честное слово, не прикладывал! А вот голову – было дело.

- Как именно? – не прекращал гротескно грозным тоном шутиливый допрос Женечка.

- Вспомнил про Лешку, а Радный сказал, что общество сына самая что ни на есть подходящая, на время отдыха, для Ирчика компания.

- Заложил, значит, Ирку с потрохами?

- Получается, что так... – виновато пробурчал Генка и скорчил смешную рожу.

- Ребят, вам не надоело паясничать?

- Можешь предложить что-то поинтересней? – вопросом на вопрос ответил Ире Женечка.

- Пойдемте к морю... – мечтательно проговорила Ира.
 - Лично у меня возражений нет! – радостно воскликнул Генка.
 - Еще б у тебя были возражения! Тебя ж хлебом не корми – дай на голую Палладину поглазеть!

- А при чем здесь голая Палладина?

- А ты что думаешь, она морским воздухом подышать, что ли, хочет? Ага! Жди! Как на берег выйдет, тут же с себя все поскидывает и уплывет в темноту.

- Точно! А я и запамятовал! – Генка, хитро прищурившись, посмотрел на Иру.

- Можете составить мне компанию. Не возражаю, – поднимаясь, сказала Ира. – Идем?

- Как скажешь, Палладина, – Женечка поднялся вслед за ней.

На улице было темно, безлюдно и мокро.

- Дождь что ли прошел? – спросила Ира.

- Да уж неделю как льет, – ответил Женечка.

- На море шторм, небось? – опасливо поинтересовался Генка.

- Небось... – удовлетворил его любопытство Женечка.

Когда они шли по Ривьере, Женечкино «небось...» подтвердилось, сначала отдаленным, но неумолимо приближающимся яростным грохотом жующих камни волн. А когда они, наконец, оказались на набережной, их взору предстало поистине впечатляющее зрелище: все небо над морем полыхало яркими беззвучными зарницами то и дело освещавшими дико бурлящую и клокочущую от неистового танца Посейдона поверхность воды.

Ира ускорила шаг и почти побежала к галечной кромке пляжа, раздвывая на ходу.

- Ирчик! Ты с ума сошла! – в ужасе завопил Генка.

- Как я понимаю, желающих составить мне компанию нет, – констатировала Ира, не устаивая вниманием отчаянный Генкин вопль.

Женечка спокойно забирал у Иры из рук последовательно снимаемую одежду и притормозил пытающегося образумить ее Генку.

- Женич! Ты глянь, какой шторм! – не унимался Генка.

- Все в порядке, – прозвучал, заглушая шум шторма, тихий спокойный металлический голос Женечки. – Не трогай ее.

Ира с разбегу врезалась в стену волн и отдалась их воле.

Волны крутили и швыряли Ирино тело. Она чувствовала себя то гусеницей шелкопряда, обматывающейся шелковыми нитями, то миксером со взбиваемым во чреве содержимым.

В конце концов, она оказалась на гребне волны, готовой низвергнуть свою набранную в неистовом беге мощь на берег и открыла глаза.

Перед взором медленно рассасывались оранжевые пятна всполохов зарниц. Постепенно проступавшие сквозь мрак детали неопровержимо свидетельствовали о том, что она находится в своем гостиничном номере. Ира встала и включила свет. Часы показывали половину восьмого. В дверь кто-то осторожно пошкрёбся.

- Кто там? – спросила Ира.

- Ирчик, это я, – несмело отозвался Генка.

Ира открыла дверь.

- Я увидел, что свет зажегся и понял, что ты... – промямлил он тем же полупридушенным голосом, протягивая ей пухлый от содержимого большой полиэтиленовый пакет. – Я... того... через полчаса забегу...

- Хорошо, – ответила Ира, и Генка спешно побрел по коридору в сторону лифта.

Ира заглянула в пакет – там лежала ее одежда.

- Та-ак! – яростно протянула она и, неожиданно для себя, от души рассмеялась.

Ровно в восемь пришли Генка с Раулем.

- Здравствуйте, мальчики!

Ирины глаза искрились непритворным радостным блеском, чего нельзя было сказать о «мальчиках»: Рауль смотрел на Иру все тем же пылким взором, но теперь к нему примешался густой оттенок невыразимой печали, а Генка так и вовсе отводил глаза, то и дело как бы невзначай пытаясь дотронуться до Иры. Она лукаво усмехнулась про себя, встала, положила руки Генке на плечи, перенесла на них весь свой вес и, глядя в упор на Рауля, сказала:

- Я так обрадовалась, узнав от Гены, что ты сегодня уже будешь здесь. Не терпится поскорее воочию убедиться, что у нас все получилось.

- Мне тоже. Потому и приехал, – голос Рауля, несмотря на обворожительную улыбку, оттенял налет грусти.

Ира села, и они с Раулем принялись обсуждать план действий на ближайшие три дня.

- Да-а... – протянул Генка, перебивая их, – Стас как в воду глядел, что вы до понедельника жить будете в цехе!

- Геночка, ну что я могу сделать, если он ясновидящий!

- Между прочим, он тебе русским языком перед отъездом посоветовал хотя бы в воскресенье сделать выходной. А мне, между прочим, наказал обязательно проследить за этим.

- Геночка, не переживай, я думаю, что мы в два дня уложимся, а если нет – ты ведь нас не выдашь, правда?

Генка только тяжело вздохнул, ничего не сказав. Ира прекрасно понимала, что его волнует отнюдь не их с Раулем неумное «трудиться, трудиться и трудиться».

На самом деле на перепроверку хватило одного дня, и все же в субботу Ира с Раулем снова отправились в цех и проделали всю работу заново, и в воскресенье – тоже. Их, как и прежде, непреодолимо тянуло друг к другу, но иной способ общения Ира не допускала, а Рауль не смел настаивать. Впрочем, что там на самом деле происходит с Раулем, Ира понятия не имела и выяснять не собиралась. Ее гораздо больше занимали собственные ощущения. С одной стороны в них ничего не изменилось, а с другой – изменилось абсолютно все. Хотя и сладостная, но при этом невыносимая мука сменилась терпко-упоительным с горчинкой наслаждением. Она перестала в изнеможении рыдать при каждом удобном случае, постоянно находясь в состоянии легкости и отрешенной уверенности, правда, в чем она так отрешенно, так уверена, Ира не догадывалась.

- А тебе не кажется, что ты стала хозяйкой положения? – спросил Зив, когда она в пятницу, улучив момент, заглянула к ним в гости.

- Есть что-то похожее... – прислушиваясь к своим ощущениям, ответила Ира. – Но тогда получается, что раньше хозяином положения являлся Рауль?

- Получается что-то вроде того... – задумчиво промурлыкал Лоренц.

- Как Новый Год-то встретила? – сменил тему Зив.

Ира усмехнулась и рассказала им. Зив с Лоренцем загадочно переглянулись в замешательстве.

- Насколько я понимаю, комментариев не предвидится, ввиду их тотального отсутствия, – весело заключила Ира.

- Ира, поверь, – в растерянности проорчал Зив, – проход мы ему не открывали.

- Знаете, я ничуть не удивлюсь, если окажется, что Радному, для пользования проходами или чем-нибудь еще, не требуется чье-либо разрешение. По-моему, слухи о том, что он, скорее всего, пока не осознает своей истинной сути, как говорится, сильно преувеличены.

- Ты думаешь? – настороженно промурлыкал Лоренц.

- Во всяком случае, он производит такое впечатление.

Зив и Лоренц снова загадочно переглянулись в замешательстве.

- Что ты собираешься делать? – спросил Зив.

- Знаете, в Новогоднюю ночь я занималась тем, что НЕ СОБИРАЛАСЬ делать что-либо. Этим займусь и сейчас. Кстати, хочу вам поведать еще об одном событии, которое случилось вследствие того, что я занималась тем, что НЕ СОБИРАЛАСЬ что-либо делать.

Ира рассказала, как она после проводов Лешки вместе с Генкой ни с того ни с сего отправилась к Женечке, а там, опять-таки ни с того ни с сего, потащила всех на море...

- Это ты очень мудро придумала, прихватить с собой Генку, – заметил Лоренц. – Безусловно, Женечка тоже смог бы тебе вернуть одежду, но с участием Генки это получилось как-то более естественно.

- Ага! – усмехнулась Ира. – Зато теперь у него самое что ни на есть неестественное выражение лица!

- Ну! Он и не такое видал! – со знанием дела проорчал Зив.

Генка заглянул вечером.

- Ты что, больше не работаешь в своем клубе? Второй вечер бездельничаешь!

- Выходные после праздников аж до Старого Нового Года, – пояснил он, жалобно глядя на Иру.

- Ген, я надеюсь, Гаров тебе не запретил сообщить мне, что произошло после того, как я уплыла?

Генка тяжело вздохнул:

- Ирчик, я, конечно, понимаю, что у вас с Гаровым свои причуды, но меня от них когда-нибудь кондратий хватит!

- Что, запретил, все-таки?

- Да нет... не запретил... – вздохнул Генка.

- Ну так расскажи!

- А что тут рассказывать? Как только ты в море сиганула, он меня за шкуру и домой поволок. Я ему: «Ты что творишь! Вода ледяная! Шторм! Утонет Ирка ведь!». А он как рявкнет: «Не твоего ума дело!»... Ну, в общем, пришли мы к нему домой, он твою одежду в пакет сложил, мне сунул и со словами «утром ей в номер занесешь», потащил к проходу, а перед тем как швырнуть, добавил: «смотри, пока сама не проснется, к ней не суйся!», – ну и вытолкнул. Ну а я что... поднялся к себе, спать не могу, часа в четыре к твоей двери побрел, а как свет зажегся – так и постучал. Дальше ты знаешь...

- Геночка... – Ира в порыве умиления обняла его, – так ты три с половиной часа у меня под дверью просидел?

- А что делать? Знаешь, по собственному номеру километры наматывать еще хуже, – он немного помолчал. – Ирчик, ты, прежде чем подобные фокусы выкидывать, предупреждай, что ли...

- Геночка, ничего я выкидывать и не думала.

- Вот-вот... Мне Гаров постоянно говорит: «прекрати думать», а я не могу. В лучшем случае лишь думаю, что не думаю...

Глава 32 Программа максимум

Пуск новой линии прошел без сучка и задоринки, правда, не в понедельник, а в среду. А в понедельник...

Утром в понедельник Ира и Рауль вместе с Генкой первым делом поднялись в свой кабинет. Минуты через три подошел Радный и, с легкой полуулыбкой глянув на Иру, тихим голосом сказал ей:

- Мужайтесь, Ира...

А еще через пару минут в дверном проеме показались «главные кони». Однако мужество Ире не понадобилось – Рауль весь удар взял на себя. Да и удара, собственно, никакого не было. Он, всего лишь, доступным инженерным языком кратко изложил «главным коням» вводную часть того, что от них требуется, а потом все вместе спустились в цех. Как раз таки полное введение в курс дела высшего техперсонала и заняло два дня.

Как только пробная партия новой линии увидела свет, Генка тут же забросил свое лицедейство и занялся, как он выразился, увеличением доходов авиакомпаний. Насколько существенно его перелеты по всему миру поправили дела предприятий, осуществляющих авиаперевозки, неизвестно, но к моменту почти полной готовности к началу серийного выпуска, в отеле, где жила Ира, стартовал настоящий всемирный мебельный конгресс.

Помпа, с которой Генка организовал сие, проходящее в несколько этапов, грандиозное мероприятие, способна была поразить даже самое пылкое воображение. Помимо мебельной экспозиции один из конференц-залов превратился в выставку Ириных живописных работ, скупленных Генкой (к Ириному удивлению в Генкиной собственности оказались практически все ее студенческие работы, включая ту, которую она последний раз лицезрела в памятный зимний вечер прошлого года по ини-

циативе Аристарха Поликарповича). Презентации и фуршеты слились в один непрерывно бурлящий поток. И на каждом из мероприятий, Генка, по собственному признанию ничего не смыслящий в Ириных внутренних точках, устраивал всестороннюю демонстрацию свойств «новейших разработок в области повышенной эргономичности». Термин он сочинил сам и очень этим гордился, так как все согласились, что данная формулировка, «давая наиболее полную характеристику преимуществ, ни о чем не говорила».

Поначалу Генкина бурная деятельность несколько напугала Иру:

- Ген, это все здорово, конечно, но мы так никогда не начнем серийный выпуск!

- Не переживай, Ирчик! Начнете и без всяких проблем! Твое присутствие на этой вакханалии, конечно, понадобится, но очень ненадолго, только по вечерам и исключительно в качестве главной достопримечательности. Тебе даже говорить ничего не придется, если, конечно, сама того не пожелаешь.

Нести всякую презентационную чушь Ира не собиралась, а потому, по сути, для нее изменился лишь способ ужинать. Правда, Генка воспользовался и этим, наведя на Ирин образ таинственного туману, что способствовало росту интереса к ее «загадочной» личности, а заодно и объему подписываемых договоров.

Однако тут же сказались издержки этого маневра – Ире пришлось осваивать приемы конспирации. Утром, конечно, проблем, в основном, не возникало, ввиду того, что утомленная вечерним застольем публика в такую рань спала беспробудным сном. А вот вечером для достижения собственного номера, дабы избежать следствия последствий широко-масштабной PR-акции, приходилось попадать в отель через служебный вход и передвигаться внутри, пользуясь предназначенными для персонала лифтами и коридорами.

Впрочем, в этом Ира уникальностью не страдала. Рауль, Генкиными стараниями, тоже стал объектом всеобщего внимания. Правда, он с гораздо большей благосклонностью отнесся к нахлынувшей на него популярности и, по-видимому, получал от нее неведомое Ире удовольствие, но, тем не менее, и у него наблюдалось стойкое желание после напряженного рабочего дня добраться до своего гостиничного пристанища инкогнито.

Презентационная шумиха несколько поутихла лишь через две недели после начала серийного выпуска. Но именно поутихла, не исчерпав себя окончательно. Руководство отеля, подсчитав доходы, полученные за время активной работы «конгресса», пришло в восторг и в качестве бонуса предоставило Генке площади под мебельную экспозицию аж до лета за чисто символическую плату. Так что, хоть и без первоначальной помпы, но продолжение следовало и следовало.

Пуск линии, изготовление пробной партии и налаживание серийного выпуска, совмещенное со «всемирным мебельным конгрессом», – оказались самым напряженным периодом во всем процессе. Настолько напряженным, что за все это время Ира больше ни разу не появилась,

ни у Зива с Лоренцем, ни у Женечки. Она лишь неизменно раз в три дня навещалась в поющий дом. Влад уехал на сессию, и ход работ там заметно притормозился. Даже сам Валентиныч признался Ире в одном из телефонных разговоров, что только сейчас понял, сколько всего его «сынишка» умудрялся тащить на своих плечах.

Отношения с Раулем никак не развивались, застыв на самом пике, когда буквально в следующий момент должно произойти нечто, подобное взрыву, но этот «буквально следующий момент» никак не наступал, хотя последнее время они очень часто оставались подолгу наедине.

Как-то, в то время, когда «конгресс» находился в самом пике своей активности, Ира, пробираясь в свой номер черными ходами, присоединилась к перекуру дружественных юных горничных и портье, которые всегда по мере возможности помогали ей в конспиративных действиях. Между ними шло усиленное обсуждение темы взаимоотношения полов, а именно – проблемы «первого шага». Прозвучала мысль, что этот самый «первый шаг» все ж делает мужчина, но только лишь после того, как женщина «снимает знак “Проезд воспрещен”».

Мысль эта Ире понравилась. Она даже усмехнулась, вообразив себя с огромным «кирпичом» на груди. Не представляя, чем руководствуется, Ира, изнемогая от страсти, наслаждалась яростным предвкушением, не давая Раулю ни единого шанса хотя бы намекнуть о своих чувствах и желаниях. Впрочем, он, тем не менее, намекал, и настолько однозначно, что уже все вокруг – и рабочие фабрики, и обслуживающий персонал отеля, и участники «конгресса» – невооруженным глазом видели это и даже перестали шушукаться за спиной, напрямую высказывая Ире свои предположения. Ира делала удивленные глаза, а в душе ликовала. Сердобольные окружающие, что называется, тыкали ее носом и всеми силами убеждали, какой Рауль лапочка и как влюблен в нее, и что просто удивительно, как она этого не понимает и даже не замечает, и при всем при этом ни один даже не заподозрил, что на самом деле творится с ней.

Вот и юные горничные с портье, выяснив все, что касается «первого шага», набросились на Иру.

- Ой, девчонки! Не знаю, что вам всем мерещится! У нас действительно самые великолепнейшие отношения из возможных. Мы, в каком-то смысле, нашли друг друга. Видите ли, творческая деятельность, будь то в науке или искусстве, или в технике – неважно – часто сопряжена с той или иной долей непонимания. И если на этом поприще встречаются люди, идущие в одной струе, – это большая редкость. И я, и Рауль испытываем истинное наслаждение от общения друг с другом, но это не имеет ничего общего с тем, что вы тут себе навывдумывали.

- Это только с Вашей стороны, а он, уж поверьте, влюблен в Вас по уши, – с истинным знанием дела изрекло самое юное создание.

Время неотвратно двигалось вперед, и, в конце концов, настал день, когда серийное производство шло полным ходом, весь персонал нового цеха снизу доверху четко знал все свои обязанности и технические требования, а следовательно, присутствие Иры и Рауля больше не являлось необходимостью.

В этот знаменательный день Генка где-то в неведомых далях вновь занимался увеличением доходов авиакомпаний, а потому на утренний кофе Рауль пришел в гордом одиночестве. Ира светилась счастьем:

- Не могу проверить! Неужели всё! Знаешь, Рауль, я, честно говоря, не верила, что этот день когда-нибудь наступит!

- Я, честно говоря, тоже... – Рауль счастливо улыбался, но в глазах застыла Вселенская тоска. – Точнее, в самом-самом начале я в этом не сомневался ничуть, но потом!

- Ну да! Как со мной связался и со всякими непонятными внутренними точками, – смеясь сказала Ира и вдруг перешла на серьезный тон. – А знаешь, ведь как-то грустно немного... Все-таки здорово время пролетело!

- Действительно здорово... – задумчиво улыбаясь и источая взглядом Мировую скорбь, согласился Рауль.

- Видимо, это объективный закон Мироздания: стремясь к чему-то, прикладывая все силы, ждешь, что момент достижения цели станет самым счастливым, но когда он наступает, неизменно понимаешь, что все счастье, на самом деле, заключалось в процессе.

- Не знаю... Я, к примеру, всегда радуюсь, когда что-то получается.

- Я тоже этому радуюсь, но всегда происходит так, что в момент, когда понимаешь, что получилось, как раз таки и начинается этап воплощения идеи в реальность – то есть то, что я имела в виду, говоря о пути к цели.

- Извини, но я не совсем понял...

- Ты думаешь, я затеялась бы с покупкой нового оборудования, да еще и с такой его доводкой, которую мы с тобой проделали, если б изначально не знала, что у меня получилось?

- Ты хотела сказать, что у тебя получится?

- Нет. Я сказала именно то, что хотела: у меня получилось. Видишь ли, сейчас лишь окончательно воплотилось то, что у меня получилось еще до поездки на выставку.

- Извини, позволь полюбопытствовать, а все ли твои идеи находят такое воплощение?

- Я никогда не хватаюсь за идеи, требующие хоть сколько-то независимого от меня воплощения, если не вижу его реальных источников.

- А разве может быть, чтобы воплощение идеи не зависело от каких-либо объективных обстоятельств?

- У инженеров, наверное, нет. Но художнику, для воплощения идеи зачастую вполне достаточно листка бумаги и простого карандаша.

- Я согласен с тобой, но что ты потом делаешь с этим листком бумаги?

- В смысле?

- Для того чтобы кто-то купил простой лист бумаги даже с самым гениальным рисунком на нем, нужно иметь имя, определенный статус в этой среде.

- А зачем его должен кто-то покупать? Знаешь, я глубоко убеждена, что для ощущения полноты жизни нужно делать лишь то, что считает необходимым твоя суть, независимо от того принесет ли это какие-либо материальные плоды или нет. И вообще, если что-то стоит делать только ради денег, этого делать не стоит.

- У меня похожий подход. Я всегда отказываюсь от пусть даже очень высокооплачиваемой работы, если она мне неинтересна, но при этом не считаю нужным тратить время на то, за что не платят.

- Точнее то, за что оплата не гарантирована, так?

- Да.

- Знаешь, в моей жизни был сложный в материальном отношении период. Однако я считаю его таковым лишь постольку, поскольку так считали окружающие. Даже тогда у меня каким-то чудесным образом всегда оказывалось то, что мне необходимо для жизни, хотя я никогда специальных усилий к этому не прикладывала.

- Я заметил, что тебе для жизни нужно не так уж много.

- А разве кому-то нужно больше?

- Ну, если рассматривать только самые жесткие естественные потребности, то, наверное, нет. Но человеку свойственно, помимо простого жизнеобеспечения, стремиться к удовольствиям – именно на них хорошо обеспеченные люди и тратят львиную долю своих личных средств.

Ира рассмеялась.

- Знаешь, обеспеченные люди, как правило, действительно львиную долю своих личных средств тратят на удовольствия, я же, то, что мне требуется для получения удовольствия, обретаю, как минимум, бесплатно, но чаще всего это имеет и материальное выражение, только не в качестве расходов, а в качестве доходов. К примеру, тот же лист бумаги с рисунком, выполненным простым карандашом. Я получаю немислимое удовольствие, работая над ним. К чему же мне непременно рассчитывать на то, чтобы его кто-то купил? Ведь я уже получила от него все, что хотела? Но если все же находится тот, кто готов выложить за него кровью и потом доставшиеся купюры – у меня появляется то, что необходимо для поддержания моего тела в живом состоянии.

- Ир, не поверю, что ты в своей жизни ничего не делала ради денег!

- Естественно, я многое в своей жизни делаю и ради денег тоже, но никогда только ради них, – Ира глянула на часы. – Между прочим, нам уже давно пора выходить.

Новый цех жил своей, уже успевшей стать вполне привычной, жизнью. Около трех часов дня подъехал Радный, и Рауль с Ириной, еще раз окинув взглядом свое детище, отправились вместе с ним в ресторан, где их ждал торжественно накрытый прощальным обедом стол. Обед плавно перетек в ужин.

Поезд Рауля отправлялся в Питер, откуда он потом на самолете должен был лететь к себе домой, в начале девятого утра. Конечно, это не так чтобы уж совсем рано, тем более что до вокзала рукой подать, но все же утром времени на сборы особо не оставалось, так что около восьми торжественное мероприятие подошло к концу. Вопрос о времени отъезда Иры не поднимался, и она сама всеми силами старалась его не колыхать, рассчитывая, что ей представится возможность не трястись сутки в поезде, а воспользоваться проходом. Однако, Рауль, в конце концов, все же спросил:

- Ира, а ты когда уезжаешь?

Ира чуть притормозилась с ответом, и Радный пришел ей на выручку:

- Геннадий просил Ирину дождаться его возвращения.

- А-а... – задумчиво протянул Рауль, сверкая своей ослепительной улыбкой.

Машина подъехала к парадному входу гостиницы. Радный вышел вместе с Ирой и Раулем – он по дороге договорился на какую-то встречу в отеле. Они с ним еще немного посидели в баре и лишь после этого направились к лифтам.

В лифте ехали молча, и только когда он остановился на этаже Рауля, тепло попрощались, после чего Рауль вышел и, не оборачиваясь, пошел к себе. Ира какое-то время смотрела ему вслед, а затем нажала кнопку своего этажа. Дверцы уже почти закрылись, когда она услышала его истошный крик:

- Ира!!!

Рауль буквально одним прыжком оказался у лифта, и его стремительно влетевшая между створок ладонь заставила их открыться.

- Ира... – с трудом переводя дыхание, повторил он почти шепотом.

Он смотрел на нее неистовым печальным взглядом целую вечность, а потом вдруг очень твердо сказал:

- Идем, – и, взяв ее за руку, увлек за собой.

Ира не сопротивлялась и ни о чем не спрашивала. Она впала в некий вакуум, который потихонечку сказал ей, что она ничего не делая, тем не менее, сделала все и победила, а потому имеет полное право победителя на все, чем обладает побежденный.

Лишь после того, как Ира оказалась в его номере, и дверь закрылась, Рауль отпустил ее руку. Ира спокойно прошла вглубь комнаты и села в кресло. Щелкнуть выключателем, чтобы зажечь лампочку, никому в голову не пришло, и комната освещалась лишь отблесками уличных фонарей, пробивающимися сквозь полуприкрытые шторы. Рауль опустился на пол рядом с креслом, на котором сидела Ира. Он оперся руками о подлокотник и положил на них голову.

- Ира, – бархатистое звучание его тихого голоса разлилось по комнате, заполнив собой все ее пространство, – в моей жизни всегда все происходило правильно. Я старался во всем и всегда. И всегда, затратив положенное количество усилий, получал то, к чему стремился.

Я рос в благополучной семье и прилежно учился в элитной школе. Мое упорство всегда вознаграждалось, и я не без труда, но и без лишних усилий спокойно окончил свое образование в Сорбонне.

Моя дипломная работа получила высокую оценку и вместе с ней лестное предложение от одной из ведущих фирм, которое я с благоговением принял. Мне в жизни ничего не падало с неба, но при этом требовало лишь положенного количества усилий. Через пять лет успешной работы с достаточно ощутимым, но без головокружительных скачков, продвижением по карьерной лестнице, я благополучно женился.

Это был брак по расчету, когда в расчет, помимо прочего, принимаются и взаимные горячие чувства, которые принято называть настоящей любовью. Через год у нас родился сын, а еще через три – дочь. У меня чу-

деснейшие дети! Послушные, спокойные, прилежные. Жена успешно сочетает свою врачебную практику – она дантист – с заботой о семье. Мы никогда не испытывали ни разногласий, ни равнодушия друг к другу.

Я всегда считал себя очень счастливым человеком. И у меня имелись на то основания. С субъективной точки зрения, я чувствовал себя полностью удовлетворенным во всех отношениях. А с объективной – мог сравнить свое более чем благополучное существование с проблемами, постоянно присутствующими в жизни моих близких.

Рауль сделал небольшую паузу и продолжал:

- Ира, когда я встретил тебя – мой мир перевернулся. Оказывается, я даже не догадывался о том, что мне в жизни чего-то не хватает. Не догадывался только потому, что и не подозревал о существовании этого. Я до сих пор не знаю, что это... Но я ясно почувствовал это нечто, нечто вокруг тебя, точнее – это нечто между нами. Я не знал и не знаю что это, но я чувствовал, что могу стать его обладателем. Ира, ты, наверное, думаешь, что я несу чушь? Но я правда не знаю, как это передать... объяснить... выразить...

Рауль замолчал, подбирая слова.

- Вообще-то можно объяснить очень даже просто... Я до безумия, немисливо хочу тебя...

Рауль снова замолчал, пытаясь совладать с возбужденным дыханием.

- Ира, ты, наверное, думаешь, что я стремлюсь прикрыть банальную похоть витиеватыми речами, но это не так. Это не есть обычное, пусть даже и очень сильное, человеческое вожделение. Страстно желая тебя, я отчетливо чувствовал, что если произойдет так, что мы станем близки, мне станет доступным то невыразимое нечто. Я понимаю, что все это звучит напыщенно и глупо, но это так... по крайней мере, иначе я не могу выразить.

Рауль тяжело вздохнул.

- Я каждый вечер ждал, что что-то произойдет, и мы окажемся вместе. Но ничего не происходило.

Я никогда не испытывал сложностей в отношениях с женщинами, но на этот раз понятия не имел, что нужно сделать и просто с замиранием сердца ждал...

На праздники я уехал домой, в свой мир. Нет, он ничуть не изменился. Не произошло переоценки ценностей. Точнее, не произошло переоценки ценностей именно по отношению к моему миру. Может быть, это и произошло бы, стань ты его частью. Тогда я, наверное, начал бы сравнивать... Но ты, то что связано с тобой, это настолько иное, никак не пересекающееся, не находящее никаких параллелей...

Понимаешь, ты не разрушила и даже не потревожила мой мир... Он остался прежним, и мое к нему отношение – тоже...

Понимаешь, я вдруг осознал, что во мне присутствует какая-то новая часть, совершенно иная, тоже находящаяся вне моего мира, но при этом нечуждая мне. И еще я ощутил, что потерял нечто. Нечто никогда мне не принадлежавшее, но то, что могло бы стать моим и вывести новую часть меня из состояния куколки.

Извини... я не могу выражаться точнее, потому что это ощущения... ощущения очень ясные и яркие, но не подвластные словам.

Рауль на минуту задумался.

- Наверное, я очень глубоко полюбил тебя, но утратил нечто, позволяющее этой любви наполнить мою жизнь. Видимо, слишком уж привычен и приятен мне мой мир, и у меня не хватило смелости расстаться с ним. Так что у меня осталось все, что мне дорого, но я утратил нечто неизмеримо большее...

Пока я находился дома, переоценка ценностей произошла, но в отношении тебя, Ира. Я понял, что не сумел полететь, будучи рожденным ползаты. Ира, на самом деле, я сам плохо понимаю, что со мной произошло и происходит до сих пор. Я повторяю, что это всего лишь ощущения, но настолько яркие и ясные, что я знаю нечто, не понимая, что это.

А знаю я то, что хоть я и рожден ползаты, и мне не дано взлететь, но нечто – эдакие символические крылья у меня остались, и я хочу отдать их тебе. С одной стороны, из чисто эгоистических побуждений, чтобы освободиться и войти в свой мир тем, кем я оттуда вышел, а с другой – я хочу сделать тебе своеобразный подарок, потому что ты знаешь, что с этим делать, и это необходимо тебе... Я безмерно благодарен тебе за то, к чему ты заставила меня прикоснуться, хоть я и не смог хоть как-то воспользоваться этим...

Рауль опустил глаза.

- Боже! Какую чушь я несу! Ира, извини... я на самом деле не знаю, как объяснить тебе. Надеюсь, ты не думаешь, что все это всего лишь эксцентричный способ соблазнения?

- Да уж... – задумчиво произнесла Ира. – Для соблазнения действительно вполне подошло бы нечто менее мудреное, а заодно и более эффективное.

Рауль как-то обреченно рассмеялся.

- Ира, я сказал тебе все что хотел, все, что, как мне кажется, я обязательно должен был тебе сказать. Ира, если ты действительно хочешь уйти – я тебя не держу более, но очень... очень тебя прошу...

Рауль запнулся и некоторое время молчал, а затем, едва не задыхаясь, прошептал:

- ...останься...

Казалось, что время остановилось, и только тиканье часов на руке Рауля свидетельствовало о продолжении его неумолимого движения. Ира не ушла и не сделала ни единого движения, чтобы подняться с кресла. Рауль медленно провел рукой по ее лицу, а потом приподнялся и едва коснулся своими губами ее губ, обдавая напряженным дыханием. Ира перестала контролировать раздирающую ее на части страсть и та, обретя, наконец, свободу, вырвалась наружу. Губы в ответ на легкое прикосновение Рауля слегка вздрогнули. Рауль, почувствовав этот ответ, подхватил Иру на руки и бережно уложил в постель.

Почти три с половиной месяца сдерживаемая страсть затопила Иру полностью. В редкие мгновения проблесков сознания она понимала, что то, что происходит с нею, сексом назвать можно лишь номинально.

Она чувствовала себя огромным свирепым яростным монстром, жадно и безжалостно пожирающим принесенную ему жертву, которая с благоговением, покорно и безропотно отдает себя на растерзание.

Ире казалось, что такие ощущения должны привести ее в ужас, но вместо этого чувствовала неистовую вакханалию радости. Нечто внутри нее целым оркестром литавр и тамтамов отбивало причудливые пятидольные ритмы не дающие ускользнуть из состояния транса.

А потом она взмыла в густом золотистом свете и каким-то немыслимым движением вобрала в себя все то, чем насытился монстр. И вдруг то, чем насытился монстр, начало крушить, ломать и выталкивать из нее нечто. Что-то вроде мощных железобетонных конструкций, которых она не ощущала, пока они со взрывами боли не начали рушиться, даруя легкость, выпуская на волю. В следующее мгновение она открыла глаза и обнаружила себя лежащей на кровати в темной комнате...

Она слегка сдвинула вдоль простыни руку и коснулась лежащего рядом Рауля. К ее радости он был, судя по всему, живой и здоровый, в чем Ира, придя в себя, несколько сомневалась, учитывая пережитые ощущения. Он, почувствовав прикосновение, повернул в ее сторону голову. Ира приподнялась на локте и на мгновение заглянула в его глаза – Рауль действительно находился в самом обычном состоянии, наступающем у мужчины после соития с женщиной. На его щеке ярко мерцал отсвет уличного фонаря. Ира поцеловала его в этот отсвет, и он исчез, впитавшись в ее губы. Рауль облегченно вздохнул. Ира поднялась, молча оделась и вышла из номера.

- - -

Она не пыталась думать о том, что с ней произошло и что она чувствует сейчас. Единственное, что Ира отчетливо понимала, это то, что отправиться прямиком в свой номер – не лучшая идея, и спустилась в бар. Там, на том же самом месте сидел Радный, словно поджидая ее.

- Присаживайтесь, Ира, – сказал он, окидывая ее беглым, но очень цепким взглядом. – Кофе для Вас я заказал. Выберите пирожные, – он протянул ей меню. – Сладости – это то, что Вам сейчас необходимо в первую очередь.

- Я буду картошку, – не заглядывая в меню, сказала Ира.

- Сколько штук?

Ира удивленно подняла глаза, считая, что он шутит.

- А сколько нужно? – весело спросила она.

- Думаю, что не менее трех. Кстати, можете заказать разные.

- Я столько не съем! – Ира рассмеялась.

- Придется! – усмехнулся Радный. – Так что? Пять картошек?

- Ставки растут? Начиналось, ведь, вроде как с трех?

- Определяйтесь быстрее, а то так и до десяти дойдет!

- Ладно, как скажете. Три картошки.

Официант принес кофе.

- Будьте добры еще три пирожных картошка и два миндальных, – попросил Радный.

Ира решила, что миндальные он заказал для себя, но оказалось, что они тоже предназначались ей.

- Ешьте, Ира, – подбодрил ее Радный. – Сладости обладают уникальным свойством сглаживать для тела последствия стресса, которому оно подверглось в ходе трансформаций на других уровнях. Так что ешьте, и я несколько не удивлюсь, если понадобится заказать еще.

Так и вышло. Ира не чувствовала голода, но, к собственному удивлению, даже не заметила, как пирожные исчезли в ней. Радный, не спрашивая, заказал еще, а когда и те испарились, поинтересовался:

- Еще?

- Не-ет! Я, кажется, сейчас лопну!

Радный усмехнулся:

- Маловероятно! Вам только кажется, исходя из опыта. Прислушайтесь к ощущениям – разве я не прав?

Ира прислушалась.

- Удивительно... однако, это верно...

- Так что? Еще?

- Пожалуй, все-таки нет.

- А кофе?

- Кофе можно.

Радный заказал еще кофе. Когда его принесли, Ира достала сигарету и закурила.

- Ира, если захочется еще, не стесняйтесь, скажите. Вам сейчас сладкого нужно вволю.

- Что мне действительно сейчас хочется, так это домой.

- Как я догадываюсь, для этого общественный транспорт дальнего следования Вам не требуется?

- Нет. Не требуется.

- Что ж, программу максимум Вы выполнили, так что никакие внешние причины Вас здесь больше не держат.

Ира тут же перешла на более быстрый темп поглощения.

- Ира! Не спешите! Вас ничто не держит, но и не гонит ничто. Времени более чем достаточно – расслабьтесь!

Ира послушно расслабилась и спокойно допила кофе.

- Ну что? Еще?

- Нет. Я пойду собираться.

- Наберите меня, как будете готовы – я помогу с вещами.

- Хорошо.

Через полчаса Радный отнес Ирины вещи в машину.

- Садитесь. Я сам улажу все формальности с выездом.

Минут через пять он уже прогревал двигатель.

- У меня такое ощущение, что Вы все никак не решитесь о чем-то спросить меня, верно?

- Да, – честно ответила Ира.

- Не стесняйтесь. Спрашивайте.

- Что будет с Раулем?

- Если бы Вам не удалось пройти свой путь с блеском, возможно, с ним что-то и случилось бы, но теперь – ничего. Просто вернется к себе домой, и будет жить, как жил.

- Извините... – Ира запнулась.

- Извиняю, – усмехнулся Радный. – Спрашивайте!

- Стас, Вы намерено пригласили его?

- Ира, особым значением выбор оборудования наделили Вы. Разработанное Раулем оборудование выбрали Вы. До полусмерти запугали моих «коней» Вы. А я лишь смиренно выполнил свою часть работы.

Ира вздрогнула.

- Вы боитесь? – с притворным удивлением спросил Радный. – Бросьте! Это вон у них, – он кивнул головой в сторону прохожих, бредущих по проносящимся мимо улицам, – должно сердце замирать и волосы дыбом становиться от одного Вашего присутствия.

- С некоторых пор мне постоянно кто-нибудь говорит что-нибудь в этом духе.

- Без оснований? – Радный хитро скосил на нее глаза.

Ира не ответила. Через минуту Радный затормозил у подъезда своего дома. Он вытащил ее вещи из багажника и поставил у двери прохода.

- Счастливого пути! – усмехнулся Радный.

- До свиданья, – ответила Ира, повесила на плечо одну сумку, взяла в руки другую и шагнула в проход.

Часть III Точка выбора

Глава 33 Суть эффективной помощи

- Всё! Я – дома! – почти шепотом воскликнула Ира в темноте цокольного этажа, усаживаясь прямо на пол и доставая сигареты.

Зив и Лоренц, встречавшие ее очень бурно во время ее посещений в качестве гостыи, нынче лишь сверкали глазами во мраке. Они сидели втроем в полной тишине и темноте примерно с полчаса. Потом Ира поднялась к себе в спальню, где, едва раздевшись, тут же рухнула в кровать, не поняв в какой момент уснула: когда уже легла, или еще до того.

- - -

- Зив! Лоренц! – позвала Ира, в предутренней тьме нежась в постели.

- Мы здесь, – промурлыкал Лоренц, просачиваясь вслед за Зивом в открытую им дверь.

- Скажите честно, я изменилась?

- А сама как чувствуешь? – вопросом на вопрос ответил Зив.

Ира задумалась.

- Кстати, – как бы между прочим промурлыкал Лоренц, вклиниваясь в Ирины размышления, – мы для твоего любимого Женечки проход в твой дом открыли. Можешь его обрадовать!

- Постойте! – Ира резко села в кровати. – Это что! Теперь мой любимый Женечка сможет беспрепятственно шастать ко мне, когда бы ему ни заблагорассудилось?

- Ты не рада? – Лоренц изобразил удивление.

- Знаете, как-то не очень...

- С чего бы это? – не унимался язвить Лоренц.

- Как-то, знаете, совсем не улыбается постоянно быть готовой к тому, что в любой момент рядом со мной может внезапно материализоваться кто бы то ни было. Даже Женечка.

- Ира, не переживай, – попытался успокоить ее Зив. – Женечка не лишен тактичности, а потому не будет почем зря мотаться к тебе в любое время, и, к тому же, мы же не собираемся держать проход нараспашку! В определенные моменты не только через проход, но и через обычные двери мы к тебе никого не пустим. Ира, не забывай, я ведь по совместительству еще вроде бы и сторожевая собака, как-никак!

Снизу послышался звук отпираемой двери.

- Татьяна Николаевна, – «сквозь зубы» констатировал Лоренц, и они вдвоем с Зивом помчались вниз изображать довольную возвращением хозяйки живность.

Ира спустилась чуть позже.

- Здравствуйте, Татьяна Николаевна!

- Батюшки! Ирочка! Ты когда приехала?

- Вчера поздно ночью.

- Что ж заранее не предупредила? У меня и накормить-то тебя особо нечем.

- Ничего страшного, Татьяна Николаевна. Давайте чайку или кофейку выпьем, а потом я позвоню Женечке, чтоб привез чего-нибудь пожевать.

- Так он тоже не в курсе, что ты вернулась?

- Не-а! Никто не в курсе.

- Ой, Ирочка! Ну и конспиратор же ты!

- Есть немного. Напрягать никого не хотелось.

- Ну, рассказывай, как съездила-то?

И Ира принялась рассказывать: как неожиданно ее избавили от необходимости общения с «главными конями», как прекрасно она сработалась с Раулем, как чудесно отдохнула с Лешкой, и какую несусветную помпу закатил инвестор, когда начался выпуск.

Татьяна Николаевна с интересом выслушала Иру и уже было затеялась перемывать весь и без того сияющий чистотой дом, но Ира, выдав ее зарплату с премией, сказала, что сегодня у нее заслуженный выходной, и отпустила домой, предупредив, что ни с обедом, ни с ужином возиться не стоит, а вот заглянуть вечером на чаёк, очень даже нелишнее. Татьяна Николаевна ушла, а Ира набрала Женечку.

- Здравствуй, Женечка!

- Здравствуй, Ирочка!

- А я уже дома!

- Поздравляю с прибытием.

- Женечка, а не хочешь ли ты зайти ко мне, а?

- Палладина! Да ты меня, никак, в гости приглашать изволишь!

- Как ты догадался?

- Признаться, с трудом!

Ира рассмеялась Женечкиному веселому кривлянию.

- Женечка, я тебя не просто в гости приглашаю. Я имею честь тебя известить, что отныне тебе не придется терпеть кислую мину таксиста, не горящего желанием гробить свой автомобиль на подступах к моему дому.

- О как! Ты серьезно?

- Абсолютно!

- Что ж, попробуем, коль и вправду не шутишь!

Женечка отключился, а Ира заговорщически подмигнула Зиву и Лоренцу, которые слышали весь разговор, благодаря тому, что Ира предусмотрительно держала трубку подальше от уха.

- Палладина, ты где?

- На кухне, – ответила Ира.

- Что ты там забыла? – с легкой слащавой иронией спросил Женечка, собственной персоной появляясь в дверном проеме. – Ирка! Что с тобой!

Внезапный истошный выкрик Женечки не на шутку перепугал Иру и напрочь отвлек от уже почти готового кофе, который, воспользовавшись моментом, кинулся наутек.

- Блин! Женька! Ты чего так орешь? – Ира впопыхах схватила турку, но было поздно: кофе сбежал почти весь и красовался огромным темно-коричневым пятном на плите. – Не знаю, что со мной, но с плитой полный звездац! – раздраженно возмутилась она и подняла глаза на Женечку. – Женька! Что с тобой?

Женечка стоял бледный как полотно, мертвой хваткой вцепившись в дверной косяк. Ира бросила в раковину турку и губку, которой собиралась приводить в достойный вид плиту, и подскочила к нему.

- Ты чего, Жень?

Казалось, что Женечка близок к обмороку. Ира взяла его под руки, довела до дивана и усадила. Села рядом и, положив его руку к себе на колени, стала гладить, увещевая как ребенка:

- Женечка, ты чего так испугался? Со мной все в полном порядке. Жень... Же-ня.

Женечка медленно приходил в себя, затравлено кидая короткие взгляды на Иру.

- Вот так долбануло беднягу! – промяукал Лоренц.

- Ира, уйди. Мы попытаемся привести его в нормальное состояние, – проурчал Зив и, поставив передние лапы на плечи Женечке, стал облизывать ему лицо, тем временем Лоренц терся о его ноги.

Ира собрала всю свою волю, чтобы взять себя в руки, но пока она протирала плиту, мыла турку и заново варила кофе, сердце так и продолжало биться где-то сразу везде. Когда она появилась в гостиной, Женечка уже слегка порозовел, но все еще пребывал в ступоре.

- Женечка! Со мной, в отличие от тебя, все в полном порядке, если не считать того, что ты своими воплями перепугал меня до полусмерти, так что давай-ка возвращайся в сей бранный мир.

Женечка продолжал молчать, уставившись в ведомую только ему точку, но, судя по внешнему виду, его состояние уже не было критическим. Зив и Лоренц отошли в сторону, предоставив его заботам Иры.

- Жень, – сказала она, протягивая ему чашку. – Держи, она не горячая.

Женечка взял чашку из ее рук и, отхлебнув, достал из кармана пачку сигарет.

- Ир, извини, что напугал, – медленно произнес он, сделав несколько затяжек.

- Извиняю. Только, может, все ж откроешь тайну: чего это ты во мне углядел?

- Не знаю...

- Вот пристала к человеку! – мурлыкнул Лоренц. – Лучше переключила бы его внимание куда-нибудь подальше от собственной персоны, а то даже мне его жалко.

- Вот именно, – подхватил Зив. – Вон, уволоки-ка его лучше по магазинам за продуктами. Сама же Татьяну Николаевну отдыхать отпустила, а на вечер в гости позвала.

Ира едва заметным кивком поблагодарила за хороший совет и, докурив, забралась к Женечке на колени, обняла его:

- Ты как?

- Да вроде ничего уже...

- У меня предложение, если ты, конечно, не возражаешь...

- Какое?

- Ты сейчас здесь приляжешь, чтоб окончательно оклематься, а я ненадолго тебя покину.

- И куда это ты собралась?

- Видишь ли, я не предупредила Татьяну Николаевну о своем возвращении и, соответственно, мой холодильник совершенно стерилен. Сам понимаешь, не погону же я пожилую женщину на глобальные закупки, а Влад еще с сессии не вернулся. Так что отдохай, а я – по магазинам.

Ира уверенно поднялась с Женечкиных коленей, но тут он цепко схватил ее за руку:

- Палладина, неужто ты думаешь, что я позволю тебе самой заниматься глобальными закупками?

- Женечка! Ты ведь чуть живой!

- Я чуть живой?! – Женечка лихо подскочил с дивана, правда, немного покачнулся, но выглядел очень даже обнадеживающе. – Ну что, такси или по проходам?

Ира мельком глянула на Зива с Лоренцем. Те еле заметно качнули головами.

- По проходам! – уверенно сказала она.

- Кто ведет? – спросил Женечка.

- Я! – уверенно ответила Ира.

- А умеешь? – с легким смешком спросил Женечка.

- Наверное, да, – уверенности в Ирином голосе заметно поубавилось.

- Тогда давай-ка я поведу. А то народ почем зря перепугаешь.

- Знаешь, а Татьяна Николаевна меня не испугалась!

- Ну да! Ты ведь перед ней из ниоткуда не выскакивала?

- Я что, перед тобой из ниоткуда, что ли, выскочила?

- Палладина! Никогда не думал, что ты такая бестолковая! Я не себя сейчас в виду имею, – Женечка смотрел на нее с ехидной ухмылочкой. – Ну? Уразумела?

- Во блин! Я как-то и не подумала, – в конце концов, догадалась Ира, что именно он имеет в виду.

- Поздравляю! Приехали! Сначала учил ее не думать, а теперь придется восстанавливать утраченные мыслительные процессы, – Женечка рассмеялся своим обычным издевательским смехом. Это Иру несказанно обрадовало, возвещая о том, что он пришел в себя окончательно. – Всё! В путь на решение продовольственной программы!

И они отправились...

Ира никогда не удивлялась находящемуся в Женечкином кошельке разнообразию монет и купюр, относящихся к различным валютам мира, зная, что он по этому самому миру немало разъезжает. А будучи далеко необразцовой хозяйкой, никогда не задавалась вопросом, откуда у него такое разнообразие продуктов, несвойственных ассортименту сочинской продуктовой сети. Если бы пришлось решать ей, куда отправиться

для решения продовольственной программы, то она выбрала бы направление поближе к одному из сочинских «Магнитов» или к рынку, но Женечка мыслил, мягко говоря, гораздо шире, а именно, в мировом масштабе. Так что к концу закупок содержимое Ириноного холодильника имело все шансы стать дополнительным пособием к учебнику географии.

- Да-а-а... – протянула Ира, плюхнувшись на диван после того, как их деятельность добытчиков подошла к завершению. – Мне бы и в голову не пришло...

- Даже не сомневаюсь! – перебил ее Женечка, прекрасно догадываясь, что именно не пришло бы ей в голову. – Видишь ли, нужно знать не только, как пользоваться проходами, но и зачем. А в этом «зачем» вариантов бесчисленное множество. Говорят, что не боги горшки обжигают, а я бы сказал по-другому: боги горшки не обжигают.

- Что? – не поняла Ира.

- Неважно, – с улыбкой изрек Женечка и скрылся на кухне.

Пока Женечка колдовал там, Ира внимала колким замечаниям Зива и Лоренца относительно собственной непрактичности в противоположность «своему любимому Женечке». По поводу того же прошелся и он, торжественно внося поднос, источающий изысканный запах, способный свести с ума любого гурмана.

- Жень, с одной стороны, ты прав: мне бы даже не пришло в голову, что, умея пользоваться проходами, можно посещать не только сочинскую сеть розничной торговли продуктами питания. Однако, в отличие от тебя, я не владею иностранными языками, а заодно и иностранной валютой.

- Ладно тебе оправдываться! Знаешь, территория распространения русского языка охватывает всю Россию, между прочим, а еще, его прекрасно до сих пор понимают и на всей территории бывшего СССР. А по поводу валюты, если ты, конечно, заметила, я расплачивался с помощью пластиковой карты.

Беседуя с Ирой, Женечка кидал на нее лишь короткие взгляды, впрочем, как и во все время их кругосветного путешествия по магазинам.

- Так! Всё! Хватит уличать меня в бытовой непрактичности! Я что, спорю что ли, что хозяйка я даже не плохая, а вовсе никакая?

- Нет. Конечно, не споришь! Однако, Ирочка, получая более широкие возможности, пытаться находить для них все более и более широкое применение, притом в самых обыденных сферах – совершенно нелишнее.

- А он, между прочим, прав! – ехидно промурлыкал Лоренц.

- Вот привязался! – воскликнула Ира в притворном раздражении.

- Кто? Я? – ехидно спросил Лоренц.

- Женечка! – интонация сего восклицания у Иры получилась очень многогранной, и вполне соответствовала как окончанию предыдущего заявления, вроде как обращенного к Женечке, так и ответу Лоренцу, а также началу следующей мысли. – Как мне кажется, ты уже несколько свыкся с тем, что увидел во мне, лишь переступив порог, хоть и удостаиваешь меня пока лишь короткими взглядами. Я понимаю, что, скорее всего, мой вопрос лежит в сфере, названной тобой «праздное любопыт-

ство», однако, оно меня так мучает! Женечка! Ну, пожалуйста! Ответь: что ты увидел? Ты сказал, что не знаешь. Я понимаю, что ты не в состоянии объяснить увиденное, но хоть как-нибудь описать-то ты можешь?

Женечка уставился в потолок и задумался.

- Знаешь, Палладина, в данном случае твое любопытство совсем не праздное, точнее не совсем праздное.

- Ну надо же!

- Ирка, не язви! Тем более что я готов удовлетворить твое не совсем праздное любопытство, но небескорыстно.

- Женечка, а ты, оказывается, не лишен меркантильности!

- Палладина! Я ж просил: не язви!

- Я стараюсь, но у меня не получается.

- Ладно. Я в свою очередь постараюсь не обращать внимания на повышенное содержание в твоей крови гормона радостной гадостности. Кстати, а ты не забываешь, что кровь-то нынче в твоих жилах течет не только твоя?

- Спасибо, что напомнил. А что, вышеупомянутый гормон стал еще радостнее или еще гадостнее?

- Ой, Ирка! Вот это уже праздное любопытство чистой воды!

- Я знаю, а посему вышеспрошенный вопрос целиком и полностью относится к разряду риторических.

- Спасибо за уточнение.

- Не стоит благодарности, Женечка! Так почему у Вас нынче удовлетворение не совсем праздного любопытства?

- Не переживай! Тебе – по карману! Так что предупреждаю сразу: торг неуместен, – Женечка усмехнулся.

- Я внимательно слушаю...

- Слушай, – Женечка поднялся и начал вещать, прохаживаясь из стороны в сторону, и, одаривая Иру короткими взглядами. – Так вот, твое любопытство я отнес к разряду не совсем праздного исходя из того, что ты явно чувствуешь в себе кое-какие изменения. Именно поэтому к разряду «не совсем», а не к «совсем не». То есть ты, скорее всего, правда, может быть, и лишь отчасти, понимаешь, что в тебе стало другим. Тебе, естественно, интересно, как это выглядит для меня, тем более что я, не будучи готов к сему зрелищу, чересчур бурно отреагировал.

- Как я понимаю, сейчас ты это сам себе все объясняешь, – вставила Ира. – Ближе к делу! По возможности.

- Попытаюсь, госпожа Палладина! Так вот, ты, если и не знаешь точно, то наверняка догадываешься относительно причины изменений, ставших столь яркими для меня. А суть сделки заключается в следующем: я тебе по возможности пытаюсь адекватно описать, что я увидел, а ты – рассказываешь, что, по твоему мнению, явилось причиной сих метаморфоз. Идет?

- У-у-у, Женечка! А я-то думаю, и чего это мое, с моей точки зрения, любопытство именно праздное, ты удостоил чести признать не совсем праздным? Оказывается, не менее праздное любопытство просто обурекает тебя самого! Знаешь, торг здесь действительно неуместен. Ты слишком загнул цену, так что сделка не состоится.

- О как!

- Знаешь, у меня есть все основания предполагать, что Влад, как только сдаст свою сессию и вернется, непременно увидит то же самое, что и ты. А я хоть и терзаюсь любопытством, но не настолько, чтоб не набраться терпения и не подождать, тем более что вернется он со дня на день.

- Та-а-а-ак! Ну и что там тебе твоя гадюка нашипела?

Женечка, что называется, кинул на стол козырного туза, и вид имел соответственный. Даже посмотрел на Иру в упор, но долго держать так взгляд, тем не менее, не смог, что-то определенно пугало его в ней. Может, конечно, и не пугало, но однозначно вызывало некое благоговение, с которым он не мог так быстро свыкнуться.

Ира не стала играть. Она заставила себя почувствовать пойманной за руку, и теперь молча сидела на диване сконфуженная и потерянная, не зная, что ответить.

Женечка достойно выдержал победную паузу. Он точно просчитал удар, и по истечении времени, необходимого для постановки «распоясавшейся Палладиной» на место, смягчился:

- Ир, я знаю, что со стражами проходов шутки плохи, однако тебе на данную проблему следует смотреть несколько шире. Я не призываю тебя отказаться от пользования предоставленной тебе сетью и тем более рвать отношения со стражем. Я всего лишь прошу: пожалуйста, будь осторожна! Ира, ты не могла сама обнаружить проходы, точнее, в принципе могла, но если бы ты обнаружила их сама, то непременно поделилась бы своим открытием со мной. Следовательно, тебе, мягко говоря, намекнули на их существование и к тому же научили ими пользоваться, ведь так быстро и так здорово освоиться с ними самостоятельно ты тоже не смогла бы.

Ира, я тебе говорил, что вся наша земная флора и фауна состоит из исключительно милых созданий, только вот милы они лишь до определенного предела. Скажем, мы с тобой тоже очень милые создания, но тоже лишь до определенного предела. Я думаю, ты с этим согласна. Ни я, ни ты не знаем целей иных форм жизни, так что нужно постоянно оставаться на чеку. То есть не позволять вытягивать себя в не свои игры. Я скажу тебе, чем ты меня сразила наповал. Скажу, не требуя взамен отчета о том, как это с тобой случилось, но заклинаю, пожалуйста, попытайся разобраться, чем это ты так заинтересовала, так сильно привлекла внимание животного, а может быть, и растительного мира нашей чудесной планеты.

- Жень, неужто духи безобиднее?

- Нет, конечно, но им при этом абсолютно параллельно, чем это мы тут занимаемся. Им совершенно по барабану, каким макарон мы живем и живем ли вообще.

- Что-то мне так не кажется...

- Может, ты и права, но их взаимодействие с нами, тем не менее, лишено поиска решений собственных проблем. Может, они и забавляются нами, но без далеко идущих последствий. Конечно, они могут ради забавы сжить со свету какого-нибудь индивида, однако, не вмешиваются в ход принципиально иной для них формы жизни в целом.

- Жень, но ведь мы, по сути, примерно так же относимся к флоре и фауне, не совсем, конечно, но в чем-то похоже.

- Мы – да, а вот они – нет. А посему, как только отношения человека с животным и растительным миром выходят за рамки общепринятых, нужно осознать, что это подобно сидению на пороховой бочке с зажженным фитилем.

- Так, Женечка, по посвящению меня в ужасики земной жизни ты сегодня план перевыполнил, так что давай-ка колись: чего во мне углядел? Женечка, можно сказать, только что сам обещал!

- Да, обещал... Ира, ты стала больше. Точнее не больше... Точнее больше, но не во вне, а в глубину. Признаюсь честно, я соврал, сказав, будто не знаю, что с тобой. Знаю, но не смогу тебе сейчас объяснить так, чтобы ты поняла... Но попытаюсь... Пример, конечно, далекий от совершенства...

Представь ванну, наполненную водой. У нее есть дно, целостность которого обеспечивается пробкой. И вот, представь, эту пробку выдерживают. Глубина ванны тут же увеличивается до беспредельности. За счет целеустремленного движения воды возрастает интенсивность. В случае с ванной интенсивность обеспечивается только движением вглубь и вскоре из-за истощенности запасов воды, если их не пополнять, иссякает. В твоем случае движение осуществляется как вглубь, так и наружу, сохраняя интенсивность плюс-минус на одном уровне.

- Ясно, – оборвала его Ира.

- Прямо таки так сразу и ясно?

- Да. Я, конечно, затрудняюсь представить себе, как это для тебя выглядело, но у меня больше нет желания мучить тебя расспросами.

На самом деле у нее вообще отпало желание общаться с ним, как минимум, сегодня. Воцарилось натянутое молчание.

- Мне уйти? – наконец спросил Женечка.

Ира молчала. Теперь ей по-настоящему стало неловко. Она совсем не так представляла себе встречу с ним по окончательному возвращению.

- Ир, если не возражаешь, я загляну вечером.

Она кивнула. Женечка чмокнул ее в щеку и спустился в цоколь.

Ира сидела в неприятном оцепенении.

- Ир, а мне твой Женечка начинает нравиться, – пытаюсь завязать разговор, промурлыкал Лоренц.

- А мне – перестает, – с горьким вздохом проговорила Ира.

- Так уж прямо и перестает! – неожиданно весело прооручал Зив. – Ира, да не переживай ты! Не заикливайся!

Он хотел еще что-то сказать, но тут радостно запел мобильник.

- Здравствуйте, Ира. Как себя чувствуете? – спросила трубка голосом Радного.

- Здравствуйте, Стас. А чувствую я себя вполне нормально.

- Не думаю, что в данный момент Вы до конца искренни, но это неважно. Ира, некоторый период, пока не привыкните, будет немного не по себе. Это нормально, так что воспринимайте эти временные неудобства как должное. Займитесь своими привычными делами – насколько я помню, Вам есть чем заняться из разряда привычного для Вас – и со временем освоитесь. Я надеюсь, Вам понятно, о чем я?

- Да, Стас.

- Вот и замечательно.

Не прощаясь, Радный отключился. Ира какое-то время сидела, задумчиво крутя в руках мобильник, и вдруг решительно набрала Женечку.

- Жень, надеюсь, ты не успел далеко уйти?

- Нет... а что, Палладина?

- Ты меня несколько выбил из колеи своими воплями, и я напрочь забыла, зачем на самом деле хотела тебя видеть.

- И зачем же?

- Женечка! Хватит обиды корчить! Я жду тебя.

- Как скажешь, Палладина!

Через минуту Женечка поднимался в гостиную.

- Садись, – скомандовала Ира и, не дав ему прокомментировать удивление ее приказным тоном, продолжила. – Во-первых, к моим изменениям гадюка никакого отношения не имеет, – выпалила Ира уверенно. – Это так, к слову, чтобы ты при каждом удобном случае не начинал сызнава мусолить тему тотальной угрозы флоры и фауны.

- А во-вторых? – спросил Женечка.

- А во-вторых, Жень, все ближайшее время я собираюсь посвятить лишь двум вещам: поющему дому и твоей книге.

- Приятно слышать, – вполне спокойным тоном сказал Женечка, но полностью скрыть нервность у него не получилось.

- Жень, ты мне друг?

- Наверное, да. А почему ты спрашиваешь?

- Я хочу попросить тебя о помощи.

- Ир, чем же я теперь могу помочь тебе?

- Самая эффективная помощь – это рядом постоять и за руку подержать. И об этом я могу просить только тебя.

- И в чем нынче состоит «рядом постоять и за руку подержать»?

- Давай всерьез зададимся целью издать твою книгу. Обозначим сроки и займемся этим вплотную.

- Ты думаешь этого достаточно?

- Может быть и нет, но хоть что-то...

- Ладно, как скажешь.

- Так, а сколько у нас нынче времени? – Ира посмотрела на экранчик мобильного. – Ого! Женечка, есть предложение совместными усилиями приготовить ужин, чтоб вечером мирно расслабится в компании Татьяны Николаевны.

- Возражений нет, Палладина!

- - -

Вечер пролетел тепло и уютно, по-домашнему. Татьяна Николаевна ушла домой часов в девять, а Ира с Женечкой, проводив ее, вернулись в исходное положение в гостиной.

Сколько раз по очереди варили кофе – сбились со счета. В конце концов, от него стало стучать в висках, а от сигарет, казалось, что дым уже из ушей валит. Будь ее воля, Ира бы уже давным-давно улеглась

спать, но ей ужасно хотелось, чтобы Женечка сегодня остался с ней, чего он явно делать не собирался. Правда, и покидать ее тоже не спешил. Первой призналась, что сломалась Ира:

- Жень, пойдем спать.

- Да... надо бы... – Женечка еще немного помялся, но все ж собрался с духом. – Ир, извини, я нынче к себе.

- Я догадалась...

И тут случилось то, от чего у Иры, что называется, челюсть отвисла. Хотя Женечка и оказался в самой крайней степени изумления, и, тем не менее, Ира не без оснований решила, что край ее крайности изумления лежит гораздо дальше и глубже Женечкиного.

Пока Ира предлагала идти спать, Женечка соглашался, но извинялся, что не может сего предпринять в ее постели, а она в ответ известила о своей догадливости, в этот самый момент Лоренц оказался у Женечки на коленях, и, после сообщения Иры о собственной догадливости, томно потершись о Женечкину грудь, вдруг изрек:

- Чего ты боишься? Не сожрет она тебя.

В соответствии с тем, как кардинально изменился в лице Женечка, Ира поняла, что ценное замечание Лоренца он слышал не хуже нее. А Лоренц, тем временем, обратился к Ире:

- А ты чего уставилась? Что, первый раз в жизни говорящего кота увидела?

- Маленькое уточнение, – в упор глядя на Лоренца, ровным голосом произнесла Ира. – Говорящего с Женечкой.

- А-а. Ты об этом... – томно промурлыкал Лоренц и непринужденно разлегся на Женечкиных коленях.

- И что все это значит? – обрел голос Женечка.

- Евгений Вениаминович, – вмешался в разговор Зив, от чего Женечке поплохело еще больше, особенно, видимо, от обращения к нему здорового пса по имени-отчеству, – это значит, что гадюка действительно не имеет никакого отношения к сети проходов, которой пользуется Ира. Извините нас, мы прекрасно понимаем, что Вы пережили сильное потрясение сегодня утром, а мы, можно сказать, подливаем масла в огонь, еще и на ночь глядя. Видите ли, мы действуем в интересах Иры, а она именно сейчас очень нуждается в Вашем присутствии, и, смею Вас заверить, изменение ее энергетической структуры не нанесет ни Вам, ни ей никакого вреда. Пожалуйста, поверьте на слово, так как мне, да и Лоренцу тоже, будет очень сложно объяснить почему. Все ж не забывайте, мы, всего-навсего собака и кот, а следовательно, не наделены достаточным объемом мозга для полноценной вербализации идей.

Женечкин лик осенила радостная безысходность:

- Ира, пойдем спать, – в блаженстве безысходности изрек он.

- Пойдем, – отозвалась Ира.

- Э-э-э! А нам кофе? – слегка возмутился Лоренц, спрыгивая с Женечкиных колен.

- Лоренц, не наглей! – огрызнулся Зив. – Ты же прекрасно видишь, что людям не по себе!

- Они что, кофе любят? – отрешенно спросил Женечка.
- Да, – ответила Ира. – Иди, ложись. Я сама сварю.
- Ты, наверное, думаешь, что я вообще в ауте? – пытаюсь показаться достаточно бодрым, спросил Женечка.
- Жень, я не думаю, я вижу.
- Тем не менее, Женечка остановил ее:
- Отдыхай. Я – сам, – сказал он и отправился на кухню.
- Ира хотела последовать за ним, но Зив остановил ее:
- Не мешай. Себя вспомни, как за хозяйство вцеплялась, когда почва из-под ног уходила.
- Ира согласилась и послушно откинулась на спинку дивана.
- Ир, извини, – послышался через некоторое время из кухни голос Женечки, – я не в курсе, куда наливать.
- В чашки! Куда ж еще! – крикнула Ира.
- Женечка вышел из кухни с подносом, на котором стояли четыре чашечки.
- Э-э не-ет! – промурлыкал Лоренц. – Так дело не пойдет! Вы – спать! И не вздумайте болтать на сон грядущий! И так уже людей только отдаленно напоминаете!
- Ни Женечка, ни Ира возражать не стали и молча скрылись в спальне.
- Ира, ты уверена, что полностью контролируешь ситуацию? – спросил Женечка, раздеваясь.
- Жень, даже не пытаюсь что-либо контролировать. И вообще – нам дали очень хороший совет: не болтать на сон грядущий.
- Как скажешь... – тяжело вздохнув, сказал Женечка и буквально упал на кровать.
- Ира упала рядом, и они тут же уснули.

Глава 34

Табу

Ира открыла глаза. В прямоугольник окна сквозь сумерки несмело пробивался рассвет. Все ее тело находилось в плотных Женечкиных объятьях, а он сам смотрел на нее каким-то уж совсем непонятным взглядом.

- Женечка-а! – протянула Ира последний слог. – Ну что с тобой? Посмотри вокруг: Земля с орбиты не сошла, ни Всемирного Потопа, ни какого-либо иного варианта Конца Света явно не наблюдается. Жень! Такое впечатление, что все две с половиной тысячи лет твоего существования, ну, по крайней мере, последние лет пятьсот, с тобой ничего, по твоим меркам из ряда вон выходящего, не происходило, и ты представить себе не можешь, что на свете может существовать или происходить нечто для тебя неожиданное.

- Не поверишь, Ира, но кое-какие сложности и неожиданности имели место лишь первые лет триста, а потом ничто в этом мире уже и не пыталось щекотать мне нервы экстравагантностью и оригинальностью.

- Неужто для тебя все всегда было до такой степени предсказуемым?
 - Знаешь, подчас выкрутасы хорошо тебе знакомого Генки предсказывать не всегда получалось, и всё же, они никогда не выходили за достаточно узкие рамки.

- Я так понимаю, что я в эти рамки не вписалась?

- У-у-у, Ирка! Ты ни в какие рамки не вписываешься! Знаешь, а ведь я помню тебя. А потому с ужасом ждал твоих здесь появлений, но во все прошлые разы за последние две с половиной тысячи лет всё проходило вполне безобидно. Для меня безобидно. Я не успевал и глазом моргнуть, как ты успешно разделялась с собственным телом. В самый последний, если не считать твое нынешнее воплощение, мне, правда, как ты знаешь, пришлось лично поучаствовать в части этого процесса. Ирка! Ты – стихийное бедствие! Однако, несколько своих прошлых воплощений сфокусированное на себе самой, и только поэтому, как говорится, никто не пострадал.

- Женечка, ты так говоришь, что у меня закрадывается подозрение, будто я рождалась и до начала твоей двух с половиной тысячелетней эпопеи?

Ира спросила в шутку, по крайней мере, она сама себе объяснила, что спрашивает в шутку, но Женечка не обратил внимания на ее тон и продолжал вполне серьезно:

- Да, Ир, ты и ранее воплощалась в этом мире, только не человеком.

- И кем же я была? – продолжала шутить Ира.

- Я не могу сказать тебе доподлинно точно, – продолжал не обращать внимания на ее несерьезный настрой Женечка. – Мои воспоминания о тех очень далеких временах весьма смутны. В этом я почти такой же слепой, как Генка. Если до конца честно, то я вообще об этом наверняка ничего не знаю, лишь смутно ловлю отблеск нечто. Ира, я ведь тебе не разнобразия ради талдычу с самого первого дня знакомства: читай мифы. В них есть весьма полезная для тебя информация.

- То есть, твои последние две с половиной тысячи лет это не первое твое воплощение на Земле?

- Нет. Я здесь с самого начала, впрочем, как и ты. Только, в отличие от тебя, не покидал очень уж надолго «шедевр» под названием Вселенная, – Женечка усмехнулся. – И знаешь, за последние две с половиной тысячи лет я настолько привык, что иногда даже начинаю видеть какой-то смысл во всей этой галиматье.

- Что ты подразумеваешь под термином «галиматье»?

- Всё вот это, – Женечка оторвал руку от Иры и сделал пространный жест. – То, что люди называют земным бытием.

- То есть, ты хочешь сказать, что в том, что люди называют земным бытием, смысла на самом деле нет?

Женечка усмехнулся:

- Может, это действительно некий высший промысел. Но, воплотившись здесь, ведь ни хрена толком не помнишь! Так! Смутные проблески и всё! Увязаеться напрочь в процессах гениального изобретения под названием мозг, которые в свою очередь называются человеческой логи-

кой. И вот посредством именно этих логических построений начинаешь понимать, какой это все бред. Ира, я ни до этого, ни за все свое нынешнее здесь пребывание так и не смог по-настоящему понять: зачем? Ира, просто, как человек, подумай и, мне кажется, ты со мной согласишься: тут никого бы и духу давно не было, если б не предусмотрительно сострепанный инстинкт самосохранения.

- Женечка-а! Ошибаешься! Не соглашусь! Не думаю, что все живое на Земле, и человек в том числе, желает жить исключительно лишь благодаря наличию инстинкта самосохранения.

- Ира, а ты никогда не задумывалась, что именно из своей деятельности люди на самом деле, сами того не подозревая, подразумевают под понятием «жить» в его самом что ни на есть прямом смысле?

- Жень, оно включает в себя все виды деятельности сразу – это всеобъемлющее понятие.

- Оно не настолько всеобъемлющее, как тебе кажется. Подумай, что подразумевает человек, когда говорит: «я здесь живу»; или какие сведения предполагают получить, когда спрашивают: «где ты живешь?».

- Это сведения о месте, где протекают все виды деятельности человека.

- Так уж и все?! Хотя, если иметь в виду такую единицу, как населенный пункт, то ты, конечно же, права, но я говорю о самом узком понятии местожительства. Вот, к примеру, ты живешь в этом доме, так?

- Ну, так...

- Ты у нас дама особенная, и в этом самом доме действительно протекает большинство из твоих родов деятельности. Однако если бы ты работала в другом месте, ты бы не перестала говорить, что живешь именно здесь, так же, как если бы ты принимала пищу в другом месте, ты бы тоже не перестала считать, что живешь здесь. Из места, называемого домом, в котором человек ЖИВЕТ, можно отбросить абсолютно все, кроме одного. Самое главное и определяющее действие для места проживания – это сон. Человек живет там, где он спит. То есть, получается, что человек по-настоящему живет только тогда, когда он спит.

Ира, это не пустые умствования, это так и есть, а потому и отражается в вербальных символах, хоть люди и не придают этому значения и даже вовсе не обращают на это внимания. Несложно догадаться, что человек понятия не имеет, как он живет, а то, что каким-то образом достигает его сознания в виде сновидений, по большей части является фантазмагорическими интерпретациями мозга. Жизнь лежит за гранью человеческого восприятия, а то, что мы вытворяем в период бодрствования, это и есть то, что я называл галиматьей, в которой мне иногда начинает мерещиться какой-то смысл.

Ира вздрогнула, посмотрела Женечке в глаза и немного сменила тему:

- Жень, я понимаю, что это праздное любопытство, но все же: ты не мог бы рассказать мне о моих прошлых жизнях?

- Ир, что я могу рассказать тебе, если в свою бытность Эрианой ты мужественно облетела на шарике Земля вокруг шарика Солнце всего двадцать три раза и это стало на тот момент твоим личным рекордом, так как

все предыдущие воплощения у тебя не получалось сделать и двадцати кругов?! А как я тебе уже когда-то говорил, осознать себя, как правило, возможно только после тридцати-сорока лет земного существования.

- Ну, может быть, я и протянула бы гораздо дольше, если б тебе не пришла в голову гениальная идея меня сжечь.

Ира предусмотрительно не отдавала себе отчета в том, серьезно она обо всем об этом или просто прикалывается.

- Ты будешь очень удивлена, – Женечка перешел на свой излюбленный саркастичный тон, – но сия, как ты сказала, гениальная идея пришла не мне в голову. В твою голову, если быть честным, она тоже не приходила. Надо сказать, что во все твои прошлые пришествия на грешную Землю первое, что ты сотворяла, так это напрочь сносила себе мозги еще при рождении, а может и до этого. Ира, не обижайся, но девица по имени Эриана была, мягко говоря, со странностями, а если точнее, то современная медицина поставила бы ей однозначный диагноз «олигофрения». И, тем не менее, тебе, несмотря на разнесенный тобою вдребезги собственный мозг, удалось стянуть обстоятельства так, чтобы обеспечить себе на будущее воплощение яркое воспоминание о земном бытии. Я лишь смиренно сыграл свою роль – только и всего.

- И в чем она состояла?

- Отделяя от тебя земное тело, мне удалось помочь тебе некоторым образом изменить твою энергетическую структуру, снизить ее интенсивность, благодаря которой, Вы, госпожа Палладина, сносили себе мозги, а заодно так закручивали обстоятельства, что в редких случаях выходили за пределы раннего детства.

- А теперь, – перебила его Ира, – произошло что-то вроде восстановления, и ты в ужасе ждешь, что ж теперь будет?

- Истинно! Купаться идем, или ты решила сменить традиции?

- В отношении традиций все по-прежнему!

Ира легко спрыгнула с кровати и через миг уже была одета.

- Полотенце не забудь, – напомнил Женечка, надевая свитер.

- Доброе утро, – томно приветствовал их в гостиной Лоренц.

- А где Зив? – спросила Ира.

- Караулит Татьяну Николаевну, пока вы отношения выясняете.

Ира улыбнулась:

- Лоренц, она б все равно в спальню подниматься б не стала.

- Думаю, что да, но, видишь ли, несмотря на возраст, со слухом у нее все в порядке, – Лоренц многозначительно посмотрел на них.

- Мы – купаться, – ответив таким же многозначительным взглядом на его замечания, сказала Ира. – Компанию составите, надеюсь?

- А как же! – промурлыкал Лоренц и спрыгнул с дивана.

Зив присоединился к ним по дороге, а на обратном пути их окликнула со своего двора Татьяна Николаевна. Женечка быстренько сообщил ей, что как минимум до обеда ее присутствие вовсе необязательно. Татьяна Николаевна обрадовалась и испросила разрешение не появляться сегодня вовсе, так как приглашена к друзьям на день рождения.

- О чем речь, Татьяна Николаевна! Конечно, идите!

- Спасибо, Ирочка, я просто волнуюсь, что без обеда и без ужина тебя оставляю.

- Татьяна Николаевна, неужто Вы считаете, что я позволю Палладиной умереть голодной смертью? Ни за что! – весело отчеканил Женечка.

- Значит так, господа! – заявила Ира уверенным тоном, но с шутливо-проказливыми искорками в глазах, когда они вчетвером уселись в гостиной за столом. – Мне тут Евгений Вениаминович очень кстати заметил, что ему, не пойми с чего, в земном бытие периодически начинает мерещиться нечто вроде смысла. В связи с этим у меня возникла непреодолимая потребность избавить его, себя и всех окружающих от всевозможных наваждений. А потому, друзья мои, всякое словоблудие относительно осмысления сего бренного мира настоятельно рекомендую прекратить, хотя бы на время, и вплотную заняться дальнейшим совершенствованием того, что более не будет, как я надеюсь, хотя бы временно, подвергаться словоблудию.

Женечка хохотал. Зив с Лоренцем тоже предались веселью.

- Ребят, серьезно, – теперь стало понятно, что Ира говорит действительно серьезно, – пока я торжественно не сдам в печать Женечкину книгу, а поющий дом его хозяину, в полностью готовом к проживанию виде, до этих самых пор прошу вас: никаких даже намеков на... впрочем, вы все прекрасно знаете на что.

- Табу, так табу. Уговорила, – томно промурлыкав, ответил за всех присутствующих Лоренц.

- Ир, – начал Женечка, – тебе, по большому счету, больше нет смысла заниматься моей книгой.

- Женечка, в том смысле, на который рассчитывал ты, наверное, нет, а вот в том, в котором на нее рассчитываю я – невообразимо огромный. И потом, неужели тебе не хочется увидеть свое детище опубликованным?

- Вообще-то, хочется, – честно признался Женечка.

- Так чего ты канючишь?

Чего это он канючит, Женечка объяснять не стал, и смешанная по видовому признаку компания принялась за светскую беседу. Правда, непринужденно болтали только Зив, Лоренц и Женечка, а Ира, тем временем, стала набирать Влада.

- Привет, Влад!

- Ира!!!!!!!!!!

Влад завопил так, что Ире пришлось отдернуть трубку подальше от уха, и его вопль заполнил всю гостиную.

- Влад, мне, конечно, приятно, что ты рад меня слышать, но все ж будет лучше, если при этом мои барабанные перепонки останутся в целости и сохранности.

- Извини, Ир! Просто, я так соскучился!

- Ты когда возвращаешься?

- Я уже дома – вчера вечером прилетел.

- Так значит, твоей благоверной в радиусе пяти километров не наблюдается?

- Как ты догадалась?

- Ну, знаешь, мне кажется, ты не стал бы так искренне радостно вопить мое имя в ее присутствии.

- Наверное, ты права, но знаешь, я так по тебе соскучился, что не уверен, что удержался бы.

- Ладно... Как сессию сдал?

- Сдал.

- И ты радуется.

- А ты где? Дома уже?

- Дома.

- А можно я к тебе приеду?

- Нужно, Влад.

- Ура!!!!!!!!!!

Влад, как видно, забыл, что его просили заботиться о сохранности Ириных барабанных перепонок, и верещал с удвоенной силой, так что Ире пришлось вновь срочно удалять трубку на безопасное расстояние, а гостиную вновь затопил Владов голос.

- Я так думаю, завтрак никому не помешает, – сказал Женечка, поднялся и скрылся на кухне.

Ира, пользуясь его отсутствием, обвела взглядом Зива и Лоренца, и полусепотом спросила:

- Я не совсем поняла, точнее совсем не поняла, с чего это такие изменения по отношению к Женечке?

- Мне не нравится его позиция по многим пунктам, но вот в отношении тебя она вызывает восхищение, – промурлыкал Лоренц.

- Он по-настоящему предан тебе, так что некоторыми его убеждениями можно и пренебречь, – проорчал Зив.

- Знаете, я что-то не заметила со стороны Женечки в отношении ко мне ничего нового.

- Мы – тоже, – очень серьезно промурлыкал Лоренц. – А потому и изменили свое отношение к нему.

- - -

Ира затруднялась точно определить, что произошло раньше: стих шум двигателя подъехавшей издавшей вида «Нивы» или раздался оглушительный радостный вопль Влада в прихожей, но совершенно однозначно, что после того и другого она полетела под потолок, подбрасываемая его сильными руками.

- Влад, никогда не думал, что ты некрофил, – спокойным язвительным тоном процедил Женечка.

- А? Что? – бестолково-радостно озираясь, спросил Влад.

- Прекрати швыряться Палладиной – ее так и угробить недолго! – весело улыбался Женечка.

- Здравствуйте, Евгений Вениаминович! – не столь громко, как приветствие Ире, но и не менее радостно воскликнул Влад, сжимая Иру в объятьях так, что она с трудом переводила дыхания.

- Влад, ну что ты в нее вцепился! Никто ее не отнимет! А вот если и дальше так держать будешь, то, чего доброго, придушишь ненароком! – Женечка рассмеялся.

- Я соскучился! – виновато оправдывался Влад, выпуская Иру на волю.
 - Фу-ух! – перевела дух Ира. – Спасибо, Женечка! Теперь я обязана тебе жизнью!

- Пожалуйста, Ира! А в следующий раз знай, что если ты давно не имела счастья лицезреть сего отрока, то совершенно нелишне спастись бегством.

- Я учту, – с притворной серьезностью изрекла Ира, но потом рассмеялась и, высоко задрвав руку, потрепала Влада по голове.

И начался торжественный поздний завтрак, который плавно перетек в обед, а затем и в ужин. Ира рассказала о мебели эпохее, правда, далеко не все. Влад поведал о своей сессии и о том, что, начиная с грядущего семестра, будет обучаться дистанционно, а потому его периодическое присутствие в «горячо любимом» ВУЗе вплоть до защиты диплома более не является обязательным. Затем на повестку дня встал вопрос о судьбе поющего дома. Ира собиралась дать Владу пару выходных, но он отказался. Валентиныч с бригадой уже больше недели пребывали в отпуске, в который их Ира отправила, когда поняла, что более не в состоянии рваться на части, а оставлять поющий дом без своего бдительного внимания не хотела. Она позвонила ему. Валентиныч не возражал начать, а точнее продолжить работу завтра же.

Уже совсем стемнело, когда запел мобильник Влада. Он вытащил его из кармана, скривился и с тяжелым вздохом включил. В трубку из его уст поскакали зайньки с солнышками и, наконец, с трудом выдавленное «скоро буду, ласточка».

- Мне пора, – он обреченно поднялся с дивана.

Ира, Женечка, Зив и Лоренц вышли его проводить. Садясь за руль, Влад кинул взгляд на Женечку, но понял, что тот ехать с ним не собирается, и не стал предлагать свои услуги.

- Понятливый мальчик, – заметил Женечка.

Вечер совсем недавно вступил в свои права, но, убрав последствия завтрако-обедо-ужина, они отправились в спальню. Женечка незнамо с чего осмелел и позволил себе не только обнять Иру.

- - -

Новый день Ира, не оставив никому выбора, начала с обсуждения дальнейшей работы над Женечкиной книгой. Получилось оно уж больно формальным, что ничуть не повлияло на удовлетворенность Иры свершенным процессом. Следующим пунктом на повестке дня стояло возобновление работ в поющем доме. Женечка через проход ушел к себе, и вскоре приехал Влад.

- Ира, – как-то несмело обратился он к ней.

- Что, Влад?

- Знаешь, такое ощущение, что ты...

- Неважно, – оборвала его Ира и сосредоточила общение на предстоящей работе.

Дом встретил их, излагая квартетом саксофонов один из джазовых стандартов, насколько Ира помнила, это, скорее всего, была «Стэлла

в свете звезд», и погрузился в транс джазовых импровизаций. Небо светилось чистым утренним светом. Ира отправилась внимательно осматривать дом. В это время подъехал Валентиныч.

- Здравствуй, Ирочка! Ну как?

- Практически так, как я и ожидала.

- Еще бы, указания такие давала, будто все своими глазами видела!

- А как же! Почти каждый вечер заглядывала посмотреть, чего вы тут творите! – честно призналась Ира, и Валентиныч весело рассмеялся «шутке». – Валентиныч, – продолжила она, – мне жизненно необходимо, что бы вы привели в порядок территорию.

- Ир, может уж, когда все закончим, порядки наведем?

- Нет, Валентиныч. Мне тут еще и ландшафт предстоит сотворить, а сейчас для этого по природным часам самое время.

- Понял, начальник! – отрапортовал Валентиныч.

У Иры запел мобильник.

- Алло, – ответила Ира машинально.

- Иришка! Привет! – радостно вопила трубка голосом Натали.

- Ой! Натусик!

- А ты знаешь – Влад сдал тебя с потрохами! – довольно заявила «Натусик».

- В смысле?

- Сказал, что ты наконец-то вернулась.

- Да-а! Есть немного!

- Иришка! Я не сомневаюсь, что сейчас открою тебе великую тайну.

- О-о! Открывай!

- Представляешь! В понедельник будет 8 марта!

- Батюшки! А ведь и вправду!

- Слушай! Давай-ка к нам, а то мы тут без тебе прям как осиротели!

- Натусик! Я только сейчас поняла, как по вам с Люсиком соскучилась! А давайте у меня соберемся! Прям с утра! Если погода не испортится – пикник устроим!

- Класс!

- Как там у вас отношения с новыми соседями? Ну, с Владом и Алиночкой?

- Замечательные. А что?

- Так и их тоже с собою берите.

- Договорились!

- Ну, пока!

- Пока!

От Наташкиного звонка на душе стало как-то очень тепло и радостно, и что самое удивительное – появилось щемящее предвкушение праздника, напроць забытое еще в ранней юности, в годы печально памятного замужества. Ире захотелось действительно массового веселья, и она решила пригласить к себе на 8 марта всех, кто встретится ей на пути.

Пока она говорила с Наташей, Валентиныч успел провести небольшое совещание.

- Ирочка, ничего, если чистку территории устроим в пятницу?

- Нормально.

- Я ж так понял, что только мусор да сухую траву поубирать надо?

- Да, верно, только мусор да сухую траву. Все деревья и кусты пока останутся на своих местах, а может, и насовсем останутся. Я пока не знаю.

Ира прошла с Валентинычем по дому, дала несколько ЦУ и попросила себя не беспокоить, сказав, что будет в саду. Впрочем, именно туда она и собиралась. Только не сразу. Вначале она зашла к себе домой, взяла рулетку, стопку бумаги и пару карандашей с перочинным ножичком и ластиком, а также свой старый ноутбук – новому нечего делать на сырой холодной земле. Произведя экипировку, она вновь спустилась в цоколь и вышла в сад поющего дома, в котором провела за работой весь день.

На следующий – Ира снова вместе с Владом отправилась к поющему дому и, проведя «пятиминутку», вроде как снова спустилась в сад. И она там действительно периодически появлялась, однако большую часть времени просидела у себя дома за компьютером.

Третий рабочий день прошел по схеме второго. За Женечкину книгу Ира пока не бралась, целиком и полностью погрузившись в вопросы озеленения. Ранее она их для себя даже не пыталась поднимать, потому что еще во время экскурсии с Радным примерно представила, как в конечном итоге должна выглядеть придомовая территория. Теперь настало время сделать более конкретный проект, который ближе к вечеру третьего рабочего дня был в целом готов.

Ближе к вечеру третьего дня Ира поднялась из сада в дом и, присоединившись к чаепитию и перекуру, стала обзванивать своих бывших партнеров по созданию ландшафта.

- Валентиныч, а у меня беда, – обратилась она к нему, несоответствующим «беде», вполне спокойным голосом.

- Что стряслось, Ирочка?

- Только то, что все, с кем я когда-то воплощала в жизнь свои проекты озеленения, нынче по разным причинам помочь мне не в состоянии. Может, у тебя есть кто на примете?

- Дай подумать...

Валентиныч честно думал, но ничего подходящего предложить так и не смог. Когда он окончательно сдался, в разговор несмело вмешался Влад:

- Ир, пап, вы меня, конечно, извините, может, совсем не к месту, но...

- Говори, говори, Влад, – поддержал его Валентиныч.

Влад еще немного помялся, но, в конце концов, собравшись с духом, продолжил:

- Ир, пап, мама ведь всю жизнь в санаторном парковом хозяйстве проработала...

Ира поняла, с чего это Влад мялся, и не стала выражать сразу своего мнения, предоставив первым высказаться Валентинычу.

- Классная идея, сынок! Ир, а ты как думаешь?

- Влад, но ведь твоя мама так и работает в санатории?

- Ну, если сидение в отпуске без содержания это работа, то конечно! Ира, она очень хороший специалист и бригаду запросто из своих же сотрудников соберет!

- Тогда звони!

Влад тут же набрал номер. Уж кого-кого, а Ирину Борисовну Галина Андреевна просто боготворила. Ирина Борисовна ведь из ее сына, с которым она, мать родная, справиться в свое время никакими силами не могла, «человека сделала, в люди вывела!». В общем, никаких сложностей в переговорах не возникло, тем более что, официально числясь работником санаторного паркового хозяйства, она действительно работала там, а соответственно и получала зарплату, к тому же откровенно мизерную, от силы два-три месяца в году. Не увольнялась только из-за жилья и понимания руководства, требующего выкладываться ровно настолько, насколько оплачивало труд.

Договорились, что сразу после праздников, то есть во вторник на следующей неделе она вместе со своей бригадой приедет на объект и приступит к работе, а вот 8 марта отпразднует у Иры.

- Влад, на что же она живет у тебя? – спросила Ира.

- Для какого-то цветочного магазина на даче рассаду выращивает, ну и подрабатывает, если возможность появляется. Ир, поверь – не бедствует. Неужели ты думаешь, что я мать родную с голоду умирать бы оставил?

- Я так не думаю.

Глава 35

Жизнь. Формулировка определения

Всю пятницу Ира руководила чисткой территории, принимая в ней самое активное участие, так что после целого дня на свежем воздухе с граблями, вечером, едва добравшись до дома, наскоро поужинала и завалилась спать.

В субботу Влад заехал за ней, но Ира, хорошенько прикинув, решила, что сегодня ее присутствие на объекте совершенно необязательно, а вот еще раз все перепроверить в ландшафтном проекте очень даже нелишнее, да и к Женечкиной книге неплохо бы, в конце концов, приступить.

С проектом проблем не возникло. Ира делала его в большей степени для себя, так что ее вполне удовлетворяла черновая примерная почеркушка, целиком и полностью понятная только ей одной, но в то же время позволяющая объяснить маме Влада, чего она предполагает добиться в конечном итоге. Проверка не заняла и получаса, после чего Ира распечатала свою почеркушку для Галины Андреевны и закрыла файл. Совсем по-иному обстояло дело с Женечкиной книгой. Ира извлекла на свет уже готовые абракадабры, сотворенные еще прошлым летом, и начала перечитывать саму книгу. Мысли постоянно путались и вовсе сбегали. Сосредоточиться никак не получалось. В общем, к вечеру она чувствовала себя основательно вымотанной.

- Как дела? – спросил Зив, окинув спустившуюся в гостиную Иру внимательным взглядом.

- Впечатляющего мало, – ответила она.

- А что так? – поинтересовался Лоренц.

- Да что-то за Женечкину книгу никак толком взяться не получается.

- Наверное, еще не время, – предположил Зив.

- Ира, – Лоренц запрыгнул к ней на колени, – ты пережила очень напряженный период, после которого, не дав себе толком переключиться, тут же ринулась в бой в другом направлении.

- Ну и что вы предлагаете?

- Предлагаем завтра все бросить и побродить по окрестностям, – проурчал Зив. – Мы тут, кстати, на стороне Алека несколько бревнышек с вешенками нашли.

- Серьезно?! Только начало марта!

- Так ты как насчет тихой охоты? – спросил Лоренц. – Твой сын, между прочим, очень даже любит грибы собирать. Или это у него не наследственное?

- Наследственное! – радостно сообщила Ира.

Утром она без лишних напоминаний, едва проснувшись, тут же стала готовиться к вылазке в лес.

- Пакетов побольше возьми, – посоветовал Лоренц.

Погода стояла изумительная. Ясная. Тихая. Несмотря на самое начало весны и ранние утренние часы солнышко начинало понемногу припекать. Не по-летнему, конечно, но очень даже ощутимо. Ира сняла ветровку и обвязала ее вокруг талии. Она вообще подумала, а не отнести ли ее назад домой, но хорошо, что человеку свойственно периодически лениться. Выяснилось, что лень – это далеко не всегда плохо, как только они спустились к Сочинке. В ущелье дуэтом с бурлящей талыми водами рекой свистел ледяной ветер. Ира и не догадывалась, что здесь может быть такой «сквозняк». Ветровка быстренько заняла место, предусмотренное изготовителем. И даже капюшону пришлось выполнять свои прямые обязанности.

Берега реки соединял подвешенный на канатах узенький деревянный мостик. Ира, конечно, и раньше его видела, но поскольку необходимость переходить на другую сторону реки до сего дня у нее еще не возникала, она никогда им особо не интересовалась. Да и сейчас он никаких эмоций у нее не вызывал. Такие мостики не редкость на Кавказе, и Ира видела их массу. Видела, как по ним ходят люди, и даже как-то раз в Абхазии видела, как через такой вот мост перегоняли отару овец. Но вот самой ей еще ни разу не приходилось пользоваться подобным архаичным сооружением.

Мостик еле заметно раскачивался от порывов ветра, а, подойдя к нему, Ира услышала, как поскрипывают удерживающие его над рекой канаты, но даже это не смутило ее, пока...

Первым через мостик побежал Лоренц, следом за ним – Зив. От их передвижения раскачивание мостика стало заметнее. Однако, что Лоренцу, что Зиву оно, похоже, никаких неудобств не доставляло. Если бы они вели себя на мосту менее уверенно, Ира, возможно, и задумалась бы о предстоящем переходе, а так... Она совершенно спокойно под-

нялась по деревянным ступенькам и вслед за Зивом ступила на мост. Впрочем, и ступив на мост, она не сразу поняла, куда влипла. Первые несколько шагов дались ей достаточно легко, но дальше...

Свист пронизывающего ледяного ветра. Рев бушующей переизбытком воды реки. А мостик, скрипя канатами, будто прыгает, скачет, извивается и норовит выскользнуть из-под ног. А досочки местами прогнившие и надломившиеся, а кое-где вместо них и вовсе зияют «окошки» с видом на несущийся бурунами и водоворотами грязно-коричневый поток.

Ира, едва удержавшись на ногах, со всего маху схватилась за подобие перил из не струганных досок, ощутив, как в руки впиваются занозы. Она схватилась обеими руками за перила с правой стороны и почувствовала, как мостик «отреагировал» на тяжесть ее тела. Он не стал переворачиваться и даже опасно наклоняться, но все же «почувствовал». В кровь хлынул адреналин. Ира, стараясь не обращать внимания на боль от заноз, крепче сжала «перила» правой рукой, а левой попыталась ухватиться за «перила» с другой стороны. Мостик из всех сил изображал необъезженного скакуна. К тому же он только казался совсем узким. Когда Ире, с трудом удерживаясь на ногах, наконец, удалось повернуться на 90 градусов и уцепиться за «перила» с другой стороны, руки оказались растянутыми в стороны.

- Зив! – позвала она, но из-за свиста ветра и грохота воды даже сама с трудом услышала свой крик, не то, что Зив, который уже приближался к другому берегу.

Ира сдала шаг. Мост принялся брыкаться с новой силой. Передвигать руки вдоль «перил» методом скольжения не представлялось возможным из-за риска сплошь утыкать их занозами. Ира перевела дух, сосредоточилась и, поймав момент относительного спокойствия моста, быстро перехватила перила правой рукой. Затем, немного передохнув, левой. Потом сдала еще один шаг.

Ледяной ветер давно сорвал с головы капюшон. Он реял подобно обрывку паруса. Мышцы ног и рук от напряжения дрожали. Стало жарко. По спине стекала струйка пота. Каждый шаг, каждый перехват руки давался с трудом и вызывал новые взбрыки и без того беспокойного моста. Скакать и извиваться с особой силой он начинал, когда приходилось перешагивать надломленные доски и «окна».

Здравая мысль: «А может, стоит вернуться?», – видимо, как и сама Ира, ползла по мосту враскоряку и догнала ее лишь на середине. Ира медленно и осторожно повернула голову, оценивая пройденный путь и тот, что еще предстоит пройти. Душил истерический хохот, который Ира всеми силами сдерживала, дабы еще больше не взбесить и без того одуревший мост. А тут еще над ней начало измываться и собственное воображение, рисуящие ее в хвосте гонки проводимой между улитками и черепахами.

Середину моста раскачивало сильнее всего. Даже стоя на нем обеими ногами и держась обеими руками, не верилось, что удастся не упасть. Ира собрала все силы и «пошла» дальше: правая нога – правая рука; левая рука – левая нога ...

По мере удаления от середины, мост становился более поклаdistым, но тут впереди замаячило «окошко» сразу в две доски.

Река, победоносно ревя, тащила бревна. Ира пыталась заставить себя оторвать взгляд от зияющей дыры, от несущей бревна реки. Зрелище завораживало. Да и перешагивать препятствие не глядя, тоже не лучшая идея.

Ира мелкими перехватами продвинула руки как можно дальше вперед и...

То ли шаг со страху стал короче, то ли дыра в мосту действительно оказалась слишком широкой, но перешагнуть ее не получалось.

Снова мелкими перехватами Ира пододвинула руки чуть ближе к себе, чтобы сделать из них более надежную опору. Постояла минуту замурившись. Выровняла дыхание. Открыла глаза. Перенесла весь вес своего тела на руки. И... перепрыгнула...

«Широко распахнутое» над речкой «окно» осталось позади, но от прыжка все время брыкавшийся мост пустился в настоящий пляс. Лишь близость берега вселяла надежду и вдохновение и заставляла ковылять дальше: правая нога – правая рука; левая рука – левая нога...

- Фух! – перевела дух Ира, ступив на твердую землю, которая вовсе таковой не казалась. Иру продолжало болтать как на мосту. Расслабить напряженные мышцы никак не удавалось. Руки и ноги дрожали. – Не-е-е-е! Назад я лучше в обход через всю Пластунку пойду!

К счастью делать этого не пришлось.

Пакеты, которых Ира, вняв совету Лоренца, взяла побольше, в отличие от грибов, закончились. Ира с трудом тащила их, и это притом что два из них мужественно нес в зубах Зив.

- Может, все-таки через мост перейдем? – спросил Лоренц.

Зив поставил пакеты на землю и недовольно проурчал:

- Хочешь идти через мост? Иди. А я с таким грузом и сам по нему не пойду.

- Я хотел, как лучше: обходить-то ой как далеко! – оправдываясь, промурлыкал Лоренц и добавил. – Может, я тоже что-нибудь понесу?

- Ага! – проурчал Зив, снова остановившись и поставив пакеты на землю. – Меня, к примеру.

Обмен любезностями состоялся на лесной тропинке, но как только они вышли на подобие дороги, сзади послышался шум двигателя приближающейся машины и радостный крик:

- Ирина Борисовна! – из окна машины высунулся Заур. – Какими судьбами здесь?

- Привет, Заур! – сказала Ира и молча раскрыла перед ним один из пакетов.

- Ничего себе! Где Вы их столько насобирали?

- Заур, это все что смогли унести, – Ира показала свои пакеты и кивнула на Зива.

- Вы, надеюсь, домой? – спросил Заур.

- Безусловно! – устало выдохнула Ира.

- Так садитесь!

Заур вылез из машины, открыл багажник с целой кучей всяких железяк и разместил там все пакеты.

- Эй! Генацвале! Куда побежали? – крикнул он, уже направившимся в сторону висячего мостика Зиву и Лоренцу, и открыл им заднюю дверцу.

Пока ехали, Ира пригласила Заура с Нодаром и Ритой завтра к себе в гости отмечать 8 марта и уговорила забрать часть грибной добычи.

- Нужно было отдавать больше, – с обреченностью в голосе заключила Ира, когда они вместе с Татьяной Николаевной вывалили грибы из пакетов на устланный газетами пол.

- Ирочка! Нашла из-за чего расстраиваться! Как ты думаешь, может, замариновать их все? Я часть в банки закаютаю, а часть к завтрашнему столу приготовлю – у меня специальный быстрый рецепт есть.

- Татьяна Николаевна, а у вас чисто случайно нет быстрого рецепта их перемывки и перечистки? – горько усмехнувшись, задала Ира риторический вопрос.

- У нас есть, – мурлыкнул Лоренц и скрылся вслед за Зивом.

- Не переживай, Ирочка, потихоньку-полегоньку справимся.

Ира удрученно вздохнула и, вооружившись ножом, обреченно уехала рядом с грибным Эверестом. Минут через пять пришел Женечка. Рассказал все, что он думает по поводу «жадины-Палладины», чем разрядил обстановку, и «война» с грибами перестала казаться такой уж нудной. Но провозились все равно почти до полуночи.

Первыми на торжество по поводу Международного Женского дня прибыли Заур и Нодар с женой Ритой и пятимесячным сыном. Рита, очень давно не выходившая в свет дальше детской поликлиники, чувствовала себя неловко, но к ее счастью и к немалому удивлению Иры, Женечка оказался нянкой высшей категории. Очутившись в его руках, малыш, видимо, не имевший счастья быть знакомым с другими людьми, кроме мамы, папы и дяди, сначала для порядку разревелся, но очень быстро успокоился и даже стал смеяться.

- Грудью кормишь? – со знанием дела спросил Риту Женечка.

- Да... – страшно смутившись и покраснев, ответила она.

- Молодец! Значит бойцу ничего не страшно. Ир, я немного похожійначоу у тебя, можно?

- Конечно, Женечка, – ответила Ира.

Женечка вместе с маленьким Артуром скрылся в доме и через некоторое время появился, таща незнамо где найденные им два старых матраса, два пледа и простынку, а также деревянную толкушку для картошки. Матрасы, пледы и простыню он постелил в саду, разместил там более чем довольного обретенной вдруг свободой Артура и положил рядом с ним толкушку в качестве игрушки.

Рита с Нодаром перепугались, как две, высидевшие утят, квочки у водоема, в котором их предполагаемые цыплята решили искупаться. Еще никто не успел отреагировать на их панику, как по краям представленного Артуру поля деятельности легли на страже Зив и Лоренц.

Вот тут родители завопили в полном ужасе так, что квочки, взирающие на плавающих утят, которых они упорно считали своими кровными цыплятами, им в подметки не годились.

- Ребят! Вы чего! – залился смехом Женечка. – Ну ни за что не поверю, что вы не в квартире живете. Успокойтесь! Ничего с вашим малым страшного не случится – вы только гляньте, какой он счастливый!

Артур действительно был вне себя от восторга. Сооружение из двух положенных рядом матрасов, накрытых двумя пледами и застланных простыней, по-видимому, казалось ему стадионом, по которому он с превеликим удовольствием катался и пытался ползать, правда, полноценно встать на четвереньки он еще не мог и поэтому ползлось только задом. Зверюги, не дававшие ему нарушить границы «стадиона», привели его в еще более радостное состояние особенно тем, что ничуть не возражали, когда он цепко хватался за их шерсть.

- Рита! Нодар! – продолжал веселиться Женечка. – Расслабьтесь! Вот так и должен расти ребенок! Это нормально! Ненормально, когда маленького человека запирают в четырех стенах, в кроватке или в манеже, а гулять «водят» только в коляске. Поверьте! Ничего страшного с ним не случится. Рита! Ты своего ребенка когда-нибудь столь довольным жизнью видела? Только честно!

- Не-ет... – все еще тараща от ужаса глаза, пролепетала Рита.

- Так не ломай своему дитю кайфа! Всё, господа взрослые! Дитё при деле, а теперь давайте займемся обеспечением собственной радости бытия.

Нодар с Ритой слегка успокоились, правда, неокончательно, и все время нервно поглядывали на «стадион» пока разгружали «Жигулёнок».

К замаринованному Женечкой шашлыку и овощам – совсем летним и общесезонным – добавились два кружка домашнего сыра, три двухлитровых пластиковых бутылки домашнего вина, одна литровая бутылка алычёвого ткемали и еще одна томатного, пол-литровая банка аджики и несколько толстенных пучков зелени.

Вскоре подъехали Влад и Валентиныч, привезя на двух машинах остальных приглашенных на праздник. И вот теперь-то уж началась настоящая суета: костер пылал, кто-то что-то на нем жарил, кто-то что-то мыл, чистил, резал, кто-то беспрерывно носился в дом за посудой и кухонными принадлежностями.

Стадия поздравлений и сосредоточенного первичного наполнения, изрядно опустевших за время предпраздничной подготовки, желудков, пролетела незаметно. Получив вдоволь хлеба, народ жаждал зрелищ, но Ира, сама подобную жажду никогда не испытывавшая, понятия не имела, как она утоляется. Однако, будучи нынче в роли хозяйки она догадывалась, что развлекать гостей – это ее святая обязанность.

Помощь пришла неожиданно и от того, от кого ее никто и не думал ожидать. Большим специалистом по части организации праздников оказалась Дашунька. Плюс в ней уже перестали дремать и активно

просыпались зачатки руководителя. Как только стараниями «тети Иры» ей отдали бразды правления, Дашунька быстренько построила взрослых «дядев» и «тётев», о чем последние ничуть не пожалели. Неизвестно, что присутствующих забавляло больше: сами предложенные развлечения или пародийно-взрослый стиль руководства. Визг и хохот стоял невероятный, но в какой-то момент вдруг обнаружили, что идейный руководитель находится в состоянии здорового сна на «стадионе» Артура, который с огромным удовольствием составляет компанию режиссеру праздничной программы.

Производимый взрослыми дядями и тетями шум ничуть не мешал подрастающему поколению крепко спать, но бурные всплески веселья все же вошли в более спокойное русло. Все снова уселись за стол, тем более что как раз дожарился шашлык.

Team building прошел удачно, и теперь общение за столом протекало не столь официально, как в самом начале застолья. В первую очередь обсудили достижения и курьезы игровой программы, потом плавно перешли к анекдотам, затем, так же плавно к психологическим тестам. Когда психологические тесты оказались исчерпаны, попытались вернуться к анекдотам, но тут Андрюха, младший сын Люси, в этом учебном году ставший студентом, озадачил всех вопросом. Точнее, вопросом озадачили его в институте: преподаватель философии предложил каждому студенту придумать небольшой афоризм «можно два-три предложения, но лучше всего, если получится одно», который бы, возможно, в форме метафоры, отвечал на вопрос «Что такое для человека жизнь?» – ни больше, ни меньше.

Ассортимент формулировок получился весьма полижанровым: эпиграммы, политические лозунги, рекламные слоганы, анекдоты и т. д. и т. п. Пытаясь выяснить, что же все-таки такое жизнь, по ходу благополучно реанимировали костер, нажгли новых углей и принялись общими усилиями жарить новую порцию шашлыка. Женечка не давал рассеяться энтузиазму поиска определения термину «жизнь», всячески подзуживая всех и каждого, но при этом не высказывая собственного мнения. Ира участвовала в процессе всеобщего философского постижения Бытия лишь пассивно, то есть не теряла нити рассуждений, от души смеялась, если того требовало очередное высказывание, и изредка вставляла колкие замечания.

Когда новая партия шашлыка начала потихоньку предвкушать свое восхождение на праздничный стол, Женечка неожиданно обратился к Ире:

- Ирина Борисовна! Ну а лично для Вас: что такое жизнь?

- Для меня...!? – удивилась, слегка смутившись, Ира.

Почти всем показалось, что она на мгновение задумалась, но на самом деле на это мгновение в ее мозгу воцарилась полная стерильность.

- Жизнь – это прогулка по всяческому мостику, – с улыбкой и тоном «чтоб вы отвязались!» провозгласила она.

- Ирка! – возмущенно воскликнула Наташа. – Вечно ты что-нибудь ляпнешь, лишь бы отвязались! («настроение задано верно», – отметила про себя Ира.) Ты же у нас умная! Скажи, что на самом деле думаешь?

Но тут в дискуссию лихо ворвался Женечка и виртуозно избавил Иру от излишков внимания.

- - -

- Ну, как вам человеческий детеныш? – спросил Зива и Лоренца Женечка, как только они, проведив Татьяну Николаевну домой, поздним вчетвером уселись в гостиной.

- Да вроде ничего... – устало проурчал Зив.

- Миленькая детка – ничего не скажешь! – язвительно промурлыкал Лоренц. – Очень надеюсь, что в ближайшие дни будет стоять теплая погода и частичная эпилепсия никак не отразится на нашем здоровье.

Женечка рассмеялся:

- Что, сильно ощипал?

- Не слушайте Лоренца, – все так же устало проурчал Зив. – Выпендривается он.хлопотно это, конечно, детей нянчить – хоть человеческих, хоть нечеловеческих – но бывает и хуже. Активный мальчик! Но, по крайней мере, некапризный.

- Кстати, а вы слышали, что тут наша госпожа Палладина выдала? – вдруг спросил Женечка.

- По поводу? – потребовал уточнения Лоренц.

- По поводу того, что такое жизнь лично для нее, – уточнил Женечка.

Ира отрешенно курила и, казалось, пропустила мимо ушей, что Женечка сменил тему.

- Признаться, это мы пропустили, – оживился Лоренц. – А что? Нечто поражающее воображение?

- Нечто с очень глубоким смыслом, которого я, признаться, не уловил.

- Ну а с чего это ты тогда взял, что смысл мною сказанного так глубок? Ведь ты сам признаешь, что не уловил его? – не выходя из состояния отрешенности, спросила Ира.

- Смысла я действительно не уловил, но вот то, что ты это не мозгами вымучила, я знаю точно.

Ира отрешенно усмехнулась.

- Так что она сказала? – выказывая нетерпение, спросил Лоренц.

- Сказала, что для нее жизнь – это прогулка по висячему мостику.

- Ира, что это значит? – пристально посмотрел на нее Зив.

- Не знаю... – продолжая отрешенно курить, сказала Ира. – Просто вырвалось. Видимо потому, что переход на другой берег Сочинки по висячему мостику стал для меня самым ярким событием последних дней.

- Врешь ты все, Ирка! – едко возмущился Женечка.

- Да. Вру. Мне сейчас не хочется во что-либо углубляться, а тем более в то, чем нынче является моя жизнь.

Ира продолжала отрешенно курить, и Женечка понял, что добиваться от нее чего-либо бесполезно. Поняв это, он оставил Иру в покое и принялся расспрашивать Зива и Лоренца, которые ему в ярких кра-

сках описали все подробности Ириноного мужественного перехода. Зив старался оценить ее тогдашнее состояние объективно, а Лоренц не упустил случая поприкалываться над возникшими у нее сложностями. Получилось очень даже обидно, тем более что Женечка не преминул добавить собственного яда и от души нахохотаться. Но Иру это ничуть не тронуло, даже по касательной не задело, и ничуть не поколебало пребывания в безмятежной отрешенности. Как-то вдруг и очень резко Женечка прекратил хохотать и с интересом посмотрел на Иру.

- Ир, что с тобой?

Ира, проигнорировав вопрос, воспользовалась предоставленным ей словом:

- Пойдемте-ка спать. У меня с завтрашнего дня новый рывок в работе начинается.

Первый послепраздничный рабочий день задал ритм на долгое время вперед. Сама не зная как, Ира убедила Влада более не осуществлять ее транспортное обслуживание в виде доставки на работу и обратно. В поющем доме она появлялась утром раньше всех, и то, каким образом она там оказывается, вопросов не вызывало. Заскакивать в процессе рабочего дня домой по разным надобностям ей удавалось тоже легко. Несколько сложнее было с окончательным возвращением домой, что она делала раньше всех остальных. Но и тут ей с честью удавалось выкручиваться, хотя она никогда заранее не знала, как именно у нее получится на этот конкретный раз.

В общем, время до трех-четырех часов дня Ира проводила на объекте, производя впечатление, будто находится на всех фронтах работы сразу. Возвращаясь домой, она наслаждалась обедом, а потом заваливалась у себя в спальне с Женечкиной книгой, приправленной какими-нибудь экзотическими орешками и сухофруктами, которыми ее в избытке снабжал автор. Время от времени засаживалась за компьютер, изображая там что-нибудь по теме только что прочитанного. Впрочем, к компьютеру Ира бегала всего дня три, а потом настолько обленилась, что довольствовалась своим новым ноутбуком. В поющем доме и в окружавшем его саду она не только руководила, но и сама активно принимала участие в процессе, так что повалиться на кровати после физической нагрузки и плотного вкусного обеда было ой как приятно.

Достигнув состояния безмятежной отрешенности вечером 8 марта, Ира не собиралась из него выбираться. Правда, безмятежная отрешенность, заполнив ее изнутри, абсолютно не транслировалась вовне. Влад не сомневался, что в подобный цейтнот он еще ни разу в своей жизни не попадал. Валентиныч, Галина Андреевна и их подопечные испытывали полную солидарность с Владом. Однако состояние выжатого лимона овладевало ими лишь после окончания рабочего дня и превращало в пытку необходимость вставать рано поутру. Но стоило им оказаться на объекте рядом с Ирой, как энергия начинала бить ключом. Правда, на этом внимания никто не фиксировал, а потому, когда часам к восьми ве-

чера иссякал запас инерции, и наваливалась всей тяжестью усталость, они диву давались, как им, с некоторых пор хронически вымотанным и не выпавшимся, совместными усилиями удавалось столько всего переделывать в течение дня. Ира понимала, что заданный ею ритм выдержать нелегко, а потому субботы и воскресенья стали законными всеобщими выходными. (До этого, за исключением пары отпусков, работа не останавливалась ни на один день, а выходные, нуждающиеся в них, брали по подобию скользящего графика.)

Женечка по собственной инициативе к Ире не заглядывал, а когда она его приглашала, ограничивался конкретными ответами на ее конкретные вопросы по книге и обычными светскими беседами.

Зив и Лоренц, подобно Женечке, придерживались строгих рамок в отношении тем. Особой сложностью это не отличалось, ведь Ира тоже упорно держалась тех же рамок. Кроме того, теперь рядом с Ирой они присутствовали только тогда, когда она находилась в одиночестве или в компании Женечки. Стоило в поле зрения появиться Владу или Татьяне Николаевне, как их будто ветром сдувало. Ира только чувствовала себя отрешенно и безмятежно, но при этом трудилась, что называется на износ, а потому частенько забывала, что говорящие коты и собаки явление, мягко говоря, далеко не для всех привычное. Видя, что от их хозяйки с пугающей неуклонностью в наличии остаются только сияющие глаза, Зив и Лоренц решили не добавлять ей сложностей по жизни.

Глава 36

Возможности формального бездействия

В честь субботы Ира рассчитывала поспать подольше, но около половины восьмого запел мобильник. Впрочем, нельзя сказать, что его звук разбудил – лишь вытащил из легкой блаженной полудремы. Ира, не утруждаясь выяснением, кто бы это мог ее нынче потревожить, взяла трубку и ответила полусонным голосом:

- Да, я слушаю.

- Ира, извините, пожалуйста, я, наверное, Вас разбудила... – испуганно проямлил женский голос, слабо уверенный в том, что стоило это делать.

- Да нет. А кто это?

- Ира, это – Лена. Помните? Внучка Гиалы, – все также без твердой уверенности, что стоило беспокоить человека в такую рань, пояснила обладательница голоса в трубке.

Остатки дремы как рукой сняло. Ира резко села в постели:

- Лена, что-нибудь случилось?

- Нет... не думаю... – растерянно пробормотала Лена. – Просто бабушка Гиала...

- Детка, дай-ка мне трубку, – послышался отдаленный твердый и властный голос Гиалы.

- Да, бабушка... – тоже более отдаленно проямлила Лена.

- Здравствуй, Ира!

- Здравствуйте!

- Ира, Вы мне обещали приехать, когда я попрошу, помните?

- Да. Я помню.

- Обещали приехать по возможности не одна, помните?

- Да, помню.

- Это произойдет сегодня на закате, но мне бы хотелось увидеть Вас и Вашего спутника еще при свете солнца.

У Иры все похолодело внутри. Она прекрасно знала, что имеет в виду Гиала, но с тем, что та имела в виду, ее бодрый и твердый голос ну никак не вязался.

- Да... хорошо... – проговорила Ира.

- Я знаю, что не похожа на умирающую, но сегодня на закате для меня действительно все здесь окончится...

- Бабушка! – послышался укоризненный голос Лены.

- Я знаю это точно, – нетерпящим возражения твердым тоном сказала Гиала. – Так Вы сможете приехать?

- Конечно.

- Тогда я передаю трубку Лене. Решите, где ей лучше вас забрать.

- Хорошо, – ответила Ира, а когда почувствовала, что мобильник в руках у Лены, не давая ей что-либо возразить или пояснить сразу начала говорить сама. – Лена, Вам удобно будет забрать нас у Ривьеры?

- Да, конечно, – голос Лены дрожал.

- Позвоните, когда будете проезжать Дагомыс.

- Хорошо.

Ира сразу хотела набрать Женечку, но вовремя остановилась. На пару минут заскочила в душ, оделась и взяла мобильник. Сначала она хотела лишь информировать его о своем приходе, но, стоя под душем, поняла, что ей проще будет все сказать ему по телефону.

- Привет, Жень, ты дома?

- А где же мне быть в такую рань, Палладина?

- Жень, Гиала позвонила. Лена заберет нас у Ривьеры.

- Я жду тебя, – коротко ответил Женечка.

В гостиной Зив и Лоренц лишь проводили Иру взглядом. Спустившись в цоколь, она немного помедлила, но затем решительно протянула руку к проходу. Женечка возился на кухне. Ира зашла в прихожую.

- Садись за стол, – крикнул Женечка с кухни, услышав ее шаги.

Женечка принес поднос, уставленный тарелками и чашками, но к еде ни он, ни Ира так и не притронулись. Время, казалось, прекратило свое существование. По крайней мере, Ира не чувствовала, сколько его прошло: день, час, минута... Когда запел мобильник они вместе вздрогнули.

- Да. Хорошо, – сказал в трубку Ира.

- Идем? – спросил Женечка.

- Да.

На небе не было ни облачка, но теплый душный воздух красноречиво свидетельствовал о том, что завтра, скорее всего, пойдет дождь. Лену ждали всего минуты две. Женечка усадил Иру вперед, сам сел сзади, и они поехали.

- Не знаю, что ей в голову стукнуло... – будто самой себе пыталась объяснить Лена. – Как Вы у нас побывали, она все время такая бодрая, веселая, да и сегодня ничем не хуже. Она ж мне самой ничего не сказала. Просто ни с того ни с сего вспомнила Вас и попросила, чтоб я Вам позвонила. Я ей говорю, что, мол, рано еще, а сегодня у всех нормальных людей выходной, что Вы, наверное, еще спите, что, мол, давай попозже позвоню, а она аж завелась, мол, нет, прям сейчас звони. Ну вот я и позвонила, сама не зная зачем, а как она Вам сказала – я вся и... Ой! Просто в голове не укладывается! Не знала б бабушку Гиалу – решила бы, что шутит. Ну не может быть! Она ж совсем бодрая!

Ира тоже что-то говорила, главным образом, затем, чтоб не висела тишина. Сама она не возражала против тишины, но чувствовала, что для Лены молчание сейчас невыносимо. Одно хорошо – в субботний день дороги не отличались создающим пробки избытком автомобилей, и они доехали очень быстро.

Гиала встретила их у изгороди. Стройная, как юная девушка, при взгляде издали, она и вблизи даже отдаленно не напоминала умирающую старуху. Приветливо улыбаясь, бодрым и веселым голосом Гиала поздоровалась с Ирой и Женечкой, а потом обратилась к Лене:

- Леночка, будь добра, накорми гостей. Чует мое сердце, у них с самого утра и маковой росинки в рот не попало.

У Иры закралось ощущение, что ее не совсем тактично разыграли. Она незаметно кинула быстрый взгляд на Женечку, на которого еще у него дома избегала смотреть, а после того, как они сели в машину, и вовсе не видела. Женечка явно ее подозрений по поводу розыгрыша не разделял. Ира поспешно отвела глаза, заметив, что усилия воли, которыми он держит себя в руках, в свою очередь держатся, как говорится, на честном слове.

Лена накрыла стол в гостиниой. Гиала властно распоряжалась, постоянно подкладывая в тарелки Женечки с Ирой угощения и зорко следя за тем, чтобы они поглощали их в заданном темпе. Одновременно она что-то рассказывала. Что именно, до восприятия Иры не доходило и, видимо, в этом она оригинальностью не отличалась.

- Бабушка, ты б тоже покушала, – почти взмолилась Лена.

- Спасибо, внученька, но все что мне полагалось в этой жизни съесть, я уже съела.

- Гиала, а где дети? – тихим, но достаточно твердым голосом спросил Женечка, когда Лена ушла на кухню за чаем.

- Сегодня дети не нужны, – уверенно ответила Гиала.

- А кому...

- Ей, – перебила Женечку Гиала не терпящим возражений тоном и жестом указала на Иру. – Я так решила.

Лена принесла чай и пироги. Когда с чаепитием покончили, Гиала встала из-за стола и включила телевизор.

- Посмотрите что-нибудь, а я прогуляюсь с Зедом, пока еще есть время, – сказала она, беря за руку Женечку, поднявшегося следом. – И кости мне, пожалуйста, не мойте, – весело добавила она уже у двери.

Лена с Ирой послушно пересели на диван и устались в экран. Ира дождалась, пока стихнут шаги на улице, и поднялась:

- Извините, я покурить выйду.

- Курите здесь, – бесцветным голосом сказала Лена, пододвигая журнальный столик и ставя на него пепельницу. – Может, кофе сварить?

- Да... неплохо бы...

Через пару минут Лена принесла две чашечки кофе и попросила у Иры сигарету.

- Вообще-то, я не курю... уже давно... только в студенчестве баловалась... но сейчас... сами понимаете...

- Да... конечно...

Вид Женечки окончательно убедил Лену, что бабушка не шутит, и она теперь по-настоящему нервничала, а не просто чувствовала себя выбитой из колеи. Уходя, Гиала попросила не говорить о ней, и потому Ира с Леной сидели молча, так как другие темы в голову приходили не желали. Телевизор, мелькая картинками, что-то радостно щебетал.

- - -

Солнце скрылось за макушками деревьев. Дверь открылась, и вошли Гиала с Женечкой.

- Чай или кофе? – спросила она его, закрывая дверь.

- Кофе...

Лена поднялась с дивана в направлении кухни.

- Сиди, детка, – остановила ее Гиала. – Я сама сварю.

Ира сегодня не справлялась с ощущением времени, но, судя по положению солнца, уже вечерело, так что гуляли Гиала с Женечкой довольно долго, чего на облике старухи, которая отличалась от двадцатилетней девушки лишь сединой в волосах и резко очерченными складками мимических морщин, никак не отразилось. Гиала вышла из кухни, грациозно неся в одной руке поднос с тремя чашками, а в другой декоративную корзинку с конфетами. Женечка уловил взглядом на столике пепельницу и, достав сигареты, спросил:

- Можно?

- Курите! – задорно махнув рукой, разрешила Гиала.

Ира снова потеряла нить времени, да и пространства отчасти тоже. Она вздрогнула всем телом, когда услышала:

- Ну, всё. Пора.

Это сказала Гиала. Пейзаж за окном еще уверенно заливал солнечный свет, но с красноречивым оттенком того, что это уже совсем ненадолго. Гиала, держа за руку Женечку, поднималась по лестнице. Ира чуть погодя направилась следом. Как она добралась до комнатки Гиалы, в ее памяти не зафиксировалось. За весь проведенный здесь день Ира видела в пределах дома только Лену и Гиалу, ну, естественно, еще себя и Женечку, а теперь наверху каким-то образом оказалась целая толпа людей. Они, тихо переговариваясь, расступались, пропуская Иру вперед. В самой комнатке тоже было тесно. Женечка помог Ире протиснуться к распиленному вдоль толстому бревну, на котором лежала Гиала. Ира мельком заметила, что вдоль стены больше не висят на гвоздиках белые платья.

- Дай руку, – спокойным, твердым, ну никак не умирающим голосом приказала Гиала.

Ира послушно протянула руку, Гиала взяла ее в свою, приветливо улыбнулась и закрыла глаза. Но через несколько мгновений Гиала открыла их вновь и в изумлении посмотрела на Иру.

- Здесь команду я, – жестко ответила Ира на ее вопросительный взгляд.

Прощальный луч солнца, пробившись сквозь деревья, на мгновение вспыхнул, отразившись от непонятно где найденной им блестящей поверхности. Ира осторожно высвободила свою руку, почувствовав, как стоявшие позади люди затаили дыхание, но рука Гиалы не упала безжизненно, а плавно опустилась. В следующий миг она вновь открыла глаза, поймала взгляд Женечки, который, как и Ира, стоял непосредственно у ложа, но чуть дальше, и со щемящей грустью улыбнулась ему. Глаза блеснули слезами и потухли. Ира чуть отступила, пропуская Женечку. Он опустился у изголовья на колени, медленно стер со щек Гиалы выплеснувшиеся на них слезы, закрыл ей глаза, поцеловал лоб, потом поднялся, взял Иру за руку и почти что только движением губ сказал «идем».

Люди расступались, пропуская их. Женечка что-то быстро сказал Лене, которая, так и не решившись войти, стояла почти у самой двери за пределами комнаты Гиалы. Когда они спустились вниз, Женечка усадил Иру на диван, а сам скрылся на кухне. Появился он оттуда с тремя чашками, когда Лена, тихонько всхлипывая, спускалась по лестнице. Женечка помог ей сесть, вручил кофе и сигарету.

Как только чашки опустели, Женечка достал бумажник, вытащил из него, не считая, несколько сто долларовых купюр, положил их перед Леной на стол и поднялся. Лена было попыталась противиться столь неожиданной для нее щедрости от совершенно незнакомого человека. Она уже набрала в легкие воздуха, но Женечка опередил ее.

- Это – Гиале. После сорока дней можете спокойно пользоваться ее комнатой по своему усмотрению. В вашей семье больше не будет уدد. По крайней мере, несколько ближайших поколений, – сказал он Лене, а затем обратился к Ире. – Ира, нам пора.

- Я сейчас, – встrepенулась Лена.

- Нет-нет, – остановил ее порыв Женечка. – Нас не нужно подвозить.

- Уже ночь почти – как вы доберетесь?

- Не переживайте. Я хорошо знаю эти места. Спустимся в поселок, а там такси вызовем или попутку поймаем. Не переживайте.

- Может, вам хоть фонарик дать?

- Нет. Ни к чему.

Он решительно направился к двери. Ира последовала за ним.

- До свидания, – попрощались они в унисон.

На западе догорали последние отблески заката.

- Здесь где-то должен быть проход, – еле слышно сказал Женечка, когда они вошли в лес.

- Я так и поняла.

- Вести сможешь?

- Да, конечно.

Ира без труда нашла щель прохода и вместе с Женечкой оказалась в его прихожей. Женечка тут же пошел на кухню.

- Жень, давай я, – предложила Ира.

- Нет. Я – сам.

Ира не стала настаивать и отправилась на диван в гостиной.

- - -

Весь воскресный день Ира провела с Женечкой. Они, несмотря на густой туман и моросивший дождик, в компании Зива и Лоренца бродили по горам. Почти также, только без прогулок, прошла и вся следующая неделя. Ира покидала Женечку лишь на те несколько часов, которые требовалось провести в поющем доме, а время, которое обычно посвящалось книге, теперь целиком и полностью принадлежало ее автору. Они ни о чем не разговаривали. Зив и Лоренц, которые не отходили от Женечки и тогда, когда Ира отсутствовала, тоже не пытались завести беседу, даже между собой общаясь лишь взглядами.

Влад, радостно встретивший Иру в саду поющего дома в понедельник, быстро понял, что нынче от нее лучше держаться подальше. О том, что не следует некоторое время беспокоить Женечку, Ира сообщила ему сама. «Почему?», – она не стала объяснять, сказав все так, что охота задавать лишние вопросы у Влада даже не зародилась. Все остальные преобразители поющего дома и его окрестностей никаких перемен в Ире не замечали. Также, никто не обратил внимания, что Влад всю неделю покорно держится от нее на почтительном расстоянии, лишь кидая издали взгляды, когда она попадает в поле зрения. Безусловно, он не совсем понимал, что происходит, и слегка волновался, но, прекрасно чувствуя нежелание Иры, чтобы он вмешивался, даже не пытался выяснить, в чем дело. К концу недели Влад почти что свыкся с непонятным поведением Иры, а потому, когда в воскресенье ближе к вечеру вдруг раздался ее звонок, опешил от неожиданности.

- Здравствуйте, Ирина Борисовна, – дрожащим голосом проговорил он, косясь на Алиночку, сидевшую рядом с ним у телевизора.

- Привет, Влад...

- Вла-ад! Иди на кухню и там разговаривай! – послышался в трубке недовольный голосок Алиночки.

- Ирина Борисовна, одну минутку... – сказал Влад все тем же дрожащим, но теперь еще и приглушенным голосом.

- Помешал любимой жене сериал смотреть? – усмехнувшись, спросила Ира, слыша звук закрывающейся двери на кухню.

- Что-то вроде того...

- Влад, мне нужно тебя увидеть. Буквально на пять минут. Может, и меньше...

Она хотела извиниться за то, что хоть разговор и пятиминутный, но никак не телефонный. Не успела – Влад с готовностью выкрикнул:

- Сейчас буду.

Когда она набрала ему во второй раз, уже слышался звук автомобильного мотора.

- Влад, подъезжай к моему дому и заходи через дверь в саду. Ты ведь знаешь какую?

- Да. Конечно.

Влад стремительно влетел в рекомендованную дверь. Ира встретила его у порога. Влад вздрогнул. Ему показалось, словно Ира вошла в ту же дверь буквально прямо перед его носом. Влад не понимал, как такое могло произойти. Дверь находилась в его поле зрения некоторое время перед тем, как он сам вошел, и все это время он около нее никого не видел.

- Влад, – начала Ира, не дав ему рта раскрыть, – у меня к тебе просьба обязательная для выполнения.

- Все что скажешь.

- Ты уверен?

- Да.

- Ну а если моя просьба тебя шокирует?

- Неважно.

- Кстати, вопросы, типа «зачем?», «почему?» и подобные им, исключены.

- Понял.

- Вот и замечательно. Так вот, мне нужно, чтобы ты сегодня провел со своей женой сногшибательную ночь.

Влад не стал строить догадок по поводу того, что может его шокировать, и морально подготовился, как ему казалось, ко всему. Но, тем не менее, Ирина просьба для него оказалась более чем неожиданной.

- Что???! – выкрикнул он, вытаращив на Иру глаза.

- И не просто сногшибательную ночь, – будто не замечая его эмоциональной реакции, спокойно продолжала Ира. – Сегодня ты должен по-настоящему любить Алиночку. Не изображать любовь, чем ты все это время занимаешься, а действительно по-настоящему любить.

- Ира!!! Но это ведь невозможно!!!

- Я разве говорила, что будет легко?

- Ира!!! Я понятия не имею... – Влад пытался подобрать слова, но у него от волнения не получалось.

- Влад, я могу рассказать тебе технологию полового акта, но ты ее и без меня прекрасно знаешь. А вот технологию настоящей любви тебе не расскажет никто. Точнее, умники, конечно, найдутся, но вот все то, что они попытаются разглагольствовать, на самом деле будет полнейшей чушью.

- Ира... – Влад выглядел крайне растерянным.

- Влад, я тебе сразу сказала, что эта просьба обязательна для выполнения. Каким образом ты с этим справишься, я понятия не имею, и советовать тебе что-либо не считаю возможным. Однако ты должен справиться с непревзойденным блеском. Влад, это – очень важно.

- Ира, но... – попытался спросить что-то Влад.

- Влад, я тебе сразу сказала, что все вопросы типа «зачем?», «почему?» и подобные им исключены, и ты сказал, что понял. Разве не так?

- Так, – уग्रом подтвердил Влад.

- Значит, сегодня ты должен провести сногшибательную ночь с Алиночкой и не просто сногшибательную ночь – сегодня ты должен по-настоящему любить свою жену. Это обязательно и обсуждению не подлежит, и справиться со своей задачей ты должен с непревзойденным блеском, – Ира жестко посмотрела на него, словно хотела еще и взглядом втиснуть свое требование в его мозг.

- Понял.

- Вот и замечательно, а теперь иди.

Ира буквально вытолкнула его за дверь. Владу показалось, будто она вышла следом, но, оказавшись на улице, он, к своему удивлению, никого рядом с собой не обнаружил. Влад толкнул дверь. Та оказалась запертой. Он постоял немного, пытаясь прийти в себя. В первую очередь от необычной просьбы Иры, высказанной со столь жестким напором. А так же и от странных ощущений, что она перед самой встречей вроде как вошла прямо перед ним, а теперь вот вроде как вместе с ним вышла и как растворилась в воздухе, успев к тому же запереть дверь. Прийти в себя не получалось, и он с дико колотящимся сердцем побрел к своей машине.

- - -

Ира, вернулась через проход на Женечкину кухню, взяла поднос с ужином и отправилась с ним в гостиную, где сидел Женечка. По заведенной недавно традиции, ели молча. Затем Ира поднялась и сказала:

- Идем спать.

Женечка, кивнув, поднялся следом и направился в спальню. Ира немного задержалась, убирая со стола, а когда, наконец, зашла в спальню, Женечка уже уснул. Он вообще все последние дни засыпал очень быстро, буквально лишь коснувшись головой подушки. Ира легла рядом, нежно погладила Женечку по голове и уставилась в потолок.

Также глядя в потолок, она встретила рассвет. Ира четко знала, что не спала всю ночь, но не могла сама себе с определенностью сказать, сколько эта ночь длилась: вполне возможно, что, не в пример обычным ночам, вместо восьми часов всего восемь минут, а может, и восемь лет. Впрочем, за последние чуть больше недели она уже привыкла, что периодически время как бы исчезает, по крайней мере, из ее восприятия.

Женечка крепко спал. Стараясь не разбудить его, Ира выскользнула из спальни, шепотом пожелала доброго утра Зиву и Лоренцу, ночевавшим в прихожей, и шагнула в щель прохода.

Она постояла между гаражами, дождавшись, пока из подъезда выйдет Влад и уедет на работу. Еще чуть повременив, Ира поднялась в свою квартиру. Дверь ей, как и предполагалось, открыла заспанная и всклокоченная Алиночка.

- Ой, Алиночка! Извини! Я тебя разбудила?

- Да нет, нет, что Вы! Я уже встала. Заходите.

- А где Влад?

- Да вот только что уехал.

- Ой! Ну надо же! – искусно изображая искреннее сожаление, воскликнула Ира. – Еще хотела позвонить ему! Ну да ладно. Я здесь у друзей засиделась, думала вместе с ним поехать.

- Я сейчас Владу позвоню – он недалеко еще, наверное, уехал.

- Да нет, не надо. Я на такси доберусь.

- Ирина Борисовна! Что ж мы у порога-то стоим! Заходите! Вы же тут так и не были ни разу с того времени, как мы здесь поселились.

- И то верно, – улыбнулась Ира и впервые с прошлого лета переступила порог своего бывшего обиталища.

Алиночка показала Ире, как они устроились. Ира от души повосхищалась, до чего же Алиночка замечательная хозяйка, не в пример ей: лишь кровать, ввиду раннего времени находилась в не застеленном состоянии, а в остальном царил идеальный порядок и чистота, как в операционной.

- Так! Надо ведь такси вызвать! – вроде как опомнившись, заметила Ира на середине «экскурсии».

Эксклюзивный вид общественного транспорта не заставил себя ждать, и через пятнадцать минут Ира уже подъехала к поющему дому.

- Всем привет! – бодро крикнула она. – Прошу прощение за задержку – проспала, – с веселой виноватостью извинилась она.

В ответ грянуло многоголосное «Браво!» и аплодисменты, сопровождаемые какой-то из фортепианных сонат Гайдна в исполнении дома.

- Чего это вы так радуетесь? – со смехом спросила Ира.

- Ирочка! – воскликнул подошедший к ней Валентиныч. – Видишь ли, приятно убедиться, что хоть что-то человеческое тебе не чуждо!

- Спасибо! – тем же радостным тоном поблагодарила его за комплимент Ира.

Влад, следуя ее требованиям недельной давности, держался в стороне. Ира быстро нашла его смеющимися глазами и подошла:

- Влад, ты – умничка! Молодец! Я рада, что ты сделал все, о чем я тебя просила, – сказала она и, встав на цыпочки, поцеловала его в щеку.

Около трех пополудни Ира, еще раз облетев все фронты работ и поняв, что движение идет в заданном направлении, со всеми по отдельности попрощалась и незаметно скрылась в проходе.

Женечка сидел в гостиной в компании «стороживших» его Зива и Лоренца.

- Так, Женька! Всё! Хватит кукситься! – провозгласила Ира, влетая в гостиную.

Женечка поднял на нее глаза и посмотрел из ниоткуда.

- Жень! – продолжала Ира. – Все, что от тебя требовалось накукситься, ты уже успешно накуксил!

- Тебе не кажется, что она сошла с ума? – тоном кандидата медицинских наук на консилиуме спросил Лоренц Зива, сопровождая свой вопрос выразительным взглядом.

Зив многозначительно промолчал, зато ответила Ира:

- Лоренц, мне это не грозит. У меня это врожденное.

- А-а-а... понятно...

Дальше Ира сделала нечто такое, что сама не поняла. Точнее не поняла так, как это принято понимать среди людей, а, возможно, и не только людей. Она точно знала и понимала, что делает, одновременно ничего не зная и не понимая. Впрочем, именно этим она занималась

все последние десять дней, но сейчас она впервые отчетливо зафиксировала свое действие в сознании. Ира ничего не сказала и не произвела ни единого движения ни одной из частей тела, и даже не подумала ни о чем, но, тем не менее, произвела некое очень конкретное действие, вследствие которого Женечка мгновенно преобразился. Хотя, насчет мгновенности она тоже не могла сказать ничего определенного, так как время снова куда-то подевалось, и продолжительность сего мгновения вполне могла составлять как доли секунды, так и несколько часов. В общем, как только она это сделала, Женечка вцепился в нее своим обычным наполненным сарказмом взглядом и своим излюбленным шутливо-издевательским тоном сказал:

- Палладина, уж не знаю насчет твоего врожденного сумасшествия, но меня ты точно когда-нибудь с ума сведешь!

- Это, позвольте спросить, чем же?

- Чем?!!! Ирка! То ты бьешься в истерике, что тебя, бедненькую, ни за что ни про что тянут во «всякую мистическую муть»! То творишь такое, от чего у меня, как ты понимаешь издавшего виды и кое-что умеющего из того, на что способен далеко не всякий, просто мозги переключивает!

- Женечка! А кто тебе сказал, что в такие моменты нужно напрягать мозги? Кажется, ты сам всегда учил меня обратному!

- То-то и оно, что ученица попалась слишком пряткая...

- Женечка! – Ира сказала это очень нежно и, взгромоздившись ему на колени, обняла. – Ты ж радоваться должен!

- А я и радуюсь! Разве незаметно? – Женечка рывкнул это с таким раздражением, что Ира расхохоталась. Однако злился он по-настоящему, а потому высвободился из ее объятий и, резко сдернув с себя, посадил рядом. – Что ты сделала со мной? Что ты сделала с Гиалой?

- Ну, с тобой до сего момента я вообще ничего не делала. Ты сам целиком и полностью отдался во власть вполне человеческой скорби. Единственное, что я с тобой все это время делала, так это не мешала тебе.

- Хорошо. А что ты сделала с Гиалой? Пока мы с ней гуляли, я пытался ей объяснить, что в том, что она собирается тебе дать, ты, вообще-то, не нуждаешься. Вы что с ней о чем-то договорились?

- Женечка! Мы с ней ни о чем, кроме того, что я приеду сама и привезу тебя, когда она попросит, не договаривались – ни в традиционной человеческой манере и никак иначе. Ты же своими глазами видел, что для нее самой происходящее явилось полной неожиданностью, разве не так?

Женечка вынужденно согласился, подтвердив свое согласие молчаливым кивком.

- Я думаю, ты не ждешь от меня полного отчета о проделанной работе, ведь прекрасно знаешь, что я не могу тебе его дать. И причины, по которым это невозможно, ты знаешь не хуже, если ни лучше меня. По крайней мере, сформулировать их у тебя точно получится лучше.

- Да, Ир, я понимаю, о чем ты... – проговорил Женечка несколько более спокойным и дружелюбным тоном. – И все-таки, что ты с ней сделала? Ира, я не спрашиваю «как?», я прекрасно понимаю, что ты не сможешь объяснить технологию, и, даже если попытаешься, я вряд ли

смогу адекватно понять. Ты что-то сделала. Я это ощутил, а удивленный взгляд Гиалы лишь подтвердил мое ощущение. Ира, что ты с ней сделала? Для чего это? Что будет?

Ира задумалась, к своему удивлению обнаружив, что за последние десять дней ни разу этим не занималась. Женечка терпеливо ждал.

- Знаешь, – наконец сказала она, – мне кажется, что Гиале понравилось, хоть она и сама не поняла, что с ней на самом деле делают. А что я на самом деле делала? Тебе подарок. Я дала себе слово, и я его сдержала. Я только не знала, как это сделать, и не знала, что у меня это получится, и притом получится так быстро.

- Ничего не понимаю...

- Жень, я дала себе слово, что вы будете вместе. – Ира задумалась. Женечка не перебивал. – Понимаешь, Жень, я тут благодаря Раулю поняла, что никогда в этой жизни не любила, а может, и не только в этой... может быть, вообще никогда...

- Ты что, полюбила этого неувомимого Рауля?

- В том-то и дело, что нет. Я испытывала в отношении его очень сильную страсть, такую, какую никогда до этого не переживала и, тем не менее, я четко поняла, что это не любовь. Вообще-то, мне не нравится это слово. В том смысле не нравится, что уж больно много всего оно обозначает. И инстинкт размножения, то есть сексуальное притяжение, обожание не «за», а «несмотря на». И материнский инстинкт. И привязанность. И чувство собственности, вызывающее ревность. И заботливое отношение к себе и окружающим. Не говоря уже о пищевых и прочих предпочтениях. На самом деле, я о том нечто, чему так и не смогли и никогда не смогут найти определения. О том, что если и выпадает кому-то, то очень редко, с вероятностью один к миллиону, а может, и того реже. Тебе и Гиале выпало...

- Ты в этом так уверена? – усиленно наполняя голос скепсисом, спросил Женечка.

- Да. У меня есть на то основания. Очень веские основания, хоть я и не в состоянии объяснить их. Впрочем, ты тоже в этом уверен, хоть и не отказываешься сам себе в этом признаться. В каком году ты ее покинул?

- Точно не помню... где-то в районе двадцатых прошлого века...

- То есть, лет восемьдесят ты вдалеке от нее... Сейчас, конечно, ты от нее гораздо дальше, чем все эти годы, и расстояние не в километрах измеряется, хотя, в общем, и тогда километры были ни при чем... Я не об этом... Женечка, ты восемьдесят лет старался ничего не ждать, ни на что не надеяться, а теперь ты можешь надеяться. И ждать-то, к тому же, куда меньше! По крайней мере, не больше двадцати против восьмидесяти. Впрочем, и двадцати ждать ненужно – потерпи всего девять месяцев...

- Что!!!!???

- Я думаю, где-то в последних числах января или в первых числах февраля сможешь взять ее на руки. Родится она числа двадцать пятого января, но Алиночке придется несколько дней провести в роддоме.

- Что!!!!???

Женечка смотрел на Иру ошеломленным взглядом. Она снова переместилась к нему на колени и нежно обняла его.

- Женечка, я очень люблю тебя, хотя в данном случае, это слово значит совсем не то, о чем я только что говорила. Я думаю, ты понимаешь, – Женечка кивнул, потрясенно глядя куда-то вдаль. Ира продолжила. – Я очень люблю тебя. Ты очень многое для меня значишь. А это, на данный момент, большее, что я могу для тебя сделать. А еще – это важнейшее для тебя независимо от времени и пространства.

- Ира... – только и смог произнести он, и, казалось, впал в состояние, не покидавшее его последние десять дней.

- Женька! Хватит кукситься! Алиночка станет чудесной матерью, а против Влада, я думаю, ты и так ничего не имеешь, – Ира слегка отстранилась и посмотрела на него: из глаз Женечки текли слезы. – Женечка! – Ира улыбнулась ему. – Никогда не думала, что ты способен на сентиментальность!

- Станешь тут с тобой сентиментальным, – вытирая со щек слезы, проворчал он, как подросток, застуканный в аналогичном состоянии.

Глава 37

Основы дружеского участия

Накрапывавший всю прошлую неделю дождик набрал силу и, превратившись в настоящий тропический ливень, теперь низвергался с небес почти непрерывно. Работы на объекте не прекращались, однако продвигались далеко не в том темпе, как хотелось бы Ирине. К тому же домой она теперь возвращалась позже, притом вся насквозь промокшая и грязная с ног до головы. Так что, прежде чем пообедать и взяться за Женечкину книгу, ей приходилось долго отмокать в душе и перестирывать всю одежду. Каждый раз Татьяна Николаевна напоминала ей, что стирка как нельзя больше соответствует ее обязанностям. Ира, естественно, не возражала, но почему-то на следующий день забывала, и в гостиную спускалась с тазиком выстиранного белья. Татьяна Николаевне удавалось лишь отнять у Иры тазик, чтобы хоть развесить самой. В общем, после обеда, который нынче по времени больше соответствовал ужину, Ира зачистает и сил не находила для скрупулезного вникания в изложенное Женечкой. Тупо побродив глазами по строчкам, она откладывала распечатку в сторону и мгновенно засыпала.

На майские, по примеру 8 марта, решено было устроить пир горой. Закупку продуктов взял на себя Женечка, а когда Ира 1 мая с трудом продрала глаза лишь к двум часам дня, оказалось, что Женечка, Влад и Татьяна Николаевна уже успели всё приготовить и накрывали на стол. Женечка не стал лишать себя удовольствия и от всей души язвил по поводу «дрыхнувшей красавицы Палладиной». Тем временем Влад уехал за своей женой и бывшими Иринными соседями. Он рассчитывал сделать два рейса, но Люсины сыновья решили отметить праздники в своей студенческой тусовке, а Наташин Вадик укатил в очередную командировку. Так что Алиночка, Люся, Николай и Наташа с Дашунькой на коленях вполне комфортно разместились в издавшей виды «Ниве».

Первыми приехали Валентиныч с Галиной Андреевной и без приключений оказались под крышей Ириного дома. А вот тем, кто ехал с Владом, повезло гораздо меньше. Как только «Нива» остановилась во дворе, вода с неба полилась сплошным потоком, от которого ни один в мире зонт спасти не в состоянии. И если взрослые со всех ног кинулись под навес, то очарованная разбушевавшейся стихией Дашунька вовсе не собиралась этого делать. Она радостно носилась по двору, с особым удовольствием прыгая по самым глубоким лужам и распевая звонким голосом: «Дождик, дождик пуще – дай хлеба гуще!». Наташа, стоя под навесом, стараясь перекричать грохот летящей с неба воды, во всю мощь своих легких грозно орала, чтобы дочь немедленно шла в дом, но Дашунька не устаивала гневные вопли матери вниманием. Женечка со счастливым смехом сначала наслаждался зрелищем из окна гостиной, а потом спустился вниз.

– Оставь ребенка в покое, – прошептал он Наташе на ушко, нежно обвил ее руками, заговорщически подмигнул выглянувшей в окно Ире и увлек обмякшую Натали в дом. Она лепетала что-то о том, что Даша может простудиться. – Да ничего с ней не случится! – сквозь смех уверял ее Женечка. – Как набегается вволю, мы ее в душе отогреем, в сто одеял завернем, одежду высушим. Зачем лишать дитё удовольствия, а? – Он сделал небольшую паузу, как бы ожидая ответа, а затем прошептал, чуть коснувшись шеи, лица и уха Наташи. – И себя тоже.

Когда они появились в гостиной, Наташа едва стояла на ногах, Женечка, как истинный джентльмен, поддерживал ее под руку, а в его глазах и еле заметно на губах играла улыбка предвкушения шалости. Ира с трудом подавила смехок.

Через некоторое время Дашуньку в дом привел Зив. Вода с обоих текла почти так же, как и с неба на улице, в общем, пришлось совместными усилиями ликвидировать потоп. Зив, виновато поглядывая на собравшихся, умчался отряхиваться в цоколь, а Дашуньку Наташа с Ирой завернули в принесенную Женечкой простыню и понесли в ванную.

– Дашка! Совсем спятила! – фальшиво вопила на дочь Наташа.

– Да не ругайся ты! – со смехом успокаивала ее Ира. – Себя в детстве вспомни!

– Ира! Она заболеть может!

– Вот если будешь так орать на нее – точно заболеет, а вот переполняющее счастье еще никому хуже не сделало. Я верно говорю, Дарья?

– Да, тетя Ира! – радостно подтвердила Дашунька.

Пока Наташа мыла свою дочь под горячим душем, Ира запихала всю ее одежду в стиральную машину. Естественно, что ничего подходящего Дашуньке по размеру, в доме не имелось, но тут пришла на помощь Татьяна Николаевна, сказав, что у нее, вполне возможно, что-нибудь завалось из вещей внучатых племянников, и к моменту, когда распаренную Дашуньку вытаскивали из ванной, она передала Ире большой пузатый пакет.

– Тетя Ира, я Вас люблю! – торжественно прошептала Дашунька, возвращаясь в гостиную на руках у «тети Иры». – Если бы не Вы, я бы так не сделала. Я знала, что Вы меня защитите!

- Спасибо за доверие, – прошептала ей в ответ Ира.

- О чем это вы шепчетесь? – подозрительно сощуриив глаза, спросила Наташа, которую Ира выгнала в гостиную, потому что та лишь мешала одевать Дашуньку.

- Это наш секрет, – торжественно объявила Ира, констатируя, что ответ уже вовсе не интересует Наташу, по причине того, что ей на плечо опустилась Женечкина рука.

Заур, Нодар и Рита с маленьким Артуром подъехали чуть позже, лишь только дождь перестал лить сплошной стеной. Прекратиться совсем, он не прекратился, но теперь от его струй вполне спасал самый обычный зонт.

Маленький Артур тут же отыскал глазами уже обсохшего Зива и вовсе не промокавшего Лоренца и потянулся к ним. Женечка мигом соорудил ему «стадион», оказавшись на котором Артур просиял от счастья. Зив и Лоренц с чувством долга заняли свои посты у его границ.

Нодар с Ритой не стали впадать в шок, как в прошлый раз, и всё же немного напряглись, но тут же расслабились и присоединились к эмоциональному рассказу Заура о последствиях ливня, который по их общему убеждению был ничем иным, как упавшим смерчем. От обсуждения частного случая постепенно перешли к рассуждениям о смерчах вообще и их родственных связях с американскими торнадо, а потом и вовсе охватили весь спектр стихийных бедствий свойственных и несвойственных Черноморскому побережью Кавказа. Дашунька после непосредственного близкого знакомства с заключительной стадией смерча не особо горела желанием заняться организацией игровой программы, но нынче в этом никто и не нуждался – общение за столом и так протекало весьма оживленно. Прекрасно зарекомендовавший себя во время празднования Международного Женского дня массовик-затейник, с аппетитом умая все, что потребовала мать, переквалифицировался в няньки и вскоре сладко уснул вместе со своим подопечным, не обращая никакого внимания на шум и смех, царившие среди взрослых.

Только ближе к полуночи идея лечь спать, наконец, пробила себе дорогу в зрелые умы. Вообще, изначально предполагалось, что, кроме Заура, Нодара, Риты и Артура, которые жили неподалеку, все едут сюда с ночевкой, однако лишь Наташа с Дашунькой, Влад с Алиночкой и Женечка остались у Иры. Валентиныч с Галиной Андреевной, попрощавшись только с Ириной и Владом, незаметно уехали еще часов в десять вечера, а Люсю с Николаем забрала к себе Татьяна Николаевна.

Ира уступила свою спальню Владу с Алиночкой, постелив себе на диване в кабинете. Наташе с Дашунькой предоставили Лешкину комнату на третьем этаже, а Женечка облюбовал диван в гостиной. Однако ночью имела место некоторая передислокация: как только стихли крадущиеся перемещения между гостиной и третьим этажом, к Ире тихонько вошел Влад.

- Ты с ума сошел! – шикнула на него Ира.

- Как ты догадалась? – весело прошептал в ответ Влад, обнимая ее и закрывая рот поцелуями.

- - -

Часы на экранчике мобильного показывали семь минут третьего.

- Завтра, точнее уже сегодня, до полудня продрыхну, – сказала сама себе Ира и моментально уснула.

- - -

Сделанный накануне засыпания прогноз не оправдался. Ира открыла глаза с первыми лучами солнца, чувствуя себя совершенно выспавшейся, отдохнувшей и бодрой. Она прислушалась, затаив дыхание, – в доме царила гробовая тишина. И не только в доме – ни раскатов майского грома, ни шума от потоков воды с неба из-за окна тоже не доносилось. Солнечные лучи по косой заглядывали в комнату. Ира открыла окно, и кабинет тут же наполнился пением птиц и отдаленным гулом бушующей переизбытком воды реки. Ира еще раз прислушалась к звукам дома и, стараясь ступать как можно тише, спустилась в гостиную.

- Доброе утро, Палладина! – приветствовал ее громким шепотом Женечка, восседавший на диване и в компании Зива и Лоренца поглощавший кофе.

- На мою долю, как я понимаю, кофе нет? – прошептала, подходя к столу, Ира.

- Отчего же? Я знал, что ты сегодня рано встанешь, – прошептал Женечка и вылил в приготовленную для нее чашку содержимое турки.

- И с чего это такая осведомленность?

- Ир, если ты думаешь, что я понятия не имею, с кем ты провела эту ночь, ты глубоко заблуждаешься.

- Ну, во-первых, не всю ночь, а только ее часть, и потом, какое это имеет отношение к моему раннему подъему?

- Ну, во-первых, надеюсь, что эта часть прошла замечательно, а отношение к твоему раннему подъему она имеет самое прямое.

- С чего ты взял?

- С твоих же собственных слов, которые, если не ошибаюсь, звучали примерно так: «Влад – это ракетное топливо».

- Не помню, чтоб я тебе это говорила когда-нибудь.

- Насчет твоей памяти – это неважно, но, согласишься, такая формулировка есть в твоём сознании, – Женечка улыбающе улыбнулся.

- Есть, – сквозь зубы вынужденно признала Ира.

- Ну вот, видишь! – шепотом возликовал Женечка. – Ладно, Ирка, не злись! Лучше спроси, как мои успехи, – светясь самодовольством, предложил Женечка.

- Ну, и как твои успехи?

- Ты знаешь, ничего неожиданного – все по плану. Но ощущения... – Женечка всеми доступными ему средствами изобразил крайнюю степень омерзения. – Правда, я надеюсь на достойную компенсацию всех издержек в конечном итоге, – на его лице сияла улыбка злорадного предвкушения.

- Женька, а ты, оказывается, не садист. Ты – садо-мазохист.

- Ты думаешь, я испытывал удовольствие от того, что меня вот-вот стошнит? Ничуть. Я даже в какой-то момент пожалел, что затеял все

это. Знаешь, я, оказывается, был о твоей бывшей соседке слишком высокого мнения, когда предположил, что в постели она полный нуль. Это не просто нуль! Это...

- Же-еня! – вполне искренне возмутилась Ира. – Может, ты был недостаточно ласков с ней?

- Не думаю! Знаешь, когда я лег рядом с Натали...

- Послушай, может, ты не будешь делиться со мной подробностями! – Иру передернуло.

- Ну вот! Наконец-то ты поняла меня! – торжествующим шепотом воскликнул Женечка, явно имея в виду Ирин брезгливый вздёрг. – Ума не приложу, что с ней муж делает? Ир, ну подумай сама! Она ведь, сколько ее помню, заведя меня, прям как кошка перед котом приседать начинала! Представляешь, какая мечта у девочки сбылась! В таких ситуациях даже воплощенную фригидность страсть обуревают! А эта – ну хуже полудохлого тюленя!

- Ну, может, она Дашуньку разбудить боялась? – пыталась оправдать приятельницу Ира.

- Ира! Я что, по-твоему, сумасшедший? Дашунька спокойно спала на третьем этаже, а мы здесь были.

- Та-ак! – Ира уперла руки в боки. – Значит, мой диван осквернили?! – с притворной свирепостью прошипела она, но не смогла скрыть улыбку.

- Что?! Диван?! Ира! Тебе жалко диван?! Ира!!! Меня осквернили!!!

Ира больше не могла сдерживаться и согнулась пополам, усиленно стараясь не хохотать слишком громко. Она во все время разговора из всех сил пыталась вымучить из себя сочувствие к Наташе, но теперь бросила это бессмысленное занятие и честно призналась себе, что, как и Женечка, ждет не дождется, когда та проснется, чтобы посмотреть в ее ясны очи.

- Знаешь что, оскверненный, – немного успокоившись, но все еще сквозь смех сказала Ира, – свари-ка еще кофе.

Она поднялась вместе с Женечкой с благим намерением приступить к ликвидации горы оставленной вчера грязной посуды. Судя по тому, что эта гора оказалась гораздо скромнее ожидаемого, Женечка поднялся уже давно, однако, судя по тому, что она все еще возвышалась над раковиной, он не считал необходимым лишать сомнительного удовольствия остальных страждущих заняться решением бытовых надобностей.

- Мне оставил? – спросила Ира, окидывая взглядом содержимое раковины.

- Да я б вообще ничего не мыл! Вот только со злостью как-то справиться надо было.

- Ну, видимо, ты не так уж сильно и злился.

- Это почему?

- Если бы твоя злость отличалась особой грандиозностью – тут бы царил идеальный порядок.

- Ира, я, как ты сама заметила, тебе часть оставил. Исключительно по дружбе.

- А с чего это я, по-твоему, злиться должна?

- Палладина! Да неужто ты мне вот так запросто простишь измену?
- В смысле?
- Ну я ж с твоей бывшей соседкой переспал!
- Жень, вот если б ты меня с ней переспать попытался заставить, тогда б я точно обиделась!
- Браво! Палладина! Моя школа!

Кофе сварился. Ира сполоснула руки и выключила воду, оставив немытую посуду ждать следующего, кто подвергнется приступу хозяйственности. В гостиной Иру и Женечку встретили философские размышления Лоренца:

- ...вербализации, независимо от языка, выучиться, в принципе, не так уж и сложно, но вот до конца понять людей – это действительно что-то из области фантастики. Вообще-то, они и сами понять себя не в состоянии. Впрочем, это все от вербализации и происходит. Ведь невозможно объяснить словами то, чего на самом деле хочешь и чувствуешь, а они пытаются, оттого сами и запутываются и потом понять ничего не могут.
- О чем это ты, Лоренц? – спросила его Ира, усаживаясь на диван.
- Я? О ваших странных развлечениях, – задумчиво ответил Лоренц.
- Не одобряешь? – в свою очередь спросил Женечка.
- Нет... Отчего же? В некоторой степени действительно прикольно. Тем более что, хоть шуточки твои добрыми не назовешь, но, тем не менее, никто ведь не пострадал...

- А ты уверен? – с интересом спросила Ира.

- Еще бы! Та мадам, фигурально выражаясь, на крыльях парила от счастья.

- Да ты что! – полупритворно полунатурально выразил удивление Женечка.

- Ну уж ты ей полудухлым тюленем явно не показался. Мне, кстати, тоже.

- Подглядывал, значит?
- Безусловно, подглядывал! Подслушивать-то особо нечего было. Зив! Представляешь!? Хотя какой-то процесс у них сведен к минимуму вербализации!

- Между прочим, этот процесс у людей еще предполагает интимность обстановки, – язвительно заметил ему Женечка.

- Да ты что?! Правда?! А я и не знал! – издевался Лоренц. – Если честно, у меня возникло такое ощущение, что ты и Иру не без удовольствия поприусутствовать пригласил бы.

Женечка изобразил задумчивость, воздев глаза к потолку, и для пущего эффекта театрально почесал затылок, а потом, ехидно посмеиваясь, сказал:

- Если честно – то да. Seriously, Ира, надо полагать еще то зрелище было! Ты вот у Лоренца спроси – он-то видел! Кстати, Натали, по-моему, этого тоже для полного счастья не хватало.

- Вот-вот-вот! И я ж о том же! – томно промурлыкал Лоренц.
- Кретины, – сквозь зубы процедила Ира.

- Палладина, на кухне еще осталось достаточно грязной посуды, – весело прошептал ей Женечка.

- Нет! Ну надо же! Переспать с женщиной просто ради удовольствия! – возмутилась Ира.

Женечка расхохотался.

- Ирка! Вообще-то, у людей эта функция секса является основной. Или ты считаешь, что я должен был зачать ребенка?

- Ради сомнительного удовольствия, – не унималась Ира. – Ведь, если я правильно поняла, того удовольствия, которое является основной функцией секса у людей, ты не получил.

- Вот именно! А потому нуждаюсь в компенсации морального ущерба. Ирочка! Ты, вроде как, уже и сама не возражала насладиться будущими сценами с мадам Натали в главной роли?

- Знаешь, признаюсь, я поддалась минутной слабости, но на самом деле это просто мерзко.

- В точку! Мерзко было до невыносимости! А по поводу слабости? Ирочка! Расслабься!

- Знаешь, Ир, – вновь замурлыкал Лоренц, – очень сложно понять, чего хотят люди, но, по-моему, в данном случае все довольны, пока, конечно, кроме тебя. Однако кошачье сердце подсказывает мне, что ты сейчас борешься не за моральный облик Евгения, а с собственным непреодолимым желанием повеселиться.

- Лоренц! Ты-то с чего подглядывать пристроился? – в голосе Иры слышался явный укор.

- Уж больно забавно было, – пояснил Лоренц.

- И что же забавного в том, когда женщина считает, что удостоилась, наконец, внимания, которого так долго добивалась, а мужчина просто по-черному издевается над ней?

- Не-ет, Ира, – неожиданно в разговор вмешался все это время хранивший молчание Зив. – Если бы это было так, то, конечно, было бы мерзко, но все было совсем по-другому, правда, тоже мерзко, но совсем иначе. Во-первых, пока вы сидели за столом, Евгений Вениаминович хоть и оказывал ей внимание, но ничуть не больше, если даже не меньше, чем тебе все остальные представители противоположного тебе пола. Ты привыкла к этому. Это происходит всегда. Тебе все улыбаются, тебя все обнимают, целуют. Тебе это кажется вполне естественным. А ей не показалось. Потому что с ней так никто не обращается. Она из кожи вон лезет, а все без толку. И тут вдруг! Да и кто? Тот, кто явно близок тебе. А это она нутром чувствует. Впрочем, и невооруженным глазом видно, что у вас особые отношения. Она сама к нему ночью прибежала. Еще все толком и уснуть-то не успели. И сама под одеяло залезла. Он над ней в лицо посмеялся и в лицо сказал все, что думает, а она решила, что это стиль его особого расположения. Впрочем, вас послушать, так было с чего решить. Тонкостей-то она не понимает. А вела себя так, что мне и самому пристроиться захотелось, и не от вожделения, а чтоб поизмываться. Ей удалось вызвать непреодолимую жажду глумления. Ну, Евгений Вениа-

минович и поглумился, а она... знаешь, будто на престол всходила! Будто ее на царство короновали! Такая мерзость! Еле удержался, чтоб ей пол задницы не оттяпать, когда она наверх вышагивала.

- А я – чтоб лицо не исцарапать и волосы не подрать, – вставил Лоренц.

- А вообще, надо было из нее зоофилку сделать, – добавил Зив.

- Неплохая идея, Зив! – усмехнулся Женечка. – Так что, Ирочка, не дави на собственную совесть, а расслабься и развлекайся.

- - -

Первой, как и ожидалось, к Ире с Женечкой присоединилась Дашунька. Ира умыла ее, расчесала и разрешила, пока мама спит, поиграть с Зивом и Лоренцем во дворе. Последние от Ириноного разрешения особого восторга не испытывали, но послушно поплелись на улицу развлекать ребенка. К тому же, к этому времени пришла Татьяна Николаевна, и поливидовые посиделки все равно пришлось бы прервать.

С ее приходом закипела работа по подготовке продолжения банкета. Вскоре присоединились Люся с Николаем, затем Влад, немного погодя – Алиночка. Потом приехали Валентиныч с Галиной Андреевной, а буквально следом за ними – Заур, Нодар, Рита и маленький Артур. И только когда общими усилиями уже почти накрыли на стол, наконец-то спустилась Наташа. По ее внешнему виду Ира поняла, что встала она достаточно давно, но заботу о своей неотразимости предпочла хозяйственным хлопотам. Женечка не преминул громогласно это заметить:

- Вау! Наташа! Вы потрясающе выглядите!

Зря он это сделал. Наташе и в голову не пришло испытывать неловкость от произошедшего ночью. Она всем своим существом наслаждалась «победой» и всем своим существом усиленно это демонстрировала.

- Женечка, не думаю, что было бы иначе, даже если б ты сегодня повел себя по-другому, – улучив момент, тихонько шепнула ему Ира в качестве моральной поддержки.

- Спасибо. Успокоила, – с ядом в голосе обреченно заметил Женечка.

- Евгений! Я уже соскучилась! – как из-под земли выпрыгнула Наташа, высока одаривая Иру победоносным взглядом.

- Женечка! Ты слышал? Дама соскучилась, – еле сдерживая смех, мамерно заметила ему Ира.

Люся, видимо, пыталась урезонить подругу, но та не вняла ей. Ира пришла к такому выводу, когда Люся, улучив момент, вытащила ее для разговора на улицу и с искренним состраданием спросила:

- Ирочка, как ты?

- В смысле?

- Ну-у-у... Наташа... она...

- Да все в полном порядке, Люсь!

- А этот... Хоть бы тебя пожалел... Козлы они все, мужики-то.

- Люся! Да все в порядке! Не обращай внимания!

- Да как не обращать-то! Он же вроде как твой!

- Люсь! Ну развлекаются люди! Им весело! Что трагедию-то из этого устраивать! Всê! Хватит! Пойдем в дом.

И она, решительно взяв за руку Люсю, увела ее обратно в гостиную. Глядя на Женечку, не вызывало сомнений, что «развлекаться» он уже порядком устал, тем более что само «развлечение» изначально явно представлялось ему совершенно иным. Он несколько раз порывался уединиться с Ирой хоть на пару слов, но Наташа зорко следила за ним. Она заметно нервничала, так как ожидала от Иры совсем другой реакции на свою «победу». В конце концов, на помощь Женечке пришла Дашунька, чем-то озадачив мать. Народ надрывно хохотал над очередным анекдотом от Валентиныча, и Женечка, поймав Ирин ехидный взгляд, перегнулся через стол и прошептал:

- Ира, умоляю, найди Генку!

- Как? – лишь с помощью мимики спросила Ира.

Женечка красноречиво скосил глаза в сторону прохода.

Ира встала из-за стола, вроде направляясь к туалету, и незаметно проскользнула в цоколь, на ходу взглядом подозвав Зива и Лоренца.

- Женечка взмолился – просит Генку найти. А я понятия не имею, как это сделать.

- Ира, не паникуй, – спокойно проурчал Зив. – Я понимаю, что от этой Наташи у кого хочешь крыша поедет.

- Да я и не паникую, и крыша, вроде как, на месте.

- Если б была на месте, – промурлыкал Лоренц, – ты бы сразу догадалась, что нужно всего лишь ему позвонить и выяснить, где он нынче находится.

- Да уж... – изрекла Ира, слегка усмехнувшись, и взялась за телефон.

- Ирчик!!! – завизжал в трубку Генка, даже не дав Ире поздороваться.

- Геночка, обстановка близка к чрезвычайной, так что не до разговоров, – быстро перебила его Ира. – Где ты сейчас находишься?

- А что случилось?

- Ты срочно нужен Гарову. Говори, где ты, и я заберу тебя.

Генка, ничего не понимая, но, тем не менее, без дальнейших рассуждений назвал Ире страну, город, улицу и номер дома, сказав, что как раз здесь сейчас остановился, и не будет продолжать движение до поступления ее дальнейших указаний. Ира повторила за Генкой вслух, чтобы слышали Зив и Лоренц, описание его географического положения, но ни ей, ни стражам проходов сия информация не смогла ничем помочь.

- Попроси его, внимательно и ни о чем не думая, посмотреть по сторонам, – посоветовал Зив.

- Геночка, посмотри внимательно по сторонам и ни о чем не думай.

- Ага. Понял.

Генка, видимо, занялся тем, чем сказали, но Ире это тоже не помогало, чего нельзя было сказать о Зиве и Лоренце.

- Иди, не ошибешься, – промурлыкал Лоренц, а Зив легонько подтолкнул Иру к проходу.

В следующее мгновение она вышла из какого-то магазинчика на оживленную улицу. Фирмой-изготовителем Ириногo мобильника, а, возможно, заодно и оператором сотовой связи, видимо, не предусматривалось столь стремительное перемещение абонента в пространстве, и

телефон замолчал, лишив Иру возможности просить у Генки помощи в ориентации на незнакомой местности. Она не стала пытаться вновь набирать номер, а принялась читать, написанное латиницей, название улицы – хоть названное Генкой запомнила. Эта улица называлась не совсем так, как требовалось, а точнее, совсем не так. Впрочем, где находится нужная, даже спрашивать не пришлось, точнее, Ира уже восстанавливала запасы английского, чтобы спросить, но тут увидела буквально в двух шагах перекресток, а на угловом доме табличку с нужным названием. Ира двинулась в путь, поглядывая на номера домов. Когда она подошла к Генке, он уже волновался, вглядываясь в противоположную сторону.

- Ген, я тут, – оповестила его Ира, и он вздрогнул, прежде чем повернуться.

- Что там у вас стряслось?

- Не волнуйся. Ничего страшного. Кстати, я тебя не сильно от дел отрываю? А то пусть Женька сам расхлебывает.

- От дел не отрываешь вовсе. Ты мне скажи, что стряслось-то?

- Помнишь Наташу, мою бывшую соседку? Ну, ту, которая ЦРУ, ФСБ и face-control в одном лице?

- Еще и СМИ местного значения. Конечно, помню!

- Так вот, мы тут малость Первой отмечаем со вчерашнего дня, и Женечка разнообразия ради малость приударил за ней.

Больше ничего объяснять не пришлось. Генка, едва дослушав Иру, тут же воскликнул:

- Женич как всегда в своем репертуаре! Идем.

Пока они шли до нужной двери, а потом немного постояли чуть поодаль, дожидаясь удобного момента, Генка расспрашивал Иру о подробностях, стараясь прояснить для себя конкретную обстановку. Ира точно поймала мгновение, в которое дверь перестала интересоваться прохожих, и, взяв за руку Генку, вышла в своем саду.

- Это, как я понимаю, твой новый дом? – спросил Генка, задирая вверх голову.

- Ага, – ответила Ира, подводя его к парадному входу. – Ген, я сейчас через цоколь поднимусь, а ты минут через десять вот здесь зайдешь.

- Как скажешь, – коротко ответил Генка.

- Ну как? – спросил Иру Зив, стоило ей появиться.

- Все нормально, – отчиталась она.

Ира незаметно присоединилась к гостям, а ровно через десять минут:

- Тук-тук-тук, к вам можно?

- Батюшки! Генка! – радостно завопила Ира и бросилась к нему на встречу. – Какими судьбами?!

- Проездом, Ирчик! И, догадываюсь, как Чацкий с корабля на бал! Здравствуйте всем! – Генка, изображая радость сюрпризной встречи, обнимая, усиленно расцеловывал Иру.

- Геночка! Что ж ты не позвонил? – не пытаясь вырваться из объятий и уклониться от поцелуев, продолжала играть заданную сцену Ира.

- Да вот, сюрприз решил к праздничку сделать! – оповестил он громко, а шепотом добавил. – Ирчик, не напрягайся, они и так уже поверили.

Ира церемонно представила Генку, старательно перечислив все его артистические заслуги. Генка усиленно кривлялся, да так что все покачивались со смеху, явно сразу испытывая к нему высшую степень расположения. Ира не удивлялась. Хорошо зная Генку, она ничего другого и не ожидала. За столом началась суета по поводу усаживания нового гостя. Первой на правах хозяйки озаботилась Ира и тут же организовала ему местечко как раз напротив Наташи. Генка, пока его усаживали общими усилиями, сыпал шутками направо и налево, закрепляя титул «душа компании». Как только перед ним появились все необходимые столовые приборы, и тарелка с бокалом наполнились, он тут же произнес тост, стоя выпил, сел, продолжая крепко держать всеобщее внимание рассуждениями по поводу только что произнесенного тоста, и вдруг осекся на полуслове:

- Батюшки! Кого я вижу?! Наташенька!!! Ирчик! Что ж ты мне сразу не сказала что Наташа у тебя нынче в гостях?

- Генка! Если ты слепой, я не виновата, – смеясь, съязвила Ира.

- Воистину слепой! – Генка вдруг демонстративно поднялся и обошел вокруг стола. – Прошу прощения... – он, перемахнул через диван, и оказался между Женечкой и Наташей. – Так! Евгений Вениаминович! А сгинь-ка ты отсюда! Сгинь, сгинь! – повторял он, вытесняя Женечку.

Наташа оказалась отнюдь не душой и сразу сообразила, что артист, пусть даже и цирковой, куда круче какого-то там переводчика. Тем более что Генка сходу сделал ее настоящим центром внимания.

- Господа! Вы вообще знаете с кем за одним столом сидите? – начал он, передвинув к себе свою тарелку с бокалом.

Тем временем Женечка, не привлекая к себе внимания, выскользнул из-за стола и увлек за собой Иру. А Генка начал, невероятно присочиняя для пущего понту, рассказывать о Наташином модельном прошлом.

- Откуда он знает? – вполголоса удивилась Ира. – Я ему точно ничего не говорила.

- Миссия у него такая: все знать, – так же вполголоса ответил Женечка и добавил. – Идем ко мне.

Он увлек Иру к проходу, и вскоре они уже сидели в его гостиной.

- Теперь часа два точно можно не появляться, – со вздохом облегчения констатировал Женечка.

Ошибся он ненамного. Через час сорок после их бегства в тишину и покой запел Женечкин мобильник. Женечка глянул на экранчик и, не отвечая, выключил.

- Ну что – по коням! Генка взад требует.

Генкиными стараниями их отсутствия никто не заметил. К тому же постарался он так, что явились они буквально за пять минут до начала бурного прощания, ненавязчиво тоже организованного Генкой.

- Натулечка! Я тебя покину на секундочку, – проворковал Генка, галантно помогая «Натулечке» встать из-за стола. Ее глаза кокетливо расширились легким жеманным недовольством. – Видишь ли, Натулечка, артисты, как и все нормальные люди, периодически писают, а иногда еще и какают, – радостно пояснил он причину минутного расставания.

«Натулечка» стала пунцовой и, как и ожидал Генка, скрылась вместе со своим смущением в толпе, придающей гостиную подобие порядка. Генка тем временем выудил из этой толпы Иру и Женечку.

- Ребят, может вы и подольше посидеть хотели, но я страсть как с вами пообщаться хочу, раз оказия такая вышла. Так что извиняйте, что так быстро все свернул, – вполголоса сказал он им, а потом со вздохом посмотрел на Женечку. – Женич, до дому я ее провожу, но спать я с ней не буду – хоть убивай. Так что, будь другом, заberi меня оттуда – страсть как неохота на такси сюда возвращаться.

- Хорошо, – Женечка, улыбнувшись, похлопал Генку по плечу. – Звякнешь, как управишься, и жди меня на остановке.

- Как скажешь.

Генка отошел от них, заручившись поддержкой Татьяны Николаевны, технично вытолкнул всех гостей на улицу и быстренько распахнул по машинам, распределив Дашуньку к Владу, Алиночке, Люсе и Николаю, а сам уселся вместе с Наташей на заднее сидение к Валентинычу. Когда машина выехала за ворота, пред Ириным и Женечкиным взором предстала душеспитательная сцена страстного поцелуя в неподражаемом исполнении, усиленно подмигивающего свободным глазом, Геннадия Логинова.

- - -

- Ф-у-у-ух!!! – тяжело перевела дух Ира, как только машины скрылись из вида. – Отдохнули!!!

Женечка молчал. Они поднялись в гостиную и стали помогать Татьяне Николаевне ликвидировать последствия нашествия. Генка позвонил, когда уже все сияло чистотой, а Татьяна Николаевна ушла домой.

- Ир, будь другом, сходи за ним, а то он мне весь мозг выест.

Ира, ничего не сказав, отправилась за Генкой.

- О! Ирчик! А Женич где? Боится, сволочь?

- Что-то вроде того. Сказал, что ты ему весь мозг выеешь.

- И выем! Придурок! На приключения потянуло!

- Ген, да ладно тебе!

- Ирчик, знаешь, он, конечно, умный и мудрый, но периодами так дурковать начинает! У меня волосы во всех местах дыбом встают!

- Да успокойся ты, Ген. Ему просто эта Наташа давно уже оскомину набила.

- Ой, Ир, ну что я эту твою Наташу не знаю? Ну – дура! Ну что теперь! На нее раз шикнул – она и свалила! Прямо уж так достала бедного, что и мочи никакой нет! Да плевать мне на эту Наташу!

- Да ему тоже плевать, просто случай подвернулся, вот и поглумился малость.

- Ага! Самую малость! Что аж тебя за мной послал!

- Геночка! Успокойся!

- Вот сейчас Гарову мозги выем – и успокоюсь!

- Ладно! Выеешь! Идем.

Ира взяла его за руку, и они вошли к ней в дом.

- - -

Женечка сидел на диване в компании Зива и Лоренца. На столе стояли пять чашечек с раскаленным кофе.

- Ну что, Женич, опять дуркуешь? – грозно спросил Генка, едва поднявшись в гостиную.

- Генка, отвянь! – небрежно бросил ему Женечка.

- Что значит, отвянь?

- Это значит – прекрати.

- Что значит, прекрати?! Я еще и не начинал!

- Вот и не надо, по крайней мере, при Ирке.

- А-а! Так значит, при Ирке не надо! А чудил ты, сволочь, не в ее доме?

- Послушай, оставь в покое Ирку и ее дом. Она прекрасно все понимает.

- Так значит, понимает! Женич, а тебе не кажется, что ты – банальный козел?

- Генка, я уже перекрестился, так что больше не кажется.

- Не! Ирчик! Ну ты слышала?!

- Слышала, Ген, и больше не имею ни малейшего желания слушать, как вы тут препираетесь.

- И мы, между прочим, тоже, – важно промурлыкал Лоренц и отпил немного кофе из чашечки.

Генка вытаращил на Лоренца глаза:

- Ирчик, это ты так зверюгу выдрессировала?

- Спасибо за комплимент, – недовольно мурлыкнул Лоренц.

Генка на его реплику не обратил никакого внимания, а тем временем из своей чашечки отхлебнул Зив.

- Батюшки! Ирчик! Да их на прием к английской королеве вести можно!

- Мы и сами сходить можем, если приспичит, – проорчал Зив.

- Ирчик, как живность-то кличут? – Генка пришел в восторг и, хоть на время, забыл «выедать мозги» Женечке, который облегченно перевел дух.

- Зив, – представился Зив.

- Лоренц, – последовал его примеру Лоренц.

- Ирчик, песика-то с котиком как звать? – повторил, слегка модифицировав, свой вопрос Генка, решив, что Ира о чем-то, видимо, задумавшись, не обратила на него внимания.

- Генка, ты что, не слышал? – сканируя взглядом Генку, спросил Женечка. – Ребятки тебе представились.

- Не понял... в смысле?

- Вы уверены, что он должен вас слышать? – спросил Женечка у Зива с Лоренцем.

- Насчет «должен» – не знаем, но мы не ныкаемся от него, – промурлыкал Лоренц.

- Генка, я тебя поздравляю! Ты не только слепой – ты еще и глухой!

- Ирчик, о чем это он?

- Геночка, они, – Ира кивнула на Зива и Лоренца, – разговаривают с тобой. Вот минуту назад по твоей просьбе назвали свои имена.

- Что?! Издеваетесь, да?

- О! У Генка крыша поехала! – Женечка немного повеселел.

- Женич! Связавшись с тобой, я свою крышу суперклеем приклеил и гвоздиками намертво прибил!

- А я-то понять не могу! И чего это ты слепой и глухой? А у тебя, оказывается, просто крыша напрочь лишена подвижности! – съязвил Женечка, все больше становясь самим собой.

- Ой! Развеселился! Думаешь, я забыл про все, что хотел тебе сказать? Женич! Я тебя сегодня все равно порву! – снова впал в ярость Генка, но тут же резко сменил интонацию и с ноткой легкого мистического трепета в голосе спросил Иру. – Ирчик, а они что, правда, разговаривают?

- Геночка, они не просто разговаривают – им бы кандидатские с докторскими писать, – ответила Ира.

- Ира! А это мысль! – вдруг аж гавкнул Зив.

- Что, Зив? – спросила Ира.

- Неси-ка ручку и бумагу! – проурчал он.

- Зив, ты что, серьезно писать будешь? – изумленно спросила Ира.

- Неси, неси...

- Женечка, принеси, пожалуйста, ручку и бумагу. Я, конечно, и сама могу, но боюсь, что пока ходить буду, Генка тебя и вправду порвет.

- Иришка! Ты просто ангел во плоти! – вставая с дивана, сказал Женечка, расплывшись в благодарной улыбке, чмокнул Иру в щеку, а потом скорчил рожу Генке и ушел в Ирин кабинет.

За все то время, которое понадобилось Женечке, чтобы принести канцелярские принадлежности, Генка не проронил ни слова, украдкой поглядывая то на Зива, то на Лоренца.

- Вот, – сказал Женечка, кладя на стол перед Зивом листок бумаги и ручку.

Зив взял в зубы ручку и немного крупновато, но вполне ровным, даже можно сказать красивым почерком вывел: «Мое имя – Зив», – а на следующей строчке: «My name is Ziv», – а еще чуть ниже: «Mein Name ist Ziv», – а дальше: «Benim ismim Ziv». Было понятно, что он вполне может продолжить, вот только места на листочке больше не осталось. Зив отнес ручку Лоренцу, а потом и листок.

Лоренц, просмотрев письма Зива, перевернул его на другую сторону. Он написал ту же фразу, лишь заменив имя на свое и, помимо варианта на русском, вместо английского, немецкого и турецкого использовал финский, португальский, грузинский, арабский, украинский, идиш и санскрит – почерк у него был мельче, а потому и поместилось больше. Закончив, он взял листок в зубы, прыгнул со своего места, размеренной поступью подошел к Генке и, поставив передние лапы ему на колени, торжественно вручил.

- Ни фига себе! – воскликнул Генка, изучая послание с обеих сторон. – Ну что ж, со стыдом должен признать, что из всего этого более-менее адекватно, кроме русского, понимаю лишь английский, немецкий и украинский.

- А ну-ка, дай сюда! – с энтузиазмом попросил Женечка, протягивая руку. – Батюшки! Лоренц, в том, что идишь для тебя язык не чужой, я не сомневался, – с намеком усмехнулся Женечка, – но на кой, скажите мне, вам санскрит?

- Евгений Вениаминович, я думаю, Вы не будете спорить с тем, что Веда лучше читать в подлиннике, – с достоинством проорчал Зив.

- Слушай, псина, будь другом, напиши, что ты сейчас сказала, – тараща на Зива глаза, попросил Генка.

- Евгений Вениаминович, будьте так добры, принесите еще листок бумаги, – проорчал Зив.

- Что? – как бы сам себя спросил Генка.

- Он попросил Женечку принести еще листок бумаги, – перевела Ира.

- А-а-а, – с «пониманием» протянул Генка.

Женечка, заливаясь веселым смехом, изображая страдающую излишней прыгучестью девочку лет восьми на школьной перемене, умчался за новым листком.

- Спасибо, – чинно поблагодарил его Зив, когда бумага легла перед ним на стол.

- Он сказал спасибо, – перевела Ира.

Зив взял в зубы ручку и аккуратно вывел: «Санскрит следует знать для того, чтобы читать Веда в подлиннике». Потом скосил глаза на Женечку и написал, правда, уже менее старательно, ту же фразу на санскрите. Генка взял листок и, прочитав, воскликнул:

- Потрясающе!

- Ну-ка дай! – попросил Женечка, забирая у Генки листок. – О-о-о! – протянул Женечка с издевкой. – Еще бы не потрясающе! Генка, для тебя это настоящее откровение! Теперь ты точно знаешь, для чего нужно знать санскрит.

- Женечка, дай-ка мне, – попросила Ира. Женечка, ехидно посмеиваясь и корча Генке рожи, передал записку Зива Ире. Она прочла и обратилась к Зиву. – Зив, вообще-то, дословно это звучало несколько иначе.

- Ира, я передал суть сказанного и, думаю, этого вполне достаточно.

- Слышь, Зив, напиши, что ты сейчас сказал, – снова попросил Генка.

- Так, Генка, все, хватит издеваться над животными! – с притворной строгостью одернул его Женечка. – Сам, вон, возьми в зубы ручку и попробуй что-нибудь накалякать. Greenpeace-а на тебя нет!

- Ага! Он занят защитой твоих прав, козел! – парировал Генка, тем самым возвращаясь к выеданию мозгов.

- Геночка, – поспешила Ира отвлечь его от неприятной ей темы, – по поводу санскрита Зив сказал: «Евгений Вениаминович, я думаю, Вы не будете спорить с тем, что Веда лучше читать в подлиннике», – процитировала Ира. – А когда я ему заметила, что в письменном виде он передал эту мысль несколько иначе, он сказал так: «Ира, я передал суть сказанного и, думаю, этого вполне достаточно». А сама я полностью согласна с Женечкой – хватит заставлять Зива и Лоренца писать. Убедился, что может – и будет. Мне кажется, синхронный перевод тебя вполне устроит.

- А вдруг что не так скажете? – изобразил Генка подозрительность.

- Так ты у них спроси, правильно ли тебе изложили, – ответила ему Ира.

- А как я узнаю? Я ж их не слышу.

- Генка! – Женечка посмотрел на него как на идиота. – Языком жестов они тоже неплохо владеют. Правда, друзья?

Зив и Лоренц кивнули.

- Ни фиги себе! – снова ошалело воскликнул Генка, судя по всему, в глубине души отчаянно надеясь, что все это что-то вроде циркового представления, но его надежда неотвратимо испускала дух. – А вообще, Женич, это на тебя Грeепреасе-а нет, и стыда с совестью тоже. Это ж надо! За невинным зверьем прятаться!

- Э-э-э! Попрошу не выражаться! – возмутился Женечка почти искренне. – Зив, тыпни его как следует, чтоб не обзывался.

- Евгений Вениаминович, а если он Вас еще раз козлом или сволочью назовет, Вы его тоже покусаете? – проурчал Зив.

- Что он сказал? – спросил Генка, внимательно выслушав, усиленно вслушиваясь, собачье урчание.

- «Евгений Вениаминович, а если он Вас еще раз козлом или сволочью назовет, Вы его тоже покусаете?» – повторила для Генки Ира.

Генка покатился со смеху и хохотал очень долго, а потом... А потом его гнев окончательно прорвал плотину. Ира Генку таким разъяренным никогда не видела и никогда не подозревала, что его словарный запас столь богат как отчасти цензурными, так и не совсем цензурными, а также и совершенно нецензурными ругательствами. Он ходил, точнее, почти бегал по гостинной, зверски жестикулировал и истошно орал. Помимо недавнего конкретного случая, он Женечке припомнил все, как поняла Ира, начиная от Сотворения Мира, а вполне возможно и с еще более отдаленных времен. В самом начале Ира попыталась остановить его, приняв этот взрыв за шутку, потому что даже представить себе не могла, что такое может быть всерьез, но понять это ей пришлось очень быстро, и она от ужаса аж вдавилась в кресло, на котором сидела. Женечка сосредоточенно рассматривал что-то на потолке и казался совершенно спокойным, словно вовсе не в его адрес несся остервенелый поток ненормативной лексики. Женечкин отсутствующий вид, похоже, еще больше бесил Генку, так что его ярость, по всем нормальным признакам давно вышедшая за все мыслимые пределы, продолжала неуклонно нарастать. И вдруг, совершенно внезапно Женечка расхохотался. Ира вздрогнула, словно ее окатили ледяной водой. Видимо, то же ощущение испытал и Генка, так как осекся на полуслове.

- Генка, прости меня дурака, – Женечкин тихий и спокойный голос, как бритвой разрезал воздух. – Я только сейчас понял, чего это ты так взбесился.

- Ну и что ты понял? – Генку всего трясло. Сраженный ледяным спокойствием Женечки, он стал говорить почти шепотом в сравнении с недавними воплями.

- До твоего звонка мы спокойно успели навести порядки, выпить чайку с Татьяной Николаевной, проводить ее домой и вразвалочку вернуться. Тебе что, все же пришлось побывать у Натали в постели?

- Да! Черт возьми! Пришлось! Но я же не устраиваю бордель у Иры в доме! – вновь завопил Генка, правда, уже не так громко.

Женечка опять расхохотался, а Генка было принялся честить его с новой силой, однако, праведность Генкиного гнева дала трещину, и Ира, вскочив с кресла, воспользовалась ею, пока та не затянулась.

- Всё. Хватит, – тихим, ледяным, не терпящим возражений тоном сказала она, положив руки Генке на плечи и глядя ему в глаза жестким колющим взглядом. – Гена, – продолжила она более мягко, – я в защите не нуждаюсь, а если Женечка, как ты говоришь, дуркует, так, наверное, у него есть на то причины.

- Ир, да пусть себе дуркует! Я что, против? Но не здесь же!

- Ген, за последнее время Женечка для меня стал не просто другом. Он по-настоящему помог и продолжает помогать пережить мне то, от чего я все еще почву под ногами найти не могу. А может и никогда в этой жизни не смогу. Так что, если ему охота поддурковать у меня в доме, я сделаю все, что в моих силах, для обеспечения его дуркованию максимального комфорта. И это меньшее, что я могу для него сделать.

Генка сразу как-то весь обмяк и уселся в кресло. Ира собрала грязные чашки и ушла на кухню. В доме повисла тишина, которая после пронесшей бури казалась гробовой.

- Мне, вообще-то, пора... – растерянно промямлил Генка, когда Ира вернулась в гостиную.

- Я проведу тебя, – сказала она ему, а потом обратилась к Зиву и Лоренцу. – Ребятки, помогите, а то я плохо помню, куда надо-то.

- Ира, сядь, – промурлыкал Лоренц. – Мы сами его проведем.

- Он что-то сказал? – неуверенно поинтересовался Генка.

- Да, – ответила Ира. – Он сказал, что они с Зивом сами тебя проведут.

- Так меня ведь за руку протаскивать нужно.

- Я думаю, за руку не понадобится. Лоренц и Зив – стражи прохода. Просто откроешь дверь и выйдешь, когда они тебе кивнут, – объяснила ему Ира, а потом спросила Зива и Лоренца, – Я правильно ему сказала?

- Да, – подтвердил Зив, и они оба кивнули.

- Ну, я пошел... Пока.

Генка направился в сопровождении Зива и Лоренца к лестнице в цоколь.

- Ген, – окликнул его Женечка. – Спасибо, что примчался.

- Да не за что, Женич. Я, конечно, все понимаю, но все ж, постарайся себя вести поприличнее.

- Постараюсь, Ген. Как пройдешь – звякни. Хорошо?

- Звякну. До встречи, ребята!

Генка скрылся внизу, а через минуту запел Женечкин мобильник.

- Все хорошо. Я – на месте, – услышала Ира Генкин отдаленный голос из трубки.

Глава 38

Тонкости ощущения различий

- Ир, прости меня, – тихо сказал Женечка, едва она легла рядом.
- О господи! Жень! Я думала с крутыми разборками наконец-то покончено!
- Генка-то на сто процентов прав... – будто не слыша ее, продолжал Женечка. – Самому тошно...
- Жень, по-моему, тошно-то тебе заранее было, вот и потянуло на «подвиги», – Ира почувствовала, что ему нужно выговориться.
- Ирка, неужели ты действительно понимаешь?
- Не знаю... Некоторые вещи можно до конца понять, только пережив подобное. Да и то, скорее всего, поймешь лишь по-своему.
- А ты не думала, что понимание этого и есть настоящее понимание?
- Да... Наверное...
- Знаешь, я за время своей жизни столько мелких пакостных гадких мерзостей наделал...
- Ну, Жень! На это у тебя времени имелось более чем достаточно. Женечка горько усмехнулся:
- Да. Пожалуй, слишком много... Ирка, спасибо тебе!
- Женечка крепко прижал ее. Ира подняла на него глаза. На его щеках блестили слезы.
- Жень! Да ты, никак, рыдать собрался!? По-моему, мелкие шалости, даже очень гадостные не стоят того, чтобы их оплакивать.
- Знаешь, Ир, у меня в голове не укладывается то, что ты сегодня Генке сказала.
- А-а, ну ясно! Это слезы умиления!
- Ирка, я серьезно. Ко мне здесь никто никогда так не относился. Генка – он действительно друг, готовый прийти на помощь в любую минуту, независимо от того, угрожает ли мне действительно смертельная опасность или я тупо запутался в очередной мерзости, типа сегодняшней. Он, вроде как, и понимает, что и обычную-то по продолжительности жизнь прожить идеально невозможно, а когда тебе все это уже триста раз, как осточертело, так тем паче. Вытащит, помает-почистит, душе-спасительную мораль прочтет... И вроде даже понимает, что меня не разнообразия ради во все тяжкие потянуло, – Женечка усмехнулся. – Хотя, нет. Во все тяжкие как раз таки разнообразия ради и тянет... – Он немного помолчал. – Ир, я невыносимо завидую тем, кто живет только потому, что его родили. Тем, кто если и задается вопросом о смысле жизни, то очень ненадолго и чаще всего под действием алкоголя. А не найдя вразумительного ответа, забывает о проблемах высоких материй. А тут, с одной стороны, вроде как, прекрасно знаешь, что ты здесь делаешь, а с другой... Да на кой хрен все это надо! Так бы и нажал на какую-нибудь ядерную кнопку, чтоб взлетело это все раз и навсегда в тартарары! Знаешь, Ирка, с этим миром изрядно перемудрили. И никто понятия не имеет, что со всем этим делать. Пока там – представляют

себе нечто созерцательно-мечтательное и очень отдаленно напоминающее то, что есть здесь на самом деле. А когда сюда попадают, в самом лучшем случае начинают нести всякую чушь о спасении души. А ведь подавляющему большинству и спасать-то, по сути, нечего – сдохнут и развеются как дым. И абсолютно по барабану чего здесь вытворяли.

- Жень, но ведь не все? Ты сам говорил, что потенциально у любого есть шанс сохранить себя.

- Да, потенциально есть. Но чтобы его использовать, образно говоря, недостаточно любить ближнего, ставить в церкви свечи и читать Отче наш. Так что эта потенциальность на родившихся именно здесь, как это ни печально, вовсе не распространяется. Я не удивлюсь, если таковых не было за всю бытность Вселенной. Да я в этом полностью уверен.

- Жень, но если даже так – жизнь ведь прекрасна!

- Прекрасна? Очень может быть... Рай для мазохистов! Немыслимые наслаждения болью и страданием на любой вкус, в любом объеме и совершенно бесплатно! Ир, всё многообразие живых существ здесь удерживает лишь инстинкт самосохранения, выраженный страхом смерти. Отмени его, и тут же начнется массовая эвакуация. Даже те, кого за пределами этого мира ждет небытие, драпанут отсюда, только их и видели.

- Но ведь для чего-то этот мир все ж существует?

- Хорошая мысль! Ир, может, вспомнишь?

- Что вспомню?

- Ну, Ир, ты тоже имела к утверждению его существования самое непосредственное отношение. А потом, тебе, как, впрочем, и многим, сие творение быстро наскучило. Это меня не удивляет. Меня удивляет другое: чего ты опять здесь забыла? Почему с таким упорством добивалась полноценного воплощения именно в человеке? У тебя ведь получилось только с девятой попытки?

Ире стало жутко не по себе, и она поспешила вернуть разговор в ранее наметившееся русло:

- Жень, по-моему, ты просто впал в черную депрессию.

- Я? Нисколько! По крайней мере, не впал. Я в этом настроении живу уже много сотен лет. С самого того момента, как начал понимать, кто я и что здесь делаю. Сейчас я всего лишь стараюсь тебе объяснить, почему считаю, что ты меня поняла как никто, а главное – как никто поддержала. Почему, как Генка говорит, дуркую периодически, а точнее, почему иногда не могу сдержаться. Ир, творить незнамо что, вот уже как третье тысячелетие непреодолимо тянет.

- Жень, а по-моему, ты себя сильно переоцениваешь.

- В смысле, переоцениваю?

- Эка невидаль, подружку любовницы по случаю трахнуть! Можно подумать – ты первый! Ну прям оригинальнее некуда! Знаешь, при таком отношении к бытию земному можно и что-нибудь покруче придумать!

- Покруче? Покруче слишком круто для бытия земного будет. Не стоит оно того.

- Жень, а у тебя есть с чем сравнивать? Может, не так уж и плохо оно все? Вроде ж как этот мир по образу и подобию божеского сотворили.

- Тебе виднее, – усмехнулся Женечка.

- Жень, запарил ты со своими многозначительными намеками! Я, конечно, могу умозрительно представить, что я какая-то там высшая сущность, которая в сотворении жизни самое непосредственное участие принимала, но для меня это так и останется несусветным бредом, которым, по сути, это все и является.

- Ой, Ирочка! Если б ты могла это все представить лишь умозрительно, ты бы сейчас не тряслась тут, как Курильские острова во время извержения всех вулканов разом. А насчет бреда я с тобой полностью согласен. Последнее время ты почти постоянно бредишь: с кошкой и собакой разговариваешь и даже слышишь, как они тебе отвечают, прослушиваешь музыкальные композиции в исполнении объекта невидимости, а еще воображаешь, будто открываешь запертую наглухо дверь в своем подвале и попадаешь в самые разные точки земного шара. И, надо сказать, так уверено воображаешь, что это в действительности происходит! Ир, тебя это все на некоторые мысли не наталкивает? Тебе не кажется это странным?

- Знаешь, делать все это настолько же странно, как и не делать. Ты, между прочим, можешь все то же самое и еще целую кучу всего, чего я не умею.

- Ир, а представь, я бы тебя обо всем этом не далее, как в прошлом году проинформировал бы, ведь точно сказала бы: бред!

- Жень, я не исключаю того, что мы, то есть люди, о мире, в котором живем, вопреки нашему мнению, знаем далеко не всё.

- А о самих себе и того меньше. Ты со мною не согласна?

- Согласна, конечно.

- Так почему для тебя сложно принять идею, что ты – один из творцов сего мира.

- Почему же сложно? Я ж тебе сказала: чисто умозрительно я могу себе это представить. Воображение у меня очень богатое. Жень, к тому, что происходит, даже если это выходит за рамки общедоступного восприятия, пусть это поначалу и шокирует, со временем привыкаешь и начинаешь относиться, как к должному. В конце концов, это тоже часть этого мира, пусть и скрытая от большинства. Невозможно принять то, что лежит за пределами этого мира. Не в одном из миров, параллельных этому, а вообще за пределами.

- Ирка, ты слышала, что ты сейчас сформулировала?

- Слышала, Жень, – она задумалась. – Знаешь, – продолжила Ира после минутной паузы, – иногда мне кажется, что я очень сильно изменилась за прошедший год, но буквально тут же понимаю, что, несмотря ни на что, я осталась точно такой же, как и была всю жизнь.

- Если воплощаешься человеком, ничто человеческое не оставит тебя, пока ты здесь. От человеческого нельзя избавиться, будучи человеком. Можно только смириться и не уделять чрезмерное количество внимания этому, тем более что человеческое в человеке не нуждается во внимании для успешного функционирования.

- Я догадываюсь. Но это с одной стороны, а с другой... Знаешь, идею принципиально иных технологий принять несложно. Не очень сложно. Совершенно немыслимо принять идею, что ты делаешь нечто, ничего не делая в общепринятом смысле. Даже не думая. Я знаю, что это так. Но знаю лишь умозрительно. И одновременно знаю совершенно непонятно как. Я действительно живу в бреду.

- Ладно, тебе, Ирка! – Женечка погладил ее по голове.

- Что, ладно? Сам поплакался в жилетку – я тоже хочу.

- С чего бы это? Помнится, не так уж давно ты обладала куда большим мужеством.

- До недавнего времени все, что со мной происходит, я относила на счет нестабильности гормонального фона.

- Так я могу тебя обрадовать – сейчас все то же самое.

- Я догадываюсь. Только теперь точно знаю, что нестабильность гормонального фона – это следствие, а не причина. И вообще, давай-ка спать – мне завтра трудиться, трудиться и трудиться.

- А как же насчет намерения плакаться в жилетку?

- Боюсь, в ближайшее время не получится лишать себя и тебя сего удовольствия.

- А-а! Ну тогда ладно! – Женечка рассмеялся.

- - -

Наутро от Ириноного намерения в качестве моциона регулярно плакаться Женечке в жилетку не осталось и следа. Правда, не без активного участия последнего. Женечка проснулся в чернущей смури, и Ире ничего не оставалось делать, как вытряхивать его из этого настроения.

- Женька! Хватит из себя Гамлета строить! Поднимайся и пошли плескаться в водопаде.

- Да. Конечно.

Он поднялся, оделся и послушно поплелся за Ирой.

- О, гляди, Зив, человечество соизвоило, наконец-то, глазоньки продрать! – приветствовал их нисхождение в гостиную Лоренц.

- И вам доброго утречка, эксклюзивные представители земной фауны! – весело ответила Ира. – Лоренц, ты, чисто случайно, не в курсе? От чего происходят нарушения выработки гормона радостной гадостности, и каким образом сей процесс можно восстановить?

- И у кого, позвольте спросить, наблюдаются столь серьезные нарушения в работе желез внутренней секреции? – подошел к ним Зив, виляя хвостом.

- Да вот! Полюбуйтесь! – Ира кивнула на Женечку. – Меня, конечно, иногда раздражала его повышенная язвительность и переизбыток сарказма, однако, глядя на него сейчас, так и хочется придушить собственными руками.

- Ну и придуши, чтоб не мучился! – от всей души посоветовал Лоренц.

- Вы так добры, господин кот! – Женечка вымучил из себя улыбку.

- Да. Я не чужд проявлений гуманизма, – с повышенным оттенком гордости в мурлыканье заметил Лоренц.

- Эй, радостно-гадостные гуманисты, вы купаться идете? – весело спросил Зив, направляясь к выходу.

- Конечно, идем! – Ира взяла Женечку за руку и потащила за собой, направляясь вслед за Зивом.

Впрочем, Женечка не особо упирался, но двигался почти безвольно. Шествие замыкал, продолжая рассуждать о гуманизме, Лоренц.

Небо покрывала целая куча обрывков облаков, которые то напозлази, то отползали от солнца, постоянно меняя оттенки освещения, а заодно периодически несмело плевались редким мелким слепым дождем. Ира, продолжая вести Женечку за руку, вслед за бегущими впереди Зивом и Лоренцем, вступила на лесную тропинку. Под сенью одетых в юную листву деревьев одурманивающе пахло влажной свежестью. Птицы выводили трели на все голоса. Сквозь застилающее небо зеленое кружево пробивались то лучи солнца, то гораздо более крупные, чем за пределами леса, капли дождя. Они тяжело падали на слепящие синевой незабудки, заставляя их мерно покачиваться. Иру схватила буря восторга. Впрочем, не только Иру – Зив и Лоренц скакали вместе с ней, а еще катались по прошлогодним листьям и пробивающейся сквозь них сочной траве.

- Женька! И ты скажешь, что вот это вот все неудачная идея!? – в порыве радости бытия Ира повисла у него на шее и увлекла в самую гущу незабудок.

Совсем рядом, прячась за деревьями, грохотал переполненный вешними водами водопад. Ира осыпала Женечку поцелуями и одновременно срывала с него и с себя одежду.

- Палладина, – еще совсем не так, как обычно, но Женечка все же улыбался, – я так понимаю, это изнасилование?

- Это зверское, бесчеловечное изнасилование с отягчающим обстоятельством в виде истязания ледяной водой.

Ира одним рывком подняла Женечку с земли, и уже через мгновение водопад, низвергаясь бешеным потоком со скалы, наслаждался их смиренной беспомощностью в своих струях. Зив собрал раскиданную перевозчанным хаосом одежду и сложил ее кучей, бросив рядом с ней полотенце.

- Так зверское и бесчеловечное, говоришь? – перекрикивая грохот воды, Женечка подхватил Иру и, изо всех сил сопротивляясь бушующему потоку, выбрался на берег. – Что ж – сама придумала, так что не взыщи.

Горящее после ледяной воды тело почувствовало шершавость прелой листвы и колкость налитой соком травы. Гул водопада смешался с хором птиц, мареву юной зелени древесных крон с прозрачной голубизной неба, а лишенные даже намека на нежность «ласки» Женечки захлестнули сладострастным наслаждением. Ира не сопротивлялась лишенному почтительности обращению и сама отвечала тем же, так что, когда они вновь оказались в водопаде, ее вопль от резанувшей по свежим ссадинам воды не был одиноким.

- Женька, ты сумасшедший! – с трудом выбравшись на берег, едва переводя дыхание и откашливаясь, выкрикнула Ира. – Мне сейчас на объект, а там куча народу и Татьяна Николаевна дома ждет!

- Палладина, – Женечка опустился на землю рядом с ней, так же с трудом переводя дыхание и откашливаясь, – температура воздуха вполне способствует прикрытию тела достаточным количеством одежды, так что все издержки бурных проявлений восторгов очарования весенней природой останутся незамеченными.

Женечка окинул Иру взглядом, и из его уст вырвалось крайне неприличное изречение. Потом он глянул на себя и изрек нечто другое, но тоже крайне неприличное.

- Вот и я говорю! – выразила абсолютное согласие Ира.

Зив попытался исправить положение с помощью целебных свойств собачей слюны.

- Зив, не надо, – взмолилась Ира.

- Да, Зив, не стоит, а то госпожу Палладину того и гляди на вторую серию потянет, – с веселой издевкой усмехнулся Женечка.

- А ты что – против? – театрально возмущившись, спросила Ира.

- Не-а... – в глазах Женечки плясали веселые чертики.

Татьяна Николаевна еще никогда так стремительно не покидала Ириного дома. Ни Ира, ни Женечка даже рта не успели открыть, как она, пожелав им удачи, испарилась. Женечка в ужасе глянул на Иру, а она на него. Внешний вид вроде бы вопросов не вызывал, и они дружно перевели дух.

- Знаешь, – закончив глубокий выдох, изрекла Ира, – по-моему, у нее, в отличие от тебя и меня, все в порядке с телепатией.

- Знаешь, а мне, между прочим, тоже так кажется, – весело согласился Женечка, направляясь на кухню за дополнительными чашками для Зива и Лоренца.

- Жень, – обратилась к нему Ира, когда они уселись за стол, – у меня к тебе настоятельное предложение: останься здесь, и просмотри всё, что я успела навалять по твоей книге, а я постараюсь сегодня свалить пораньше.

- Испугалась? – с издевкой спросил Женечка.

- А то ж!

- Вот-вот! Теперь, может, поймешь, чего это я за тебя периодически дергаюсь!

- Да уж, понятней некуда!

- Ладно! Расслабься! Но предложение мне твое нравится. Только действительно, не задерживайся, ладно?

В поющем доме под каватину Людмилы из знаменитой оперы Глинки Ира появилась последней, убедительно изображая, якобы она здесь уже часа два как на посту. Погода более не тормозила процесс, но шел он, подчиняясь инерции прошлой недели, по мнению Иры, гораздо более вяло, чем следовало. Она, цепко завладев вниманием Валентиныча

и Влада, стремительно пронеслась вместе с ними по всем этажам дома, а потом предприняла не менее стремительную экскурсию в компании Галины Андреевны по саду. После этого, объявив перерыв с чаем, собрала всех в беседке, где теперь стоял предназначенный для данного мероприятия реквизит.

- Валентиныч, я думаю, как закончите первый этаж, следует перекинуться на фасад, а цоколем заняться в последнюю очередь. Тогда Галина Андреевна со своими девочками успеет закончить территорию непосредственно у дома вместе с вами, а то и чуть раньше.

- Ир, у меня возражений нет, – согласился Валентиныч.

- Вот и замечательно. Я теперь буду с вами несколько меньше. Пора заняться мебелью и прочими предметами интерьера.

- Как скажешь, – снова согласился Валентиныч и спросил. – Влад тебе понадобится?

- Пока нет.

Ира, еще некоторое время попорхав между фронтами работ, направляя их ход в оптимальное русло и задавая предельно возможный темп, виртуозно свалила к себе домой.

- - -

Женечка в полном погружении вникал в Ирины художества и, когда она появилась, обрушил на нее целую лавину замечаний.

- Ир, в целом всё, конечно, замечательно, но у меня такое подозрение, что до конца ты так ни разу и не дочитала.

- Жень, ты абсолютно прав. Вспомни, когда ты мне только выдавал сей труд, то сам рекомендовал работать по ходу ознакомления с материалом. Согласись, папочки-то изрядно пухленькие и не для праздного чтения, тем более что вникать приходится очень глубоко.

- Ирка, не оправдывайся! Обычно ты всегда плевала на все мои и не только мои рекомендации.

- Жень, обычно если я работала над твоим заказом, то только над ним и работала.

- Неправда! Ты всегда умудрялась по ходу и еще что-нибудь делать.

- Жень, всякий хлам типа проходных визиток и буклетов – не в счет.

- Ладно. Уговорила. В общем, мне сейчас хотелось бы, чтоб ты оставила на время художественное творчество и тупо дочитала до конца.

- Жень, – ехидно улыбнулась Ира, – если я буду читать тупо, не думаю, что мне это чем-то поможет.

- Ирка, не язви! Ты прекрасно поняла, что я имею в виду. В процессе чтения, тупить совсем необязательно. Я хочу, чтобы ты ухватила целое, а потом только перешла к частностям.

- Женечка! Не нервничай! Я – поняла.

Тут запел Ирин мобильник.

- Привет! – ответила Ира, подавляя смехок, и с шаловливой многозначительностью посмотрела на Женечку.

В трубке еле слышно счастливой скороговоркой щебетал женский голос. Ира, сохраняя шаловливую многозначительность в направленном на Женечку взгляде, молча слушала монолог, и лишь когда он полностью иссяк, ответила:

- Да, здорово бы было, но мне, скорее всего, в ближайшие дни предстоит уехать.

Щебет в трубке наполнился жеманным разочарованием. Ира поспешила несколько смягчить свой приговор:

- Ты только заранее не расстраивайся – это еще неточно. Как выясно окончательно – позвоню.

Щебет прозвучал несколько приободрено и, видимо, изрек формулу прощания, так как Ира ответила:

- Ага, ну давай, удачи, пока!

Отложив в сторону смолкнувшую трубку, Ира аж глаза сощурила в злорадном умилении.

- И что это было? – в наполненном театральным предвкушением Женечкином вопросе Ире почудился глубоко запрятанный легкий страх, точнее не страх, а не совсем приятное волнение.

- Ты верно догадался. Это – Натали. Продолжения банкета требует.

- И что – вот так вот запросто тебе звонит?

- Ну! Жень! Вовсе не вот так вот запросто, а еще и с апломбом.

- Вот... – Женечка не стал уточнять кто, дабы не перевыполнять на сегодня план по ненормативной лексике. – И это после всего?

- Ну! Жень! Она ведь не в курсе, что я в курсе ВСЕХ ее достижений!

Женечка усмехнулся:

- Ир, то, что ты назвала ее достижениями, пожалуй, самое приличное из того, что она здесь вытворяла, притом публично! – Женечка впал в совершенно искреннее возмущение.

- Женечка-а, – заволновалась Ира, – давай-ка вернемся к книге, а то ты тут у меня опять засмуреешь.

- Я? Засмурею? Ха! Ирка, а чего это ты День Победы праздновать не хочешь, а? Чай, все ж ревнуешь? – Женечка расплылся в довольной улыбке.

- Женечка! – подорвалась Ира. – Если ты такой ненасытный в отношении Натали, так я в твоё распоряжение весь дом на 9 мая представлю! Развлекайтесь, сколько хотите!

- Ирка, а ты злая!

- Зато ты добрый! Знаешь, 8 марта как-то к месту пришлось, 1 мая вроде по инерции проскочило, а вот от удовольствия еще и девятого ударяться в массовое торжество – избавьте, а! Меня уже тошнит от этих праздников!

- Ира-Ира! Ну, разошлась! Да знаю я, что ты праздники не любишь! Честно говоря, даже удивился – что это с тобой случилось? Ладно, успокойся. Лучше скажи: куда ехать-то намылилась? Или это для Натали и компании отмазка?

- И да, и нет, – загадочно молвила Ира. – Сейчас узнаешь.

Она вновь взяла в руки мобильник, полистала «Контакты» и, выбрав нужный номер, нажала кнопку вызова.

- Здравствуйте, Стас!

- Здравствуйте, Ира! – в отличие от Наташиного, его голос раздавался в Ирином кабинете очень отчетливо, хотя и не совсем громко.

- Приведение в порядок Вашего дома входит в завершающую стадию, и мне бы хотелось самой принять непосредственное участие в изготовлении комплекта мебели.

- Не вопрос! Гостиница нужна?

- Нет. Только отсутствие возможных непоняток у персонала.

- Обеспечим! Когда думаете начать?

- Да хоть завтра!

- Давайте послезавтра – вам ведь по общеизвестным законам природы необходимы сутки, чтобы приехать.

- Логично.

- Тогда жду Вас послезавтра часиков в девять около своего подъезда, а потом можете спокойно появляться прямо в цехе, когда Вам будет удобно. Устраивает?

- Вполне.

- Замечательно! До послезавтра!

Ира, зная привычку Радного не выслушивать прощальные слова собеседника, не стала разговаривать с последовавшей за «До послезавтра!» тишиной. Женечка смотрел на Иру малость пришибленно:

- Что это значит? – в замешательстве спросил он.

- Спроси у Зива и Лоренца – я не могу тебе ответить, а они в некоторой степени в курсе.

- Понятно...

- - -

Без пяти девять Ира вышла из подъезда. Радный уже ждал ее, сидя в машине.

- Садитесь, – с едва заметной улыбкой сказал он, открывая ей дверь.

– Выглядите очень даже впечатляюще, – продолжил Радный, когда Ира уселась, – а как чувствуете себя?

- Тоже впечатляюще... – многозначительно ответила Ира.

Радный усмехнулся:

- Это неплохо! Как я понимаю, Вы вняли моему совету ограничиться лишь привычными делами.

- Внять-то вняла, но полностью следовать не всегда получается.

- Это не страшно. Главное – стремление, – Радный снова усмехнулся и спросил. – Дом-то что поет?

От неожиданности вопроса Ира вздрогнула так, что аж подскочила. Радный рассмеялся. Ира снова вздрогнула: на ее памяти он смеялся впервые.

- И-ира! Расслабьтесь!

- Я вся в стремлении к этому! Стремление, ведь, главное?

- Верно... Так что дом-то поет?

Ира глубоко вдохнула, а затем медленно выдохнула:

- Вчера исполнял регтаймы Джоплина, а позавчера – отдельные номера из «Руслана и Людмилы» Глинки.

- А Вы не пробовали попросить его исполнить то, что, как говорится, Ваша душа просит в данный конкретный момент?

- Нет.

- Попробуйте. Занятное упражнение, – Радный улыбнулся, так как Ира снова вздрогнула. – Ира, последний раз я наведывался туда вместе с Вами.

«Ценное замечание», – отметила про себя Ира и едва заметно перевела дух. С того самого дня и даже чуть раньше того, как Зив и Лоренц открыли свою сеть проходов для Женечки, и она высказала опасение, по поводу его возможных, не желаемых ею посещений, а Зив и Лоренц успокоили ее, что такое не будет иметь место; с того самого дня и даже чуть раньше она знала, кому не нужны никакие разрешения и на кого не действуют никакие ограничения, но своими опасениями избегала делиться даже с самой собой. Однако с того самого дня и даже чуть раньше ее не раз передергивало от всегда непредсказуемого, совершенно внезапно и, как правило, совершенно нежданно пронесившейся мысли, что вот прямо сейчас, в любую минуту к ней может запросто нагрянуть Радный.

Он сказал всего-навсего: «Последний раз я наведывался туда вместе с Вами», – но эта фраза вселила в нее полную и безоговорочную уверенность в том, что Радный никогда не использует свои возможности там, где она бы этого не желала. Он никогда не вторгнется без ее разрешения в то, что для нее является сугубо личным. Он сказал лишь: «Последний раз я наведывался туда вместе с Вами», – но этим однозначно дал понять очень многое. Ира успокоилась, а тем временем они почти приехали.

- Ну что ж, сейчас отдам Вас на съедение «главным коням», – с легкой усмешкой сказал Радный и, чуть заметно улыбаясь, добавил. – Однако полагаю, что вечером найду их в виде обглоданных скелетов.

- Спасибо за доверие.

- Всегда рад помочь.

Радный остановил машину у проходной, помог Ире выйти и проводил в бывший ее с Раулем кабинет, где теперь находилась вотчина Анатолия Георгиевича Рябоконя – главного инженера и Георгия Анатольевича Белоконого – главного дизайнера.

Вопреки прогнозу Радного, изложенному в стиле близком к черному юмору, Белоконый и Рябоконый встретили Иру весьма дружелюбно, а когда босс удалился, даже предложили по коньячку за встречу. Ира от коньяка отказалась, но саму идею – испытать чего-нибудь за встречу – восприняла с энтузиазмом. Тут же на стол водрузилась двухлитровая пачка абрикосового сока и три граненых стакана.

Общение началось с обсуждения состояния архитектурного объекта, расположенного на приморском склоне Кавказа, плавно перешло к состоянию майской погоды на Юге России, что привело к ярким воспоминаниям прошлогоднего похода в горы.

В первые же пять минут перешли на «ты», Анатолий Георгиевич Рябоконый превратился в Толика, а Георгий Анатольевич Белоконый в Жорика. Ира и представить себе не могла, что прогулка на Ажек в сознании Толика и Жорика оставит столь неизгладимый след. И самое удивительное – вспоминали они свой первый, и пока единственный,

опыт общения с Кавказской природой с диким восторгом и не без иронии в адрес себя любимых. И вообще, создавалось впечатление, что они совершенно искренне просто счастливы видеть Иру.

Ее данный факт обрадовал, но и слегка озадачил. В прошлом, даже признавая правоту Иры, Толик с Жориком всегда изрядно напрягались, а сквозь это напряжение неизменно проглядывала неприязнь. А вот теперь не было ни напряжения, ни неприязни – их место занял благоговейный трепет. Ира было решила, что это Радный провел с ними идеологическую работу, но тут же поняла, что он здесь ни при чем – он точно не стал бы этого делать. Почему? Ира не могла себе объяснить. Просто знала, что это так.

Впрочем, в процессе разговора все выяснилось само собой. По-новому Толик с Жориком стали относиться к ней благодаря Раулю. Точнее, благодаря русской национальной черте преклоняться перед всем иностранным, в том числе и специалистом. «Хотя, почему именно русской? – промелькнуло у Иры. – Даже Иисус говорил: нет пророка в своем отечестве». Как бы там ни было, но трепетное восхищение Рауля Ирой помножилось на раболепное благоговение Толика с Жориком перед Раулем и обеспечило необходимый, если не сказать беспрецедентно высокий уровень безоговорочного притяжения.

В общем, от достопримечательностей Кавказа снова плавно перешли к поощению дому, а от него – к цели Ирино визита и далее от разговоров к делу. Ассортимент материалов на складе Иру не удовлетворил, и ей тут же предоставили целую кипу каталогов поставщиков. Она внимательно их просмотрела, методом исключения отобрала заинтересовавшие ее экземпляры и спросила:

- Можно мне на несколько дней оставить их в моем распоряжении?
- Конечно! – в два голоса проскандировали Толик с Жориком.

Дальше празднично поболтали о чисто производственных вопросах, после чего Ира посетила созданный не без ее участия цех, осталась довольна и, погрузив каталоги в два больших полиэтиленовых пакета, отправилась к себе. Толик с Жориком предлагали вызвать для нее такси и рвались проводить до выхода, но Ира по понятным причинам от их услуг отказалась.

Дома ее за накрытым столом ждал Женечка.

- Ну как?

- Выше ожидаемого, даже можно сказать превосходно, – ответила Ира, высвобождаясь от тяжелых пакетов.

- Почему не сказала, что в ослика Иа играть собралась? Встретил бы – чай, дамам тяжести таскать не пристало.

- Ну да! Особенно на дистанции в тысячу с лишним километров, – усмехнулась Ира.

Женечка тоже усмехнулся:

- Садись, ешь давай! Татьяну Николаевну я отпустил, так что все это в моем исполнении.

- А ребятки где? – спросила Ира, ища глазами Зива и Лоренца.

- Уже покушали и отправились на прогулку.

- Та-а-ак! – протянула Ира. – Вы что тут малость побеседовали и во взглядах не сошлись?

- Есть чуть-чуть, – честно признался Женечка. – Впрочем, если ты думаешь, что в твое отсутствие здесь разыгрался глобальный межвидовой конфликт – ты сильно заблуждаешься. Может, в чем-то наши точки зрения и не совпадают, но при этом царит полное уважение к мнению оппонента. Ты, видимо, не замечаешь, но в последнее время они частенько покидают пределы этого дома по своим, ведомым только им делам.

- Это все просто чудесно, но что все-таки стало предметом разгоревшегося спора?

- Ир, ничего здесь не разгоралось, в том числе и спор.

- Но ведь ты сам признал, что вы в чем-то не сошлись во взглядах!

- Видишь ли, мы несколько по-разному понимаем суть твоего существования здесь.

- Замечательно! – возмутилась Ира. – А давайте с сутью своего существования здесь я как-нибудь сама разберусь! Честно говоря, я хренюю от вас от всех! Ходите тут, рассказываете на все голоса, что я чуть ли не господь бог и тут же разрабатываете для меня глобальную стратегию и тактику! Жень, тебе не кажется, что мне лучше знать, что я, как ты говоришь, здесь забыла? – Женечка было открыл рот, чтобы нечто возразить. – А если я даже этого и не знаю, то уж поверь, и в этом случае моя информированность гораздо лучше вашей вместе взятой!

- Палладина! Как ты заговорила!

- Жень! Да меня просто уже невыносимо тошнит от всех этих мистик и миссий! Но если рассуждать логически и предположить, что я действительно воплощение о-го-го какой запредельной шишки, то, простите, не вашего ума дело на кой ляд я здесь родилась!

- Что ж, с логикой у тебя всегда все в порядке было.

- Хвала небесам, хоть это у тебя не вызывает вопросов!

- Ир, и все-таки, откуда в тебе такая уверенность?

- Уверенность, простите, в чем?

- Уверенность в том, что ты хорошо себе представляешь, что ты тут на самом деле делаешь.

- Жень, на самом деле в данный момент я тут сижу и ем суп. И в этом я абсолютно уверена, а источник этой уверенности находится вот в этой тарелке и проникает в меня с помощью вот этой ложки. Кстати, спасибо – суп очень вкусный.

- Пожалуйста. Однако ты ведь знаешь, что я не о супе.

- А по поводу того, что ты имеешь в виду, я уверена в одном, что если вы решили тут сесть рядом и общими усилиями сочинить мне смысл жизни, то красный флаг вам в руки и памятник на шею! Сочиняйте, сколько душе угодно! Только когда закончите и соответственно оформите, засуньте себе его, не буду уточнять куда!

- Ирка! Ты чего это так разошлась!

Ира и сама не могла понять, что это на нее нашло. Самое главное, что настроение-то, в общем-то, было самое что ни на есть великолепное. Она задумалась, а потом честно призналась:

- Не знаю.

- Я так и подумал, – улыбнулся ей Женечка.

- Что у вас тут опять за сыр-бор? – спросил Зив, появившись вместе с Лоренцем на лестнице из цоколя.

- Ничего особенного, просто госпожа Палладина милостиво разрешила нам с вами разработать для нее, несравненной, проект смысла жизни, а потом засунуть его... в общем, она не стала уточнять, куда, – весело ответил ему Женечка.

- Ты что, рассказал ей о нашей дискуссии? – спросил Лоренц, запыгивая в кресло.

- Нет. Только признался, что таковая имела место.

Ира ни с того ни с сего расхохоталась, да так, что минут пять не могла остановиться.

- Ирка, да что с тобой сегодня?

Этот вопрос Женечка повторил раз пять и еще по паре раз его задали Зив и Лоренц, прежде чем Ира совладала с собой для ответа.

- Ничего... Все в порядке... – с трудом выговорила она, борясь с последними смешинками. – Просто я вдруг поняла, почему Творец, как правильно замечает большинство рода людского, оставил свое творение на произвол судьбы, и более не почитает своим присутствием.

- По-твоему, это смешно? – нарочито строго спросил Женечка.

- Даже очень. Я тут представила, что бы случилось, если б он вдруг снизошел к нам грешным.

- И что ж предстало перед твоим внутренним взором?

- Ну как что? Во-первых, миллиарды заявок с требованием немедленно выдать нечто от куска хлеба до острова средних размеров в благоприятной климатической зоне. Во-вторых, миллиарды жалоб на собственную несостоятельность с указанием источников бед от тещи до Усама бен Ладена, естественно, без упоминания собственной персоны. И, в-третьих, уже, конечно, не миллиарды, а миллионы, может быть, даже и тысячи пояснений того, кто он, в смысле Создатель, какой он и в каком направлении ему дальше двигаться с подробным описанием в крепких выражениях того, что он создал.

- Ирка! А я-то думаю, и чего это тебя так вздергивать начинает от одного невинного, а с декларируемой тобою твоей точки зрения, и вовсе пустого намека, что ты к созданию этого мира тоже имеешь отношение! – теперь уже расхохотался Женечка, правда, не так иступленно, как Ира.

- Женька! Достал! – рывкнула она.

- Вот видите? Опять рассвирепела! – обведя взглядом Зива и Лоренца, констатировал факт Женечка.

- Евгений Вениаминович, оставьте Иру в покое, – спокойно проурчал Зив. – Неужели Вы не видите, что делаете?

- Вижу, – неожиданно серьезно сказал Женечка. – Потому и делаю.

- Зачем? – сощурившись, томно промурлыкал вопрос Лоренц.

- Хочешь сказать, что вам непонятно?

- Нам-то понятно, а вот Ире...

- А от нее этого пока и не требуется.

- Коли вы мне тут общими усилиями кости собрались мыть, может, я пойду, а? У меня, вообще-то, есть чем заняться.

- Хорошая идея! Давай! Вали! – гормон радостной гадостности аж бурлил в Женечкиных жилах.

- Евгений Вениаминович, зачем Вы так? – проорчал Зив.

- Ты думаешь, она обиделась? – не глядя на Иру, спросил Зива Женечка и манерно повернулся к Ире. – Ирка, ты обиделась? – вопрос прозвучал с той же интонацией, как: «Маша, ты сделала уроки?».

Ира снова расхохоталась, но на этот раз успокоилась гораздо быстрее. Женечка хотел еще что-то съязвить, но тут у него запел мобильник.

- Генка звонит, – будто оглашая великую тайну, громко прошептал Женечка присутствующим, а потом, натянуто серьезным тоном, ответил на звонок. – Я Вас очень внимательно слушаю, господин Логинов.

- Это замечательно, что слушаешь ты очень внимательно. Чем занимаешься?

- В теплой компании пытаюсь испытать чашечку кофе, а Палладина все время мешает процессу.

- Одним словом, бездельничаешь.

- В некотором роде так и есть.

- А поработать, разнообразия ради, желания нет?

- На тему?

- На тему перевести толстенький романчик с португальского для начала на английский, а потом, возможно, и еще на несколько языков.

- Генка! Да с превеликим удовольствием, а то от затянувшегося тотального безделья уже крышу рвет.

- Я, знаешь ли, заметил, вот и подсуетился.

- Так ты мне что, заказ специально, что ли, искал?

- А то ж! Наша последняя с тобой встреча меня изрядно озаботила.

- Ясно.

- В общем, ты согласен?

- Как видишь.

- Тогда оставь в покое свой недопитый кофе, а заодно и Ирчика, и дуй ко мне.

- Как скажешь. Сейчас буду.

Женечка выключил мобильник и, окинув взглядом Иру, Зива и Лоренца, сообщил:

- Должен вас покинуть. Думаю, что ненадолго.

Он поднялся и, более ничего не говоря, скрылся в цоколе. Ира на секунду опешила, а потом спросила:

- Это как это он?

- В смысле? – проорчал Зив.

- Он же у Генки даже не спросил, где тот находится.

- Ира, он этим занимается плюс-минус две тысячи лет и, само собой, умеет пользоваться проходами гораздо лучше тебя, – промурлыкал Лоренц.

- Но как?

- Выбирая направление можно ориентироваться не только по географическим объектам, но и по биологическим субъектам, то есть выбирать не только из «куда», но и из «к кому».

- А почему же вы мне об этом раньше не говорили? Хотя бы тогда, когда я сама того же Генку найти пыталась?

- Ира, у нас нет возможности научить тебя этому, – важно проурчал Зив.

- Видишь ли, – взял слово Лоренц, – попасть через проход из одной географической точки в другую, даже очень удаленную, может любое живое существо без всякой подготовки и тренировки. Единственное, ему, конечно, не удастся запросто попасть туда, куда оно на самом деле хочет, но куда-нибудь попадет обязательно. Потому, как ты уже знаешь, к проходам и приставлены стражи. А вот пройти через проход не куда-то, а к кому-то – это действительно высший пилотаж. Так вот, даже мы об этой возможности знаем лишь чисто теоретически.

- Но ведь... – начала Ира, но Лоренц перебил ее.

- Ты имеешь в виду, что мы помогли тебе найти местоположение твоего друга?

- Да.

- Это не совсем то, точнее, совсем не то. Мы помогли тебе определить именно его местоположение в пространстве и направили в ближайший к этой географической точке выход. То есть и в данном случае ты перешла куда-то, но не к кому-то. Точно определить местоположение кого-то где-то, задача, безусловно, нелегкая, но этому мы тебя можем научить, но... Ты недооцениваешь своего Женечку, а ведь для него вполне естественны вещи, которые ты даже вообразить не в состоянии, даже если будешь использовать богатство своего воображения на пределе. Это только на первый взгляд законы природы, в отличие от придуманных людьми юридических документов, кажутся незыблемыми. На самом деле в них, как и в законах, придуманных людьми, очень много лазеек. Как и в случае с человеческими законами, пользование этими лазейками небезопасно, но если знаешь «как», тебе открываются возможности, кажущиеся фантастическими. Однако, в данном случае теоретическое знание, на которое привык опираться в своей жизни человек, ничего не дает. Нужно уметь, и уметь то, что даже отдаленно не поддается так любимой людьми вербализации. Так вот, Женечке нет никакой надобности знать, где в данный момент находится человек, с которым он хочет встретиться. Он просто приходит к нему и все. И наличие прохода имеет значение только в начальной точке. В пункте назначения образуется временная трещина, которая тут же без следа затягивается.

- Крыша у меня сейчас не поедет – она у меня сейчас полетит. Так что, давайте-ка я ради безопасности собственного рассудка займусь тем, чем собиралась изначально.

- Как знаешь... – промурлыкал Лоренц.

Ира взяла свои пакеты и отправилась в кабинет.

Сосредоточиться на каталогах, оказалось не так-то просто, но, в конце концов, нечеловеческие усилия воли сделали свое дело. Ира растворилась в работе и растворилась до такой степени, что только внезапно возникший в сумерках поток яркого электрического света выдернул ее в «здесь и сейчас» реального мира.

- Ой! – вздрогнула она от неожиданности.

- О-йой! – отозвался Женечка с улыбкой.

- И давно ты здесь?

- Достаточно, – Женечка снова усмехнулся. – Знаешь, ты так глубоко погружаешься в проблемы диванов, столов и прочих деталей интерьера, что даже без интеллектуального познания внутренних точек способна наделить их очень мощными энергетическими свойствами.

- Очень может быть, – унимая дрожь, задумчиво изрекла Ира и спешно перевела разговор на другую тему. – Что там у Генки?

- У Генки все здорово. Нашел мне большой заказ, так что в ближайшее время вымирание от тотального безделья мне не грозит. А самое главное – появилась очень веская причина оставить тебя на некоторое время в относительном покое.

- Вот это действительно радует, – не без сарказма заметила Ира.

- Что, так сильно достал?

- Если честно, то да.

- Ну вот! – Женечка скорчил рожицу обиженного ребенка.

- Знаешь, Жень, если бы наше с тобой общение на данном этапе ограничивалось изданием твоей книги, я против твоего общества ничего бы не имела, но ведь ты ни единого момента не упускаешь, чтобы меня вздернуть. Пойми, я действительно устала! Стоит мне найти для себя удобное положение, как ты тут же выбиваешь меня оттуда.

- Только я?

- Справедливости ради нужно согласиться, что не только ты. Но мне кажется, что ты единственный, кто делает это периодически лишь, как говорится, из любви к искусству. Извини, но мне порой кажется, что тебя просто забавляет моя реакция.

- Если честно, то, конечно, не без этого, – усмехнулся Женечка.

- Итак, ты меня покидаешь? – с язвительной надеждой в голосе спросила Ира.

- И не надейся! Если честно, то все это время я проторчал здесь исключительно для того, чтобы ты, в конце концов, оторвалась от своих диванов и выпила б со мной чашечку кофе.

- Ладно. Уговорил.

Ира отложила каталоги, поднялась и вместе с Женечкой отправилась в гостиную. Правда, гостиная стала конечным пунктом только для Иры. Женечка пошел дальше – на кухню. Ира, пользуясь его отсутствием, обеспеченным хозяйственной необходимостью, вполголоса обратилась к своей живности:

- Слушайте, одного понять не могу!

- Чего именно? – профессорским тоном спросил Лоренц.

- Зачем Женечка добивался открытия для себя вашей сети, если он может с помощью проходов попадать не только «куда-то», но и к «кому-то»?

- Вполне логичный вопрос... – задумчиво проурчал Зив.

- Абсолютно верно, – согласился Лоренц. – Почему бы тебе не задать его Женечке?

- Потому, что я изначально хочу знать ваше мнение.

- Тогда тебе придется подождать, так как он уже возвращается, – проурчал Зив.

И действительно, из кухни показался Женечка с подносом в руках.

- Ну что, Палладина, как жить собираешься во времена моей повышенной занятости? – спросил он, усаживаясь на диван.

- Буду, не отвлекаясь на глобальные проблемы существования сего мира, контролировать изготовление мебели и работы в поющем доме, а по ходу прочту от начала до конца твою книгу.

- О, как всё серьезно! – съязвил Женечка. – Кофейку-то с тобой хоть можно будет с устатку глотонуть?

- Ну если только с устатку, и если только глотонуть, то, думаю, можно, – с улыбкой ответила Ира.

- И на том спасибо!

- Пожалуйста! Кстати, в данный момент кофе в твоей чашке уже иссяк, и усталость, как я вижу, тебя бетонной плитой не давит.

- Намек понял. Сваливаю!

Женечка поднялся, чмокнул Иру в щеку и послушно ушел. Ира выждала некоторое время и резко оживилась:

- Так почему же Женечка добивался открытия для себя вашей сети? – бойко спросила она Зива и Лоренца.

- Ты уверенна, что хочешь говорить об этом? – спросил Зив.

- Абсолютно!

- Ну что ж... Я спросил лишь из-за того, что ты сама не так давно просила не касаться подобных тем, – Зив выразительно посмотрел на нее.

- Я решила сделать исключение.

- Понятно... – проурчал Зив и взглянул на Лоренца, предлагая начать «лекцию».

- Как ты, Ира, правильно заметила, – томно замурлыкал Лоренц, – во время твоего отсутствия сегодня утром между нами и твоим другом имела место, касающаяся непосредственно тебя дискуссия. Однако, смею тебя заверить, ни мы, ни Женечка не изобретали для тебя смысл жизни. Мы кардинально разошлись во взглядах относительно того, стоит ли посвящать тебя в особенности этого мира, скрытые от большинства существ его населяющих. Если ты заметила, твой друг почти никогда этого не делал. И упорно считает, что мы этим занялись исключительно для того, чтобы заручиться твоим безоговорочным и безграничным доверием – смею тебя заверить, что это не так.

Женечка со своей стороны считает, что овладение определенными известными ему секретами устройства этого мира лишь отвлечет тебя, дав в руки абсолютно ненужную, с его точки зрения, забавную игрушку.

Мы же, напротив, считаем, что более полное знание того, с чем ты имеешь дело, более полная картина этого мира, поможет тебе. Поможет и чисто практическим удобством пользования им – согласишься, хотя бы те же самые проходы создают массу удобств – и возможностью более полно осознать общую картину мира; как минимум, обретением понимания, почему все эти возможности скрываются от подавляющего большинства, держаться, так сказать, под грифом «секретно».

Мы уверены, что подобные знания станут для тебя прекрасным средством для достижения любых твоих целей. Женечка же считает, что их постижение может превратиться для тебя в цель, что с его точки зрения – да и с нашей, признаться, тоже – крайне нежелательно. Мы уверены, – и в этом Женечка с нами, к счастью, согласен – что если тебя не учить всем этим вещам, ты все равно сама рано или поздно их обнаружишь. Однако, в отличие от него, мы еще уверены и в том, что если ты станешь обнаруживать их сама, то тогда они и могут превратиться для тебя из средства в цель. Так происходит со всеми, кто их обнаруживает.

Он сам в свое время попал под очарование скрытых возможностей, на что мы ему прямо указали, можно даже сказать, ткнули носом. Однако твой друг считает, что на само обнаружение уходят десятилетия, а то и столетия, чего у тебя в запасе нет. Именно поэтому он никогда не показывал тебе всего, чего достиг. Не удержался только от демонстрации своих пламенных способностей, и то лишь потому, что именно они во многом способствовали твоему нынешнему благополучному воплощению здесь, и заодно гарантировали ему от тебя повышенное количество внимания. А еще сообщил о своем чрезвычайно длительном для человека сроке жизни тут. Сообщил только потому, что в данном случае это лишь вопрос веры, – практически убедиться в этом ты, естественно, не в состоянии.

Таким образом, он считает, что сама ты на эти возможности не наткнешься и, следовательно, заикливаться на них не будешь. Мы же считаем, что сама ты на них уже в какой-то степени давным-давно наткнулась и вовсе на этом не заикливаешься, а вот если и дальше держать тебя в неведении, то, идя по своему пути, ты все больше и больше будешь обнаруживать недоступное подавляющему большинству, а следовательно, в определенный момент можешь действительно всему этому придать гораздо большее значение, чем оно того стоит.

Ира терпеливо слушала, но, в конце концов, ее терпение иссякло:

- Это все замечательно, Лоренц, но ты никак не ответишь на мой вполне конкретный вопрос: зачем Женечка добивался открытия для себя вашей сети?

- Я не забыл, а рассказываю все это тебе для того, чтобы до конца прояснить его мотивы. Дело в том, что когда стремишься попасть не «куда-то», а к «кому-то», то появляешься непосредственно перед нужным тебе субъектом как бы прямо из воздуха. По известным теперь тебе причинам – а для Женечки, смею тебе заметить, они очень веские – он всеми силами всегда избегал тебя шокировать подобными методами и наталкивать на задавание ненужных, с его точки зрения, вопросов. Он, возможно,

если и пользовался в отношении тебя этой своей способностью, то лишь в самых крайних случаях и так, чтобы ты не смогла этого заметить. Ну а с некоторых пор он этого и вовсе сделать не в состоянии.

Видишь ли, для того, чтобы возникнуть рядом с тобой как бы прямо из воздуха, нужно твое разрешение. Вообще-то, большинство не могут этого ни разрешить, ни запретить, и к ним можно являться в любое время по собственному желанию. Но ты к этому большинству не относишься, а поскольку тебе далеко безразлична твоя уединенность, и до такой степени, что ты готова защищать ее не на жизнь, а на смерть, то такого разрешения у него в принципе нет.

Ну а конкретно сегодня, он, как, впрочем, и всегда, не подумал, что ты можешь задаться этим вопросом. Мы предлагали тебе спросить у него напрямик не разнообразия ради, а для того, чтобы он сам понял, что должен делиться с тобой открытыми им тайнами, и не надеяться, что ты не доберешься до них самостоятельно.

- Ира, – проурчал Зив, – Евгений Вениаминович тебе друг, так как не стоит на твоём пути, однако, он мог бы во многом помочь, но считает, что это лишь помешает тебе. Мы пытались убедить его в обратном, но он не согласился с нами.

- Замечательно! – воскликнула Ира. – В общем-то, я уже и сама догадалась, что моим мнением поинтересоваться никто из вас не считает нужным!

- Ира, не обижайся... – начал Зив, но Ира не дала ему договорить.

- А свое мнение по этому поводу я не раз и недвусмысленно высказывала: Я НЕ ХО-ЧУ ВЛЕЗАТЬ ВО ВСЕ ЭТО!

- Ты права. Мы это слышали, – спокойно ответил Зив.

- По-моему, первомайское приключение самого Женечки как нельзя лучше показало, что все эти возможности и способности яйца выеденного не стоят в определенных и даже вполне заурядных ситуациях.

- Правильно! То, о чем мы здесь говорили лишь нечто вроде технологий, которые никоим образом не позволяют избегать и даже более эффективно действовать в определенных стечениях обстоятельств. Но разве тебе не понравилось пользоваться проходами?

- Согласна. Проходы – это блеск!

- Ну вот! – обрадовался Зив. – Все остальное, что мы имели сейчас в виду, лежит в той же сфере.

- То есть, – взял слово Лоренц, – нынче мы говорим совсем не о том, по поводу чего ты так вскипела. По большому счету Женечка отчасти прав, считая, что ты не разделяешь для себя эти вещи. Ведь действительно до настоящего момента ты и не задумывалась, что причины твоих терзаний и возможности вроде проходов лежат в совершенно разных плоскостях, так?

- В общем-то, да... хотя кое-какие подозрения на этот счет у меня имелись.

- Мы заметили, а вот Женечка – нет. Даже после того, как ты ему прямо сказала: «к тому, что происходит, даже если это выходит за рамки общедоступного восприятия, пусть это поначалу и шокирует,

со временем привыкаешь и начинаешь относиться как к должному. В конце концов, это тоже часть этого мира, пусть и скрытая от большинства. Невозможно принять то, что лежит за пределами этого мира. Не в одном из миров, параллельных этому, а вообще за пределами».

- Хорошая у тебя память, Лоренц, – заметила Ира. – Однако и я на свою не жалею. Женечка очень даже обратил свое внимание на мое высказывание и даже мне особо на него указал.

- Внимание-то он обратил, но значения нужного придать не соизволил, – проорчал Зив. – Будь то иначе, не стоял бы так уверенно на своем, не сетовал бы на нас, что мы тебя к проходам приобщили, а сам бы чему полезному научил. Конечно, тайны из всего этого не разнообразия ради сделались, но не от тебя же их скрывать!

- Причины прошу не излагать, – быстро встала Ира.

Глава 39 Третье приглашение

Майская погода хоть и мало напоминала предлетнюю, но проливными дождями больше не огорчала, а потому работы в поющем доме на всех парах устремились к финишу. Кроме того, Ирино присутствие на мебельной фабрике понадобилось в гораздо большем количестве, чем она предполагала изначально. То, что «главные кони», наконец-то, прониклись к ней, с одной стороны, конечно, здорово, но с другой – они теперь и шага без ее чуткого руководства ступить не смели. В общем, целыми днями Ира буквально разрывалась между цехом и поющим домом, сама до глубины души поражаясь, как это ни у Валентиныча и компании, ни у «главных коней» странность ее появлений не вызывает вопросов. Впрочем, Влад все же озадачился некоторыми непонятками, но виду он никому не показывал – кроме Иры, разумеется. Ира не пыталась рассеять его неясности, но и объяснять ничего не объясняла. Когда он разок, уловив момент, намекнул ей о ее малопонятных появлениях и исчезновениях, она тут же поинтересовалась его успехами в учебе, чем тут же отбила охоту что-либо выяснять.

На Женечкину книгу ни времени, ни сил почти не оставалось, и все же, Ира, как и обещала, честно прочла ее и даже два раза. Естественно, не зря, так как пришлось значительно изменить изначально выбранную концепцию. Не кардинально, правда. К тому же, ей стало немного грустно. Не оттого, что пришлось менять концепцию, а потому что ожидала она гораздо большего. Хотя, может быть, если б ей пришлось вот так вот все сразу прочесть в прошлом году, впечатление и оказалось бы гораздо более ярким, но теперь... Как бы там ни было, а теперь перед ее глазами вырисовалась достаточно четкая картина того, что следует иллюстрировать и как.

В самые последние дни мая Ира, оставив Валентиныча с Галиной Андреевной наводить предпоследний лоск, умотала с Владом в Краснодар за предметами интерьера и экстерьера, не входящими в компе-

тенцию производства предприятия Радного, продукция которого уже где-то железнодорожными путями в контейнере неуклонно приближалась к Сочи. Поездка выдалась приятной и плодотворной. Правда, вместо запланированных Ирой одного-двух дней, стараниями Влада заняла целую неделю, так что вернулись они в Сочи лишь в начале июня. К их приезду Валентиныч с Галиной Андреевной успели даже дня три передохнуть, так что в завершающий этап вступили со значительно обновленными силами. Вот, правда, Влад по приезду оказался несколько выбитым из колеи.

Выехали они из Краснодара ранним утром, почти ночью. Около девяти Влад завез Иру домой и отправился к себе. Однако всего через час он позвонил ей в полном смятении и слезно попросился приехать. Ира не возражала, и Влад примчался с такой скоростью, что у нее возникло подозрение, будто он и сам научился пользоваться проходами, притом вместе с автомобилем. Но когда он ворвался в гостиную, его вид и едва переводимое дыхание больше свидетельствовали о том, что он весь путь преодолел бегом, притом, видимо, взвалив выдавшую виды «Ниву» к себе на плечи.

- Ира...!!! Алина...!!!

- Что случилось, Влад?

- Ира...!!! Алина...!!! Она...!!! У нее...!!!

- Господи! Влад! Да успокойся ты! Если ты о том, что Алиночка твоя беременна, так я и без тебя знаю.

- Что...!!!!???

- Влад! Отдышись! Расслабься! Это совсем не страшно – я тебя уверяю!

Влад порывался еще что-то сказать, но Ира ему не дала – усадила на диван и налила стакан воды. Постепенно дыхание Влада, оставаясь все еще учащенным, перестало сыпать угрозами разорвать легкие в клочья.

- Ну? – спросила Ира, внимательно разглядывая его. – Оклемался?

- Ира, откуда ты узнала, что Алина...

- Влад! – рассмеялась Ира. – Надеюсь, ты не считаешь, что Лешку мне аист принес?

- Но ведь...

- Влад, надеюсь, ты понимаешь, что беременность наступает не в тот момент, когда ее обнаруживает гинеколог?

- Но ведь...

- Признаюсь, что когда видела твою Алиночку перед нашим с тобой отъездом, я не была в этом уверена на сто процентов, но твои истошные вопли подтвердили мои догадки.

- Что теперь делать?

- Как что? Готовиться стать отцом! У тебя на это, по меньшей мере, есть не менее семи месяцев.

- Семи с половиной... у нее срок пять-шесть недель...

- Батюшки! Да ты никак в курсе, что беременность длится девять?! Уже похвально! Как она-то сама к своему новому положению отнеслась?

- Как-как! Вне себя от счастья! – растерянно воскликнул Влад.

- Замечательно!

- Ира! Я не готов к этому!

- Влад! Еще раз повторяю: она ведь не завтра родит! Семь с половиной месяцев достаточный срок, чтобы осознать и подготовиться морально к своей новой роли.

- Я не думал, что так все скоропостижно случится...

- Ну! Скоропостижно! Вы без малого год вместе прожили! В самый раз по всем законам природы! – у Иры запел мобильник. – Привет, Женечка! – ответила она.

- Что там у тебя стряслось, Палладина?

- У меня – ничего. Тут просто Влад выяснил, что его жена ждет ребенка. Вот, в истерике бьется.

- Что? Seriously? – голос Женечки звучал куда более взволнованно, чем в самом начале разговора.

- Серьезней некуда!

- Может, мое присутствие будет нелишним?

- Думаю, что очень даже нелишним! Давай! Ждем!

Как только Ира положила трубку, Зив стремглав бросился вниз по лестнице ведущей в цоколь. Видимо не зря, потому что буквально через мгновение оттуда послышался приглушенный шум. Какого именно рода шум доносился снизу, Ира не особо разобрала, прикладывая все усилия к тому, чтобы на него не обратил внимания Влад, что, впрочем, не было вызвано настоящей необходимостью, а являлось, скорее, предосторожностью «на всякий случай». В общем, Женечка появился в гостиной через парадный вход минут через десять. Маловато, конечно, но Влад находился не в том состоянии, чтобы придавать значение таким мелочам, да и вообще замечать их.

- Здравствуй, здравствуй, будущий папаша! – с легкой иронией и еле уловимым волнением приветствовал его Женечка.

- Здравствуйте, Евгений Вениаминович...

- Да ты, гляжу, не рад вовсе?

- Да не то, чтобы не рад... Просто в голове не укладывается...

- Какой срок?

- Пять-шесть недель, сказали...

- Ну-у-у! Мой дорогой! У тебя еще уйма времени, чтоб все в головушку свою уложить!

- Прошу прощения, – вклинилась Ира. – Я так понимаю, у вас тут сугубо мужской разговор намечается? Не возражаете, если я вас ненадолго покину?

- Как ненадолго? – осведомился Женечка.

- Пока сами не позовете.

- Хорошо, Ир, – Женечка тоном голоса выразил ей свою глубокую признательность.

Ира поднялась к себе, взяла распечатку Женечиной книги и еще раз пробежала по тем моментам, которые собиралась обсудить. Как только она закончила, к ней вошел значительно преобразившийся Влад и возвестил окончание сугубо мужского разговора.

Что именно поведал Женечка Владу, Ира выяснять не пыталась. А зачем? Ее порадовали произошедшие с последним перемены, и этого было вполне достаточно. Влад даже как бы повзрослел за те минут двадцать-тридцать, что Ира отсутствовала. И даже не допил кофе, когда запел мобильник, и голосок из него возвестил о том, что Алиночка уже заждалась его.

- Фу-у-у-ух! – облегченно перевел дух Женечка, как только вдали стих рокот мотора выдавшей виды «Нивы».

- Женечка, я честно дважды перечитала твой труд и, должна тебе заметить, меня постигло некоторое разочарование, – скорее подняла актуальную для себя тему Ира.

- Я рад, – неожиданно бодро возвестил Женечка.

- Рад, что разочаровал меня? – удивилась Ира.

- Конечно, рад! Ведь если б нынче мой труд произвел на тебя неизгладимое впечатление, это бы означало, что все, что с тобой произошло за последние без малого полтора года, всего лишь не стоящий никакого внимания бред. Я, помнится, уже говорил, что нынче тебе уже нет смысла над этим всем трудиться, разве не так?

- Ну почему же нет? Очень даже есть! Только по другому поводу и другим причинам.

- Ах! Ну да-а! – с сарказмом протянул Женечка. – Но это, заметь, сугубо твое решение. Видишь ли, как ты уже знаешь, с ясновидением у меня весьма туго, и я ну никак не предполагал всего, что с тобой произойдет. Сочинил для тебя азбуку, а ты у нас, оказывается, уже аспирантуру почти окончила.

- Жень, ты мне льстишь!

- Ничуть! Я, честно говоря, удивлен, как у тебя хватило терпения перечитать дважды.

- Но я ведь пообещала тебе подготовить материал к печати! К тому же, несмотря на некоторое разочарование, скрупулезное чтение два раза подряд дало мне возможность держать себя в нужном настроении, способствующем продуктивному трудовому процессу.

- Извини, а примерно год назад, когда ты только начинала знакомиться с этим трудом, он создавал тебе такое же настроение?

- Ты ведь и сам знаешь, что нет.

- Конечно, знаю!

- Что, хочешь еще раз ткнуть меня носом в то, насколько я изменилась?

- Вот именно! Только я бы сказал: не изменилась, а преобразилась.

- Прости, не совсем понимаю смысл твоего уточнения.

- Ир, ты ведь сама замечаешь и постоянно мне рассказываешь, что ничуть не изменилась, разве не так? А вот преобразиться – ты преобразилась, без сомнения.

Зив внимательно слушал, внимательно глядя на Иру и Женечку. Лоренц, казалось, слушал вполуха, томно разлегшись в кресле. Однако, по окончании последней Женечкиной фразы, он лениво приподнялся и не менее лениво промурлыкал, глядя на Зива:

- Зив, чего это ты так на них уставился?! Люди опять в словоблудие вдарились. Смею тебя заверить – ничего интересного.

Ира зааплодировала:

- Bravo, Лоренц! Гениально!

Лоренц не поленился встать и манерно раскланялся.

- Жень, – продолжила Ира, когда Лоренц снова улегся, – у меня к тебе есть несколько вопросов.

- По поводу моего, разочаровавшего тебя, труда?

- Да.

- Палладина, не трудись задавать. Я тебе уже не так давно сказал, что его публикация способна лишь слегка потешить мое самолюбие и немного облегчить кошелек Генки. Хотя, вполне возможно, этот злыдень умудрится и тут что-то да заработать.

- Жень, а он все твои публикации финансирует?

- На большинстве – неплохо зарабатывает.

- Теперь мне понятно, чего это ты так заботишься об его регулярных рождениях, – съязвила Ира. – Он, как я понимаю, твой кормилец и поилец?

- Отнюдь!

- Да что ты! А что бы ты без его деловой хватки делал бы?

- Ира, я так много всего умею делать, что, поверь, с голоду не умер бы. Тем более что я умею делать и то, что позволяет не умереть с голоду и от холода в условиях полного отсутствия финансов и крыши над головой. Да, мне нравится жить с комфортом, но я легко обхожусь и без его наличия. Поверь, за две с половиной тысячи лет своего существования здесь, я научился при необходимости обходиться практически без всего, что нужно среднему человеку для полноценной жизни и даже для самого элементарного выживания.

- Ладно, оставим в покое твои сверхъестественные способности и вернемся к книге. Скажи, ты серьезно не хочешь ее опубликовать?

- Я этого не говорил. Если твои намерения продолжают оставаться столь серьезными, я более чем доволен. Единственное, в данном случае я не особо щепетилен к твоему самовыражению, а потому, мне очень хочется и очень интересно, чтобы ты сама решила для себя все возникающие у тебя вопросы. То есть, не трудись их задавать – отвечать все равно не буду.

- А если моя интерпретация идет откровенно вразрез с твоим видением?

- Палладина! Заинтриговала ведь! И все же я наберусь терпения и дождусь твоего сугубо личного варианта.

- Жень, но ведь совсем недавно ты не отказывался от обсуждения и даже настоял, чтоб я, наконец, прочла все от начала до конца?

- А вот теперь, выслушав твое признание в постигшем тебя разочаровании, я абсолютно уверен, что мое вмешательство не возымеет никакой ценности.

Ира, проводив Женечку дальше переводить роман с португальского теперь уже на немецкий, позвонила Валентину, договорившись через часок встретиться на объекте, и тут же отправилась в поющий дом, кото-

рый встретил ее первой фортепианной сонатой Бетховена. Ира несколько раз обошла все этажи. Шаги отдавались гулким эхом пустых помещений. Дом, судя по всему, решил исполнить сегодня все тридцать две сонаты Бетховена, потому что за первой последовала вторая, а за ней – третья.

Где-то примерно в середине скерцо Ира вышла на участок, который теперь представлял собой маленький парк. Она несколько раз прошла по проложенным замкнутым лабиринтом среди деревьев и кустов узеньким дорожкам, рядом с которыми то там, то здесь виднелись разбросанные пока еще пустые помосты для скамеек. На мгновение ей показалось, что среди невысокой газонной травки промелькнули, извиваясь, отблески глянцево-черной гадюки. Ира присмотрелась – нет, видимо, только показалось. Она вернулась в дом, исполняющий уже финал девятой сонаты. Ира вспомнила Радного.

- А можно еще раз Патетическую? – несмело спросила она вслух.

Финал девятой сонаты послушно растворился в небытие, и зазвучала первая часть восьмой. Ира села на пол, прислонившись спиной к стене, и погрузилась в океан звуков.

- Ирочка! Извини, пожалуйста, такие пробки – еле доехал! – ворвался в тишину после финального аккорда голос Валентиныча.

- Ничего страшного, – сказала Ира, поднимаясь с пола. – Я немного расслабилась.

- Как съездили?

- А что, Влад еще не доложил?

- Как не доложил?! Доложил, конечно! Говорит, что хорошо. Сама-то как считаешь?

- Полностью солидарна с Владом.

- Ну что, на завтра электрика?

- Да. И еще пару мальчишек – поставить скамейки в саду.

- Не понял, вы что, и скамейки из Краснодара притащили?

- Валентиныч! Да у тебя, никак, склероз! Мы же их здесь еще до отъезда заказали. Мне ребята позвонили, когда я в Краснодаре была, сказали, что уже готовы.

- А-а-а... Прости, запаматовал...

- И немудрено! – рассмеялась Ира. – Такие новости!

- Какие новости? – смутился в непонимании Валентиныч.

- Валентиныч! Неужто не в курсе?

- Не-ет... А что случилось? – он слегка разволновался.

- Неужели Влад ничего не сказал?

- По поводу? – Валентиныч еще больше разволновался.

- Понятно. Ничего не сказал. Ну, тогда не выдавай меня ему, что я тебе, может, раньше времени сболтнула.

- Да что случилось-то?

- Что, что! Зимой дедом станешь!

- Да ты что! Правда что ли?

- Правда. Алиночка беременна.

- Вот это действительно новость! А Галка-то знает?

- Ну раз ты не в курсе, думаю, что с матерью он тоже еще не отваживается поделиться.

- Наверное... Она бы мне сразу сказала...

Валентиныч густо покраснел, но Ира, впрочем, уже давно догадывалась, что они с Галиной Андреевной чуть ли не с самого начала ее включения здесь в работу усиленными темпами наверстывают недолюбленное в ранней юности.

- Ох, партизан! – едва справившись со смущением, радостно воскликнул Валентиныч.

- Да какой он партизан! Щенятина неразумная! Перепугался до полусмерти!

- Когда известно-то стало?

- Сегодня, как вернулись. Влад меня домой завез и к себе поехал, и чуть ли ни тут же звонит в истерику. Алина, видимо, в институт пошла, а он ко мне деру дал. Еле успокоила.

- Чего ж это он так, дурачок?

- Ой, Валентиныч! Надо думать, ты по-другому реагировал!

Валентиныч нахмурился:

- У нас с Галкой ситуация иная была...

Ира поняла, что задела за больное, и поспешила вернуть Валентиныча в русло производственных тем. Они вместе прошлись по дому и вокруг него. Ира указала на кое-какие погрешности. Валентиныч грозно обзвонил своих ребят, объявив на завтра рабочий день.

- Ну что, – сказала Ира, когда Валентиныч закончил устраивать телефонные разносы, – думаю, через пару недель можно хозяина звать?

- А мебели когда привезут?

- В понедельник должны, я ж тебе еще перед отъездом говорила.

- Прости Ирочка, запямятовал.

- Валентиныч! Что с твоей памятью? Там у твоего внука или внучки единовозрастного дяди или тети не намечается часом?

Валентиныч густо покраснел.

- Куда уж нам! – пробурчал он, чуть ухмыльнувшись. – Чай не юнцы двадцатилетние.

- - -

Все последующие одиннадцать дней пролетели, с точки зрения Иры, не столько в работе, сколько в несусветной суете. О Женечкиной книге она снова напрочь забыла, так как с утра до ночи проводила в поющем доме и окружающем его мини-парке, где ей постоянно на периферии зрения то там, то сям чудились отблески глянцево-черной гадюки. Ира старалась о ней не думать, но та, почему-то, заползя в ее сознание в день возвращения из Краснодара, никак не хотела оттуда выползать.

Дом, судя по избранному им репертуару, с одной стороны, понимал, что все эти перемещения с громоздкими предметами в его чреве, вещь крайне необходимая, но с другой – такая доселе небывалая суета не способствовала его умиротворению. Избранные утром мечтательно-созерцательные мелодии в середине дня превращались в авангардно звучащие импровизации, а к вечеру и вовсе переходили в отчаянный визг гитар и грохот ударных.

В последнем рывке напрочь исчезли ставшие традиционными в последние три месяца субботне-воскресные выходные, и к исходу десятого дня, в общем, все было готово. На одиннадцатый Ира, несмотря на то, что все последнее время сама, по сути, почти постоянно контролировала процесс, тем не менее, назначила приемку. Единственное, что радовало Валентиныча, Галину Андреевну и совсем необязательного, но пожелавшего присутствовать Влада, так это то, что время сбора она определила на «когда все как следует выспятся». Сама Ира полифонией Баха, звучащей по обоюдному согласию ее и дома, наслаждалась примерно с десяти утра. К одиннадцати подъехал Влад.

- Что это? – прислушавшись, спросил он.

- Одна из двухголосных инвенций Баха. Если не ошибаюсь – фамажорная, – ответила Ира, поднимаясь с дивана. – Пойдем в сад.

- Пошли, – согласился Влад.

Как только они ступили на тропинку, позвонил Валентиныч:

- Ирочка, не разбудил?

- Нет. Я уже на объекте.

- Ох ты! А мы, – Валентиныч запнулся, – только глаза продрали.

- Ничего страшного. Пробок нет, так что быстро доберетесь.

- А партизан уже там?

- Да.

- Так ведь и молчит – нам с матерью ни звука.

- Сейчас разберемся, – усмехнулась Ира и, попрощавшись, отключила мобильник. – Валентиныч звонил, – сообщила она Владу.

- Едет уже?

- Да. Ты мне вот что скажи: почему до сих пор не оповестил отца с матерью, что им пора готовиться к роли бабушки и дедушки?

- Не могу... Не знаю, как сказать...

- Ты уж прости меня, но я уже сделала это вместо тебя.

- Правда? – обрадовался Влад.

- Я сказала Валентинычу, а вот в том, что он сообщил маме твоей – не совсем уверена. По крайней мере, мне он не отчитывался, а судя по ней – она еще не в курсе, по крайней мере, ведет себя так.

- Да... он мог и не сказать... – задумчиво пробормотал Влад.

- Если не сказал, то он абсолютно прав. Эту новость должен сообщить ей ты.

- Да... ты, наверное, права...

- Может, прям сегодня?

- Я попробую...

Вскоре подъехали Валентиныч с Галиной Андреевной. На скрупулезную проверку всего и вся ушло три часа, по прошествии которых все, кроме Иры, обливались потом.

- Ну что ж, – заключила Ира, – строительно-озеленительные работы можно считать завершенными и победу почти окончательной.

- Ирочка! Почему почти? – взмолился Валентиныч.

- Потому что для того, чтобы сделать дом полностью готовым к проживанию, осталось довести его до блеска. Влад, съездишь за Татьяной Николаевной?

- А что, мы сами не справимся? – спросила Галина Андреевна.
 - Может, и справимся, но Татьяна Николаевна настоящий ас по этой части. Так что, Влад, съездишь?

- Да, конечно, – отрапортовал Влад и направился было к машине.

- Э нет! Сначала ты кое-что должен сообщить своим родителям.

- Ир, может, не сейчас?

- Нет, Влад. Именно сейчас.

- А что случилось? – насторожилась Галина Андреевна.

- Влад, что случилось? – с улыбкой повторила вопрос Ира.

Валентиныч тоже украдкой улыбался, но, кроме Иры, этого никто не заметил. Влад тяжело перевел дух, потупил глаза и с дико колотящимся сердцем – дико колотящимся так, что все это слышали – сказал:

- Мам, пап, у нас с Алиной будет ребенок.

Галина Андреевна зарыдала от счастья и повисла у сына на шее. Валентиныч одобрительно похлопывал его по спине и тоже глотал слезу радости. Ира отошла чуть в сторону, чтобы не мешать семейной сцене. Пользуясь моментом, она позвонила Татьяне Николаевне.

Когда захлестнувшая Влада, Галину Андреевну и Валентиныча эмоциональная волна отступила, Ира вновь подошла к ним.

- Всё, Влад, поезжай. Татьяна Николаевна ждет тебя.

Влад бегом помчался к машине, и, когда он отъехал, Ира обратилась к Валентинычу:

- Валентиныч, давайте сгоняем все вместе в магазин! Думаю, поводов накрыть стол предостаточно.

Ирина предложение встретили с энтузиазмом, и к приезду Влада с Татьяной Николаевной в беседке царил дух праздника. Впрочем, торжество продлилось ровно столько, сколько понадобилось, чтобы утолить чувство голода, а затем снова закипела работа. Процессом руководила Татьяна Николаевна, а все остальные только помогали ей, в основном лишь тем, что избавляли дом и окружающую территорию от более ненужных, создающих мусор предметов. Закончили уже затемно. Ира, пользуясь подходящим временем суток, проверила еще раз все внутреннее и наружное освещение, и в реализации проекта «приморская дачка для Радного» официально и торжественно поставила точку.

Точку Ира поставила для всех, но не для себя. На следующий день ранним утром она снова отправилась в поющий дом. Еще раз все обошла, еще раз заглянула во все закоулки, и только еще раз убедившись, что теперь-то точно все безупречно, достала мобильник и набрала Радного.

- Здравствуйте, Ира, – приветствовал он ее.

- Здравствуйте, Стас. Рада Вам сообщить, что Ваш сочинский дом целиком и полностью готов для проживания.

- Спасибо. Вы давно догадались, что я в нем действительно собираюсь именно жить?

- Не знаю... мне кажется, что только сейчас, хотя, может быть, и давно. Ира почувствовала, как Стас улыбнулся.

- Ира, Вы хотите, чтобы я осмотрел дом вместе с Вами?

- Мне кажется, у Вас есть желание сделать это в полном одиночестве.

- В точку!

- Я оставлю все ключи на подоконнике в гостиной.

- Хорошо.

Как всегда, не прощаясь, Радный «положил трубку». Ира заперла изнутри все двери, положила ключи на подоконник в гостиной и спустилась в цоколь к проходу. Она намеривалась отправиться к себе, но в самый последний момент решила еще раз выйти в сад. У порога ее ждала черная гадюка, которая, даже не взглянув на Иру, лишь только та вышла, развернула свои кольца и заскользила среди травки вдоль дорожки к могучей, преображенной усилиями Галины Андреевны хурме. Гадюка на несколько мгновений задержалась там, где Ира и ожидала, а потом, как Ира и ожидала, отползла в сторону, и... Ира подняла с земли точно такой же, как и первые два, скол коричневатого-зеленоватого камня. Она прижала его к груди и задумчиво побрела домой.

- - -

В гостиной слышался голос что-то напевающей Татьяны Николаевны. Ира аккуратно положила камень под лестницей и, дождавшись, когда голос немного стих, удалившись на кухню, поднялась.

- Доброе утро, Татьяна Николаевна!

- Доброе утро, Ирочка!

- Позавтракаете со мной?

- Нет, Ирочка, пойду огородиком своим позанимаюсь.

Татьяна Николаевна накрыла стол в гостиной и, попрощавшись, ушла. Ира внесла в сервировку стола некоторые коррективы с учетом Зива и Лоренца.

- Подождите минутку, – сказала она им и спустилась в цоколь. – Вот, – Ира положила на стол камень.

- Это, как ты понимаешь, третье приглашение, – констатировал факт Зив.

- Что мне теперь делать? – спросила Ира.

- Ничего, – промурлыкал Лоренц. – Просто ждать, когда за тобой придет проводник.

- Какой проводник, и как и когда это произойдет?

- Этого никто не знает, – ответил Зив. – Но когда это случится, тебе не понадобятся никакие объяснения.

- Расслабься и просто жди, – промурлыкал Лоренц.

- Понятно, – сказала Ира, понимая лишь то, что она ничего не понимает, но дальнейшие расспросы, судя по уже полученным ответам, ясны все равно бы не добавили, и она не стала тратить на них силы и испытывать терпение своих консультантов.

Весь день Ира бесцельно слонялась по дому, даже не вдаваясь в причины своей неспособности заняться чем-либо полезным. Около девяти вечера позвонил Радный и сказал одну лишь фразу:

- Спасибо, Ира. Я – дома.

Ира ощутила, что ее трудам дана самая наивысшая оценка. Оцененное тут же покинуло ее, и она, несмотря на то, что время суток предполагало отход ко сну, взяла распечатку Женечкиной книги и уселась работать.

Глава 40

Заповедная территория

Пролетевшая неделя не оставила в сознании никаких следов. Даже то, что она действительно пролетела, Ира констатировала, лишь когда как-то вечером, доставая сигарету из пачки, задела мышку и та оказалась на циферках, показывающих время, за счет чего выскочила иконка с указанием даты. Ира совершенно непостижимо для себя как, запомнила цифровое выражение дня, в который сообщила Радному о готовности поющего дома к проживанию, а потому вычислить, сколько минуло суток с того времени, оказалось несложно. Впрочем, это открытие было абсолютно прозаичным, однако, возвращение в реальность ознаменовалось и по-настоящему радостным фактом: Женечкина книга оказалась целиком и полностью готовой к печати. Ира не стала выяснять, как ей это удалось – в конце концов, подобное хоть и не являлось для нее всеобъемлющим правилом, но и к разряду исключений тоже не относилось. Она просто поставила на печать, предварительно сунув в принтер увесистую пачку бумаги, и спустилась в гостиную. Зив и Лоренц, с комфортом устроившись на диване, смотрели телевизор и не удостоили ее появление хотя бы намеком на внимание.

- Я вижу, мне нынче не рады? – заявила о своем существовании Ира.

- Мы!!! Не рады!!!! – громогласно прогавкал Зив и опрометью кинулся к ней демонстрировать свою радость.

Лоренц был счастлив не меньше, однако его более скромные габариты не позволили произвести столь же в самом прямом смысле сногшибательный эффект, как излияния Зива.

- Фу-у-ух! – перевела дух Ира, когда живность позволила ей, наконец, подняться. – Может, объясните, что здесь происходит? То внимания не обращаете! То со свету сжить готовы от радости!

- А чего на тебя внимание обращать, если всю последнюю неделю ты на него реагируешь как пол на тряпку! – промурлыкал Лоренц.

- Seriously?

- Seriously! Даже Татьяну Николаевну твое присутствующее отсутствие смущать перестало, – подхватил Зив.

- Между прочим, если бы не Женечка, мы бы тут от недостатка кофеина бы вымерли, – язвительно посетовал Лоренц.

- Он что, приходил? – в голосе Иры засквозило недовольное удивление.

- Ха! Приходил! Да его, пока ты, с позволения сказать, в трансе витала, сюда и силой затащить никто бы не смог! Мы к нему навевывались.

- Как он там?

- Трудится. Правда, в отличие от тебя, вменяемости не теряет.

- Про меня спрашивал?

- Нет. Ему Зив из милосердия сам все докладывал.

- Ясно...

Ира достала мобильник. Как и следовало ожидать, он напрочь сдох. Ира принесла зарядку, и как только живительное электричество заструилось по проводу, а кнопочка с красненькой трубочкой заставила чудо техники проснуться – тут же полетели SMS-ки из цикла «вам звонили». Ира не стала с ними разбираться и просто набрала Женечку:

- Не отрываю?

- Безусловно, отрываешь, Палладина! Только вот собрался себе кофейку сварить! – Женечкин голос переливался всеми оттенками счастья от радости слышать Иру.

- Хорошая идея! Кстати, вполне осуществимая в моей обители.

- Намек понял! – легко и весело рассмеялся Женечка.

- Флэшку захвати! – добавила Ира, пока он не отключился.

- Правда? – удивленно обрадовался Женечка.

- Правда-правда! Взаправдашней некуда!

- Ну тогда, Палладина, ты достойна не только кофе моего сотворения.

- А чего еще?

- Узна...

Голос в телефоне резко смолк, из чего Ира заключила, что Женечка миновал проход. И действительно, почти тут же он показался на лестнице, неся турку в одной руке, тарелку с экзотической всякой-всячиной в другой и плечом зажимая едва не выскальзывающий крохотный мобильник под ухом.

- Вырубается, сволочь! – пояснил Женечка, поставив содержимое рук на стол и положив рядом мобильник.

- Я заметила, когда за Генкой ходила. Только тогда думала, что это из-за перехода в зону роуминга случается, а сейчас поняла, что не только.

- Вот именно! И ведь претензий никаких изготовителям и операторам не предъявишь и предложений не внесешь!

- А почему это происходит?

- А черт его знает! Физики, как ты понимаешь, подобные прецеденты по понятным причинам не изучают, а сам я, как тебе известно, с точными науками хоть малость и знаком, но отнюдь не настолько, чтобы проводить собственные практические изыскания. Мобильник глохнет, даже если пересекаешь проход, как обычное пространство. Притом абсолютно у всех – сам не раз замечал. Особенно забавно наблюдать там, где щель никак не связана с дверью. Вообще-то, эти узенькие полосы нормальные люди инстинктивно огибают, но есть и такие которые прут напролом. Притом появляются они прямо-таки с пугающей периодичностью, и, если в сей момент болтают по мобильнику, тут же бац: «Алло! Алло! Перезвоните! Ничего не слышно!». И на телефон таращатся, а сеть-то полная! За день не менее десятка бедолаг набирается.

- А с самим человеком, что происходит, если он ненароком вот так вот сквозь щель проходит?

- Ир, ты ж знаешь, что я не ясновидящий, так что понятия не имею.

- Совсем? – скептически спросила Ира.

- Ну-у-у... Прикола ради подстраивал так, чтоб Генка напоролся. Говорит, что мысль теряется, бывает, на миг мерещится что-то.

- Если страж недосмотрит, бывает, что и перемещаются куда-нибудь случайно, но, как правило, такого индивида тут же возвращают в исходную точку, и он потом может рассказывать об этом направо и налево как о внезапной галлюцинации, мираже. Правда, гораздо чаще даже не замечает, – дополнил Зив.

- Это все здорово, но чем порадуешь, Палладина?

- Давай флэшку!

- Держи!

Ира поднялась к себе. Принтер как раз допечатывал последние страницы. Ира подождала секунду, потом скинула Женечке PDF файл, затем привела в аккуратный вид стопку еще горячей бумаги и вернулась.

- На! Это – для корректуры, а это тебе – дома полюбоваться.

Как-либо отреагировать Женечке не позволил запевший Ирин мобильник.

- Мама! Фух! Ты где! Ты как!

- Привет, Лешка! Все в порядке.

- Опять из жизни выпала?

- Да... Есть немного...

- Не знал бы твои привычки – с ума бы сошел! Аська заблокирована! Мобильник – вне зоны! Что, опять в каком-то гениальном проекте растворилась?

- Насчет гениальности не знаю, но что растворилась – это точно. Когда приедешь?

- Последний экзамен у меня двадцать пятого июня, но у нас потом интересный семинар намечается на недельку-другую. Надеюсь, ты не против, если я чуть задержусь.

- Конечно не против – это ведь, как я понимаю, важно для тебя.

- Очень важно, – с особой значительностью сказал Лешка. – Как там Влад? – спросил он уже другим тоном.

- А вы что, сами не контактите?

- Контактим! Говорит, что вы там дом достроили, а зимой у них с Алиной ребенок родится.

- Ну вот! Ты в курсе всех событий.

- В курсе-то я в курсе, но как он вообще? В смысле, как настроение?

- По-моему, нормальное. Я его, знаешь ли, не видела все то время, что вне зоны доступа находилась.

- А-а-а... понятно... А он мне, все нормально, мол, занята она просто, а сам, гад, даже не знал, что с тобой и как ты...

- Ну, если так говорил, значит, знал.

- Откуда, интересно?

- Он, если помнишь, с Евгением Вениаминовичем в хороших отношениях, так что информацию имел, можно сказать, из первых рук.

- Ну тогда ладно. Прощаю.

- Давай и сам прощайся, а то наговорил, небось, на стоимость небоскреба средних размеров – в аське пообщаемся.

- Ладно. Как скажешь. Пока!
- Пока! – Ира отключила мобильник, но из рук выпускать не стала. – Так, надо ж и с другими звонками разобраться, – сказала она сама себе.
- Что, опять ворох SMS-ок «вам звонили»?
- Как ты догадался?
- Да уж куда проще, зная тебя! – Женечка силой забрал у Иры телефон и просмотрел все послания. – Можешь не напрягаться. Все несметное количество невероятно однообразно – кроме Лешки, тебя никто не домогался.
- Здорово! Терпеть не могу всех обзванивать, объяснять, где это я пропала, и выяснять на кой понадобилась.
- Можно подумать, что большую часть этой работы не выполнял я! – шуточно возмутился Женечка. – Чем дальше заниматься собираешься?
- В смысле? – Ира вздрогнула.
- Ты чего это пугаешься? Я всего лишь о том, что с дачей Радного ты разделалась, с моей книгой – тоже.
- Ну с твоей книгой еще не совсем. Вычитаешь – правки вносить буду.
- А! Ну это уже мелочи жизни.
- Так вся жизнь из мелочей и состоит.
- Это верно. Но чем все-таки дальше заниматься собираешься?
- В ближайшие дни – просто по горам бродить. Если честно, то я порядком устала. Ну а дальше... Стараниями Генки и Радного в ближайшее время у меня нет необходимости бороться за обретение хлеба насущного. А если учесть мои весьма скромные потребности, то, судя по состоянию банковского счета, это ближайшее время вполне может составить несколько лет. Так что, скорее всего, если не поступит интересных предложений, займусь живописью.
- Отрадно слышать! Кстати, надо и Генке сие озвучить, а то он, вполне возможно, уже всю твоим трудоустройством озабочился.
- Женечка взялся за мобильник.
- Э-э! Подожди! Может, действительно что-нибудь интересенькое надыбает!
- Не понял? Ты ж сама, вроде, сейчас сказала, что страдания от нехватки финансов тебе в ближайшие несколько лет не грозят!
- От нехватки финансов – не грозят. Но если у Генки будут предложения типа мебельного – очень даже не откажусь.
- Знаешь, вот пройдет годик-другой – и не отказывайся на здоровье, а сейчас для тебя спокойно постоять с кистью у мольберта – самое то. Поверь мне.
- Верю, Жень. Только давай не будем становиться на пути обстоятельств. Они, порою, гораздо мудрее и дальновиднее нас.
- Палладина! Эко ты заговорила! Прямо аж мурашки по коже пробежали!
- Пупырышны?
- Пупырышны!
- Жень, если Генка что и надыбает, ведь всегда можно отказаться. А вдруг это будет нечто действительно суперэкстравагантное?

- Ладно. Тебе виднее, – Женечка вернул мобильник на стол.
 - Между прочим, ты говорил, что за окончание работы над твоим трудом я достойна не только кофе твоего сотворения. Где обещанное?
 - Вот! – Женечка указал на тарелку с сухофруктово-ореховой экзотической всякой-всячиной.
 - И это всё? – притворно возмутилась Ира.
 - Да. Всё это – тебе! – съязвил Женечка и ехидно посмотрел на Иру.
 - Ну, а если ты рассчитывала на большее, то это большее я предоставлю в твоей спальне, – Женечка расплылся в сладкой улыбке.
 - Пошляк!
 - Ира! Неужели я более не интересую тебя как мужчина? – веселился Женечка.
 - Да как тебе сказать...
 - Скажи как есть. Я все перенесу, – изрек Женечка тоном мужественного героя древнегреческой трагедии.
 - И меня в том числе?
 - Как скажешь!
- Женечка подхватил ее на руки и направился на второй этаж.

- - -

Рано утром Женечка побрел к себе работать. Ира после его ухода немного бесцельно послонялась по дому. Потом пришла Татьяна Николаевна с яблочным пирогом, и они посидели вдвоем с часок за чаем. Из-за внезапно отпавшей необходимости трудиться, трудиться и трудиться, Ира чувствовала себя не особо уютно, а по большому счету и вовсе не в своей тарелке.

- Так и будешь теперь понапрасну время убивать? – брюзжа промурлыкал Лоренц, едва Ира осталась единственным человеком в доме.
- Есть предложения?
- Сама ж вчера сказала, что не прочь по горам помотаться.
- Пожалуй, это действительно единственное разумное действие, которое можно сейчас предпринять.
- Так давай и предпримем! – подбодрил ее Зив.

Ира, более не раздумывая, быстренько собралась, и они отправились на Ажек, где под грохот водопада провели весь день. Вечером, вволю надышавшаяся свежим воздухом и набродившаяся до боли в ногах, Ира с особым кайфом упала на собственный диван. Порывшись в дисках, извлекла «Интервью с вампиром», однако Лестат, едва появившись в кадре, так ярко напомнил Женечку, что смотреть дальше желание отпало. Не то чтобы она имела что-то против Женечки, просто сейчас ей захотелось полностью абстрагироваться от всего. Ира порылась еще и достала «Властелина колец», однако здесь Женечку, правда, в других проявлениях его натуры, ей напомнил Элронд и отчасти Арагорн, так что и этот диск вскоре после начала просмотра вернулся в свой футляр. В конце концов, она остановила свой выбор на «Кин-дза-дза». Зив и Лоренц пристроились на диване рядом.

На следующий день хлынул тропический ливень, и Ира, с вечера поймав зрительский запал, просмотрела в неизменной компании Зива и Лоренца все три части «Матрицы». Тут, правда, с Женечкой ассоциировался

Мировингин, но поскольку в кадре он появлялся нечасто и находился недолго, Ира вытерпела. Тропический ливень решил не ограничиваться одними сутками и на третий день своего блаженного ничегонеделания Ира, плюнув на все ассоциации, отдалась все же «Властелину колец». Между «Двумя крепостями» и «Возвращением короля» позвонил Радный.

- Ира, в субботу вечером я собираюсь устроить нечто вроде официального новоселья и мне бы хотелось видеть у себя Вас и молодого человека, который помогал Вам в качестве менеджера. Он, естественно, может прийти вместе с супругой, дабы не провоцировать семейные конфликты.

- Спасибо за приглашение.

- Так Вы его принимаете?

- Да, конечно.

- Тогда – до субботы. Жду Вас часам к шести в поющем доме.

- Хорошо.

«Хорошо», Ира, судя по всему, сказала уже только своему мобильнику. Она тут же набрала Влада и сообщила ему о приглашении Радного.

- Алиночка будет вне себя от счастья, – без энтузиазма заключил он.

- А ты сам, что – не рад?

- Да нет, рад, конечно. Чай, не просто так приглашает, а то я нынче вроде как безработный.

- И то верно. Кстати, как там твоя сессия? Насколько я понимаю, учиться дистанционно – это не значит, ничего не делать.

- Ира. Не переживай. Я все сдал. И уже делаю задания следующего семестра.

- Честно?

- Честно. Когда я тебе врал?

- Напомнить?

- Что именно?

- Для начала школьные годы.

- Ир, не надо. Я честно все сдал. Можешь у Лешки спросить. Он мне задания проверял.

- Ладно. Хорошо. Верю. Так что – до субботы?

- Я, вообще-то, могу к тебе до субботы в гости заехать.

- Приму к сведению, но пока мне до ужаса хочется побыть одной.

Ира попрощалась с Владом и снова устроилась на диване перед экраном.

К вечеру ливень стих, ветер разметал облака, и, когда стемнело, все небо покрывали звезды. Наутро красоту природы, щедро заливаемую лучами умытого солнца, омрачала лишь насквозь промокшая земля. Ира решила оторваться от телевизора, но месить грязь вовсе не хотелось, и она позвонила Женечке.

- Сильно занят? – спросила Ира.

- Занят, а что?

- Да хотела тебя на море позвать.

- Хорошая идея!

- Так что? Оторвешься?

- Только ради тебя, Палладина!

Через несколько минут Ира вместе с Зивом и Лоренцем сидела в Женечкиной гостиной.

- Знаешь что, Ирка?

- Пока не знаю, но если скажешь, буду в курсе.

- Коль отрываться так по полной. Не возражаешь, если вместо Риверы мы отправимся на какой-нибудь девственный пляж?

- Конечно, не возражаю! Только, по-моему, после таких дождей...

- Ты что, Палладина? Каких дождей?

- Как каких? Два дня лило как из ведра!

- Так то ж, видимо, у тебя в горах, а на побережье тишь да гладь.

- Ну, если так...

- Ребят, а вы с нами?

- С удовольствием бы, – ответил Зив. – Да только неохота созерцать недовольные... – он запнулся, – лица ваших соплеменников.

- Он хотел сказать рожи, – пояснил Лоренц незначительную заминку Зива.

- Пляжик действительно в полном запустении, так что ваше присутствие никого напрягать не будет.

- Ну раз так – мы всецело за, – выразил Лоренц общее согласие.

На пляж вышли прямо из Женечкиной прихожей, и Ира впервые ощутила, что значит появляться как бы из воздуха. Сначала почувствовала, насколько бы странно выглядело их появление, если б было кому на них глядеть, а потом увидела своими глазами всю эту странность, когда уже стояла на мелкой гальке и через проход выходили Зив с Лоренцем.

- Впечатляет? – спросил Женечка, заметив ее изумленный вид.

- Наверное, не в полной мере. Я хоть понимаю, что происходит, и щель могу видеть, а у простого человека, наверное, точно бы крыша поехала. Женечка усмехнулся:

- Знал бы простой человек, сколько раз за свою жизнь он становится свидетелем подобного, так точно бы крыша поехала. Ир, не поверишь! Они действительно на это внимания не обращают. А если все же как-то фиксируют, так тут же объясняют усталостью, перегревом или еще какой-нибудь хренью в том же духе. Им проще даже приписать себе массовое помешательство, чем признать, что мир обладает куда большими возможностями, нежели те, к которым они приучены.

- Знаешь, в этом есть определенный смысл, ведь, насколько я понимаю, пользоваться-то этими возможностями даже потенциально могут далеко не все. Вон Генка! Он прекрасно обо всем этом знает, однако ведь не получается.

- В общем-то, верно. А называется это: тотальная идея тотального равенства. Как только она начала внедряться в умы, так и появились табу на то, что не может быть доступным всем без исключения. Маленькому, ничем не примечательному человечку очень приятно осознавать, что и он, хоть чисто теоретически, может стать, к примеру, президентом. А то, что этого не происходит, легко объясняется причинами ничуть не понижающими посредственное существо, потому что существо на высоком посту такое же посредственное. Да, более

трудолюбивое и целеустремленное, может, даже более талантливое в узаконенных, присущих в той или иной степени всем способностях, но по сути такое же, то есть, наделенное тем же самым набором возможностей, хотя и в другой степени.

- И давно так стало?

- Очень давно. Неимоверно давно. Видишь ли, человек, владеющий более широким спектром возможностей, никогда не стремится к власти в общечеловеческом понимании. То есть, не стремится повелевать другими, ведь он без всякого подчинения себе может управлять людьми, да и это, по сути, совершенно ненужная вещь. И за свои права бороться, у него нет надобности. Их никто не в состоянии нарушить, даже ему подобный. Гораздо приятнее просто жить, как хочется, и не ввязываться в мышиную возню обделенных.

- Эй! Не в меру наделенные! Вы сюда словоблудием заниматься пришли, что ли? – недовольно промявдал Лоренц.

- И то верно! – весело усмехнулся Женечка. – Раздевайся, Палладина! Купаться пошли!

Ира было хотела воспротивиться, – Женечкины рассуждения заинтересовали ее – но в какой-то момент она где-то глубоко внутри ощутила, что прекрасно знает, о чем речь, и после секундного колебания тоже усмехнулась и быстро избавилась от лишней одежды.

- Ирка! Ты от кого это купальником прикрылась? От меня или от Зива с Лоренцем? Здесь никого больше нет и не будет.

- Ты уверен? Лето в самом разгаре!

- Ир, абсолютно уверен.

- Ира, он знает, что говорит, – подтвердил на всякий случай Зив.

Ира огляделась по сторонам. Непосредственно к пляжу спускалась покрытая лесом гора, справа и слева обрываясь скалами прямо в море так, что сама пляжная полоса напоминала нечто вроде подковы.

- Где это мы? – с легким волнением спросила Ира.

- А тебе не без разницы? – усмехнулся Женечка.

- Это, вообще, – Сочи?

- Ир, если честно, я сам не знаю.

Ира продолжала стоять, ошалело оглядываясь.

- Слушай, – усмехнулся Женечка, – может, за картой сгонять, чтоб у тебя от души отлегло?

Ира продолжала озираться по сторонам.

- Ирка! Когда по супермаркетам всего мира шлялись, тебя так не накрывало! Что случилось-то?

Ира самой себе не могла объяснить, что случилось. Ладно бы еще год назад Женечка сыграл бы с ней такую шутку – понятно от чего в ступор впадать. Но сейчас, когда идея проходов стала для нее почти что сама собой разумеющейся! Действительно, ну какая разница, в какой именно точке Земного шара она сейчас находится!

- Ира, понятия не имею, где именно мы сейчас находимся, но, смею тебя заверить, акул здесь нет, так что давай, скидывай свой купальник и айда в море.

Ира взяла себя в руки и послушалась. Плывая по идеально гладкой поверхности воды, она украдкой попробовала ее на вкус – вроде ничем не отличается от черноморской. Затем Ира нырнула – картина под водой тоже оказалась довольно знакомой. Невдалеке над дном возвышался валун, поросший водорослями и мидиями. Ира подплыла к нему и оторвала несколько штук – мидии как мидии, только несколько крупнее, чем на знакомых ей пляжах. Впрочем, это и неудивительно, если место такое безлюдное – обрывать-то некому.

- Чего ты там нашла? – спросил Женечка, подплывая.

- Мидии, – ответила ему Ира, раскрывая ладонь.

- Класс! Надерем?

- А то как же!

- Сейчас, тару какую-нибудь найду.

Женечка уплыл к берегу и вернулся с собственной майкой посредством завязанного на ней узла превращенной в достаточно вместительный мешок.

Процесс добычи морепродуктов заслонил для Иры непонятки с географическим положением. Зив и Лоренц плескались рядом, тоже умудряясь отрывать крепко вцепившиеся в камень раковины. Правда, с более-менее впечатляющим успехом, получалось только у Зива. Зато Лоренц, плавая под водой наподобие выдры, нашел еще несколько валунов, облепленных деликатесными моллюсками. В конечном итоге, Женечкина майка, превращенная в мешок, стала обнадеживающе тянуть своего хозяина ко дну, спровоцировав возвращение всей компании на берег.

- Тотальное отсутствие здесь людей порождает некоторое неудобство, – констатировала Ира.

- С чего это вдруг тебе стало не доставать прелестей городского пляжа? – недоуменно спросил Женечка.

- Ну знаешь, по городскому пляжу я отнюдь не скучаю, а вот на обычном диком, как правило, всегда находится что-нибудь, что может функционировать в качестве металлического противня для жарки мидий.

- Ира! Ты меня идиотом считаешь или сама идиоткой прикидываешься? А, может, не прикидываешься? – Женечка с ехидной надеждой смотрел на нее.

- Видимо, не прикидываюсь... – медленно проговорила Ира, вдруг осознав, какую спорула чушь.

- Батюшки! Прозрение снизошло! Давай, грейся, а я сейчас принесу все, что нужно.

Ира блаженно растянулась на горячих камнях, но, вдруг вспомнив, что сейчас должно произойти, быстро повернулась и успела увидеть, как пейзаж словно втянул в себя Женечку. Ира не отрывала глаз. Она специально сфокусировала их так, чтобы не видеть щель – нечто вроде складки, отдаленно напоминающей соединение страниц в журнале с изображенной на них одной большой иллюстрацией.

Все ожидаемое происходит неожиданно, и Ира аж вздрогнула, когда Женечка с противнем и полиэтиленовым пакетом в руках вдруг возник из ниоткуда. Он положил свою ношу на камни и накрыл полотенцем майку-мешок с мидиями.

- Пойдем, по лесочку прогуляемся, дровишек поищем.

Ира послушно поднялась, на что Женечка рассмеялся:

- Ирка! Ты сегодня в состоянии весьма относительной вменяемости, так что лучше лежи и загорай – мы с Зивом вдвоем сходим.

- Как хотите, – даже обрадовалась Ира.

Она улеглась на живот и стала играть с восприятием щели, то фокусируя, то расфокусируя на ней взгляд. От этого пейзаж то приобретал обычный вид, то в нем появлялась как бы вмятина. В обычном виде, кроме самого вида, не было ничего впечатляющего, и Ира вскоре целиком и полностью занялась изучением щели. На первый взгляд, она представлялась абсолютно ровной, перпендикулярно расположенной к земле прямой линией. Однако детальный осмотр показал, что прямолинейность и идеальная ровность складки лишь иллюзия вскользь брошенного взгляда. И перпендикулярность только относительная. К тому же простиралась складка как вверх, так и вниз, по-видимому, уходя в обоих направлениях в бесконечность. Плюс ко всему она, как показало Ире, еще и колыхалась, будто от легкого ветра.

- Горизонтальные щели тоже бывают – промурлыкал Лоренц, приметив Ирины изыскания. – А еще что-то вроде касательных. Ты бы и сама это уже давно заметила, если б вот так же внимательно каждый проход поразглядывала. Кстати, касательные – самый распространенный тип, если их классифицировать по этому признаку.

- А эта, – Ира указала на складку, – Землю насквозь проходит?

- Я бы так не сказал. Понимаешь, щель прохода – это тебе не нить, пронизывающая бусину, и не игла, проткнувшая, к примеру, ягоду смородины. Тут другой принцип, хотя, как метафора, такое определение может быть правомерным.

Ира перевернулась на спину и задумалась, а потом вроде как у самой себя спросила:

- И все-таки, где же мы находимся?

- На Земле, – ответил Лоренц.

- А поконкретнее?

- Море – Черное. Побережье – Кавказское. Страна – Россия.

- Так мы все-таки в пределах Большого Сочи?

- И да, и нет.

- Это как?

- Широта с долготой соответствуют, да только никаким обычным путем ты отсюда в какую-либо точку знакомого тебе города не доберешься, как и сюда из города никак, иначе, чем через проход, попасть невозможно. Что-то вроде естественной заповедной зоны. Хотя, случайно через проход, чисто теоретически, сюда попасть может любое существо. Впрочем, очень многие, только не люди, так и попадают.

- Но если просто тупо идти в одном направлении, я ведь куда-то все ж выйду?

- Не думаю. Зона – замкнутая. Располагается она в частотах доступных обычному человеческому восприятию, однако, изолирована от него неким барьером, преодолеть который можно только через проходы.

- И много таких зон в мире?

- Все больше и больше – человечество старается.
- Но ведь не человечество же их создает?
- Нет, конечно, но появляются они то там, то сям исключительно из-за неумеренной активности людей – нужно же от вас куда-то прятаться!
- Но ведь мы же прошли?
- К счастью, таких притких – единицы из единиц. К тому же, в подобных направлениях даже духи свои проходы людям открывают далеко не всем и далеко не всегда. Спроси Женечку – он наверняка этот райский уголок совсем недавно обнаружил, а открыли ему его только ради тебя, но об этом он вряд ли даже догадывается.
- Это ваша сеть?
- Нет.
- А в вашей сети есть подобные места?
- Есть. Но они даже для тебя под замком. До особого разрешения.
- Значит, существует кто-то вроде генерального стража?
- Да.
- Уж не он ли мне шлет приглашения?
- Очень может быть. Мы знаем, кто шлет, но не имеем понятия, является ли он, как ты выразилась, генеральным стражем, – пояснил Лоренц.
- И, конечно, ты мне, вследствие определенных законов, сообщить, кто он такой, так и не можешь.
- Это – не законы и не правила. Это – соглашения, которые невозможно нарушить.
- Будем считать, что мне понятно.
- Вот и хорошо.

Из леса показались Женечка и Зив с дровами для костра, который вскоре всюду похлал.

- Палладина, дуй в море, а то сейчас вместо мидий поджаришься!

Ира не стала возражать и отдалась прогретой солнцем кристально чистой воде. Она плавала долго, а когда вернулась, у костра уже горкой лежали готовые к поеданию мидии. Женечка вывалил очередную партию на противень, достал из пакета бутылку минералки и четыре пластиковые кружечки, которые, наполнив, расставил на камнях и, усевшись рядом с Ирой, принялся угощать морским деликатесом Зива и Лоренца.

- Евгений Вениаминович, сами-то ешьте, – Зива напрягал избыток внимания к его персоне.

- Успеется, Зив. Вам-то, небось, самостоятельно разобраться с ними не так-то просто?

- Да неужели! – пренебрежительно мявкнул Лоренц и, выхватив из горки раковину, лихо прижал лапками ее створки к камням и, всем своим видом демонстрируя наслаждение, стал лакомиться содержимым.

Зив следом проделал то же самое не менее искусно.

- Батюшки! – восхитился Женечка. – А я тут со своими услугами лезу!

- Нет, приятно, конечно, когда за тобой ухаживают, но вот когда немоощным, ни к чему не приспособленным созданием считают – это, знаете ли, обидно, – промурлыкал Лоренц.

Ира глянула на него и загадочно улыбнулась, потом перевела взгляд на Женечку и спросила:

- Жень, а все-таки, как ты думаешь, где мы находимся?

- Ир, с проходами я знаком о-о-очень давно и не раз излазил все направления сети своего стража вдоль и поперек. Но, это – что-то новенькое, а в таких случаях, как говорится: меньше знаешь – крепче спишь.

Лоренц многозначительно посмотрел на Иру. Женечка перехватил его взгляд:

- О! Да я вижу, тебе тут и без меня всё объяснили! Неужели ты думаешь, что я смогу сообщить тебе нечто большее?

- Надеюсь, по крайней мере.

- Прости, что не оправдал надежд.

- Знаешь, Жень, а ты, к моему удивлению, гораздо любопытнее, чем я.

- С чего ты так решила?

- Всю сеть своего стража излазил вдоль и поперек и, небось, не только своего, а я, к твоему сведению, самостийно ходила лишь туда, куда требовали обстоятельства.

- Ира, как ты сама догадываешься, в моем распоряжении имелась целая куча времени, к тому же и такого, которое занять бывало попросту больше нечем. Да и в самом принципе мне, вообще-то, необходимо владеть максимумом практической информации.

- В таком случае, может быть, ты знаешь, каким образом может сознательно, именно сознательно, пользоваться проходом человек, именно человек, которому сеть никто не открывал?

- Не думаю, что это возможно, так как прецедентов не встречал. А почему ты спрашиваешь?

- Праздное любопытство.

Женечка заглянул в глаза Лоренцу, затем Зиву. И те, и те светились первозданной невинностью.

- Для праздного любопытства, Палладина, вопрос слишком странный, однако. Колись, с чего это он к тебе в голову залетел?

- Жень, расколюсь обязательно, но не сейчас, а может быть, и не в ближайшее время. Не обижайся! Я бы вообще не спрашивала, чтоб не дразнить тебя – само как-то вырвалось.

- Ирка, опять пугать меня вздумала?

- Нет, Женечка, честное слово! Опасность мне от этого никакая не грозит, просто любопытно было – вдруг ты знаешь.

- Если сами стражи не в курсе, – Женечка обвел взглядом Зива и Лоренца, – а их ты уже спрашивала, в этом я не сомневаюсь – то мне-то, откуда знать? Они свои тайны свято хранят, и если чего сообщать не положено, никогда не выведаеть.

- Мы действительно не знаем, – проурчал Зив.

- Вот видишь? А ты меня пытаешь! Одно тревожит: с чего это ты решила, якобы это опасности для тебя никакой не представляет? Мне, вообще, интересно, ты хоть отдаешь себе отчет, что тебе потенциально может угрожать гораздо более широкий спектр видов опасностей, чем обычным людям? Хотя от многих, из угрожающих им, ты, в силу своих особенностей, и избавлена, а многие, хоть и могут коснуться тебя, именно для тебя и не опасности вовсе.

- Знаешь, Жень, по-моему, если мы сейчас займемся составлением списков всех потенциально грозящих мне опасностей, а заодно их классификацией и оценкой вероятности, то это займет не один день. По-моему, в данном случае важно то, что чувствую я по этому поводу. В данном случае «чувствую» равносильно «знаю».

- Черт возьми! А ведь права, Палладина! Вот только об одной из опасностей я все ж возьму на себя смелость тебя предупредить, – Женечка сказал это таким тоном, что Ира уже собралась огрызнуться на всякий случай, но он лишь рассмеялся, довольный произведенным эффектом. – Пошли купаться, Ирка, обгоришь ведь!

Ира тоже рассмеялась, и они уплыли. По прибытии на берег Женечка еще раз смотался в свою квартиру, принес простыню и устроил нечто вроде тента. Домой они засобирались лишь после шести вечера.

- Местечко чудное и мне бы не хотелось, чтоб, едва подразнив, от меня его закрыли, – прокомментировал Женечка свою дотошность, проявленную при уборке территории.

В итоге, когда они все вместе направились к проходу, Ира, как ни старалась, так и не смогла найти даже намек на их пребывание здесь чуть ли не весь день.

Глава 41

Намеки, догадки, ассоциации и предчувствия

Утром Ира обнаружила себя в гордом одиночестве на Женечкиной кровати. Стрелки настенных часов образовывали прямой угол, извещающая о том, что нынче девять утра. «Итак, до официального новоселья Радного осталось ровно тридцать три часа», – констатировала Ира. Она вздохнула, бодро спрыгнула с кровати и отправилась в душ.

- Палладина! Да ты, никак, проснулась! – прозвучал Женечкин голос, перекрывая шум воды, а потом появился и он сам, бесцеремонно отодвигая занавеску.

- Доброе утро! – приветствовала его Ира, выключая воду. – Ты давно встал?

- Да уж тружусь вовсю!

Женечка, внимательно пронаблюдав процесс Ириноного вытирания, подхватил ее на руки, не дав даже завернуться в полотенце, и отнес в гостиную, в которой царил несвойственный ей обычно жуткий бедлам, впрочем, состоящий всего-навсего из валяющегося на диване честно трудящегося ноутбука и разбросанных по всему столу листков бумаги.

- Может быть, я все-таки одену на себя что-нибудь? – спросила Ира, бережно водруженная Женечкой в кресло.

- Не-а! Ты мне так больше нравишься.

- Я заметила, что более всего тебе нравлюсь в состоянии смущения и неловкости.

- Наблюдательность занимает одно из последних мест в списке твоих достоинств, но в данном случае, она тебя не подвела, – Женечка довольно улыбался. – Видишь ли, когда ты находишься в подобном состоянии с тобой проще общаться.

- Вполне логично предположить, что если б каким-то образом легкое смущение стало моим доминирующим состоянием, тебе бы не понадобилось напрягаться по поводу освоения сети проходов Зива с Лоренцем. Кстати, а где они?

- Свалили еще вчера вечером, – Женечка пристально сканировал Ирино тело взглядом, а она поняла, что он уловил ее намек на использование проходов не только для попадания «куда-то», но и к «кому-то». Женечка усмехнулся. – А с логикой, госпожа Палладина, у Вас все в полном порядке... – проговорил он очень медленно. – И не только с логикой, – добавил Женечка после небольшой паузы, продолжая пытку пристальным взглядом, от чего Ира съежилась.

- Всё! Хватит! – воскликнула она и решительно поднялась.

- Сядь! – безжалостно рывкнул на нее Женечка. Казалось, сам звук его голоса откинул Иру назад в кресло. – Ира, чем бы ты ни являлась по сути, на данный момент ты – человек. Человек в гораздо большей степени, чем я. На то, чтобы эту степень снизить, требуется время и упорство, а еще – веские причины, зачем и ради чего измываться над собой.

Если хочешь, я попытаюсь научить тебя всему, что умею сам. Но, боюсь, ты зря потратишь время, не на то употребишь свое упорство, так как веских причин постигать все это, у тебя нет. Тебе нужно разобраться «почему и зачем так», а не выяснять «как могло или может быть иначе». То, что ты выяснишь, никогда не станет доступным всем и каждому. И не потому, что большинство не способно на это, а потому, что задачи перед ними стоят совершенно другие.

Боюсь, никто уже не сможет изменить направление процесса. Боюсь, единственная стоящая возможность – это найти достойное употребление тому, что сложилось. Не подумай, я не учу тебя и, как ты выразилась, не изобретаю для тебя смысл жизни. Я лишь высказываю свое мнение, которое считаю нужным донести до тебя, но к которому ты вовсе не обязана прислушиваться, а тем более ему следовать. Просто, ты нынче человек и добилась ты этого с величайшим трудом, а мне не хочется, чтоб твои усилия оказались тщетными. Правда, не мне о том судить, так как именно то, что мне может казаться тщетным, на самом деле преисполнено самого что ни на есть глубокого смысла.

- Жень, прости, но я не совсем понимаю, о чем ты и самое главное – к чему это?

- Прости, Ир, я совершенно иначе представлял то, что должно произойти, когда ты здесь родишься. Это, безусловно, мои проблемы, в смысле то, что я там себе нафантазировал. Знаешь ли, и Иисус, как мессия, не оправдал ожидания евреев. Тем не менее, человечеству даже сложно себе представить, сколь многое ему все же удалось изменить.

- Женечка, а тебе не кажется, что Иисус, в отличие от меня, сам, вообще-то, вполне отчетливо представлял, кем является. Я же упорно продолжаю считать себя более-менее одаренным дизайнером и художником. Да, со странностями, типа разговоров с отдельными представителями фауны, прослушивания музыкальных композиций в исполнении объекта недвижимости и нестандартных перемещений в пространстве. Однако все это ничего не меняет по сути.

- Вот именно, Ира! То, куда мне предлагают тащить тебя известные тебе эксклюзивные представители фауны, по сути ничего не меняет. Но они упорно сбивают тебя на этот путь.

- А вот тут позволь с тобой не согласиться.

- В чем интересно? – перебил Иру Женечка. – В том, что, раз по сути ничего не меняется, так почему бы, разнообразия ради, не поиграть в недоступные другим игрушки, так?

Ира рассмеялась:

- Нет, Жень, не согласна я с тобой в совершенно ином.

- И в чем же тогда?

- Они меня ни с чего не сбивают и никуда не толкают.

- Ир, они тебе проходы показали.

- Только и всего. Очень удобно, кстати. Без знания о проходах я бы точно в этом году загнулась.

- Еще обвини меня в сокрытии удобного способа перемещения! – в раздражении бросил Женечка.

- Жень, причины, по которым ты меня не посвящал в это, мне хорошо известны.

- Палладина! Иди, оденься! – воскликнул Женечка, вдруг вскочив, отводя от нее глаза.

- Это почему же? – с ехидным торжеством спросила Ира. – Что-то разладилось? Легкое смущение перестало работать по заданной программе?

- Ирка! Оденься! – Женечка отвернулся от нее, уставившись в потолок.

- Ладно. Как скажешь.

Ира прошла в спальню и вернулась оттуда в шортиках и топе.

- Ира, – начал Женечка, продолжая не смотреть на нее, – как только ты поселилась в этом доме, все пошло не туда, точнее, не туда, куда я предполагал.

- Жень, позволь тебе напомнить, что все вообще куда-то пошло лишь после того, как я в этом доме впервые побывала.

Женечка вдруг будто окаменел. Ира выждала немного, но он так и оставался в ступоре.

- Женечка, что с тобой? – тепло и нежно спросила она.

- Я считал, что должен вести тебя. Судя по всему, я просчитался, – тихо проговорил он, перевел дух и, наконец, снова сел.

- Так ты и вел меня. И сейчас все еще ведешь, – попыталась успокоить его Ира.

- Видимо, не так и не туда.

- Женечка! Если б что-то было не так, то я, наверное, и не пошла бы, верно?

- Отчасти да, но ведь ты все больше и больше своевольничаешь.
- Жень! Брось! Если бы ты не был мне нужен, неужели у тебя бы получилось найти меня?

- Верно, Палладина, – со вздохом, но, уже вполне овладев собой, сказал Женечка. – Однако я все равно многого не могу понять.

- Не волнуйся! Я вообще ничего не понимаю, – развеселилась Ира.

- Врешь, Палладина! – усмехнулся Женечка.

- Может быть... – задумчиво проговорила Ира.

- Ладно, не заморачивайся! В конце концов, будет только то, что будет. А что именно будет, по большому счету не имеет никакого значения.

- Вот в этом абсолютно с тобой солидарна, только с чего это ты, будучи в этом убежден, тем не менее, так переживаешь?

Женечка поднял на нее глаза, пристально посмотрел и очень жестко сказал:

- Ира, не загоняй меня в угол.

- Жень, я не загоняю тебя в угол. Я наоборот пытаюсь помочь тебе вновь обрести почву под ногами.

- Премного благодарен! – съязвил Женечка достаточно желчно.

- Я знаю, почему ты опасешься учить меня тому, что знаешь сам, и что расходится с официальными представлениями о мире. Ты на собственном опыте ощутил, какой уверенностью и ясностью это наделяет, ослепляя и, в конечном счете, заводя в тупик.

- Ирка! Ты до невыносимости права! Хотя я, на самом деле, совершенно иначе формулировал для себя свою мотивацию, – Женечка усмехнулся. – Именно из-за уверенности и ясности, я ясно и уверенно видел совершенно иные доводы.

- Не знаю, а может, не помню, что нас связывает на самом деле, но думаю – это нечто очень крепкое и веское.

- Просто замечательно, что ты так думаешь, но штука-то вся в том, что не я твой проводник.

- С чего это ты вдруг стал в этом так уверен?

- С того, что ты мне нынче указала на некоторые вещи, на которые я из-за ослепляющей ясной уверенности не обратил внимания.

- Ты об этом сожалеешь? – с легким удивлением спросила Ира. – Жень, а у тебя нет ощущения, что все так и должно быть.

- Ну раз так есть – значит, и должно так быть! – Женечка улыбнулся. – Когда-нибудь ты обязательно вспомнишь, что нас связывает, – неожиданно, даже, видимо, для себя, сказал он.

- А ты сам, помнишь? Скажи честно! Настаивать на подробностях не буду.

Женечка задумался.

- Знаешь, а я бы и рассказать не прочь, только... не поддается адекватной вербализации сие.

- Ну, а если не совсем адекватной?

- Если не совсем адекватной – что-то типа присказки про белого бычка получится. Это – нечто подобное тончайшим нюансам эмоций и ощущений, привкусам, отсветам, отблескам. Здесь считается, что, так

или иначе, связывают разного рода события, порождающие взаимные обязательства и отношения. А те события, пожалуй, изысканней и подробней, чем «жили-были дед да баба», описать просто невозможно.

- Я, кажется, поняла, о чем ты... скорее, спинным мозгом почувствовала.

- Ну не спинным мозгом, конечно. Функции физического тела, даже самые изощренные, здесь ни при чем, но я знаю, что ты имеешь в виду.

- Конечно, знаешь, ведь именно этому ты и учил меня все время. Впрочем, не только ты.

- А кто еще? – спросил Женечка.

- Гиала. Хотя, конечно, не только она, но именно она явно и понятно для моего человеческого сознания указала мне направление.

- Как? – Женечка удивился, даже насторожился.

- Во-первых, усадила на свой пенек, во-вторых – кое-что поведала в доступной форме, а в-третьих, подсказала, когда и где прогуляться.

Женечка задумался.

- Может, я в ослеплении уверенной ясностью действительно недоглядел чего в ней? – будто разговаривая сам с собой, спросил Женечка.

- Я в этом почти уверена. Она мне много любопытных вещей рассказывала, правда, утверждала, что это ты ее всему научил, но мне кажется, что ты ей лишь показал некоторые пути, а уж прошла она по ним сама, да и другие отыскала.

- Знаешь, я тоже многому подивился, когда ее... тогда видел, – Женечка запнулся после «ее», видимо, чуть было не сказав «в последний раз». – Знаешь, она действительно, с самого начала совершенно не походила на своих предшественниц.

У Иры сквозь сознание пронеслось: «не бывает начала и конца, есть лишь бесконечное множество точек отсчета». «Интересно, какая точка отсчета стала первым пересечением путей Гиалы и Женечки, и где она находилась?».

- Палладина, ты куда улетела?

Ира вышла из задумчивости и повторила Женечке вслух все пролетевшие сквозь сознание мысли.

- Ира, уверяю тебя, первая точка отсчета была здесь.

- Может, ты все же что-то не помнишь?

- Исключено. Я бы узнал ее.

- Почему ты так уверен?

- Ира, я уже очень давно научился узнавать всех, с кем сталкивался.

- Жень, выслушай внимательно.

- Слушаю.

- Жень, я не сомневаюсь, что ты узнаешь всех, с кем судьба сводила тебя, но... И это очень важное «но». Помнишь, ты мне как-то говорил, что осознание сути снисходит на человека, если снисходит вообще, как правило, не ранее, чем через тридцать-сорок лет земной жизни?

- Помню, конечно.

- Как я знаю с твоих и не только с твоих слов, рождался ты на Земле человеком не раз, и в каждое из этих появлений жил гораздо более продолжительный период, чем положено обычному человеку.

- Ну-у... Только в прошлые разы далеко не так долго, как в этот.

- Это неважно. Важно то, что до того, как ты становился способен к столь продолжительному использованию человеческого тела, ты неминуемо проживал те три-четыре десятка лет, которые затем становились для тебя небольшой и несущественной прелюдией, так?

- Так.

- Ну?

- Что ну?

- Жень, соображай! Видишь ли, я отчего-то уверена, что если некто, появляясь в этот самый период трех-четырех десятков лет, не оставался в твоей жизни после осознания сути, то... – Ира многозначительно смотрела на Женечку.

- Ты хочешь сказать, что... – Женечка выглядел потрясенным.

- Вот именно! Это вполне может быть далеко не первая ваша встреча, просто предыдущая или предыдущие вполне могли приходиться именно на период твоей самой обычной человеческой жизни и не выходить за его рамки, а следовательно, воспоминания об этих встречах несколько иного уровня, то есть уровня, недостаточного для последующего узнавания. По крайней мере, осознанного.

Женечку аж пришибло.

- Да-а-а... – протянул он, удивленно разглядывая Иру. – Это еще кого вести должен.

- Жень, смотря куда.

- Вы, в конце концов, хоть куда-то собрались? – спросил Лоренц, мерной поступью заходя в гостиную.

- О! – обрадовалась Ира. – А где Зив?

- Дома ждет. Я оказался менее терпеливым.

Ира взглянула на часы. Они показывали уже половину двенадцатого.

- Женечка, похоже, мне пора тебя покинуть, если только ты не согласишься желанием составить нам компанию.

- Куда собрались-то?

- На Ажек.

- С удовольствием бы, но подозреваю, если я прогуляю еще один день, меня Генка живьем съест.

- Я уже заметил, что он – деспот, – промурлыкал Лоренц.

- Эту функцию они исполняют по очереди, меняясь строго по графику, – уточнила Ира.

- Язвишь, Палладина?

- А как ты догадался?

- Ладно, дуй к своим водопадам.

- Как скажешь, – Ира направилась к проходу. – Пока.

- - -

Зив настоял, чтобы Ира позавтракала. Есть ей вовсе не хотелось, но, стоило лишь прикоснуться к, приготовленным Татьяной Николаевной салату из огурцов с помидорами и молодой картошке, поджаренной со сметаной, чесноком и укропом, как тут же проснулся волчий аппетит.

- Периодами просто поражаюсь интуиции Татьяны Николаевны!

- Ее интуиция здесь почти ни при чем, – важно промурлыкал Лоренц.
– Мы с ней тоже разговариваем, но так, чтобы она нас не слышала, а то, что мы ей говорим, воспринимала, как собственные мысли.

- Забавно... – Ира, продолжая поглощать пищу, задумалась. – Есть у меня такое ощущение, что не только вы этим занимаетесь, а и многие из ваших собратьев по видам.

- Верное ощущение, – проурчал Зив. – В той или иной степени подобным образом общаться с людьми могут очень многие животные, а уж собаки и кошки, живущие с ними, и подавно.

- А люди об этом даже не догадываются, – констатировала Ира.

- Но ты же догадалась? – возразил Зив.

- Только благодаря вашему намеку.

- Вот именно, что лишь намеку. А все-таки, почему догадалась? – поинтересовался Лоренц.

- Видите ли, приходилось как-то наблюдать, как очень прозорливый в некоторых областях человек полностью потерял эти качества, лишившись домашнего любимца. Для себя он объяснил это стрессом от потери дорогого сердцу существа, но, как известно, время все лечит, а вот прежние интуитивные качества так и не восстановились. Следовательно, вполне логичен вывод, что не только собственным умом жил этот индивид человеческого типа.

- Ты абсолютно права, и знаешь, мы даже не ожидали, что ты отметишь это, – с подчеркнутым уважением проурчал Зив.

- Утром Женечка сказал, что наблюдательность занимает одно из последних мест в списке моих достоинств.

- Он слукавил. Отчасти, правда. Ты действительно зачастую ведешь себя, как заправская растяпа, но от твоего внимания мало что укрывается, просто втаскиваешь ты это в свою, так сказать, оперативную память далеко не всегда. Тебе требуется для этого веский повод, – промурлыкал Лоренц.

- Это плохо?

- По-моему, нет, – проурчал Зив. – Самое главное, чтобы все происходило своевременно. Представь, что бы было, если б ты задумалась над подобными коллизиями в поведении того индивида сразу, как их обнаружила?

- Да я их тогда и не обнаружила вовсе.

- Если б не обнаружила, сегодня б не вспомнила, – заметил Лоренц.
– Так-то вот. И вообще! Мы сегодня когда-нибудь куда-нибудь, вообще, пойдем?

- Пойдем, – ответила Ира. – И знаете, а я бы не прочь с ночевкой прогуляться.

- Тебе ж завтра вроде на светский раут? – напомнил ей Лоренц.

- Вот именно! Так что лучше вернуться завтра, чтоб не оставить себе шанса мусолить мозгами его неотвратимость весь вечер, ночь, утро и день.

- Ты уверена, что не сможешь этим заняться на лоне природы? – спросил Зив.

- Не до конца, но некоторые гарантии имеются, – улыбнулась Ира.

- Послушайте, – сказала она, когда удалось, выйдя на тропу, оторваться на значительное расстояние от группы экскурсантов, – если животные способны внушать мысли людям, то почему они этим не слишком активно пользуются?

- Во-первых, – принялся отвечать на ее вопрос Зив, – пользуются не так уж и редко, а во-вторых, это вовсе не внушение, а возможность общения. Если тебе человек что-то сказал, ты ведь не считаешь, что он внушил тебе мысль, верно? К тому же, люди склонны к вербализации и не мыслят без нее понимания, а в данном случае имеют место, как правило, совершенно иные символы, которые переводятся человеком в слова более чем свободно, подчас даже с точностью наоборот. Плюс ко всему, человеку свойственно немедленное построение ассоциативных цепочек, и тут уж занести может и вовсе очень далеко. Более-менее успешно пользуются возможностью подобной передачи информации животные, живущие вместе с людьми и в некотором роде понимающие значение и функции вербализации, и отчасти, если можно так сказать, владеющие ею. То есть, если, к примеру, вполне обычная собака или кошка демонстрирует понимание человеческой речи, даже пусть и в малой степени, у нее есть повод, закинув свои соображения в человеческий мозг, ожидать, что они отразятся в нем с наименьшими потерями. Однако, то, что человек будет слепо следовать предложенному, это вовсе не значит. Человек всего лишь не догадывается, что эта мысль не его, но ведь и свои собственные не всегда бывают для него убедительны.

- А дикие животные пытаются что-то сказать людям?

- Конечно, – ответил Зив.

- Но случаи, когда бы это привело к благоприятным последствиям, нам не известны, – промурлыкал Лоренц.

- Лоренц чересчур категоричен, – выразил свое мнение Зив. – С помощью такого общения нередко достигаются и положительные результаты, правда, как правило, лишь в сугубо частных случаях.

- Ну да! Когда благодаря данному доброй зверушкой совету, homo sapiens-у удастся спасти свою бесценную задницу.

- Лоренц! – рассмеялась Ира. – Если бы за человеконенавистничество платили деньги – ты был бы, наверное, самым богатым котом в мире!

- Я всего лишь единственный, которого тебе довелось послушать.

- Не скромничай, – прооручал Зив, – все, кого я знаю, и не только коты, настроены гораздо лояльнее тебя.

- Так я тоже вполне лоялен – к крестовому походу против человечества, к примеру, не призываю.

- А что? Есть такие, кто призывает? – спросила Ира.

- Воевать – удел людей, – ответил Зив. – Определенные меры по защите, конечно, принимаются. И надо отметить, – Зив выразительно посмотрел на Лоренца, – в суждениях предпринимающих защитные меры нет и намек на человеконенавистничество.

- Чего вы на меня напали?! Я, можно сказать, пошутил! Может быть, грубо, может быть, даже и злобно, но ведь без далеко идущих послед-

ствий! Ира! Заступись за меня перед этим лохматым занудным псом! Ведь если воспринимать всерьез все, что про тебя говорит Женечка, так он, по всей вероятности, не сегодня-завтра придушить тебя собственными руками собирается!

- Хорошо, Лоренц! Заступаюсь! – рассмеялась Ира. – Зив, не донимай его, пожалуйста.

- Как скажете, моя госпожа! Только, с Вашего позволения, небольшую трепку за «лохматого занудного пса» устрою!

Зив с веселым лаем кинулся на Лоренца, тот пустился наутек, и они стали носиться по лесу. Ира надрывалась от смеха, наблюдая сию «семейную сцену»: лай с подрыкиванием, и громкие мявканья с подвизгиванием отдавались для нее забавными взаимными объяснениями, испещренными весьма малоприличными эпитетами, описывающими специфические качества и указывающими предлагаемые направления движения. Судя по всему, подобные сцены для них не являлись редкостью – действовали они и изъяснялись весьма виртуозно.

Иру так захватила их веселая перебранка и беготня, что, она сама того не замечая, впала в состояние всепоглощающего блаженства, в котором продолжала пребывать и всю оставшуюся дорогу, и во время плескания под водопадом в прохладной реке, и у костра вечером, и укладываясь спать. Утром она проснулась очень рано под tutti птичьего хора и долго не отпускала абстрактные образы блаженства, окутавшие ее во сне.

Часов до одиннадцати утра провели у водопада, а потом небольшими переходами стали спускаться прям по руслу Сочинки и только к четырем часам дня доплелись домой. Всепоглощающее блаженство безжалостно развеял звонок Влада. Суровая действительность в виде светского раута у Радного непреклонно предстала во весь рост.

- Ирина Борисовна, мы к Вам уже выезжаем. Не рано?

- Нет, Влад, не рано. Хоть посидим чуть перед... – Ира осеклась и замолчала.

- Перед чем?

- Какая разница! Давайте! Жду! – Ира быстренько отключила мобильник.

- Неудивительно, что он насторожился, – развалившись в кресле, томно промурлыкал Лоренц. – Судя по голосу, так точно как минимум перед казнью.

- Неужто действительно так мрачно звучало?

- О нет! Гораздо мрачнее! – продолжал томно язвить Лоренц.

- Спасибо за ценное уточнение, – поблагодарила его Ира с оттенком обреченности в голосе.

Предстоящее событие не то чтобы напрягало или пугало ее, однако, она ощущала всем своим существом трепетное, пробегающее дрожью по телу предчувствие чего-то неопределенного. Зив завел разговор на какую-то нейтральную тему. Ира слушала и что-то отвечала, на самом деле, едва присутствуя в сфере беседы, правда, это ее несколько отвлекало, и ожидание получилось не таким гнетущим.

Минут через двадцать в гостиную вошел Влад, а следом за ним впорхнула Алиночка. Еще незаметная глазу беременность добавила ее и без того обворожительному облику легкий шарм истинной красоты. Глядя на Алиночку, уже не казалась спорной идея, что ожидание ребенка красит женщину. К тому же красило ее не только интересное положение. Шикарное, открытое чуть более допустимых пределов вечернее платье, туфли на каблуке, высота которого показалась бы комфортной разве что балерине, натренированной в качестве опоры использовать пальцы ног, идеально уложенные волны длинных густых вьющихся волос, и, конечно же, боевой раскрас гламура, заставивший бы индейца племени Чумба-Юмба от зависти снять собственный скальп. Влад чувствовал себя рядом с ней несколько неловко, однако, видимо, даже не пытался намекнуть, что выбранное ею обмундирование и маскировка, не соответствуют арене боевых действий. Что являться в таком виде на летнюю дачную вечеринку, все равно, что кур в курятник танком загонять. Все это так отчетливо читалось у Влада на лице, что улыбку озарившую Иру, когда они вошли, вызвала не только приветливость.

- Здравствуйте, Ирина Борисовна! – сказали Влад и Алиночка по очереди.

- Рада видеть вас в своей обители! – весело воскликнула Ира. – Присаживайтесь. А я кофе сварю.

- Ирина Борисовна, позвольте мне, – предложил свои услуги Влад.

- Как ты понимаешь, ничуть не возражаю. Алина, присаживайся. Как дела? – Ира отодвинула столик, освобождая Алиночке путь к дивану.

- Влад сказал, что Вы уже знаете, – нежным голоском прошептала Алиночка.

- О том, что ты ждешь ребенка? Знаю. Как себя чувствуешь?

- К вечеру вполне приемлемо, но по утрам... – Алиночка тяжело вздохнула. – Мне на следующей неделе еще два экзамена сдавать – не знаю, как выдержу. Наверное, придется на заочное перевестись, а еще лучше – на дистанционное, как Влад.

- Алина, это вовсе необязательно. По поводу зимней сессии тебе, конечно, не позавидуешь, но не все так страшно, как кажется на первый взгляд. Что тебе сдать осталось?

- Педагогику и культурологию.

- Замечательно!

Ира взяла мобильник и, основательно порывшись в «Контактах», нашла нужный номер:

- Здравствуй Инночка!

- О боже! Ирка! Ты что ли?

- Воистину я!

- Какими судьбами? Где ты? Как ты?

- Просто замечательно!

- Лешка как?

- Учится.

- А ты?

- Работаю потихоньку.

- Чует мое сердце – не просто так звонишь!
- Истинно! Даже очень не просто так.
- Что случилось?
- Инночка, у вас там моя девочка учится, Алина Смородская.
- Знаем такую. Хорошая девочка.
- Инночка, она сейчас пребывает в самой начальной и, как нам с тобой хорошо известно, самой «распрекрасной» стадии интересного положения. У нее два экзамена осталось – может, как-нибудь посодействуешь?
- Как именно?
- Да хотя бы на вторую половину дня перенести – она утром совсем никакая.
- Ирка! Без проблем! Я сейчас личное дело гляну, с преподавателями переговорю и, если все в порядке, так может, и вовсе автоматом аттестуем.
- Спасибо, Инночка! Видишь ли, девочка действительно хорошая, не хочется, чтоб на заочку переходила...
- Ира! Обижает! Ну конечно что-нибудь придумаем! Сами что ль не рожали, не нянчили?! Сама-то как? Сто лет не заглядывала!
- Ну, Инн, не преувеличивай! Года два, не больше.
- Ладно, Ирка! Все б тебе шутить! Забегай как-нибудь!
- Хорошо! – Ира отключила мобильник и улыбнулась Алиночке. – Ну вот, слышала? Если с преподавателями не ссорилась, то может, и вовсе ничего больше сдавать в эту сессию не придется.
- Ирина Борисовна, а это Вы сейчас с Инной Александровной говорили? – с трепетом в голосе спросила Алиночка.
- Да.
- А откуда Вы ее знаете?
- О, Алина, ты и не представляешь, какой этот мир тесный! С Инной Александровной мы знакомы достаточно давно – я ей в свое время кандидатскую писать помогала.
- Правда? Но Вы ведь...
- Правильно, не психолог, однако, любое творчество – это хорошее знание психологии, притом практическое. К тому же у нее тема касалась воздействия произведений искусства на психику.
- Об чем разговор, дамы? – спросил Влад, появляясь в гостиной с подносом.
- Да вот, пытаюсь Алине жизнь облегчить, – ответила Ира.
- Каким образом?
- Ирина Борисовна договорилась с Инной Александровной, чтобы мне за последние два экзамена оценки автоматом поставили, – радостно ответила Алиночка.
- Да-а-а?! – удивился Влад. – А мне, Ирина Борисовна, Вы подобным образом жизнь облегчать даже не пытались!
- Влад! Как только забеременеешь – все силы приложу!
- Спасибо! – рассмеялся Влад.
- Пожалуйста! – съязвила Ира.

Глава 42

Воплощение предчувствий

Радный встретил их у калитки, дружески пожал руку Владу, галантно открыл дверцу выдавшей виды «Нивы», помогая выбраться дамам, и проводил во двор перед домом, где стояло несколько фуршетных столиков и весело шумели уже прибывшие гости. Ира с удивлением отметила, что Радный, оказывается, заметно ниже ростом, чем Влад. Вот только возможность увидеть это существовала, лишь пока они стояли в непосредственной близости друг от друга, а стоило расстоянию увеличиться, как Радный снова стал производить впечатление невероятной огромности.

Станислав Андреевич церемонно представил Иру, а затем Влада с супругой своим гостям, расположившимся группками по всей площади двора, из которых Ира ровным счетом никого не знала. Точнее, некоторые лица были ей знакомы, но только в одностороннем порядке, благодаря их значимости в городе. Ира уже собрала в кулак всю свою волю для борьбы с крайней степенью неловкости и натянутости, но тут обстановка разрядилась сама собой – из дома, как чертик из табакерки выскочил радостный Генка в сопровождении «главных коней».

- Ирчик! Солнышко мое! – завопил он так, что все разговоры тут же смолкли.

- Гена! – немного удивилась Ира.

- Ирчик! Я тайно влюблен в тебя! – Генка бухнулся на одно колено и припал к Ириной руке в страстном поцелуе.

- Ген, ты давно в Сочи? – спросила в легком приятном шоке Ира.

- Сегодня утром прилетел, – ответил Генка, окидывая Иру невинным взглядом и поднимаясь на ноги, а затем, чуть наклонившись к ее уху, едва слышно прошептал, одновременно перемещаясь вместе с ней поближе к никем не занятой скамейке около дорожки, огибающей дом и уходящей в мини-парк. – Гаров снизошел до меня смертного, чем явно не способствовал повышению благосостояния авиакомпаний.

Послышался звук подъезжающей машины, и Радный направился к калитке. Через некоторое время он вернулся в сопровождении... Игоря Александровича.

- Ирчик, ты чего напряглась?

- Генка, видишь вон того дядечку, которого только что встретил Радный?

- Ну?

- Он в течение нескольких лет ходил в звании моего секспартнера.

- И что?

- А не далее как в прошлом году несколько месяцев кряду в пламенной любви клялся.

- Ирчик, я тебе несколько минут назад в любви поклялся, и что?

- Генка, у него крышу снесло, понимаешь?

- Тяжелый случай?

- Ага...

Тут у Иры отлегло от сердца: навстречу Игореше, оторвавшись от одной из группок гостей, выпорхнуло юное ангелоподобное создание женского пола.

- Фу-у-ух!!!! – перевела Ира дух. – Это его любимый цвет и любимый размер, – в качестве пояснения для Генки, вольно процитировала она ослика Иа из мультика про Винни Пуха.

Однако наслаждалась Ира облегчением недолго, так как, едва почувствовав себя в безопасности, тут же вспомнила про Алиночку.

- А теперь чего? – мигом поймал ее новый вздёрг Генка.

- Алиночка, жена Влада, была одной из ее предшественниц, – Ира кивнула на ангелоподобное создание.

- Влад в курсе?

- По поводу Влада я спокойна. Как бы Алиночка чего не выкинула.

- Ирчик, я, безусловно, не эксперт в области «чего хочет женщина», но, по-моему, Влад куда круче сего почтенного джентльмена.

- Не думаю, что у Алиночки на этот счет иное мнение. Но, – Ира обвела взглядом присутствующих, убедившись, что Влад продолжает, с разрешения Радного, знакомить жену с плодами своего труда, и они еще не вернулись с этой экскурсии, – видишь ли, Игорек покинул ее, как и всех ее предшественниц, с помощью своего хорошо отработанного приема, сославшись на чрезвычайно огромную разницу в возрасте, которая является единственным, что препятствует «совершенно не-ожиданно свалившемуся на них» счастью.

- Так у него это на поток поставлено?

- Ну да. Предпочитает лишь дев определенного типа в период молочной спелости.

- Ирчик, тогда не понимаю, каким макаром ты там оказалась?

- Ты у меня спрашиваешь? Так я тоже абсолютно не в курсе. Нас деловые отношения долгое время связывали, которые иногда, по случаю, заводили в постель, но и только. А чего у него в прошлом году крышу рвануло – понятия не имею. Кстати, это он меня с Радным свел. Но это неважно. Я опасаясь, как бы Алиночка, чисто из вредности и любви к искусству, какую сцену не выкинула.

- Знаешь, за кулисами такое вполне возможно, но не думаю, что это станет достоянием общечеловечности. Алиночка ж не последняя дура, чтоб рисковать своим нынешним положением.

- Ты прав, тем более что нынче она как раз таки в положении.

- Она ждет ребенка?

- Да.

- Ну что ж... с одной стороны это, конечно, гарантия от опрометчивых поступков, но с другой – женщины в первом триместре беременности не поддаются никакой форме предсказуемости, – Генка ненадолго задумался, затем оглянулся по сторонам – Влада и Алиночки на горизонте еще не наблюдалось. – Знаешь, Ир, по-моему, тебе не мешало бы предупредить ее о том, кого она тут нынче встретит. Да и специалиста по юным девам – тоже.

- Мудро... – Ира решительно поднялась и направилась в сторону мелькания Игоря Александровича.

Он сам заметил ее. Извинился перед собеседниками, остановил порыв своей пассивности, устремившейся за ним следом, и направился к Ире, избавив ее от необходимости придумывать, как потактичнее перебраться с ним парой слов без свидетелей.

- Ирочка! Рад тебя видеть! – радостно воскликнул он, явно не собираясь ограничиваться «парой слов».

- Я тоже вне себя от счастья, – тоном, изрядно противоречащим значению произнесенных слов, ответила Ира. – Игорь, здесь Алиночка вместе со своим мужем.

- Понятно, – сквозь зубы процедил Игорь Александрович.

Пока он осваивался со смыслом полученной информации, Ира уже скрылась из его поля зрения. В саду мелькание нужной ей парочки не обнаружилось. Хоть беглый взгляд и не мог предоставить на этот счет исчерпывающую информацию, Ира решила для начала все же заглянуть в дом. Он разливался звуками Хабанеры в собственной интерпретации, полностью заслонив от слуха легкую фоновую музыку с улицы, сопровождавшую сбор гостей. Ира улыбнулась, переполняясь теплотой, и тихим голосом спросила:

- Влад и Алина здесь?

Звуковое пространство как бы изогнулось, и Ира четко услышала их голоса, доносившиеся со второго этажа: Влад рассказывал Алиночке испытанные на собственной шкуре подробности преобразования монстроподобного архитектурного сооружения в представившее нынче взору великолепие.

- Вот вы где! – сообщила Ира о своем приближении.

- Ирина Борисовна! Тут так здорово! – восхищалась Алиночка.

- Уже пора? – спросил Влад.

- Не думаю, просто я потеряла вас из вида.

- Станислав Андреевич разрешил похвастаться.

- А ты и рад стараться на все лады!

- Он не хвастается, он Вас нахваливает, – вступилась за мужа Алиночка.

Ира рассмеялась, пытаясь побыстрее сообразить, куда бы отправить Влада. Идеи приходили отказывались. Тут Хабанера затопила сознание страстными ритмами, а когда ее волна отхлынула, Влад вдруг сказал:

- Дамы, не возражаете, если я вас ненадолго оставлю.

- Не возражаем. Оставляй. Мы пока пройдемся по саду.

- Я уже показал его Алине.

- Ничего страшного. Ей сейчас очень полезно побольше бывать на свежем воздухе.

Ира быстро уволокла Алиночку в самые дебри и усадила на скамейку. Выходя из дома, она мысленно поблагодарила его за содействие, а он в ответ раскланялся в музыкальном реверансе финальных аккордов.

- Алина, здесь Игорь, – без всяких вступлений сообщила ей Ира.

Алиночка испуганно прикрыла лицо руками:

- Боже! Что будет?!

- Он не один, так что ничего не будет, если ты сама не спровоцируешь.
- В смысле, не один? – жестко насторожилась Алиночка.
- В смысле, с очередным юным ангелочком, – безжалостно пояснила

Ира.

- Что значит с очередным? Он мне что, постоянно врал?
- Нет, Алина, он тебе никогда не врал. Он действительно любил тебя, пока ты соответствовала его стереотипам, а, как только это завершилось, честно предложил расстаться.
- Он говорил, что мы должны расстаться из-за возрастного несоответствия.

- Это истинная правда. Просто ты поняла по-своему, впрочем, как и должна была понять, а он имел в виду совсем другое. Алина, не зацикливайся на этом. Тебе что, плохо с Владом? Ты не рада, что он стал твоим мужем?

- Рада, конечно...
- Ну вот! И к чему прошлое ворошить?
- Нет! Игорь – самый настоящий старый козел!
- Так никто с этим и не спорит! И все же ни к чему создавать лишние сложности себе и ему. Его ты не переделаешь, а у тебя вся жизнь впереди. Так что, прежде всего, нужно думать о том, как ее сделать счастливой. Тем более что ты готовишься стать матерью.

Алиночка тяжело вздохнула, но, судя по всему, здравый смысл взял верх над старой обидой. Они встали со скамейки и побрели в сторону дома, около которого их встретил Влад. За это время, видимо, все гости уже собрались, фуршетные столики преобразились в один большой банкетный стол, за которым Радный, едва заметив появившихся Иру, Влада и Алиночку, предложил всем разместиться. Впрочем, Радный только подал идею, самым процессом, как Ира и ожидала, принял за руководителя Генка. Он виртуозно рассадил гостей и, отпустив пару шуточек, быстро построил официантов, которые с неизменной настойчивостью умудрялись появляться как из-под земли именно там, где более всего мешали.

Принцип, по которому Генка рассаживал гостей, за километр отдавал глубоким смыслом. Алиночка и Игорь Александрович оказались сидящими так, что в поле зрения друг друга могли попасть, лишь с риском вывихнуть себе шеи. Расположение других присутствующих, скорее всего, тоже подчинялось законам тщательно продуманной схемы. Сама Ира очутилась между Толиком и Жориком, слегка наискосок от Радного. Какими именно соображениями руководствовался, организуя такую дислокацию, Генка, для Иры оставалось загадкой, но она доверилась его руководству, ощущая, что, как минимум, это меньшее из зол. С незнакомыми людьми сидеть не хотелось. С Игорем – тем более. Влад в компании Алиночки гораздо увереннее чувствовал себя, когда Ира не находилась в его поле зрения. А сам Генка был слишком занят, чтобы полноценно составить компанию. Зато «главные кони» наперебой принялись ухаживать за Ирой и своей веселой трескотней, почти всецело состоящей из дифирамбов в ее честь, отвлекали от напряжения натянутости и неловкости, которое она неизменно испытывала на столь многолюдных

застольях, да еще с весьма ограниченным количеством знакомых лиц.

Тем временем официальная часть с приветствиями и поздравлениями в форме тостов благополучно развивалась в соответствующем протоколу режиме. Естественно, Иру внимание не обошло, и не просто не обошло, а в какой-то момент полностью на ней сконцентрировалось. Ей даже несколько раз пришлось подняться и раскланяться. При этом посыпалась куча предложений вплоть до общегородского уровня. Генка пришел Ире на помощь, провозгласив, что все это вполне решаемо в рабочем порядке:

- Так что на недельке звоните, не стесняйтесь!

Он тут же объявил себя Ириным представителем и принялся раздавать визитки. Ира на мгновение оказалась в шоке, но Генка, поймав ее взгляд, заговорщически подмигнул ей, и она успокоилась.

Постепенно толпу окутывали пары алкоголя, растворяя собой ауру официоза, и вскоре уже пили «за милых дам» и «за тех, кто в море». Когда эта стадия утвердилась окончательно, кто-то затеял танцы, и Ире, в силу проведенной широкомасштабной PR-акции, то и дело приходилось принимать приглашения.

Первыми, церемонно попрощавшись, покинули торжество несколько сугубо официальных лиц. После их ухода обстановка стала гораздо расслабленней, и те, кто вроде как с воодушевлением поглядывал на выход, резко поменяли направление своих взглядов. Ире, наконец, удалось отвести излишки внимания от собственной персоны и перестать быть объектом наиболее желанного партнерства в перемиинании с ноги на ногу под музыку. Они с Генкой, взяв по стакану сока, уселись на облюбованную еще во время увертюры к празднику скамейку.

- Генка, ты перепугал меня до полусмерти!

- Предложением принять все предложения? Ирчик! Неужто ты сама не понимаешь, что уже завтра никто об этом не вспомнит? А если и вспомнят, я такие условия выдвину, что отвянут в один момент! Если ты, конечно, не захочешь принять предложение. Мне тут Гаров целую лекцию по поводу особенностей твоей занятости прочел. Знаешь, ничуть не возражаю. Только, чур, не забывай наш давешний уговор: я, все, что ты сотворишь, скупаю на корню. Помнишь?

- Помню, Ген, – ответила Ира, краем глаза ловя, как Радный удалился вместе с Владом в дом.

- Кстати, видел, как ты над Женькиными бреднями потрудилась. Сказал ему, чтоб отложил все переводы, внес корректуру и давайте печатать будем.

- Так в ближайшее время мне ждать правленных текстов?

- В самое ближайшее. Я сказал, чтоб он не тянул с этим. Кстати, постарайся не сбегать отсюда раньше времени.

- Ожидается что-то экстраординарное?

- Нет. Просто мне бы хотелось после мероприятия вместе с тобой к Гарову завалиться.

- А если поздновато получится?

- Какая разница?! Он тебе, Ирчик, завсегда рад.

- Ты знаешь, действительно всегда был рад, только я к нему ни разу посреди ночи не заявлялась.

- Ирчик, поверь, все классно будет. Ты, главное, без меня отсюда не уходи.

- Ладно, как скажешь.

- Пойдем к столу?

- Пошли.

Пока народ тусил – частично танцую, частично болтая, разбившись на небольшие группки, частично обжимаясь по-за кустами – официанты привели стол в первозданно праздничный вид, и Генка, со сноровистостью пастушьей собаки, быстренько собрал всех за ним. Второй круг застолья обошелся без официоза, и сразу приступили к «за милых дам» и «за тех, кто в море». Когда возобновились танцы, Иру пригласил Влад. Ира сразу почувствовала, что он сильно взволнован.

- Что случилось? Ты ж не ради обжиманий меня плясать поволок?

- И ради обжиманий тоже... Но ты права – не только за этим.

- Так что случилось?

Ира, хоть и старалась держать постоянно в поле зрения Алиночку и Игорьку, и к своему спокойствию не замечала признаков желания пообщаться между ними, тем не менее, не имела абсолютной уверенности, что ничего не проглядела, а потому слегка волновалась, тем более что Алиночка счастливой не выглядела.

- Ира, мне Станислав Андреевич предложил возглавить сочинское представительство его фирмы.

- Что????!! Ни ... себе! Ты серьезно?

- Я – да. И он, по-моему, тоже. Хотя я поверить в это не могу.

- Знаешь, я как-то не замечала, чтобы он шутил... – Ира недолго помолчала. – Ну а ты, что?

- А как ты думаешь? Конечно, ошалел!

- А он?

- Он усмехнулся, сказал, что прекрасно понимает, что его предложение несколько для меня неожиданно. Назначил встречу в офисе на понедельник, и заверил, что целого воскресенья мне вполне хватит, чтобы свыкнуться с неизбежным.

- Так значит, его предложение – по сути вежливая форма приказа?

- Что-то вроде того...

- Ну что ж, Влад, я тебя поздравляю с назначением.

- Спасибо... – поблагодарил Влад с безнадежностью в голосе.

- Не дрейфы! Все нормально будет! Я, конечно, знаю Радного не так чтоб очень, но он не похож на человека, который не ведает, что творит.

- Ир! Он ведь меня сегодня впервые в жизни увидел!

- Зато он много о тебе слышал от меня и, надо думать, от Лешки – они больше суток вместе один на один провели. Кстати, попытай Лешку – может, что ценное узнаешь.

- Хорошо.

- И еще, бери-ка ты Алиночку, и езжайте домой. Она уже никакая, а в ее положении это очень вредно.

- А ты?

- За меня не беспокойся. Если честно – с огромным удовольствием составила бы вам компанию, но Генка попросил, чтоб я его здесь не бросала. Кстати, а Алине ты уже сказал?

- Нет еще.

- Вот и замечательно. Не говори, пока до дома не доедете. А как доберетесь, расслабитесь, вот тут и обрадуй, хорошо?

- Как скажешь.

Влад проводил Иру на место, занял свое, а минут через пятнадцать, извинившись, сообщил присутствующим, что им, к сожалению, пора домой. Радный проводил их до машины, и они уехали.

«Главные кони» продолжали весело трещать, но уже, к счастью, не дифирамбы, а анекдоты. Генка теперь сидел напротив Иры и, прижимая к себе весьма миловидную даму (когда успел?), всячески разжигал их словоизливаемый пыл. Ира от души смеялась, полностью расслабившись, благодаря отпавшей необходимости на всякий случай наблюдать за происходящим. Теперь она даже радовалась, что осталась. Вдруг на ее плечо легла горячая ладонь. У Иры от неожиданности внутри образовался вакуум.

- Ира, разрешите пригласить Вас на танец, – сказал голос Радного высоко над головой.

- Да, конечно... – Ира послушно поднялась.

Положив руки на плечи Радному, Ира снова обратила внимание на несоответствие восприятия его габаритов: он был достаточно высокого роста, но не настолько, насколько казалось на расстоянии.

- Как дела у Вас? – спросил Радный.

- Хорошо.

- Чем сейчас занимаетесь?

- Последнее мое занятие перед приездом сюда – в горы сходила с ночевкой.

- Завидую. Белой завистью, конечно. Надеюсь, в самом ближайшем будущем сам выберусь. Над книгой еще работаете?

- Можно сказать, почти закончила – только правки внести осталось.

- Чему в дальнейшем себя посвятить желаете?

- Если не будет интересных предложений, хотела бы какое-то время отдать живописи.

- Хорошая идея. Я видел Ваши работы благодаря Геннадию. Надо сказать, что если бы познакомился с ними раньше, непременно бы последовал его примеру в стремлении собрать все Ваше творчество у себя.

- Спасибо, очень приятно. Стас, мне Влад сказал, что Вы предложили ему возглавить свое сочинское представительство.

- Да. Это так.

- Он просто в шоке, – улыбнувшись, сказала Ира.

- Я и не ожидал иной реакции, но не собираюсь искать на эту должность другую кандидатуру. Лето я в основном проведу здесь, так что смогу ему помочь освоиться и нормально влиться в процесс.

- Только лето? – осмелев, спросила Ира с намеком.

Радный усмехнулся.

- Официально – только лето. И то – если говорить о моем официальном месте положения в пространстве – с частыми разъездами.

- Понятно.

Когда Радный провожал Иру обратно к столу, ей показалось, будто он что-то положил в карман ее брюк. Она хотела тут же глянуть, что это, но ее вниманием завладел Игорь Александрович, теперь сидевший напротив нее там, где, перед тем, как идти танцевать с Радным, Ира видела Генку.

- Фух! Ирочка! Весь вечер никак до тебя добраться не могу. Как дела у тебя?

- Нормально. Там твой ангелочек не заскучает, часом?

- Ира! Я сто лет тебя не видел! А тебе б только язвить!

- Игорь, не думаю, что ты совершенно не в курсе моих дел.

- Как же, как же! Конечно, в курсе! Тут про твою мебель прям легенды рассказывают! Каюсь, что когда-то в тебя не верил.

- Ну, Игорь, не ты один, – Ира по очереди скосила глаза на Толика и Жорика, которые виновато улыбнулись при этом. – А где Гена? – спросила она у них.

- Не знаем... Только что вроде тут был, – ответил за обоих Жорик.

Поводы удивляться, что Генку где-то носит, отсутствовали напрочь. Тем более, что за последнее время рядом с ним образовалась дама. Однако Ира слегка заволновалась, обведя глазами доступное взгляду пространство и не обнаружив его. Учитывая возможное нынче существование Логинава не в единственном экземпляре, Ира на поиски отправляться не стала, но все время оглядывалась по сторонам. Игореша что-то бубнил и все норовил вытащить Иру потанцевать. В конце концов, это ему удалось.

С наступлением темной звездной ночи веселье разгорелось с новой силой. Ира, дабы избежать вновь хлынувших любовных признаний И.А., постоянно танцевала то с Толиком, то с Жориком, но вскоре они, разгоряченные алкоголем, стали составлять ему нехилую конкуренцию. Ни Генки, ни его дамы на горизонте так и не появлялось. Ира набрала его номер – женский голос сообщил, что он либо выключен, либо вне зоны действия сети. В конце концов, Ирино раздражение достигло апогея, и она решила плюнуть на данное Генке обещание. Прикинув настроение окружающих, отличавшееся неумной приподнятостью, Ира поняла, что прощаться совсем не обязательно и, технично затерявшись от Жорика, Толика и И.А., направилась к проходу.

Ира потянула дверь – та, к ее удивлению, не поддавалась. Ира рассмотрела щель и попыталась раздвинуть ее – никакого результата. Что такое закрытый проход она до этого не имела «счастья» испытать, но в том, что проход закрыт, сомнений не возникало. Интересно, чего пытаются этим добиться Зив и Лоренц? Хотя, вполне возможно, зная, какое тут сегодня будет столпотворение, и закрыли от греха подальше? Как бы там ни было, Иру это, мягко говоря, не обрадовало. Но что делать! Она, стараясь не попадать в поле электрического освещения, тихонько пробралась к калитке и просочилась на дорогу. Беглый осмотр мест-

ности показал, что улица, по которой ей предстояло идти до трассы, абсолютно темная и на ощущение враждебная. Ира достала мобильник и нашла в нем телефон вызова такси:

- Девушка, примите, пожалуйста, заказ, – Ира назвала улицу и номер дома, но тут горячая рука обвила ее руку и вытащила из нее телефон. Ира вздрогнула всем телом – она не слышала, чтобы кто-то подходил к ней.

- Девушка, вышло небольшое недоразумение – отмените, пожалуйста, заказ, – прозвучал над головой голос Радного.

Ира в недоумении подняла на него глаза.

- Ира, что-то случилось? – спросил ее Радный.

- Нет. Всё нормально. Извините, что решила уйти, не попрощавшись, – Ире чувствовала себя крайне неловко.

- То, что не попрощавшись – это не страшно, но вот почему решили уйти?

- Устала просто, да и алкоголь в крови дает себя знать – спать хочется, – ответила Ира, тщетно пытаясь скрыть волнение.

- Ира, я прекрасно знаю, что алкоголя в Вашей крови ровно столько же, сколько и в моей – то есть ни грамма. Ну, а если устали – пойдемте, я создам Вам все условия для полноценного отдыха.

- Спасибо за заботу, но я лучше домой.

- Ира, да не волнуйтесь Вы! Это я закрыл проход. От Вас. Сегодня Вам придется остаться здесь. – Радный сказал это достаточно мягко, но совершенно непреклонно. – И не злитесь на Геннадия – он с моей подачи забыл о том, о чем сам Вас просил. Пойдемте.

- Хорошо, что Вы сказали мне о том, что волноваться ненужно, – пытаюсь хоть как-то овладеть собой, пошутила Ира.

Радный усмехнулся и приобнял ее за плечи:

- Однако, как вижу, Вы моему совету не вняли. Пойдемте, – повторил он, увлекая ее за собой.

- Стас, Вы начинаете пугать меня, – лишь для того, чтобы все-таки справиться с волнением, близким к истерике, проговорила Ира шутливым тоном.

- Только начинаю? – усмехнулся Радный.

Он вел ее так же, как давеча прошла она сама, стараясь не попадать в поле электрического освещения. Они зашли в дом и поднялись на второй этаж.

- Ложитесь, – указал ей Радный на диван. Ира послушно легла. Он укрыл ее пледом. – Можете пока поспать. – Радный выключил свет, прикрыл за собой дверь и ушел.

Поспать! Легко сказать! Перед поездкой сюда Иру одолевало что-то вроде предчувствия чего-то. Поначалу она связала его с внезапным явлением Игоря и наличием тут Алиночки. Потом ей показалось, что это предчувствие вызвано столь неожиданным предложением Радного Владу. Затем, в свою очередь, сие место заняло странное исчезновение Генки, а потом закрытый проход. Но все это теперь показалось мелочами жизни, предчувствовать которые никакой необходимости, естественно, не было.

Глава 43

Уровень личности

- Ира, я так полагаю, уснуть Вам не удалось? – спросил голос Радного в темноте.

- Нет, не удалось... – Ира не слышала, как он вошел, и, вздрогнув, приподнялась.

- Лежите, не вставайте, – остановил Радный ее порыв, но Ира в полностью лежащее положение уже не вернулась, устроившись полусидя на диване. – Я включу свет?

- Да, конечно.

- Не думаю, что отсутствие освещения препятствует Вашему восприятию сего мира, и все же излишние сложности нынче нам ни к чему, – сказал Радный, щелкая выключателем. – Вам и так сегодня пришлось проявлять стойкость, я прав?

- Более чем, – тяжело вздохнула Ира.

- Прошу Вас простить меня. Видите ли, на данный момент Вы в гораздо большей степени человек, чем я. Хотя на самом деле я в гораздо большей степени человек, чем Вы. Загрузил? Не обращайтесь! Постепенно все прояснится.

- Мне уже кое-кто говорил, что он в гораздо меньшей степени человек, чем я.

- Если не ошибаюсь, говорил Вам это автор книги, над которой Вы работали последнее время?

- Как Вы догадались?

- Мы знакомы лично, правда, на ином уровне. А здесь между нами действуют определенные соглашения. В начале его нынешней эпопеи я помогал ему с осознанием сути, но в дальнейшем мы более никогда не вмешивались в дела друг друга. Да и о моей помощи ему, он, как человек, вряд ли догадывается.

- А как не человек?

- Как не человек, он, безусловно, об этом знает, но действующие между нами соглашения, не позволяют ему сделать свое знание достоянием человеческого.

- Почему так?

- Его и меня объединяет одна цель. Но, поскольку мотивации у нас разные, видим мы эту цель с разных точек зрения и идем к ее достижению разными путями. По крайней мере, так было и есть сейчас. Как человек, он знает о моем существовании и подсознательно ощущает действия соглашений. Вспомните свои разговоры с ним обо мне, и Вы поймете, что это такое. Об этих соглашениях знаете и Вы, и даже в части из них сами участвуете, а потому ваши разговоры обо мне никогда не заходили дальше некоторой констатации некоторых фактов.

Ира удивленно посмотрела на Радного. Он посмотрел на нее вопросительно.

- Да. Это так, – ответила она на его вопросительный взгляд. – Но почему Вы так уверенно говорите? – пояснила она вопросом свое удивление.

- Потому что я знаю. А знаю я это, потому что являюсь человеком в минимально возможной степени. Так вот, учитывая то, что, хотя на самом деле Вы гораздо менее человек, нежели я, но сейчас являетесь сим в гораздо большей степени, мне пришлось несколько поколебать в Вас человеческое, дабы получить доступ к Вашей сути и кое-что поведать. Вы, вообще-то, многое из того, что я собираюсь Вам рассказать, и без меня знаете, а кое-что и гораздо лучше, чем я. Однако, знаете Вы это на очень глубоком уровне, который не находится в распоряжении Вашего сознания. Может быть, пока. Вы знаете многое, но есть и такое, что Вам лишь предстоит узнать и, собственно, для этого Вы и снизошли сюда – я имею в виду в бранный Мир Земной.

- Стас, кто Вы?

- Кто я? Я обязательно расскажу Вам. Позже. Сначала поговорим о том, кто Вы. Потом – о том, как и для чего создан этот мир. А уж лишь затем я Вам представлюсь. И после этого – поведаю Вам, как Вы сюда попали и зачем.

- Стас, Вы меня пугаете, – честно призналась Ира.

- Я знаю. И, поверьте, мне вовсе не хочется этого делать. Для человека – в полном смысле этого слова – все, что я уже сказал, и все, что собираюсь сказать – полный бред. Звучать действительно будет как бред, но лишь потому, что придется человеческими словами объяснять то, что познанию с их помощью недоступно. Однако мне придется попытаться все это Вам объяснить. От того, насколько Вы это поймете, именно человеческими мозгами поймете, зависит очень многое.

- Стас, меня последние вот уже года полтора, от всего этого ой как передергивает!

- Я знаю, Ира, но у Вас есть лишь один выход – смириться.

- Смириться, в смысле перестать бороться с обстоятельствами в пользу овладения собой?

- В смысле понять, что для Вас бытность человеком – лишь вопрос воплощения. Впрочем, это для всех так. Но таких, как Вы, среди людей сейчас, скорее всего, больше нет. Впрочем, такое всегда крайне редко случается.

- А Вы?

- Я – другое. Для Вас настал момент соединить узамы «Аз» с «Я». «Я» должно узнать максимум возможного об «Аз», чтобы затем поведать «Аз» то, что способно познавать лишь «Я». А смирение – это самый эффективный способ не мешать себе, то есть, не делать «Я» силой, противостоящей «Аз».

- Я не совсем поняла.

- «Аз» – это Ваша суть. Это то, чем Вы на самом деле являетесь независимо от воплощения и даже в его отсутствии. «Я» – это то, чем Вы являетесь, будучи человеком. В славянской азбуке зашифровано некое послание тем, кто воплощается в человека. Вам придется это послание расшифровать, потому что для Вас – это фактически полная инструкция к жизни на Земле. Не только для Вас, конечно. Неплохо бы каждому ее уяснить. Однако, именно для Вас это знание настоятельно необходимо.

- Вы меня заинтриговали.

- Я вам процитирую, а также попытаюсь соорудить что-то вроде перевода. Но самостоятельно расшифровывать все равно придется, потому что только таким образом Вы сможете досконально уловить суть и внедрить в себя, как основу для земного существования. Слушайте:

«Аз, буки веде, глаголи добро.

Есть живете зело земля, иже и како люди мыслете, наш он покой рцы – слово твердо.

Ук ферт хэр от, цы, червь, ша, ща.

Ер еры ерь ять!

Ю я.

Ие эс, ос, ес, ёс кси, пси.

Фита ижица».

А значит это примерно следующее:

«Аз, буки веде, глаголи добро» – личность, то есть суть, истинное «Я», зная все и даже непознаваемое, несет в себе Истину.

«Есть живете зело земля, иже и како люди мыслете, наш он покой рцы – слово твердо» – в период жизни на Земле, когда находишься во власти человеческого восприятия и мышления, именно и только суть наша является источником уверенности и равновесия, основы бытия – и это именно так и никак иначе.

«Ук ферт хэр от, цы, червь, ша, ща» – отдавая всего себя познанию того, что возможно познать и делая это безусловно, с полной отдачей, абстрагируешься от бренности земного существования, имеющего начало и конец, и всего, что имеет начало и конец; а также от законов, правил и предрассудков; а также от преходящих ценностей земной жизни; а также от безрассудства, безответственных, безотчетных порывов; а также от всего несущественного, того, что не является сутью вещей и явлений, но сопровождает их, отвлекая от главного, затмевая собой главное.

«Ер еры ерь ять!» – обрети чистоту, избавься от всего лишнего, что пытаются тебе навязать особенности земной жизни.

«Ю я» – тогда личность, то есть суть, истинное «Я» станет доступно человеческому сознанию.

«Ие эс, ос, ес, ёс кси, пси» – ведь сущее изначально и окончательно способно объединяться и сливаться воедино с тем, что имеет начало и конец, наделяя то, что имеет начало и конец своей силой, и тогда узы соединят то, что имеет начало и конец со всем сущим изначально и окончательно, и тогда узы соединят воплощения с сутью; и сольется воедино то, что имеет начало и конец с тем, что изначально и окончательно, и сольются воедино воплощение и суть от точки отсчета во времени для того, что имеет начало и конец, и от точки отсчета вне времени для того, что изначально и окончательно.

«Фита ижица» – преддрешение, предначертание направляет течение жизни.

Примерно так. Но на самом деле каждое слово здесь – очень емкое и многогранное понятие. Как только Вы расшифруете это для себя самостоятельно, каждое слово войдет в Вашу плоть и кровь во всем объеме всех своих смыслов и каждый раз, произнося мысленно или вслух каждое слово, Вы будете точно ощущать все то, что оно в себе несет. Но я все это затеял не для того, чтобы Вас азбуке учить, вернее, не только для этого. Итак, Ира, займемся «Аз», то есть личностью, то есть изначальностью, то есть основой, то есть сущью.

Земля, Солнечная система, галактики и вся Вселенная в целом – это крохотная часть Мироздания, которое представляет собой бесконечное множество живых энергетических токов или лучей – назовем это так. Сразу оговорюсь, в моем повествовании будет постоянная путаница с терминологией. Адекватной в человеческом языке не существует, и существовать не может в принципе. В частности, придется постоянно пользоваться понятиями времени и пространства, однако, во всем этом они не имеют никакого смысла, потому что многое, о чем я буду говорить, не подвержено ни пространству, ни времени.

В Мироздании все живое, но живое неодинаково. Все живое способно, то есть все вообще способно поглощать, трансформировать и излучать энергию, то есть принимать, обрабатывать, трансформировать и передавать информацию, которая в свою очередь тоже живое, то есть способное к тому же. Все живое, то есть все вообще, может быть подвергнуто преобразению и воплощению. Воплощение – это обретение личностью, а также безличными силами, какой-либо формы в какой-либо из систем Мироздания. Воплощение необходимо для сохранения основополагающих характеристик безличной силы, а для подавляющего большинства личностей еще и гарантия собственного существования, которое в развоплощенном состоянии далеко не всем удастся поддерживать длительный период. Преобразование – это качественные и количественные изменения личности или безличной силы, то есть изменения структуры, размера и мощности.

Безличные энергии способны к влиянию, но не осознают себя и окружающее и не обладают собственной волей. Они взаимодействуют, подчиняясь собственному влиянию, а также влиянию извне, а так же направленной извне воле. Взаимодействуя, безличные энергии могут соединяться. Если, соединившись, они в совокупности определенным образом качественно преобразуются, опять-таки под действием собственного влияния, влияния извне или под действием направленной извне воли, то возникает личность, то есть энергетическая структура, способная к осознанию себя и окружающего.

Энергетические структуры, то есть личности, как, впрочем, и безличные силы, различаются по своим качественным и количественным характеристикам. Однако количественные характеристики, то есть мощность и размер, никак не влияют на устойчивость, то есть жизнеспособность энергетической структуры, а так же на возможности

самостоятельного воплощения и преобразования, так как от мощности и размера зависят лишь количественные характеристики влияния и никак не зависит степень обладания волей. Поэтому классификация личностей производится по их качественным характеристикам.

Личности первого уровня отличаются от безличных сил лишь способностью осознавать себя и окружающее. Однако осознание себя и окружающего порождает стремление пытаться управлять собственным влиянием и влиянием извне. Это стремление и есть зачатки воли.

Ира, надеюсь Вам понятно, что я имею в виду, используя термин «воля»?

- Думаю, что да... Вольная воля... отпустить на волю... сила воли...

- Верно. Вы правильно ощущаете, но я хочу, чтобы Вы до конца понимали. Так вот, воля – это, что хочу, то и делаю. Однако и влияние – это тоже, что хочу, то и делаю. Но разница между тем и другим «что хочу, то и делаю» принципиальна.

- То есть, к примеру: хочу встать в 4 утра, чтобы встретить рассвет; звенит будильник – хочу спать. Если я хочу встать в 4 утра и встаю, несмотря на желание спать – это действие воли. Если я продолжаю спать, несмотря на желание встретить рассвет – это действие влияния.

- В точку! Только учтите, что бывает и с точностью наоборот: исполнение своего желания встретить рассвет – действие влияния, а следование необходимости выспаться – действие воли. Воля – это, что хочу, то и делаю, не потакая и не поддаваясь влиянию.

У личностей первого уровня воля существует лишь как следствие осознания, и хватает ее лишь на сам процесс осознания. Она не может противостоять ни внутреннему, ни внешнему влиянию. А потому все процессы, а именно: продолжение или прекращение существования, преобразование, как количественное, так и качественное, воплощение – происходят под действием влияния, как внутреннего, так и внешнего, а так же воли извне, то есть воли более совершенных личностей. Если перевести в человеческие категории, то личности первого уровня это те, у кого бытие определяет сознание, воспитание – поведение, образование – занимаемую должность и тому подобное. Правда, люди, которые полностью попадают под данное описание, не обязательно являются личностями первого уровня. Человеческое воплощение накладывает свой отпечаток, но об этом – позже.

Личности второго уровня отличаются от личностей первого тем, что с помощью воли пытаются направлять свое влияние так, чтобы оказывать сопротивление внешнему. Если сравнивать с человеческим миром, более всего личности второго уровня похожи на детей в период активности духа противоречия. А если провести аналогию со взрослыми людьми то: бытие определяет их сознание, но они клянут это бытие изо всех сил; воспитание определяет их поведение, но они при каждом удобном случае стараются выкинуть что-нибудь в пику своим воспитателям; образование определяет их должность, но они вечно недовольны своими начальниками и подчиненными и

строят им козни и тому подобное. Безусловно, такая воля тоже мало пригодна для осознанного, целенаправленного преобразования и воплощения, но наделяет личность большей устойчивостью. К тому же процессы преобразования, хоть и без должного направления, идут более активно. И стремление как-то воплотиться, дабы сохранить себя, тоже усиливается. Это что-то вроде стремления приобрести какие-то навыки, стать кем-то, дабы заставить считаться с собой.

Личности третьего уровня с помощью воли стремятся не только сопротивляться влиянию извне, но пытаются осуществлять и созидательную деятельность вовне, для чего начинают направлять волю и на собственное влияние, пытаясь управлять и им тоже. Если по-человечески, то: бытие определяет их сознание, но они пытаются менять бытие; воспитание определяет их поведение, но они пытаются подстраивать его под конкретные условия; образование определяет занимаемую должность, но они стремятся получить другое образование, если должность их не устраивает и тому подобное. Опять-таки, если Вы встретили человека, полностью подходящего под это описание, это вовсе не значит, что он является личностью третьего уровня. Человеческое воплощение тем и прекрасно, что открывает необозримое количество шансов, но об этом потом.

Личности четвертого уровня обладают такой сильной волей, что способны абсолютно на все. Они способны контролировать и направлять любые, как внешние, так и внутренние процессы. Этим личностей принято называть великими. Вот тут в соотношении с человеческим миром царит почти полное соответствие. Почти все люди, признанные великими – это великие личности. Правда, далеко не все великие личности значатся в списках великих людей.

Это, конечно, очень грубая классификация. Каждый уровень имеет бесконечное множество подуровней, как по вертикали, так и по горизонтали, а также есть бесконечное множество промежуточных форм. Еще раз повторюсь – вся терминология и классификация крайне символичны.

Переход с одного уровня на другой возможен в любую сторону и осуществляется через преобразование. Преобразование можно осуществлять как в воплощенном, так и в развоплощенном состоянии. При этом осуществлять качественное преобразование, меняющее уровень личности, больше возможностей именно в развоплощенном состоянии, однако эти возможности столь велики, что, вместо того, чтобы повысить свой уровень, можно запросто прекратить свое существование. Дело в том, что само развоплощенное состояние и есть постоянное непрерывное преобразование, направить которое дело нелегкое. О преобразении в воплощенном состоянии мы поговорим чуть позже.

Все живое в самом принципе не имеет начала и, соответственно, конца, однако начало существования, а соответственно, и, потенциально, его окончание есть у энергетических структур, то есть у личностей, вплоть до четвертого уровня.

Над всем этим стоит пятый уровень – «высшее общество» – назовем его так, потому что личностей пятого уровня так и называют – высшие. Это личности, которые в отличие от других, как и все живое, то есть все вообще, не имеют начала и конца, то есть, они изначальны и окончательны. Их существует строго определенное, само собой, постоянное и очень небольшое количество, конечно, относительно всех остальных энергетических структур. Их воля, распространяется бесконечно широко вовне, и бесконечно глубоко внутрь. Их способности, как и период существования, не ограничены ничем. К тому же они неограниченно могут находиться невоплощенными – для энергетических структур, имеющих начало, даже самых высокоорганизованных, развоплощенное состояние зачастую оказывается губительным, а потому в нем не принято задерживаться. И, как Вы понимаете, для энергетической структуры, имеющей начало, четвертый уровень – это предел.

Итак, как я уже говорил, преобразование – это изменение энергетической структуры, а воплощение – обретение формы в какой-либо определенной системе. В нашем с Вами нынешнем случае системой является Вселенная, а в более узком, конкретном понимании – планета Земля. Воплощение в нашем с Вами нынешнем случае – биологическая структура, называемая человек.

Нынешней зимой Вы претерпели яркое преобразование. Я помог создать условия для этого, так как Ваш успех не вызывал сомнений. А вот Рауля я втянул в очень опасную игру. Притом опасную для него не только как для человека. Но Вы позаботились о том, чтобы не причинить ему вреда.

- Стас, мне тут пытались объяснить кое-что по поводу этой ситуации, но я, признаться, не особо поняла. Что касается технологии, то тут более-менее все ясно, по крайней мере, настолько, насколько это возможно. Но вот зачем? Зачем Вы это сделали, тем более зная, что Раулю грозит опасность?

- Ира, сделал я это, образно говоря, по Вашей просьбе и с его согласия. Почему я считаю, что по Вашей просьбе? Если говорить о человеческом уровне, то я уже Вам объяснял, что стало для меня Вашей просьбой. Поверьте, на не человеческом уровне она тоже, так сказать, прозвучала. Почему я считаю, что с его согласия? Если говорить о человеческом уровне, Ира, надеюсь, Вы видели, как Рауль смотрел на Вас? Так вот, это качество его взгляд приобрел при первом о Вас упоминании.

- И этого Вам было достаточно?

- Более чем. Кстати, а по поводу технологии, кто Вас информировал, если не секрет?

Ира замялась. Несмотря на то, что Радный тут излагал, она не решалась признаться, что сказали ей об этом кошка с собакой. Радный усмехнулся:

- Если не ошибаюсь, по поводу параллельных и силы расталкивания Вас проинформировали стражи сети проходов, один из которых я сегодня от Вас закрыл?

- Да.

- А что они Вам сказали о возможной цели?

- Что вроде как я могу забрать себе трансформированную силу расталкивания.

- Чуть. Но они и не могли Вам по-другому это объяснить. Отчасти потому что сами не все знают, а отчасти потому, что Вы на тот момент не готовы были это понять. Ну а после? Кто-нибудь, что-нибудь говорил Вам об изменениях в Вас.

- Да.

- Что именно?

- Что я стала больше, но не вовне, а в глубину. Для сравнения использовалась наполненная водой ванна, из которой выдернули пробку.

- Вот это уже ближе к истине. Ира, не думаю, что Вам об этом еще никто не говорил, потому что сам на это Вам намекал, но уверен, что Вы так до сих пор и не осмелились догадаться. Ира, по сути Вы являетесь высшей энергетической структурой, то есть личностью пятого уровня. Вы предприняли ряд безуспешных попыток воплотиться в человека, и в конце своей прошлой земной жизни трансформировали свою энергетическую структуру, так, чтобы она походила на структуры, обладающие лишь относительной устойчивостью, считая, что это поможет полноценно воплотиться. Так и случилось.

Основное отличие высших личностей от всех остальных состоит в том, что у них нет предела. В процессе трансформации Вы создали в своей структуре нечто вроде искусственного предела. Благодаря этому Вы благополучно воплотились и не испортили себе тело, что неизменно случалось все предыдущие разы. Но как только у Вас начался процесс осознания сути, обязательность искусственного предела утратила необходимость. С помощью трансформированной силы расталкивания его удалось ликвидировать.

- Стас, а что такое этот предел?

- У энергетической структуры пятого уровня есть неограниченная возможность отделять от себя энергетические поля и токи, бесконечно уходить вглубь себя. У всех остальных личностей есть предел – у кого ближе, у кого дальше – миновав который, личность прекращает свое существование как личность, распавшись на безличные силы. То есть, стать больше и сложнее, как говорится, не проблема, а вот до бесконечности отделять от себя то, что вроде как является тобой без ущерба для своей сути, до бесконечности распадаться доступно только личностям пятого уровня.

- Ладно. Это более-менее понятно. И еще, я думаю, что понимаю правильно то, что Раулю эти игры грозили, так сказать, нисходящим преображением, вплоть до полного уничтожения. Это так?

- Насчет полного уничтожения, это вряд ли, но вот значительно сдать свои позиции он вполне мог.

- Почему же он согласился?

- Для любой энергетической структуры связь с высшим, как говорится, дорого стоит. Ну, скажем, как для простого человека личное знакомство с президентом. Ради этого оправдан почти любой риск.

- Но...

- Ира, разумеется, как человек, он ни о чем таком понятия не имеет.

- Хорошо. Вы говорили, что я позаботилась, чтобы не причинить ему вреда. Мне интересно, как?

- Сначала о том, почему я не сомневался в Вашем успехе. В любом случае, с большими или с меньшими потрясениями для себя, как для человека, Вы бы использовали силу расталкивания для избавления от искусственного предела. Вы же всю ситуацию построили так, чтобы изолировать от действия этой силы Рауля.

- Но как?

- Ира, неужели это нуждается в объяснении? – Радный улыбнулся.

- Мне было страшно, – задумчиво проговорила Ира.

- Так выражалось то, что Вы, как личность, сдерживали себя, как человека, дабы не навредить Раулю.

- Я сейчас, наверное, с ума сойду! – со вздохом воскликнула Ира.

- Наберитесь сил. Сегодня нам еще многое предстоит обсудить. А продолжим мы разговор темой творчества. Творчества в категориях Мироздания.

Творчество в своем высшем проявлении – это создание замкнутых или относительно замкнутых систем, в которых возможно воплощение. Преображение и воплощение – это тоже творчество. Собственно, замкнутая или относительно замкнутая система создается посредством преобразований и воплощений. К этому, на самом деле, способны личности абсолютно любого уровня и даже безличные силы. Правда, в случае безличных сил и личностей первого и второго уровней сие творчество, представляет собой просто манипулирование информацией, то есть энергиями, и в данном случае создание, естественно, под стать создателю. Как именно сотворяют миры, Вы, как «Аз», прекрасно знаете и не раз этим занимались, но Вы, как «Я», скорее всего, не имеете об этом никакого представления.

- Извините, можно вопрос?

- Да. Конечно.

- Вы сказали, что миры замкнуты или относительно замкнуты, то есть они имеют границы, так?

- Да.

- У человечества есть мнение, что Вселенная бесконечна.

- Вселенная внутри себя действительно представляет собой бесконечное пространство.

- Но если Вселенная бесконечна, значит, она не имеет границ.

- Пространственных – нет. Но пространство – это внутренняя характеристика Вселенной. Понимаете, Мироздание не подвержено пространству и времени, хотя создаваемые в нем миры могут обладать этими характеристиками. Видите, как мы сильно привязаны в нашем мышлении к пространству. Даже Мироздание в нашей терминологии представляет собой нечто вроде какого-то пространства, вместилища, но это не так, а как – объяснить нет никакой возможности. Но двинемся дальше.

Процесс сотворения мира, если его сравнивать с земными человеческими процессами, похож на сплетение воображения со сновидением, то есть это – сознательное включение воображения в сновидение, либо... как бы это объяснить... В общем, вы в бодрствующем состоянии погружаетесь в воображение настолько, что оно фактически становится сновидением. В этот момент происходит мощное поглощение энергетических токов, и затем целенаправленное излучение. Вы даже не представляете, сколько людей, и не только людей, на Земле, едва ли отдавая себе, в смысле «Я», в этом отчет, сумели сотворить свои миры и даже впоследствии воплотиться в них. Вы, Ира, этим нынче не занимаетесь лишь потому, что Ваша задача на данный момент состоит в том, чтобы разобраться с этим миром, а не создавать новые. Миры, конечно же, у всех получаются разные – сложные и простые, устойчивые и неустойчивые. Все они кардинально отличаются своими системообразующими законами и излучениями. Ира, признайтесь честно, Вам этот мир должен казаться очень странным.

- Вы правы. Еще в детстве мне законы земной жизни казались до безобразия искусственными, надуманными, абсурдными.

- Мир, в котором мы с Вами сейчас находимся, с одной стороны по многим параметрам далек от совершенства, но с другой стороны он обладает некоторыми исключительными свойствами. Во-первых, этот мир плод сотворчества. Правда, в этом он не особо оригинален, но все-таки таковы не все миры. Во-вторых, на самом деле это не один мир, а целая система взаимосвязанных миров. То есть, с одной стороны он вроде как один, однако многоуровневый, а уровни рассчитаны на разную систему восприятия – думаю, Кастанеду читали и про точку сборки знаете. И, в-третьих, он наделен одной поистине уникальнейшей особенностью.

Все миры создаются в первую очередь с целью воплощения. Любое воплощение в любом мире создает условия для устойчивости и преобразования. Однако, везде непосредственная возможность преобразований лишь количественная, которая переходит, в конце концов, в качественную, то есть выводит личность на иной уровень, но требует неимоверных затрат времени, если говорить в реалиях Вселенной, хотя время здесь абсолютно ни при чем, просто иначе объяснить совершенно не представляется возможным. Так вот, определенная системообразующая сила, энергия Вселенной предоставляет как непосредственную не только возможность количественного преобразования, но и качественного. К тому же здесь есть сила, энергия способная сама по себе затягивать разрозненные энергетические токи и через процесс рождения преобразовать их в личность первого уровня, которая в процессе жизни здесь, пользуясь возможностью непосредственного качественного преобразования, имеет шанс преобразиться вплоть до четвертого уровня! Ира! Такой возможности больше нигде не существует! Преобразование сгустка энергий в личность – дело на самом деле не такое уж хитрое. Но вот сразу обеспечить ее воплощением, то есть не дать распасться на безличные токи, едва соединив-

шись, и при этом дать возможность непосредственного качественного преобразования – свойство на самом деле уникальное. Другое дело, что пользоваться этой возможностью никто никого не заставляет и не обязывает. У каждой личности есть полная свобода выбора.

Возможностью непосредственного качественного преобразования наделены все воплощения всех миров системы Вселенной. Но наиболее полно и ярко, с потрясающими результатами может ею воспользоваться родившийся человеком. В этом смысле человек – действительно венец творения. Люди даже не представляют, ЧТО им дано! Безусловно, это лишь потенциальный шанс, и у человека, как у любого другого существа, есть свобода выбора: пользоваться им или нет. И люди борются за мифические права и даже не думают осуществить свое реальное, действительно стоящее право, осуществление которого никоим образом не зависит ни от государств, ни от соблюдения в них законов. За осуществление этого права, если и нужно с кем-то бороться, так только с самим собой.

Понимаете, в других мирах возможности непосредственного качественного преобразования просто не существует, то есть оно в принципе возможно и, в конце концов, происходит, но лишь опосредованно. Во Вселенной эта возможность есть для всех воплощений всех ее миров, а для воплощения «человек» снабжена еще и целым многообразием всевозможных дополнительных и очень эффективных способствующих и помогающих средств. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь именно с этой целью Вселенная и создавалась. Именно с этой целью создавалось уникальное воплощение «человек». Удивительно и непонятно другое. Дело в том, что уникальнейшей возможностью непосредственного качественного преобразования мало кто пользуется, по крайней мере, из тех, для кого она, собственно, и создавалась. Да, ее весьма ценят высокоорганизованные структуры, но...

Вообще, именно человеческое воплощение, которое потенциально и может дать самые потрясающие результаты, вызывает самые ярые протесты. Надо сказать, не без оснований. Человеческая идея борьбы добра и зла, которая человечеством успешно утверждается и воплощается, наделяет Вселенную весьма отвратительным излучением, что привело некоторых к идее рассеять ее целиком и полностью. К тому же единственный по-настоящему веский аргумент в пользу существования Вселенной в целом и человеческого воплощения в частности катастрофически слаб, потому что считается, якобы за весь период существования этого мира результаты использования возможности непосредственного качественного преобразования настолько плачевны, что фактически равны нулю. Да, признается, что целый ряд энергетических структур второго и третьего уровня свой уровень повысили. Есть также энергетические структуры первого уровня «подросшие» во Вселенной, но они до этого уже воплощались в иных системах. Так что, упорно считается, что ни один энергетический сгусток, преобразованный в личность посредством безличной втягивающей силы Вселенной и воплотившийся в человека, так и не доразвился ни до чего

путного, притом, после окончания своего существования в этом Мире большинство из них снова рассеиваются, не оставляя следа. Считается, что раз не происходит того, что задумывалось, значит оно, хоть и возможно потенциально, на практике неосуществимо.

Ира, если честно, на самом деле так и есть. И все-таки все это не совсем так. Я знаю, по крайней мере, один пример, когда посредством рождений человеком, изначально разрозненные токи соединились и достигли четвертого уровня и даже превзошли его, хотя это, казалось бы, невозможно в принципе. Ира, это – я.

Земля – моя мать в полном смысле этого слова. Я родился здесь. Понимаете, меня не было вовсе, пока я здесь не родился. После третьего круга, я, будучи уже энергетической структурой четвертого уровня, какой-то период пребывал в развоплощенном состоянии и тогда узнал о существовании других систем, а так же и то, что моя родная система своим бытием не вызывает восторгов. В особенности, то воплощение, которое, по сути, дало мне абсолютно всё. Понимаете, этот мир создал меня. Я его по-настоящему люблю. Так вот, я вновь вернулся сюда и прошел через все возможные здесь воплощения во всех параллелях. Это было своего рода исследование, потому что я по сути своей человек, то есть мне более всего нравится быть человеком.

Чем дальше развивалось человечество, тем большее недовольство вызывала Вселенная в целом. Однако она нравилась не только мне. Здесь в определенных существ воплощаются очень высокоорганизованные осознания вплоть до пятого уровня. Когда человечество стало представлять угрозу для существования этого мира, они попытались людей уничтожить. Началось что-то вроде войны, правда, не в том понимании, как это представляют себе люди.

Я встретился с одним из этих существ – воплощение энергетической структуры пятого уровня. Нам удалось достигнуть договоренности повременить с принятием относительно человеческого воплощения окончательного решения. Я предложил себя в качестве посла к сущностям пятого уровня, имевшим отношение к созданию Вселенной. Дерзкая идея! Дело в том, что в «высшее общество» допускаются исключительно только его члены. Однако о происхождении там никто не спрашивает. Извините, Ира, что рассказываю в земных категориях – по-другому не получается. Так вот... а не спрашивают там о происхождении по одной простой причине: никто, кроме энергетических структур пятого уровня, туда попасть в принципе не может. Я – попал. И нашел там Вас. Вы имеете отношение к созданию Вселенной. Вы не раз воплощались во Вселенной, правда, в совершенно иных формах, нежели человек. Мне удалось привлечь Ваше внимание к источающему незнанию что миру и заинтересовать его проблемами. В общем, Вы согласились воплотиться в нем.

Первая попытка прошла не просто неудачно, а по-настоящему катастрофически. Женщина умерла в страшных муках в момент зачатия. Тогда Вы и попросили автора книги, над оформлением которой Вы работали последнее время, помочь Вам воплотиться. Он – осознание

четвертого уровня, и не раз воплощался на Земле. Похоже, что пребывание здесь забавляет его поиском лазеек в системных законах. К тому моменту он, видимо, уже всем, чем мог, наигрался, однако, отказывать Вам в помощи не стал. Когда он воплотился, я сам помог ему соединить «Я» с «Аз». И пошло-поехало. Вы предприняли ряд неудачных попыток, прежде чем, в конце концов, сумели стать полноценным человеком.

Видите ли, еще ни один высший не воплощался в обычное человеческое тело. Даже личности четвертого уровня трансформируют тела для своего воплощения. Вы же пошли на то, чтобы трансформировать свою энергетическую структуру.

И вот теперь «Я» с «Аз» в Вас начали соединяться. И, думаю, вскоре Вам предстоит встреча с тем существом, о котором я упоминал.

Так вот, Вы нынче в большей степени человек, чем я, потому что связь «Я» с «Аз» в Вас только наметилась. Я же – единое целое уже не первое воплощение. Но по сути Вы – гораздо менее человек, чем я. Вы – осознание, предпочитающее существовать развоплощенным, лишь иногда развлекаясь посещением миров, а я... Я – человек. Я – Земной! Это – мир, который дал мне осознанную жизнь! Я по-настоящему люблю его со всеми его казусами и абсурдами.

Я понимаю, что, по большому счету, Вам здесь нечего защищать, но неужели у Вас этот мир вовсе не вызывает никаких положительных эмоций? Этого быть не может! Ира, ведь какой бы он ни был, он по-настоящему прекрасен, прекрасен даже в своих худших проявлениях!

Ира, я – единственное из имеющих начало осознаний, которое смогло добраться до вас, до недостижимых и непостижимых.

Ира, понимаете, этот мир – это не цель. Этот мир – это средство. И какое средство!

Глава 44

Критерии вменяемости

Ира проснулась. Она лежала одетая на своей не разостланной кровати, под пледом, которым ее укрыл Радный накануне ночью в своем доме. В ушах все еще звучал его голос. Всё, что он на нее обрушил, мигом пролетело в сознании. Ира тяжело вздохнула: уж кто-кто, а Радный сумасшедшим ну никак не выглядел.

Ира встала, машинально разделась и отправилась в душ. Там она долго стояла под струями почти кипятка в состоянии без мыслей и ощущений. Вышла, не вытираясь, натянула на себя шортики с топом и спустилась вниз.

- К водопаду идем? – спросил Зив.

- Пошли... – равнодушно ответила Ира.

До самого возвращения домой Ира молчала. Зив и Лоренц – тоже. Дома она на пороге встретила Татьяну Николаевну, которая уже шла к себе, и они обменялись лишь пожеланиями друг другу доброго утра. Ирино появление в гостиной приветствовало пение мобильного.

- Доброе утро, Палладина! К тебе можно?

- Заходи.

Буквально через пару минут Женечка материализовался в гостиной. В руках у него красовалась пачка бумаги, а на лице все признаки бессонной ночи, тотальной усталости и прекрасного настроения.

- Это тебе, Палладина. Правок очень мало. Я все номера страничек, где их нужно внести, отдельно на листочек выписал, чтоб тебе лишку не напрягаться.

- Спасибо, Жень.

Она взяла из его рук пачку бумаги и унесла наверх. Потом они о чем-то болтали, и Ира усиленно демонстрировала самое что ни на есть беззаботное настроение.

- Поправишь и можешь на диск скидывать и Генке отдавать, пока он здесь, а он дальше пусть уже сам разбирается, что со всем этим делать, – сказал напоследок Женечка и ушел к себе.

Внесение правок много времени не заняло. Ближе к полудню она известила Генку, что все готово.

- Ирчик, я сейчас к тебе приеду.

- Может, тебя через проход провести?

- Ни к чему. Не напрягайся. Минут через двадцать-тридцать буду.

Генка, едва переступив порог Ириноного дома, принял на все лады извиняться за вчерашнее.

- Генка, да перестань ты! Всё нормально! Вот и Женечка правки внес, а то завалились бы к нему – так еще бы день-другой проваландался.

- Хочешь сказать, он всю ночь сидел?

- Судя по его счастливому и усталому виду, так оно и было. Знаешь что, Генка, а давай рванем на море!

- Ирчик! Классная идея!

Они отправились на самый обычный городской пляж в районе гостиницы Приморской, где остановился Генка, и не без труда выискали себе небольшой клочок свободной гальки.

Ира машинально констатировала, что за весь период своей жизни более всего поражалась тем, происходившим с ней вещам, которые происходят повсеместно, касаются всех и, соответственно, считаются самыми обычными настолько, что не считается нужным обращать на них внимание и придавать значение. Когда Женечка взял ее на заповедный пляж, Ира, естественно, испытала очень сильное удивление и замешательство, но то были вполне понятные, чисто человеческие чувства. Здесь же на самом обычном пляже, в самой обычной обстановке разгара курортного сезона она чувствовала себя, как... Ира даже не могла сама себе описать, как именно...

Для нее с самого детства было величайшим потрясением, что И С НЕЙ ТОЖЕ МОГУТ ПРОИСХОДИТЬ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ПРОИСХОДЯТ СО ВСЕМИ ЛЮДЬМИ. То, что в пространстве Земли можно перемещаться не только обычным способом, но еще и с помощью проходов, потрясло ее гораздо меньше, вернее, не потрясло вовсе, по сравнению, к примеру, с тем, что она, как все самые обычные дети, идет в школу. Вот это для нее явилось истинным чудом. И так происходило буквально на каждом шагу.

Вернулась Ира домой около семи вечера. Она поднялась в спальню переодеться – вечер повеял прохладой, и в шортиках стало зябко. На кровати так и валялся ее льняной костюм. Ира надела джинсы и рубашку с длинным рукавом, а затем взялась повесить костюм в шкаф. Когда она расправляла брюки, в кармане что-то зашуршало. Ира тут же вспомнила, как Радный, провожая ее к столу после танца, будто что-то положил в него. Ира с замиранием сердца засунула в карман руку и вытащила смятый клочок бумаги. На нем от руки, почерком далеким от красивости было написано:

«Аз, буки веде, глаголи добро.

Есть живете зело земля, иже и како люди мыслете, наш он покой рцы – слово твердо.

Ук ферт хэр от, цы, червь, ша, ща.

Ер еры ерь ять!

Ю я.

Ие эс, ос, ес, ёс кси, пси.

Фита ижица».

Ира села на кровать. В этот момент от стремительности ее движения листок на миг всколыхнулся, показав другую сторону, на которой тоже была надпись, только покороче. Она перевернула листок и прочла:

«Следуй за черной гадюкой».

Ира какое-то время просидела в ступоре. Правда, из времени она выпала и с точностью не могла бы сказать, сколько именно его прошло – минута, час, день, месяц, год... Потом она встала, зажав листок в руке, и спустилась в гостиную.

- Зив! Лоренц! – позвала она с лестницы.

Зив прыгнул с дивана, Лоренц – с кресла, и они подошли к ней.

- Что-то случилось? – спросил Зив.

Ира, не говоря ни слова, села на диван и положила на стол листок вверх стороной, где был написан славянский алфавит. Зив и Лоренц внимательно изучили письмена, после чего Лоренц промурлыкал:

- Это ключ, к которому нужно найти ключ, чтобы он стал ключом.

Ира, не говоря ни слова, перевернула листок. Зив и Лоренц снова занялись изучением.

- Кто тебе дал это? – спросил Зив.

- Радный вчера положил в карман.

Зив и Лоренц многозначительно переглянулись.

- Черная гадюка будет твоим проводником к тому, кто посылал тебе приглашения, – проорчал Зив.

- И где мне ее искать? – спросила Ира.

- Ее не нужно искать. Она сама тебя найдет. Нужно просто следовать за ней, когда это случится, – промурлыкал Лоренц.

- Ясно, – Ира взяла мобильник и набрала Женечку. – Привет, Жень! Не сильно отвлекаю?

- Отвлекаешь, но не сильно. Что-то случилось? – судя по голосу, Женечка явно был очень занят.

- Нет, ничего. У меня просто тут один маленький праздный вопросик, так что, если ты занят, я задам его как-нибудь в другой раз.

- Задавай сейчас, раз уж позвонила.
 - Жень, что ты знаешь о славянской азбуке?
 - Ясно. Я сейчас приду, – сказал Женечка и тут же отключился.
- Ира с немой вопросом посмотрела на Зива и Лоренца.

- Хорошо если от твоего «маленького праздного вопросика» он со стула не свалился и не покалечился, – ответил Лоренц на немой Ирин вопрос.

Женечка появился в гостиной минут через пять-десять, держа в руке несколько листов бумаги.

- Это тебе, – сказал он, протягивая листки, – чтобы время на словари, энциклопедии и интернет не тратила. Потом тихо сама с собою разберешься, а сейчас давай кофейку глотнем. Сваришь?

- Сварю, – ответила Ира и ушла на кухню.

Судя по всему, Женечка отправил ее варить кофе только для того, чтобы пошутиться с Зивом и Лоренцем. Ира слышала их приглушенные голоса, а когда вернулась, застала с усиленно невинными выражениями во взглядах.

- Да знаю я, что вы мне кости мыли! Так что можете не напрягаться.

- А мы и не напрягаемся! – тоном провинившегося шалуна лет шести, сказал Женечка.

- Ага! То-то, я смотрю, лица как приклеенные!

- Ну спросил я, чем ты тут занимаешься! Ну и что теперь?

- Да ничего, собственно... Мне даже неинтересно, что именно тебе отвели.

- Вот как? А что же тогда тебе интересно?

- Интересно, почему меня не спрашиваешь.

- Ну, если ты заметила, конечно, то мне возможность начать спрашивать тебя, пока никто не предоставлял.

- Да ты и не собирался!

- Верно.

- Вот это мне и интересно! А еще и то, почему ты не спрашиваешь, с чего это я решила, что ты не собираешься меня спрашивать? А еще – с чего это ты так лихо примчался, да еще и, как говорится, во всеоружии?

- Ира, – неожиданно очень серьезно сказал Женечка, – ты, как видно, нашла подходящий тебе ключ, и мои функции резко поменялись. Я более не вправе даже пытаться вести тебя. Могу лишь помогать, и то лишь в том случае, если ты сама меня попросишь.

- С чего это ты вдруг так решил?

- Ты спросила про азбуку.

- Жень, я очень про многое тебя спрашивала.

- Азбука – это ключ.

- Меня уже известили об этом, но что это значит?

- Объяснить могу лишь метафорически. Это ключ в Изначальность, в Первопричинность, в Запредельность.

- Бред какой-то! Жень, я не против Изначальности, Первопричинности и Запредельности, но то, что ключ от них славянский алфавит – это уж слишком!

- Почему?

- Знаешь, национализмом попахивает.

- Ира, славянская азбука – это не единственный ключ. Видишь ли, чтобы отомкнуть обычную дверь, нужно взять ключ, который подходит к ней, а чтобы отомкнуть ту дверь, нужно найти ключ, который подходит конкретной личности. Ключей очень много. Они разбросаны повсюду. Мифы, сказки, всевозможные системы символов от Каббалистических знаков, карт Таро и Рун до знаков дорожного движения и даже знаков отличия мужского туалета от женского, всевозможные системы физических упражнений, техники изменения настроек восприятия, обнаружение всяких лазеек в законах природы и многое-многое другое – все это ключи от одной двери, только подходят они далеко не всем.

Обязательно нужно найти именно свой ключ. Вспомни! Я постоянно предлагал тебе заняться мифами, однако ты осталась к ним абсолютно равнодушной. Генка, сам того не ведая, подкинул тебе загадку с зашифрованными пространственными символами – ты честно их нашла, успешно напроектировала с их учетом всяких диванов, столов и шкафов и благополучно забыла. Я подсунил тебе для кропотливого изучения суеверия – ты сделала к ним гениальные иллюстрации, и тоже откинула. Зив с Лоренцем стали разговаривать с тобой, показали тебе проходы – ты лишь посчитала это удобным. Тебе, можно сказать, все со всех сторон и так, и эдак подсовывали ключи, но все без толку – они просто не были твоими.

- А с чего ты решил, что славянская азбука – это мой ключ?

- Ты сама о нем спросила.

- Жень, спросила лишь потому, что мне и его подсунили, как и все остальные. Нет. Даже не подсунили – силой всучили! К тому же, в свое время, я тебя, помнится, спрашивала, что ты знаешь о сторонах света, однако, ты не посчитал, что, может быть, они и есть для меня ключ.

- Ира, о сторонах света ты спрашивала с корыстным интересом. Тебе это понадобилось для решения земной практической задачи, а твой интерес к азбуке лишен корысти, то есть практических земных интересов. Так что, ты действительно нашла свой ключ.

- Жень! Ничего я не находила! Мне ее действительно силой всучили!

- А чего ты так нервничаешь, а? То, что тебе ее всучили силой и значит, что ты ее нашла. Естественно, ты, как человек, ничего не находила. Тебе, как человеку, это всучили силой. Нашедший – это твоя суть, это истинная ты, личностная структура. Собственно, эта ты, истинная ты, тоже ничего не находила. Ты знала заранее, что тебе нужно и когда. И привела себя, как человека, к тому, что необходимо и именно в то время, когда это стало необходимо. Я тешил себя иллюзией, что помогу тебе с ключом, хоть и знал, что это невозможно. Когда истинное «Я» знает, что человеческому «я» нужно, оно в самый нужный момент обрушивает это на него самым подчас абсурдным способом, но этот способ всегда работает наилучшим образом.

- И ты даже не спросишь меня, кто именно мне это всучил?

- Зачем спрашивать? Я и так знаю.

- И кто же? – Ира слегка затрепетала.

- Тот, кто вел тебя.
- Женечка, ты всегда говорил, что ты ведешь меня.
- Если бы ты отличалась внимательностью, то могла бы и заметить, что в последнее время я засомневался в этом, мягко говоря.
- То есть?
- То есть, не я вел тебя, однако, какую-то часть пути тебя вели посредством меня.
- И кто же?
- Если ты думаешь, что мне неинтересно – ты глубоко заблуждаешься, но это – мое самое настоящее праздное любопытство и удовлетворять я его не хочу. Это, знаешь ли, из разряда: «меньше знаешь – крепче спишь». Или тебя аж подмывает сообщить мне?
- Нет, – честно ответила Ира.
- Так к чему весь этот допрос?
- Попытка создать у себя иллюзию собственной вменяемости.
- Ты сомневаешься в своей вменяемости? Не сомневайся! Ира, вменяемость не зависит от того, что ты можешь воспринимать, чувствовать и думать по этому поводу. Вменяемость – это четкое осознание границ, с кем своими впечатлениями и размышлениями можно делиться, а с кем – нет. Ты ж не побежишь об этом всем рассказывать, скажем, Наташе, или своему сыну, или даже Генке?
- Нет.
- Ты и мне далеко не все говоришь и даже от себя самой до времени кое-что скрываешь. Так что ты полностью вменяема – не переживай. А теперь давай по делу. Ключ, чтобы им пользоваться, нужно расшифровать. Я постарался облегчить тебе задачу, точнее не облегчить, а сэкономить твое время и составил для тебя нечто вроде словарика. Но до конца изучить значение каждого символа, это еще не значит расшифровать. Расшифровать, в данном случае, это значит перевести для себя каждое понятие по отдельности и всю их совокупность в целом, во всей многогранности каждого понятия в отдельности и их совокупности в целом на уровень невербального понимания, на уровень ощущения, на уровень состояния. Это сложно объяснить, практически невозможно, но когда ты овладеешь ключом, ты это поймешь без необходимости объяснений, доказательств и подтверждений.
- А вдруг не овладею?
- Ира, я не знаю, сколько тебе понадобится на это времени, но в том, что овладеешь, не сомневаюсь. Ладно. Мне, вообще-то, пора, – Женечка поднялся и направился к лестнице. – Ирка! Расслабься! Ты, как человек, ничего не решаешь, а ты, как личностная структура, уже все решила и прекрасно знаешь: что, как и когда делать. Будь уверена – ты знаешь, хоть и не делишься своим знанием с человеческим в себе. Не унывай! Пока!

- - -

Женечка ушел. Ира взяла со стола листки. Они не выглядели пожелтевшими и истрепанными, и все же Ира испытывала уверенность, что готовил он их очень давно, и это далеко не первый, доверенный бумаге, вариант, который, в свою очередь, появился на свет, скорее всего, будучи

набран на самом первом компьютере и отпечатан на самом первом принтере. Это действительно был словарь, в котором каждому названию буквы посвящалось довольно длинное и, надо думать, очень подробное объяснение значения. Ира не вникала – лишь с трепетом просматривала.

- Нет. Не сейчас, – сказала она сама себе твердо.

И в то же мгновение запел мобильник:

- Мама! – радостно вопил Лешка в самое ухо. – Я в Москве! Завтра рано утром буду в Сочи!

- Лешка! Да неужели?!

- Воистину!

- Тебя встретишь?

- Зачем тебе в такую рань вставать? Меня Влад встретит.

- Уже договорились?

- Да. Только что ему звонил.

- Ладно. Как скажешь. Жду!

Не успела Ира оторвать трубку от уха, как она тут же громоподобно завибрировала.

- Ир, привет. С Лешкой разговаривала?

- Привет, Влад! А ты, небось, уже названиваешь!

- Ну да! Гляжу – занято. Значит, Лешка сразу же тебе набрал.

- Логично мыслишь!

- Ир, а как ты смотришь на то, если я его от тебя встречать поеду?

- А как же Алина?

- Я ей уже сказал, что Лешка до Сочи билет взять не смог и в Краснодар прилетает. В общем, я сейчас уже из машины звоню.

- Лихо ты! А что бы делал, если б я не разрешила?

- Домой бы вернулся, сказал бы, что Лешке билет поменять удалось, но ведь ты не против?

Ира вздохнула.

- Нет, я не против.

- Yes!!!

Влад отключился, не попрощавшись. Учитывая, что он через десять минут уже зашел в гостиную, необходимость в этом, в общем-то, отсутствовала.

- Ира! Я со вчерашнего вечера только и делаю, что мечтаю тебя увидеть!

- Причина – Радный?

- Да.

- Как он тебе?

- Как-как! Как увидел только, так и ошалел. Знаешь, у меня в голове не укладывается, но это действительно он.

- Влад, не поняла... в смысле?

- Ир, помнишь сон или не сон, ну, в общем, что-то типа видения, что и ты, и я видели?

- А, ты об этом... Извини, просто для меня это уже давным-давно само собой разумеющееся.

- Слушай, он издали кажется до невероятности громадным, а как подошел, так даже чуть ниже меня ростом.

- С чего это «даже»? У тебя у самого рост-то какой?
- Метр девяносто два.
- Вот-вот! Прямо, можно сказать, карлик!
- Нет, ну не маленький, конечно, – Влад усмехнулся, – Но у меня было ощущение, что он гораздо выше меня.
- Если честно, у меня тоже есть похожее ощущение. Это, видимо, из-за того, что пропорции у него, как у коренастого мужчины среднего роста.
- Может быть...
- Ты скажи, с мыслью, что тебе предстоит возглавить сочинское представительство Радного, ты свыкнуться успел?
- Ира, я понять не могу, почему он так решил. Я у Лешки о нем спросил. Так вот, Лешке он про меня даже не заикнулся.
- Влад, я ж тебе говорила, что сама ему о тебе рассказывала.
- Что рассказывала? Что я хороший мальчик? Ира, таких хороших мальчиков в каждом подъезде по десять штук!
- Влад, я так не считаю.
- Я верю, но ты знаешь меня, мягко говоря, не один год. Однако по твоей даже самой отпадной характеристике, все равно можно вывести только одно, что я именно такой хороший мальчик, которых по десять штук в каждом подъезде. Ира, я прав на сто процентов!
- Может, и не на сто, но нужно признать, что прав.
- Вот видишь! Бьюсь об заклад, что ты сама не меньше удивлена его решением.
- Удивлена, если честно.
- Ира, можешь надо мной смеяться, говорить, что я сумасшедший, но меня сегодня с утра пораньше одна странная мысль посетила, от которой крыша весь день едет, и отделаться от нее не могу.
- Говори, какая. Даю слово, что в сумасшедшие тебя не запишу.
- Запишешь. Я не сомневаюсь.
- Ладно, говори.
- Знаешь, у меня есть предельно четкое ощущение, что он тогда там меня видел. Там, в смысле, в видении. И не только видел, но и, судя по всему, запомнил.
- Очень может быть, – спокойно сказала Ира, хотя внутри у нее все ходуном ходило.
- Конечно, видел! – вдруг промурлыкал Лоренц. – И не только видел, но сам туда и привел.
- У Влада глаза из орбит вылезли, но когда он заговорил, Ира поняла, что Лоренц тут вовсе ни при чем.
- Ира, если б я вчера выпил больше пятидесяти грамм водки, я бы решил, что у меня белая горячка началась. Ира, ты понимаешь, я сейчас ясно вспомнил то, чего со мной вроде как никогда в этой жизни не случалось. Помнишь, я тебе рассказывал свое то видение? Меня на ту поляну привел Аристарх Поликарпович, помнишь?
- Да, Влад, помню.
- Ира, то было в видении, а на самом деле... боже, что я несу?! На каком на самом деле?!

- Влад, ты говори, не обращай внимания на то, что этого вроде как не могло быть.

- Ира, мы шли с Аристархом Поликарповичем по какой-то улице, и зашли в какой-то дом. Там сидел Радный. Аристарх Поликарпович нас познакомил и ушел, после чего Радный очень долго со мной разговаривал. О чем именно, вот где-то рядом, а дотянуться не могу. Единственное, он постоянно повторял, что придет время, и я должен буду обязательно вспомнить то, что произойдет. Потом Аристарх Поликарпович вернулся, мы втроем вышли из дома и пошли на поляну. Там была целая куча народу. Мы с Аристархом Поликарповичем смешались с толпой, а Радный встал поодаль. Когда это повторилось в видении, то с того момента, как мы подходили к толпе. Радный был с нами, но я в видении не обратил на него внимания. Он кивнул и отошел в сторону, а мы смешались с толпой. В видении, только когда Аристарх Поликарпович указал на него, когда ты уже летела, я только тогда и обратил на него внимание. Нет, у меня точно крыша едет!

- Нет, Влад, не едет. Я тонкостей твоего общения с Радным не знаю, но считаю, что все так и случилось на самом деле, когда это «на самом деле» происходило.

- Ира, когда это происходило?

- Где-то веке в четырнадцатом-пятнадцатом, а может, и раньше. Я тебе об этом уже как-то рассказывала.

- Ира, ты все это помнишь?

- Нет. Я ничего не помню, но у меня есть причины быть в этом уверенной. Считаешь меня сумасшедшей?

Влад не ответил и задумался.

- Влад, мысль ты мою уловил, а теперь попытайся услышать, – промурлыкал Лоренц. – Влад!

- Лоренц, не надо, – тихо сказала Ира, – ему и так не по себе.

- Надо-надо! – не унимался Лоренц.

- Может, правда, ни к чему сейчас, а? – проурчал Зив.

- Зив, я держусь принципа, что надо лечить подобное подобным. Он в легком шоке, сейчас мы ему другой легкий шок устроим, и все в порядке будет! – Лоренц запрыгнул к Владу на колени. – Вла-ад! – промурлыкал он.

Влад уставился на него.

- Влад, это я с тобой разговариваю. Я. Кот. Лоренц.

Влад, видимо, решил, что вот это уже настоящий глюк и дрожащей рукой осторожно коснулся Лоренца.

- Влад, он на самом деле с тобой разговаривает, – спокойно сказала Ира.

- А ты откуда знаешь? – странным тоном спросил Влад.

- Я уже достаточно давно разговариваю и с Лоренцем, и с Зивом. Последняя фраза, которую он тебе сказал, звучала так: «Влад, это я с тобой разговариваю. Я. Кот. Лоренц». Думаю, дословное цитирование убедит тебя, что это не галлюцинация? То, что дом может петь, у тебя в голове улеглось. А теперь нужно всего лишь навсего смириться с

тем, что некоторые кошки и собаки могут особым образом разговаривать. Влад, то, что Радный решил по поводу тебя, меня удивило только поначалу. Точнее, меня это не удивило даже поначалу. Всего лишь произошло неожиданно. Пожалуй, он тебя знает гораздо лучше, чем я. Видишь ли, в отличие от тебя и меня, он помнит, мягко говоря, гораздо больше. Влад, меня этот год заставил принять то, что вокруг все происходит далеко не так, как нам кажется. Знаешь, по-моему, уж чего действительно не существует, так это галлюцинаций. Мне сегодня Женечка классную вещь сказал по поводу вменяемости. Оказывается, вменяемость это не то, что ты видишь, чувствуешь, переживаешь и думаешь, а то, насколько щепетильно ты относишься к передаче этой информации подобным тебе. Ты Алиночке все это рассказывал?

- Нет, конечно! Я ей даже так и не сказал о предложении Радного. Точнее, сказал, что он в понедельник пригласил меня на собеседование и, может быть, предложит какую-нибудь работу.

- Кстати, а во сколько тебе к нему?

- Я сегодня ему позвонил и попросил немного перенести встречу, чтобы Лешку нормально встретить.

- И ты ему вот так запросто звонишь?

- А что? – не понял Влад.

- Он у тебя, вообще, какие ощущения вызывает, если не считать непонятного роста, знакомства до момента знакомства при весьма странных обстоятельствах и внезапного предложения ответственной работы.

- Если не считать этого всего... Да никаких особенных... мужик как мужик... – Влад говорил абсолютно искренне.

- Влад, давай поболтаем, – снова подал голос Лоренц. Влад вздрогнул. – Ира, будь другом, свари кофе.

- Сейчас сварю, – Ира поднялась и скрылась на кухне.

То, что в ее жизни делают Женечка, Радный и Генка, Ира себе примерно уяснила, а вот при чем тут Влад, понять никак не могла. То, что это, как говорится, одна компания, она давно догадывалась. К этой же компании относился и Аристарх Поликарпович. Правда, в ее жизни он лишь промелькнул, оставив в полном смысле материальный след, то есть дом. Для нее так и оставалось тайной, что же в этом доме произошло, когда она побывала тут в самый первый раз, но с того момента случилось столько всего, что она об этом и думать забыла.

А, собственно, что произошло? Если не считать ее собственных ощущений и того, что обсуждалось в пределах этой компании, то ровным счетом ничего. Ничего из ряда вон выходящего. Она лишь неплохо потрудились, очень неплохо заработала и все. Даже когда она во время заключительной стадии работы над поющим домом туда-сюда через проход шастала, практически не скрываясь, этого никто, кроме нее самой, не заметил. Может быть, с каждым, или хотя бы очень со многими происходит что-то подобное, но, следуя собственной вменяемости, люди не выносят сего на всеобщее обсуждение? Интересно, какого процента на душу населения должны достигнуть единообразные субъективные переживания, чтоб претендовать на звание объективного факта?

Кофе сварился, и размышления пришлось прервать. Ира вернулась в гостиную, где Лоренц с присоединившимся к нему Зивом объясняли Владу кое-какие, ставшие для нее уже прописными, истины.

Ира ожидала, что Влад все еще в состоянии шока, но он успел вполне освоиться и даже смеялся едким замечаниям Лоренца. Идея говорящих кота и собаки так воодушевила его, что неожиданное предложение руководящего поста, перестало более волновать. Ира усмехнулась про себя: Радный считал, что к понедельнику Влад свыкнется с этой мыслью, и ведь свыкся же!

- Влад, – сказала Ира, усаживаясь на диван, – если ты, и не только ты, в своей жизни чего-то не знаешь, не видел, не слышал, не делал и тому подобное, то это значит лишь то, что ты, и не только ты, этого не знаешь, не видел, не слышал, не делал и тому подобное, и больше НИЧЕГО. А если с тобой происходит нечто такое, что согласно общепризнанным нормам происходить не может, это значит лишь то, что сие не следует разглашать кому ни попадя. Искать объяснения – занятие весьма занятное, но не всегда необходимое, потому что зачастую приводит к выводам, основанным на вере или неверии, а не на знании. Влад, все, что я сейчас тебе тут наговорила, это всего лишь позиция и ничего более, но, заняв ее, начинаешь спокойнее относиться ко всем коллизиям бытия.

- Ира, а, по-моему, ты лукавишь, – промурлыкал Лоренц. – Ты сама далеко не всегда придерживаешься выше изложенного.

- С некоторых пор всегда. Просто не всегда это демонстрирую.

- О как! – весело воскликнул Влад.

- Ира, а когда именно наступило это «с некоторых пор»? – спросил Зив.

- Точно сказать не могу... не так давно... осознанно не так давно. А сейчас, Влад, я настоятельно рекомендую тебе посмотреть на часы. Если б тебе завтра ничего, кроме встречи Лешки, не предстояло, можно б было и не ложиться спать, чтоб не мучиться и не вставать в несусветную рань. Но не забывай – тебе завтра еще и с Радным встречаться. И хоть вопрос твоего назначения в принципе решенный, выспаться все равно не мешает.

- Ира, – взмолился Влад, – меня столько вопросов одолевает!

- Влад, поверь мне, ни один готовый ответ на них не удовлетворит тебя. Любое объяснение – это вопрос, а ответ есть только в собственном постижении.

- Ира, скажи мне только одно, кто ты?

- Спроси об этом у Женечки, у Радного, у Зива с Лоренцем – у них у всех есть соображения по этому поводу.

- Ну а ты сама, что думаешь?

- Влад, если я стану об этом думать, у меня ни на что другое не останется ни времени, ни сил. Одно могу сказать точно: учитывая соображения по этому поводу вышеперечисленных лиц, я для них ОПВ.

- Что значит ОПВ?

- Объект повышенного внимания. И периодически это меня достает сверх всякой меры. А теперь – спать.

Глава 45

Правила выбора убеждений

Из гостиной слышались старательно, но почти безрезультатно приглушаемые голоса. Ира, едва констатировав это, вскочила с постели и бегом спустилась по лестнице.

- Лешка!

- Мамулик!

Мать и сын бросились друг другу в объятья, а затем на кухню помогать Владу и Татьяне Николаевне готовить праздничный завтрак. Татьяна Николаевна обрадовалась Лешкиному приезду, пожалуй, не меньше самой Иры. Они еще в прошлое лето по-настоящему сдружились и теперь, между «как долетел» и «как повзрослел», активно обсуждали садово-огородные проблемы. Было что! Ира своим участием не занималась, а у Татьяны Николаевны руки не доходили, так что теперь он выглядел точно так же, как и в прошлое лето, когда Ира с Лешкой здесь только поселились, то есть одичавшим напрочь.

Татьяна Николаевна осталась на торжественный завтрак, и уговаривать ее вовсе не пришлось, достаточным оказалось одного Лешкиного слова. А сам завтрак и все остальное время до отъезда Влада к Радному превратилось в радостный хаотичный сумбур, а может быть, в радостный сумбурный хаос. Как только Влад уехал, Лешка вместе с Татьяной Николаевной отправились в заросший сад. Ира присоединилась к ним.

- Влад говорил, что ты около дома, над которым весь этот год работала, настоящий парк сделала, а тут что? – упрекнул Лешка мать, взирая на плотные заросли сочных сорняков в рост человека.

- Лешка, я там только командовала.

- Ой-ой-ой! Только не надо, мам! Влад сам поразился, насколько хорошо ты со всеми садово-огородными принадлежностями управляешься.

- Леш, уметь делать и желать делать – это не одно и то же.

- Лешенька! – вступилась за Иру Татьяна Николаевна. – Когда ж твоей маме с садом-то управляться? Она весь этот год работала с утра до ночи!

- Да знаю я, знаю! – примирительно воскликнул Лешка. – Вообще-то, даже хорошо, что ты тут все так основательно запустила – будет, чем заняться.

- Вот-вот-вот! – рассмеялась Ира. – А то сразу наезжать на меня!

Влад вернулся достаточно быстро. Ира тут же устремилась ему на встречу, а Лешка с Татьяной Николаевной остались в саду.

- Ну как? – с нетерпением спросила Ира.

- Завтра к девяти утра на работу.

- Вот так, прям сразу?

- Угу... Что делать буду – понятия не имею!

- А Радный, что говорит?

- Радный говорит, что если я чего-то не делал в этой жизни, это вовсе не значит, что я этого не умею.

- Так он, значит, считает, что ты на самом деле умеешь?

- По всей видимости – да.... – Влад глубоко вздохнул. – Только я его оптимизма не разделяю.

- Влад, расскажи, как все было-то?

- Ну как... зашел я к нему, он на меня глянул и рассмеялся...

- Прямо так и рассмеялся?

- Ага...

- Для Радного это очень необычно... продолжай.

- В общем, рассмеялся и говорит, что на эшафот в более приподнятом настроении идут. Сказал, что такое мое настроение ему нравится, так как свидетельствует о том, что к работе я буду относиться очень ответственно, раз изначально понимаю, что руководство – это никакая не награда, не признание и не подарок судьбы. В чем, в чем, а в этом я с ним полностью солидарен. Потом показал мне мой кабинет, от чего мне окончательно поплохело...

- Что, такой ужасный? – со смехом спросила Ира.

- Ой, Ир, единственное, что не овальный! В общем, кабинет показал и сказал, что завтра в компьютере на рабочем столе я найду папку со своим именем, а в ней всё, что мне понадобится на первое время, которое продлится до следующего четверга.

- Не поняла?

- Ира, он сегодня вечером улетает, а вернется в следующий четверг.

- Не хило...

- Вот-вот... потом он познакомил меня с секретаршей, точнее представил меня ей как директора. А затем попрощался, пожелав успехов. Вот и все...

- Ладно, Влад, не дрейфь! Из всех людей, которых я встречала по жизни, Радный – единственный человек, о котором я могу сказать, что он всегда знает, что делает.

- ...и этим кардинально отличается от меня!

- Ну как? – в гостиную влетел Лешка.

Пока Влад пересказывал всю историю своего трудоустройства Лешке, Ира с Татьяной Николаевной наскоро готовили обед. После застолья Влад поехал домой, а Ира, Лешка и Татьяна Николаевна вернулись в сад, где провозились пока не начало смеркаться. Потом втроем посидели за чаем с вареньем и лишь только после того, как Лешка проводил Татьяну Николаевну домой, они, наконец-то, остались одни.

- Что у вас там за семинар намечался? Говорил на неделю-другую, а всего-то на два дня задержался.

- Да народ приехать не смог, а нам что – мы и так в этом уже год, как варимся. Я, правда, не год, а лишь месяца три, но все равно.

- Так что за семинар? По каким-нибудь нанотехнологиям?

- Не-а! Мам! Не поверишь! По вопросам истории и культуры!

- Шутишь! Действительно, зная тебя, поверить сложно.

- У нас в университете очень сильная адыгская община. Я, конечно, не адыг, но когда ребята узнали, что я из Сочи, позвали к себе. Так что теперь я вроде как почетный адыг. В общем, на досуге занимаюсь историей, мифологией, культурой и бытом кавказских народов.

- Да уж! Стоило уехать учиться за океан, чтоб наконец-то заинтересоваться культурологическими особенностями родного края!

- Мам, стыдно, но ведь лучше поздно, чем никогда? К тому же я не без усилий, конечно, но пытаюсь вспоминать то, что ты мне в детстве рассказывала.

- - -

Почти две недели Ира провела с Лешкой и Татьяной Николаевной на лоне родного сада. Влад не появлялся. В конце первого своего рабочего дня в новой должности он, правда, позвонил и сообщил, что просто с ног валится, и именно поэтому в подробности вдаваться у него нет ни сил, ни желания, а потом и вовсе звонить перестал. Ира даже представлять не пыталась, как у него там. Знала, что тяжело. Несколько раз забегал Женечка, однако, вели они с ним лишь светские беседы. Зив и Лоренц то носились вместе со всеми по саду, то пропадали. Замечала их периодические отлучки лишь Ира. Ежедневная садовая эпопея к вечеру доводила до достаточно приятной, но при этом всепоглощающей усталости, а потому интересоваться успехами Влада и отлучками Зива с Лоренцем Ире не хотелось и не могло. На счастье Ирины земельные владения хоть и отличались внушительными размерами, границы все ж имели, так что облагораживание придомовой территории, в конце концов, благополучно завершилось.

- Мамуль, а давай в город на гульки махнем! – предложил Лешка, после того как они часам к семи вечера еще раз обошли свои владения, с гордостью взирая на плоды собственных трудов.

- Лешка! Ты у меня какой-то ненормальный!

- Это почему?

- Нормальные молодые люди твоего возраста вечером на гульки маму с собой не зовут.

- Слушай, я тебя полгода не видел!

- Для нормальных молодых людей твоего возраста это не аргумент. Приедут на каникулы, маму в щечку чмокнут и вперед по ночному Сочи навстречу приключениям!

- Мам, это ты у меня ненормальная! Знаешь, сколько я за пояс заткнул, отдаленно вспоминая то, что ты мне рассказывала, а я не слушал?

- Ты считаешь, что это аргумент?

- Для меня – да. Мне интересно с тобой, хоть я и не разделяю всех твоих взглядов... может быть, только пока... И вообще, ты что, против гулек по вечернему Сочи в компании сына?

- Я? Ничуть!

- Так давай рванем!

Ира улыбнулась, сказала: «Давай!», – и пошла к себе в спальню переодеваться, а Лешка тем временем вызвал такси.

Они вышли из машины у цирка и, зигзагами то к морю, то к проспекту, двинулись в сторону Ривьеры, заскакивая по пути то в одну, то в другую кафешку. По дороге встретили целую кучу знакомых, большинство из которых Ира не видела уже по нескольку лет. Поначалу она несказанно радовалась встречам, но давние знакомые все, как один,

почти тут же после радостных приветствий начинали ныть, и Ире это вскоре надоело. Уже в районе Театральной она всеми силами старалась завершить общение на радостной ноте нежданной встречи и не вдаваться в подробности того, какие именно хитросплетения обстоятельств портят жизнь конкретным людям.

- Леш, просто не устаю поражаться человеческой тупости! – эмоционально поделилась своими наблюдениями Ира. – Говоришь человеку: поменяй в своей жизни это и это. Так нет! Он прав и готов за это убится, а то, что в его жизни хрень всякая творится, так то не он, а жизнь виновата, судьба! Видите ли, она, гадина, к нему, к такому всему из себя правому, несправедлива, зараза!

- Мам, по-моему, ты излишне резка в своих суждениях.

- В выражении – может быть. Леш, видишь ли, я считаю, что если ты предпочитаешь держаться своих убеждений – не жалуйся на то, что из-за них происходит, но если тебя не устраивает то, что происходит – меняй убеждения!

- Мам, ну а если убеждения на самом деле правильные?

- Леш, не бывает убеждений правильных и ложных. Есть те, которые подходят или не подходят данному человеку. Если ты придерживаешься подходящих тебе убеждений – твоя жизнь складывается благополучно, то есть ты воспринимаешь ее как благополучную и наслаждаешься ею, даже если окружающие с тобой не согласны. А если убеждения тебе не подходят – ты страдаешь, даже несмотря ни на какие казалось бы блага. Обстоятельства начинают стекаться не так, как тебе бы хотелось. Жизнь изо всех сил кричит человеку: «Не то!!! Не твоё!!!», а он упрямо прет и жалуется, жалуется, жалуется.

- Может, ты и права. Мне, мам, сложно судить. Твоими стараниями я никогда по-настоящему не страдал.

- А тебе очень хочется?

- Ну не так чтоб очень, конечно, – усмехнулся Лешка.

- Леш, жизнь на Земле устроена так, что человеку так или иначе приходится страдать, но есть страдания вполне положительной направленности, например: муки познания, муки творчества. Хочешь пострадать – окунись туда.

- Да я, вроде как, твоими стараниями только там и плаваю.

- Вот и продолжай в том же духе!

Они неспешно подошли к гостинице «Приморская» и уселись за один из пустующих столиков. Ира заказала себе грейпфрутовый сок, Лешка – апельсиновый и каждому по мороженому. Вскоре вазочки с мороженым и высокие стаканы с соками стояли на столе. Ира погрузилась в наслаждение ледяными вкусами, сквозь которое услышала до боли знакомый голос:

- Разрешите к вам присоединиться, – сказал Радный где-то в поднебесье.

Ира и глаз поднять не успела, как Лешка радостно завопил:

- Присаживайтесь!

- Спасибо, – поблагодарил Радный и сел. – Ира, Вам этого сока и мороженого явно не хватит, – заметил он, подозвал официантку, заказал еще мороженого и грейпфрутового сока Ире, еще мороженого и апельсинового сока Лешке и грейпфрутового сока себе. – Как учеба, Алексей?

Судя по подробностям, с какими Лешка стал отвечать на вопрос, Радный знал о его учебных делах гораздо больше, нежели Ира. Правда, Лешке на этот раз не удалось завершить свой отчет. Его заметила группка молодежи и, с извинениями внедрив в свои ряды, уволочла общаться на скамейку в сквере.

- У меня такое чувство, что вы хотите о чем-то спросить, – Радный вопросительно посмотрел на Иру.

- Да. Хочу.

- Так спрашивайте!

- Зачем рядом со мной Влад?

Радный усмехнулся:

- Я вот тоже хочу это выяснить, – он бросил на Иру выразительный взгляд. – А знать это может только он сам и, может быть, Вы.

Ира опешила, а Радный, выдержав паузу, продолжил.

- С самых первых Ваших более-менее успешных воплощений здесь, он приходит вслед за Вами и как бы притягивается к Вам. Вы неизменно оказываетесь рядом с ним. А когда в прошлые разы Вы покидали этот мир, он сразу вслед за вами уходил. Естественно, что сейчас ни он, ни Вы не сможете объяснить, почему.

Я немного в курсе относительно того, кто сейчас доживает свой век в Канаде. Он наблюдает за Вами издали по просьбе существа, о котором я Вам говорил. Вы явно для меня просили о помощи того, чью книгу намеренно готовили к изданию. Он, чтоб не маяться от скуки, позвал с собой нашего с Вами общего знакомого, который подкинул Вам столь заинтересовавший Вас мебельный проект. А вот какое отношение имеет к Вам Влад, я без понятия. Не думаю, что на определенном уровне без понятия Вы, хотя и такое может случиться.

Главная загвоздка в том, что на сей раз он, против обыкновения, сильно задержался с рождением – обычно он отставал не более чем на два-три года – и на данный момент слишком молод для того, чтобы требовать от него адекватного осознания себя.

- Мне кажется, он готов к этому.

- Вам только кажется. Всякие там способности, видения – это все чепуха. Это ни о чем не говорит. Да, Ваш путь здесь в Вашем человеческом осознании по-настоящему начался именно с этого, и потому Вам оно и кажется какими-то признаками, но это не так.

- Стас, у меня такое ощущение, что Вы адекватно осознавали себя чуть ли не с самого рождения.

- У Вас правильное ощущение, но я – совсем другое дело. Я здесь у себя дома и прекрасно знаю все закоулки и тайники. Я даже тело сам себе не просто трансформирую к рождению, а формирую сознательно. Такое тело, которое полностью послушно мне и не восстает против

меня при каждом удобном случае, ведь мозг – это всего-навсего часть тела. А как ощущается восстание тела, я думаю, Вам хорошо известно: изматывающие, вымучивающие состояния, сомнения, проверка себя на вменяемость – знакомо?

- Да. Как говорится, не успеваю соскучиться.

- Вот-вот. Многие замечают некоторую странность моего облика, которую не могут выразить словами. Я научился делать себе тело без защитных барьеров. Видите ли, изменять свою настройку и шастать по всяким там астралам, – Радный усмехнулся, – можно практически без вреда для тела в любом возрасте. А вот перестать быть человеком и при этом остаться в человеческом теле, то есть не умереть, не покинуть сей мир, доступно лишь в достаточно зрелом возрасте. Тело попросту начинает стареть, защитные функции притупляются, барьеры истончаются. В юном же возрасте в случае даже незначительного посягательства на систему безопасности, тут же включается механизм самоуничтожения. Так что Влада проще пристрелить, чем пытаться заставить вспомнить, что он рядом с Вами забыл. А вот Вы уже можете попытаться, хотя сомневаюсь, что Вам удастся добиться успеха в ближайшее время.

Вернулся Лешка. Радный с интересом дослушал его прерванный отчет об учебе, который Лешка закончил вопросом:

- Как там Влад?

- Влад? – Радный усмехнулся, и Ира поняла, чему именно. – Влад узнал и продолжает узнавать о себе много нового, открывать новые стороны самого себя. Думаю, совсем скоро, когда он свыкнется с тем, что с моей подачи ему пришлось обнаружить в себе, и с чем он уже совершенно освоился, ты сам, да и твоя мама тоже, сможете убедиться, что и вы знали его далеко не со всех сторон.

- Так у него все получается? – Лешка искренне радовался за друга.

- Куда же он денется! – Радный тепло улыбнулся и несколько раз перевел взгляд с Лешки на Иру и обратно, затем глубоко вздохнул. – К сожалению, мне пора вас покинуть. До свидания! Удачи!

Радный под прощальные реплики Иры и Лешки встал и удалился.

- Ма, во здорово! – воскликнул Лешка, как только Радный окончательно пропал из поля зрения, и принялся высказывать о Владе все, что он о нем думал раньше и стал думать теперь.

Ира с полуулыбкой слушала его, почти не слыша. Мысли в ее мозгу кипели, бурлили и взрывались. Когда ей о чем-то, выходящем за пределы общепринятого понимания реальности, говорил Женечка, Ира принимала это так, по большей части все же так, как отвлеченные рассуждения о вещах абстрактных. Когда ей о той же сфере говорил Радный, это воспринималось, как нечто очень конкретное и само собой разумеющееся. Но только пока он говорил, пока он находился рядом. Стоило же Ире остаться наедине с собой, как все человеческое в ней поднимало настоящий бунт. После разговора в поющем доме Ире каким-то фантастическим образом, практически не прикладывая усилий, удалось проигнорировать разногласия реального и ирреального в себе, и готовый разразиться бой не на жизнь, а на смерть так и не грянул. Зато теперь

реальное с ирреальным принялись рвать ее на части, требуя, в конце концов, принять чью-то сторону. Они вроде как перестали драться между собой и накинудись на нее: «Сделай выбор! Определись! Сделай выбор! Определись!», – вопили они.

Ира безвольно следовала за сыном дальше по вечернему городу, машинально поддерживая разговор. Время снова перестало существовать для нее, и сколько его прошло, прежде чем Лешка предложил вернуться домой, Ира не знала. Вернувшись, они выпили чаю с оставленным Татьяной Николаевной яблочным пирогом и отправились спать. Ира, поворочавшись в постели и поняв, что истощные требования выбора уснуть ей не дадут, спустилась в гостиную.

Зив и Лоренц выжидающе смотрели на Иру, и ее прорвало. Она в диком сумбуре выложила им все, что ее терзало.

- Что ты собираешься делать? – спокойно спросил Зив, когда вырвавшийся из Иры эмоциональный словесный поток иссяк.

Иру охватило странное ощущение. Она как бы чувствовала каждую клеточку своего тела в отдельности, каждый свой орган в отдельности и все тело в целом, как некий инструмент. Как кисть, которой она, держа в руке, водит по холсту, как компьютерную мышь, создающую под действием ее руки изображение на мониторе. Как нечто, на время становящееся как бы ею самой, но на самом деле ею не являющееся. Она ощущала вибрации, проходящие через каждую клеточку, каждый орган и через все тело в целом.

- Что ты собираешься делать? – спокойно повторил свой вопрос Зив.

- Я не собираюсь что-либо делать... – в странном умиротворении проговорила Ира.

- Мудрое решение, – промурлыкал Лоренц.

На следующий день Ира проспала почти до полудня и, поднявшись, обнаружила себя в гордом одиночестве. Она вооружилась бумагой, кистями и красками и, усевшись в тени собственного сада, принялась рисовать с натуры пейзаж, который оказался перед глазами.

Лешка, в компании Зива и Лоренца, вернулся домой лишь часам к восьми вечера и принялся вздохнуть делиться впечатлениями от прогулки, а потом вместе с Татьяной Николаевной с не меньшим восторгом рассматривать Ирины наброски.

- Лешка, а поехали завтра в Головинку! – предложила Ира, когда Татьяна Николаевна ушла к себе домой.

- А что мы будем там делать? – спросил Лешка.

- Леш! Ты меня удивляешь! Ведь сам говорил, что по уши увяз в культуре адыгов!

- И что?

- Как что!? Неужто не в курсе!? Головинка – одно из культовых мест этого народа, притом с глубокой древности.

- Правда?

- Правда... – с уккоризненным вздохом ответила Ира. – Так что, едем?

- Ну поехали, раз так... – Лешке стало несколько неловко. Он сосредоточился, напрягая память. – Ты мне, по-моему, действительно что-то когда-то об этом рассказывала.

- Было дело, господин Неслушавший и Непомнящий!

- Мам, мне на самом деле стыдно... – виновато улыбнулся Лешка.

Глава 46

Ритуал преображения. Практика преображения

В начале шестого Ира с Лешей поднялись, а в половине восьмого пересекли на маршрутке мост через Шахе и вышли около рыночка. Первым делом вдоль реки спустились к морю. Мелкая теплая мягкая галька и кристально чистая едва колышущаяся лишь у самого берега морская вода долго не отпускали их от себя.

- Слушай, уже почти десять, а здесь, словно сонное царство! – заметил Лешка, глянув на часы.

- Да... тишина и покой – нынешние особенности Головинки. Но так стало только после окончания Кавказской войны. Головинка – единственный из четырех, основанных на территории нынешнего Большого Сочи в конце 30-х годов XIX века русских фортов, который не стал культурно-экономическим районным центром. Форт Святого Духа – Адлер, Навагинский – Центральный район Сочи и Лазаревский – Лазаревское, как ты знаешь, стали. А Головинский – Головинка – нет.

А вот во времена былые здесь жизнь кипела, надо думать, очень бурно. В эпоху Античности реку Шахе древние греки называли Ахеунт. В ее долине располагалось одноименное портовое поселение. Коренной народ, обитавший здесь, древние греки именовали гениохами, а название реке и поселению – Ахеунт – дали, потому что считалось, будто основали его ахейцы – прагреки, представители Крито-Микенской культуры. Так их называл сам Гомер в «Илиаде» и «Одиссее». Во времена Османской империи здесь тоже располагалось крупное портовое поселение. Реку Шахе и само поселение турки именовали Субеш или Субаши, а коренных жителей – черкесами. Примерно в те же времена греки и итальянцы называли обитателей Черноморского побережья Кавказа зихами. Сам же этот народ с незапамятных времен называл себя «ад'ыгэ».

Солнце палило уже нещадно. Ира поднялась с горячих камней.

- Ну что, давай еще раз окупемся и пойдем бродить?

- Давай, – согласился Лешка.

После купания лучи солнца уже не казались такими горячими, и так и тянуло еще поваляться на мягкой мелкой гальке, но Ира с Лешкой, победив искушение, не вытираясь, чтоб подольше сохранить подаренное каплями воды ощущение прохлады, двинулись в сторону поселка.

- Мам, что-то мы как-то странно с тобой идем, – заметил Лешка.

- Я хочу вывести тебя к священному дереву адыгов, но не очень хорошо помню дорогу. А! Вот оно! – Ира указала вперед и вверх, где над крышами домов возвышалась могучая светло-зеленая крона. – Что

это за дерево, ты, конечно, знаешь – их сейчас достаточно много растет на улицах Сочи. Но ты глянь насколько оно больше даже самых-самых громадных своих собратьев!

В этот момент исполин предстал перед Лешкиным взором во всей красе. Рядом стояло несколько экскурсионных автобусов, а вокруг дерева сновали утомленные солнцем туристы, казавшиеся рядом с ним какими-то уж больно крохотными.

- Мам, это и есть знаменитое тюльпанное дерево?

- Да, Леш.

- Это тюльпановое дерево – по научному лиран или лириодендрон – в 1840-м году посадил декабрист Николай Раевский, и потому оно называется «Лиран Раевского», – надрывая связки, вещала дама-экскурсовод, с трудом собрав вокруг себя вверенных ей туристов, которых гораздо больше ее занудного учительского тона прельщали домашние вина, мед и прочие местные изыски, предлагаемые с импровизированных торговых прилавков.

Ира, вздохнув, усмехнулась:

- Во-первых, не тюльпановое, а тюльпанное, – вполголоса сказала она Лешке, – во-вторых, генерал-лейтенант Николай Николаевич Раевский-младший, с 39-го по 41-й год XIX века занимавший пост начальника Черноморской береговой линии, не был декабристом, а в-третьих, сей лириодендрон он не сажал, хотя называть это дерево «лиран Раевского», в общем-то, правомерно. Кстати, а декабриста Раевского звали Владимиром Федосеевичем, и в это самое время он находился на поселении в Иркутской области. Если не ошибаюсь, с 1827-го по 1856-й год.

- Мам! Откуда ты все это знаешь?

- Интересно, Леш, вот и знаю. Видишь ли, это очень непростое дерево. Его внешний облик даже сейчас, когда его собратьев достаточно много в городе, вызывает удивление и восхищение: листья необычной лировидной формы, цветы – желтые тюльпаны. Его родина – восточная часть Северной Америки. Возраст этого конкретного дерева биологи оценивают от 400 до 800 лет – представляешь?! То есть и считать не нужно – Николай Николаевич Раевский ну никак не мог его посадить. Однако в его судьбе он принял самое деятельное участие.

- Это как?

- Видишь ли, как только высадили сюда русский десант и едва окончился бой, принялись строить укрепление. Поначалу, естественно, временное деревянное. Сам понимаешь, что для строительства дерева рубились нещадно. Так вот, Раевский запретил рубить это дерево. Высадка десанта проходила в 39-м году в начале мая. Это дерево покрывали едва начинавшие распускаться тюльпаны. Красота необыкновенная! Кроме всего прочего, генерал Раевский был не только выдающимся военным, но и неплохо разбирался в растениеводстве. В общем, благодаря ему дерево уцелело, а в 40-ом году Раевский действительно заказал саженцы лирана в Никитском ботаническом саду, которые высадили по его приказу где-то в районе форта. По-видимому, он знал не

только об эстетических прелестях этого растения, а возможно, узнал о других особенностях только здесь. Дело в том, что кора и листья лириодендрона – неплохое средство от малярии, которая свирепствовала на побережье и унесла в несколько раз больше жизней русских воинов, нежели постоянные стычки с горцами. Кстати, есть косвенное доказательство того, что именно этот лиран генерал Раевский не сажал.

- Какое?

- Это дерево считается священным у адыгов. Как ты думаешь, будет ли покоренный народ почитать святыней нечто привнесенное завоевателем? Даже учитывая, что к Раевскому горцы относились с уважением, это маловероятно, не так ли? И, между прочим, ни одно дерево, привезенное из Никитского ботанического сада и высаженное тут, не сохранилось. Скорее всего, эти саженцы уничтожили коренные жители, когда в 50-х годах в ходе Крымской войны русские гарнизоны покинули укрепления Черноморской береговой линии примерно на десять лет.

- Мам, а почему оно считается у них священным? Ну, кроме того, что оно действительно очень красивое.

- И спасает от малярии – это так, дополнение. Вообще-то, у адыгов культ деревьев имеет огромное значение. Кстати, здесь же в долине Шахе росла когда-то целая священная роща, а называлась она Тхагапх. Где именно она находилась, я не знаю, но думаю, что где-то неподалеку отсюда. Про рощу расскажу потом.

Так вот, на самом деле, необычность дерева уже достаточная причина для признания его священным. А как ты понимаешь, этот лириодендрон, скорее всего, был здесь первым и долгое время единственным на всем побережье. Есть легенда о том, как тюльпанное дерево тут появилось. Она гласит, что вырос лиран из посоха бога плодородия Созереша, который он, перейдя море «аки по суху» и расположившись на отдых, воткнул здесь в землю. Посох, едва коснувшись земли, зазеленел деревом. Когда же Созереш обнаружил, что случилось с его посохом, то провозгласил, что пока живо чудо-дерево, не покинет благодать эти края. К тому же есть еще один признак, подтверждающий в поверьях адыгов святость этого дерева. Иди сюда – сейчас покажу.

Только когда Лешка, увлекаемый ею, двинулся ближе к дереву, Ира заметила, что он уже далеко не единственный ее слушатель.

- Посмотри на ствол вверху – видишь, он цепью стянут?

- Да...

- В это дерево не раз ударяла молния и расколола ствол.

- И что?

- Леш, по-моему, вы там в своей адыгской общине продолжаете какими-нибудь нанотехнологиями заниматься!

- Мам, не понял, причем здесь нанотехнологии?

- А при том, Леш, что если б вы обсуждали вопросы истории и культуры, то ты наверняка бы знал, что для адыга любой объект, в который ударила молния, становится священным. Люди, чей дом сгорел от удара молнии, вместо того чтобы рвать на себе волосы от постигшей беды,

ликовали от счастья! Всё, проживавшее в этом доме семейство, тут же признавалось святым, и окружалось особым почетом и уважением. Если от удара молнии погибал человек, его хоронили с великими почестями и поклонялись его могиле как святыне, оказывая почести и его семье. Кстати, в священной роще Тхагапх находилась могила такого святого, старца по имени Кулий. Он при жизни отличался мудростью и погиб от удара молнии. Если молния убивала животное, его тоже хоронили с почестями и также поклонялись могиле.

- Знаешь, мам, я слышал, что если человек, пораженный ударом молнии, выживает, то у него, зачастую, открываются сверхспособности. Может быть, поэтому для адыгов удар молнии так значим?

- Наверное, не без того, ведь далеко не все, в кого ударяла молния, обязательно умирали.

- Но почему же тогда это поверье есть только у адыгов?

- Леш, я не думаю, что только у адыгов, хотя и не могу говорить об этом с полной уверенностью. Видишь ли, следует учесть тот факт, что все религии, принятые на уровне государства, подобные способности связывают с вмешательством дьявола, сатаны, а их носителей во времена не столь уж отдаленные, по крайней мере, в Христианском мире, ждала смерть на костре.

Адыги же, в определенный период приняв христианство, не отреклись от культов древности, а затем, приняв ислам, – от всё тех же культов вкуче с теми, что осталось у них от христианства. Многие места Кавказа и сейчас отличаются труднодоступностью, а века минувшие, сам понимаешь, проходимость путей сообщения носила еще более условный характер. Так что, как христианские, так и мусульманские миссионеры проникали сюда единицами, и им не под силу было по-настоящему обратить в свою веру коренные народы. При этом они не встречали сопротивления идеям, которые несли. А, знаешь ли, очень сложно объяснить человеку, что он не прав, если он во всем с тобой соглашается.

Лешка продолжал разглядывать массивную цепь, стягивающую расколотое молнией дерево.

- Мам, а помнишь у Пушкина: «...дуб зеленый. Златая цепь на дубе том...»? Может быть, в тот дуб тоже ударила молния?

- Очень похоже на то. Тем более что Кот-Ученый вряд ли облюбовал бы ничем не примечательное дерево. К тому же, дуб-то у лукоморья растет!

- Это значит?

- Это значит, что русские народные сказания, в том числе и те, которые Пушкину поведала Арина Родионовна, зарождались не в Киевской Руси – там до моря далеко будет – а гораздо раньше, когда праславяне жили на берегах Черного моря и Кавказских в том числе. Ладно, пойдем дальше гулять.

Жара становилась нестерпимой, и Ира направилась в сторону реки. Толпа добровольных слушателей двинулась за ней вместе с Лешкой, и Ире пришлось вежливо извиниться и объяснить, что она вовсе не экскурсовод, а в данный момент такая же отдыхающая, как и они, и имеет

непреодолимое желание провести отведенное отдыху время наедине со своим сыном. Несколько человек смирели недоверчивым взглядом ее и Лешку, но, тем не менее, в конце концов, толпа рассосалась и оставила их в покое.

До самой реки шли молча и продолжили беседу, лишь освежившись в ее водах и устроившись в тени раскидистой кроны инжира.

- Мам, а все-таки, легенды – это все понятно, но как на самом деле тюльпанное дерево попало сюда, ведь, насколько я понимаю, оно не могло вырасти здесь само.

- Да. Не могло. Его как-то должны были привезти из Америки. Есть история, что саженец этого лириодендрона подарил местным жителям капитан одного из заморских кораблей, в благодарность за то, что те вылечили его от какой-то болезни, которая чуть было ни свела его в могилу.

Но вот еще что: сами адыги в те времена отличались отменными навыками мореплавания, о чем их собственные сказания умалчивают так, словно на морскую тему наложили табу. Согласись, странно, что у народа, живущего у моря, у народа, у которого каждый камушек, ручеек, каждая былинка овеяна сказаниями, в этих самых сказаниях нет практически ни слова о море. При этом, согласно преданиям и вполне документальным свидетельствам других народов стран бассейна Черного и Средиземного морей, мореплаватели с этих берегов могли успешно соперничать с пиратами Карибского моря – они действительно были пиратами.

Знаешь, вовсе не исключено, что они бороздили воды и за Гибралтаром, и вполне сами могли добыть и привезти сюда это дерево. Между прочим, судя по некоторым возделываемым ими культурам и по времени их внедрения в местное сельское хозяйство, вполне можно предположить, что на западный континент они ступили гораздо раньше Колумба.

- Мам, этому вряд ли есть подтверждения.

- Как ни странно – есть. Они присутствуют в записках путешественников европейцев, побывавших на Кавказе в доколумбову эпоху. Там есть описания возделываемых здесь культур, неизвестных в те времена в Европе и явно имеющих американское происхождение.

- С ума сойти!

- Кстати, ты помнишь, когда именно в Европе стали прививать оспу?

- Ну-у-у...

- В конце восемнадцатого века. Многие путешественники задолго до этого – за столетия – отмечали, что среди жителей Кавказа нет людей, обезображенных оспой, однако лишь в начале восемнадцатого века французский путешественник Абри де ла Мотрэ описал, как делали здесь, то есть на Кавказе, прививки от оспы. Как видишь, даже это описание появилось более чем на полстолетия раньше, чем подобная практика зародилась в Европе. А, судя по тому, что все предшественники Абри де ла Мотрэ дивились отсутствию обезображенных оспой, прививать ее тут научились многими веками ранее.

- Мам, так получается, что здесь когда-то существовало суперразвитое для своего времени государство?

- В том-то и дело, что нет. Государства, как такового, здесь, по сути, не существовало никогда. Кавказ то и дело оказывался на задворках какой-нибудь крупной империи, что привлекало сюда особый тип людей. Тех представителей рода человеческого, которые по тем или иным причинам не ладили с социумом. Во все времена общественное устройство на Кавказе более всего воплощало в себе анархические принципы.

- Так значит, на Кавказе когда-то существовало первое и единственное общество, живущее по законам анархии?

- Ничего не знаю насчет первое ли и единственное ли, но согласна с тобой, что общество, живущее таким образом и столь длительное время, на Земле не является правилом.

- Круто! Mam, но знаешь, мне кажется, что многое из того, что ты сейчас рассказывала, лишь твои собственные ни на чем не основанные домыслы. Mam, я ни о чем подобном по этому поводу нигде не читал.

- Леш, ну, во-первых, начнем с того, что ты, попросту, не мог прочесть абсолютно все, написанное по этому поводу.

- Ну-у-у... в общем-то, согласен. А во-вторых?

- А во-вторых, ты, скорее всего, читал чьи-то научные изыскания на эту тему, а ты почитай первоисточники: сказания, записки путешественников – и тебе очень многое откроется из того, что по каким-то причинам упущено или искажено в работах исследователей. Давай-ка еще раз окунемся и двинемся дальше.

- Давай!

После относительно долгого сидения на жаре, которая разморила даже несмотря на тень, вода показалась ледяной – перехватило дыхание, и сердце где-то потерялось на несколько мгновений. Ира ухватилась за выступающий камень и позволила стремительному течению по собственному усмотрению полоскать ее тело.

- Mam, ты чего там застряла? – крикнул Лешка, выбравшись на берег.

- Хочу замерзнуть основательно, чтобы жару стойко переносить.

- А что, это идея! – и Лешка снова плюхнулся в реку, облюбовал другой выступающий камень и тоже отдался воле течения.

Когда они, в конце концов, оказались на берегу, обоих покрывала гусиная кожа, губы посинели, и дрожь вприпрыжку бегала по телу.

- Ну что, идем? – стуча зубами, проговорила Ира.

- Ага... – «простучал» ей в ответ Лешка.

Они двинулись вдоль реки.

- Mam, ты мне про священную рощу рассказать собиралась, – напомнил Лешка.

- Про Тхагапх?

- Ага!

- Вообще-то, я почти все, что про нее знаю, уже тебе рассказала. Единственное, что осталось, это то, что в этой роще делала особо значимую остановку самодельствующая Ахынова корова.

- Какая корова?

- Ахынова, самодельствующая. Надеюсь, ты еще не забыл, что в Сочи есть гора Ахун?

- Это я, к счастью, помню, – усмехнулся Лешка.

- Ахун считается у горцев местом постоянного жительства Ахына – бога-покровителя Черноморского побережья Кавказа. Он во многом напоминает славянского Велеса. Его тоже считают покровителем скотоводства. И, скорее всего, его мать тоже, как и у Велеса, была корова. Она периодически воплощается на Земле и, достигнув определенного возраста, возвещает о своей избранности громким мычанием, после чего отправляется в путь. Этот обычай просуществовал много веков, а может, и тысячелетий.

Итак, Ахынова корова возвещала о своей избранности мычанием и отправлялась в путь. Жители всего этого селения следовали за ней. К ним по пути присоединялись жители других селений. Корова на своем пути останавливалась на отдых в посвященных Ахыну рощах. Пока она отдыхала, люди устраивали в ее честь пышные празднества. Потом она шла дальше – сама шествовала, потому и самошествующая.

Как правило, двигалась она вдоль морского побережья до рощи Тхагапх. Здесь она делала самую длительную остановку. Здесь устраивались особо пышные празднества, после чего Ахынова корова шла дальше. Путь Ахыновой коровы до рощи Тхагапх каждый раз был разным – она могла появиться в любом селении – а вот от рощи Тхагапх начиналась неизменная «финишная прямая». Корова направлялась вверх по реке Шахе к месту главного обряда. То место – тоже священная роща. Располагалась она где-то за Солох-Аулом.

Сейчас этот обряд называли бы, да и называют, жертвоприношением, однако, его глубинный смысл не в жертве, а в преображении: дух матери Ахына, а может, и самого Ахына, освобождается из коровьего тела, в которое он воплотился, и за счет этого преображается, вновь обретает свою божественную силу.

Ира замолчала и задумалась над собственными словами:

ВОПЛОЩЕНИЕ... ПРЕОБРАЖЕНИЕ...

День следовал за днем, и в каждый из них Ира с Лешкой отправлялись в очередное путешествие. Вечерами просматривали книги с кавказскими легендами, сказаниями о нартах и заметками путешественников прошлых веков, лазили по интернету в поисках отсутствующих в книжном варианте источников и говорили, говорили, говорили. Ира отметила, что, пожалуй, еще никогда так интенсивно не общалась с сыном. Ей это нравилось, как она сама признавалась себе, более всего тем, что отодвигало нечто неотвратимо приближающееся и пугающее неизвестностью.

В конце недели, начало которой ознаменовалось первой поездкой, субботним вечером к ним заехал Влад. Он позвонил, когда Ира с Лешкой довольные и уставшие возвращались после посещения Ахштырской пещеры.

- Ира, это я, – отрешенным голосом сообщил Влад в трубку.

- Я догадалась, – с улыбкой ответила Ира.

- Давно хочу повидаться с Вами, но сил даже на позвонить не хватает.

- Что, совсем туго?

- Да уже не так, чтобы очень, но все равно за день полностью выматываюсь.

- Так значит, настроение все же бодрое?

- Вроде того... Вы, что ли, едете где-то?

- Угадал, скоро дома будем.

- Можно я к вам заскочу?

- Влад! О чем речь?

- Тогда до встречи!

- Давай, ждем...

Трубка молчала. Ира усмехнулась.

- Мам, чего смеешься? – весело спросил Лешка.

- У Радного привычка отключать телефон, не выслушав прощальные слова собеседника – похоже, Влад эту привычку перенял.

Ира, несмотря на усталость, не стала заставлять таксиста штурмовать ведущее к ее дому бездорожье, и они с Лешкой штурмовали его собственными силами.

- Слава Татьяне Николаевне! – громогласно провозгласил Лешка, переступив порог кухни, где их дожидался шикарный ужин из жареной молодой картошки, отбивных, салата из огурцов с помидорами, яблочно-алычьевого ледяного компота и яблочного пирога. – По-моему, она только что ушла... Мам, может, пригласим ее на ужин?

- Леш, зачем спрашиваешь? Приглашай, конечно же!

Подобным диалогом знаменовалось их каждое возвращение домой, и дальше все шло по заведенному распорядку. Лешка позвонил Татьяне Николаевне, и она пришла. В прошлые пять дней они втроем неспешно ужинали, затем Татьяна Николаевна уходила к себе, а Лешка с Ирой засаживались за книги и интернет. Сегодня же минуты через три после прихода Татьяны Николаевны на пороге появился Влад.

- Всем привет! – пробасил он, казалось, из-под самого потолка.

Татьяна Николаевна и Лешка, накрывая на стол, поздоровались с ним в ответ, а Ира застыла не в силах сказать ни слова со стопкой тарелок в руках.

- Ира, не бойся, это я! – улыбнулся Влад, забрал у нее тарелки и поставил на стол. – Сейчас руки вымою и помогу.

Впрочем, когда он вернулся из ванной, хоть и не задерживался там, помощь уже не требовалась.

- Поужинаешь с нами? – спросил Лешка.

- Я не голоден, но компот с пирогом буду, – ответил Влад.

- Влад, ты преобразился... – в конце концов, произнесла на время онемевшая Ира.

- Преобразишься тут! – воскликнул Влад. – Сегодня плюнул на всё, и весь день спал. В итоге вот хоть до вас доехал.

- Ну не грех и поспать – суббота ведь! – ласково глядя на Влада, сказала Татьяна Николаевна.

- Какая разница! Просто меня на сегодня Станислав Андреевич отпустил.

- Влад! Врать совсем не умеешь! – рассмеялась Ира. – Он тебя не отпустил, а в приказном порядке отправил отдыхать.

- А ты откуда знаешь? – с улыбкой спросил Влад.

- Уж простите, но мне выпала честь быть знакомой и с Вами, и с господином Радным – так что догадаться несложно.

- Ага, мам! Небось сама Влада трудоголизмом и заразила!

- Я думаю, Леш, этот вирус к нему от тебя попал. Ты же с ним как-никак почти целый год вместе прожил!

- Ну, если и от меня, то заболевание-то наследственное!

- Ладно! Хватит ерничать! – сказала Ира Лешке и повернулась к Владу. – Влад, ты сильно изменился... Какой-то вроде все тот же, но совсем другой... Рассказывай, как ты? С самого начала рассказывай.

- Ой, только не с начала... – Влад аж зажмурился.

- Что, совсем тяжко пришлось? – спросил Лешка.

- Не, Леш! Так! Забавная развлекуха! Между прочим, это, можно сказать, серьезно!

- И как это понимать? – поинтересовалась Ира.

- А так! Не успеваю я в первый свой рабочий день без десяти девять переступить порог офиса, как у меня телефон разрывается и народ в кабинет ломится. И все в полной уверенности, что я царь и бог и посредством трах-тибидох в одночасье решу все их вопросы.

- Тебе же Радный, вроде как, ЦУ в компе оставил?

- Ага!!! Оставил!!! Но это другая история! Дело в том, что глянуть в них времени у меня не было. Спасибо Лене – это офис-менеджер, просто умничка – без нее я бы, наверное, застрелился. В общем, к обеду, я, сам не знаю, каким образом, оказался в курсе всего, посредством практического освоения предложенной темы. Люди! У меня никогда не возникало иллюзий по поводу того, что руководство – дело простое, но теперь я перед всеми руководителями колени преклоняю.

- Ну, наверное, перед всеми-то не стоит? – предположила Татьяна Николаевна.

- Стоит, Татьяна Николаевна, именно перед всеми, даже перед самыми никуда не годными. И теперь коли кто из руководства страны мимо проезжать будет, так из машины выйду и демонстративно ниц паду!

- Эко тебя шарахнуло-то, Влад! – Ира сама не понимала, шутит она или серьезно.

- Не то слово, шарахнуло! Ощущение, словно за день два института окончить пришлось. Кстати, Ира, тебе большое спасибо. Если бы не ты, то пришлось бы еще и третий оканчивать.

- Это ты о чем?

- О дизайне и о мебельном производстве. С тобой общался, нет-нет чего и нахвтался – хоть в этом полном лохом себя не чувствовал! В общем, к восьми вечера наступило затишье. Я Лену отпустил – она, бедная, со мной, идиотом, за этот день тоже хлебнула. Ладно я, но ее-то за что Радный так вздернул?! Ну, в общем, отпустил я ее и решил папочку, оставленную Радным в компе, глянуть. Открываю... в папке штук семь-восемь Word-овских файлов и примерно столько же Excel-евских... и в каждом... – Влад, тяжело вздохнув, тянул паузу.

- Влад, не томи! – взмолился Лешка.

- И в каждом одно слово: «Удачи!»! С большой буквы и с восклицательным знаком. Меня, что, в общем-то, вполне закономерно, разобрал истерический хохот. Как доехал домой, не помню, и как с утра обратно на работу – тоже. Может, и вообще домой не уезжал – не знаю! Дальше – все будто в тумане. А потом вернулся Станислав Андреевич ровно через десять дней, как и было обещано. Я, когда его щедрые пожелания «Удачи!» читал, думал, что как появится, так разорву в клочья!

- Ну и что? Разорвал? – поинтересовался Лешка.

- За десять дней интенсивность процесса не ослабевала даже на выходных. Я, честно говоря, даже не заметил, что они вообще были, то есть у меня их вовсе не было, потому что целый ряд организаций, с которыми Радный тут работает, функционируют по законам скользящего графика, и субботы с воскресеньями на них почти никак не отражаются.

Так вот, интенсивность не ослабевала, но где-то день на третий я почувствовал себя вроде как в своей тарелке, и, когда вернулся Радный, мне, мягко говоря, было просто не до него. Его это по ходу ничуть не смутило, и с утра он ограничился тем, что лишь заглянул и как-то побудничному поздоровался через порог. Такое впечатление, будто ничего другого он и не ожидал. Впрочем, впечатление оказалось верным.

Около часу он снова заглянул ко мне и так просто-просто сказал: «Идем, пообедаем». В каком кабаке обедали – не помню, но тут меня все же прорвало. Я ему, особо не стесняясь в выражениях, сказал все, что о нем думаю, а он, представляете, сидит себе и счастливо-пресчастливо улыбается! Ну прям полное умиротворение! И говорит мне:

«Влад, обучение бывает двух типов: образование и преобразование. Образование, на чем, в общем-то, построено все придуманное человечеством обучение, заключается в напичкивании индивида информацией и навыками. Иногда это напичкивание ведет к трансформации человека, но это происходит далеко не всегда, а если и происходит, то очень медленно и нудно. Преобразование – это изменение самой сути существа, в процессе которой неизменно происходит пополнение информационного багажа и обновление запаса навыков. Если найти нужный рычаг, что в твоём случае, как мне кажется, успешно удалось, то трансформация получается почти мгновенной или близкой к этому. Влад, ты – темная лошадка, не пойми превратно, и я намерен вывести тебя на чистую воду. Это и в твоих интересах тоже. Почему? Я тебе не смогу этого сейчас объяснить. Именно сейчас тебе не дано этого понять. Не в силу каких-то твоих личных качеств, а в силу объективных законов. Я знаю, пришлось тебе ох как нелегко, однако, земная жизнь вообще имеет тенденцию быть штукой тяжелой. Но мы властны выбирать сферу этой тяжести, то есть то, что именно будет тяжелым, а также то, будет ли нас эта тяжесть угнетать и ломать или радовать и преобразовать. Я не сомневался, что ты справишься, а потому в полном смысле слова, намеренно кинул в самое пекло. Хотя ты и темная лошадка, я знаю, что способен ты очень на многое. С тобой и покруче можно было бы обойтись, просто подходящих обстоятельств под рукой не оказалось».

Я сказал ему, что теперь, зная, что могло быть и еще круче, чувствую себя на вершине блаженства. Он рассмеялся и посоветовал не ударяться в жалость к себе.

Влад продолжал рассказывать дальше, а Ира погрузилась в свои мысли, из которых не выплыла и тогда, когда повествование Влада подошло к концу, и Лешка стал делиться впечатлениями от экскурсионных походов и научных изысканий.

Ира сама сказала Владу, что он преобразился, однако он, похоже, не связал вылетевшего из ее уст определения с тем, что, по его же словам, говорил ему Радный. Также Влад не обратил особого внимания и на то, что Радный назвал его темной лошадкой, которую необходимо вывести на чистую воду. Он запомнил это, но внимания не обратил. Сколько же ей самой за всю ее жизнь на Земле высказывали наполненных особым смыслом суждений о ней самой, на которые она не обращала внимания, даже если запоминала... А может, и сейчас помнит...

«Нет. Все. Хватит. Пока здесь Лешка надо просто жить и все», – сказала она сама себе и вынырнула в кипящие за столом страсти. Лешка как раз пытался в чем-то убедить Влада, которого убеждать в чем-либо не имело никакого смысла. Влад находился в состоянии полного согласия с любыми идеями. А убедить его Лешка пытался в том, что глупо спорить, к какой именно скале был прикован Прометей: к Эльбрусу, Фишту или Орлиным Скалам, так как миф – это сведение воедино нескольких подобных друг другу событий, происходивших в разные, подчас очень далекие друг от друга времена на определенной, зачастую очень обширной территории.

- Интересно как с вами! – заметила Татьяна Николаевна. – Вот только, время уже позднее, так что позвольте откланяться.

- Ой! И правда! – воскликнул Лешка, глянув на часы. – Уже начало двенадцатого! Татьяна Николаевна, я провожу Вас.

Лешка с Татьяной Николаевной растворились в ночи.

- Ир, я хочу с тобой сегодня остаться... – глядя прямо перед собой, сказал Влад.

- Оставайся, раз хочешь.

- И ты даже не спросишь, как там моя благоверная?

- Да уж догадываюсь, что основательную порцию лапши ты ей на уши навешал.

- Не-а! Еще лучше! Она на две недели вместе со своей матерью уехала на Кубань, в деревню к родственникам.

- Это действительно неплохо в ее положении.

- Сегодня рано утром проводил.

- Понятно...

- Ир, надеюсь, ты понимаешь и то, что я не только сегодня хочу с тобой остаться.

- Понимаю...

- И что?

- Разве ты слышишь от меня бурю возражений?

- Так ты согласна?

- Наверное...

- Почему «наверное»?

Отвечать Ире не пришлось, так как вернулся Лешка.

- Влад, ты у нас остаешься? – бодро спросил он.

- Ага... – несколько смутился Влад.

- Даладно вам! – Лешка улыбнулся и посмотрел на чуть смутившуюся Иру. – Я еще прошлым летом догадался и рад за вас! – он перевел взгляд на обескураженного Влада. – Кстати, Влад, а ты завтра работаешь?

- Нет. До понедельника отдыхаю.

- А что там с семейными обязанностями?

- Алина с матерью на Кубань сегодня утром на две недели уехала.

- Так это ж класс! Пойдешь завтра с нами... Мам, что у нас завтра по плану?

- Вроде как в Волконку собирались.

- А что у нас в Волконке, мам?

- Дольмен-монолит, минеральный источник, урочище «Два брата», крепость Багу и еще целая куча дольменов в окрестностях.

- Во! Влад! В Волконку с нами едешь?

- А то как же! – Влад заметно воспрял духом.

- Что-то я совсем уже засыпаю, – пожаловалась Ира.

- Мамуль, иди ложись, а мы с Владом здесь приберем, чтоб Татьяна Николаевна завтра поутру не горбатилась.

Ира, понимая, что мальчишкам охота и вдвоем побыть, послушно отправилась в спальню.

Настроение было, мягко говоря, хреноватое. Замечания Радного по поводу Влада, высказанные им ей самой, а также прозвучавшие из уст самого Влада, вселили нешуточное замешательство. Реальное металось между паническим страхом и громогласным заявлением: «Да чушь это все несусветная!». Правда, отчего-то, собственное громогласное заявление «Да чушь это все несусветная!», мало влияло на тотальную перепуганность. Зато ирреальное тихо и сладостно шептало: «Влад, я жду тебя». Настроение ирреального Ире нравилось больше, но полностью отдаться ему никак не получалось.

Спать будто бы хотелось более всего на свете, но сон никак не мог захватить Иру целиком. Она, в очередной раз перевернувшись с боку на бок, подумала о Зиве с Лоренцем. Несколько мгновений спустя дверь тихонько приотворилась, и, легкие на помине, они просочились в спальню.

- Не спишь! – язвительно промурлыкал Лоренц.

- Не сплю... – со вздохом призналась Ира.

- Влад покою не дает? – всё тем же язвительным тоном поинтересовался Лоренц.

- Ага... – ответила Ира с обреченностью в голосе.

- Еще бы! Никто ведь не знает, чего это он за тобой увязался!

- То-то и оно!

- Но ты, ведь, знаешь! – подал голос Зив.

- Ага! Знать бы еще, чего именно я знаю! – усмехнулась Ира.

- А ты не думай. Прислушайся, что чувствуешь?

- Чувствую страх, чувствую, что все это бред сивой кобылы, чувствую, что готова драпануть отсюда куда подальше, чтоб только этого Влада больше не видеть, чувствую, что более всего хочу, чтобы Влад поскорее оказался рядом.

- Да-а-а! – язвительно протянул Лоренц. – Эмоциональный диапазон у тебя явно не как у зубочистки.

- Ценное замечание! – съязвила в ответ Ира. – Одного понять не могу... – Ира замолчала едва начав.

- Чего именно? – спросил Зив.

- Да ну! Бред какой-то! – оборвала Ира.

- Ира, – спокойно проорчал Зив, – полный бред разговаривать с кошкой и собакой и считать, будто они тебе вразумительно отвечают.

- Ладно, уговорил. А понять я не могу того, с чего это Радный так радел о том, чтобы Влад тоже вспомнил о сожжении.

- А ты уверена, что это Радный радел? – спросил Зив.

- Знаешь – уверена. Влад сам мне рассказывал.

- Да неужели? – Лоренц, по-видимому, сегодня вовсе не собирался расставаться с язвительным тоном.

- Ира, воплотившись здесь, никто ничего не знает наверняка: ни я, ни Лоренц, ни твой Женечка, ни Радный, ни – ну это тебе лучше всех известно! – ни ты сама.

Уж таково свойство этого мира – создавать иллюзии, кажущиеся реальностью и заставлять реальность казаться иллюзией. Ты принимаешь решение и ныряешь сюда, и оно, то есть твое решение, ведет тебя. Однако, ты, пока ты здесь, никогда не узнаешь наверняка, каково оно, то твое решение. Будешь ходить вокруг да около, чувствовать нечто, что называется, спинным мозгом. Зачастую кажется, что вот-вот ухватишь его и раскроешь тайну, но... предвкушение так и остается предвкушением.

Поддаются и раскрываются, казалось бы, немыслимые тайны, но только не эта. Если на ней заикнуться, можно сойти с ума, сжить себя со свету! Самое лучшее – плюнуть на бесполезное и бессмысленное занятие и просто не вставать на своем пути. Принять, как аксиому, что ты знаешь, как быть и что делать, но это знание доступно тебе лишь через полубессознательные порывы. Ира, доверься себе, и всё. Ты нашла свой ключ, но пока отложила его – тебе решать, когда заняться им. Ключ – он поможет. Он не раскроет главной тайны, но поможет отделять ее зов от всего постороннего и несущественного.

- А у вас есть такие ключи?

- Есть, – проорчал Зив. – Но мы не люди, и наши ключи несколько иного рода.

- А какого?

- Ты не поймешь...

- Ира, это – блохи, – не меняя настроения, промурлыкал Лоренц. – Знаешь ли, бегают, кусают и тем самым способствуют познанию себя.

- Не слушай его, он шутит. Блохи здесь, естественно, ни при чем. В одном Лоренц прав: нет никакой гарантии, что столь возмутительное поведение блох не есть действие во исполнение высшего замысла.

- А вот теперь, Ира, шутит Зив. Но, должен признать, что в его шутке, в отличие от моей, доля шутки поистине ничтожна, – Лоренц неожиданно прислушался. – Валишь, по-моему, пора...

На лестнице послышались шаги и голоса мальчишек. Зив с Лоренцем растаяли в темноте сквозь едва приоткрытую дверь, которая через несколько мгновений после этого распахнулась настежь, и в спальню вошел Влад.

От его объятий растаяли все страхи. Реальное утвердилось в мысли: «Да чувшь это все несусветная!», – и угомонилось, а ирреальное сладко замурлыкало, не пытаясь, однако, делиться тем, что же именно его так умиротворяет.

- - -

Дни побежали дальше в заведенном туристско-этнографическом ритме с той лишь разницей, что с ночи до утра к компании Иры с Лешкой добавлялся Влад. А вот компанию в постижении красот и тайн Кавказа он им составил лишь раз – более выходных за две недели отсутствия жены на его долю не выпало. Вечерами он казался полностью вымотанным, но уже к концу ужина приходил в себя, а ночью...

Ира даже обрадовалась, когда вернулась Алиночка, потому что за две недели появилась настоящая мечта как следует выспаться. Впрочем, скудность времени, отводимого на сон, Ира ощущала только утром, затрачивая некоторое количество усилий на прощание глаз. Ледяной водопад сонливости как рукой снимал, а усталости так и вовсе не наблюдалось, хоть они с Лешкой день ото дня и одолевали пешком весьма значительные расстояния.

Вечерами иногда позванивал Женечка, но в гости выбираться не спешил, несмотря на отчаянные приглашения Влада. Генка исправно подкидывала ему работу так, что не успевал Женечка расквитаться с одним, как уже его профессионального внимания с нетерпением дожидалось что-то следующее.

Через два дня после торжественного возвращения Влада в семью полил тропический ливень, перечеркнув своими потоками планы отправиться на прогулку по ручью Сванидзе. Лешка свалил к Татьяне Николаевне помогать по хозяйству, давно жаждущему твердую мужскую руку. Ира собиралась присоединиться к нему, но, стоило Лешке уйти, тут же позвонил Женечка.

- Привет, Палладина! Ты как там?

- Дождь...

- Чем занимаешься?

- Лешка пошел Татьяне Николаевне помогать, вот собиралась следом идти.

- Помогать Татьяне Николаевне ждать, пока Лешка ей поможет?

- Что-то вроде того...

- Слушай, Палладина, а у тебя нет ощущения, что ты по мне соскучилась? Я, конечно, понимаю, что последнее время скучать тебе не приходилось: днем оздоровительно-познавательные мероприятия с сыном, ночью оздоровительно-развлекательные мероприятия с его другом! Но все же, Палладина, может быть, где-то глубоко в душе ты все же по мне тоскуешь?

- Женечка! Ты стал романтичным и сентиментальным – никак любовные романы переводишь?

- Не без этого. Так как, может, появишься в моей скромной обители?

- Боюсь, после двух недель с Владом, на тебя у меня сил не хватит.

- Фу! Ира! Откуда в тебе эта вульгарность? – изобразил Женечка завязатого сноба.

Ира рассмеялась.

- Да появлюсь, появлюсь и с превеликим удовольствием! Я уже давно хочу тебя увидеть.

- Вот! Я так и знал! – нарочито торжествующе воскликнул Женечка и добавил уже своим обычным тоном. – Давай, жду.

Ира набрала Лешку и спросила, не возражает ли он, если она, вместо того, чтобы присоединиться к ним с Татьяной Николаевной, рванет в город. Лешка не возражал, и Ира вприпрыжку помчалась к проходу.

Глава 47 Иллюзия реальности

Женечка встретил Иру изысканно накрытым столом и в самом что ни на есть чудесном расположении духа. Они малость поболтали о книгах, которые переводил нынче Женечка и о туристских маршрутах Иры с Лешкой.

- Жень... – Ира замялась.

- Та-ак, госпожа Палладина никак спросить о чем-то желает?

- Ну-у-у...

- И считает, что ее вопрос из сферы праздного любопытства?

- Ну-у-у...

- Ну, ну! Спрашивай! Не бойся!

- Жень, расскажи мне, как для тебя все здесь начиналось?

- Я надеюсь, что тебя интересуют лишь последние две с половиной тысячи лет?

- Вообще-то, интересует всё.

- О как! Ир, все, что было до последних двух с половиной тысяч лет, относится к сфере праздного развлечения и ничего интересного из того, что может непраздно заинтересовать тебя, в своей сути не имеет.

- То есть, мой интерес к твоему последнему здесь воплощению, ты к праздному не относишь?

- Уже нет. Ты знаешь теперь достаточно, чтобы интересоваться этим не только ради удовлетворения праздного любопытства.

- Так значит, ты мне расскажешь?

- Особых биографических подробностей не обещаю, однако то, что для тебя действительно представляет интерес, поведаю.

- Ну?

- Ну... Слушай! Я родился здесь, на Черноморском побережье Кавказа в селении, которое находилось в районе нынешней Соболевки, и жил совершенно обычной для тех времен жизнью, которая отличалась от жизни моих ближайших соседей разве что тем, что по своему рождению я принадлежал к правящему роду – эдакий великий князь трех дворов. Ну, не трех, конечно, гораздо больше, однако семейный гонор был из этой оперы. Я вырос, обзавелся своей семьей, растил детей... в общем, достаточно продолжительное, по меркам обычной человеческой жизни, время не случилось ничего из ряда вон выходящего.

Потом была война. То есть, если рассматривать по меркам современности, и не война вовсе, а так, грандиозная драка. Это, правда, тоже не выходило за рамки обычного. Подобные драки являлись правилом. Только вот на этот раз нас оказалось раз в восемь меньше, ну и исход получился соответственный. Предводитель «вражеской армии» – некто по имени Гудэк – имел со мной личные счёты. Я его немного обидел еще в детстве, а он оказался на редкость злопамятным. И вообще – потрясающей доброты человек! Милейшее создание!

Как я узнал позднее, он запретил своим головорезам трогать меня, и я после жесточайшей резни оказался без единой царапины. Если честно, для меня для самого до сих пор загадка, как им удалось выполнить его приказ и не замочить меня в этой мясорубке в пылу сражения. Но это неважно. Перерубили всех воинов, кроме меня. Всех уцелевших женщин и детей, кроме моей семьи, вместе со скотом угнали. Все в округе выжгли. А я остался цел и невредим. Правда, я не сразу понял это.

В пылу битвы меня, как я уже говорил, умудрились даже не поцарапать и даже одежду не порвать, однако, видимо, оглушили, так как я потерял сознание и пришел в себя, уже будучи привязанным к обугленному дереву. Пока я окончательно не очухался, моя семья тоже оставалась в неприкосновенности. А потом...

Гудэк не стал меня пытаться, в смысле наносить болезненный вред моему телу, в смысле бить, сдирать кожу, жечь... все это он проделал со всеми членами моей семьи на моих глазах. А потом сказал, что считает наши разногласия исчерпанными, прощает мне все и предлагает выпить за примирение. Я был уверен, что в поднесенном мне роге яд, и осушил его до дна. Там оказалось снотворное.

Проснулся я в лесу, и притом не брошенный абы как, а устроенный со всем, возможным в лесных условиях, комфортом – словно сам спать укладывался. Снотворное оказалось хорошего качества, и память мне, к моему великому сожалению, не отшибло. Мое состояние, думаю, в описании не нуждается. Я долго бродил по горам. Насколько долго, не знаю. В конце концов, мои скитания привели меня на вершину отвесной скалы. Далеко внизу змеилась река. И я просто сделал шаг в пропасть. А дальше...

Тогда я решил, что попал в потусторонний мир. Много прошло времени, прежде чем я понял, что шагнул в щель прохода. В общем... я понимаю, звучит это странно, абсурдно, даже смешно, но по-другому не скажешь. Так вот, шагнул я в пропасть и от неожиданности упал. А прикол вот в чем: я, шагнув в пропасть, ожидал, что сейчас полечу вниз и разобьюсь о камни, но вместо пустоты под ногами оказалась твердая земля, покрытая сочной травой, и я упал на нее.

Знаешь эффект, когда спускаешься по лестнице и считаешь, что впереди еще одна ступенька, а она, то есть лестница, оказывается, уже закончилась? Зачастую от неожиданности спотыкаешься и даже падаешь. Представляешь, что испытал я, будучи уверенным, что впереди ступенька высотой эдак метров сто! В общем, я решил, что попал в потусторонний мир, а пока до меня дошло, что мир-то все тот же самый, я уже кое-чему начал учиться, а когда понял – продолжил с удвоенной силой.

Я представлял, как найду Гудэка и что с ним сделаю. Я не вел счет времени. Я верил, что становлюсь все более и более могущественным колдуном. Я неимоверно стремился ко все большему и большему могуществу, не переставая искать Гудэка. Я понял, что мне не суждено было его найти много столетий спустя, уже после того, как давно осознал, что я, и перестал его искать.

Дело в том, что упал я на землю, покрытую сочной травой, в Южной Америке. Выбрался я оттуда, лишь по-настоящему научившись пользоваться проходами, а понял, что то была Южная Америка, когда приплыл туда как-то, спустя почти две тысячи лет, на испанском корабле. Осознание же того, кто я, накрыло меня озарением лет через двести после трагической гибели моей семьи, когда меня однажды позвали принять роды.

Надеюсь, ты догадываешься, кто рождался? – Женечка с улыбкой посмотрел на Иру. – Все мои усилия заставить тебя жить оказались тщетны. Ты умерла на третий день после рождения. Я в один миг вспомнил всё: зачем я здесь и кто ты. И с того момента я по-настоящему перестал беспокоиться по поводу Гудэка. Конечно время, к тому же такое его количество, еще до этого изрядно притупило боль, но навязчивая идея не отпускала. Только после твоей смерти я заинтересовался, сколько же минуло с тех пор, как погибла моя семья, и долго хохотал, поняв, что больше века искал давно истлевшего покойника. Я осознал все, что делал с тех пор, как шагнул в пропасть. Как мне удастся не стареть и не умирать.

- Жень, Зив говорил, что принятое перед воплощением на Земле решение невозможно вспомнить.

- Он сказал истинную правду. Я не помню, что решил и почему. Мне достаточно понимания того, зачем я здесь.

- Но разве это не одно и то же?

- Это лишь похоже на одно и то же. Но это не так. Я не знаю, как тебе объяснить... Ну вот, ты уже начинаешь понимать, зачем ты здесь.

- Жень, я «начинаю понимать» это только благодаря тому, что вы все наперебой мне об этом рассказываете.

- Мы все наперебой тебе об этом рассказываем, потому что ты так решила, и лишь после того, как ты сама нечто обнаруживаешь. Ир, у тебя нет в запасе нескольких столетий на осознание.

- Но ведь далеко не всем требуются эти столетия.

- Конечно, далеко не всем, но у них есть те, кто их подталкивает, наталкивает и, тем или иным образом, кое-что объясняет, то есть делает все то же самое, что и мы все, как ты изволила выразиться, делаем с тобой. К тому же, тем, кто это все делает, совершенно необязательно самим догадываться о том, что именно они делают. Видишь ли, я этому пресловутому Гудэку должен, на самом деле, в ножки поклониться. Я, честно говоря, не уверен, что смог бы найти свой путь, не подтолкни он меня к нему.

- Я думаю, тебя на твой путь затолкал тот, кто открыл проход.

- Тоже верно, и все же он стал лишь следующим. В пропасть меня заставил шагнуть Гудэк. Я не исключаю, что все изуверства Гудэка, моя собственная задумка. Мое собственное решение, принятое вследствие знания своих потенциальных земных возможностей и уверенности, что других вариантов затолкать себя туда, куда надо, не существует.

- Ничего не скажешь! Оптимальное решение!

- Ира, ты разве забыла? Я тебя как-то раз вообще живьем сжег.

- По моей же просьбе?

- Скорее всего, да. Кстати, кажется, я нашел адекватное объяснение для тебя, в чем разница между пониманием, зачем ты здесь, и изначальным решением, которое недоступно осознанию, пока ты в этом мире: понимание, зачем ты здесь – это информация, которая может даже соответствовать в каждой букве изначальному знанию, однако не может таковым являться. То есть, ты логическим или еще каким-то путем можешь дойти до ментального понимания сего, но это не станет знанием, которое в тебе, которое ведет тебя, оно лишь умозрительное. Владение этой информацией, естественно, помогает, но все же не ведет, а вот то, что ведет, пока ты здесь, так и остается за кадром.

- Кажется, поняла... – Ира задумалась. Женечка перетащил ее к себе на колени.

Ира полностью погрузилась в размышления, но не об изначальных решениях, знаниях, зачем ты здесь; не о том, что помогает, а что понастоящему ведет в этой жизни. Ей вспомнился эпизод из достаточно отдаленного прошлого, когда она только познакомилась с Женечкой, из времени, близкого к «японской визитке». Они куда-то ехали на такси. Куда именно, Ира запомнила, но ей плотно врезался в сознание Женечкин внезапный почти выкрик: «Только не через Соболевку!». Потом он при похожих обстоятельствах повторялся не раз, но это стало для Иры обычным. Она почему-то ни разу не спросила Женечку, чем это Соболевка так ему не по нраву. Женечка сказал, что боль со временем притупилась, но ее, похоже, не смогли вытравить даже тысячелетия. Пожалуй, он до сих пор не перестал искать Гудэка. Не перестал искать того, кто лишил его обычного простого человеческого счастья, хоть даже сам и не признается себе в этом. «А ведь это – я!», – промелькнула у Иры до боли отчетливая мысль-осознание.

- Ирка! Хватит мне кости мыть!

- Жень, но ведь ты до сих пор ничего не забыл, и это вовсе не обычная память на ментальном уровне. Это сидит в тебе, в каждой твоей клеточке!

- Ир, может, и так, но это лишь человеческое и ничто более. Я пришел сюда не затем, чтобы прожить обычную человеческую жизнь, и мне в любом случае пришлось бы раз и навсегда вырваться из нее. Да, с болью, с кровью, со слезами... – Женечка подхватил ее на руки и понес в спальню. – Всё. Хватит. Забыли.

- Ну вот, мисс Вселенская Страсть, а говорила, что после Влада сил не осталось! Палладина! Я вижу, нагло врать, входит у тебя в привычку! – Женечка хохотал над Ирой, то и дело взвизгивающей от капель его восстанавливающего целостность кожи снадобья. – Ирка, я прошу тебя, сделай милость, не рыдай над страстями многовековой давности! Человеческие горести – лишь иллюзия реальности.

- Да. Только реальность этой иллюзии слишком высока.

Женечка расхохотался политональным смехом, в котором немислимым образом сочетались и тонкое наслаждение удачной игрой слов, пойманной Ирой, и радость бытия, и горечь, и сарказм, и что-то еще, лишь едва уловимое, но, пожалуй, самое значимое.

- Жень, получается, что можно знать «зачем?», но «почему?» и «как?» ощущать лишь, как говорится, спинным мозгом?

- Да, Ира. Притом знание «зачем?», по большей части, лишь умозрительное – вербальная формула и не более того.

Тропический ливень посчитал, что одного дня для полива истосковавшейся по влаге земли вполне достаточно, и на следующий день вновь безжалостно сияло солнце. Поход по ручью Сванидзе Ира с Лешей решили отложить на пару-тройку дней дабы не месить грязь и не испытывать судьбу на скользких от влажности скалах. Весь день они бродили по закоулкам Сочи под рассказы Иры о событиях, разворачивавшихся здесь в XIX веке и начале XX. Заодно они обзавелись билетами на экскурсии в Абхазию на следующие два дня, в которые им теперь предстояло посетить озеро Рыца и Новоафонские пещеры. В районе пяти вечера они немного повалялись на пляже у гостиницы «Приморская» и около шести рядом с этой же гостиницей поймали такси.

- Через Соболевку, пожалуйста, – добавила Ира, назвав таксисту место назначения.

- Мам, а что на Соболевке? – спросил Лешка, заинтригованный не совсем обычным тоном, которым Ира произносила свое дополнение.

- Там в свое время велись археологические раскопки и были найдены довольно интересные экспонаты. Когда доберемся до краеведческого музея, я тебе их покажу.

- Мам, этот музей уже давно называется музеем истории города-курорта Сочи.

- Леш, я в курсе, но, по сути, он краеведческий, а «Музей истории города-курорта Сочи» говорить очень долго.

Таксист по просьбе Иры остановился в центре Соболевки – то ли микрорайона, то ли села, Ира затруднялась сказать, какой именно административной единицей нынче является это место. Они немного побродили по окрестностям. Ира машинально сообщала Леше обо всех археологических находках, сделанных здесь, а сама прокручивала в памяти рассказ Женечки. Что-то смутно говорило в ней, что каким-то почти человеческим образом это место связано и с ней, но каким именно, нащупать ей так и не удалось. Ира на всех доступных ей уровнях понимала, что к Гудзу, который вызывал в ней липкий ужас и тошнотворное отвращение, она не имеет никакого отношения, и то, что смутно ощущалось, с ним не связано. В конце концов, археологические сведения, которыми она располагала, иссякли, и им пришлось вернуться в машину.

По ночам Иру стали преследовать видения из Женечкиного рассказа. Да и днем, несмотря на плотный экскурсионный график и всепоглощающее общение с Лешкой, она частенько впадала в задумчивость, отправляясь мыслями на две с лишним тысячи лет назад. Женечка порекомендовал ей не рыдать «над страстями многовековой давности». Ира оправдывала невыполнение его просьбы тем, что вовсе над ними не рыдала, правда, лишь в прямом смысле этого слова. В ее осознании странным образом вырисовывалось человеческое, четко отделяя то, что человеческим не являлось. Это человеческое то заставляло ее восхищаться собой, то испытывать отвращение.

Дни летели, и неуклонно приближалось 26 августа, день, когда Лешка должен был покинуть Иру и отправиться продолжать свое образование. Двадцать пятое посвятили сборам, а также этот день стал итоговым в краеведческом променаде – Ира с Лешей полдня провели в Музее истории города-курорта Сочи.

Лешкин самолет в Москву вылетал в начале одиннадцатого утра. Радный, реально и официально находившийся в Сочи, без лишних вопросов отпустил Влада до полудня, пожелав, чтобы он вернулся после проводов на свое рабочее место вместе с Ирой.

Проводы прошли без сучка и задоринки. Ира не выказала никаких возражений против предстоящей встречи с Радным, хоть и не особо жаждала его видеть. Отстояв, как и ожидалось, положенное время в пробке, Влад и Ира, в конце концов, подъехали к Парк Отелю.

- Ира, прошу прощенья, подождите меня, пожалуйста, несколько минут, мне необходимо передать Владу бразды правления и дать несколько ЦУ, – сразу после приветствия сказал Радный, усадил Иру в кресло и удалился с Владом в кабинет.

Ира никогда не испытывала особой радости от общения с Радным, но сегодня это ощущение наполнилось какой-то особой остротой. Ждать ей долго не пришлось.

- Идемте, – коротко сказал Радный, выходя из кабинета.

Они отправились в турецкий ресторанчик на первом этаже гостиницы Магнолия, и, предпочтя нежное дуновение кондиционера жарким лучам солнца, не стали занимать столик на улице. Ира вместе с Владом перекусила после проводов Леши, и есть ей не хотелось, так что заказала она себе только салат и кофе с мороженым. Радный, судя по всему, собирался плотно пообедать.

- Ну что ж, Ира, – начал он, после того как официант, приняв заказ, отошел от их столика, – судя по Вашему настроению, Вы, если и не догадались окончательно, то начинаете догадываться, как именно я помог соединить «Я» с «Аз» Вашему другу, книгу которого Вы не так давно готовили к изданию. Кстати, я запомнил, какое имя он нынче носит?

- Женя. Евгений Вениаминович Гаров. Но я не понимаю, о чем Вы?

- О том, что Вас аж передергивает при виде меня.

Ира смутилась, а Радный улыбнулся ее смущению.

- Как я вижу, догадываться Вы действительно едва начали и еще не успели связать мою персону с уже, по-видимому, известными Вам событиями, которые якобы имели место в незапамятные времена на территории одного из микрорайонов нынешнего Сочи.

Радный тяжелым взглядом уставился на Иру, и тут ее действительно передернуло.

- В точку, – спокойно произнес Радный, когда Ира почти побелела.

- Так... Вы... – начала Ира, но не могла больше выдать из себя ни слова.

- Истинно! Я – автор якобы разыгравшихся тогда событий.

Радный продолжал сверлить ее тяжелым взглядом, и Ира почувствовала, что есть она сейчас не сможет.

- Ира, я не ангел, – продолжал Радный, – и при определенных условиях способен очень на многое, – он пристально смотрел на нее. – Меня совершенно не заботит Ваша оценка моих деяний с точки зрения морали и нравственности. И все же мне бы хотелось, чтобы Вы точно знали, что на самом деле произошло тогда. Почему? Я объясню потом.

- Неужели то, что тогда случилось, может иметь хоть какие-то оправдания? – с трудом выдавила из себя Ира.

- Если бы они понадобились, не сомневайтесь, я нашел бы их, притом самые убедительные из возможных. Однако по известному Вам конкретному факту мне оправдания не нужны, по крайней мере, не особо. Даже с морально-нравственной точки зрения. К тому же, те события к человеческой морали и нравственности отношения никакого не имеют.

Безусловно, с человеческой позиции я не являюсь воплощением добродетели. Вот эти руки, – Радный оперся локтями о стол, обратив к Ире тыльные стороны ладоней, – как говорится, чисты, но многие из тех, что были до них, в полном смысле слова, по локоть в крови. Я не отрицаю этого. Я, по понятным, думаю, Вам причинам, отношусь более чем спокойно к тому, что называют смертью. И в отношении себя, и в отношении кого бы то ни было другого. Я способен убить, я способен причинить боль, страдания, притом очень сильные, но делаю это лишь только в том случае, если это действительно крайне необходимо,

и лишь в ситуациях, которые далеки от человеческого разума о человеческом, – Радный с новой силой вцепился в Иру глазами. – Тогда необходимость в крайней жестокости если и существовала, то не настолько, чтобы события приняли столь ужаснувший Вас оборот. Тем не менее, это свершилось, свершилось с моей подачи. Только вот, свершилось это всё лишь в пределах отдельно взятого сознания.

- То есть? – Ира ощущала крайнее замешательство.

- То есть, две с лишним тысячи лет назад личность, известная Вам как Евгений Вениаминович Гаров, воплотилась на Земле и жила как самый обычный человек. Я родился немногим ранее и не спускал с него глаз, правда, сам ему на глаза не попадаясь. Как только он достиг определенного возраста, я несколько раз делал попытки подтолкнуть его к осознанию сути, но они так и не увенчались успехом. Особого беспокойства у меня это не вызывало. До определенного момента. До момента беспрецедентной важности – он зачал Вас. То есть, на все про все при благоприятном исходе оставалось лишь девять месяцев. На благоприятный исход, учитывая предыдущую Вашу попытку, никто, конечно, особо не рассчитывал, но такую возможность нельзя было исключить полностью. Никакие мои ухищрения результатов не давали – он предпочитал оставаться человеком до мозга костей.

Очередной шанс выпал, когда его супруга была на втором месяце. Он отправился со своей дружиной на охоту и в пылу преследования дичи отбил от сопровождавших. Не знаю, какая сила вела его, но он не останавливался до наступления ночи, оставшись целым и невредимым и продолжая преследование даже после того, как его лошадь, свалившись под откос, сломала себе шею. Лишь когда темнота сгустилась полностью, он расположился на ночлег. От усталости он едва себя контролировал, а это идеальное состояние, чтобы с помощью сильного потрясения поколебать защитные системы и приоткрыть связь «Я» с «Аз», чем, собственно, и является так называемое осознание сути, как Вы, надеюсь, понимаете.

Как я уже убедился на предыдущем опыте, пронять его практически было нечем – ни страхом, ни болью, ни тем более эмоциями и ощущениями, которые принято считать положительными. Все отлетало от него как горох от стенки. Я решился на крайнюю меру, тем более что по моему разумению она, создав потрясение необходимой силы, никому не принесет никакого вреда. Я решил создать это потрясение безумной силы лишь в его сознании, то есть с помощью сновидения. Что можно делать с человеком с помощью сновидения, Вы уже знаете на собственном опыте, не так ли?

Ира кивнула. Она не позволяла массе вопросов по поводу своего странного сна-не-сна про сожжение мучить себя, правда, это вовсе не значило, что они отсутствовали или что по прошествии более года сами собой иссякли, но сейчас у нее язык не поворачивался задавать их.

- Так вот, с моей подачи его посетило сновидение о том, будто на расвете к нему прискакал гонец и сообщил, что в сторону его вотчины движется войско. Он вскочил на коня, которого и в живых-то уже не

было, и собрал свою дружину, которая, на самом деле, искала его до темноты и возобновила поиски с рассветом. Во главе дружины он спешно вернулся и принял неравный бой. Дальнейшие события Вам известны.

На самом деле он, проведя в до боли ясном сне всю ночь, проснулся там, где и заснул. Я считал, что, пережив столь сильное потрясение, он немедленно кинется домой и испытает еще большее потрясение, но уже иного толка, и тогда его защитные барьеры рухнут окончательно. Я не предполагал, что он изберет иной путь: не считать свой сон сном.

- Но как можно не понять, что сон – это сон?

- Ира, Вы поняли, что Ваш сон – это сон, только умозрительно и лишь исходя из того, что в Ваших условиях, следуя элементарной логики, он ну никак не мог быть явью. Вы имели веское нечто в виде реальности начала двадцать первого века, которая, мягко говоря, сильно отличается от реальности середины пятнадцатого. Вы с точностью определили, что сожжение на костре является сном, лишь намертво уцепившись за более чем убедительное несоответствие. Или я не прав?

- Правы...

- Помните? «Случалось видеть кошмар, который казался реальностью? Что, если бы ты не смог проснуться? Как бы ты узнал, что сон, а что действительность?», – процитировал Радный Морфеуса из «Матрицы». – Евгений Вениаминович Гаров смог проснуться, но в его распоряжении не оказалось точки отсчета, некоего якоря для адекватного сравнения сна с реальностью, который имели Вы. Иллюзия реальности, созданная мною для него в его сне, удалась мне на славу, и реальность этой иллюзии оказалась слишком велика для него.

Ира вздрогнула, услышав почти точную цитату их с Женечкой недавней беседы.

- Что Вас смутило?

- Ничего особенного, просто Вы сейчас почти точно повторили пару фраз из нашей с Евгением недавней беседы.

- Да?! Что именно?

- Он попросил меня не рыдать над страстями многовековой давности и сказал, что человеческие горести лишь иллюзия реальности, на что я ответила, что реальность этой иллюзии слишком высока.

Радный усмехнулся:

- Похоже, что Евгений знает о том событии гораздо больше, чем предполагает, да и Вы тоже.

- Я не совсем поняла Вас, – лукавила Ира.

- Лукавите! Но, раз уж Вам так хочется, поясню. Воплощаясь на Земле, мы никогда не можем быть уверены в том, что на самом деле знаем, однако, это знание разными путями прорывается сквозь нас незаметно для нас самих. Мы кидаем какие-то фразы, совершаем какие-то поступки, точно отражающие наше знание, не придавая этому значения.

Здесь ничего не происходит просто так. Все просчитано заранее нами же – Аз Фита Ижица. Что это значит? Узнаете во всей полноте, расшифровав азбуку. Так вот, все просчитано заранее нами же, но мы, как правило, не подозреваем об этом.

Решение Вашего друга, не считать сон сном, поначалу озадачило меня, но ненадолго. То, что так и должно быть, стало ясно очень скоро. Но я не сразу догадался, что понесло его аж на другой континент. Пожалуй, никогда ранее он не был настолько человеком, и человеческая боль никогда не становилась для него столь нестерпимой.

- Она осталась до сих пор...

- Я знаю, а потому и рассказываю Вам все это. Я, можно сказать, даю Вам некое средство, которое может оказаться очень нелишним в дальнейшем.

- Что это за «некое средство», и почему оно должно оказаться нелишним в дальнейшем?

- Об этом чуть позже. А сейчас я, с Вашего позволения, продолжу повествование. Итак, его безуспешно искали несколько дней, пока не погасла последняя надежда. Когда дружина вернулась со скорбной вестью, его жена была без сознания и вскоре умерла от кровотечения, так и не узнав, что ее муж пропал без вести.

- Так получается, это я убила ее?

- Да, – Радный немного помолчал. – Насколько мне известно, он за две с лишним тысячи лет лишь несколько раз рассказывал свою историю, но ни разу никому не упомянул прямо о своей жене.

- Рассказывая мне, он говорил «семья», «дети», но никак не обмолвился об их мать.

- Ира, я очень долго считал это проявлением чисто человеческой привязанности, чисто человеческой любви. Очень долго, пока Вы... – Радный замолчал.

- Что, я?

- Я точно всего не знаю. Меня более всего заботила проблема Вашего благополучного воплощения и многое я упустил. Она, видимо, искала его и, в конце концов, нашла. Он испытал вновь то, что испытывал за два с лишним тысячелетия до этого и, продолжая считать сие человеческой слабостью, испугался. Испугался неизбежной боли и, возможно, поэтому предпочел не узнать ее. Узнали Вы, и сделали все от Вас зависящее, чтобы вернуть ее в этот мир намеренно и для него.

- Гиала?

- Я не знаю, под каким именем она прожила последнюю жизнь. Я знаю лишь то, что именно ее сейчас носит под сердцем Алина, жена Влада.

Ира в изнеможении закрыла лицо руками:

- Стас, я больше не могу, – взмолилась она. – У меня крыша от всего этого уже не едет, и даже не летит, а выделяет все фигуры высшего пилотажа на невероятных скоростях и вот-вот попросту взорвется.

Радный рассмеялся.

- Человеческое невероятно сильно в человеке, даже если воплощенный в человеке является богом. Я понимаю Вас. Расслабьтесь. Давайте я закажу Вам еще кофе с мороженым и новую пачку сигарет.

Ира взглянула на стол. По просьбе Радного официант, принеся заказ, не беспокоил их, и теперь на краю стола теснилась грязная посуда, а в пепельнице высился Эверест из окурков.

Радный подозвал официанта, и через несколько минут стол сиял чистотой, пепельница пустотой, а перед Ирой и Радным стояло по чашечке с кофе и вазочке с мороженым.

- Стас, а вы можете мне рассказать о моем сне?

Радный усмехнулся.

- А как же насчет высшего пилотажа?

- Потерплю, как-нибудь. Уж больно любопытство уже больше года разбирает, и никто ничего вразумительного мне по этому поводу сказать не может.

- Признаюсь, техническое исполнение – дело и моих рук тоже. Кто другие исполнители, Вы и без меня знаете, ну а имя заказчика, думаю, оглашать и вовсе не требуется, – Радный улыбнулся Ире. – Видите ли, практика намеренного сновидения, как Вы знаете, уже однажды принесла богатые плоды. Потому и решили применить ее вновь. Правда, задача для меня, с одной стороны, несколько усложнилась – мне пришлось смоделировать сновидение сразу для нескольких человек – зато в другом оказалась проще: во-первых, в этот раз я трудился не один, а во-вторых, само событие моделировать не пришлось, поскольку оно имеет место в реальности, хоть и значительно отдаленной во времени.

- Так меня тогда сжигали по-настоящему?

- По-настоящему, по самому взавправдашнему, только огонь использовали не совсем обычный. Не подумайте! Огонь – тоже самый настоящий! Вот только, в отличие от широко распространенной субстанции под названием пламя, тот огонь являлся личностью известной Вам. То есть от обычного огня он отличался лишь тем, что действовал полностью осознанно и намеренно.

- Стас, как Вы это делаете?

- Что именно?

- Моделируете сновидение для кого-то?

- Ира, скажу честно: понятия не имею! Вернее, я точно знаю, как это сделать намеренно, но я не произвожу ничего, поддающегося описанию. То есть, ни мое тело в целом, ни мой мозг в частности в этом процессе, по сути, не участвуют. Вы, насколько мне известно, ведь уже знаете, как делать нечто, ничего вроде бы не делая?

- Ну-у-у... вообще-то, да... приходилось...

- Примерно все то же самое.

- Стас, а откуда вы всё знаете?

- На самом деле, далеко не всё.

- Именно поэтому и спрашиваю. Если бы Вы знали всё, не думаю, что меня этот вопрос мучил бы с такой интенсивностью.

Радный усмехнулся.

- Частично откуда же, откуда многое знаете Вы, а частично и вовсе банально. Простым, вполне человеческим образом – через информаторов. Правда, далеко не все мои информаторы являются людьми.

- Так у Вас разветвленная разведывательная сеть? – улыбнулась Ира.

- Не без этого. Знаете ли, изначальное знание изначальным знанием, а все-таки очень даже нелишне держать ситуацию под вполне понятным, для человека, контролем.

- Береженого бог бережет?
- Истинно!

Глава 48

Ключ

Вернувшись в свой опустевший после Лешкиного отъезда дом, Ира чувствовала себя в состоянии полного раздراйва. Она долго слонялась из угла в угол, не зная, чем себя занять. Зив и Лоренц отсутствовали. Впрочем, ей именно сейчас не хотелось их общества. Часам к восьми вечера Ира и вовсе извелась. В конце концов, она решила позвать Татьяну Николаевну и они часа два просидели за чаем. Потом Ира насильно уложила себя в постель с полным убеждением, что уснуть ей не удастся, но ее опасения не оправдались – уснула она почти тотчас же и проспала как убитая до самого утра.

Проснувшись утром, Ира поняла, что единственный выход – брать себя в руки с натянутыми на них ежовыми рукавицами. Целую неделю, не покидая пределов собственной вотчины, она занималась лишь тем, что с фотографической точностью зарисовывала все, на что падал ее взор.

- Зачем ты это делаешь? – поинтересовался как-то Зив, когда Ира показывала им с Лоренцем свои достижения.

- Утоляю жажду реализма.

- Ира, реализм отражает реальность, а это все – лишь иллюзия реальности, – глубокомысленно заметил Лоренц.

- Знаю. Однако, реальность этой иллюзии невыносимо высока, а потому мне хочется напиться ею прежде, чем все закончится.

- Ира, ты о чем? – с тревогой спросил Зив.

- Не знаю. Просто у меня уже пару месяцев, а может, и больше, четкое ощущение, что нечто подходит к концу. Я всеми силами оттягиваю этот конец, чем бы он ни являлся, но он все равно приближается с неизбежностью. Пусть медленнее, чем мог бы, но приближается.

- Ира, не накручивай себя, брось ты эти настроения! – взволновался и Лоренц.

- А я и не накручиваю, но от этого ничего не меняется. Прогулка по висячему мостику завершается. Я это чувствую. Я это знаю.

Ира решительно встала и направилась спать.

После этого разговора она еще дня три продолжала с фотографической точностью отражать на бумаге до боли реальную иллюзию реальности. Собиралась и дальше, но однажды вечером, уже утонув в полусне в собственной постели, она резко вынырнула из сладкой дремы от ни с того ни с сего самой себе сказанного вслух слова: «ключ». Сна как не бывало. Ира встала и пошла в кабинет, куда она перед приездом Лешки отнесла помятый клочок бумаги Радного и стопку листков от Женечки. Первым скользнул в руки помятый листик от Радного.

«Следуй за черной гадюкой».

Ира перевернула его.

«Аз, буки веде, глаголи добро.

Есть живете зело земля, иже и како люди мыслете, наш он покой
рцы – слово твердо.

Ук ферт хэр от, цы, червь, ша, ща.

Ер еры ерь ять!

Ю я.

Ие эс, ос, ес, ёс кси, пси.

Фита ижица».

Ира перечитала несколько раз и села разбираться с листками, принесенными Женечкой.

«Существует три основных вида письменности: идеографическая (как разновидности иероглифическая и пиктографическая), буквенная и руническая.

В идеографической (иероглифической и пиктографической) письменности графический символ – идеограмма (иероглиф, пиктограмма) – соответствует слову, или морфеме (часть слова: приставка, корень, суффикс, окончание), или общему содержанию сообщения (как правило, пиктограммы).

В буквенной письменности графический символ – буква – соответствует звуку.

Руническое письмо объединяет в себе черты идеографического (иероглифического, пиктографического) и буквенного письма. То есть графический символ – руна – как и буква, соответствует звуку, но в то же время, подобно идеограмме (иероглифу, пиктограмме), имеет собственное смысловое значение.

Изначально многие алфавиты, прежде чем стать буквенными, были руническими. И славянский в том числе.

А – АЗ – Личностная энергетическая структура, истинное «Я», суть, изначальность; а также – начало какого-либо процесса, причина какого-либо процесса; а также – идеальность, совершенство, непревзойденное мастерство в чем-либо, лучший в чем-либо, ас; а также – может приниматься тождественным по отношению к понятиям психологии: подсознание, «Я» по отношению к «я»; а также – Изначальность и Окончателность, Мироздание, Всевышний – грандиозная сила, несущая всему земному все от Бытия до полного уничтожения.

Б – БУКИ – Непостижимое, непознаваемое, знание (см. Веди), однако, лишь та его часть, которая ни при каких обстоятельствах в условиях земной жизни не может быть познана, подвержена адекватному осмыслению; а также – нечто, познанию поддающееся (см. Ук), но еще не познанное; а также – нечто, кажущееся воображаемым, фантазий-

ным, абсурдным, вымышленным, несуществующим, ложным; а также - нечто непонятное, невразумительное, необъяснимое и пугающее; а также - воображаемое, фантазийное, абсурдное, вымышленное, несуществующее, ложное; а также - то (объект, действие, процесс), истинность чего не может быть ни опровергнута, ни доказана.

В - ВЕДИ - Всеобъемлющее Знание, включающее в себя как познаваемое (см. Ук) так и непознаваемое (см. Буки), то есть, заключающее в себе все познанное (см. Ук), все пока непознанное (см. Буки и Ук), но поддающееся познанию, и то, что познанию не поддается, то есть непознаваемое (см. Буки); а также - проводник, то, что ведет, путь, преодолеваемый по наитию; а также - знать, вести; а также - условно, в значении ныне утраченной **V** - Ижица (см. Ижица).

Г - ГЛАГОЛИ - Провозглашение, утверждение, установление закона, правила, определенного порядка; а также - действие, процесс; а также - слово, речь, выражение; а также - мир (в смысле взаимоотношений с кем-либо), дружба, согласие; а также - говорить, действовать.

Д - ДОБРО - Добро, Истина, Правда; благо, благодать; благость, праведность, святость; правильность, истинность; благосостояние, богатство.

Е - ЕСТЬ - Иметься в наличии, быть, жить, существовать, присутствовать, являться (кем-то или чем-то), находиться где-либо; а также - иметься в наличии, иметь, владеть - в смысле изначальной и окончательной данности, но не приобретения в процессе; а также - есть (в смысле кушать) в смысле употреблять, заключать в себя, быть заключенным в чем-либо или в ком-либо; а также - условно, в значении ныне утраченных: **Ю** - **Ие**, **И** - **Юс** малый йотированный или **Ес**, **А** - **Юс** малый или **Эс** и **Ъ** - **Ять** (см. **Ие**, **Юс** малый йотированный, **Юс** малый и **Ять**).

Ё - Ё - Новый символ, в славянской азбуке отсутствующий. Значение условно можно соотнести с ныне утраченными: **ИЖ** - **Юс** большой йотированный или **Ёс**, **Ж** - **Юс** большой или **Ос**, а также с **Е** - **Есть** (см. **Юс** большой йотированный, **Юс** большой и **Есть**).

Ж - ЖИВЕТЕ - Жизнь, жить, проживать (и в смысле где-то, и в смысле что-то), переживать (и в смысле самого процесса жизни в определенный период, и в смысле чувств и ощущения по этому поводу); а также - нечто живительное.

S - ЗЕЛО (ныне утрачена, однако, ее значение условно добавилось к З - Земля) - Весьма, очень, сильно, крепко, больно, дуже, много, безгранично, бесконечно, крайне, невыносимо, необыкновенно, непомерно, разительно, страшно, ужасно, в высшей степени, адски, донельзя, вконец, колоссально, неимоверно, непроходимо, несказанно, чрезвычайно, далеко, на диво, вовсю, на чем свет стоит.

З - ЗЕМЛЯ - Земля, как планета; Земля, как мир (в смысле пространства) с определенными свойствами; Земля, как природа; земля, как стихия (огонь, воздух, вода, земля); земля, как материк, остров, омываемый водами (море, океан); земля, в смысле ограниченной (существующей в определенных границах) территории владения индивида или сообщества; земля, в смысле почва и в прямом смысле (грунт), и в смысле «почвы под ногами», то есть твердыня, основа, а также - приземленный, то есть обыденный, рутинный, чрезмерно реалистичный, зашоренный, лишенный гибкости и одухотворенности образ мыслей, действий и процессов; а также - условно, в значении ныне утраченной S - Зело (см. Зело).

И - ИЖЕ - Который, ежели, если, будет, когда, вместе, потому что; то есть, условность, обусловленность, зависимость от обстоятельств; а также - условно, в значении ныне утраченных: I - И и V - Ижица (см. И и Ижица).

I - И (ныне утрачена, однако, ее значение условно перешло к Й - И краткое и условно добавилось к И - Иже) - Один, единый, объединяющий, совмещающий, сливающий воедино; а также слияние.

Й - И краткое - Новый символ, в славянской азбуке отсутствующий. Значение условно можно соотнести с ныне утраченной I - И, а также с И - Иже (см. И и Иже).

К - КАКО - Как, будто, похоже, подобно, идентично, эквивалентно. Если за К сразу следует С, относящаяся к тому же слогу, то значение этих двух символов можно расшифровать с помощью ныне утраченной Ѣ - Кси (см. Кси).

Л - ЛЮДИ - Род человеческий в целом и каждый человек в частности как особенность определенного земного воплощения, форма жизни на Земле, обладающая определенными свойствами познания и мышления, а также организации и воплощения действий и процессов.

М - МЫСЛЕТЕ - Мысль, дума, мышление, обработка информации в сознании, работа ума, мозга, процесс осознания чего-либо как-либо воспринимаемого, процесс осознания чего-либо как-либо познанный или познаваемого; а также - думать, мыслить, осознать.

Н - НАШ - Принадлежащий нам, то есть людям, относящийся к нам, то есть к людям, свойственный нам, то есть людям; а также - принадлежащий, относящийся, свойственный Земле, как миру (в смысле пространства) с определенными свойствами.

О - ОН - То же, что Аз (см. Аз) или Я (см. Я), но в третьем лице; а также - упоминание, в зависимости от контекста, о каком-либо объекте или субъекте в третьем лице; а также - Изначальность и Окончателность, Мироздание, Всевышний; а также - условно, в значении ныне утраченных: Ё - Омега или От и Ж - Юс большой или Ос (см. Омега и Юс большой).

П - ПОКОЙ - Покой, умиротворение, блаженство, наслаждение, безмятежное состояние, пребывание в лоне Изначальности и Окончателности, Всевышнего; а также - мир (в смысле взаимоотношений с кем-либо и с собой); а также - тишина, и в смысле отсутствия внешних звуков, и в смысле состояния внутреннего безмолвия; а также - спокойствие, отсутствие возмущения, тревоги; а также - недвижность, состояние бездействия, отсутствие действий и процессов; а также - равновесие, уравновешенность, а также уверенность. Если за П сразу следует С, относящаяся к тому же слогу, то значение этих двух символов можно расшифровать с помощью ныне утраченной Ψ - Пси (см. Пси).

Р - РЦЫ - Изрекать, источать, изливать (знания, информацию, настроение, ощущения, чувства, эмоции); а также - Источник (знания, информации, настроения, ощущений, чувств, эмоций); а также - Первопричина.

С - СЛОВО - Символ объекта, действия, процесса, абстрактного - вообще, в самом принципе, в самой сути, а в частности - сочетание звуков (в устной речи) или букв (в письменной речи), создающее вербальный символ объекта, действия, процесса, абстрактного. В идеале, как в узком значении, так и во всеобъемлющем, по своей силе и значимости полностью соответствует, является эквивалентом символизируемому объекту, субъекту, действию, процессу, абстрактному, будучи неизменно воплощенным, либо неизменно воплощаясь в символизируемое; а также - условно, в значении ныне утраченной Θ - Фита (см. Фита).

Т - ТВЕРДО - Твердь, основа, опора, незыблемость, непрекаемость, неизменность, прочность, основательность, неподвластность времени и процессам, то, что не может быть изменено никакими действиями и процессами, то есть, Изначально и Окончательно в своей сути; а также - условно, в значении ныне утраченной Θ - Фита (см. Фита).

У - УК - Процесс познания; а также - знание (см. Веди): познанное, находящееся в процессе познания и то, которое на данный момент непознанное, но может в процессе познания, в отличие от непознаваемого (см. Буки) стать познанным.

Ф - ФЕРТ - Удача, успех, счастливое стечение обстоятельств, благоприятствование Фортуны, верно, удачно избранный путь, верные, удачно избранные и предпринятые действия, процессы; а также - идеальность, совершенство, безупречность; а также - условно, в значении ныне утраченной Θ - Фита (см. Фита).

Х - ХЕР или ХЭР - Крест перечеркивающий, перекрывающий, отсекающий, ограничивающий, защищающий, отвращающий (откреститься (отхерститься), поставить крест (хер) на чем-либо - понятия, появившиеся задолго до Христианства, и к распятию никакого отношения изначально не имеют), обеспечение защиты, неподверженности, неприкосновенности, неуязвимости, возможность абстрагироваться, игнорировать; а также - символ Солнца, как источника жизни и защиты, отвращающего, перекрывающего тьму.

Ω - ОМЕГА или ОТ (ныне утрачена, однако, ее значение условно добавилось к О - Он) - Изобилие; а также - точка отсчета, начало; а также - Изначальность; а также - конец, окончание какого-либо процесса; а также - Окончателность; а также - окончание пребывания на Земле и возвращение к Изначальности и Окончателности, Мирозданию, Всевышнему и сама Изначальность и Окончателность, Мироздание, Всевышний - грандиозная сила несущая всему земному все от Бытия до полного уничтожения; а также начало и конец, бренность земного существования.

Ц - ЦЫ - Стержень, ось, закон, правило, порядок; а также - мораль, нравственность, предрассудки, законы и правила людей, инстинкты и рефлексы людей и животных, которые являются стержнем их существования, осью, вокруг которой вращается их жизнь.

Ч - ЧЕРВЬ - Красное, красивое, золотое (ср. червонный, червовый, червлёный, червонец и т. п.); а также - червь в смысле червяк (к примеру: дождевой червяк, ленточный червь), нечто мерзкое и неприятное, червь, который гложет. Преходящие ценности земной жизни, материальные ценности, материальное богатство, благосостояние, корыстные, меркантильные интересы и сопутствующие этому как позитивные, так и негативные помыслы, страсти, порывы, намерения, действия, процессы, чувства; а также - обусловленные законами земного существования (локальными законами) мечты, желания, цели.

Ш - ША - Взбалмошность, бесшабашность, безрассудство, дурь, блажь, ошалелость, безответственность, безотчетность. Шальные, взбалмошные, бесшабашные, безответственные, безотчетные помыслы, порывы, действия и процессы.

Щ - ЩА - Всё, кроме сути. Наполнение, дополнение чего-либо несущественными ингредиентами, которые, даже если и имеют смысл, не меняют сути, однако, легко могут затмить ее, вывести из поля внимания. Второстепенное, не главное, не основное. К этому могут относиться как материальные объекты и субъекты, так и мысли и чувства, а также действия и процессы.

Ъ - ЕР, Ы - ЕРЫ, Ъ - ЕРЬ - Несложно догадаться, что все три символа являются однокоренными. Пустота, вместилище, пространство; а также - вакуум; а так же - опустошать, избавляться, очищать. Еры - Ерь и И - Пустое пространство, вместилище, объединяющееся с чем-либо, готовое к единению, к приятию в себя, к впитыванию в себя нечто.

Ъ - ЯТЬ (ныне утрачена, однако, ее значение условно перешло к Э - Э и условно добавилось к Е - Есть) - Значение почти полностью совпадает с Е - Есть, однако, имеется существенное отличие: если Есть предполагает наличие чего-либо как изначальной и окончательной данности, то Ять предполагает наличие чего-либо как полученного в результате какого-либо действия или процесса (в том числе и процесса познания, мыслительного процесса, вследствие переживаний, чувств и эмоций).

Э - Э - Новый символ, в славянской азбуке отсутствующий. Значение можно условно соотнести с ныне утраченными: Ъ - Ять, Юс - Ие, А - Юс малый или Эс, а также с Е - Есть (см. Ять, Ие, Юс малый и Есть).

Ю - Ю - Этот символ обозначает сложное составное, как бы двух-плоскостное понятие. Основан на соединении графических символов І - И и О - Он, дающих в звуковом выражении йотированное У - Ук, то есть І - И и У - Ук. То есть, получается следующее: вижу: единая объединяющая Изначальность и Окончателность; понимаю: объединяет со знанием, дает знание, обеспечивает процесс познания. Для более детальной расшифровки символа см. І - И, О - Он и У - Ук.

Я - Я - Человек, как особенность определенного земного воплощения, форма жизни на Земле, обладающая определенными свойствами познания и мышления, земное «Я», маленькое я в соотношении «Я» и «я», сознание. А также можно рассматривать как І - И и А - Аз, то есть, нечто присоединившееся к Аз.

Далее следуют девять символов, ныне утраченных, однако, их значения можно условно добавить к некоторым используемым ныне символам:

Ю - ІЕ (значение условно добавилось к Е - Есть и к Э - Э) - Единый, объединенный, слитый воедино с тем, что есть, с имеющимся в наличии Изначально и Окончательно, нечто добавляемое и объединяемое с тем, что есть Изначально и Окончательно. Способность сущего Изначально и Окончательно присоединять к себе нечто, имеющее начало и конец, сливаться с этим нечто, имеющим начало и конец, и наполнять это нечто, имеющее начало и конец, своей силой.

Юсы - узы, то, что связывает:

А - Юс малый или ЭС (значение условно перешло Э - Э и условно добавилось к Е - Есть) - Узы, связь с тем, что имеется Изначально и Окончательно, то есть с Есть. При расшифровке, этим символом, при необходимости, можно заменять букву Э или Е (после согласной), особенно, если за той или другой следует Н, замыкающая (но не открывающая) слог, которая в этом случае отдельно не расшифровывается.

Ж - Юс большой или ОС (значение условно перешло к Ё - Ё и условно добавилось к О - Он) - Узы, связь с Он, то есть с Аз, Изначальностью и Окончательностью, Мирозданием, Всевышним, то есть с сутью. При расшифровке, этим символом, при необходимости, можно заменять букву О или Ё (после согласной), особенно, если за той или другой следует Н, замыкающая (но не открывающая) слог, которая в этом случае отдельно не расшифровывается.

ЮА - Юс малый йотированный или ЕС (значение условно добавилось к Е - Есть) - Узы, связь и слияние воедино с тем, что имеется Изначально и Окончательно, то есть с Есть. При расшифровке, этим символом, при необходимости, можно заменять букву Е, особенно, если за ней следует Н, замыкающая (но не открывающая) слог, которая в этом случае отдельно не расшифровывается.

ЮЖ - Юс большой йотированный или ЁС (значение условно перешло к Ё - Ё) - Узы, связь и слияние воедино с Он, то есть с Аз, Изначальностью и Окончателностью, Мирозданием, Всевышним. При расшифровке, этим символом, при необходимости, можно заменять букву Ё, особенно, если за ней следует Н, замыкающая (но не открывающая) слог, которая в этом случае отдельно не расшифровывается.

Џ - КСИ - Дерево, Древо, Мировое Древо в смысле древний, являющийся началом, а потому и основой земного бытия; а также - являющийся началом, как точка отсчета во времени. При расшифровке, этим символом, при необходимости, можно заменять сочетание букв КС, находящихся в одном слого.

Ψ - ПСИ - Душа, личность, личностная энергетическая структура, сущность; а также - небесный свет; а также - Изначальность; а также - начало, как точка отсчета вне времени. При расшифровке, этим символом, при необходимости, можно заменять сочетание букв ПС, находящихся в одном слого.

Θ - ФИТА (значение условно добавилось к Ф - Ферт, к С - Слово и к Т - Твердо) - Хрустальная сфера, тень, отражение, рыболовный крючок, звезда - всё это в целом есть провидение, предвидение, прорицание. А кроме того - окончательность какого-либо решения, процесса, его данность, заданность, предрешенность, предначертанность.

V - ИЖИЦА (значение условно добавилось к И - Иже и к В - Веди) - Поток; непрекращающийся, вечный и бесконечный процесс, подчиненный определенным решениям, соглашениям, правилам и законам. Течение жизни.

PS: Расшифровка каждого символа, это не набор значений, а единое многогранное значение, которое необходимо поймать по большей части на уровне ощущений, нежели понимания. Однако, при расшифровке слов с помощью расшифрованных символов, значение каждого символа (в смысле буквы) может сужаться, то есть, общее многогранное значение расчленяется на составные части».

Дочитав до конца, Ира сложила вместе Женечкин труд с посланием Радного, и, прихватив их с собой, отправилась к себе в спальню.

Устроившись удобно на кровати, Ира еще раз просмотрела выстроенную в предложения азбуку от Радного и стала «примеряться» к ней. Голова пошла кругом. Получалось, что это даже не молитва и наставление, а целая философская система. Ира еще раз перечитала Женечкин постскрипtum. Одержимая стремлением расшифровать Азбуку, Ира при первом прочтении как-то не обратила внимания, что Женечка, со своей стороны, предлагал не столько расшифровку самой Азбуки, сколько расшифровку с помощью расшифрованных символов употребляемых слов. Иру захватила эта идея. Первым анализу с помощью Азбуки подверглось слово «Бог». Раскладывать в уме оказалось не особо удобно, и Ира сходила еще раз в кабинет и принесла стопку чистых листов и ручку.

«Бог – Буки Он Глаголи», – написала Ира.

«Хм... забавно! – подумала она. – Получается бог, это тот, кто утверждает непознаваемое, а если грубо – несет нечто невразумительное».

По аналогии Иру тут же заинтересовало слово Род – Единый Бог, Первопричина, Изначальность, Всевышний в славянских Ведах.

«Род – Рцы Он Добро».

«То есть, источник Истины, блага».

Далее последовали еще понятия славянских Вед – Явь, Навь и Правь, о которых Ира знала, что Явь – это реальный мир, Навь – потусторонний мир, а Правь – высший мир, Всеобщий Закон, установленный Всевышним.

«Явь – Я Веди Ерь».

«Пространство, доступное для знания человека».

«Навь – Наш Аз Веди Ерь»

«Пространство, доступное для знания нашего истинного «Я».

«Правь – Покой Рцы Аз Веди Ерь»

«Пространство, доступное для знания источающего умиротворение истинного «Я».

Открытия, сделанные Ирой, захватили ее полностью, и она расшифровала все вспомнившиеся имена богов и термины славянских Вед. Результаты потрясли ее, внося то осознание сути понятий, которое не давало ни одно прочитанное ею когда-либо толкование, объяснение и пояснение. Далее последовало всё, спонтанно приходившее в голову. Ира быстро уловила, что главное расшифровать корень, а приставки, суффиксы и тем более окончания являются не всегда особо значимыми дополнениями. В некоторых случаях они, правда, очень тонко уточняли и корректировали смысл, однако сейчас Ира решила не заикливаться на них, а как-нибудь потом заняться систематизацией их корректирующего значения.

Поначалу Ира сознательно выбирала слова, которые, по ее мнению, являлись исконно русскими, но потом все же решила поэкспериментировать и со словами иностранного происхождения – это оказалось еще более забавным. Особо ее развеселили «реклама» и «менеджер»:

«Реклама – Рцы Есть Како Люди Аз Мыслете (Аз) – источник есть подобно люди истинное «Я» думает, то есть является источником подобного человеческому способу мышления, распространяемому на истинное «Я», то есть попросту воздействие на подсознание».

«Менеджер – Мыслете Есть Наш Есть Добро Живете Рцы – мыслящий есть наш есть благополучной жизни источник, то есть некто из нас, который неплохо соображает, а потому является источником благополучной жизни».

Исписанные вдоль и поперек с обеих сторон листы в запале раскидывались по всей кровати и даже оказывались на полу. Стопка принесенной чистой бумаги быстро истощилась, и, когда Ира обнаружила, что в ее руках последний чистый листок, пришла неутешительная в своей непреклонности и непреклонная в своей неутешительности мысль, что пора спать. Ира не удержалась лишь от искушения расшифровать слово «Сон».

«Сон – Слово Он Наш – то есть существующий для нас символ, являющийся эквивалентом символизируемому объекту, субъекту, действию, процессу, абстрактному, будучи неизменно воплощенным, либо неизменно воплощаясь в символизируемое. И в данном случае «Он» – это, скорее всего, Изначальность и Окончателность. То есть существующий для нас символ Изначальности и Окончателности».

- Что ж, он наш этот символ, так что приступим к его непосредственному восприятию, – сказала сама себе Ира, собрала все разбросанные листы в отдельную от Женечкиного труда и листочка Радного стопку и решительно уложила себя спать.

Глава 49

Объяснение причин без объяснения причин

Проснулась Ира в настроении неистово воинственном. Не став анализировать его причины и суть, она набрала номер Радного:

- Стас, мне бы хотелось Вас увидеть, – сказала она твердым голосом, таким, что будь ее состояние иным, подивилась бы сама себе.

- Приятно слышать, заходите, я жду Вас у себя.

- А может, лучше у меня? Вы ведь никогда не были в моем доме.

- Вообще-то, был. Правда, тогда еще дом не был Вашим. Спасибо за приглашение.

Радный отключился, и, если бы прошло еще хотя бы мгновение, Ире удалось бы начать ждать его появления из недр собственного подвала. Однако стоило его голосу смолкнуть в трубке, как он сам тут же появился из воздуха прямо перед ней, сидящей на диване и не успевшей оторвать от уха мобильник. Ира смутно заметила похожую на проход складку, тут же затянувшуюся за его спиной, и слегка опешила. Радный еле уловимо улынулся.

- Уж простите, но иногда не могу отказать себе в удовольствии – так и тянет нет-нет да и выкинуть что-нибудь эффектное. Сидите, сидите! – остановил он, собравшуюся подняться ему навстречу Иру. – Я умею варить кофе и знаю, где здесь кухня.

Легкий шок, испытанный Ирой, вместо того, чтобы привести в состояние замешательства, только добавил воинственности. Она расслабилась и отрешенно ждала, когда Радный вернется в гостиную, что он сделал достаточно скоро и не менее эффектно, чем появился в ней изначально. Правда, в данном случае эффективность заключалась не в виртуозном владении мало кому доступными способами использования, мало кому доступных особенностей воспринимаемого пространства Земли. Радный нес поднос с источающей голубоватый дымок туркой и четырьмя чашечками так, словно с самого детства по двенадцать часов в день только и занимался тем, что носил подносы.

- Прошу к столу! – обратился он в большей степени к Зиву и Лоренцу. – Кстати, здравствуйте! Прошу прощения за запоздалое с приветствие. Виноват, уж больно был занят производением впечатления на Ирину, – Радный снова еле уловимо улыбнулся.

Зив и Лоренц сдержанно поздоровались и послушно заняли свои места. Ира краем глаза заметила, что видок у них озадаченный. Радный наполнил четыре чашки и сел в кресло наискосок от Иры.

- Я рад Вас видеть и рад, что Вы пригласили меня к себе. Правда, пока теряюсь в догадках относительно причин оказанной мне чести.

- Я хочу задать Вам целый ряд вопросов, точнее, только один вопрос, но в нескольких вариантах. Я не надеюсь, что получу способный удовлетворить меня ответ и, собственно, не ради ответа собираюсь спрашивать.

- Я Вас слушаю.

- Стас, мои вопросы находятся в сфере иной, нежели та, где лежит земная реальность, то есть задать я их хочу с позиции своей истинной сути. То есть с позиции взгляда на все это со стороны. Однако, на данный момент я – человек. И все, что у меня есть, это человеческое тело и весь прилагающийся к нему набор способов восприятия и мышления. Я не буду теряться в догадках, что на самом деле предполагаю и считаю в своей сути, воплотившейся в этом теле, то есть как Аз. Я – по-простому, по-человечески – хочу попытаться Вам объяснить, как мне видится этот мир как бы, я подчеркиваю, КАК БЫ со стороны.

Итак, следуя имеющимся в моем распоряжении информации и человеческой логике, этот мир есть некое нечто, попадая куда, некий субъект напрочь лишается адекватности восприятия, адекватности обработки информации, чему для пущего эффекта сопутствует полная амнезия. Плюс к этому здесь представлен широчайший выбор всевозможных искушений и страданий, как говорится, на любой вкус. А плюс к этому любое существо держит в этом мире мощнейшая сила – инстинкт самосохранения. Безусловно, есть случаи нарушения этого закона, я имею в виду противление инстинкту самосохранения в виде суицида, но, думаю,

существо, покинувшее этот мир таким образом, на самом деле не покидает его, а лишь переходит в иную плоскость этого мира, скажем, в параллельный мир, из которой скорехонько водворяется обратно.

Так вот, скажите, пожалуйста, на кой такой мир нужен? Почему Вы, как я поняла, отдаете все свои силы на обеспечение его дальнейшего существования? На кой он Вам? Даже если он Вас создал, Вы, как я понимаю, достигли практически недостижимого и более не нуждаетесь по-настоящему ни в этом, ни в каком бы то ни было еще мире. Притом, не нуждаетесь уже очень давно – сожалею, но без категорий времени выразить эту мысль ну никак не получается. К тому же следует учесть, что Вы редчайшее исключение, а действия правил этого мира на поверку оказываются более чем плачевным.

И следующее. Вы затратили, в полном смысле этого слова, нечеловеческие усилия, чтобы обеспечить мне возможность воплотиться здесь. Зачем Вы сюда меня притащили? Чем собирались убедить, что все это просто замечательно и должно иметь место быть?

Видите ли, соответственно моей человеческой логике – другой не имею нынче – если при вхождении в нечто тебя лишают памяти, это значит, что тебя лишают возможности сравнения. Будучи, вследствие известных причин, лишенной памяти, не могу сказать, каким образом происходит познание за пределами Вселенной, однако, человеческое познание напрямую зависит от сравнения. Мне, и не только мне, не с чем сравнивать этот мир, а значит, я не могу до конца понять, каков он. К тому же, если тебя лишают возможности сравнивать, возникает подозрение, что потенциальное сравнение окажется явно не в пользу сего мира.

Получается, что намеренно создается иллюзия его единственности и навязывается необходимость принять его таким, каков он есть. А кроме того, потребность цепляться за него, как за единственное, что реально есть. Ведь иллюзия этой реальности создана так, что ощущается непререкаемая реальность этой иллюзии. И даже намеки на существование непознаваемого нечто, и даже прямые заявления о существовании непознаваемого нечто не разрушают эту иллюзию. В рамках этой иллюзии, сама возможность существования непознаваемого нечто воспринимается как полный абсурд, чушь, бред. Я не хочу сказать, что этот мир плох. Я хочу понять, чем он хорош.

Радный внимательно слушал, пока Ира не высказала всё, что хотела, и лишь, когда она дала понять, что данный монолог окончен, он спросил:

- Как я вижу, Вы приступили к овладению ключом?

- Может быть...

- И что Вы делали для начала?

- Для меня Евгений составил что-то вроде словарика с пояснениями каждого символа.

- Я могу взглянуть?

- Да, конечно.

Ира поднялась к себе и принесла стопку Женечкиных листков. Радный быстро пробежал их глазами.

- Исчерпывающе. И что Вы с этим делали?
- Пока немного – почти всю ночь напролет расшифровывала слова.
- Забавное занятие, не правда ли?
- Весьма.
- Я думаю, Вы и саму Азбуку освоить пробовали.
- Пока не особо. Это даже не молитва и не наставление, а целая философская система! Это требует времени.

- Согласен.

- Стас, я знаю Вас по большей части лишь по рассказам СВОИХ ИНФОРМАТОРОВ – Ира, сделав ударение на словах «своих информаторов», усмехнулась, – а, судя по ним, Вы напрочь чужды того, что называют радостями этого мира.

- Ира, радостями этого мира называют то, что в Азбуке заключено в символах От, Цы, Червь, Ша, Ща, и я, как человек, вовсе не чужд всему этому. Иначе и быть не может. От, Цы, Червь, Ша и Ща – это энергии этого мира, законы этого мира. Они, естественно, свойственны не только этому миру, но в этом мире они обрели свои особые воплощения.

Для земного мира От – это энергия, заставляющая человека воспринимать все сущее, как имеющее начало и конец, как во времени, так и в пространстве. Человек ввел понятия бесконечности и вечности, но так и остался неспособным представить их себе умозрительно.

Цы – энергия закона. В земной жизни вообще – это инстинкты и рефлексы. В человеческой сфере – это еще и всевозможные верования и убеждения, предрассудки, мораль и нравственность, понятия чести и достоинства, юридические законы и правила и тому подобное.

Земное воплощение энергии Червь заставляет человека цепляться и, не жалея себя, обретать, накапливать, хранить и защищать преходящие ценности земной жизни, притом, как материальные так и нематериальные, а так же и те, что принято называть духовными.

Энергия Ша – естественно, в своем земном воплощении – отвращает от ответственности перед собой за свои решения, помыслы, действия, вселяя безрассудство, взбалмошность, безотчетность, беспечность.

А Ща приковывает все внимание к несущественным деталям, заставляя ощущать их неимоверно важными и тем самым упускать из поля внимания суть.

Энергии От, Цы, Червь, Ша и Ща невозможно обойти. Мы все подвержены им. Разница – и эта разница безгранично огромна – в отношении к энергиям От, Цы, Червь, Ша и Ща. Мы все находимся в их гуще, под их постоянным воздействием. Однако, этому воздействию можно: первое – подчиняться, полностью отдавшись его влиянию; второе – управлять им, то есть изменять направление и мощность; и третье – учитывая мощность и направления, лавировать в нем по собственной воле вплоть до игнорирования. Я делаю третье, а потому у многих и создается впечатление, словно я неподвержен им. Подвержен, как и все мы, но я не отдаюсь их влиянию и не стремлюсь управлять ими.

- По-моему, управлять ими, Вы, все-таки, управляете, – заметила Ира.

- Нет. Я даже не пытаюсь изменять мощность и направление их воздействия. Я принимаю его во внимание и сознательно, по собственной воле использую токи этих энергий. Это и значит поставить Хэр, то есть крест, на От, Цы, Червь, Ша и Ща. Подавляющее же большинство предпочитает его – то есть крест – нести. Большинство – полностью отдавшись воле этих энергий, а некоторые – пытаюсь управлять. Управление, в данном случае, – это заключение некоего соглашения с От, Цы, Червь, Ша и Ща об энергетическом обмене: человек подпитывает их собственной энергией, а они, в свою очередь, предоставляют ряд услуг. Отдавшийся же в их полную волю тоже подпитывает их своей энергией, однако, в данном случае это что-то вроде взимания дани, налога, за проплату которого тоже нечто предполагается взамен. Но в то же время за положенное взамен помимо уже оплаченного налога, что называется, душу вытрясут.

Возьмем для примера государство. Представьте, состоятельный бизнесмен финансирует часть муниципальных проектов и за это имеет влияние на решения муниципалитета. В другом случае, человек N платит налог государству, которое обязуется за получение этой суммы обеспечивать реализацию его гражданских прав. В первом случае, вышеупомянутый бизнесмен пользуется тем, за что он платит, ощущая все преимущества возможностей влияния. Во втором случае, человек N, по собственному ощущению, отдает деньги в никуда. При этом бизнесмен, внося деньги за обладание влиянием, не перестает платить налоги. То есть, тот, кто пытается управлять этими энергиями, не перестает находиться в сфере их влияния. От дани в государстве не освобожден никто, однако, с послушного безвольного налогоплательщика государство, помимо налога, еще и всю душу вытрясет, а то, что вроде как обязано предоставить, дает в далеко неполном и, зачастую, очень искаженном виде и умудрится содрать дополнительную плату. Помимо этого оно непременно создаст и одному, и другому выгодное для себя мировоззрение, обеспечивающее солидную подпитку от одного и полное добровольное рабство другого.

Обладающий волей и желающий истинной независимости человек не может жить вне государства, но, хорошо зная его законы, – и не только писанные – он не позволяет управлять собой. В чем-то пользуясь законами – и писанными, и неписанными – самого государства, а в чем-то – умело обходя сферы их влияния, однако, не нарушая самих законов. А так же, не стремясь к управлению, он не платит лишнего, а если и платит, то ничего не берет взамен, тем самым не завязывая отношений, и этим, и обязательной данью лишь откупается от государства, дабы оно не лезло в его дела.

Как Вы понимаете, тот, кто пытается жить вне закона, не может жить вне государства, которое карает за несоблюдение законов. То есть, невозможно жить вне действия энергий От, Цы, Червь, Ша и Ща, а несоблюдение их законов ведет к гораздо более ощутимому, неотвратимому и незамедлительному возмездию, чем то, на которое способно государство.

Объяснить на примере государства взаимодействие с От, Цы, Червь, Ша и Ща получается с достаточно высокой точностью, а все потому, что государство – это одно из основных воплощений От, Цы, Червь, Ша и Ща, в котором приоритет отдается Цы. Я не ругаю государство, так как это бессмысленно. Оно, являясь воплощением От, Цы, Червь, Ша и Ща, не может быть иным. Но вот свое отношение к нему, как и к самим энергиям, воплотившимся в нем, можно выбрать. И, как несложно догадаться, самым предпочтительным выбором большинству кажется возможность влияния. Кстати, чтобы иметь это влияние, совершенно необязательно быть состоятельным бизнесменом. Того же самого достигает трудолюбивый, целеустремленный, талантливый и амбициозный человек, отдающий сверх налога свои силы и способности в обмен на право влияния.

- Стас, но ведь Вы обладаете влиянием?

- Ира, я обладаю очень большим влиянием, которое затрагивает и сферу энергий От, Цы, Червь, Ша и Ща, но я не пытаюсь управлять этой сферой. Даже на уровне государства. Однако, находясь в этой сфере и не управляя ею, но, действуя по собственному усмотрению, я, естественно, оказываю на нее некоторое влияние, со стороны похожее на управление. Я знаю о своем влиянии и использую его должным образом.

Точно так же с этими энергиями поступают и Евгений Вениаминович Гаров, и Геннадий Васильевич Логинов, и Владислав Валерьевич Смородский, – правда Влад так поступает пока что лишь по наитию – и еще кое-кто из известных Вам людей, и Вы в том числе. Шанс, действовать так, есть у любого. Другое дело, что далеко не каждый считает нужным им пользоваться. И это не единственный шанс, который есть у людей, для свершения изменяющего качество личности преобразования. И он так же не единственный в списке тех, которыми люди не пользуются.

- Стас, а разве есть возможность воспользоваться тем, о чем не имеешь ни малейшего понятия?

- Как ни странно – есть. А знаете почему? Если оказываешься в тупике, появляется шанс искать из него выход. Лишение внешних возможностей дает шанс к внутренним трансформациям. Безусловно, для того, чтобы их осуществить требуется воля.

Человеческая воля – это суррогат воли. Но с помощью этого суррогата можно творить великие вещи и наделены этим суррогатом все, рожденные людьми, без исключения. Понимаете, едва сплетенная из безличных токов личность имеет нечто подобное настоящей воле, с помощью чего можно преображаться! Вот этим этот мир и хорош.

И еще.

Ира, я уже говорил Вам, что даже великие, не говоря о высших, воплощаясь людьми, как правило, вносят изменения в свое биологическое тело. Вы, Ира, приложили все силы, дабы воплотиться в тело, как говорится, серийного производства. Вы имели твердое намерение испытать на себе, что такое человек, в полном объеме. Вместо того чтобы трансформировать тело, Вы трансформировали свою энергетическую

структуру. Даже в рамках земной жизни Вам, для достижения этого, понадобилось заживо сгореть. Ради этого личность, известная Вам как Евгений Вениаминович Гаров, потратила не один десяток – если не сотен – лет на то, чтобы научиться трансформироваться в огонь. Влияние осознанно действующего огня помогло Вам с помощью сил страха и боли сотворить с собой то, что Вы намеривались.

- Во сне я не испытывала ни боли, ни страха.

- На то он и сон.

- Когда Женечка трансформировался в огонь, этот огонь не причинял мне боли.

- Евгений Вениаминович – велика личность с безупречной волей, а с помощью безупречной воли можно контролировать любое влияние.

- Значит тогда...

- Ира, сон был призван помочь Вам начать процесс осознания сути и не более того. А тогда, как человек, Вы испытывали весь ассортимент ощущений, доставляемый процессом горения заживо. А что Вы испытывали в иных сферах, создавая искусственный предел, у меня не хватает смелости даже вообразить! Понимаете, Ира, ради праздного любопытства так над собой не измываются ни здесь, ни где бы то ни было еще.

Радный многозначительно посмотрел на нее.

- Ира, все это я Вам рассказал в качестве ответа на Ваш вопрос. Не думаю, что мой ответ получился исчерпывающим, но полностью удовлетворившего Вас ответа, Вы, собственно, по собственному же признанию, и не ждали. Добавить к тому, что я рассказал, мне пока нечего. А вот спросить Вас кое о чем мне хочется.

- О чем же?

- Ира, скажите, как Вы ощущаете сейчас, что такое жизнь здесь для Вас лично?

Ира весело рассмеялась. Радный удивленно посмотрел на нее.

- Вам мой вопрос показался смешным?

- Нет-нет! Дело не в этом. Просто с подобным вопросом связана целая история.

- Да!? Интересно... Поведайте!

- Как скажете. В этом году на 8 марта собралась у меня толпа народу. Ну, праздновали-веселились, и уже ближе к концу гулянки сын моей бывшей соседки попробовал за счет собравшихся гостей решить свои проблемы с изучением философии. Им в институте дали задание придумать краткое определение, типа афоризма, на тему что такое жизнь. Версий высказывалось много, и, совершенно неожиданно для меня, народ пожелал услышать мой вариант определения. А буквально накануне, вот эти два товарища, – Ира кивнула на Зива и Лоренца, – потащили меня на другую сторону Сочинки грибы собирать. Путь лежал через висячий мост. Ветрено было, а мостик хлипенький, от порывов раскачивается, да еще и досочки местами прогнившие. В общем, я по этому мостику враскоряку ползла в таком «бешеном» темпе, что любая улитка меня

запросто бы обогнала. Мной овладело такое напряжение, что, несмотря на чудовищно низкую скорость передвижения и ледяной пронизывающий ветер, когда я встала на твердую землю, с меня пот ручьями лил. В общем, в сознание и в подсознание мне этот мостик врезался, видимо, основательно, и когда присутствующие дружно потребовали мой вариант определения, что для меня лично есть жизнь, я, не задумываясь, ответила: «Прогулка по висячему мостику». И знаете, что-то в этом определении есть действительно истинное – оно у меня никак из головы не идет... Действительно, ползу по жизни враскоряку, как по раскачивающемуся над бурной горной рекой мостику с прогнившими досками.

Радный улыбнулся:

- И давно это с вами?

- Зачем спрашиваете? Ведь и так знаете, что с прошлогодней зимы. Почти что с того же самого времени, как мне с Вами довелось нынче здесь познакомиться.

- Да... Я догадался... Так... На всякий случай спросил... Ира, мне более нечего пока Вам сказать. Осваивайтесь с ключом. А дальше... а дальше будет то, что будет. Не возражаете, если я еще кофе сварю?

- Нет.

Радный скрылся на кухне, а Ира посмотрела на Зива и Лоренца. Выглядели они очень странно, как-то смущенно, растерянно и удивленно.

- Что это сегодня с вами? – вполголоса спросила она у них.

- Ира, – промурлыкал Лоренц, – не думаю, что тебе необходимо узнать это прямо сейчас.

Ира не стала настаивать, решив, что действительно нехорошо перешептываться у гостя за спиной. Однако ту же самую фразу ей повторил Зив и после того, как Радный, немного рассказав об успехах Влада, вежливо попрощался и ушел, гораздо более нормальным для Иры образом, через проход в цоколе.

Ире, пока она беседовала с Радным, показалось, что прошел целый день, но на самом деле провели они вместе всего чуть больше часа. Не добившись ничего от Зива с Лоренцем по поводу их странной реакции на Радного, Ира села за Азбуку. Расшифровкой слов она больше забавляться не стала и вплотную взялась за выстроенные в предложения символы.

«Аз, буки веди, глаголи добро.

Есть живете зело земля, иже и како люди мыслете, наш он покой рцы – слово твердо.

Ук ферт хэр от, цы, червь, ша, ща.

Ер еры ерь ять!

Ю я.

Ие эс, ос, ес, ёс кси, пси.

Фита ижица».

- Ну что ж, – сказала сама себе Ира, – начнем с азов, – и обратилась к Женечкиному труду.

«А – АЗ – Личностная энергетическая структура, истинное «Я», суть, изначальность; а также – начало какого-либо процесса, причина какого-либо процесса; а также – идеальность, совершенство, непревзойденное мастерство в чем-либо, лучший в чем-либо, ас; а также – может приниматься тождественным по отношению к понятиям психологии: подсознание, «Я» по отношению к «я»; а также – Изначальность и Окончателность, Мироздание, Всевышний – грандиозная сила, несущая всему земному все от Бытия до полного уничтожения».

Ира несколько раз перечитала данное Женечкой пояснение букве «Аз», то и дело повторяя ее название, дабы ощутить всю многогранную значимость сего вербального символа. Как-то сами собой пришли на ум утренние слова Радного: «...энергии От, Цы, Червь, Ша и Ща...». Ира отложила в сторону Женечкины листки.

- То есть... то есть получается, что каждый символ, каждое слово... – Ира вновь взяла в руки Женечкин труд, и, перебирая листки, нашла тот, где расшифровывалась буква «С – СЛОВО»: «С – СЛОВО – Символ объекта, действия, процесса, абстрактного – вообще, в самом принципе, в самой сути, а в частности – сочетание звуков (в устной речи) или букв (в письменной речи), создающее вербальный символ объекта, действия, процесса, абстрактного. В идеале, как в узком значении, так и во всеобъемлющем, по своей силе и значимости полностью соответствует, является эквивалентом символизируемому объекту, субъекту, действию, процессу, абстрактному, будучи неизменно воплощенным, либо неизменно воплощаясь в символизируемое», – прочла она вслух. – То есть получается, что каждое название буквы в Азбуке, то есть вербальный символ, то есть слово является эквивалентом определенного рода энергии...

Далее Ира потеряла контроль над ходом своих размышлений. Женечкины листы стремительно летали, то оказываясь по очереди в Иринных руках, то где-нибудь в пределах кровати, и очень быстро из, хоть и не новых, но очень аккуратных, превращались в изрядно потрепанные и замусоленные. Читаемые тексты пояснений преобразались в нечто ощущаемое непонятно как, но ощущаемое очень определенно. Вот только совершенно не поддавалось определению, является ли это нечто видимым, слышимым, осязаемым, воспринимаемым как вкус или запах. Казалось, что оно обладает сразу всеми характеристиками и в то же время ни одной из них. Притом, каждое СЛОВО обладало своим собственным и неповторимым вкусом, запахом, осязательным ощущением, звуком и зрительным образом. И еще целой гаммой ощущений ничем непохожих на сигналы пяти человеческих органов чувств. Ощущений, которым нет определений в человеческом языке. Ощущений за гранью тела и возможностей интеллектуального постижения. Ощущений, не поддающихся сравнению с чем-то известным. И, тем не менее, столь значимых, что сорок три символа стали для Иры универсальным языком, способным передать всю суть Вселенной и законы взаимодействия энергий в ней, а также связь всего этого с Мирозданием в целом.

Да, этим языком не особо удобно пользоваться в повседневной жизни, но зато только им можно адекватно передать саму суть земной жизни, законы, определяющие ее течение. Когда Радный давал ей «перевод» текста из сорока трех слов, распределенных в семь фраз, тогда Ира не совсем поняла, а для чего, собственно, ей все это расшифровывать, если смысл вроде как передали. Теперь, пытаясь сделать собственный перевод того, что стало теперь доступным ее осознанию, она поняла, что даже несколько увесистых томов не смогут в точности передать то, что зашифровано в сорока трех словах, заключенных в семь фраз.

Ира внезапно осознала, что ее, как АЗ, заставило с немислимой настойчивостью пытаться полноценно воплотиться здесь. Да, сейчас она есть Я и для нее, как Я, является БУКИ все, что за гранью Вселенной, но для нее, как АЗ, и для любого АЗ Мироздания, БУКИ – это то, что находится внутри Вселенной – бесконечного пространства, существующего по законам вечного времени. Даже что такое земное пространство и время – полнейшие БУКИ для среднестатистического АЗ Мироздания, никогда не забредавшего во чрево Вселенной.

- Интересно, как АЗ воспринимает Вселенную? – спросила Ира сама у себя, зная, что прекрасно знает ответ, только не имеет понятия, как его сформулировать. – А почему бы и нет?! – радостно воскликнула она, поняв, что легко с этим справится с помощью символов Азбуки.

Формулировка родилась в одно мгновение и как бы сама собой: ЗЕЛО ЕРЬ ЕСТЬ КАКО АЗ, ИЖЕ ХЭР АЗ, ИЖЕ ЕСТЬ БУКИ. Ира быстренько притащила из кабинета стопку чистых листов с ручкой и крупным размашистым почерком записала самородившуюся формулировку.

- Да уж!!! Получается эдакое громадное вместилище похожее на Мироздание, которое отгорожено от Мироздания и потому является непознаваемым.

Попытка перевести осознанное на привычный язык показалась Ире до безобразия куцей: она, конечно, передавала подобие смысла, но не способна была донести и тысячной доли его глубины. Вселенная представилась Ире в воображении чем-то прозрачным по виду, даже не прозрачным, а вовсе отсутствующим, но не пропускающим взгляд во внутрь, только кажущимся прозрачным, скорее, даже несуществующим препятствием.

- Зеркало! – взволнованно воскликнула Ира.

Зеркало, создающее иллюзию прозрачности вплоть до полного отсутствия себя как такового, но свято хранящее от взора тайны, скрытые за ним, не имело какой-либо определенной формы. Оно отражало (отражало во всех смыслах) всё и вся, но что-то прячущееся за ним норовило схватить и втянуть в зазеркалье, схватить и втянуть так, как это делает болотная трясина.

Ира с силой выдернула себя из липкого ужаса видения. Тело покрывал холодный пот, оно все дрожало и стучало вместе с сердцем. Еще страшнее было от ощущения, что все это Ира не только что сама себе

насочиняла в воображении, что ей приходилось действительно переживать нечто подобное. Она принялась рыться в своей памяти, ища земные ассоциации.

Первым всплыл какой-то большой супермаркет с несколькими отделами, соединенными арками без дверей, а рядом с арками размещались зеркала такой же формы, создающие иллюзию арки. Что это был за магазин, где он находился, и когда она в него заходила, Ира вспомнить не могла. К тому же, хоть зеркала там в чем-то и ассоциировались с только что пережитым видением, однако, лишь своей идеей и очень отдаленно.

«Может, что-то подобное было в кино?», – подумала Ира. Она перебрала в памяти виденные ею фильмы. На ум пришел только эпизод из первой части «Матрицы», где Нео дотрагивается до зеркала, аморфная субстанция которого затем тянется за его пальцем и, в конце концов, начинает впитываться в его тело. Но это было не совсем то, а точнее совсем не то, хотя определенным образом и перекликалось. Зеркало из видения, как и зеркала из супермаркета, создавало иллюзию продолжения пространства, отсутствия преграды, однако, оно не имело каких-либо границ и формы. В отличие от «Матрицы», субстанция зеркала не вытягивалась наружу, а напротив втягивала в себя.

Видение вновь захватило Иру, и вырваться из него во второй раз оказалось еще труднее.

- Ужас какой! – воскликнула Ира, пытаясь унять дрожь.

Что-то снова случилось со временем. Утром Ире показалось, будто они с Радным провели вместе весь день, а прошел лишь час с небольшим. Теперь же она считала, что с Азбукой провозилась не более часа, ну от силы двух, а оказалось... что уже стемнело. Обнаружила она это, решив отдохнуть и немного отвлечься от жуткого бесконечного, бесформенного, аморфного зеркала. Все вокруг заполняла почти полная темнота, которой не давали быть крошечной лишь звезды в прямоугольнике окна. Ира снова вздрогнула. Когда она записывала «ЗЕЛО ЕРЬ ЕСТЬ КАКО АЗ, ИЖЕ ХЭР АЗ, ИЖЕ ЕСТЬ БУКИ» еще даже не смеркалось.

- Всё. Хватит, – решительно сказала Ира сама себе и спустилась вниз.

- А мы думали, ты уже уснула, – проурчал Зив, приподнимаясь с дивана и щурясь от света, залившего гостиную.

- Нет. Я не спала. Я свет забыла включить.

- Как ключ? – спросил Лоренц.

- Не надо об этом! – взмолилась Ира.

- Я-я-я-ясно... – томно протянул Лоренц. – Значит, все в порядке, – заключил он.

Вопрос ключа более не поднимался. Кроме того, Зив и Лоренц всеми силами развлекали Иру забавными историями из жизни собачьей, а заодно и кошачьей. Ира хохотала от всей души, но, в конце концов, все же не удержалась и спросила:

- Ребят, а вы видели зеркало, когда входили сюда?

- Чего?! – Лоренц смешно вытаращил глаза. – Зеркало?! Какое зеркало? Мы с Зивом за сегодня весь дом раз двадцать обошли вдоль и поперек – ни у одного из входов никаких зеркал не обнаружили.

- Ира, ты просто устала и тебе пора спать, – очень по-доброму, но не очень естественно проурчал Зив.

- Поверхность Вселенной похожа на зеркало.

- Зив прав, Ира, тебе пора спать. Ты что, сама не слышишь, какую чушь городишь? Ну какая может быть поверхность у бесконечного пространства?

- Лоренц, ты ведь не хуже, а то и лучше меня знаешь, что хоть пространство и бесконечно, у него есть границы. То есть, есть нечто, не являющееся пространством, но включающее в себя Вселенную как бесконечное пространство, функционирующее во времени.

- Вот именно! Вот и представь, как может быть у чего-либо поверхность, если то, куда оно включено, не является пространством.

- Не могу, так как не могу ни мыслить, ни представлять что-либо вне категорий пространства.

- Вот и забудь про якобы поверхность Вселенной, якобы похожую на зеркало.

Крыть было нечем, и Ира уже вроде направилась в предложенном ей направлении, то есть в спальню, но вдруг ее осенило:

- Так. Стоп.

- Ну что еще? – со вздохом промурлыкал Лоренц.

- Вселенная – это пространство, так?

- Ну, так, – промурлыкал Лоренц тоном, который красноречиво свидетельствовал о нежелании продолжать дискуссию.

- Так вот, человечество создало виртуальный мир, я имею в виду интернет. Этот виртуальный мир, который тоже можно назвать бесконечным, находится в пространстве Вселенной и не имеет поверхности. Хотя интернет и называют пространством – информационным пространством – однако, он не является пространством, подобным пространству Вселенной.

- Превосходно! Ты считаешь, что если нечто, не являющееся по своей сути пространством подобным пространству Вселенной, не имеет поверхности в пространстве Вселенной, то, по твоему мнению, вполне логично предположить, что, находясь в некоем нечто, не являющимся пространством подобным пространству Вселенной, пространство Вселенной может иметь поверхность?

- Что-то в этом роде...

- Ну вот! Еще чуть-чуть и самой от себя смешно станет, – заключил Лоренц. – Спать иди! А то еще и не та бредятина в голову забредет.

- Ребят, что-то я вас сегодня понять не могу: про Радного мне ничего говорить не захотели, теперь вот это... может, я вас чем обидела?

- Ира, – проурчал Зив, – ты нас ничем не обижала. Мы о тебе беспокоимся.

- Вы всегда беспокоились, но, если мне не изменяет память, до сегодняшнего дня несколько иным образом, мягко говоря.

- Мы стали беспокоиться о тебе по-другому немного ранее сегодняшнего дня, – проурчал Зив. – С того самого момента, как ты решила, будто подошла к финишу. Мы не хотим, чтобы ты так считала, так как твои убеждения имеют очень большую силу.

- И вы полагаете, что, отгораживая меня от всего, выходящего за рамки милых ни-о-чёмных разговорчиков, ослабляете силу моих убеждений?

- Нет. Мы так не полагаем. Мы хотим, чтобы ты их изменила.

- В таком случае, не следовало давать мне заниматься ключом.

- Мы не вправе этому препятствовать.

- Зато вправе объявлять бредом последствия?

Зив промолчал. Лоренц тоже не нашелся, что ответить.

- Ладно. Забыли. Лучше расскажите мне о Радном. Знаете, не думаю, что узнав о нем даже нечто экстраординарное, побегу тут же сводить счета с жизнью.

Зив и Лоренц вздрогнули. После небольшой паузы Зив проурчал:

- Он мой брат.

- В смысле?

- В самом прямом – он родился вместе со мной.

Ире стало немного не по себе.

- Когда это произошло? – спросила она.

- Я не особо хорошо ориентируюсь в человеческом летоисчислении, но одно могу сказать точно – за достаточно приличный срок до твоего предыдущего рождения.

- Странно, вы всегда говорили о нем, как о человеке вам хоть и незнакомом, но в некотором роде известном.

- Нас проинформировали, кто такой Радный в своей сути, но до сего дня мы ни разу его не встречали. А потому, я и предположить не мог, что это именно он тогда родился вместе со мной. Что это именно он познакомил меня с Лоренцем и сделал стражем проходов. После той его жизни, я его более никогда не видел ни в собачьем, ни человеческом и ни в каком другом воплощении.

- Радный говорил, что бывал в этом доме до того, как он стал моим.

- Видимо, он сделал так, чтобы мы в этот момент здесь не находились. Если честно, Ира, по поводу него мне приходили на ум кое-какие догадки, когда ты рассказала, что он без нашего ведома пользуется нашей сетью проходов, но лишь догадки.

- ...которые полностью подтвердились с его появлением?

- Ира, – вклинился Лоренц в их диалог, – мы не можем рассказать тебе всего. Не можем отчасти потому, что далеко не все знаем, а отчасти потому, что не имеем на это права.

- Ладно, – Ира улыбнулась. – Вы мне только скажите, зачем вам понадобилось от меня скрывать все это?

- Ты всегда очень болезненно реагировала на вещи, не являющиеся обычными в общепринятом смысле.

- Я свыклась с мыслью, что Женечка живет на Земле две с половиной тысячи лет, неужели Вы думали, что у меня начнется истерика, как только я узнаю, что вам более пятисот? Вы мне сами говорили, что давненько здесь, да и о том, что рядом со мной находились, когда я была Эрианой – тоже упоминали. Помните? И Радный мне говорил, что на Земле кем только ни рождался. Не понимаю, что, по вашему мнению, могло меня шокировать из того, что я только что от вас узнала?

- Извини, Ир. Видимо, перестраховались. Ты действительно очень напугала нас своими мрачными мыслями.

Ира очень пожалела, что несколькими днями ранее поделилась с Зивом и Лоренцем своим настроением. Мрачным оно не было, но, тем не менее, ощущение, что «прогулка по висячему мостику» подходит к концу, Иру уже давно не покидало. Она не предполагала, что ее нечаянное откровение так сильно подействует на Зива с Лоренцем. «Нужно успокоить их, во что бы то ни стало, а то они своими заботами еще, пожалуй, и дров наломать могут», – решила Ира.

- Я одного понять не могу, – весело сказала она вслух. – Вы что, серьезно решили, что я помирить собралась?

- Ира, твое заявление звучало отнюдь не двусмысленно! – важно заметил Лоренц.

- А может, напомните, как именно оно звучало.

- Попытаюсь, – промурлыкал Лоренц. – Ты сказала, что у тебя уже пару месяцев ощущение, что нечто подходит к концу, и что этот конец, хоть ты его и оттягиваешь, приближается с неизбежностью и еще, что прогулка по висячему мостику завершается.

- Ну вот! Я разве сказала, что собираюсь помирять?

- Ты как-то сказала, что жизнь для тебя – это прогулка по висячему мостику. Так что вполне логично предположить, что именно окончание жизни ты и имеешь в виду.

- Период моей жизни под кодовым названием «прогулка по висячему мостику» начался с моего приезда в этот дом позапрошлой зимой, и теперь я чувствую, что он подходит к концу, точнее именно теперь, то есть сейчас, я чувствую, что он завершился. Так что если вам так угодно можете считать меня мертвой. Как, не страшно с трупом общаться?

- Ира, ты серьезно? – недоверчиво спросил Зив.

- Не знаю! Вам виднее живая я или мертвая! – рассмеялась Ира.

- Я не о том. Я про то, что ты имела в виду именно окончание определенного жизненного этапа.

- Конечно! И даже не думала, что вы можете понять это как-то иначе.

- Так почему же ты сама оттягивала завершение этого периода? – спросил Лоренц.

- А вы что думаете, мне не страшно было? Знаете, я как-то не особо догадывалась, что, по завершению его, станет легче!

- Тебе стало легче? – Зив несмело обрадовался.

- А что, незаметно?

- Вообще-то, есть что-то, – согласился Лоренц. – Однако ты еще говорила, что перед тем, как все закончится, ты хотела бы напиться этой реальностью.

- ...которая суть иллюзия, но с очень высокой степенью реальности. Я помню. Я чувствовала, что меня нечто ждет, но что именно ждет, понятия не имела, а потому цеплялась за то, что считала для себя дорогим.

- А теперь, как считаешь? – с какой-то опаской спросил Зив.

- Не знаю. Я еще не определилась, ведь началу нового периода в моей жизни еще нет и суток, так что проживем – увидим!

Зив и Лоренц вроде окончательно успокоились, и Ира перевела дух, но когда уже улеглась в постель, призналась себе, что на самом деле рано радуется, потому как теперь ей неопределенно долгое время придется притворяться. Ведь на самом деле еще ничего не окончилось. Она все так же ползет враскаряку по этому пресловутому висячему мостику, и каким образом этот ее путь завершится, она не знала и вовсе не исключала, что это действительно означает конец ее земного существования.

Глава 50 Пэфуэм

Природа, игнорируя утвержденный человеком календарь, еще четыре дня назад провозгласивший начало осени, всю наслаждалась по-настоящему летним зноем, который уже изрядно чувствовался даже в еще достаточно ранние утренние часы.

- Ну что, к водопаду? – спросил Зив Иру, когда она спустилась из спальни.

- Если не возражаете, к Ажековскому.

- Тихо! – одернул их Лоренц.

Ира прислушалась – на кухне возилась Татьяна Николаевна.

- Ой... – виновато прошептала Ира и отправилась напрямик туда. – Доброе утро, Татьяна Николаевна! Батюшки! Да тут целый пир!

- Доброе утро, Ирочка! Вот, решила тебе оладушков напечь.

- Татьяна Николаевна, Вы даже не представляете, насколько Ваши оладушки кстати! Я сегодня хочу по горам побродить – с собой возьму.

Татьяна Николаевна улыбнулась:

- Значит, не зря я столько теста навела!

- Ой, не зря! – улыбнулась ей в ответ Ира. – Меня целый день не будет, так что с обедом возиться не нужно, а вот хороший ужин не помешает – может, и гостей позovem.

Все это Ира говорила для Зива и Лоренца, видя, что их вчерашняя успокоенность, достигнутая ею не без усилий, сменилась нынче, судя по глазам, новой тенью подозрительности.

- Как скажешь, Ирочка!

Несмотря на протесты Татьяны Николаевны, Ира пристроилась ей помогать, а потом почти силой усадила с собой завтракать. Татьяна Николаевна, как и всегда, надолго не задержалась. Ира, Зив и Лоренц тоже засиживаться не стали.

На всем протяжении пути они почти никого не встретили, однако галечные наносы в устье Ажечки, по численности человеческих тел на квадратный метр успешно соперничали с городским пляжем. Правда, в течение всего получаса по неведомым причинам человечество в едином порыве покинуло залитый солнцем берег. Необходимость соблюдать приличия отпала, и Ира сняла более неактуальный купальник. Солнце пекло, а искрящаяся в его лучах горная река искушала прохладой кристально чистой воды. Ира отдалась ей. Вылезать вообще не хотелось. От удовольствия глаза сами собой прикрылись.

В какой-то момент по щеке будто кто тыльной стороной ладони провел. Ира немного испугалась от неожиданности. Она огляделась по сторонам. Зив и Лоренц отдыхали в тени, и вокруг больше никого. «Показалось», – подумала Ира, вновь прикрыла глаза и направилась к берегу, но в момент, когда ее руки нащупали дно, по щеке вновь будто скользнула чья-то ладонь. Ира открыла глаза – на берег выползала черная гадюка. Оказавшись на суше, она заскользила вдоль кромки воды. Ира стояла, провожая ее взглядом. Гадюка медленно и чинно проползла метров пять и остановилась, медленно и чинно приподняла голову, повернувшись к Ире, и пристально уставилась ей в глаза. «Следуй за черной гадюкой», – зазмеилось перед внутренним взором написанное рукою Радного на смятом клочке бумаги.

Ира сделала шаг. Потом еще один. Когда она подняла ногу для третьего, гадюка спокойно поползла дальше. Ира пошла за ней более решительно, но через несколько шагов остановилась: «А вдруг это какая-нибудь не та гадюка? И вообще, все это чушь про гадюку!», – пронеслось в голове отчаянной попыткой уверить себя в отсутствии необходимости делать нечто явно абсурдное. Гадюка остановилась и вновь пристально посмотрела на Иру. Ира взглянула на Зива и Лоренца – они, похоже, крепко спали. Гадюка терпеливо ждала. Ира решила попробовать поговорить с ней, но отчего-то не знала, что именно следует сказать. Мысли путались невразумительными бессмысленными обрывками. «Ты не обязана. Если не хочешь – можешь не идти», – вдруг выстроилось без участия воли. Ира поняла, что это сказала ей гадюка, которая все еще пристально смотрела на нее, ожидая решения.

Ира вспомнила три коричневато-зеленоватых камня одинаковой формы, лежавшие у нее в кабинете. Уверенность ирреального пересилила опасения реального, и Ира сделала шаг. Гадюка переплыла Ажечку у самого устья и повела Иру вдоль русла Сочинки вверх по течению. Галечные наносы постоянно обрывались выступающими в воду скалами, и то и дело приходилось перебираться с одного берега на другой. Правда, по руслу реки их путь лежал недолго. Переплыв в очередной раз с правого берега на левый, гадюка направилась вверх по склону под полог леса.

Ира неотрывно следила за змеей и вскоре потеряла ориентацию из-за того, что та постоянно меняла направления, стараясь выбрать проходимый для человека путь по крутому склону сквозь чащу. Вместе с ориентацией исчез и счет времени.

Идти Ире пришлось, видимо, достаточно долго – она почувствовала, что начинает уставать. В этот момент гадюка выползла на нижний край некоего подобия залитой солнцем поляны, если можно назвать поляной часть склона, по непонятной причине лишенную леса. Ира уже собиралась спросить у гадюки, нельзя ли чуть передохнуть, но та вдруг резко свернула вверх в безлесье. Ира автоматически повернула следом и тут же утратила свое желание немного отдохнуть – «поляна» обрывалась входом в пещеру. Гадюка доползла до нее и остановилась.

Концентрация на движущейся змее рассеялась, и тут Ира осознала, что отправилась за ней следом в том, в чем плавала в Ажечке, то есть в том, в чем мама родила, то есть вообще без одежды и без обуви. Ей резко стало не по себе. Отсутствие одежды на теле в столь безлюдной местности Иру не особо смущало. Да и в дальнейшем не беспокоило. Она не сомневалась, что Зив и Лоренц непременно найдут ее, а отправившись на поиски, не забудут прихватить всё, что она оставила на берегу. Но обувь! Она босиком несколько раз переходила реку, шла по далеко не всегда мягкой речной гальке, а потом и вовсе по лесу! Однако, судя по ощущениям, на ногах не было ни единой царапины. Пристальный взгляд гадюки вывел Иру из замешательства, и она продолжила подъем по лишенному леса склону.

С детства боясь змей, Ира, естественно, не горела желанием оказаться от гадюки на менее почтительном расстоянии, чем получалось всю дорогу. Гадюка, скорее всего, испытывала аналогичное настроение. Как только Ира приблизилась к пещере настолько, что могла без труда увидеть дальнейшие действия змеи, та тут же медленно заскользила внутрь пещеры.

Свет дня постепенно тонул в каменном сумраке. Ира тщетно силилась вызвать свою способность видеть в темноте, но от волнения у нее ничего не получалось. Она, уже с трудом различая движущийся силуэт змеи, полностью сконцентрировала на нем свое внимание, и вновь утратила ориентацию. Коридор пещеры, видимо, сделал поворот, и тусклый свет из-за спины окончательно погас. Но не успела Ира испугаться внезапно сгустившегося полного мрака, как ее ждала неожиданность, неожиданная и обескураживающая по-настоящему: змея стала серебристой и засияла в темноте. Исходивший от гадюки свет разливался вокруг нее на площадь очень небольшую, но вполне достаточную, чтобы не терять змею из вида и представлять себе, куда лучше поставить ногу, дабы не оступиться.

Пещера была как пещера, то есть с полным набором всех пещерных «удобств», а потому продвигалась Ира в ее неведомую глубь очень медленно. Гадюка тоже никуда не спешила, держа удобный для Иры темп. Концентрация слегка ослабилась, и Ира даже начала пытаться оценивать ситуацию. По уму следовало, конечно, дико бояться, а еще лучше валить отсюда пока не поздно. Но если по уму, то вообще ненужно было в чем мама родила тащиться незнамо куда вслед за ядовитой змеей. Вопреки всему Ира наслаждалась превосходным настроением, наполненным лавиной долей сарказма, язвительности и цинизма.

Она сразу поняла, что по незнанию и из-за отсутствия элементарного опыта поступила опрометчиво, сравнив свою жизнь с победным шествием через висячий мостик. Дура, карабкающаяся в пещере, мало того, что без элементарного фонарика и мало-мальски хоть какого-то снаряжения (ну что вы!) – вообще голая! Да еще и вслед за гадюкой, которая, видимо, ей под стать, то есть чокнутая не меньше, потому что до сих пор не удосужилась ее тяпнуть разнообразия ради! Вот это определение! Что такое жизнь? Жизнь – это блуждания голой дуры по пещере без фонаря вслед за полоумной гадюкой! Нет! До такого просто так не додумаешься! Это только пережить можно! Ну да! Конечно, можно! Дуракам ведь не только закон не писан, но и здравый смысл не ведом!

Гадюка остановилась и замерла на несколько мгновений. Затем она заползла на плоский прямоугольный камень и свернулась на нем кольцами. Ира поняла, что цель ее странного путешествия достигнута, сделала еще несколько шагов и уселась на другой похожий камень. Наверное, он был очень холодным, но Ира этого не ощущала, как не ощущала и окружающего холода, хотя знала, что в пещерах температура, как правило, держится примерно на отметке +11 градусов.

«Может быть, у меня и ноги в кровь изодраны, просто я этого не чувств...», – Ира не успела додумать мысль до конца. Над головой зажглись два желтых фонарика размером с пятирублевые монеты и медленно поползли вниз, постепенно увеличиваясь, пока не достигли размера автомобильных фар, расположенных на чем-то вроде камня, размером с комод, причудливой формы, но симметричных очертаний.

- Ну, здравствуй, Ырэа! Рад видеть тебя вновь! – прошелестел тихий приятный бархатистый голос, подхваченный реверберацией пещерного эха.

Темнота полностью рассеялась. Ира находилась в огромном подземном зале, а перед ней красовалось существо, название которого у Иры не хватало мужества сообщить даже себе. Впрочем, страха не было, хоть рациональное и вопило вовсю: «Надо испугаться! Надо испугаться!», – правда, не объясняя, чего именно следует испугаться в первую очередь: существа грандиозного вида, названия которого Ира благоговейно не могла произнести даже мысленно, или всепоглощающего ощущения своей сопричастности этому существу.

- Ты, как вижу, шла сюда, до самого конца не зная, что именно тебя ждет? – вновь прошелестел после небольшой паузы тихий приятный бархатистый голос, подхваченный реверберацией пещерного эха.

Ира отметила, что говорит существо по-настоящему, то есть, как человек, то есть не так, как разговаривают Зив и Лоренц.

- Я и сейчас не знаю, – спокойно ответила она.

- Ырэа, неужто ты действительно совсем не помнишь меня?

- Если честно, то сейчас я что-то смутно чувствую, но не помню.

- Но ты хотя бы догадываешься, кто я? – с оттенком шутливости спросило существо.

- В смысле?

- В смысле? Ну, вот ты, к примеру, сейчас человек. А я кто?

Ира сделала глубокий вдох и, неимоверными усилиями собрав воедино всю свою волю и все свое мужество, произнесла:

- Дракон.

- Верно. Можно и так. Правда, лично мне больше нравится, когда нас называют змиями.

- Почему?

- Не знаю... Просто нравится и всё... Честно говоря, я, когда посылал тебе первую весточку, лелеял безумную надежду, что ты сразу догадаться, от кого она. Ну, может, не от кого лично, но хотя бы, что от змия.

- И как же я должна была догадаться?

Змий вздохнул и склонился перед ней, почти положив голову на пол пещеры:

- Смотри!

- Так то действительно были не камни?! То действительно были чешуйки дракона?! – взволнованно воскликнула Ира, и по пещере прокатилось гулкое эхо.

- Да. Я отправил тебе свою чешуйку, надеясь, что это сразу вызовет у тебя целый ряд ассоциаций, и ты вспомнишь, но...

- Ассоциации возникли, но я не придавала им значения, посчитав всего лишь забавными.

- Что ж, это вполне понятно... – дракон немного помолчал. – Отправляя вторую, я думал, что аналогичность должна заставить тебя задуматься. Ну а посылая третью, считал, что ты сможешь понять, что имеешь дело с системой, и у тебя появится желание добраться до ее сути.

- Меня поразило сходство, но не более того.

- Я не виню тебя, Ырза. Воплощение в человеке – страшная вещь!

- Воплощение в животном или растении благоприятнее?

- В какой-то степени... Видишь ли, ни у животных, ни у растений нет управленческих амбиций. Управленческих амбиций в отношении системы миров Вселенной, в которых мы все живем.

- Ну, по поводу системы миров, это Вы хватанули! Человек лишь смутно подозревает о существовании таковой, сам же себе не давая ввести эту идею в разряд официальных.

- Ну еще бы! А кто б ему позволил! В свое время пришлось отрезать человеческое восприятие в целом от этой системы. Лишь избранные единицы допускаются. Но человечество в целом – ни-ни! Один мир изгадили – еще ладно! А представь, если допустить во всю систему! Кстати, и не надо мне выкать. Мы с тобой на равных, даже если ты этого и не помнишь.

- То есть?

- То есть, во-первых, потому что и ты, и я – высшие личности Мироздания и на данный момент единственные из таковых во всей системе миров Вселенной. А во-вторых, потому что и ты, и я являемся членами братства змиев. Или драконов, если тебе так больше нравится.

- То есть, я что, дракон?

- В своем нынешнем воплощении ты – человек, но по своей сути здесь, во Вселенной, ты – дракон. Или змий, как мне больше нравится. Мы с тобой здесь были с самого начала сотворения Вселенной. Потом тебе здесь надоело, и ты ушла, а мне здесь понравилось, и я остался.

- Извините... ой... прости... А я могу узнать, как твое имя?

- Конечно... может быть, его звучание что-нибудь напомнит тебе...
Мое имя – Пэфузм. Ассоциируется с чем-либо?

- Да. Несомненно. Только не думаю, что ты ждешь от меня именно такого воспоминания.

- Ну, хоть какого-то!

- Хорошо. Пэфузм – несколько созвучно с Пифон. В греческой мифологии есть такой змей.

- Я в курсе. А еще в этой самой греческой мифологии, и не только в греческой, есть очень много всего интересного. По большей части это, безусловно, результат коллизий человеческого восприятия и бурной фантазии, однако, не на пустом месте... не без оснований... – Пэфузм многозначительно посмотрел на Иру.

Ей стало немного не по себе, и она перевела разговор на другую тему.

- Послушай, а ты живешь здесь невообразимое количество лет непрерывно?

- Нет. Я предпочитаю менять тело. Мне нравятся перемены. Есть, конечно, живущие непрерывно по несколько столетий и даже тысячелетий, но это особый случай. Все законы можно обойти, только зачем это делать, если нет необходимости? Правда, тело змия служит верой и правдой гораздо дольше человеческого, но и оно, если не предпринимать специальные меры, изнашивается – закон действия времени. И, чем тратить силы на сохранность, если того не требуют особые задачи, его лучше поменять. Кроме того, змии не забывают прошлых воплощений, когда вновь рождаются змиями.

- Так значит, на Земле до сих пор живут драконы? То есть змии.

- Ырэа, если тебе больше нравится говорить дракон, так и говори дракон, а мне больше нравится говорить змий, и я буду говорить змий. Хорошо?

- Да. А драконы и сейчас живут на Земле? То есть не только ты, но и другие?

- Змии живут во Вселенной, и им доступна вся система миров Вселенной. Заглядываем мы и в мир, доступный восприятию людей, как в змиевом воплощении, так и в иных. И в человеческом в том числе. Видишь ли, змий может воплотиться кем угодно, и в каком угодно мире Вселенной, но змием может воплотиться лишь змий, то есть член братства змиев.

- А что это за братство змиев? Это нечто, существующее изначально, то есть вне Вселенной?

- Нет. Братство змиев было образовано в начале творения Вселенной ее творцами. То есть змии – это те, кто создавал Вселенную. В самом-самом начале мы творили ее как бы снаружи, а потом – как бы изнутри. Когда мы стали творить Вселенную изнутри, то были тем, что сейчас люди называют стихиями.

- Получается, что огонь, вода, воздух, земля, гравитация, электричество и тому подобное – это драконы?

- Верно. Почти. Когда-то это были змии, пока, в конце концов, не удалось направить безличные энергии работать соответственным образом. Вроде человека, которому приходилось возделывать землю мотыгой, пока он не изобрел трактор.

- То есть получается, что процесс действия сил и стихий нынче как бы автоматизирован, а раньше выполнялся вручную?

- Очень-очень похоже на то. Так вот, все те, кто в свое время выполнял эту нелегкую работу, составили братство змиев, или, как ты говоришь, драконов. В наше братство входят только высшие и великие.

- То есть личности четвертого и пятого уровня?

- Верно. Личности пятого уровня, или высшие энергетические структуры, или высшие сущности – это изначальные и окончательные сущности, сама суть Мироздания. Личности четвертого уровня – великие сущности – это сущности, которые посредством многих воплощений и преображений сумели достичь почти всего, что присуще высшим. То есть, высшие – это те, кто есть, а великие – те, кто стали.

Высшим ненужно воплощаться, чтобы оставаться собой. Воплощения для высших что-то вроде развлечения, но не обязательное условие продолжения существования. Великим же приходится, хотя бы они того или нет, периодически как-либо воплощаться, дабы сохранять свои достижения. Главное различие в том, что высшие могут преображаться, используя любые варианты от втягивания в себя невообразимой энергетической мощи до полного рассеивания и обратно без ущерба для своей личностной осознанности. Великие могут создавать невиданную мощь себя, но рассеиваться, способны лишь до определенного предела. К тому же, великие не вхожи в сферы высших, в то время как высшие могут находиться в любых сферах.

Высшие есть всё, и нам ненужно ничего достигать. Великие достигли всего достижимого, но любые достижения нуждаются в постоянной поддержке, иначе они рассеиваются без следа. Однако в достижениях чего-либо есть особая сладость. Именно она заставляет многих высших так или иначе воплощаться, хоть с практической точки зрения это нам абсолютно ни к чему. Только будучи воплощенным, высший способен испытывать сладость иллюзии достижения.

- То есть, любое достижение иллюзорно?

- Для высшей сущности – да. Посуди сама, как можно считать достижением то, чем ты и так являешься по своей сути? В то же время для любой другой сущности, в том числе и великой, достижение – это реальность.

Пэфуэм сделал небольшую паузу, а затем продолжил.

- Так вот, в создании Вселенной принимали участие лишь высшие и великие, которые и образовали братство змиев. В период юности Вселенной мы были звездами и планетами, их орбитами, пространством между ними. Мы были Солнцем, Луной, Землей. Мы же их и вращали.

Мы были океанами и материками, ветрами и штормами, облаками и дождем. Мы перебивали всем во Вселенной, постепенно заставляя работать подобным образом безличные энергии. Но даже и сейчас, если что-нибудь выходит из строя, мы, то есть змии, вновь, образно говоря, начинаем вручную крутить ручки миров Вселенной. Мы храним, холим и лелеем ее, так как она наше дитя. Она и твоё детище, Ырэа.

- А я, получается, непутевая мать, покинувшая своего ребенка?

- Это из области человеческой морали, Ырэа. Миров, пригодных для воплощения, в Мироздании бесчисленное множество. Они проявляются и рассеиваются. Они не имеют никакой практической ценности непосредственно для высших. И всё же, высшие не без удовольствия частенько балуются их творением.

Впрочем, творить миры – штука, на самом деле, нехитрая и доступная едва осознавшей себя личности. Как говорится, не успел опериться, а уже лепит себе мирок, в котором сможет воплотиться, дабы не рассеяться в Мироздании. Конечно, такое бывает нечасто. Низшие сущности, как правило, воплощаются в уже готовых мирах. Но если бывает, то такой мирок существует лишь столько, сколько находится воплощенной в нем эта сущность, стремящаяся таким образом укрепить свою структуру, а затем рассеивается без следа. Зачастую вместе со своим горе-создателем. Но есть и великие миры, и целые системы миров.

Никому не воспрещается и не вменяется в обязанность создание и поддержание миров. Если все змии покинут Вселенную, она постепенно рассеется, но ни один змий не обязан торчать тут и блюсти исправность ее систем. Если какой-либо мир перестают поддерживать, значит, он стал никому не нужен, а зачем нужно то, что никому не нужно?

- Постояй! Как я поняла, только змии могут поддерживать этот мир, так?

- Верно.

- А если Вселенную покинут все змии, это ведь вовсе не значит, что ее пожелают покинуть и те существа, что змиями не являются?

- Ырэа! Ты человек до мозга костей! – Пэфуэм добродушно рассмеялся. – В Мироздании есть особая сила, особая энергия, которая не позволяет перестать поддерживать мир, который нужен хотя бы одному существу. Люди называют эту силу ЛЮБОВЬ. Ни один змий не обязан поддерживать существование Вселенной, но есть очень много змиев, которым непреодолимо хочется этого, потому что они ЛЮБЯТ. Даже если ЛЮБОВЬ связала тебя с одной крохотной пылинкой этого мира, ты не покинешь его и будешь крутить его ручки столько, сколько понадобится и с величайшим наслаждением.

- Значит, я не смогла полюбить этот мир?

- Ырэа, высшие не могут ничего реально достичь, потому что уже являются в своей сути всем сущим. Ни ты, ни я не можем достичь ЛЮБВИ, так как мы и есть ЛЮБОВЬ. ЛЮБОВЬ – наша суть, а мы – суть ЛЮБВИ.

- Но...

- В братство змиев входит не так много высших. Из нас из всех во Вселенной, после завершения формирования основ ее существования, остался лишь я. Остальные изредка заглядывают в гости, и то не все. Иногда забредают высшие не змии, покувыркаются тут и сваливают. Но вот великие остались почти все. Для них ЛЮБОВЬ – это реальность. Они достигли ее тут и не желают расставаться со своим достижением.

- А ты?

- Я тоже достиг ее. Я знаю, что мое достижение лишь иллюзия, но она столь сладостна. Да, меня здесь держит иллюзия и больше ничего. Ты же не подверглась здесь никаким иллюзиям и пробыла ровно столько, сколько требовалось. Насколько я тебя знаю, тебя не интересуют иллюзии достижений, ты чужда их сладостности. Ты творец, который сотворив нечто, более не испытывает к сотворенному интереса. Да, Вселенная и твое детище, но не дитя. Поняла разницу?

- Да.

- Все, что я тебе рассказываю, – это сказки. Так как, во-первых, законы Вселенной не позволяют мыслить и, соответственно, излагать свои мысли вне категорий пространства и времени, а во-вторых, потому что ты сейчас человек, и все сказанное мною, я должен адаптировать к особенностям человеческого понимания. Но сказка – это не ложь. Сказка – это тип кодировки, в которой код является эквивалентом, подобием. Ну а теперь, я бы хотел рассказать тебе, Ырза, ту сказку, ради которой искал с тобой встречи, пока ты находишься в человеческом воплощении.

- А можно прежде задать несколько вопросов?

- Да. Конечно.

- Рядом со мной есть несколько человек, я бы хотела знать, кто они, но я не знаю, как их описать.

- Назови просто имена, какими ты их называешь. Я пойму, о ком речь.

- Во-первых, Женечка.

- Великий. Змий. Змиево имя – Джагэ. Твой давний друг. Создавать Вселенную пришел вместе с тобой, как говорится, за компанию. Вместе с тобой и ушел, однако, затем не раз возвращался, не испытывая особого интереса к ее судьбе, но, тем не менее, внося свою лепту в ее поддержание. Последние несколько раз воплощался исключительно человеком, развлекаясь обхождением законов существования Вселенной.

- Его друг Генка.

- Великий. Змий. К созданию Вселенной присоединился одним из последних, если не самым последним, и, соответственно, в братство змиев вошел позже всех остальных. Активно участвует в поддержании существования Вселенной. Змиево имя – Ынаг. Здесь подружился с Джагэ, потому что тоже предпочитает человеческое воплощение всем остальным. Правда, и змием воплощался много раз. Как только Джагэ по твоей просьбе принял свое нынешнее человеческое воплощение, Ынаг стал воплощаться исключительно человеком. Тело он для себя, как и все змии, трансформирует, но больно уж странным образом.

- Что значит «трансформирует тело»?

- Потом объясню.

- Хорошо. Следующий – Аристарх Поликарпович. Он не рядом со мной, но сыграл в моей жизни определенную роль.

- Я знаю. Великий. Змий. Вплоть до начала твоих попыток воплотиться здесь, использовал исключительно змиевы воплощения. Впервые воплотился человеком после твоей третьей неудачной попытки, дабы иметь возможность помочь. Змиево имя – Наруд.

- Гиала.

- Великая. Змий. Настоящий ас зажигания звезд и закручивания галактик. Змиево имя – Гаэма. Состоит в дружеских отношениях с Нарудом. Предпочитает воплощаться змием, но при этом перепробовала целый ряд воплощений, правда, по большей части сфер недоступных человеческому восприятию, к тому же некоторые из них – плод ее творчества. Два раза воплощалась человеком, и, видимо, вот-вот воплотится в третий, – глаза Пефуэма слегка прищурились и заблестели веселыми искорками.

- Влад.

- Великий. Змий. Змиево имя – Мадун. Состоит в дружеских отношениях с Нарудом и Гаэмой. Принимал активное участие в создании Земли и впоследствии большую часть своих сил отдал именно ей, занимаясь формированием различных типов биологических тел, – (при упоминании о пристрастии Влада к созданию биологических видов, Ира про себя усмехнулась, вспомнив жалобы школьной биологички, на то, что Влад, по ее мнению, намеренно издеваясь над ней, постоянно несет полную околесицу). – Предпочитает змиевы воплощения, но всегда на себе испытывал все вновь созданные формы. До твоего нынешнего появления здесь ни разу не воплощался человеком и вовсе не интересовался этим воплощением. Зато после твоей второй попытки будто преследует тебя.

- Почему?

- В Мироздании не принято вмешиваться в сугубо личное.

- Ладно. Рауль.

- Великий. Не змий. Случайно забрел во Вселенную и воплотился человеком. Не думаю, что он здесь задержится.

- Радный.

- О нем у нас будет особый разговор, но все ж выдам и его досье. До воплощения во Вселенной не существовал как личность. Естественно, не змий. Сформировался в низшую энергетическую структуру посредством воплощения в человеке. За одно воплощение смог достичь состояния высокоорганизованной структуры среднего уровня. За следующее воплощение – снова в человеке – достиг предельно возможного, то есть стал великим. После этого воплощался во всё, что возможно во Вселенной. Так что, кроме змиева воплощения, ему известны все. В совершенстве изучил законы Вселенной, притом до такой степени, что подобно змиям может осознанно влиять на процессы. Печется о Вселенной почище любого змия.

- Есть еще двое, но они не люди, по крайней мере, сейчас.

- Я слушаю.

- Зив.

- Великий. Не змий. Однако, раз забредя во Вселенную, больше ее не покидал. Воплощается исключительно в животных. Неравнодушен к судьбе Вселенной, а потому оказывает любую посильную помощь.

- Лоренц.

- Великий. Змий. Змиево имя – Нэц. Не тяготеет к грандиозности, а потому занимается мелким устройством. Предпочитает воплощаться в формы, существующие за пределами человеческого восприятия. Периодически принимает змиево воплощение. Один раз воплощался человеком. Считает, что хуже этого ничего нет и быть не может. Радовал за рассеивание человеческого воплощения, но постепенно стал содействовать его развитию, впрочем, не изменив к нему своего отношения. У тебя есть еще вопросы?

- Пока больше нет.

- Тогда давай-ка я начну рассказывать тебе то, ради чего мы с тобой сейчас встретились.

- Давай.

Глава 51 Сказка и быль

- Итак, для начала я расскажу тебе сказку. Именно сказку, и это очень важное уточнение, так что обрати на него особое внимание, Ырэа. Это именно сказка, а не исторический экскурс.

В Мироздании есть силы всякие. Одни помогают, другие мешают. Впрочем, те, что помогают одним – мешают другим и наоборот тоже случается. Но есть в Мироздании и такая сила, которая помочь, на первый взгляд, уж ничем никому не может. Сила эта лишает возможностей. Уж казалось бы, какая может быть от нее помощь? И все же, нашелся-таки чудак, который и эту силу придумал, как к делу приспособить. А случилось это вот как:

С силою той знаться по понятным причинам никто не хотел, а потому жила она себе вольготно, не встречая никакого сопротивления. Старались все ее стороною обойти, да нет-нет кое-кто и сталкивался. Туго им приходилось – сила ведь возможности у них отнимала. Вступали они с ней в противоборство и радовались, коли ноги унести получалось.

Столкнулся с той силой как-то и наш чудак, да только бороться с нею не захотел. Не потому, что слаб оказался, а просто так – интересно ему стало, а что же будет, если не противиться ей, и позволил силе той лишиться себя возможностей.

Загрустил он поначалу, когда практически все возможности для него исчезли, да ведь по собственной его воле получилось то. А потому прогнал он свою печаль и начал пытаться сделать невозможное, раз возможностей нет. И чудо произошло – преобразился он, да так сильно, что сам себе подивился. Вот тут-то и придумал он, как силу ту к делу приспособить. И не просто придумал, а можно сказать новый принцип открыл: дать шанс, лишив возможностей.

Рассказал он об этом принципе великим и высшим – тем, что слушать захотели. По нраву им речи его пришлось и вознамерились великие и высшие по этому принципу целый мир сотворить. Как вознамерились, так и за дело взялись. Без устали они трудились. А как вместилище для мира нового-небывалого соорудили, порешили, что теперь они в этом мире и за пределами его будут братством. Братством змиев.

Само собой, «без устали трудились», это не значит, что змии с кирками и лопатами бегали или молотками стучали. Змии направляли и перенаправляли энергии, закручивали их и раскручивали, смешивали и разделяли, ослабляли и усиливали, преображали и воплощали – я думаю, тебе это понятно.

- Да. Понятно.

- Тогда дальше рассказываю.

Итак, понравилось высшим и великим, которые новый мир создавать принялись и братством змиев себя объявили, действие принципа «дать шанс, лишив возможностей». Да только применить его без силы, которая возможностей лишает, конечно же, нельзя, а потому, как только вместилище для нового мира готово было, изловили змии ту силу и во вместилище-то и запустили.

А что может сила, возможностей лишаящая? Понятно, что – возможностей лишать. А какие именно те возможности, ей и дела нет.

И стала та сила во все вмешиваться, да по-своему выправлять. И ведь прогнать ее нельзя и даже противиться, коли уж мир такой чудной сделать решили.

Призадумались змии, да только думая да гадая, много дел не надедаешь! А коль не знаешь делать что, так делай хоть что-нибудь – оно и выведет. Вот и стали змии творить, что кому на ум придет, лазейки всякие выискивая. И раз уж сила та возможностей лишала – стали делать невозможное.

В братство змиев только великие и высшие входили, а потому творил каждый нечто не просто невозможное, а еще к тому же дивное да чудесное, а одно дивное да чудесное с другим дивным да чудесным переплетая, в нечто и вовсе мудреное превращали. И так, и эдак изворачивались змии, не имея возможностей, и заместо одного мира целую систему сотворили. А глядя на творения свои, пуще прежнего принцип «дать шанс, лишив возможностей» ценить стали.

И вот уж в мирах Вселенной воплощения всякие появились, и отбоя от желающих не было, но ждала тут змиев новая напасть. Обнаружили они вдруг, что ничего принципиально иного, чего в других мирах нет, они не сделали. Да, носилась по Вселенной сила, лишаящая возможностей, но она и в других весях Мироздания есть – разве что во Вселенной ее во много раз больше оказалось. Сущности, воплотившиеся тут, как и везде, силу ту избегать пытались либо боролись с ней, и принцип «дать шанс, лишив возможностей» не действовал так, как должен был.

Снова змии думать сели. Долго думали и поняли они свой просчет: сами-то они принципу «дать шанс, лишив возможностей» подчинились, но в сотворенные воплощения ту силу не вкладывали.

Снова принялись змии за дело, но теперь стремились к тому, чтоб само воплощение на силе, лишаящей возможностей, замешано было. К уже сотворенным мирам новые добавились. И в каждом из тех миров принцип «дать шанс, лишив возможностей» в самих воплощениях все больше и больше проявлялся.

Совершенствовались свое мастерство змии и таки добились, чего задумывали. Правда, получилось у них именно то, к чему стремились, лишь на махоньком камушке, а имя тому камушку Земля.

И пошла на Земле жизнь невозможная, небывалая, нигде более невиданная. Завертелась-закрутилась, да так лихо, что змиям, по большей части, лишь подправлять да направлять ее приходилось. Так началось то, что люди потом называли эволюцией.

Много и упорно трудились змии, создавая Вселенную со всеми ее чудными и мудреными мирами, но пуще прежнего взялись они за дело, когда зародился и вовсе небывалый мир на Земле. Холили и лелеяли его змии и наступили, в конце концов, времена, когда воплощениям земным, казалось, счёту нет.

Самыми великолепными из них были могучие ящеры водные и сухопутные. И вот тогда решили змии и сами на Земле воплощаться. Они, правда, и до этого воплощались и на Земле, и в других мирах, но теперь порешили создать особое для себя воплощение. Такое, чтобы в нем свободно можно было в любом мире Вселенной жить и без помех из одного мира в другой переходить, но самое главное, чтобы оно для земной жизни подходило.

И сотворили змии себе воплощение то по образу ящеров. По образу ящеров, да не по подобию. Не стали змии воплощение то на силе, лишаящей возможностей, специально замешивать, хоть небольшая ее толика и в этом воплощении есть. Правда, ее столь мало, что она почти не лишает возможности Помнить и Знать. К тому же, на Земле позволяет и по тверди ее ходить, и внутри тверди, и по воздуху ее летать, и в водах ее плавать и многое-многое другое. А за пределами земного мира так и вовсе в том воплощении никаких преград нет. Спросишь, на что же змиям воплощение сие понадобилось? А чтобы, пребывая в том обличье, быть в курсе всего, что во всех мирах Вселенной творится, дабы поддерживать их.

А жизнь земная тем временем все вперед неслась. Становилось новых земных воплощений еще больше прежнего и различия между ними проявлялись отчетливее.

Мир земной, в первую очередь, для того создавался, чтоб значит, преображение, уровень личности повышающее, интенсивнее происходило. Но заинтересовались миром Земным и высшие с великими, то есть те, кому преображение, уровень повышающее, и ненужно вроде бы вовсе. А потому стали и они в этом мире воплощаться, по собственной воле воплощение выбирая. Змии тому не противились, потому как великий или высший, воплощаясь в жизни земной, хоть и не помнил, кто он есть на самом деле, но, тем не менее, по наитию мог собратьям своим по воплощению верный путь указывать.

И текла жизнь земная, и радовались змии своему творению, и всё, вроде, ладно и справно шло. Всё, да не всё вовсе. Вроде бы преображались сущности, едва сущностями ставшие, и достигали многого, да в какой-то момент их как бы заклинивало.

И решили тогда змии и вовсе невозможное сделать. Сотворить они решили воплощение по образу и подобию самой сущности, как она есть, но так, чтобы то воплощение пуще прежнего возможностей лишало. Вот так и появился на земле человек.

Тело человеческое, с одной стороны, слабое и беззащитное. От Памяти и Знаний его во стократ более мощные заслоны отгораживают. Но, при всем при том, открыто для него творчество почти так же, как и для самой сущности.

Заслоны от Памяти и Знаний столь мощными получились, что воплотившихся в человеке змиям учить пришлось, дабы они свою способность к творчеству применить могли и с помощью нее преображаться. Учили змии людей осторожно, да понемногу, дабы наука та человеческое воплощение постепенно пропитывала. И все вроде как ладно шло. Совершенствовалось человеческое воплощение, а вместе с ним все интенсивнее совершенствовались те, кто в нем воплощался. Радовались змии, и в один прекрасный момент решили они, что пора человеческому воплощению Главный Закон Бытия раскрыть.

Что это за Закон такой, я тебе, Ырза, после расскажу, а сейчас...

В общем, поведали змии человеку Главный Закон Бытия, да только сами не ведали того, что от этого случится. А случилось то, что сила, лишаящая возможности тут во всю свою мощь встала и лишила она человеческое воплощение возможности Закон тот впитать так, каков он есть.

С тех самых пор все вкривь да вкось пошло. Почему? То потом расскажу. А сейчас про то поведаю, что дальше-то было.

Так вот, во Вселенной все так вкривь да вкось пошло, что за пределами ее да и в ней самой стали подумывать, как бы от человеческого воплощения-то избавиться, а некоторые предлагали и от всей Вселенной разом. Да только змии за Вселенную горою встали, правда, о том, чтобы развеять человеческое воплощение и сами подумывали. И уж готовы были сделать то, но тут ко мне явился гость. Непростой гость – человек.

Этим гостем был тот, кого ты назвала Радный. Он попросил выслушать его и поведал мне свою историю. Признаться, я сначала не мог поверить в рассказанное им. Не мог поверить, так как не предполагал, что такое могло укрыться от змиев. Но потом вынужден был признать правдивость его истории.

Он действительно был первой и единственной – надеюсь, пока – сущностью, которая в полном смысле не существовала до воплощения человеком, и всего за два воплощения достигла величия. Я не представляю, как мы могли такое чудо проглядеть, но вынужден признать, что так оно и было. Наверное, сила лишаящая возможностей, нас той возможности лишила. К тому же он, едва став великим, тут же Вселенную покинул. Вернулся он очень скоро, но уже как великий и никому не приходило на ум, что таковым его сделало человеческое воплощение.

Я уже говорил, что прошел он через все воплощения, возможные в системе миров Вселенной, и полюбил ее почище любого змия. Начав учиться знанию змиев, будучи человеком, он полностью постиг это знание, путешествуя по Мирозданию. После он вновь стал воплощаться человеком, но по собственной воле трансформируя тело своего воплощения. Надо сказать, что змии, воплощаясь людьми, и не только, тоже трансформируют для себя тела, но он это делает с такой непревзойденной виртуозностью, которой любой самый изощренный змий позавидует. К тому же, ему удастся убирать щит забвения, а на это далеко не все змии способны, когда принимают не змиевы воплощения. По крайней мере, убирать его почти полностью и, к тому же, еще тогда, когда тело находится на стадии внутриутробного формирования.

В общем, поведал он мне свою историю и попросил повременить с рассеиванием человеческого воплощения, и разрешить ему сделать все, что в его силах, дабы исправить ситуацию. И предложил для ее исправления очень занятное решение: змиям и другим заинтересованным великим и высшим периодически тайно воплощаться человеком, ничему никого не учить, а лишь стараться, не особо бросаясь в глаза, вести определенный образ жизни, закладывая тем самым поведенческую матрицу для человечества в целом или отдельных его групп, и таким образом постепенно очищать искореженные энергии. Он не был голословен и представил примеры своего подобного действия. Нас – змиев – уже это более чем впечатлило, и тут...

Знаешь, Ырэа, я сам питаю непреодолимую слабость к человеку и, даже когда был готов принять решение о рассеивании человеческого воплощения, в глубине души верил, что это гениальное творение с огромным потенциалом. Вот только до какой степени огромен этот потенциал я тогда и понятия не имел.

Тогда мне его следующее заявление показалось в высшей степени безумным. Для меня до сих пор все это окутано непроницаемой завесой тайн и загадок. А тогда я даже несколько раскаялся в поспешно данном обещании повременить с рассеиванием человеческого воплощения.

Он явился ко мне вот в эту самую пещеру, будучи человеком. Вот здесь вот мы с ним и разговаривали. То, что он заявил, после изложения очень заинтересовавших нас предложений, более всего походило на обычную человеческую браваду. От того и засомневался я в нем: человек – он и есть человек! Существо с непомерным мнением о себе.

А заявил он, что отправится в сферу высших и приведет во Вселенную еще кого-нибудь из высших змиев. Из тех, кто покинул Вселенную, но не потерял интерес к ее судьбе.

В сферу высших способен проникнуть только высший – остальные распадаются в ничто при малейшей попытке сделать это. Правда, высшего можно вызвать из сферы высших, но сделать это может, кроме другого высшего, только сущность связанная с тем высшим, которого она желает позвать. На тот момент, тот, кого ты назвала Радный, не имел связи ни с одним из высших.

В общем, тогда, на мой взгляд, передо мной стоял обычный человек с обычной человеческой самоуверенностью, с обычной человеческой самовлюбленностью и обычными человеческими, как всегда ничем не обоснованными и не подкрепленными, амбициями.

Он, правда, отметил, что, наверное, выглядит чересчур дерзким, но тут же добавил, что собственный опыт убедил его лишь в том, что не бывает только того, чего не делаешь. Я посмеялся над ним, но он стал настаивать и... сам попросил освободить его от тела.

«Мне понадобится особая мощь. Уверен, что силы страха и боли дадут мне нужный толчок», – сказал он. «Страх и боль ослабляют», – возразил я, дивясь его просьбе. «Страх и боль силы. Любые силы или ослабляют или придают мощь. Вопрос лишь в том, как их направить. Я знаю, как направить страх и боль», – ответил он. «И как же?», – спросил я. «Любовью», – шепотом ответил он. Признаюсь честно: он... не могу сказать, будто он убедил меня... но... В общем, я разорвал его тело.

А он прямиком отправился в сферу высших. Ни один великий не вступал туда, не говоря уже обо всех остальных. Это действительно невозможно, но... Он совершил невозможное. Это оказалось по силам тому, кто через человеческое воплощение из ничего преобразился до великого.

После такого я лично пойду на что угодно, но не дам развеять Вселенную, не дам развеять человеческое воплощение.

Он потом признался, что намеренно просил содействия именно у меня, дабы окончательно убедить змиев, что человека рано списывать со счетов. Что в человеческом воплощении действительно заложен небывалый потенциал. Потом я его спрашивал, как он осмелился, ведь, по сути, у него не было никаких возможностей. Он усмехнулся и ответил: «У меня действительно, как и у любого другого не высшего, не было возможностей попасть в сферу высших, но ведь жизнь во Вселенной создавали по принципу «дать шанс, лишив возможностей». Я всего лишь ему следовал, вот и все. Коли уж я, воплощаясь во Вселенной, на этом принципе, что называется, собаку съел, и не одну, то не было ничего проще, как воспользоваться им в аналогичной ситуации. Шанса, мне, конечно, тоже никто не давал, но это неважно – я сам его взял».

В общем, Ырза, из сферы высших он привел тебя. И, судя по нашему с тобой общению до и между твоими попытками воплотиться человеком, у тебя есть, так сказать, план.

- Какой?

- Сугубо личный. А потому, кроме тебя, о нем никто не знает. Могу лишь добавить, что тело для твоего воплощения собирались трансформировать определенным образом, но ты от этого отказалась, пожелав воплотиться в самое обычное. От того с твоим воплощением возникло столько сложностей, и они продолжаются у тебя до сих пор. Но, думаю, ты приняла мудрое решение, посчитав, что на себе должна испытать в полной мере, что же такое быть человеком.

И на этом заканчивается моя сказка. А дальше начинается быть.

- А можно спросить?

- Спрашивай.

- Ты сам воплощался человеком?

- Да. И не раз. Но только в трансформированное тело, а потому о человеческом не могу судить в полной мере.

- А где тот чудак, что принцип открыл?

- Этого никто не знает. Поговаривают, что он за счет силы лишения возможностей преобразился до великого. Еще говорят, что он сейчас вроде как сам где-то во Вселенной живет, но как оно в точности – никто толком не знает.

- Так он не участвовал в сотворении Вселенной?

- Он не стал еще великим, когда открыл принцип «дать шанс, лишив возможностей», а коли новый мир лишь высшие с великими создавать взялись – к ним в компанию даже и не просился.

- Странно, что вы его сами с собой не позвали, ведь он куда лучше всех знал, как открытый им принцип действует.

- Ырза, во-первых, не «вы», а «мы» – ведь ты тоже змий. А во-вторых, позвать-то его, может быть, и позвали бы, да только он, едва идею подкинул, как тут же и сгинул, дальше своим открытием забавляться. Ырза, тебе сейчас многое непонятно и не может стать понятным, так как ты нынче в человеческом воплощении со всеми вытекающими отсюда последствиями. То, что я тебе рассказал, это всего лишь сказка, всего лишь способ говорить по-человечески о том, что человеку недоступно. А потому, предлагаю тебе теперь быть послушать.

- Рассказывай.

- Итак, быть. Впрочем, и быть я тебе сказкой рассказывать буду, но от того сие былью называю, что это было, есть и будет. Быль – это Главный Закон Бытия.

Главный Закон Бытия – это закон построения и функционирования абсолютно всего, что есть, что можно себе вообразить и даже того, чего и вообразить нельзя. Ты его, естественно, прекрасно знаешь, но – и это тоже естественно – знаешь ты его не как человек. Этот закон постоянно работает вне зависимости от чьей-либо воли, и вне зависимости от нашей воли мы постоянно находимся в поле его действия. По большому счету, мы сами и есть этот Закон. И все же... Одно дело просто находиться в поле его действия, и совсем другое – находиться в этом поле осознанно. Все, что работает, может работать как на тебя, так и против тебя, а знание основ функционирования позволяет добиваться желаемых результатов, вместо того, чтобы довольствоваться последствиями.

Главный Закон Бытия – это закон двоичности.

Его открытие стало для человечества так называемым «грехопадением». Под действием силы, лишавшей возможностей, в сознании человека двоичность превратилась в двойственность.

Двоичность – это единение, целостность.

Двойственность – это разделение в восприятии мира надвое: на Свет и Тьму, на Жизнь и Смерть, на Мужское и Женское, на Хорошее и Плохое, на Правильное и Неправильное, на Друзей и Врагов, на Добро и Зло, и т. д. и т. п.

Принцип двоичности не имеет к такому делению никакого отношения.

Двоичность – это сочетание, связь, единение паузы и импульса. И пауза, и импульс – суть действия. Пауза – действие непроявленное, импульс – действие проявленное.

Новейшая история человечества порадовала змиев определенной толикой осознания человеком принципа двоичности. Человек с помощью закона двоичности сам создал мир – виртуальный мир, компьютерный мир. Пауза и импульс – и больше ничего, казалось бы, что может быть элементарнее, но все многообразие компьютерных программ и файлов создано именно этим принципом.

Вселенная во всем своем многообразии всех миров системы – это тоже только сочетание, связь, единение паузы и импульса и больше ничего. Эта пещера – только определенное сочетание пауз и импульсов. Наш с тобой разговор – только определенное сочетание пауз и импульсов. И ты, и я – только определенное сочетание пауз и импульсов. И больше ничего. То есть, весь аналоговый мир есть иллюзия, созданная цифровой двоичной системой – и больше ничего.

- Получается, что всех можно разделить как бы на программистов и пользователей?

- Ырэа, ты, воплотившись человеком, погрязла в мировоззрении, которое стало свойственно этому типу воплощения. Деление всех на программистов и пользователей – принцип двойственности чистой воды! Каждый, будь то человек, змий, медведь, шакал, лягушка, дерево, ручей, гора, камень, звезда на небе, яичница на сковородке, да все что угодно – постоянно является и программистом, и пользователем, а, кроме того, еще и целым рядом программ, и создаваемыми с их помощью файлами. Но в своей сути все равно остается лишь сочетанием пауз и импульсов, как и все окружающее.

В сознании человеческого воплощения двоичность подменилась двойственностью, мир разделился надвое по разным категориям и запутал человека сим делением. Ведь, как говорить у людей: нет хуже без добра; не было бы счастья, так несчастье помогло. И враг может стать другом, а друг врагом.

Однако человек убедил себя, что решил эту проблему, заявив, что все относительно. К примеру, в системе двойственности мир делится на друзей и врагов. И друг, и враг имеют ряд противоположных характеристик. Но если враг становится другом, то... понимаешь, суть самого индивида от этого не меняется, но пока он был врагом, он был, к примеру, коварным и жестоким, а как только стал другом – тут же «превратился» в благоразумного и доблестного. Человек-«Мудрец» говорит в этой ситуации, что просто все относительно, но никакой относительности нет. Все абсолютно! Ведь не меняется при этом истинная суть того, кто был «врагом» и стал «другом». Не меняются настройки обуславливающие двойственность восприятия.

Почти каждая сущность в человеческом воплощении так или иначе пытается найти путь к абсолюту, а абсолюта – он здесь, он повсюду. Он заключен в единстве двоичности, в единстве сочетаний пауз и импульсов, в единстве сочетаний действий непроявленных и действий проявленных. Ни пауза, ни импульс не являются ни Светом ни Тьмою, ни Жизнью ни Смертью, ни Мужским ни Женским, ни Хорошим ни Плохим, ни Правильным ни Неправильным, ни Другом ни Врагом, ни Добром и ни Злом. То есть, они не могут быть охарактеризованы в этих понятиях.

- Получается, что добра и зла вроде как не существует?

- Как же не существует?! Существует, конечно! В сознании человека. А из него программами и файлами, которые в свою очередь также являются программами и пользователями, проецируется, отражается, рефлектирует на окружающее. И пока человеческое воплощение будет поддерживать систему двойственности, она будет существовать. Да. Добро и Зло – иллюзия, но иллюзия, построенная на реальности сочетания пауз и импульсов. Программа «Добро и Зло» – которая, естественно, одновременно является также файлами, программистом и пользователем – успешно функционирует и очень эффективно, только вот ее эффективность работает не в ту сторону.

- Не согласна. Что, как не борьба Добра со Злом сподвигла человека на создание потрясающего феномена под названием человеческая культура?

- Если рассматривать термин культура в широком смысле, то есть, как все то, что создается человеком, в отличие от того, что создано природой, то этот феномен, безусловно, включает в себя и борьбу Добра со Злом, которая, безусловно, является и поводом, и причиной многого, из того, что натворил человек. Однако осмелюсь предположить, что ты, Ырэа, говоря о феномене под названием человеческая культура, имела в виду в первую очередь произведения искусства, созданные человеком, а так же достижения науки. Я прав?

- Да.

- Так вот, Ырэа, смею тебя заверить, что в данном случае борьба Добра со Злом не является ни причиной, ни поводом, и вообще не имеет ни к искусству, ни к его произведениям, ни к науке, ни к ее достижениям никакого отношения.

- Да неужели!?

- Истинно! Догадываюсь, ты сейчас скажешь, что уж, по крайней мере, искусство отражает эту борьбу. Ырэа! Произведения искусства отражают жизнь и вызывают различные оттенки наслаждения, как в момент создания, так и в момент восприятия. Ты сама художник, так что знаешь это лучше меня. Правда, можно предположить, что закон двойственности, одним из воплощений которого является борьба Добра со Злом, – это ни что иное, как принцип «дать шанс, лишив возможности» в действии, и борьба Добра со Злом как раз таки то, что призвано лишить возможности и дать шанс. Но это ошибочное предположение. Сейчас объясню почему. Правда, получится только в виде примерной схемы.

Итак, воплощаясь в мирах за пределами Вселенной, сущность, претерпевая ряд количественных преобразований по восходящей, то есть, увеличивая свой объем и мощностъ, в конце концов, преобразуется качественно, переходя на более высокий уровень. Происходит это за счет того, что, присоединяя к себе нечто и делая это нечто собою, личность постепенно отодвигает вглубь предел, за которым ее существование, как личности, невозможно. В случае же с человеком, все обстоит совершенно иначе. А насколько иначе, можно проследить даже на самом банальном чисто бытовом уровне. Но сначала схема. Думаю, ты и сама сможешь уловить ее действие на самом банальном, самом очевидном человеческом уровне.

Итак, двойственность восприятия человека создает такие условия, при которых увеличение объема и мощности не отодвигает вглубь предел его личности, а наоборот! Этот предел, как поплавок, который поднимается вместе с поднятием уровня воды и, сколько ее не набирай, продолжает оставаться на поверхности.

Посмотри на людей! Возьми любого среднестатистического человека и заведи у него его материальное имущество и общественное положение! Что с ним станет? Не абсолютно с каждым, конечно же. Но те, на кого это не подействует, либо подействует в минимальной степени – это просто воплощенные людьми личности достаточно высокого уровня.

- Я поняла.

- Вот видишь! Само собой, существуют воплощенные людьми, которые преобразуются совершенствуясь, но это исключения. Это – личности, изначально имеющие достаточно высокий уровень и, если и подверженные двойственности восприятия, то лишь в минимальной степени.

Когда ты сама шла на костер, ты не считала себя жертвой Зла, и шла ты на костер не во имя Добра. Ты шла на костер ради преобразования.

Помнишь, что сказал мне Радный, прежде чем покинуть Вселенную и отправиться в сферу высших? «Страх и боль силы. Любые силы или ослабляют или придают мощь. Вопрос лишь в том, как их направить. Я знаю, как направить страх и боль».

Знаешь, почему его заявление оказалось таким действенным для меня, хотя и не смогло убедить полностью? Я понял, что он владеет законом двоичности и чужд двойственности. По закону двойственности, страх и боль – Зло, с которым следует бороться во имя Добра. А по закону двоичности страх и боль – силы, которым, зная закон двоичности, можно задавать нужное направление.

- Кажется, поняла...

- Хорошо. А теперь немного вроде как отвлечемся и поговорим о том, что же есть Знание. Ведь владение информацией не есть Знание. Оно может перерасти в Знание при определенных условиях, но само по себе Знанием не является.

Владение информацией – это наличие кода доступа к Источнику, но, если он есть в наличии, это вовсе не значит, что тот, кто имеет его, обязательно сможет его расшифровать и воспользоваться им. Из Знания при желании всегда можно извлечь информацию, а вот превратить информацию в Знание можно далеко не всегда даже при самом жгучем желании.

Информация существует и передается посредством каких-либо символов. Знание действует непосредственно. Единственные символы знания – это пауза и импульс.

К примеру, любое изображение на мониторе компьютера – это информация, а паузы и импульсы, которыми она воспроизведена – Знание. Без Знания нет информации, но Знание способно существовать само по себе, не воплощаясь в информацию. При этом наличие информации не гарантирует владение Знанием. То есть, Знание, воплотившееся в информацию, есть, но владение информацией вовсе не гарантирует доступ к Знанию.

- Мне об этом не раз уже рассказывали, и я, кажется, понимаю, чувствую эту разницу, но все же, что называется, лишь спинным мозгом.

- Простой пример: тебе нужно перейти на другую сторону авто-трассы с оживленным движением. В большинстве случаев люди это делают весьма успешно, не задумываясь, принимая решения в доли секунды. В данном случае они руководствуются Знанием, которое называют наитием.

А теперь представь, что тебе предложена математическая задача на ту же тему. Представь, сколько понадобится данных, дабы произвести точные вычисления, и сколько времени на формулирование условия и сами вычисления! За это время на реальной автотрассе ситуация поменяется много раз. Это есть информация, которая в реальной ситуации оказывается совершенно бесполезной.

К тому же, ни одна математическая задача, сформулированная с самым тонким учетом всех возможных данных, никогда не учтет очень важной, а в реальной ситуации, подчас, решающей вводной: психологического состояния водителей, сидящих за рулем мчащихся автомобилей.

Безусловно, владение информацией физических и математических законов помогает человечеству в создании правил дорожного движения, направленных на обеспечение безопасности, но в реальной ситуации владение этой информацией, мягко говоря, малоэффективно, и лишь Знание способно предотвратить гибель или увечья. В реальной ситуации ученый, владеющий информацией математических и физических законов, и обычный человек, благополучно давно забывший все, что ему пытались сообщить в школе, находятся в равных условиях.

При этом, владея Знанием, как перейти дорогу, его можно сделать информацией, то есть облечь в словесные или математические символы и передать другому. Однако тот другой вовсе не обязательно превратит эту информацию в Знание. Все пешеходы знают правила дорожного движения и, тем не менее, сколько их попадает под машины? Трагические стечения обстоятельств? Да! Конечно же! Только стекаются они столь трагично лишь потому, что в данный момент данный человек не владеет Знанием.

- То есть Знание – это наитие?

- Знание – это пауза и импульс сами по себе. То есть, Знание – это то, что на самом деле происходит в компьютере, когда на мониторе появляются те или иные символы, то есть информация. Человек создавал компьютер по образу и подобию собственного мозга. Таким образом, мозг

– это компьютер, в котором происходят точно такие же процессы, как и в компьютере, созданном по его образу и подобию. А сознание – монитор, на который выдаются те или иные символы, то есть информация, с которой затем работает ум. То есть, получается, что осознавать человек может только информацию и оттого у него создается иллюзия, словно мир функционирует не в цифровом, а в аналоговом режиме. А, как ты, надеюсь, понимаешь, аналогового режима не существует в принципе – это иллюзия в чистом виде. Человеческое сознание работает только с информацией, а потому человек ни при каких обстоятельствах не осознает Знания, и поэтому Знание можно назвать наитием.

- Так значит, Знание в любом случае недоступно человеку?

- Почему же? Доступно, притом всегда. Нужно лишь перестать пытаться пользоваться умом там, где это излишне и создает помехи. Ты же, переходя дорогу, не пытаешься точно измерить скорость автомобилей, силу трения, зависящую от состояния дорожного покрытия и качества автомобильных шин, силу и направление ветра, при этом учесть гравитацию, инерцию, а потом произвести целый ряд вычислений, чтобы определить скорость, с которой нужно двигаться тебе, чтобы не попасть под машину? Знание доступно всегда, когда его не пытаются преобразовать в информацию. Да. Без преобразования в информацию оно недоступно сознанию.

- Я так понимаю – это одно из воплощений принципа дать шанс, лишив возможностей?

- Верно!!! Притом, самое главное и основополагающее. Сознание лишено возможности непосредственного доступа к Знанию, и у воплощенного в человеке есть шанс укреплять свою устойчивость и развиваться, качественно преображаться за счет постоянной необходимости осознавать Знание через преобразование его в информацию и пользоваться информацией как кодом доступа к Источнику, за счет применения принципа двоичности, где пауза соответствует знанию, а импульс – информации.

В критических ситуациях человек достигает особого состояния, когда перестает пользоваться сознанием и действует на основании непосредственного Знания. Потом он все пережитое переводит в информацию и, утратив то особое состояние, вместо того, чтобы сделать эту информацию для себя эффективным кодом доступа к Источнику, применяет к ней принцип двойственности, начиная оценивать, что им сделано правильно, а что неправильно, то есть, грубо говоря, что есть Добро, а что – Зло. Таким образом, силу, которую можно было бы заставить работать на себя, он заставляет работать против себя. В момент особого настроения, позволяющего действовать человеку на основе Знания и, соответственно, с максимальной эффективностью, человек пребывает целостным, не расчлененным принципом двойственности, то есть вне Добра и Зла, и лишь это дает ему возможность выжить, то есть успешно справиться с обстоятельствами. Если бы он мог и в дальнейшем оставаться в этом же настрое, то, преобразовав в информацию пережитое Знание, он из этой информации смог бы сделать эффективный для себя код доступа к Источнику.

- А что такое Источник?

- Источник – это Источник. Это Источник особой энергии, которая запускает в энергетической структуре механизм преобразования. И не просто преобразования, а качественного преобразования, которое ведет к коренной трансформации энергетической структуры, к ее совершенствованию, к повышению уровня личности. Источник находится в самой энергетической структуре. Великий или высший, пребывающий в человеческом воплощении и открывший к нему доступ, тем самым разрушает барьер забвения. Ему становится доступным все, накопленное им Знание, правда, это вовсе не значит, что все оно может быть переведено в определенные символы и стать доступным сознанию – возможности человеческого мозга безграничны.

Так вот, владение информацией вовсе не гарантирует владение Знанием. Именно поэтому, если человечеству просто рассказать о двойственности и двоичности, ничего не произойдет – кодировка человека не поменяется, и программа «Добро и Зло» успешно продолжит свою работу. Ничего не изменится, даже если человечество свято в это поверит.

- И что же в таком случае нужно делать?

- Нужно нащупать суть настройки человеческого сознания, которая заставляет человека воспринимать мир как борьбу Добра и Зла. Если ты заметила, закон двойственности, кроме человека, больше никого на Земле не затрагивает.

- А по-моему, борьба за существование – это закон двойственности в действии.

- Только человек считает, будто питаться плотью другого существа – это зло, что, впрочем, не мешает ему сим успешно заниматься. Лев же просто стремится утолить свой голод, что диктует ему инстинкт самосохранения, а антилопа просто спасает свою жизнь, тоже согласно инстинкту самосохранения. Между тем животные и растения, как и человек, испытывают горе и радость, страх и безмятежность, боль и блаженство. Человек в этих состояниях находит «извечную борьбу Добра и Зла», в которую и ныряет с головой, а для другого существа эти ощущения – надежные советчики в принятии решений и ничем иным не являются.

- Мне Зив и Лоренц говорили, что главная беда человечества в том, что человек не принимает в расчет животных и растения.

- Очень правильно говорили. Тем же принципом двойственности человек отделил себя от остального мира. Противопоставление «Человек и Природа» – не просто слова – это разделение тока энергий. Если эти токи соединятся – принцип двойственности рассеется. Если принцип двойственности рассеется – соединятся эти токи. Все взаимосвязано.

Все взаимосвязано принципом двоичности. И этим же самым принципом двоичности завязано на кодировке человека, как воплощения. Мы постепенно меняем кодировку человека, входя периодически в это воплощение и задавая новую поведенческую матрицу. Изменения кодировки, вносимые таким путем, происходят очень медленно.

Одна из причин состоит в том, что новая поведенческая матрица, которая постепенно меняет стиль жизни людей, а соответственно, и их кодировку, внедряется в человечество десятилетиями, а то и веками. Другая причина – изменения кодировки подобным путем получается производить очень и очень постепенно, поэтапно, и каждый этап – это сдвиг, как говорится, на миллиметр. Есть и третья причина, которая заключается в том, что великие не змии не способны действовать с той же эффективностью, как и мы, а на нас, помимо глобальной проблемы под названием человек, лежит благополучие всей системы миров Вселенной.

Да, все локальные законы Вселенной, а тем более Глобальные Законы Мироздания работают сами по себе. Их ненужно поддерживать, но их нужно контролировать и периодически направлять, ведь они в большинстве своем безличны, а потому им все равно, как, к примеру, электрической мясорубке все равно, что перемалывать: кусок мяса или палец домохозяйки.

- Я поражаюсь твоей осведомленности о современной жизни людей.

- Я не знаю всех частностей, но общую картину представляю себе гораздо лучше, чем сами люди, ведь я – змий. К тому же я – высший. А, кроме того, в данный момент нахожусь в змиевом воплощении, которое дает мне немалые преимущества по сравнению с любыми другими воплощениями Вселенной, ведь оно почти не подвержено силе, лишаящей возможностей. Так что удивляться тут нечему. Пожелай ты воплотиться здесь не человеком, а змием, ты, возможно, и больше моего бы знала, ведь я давно не был в невоплощенном состоянии, а значит, на мне накопилось довольно много наслоений. Говоря по-человечески, глаз замылился.

Так вот, главное – это изменение кодировки человека. Звучит все очень просто: нужно всего-навсего перевести настройку человека с двойственности в двоичность – только и всего. Поначалу очень обнадежили успехи людей в создании техники с использованием закона двоичности, но мы весьма погорячились, рассчитывая, что человек тут же догадается, что и Вселенная построена по этому же принципу, а затем сможет превратить эту информацию в Знание. Тогда настройка изменилась бы сама собой, закон двойственности рассеялся бы.

Пойми, Ырэа, на самом деле человек – это потрясающая победа, и в то же время человек – это катастрофический провал. Надеюсь, пока. И все же, хоть подмена человеком двоичности двойственностью и стала камнем преткновения, тем не менее, само формирование и укрепление энергетической структуры происходит с помощью Вселенной куда эффективнее, чем в других мирах Мироздания.

- И чем же это хорошо?

- Хорошо и плохо – это принцип двойственности, Ырэа. Так что, то, что происходит во Вселенной – это не хорошо и не плохо – это эффективно, это есть.

- Тогда зачем это нужно?

- Если бы оно было не нужно, то рассеялось бы само собой.
- Если так рассуждать, то и двойственность тоже нужна, раз не рас-
сеивается.

- Конечно, нужна! И я даже скажу тебе, кому она нужна.

- И кому же?

- Людям, конечно. И пока она им нужна, она не рассеется.

- И это не хорошо и не плохо?

- Безусловно!

- Но тогда зачем же от нее избавляться?

- А затем, что она имеет обратно направленную эффективность, то есть, она более чем эффективна в пресечении качественного преобразования, направленного на совершенствование сущностей воплощенных человеком.

- Может, просто попытаться поменять направление ее эффективности?

Пэфуэм рассмеялся:

- Ырза! Истину глаголешь! Именно то и пытаемся сделать! Дело в том, что двойственность с другим направлением эффективности – это двоичность: двойственность – разъединение; двоичность – соединение!

- Если я правильно поняла, ты рассказал мне все, что хотел?

- Да.

- И что будем делать дальше?

- Я думал, что у тебя будут еще вопросы.

- Нет. Вопросов у меня больше нет. Точнее, они есть, но я пока не могу их сформулировать.

- Тогда, давай летаем над Землей.

- Знаешь, я как-то не совсем одета для выхода в свет.

- Вот незадача! Кстати, а как ты думаешь, что больше шокирует людей, если они вдруг нас увидят: дама, появившаяся обнаженной в общественном месте, или тридцатиметровый крылатый змий?

Ира рассмеялась.

- Пэфуэм, а у тебя с чувством юмора все в порядке, однако.

- Знаешь, Ырза, действительно, никогда не жаловался!

- Я, вообще-то, имела в виду, говоря, что не одета, лишь то, что могу замарзнуть.

- Тебе разве холодно?

- Нет.

- Ты под моей опекой сейчас, и потому тебе не холодно здесь, в пещере, и не будет холодно даже в Антарктиде.

- Понятно.

- Вообще-то, выбор за тобой. Я могу просто тупо и банально отнести тебя к твоему дому, так как сама ты дорогу вряд ли отыщешь. А могу прокатить над всей Землей, а потом закинуть в точку выбора, из которой ты сможешь по собственной воле либо вернуться домой и дальше жить как Палладина Ирина Борисовна, либо принять змиево воплощение и пожить во Вселенной под своим змиевым именем Ырза, либо

принять любое другое, из возможных в системе миров Вселенной, воплощение, либо покинуть Вселенную и вернуться в сферу высших. В этой точке ты не будешь человеком, и над тобой не будет довлеть ничего человеческого, а потому – это будет твой истинный выбор. Решай. Я подчинюсь любому твоему желанию.

Ира задумалась.

- Давай-ка вокруг Земли, а потом в точку выбора.

- Не страшно?

- Страшно.

- А как, по-твоему, страх – это зло?

- Нет. Страх – это предвкушение неизвестности. По крайней мере, тот, что я испытываю сейчас.

- Тогда полетели!

- Подожди, один вопрос.

- Давай.

- А люди тебя не видят?

- Если хочешь, чтобы в свет вышла новая порция сенсационных статей и опровергающих их научных работ, можем прикола ради приземлиться, скажем, на Красной Площади в Москве. Хотя нет. В Москве сейчас темно. Лучше у Белого Дома в Вашингтоне.

- Понятно. Прикалываться не будем. Не хочется, конечно, лишать хлеба журналистов и ученых, но пусть лучше более актуальными проблемами занимаются.

- Пусть занимаются. Ты права. Так что? Полетели?

- Полетели!

- Тогда садись.

Пэфуэм пригнул шею к самой земле.

- Не бойся! Не свалишься в любом случае. Я ведь змий, а не лошадь и не самолет, а значит, полная безопасность гарантирована.

Ира вскарабкалась на него и стала пытаться усесться верхом. Тело Пэфуэма оказалось слишком широким для этого, а Ира не умела садиться на шпагат.

- Усаживайся, как тебе удобно. Я же говорю: я не лошадь и не самолет, не свалишься в любом случае. Я чувствую тебя, так что сможешь даже менять положения во время полета, и ремни безопасности тебе не понадобятся. Кстати, если хочешь, можешь и улечься.

Ира вняла совету и разместилась на его спине с максимально возможным комфортом.

Пока Ира общалась с Пэфуэмом, она не особо обращала внимание на его габариты – просто не до того было. Теперь же, увидев его, что называется, во всей красе, она ума не могла приложить, как такая махина очутилась в этой пещере и как собирается из нее вылезать. Правда, теперь стало понятным, почему на подступах отсутствует лес. Еще поразило Иру то, что сидеть на камнеподобных чешуйках, величиной с ладонь каждая, оказалось на удивление удобно и даже как бы мягко.

- Я могу моделировать твои ощущения, – пояснил Пэфуэм.

- Ощущения можешь, а настрой, или кодировку, или... ну, в общем, ты понял что, нет? – ехидно спросила Ира.

- Ощущения – это сигналы от органов чувств. В их моделировании нет никакой сложности. Я посылаю тебе сигналы соответствующих параметров, твои органы чувств улавливают их, как антенны, а мозг преобразует в соответственные ощущения – все просто. А настройка – это особые категории личностных энергий, особые коды. На них можно влиять, но моделировать – нет.

- Ясно.

Тем временем Пэфуэм пробирался к выходу из пещеры и делал это столь изощренно, что Ира не уставала дивиться его изысканным движениям.

- Телу змия доступно очень многое – как-никак для себя создавали, – не без гордости прокомментировал Пэфуэм.

За пределами пещеры уже царилась ночь.

- Куда летим? – спросил Пэфуэм, остановившись у самого выхода.

- Навстречу солнцу, – ответила Ира.

- Как скажешь, – проговорил Пэфуэм и взмыл в небо.

Глава 52

Точка выбора

Над безлюдными территориями Пэфуэм летел очень низко и медленно, над поселениями людей взмывал в самую высь и несся с бешеной скоростью – Ира с трудом различала лишь вереницы огоньков внизу.

- Так значит, люди могут видеть тебя? – спросила Ира.

- Конечно, могут, если я вхожу в зону их восприятия, – ответил Пэфуэм.

- А пламя изрыгать можешь?

- А как же!

Они пролетали над каким-то городом. Пэфуэм взял чуть левее и, как только город окончательно скрылся в темноте, выпустил из пасти целый сноп золотисто-красного огня, после чего вновь поменял направление.

Над горизонтом стали появляться первые лучи солнца.

- Где мы?

- Над Памиром. Извини, насчет посадки у Белого Дома, это, как ты понимаешь, была шутка, так что, когда станет совсем светло, будем лететь только там, где нет населенных пунктов. Можно было бы, конечно, лететь повыше, но там ты не сможешь нормально дышать.

- Да, конечно. Я понимаю. Кстати, а как насчет самолетов?

- Все их коридоры я знаю, а радары меня не засекают.

- Что-то вроде противорадарной установки?

- Угадала.

- Это я по аналогии с моими органами чувств. Ведь если ты на них воздействовать можешь, так чем радары хуже?!

- Верно.

- Слушай, но ведь ты тогда должен уметь и для людей невидимым становиться, даже если находишься в зоне их восприятия?

- Догадливая! Я и становлюсь, если при этом не нужно по ходу одной даме создавать оптимальный температурный режим и комфортные тактильные ощущения, следить, чтобы она на землю не свалилась и чтобы не испытывала неудобств во время общения, то есть, чтобы ей не приходилось кричать и прислушиваться. Возможности в зоне человеческого восприятия у меня, конечно, широкие, но отнюдь не безграничные.

- Извини.

- Да ладно! Есть хочешь?

- Не отказалась бы. А что, можно?

- Сейчас попробуем, – Пэфуэм взял круто влево, и вскоре они уже летели над океаном.

- Слушай, либо я ничего не смыслю в географии, либо ты через проходы проскакиваешь.

- Не без этого.

Пэфуэм спланировал над одним из небольших островов и плавно опустился на морской берег.

- Пэфуэм, а кто проходы сделал?

- Предлагаешь выдвинуть на соискание Нобелевской премии? Никто их не делал. Сами собой получились. Вначале хотели залатать, а потом поняли, что с ними даже удобнее.

Ырээ, творчество – это сложное многоуровневое преобразование энергий. Человек, занимаясь творчеством, делает то же самое, вот только не может проследить все уровни преобразования энергий вплоть до двоичного. Основное творчество человека, так или иначе, связано с преобразованием так называемой материи, но и материя, и составляющие ее вещества – тоже энергии. Воплощение человек приспособлено к такому творчеству.

Мы же в своем творчестве не занимаемся преобразованием материи и вещества так, как это делает человек. То есть, создавая, к примеру, планету, мы не лепим и не ваем – мы преобразуем энергии совершенно иным образом, и планета создается как бы сама собой. А поскольку это творчество, заранее никто не знает, что в конечном итоге получится. Мы не занимаемся мастерством и, тем более, серийным производством – эти функции, если они становятся необходимы, возлагаются на безличные энергии, как, допустим, в клепании форм единого образца для воплощений.

Так вот, каждое наше творение уникально, а потому его конечный результат непредсказуем. Понимаешь, энергии, которые мы преобразуем, само собой, не осознают себя так, как мы с тобой, и не имеют воли, но они живые, они способны влиять на процессы в соответствии с естественными законами, которыми управляют. Получается так, что они становятся как бы соавторами творения, направляя и перенаправляя изначальные идеи преобразования своим поведением в преобразовании. А привнесенные их влиянием детали, зачастую лишь кажутся досадными просчетами.

- Все гениальное – следствия ошибок?

- Что-то вроде того. Однако я собирался тебя накормить.

Пэфуэм, не сходя с места, обшарил, как показалось Ире, по меньшей мере, чуть ли не половину острова и устроил ей целый пир.

- Если честно, Пэфуэм, я все же не до конца понимаю закон двоичности, то есть вроде как понимаю, а вроде как и нет.

- Это – нормально. Ты ведь нынче человек, а значит, находишься в сфере действия человеческих настроек. Попытаюсь объяснить тебе, но не расстраивайся, если и после этого непонятки останутся. Итак, исходная двоичность имеет свое отражение во всем, что ею создано, а так как ею создано абсолютно все, то вообще во всем. В жизнедеятельности существа, пауза, то есть действие непроявленное, отражается в состоянии осознания, то есть очувствования, осмысления, а импульс, то есть действие проявленное – в выполнении решений и замыслов, сформированных действием непроявленным, то есть паузой. В свою очередь, пауза и импульс, отраженные в жизнедеятельности человека как осознание и действие, также раскладываются на паузу и импульс. Так, к примеру, пауза-осознание как пауза – это тишина ума и доступ к Знанию, а как импульс – это деятельность сознания по переработке Знания в информацию, и работа с самой информацией. Так же раскладывается все до бесконечности вглубь.

- То есть, самих изначальных паузы и импульса как бы и не существует?

- Верно, так как любая пауза раскладывается в свою очередь на определенное сочетание пауз и импульсов, и любой импульс раскладывается на определенное сочетание пауз и импульсов. И так до бесконечности. И на этом принципе построено единство. Паузы и импульсы не борются между собой, а соединяются в определенном порядке, дабы образовать более сложную паузу или импульс. Так получают паузы и импульсы разных порядков. Ну а как из их сочетаний получают кажущиеся аналоговыми объекты, ты примерно представляешь себе по аналогии с работой компьютера. Это тоже сказка, так как адекватно человеческим языком объяснить это невозможно. Впрочем, кроме сказок, я тебе ничего и не рассказывал. Все это лишь способ говорить о вещах вне человеческого адекватного понимания умом, который, работая, как и все, в двоичной системе выдает лишь кажущиеся аналоговыми символы. Ырэа, ты точно знаешь, как осуществляется работа с информацией в компьютере, так?

- Так.

- Ты знаешь, но при этом ты осознаешь это, когда работаешь?

- Нет. Я поняла, о чем ты.

- Вот, видишь, лежит камень. Я говорю камень, и ты адекватно понимаешь, что это. Для тебя это конкретика, реальность. Этот камень есть энергия, есть программа, записанная в двоичной системе, а также файл, программист и пользователь. А вот это для тебя сказка. Сказка, потому что такое описание не дает тебе адекватного представления, о чем я говорю. И все же вся информация об этом камне, которую ты

получаешь через органы чувств, и которую твой мозг преобразует в ощущения соответствующего конкретного предмета, – это иллюзия, созданная тем, описание чего для тебя является сказкой. Но именно то, что говорится сказкой и есть реальность, а то, что для тебя выражается конкретными объектами, субъектами и их действиями, лишь иллюзорное проявление реальности.

- ...и сознание человека под действием человеческой настройки преобразует двоичную реальность в двойственную иллюзию?

- В точку. Есть еще хочешь?

- Нет. А что это за остров?

- Это – заповедный остров. Он недоступен людям, хотя, вроде как, и находится в зоне их восприятия. Недоступен, потому что попасть сюда можно только через системы проходов. Насколько я знаю, ты уже бывала в таком месте?

- Да. Приходилось.

- Видишь ли, пока мы занимаемся рассеиванием двойственности человеческого восприятия, он сам, того и гляди, развеет среду своего обитания. Вот и создаем неприкосновенные уголки на всякий случай. Если что, по кодам, хранимым здесь, будет легче все восстановить, чем создавать с нуля. Летим дальше?

- Да. Полетели.

Пересекая по воздуху земное пространство обычным способом и через проходы, они постоянно попадали в разные часовые пояса, что лишало возможности понять, сколько раз Земля полностью обернулась вокруг своей оси, прежде чем экскурсия по закоулкам планеты подошла к концу.

- Пэфуэм, а где находится точка выбора?

- Это не пространственная точка. Ты готова?

- Да.

- Тогда занимай свое место.

- Что-то вроде прощального круга? – спросила Ира поднимаясь с камня на котором сидела.

- Вроде того. Неужели ты действительно не боишься?

- Все, что положено сделать человеку на Земле, по крайней мере, в его собственном понимании, я уже сделала. Я боюсь неизвестности и боли, но еще более того, я хочу понять, что должна делать дальше. Мне, на самом деле, до ужаса хочется просто вернуться домой, но я знаю: потом я буду вечно сожалеть, что не воспользовалась шансом понять.

Нечто уже завершилось и точка уже поставлена. Я не знаю, что делать дальше. Мне все равно, где и как будет это дальше, я лишь знаю, что его не будет вообще, если я просто вернусь домой. Нет, тогда, конечно, тоже будет какое-то дальше, но не думаю, что это будет то дальше, ради которого я враскоряку ползла по висячему мостику, ради которого я голая, без фонаря блуждала за странной гадюкой в пещере.

За последнее время мне рассказали слишком много сказок и, если они для меня так и останутся сказками, я хочу понять, почему. Я не верю, не могу поверить в то, что я какая-то там высшая сущность, что

я уже жила на Земле в облике дракона. Но более всего я не верю в то, что способна что-либо изменить здесь. Зато я точно знаю, что смогу изменить себя, свое восприятие, но для этого мне нужен толчок.

Пусть эти изменения приведут меня в небытие – я даже на это согласна. Я на все согласна! Единственное, на что я не согласна, так это тупо ползти враскоряку по висячему мостику в обратном направлении, а если я просто вернусь домой – только это мне и светит. Так что, я готова. Я была готова еще до того, как гадюка повела меня в твою пещеру.

- Я знаю. Полетели?

- Да.

Ира с намерением взобраться на Пэфуэма подошла к нему, но вдруг остановилась.

- Подожди. Меня с самого начала нашей встречи не покидает ощущение, что я должна задать тебе еще один вопрос.

- Так почему же ты его не задаешь?

- Видишь ли, он находится в сфере праздного любопытства, а тот, кого ты назвал Джагэ, приложил массу усилий, дабы отучить меня удовлетворять его.

- Если тебе так хочется задать этот вопрос, с чего ты решила, что это праздное любопытство?

- Я спрашивала об этом у Джагэ, и он сказал мне, что важен сам факт прозрения, а не то, что прозревший увидел в момент прозрения.

- Он, безусловно, прав. И все же, я жду твой вопрос!

- Гиала – Гаэма – посоветовала мне как-то прогуляться по одной дорожке в определенное время. Там я увидела густой золотистый свет, войдя в который, почувствовала, что он исходит вроде как от меня. Потом я не раз погружалась в этот свет, становилась этим светом.

- Что???!!!!...

Пэфуэм застыл в крайней степени потрясения и изумления. Ира не ожидала, что ее «праздный вопросик» произведет на него такое впечатление, и тоже застыла в не менее высокой степени потрясения и изумления.

- Не может быть... – тихо проговорил Пэфуэм через целую вечность тишины. – Теперь я понимаю, почему он нашел именно тебя... Может быть даже... Нет... такого быть не может...

- Пэфуэм... я... я не понимаю... ведь Женечка... он сказал...

- Он не способен это ЗНАТЬ. Это ЗНАНИЕ находится за пределом. За пределом, переступив который любая личность, кроме высшей, прекращает свое существование.

- Но ведь Гиала...

- Она всего лишь выполняла твою просьбу.

- Но ведь она знала, куда и когда я должна была идти?

- Ничего она не знала и не знает. ЭТО не имеет никакого отношения ко времени и пространству. То, что воплотилось для тебя, как для человека, густым золотистым светом, находится вне времени и пространства, и найти ты ЭТО могла где угодно и когда угодно. А то, что Гаэма посоветовала тебе сделать, должно было лишь направить тебя, как человека, на поиски и отвлечь человеческое.

- Но что ЭТО?

Молчание воцарилось надолго, но все же через некоторое время Пэфуэм заговорил:

- Знаешь, у людей есть обычай: там, куда человек хочет непременно вернуться, он оставляет что-нибудь. Что-нибудь, имеющее некоторую – не особо высокую, правда – цену. Монетку, к примеру.

То, что оставила во Вселенной ты... Пойми! Я не могу тебе ЭТОГО объяснить! Ведь ЭТО не то что человеческому сознанию – ЭТО недоступно даже великим, даже вне воплощения!

ЭТО – часть тебя! ЭТО – ты сама! ЭТО – нечто из самых твоих глубин, лежащих за всеми мыслимыми и немыслимыми пределами.

Ырэа! Далеко не все миры, которые рассеялись, рассеялись лишь потому, что стали никому не нужны, лишь потому, что их некому стало поддерживать. Бывает – и не редко – что миры рассеивают намеренно. Недовольных существованием Вселенной хоть отбавляй. Я считал, что мы – змии – как никто до нас храним созданный нами мир. Но, оказывается, это не так.

То, что ты здесь оставила, способно сохранить все, что угодно. Такое бывает настолько редко, что можно сказать, что почти никогда не бывает, потому что высший не испытывает нужды что-либо сохранять. И еще потому...

Это невозможно описать...

Это не причиняет вреда. Это не жертва. Это не больно. Это не страшно. Это не является чем-то неприятным. Но при всем при этом, это...

Это невозможно объяснить. Скажу лишь одно:

Я тут намеренно рассказывал тебе, как я ЛЮБЛЮ Вселенную, как отдаю все силы для ее благополучного существования. И все это действительно так, без малейшего преувеличения. Но... Я бы никогда, ни за что не сделал бы того, что сделала ты. Даже если бы знал, что мое любимое дитя завтра рассеется без следа...

А я еще дивился, когда ты решила создать в себе искусственный предел! Что там искусственный предел, если ты...

Они еще некоторое время молча смотрели друг на друга, а потом Ира сказала:

- Ну что? Полетели?

- Как скажешь...

- - -

Холодно. Хлещут струи воды.

«Рано... Всё назвать или потеряю...».

Холод и струи воды стерлись.

«Предназначение... Цель... было – НАЙТИ... стало – ПОНЯТЬ...

Нашла: СВЕТ. Назовем ЭТО – СВЕТ. Какая разница как? Пусть будет СВЕТ, раз я чувствую ЭТО, как свет.

Понять: Радный. Радный и я.

Нашла: человеческое.

Понять: Генка.

Я потом в этом запутаюсь... неважно... хоть как-то назвать... или потеряю...

Нашла: «некое средство».

Понять: Женечка и Гиала.

И еще... нет... всё не смогу... это главное:

Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала.

Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала.

Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала.

- - -

Всё и Ничто, в причудливой последовательности сменяя друг друга, плавно трансформировались в отчаянный стук дождя за окном, из которого материализовались в тактильные ощущения, которые подсказывали, что есть верх и низ. Сверху одеяло, навверное. Снизу, навверное, кровать. В мозгу стучит: «Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала». «О чем это? Потом разберемся...». Боли нет, так что тело, скорее всего, в целости и сохранности. Но хоть как-то пошевелиться кажется чем-то совершенно невозможным – оно, то есть тело, вроде как свое, а вроде как и нет. «Надо хотя бы открыть глаза». Веки с ресницами словно весят по нескольку тонн. Нет, весят они, как положено, просто, «нужно вспомнить, как открывают глаза». «Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала». «Нужно заставить себя открыть глаза. На счет три... Ну... Раз, два, три». Глаза открылись без усилий. В ногах сидит Женечка с серым каменным лицом и смотрит в никуда. Ира приковала к нему взгляд. Он почувствовал и повернулся к ней.

- Ирка!!! Сволочь!!! Гадина!!! Ты меня со свету сживешь!!! – прогрохотал Женечкин вопль.

- Я тоже очень рада тебя видеть, Женечка.

- Ты как? – спросил он с какой-то особенной, вовсе ему несвойственной теплотой.

- Мне кажется, ты лучше знаешь. Что со мной было?

- Что-что! То же самое, что и год назад. Сгинула напрочь.

- А потом, как ни в чем не бывало, оказалась в своей кровати?

- Не-а... Твое тело, облаченное в костюм Евы, Зив с Лоренцем вчера вечером нашли в саду недалеко от двери прохода. Хорошо еще Татьяна Николаевна не напоролась – у нее бы точно инфаркт был. Лежит, ни дать ни взять, трупик под дождем.

- А давно дождь идет?

- Давно... – неопределенно ответил Женечка.

- Слушай, Жень, у меня такое ощущение, что я, как минимум, пару дней проваляюсь – слабость жуткая. Помнишь, у тебя книжечка была «Драконы. Миф и реальность»? Можешь мне ее почитать принести?

- Не вопрос. Принесу, конечно. Так. Надо Лешке твоему позвонить – он уже с ума сходит и моим байкам про твою дикую занятость не верит.

- Чего это он? Знает же, что это вполне в моем репертуаре!

- А ты сама-то представляешь, сколько отсутствовала?

- А сколько?
- Ты какого числа на Ажек умотала?
- Вроде четвертое сентября было.
- А сегодня пятое! Только не сентября, а... но-яб-ря!
- Ни...
- Вот-вот! Я тоже два месяца кряду матерился!

Женечка принялся набирать Лешку. Необходимыми для разговора по телефону силами Ира не обладала и просто подала голос, чтобы Лешка успокоился, а также выслушала его «приветствия», ничуть не уступавшие по эмоциональному накалу Женечкиным. Как только Женечка убрал трубку от ее уха (сама держать телефон Ира не могла), в дверь постучали:

- Прошу прощения, я, кажется, слышал разговор, – сказал отдаленно знакомый голос и в спальню вошел Аристарх Поликарпович.

- Аристарх Поликарпович! – обрадовалась ему Ира.

- Не вставайте, Ирочка, Вам сейчас нужен полный покой, – впрочем, он напрасно волновался: Ира не то что привстать, а и пошевелиться пока не могла. – Мне сообщили о том, что с Вами случилось, я и явился, ну а теперь, когда все в порядке, разрешите откланяться.

- Аристарх Поликарпович! Вы, никак, на меня обиделись!

- Отнюдь, Ирочка. Я всего лишь знал, что делать в данном случае, вот меня и позвали вчера, когда нашли Ваше тело. Ну а теперь Вы в моих услугах больше не нуждаетесь. Тело в полном порядке, а раз Вы в него вернулись, значит, ему больше ничего не угрожает.

- Ну да! – сострил Женечка. – А что может угрожать телу Палладиной в большей степени, чем сама Палладина?

- И то верно! – улыбнулся Аристарх Поликарпович. – Не обижайтесь, Ирочка, мне действительно нужно восвояси. В отличие от Вашего, моему телу, кроме меня самого, уже давно угрожает то, что непременно следует за старостью.

Тут над фигурой Аристарха Поликарповича появился взволнованный Влад.

- Ира! Ты жива!

- Молодой человек, Ирочка-то, конечно, жива, но это вовсе не значит, что у нее достаточно сил для общения со всеми нами, – с доброй улыбкой отчитал его неумный порыв Аристарх Поликарпович.

Но не успел Аристарх Поликарпович приструнить Влада, как в спальню с не менее радостными воплями влетел Генка, а между его ног просочился Лоренц и запрыгнул на кровать. Ира задумчиво смотрела на всех пятерых, пока они с облегчением, вызванным ее возвращением к жизни, препирались, и в какой-то момент, как в смутном воспоминании, увидела пятерых исполинских и величавых драконов. «Интересно, а кто-нибудь из них помнит себя змием? Аристарх, скорее всего, помнит. Женечка, видимо, тоже, но, возможно, смутно. Влад, конечно же, нет, хотя не исключено, что пройдет лет десять-пятнадцать, и вспомнит. Генка? Сложно сказать. Все-таки, наверное, смутно помнит. Помнит же он свои прошлые человеческие жизни? Лоренц? Этот, думаю, помнит наверняка».

- Так, молодые люди! – повысил голос Аристарх Поликарпович. – И не люди тоже! – добавил он, строго взглянув на Лоренца. – Мы с вами тут совершенно лишние – пойдемте! – сказал он и увлек за собой Генку с Владом, а Лоренц, хоть и нехотя, но поплелся следом.

- Вот видишь, Палладина, целый переполох учинила! – весело воскликнул Женечка, как только дверь закрылась, и стихли шаги и голоса на лестнице.

- Ну, это не самое страшное! Главное – теперь все в порядке, – услышала Ира донесшийся откуда-то сзади и сверху голос Радного.

Она не заметила сразу его присутствия и только сейчас поняла, что все это время одна ее рука постоянно находилась в его руке. Ее не испугала неожиданность. Она даже не вздрогнула, когда зазвучал его голос. Лишь дослушав до конца сказанное, лишь осознав, что он держит ее за руку, Ира почувствовала неописуемый, неистовый ужас. Именно ужас, вызванный именно его присутствием, а не испуг от неожиданности. Иру охватила паника, и она аж вскочила в кровати.

- Ти-ихо! – Радный налету поймал ее и бережно уложил обратно. – Ира, ты когда меня пугаться перестанешь, а? Ну неужто я страшнее дракона? А? Хотя, может, ты и права. Это ж еще как посмотреть! Правда? – Радный усмехнулся и принялся рассуждать с легкой улыбкой на устах. – Вот – дракон, да? Дракон, как дракон! Подумаешь, дракон! Эка невидаль! Сидит себе в пещерке крылатая ящерка размером с хорошего кита. Ну чего тут страшного-то, правда? – Радный подмигнул Ире. Она улыбнулась ему в ответ, однако, сердце ее продолжало бешено колотиться.

- Ничего-ничего! – подал голос, наполненный его излюбленным издевательским сарказмом, Женечка. – Пусть боится! Кстати, и положительный эффект налицо – двигательные функции восстановились.

- И то верно! – подхватил Радный. – Жень, пойду-ка я кофейку сварю, а то команда там внизу ни в жизнь не догадается.

- Давай!

В мозгу так и продолжало стучать: «Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала».

Ира с любопытством наблюдала за Женечкой и Радным: «Неужто всего за два месяца им удалось так проникнуться друг к другу?». Создавалось впечатление, будто Женечка и Радный знакомы, что называется, тыщу лет.

- Жень, что здесь случилось без меня? – спросила Ира, как только Радный вышел из спальни. – Расскажи, если, конечно, не считаешь, что это – праздное любопытство.

- Ой, Ирка! С некоторых пор я перестал считать вообще. Так что тебе рассказать-то?

- Всё!

- Прямо-таки и всё?! – Женечка рассмеялся. – Ладно. Как скажешь. Слушай.

И Женечка со своей обычной язвительностью в голосе принялся рассказывать:

- Одним чудесным сентябрьским деньком сижу я, значит, тружусь, никого не трогаю, и вдруг уже ближе к вечеру ко мне без предупреждения врывается совершенно ошалелый Зив и говорит, что они с Лоренцем тебя напрочь потеряли в районе Ажека. Я понимаю, что тоже твоего присутствия в пределах Земли не ощущаю, однако, пытаюсь его успокоить, что, мол, если помнишь, то подобное в прошлом году уже проходили. А он мне, что, мол, нет, нынче все совсем по-другому, что ты, оказывается, последнее время чуть ли не кончины собственной ждала, все на мир окружающий наглядеться не могла и в живописный реализм по этому поводу вдарилась. И даже сама сказала, что заканчивается, мол, твоя прогулка по висячему мостику. Потом, правда, пыталась их в серьезности своих намерений разубедить, и они даже повелись на твои успокоительные речи, но ты, видать, все как задумала, так и сделала. В общем, у меня голова кругом пошла.

Сначала попытались тебя вдвоем поискать. Утром я Влада в известность поставил. Он тут же оповестил Стаса. Стас приличия ради позвонил мне и буквально в сей же момент материализовался перед мои ясны очи. Он первым делом заверил меня, что у тебя все в полном порядке, по крайней мере, настолько, что постороннего вмешательства не требуется, даже если бы оно было возможным, что в данной сложившейся ситуации весьма затруднительно. А потом честно признался, куда тебя понесло.

Женечка сделал многозначительную паузу и не менее многозначительно посмотрел на Иру.

- Ира, в отличие от тебя, я помню, как мы с тобой играли в драконов, но при этом – опять-таки в отличие от тебя – я прекрасно знаю, что есть драконы по отношению к людям.

Видишь ли, в каждой игре – свои правила, и правила одной игры вовсе не распространяются на правила другой. Даже когда драконы бродили здесь почти что открыто, их предпочитали считать плодом воображения.

И вот мне сообщают, что к одной из этих милых зверушек ты, оказывается, и отправилась. Сама понимаешь, что моему счастью не было предела. Я высказал Стасу все, что думал по этому поводу, естественно, не особо стесняясь в выражениях, но тут в нашу дискуссию вмешались Зив и Лоренц и начали меня заверять, что зверушка действительно самая что ни на есть замечательная. В общем, добрейшей души зверушка! И если бы они сразу знали, что именно к ней ты и отправилась, то ни в коем случае не стали бы меня беспокоить. Я свой пыл вынужден был поумерить, но не сказал бы, что мне полегчало.

И тут явился Генка. Я ему все про тебя выложил, а он мне: «Да как ты можешь! Ты ведь сам дракон! Мы ведь создатели и хранители Вселенной!». Ну и все такое в том же духе.

Знаешь ли, у него есть отвратительная черта: то весь из себя слепой и глухой, а то такой прыткий!

Стас первые две недели не дергался, но потом и ему поплохело. В конечном итоге он дня на три исчез и, как я подозреваю, повидался с тем драконом. Вернулся он очень мрачным, но обнадеживающе сказал: «Ждем». И мы стали просто ждать.

А вчера – опять-таки ближе к вечеру – ко мне навёдался Лоренц и сообщил, что они с Зивом нашли твоё тело в саду. Я на ходу позвонил Стасу и сюда. Прибыли мы на место примерно одновременно. Видок у тебя был ну стопроцентный труп! Стас, правда, каким-то чудом нащупал пульс. Перенесли тебя в спальню. Ну труп как труп, только что не окоченевший.

Стас позвонил Поликарпычу, пояснив, что тот знает, что с тобой делать. Поликарпыч материализовался тут же. Впрочем, когда Стас взял тебя за руку, твоё дыхание стало заметным, и даже артерия на шее запульсировала. Поликарпыч же, осмотрев твоё тело, заверил, что никаких внутренних повреждений нет. Выгнал всех, около часа над тобой колдовал, а потом сказал, что если Стас не против, то будет здорово, если он подержит тебя за руку, пока ты не придёшь в себя. Поликарпыч рассчитывал, что на это понадобятся сутки, но тебе хватило и половины. Вот и вся история.

- Прошу прощения за причиненные волнения и доставленные неудобства.

- Ирка! С тобой все в порядке. Это – главное.

Женечка сел рядом и прижал ее к себе.

«Все в порядке... А в каком?», – подумала Ира.

Приняв решение отправиться в точку выбора, она ничего не ждала, ничего не предполагала, ни на что не рассчитывала, ни на что не надеялась и ни к чему не стремилась, но в то же время, это не было безразличием. Ира знала, что все, что она пережила в точке выбора, никогда не станет достоянием для её сознания в полной мере.

В памяти из «до» осталось время, проведенное с Пэфуэмом, густой золотистый свет и последняя промелькнувшая мысль, что, «если что», этот свет нужно обязательно здесь оставить. Из «после» так и стучащее в мозгу: «Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ. СВЕТ – Радный; Радный и я. Человеческое – Генка. «Некое средство» – Женечка и Гиала». Из всего этого достаточно определено Ира понимала только одно: это шифр, ключ, код доступа, каждый символ которого вмещает в себя столько всего, что Ира терялась в догадках, с чем же такие объёмы можно сопоставить. И все же хоть чуть разобраться с тем, что же это все значить, непреодолимо хотелось. Хотелось прямо сейчас, несмотря на осознание того, что все пережитое в точке выбора никогда не станет достоянием сознания в полной мере.

«Было – НАЙТИ. Стало – ПОНЯТЬ» – это, по всей видимости, символы прошлого и нынешнего предназначений.

“СВЕТ – Радный; Радный и я” – “СВЕТ” понятно, это густой золотистый свет, некое нечто, которое я якобы здесь оставила, чтобы... ну, в

общем, понятно. Но при чем здесь “Радный; Радный и я”? Может быть, этот СВЕТ как-то помог Радному пройти в сферу вышних? («Во, бред!» – пронеслась мысль по поводу собственных размышлений) Наверное, это так. Надо будет как-нибудь поговорить с ним об этом.

Дальше: “«Некое средство» – Женечка и Гиала” – «некое средство» сказал Радный, когда рассказывал о Женечке. Он сказал, что дает мне это самое некое средство, которое может оказаться очень нелишним в дальнейшем. Я тогда спросила, что это за средство, но он сказал, что расскажет об этом чуть позже, но мы тогда к этому так и не вернулись. Надо будет и об этом поговорить с ним.

Кажется, что-то пропустила... а: “Человеческое – Генка” – а вот это действительно полный бред! “Человеческое” – это примерно понятно, но при чем тут Генка?

Да уж... Похоже, истинная суть дракона по имени Ырза слишком высокого мнения об умственных способностях Ирины Борисовны Палладиной. Что ж, как не раз говорилось: главное – смирение. А смирение – это отказ от борьбы с обстоятельствами в пользу овладения собой, это самый эффективный способ не мешать себе, то есть не делать Я силой, противостоящей Аз».

Дверь открылась, и в спальню вошел Радный с подносом, на котором стояли три чашечки кофе и большая глубокая тарелка с зефиром. Они пили кофе и весело болтали о том, что Женечка только что поведал Ире, превращая все это в набор анекдотов. Радный заставил Иру съесть весь зефир. Когда кофе иссяк вместе с очередным анекдотом, Женечка поднялся и пошел изготавливать новую порцию.

- Ира, – начал Радный, едва Женечкины шаги стихли за дверью. – Ваше возвращение в бранный мир более чем красноречиво свидетельствует о Ваших дальнейших намерениях. И все же, позвольте спросить? – Радный замолчал, глядя на Иру.

После небольшой паузы поняв, что он более ничего не произнесет без ее разрешения, Ира сказала:

- Спрашивайте.

- To be or not to be?

Ира отрешенно посмотрела ему в глаза, задумчиво вздохнула, многозначительно улыбнулась и загадочно ответила:

- To be... continued...

2006-2009 гг.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ББК 84(2Рос-Рус)6
УДК 882
Т 77

Екатерина Трубицина

*Сказка с элементами реальности
(для взрослых)*

Книга I

Прогулка по висячему мостику

Авторская редакция (II)

Для оформления обложки использован фотоснимок
Элеоноры Терновской

Поделиться впечатлениями и заказать печатную версию книги
можно на сайте: book.inetsochi.ru

Трубицина Е. А.
Т 77 **aov**. Книга I. Прогулка по висячему мостику. – Вторая редакция. – Сочи:
авторское издание, 2012. – 636с.